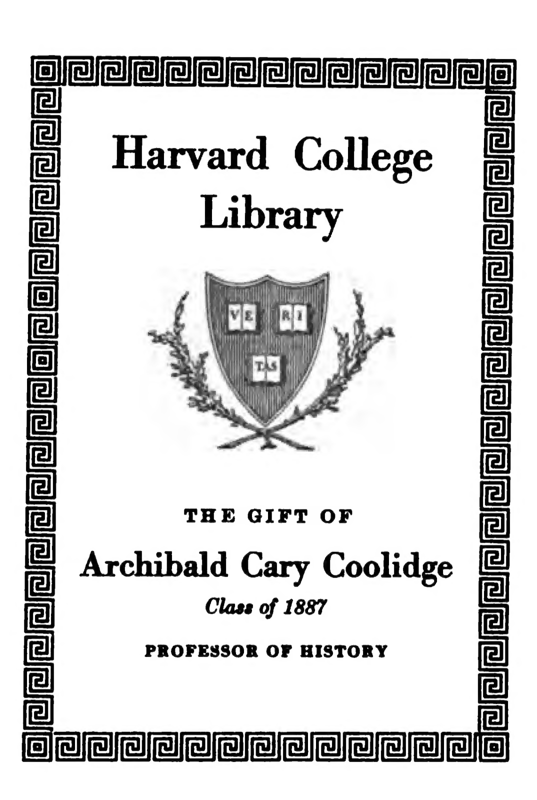

VE
RI
TAS

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. И. Иловайскаго.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

Смутное время Московскаго государства.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ:

Эпоха Михаила Θеодоровича Романова.

МОСКВА.
1894—1899.

СМУТНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

1603—1613 годы.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Соч. Д. Иловайскаго.

ОКОНЧАНІЕ

ИСТОРІИ РОССІИ

ПРИ ПЕРВОЙ ДИНАСТІИ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевскій пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1894.

I.

ПОЛЬСКІЯ КОЗНИ И НАЧАЛО САМОЗВАНСТВА.

Три фамиліи, виновныя въ самозванческой интригѣ.—Руководящее участіе въ ней Льва Сапѣги.—Первый самозванецъ.—Григорій Отрепьевъ.—Объявленіе названнаго Димитрія Вишневецкими и комедія съ примѣтами.—Роль Мнишковъ и самборское пребываніе Лжедимитрія.—Участіе нунція Рангони и Сигизмунда III.—Лжедимитрій въ Краковѣ.—Участіе іезуитовъ.—Покровители и противники обмана.—Мѣры Бориса Годунова и его суевѣріе.—Ошибочное отождествленіе Лжедимитрія съ Отрепьевымъ.—Участіе казачества.—Вербовка войска.—Походъ.—Первые успѣхи.—Петръ Басмановъ и неудачи Самозванца.—Его пораженіе у Добрыничей Кромы и новый поворотъ дѣла.—Пребываніе въ Путивлѣ.

Адскій замыселъ противъ Московскаго государства — замыселъ, плодомъ котораго явилось самозванство — возникъ и осуществился въ средѣ враждебной намъ польской и ополяченной западно-русской аристократіи. Три фамиліи были главными зачинщиками и организаторами этой гнусной польской интриги: коренные католики Мнишки, незадолго измѣнившіе православію Сапѣги и стоявшая уже на пути къ ополяченію или окатоличенію семья Вишневецкихъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга желалъ внести смуту въ Московское государство, чтобы ею могла воспользоваться Рѣчь Посполитая; слѣдовательно дѣйствовалъ въ видахъ политическихъ. Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірской, руководился по преимуществу личными интересами; этотъ старый интриганъ хотѣлъ поправить свое разстроенное состояніе и блистательнымъ образомъ пристроить одну изъ своихъ дочерей. А два брата Вишневецкихъ, Адамъ и Константинъ, повидимому вовлеклись въ интригу по свойству съ Мнишками. Адамъ еще держался православія, но отличался распущенными нравами; братъ же его Константинъ, женатый на Урсулѣ Мнишковнѣ, успѣлъ уже перейти въ католичество.

Идея самозванства вытекала почти сама собою изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда Московская Русь. Эта идея уже носилась въ воздухѣ со времени трагической смерти царевича Димитрія, которая безъ сомнѣнія продолжала служить въ народѣ предметомъ разнообразныхъ толковъ и пересудовъ. Отъ нихъ недалеко было и до появленія легенды о чудесномъ спасеніи, которому такъ склонна вѣрить всякая народная толпа, особенно недовольная настоящимъ, жаждущая перемѣнъ, и прежде всего, конечно, перемѣны правительственныхъ лицъ. Мы знаемъ, что Борису Годунову и по характеру своему, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ не удалось ни пріобрѣсти народное расположеніе, ни примирить съ необычайнымъ возвышеніемъ своей фамиліи старые боярскіе роды. Всякому постороннему наблюдателю была очевидна шаткость его положенія и непрочность новой династіи, еще неуспѣвшей пустить корней въ странѣ. Мысль выставить противъ Годуновыхъ хотя бы одну тѣнь прирожденнаго наслѣдника престолу должна была представиться очень соблазнительною; успѣхъ казался легко достижимымъ. Идея самозванства по всей вѣроятности не малое время носилась въ разныхъ головахъ и внутри Московскаго государства, и внѣ его предѣловъ, пока осуществилась на дѣлѣ. Гораздо удобнѣе могла она осуществиться, конечно, не внутри государства, а въ такой сосѣдней и непріязненной ему странѣ, какою была Рѣчь Посполитая съ ея своевольнымъ панствомъ и хищнымъ украинскимъ казачествомъ. Здѣсь уже и прежде практиковались опыты выставлять самозванцевъ для сосѣдей, а именно для Молдо-Валахіи. Во второй половинѣ XVI вѣка не одинъ смѣльчакъ, назвавшій себя сыномъ или родственникомъ какого-либо умершаго господаря, добывалъ, хотя бы и на короткое время, господарскій престолъ съ помощью вольныхъ казацкихъ дружинъ. (Къ числу такихъ самозванцевъ принадлежали извѣстные Ивоня и названный его братъ Подкова). Праздная, бурная часть польско-русской шляхты и казацкая вольница представляли готовый матеріалъ для всякаго отчаяннаго предпріятія, въ случаѣ успѣха обѣщавшаго богатую добычу и громкую славу. Если для добыванія господарскаго престола какой-нибудь Молдавіи претенденты собирали здѣсь тысячи смѣльчаковъ, то сколько же можно было найти ихъ для такого заманчиваго предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царскаго престола!

Кто былъ первый самозванецъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, можетъ быть современемъ объяснится какою нибудь счастли-

вою находкою, а можетъ быть навсегда останется тайною для исторіи. Есть глухое извѣстіе, которое называетъ его побочнымъ сыномъ Стефана Баторія, — извѣстіе само по себѣ достойное вниманія; но мы не можемъ ни принять его, ни отвергнуть за недостаткомъ болѣе положительныхъ данныхъ. Можемъ только заключать, что, по разнымъ признакамъ, это былъ уроженецъ Западной Руси и притомъ шляхетскаго происхожденія. Въ какой религіи онъ былъ воспитанъ, трудно сказать: можетъ быть, въ православной; а возможно, что онъ принадлежалъ къ реформаціи и даже къ столь распространенному тогда въ Литовской Руси аріанству. Во всякомъ случаѣ на историческую сцену молодой самозванецъ выступилъ изъ среды бѣднаго шляхетства, которое наполняло дворы богатыхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, нерѣдко переходя на службу отъ одного изъ нихъ къ другому. Это былъ хотя и легкомысленный, но несомнѣнно даровитый, предпріимчивый и храбрый человѣкъ, съ сильно развитой фантазіей и наклонностью къ романтическимъ приключеніямъ. Сдается намъ, что и самый толчокъ къ столь отчаянному предпріятію, самая мысль о самозванствѣ явилась у него не безъ связи съ романтическими отношеніями къ Маринѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, у котораго нѣкоторое время онъ, повидимому, находился на службѣ. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старымъ интриганомъ отцомъ, вскруживъ голову бѣдному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль. Какъ бы то ни было, сіе столь обильное послѣдствіями, предпріятіе, по нашему крайнему разумѣнію, получило свое таинственное начало въ семьѣ Мнишковъ, и было ведено съ ихъ стороны весьма ловко. Очевидно они разсчитывали: въ случаѣ удачи воспользоваться всѣми ея выгодами, а въ случаѣ неудачи остаться по возможности въ сторонѣ. Самое объявленіе названнаго царевича должно было совершиться не въ ихъ домѣ, а въ другомъ, хотя и родственномъ, именно у Вишневецкихъ, притомъ не у католика Константина Вишневецкаго, женатаго на Урсулѣ, младшей сестрѣ Марины, и слѣдовательно слишкомъ близкаго къ семьѣ Мнишковъ, а у его православнаго двоюроднаго брата Адама. Урсула конечно была въ этой интригѣ усерднымъ агентомъ своей старшей сестры, которая въ ожиданіи Московской короны успѣла уже сдѣлаться зрѣлою дѣвою.

Неизвѣстно, какимъ способомъ Мнишки съумѣли привлечь къ своей интригѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣгу; а, еще вѣроятнѣе, что онъ-то и былъ первымъ начинателемъ замысла и самихъ Мнишковъ натолкнулъ на это предпріятіе. Во всякомъ слу-

чаѣ его близкое участіе въ сей интригѣ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ сановникъ, вѣдавшій иноземныя сношенія, онъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; имѣлъ случай наблюдать его и собственными глазами, такъ какъ былъ посломъ въ Москвѣ еще въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Радѣя интересамъ Рѣчи Посполитой и своей новой религіи, т. е. католичеству, онъ сдѣлался ярымъ врагомъ Московской Руси и хотѣлъ широко воспользоваться обстоятельствами для своихъ политическихъ видовъ. Можно смѣло предположить, что онъ не только поощрилъ интригу Мнишковъ, но явился главнымъ ея двигателемъ, заставивъ втайнѣ дѣйствовать имѣвшіяся въ его распоряженіи государственныя средства. Въ ноябрѣ 1600 года, какъ извѣстно, Левъ Сапѣга вторично прибылъ въ Москву, въ качествѣ великаго посла отъ польско-литовскаго короля Сигизмунда III къ недавно воцарившемуся въ Москвѣ Борису Годунову, для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но при семъ онъ выставилъ такія невозможныя требованія и держалъ себя такъ надменно, что вызвалъ большіе споры и пререканія съ московскими боярами. Долго, около девяти мѣсяцевъ, Годуновъ задерживалъ это посольство—какъ оказалось потомъ, задерживалъ на свою голову, — пока заключено было двадцатилѣтнее перемиріе. Несмотря на строгій присмотръ, которымъ окружено было посольство, Сапѣга съумѣлъ войти въ какія-то тайныя сношенія съ нѣкоторыми противными Годунову дьяками и боярами, вообще развѣдать и подготовить, что̀ было нужно для дѣла самозванца. Мало того, есть полное основаніе полагать, что самъ этотъ будущій самозванецъ участвовалъ въ огромной польской свитѣ (заключавшей въ себѣ до 900 человѣкъ), и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ Москвою, ея дворомъ, населеніемъ и разными порядками. Повидимому онъ продлилъ свое пребываніе здѣсь и послѣ отъѣзда посольства, бродилъ по Московской Руси въ товариществѣ съ нѣсколькими монахами, переодѣтый чернецомъ, и при помощи какихъ-то доброхотовъ благополучно перебрался назадъ за литовскій рубежъ, сквозь пограничныя русскія заставы.

Въ числѣ помянутыхъ бродячихъ монаховъ, вмѣстѣ съ нимъ или отдѣльно отъ него ушедшихъ за литовскій рубежъ, находился и тотъ Григорій Отрепьевъ, котораго потомъ московское правительство объявило лицомъ тождественнымъ съ первымъ Лжедимитріемъ. Тождество сіе, по тщательному пересмотру вопроса, оказывается ложнымъ. Тѣмъ не менѣе бѣгство Отрепьева изъ Москвы и его прямое участіе въ дѣлѣ сомозванца едва ли подлежатъ сомнѣнію; хотя и нѣтъ пока

возможности достаточно выяснить его истинную роль въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно только, что Юрій Отрепьевъ былъ родомъ изъ галицкихъ боярскихъ дѣтей, въ дѣтствѣ остался сиротою послѣ отца Богдана, оказался способнымъ при обученіи грамотѣ, въ юности появился въ Москвѣ, жилъ нѣкоторое время въ услуженіи у бояръ Романовыхъ и ихъ свойственника князя Черкасскаго. Затѣмъ онъ становится монахомъ, принявъ имя Григорія, и попадаетъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ постригся дѣдъ его Замятня; тамъ вскорѣ его посвятили въ дьяконы. Своею грамотностію и сочиненіемъ каноновъ чудотворцамъ Григорій обратилъ на себя вниманіе самого патріарха Іова, который взялъ его къ себѣ; потомъ даже бралъ его съ собою въ царскую думу, гдѣ онъ наблюдалъ придворные и правительственные порядки Московскаго государства (чѣмъ и могъ впослѣдствіи быть полезенъ самозванцу). Но молодой Отрепьевъ любилъ выпить и былъ не въ мѣру болтливъ. Какія-то похвальбы или неосторожныя рѣчи о смерти царевича Димитрія, о возможности того, что царевичъ спасся отъ убійцъ и скоро объявится, навлекли на него подозрѣніе. Донесли о томъ патріарху; послѣдній не далъ вѣры; тогда донесли самому царю Борису. Тотъ велѣлъ дьяку Смирно̀му-Васильеву сослать нескромнаго монаха подъ начало въ Соловки за его яко бы занятія чернокнижествомъ. Но у Григорія нашлись заступники; дьякъ не спѣшилъ исполнить приказъ, а потомъ о немъ забылъ. Узнавъ о грозящей опасности, Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ двумя другими чернецами, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Послѣ разныхъ странствій и приключеній, бѣглецы перебрались за Литовскую границу, побывали въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ жили нѣкоторое время въ Острогѣ у извѣстнаго князя Константина-Василія Острожскаго. Отсюда Григорій отправился къ пану Гойскому въ его мѣстечко Гощу, которая тогда славилась своею аріанскою школою. А затѣмъ слѣдъ Григорія какъ бы пропадаетъ изъ глазъ исторіи. Вскорѣ въ Западной Руси объявился человѣкъ, назвавшій себя царевичемъ Димитріемъ.

Весьма возможно, что во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ какіе-то посредники привлекли Отрепьева къ задуманному предпріятію и свели его съ тѣмъ шляхтичемъ, который готовился принять на себя имя Димитрія. Можетъ быть, Отрепьевъ сдѣлался его руководителемъ въ странствованіяхъ и въ ознакомленіи съ Московскою Русью, а также однимъ изъ агентовъ для распространенія вѣсти о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія. По нѣкоторому извѣ-

стію, тотъ же Отрепьевъ изъ Литвы, и, конечно, не одинъ, ѣздилъ на Донъ, чтобы поднять казаковъ на помощь мнимому царевичу; а самъ этотъ мнимый царевичъ, повидимому, въ это время ѣздилъ на Запорожье съ тою же цѣлью. Наконецъ, имѣемъ довольно достовѣрное извѣстіе, что Григорій Отрепьевъ сопровождалъ Лжедимитрія при его походѣ въ Московское государство.

Темные слухи о какой-то интригѣ, переплетенной съ именемъ и судьбою царевича, рано дошли до Бориса и сильно его смутили. Едва ли не въ связи съ ними воздвигнуто было извѣстное гоненіе на семью Романовыхъ, а также ихъ родственниковъ и свойственниковъ Черкасскихъ, Репниныхъ, Сицкихъ и др. Гоненіе это началось какъ разъ во время Сапѣгина посольства. Предлогомъ для того, какъ извѣстно, послужили мѣшки съ какими-то подозрительными кореньями, яко бы найденными въ кладовой одного изъ братьевъ Романовыхъ. Точно также впослѣдствіи, когда гласно объявился названный Димитрій, Борисъ, узнавъ, что дьякъ Смирнóй-Васильевъ не исполнилъ его повелѣнія относительно Григорія Отрепьева, придумалъ для наказанія дьяка совсѣмъ иной предлогъ: царь велѣлъ провѣрить дворцовую казну; на Смирнова при этомъ сдѣлали большой начетъ, подвергли его правежу и забили до смерти.

И такъ 1600—1601 годы были эпохою первыхъ, неясныхъ слуховъ о самозванческой интригѣ. Та же эпоха отмѣчена несомнѣннымъ переломомъ въ поведеніи царя Бориса: онъ становится крайне подозрителенъ, поощряетъ шпіонство и доносы, ищетъ и преслѣдуетъ своихъ тайныхъ враговъ. Очевидно помянутые слухи подѣйствовали на него крайне раздражающимъ образомъ. Современныя свидѣтельства говорятъ, что не рѣшаясь прибѣгать къ явнымъ казнямъ, онъ приказываетъ изводить подозрѣваемыхъ людей разными другими способами: ихъ морили голодомъ въ тюрьмахъ, забивали палками, спускали подъ ледъ и т. п. Борисъ сталъ недовѣрчиво относиться къ сосѣдямъ; особенно опасался Поляковъ и ожидалъ оттуда грозы; ибо съ западнаго рубежа уже приходили зловѣщіе слухи о близкомъ появленіи Димитрія. Эти опасенія и тревожные слухи сообщались окружающимъ, а отъ нихъ проникали и въ народъ. По Москвѣ стали ходить разсказы о разныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, предвѣщавшихъ ужасныя бѣды со стороны Польши. Страшный голодъ, угнетавшій въ то время населеніе, казался только началомъ великихъ бѣдствій, долженствовавшихъ разразиться надъ Русскою землею.

Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, объявился

приблизительно во второй половинѣ 1603 года. Объявился онъ въ числѣ слугъ богатаго западно-русскаго вельможи князя Адама Вишневецкаго, въ его мѣстечкѣ Брагинѣ, которое было расположено недалеко отъ Днѣпра, почти на самомъ пограничьѣ съ Московскою Сѣверщиной. Названный Димитрій представлялъ изъ себя хотя молодого человѣка, но уже не первой молодости,—бывшаго по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ старше убитаго царевича. Небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, онъ отличался физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ; у него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое некрасивое лицо; за то онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ слова и притомъ нелишенъ былъ нѣкотораго образованія. Вообще онъ былъ способенъ при случаѣ производить впечатлѣніе и убѣждать, увлекать за собой другихъ. Тѣ, которые выставили его, безъ сомнѣнія приняли въ разсчетъ всѣ эти качества.

Объявленіе названнаго царевича произошло какъ бы случайно. По этому поводу существуютъ разные разсказы, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Такъ, по одному извѣстію, молодецъ сказался опасно больнымъ и позвалъ для предсмертной исповѣди священника; а сему послѣднему за великую тайну сообщилъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и просилъ послѣ его смерти прочесть скрытый подъ постелью свитокъ, который все разъяснитъ. Священникъ сообщилъ о семъ самому пану, т. е. князю Адаму; а тотъ поспѣшилъ конечно взять указанный свитокъ, и узналъ изъ него, что въ числѣ его слугъ скрывался никто иной какъ самъ московскій царевичъ Димитрій, яко бы чудеснымъ образомъ спасенный отъ гибели, которую готовилъ ему Борисъ Годуновъ. Обрадованный князь Адамъ тотчасъ началъ оказывать всевозможныя почести мнимобольному, который, разумѣется, не замедлилъ выздоровѣть. По другой баснѣ, открытіе произошло въ банѣ, гдѣ князь Адамъ, за что̀-то разсердясь на слугу, ударилъ его. Тотъ горько заплакалъ и сказалъ, что если бы князь зналъ, кто онъ такой, то иначе обращался бы съ нимъ. И затѣмъ по настоянію пана открылъ ему свое царственное происхожденіе. Само собой разумѣется, что объявленіе мнимаго царевича должно было произойти вслѣдствіе той или другой случайности, заранѣе условленной между Вишневецкимъ и другими главными дѣйствующими лицами. Разсказъ Лжедимитрія о его спасеніи и послѣдующей судьбѣ заключался въ немногихъ словахъ: какой-то приближенный человѣкъ или его докторъ, узнавъ о готовившейся царевичу гибели, подмѣнилъ его на ночь другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. За-

тѣмъ доброхоты царевича скрыли его куда-то и воспитывали въ неизвѣстности; потомъ онъ подъ видомъ чернеца странствовалъ по монастырямъ, пока не ушелъ въ Литву. Не говоря уже о небываломъ ночномъ убійствѣ, никакихъ точныхъ указаній на лица и обстоятельства, никакихъ достовѣрныхъ подробностей онъ не могъ представить; только показывалъ золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями и будто бы данный ему крестнымъ отцомъ, покойнымъ княземъ Ив. Ѳед. Мстиславскимъ. И однако вся эта явно сочиненная, нелѣпая басня имѣла потомъ полный успѣхъ; ибо нашла весьма благопріятную для себя почву и какъ бы отвѣчала на потребность времени. Даже нѣкоторыя тѣлесныя отличія или примѣты самозванца и тѣ пошли въ дѣло; у него оказалась бородавка на щекѣ, родимое пятнышко на правомъ плечѣ и одна рука короче другой. Эти примѣты объявлены принадлежавшими маленькому царевичу Димитрію, и съ нихъ начато было удостовѣреніе въ его подлинности.

Распустивъ по окрестностямъ извѣстіе о новоявленномъ царевичѣ, Адамъ Вишневецкій спѣшилъ какъ бы подѣлиться своею радостью съ братомъ Константиномъ, и изъ Брагина самъ повезъ мнимаго Димитрія къ нему на Волынь, гдѣ были обширныя помѣстья Вишневецкихъ и самое гнѣздо фамиліи—зàмокъ Висневецъ, расположенный на берегахъ Горыни. Здѣсь устроена была слѣдующая комедія, съ помощью канцлера Льва Сапѣги. У сего послѣдняго находился въ услуженіи какой-то бѣглый москвитинъ, называвшій себя Юріемъ Петровскимъ. Онъ говорилъ о себѣ, будто бывалъ въ Угличѣ и видалъ маленькаго царевича. Вишневецкіе призвали его и показали ему названнаго Димитрія. Слуга какъ только осмотрѣлъ вышеуказанныя примѣты, такъ и воскликнулъ: „Да, это истинный царевичъ Димитрій!“ Константинъ Вишневецкій тоже не долго мѣшкалъ у себя съ новооткрытымъ царевичемъ, и повезъ его въ Червонную Русь къ своему тестю Юрію Мнишку, въ зàмокъ Самборъ. Этотъ деревянный зàмокъ былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, на верхнемъ теченіи Днѣстра, и служилъ средоточіемъ королевскихъ столовыхъ имѣній того края или такъ называемой „экономіи“. Мнишекъ, въ молодые годы вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ бывшій любимцемъ и самымъ приближеннымъ человѣкомъ короля Сигизмунда II Августа, подъ старость съумѣлъ втереться въ милость Сигизмунда III, получилъ отъ него воеводство Сендомірское, староство Львовское и управленіе Самборской экономіей.

Старый интриганъ ловко разыгралъ радушнаго хозяина, удивлен-

наго и обрадованнаго прибытіемъ столь неожиданнаго и высокаго гостя. Повторилась та же комедія съ примѣтами. Въ Самборѣ оказался слуга, при осадѣ Пскова попавшій въ московскій плѣнъ и будто бы во время своего плѣна видавшій царевича Димитрія. Теперь онъ призналъ его въ неожиданномъ гостѣ. Потомъ стали пріѣзжать разные московскіе выходцы, бѣжавшіе въ Литву при Иванѣ IV или при Годуновѣ, и такъ какъ имъ не было никакого интереса отрицать басню, на которой настаивали въ Самборѣ, то они охотно подтверждали признаніе. (Напримѣръ, братья Хрипуновы). Названный Димитрій замѣшкался здѣсь на продолжительное время; что несомнѣнно выдаетъ значеніе Самборскаго воеводскаго двора какъ главнаго очага интриги. Мнишекъ сталъ приглашать окрестныхъ пановъ съ ихъ семьями и задавать пиры въ честь мнимаго царевича, стараясь какъ можно болѣе сдѣлать его извѣстнымъ, расположить въ его пользу польско-русскую шляхту и подготовить ея участіе въ его предпріятіи. Отъ многочисленныхъ гостей не скрывалось его настойчивое ухаживаніе за панной Мариной Мнишковной, которая играла конечно роль царицы Самборскихъ празднествъ и баловъ, питая сладкую надежду вскорѣ сдѣлаться царицею Московскою. По наружности своей Марина была подъ стать Лжедимитрію, ибо отнюдь не представляла изъ себя какой-либо выдающейся красавицы; небольшого роста, худенькая брюнетка или шатинка, съ довольно неправильными чертами лица, она привлекала вниманіе мужчинъ парою пригожихъ глазъ, живостью характера и истинно польскою кокетливостью.

Пока молодежь предавалась здѣсь танцамъ и веселью, а старшее поколѣніе упивалось венгерскимъ, шла дѣятельная работа по разнымъ тайнымъ сношеніямъ. Съ одной стороны вѣрные агенты ѣздили къ Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ поднимать ихъ на службу названному царевичу, обѣщая великія и щедрыя награды; а съ другой велись усердные переговоры съ Краковскимъ королевскимъ дворомъ.

Безъ прямого покровительства и содѣйствія короля трудно, почти невозможно было разсчитывать на успѣшный исходъ предпріятія. Коноводы его повели на Сигизмунда III приступы съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны дѣйствовали внушенія канцлера Сапѣги и нѣкоторыхъ единомышленныхъ съ нимъ сановниковъ, напримѣръ, виленскаго епископа Венедикта Войны и краковскаго воеводы Николая Зебжидовскаго. Они представили королю тѣ выгоды, которыя могла получить Рѣчь Посполитая въ случаѣ удачи отъ человѣка, посаженнаго ею на престолъ Московскаго государства, а въ случаѣ неудачи отъ имѣвшей произойти тамъ смуты. Главнымъ образомъ конечно имѣлось въ виду от-

торженіе отъ Москвы областей Сѣверской и Смоленской, входившихъ когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго. Лично для Сигизмунда являлась надежда отвлечь Москву отъ союза съ его дядею Карломъ, захватившимъ Шведскій престолъ, и даже съ ея помощью воротить себѣ этотъ престолъ. Съ другой стороны начинатели дѣла постарались затронуть извѣстную католическую ревность Сигизмунда III и обратились къ помощи высшаго духовенства. У Мнишка и тутъ были сильныя связи; такъ кардиналъ-епископъ краковскій Бернардъ Мацѣйовскій приходился родственникомъ, и началъ охотно помогать ему въ семъ дѣлѣ. Еще важнѣе то, что Мнишку удалось пріобрѣсти усерднаго себѣ пособника въ лицѣ папскаго нунція Клавдія Рангони. Юрій Мнишекъ писалъ къ нему самъ, заставлялъ писать и Лжедимитрія. Рангони пока не отвѣчалъ послѣднему, но письма его сообщалъ въ Римъ при своихъ донесеніяхъ. Въ первыхъ сообщеніяхъ, отправленныхъ въ ноябрѣ 1603 года, нунцій приводитъ слышанную имъ отъ самого короля басню о чудесномъ спасеніи царевича, повидимому не настаивая на ея достовѣрности. Самъ папа Климентъ VIII отнесся къ ней въ началѣ недовѣрчиво, и написалъ на донесеніи нунція: „это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго“ (извѣстнаго Лжесебастіана). Тѣмъ не менѣе католичество и папство не могли конечно устоять противъ, указанной Мнишкомъ, столь соблазнительной перспективы, какъ распространеніе только-что введенной въ Западной Руси церковной уніи и на всю Восточную Русь посредствомъ будущаго самодержавнаго царя, выражающаго явную склонность немедленно перейти въ католицизмъ. По сему вопросу начались дѣятельные переговоры между Краковымъ и Самборомъ съ одной стороны и между Краковымъ и Римомъ съ другой, въ смыслѣ благопріятномъ для самозванца. Изъ роли наблюдателя Рангони скоро перешелъ къ роли усерднаго его сторонника.

При всей недальновидности своей, Сигизмундъ III понималъ, что имѣетъ дѣло съ грубымъ обманомъ; однако уступилъ помянутымъ внушеніямъ и позволилъ вовлечь себя въ это гнусное дѣло. Свое участіе онъ началъ какъ бы съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожности. Въ январѣ слѣдующаго 1604 года отъ Краковскаго двора посланъ былъ въ Самборъ для повѣрки личности Димитрія какой-то ливонецъ, будто бы нѣкогда находившійся у него въ услуженіи въ Угличѣ. Произошла новая комедія взаимнаго признанія. Названный Димитрій узналъ яко бы своего бывшаго слугу; а сей послѣдній узналъ Димитрія по его отличительнымъ знакамъ, особенно по его

неровной длины рукамъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, и этотъ лжесвидѣтель былъ подставленъ все тѣмъ же Львомъ Сапѣгой. Послѣ того, по приглашенію короля, въ мартѣ 1604 года, Лжедимитрій вмѣстѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ остановился въ домѣ Мнишка. Вкорѣ туда же пріѣхалъ самъ хозяинъ, и также усердно началъ задабривать вліятельныхъ лицъ, знакомя ихъ съ мнимымъ царевичемъ, стараясь ласкательствомъ и угощеніями привлечь ихъ на его сторону. 13-го марта Мнишекъ давалъ пиръ для сенаторовъ. На этомъ пиру Рангони впервые увидалъ Лжедимитрія. Въ его донесеніи Риму, по поводу перваго впечатлѣнія, уже замѣтно явное пристрастіе. „Димитрій—пишетъ онъ—молодой человѣкъ съ хорошею выдержкой, смуглымъ лицомъ и большимъ пятномъ на носу противъ праваго глаза; бѣлая продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ, а въ его поступкахъ и манерахъ отражается по истинѣ что̀-то великое“.

Спустя два дня послѣ того, покровители Самозванца, съ папскимъ нунціемъ во главѣ, добились самаго важнаго: Лжедимитрій былъ принятъ королемъ на аудіенціи. На ней присутствовали только немногіе сановники, каковы вице-канцлеръ, надворный маршалъ, королевскій секретарь, виленскій епископъ Война и тотъ же нунцій Рангони. Сендомірскій воевода сопровождалъ своего будущаго зятя во дворецъ; но во время аудіенціи оставался въ передней комнатѣ. Король съ горделивою осанкою, имѣя шляпу на головѣ, стоялъ, опершись одною рукою на маленькій столикъ; а другую протянулъ вошедшему Лжедимитрію. Тотъ смиренно ее поцѣловалъ; а затѣмъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ о своихъ правахъ на московскій престолъ и своемъ спасеніи отъ козней Годунова. Оправясь отъ перваго смущенія, мнимый царевичъ началъ просить короля о помощи и даже напомнилъ ему, какъ онъ самъ родился узникомъ (во время заключенія его отца Іоанна, гонимаго своимъ братомъ королемъ шведскимъ Эрихомъ) и какъ много претерпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Сигизмундъ далъ ему знакъ удалиться; послѣ чего нѣсколько времени совѣщался съ нунціемъ и вельможами. Мнимаго царевича позвали снова, и тутъ вице-канцлеръ Пстроконскій держалъ къ нему отвѣтную рѣчь такого содержанія: король соизволилъ объявить, что вѣритъ словамъ просителя, признаетъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ назначить ему денежное вспоможеніе и разрѣшаетъ ему искать совѣта и помощи у королевскихъ дворянъ. Лжедимитрій выслушалъ этотъ отвѣтъ въ почтительной позѣ, съ наклоненной головой и сложенными на груди

руками. Подѣйствовали ли на дерзкаго обманщика сухость и торжественность королевскаго пріема, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего ничтожества, или онъ ожидалъ болѣе существенныхъ знаковъ вниманія; только Самозванецъ пришелъ еще въ большее смущеніе, такъ что не сказалъ ни слова, и нунцій за него обратился къ королю съ выраженіемъ благодарности.

Хотя король не обѣщалъ прямой государственной помощи, да и не могъ ея обѣщать безъ согласія сейма; однако, благодаря означенной аудіенціи, предпріятіе Лжедимитрія дѣлало большой шагъ впередъ: онъ былъ признанъ царевичемъ, могъ теперь свободно вербовать себѣ сторонниковъ и готовить военную экспедицію. Спустя нѣсколько дней, онъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ сдѣлалъ парадный визитъ папскому нунцію уже какъ московскій царевичъ; при чемъ толпы народа сбѣжались посмотрѣть на иноземнаго принца, который привлекалъ общее вниманіе вслѣдствіе успѣвшихъ уже распространиться толковъ о его чудесномъ спасеніи. Мнимый царевичъ благодарилъ нунція за его ходатайство передъ королемъ и просилъ о таковомъ же передъ Римскимъ престоломъ, изъявляя свое глубокое уваженіе къ святѣйшему отцу и обѣщая заодно съ другими европейскими государями вооружиться противъ враговъ св. креста (Турокъ), когда онъ возсядетъ на своемъ наслѣдственномъ тронѣ. Нунцій похвалилъ его чувства; но не преминулъ напомнить, что пора исполнить его обѣщаніе и перейти въ лоно католической церкви. Лжедимитрій не заставилъ себя долго убѣждать, и его обращеніе вскорѣ совершилось, при помощи извѣстныхъ мастеровъ этого дѣла, т. е. отцовъ іезуитовъ.

Трудно сказать съ точностію, когда именно Іезуитскій орденъ вмѣшался въ сію польскую интригу. Если вѣрить извѣстію, выходящему изъ среды самого ордена, то Лжедимитрій впервые вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими іезуитами только по пріѣздѣ въ Краковъ и при посредствѣ самборскаго священника Помаскаго. Этотъ Помаскій и нѣкоторые монахи францисканскаго ордена или бернардины, какъ ихъ называли въ Польшѣ, подготовили Лжедимитрія къ принятію католицизма; а іезуитамъ нунцій поручилъ собственно довершить его обращеніе. Дѣло это не представляло никакой трудности; ибо Самозванецъ отлично понималъ, что только подъ симъ условіемъ онъ могъ разсчитывать въ Польшѣ на покровительство и помощь со стороны короля и могущественнаго духовенства. А потому онъ самъ шелъ на встрѣчу католическимъ убѣжденіямъ, и, ни во что̀ самъ не вѣруя серьезно, показывалъ видъ, что очень занятъ вопросомъ объ истинной

церкви, что склоненъ признать таковою католичество, только его будто бы волнуютъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ желалъ бы разсѣять. По его просьбѣ воевода краковскій Зебжидовскій устроилъ ему въ своемъ домѣ свиданіе съ двумя іезуитскими патерами, Гродзицкимъ и Савицкимъ; но свиданіе это было обставлено таинственностію, чтобы не возбуждать подозрѣній со стороны тѣхъ русскихъ людей, которые уже успѣли пристать къ Самозванцу и состояли въ его свитѣ. Въ бесѣдѣ съ іезуитами Лжедимитрій высказалъ свои сомнѣнія относительно трехъ извѣстныхъ пунктовъ: догмата о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, причастія подъ однимъ видомъ и папы какъ намѣстника Христова. Произошли довольно оживленныя пренія; при чемъ іезуиты замѣтили, что названный царевичъ въ значительной степени напитанъ аріанскою ересью. Несмотря на многія его возраженія, разумѣется, они постарались устранить всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія, такъ что въ концѣ бесѣды онъ казался убѣжденнымъ ихъ доводами и высказалъ желаніе ввести святую унію въ Московскомъ государствѣ, когда возсядетъ на отцовскомъ престолѣ. Однако хитрый Самозванецъ сдался не вдругъ. Потребовалось еще новое его преніе съ іезуитами, которое происходило въ домѣ отцовъ бернардиновъ. Тутъ онъ изъявилъ наконецъ желаніе исповѣдаться и причаститься по католическому обряду въ самый день наступавшей Пасхи. Всѣ эти тайные переговоры и бесѣды велись подъ руководствомъ нунція, которому іезуиты подробно обо всемъ доносили. Въ обсужденіи дѣла принимали участіе главнѣйшіе изъ членовъ іезуитскаго ордена, находившихся въ Краковѣ, въ томъ числѣ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга и духовникъ короля Фридрихъ Барщъ, кромѣ того воевода Зебжидовскій, сдѣлавшійся усерднымъ покровителемъ Самозванца. По просьбѣ этого плута, воевода устроилъ ему тайное свиданіе съ патеромъ Савицкимъ, котораго тотъ выбралъ себѣ въ духовные отцы.

Въ Краковѣ существовало братство Милосердія; оно было основано Скаргою и въ немъ участвовали нѣкоторые знатнѣйшіе сановники. Въ послѣдніе дни Страстной недѣли братчики имѣли обычай одѣваться въ рубище и собирать милостыню для своего братства. Зебжидовскій какъ членъ его, а вмѣстѣ съ нимъ Лжедимитрій, переодѣтые нищими и прося милостыню, пробрались 17-го апрѣля въ Страстную субботу къ церкви св. Варвары, находившейся въ вѣдѣніи іезуитской коллегіи. Здѣсь настоятель церкви, патеръ Савицкій, исповѣдалъ Самозванца. Патеръ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что передъ исповѣдью, желая разсѣять сомнѣнія въ подлинности царевича (гос-

подствовавшія въ польскомъ обществѣ), краснорѣчиво убѣждалъ его открыть всѣ свои тайные помыслы, если хочетъ получить Божью помощь въ своемъ трудномъ предпріятіи. Лжедимитрій смутился было при этихъ словахъ; но скоро овладѣлъ собою, и началъ увѣрять въ правотѣ своего дѣла; затѣмъ, упавъ на колѣни, сталъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Получивъ разрѣшеніе отъ нихъ по правиламъ католической церкви, онъ соединился съ Зебжидовскимъ, который ожидалъ его на хорахъ; принявъ снова видъ нищихъ, они воротились домой.

Спустя нѣсколько дней, т. е. на Святой недѣлѣ, 24-го апрѣля, Самозванецъ имѣлъ вторую аудіенцію у короля, прощальную; при чемъ получилъ отъ него разные подарки, какъ-то золотую цѣпь на шею съ медальоннымъ его портретомъ и куски шитой золотомъ и серебромъ парчи на платье. Кромѣ того, король назначилъ ему ежегодную пенсію или субсидію въ 4,000 злотыхъ, которую Мнишекъ долженъ былъ выплачивать изъ доходовъ Самборской экономіи—субсидія не особенно щедрая; но король извинялся тѣмъ, что пока не можетъ дать болѣе, а развѣ увеличитъ ее впослѣдствіи. Самозванецъ униженно благодарилъ за милости. Изъ королевскаго дворца, по заранѣе условленному плану, онъ отправился къ нунцію какъ бы для того, чтобы проститься съ нимъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы тайкомъ отъ своей русской свиты принять изъ его рукъ причастіе. Его вмѣстѣ съ Мнишкомъ провели въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ уже были приготовлены алтарь и всѣ принадлежности для исполненія католической мессы, которую нунцій и совершилъ торжественно; ему прислуживали два капелана; кромѣ нихъ былъ еще только патеръ Савицкій. Во время служенія Рангони причастилъ Лжедимитрія и совершилъ надъ нимъ обрядъ мѵропомазанія. По окончаніи мессы алтарь вынесли. Нунцій подарилъ новообращенному восковое позолоченное изображеніе Агнца и 25 венгерскихъ золотыхъ. Самозванецъ горячо благодарилъ его, выражалъ большую радость о своемъ обращеніи; обѣщалъ ввести унію на мѣсто „греческой схизмы“ въ своемъ государствѣ, и, упавъ на колѣни, хотѣлъ облобызать ноги нунція, какъ представителя его святѣйшества папы, не имѣя возможности облобызать ихъ у него самого. Рангони однако не допустилъ мнимаго царевича до такого униженія, а поспѣшилъ его поднять и заключить въ свои объятія. При семъ Самозванецъ вручилъ ему свое посланіе къ Клименту VIII, которое было имъ написано по-польски, а патеромъ Савицкимъ переведено на латинскій языкъ. Въ посланіи этомъ повторялись тѣ же выраженія радости о своемъ присоединеніи къ святой Римской церкви

и тѣ же обѣщанія ввести унію въ Московскомъ народѣ по достиженіи прародительскаго престола; для чего мнимый царевичъ умолялъ святѣйшаго папу не лишать его своей поддержки и милости.

Въ наружномъ рвеніи къ католической церкви нашъ неофитъ, ищущій Московскаго престола, пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ нунцію свое яко бы тяжкое недоумѣніе по слѣдующему поводу. По существующему въ Москвѣ обычаю, новый царь послѣ обряда коронаціи принимаетъ св. Причастіе изъ рукъ патріарха; какъ теперь ему поступить, т. е. принять ли таинство изъ рукъ схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнѣніе, а обѣщалъ донести о томъ въ Римъ. (Откуда впослѣдствіи получился отвѣтъ отрицательный). За то онъ собственною властію разрѣшилъ ему по постамъ кушать скоромное; такъ какъ постное оказывалось вреднымъ для его драгоцѣннаго здоровья. Далѣе, Самозванецъ просилъ назначить къ нему въ Москву священника изъ среды іезуитовъ, и нунцій озаботился сообщить о томъ ихъ польскому провинціалу. Вообще разставанье было трогательное: съ той и другой стороны выражены самыя теплыя чувства, пожеланія и надежды. Надобно отдать справедливость лицедѣйскому таланту молодого Лжедимитрія и дипломатическому искусству его руководителя стараго Мнишка: имъ удалось опутать, провести и заставить служить своимъ личнымъ цѣлямъ даже такихъ знаменитыхъ, искушенныхъ въ политической интригѣ дѣятелей, каковы Римская курія и Іезуитскій орденъ. Этихъ дѣятелей, очевидно, подкупали лицемѣрная преданность католичеству со стороны новообращеннаго искателя приключеній и его якобы искреннія обѣщанія ввести унію въ Московскомъ государствѣ; хотя въ подлинность его царскаго происхожденія тогда въ Краковѣ едва ли кто вѣрилъ, и многіе Поляки открыто называли его самозванцемъ; о чемъ помянутый патеръ Савицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

Въ виду невыгодныхъ толковъ о новоявленномъ московскомъ царевичѣ, самъ Сигизмундъ III, какъ ни подстрекали его свѣтскіе и особенно духовные покровители Лжедимитрія, затруднялся выступить въ этомъ случаѣ открыто и рѣшительно. Онъ попытался заручиться согласіемъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, и разослалъ имъ письма, приглашая ихъ высказать свои мнѣнія о дѣлѣ царевича; при чемъ указывалъ на тѣ выгоды, которыя могла бы извлечь изъ него Рѣчь Посполитая. Но отвѣты, полученные имъ, большею частію оказались или уклончивые или прямо неблагопріятные: сенаторы не совѣтовали рисковать вмѣшательствомъ въ это дѣло, и ради какого-то сомнитель-

наго претендента нарушить недавно заключенное перемиріе съ Москвою, утвержденное торжественною присягою. Король по преимуществу старался склонить въ пользу предпріятія коронпаго канцлера и гетмана Яна Замойскаго, и думалъ плѣнить его мыслію о будущемъ тѣсномъ союзѣ съ Московскимъ царемъ, о его помощи противъ Шведовъ и особенно противъ Турокъ, столь еще грозныхъ христіанскому міру; при чемъ внушалъ, что такое щекотливое дѣло не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію на сеймѣ. Но маститый государственный человѣкъ рѣшительно высказался и противъ подлинности Димитрія, и противъ нарушенія перемирія; онъ совѣтовалъ во всякомъ случаѣ отложить это дѣло до ближайшаго сейма, который имѣлъ открыться въ январѣ слѣдующаго 1605 года. Тщетно Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ принимался писать Замойскому, убѣждая его оказать участіе московскому царевичу, въ подлинности котораго будто бы не слѣдуетъ сомнѣваться, и толковалъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для Рѣчи Посполитой. Руководимый Мнишкомъ, Лжедимитрій тоже обращался къ Замойскому съ униженною просьбою о помощи. Канцлеръ отвѣчалъ Мнишку уклончиво, а письма Самозванца оставилъ безъ отвѣта. Кромѣ Замойскаго, открытыми противниками дерзкаго предпріятія заявили себя извѣстный ревнитель православія, кіевскій воевода, престарѣлый Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ, краковскій каштелянъ. Къ противникамъ сего предпріятія, хотя и не столь рѣшительнымъ, принадлежали родственникъ Замойскаго, товарищъ его по гетманству, т. е. польный коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, воевода брацлавскій князь Збаражскій и нѣкоторые другіе. Но покровители превосходили ихъ числомъ, искусствомъ въ интригѣ и усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Напомнимъ, что кромѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, тутъ дѣйствовали нунцій Рангони, кардиналъ-епископъ Мацѣйовскій, литовскій канцлеръ Сапѣга, виленскій каштелянъ Іеронимъ Ходкевичъ, виленскій епископъ Война и братъ его литовскій подканцлеръ, воевода краковскій Зебжидовскій, коронный подканцлеръ Пстроконскій и еще нѣкоторые менѣе важные сановники; притомъ они имѣли на своей сторонѣ короля.

Итакъ въ концѣ апрѣля 1604 года Лжедимитрій съ Мнишкомъ воротился въ Самборъ, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они занимались приготовленіями къ походу, т. е. вербовкою военныхъ людей, ихъ снаряженіемъ и организаціей, производившимися по преимуществу на средства Мнишковъ и Вишневецкихъ. Сборнымъ пунктомъ навербованныхъ людей сдѣлался Львовъ, главный городъ Русскаго

воеводства; ибо Юрій Мнишекъ въ числѣ своихъ сановъ имѣлъ и львовское староство. Рядомъ съ этими приготовленіями, въ Самборскомъ зàмкѣ пошли опять празднества и угощеніе окрестной шляхты; при семъ хозяинъ уже не скрывалъ своихъ отношеній къ мнимо-высокому гостю какъ къ своему будущему зятю. А съ симъ послѣднимъ онъ заключилъ формальныя письменныя условія, на основаніи которыхъ соглашался жертвовать своимъ состояніемъ при добываніи ему Московскаго престола, а когда онъ сядетъ на этотъ престолъ, то выдать за него свою дочь Марину. До насъ дошли двѣ такихъ договорныхъ грамоты, въ которыхъ Самозванецъ именуетъ себя „Димитріемъ Ивановичемъ, Божіею милостію царевичемъ Великой Россіи, Углицкимъ и пр.“. Одною изъ нихъ, данною въ маѣ 1604 года, онъ, по достиженіи престола, обязывается: 1) уплатить воеводѣ Сендомірскому милліонъ злотыхъ на покрытіе его долговъ и на расходы по снаряженію панны Марины въ Москву; при чемъ доставить ей изъ московской царской казны драгоцѣнности и столовое серебро; 2) прислать торжественное посольство польскому королю съ просьбою дать его согласіе на бракъ съ Мариной; 3) отдать ей въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми ихъ уѣздами и населеніемъ; 4) предоставить ей полную свободу вѣроисповѣданія съ правомъ держать при себѣ латинскихъ священниковъ и строить латинскіе костелы въ своихъ владѣніяхъ; 5) ввести въ своемъ государствѣ римскую вѣру. Въ другой грамотѣ, данной въ іюнѣ, Самозванецъ идетъ еще далѣе по части раздробленія своего будущаго государства: онъ обязывается отдать своему тестю, Юрію Мнишку, часть Смоленской и Сѣверской земли; при чемъ упоминается о какой-то предшествующей грамотѣ, по которой остальная часть этихъ земель уступалась королю и польской Рѣчи Посполитой.

Эти документы ясно свидѣтельствуютъ, до какой степени простиралось легкомысліе и Самозванца, и его пособниковъ-руководителей, съ королемъ Сигизмундомъ во главѣ, — которые принялись дѣлить шкуру еще незатравленнаго медвѣдя. Очевидно, Лжедимитрій не стѣснялся ничѣмъ по части обязательствъ: онъ уже такъ далеко зашелъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, что ничего не оставалось какъ обѣщать направо и налѣво самыя неисполнимыя вещи, лишь бы не останавливаться и идти впередъ. ([1]).

Посмотримъ теперь, какъ эти событія отозвались въ Москвѣ.

Когда пришла сюда вѣсть, что въ Литвѣ уже открыто объявился царевичъ Димитрій, царь Борисъ, по выраженію лѣтописца, ужаснулся.

Онъ понялъ всю грозившую ему опасность и почувствовалъ, какъ заколебалась подъ нимъ почва. Едва ли эта вѣсть была для него неожиданностью; при своей крайней подозрительности и благодаря многочисленнымъ шпіонамъ, онъ могъ заранѣе къ ней приготовиться. Тѣмъ не менѣе она произвела страшное впечатлѣніе, и при всей изворотливости своей Борисъ не могъ придумать ни одной дѣйствительной мѣры для борьбы съ надвигавшейся грозой. Первымъ стараніемъ его было по возможности скрыть грозную вѣсть отъ народа и для того прекратить почти всякія сообщенія съ литовскимъ зарубежьемъ. Около того времени въ Смоленской области распространилось моровое повѣтріе, и по сему случаю учреждены были заставы по дорогамъ, ведущимъ изъ этой области въ Москву. Борисъ воспользовался тѣмъ же предлогомъ и велѣлъ умножить заставы такъ, чтобы изъ Литвы не переходило никакихъ вѣстей въ пограничныя области. Въ то же время онъ разослалъ многихъ лазутчиковъ провѣдывать о самозванцѣ. Слухи о немъ распространились уже за предѣлы Польши. Такъ императоръ Германскій, въ іюнѣ 1604 года, чрезъ особаго посланника извѣщалъ Бориса, какъ союзнаго себѣ государя, о появленіи въ Польшѣ Димитрія и о той помощи, которую Поляки намѣрены ему оказать; вообще совѣтовалъ быть осторожнымъ. Борисъ принялъ посла съ обычною торжественностью, и велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе; но прибавилъ, что Димитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это какой-то обманщикъ, съ помощью котораго Поляки думаютъ возмутить его государство, но котораго онъ можетъ уничтожить однимъ пальцемъ.

Разумѣется, такой отвѣтъ былъ только маскою равнодушія и презрѣнія. Въ дѣйствительности Борисъ сильно тревожился и совсѣмъ лишился покоя. Никакія запрещенія и наказанія не прекращали проникшихъ въ народъ толковъ о появленіи Димитрія. Умножились только доносы и тайныя казни. Всякій, кто неосторожно говорилъ о Димитріи, подвергался жестокимъ пыткамъ и обрекался на жалкую смерть со всѣмъ своимъ семействомъ и родными, если вѣрить извѣстію современника-иноземца. Отсюда народное недовольство и ропотъ противъ Бориса все болѣе возростали и сгущали тучи, нависшія надъ его домомъ. Особенно усилилась его подозрительность въ отношеніи бояръ; онъ предполагалъ ихъ участіе въ приготовленіи самозванца, и прямо говорилъ, что это ихъ дѣло.

Вѣрный сынъ своего вѣка, Борисъ не былъ чуждъ грубому суевѣрію. Въ Москвѣ при какой-то часовнѣ въ землянкѣ жила юродивая,

по имени Елена, которую народная молва надѣляла даромъ предсказанія. Борисъ тайкомъ и смиренно посѣтилъ ея пещеру, чтобы спросить о своей судьбѣ. Юродивая взяла обрубокъ дерева, призвала поповъ, велѣла служить панихиду надъ этимъ обрубкомъ и кадить ему. Царь въ ужасѣ удалился. Черныя мысли и всякія сомнѣнія терзали его до того, что иногда онъ самъ готовъ былъ усумниться въ смерти царевича Димитрія. Чтобы успокоить себя съ этой стороны, онъ велѣлъ тайно привезти изъ дальняго монастыря въ Москву мать царевича инокиню Мареу; ѣздилъ къ ней съ патріархомъ въ дѣвичій Воскресенскій монастырь; потомъ призвалъ ее къ себѣ, и, запершись въ спальнѣ, допрашивалъ ее, живъ ея сынъ или нѣтъ. Если вѣрить иноземному свидѣтельству, Мареа замялась, и отвѣчала, что она не знаетъ. При этомъ допросѣ присутствовала супруга Бориса Марья Григорьевна, какъ истая дочь Малюты Скуратова отличавшаяся жестокосердіемъ и мстительностью, а потому имѣвшая вредное вліяніе на своего мужа. Отвѣтъ Мареы привелъ ее въ ярость; она схватила горящую свѣчу и съ ругательствами бросилась къ старицѣ, чтобы выжечь ей глаза; мужъ съ трудомъ ее удержалъ. Тогда возмущенная Мареа будто бы сказала, что сынъ ея еще живъ. Борисъ велѣлъ отвезти ее въ другой монастырь и стеречь еще строже.

Трудно сказать, откуда произошло въ Москвѣ ложное мнѣніе о личности самозванца: было ли правительство само введено въ заблужденіе собственными неудачными лазутчиками, или оно дѣйствовало умышленно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Побѣгъ въ Литву чудовского монаха Григорія Отрепьева съ нѣсколькими товарищами и его тайное участіе въ дѣлѣ Самозванца повели къ тому, что въ Москвѣ Борисъ и его приближенные сего бѣглаго монаха начали отождествлять съ названнымъ Димитріемъ. Чтобы удостовѣриться въ томъ, царь послалъ въ Литву гонцомъ Смирного-Отрепьева, который приходился роднымъ дядею Григорію; но послалъ не отъ своего имени, а отъ имени бояръ для переговоровъ съ важнѣйшими литовскими сановниками, въ особенности съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою и воеводою виленскимъ Христофоромъ Радивиломъ (въ Москвѣ еще не знали, что послѣдній уже умеръ). Въ грамотахъ, привезенныхъ Смирнымъ, говорилось только о нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Исполнивъ офиціальное порученіе, гонецъ просилъ канцлера о свиданіи наединѣ; вѣроятно Московское правительство догадывалось о роли сего послѣдняго въ дѣлѣ самозванца и желало тѣмъ или другимъ способомъ склонить его на свою сторону. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ не

можетъ вести переговоры о пограничныхъ дѣлахъ безъ своихъ товарищей, т. е. другихъ королевскихъ коммисаровъ. Тогда Смирной вынужденъ былъ словесно объявить протестъ московскаго правительства противъ нарушенія перемирія помощью, которую польскій король оказывалъ человѣку, принявшему на себя имя Димитрія; называлъ Самозванца своимъ племянникомъ и для уличенія его требовалъ очной съ нимъ ставки, а, если онъ окажется истиннымъ сыномъ Ивана IV, то обѣщалъ присягнуть ему. Но подвергать подобному слѣдствію личность названнаго Димитрія было совсѣмъ не въ интересахъ его покровителей и руководителей. Напротивъ въ ихъ интересахъ было поддерживать заблужденіе московскихъ правителей и тѣмъ заставлять ихъ дѣлать ложные шаги. Возможно также, что покровители опасались какихъ-либо козней, напримѣръ, подосланныхъ убійцъ. Есть извѣстіе, что противъ ложнаго Димитрія совершено было нѣсколько неудавшихся покушеній; послѣ чего Поляки стали тщательно его оберегать. Какъ бы то ни было, Сапѣга отвѣтилъ, что на такое слѣдствіе нужно не только разрѣшеніе короля, но и согласіе сейма, до собранія котораго и надобно отложить дѣло. Смирной такъ и уѣхалъ, не видавъ Самозванца.

Въ Москвѣ этотъ отказъ истолковали какъ подтвержденіе своей догадки, что самозванецъ есть Григорій Отрепьевъ и что его побоялись свести на очную ставку съ собственнымъ дядею. Сего послѣдняго Борисъ, вмѣсто обычной въ подобныхъ случаяхъ опалы, сталъ напротивъ держать въ чести, какъ средство уличить Самозванца. Здѣсь не оставили безъ вниманія отсрочку вопроса до ближайшаго сейма, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ слѣдующаго 1605 года, когда собрался этотъ вальный сеймъ въ Варшавѣ, явился посломъ отъ Бориса дворянинъ Постникъ Огаревъ и представилъ королю грамоту, въ которой, кромѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, царь жаловался на помощь Самозванцу и прямо требовалъ или казни, или выдачи дьякона-разстриги, принявшаго на себя имя царевича Димитрія; причемъ излагалась исторія его бѣгства изъ Москвы.

На этомъ сеймѣ между прочими дѣлами обсуждалось и дѣло Самозванца; цѣлая партія сенаторовъ (съ Замойскимъ во главѣ) шумѣла противъ помощи, ему оказанной, и противъ нарушенія перемирія. Замойскій прямо смѣялся надъ разсказами о томъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ, вмѣсто царевича. „Помилуй Богъ!— говорилъ онъ,—это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣть кого убить, а потомъ не посмотрѣть, тотъ ли убитъ

или кто другой. Если никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана". Назначили цѣлую комиссію изъ сенаторовъ для переговоровъ съ Огаревымъ. Такъ какъ въ этой комиссіи участвовали коронный канцлеръ Янъ Замойскій, Янушъ Острожскій и князь Збаражскій, то Огаревъ могъ надѣяться на успѣхъ своего посольства. Но въ той же комиссіи, кромѣ епископа Войны и виленскаго каштеляна Ходкевича, участвовалъ и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который, конечно, не допустилъ до погибели дѣло рукъ своихъ. Въ концѣ концовъ Сапѣга, отъ имени короля, отвѣтилъ Огареву, что Рѣчь Посполитая не думала нарушать перемиріе; что не король, а частныя лица и особенно Запорожскіе казаки помогаютъ претенденту, и что сей послѣдній находится уже не въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловитъ московское правительство.

Около того же времени, когда Самозванецъ уже вошелъ въ московскіе предѣлы, царь Борисъ рѣшился объявить всенародно объ Отрепьевѣ. По его желанію патріархъ разослалъ въ епархіи и монастыри грамоту, въ которой излагалась все та же исторія Гришки и его бѣгства изъ Чудова монастыря съ чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву, гдѣ его видѣли еще два московскихъ инока Пименъ и Венедиктъ, да третій посадскій человѣкъ Степанко Иконникъ, которые показали о томъ при допросѣ на освященномъ соборѣ. Въ Литвѣ—говорила грамота—Гришка уклонился въ ересь и „по сатанинскому ученію, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленію и по королевскому велѣнію учалъ называться княземъ Димитріемъ". Патріархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ предалъ разстригу Отрепьева вѣчному проклятію, и повелѣваетъ его впредь вездѣ проклинать. Послали также соборныя грамоты къ литовскому и польскому духовенству, и особую князю Константину Острожскому, съ обличеніемъ Самозванца и увѣщаніемъ дѣйствовать противъ него. Но это были запоздалыя мѣры, принятыя въ разгаръ ошеломляющихъ успѣховъ ложнаго Димитрія. Прежде нежели появились патріаршія посланія, въ Сѣверской Украйнѣ уже распространились подметныя грамоты отъ имени яко бы спасеннаго царевича, которыя призывали народъ отложиться отъ Годунова, незаконно похитившаго престолъ, и присягать своему законному государю. Крѣпкія заставы не помѣшали этимъ подметнымъ грамотамъ; ихъ провозили въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда въ большомъ количествѣ шелъ изъ Литвы въ Московское государство по причинѣ не-

урожаевъ въ послѣднемъ. Не помогло также и всенародное на Лобномъ мѣстѣ свидѣтельство князя Василія Шуйскаго о томъ, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ и что онъ самъ былъ при его погребеніи. Народные умы, при общемъ тогда недовольствѣ, недовѣрчиво относились ко всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и свидѣтельствамъ и наоборотъ легко поддавались увѣреніямъ въ спасеніи царевича. Волненіе умовъ, какъ это бываетъ передъ грозными событіями, еще болѣе усиливалось разными странными явленіями, которыя принимались какъ предзнаменованія грядущихъ смутъ и бѣдствій. Такъ по ночамъ видѣли огненные столпы на небѣ, сталкивавшіеся другъ съ другомъ; иногда вдругъ показывались два, три солнца или двѣ, три луны; страшныя бури срывали верхи колоколенъ и городскихъ воротъ; слышался ужасный вой волковъ, которые большими стаями бродили по окрестностямъ Москвы; а въ самой столицѣ поймали нѣсколько чернобурыхъ лисицъ, забѣгавшихъ изъ лѣсовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе кометы весною 1604 года. Смущенный Борисъ обратился къ одному иноземцу-астрологу и, посредствомъ дьяка Аѳанасія Власьева, спрашивалъ его мнѣніе объ этомъ явленіи. Тотъ будто бы отвѣтилъ ему: „тебѣ грозитъ великая опасность".

Первые кто откликнулись на призывъ Самозванца къ вооруженной помощи ему были Донскіе и Волжскіе казаки.

Около того времени, какъ нарочно, произошли у нихъ столкновенія съ Московскимъ правительствомъ. Выведенный изъ терпѣнія ихъ разбоями и нападеніями на торговые волжскіе караваны, Борисъ началъ принимать противъ нихъ строгія мѣры, и даже приходившихъ въ какой либо городъ по своимъ надобностямъ велѣлъ хватать и сажать въ тюрьмы. Въ свою очередь эти мѣры ожесточили казаковъ; они подняли явный бунтъ; между прочимъ напали на царскаго родственника окольничаго Степана Годунова, плывшаго въ Астрахань, и разбили его конвой, такъ что самъ онъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ.

Руководители Самозванца хорошо знали сіи обстоятельства, и посланные ими агенты нашли полное сочувствіе у казаковъ; какъ мы видѣли, есть извѣстіе, что въ числѣ этихъ агентовъ находился и Григорій Отрепьевъ; кромѣ того къ нимъ ѣздилъ шляхтичъ Свирскій. Казаки стали собираться въ походъ, а напередъ отправили для развѣдокъ нѣсколько человѣкъ съ двумя атаманами, Андреемъ Корѣлой и Михайломъ Нѣжекожей. Эти казацкіе уполномоченные застали Самозванца въ Краковѣ. Видя, что его признаютъ за истиннаго царе-

вича съ одной стороны король и нѣкоторые вельможи, а съ другой разные собравшіеся около него русскіе бѣглецы, они недолго думая послали объявить войску, чтобы не сомнѣвалось и шло на помощь названному Димитрію противъ ненавистнаго Бориса. Казаками въ этомъ случаѣ двигали конечно не столько убѣжденія въ подлинности царевича, сколько его обѣщанія щедрыхъ наградъ и надежда на богатую добычу при взятіи московскихъ городовъ. Въ то же время и съ такимъ же успѣхомъ агенты Самозванца или точнѣе его покровителей волновали казаковъ Запорожскихъ и подобными же обѣщаніями поджигали ихъ идти съ нимъ на Московское государство. (²).

Нельзя сказать, чтобы производившаяся во Львовѣ вербовка ратныхъ людей шла быстро и успѣшно. А между тѣмъ львовскіе обыватели и окрестные жители уже начали тяготиться пребываніемъ у нихъ буйной вольницы, которая обижала мирное населеніе, и послали жалобу о томъ королю. Сигизмундъ отправилъ коморника для принятія строгихъ мѣръ; но такъ какъ самъ онъ втайнѣ покровительствовалъ предпріятію Самозванца, то коморникъ съумѣлъ прибыть во Львовъ тогда, когда Лжедимитрій и Мнишекъ съ набраною вольницею уже выступили въ походъ. Это произошло въ половинѣ августа 1604 года. Спустя недѣли двѣ, отряды собрались въ червонорусскомъ мѣстечкѣ Глиняны, гдѣ имъ произведенъ былъ смотръ и дана окончательная организація. Тутъ насчитали всего 1100 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ. Всадники, по польскому обычаю устроены были въ хоругви (эскадроны), заключавшія въ себѣ по нѣскольку сотъ коней. Одна изъ пяти образовавшихся хоругвей находилась подъ личнымъ предводительствомъ Самозванца; другою начальствовалъ молодой Мнишекъ (сынъ Юрія), староста Саноцкій. А старый воевода Сендомирскій на рыцарскомъ колѣ (офицерской сходкѣ) провозглашенъ гетманомъ, т. е. общимъ предводителемъ всего войска. Къ 1600 польско-русской шляхты и посполыства присоединилось нѣкоторое количество московскихъ перебѣжчиковъ, а затѣмъ и передовой отрядъ Донскихъ казаковъ въ 2000 человѣкъ; такъ что всего войска набралось около 4000.

Казаки явились не съ пустыми руками: они привезли съ собою московскаго дворянина Петра Хрущева, который отправленъ былъ къ нимъ царемъ Борисомъ уговорить ихъ, чтобы не приставали къ названному царевичу, а служили-бы ему, Борису. Схваченный ими и заключенный въ оковы, Хрущовъ какъ только увидалъ Самозванца, такъ упалъ ему въ ноги, яко-бы узнавъ въ немъ истиннаго царевича Димитрія. Самозванецъ освободилъ его отъ оковъ и сталъ распраши-

вать о московскихъ дѣлахъ. Хрущовъ разсказывалъ: что подметныя письма царевича производятъ большое смущеніе въ народѣ и даже между знатными людьми; что многіе готовы отстать отъ Бориса; что нѣкоторые уже претерпѣли казнь, ибо пили за здоровье царевича; что Борисъ часто бываетъ боленъ, а одну ногу волочитъ такъ какъ будто разбитъ параличемъ; что онъ самъ ускорилъ кончину своей сестры вдовствующей царицы Ирины, которая будто бы не хотѣла благословить на царство его сына, и т. п. Особенно любопытно было слѣдующее его сообщеніе. На пути изъ Москвы къ Дону Хрущовъ встрѣтился съ воеводами Петромъ Шереметевымъ и Михайломъ Салтыковымъ, которые были посланы съ войскомъ въ Ливны для обороны отъ набѣга Крымскихъ Татаръ. Приглашенный однимъ изъ воеводъ на обѣдъ, а другимъ на ужинъ, Хрущовъ сообщилъ имъ о своемъ порученіи къ Донскимъ казакамъ. Тогда Шереметевъ сказалъ, что теперь онъ догадывается объ истинѣ: подъ предлогомъ Татаръ, ихъ посылаютъ противъ царевича. „Но—будто бы прибавилъ онъ - трудно будетъ воевать противъ прирожденнаго государя“.

Изъ Глинянъ маленькое войско Самозванца двинулось по направленію къ Кіеву уже съ разными воинскими предосторожностями, раздѣленное на отряды. Въ срединѣ шли Самозванецъ и Юрій Мнишекъ съ нѣсколькими хоругвями, по лѣвой сторонѣ латные копейники или тяжелая гусарская конница, по правой менѣе тяжелая или такъ наз. „пятигорцы“ и легкая конница или казаки; сторожевые посты впереди и назади войска держали казаки. Подобныя предосторожности приняты были въ виду угрозъ краковскаго каштеляна князя Януша Острожскаго; онъ говорилъ, что не пропуститъ за границу государства толпу людей, вооружившихся самовольно и шедшихъ нарушить миръ съ сосѣдней державой. Янушъ очевидно дѣйствовалъ по соглашенію съ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, а также съ кіевскимъ воеводою, т. е. своимъ престарѣлымъ отцомъ княземъ Константиномъ. Такъ какъ въ ихъ распоряженіи находилось нѣсколько тысячъ хорошаго войска, то ополченіе Самозванца очень боялось нападенія, не спало по цѣлымъ ночамъ и держало на готовѣ коней. Юрій Мнишекъ въ это время усиленно разсылалъ гонцовъ съ просьбами и къ Замойскому, чтобы онъ удержалъ Острожскаго, и къ нунцію Рангони, чтобы тотъ повліялъ на Замойскаго. Просьбы его были услышаны. А главнымъ образомъ конечно подѣйствовали тайныя внушенія короля, Льва Сапѣги и другихъ покровителей Самозванца. Онъ безпрепятственно достигъ Днѣпра подъ Кіевомъ. Только всѣ лодки и паромы оказались угнанными по приказу князя Острож-

скаго, и это обстоятельство на нѣсколько дней задержало переправу, пока собраны были перевозочныя средства.

За Днѣпромъ войско Самозванца вскорѣ вступило въ благодатныя земли московской Сѣверской украйны. Тутъ оно было усилено еще нѣсколькими тысячами казаковъ, Донскихъ и Украинскихъ, а также Сѣверскихъ перебѣжчиковъ. Первая московская крѣпость, лежавшая на пути, былъ г. Моравскъ (древній Моравійскъ) на берегу Десны, снабженный пушками и обороняемый нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Для Самозванца наступила критическая минута: многое зависѣло отъ первой встрѣчи, отъ перваго препятствія; окажутся ли справедливыми донесенія шпіоновъ и клевретовъ о томъ, что украинское населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ его какъ своего законнаго государя?

Дѣйствительность превзошла ожиданія.

Подметныя грамоты и тайные агенты такъ подготовили благодарную почву, что едва подъ стѣнами Моравска появился передовой казацкій отрядъ съ требованіемъ сдачи какъ чернь, собравшись на сходку, рѣшила покориться. Она связала воеводъ (Ладыгина и Безобразова), выдала ихъ и присягнула на вѣрность Димитрію. Самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ крѣпость. Отсюда онъ двинулся къ Чернигову. То былъ довольно большой и хорошо укрѣпленный городъ. Точно также подошелъ передовой двухтысячный отрядъ казаковъ и потребовалъ сдачи. Сначала ратные люди отвѣтили пушечными выстрѣлами и многихъ убили; но чернь и здѣсь возмутилась и отворила городскія ворота. Воевода князь Татевъ хотѣлъ было обороняться въ замкѣ; но когда казаки и чернь пошли на приступъ, стрѣльцы связали воеводу и сдались. Казаки воспользовались оказаннымъ, хотя и слабымъ сопротивленіемъ, и принялись грабить городъ, какъ-бы взятый ими съ бою. Тщетно жители послали жалобу Самозванцу, а сей послѣдній отрядилъ Поляковъ съ приказомъ оберегать гражданъ: пока они прибыли, казаки какъ хищные коршуны успѣли все разграбить и опустошить. Разгнѣванный Самозванецъ велѣлъ возвратить жителямъ все пограбленное, грозя въ противномъ случаѣ ударить на казаковъ; но дѣло окончилось возвращеніемъ небольшой части добычи. Въ замкѣ однако нашлось казны на нѣсколько тысячъ рублей, которыя поступили въ раздѣлъ между польскими хоругвями. Былъ уже конецъ октября мѣсяца. Самозванецъ съ своимъ войскомъ отдыхалъ цѣлую недѣлю въ лагерѣ подъ Черниговымъ; а затѣмъ лѣснымъ краемъ двинулся къ слѣдующей подесненской крѣпости, Новгороду Сѣверскому.

Тутъ ждала его первая неудача.

Лжедимитрію помогали съ одной стороны шатость украинскаго Сѣверскаго населенія, еще некрѣпкаго Москвѣ и тянувшаго отчасти къ Западной Руси, а съ другой вялость или прямыя измѣны мѣстныхъ московскихъ воеводъ, нелюбившихъ царя Бориса. Сей послѣдній вздумалъ было перемѣнить нѣкоторыхъ начальниковъ, но слишкомъ поздно, когда врагъ уже вошелъ въ его землю. Такъ въ Черниговъ онъ отправилъ боярина князя Никиту Трубецкого и окольничаго Петра Басманова. Они прибыли послѣ сдачи Чернигова, а потому засѣли въ Новгородѣ Сѣверскомъ, и начали готовить его къ оборонѣ. Тутъ выдвинулся своей энергіей и знаніемъ военнаго дѣла второй воевода, Басмановъ, который сдѣлался дѣйствительнымъ начальникомъ. Этотъ Басмановъ былъ сынъ Ѳедора, когда-то любимца Ивана Грознаго, и братъ воеводы, погибшаго въ битвѣ съ разбойникомъ Хлопкою. Онъ показалъ, что могъ сдѣлать даже одинъ рѣшительный и храбрый человѣкъ, несмотря на окружавшія шатость и колебаніе. Басмановъ выжегъ посады, а жителей перевелъ въ замокъ, который имѣлъ болѣе 500 стрѣльцовъ гарнизона и вооруженъ былъ тяжелыми орудіями. Посланные впередъ для переговоровъ, Поляки и русскіе измѣнники пытались склонить ратныхъ людей къ сдачѣ яко-бы законному государю. Басмановъ, самъ стоя на стѣнѣ съ зажженымъ фитилемъ подлѣ пушки, отвѣчалъ, что ихъ государь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ находится въ Москвѣ, а что пришедшій съ Поляками есть воръ и обманщикъ. Лжедимитрій велѣлъ копать траншеи и плести туры, за которыми поставилъ нѣсколько бывшихъ у него легкихъ полевыхъ орудій, и открылъ пальбу по городу. Въ то же время его польскіе гусары или латники сошли съ коней и двинулись на приступъ; но встрѣченные дружнымъ огнемъ изъ пушекъ и пищалей, отступили. Поляки вздумали сдѣлать ночной приступъ; они тихо подошли къ крѣпости, прикрываясь дощатыми забралами на каткахъ; за ними шло 300 человѣкъ съ приметомъ, т. е. соломою и хворостомъ, чтобы зажечь деревянныя стѣны. Но Русскіе вовремя замѣтили опасность и усиленною пальбою изъ своихъ орудій вновь отбили непріятелей; послѣдніе отступили съ большимъ урономъ. Лжедимитрій пришелъ въ уныніе и началъ роптать на Поляковъ, говоря, что онъ имѣлъ лучшее мнѣніе объ ихъ мужествѣ. Задѣтое за живое этимъ упрекомъ, рыцарство кричало, чтобы онъ не порочилъ польской славы и что онъ увидитъ польскую доблесть, когда придется встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ, да и крѣпость не устоитъ: пусть только сдѣлаетъ проломъ въ стѣнѣ.

Среди такихъ пререканій вдругъ начали приходить добрыя вѣсти въ лагерь Самозванца.

Его шпіоны и клевреты, разосланные съ новыми увѣщательными грамотами, дѣйствовали успѣшно. Сѣверщина продолжала волноваться и явно переходить на его сторону. Почти все Посемье разомъ отложилось отъ Бориса. Сначала поддались Самозванцу жители Путивля, возмущенные вторымъ воеводою, княземъ Масальскимъ; а перваго воеводу, Салтыкова, привели связаннымъ въ лагерь подъ Новгородъ. Дня черезъ два явились съ покорностью изъ Рыльска, потомъ изъ Курска, Сѣвска и всей Комарицкой волости; поддались Кромы. Обыкновенно посланцы этихъ городовъ приводили съ собою связанныхъ воеводъ, которые затѣмъ большею частію вступали въ службу Самозванца. За ними покорились украпнныя мѣста Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Ливны, Борисовъ и нѣкоторые другіе. Призванные изъ покоренныхъ городовъ, вооруженные отряды усилили войско Самозванца. Изъ Путивля привезли нѣсколько тяжелыхъ орудій, и стали ими громить Новгородъ Сѣверскій; послѣднему приходилось плохо; начались перебѣжки къ непріятелю. Басмановъ не унывалъ; онъ отстрѣливался, вступалъ въ переговоры, требовалъ двухнедѣльнаго срока для сдачи крѣпости; а самъ ждалъ выручки отъ царской рати. Эта рать давно уже стояла подъ Брянскомъ; но ничего не предпринимала. Она была небольшая, трехполковая; главный ея воевода князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій не рѣшался двинуться съ мѣста, и требовалъ подкрѣпленій.

А въ Москвѣ межъ тѣмъ занимались сочиненіемъ увѣщательныхъ грамотъ, проклинаніемъ Гришки Отрепьева, отправкою гонцовъ въ сосѣднія страны и т. п. Наконецъ, уже въ виду грозныхъ успѣховъ Самозванца, Борисъ принялся за рѣшительныя военныя мѣры. По областямъ разосланы указы о скорѣйшемъ сборѣ служилыхъ людей, подъ угрозой всякихъ наказаній и лишенія имѣній ослушникамъ. Съ каждыхъ 200 четвертей пахотной земли приказано было помѣщикамъ и вотчинникамъ выставлять ратника съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ. Та же мѣра распространена была на имущества патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и монастырей, т. е. всѣ они должны были выслать вооруженныхъ людей сообразно съ количествомъ своей земли. Но тутъ ясно сказалось, какъ упало ратное дѣло въ царствованіе миролюбиваго Бориса Годунова, особенно послѣ страшнаго голода и другихъ бѣдствій его времени. При всѣхъ стараніяхъ и угрозахъ, подъ Брянскомъ успѣли собрать только отъ 40 до 50 тысячъ войска, которое раздѣлили на пять полковъ. Назначенный главнымъ воеводой, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій наконецъ

двинулъ это наскоро собранное, нестройное ополченіе на выручку Новгорода-Сѣверскаго. Къ Самозванцу межъ тѣмъ успѣло притти еще нѣсколько вновь сформированныхъ отрядовъ изъ Польши и Литвы, куда онъ отправилъ значительную царскую казну, какъ говорятъ везенную въ сѣверскіе города московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ и перехваченную имъ на дорогѣ. Когда царская рать приблизилась, Самозванецъ вывелъ свое войско изъ лагеря, и, отрядивъ часть казаковъ противъ Басманова, самъ смѣло выступилъ навстрѣчу Москвитянамъ, 21 декабря 1604 года. По нѣкоторому извѣстію, онъ произнесъ ободряющую, витіеватую рѣчь къ войску. Сначала битва была нерѣшительна; но рядомъ стремительныхъ атакъ нѣсколько гусарскихъ хоругвей сломили наше правое крыло, предводимое князьями Димитріемъ Шуйскимъ и Михаиломъ Кашинымъ; лѣвое крыло обрушилось на центръ и произвело замѣшательство. Тщетно Мстиславскій пытался удержать бѣгущихъ и возстановить порядокъ; израненный, онъ упалъ съ коня и едва былъ спасенъ отъ плѣна стрѣлецкою дружиною. Лжедимитрій, по неопытности своей, пропустилъ минуту, чтобы ударить всѣми силами. По этому побѣда его была нерѣшительная, хотя Поляки и хвастали что при малой своей потерѣ побили до 4000 Москвитянъ. Царская рать отошла къ Стародубу Сѣверскому и стала ожидать тамъ новыхъ подкрѣпленій.

Вскорѣ послѣ битвы къ Самозванцу явились давно ожидаемые имъ Запорожцы, и въ большомъ числѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ лишился главной своей опоры: польско-литовскихъ дружинъ. Наступила зима; дружины эти терпѣли отъ стужи и всякихъ неудобствъ. Онѣ съ ужасомъ увидѣли, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ; тріумфальное шествіе вдругъ прекратилось; приходилось осаждать крѣпкіе города и давать отчаянныя битвы. А тутъ еще, вмѣсто богатой добычи, названный Димитрій не платилъ имъ и условленнаго жалованья. Послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ разрыву. Рыцарство потребовало уплаты, иначе грозило уйти назадъ; Самозванецъ находился въ затрудненіи, имѣя для того слишкомъ мало денегъ. На бѣду хоругвь пана Фредра склонила его тайкомъ уплатить только ей одной: она не двинется, и другія роты, по ея примѣру, тоже останутся. Вышло наоборотъ: другія роты, узнавъ объ этой продѣлкѣ, взбунтовались. Самозванца бранили позорными словами, даже сорвали съ него соболью ферязь, которую Русскіе выкупили потомъ за 300 золотыхъ. Напрасно онъ ѣздилъ отъ одной хоругви къ другой, и умолялъ не оставлять его. Онѣ ушли; только по

нѣскольку человѣкъ отъ каждой остались. Вмѣстѣ съ хоругвями поѣхалъ обратно и нареченный ихъ гетманъ Юрій Мнишекъ. Послѣднія событія очевидно смутили его, и онъ началъ сомнѣваться въ успѣхѣ; притомъ военные труды и лишенія очень не по сердцу пришлись старому подагрику; онъ рѣшилъ вовремя убраться восвояси. Благовиднымъ предлогомъ къ тому послужило присланное отъ короля повелѣніе возвратиться всѣмъ Полякамъ въ отечество. Такое повелѣніе дано было вслѣдствіе посольства Постника Огарева для отклоненія отъ польскаго правительства обвиненія въ соучастіи съ Самозванцемъ, и конечно всѣ понимали, что это только формальность. Тѣмъ не менѣе Мнишекъ имъ воспользовался. Клевреты Лжедимитрія однако уговорили еще часть Поляковъ воротиться къ нему съ дороги; такъ что при немъ осталось ихъ до 1500 человѣкъ. Главная сила его войска теперь заключалась въ казакахъ, преимущественно Запорожцахъ. Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, послѣднихъ собралось около него до двѣнадцати тысячъ; изъ нихъ восемь конныхъ, остальныя пѣшія; они привезли съ собою 12 исправныхъ пушекъ. Самозванецъ снялъ осаду Новгорода Сѣверскаго и отвелъ свое войско на отдыхъ въ Комарицкую волость, обильную хлѣбомъ, медомъ и всякими съѣстными припасами; самъ онъ засѣлъ въ ея главномъ пунктѣ, въ укрѣпленномъ Сѣвскѣ. Гетманомъ на мѣсто уѣхавшаго Мнишка былъ назначенъ Адамъ Дворжицкій.

Борисъ только стороною узналъ о неудачной битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и послалъ изъявить воеводамъ свое неудовольствіе; Мстиславскому однако велѣлъ передать свое милостивое слово и отправилъ одного изъ придворныхъ врачей для лѣченія его ранъ. Съ новыми подкрѣпленіями къ нему царь прислалъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, никогда неотличавшагося военными талантами; хотя Шуйскому велѣно быть вторымъ воеводою, но, за болѣзнію Мстиславскаго, ему на первыхъ порахъ пришлось играть роль главнаго начальника.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій, численность царской рати возросла приблизительно до 60 тысячъ. Отъ Стародуба воеводы двинулись къ Сѣвску. Лжедимитрій съ своей стороны выступилъ имъ на встрѣчу. У него было отъ 15 до 20 тысячъ. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ между передовыми отрядами, главная битва произошла приблизительно 20 января у деревни Добрыничи, недалеко отъ Сѣвска, на рѣкѣ Сѣвѣ. Самозванецъ раздѣлилъ свое войско на три части: самъ сталъ во главѣ гусарской и русской конницы; второй отдѣлъ составили 8000

конныхъ Запорожцевъ, а третій 4000 пѣшихъ казаковъ, которые съ орудіями поставлены въ резервѣ. Сидя на каремъ аргамакѣ, Лжедимитрій обнажилъ палашъ и поскакалъ съ своимъ отрядомъ; стремительнымъ ударомъ онъ опрокинулъ одно крыло Москвитянъ; потомъ повернулъ на главную рать, на которую Запорожцы скакали съ другой стороны. Ядро этой рати составляли стрѣльцы, т. е. лучшая часть царскаго войска. Они выставили впереди себя сани съ сѣномъ, и, выждавъ приближеніе непріятельской конницы, изъ за этого подвижного укрѣпленія дали по ней дружный залпъ, который дымомъ своимъ покрылъ поле битвы. Громкій залпъ и густой дымъ привели нападающихъ въ замѣшательство; а Запорожцы дрогнули и обратились въ бѣгство. Оставшись безъ поддержки, Поляки тоже повернули назадъ коней. Москвитяне преслѣдовали разбитаго непріятеля; тутъ встрѣтила ихъ казацкая пѣхота съ орудіями: она почти вся погибла; но мужественнымъ сопротивленіемъ дала время Лжедимитрію спастись съ остатками своей дружины. Онъ ускакалъ въ Рыльскъ; а оттуда удалился въ Путивль. Съ отчаянія онъ даже хотѣлъ бѣжать въ Польшу; но, по русскимъ извѣстіямъ, Путивляне удержали его; ибо не ждали никакой пощады со стороны Бориса. Они имѣли передъ собою примѣръ Комарицкой волости, гдѣ послѣ Добрыничей царское войско, вмѣсто усерднаго преслѣдованія непріятеля, принялось вѣшать и казнить жителей за ихъ измѣну, насиловать женщинъ, жечь дворы и гумна; чѣмъ возбудило въ сѣверскомъ населеніи еще большую ненависть къ Борису. Затѣмъ оно двинулось къ Рыльску; но Самозванца здѣсь уже не было; а Рыльщане успѣли получить отъ него подкрѣпленіе и приготовиться къ оборонѣ. Царская рать, постоявъ недѣли двѣ подъ Рыльскомъ и ничего не сдѣлавъ, двинулась назадъ по ложному слуху о приближеніи сильнаго войска изъ Польши. Она снова расположилась въ Комарицкой волости и снова начала свирѣпствовать надъ ея жителями.

Съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Добрыничами, съ плѣнными Поляками и отбитыми знаменами отправленъ былъ молодой дворянинъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ (впослѣдствіи знаменитый смоленскій воевода). Годуновъ очень обрадовался, велѣлъ звонить въ колокола, пѣть благодарственные молебны, торжественно показывать народу плѣнныхъ и трофеи; Шеина наградилъ званіемъ окольничаго, воеводамъ послалъ въ награду золотые, а простымъ ратникамъ велѣлъ раздать 10,000 рублей. Особенно щедро одарилъ онъ двухъ предводителей наемной нѣмецкой дружины, Розена и Маржерета, отличившихся

въ той же битвѣ. Но вскорѣ пришло извѣстіе, что побѣдоносное войско упустило изъ своихъ рукъ Самозванца, и что послѣдній вновь усиливается. Царь очень огорчился, и послалъ воеводамъ строгій выговоръ. Бояре въ свою очередь оскорбились, и, по словамъ русской лѣтописи, „съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыти“. А Годуновъ дѣлалъ одинъ промахъ за другимъ. Въ такую трудную пору, когда на театрѣ военныхъ дѣйствій нужнѣе всего были люди энергичные и рѣшительные, онъ вздумалъ особенно наградить Басманова за его мужественное поведеніе; для чего вызвалъ его (и князя Трубецкого) въ Москву, устроилъ ему пышную встрѣчу, пожаловалъ саномъ боярина, хорошимъ помѣстьемъ, деньгами, дорогими сосудами; между прочимъ подарилъ ему золотое блюдо, наполненное червонцами. Мало того, если вѣрить иностранному свидѣтельству, когда дѣла снова приняли дурной оборотъ, онъ призвалъ къ себѣ Басманова, и, увѣщевая продолжать вѣрную службу, обѣщалъ за уничтоженіе Самозванца отдать ему руку своей дочери Ксеніи, а въ приданое за ней царства Казанское и Астраханское. Едва ли однако Басмановъ вполнѣ повѣрилъ сему; ибо тоже самое обѣщаніе дано было и князю Мстиславскому, когда Борисъ отправлялъ его противъ Лжедимитрія. Но, главное, осыпая Басманова милостями, царь держалъ его въ Москвѣ въ самое нужное время, и даже не пользовался его совѣтами, а продолжалъ слушать навѣты и внушенія своего родственника и самого довѣреннаго человѣка Семена Годунова, ненавистнаго народу исполнителя тайныхъ казней.

Межъ тѣмъ главные воеводы, Мстиславскій и Шуйскій, получивъ строгій выговоръ за бездѣйствіе, покинули Комарицкую волость и двинулись на соединеніе съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, который осаждалъ Кромы. Тутъ въ московской рати явно обнаружились нелюбовь къ Борису и шатость умовъ, которыя мѣшали всякому рѣшительному успѣху. Ничтожный городокъ, обороняемый жителями и нѣсколькими стами Донскихъ казаковъ, около двухъ мѣсяцевъ сопротивлялся сравнительно огромному войску и отбивалъ всѣ его приступы. Современники удивлялись подвигамъ казачьяго атамана Корелы, и выставляли его какимъ то колдуномъ. Но его удачная оборона болѣе объясняется нерадѣніемъ осаждавшихъ воеводъ. Такъ четырехтысячное подкрѣпленіе, состоявшее изъ Донскихъ казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, сумѣло пробраться въ городъ мимо лагеря осаждающихъ. Измѣна уже гнѣздилась въ царской рати. Послѣдняя сдѣлала приступъ и сожгла деревянныя стѣны Кромъ, такъ что городъ былъ почти

взять; осажденные удалились въ острогъ и тамъ продолжали отстрѣливаться. Но тутъ одинъ изъ воеводъ, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, не спросясь главныхъ начальниковъ, вдругъ велѣлъ отступить ратникамъ уже стоявшимъ на городскомъ валу. Такой измѣнническій поступокъ его Мстиславскій и Шуйскій оставили безнаказаннымъ. Послѣ того осажденные снова заняли валъ; казаки стали копать подъ нимъ землянки, въ которыхъ укрывались отъ огня осаждавшихъ; а по временамъ дѣлали удачныя вылазки. Воеводы не предпринимали болѣе ничего рѣшительнаго, ограничиваясь обложеніемъ и ожидая сдачи Кромлянъ отъ голода. Былъ великій постъ; наступило таяніе снѣговъ; время стояло сырое; въ царскомъ войскѣ, терпѣвшемъ лишенія и всякія неудобства, открылись болѣзни; особенно свирѣпствовалъ поносъ. Эти бѣдствія еще болѣе способствовали его бездѣйствію и упадку духа. Борисъ прислалъ своихъ врачей съ лѣкарствами, благодаря которымъ болѣзни стали уменьшаться.

Затянувшаяся осада Кромъ дала Самозванцу возможность вполнѣ оправиться отъ своего пораженія подъ Добрыничами и выжидать благопріятнаго момента.

Пребывая въ хорошо укрѣпленномъ Путивлѣ, онъ дѣятельно занимался наборомъ и устроеніемъ своего войска. Поляки послѣ пораженія снова хотѣли его покинуть и уже двинулись на родину; но нѣкоторые польскіе его клевреты отправились за ними и упросили ихъ большею частью воротиться. Изъ нихъ было опять сформировано нѣсколько хоругвей. Въ тоже время, по совѣту нѣкоторыхъ русскихъ измѣнниковъ, Лжедимитрій съ особымъ усердіемъ занимался разсылкою своихъ грамотъ или манифестовъ, въ которыхъ снова разсказывалъ басню о своемъ спасеніи въ Угличѣ и убѣждалъ народъ, особенно ратныхъ людей, служить ему какъ своему законному государю. Грамоты сіи не остались безъ послѣдствій: передавшіеся украинскіе города пребыли ему вѣрны, а нѣкоторые вновь перешли на его сторону, такъ что въ его рукахъ находилось до 18 городовъ. Изъ нихъ многіе ратные люди откликнулись на призывъ и собрались подъ его знаменами. Между прочими, изъ Цареборисова пришло 500 стрѣльцовъ въ своихъ красныхъ кафтанахъ. Прибыли также новыя дружины Донцовъ и Терскихъ казаковъ или собственныхъ Пятигорцевъ. Для вящаго убѣжденія русскихъ людей въ томъ, что Борисъ ложно назвалъ его разстригою Гришкою Отрепьевымъ, Самозванецъ призвалъ въ Путивль настоящаго Григорія Отрепьева и показывалъ его народу.

Съ своей стороны Годуновъ продолжалъ бороться противъ Самоз-

ванца грамотами и тайными козними. Такъ въ Путивль явились три монаха, которые имѣли при себѣ увѣщательныя къ народу и духовенству письма отъ царя и патріарха. Царь требовалъ, чтобы Путивляне взяли обманщика живымъ или мертвымъ и отправили въ Москву, если хотятъ заслужить прощеніе; а патріахъ предавалъ проклятію ослушниковъ и измѣнниковъ. Но монахи были схвачены, представлены Лжедимитрію и подвергнуты пыткѣ. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ мученій, и, если вѣрить иноземному свидѣтельству, открылъ, что въ сапогѣ его товарища спрятанъ страшный ядъ и что двое изъ русскихъ знатныхъ людей, окружавшихъ названнаго Димитрія, уже вошли въ заговоръ о его отравленіи. Эти двое заговорщиковъ будто бы потомъ сами сознались въ своемъ умыслѣ и были выданы гражданамъ Путивля, которые, привязавъ ихъ къ столбу, разстрѣляли изъ луковъ и пищалей. Сознавшійся монахъ помилованъ, а товарищи его брошены въ тюрьму.

Въ Путивлѣ Лжедимитрій, при всѣхъ военныхъ заботахъ и занятіяхъ, имѣлъ много празднаго времени, которое онъ задумалъ употребить съ пользою. Когда онъ выступалъ въ походъ изъ Самбора, то просилъ іезуитскаго провинціала въ Польшѣ и Литвѣ дать ему двухъ патеровъ для совершенія церковныхъ требъ въ польскомъ отдѣлѣ его ополченія. Тотъ отрядилъ изъ ближней къ Самбору Ярославской коллегіи іезуитовъ Николая Чировскаго и Андрея Лавицкаго, которые во время похода ревностно отправляли католическое богослуженіе въ особой палаткѣ и исполняли разныя требы при войскѣ. И вотъ въ Путивлѣ весною 1605 года Лжедимитрій вдругъ призываетъ обоихъ патеровъ и, въ присутствіи трехъ русскихъ бояръ, высказываетъ свое горячее желаніе заняться съ ними школьнымъ ученіемъ. По его словамъ, наилучшее достоинство государя составляютъ двѣ вещи: знаніе военнаго искусства и основательное знакомство съ науками. Іезуиты возражали, указывая на неудобное время и на ожидавшія его трудности при изученіи основныхъ элементовъ древняго языка. Самозванецъ настаивалъ, и назначилъ слѣдующій день для начала. Патеры явились въ условленный часъ; при чемъ Лавицкій держалъ томъ Квинтильяна, который успѣлъ достать у какого-то польскаго воина. Самозванецъ взялъ книгу, и, повертѣвъ ее въ рукахъ, просилъ что нибудь прочесть, перевести и объяснить. Ему отвѣчали, что такъ вдругъ нельзя, а надобно сначала заняться предварительнымъ ученіемъ. Рѣшили, что Чировскій каждое утро будетъ преподавать ему одинъ часъ философію, а Лавицкій столько же времени будетъ учить

его послѣ обѣда реторикѣ. И Лжедимитрій цѣлыхъ три дня усердно предавался симъ занятіямъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ Русскихъ и Поляковъ изъ своей свиты; при чемъ удивлялъ своихъ учителей острою памятью и быстрымъ пониманіемъ. Но затѣмъ, очевидно, у него не хватило терпѣнія. Подъ предлогомъ какихъ-то возникшихъ по сему поводу и невыгодныхъ для него толковъ, онъ отложилъ учебныя занятія до другого времени, и потомъ болѣе къ нимъ не возвращался. Вмѣсто сихъ занятій, онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ іезуитами о томъ, какъ, воцарясь въ Москвѣ, немедленно начнетъ заводить школы, коллегіи и академіи, въ которыхъ наставники конечно будутъ набираться по преимуществу изъ нихъ же, т. е. іезуитовъ. А между тѣмъ Самозванецъ пользовался ихъ услугами для сочиненія латинскихъ писемъ, которыя посылалъ нунцію Рангони и кардиналу-епископу Мацѣевскому. Примѣръ его однако не остался безъ подражателей: если вѣрить тѣмъ же патерамъ, нѣкоторые изъ Русскихъ приходили къ нимъ и просили научить ихъ читать и писать по-латыни; въ числѣ такихъ желающихъ учиться былъ и одинъ русскій священникъ [3]).

Вынужденное бездѣйствіе и выжидательная роль начали уже тяготить Самозванца и окружавшихъ его, какъ вдругъ въ Путивлѣ получено было извѣстіе о внезапной кончинѣ Бориса Годунова. Послѣ того событія пошли ускореннымъ ходомъ.

II.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I НА МОСКОВСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

Кончина Бориса Годунова.—Ѳедоръ Борисовичъ.—Измѣна Басманова и войска.—Движеніе Самозванца къ Москвѣ.—Мятежъ московской черни.—Трагическая судьба Борисова семейства.—Вступленіе Лжедимитрія въ столицу и первыя его дѣйствія.—Неудачный заговоръ Шуйскаго.—Встрѣча мнимой матери.—Коронованіе Самозванца.—Его правительственная дѣятельность, военныя потѣхи, постройки и легкомысленное поведеніе.—Сношенія съ Римомъ и Польшею.—Обрученіе московскаго посла съ Мариною.—Поведеніе Мнишковъ.—Ихъ прибытіе въ Москву.—Польскіе послы.—Торжественное вѣнчаніе съ Мариной и свадебные пиры.—Предвѣстники грозы.—Народное раздраженіе противъ Поляковъ.—Вторичный заговоръ Шуйскаго.— Іезуиты.—Самоувѣренность и безпечность Самозванца.—Кровавая Московская заутреня.—Гибель Лжедимитрія.—Избіеніе Поляковъ.

Несмотря на свои нестарые годы, Борисъ уже страдалъ разными недугами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ у него была сильная подагра, а по другимъ и водяная. Тяжелыя заботы и огорченія, испытанныя послѣ появленія Самозванца, окончательно подорвали его здоровье. Вопреки неограниченной власти и могуществу, онъ видѣлъ свое безсиліе справиться съ этимъ страшнымъ призракомъ, видѣлъ постоянныя крамолы, неохоту воеводъ сражаться за него и даже прямую измѣну. Недостойное поведеніе ихъ подъ Кромами и новое усиленіе Самозванца безъ сомнѣнія терзали его душу и не давали ему покою; хотя наружно онъ старался сохранять видъ бодрости и спокойствія. 13 апрѣля, послѣ торжественнаго пріема иноземныхъ пословъ (датскихъ), Борисъ угощалъ ихъ въ Золотой палатѣ; но едва всталъ изъ за стола, какъ у него открылось сильнѣйшее кровотеченіе изъ носу, рта и ушей. Тщетно врачи пытались остановить кровь. Черезъ два часа онъ скончался, едва успѣвъ постричься въ иноки съ именемъ Боголѣпа. Такая внезапная кончина естественно не осталась безъ

разныхъ толковъ и догадокъ; прошелъ слухъ, повторенный и нѣкоторыми иностранцами, будто Годуновъ принялъ яду—слухъ по всѣмъ признакамъ недостовѣрный.

Борисъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду, послѣ царствованія, продолжавшагося съ небольшимъ семь лѣтъ. Хотя самъ онъ, какъ говорятъ, будто-бы не умѣлъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе оказывалъ большое уваженіе къ образованію вообще и особенно заботился о книжномъ ученіи своего сына Ѳеодора. Для себя лично недостатокъ грамотности онъ восполнялъ своею опытностію, огромною памятью и другими умственными дарованіями. Но печальныя, смущавшія его, обстоятельства царствованія не дозволили ему вполнѣ развернуть свои выдающіяся правительственныя способности. А подозрительность и доступность злымъ навѣтамъ своей жены и родственника Семена Годунова сдѣлали изъ него тирана, и лишили его народнаго расположенія. Поэтому кончина его была встрѣчена въ Москвѣ съ явнымъ равнодушіемъ. На слѣдующій день его погребли въ Архангельскомъ соборѣ; а народъ начали приводить къ присягѣ на вѣрность новому царю, шестнадцатилѣтнему Ѳедору Борисовичу, вмѣстѣ съ его матерью Марьей Григорьевной и сестрой Ксеніей Борисовной. Разослали гонцовъ по городамъ съ присяжными листами, по которымъ служилые люди, между прочимъ, давали клятву никого иного не хотѣть на государство Московское, ни Симеона Бекбулатовича, ни того вора, который называетъ себя княземъ Димитріемъ Углицкимъ.

Новый государь Ѳедоръ Борисовичъ вмѣстѣ съ цвѣтущей, красивой наружностію, по словамъ современниковъ, соединялъ и умъ, и доброе сердце, и значительныя книжныя свѣдѣнія; но, при крайней молодости и неопытности, ему недоставало главнаго: мужества и энергіи. Тщательно воспитывая сына, Борисъ совсѣмъ упустилъ изъ виду обстоятельства времени. Въ спокойную эпоху, при упроченномъ престолонаслѣдіи, изъ юнаго Ѳеодора могъ выдти хорошій правитель, подающій подданнымъ примѣръ добрыхъ семейныхъ нравовъ; но теперь болѣе всего требовались рѣшительность и воинская отвага. Вмѣсто того, чтобы сѣсть на коня, и, окруживъ себя опытными воеводами, явиться во главѣ царской рати, Ѳедоръ Борисовичъ неподвижно оставался въ кремлевскихъ палатахъ, продолжая оказывать сыновнее повиновеніе своей матери. Марья Григорьевна и сдѣлалась собственно правительницею государства, не имѣя къ тому никакихъ способностей и пользуясь самою недоброю славою въ народѣ. Вмѣсто энергичныхъ мѣръ, новое правительство занималось исполненіемъ ста-

рыхъ обычаевъ; напримѣръ, раздавало щедрую милостыню на поминъ о царѣ Борисѣ и заставляло служить панихиды во всѣхъ монастыряхъ; а относительно борьбы со Лжедимитріемъ семья Годуновыхъ всю надежду свою возложила на одного человѣка: на Петра Басманова. Его наконецъ отправили начальствовать войскомъ, осаждавшимъ Кромы, взявъ съ него клятву, что онъ будетъ служить Ѳеодору также вѣрно какъ служилъ его отцу. Однако и въ этомъ случаѣ поступили согласно старому обычаю: чтобы не нарушать мѣстническихъ счетовъ, Басмановъ назначенъ былъ собственно товарищемъ воеводы большого полку; а титулъ этого воеводы данъ князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, человѣку знатному родомъ, но незначительному по способностямъ и характеру. Ѳ. И. Мстиславскій и оба брата Шуйскіе отозваны въ Москву, подъ предлогомъ занять первыя мѣста въ Боярской думѣ, чтобы помогать юному государю своими совѣтами.

Вмѣстѣ съ Басмановымъ и Катыревымъ-Ростовскимъ отправленъ былъ новогородскій митрополитъ Исидоръ, чтобы привести ратныхъ людей къ присягѣ. Отъ рати зависѣла теперь судьба царствующаго дома, и Годуновы съ безпокойствомъ ожидали отъ него вѣстей. Ратные люди безпрепятственно присягнули, хотя и съ неравнымъ состояніемъ духа: одни печалились о смерти Бориса, другіе ей радовались. Митрополитъ Исидоръ воротился въ Москву съ доброю вѣстію объ учиненной присягѣ. Но скоро пришли извѣстія другого рода.

Трудно сказать, что собственно побудило Басманова къ измѣнѣ. Вѣроятнѣе всего, на него подѣйствовали съ одной стороны та шатость въ умахъ и тотъ духъ розни, которые онъ нашелъ въ войскѣ, а съ другой народное нерасположеніе къ Годуновымъ и правительственная ихъ неспособность, которую онъ близко видѣлъ въ Москвѣ; такимъ образомъ онъ могъ уже заранѣе считать ихъ дѣло проиграннымъ. Вѣроятно и личное его честолюбіе не надѣялось добиться первой роли въ государствѣ, имѣя передъ собою цѣлую лѣстницу мѣстническихъ счетовъ съ знатнѣйшими боярами и цѣлую толпу Годуновской родни. Къ тому же недальновидные правители, отозвавъ изъ войска честнаго Мстиславскаго и братьевъ Шуйскихъ, оставили при немъ самыхъ ненадежныхъ воеводъ, каковы два брата князья Голицыны, крайне нерасположенные къ Годуновымъ, и уже явно измѣнявшій имъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ. Эти воеводы своими внушеніями, кажется, повліяли на рѣшимость Басманова и вошли съ нимъ въ тайное соглашеніе или просто въ заговоръ, чтобы дѣйство-

вать въ пользу Самозванца. Кромѣ сихъ главныхъ лицъ, въ войскѣ оказалось немало и второстепенныхъ начальниковъ, нескрывавшихъ своей ненависти къ Годуновской семьѣ и принявшихъ участіе въ заговорѣ. Среди сихъ послѣднихъ особенно выдавались братья Ляпуновы, стоявшіе во главѣ рязанскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но заговорщики пока скрывали свой замыселъ, потому что было много и приверженцевъ царствующаго дома; а въ числѣ воеводъ подъ Кромами находился одинъ изъ Годуновыхъ, Иванъ. Опасались они также четырехтысячнаго наемнаго отряда, состоявшаго изъ иноземцевъ, большею частію Нѣмцевъ, которые доселѣ вѣрно служили царю.

Получивъ радостныя вѣсти о смерти Бориса и колебаніи войска, Лжедимитрій все еще не рѣшался лично выступить изъ Путивля; а отправилъ только передовой отрядъ изъ трехъ польскихъ хоругвей и трехтысячной русской дружины, подъ начальствомъ поляка Запорскаго, на помощь Кромамъ. Приблизясь къ городу, Запорскій, по нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, употребилъ обычную тогда хитрость: онъ послалъ одного московскаго переметчика съ письмомъ къ осажденнымъ; а въ этомъ письмѣ отъ имени названнаго Димитрія извѣщалъ о прибытіи къ нему 40,000 вспомогательнаго польскаго войска и скоромъ своемъ пришествіи. Посланный намѣренно попался въ плѣнъ и представилъ русскимъ воеводамъ означенное письмо, которое и произвело большое смущеніе; оно еще болѣе усилилось, когда въ лагерь прибѣжалъ сторожевой русскій отрядъ, разбитый Запорскимъ. Повидимому Басмановъ и его единомышленники воспользовались именно этими обстоятельствами, чтобы исполнить свой замыселъ. Они склонили на свою сторону начальника иноземцевъ лифляндца фонъ Розена. Онъ первый съ своею дружиною перешелъ изъ лагеря на другую сторону рѣки Кромы, и выстроился тамъ въ боевой порядокъ. За нимъ двинулись тѣ полки, которые уже были подготовлены заговорщиками. Тогда Басмановъ, ставъ посреди моста, обратился къ остальному войску и призывалъ его идти на службу своему прирожденному государю Димитрію Ивановичу. Въ лагерѣ произошли чрезвычайное смятеніе и безпорядокъ: одни бѣжали за рѣку и присоединялись къ измѣнившимъ полкамъ; другіе хотѣли оставаться вѣрными присягѣ; произошла страшная сумятица, сопровождавшаяся междоусобной сѣчей. При возникшей давкѣ на мосту сей послѣдній обрушился; отъ чего смятеніе еще увеличилось. Въ это время Корела съ своими казаками вышелъ изъ крѣпости и ударилъ на часть войска, вѣрную Годуновымъ. Она разсѣялась въ бѣгствѣ. Иванъ Годуновъ

и другіе упорствующіе воеводы были перевязаны. (Князь Василій Голицынъ самъ велѣлъ себя связать). Нѣкоторые воеводы, нехотѣвшіе измѣнять, въ томъ числѣ Катыревъ-Ростовскій и князь Телятевскій, съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей успѣли отступить и ушли въ Москву.

Такъ окончилась трехмѣсячная жалкая осада Кромъ, и дѣло Самозванца окончательно восторжествовало.

Гонцы отъ Запорскаго извѣстили Лжедимитрія о счастливомъ для него событіи. А отъ царскаго войска прибыла къ нему депутація, имѣвшая во главѣ князя Ивана Голицына, „съ объявленіемъ подданства и послушанія". Въ половинѣ мая онъ выступилъ изъ Путивля подъ Кромы, встрѣчаемый по дорогѣ перешедшими на его сторону воеводами (Голицынъ, Салтыковъ, Басмановъ, Шереметевъ) и другими знатными людьми съ изъявленіями своей покорности. Обѣщая имъ свои милости, онъ однако еще не совсѣмъ довѣрялъ русской рати, ожидавшей его подъ Кромами, и значительную часть служилыхъ людей на время распустилъ по домамъ; а съ остальными направился къ Москвѣ чрезъ Орелъ, Тулу и Серпуховъ. Попутные города уже не сопротивлялись, а встрѣчали его какъ своего государя. Однако онъ продолжалъ соблюдать осторожность, и на стоянкахъ обыкновенно располагался съ своими польскими отрядами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ русскаго лагеря, окружая себя усиленной стражей. Въ то же время онъ усердно разсылалъ на сѣверъ и востокъ свои грамоты къ русскому народу съ извѣстіями о своемъ воцареніи и обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей тѣмъ, которые окажутъ ему преданность, и угрожалъ своимъ гнѣвомъ непокорнымъ.

Въ столицѣ господствовала совершенная растерянность послѣ того, какъ пришла вѣсть объ измѣнѣ войска и явились изъ него бѣглецы. Думные бояре большею частію замышляли измѣну и вели себя двусмысленно; а Годуновы и ихъ клевреты пытались мѣрами строгости поддержать повиновеніе; такъ они перехватывали людей, пріѣзжавшихъ съ грамотами отъ Лжедимитрія, и подвергали ихъ истязаніямъ. Чернь сохраняла еще наружное спокойствіе; но купцы и вообще состоятельные граждане не довѣряли этому спокойствію, и, заблаговременно старались припрятать деньги, дорогія вещи и товары въ подпольяхъ, по монастырямъ и въ другихъ безопасныхъ мѣстахъ, опасаясь всеобщаго грабежа въ случаѣ народнаго бунта. Правительство между прочимъ попыталось привести столицу въ оборонительное состояніе и приказало подвозить орудія къ городскимъ стѣнамъ и валамъ. Но эти воинствен-

ныя приготовленія шли очень вяло, и возбуждали насмѣшки среди черни. Сія послѣдняя ожидала только внѣшняго толчка, чтобы выступить на сцену дѣйствія.

Такой толчокъ былъ данъ прибытіемъ двухъ дворянъ, Пушкина и Плещеева, которыхъ Лжедимитрій послалъ изъ Тулы съ своею грамотою. Эти посланцы избѣгли участи своихъ предшественниковъ; они явились не прямо въ столицу, а сначала въ подмосковную слободу Красное Село, обитаемую торговымъ и ремесленнымъ людомъ. Возмущенные ихъ рѣчами и грамотою, Красносельцы большою шумною толпою отправились съ ними къ Лобному мѣсту. Тщетно Годуновы высылали военныхъ людей, чтобы остановить и разсѣять толпу; по дорогѣ она росла какъ лавина и наконецъ запрудила Красную Площадь. Плещеевъ и Пушкинъ взошли на помостъ Лобнаго мѣста, и оттуда читали грамоту, обращенную къ московскимъ боярамъ, дворянамъ, приказнымъ и торговымъ людямъ. Въ этой грамотѣ ложный Димитрій, именуя себя великимъ государемъ и царскимъ величествомъ, напоминалъ присягу, данную Ивану IV и его чадамъ; затѣмъ повторялъ басню о своемъ спасеніи въ Угличѣ, говорилъ о захватѣ престола Борисомъ Годуновымъ, „не ставилъ въ вину“ служилымъ людямъ то, что они доселѣ стояли противъ своего прирожденнаго государя по невѣдѣнію „боясь казни“; теперь же приказывалъ имъ, „помня Бога и православную вѣру“, прислать къ нему съ челобитьемъ архіереевъ, бояръ, гостей и лучшихъ людей; за что обѣщалъ служилыхъ жаловать вотчинами, а гостямъ и торговымъ людямъ учинить облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ. Въ противномъ случаѣ грозилъ праведнымъ судомъ Божіимъ и своей царской опалой. Въ той же грамотѣ Самозванецъ говорилъ о многихъ ратяхъ, русскихъ, литовскихъ и татарскихъ, съ которыми шелъ къ Москвѣ, о томъ, что города московскіе и поволжскіе уже добили ему челомъ; что Ногаи предлагали придти къ нему на помощь, но онъ отказался, „не хотя видѣти разореніе въ христіанствѣ“. Очевидно грамота была составлена людьми умѣлыми и опытными, такъ что затрогивала почти всѣ важнѣйшія струны народнаго чувства.

Когда окончилось чтеніе, въ народѣ поднялись крики и произошло величайшее смятеніе. Тщетно пришедшіе изъ дворца бояре пытались его успокоить; ихъ голоса терялись въ общемъ шумѣ. „Буди здравъ царь Димитрій Ивановичъ!“ „Долой Годуновыхъ!“—кричали вожаки. Мятежъ разразился съ неудержимою силою. Толпа бросилась въ Кремль, оттѣснила стрѣлецкую стражу и ворвалась въ царскій дворецъ. Ѳедора Борисо-

вича съ матерью и сестрою схватили, посадили на простую телѣгу и отвезли въ ихъ прежній боярскій домъ. Затѣмъ начался неистовый грабежъ въ домахъ Годуновыхъ, ихъ родственниковъ Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ и всѣхъ ихъ извѣстныхъ приверженцевъ; досталось при этомъ и многимъ другимъ зажиточнымъ людямъ; особенно пострадали придворные нѣмецкіе врачи. Разсказываютъ, что когда чернь хотѣла проникнуть въ царскіе погреба, изобильно снабженные разными винами и напитками, Богданъ Бѣльскій, одинъ изъ немногихъ опальныхъ бояръ возвращенныхъ Өедоромъ Борисовичемъ изъ ссылки, остановилъ толпу, сказавъ, что нечѣмъ будетъ угощать царя Димитрія Ивановича и его ближнихъ, и указалъ ей на погреба нѣмецкихъ докторовъ Бориса, бывшихъ его главными совѣтниками и наушниками. Чернь послушалась, и бросилась грабить дома ненавистныхъ ей докторовъ, такъ что эти разбогатѣвшіе люди въ одинъ мигъ лишились всего движимаго имущества, и сдѣлались почти нищими. Изъ разбитыхъ погребовъ выкатывали бочки съ виномъ, и работали около нихъ такъ усердно, что, по иностраннымъ извѣстіямъ, въ этотъ день отъ 50 до 100 человѣкъ опились до смерти. Годуновы, ихъ родственники и свойственники взяты подъ стражу и отданы за приставы.

Въ слѣдующіе дни отъ московскихъ всякихъ чиновъ людей составлена была повинная грамота, приглашавшая названнаго Димитрія прибыть въ Москву и занять прародительскій престолъ.

Лжедимитрій однако замедлилъ свое пребываніе въ Тулѣ. Прежде вступленія въ столицу онъ хотѣлъ по возможности обезпечить за собой признаніе всѣмъ государствомъ; для чего продолжалъ разсылать по городамъ извѣстительныя грамоты о своемъ восшествіи на прародительскій престолъ, прилагая къ нимъ форму присяги, которую жители должны были ему приносить. Межъ тѣмъ въ Тулу на поклонъ новому царю пріѣхали изъ Москвы первостатейные бояре, въ томъ числѣ Мстиславскій и братья Шуйскіе; а съ Дона на службу къ нему пришла новая толпа казаковъ. Самозванецъ началъ вести себя какъ бы истинный государь, увѣренный въ своемъ неоспоримомъ правѣ: онъ принялъ казаковъ ласковѣе и допустилъ ихъ къ своей рукѣ прежде чѣмъ бояръ, за то, что первые гораздо ранѣе послѣднихъ признали его царевичемъ и оказали ему помощь.

Была и еще причина, почему Лжедимитрій медлилъ своимъ прибытіемъ въ столицу. Өедоръ Борисовичъ, хотя сверженный съ престола и лишенный свободы, былъ еще живъ, и при случаѣ могъ послужить предметомъ движенія со стороны Годуновскихъ приверженцевъ.

А во главѣ духовенства стоялъ еще патріархъ Іовъ, заявившій себя столь ревностнымъ поборникомъ сверженной династіи. Поэтому въ Москву отправились изъ Тулы съ тайными приказаніями два князя, Василій Голицынъ и Рубецъ Мосальскій. По прибытіи ихъ прежде всего былъ насильно сведенъ съ патріаршаго престола Іовъ и отправленъ въ старицкій Богородицкій монастырь. На его мѣсто назначенъ рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, который прежде другихъ архіереевъ призналъ Самозванца и явился къ нему на поклонъ. Годуновыхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ изъ Москвы разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ. Ненавистнаго народу Семена Годунова посадили въ Переяславскую тюрьму и тамъ его уморили. Въ заключеніе покончили съ юнымъ Өедоромъ Борисовичемъ и его матерью. Въ ихъ домъ явились нѣкіе Молчановъ и Шерефединовъ съ тремя дюжими стрѣльцами. Марью Григорьевну задушили безъ труда; но Өедоръ Борисовичъ оказалъ отчаянное сопротивленіе, прежде чѣмъ его умертвили. Красавицу Ксенію сохранили въ живыхъ—для гнусной потѣхи Самозванца. Народу объявили, что бывшая царица Марья и ея сынъ сами лишили себя жизни посредствомъ отравы. Прахъ царя Бориса вынули изъ Архангельскаго собора, и погребли въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, что на Срѣтенкѣ; подлѣ него положили тѣла жены и сына.

Спустя дней десять послѣ этой трагедіи, 20 іюня 1605 года совершилось торжественное вступленіе Лжедимитрія въ столицу. Стояла прекрасная лѣтняя погода. Шествіе открывали польскія хоругви; ихъ тщательно вычищенныя латы и оружіе ярко блистали на солнцѣ; трубачи и барабанщики потрясали воздухъ звуками своихъ инструментовъ. За ними шли попарно русскіе стрѣльцы; ѣхали нарядныя царскія кареты, запряженныя шестерней, и вели лучшихъ царскихъ коней. Потомъ слѣдовали: конный отрядъ боярскихъ дѣтей въ праздничныхъ кафтанахъ, сопровождаемый громомъ бубновъ и набатовъ, и духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ хоругвями, образами и евангеліями, имѣя во главѣ нареченнаго патріарха Игнатія. Лжедимитрій ѣхалъ верхомъ на статномъ конѣ въ золотомъ кафтанѣ, окруженный боярами и окольничими. Шествіе замыкали отряды казаковъ, Татаръ и опять Поляковъ. Все московское и окрестное населеніе радостными кликами привѣтствовало того, кого оно въ простотѣ сердца считало истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго и называло своимъ яснымъ солнышкомъ. Не только улицы и площади были полны народомъ; онъ тѣснился на кровляхъ домовъ и даже церквей. Самозванецъ привѣтливо кланялся

на обѣ стороны. Вступленіе его въ столицу однако не обошлось безъ нѣкоторыхъ случайностей. Такъ, когда онъ ѣхалъ по мосту, наведенному черезъ Москву-рѣку отъ Стрѣлецкой Слободы въ Китай-городъ, вдругъ поднялся вихрь съ такою пылью, которая заслѣпляла глаза, и это явленіе нѣкоторыми было принято за дурное предзнаменованіе. Не понравилось многимъ истымъ Москвичамъ и то обстоятельство, что на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство встрѣтило новаго царя съ образами и церковнымъ пѣніемъ, польскіе трубачи и литаврщики своими инструментами заглушали это пѣніе; а потомъ, когда онъ сошелъ съ коня и сталъ обходить кремлевскіе соборы, туда слѣдовали за нимъ пестрою безпорядочною толпою всякіе иноземцы его свиты, Поляки, Нѣмцы, Угры. Въ Архангельскомъ соборѣ, искусившійся въ лицемѣріи, Самозванецъ припалъ ко гробу своего мнимаго отца, и сказалъ нѣсколько трогательныхъ словъ, проливая слезы. Наконецъ онъ вступилъ въ царскій дворецъ. Мнимый его бывшій дядька Богданъ Бѣльскій вышелъ на Лобное мѣсто. Обратясь къ народу, онъ клялся, что это истинный сынъ Ивана Грознаго, и увѣщевалъ беречь его, любить, служить ему вѣрою и правдою. Весь этотъ день Москва дрожала отъ безпрерывнаго звона своихъ многочисленныхъ колоколовъ. (1)

Такъ произошло воцареніе польско-литовскаго бродяги на Московскомъ престолѣ.

Первыя дѣйствія новаго царя въ Москвѣ, какъ и естественно, состояли въ раздачѣ наградъ и всякихъ милостей, преимущественно тѣмъ, которые пострадали при Годуновыхъ. Такъ мнимые его родственники Нагіе были возвращены изъ ссылки и пожалованы боярскимъ саномъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Голицынымъ, Салтыковымъ, Масальскимъ и нѣкоторыми воеводами, ранѣе другихъ передавшимися на его сторону. Людей менѣе знатныхъ онъ произвелъ въ окольничіе, въ томъ числѣ дьяковъ Василія Щелкалова и Аѳанасія Власьева. Извѣстный его агентъ Гаврило Пушкинъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ, а мнимый его дядька Богданъ Бѣльскій „великимъ“ оружничимъ. Особое вниманіе оказано было знаменитой семьѣ Романовыхъ, столь сильно пострадавшей отъ Бориса. Изъ пяти братьевъ въ живыхъ оставались только двое: Иванъ Никитичъ и насильно постриженный Ѳеодоръ, теперь инокъ Филаретъ. Ихъ вызвали изъ ссылки и воротили имъ конфискованныя имущества; Ивана Никитича пожаловали саномъ боярина, а старца Филарета посвятили въ санъ Ростовскаго митрополита; бывшая его супруга, теперь инокиня Марѳа, съ сыномъ Михаиломъ поселилась въ костромскомъ Ипатьевскомъ мо-

настырѣ, который принадлежалъ къ эпархіи Филарета. Тѣла Романовыхъ, умершихъ въ изгнаніи, перевезли въ Москву, и здѣсь похоронили. Возвратили изъ ссылки и престарѣлаго слѣпца Симеона Бекбулатовича, бывшаго когда-то титулярнымъ царемъ Московскимъ. Награды посыпались на многихъ чиновниковъ и въ особенности на войско: жалованье служилымъ людямъ было удвоено. Самозванецъ велѣлъ уплатить и всѣ частные долги своего мнимаго отца Ивана IV. Если вѣрить одному польскому свидѣтельству, онъ истратилъ тогда изъ московской казны до семи съ половиною мильоновъ рублей—сумма потому времени громадная.

Всѣ въ Москвѣ, казалось, ликовали; знатные и незнатные спѣшили изъявлять свою преданность царю. Но посреди сего ликованія противъ него уже составлялся тайный заговоръ, руководимый княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Ему конечно болѣе чѣмъ кому другому была извѣстна смерть истиннаго Димитрія, и теперь, когда Годуновы были свержены, а Мстиславскій отстранялся отъ всякихъ притязаній на престолъ, Шуйскій считалъ за собою ближайшее на него право, и, не медля ни минуты, началъ подготовлять почву для сверженія Лжедимитрія и своего возвышенія. По ночамъ онъ собиралъ у себя довѣренныхъ лицъ, преимущественно изъ московскаго торговаго сословія, убѣждалъ ихъ въ самозванствѣ новаго царя и поручалъ имъ эту истину распространять въ народѣ. Кто именно былъ Самозванецъ, вѣроятно онъ самъ не зналъ; а потому схватился за готовое уже мнѣніе о немъ какъ о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, который былъ преданъ проклятію высшимъ русскимъ духовенствомъ, и одно это обстоятельство долженствовало сильно дѣйствовать на умы народа при малѣйшемъ сомнѣніи въ истинности царевича. Впечатлѣніе должно было еще усилиться внушеніями, что воръ-разстрига передался Ляхамъ и намѣренъ „разорить христіанскую вѣру“, т. е. ввести латинство. Но затѣянное дѣло оказалось несвоевременнымъ и неискусно направленнымъ. Клевреты Шуйскаго, въ томъ числѣ московскій купецъ Ѳедоръ Коневъ, дѣйствовали безъ надлежащей осторожности, и притомъ встрѣтили мало сочувствія: народная масса находилась еще подъ обаяніемъ разсказовъ о чудесномъ спасеніи и подвигахъ царевича и, послѣ нелюбимаго Годунова, предавалось радости видѣть на престолѣ прямого потомка своего исконнаго царскаго рода. Толки о самозванствѣ царя дошли до Басманова, который донесъ о нихъ Лжедимитрію; клевреты Шуйскаго были схвачены и подъ пыткою во всемъ признались. Схватили братьевъ Шуйскихъ и также

подвергли ихъ пристрастному допросу. Лжедимитрій отказался самъ произнести приговоръ, и отдалъ ихъ дѣло на судъ собору, составленному изъ духовенства, бояръ и людей всякихъ чиновъ. Соборъ, отчасти раболѣпствуя передъ новымъ царемъ, отчасти раздѣляя народное увлеченіе, приговорилъ Василія Шуйскаго къ смертной казни, а его братьевъ Димитрія и Ивана къ ссылкѣ.

Въ концѣ іюня (слѣдовательно съ небольшимъ черезъ недѣлю послѣ описаннаго торжества) князя Василія Ивановича взвели на эшафотъ, окруженный густыми рядами стрѣльцовъ и казаковъ, около которыхъ тѣснились народныя толпы. Теперь Басмановъ, вмѣстѣ съ Салтыковымъ назначенный въ приставы при Шуйскомъ, разъѣзжалъ на конѣ и читалъ народу грамоту съ изложеніемъ тяжкихъ винъ осужденнаго боярина. Послѣ неудачнаго заговора, Шуйскій рѣшился по крайней мѣрѣ мужественно сложить свою голову передъ народомъ. „Братія,—воскликнулъ онъ—умираю за правду и за вѣру христіанскую!“ Палачъ уже взялся за топоръ, какъ вдругъ изъ Кремля прискакалъ всадникъ съ крикомъ: „стой!“ Самозванецъ даровалъ жизнь осужденному, и казнь замѣнилъ ссылкою. Басмановъ громко прославилъ милосердіе молодого государя, и довольный народъ разошелся съ пожеланіями ему здравія и долголѣтія. Кто подвигъ Самозванца на это прощеніе, въ точности неизвѣстно; но очевидно около него нашлись ходатаи за родовитаго боярина. А, главное, самъ Лжедимитрій, упоенный чрезвычайнымъ успѣхомъ и знаками народной преданности, еще находился въ какомъ то восторженномъ настроеніи, такъ что носился тогда съ особой теоріей царскаго милосердія. Когда приближенный его секретарь полякъ Янъ Бучинскій совѣтовалъ ему не щадить Шуйскихъ, то онъ отвѣчалъ, что далъ обѣтъ не проливать христіанской крови и что передъ нимъ два способа удержать царство: или быть мучителемъ, или всѣхъ миловать и жаловать, не щадя казны. Онъ выбралъ второй способъ. Шуйскихъ отправили въ ссылку, а имѣнія ихъ отобрали на государя. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Самозванецъ совершенно ихъ простилъ и возвратилъ ко двору.

Приближенные люди совѣтовали ему скорѣе совершить торжественное вѣнчаніе на царство, чтобы упрочить себя на престолѣ; ибо тогда онъ будетъ имѣть священное значеніе въ глазахъ народа. Но Самозванецъ не хотѣлъ приступить къ обряду прежде прибытія мнимой матери, присутствіе которой и признаніе его своимъ сыномъ долженствовали закрѣпить за нимъ царственное происхожденіе въ тѣхъ-же глазахъ. Старица Мареа проживала въ убогой Выксинской пустыни (на Шекснѣ).

Казалось бы ея прибытіе должно было предшествовать возвращенію всѣхъ другихъ лицъ, сосланныхъ Годуновымъ, и самому вступленію Лжедимитрія въ столицу: однако со времени признанія его Москвою протекло около двухъ мѣсяцевъ до пріѣзда вдовствующей царицы. Приходилось посылать къ ней своихъ клевретовъ и вести тайные переговоры, чтобы вынудить ея согласіе на признаніе Лжедимитрія своимъ сыномъ. Очевидно, не вдругъ согласилась Мароа на обманъ: потребовались и просьбы, и обѣщанія всякихъ благъ, и даже угрозы тайнымъ убійствомъ. Старица не устояла, и наконецъ дала свое согласіе. Тогда за нею отправлено было изъ Москвы торжественное посольство, во главѣ съ юнымъ Михаиломъ Скопинымъ Шуйскимъ, который только что былъ пожалованъ саномъ „великаго“ мечника. 18 іюня Самозванецъ, окруженный блестящимъ дворомъ, встрѣтилъ свою мнимую мать въ селѣ Тайнинскомъ. Ее ввели въ роскошно убранный шатеръ, гдѣ Лжедимитрій нѣсколько минутъ говорилъ съ нею наединѣ: при чемъ опять съ угрозами заклиналъ ее не обличать обмана. Выйдя изъ шатра, они нѣжно обнимались и цѣловались, въ виду многочисленной народной толпы; Самозванецъ посадилъ Мароу въ карету, и пошелъ подлѣ нея съ открытою головою; потомъ сѣлъ на коня, поскакалъ впередъ и вновь встрѣтилъ ее уже при въѣздѣ въ Кремль. Онъ проводилъ ее въ женскій Вознесенскій монастырь, гдѣ для нея были приготовлены и украшены особыя комнаты. Послѣ того лжецарь посѣщалъ ее почти ежедневно и вообще показывалъ себя самымъ почтительнымъ сыномъ. Но, при всѣхъ наружныхъ знакахъ почтенія, Самозванецъ не особенно довѣрялъ Мароѣ и окружилъ ее такъ, чтобы устранить всякія сношенія ея съ боярами: несчастная старица очутилась въ золотой клѣткѣ.

21 іюня происходило торжественное вѣнчаніе Самозванца на царство въ Успенскомъ соборѣ со всѣми обычными обрядами. Вѣнчаніе сіе совершалъ Игнатій, за нѣсколько дней до того также торжественно посвященный въ санъ патріарха. Когда послѣ обряда новый царь принималъ во дворцѣ поздравленія отъ всѣхъ придворныхъ чиновъ и наемныхъ польскихъ жолнеровъ, изъ толпы послѣднихъ выступилъ іезуитъ Чировскій: поцѣловавъ руку Лжедимитрія, онъ посреди глубокаго молчанія сказалъ ему отъ имени Поляковъ привѣтственную рѣчь на польскомъ языкѣ: что не мало удивило русскихъ бояръ. Но Самозванцу эта напыщенная рѣчь повидимому очень понравилась, и онъ самъ переводилъ боярамъ ея смыслъ. За поздравленіями слѣдовалъ роскошный пиръ [5]).

Почти годовое правленіе Лжедимитрія, какъ и слѣдовало ожидать, носитъ на себѣ печать явнаго вліянія его польскаго воспитанія и его легкомыслія. Такъ Боярскую думу онъ началъ преобразовывать по образцу польскаго Сената. Прежде высшее московское духовенство приглашалось царемъ въ думу только въ важныхъ случаяхъ; Лжедимитрій хотѣлъ присутствіе здѣсь патріарха и другихъ архіереевъ сдѣлать постояннымъ, назначая имъ мѣста по старшинству. Также по польскимъ образцамъ онъ учредилъ должности великаго конюшаго, великаго дворецкаго, далѣе великихъ оружничаго, мечника, подчашаго, кравчаго, сокольничаго, секретаря и надворнаго подскарбія или казначея; въ послѣднія двѣ назначилъ Аѳанасія Власьева. Онъ охотно самъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ, гдѣ, по свидѣтельству иноземцевъ, любилъ блеснуть своимъ остроуміемъ, прекращая долгія пренія бояръ и быстро (хотя бы неосновательно) рѣшая запутанныя дѣла; при чемъ не упускалъ случая упрекнуть ихъ въ невѣжествѣ или указать на чужія земли, которыя имъ слѣдуетъ посѣщать, чтобы научиться тамъ уму-разуму. Вообще обхожденіе этого неблаговоспитаннаго выскочки съ русскими боярами, дьяками и чиновниками было очень неровное: то онъ дружился съ ними и обходился за панибрата, то ругалъ ихъ и даже билъ палкою въ минуты вспыльчивости. Ища народной любви, онъ велѣлъ объявить, что самъ будетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, принимать челобитныя на дворцовомъ крыльцѣ; запретилъ въ приказахъ брать посулы; допустилъ гораздо болѣе свободы въ торговлѣ и промышленности равно для Русскихъ и иноземцевъ. Подобныя мѣры въ сущности являлись скороспѣлыми и мало обдуманными. Пристрастныя иноземныя свидѣтельства вообще хвалятъ его доступность и простоту въ обращеніи, его дѣятельность и подвижность: говорятъ, что, вмѣсто обычнаго на Руси спанья послѣ обѣда, онъ часто выходилъ изъ дворца одинъ или самъ другъ, посѣщалъ аптеки, лавки съ издѣліями изъ дорогихъ металловъ и т. п. Вѣроятно такъ-запросто онъ разгуливалъ только въ началѣ; а потомъ, въ виду нѣкоторыхъ обнаруженныхъ заговоровъ и опасныхъ толковъ, онъ ѣздилъ по столицѣ, окруженный своими тѣлохранителями-иноземцами.

Чтобы показать довѣріе Москвитянамъ, Лжедимитрій на первыхъ порахъ началъ распускать казацкіе и наемные отряды, въ томъ числѣ и польскій; но скоро спохватился, и сталъ формировать ихъ вновь. Между прочимъ онъ учедилъ трехсотенную иноземную гвардію, набранную преимущественно изъ Нѣмцевъ: первая сотня была конная

и состояла подъ командою француза Якова Маржерета, уже служившаго капитаномъ въ наемномъ нѣмецкомъ отрядѣ при Борисѣ Годуновѣ (автора любопытныхъ записокъ о Россіи); двѣ другія сотни представляли пѣшихъ алебардщиковъ; одною начальствовалъ датчанинъ Кнутсонъ, а другою шотландецъ Альбертъ Вандеманъ. Эти сотни получали богатое жалованье, одѣты были въ роскошные бархатные или парчевые плащи и цвѣтные суконные кафтаны нѣмецкаго покроя; вооруженіе ихъ было украшено серебромъ и позолотою. Они постоянно содержали внутренній дворцовый караулъ и сопровождали царя при его выѣздахъ. Кромѣ иноземцевъ, онъ держалъ постоянно въ сборѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ стрѣльцовъ для охраны своего дворца и своей особы.

Если Самозванецъ къ чему дѣйствительно обнаруживалъ влеченіе и усердіе, это къ военному дѣлу, въ которомъ онъ кое что понималъ. Приготовляясь начать войну противъ Турокъ и Татаръ, онъ велѣлъ отлить много новыхъ пушекъ и мортиръ, которыя отправлялъ въ Елецъ и вообще на южныя украйны. А, главное, онъ обратилъ вниманіе на военныя упражненія или на обученіе войска; устраивалъ примѣрныя сраженія, примѣрную осаду и оборону крѣпостей. Съ сею цѣлью онъ велѣлъ построить подвижную крѣпостцу на колесахъ (родъ гуляй-города), которая предназначалась для дѣйствія противъ Татаръ. Она была снаружи раскрашена изображеніями слоновъ и разныхъ чудовищъ, способныхъ испугать татарскихъ всадниковъ и коней. На окнахъ былъ изображенъ входъ въ адъ, извергавшій пламя, а подъ ними виднѣлись чертовы головы съ отверзтою пастью, въ которую вставлялись небольшія пушки или пищали. Москвичи съ удивленіемъ смотрѣли на это сооруженіе и назвали его „адомъ". Зимой Лжедимитрій помѣстилъ его на льду Москвы-рѣки и посылалъ Поляковъ, однихъ защищать, а другихъ осаждать сію крѣпостцу. Однажды онъ соорудилъ укрѣпленіе изъ снѣгу и льда, и велѣлъ оборонять его Русскимъ, а Нѣмцамъ и Полякамъ брать приступомъ; вмѣсто оружія служили снѣжные комки. При семъ онъ не утерпѣлъ, самъ сталъ во главѣ иноземцевъ и взялъ съ бою укрѣпленіе; послѣ чего похвалялся, что онъ также завоюетъ у Турокъ Азовъ. Русскіе были оскорблены, и обвиняли иноземцевъ въ томъ, что они вмѣсто снѣгу зажали въ кулакъ куски желѣза. Вообще легкомысленный Самозванецъ слишкомъ усердно выказывалъ передъ народомъ свою ловкость и молодечество. Онъ любилъ скакать на бѣшеныхъ коняхъ, на охотѣ самъ гонялъ съ собаками за волкомъ или лисицею; а однажды на медвѣжьей

травлѣ хотѣлъ самолично выдти на медвѣдя съ рогатиной, и только по усиленнымъ просьбамъ вельможъ оставилъ свое намѣреніе. Подобные подвиги производили странное впечатлѣніе на народъ: съ одной стороны Русскіе, какъ любители всякой удали, хвалили молодого царя; а съ другой, привыкшіе къ торжественности и величію, которыми окружали себя ихъ государи, они считали такіе подвиги нѣкоторымъ униженіемъ царскаго достоинства.

Не довольствуясь кремлевскими царскими палатами, Самозванецъ затѣялъ подлѣ нихъ, еще ближе къ Москвѣ рѣкѣ, постройку новаго дворца, деревяннаго, состоявшаго собственно изъ двухъ отдѣльныхъ, но соединенныхъ между собою зданій: одно предназначалъ для себя, а другое для будущей царицы. Зданія сіи онъ украсилъ по своему польскому вкусу: стѣны были обиты дорогою парчею и рытымъ бархатомъ, всѣ гвозди, крюки и дверныя петли густо вызолочены, печи выложены зелеными изразцами, оконныя и дверныя занавѣси сдѣланы изъ матерій, затканныхъ золотомъ, и т. п. У входа въ новый дворецъ, къ удивленію и соблазну подданныхъ, поставлено было большое мѣдное изваяніе миѳологическаго пса или цербера съ тремя головами, которыя при помощи особаго механизма могли открывать свои пасти и брячать зубами. Подъ этимъ дворцомъ были выведены разные потаенные ходы, на случай опасности. Вообще Самозванецъ, какъ забубенная польская голова, вмѣстѣ съ чрезвычайной расточительностью обнаружилъ ненасытную жажду роскоши и удовольствій. Онъ сыпалъ вокругъ себя наградами и подарками, а также постоянно накупалъ разныхъ драгоцѣнныхъ сосудовъ, украшеній, шелковыхъ тканей и другихъ товаровъ у нѣмецкихъ, польскихъ и еврейскихъ торговцевъ, въ большомъ числѣ пріѣхавшихъ по его приглашенію въ Москву. Любя самъ одѣваться роскошно и часто мѣнять свои наряды, онъ требовалъ подобной роскоши отъ бояръ, дворянъ и даже простыхъ людей. Русскій современникъ съ ироніей замѣчаетъ: „невѣсть съ какой радости всѣ ходили по улицамъ веселые какъ женихи въ золотѣ, серебрѣ и чужестранной багряницѣ; а передъ его лицомъ служащіе ему украшались многоцѣннымъ каменіемъ и дорогимъ бисеромъ и никого онъ не хотѣлъ видѣть смиренно-ходящимъ“.

Самозванецъ жилъ широко и весело; во дворцѣ часто играли польскіе музыканты, шли пиры, попойки и оживленные танцы. Онъ самъ устроилъ нѣсколько русскихъ свадебъ, и пользовался ими какъ удобнымъ предлогомъ къ новымъ пирамъ и празднествамъ. Между прочимъ съ князя Ѳ. И. Мстиславскаго онъ не только снялъ годунов-

ское запрещеніе жениться, но и самъ выбралъ ему невѣсту изъ семьи своихъ мнимыхъ родственниковъ Нагихъ, и подарилъ ему домъ Бориса Годунова. Но въ чемъ особенно сказались крайняя распущенность и легкомысліе сего польскаго исчадія, такъ это въ необузданномъ любострастіи. Недовольствуясь злосчастною Ксеніей Борисовной, онъ постоянно требовалъ все новыхъ и новыхъ жертвъ своего разврата. Михаилъ Молчановъ, извѣстный негодяй и убійца Годуновыхъ, служилъ усердно ему на семъ поприщѣ: съ помощію своихъ агентовъ онъ разыскивалъ красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ покупалъ деньгами или бралъ силою, и тайными ходами приводилъ къ своему повелителю. Самые монастыри не были пощажены, и многія молодыя монахини попали въ число его жертвъ. Говорятъ, послѣ смерти Лжедимитрія оказалось до 30 женщинъ, которыя по его винѣ готовились сдѣлаться матерями. На ряду съ близкимъ его наперсникомъ княземъ Василіемъ Масальскимъ, Петръ Басмановъ, выступившій въ Новгородѣ Сѣверскомъ героемъ на историческое поприще, теперь игралъ роль главнаго соучастника въ сихъ оргіяхъ и низкаго угодника тому, кого онъ самъ признавалъ лжецаремъ. Одинъ Нѣмецъ, пользовавшійся его довѣріемъ, разъ въ присутствіи нѣмецкаго купца спросилъ мнѣніе Басманова о названномъ Димитріи. „Онъ жалуетъ васъ, Нѣмцевъ, болѣе чѣмъ всѣ прежніе государи—отвѣчалъ Басмановъ.—Молитесь о немъ: хотя онъ и не истинный царевичъ; но мы ему присягнули; да лучшаго царя намъ и не найти“.

Среди своего праздничнаго царствованія Самозванцу пришлось однако серьёзно подумать о томъ, какъ расплатиться съ своими благодѣтелями, которые выдвинули его изъ темноты и ничтожества и возвели на такой высокій, міровой постъ, какимъ является Московскій престолъ. Отъ сражавшихся за него казаковъ и польскихъ жолнеровъ онъ могъ еще отдѣлаться денежными наградами, но и то не вполнѣ. Многіе Поляки или ополяченные Западноруссы, получивъ эти награды, остались ими недовольны, ибо разсчитывали на гораздо большее; они не спѣшили возвращаться на родину, и большею частію проматывали полученное жалованье тутъ же въ Москвѣ, а потомъ вновь поступали на службу къ Лжедимитрію. Несравненно труднѣе было расквитаться съ главными его благодѣтелями, т. е. Мнишками, королемъ Сигизмундомъ и Римскою куріей. Обѣщанія и обязательства, которыя онъ надавалъ имъ во время своей кандидатуры, по большей части оказались неисполнимыми въ дѣйствительности: какъ ни былъ легкомысленъ Лжедимитрій, но онъ хорошо сознавалъ всю невозмож-

ность приступить къ введенію уніи въ Московское государство или къ отдѣленію отъ него нѣсколькихъ областей, ради удовлетворенія папы и короля. Съ этой стороны хотя онъ значительно измѣнилъ тонъ; но пришлось еще хитрить, лицемѣрить и выигрывать время; только относительно Мнишковъ онъ остался вѣренъ своимъ обязательствамъ, хотя и далеко не въ полномъ ихъ размѣрѣ.

Съ польскими отрядами, какъ мы видѣли, въ Москву прибыли два іезуитскихъ патера, Лавицкій и Чировскій, тѣ самые, у которыхъ онъ еще недавно, во время своего путивльскаго сидѣнія, началъ было учиться философіи и реторикѣ. Ихъ тайная надежда на продолженіе такой же близости и на руководство имъ въ дѣлахъ религіозныхъ не оправдалась. Наиболѣе приближенными и довѣренными совѣтниками Самозванца сдѣлались не эти два патера, а два брата Бучинскихъ, Станиславъ и Янъ, его частные секретари, оба протестанты. Они то и сочиняли ему теперь латинскія посланія къ папѣ и другіе дипломатическіе документы. Посредствомъ ихъ онъ иногда сносился и съ самими патерами. Съ послѣдними, при удобномъ случаѣ, онъ любилъ возобновлять разговоры о невѣжествѣ Московскаго народа, о необходимости его просвѣтить; для чего намѣревался завести коллегіи и академіи, разумѣется, по польскому образцу; а іезуиты конечно разсчитывали на свое будущее руководство этими коллегіями и академіями, т. е. на воспитаніе московскаго юношества въ духѣ греко-римской уніи. Но Самозванецъ признавалъ нужнымъ пока не возбуждать разныхъ опасеній со стороны своихъ подданныхъ, а потому исполненіе названныхъ намѣреній откладывалъ въ долгій ящикъ. Межъ тѣмъ Римская курія отнюдь не желала довольствоваться ожиданіями, и по своему обыкновенію думала ковать желѣзо, пока горячо.

Мы имѣемъ рядъ писемъ новаго тогда папы Павла V какъ къ самому Лжедимитрію, такъ и къ другимъ прикосновеннымъ лицамъ. Папа то поздравляетъ Самозванца съ благополучнымъ окончаніемъ его предпріятія и восшествіемъ на тронъ предковъ, увѣщевая при семъ неизмѣнно сохранить свое католическое исповѣданіе; то поручаетъ его вниманію нѣсколькихъ кармелитскихъ монаховъ, которые отправлялись въ Персію черезъ Московію; то воздаетъ хвалу Сигизмунду III за помощь, оказанную Димитрію Московскому; то пишетъ кардиналу Мацѣевскому или Юрію Мнишку, внушая имъ заботу о поддержаніи вѣрности Римской церкви въ новомъ московскомъ царѣ. Нунцій Рангони съ своей стороны тоже осыпаетъ Лжедимитрія письменными поздравленіями и пожеланіями; кромѣ того отправляетъ къ нему въ

августѣ 1605 года своего капеллана аббата Пратисоли съ письмомъ и подарками, состоящими изъ разныхъ священныхъ предметовъ; таковы: распятіе, вновь отпечатанная латинская библія, икона Реджійской Богоматери, четки съ медалью-индульгенціей, каковыя давались обыкновенно побѣдителю, и пр. Въ письмѣ своемъ нунцій намекаетъ на то, что недавнею побѣдою и блестящимъ успѣхомъ названный Димитрій обязанъ своему обращенію въ католичество и прямо напоминаетъ о его обѣщаніи ввести унію. Самозванецъ съ своей стороны на посланія святѣйшаго отца шлетъ почтительные и любезные отвѣты, подписываясь его „послушнѣйшимъ сыномъ“ (Sanctitatis Vestrae obsequentissimus filius Demetrius etc.). Въ то же время чрезъ своего секретаря Яна Бучинскаго, отправленнаго въ Краковъ по вопросу о бракѣ съ Мариною Мнишекъ, онъ проситъ нунція Рангони между прочимъ поддержать его настоянія о цесарскомъ титулѣ и союзѣ съ Римскимъ (т. е. Германскимъ) императоромъ. А въ декабрѣ 1605 года онъ отправляетъ въ Римъ уже прямо къ его святѣйшеству посломъ отъ себя патера Андрея Лавицкаго, который по дорогѣ долженъ былъ остановиться въ Краковѣ и передать особыя письма нунцію. Краковскіе іезуиты были немало удивлены, увидя своего товарища въ одѣяніи русскаго священника, съ бородою, длинными волосами и греческимъ крестомъ на груди: такъ іезуитскіе патеры преобразились въ Москвѣ, чтобы избѣгать народнаго вниманія и неудовольствія.

Лавицкій имѣлъ порученіе хлопотать у его святѣйшества о трехъ главныхъ статьяхъ: во-первыхъ, устроить при его посредствѣ союзъ или коалицію Московскаго царя съ Римскимъ императоромъ и Польскимъ королемъ для общей войны противъ Турокъ; во-вторыхъ, поддержать царя передъ польскимъ королемъ по вопросу о присвоеніи Димитріемъ императорскаго титула, и въ третьихъ, наконецъ, наградить нунція Рангони кардинальскимъ достоинствомъ. И въ Краковѣ, и въ Римѣ король, нунцій, папа, министры слушали съ умиленіемъ и заставляли повторять разсказы Лавицкаго о чудесныхъ приключеніяхъ и необычайномъ успѣхѣ Самозванца. Но особыхъ послѣдствій его посольство не имѣло. Папскіе отвѣты Лжедимитрію были написаны въ томъ же ласковомъ отеческомъ тонѣ, но содержали въ себѣ уклончивыя фразы относительно цесарскаго титула и заключенія союза съ Римскимъ императоромъ: онъ совѣтовалъ царю, не дожидаясь союзниковъ, первому напасть на Турокъ и побѣдить ихъ. Главный же припѣвъ всѣхъ этихъ писемъ состоялъ въ томъ, что „одна только есть вѣра католическая“ и главная обязанность царя это „про-

свѣтить свое царство“ и явиться вторымъ Константиномъ. При семъ папа совѣтуетъ не довѣряться еретикамъ, а слушать людей умныхъ и благочестивыхъ; особенно поручаетъ его довѣрію того же отца Лавицкаго, который конечно получилъ въ Римѣ нужныя по сему предмету наставленія. А просьба о кардинальскомъ достоинствѣ для нунція Рангони очевидно сочтена была за неумѣстное присвоеніе себѣ привилегій, которыми пользовались только самые могущественные католическіе государи, и потому пройдена полнымъ молчаніемъ.

Римская курія очень желала имѣть сношенія съ Москвою не чрезъ польскаго нунція, а непосредственно чрезъ особаго уполномоченнаго. Но она опасалась возбудить неудовольствіе при Краковскомъ дворѣ, который изъ политическихъ своихъ видовъ всегда противился непосредственнымъ связямъ Москвы съ Римомъ. Послѣ разныхъ колебаній и проектовъ на сей счетъ, рѣшено было наконецъ отправить въ Москву посломъ отъ папскаго престола Александра Рангони, который приходился племянникомъ нунцію Клавдію Рангони, слѣдовательно не могъ носить характеръ особаго, вполнѣ независимаго отъ польской нунціатуры, уполномоченнаго. Александръ Рангони прибылъ въ Москву въ февралѣ 1606 года и былъ принятъ Лжедимитріемъ въ торжественной аудіенціи, при которой присутствовали не одни бояре, но также и патріархъ съ высшимъ духовенствомъ. Съ той и другой стороны были сказаны разныя учтивости. Послѣ сего пріема Самозванецъ через Бучинскаго извинялся передъ папскимъ посломъ въ томъ, что пріемъ былъ сухой и чисто оффиціальный, изъ опасенія возбудить неудовольствіе московскихъ бояръ, и увѣрялъ, что онъ питаетъ все тѣ же чувства глубокаго сыновняго уваженія къ святѣйшему отцу. Потомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы папа прислалъ ему опытныхъ свѣтскихъ лицъ, могущихъ занять мѣсто секретарей и совѣтниковъ въ дѣлахъ управленія, кромѣ того нѣсколько искусныхъ инженеровъ, военныхъ техниковъ и инструкторовъ. Въ донесеніи своемъ Рангони совѣтуетъ исполнить сію просьбу; такъ какъ, по слухамъ, Бучинскій вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими единовѣрцами Поляками и московскими Англичанами старается сблизить Димитрія съ протестантами и затѣваетъ снарядить посольство въ Англію для набора тамъ инженеровъ и разныхъ техниковъ-еретиковъ. Сверхъ того Лжедимитрій просилъ папу способствовать его дипломатическимъ сношеніямъ не только съ Римскимъ императоромъ, но также съ королями Испанскимъ и Французскимъ. Вообще въ переговорахъ съ папскимъ посломъ онъ обнаружилъ нѣкоторое дипломатическое искусство;

такъ что Александръ Рангони вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы довольный оказаннымъ ему вниманіемъ, снабженный любезными письмами и обѣщаніями, которыя способны были поддержать надежды и вожделѣнія Римской куріи, хотя не заключали никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ. Но вскорѣ эта курія стала замѣчать явное равнодушіе Самозванца къ религіознымъ вопросамъ и начала безпокоиться за успѣхъ своего дѣла въ Московіи. Особенно не могло ей понравиться пожертвованіе съ его стороны трехъ сотъ рублей (соболями) въ городъ Львовъ для окончанія соборнаго Успенскаго храма, въ февралѣ 1606 года; при чемъ обратившимся къ нему за помощью священникамъ и дьяконамъ сего храма онъ отвѣчалъ грамотою, въ которой заявлялъ себя „несумнѣннымъ и непоколебимымъ въ истинной правой вѣрѣ Греческаго закону“.

Не менѣе щекотливыми оказались отношенія къ польскому королю, который очевидно считалъ Лжедимитрія своимъ посаженикомъ на Московскомъ престолѣ, почти своимъ вассаломъ и ожидалъ теперь исполненія его обязательствъ. Отъ Сигизмунда пріѣхалъ въ Москву посланникомъ староста велижскій Александръ Гонсѣвскій, который имѣлъ порученіе явно поздравить Самозванца съ восшествіемъ на престолъ, а тайно напомнить ему нѣкоторыя его обѣщанія, между прочимъ относительно союза противъ Карла Шведскаго и заключенія подъ стражу его племянника королевича Густава. При семъ, чтобы напугать Самозванца, посланникъ сообщилъ ходившій въ Польшѣ слухъ, будто Борисъ Годуновъ не умеръ, а спасся бѣгствомъ въ Англію. Но это дѣтское пуганье не произвело никакого дѣйствія. Съ своей стороны, чтобы показать полную независимость, сразу стать на равную ногу съ королемъ и предупредить излишнія притязанія, Лжедимитрій придрался къ старому и спорному вопросу о царскомъ титулѣ. Онъ выразилъ неудовольствіе на то, что королевская грамота называла его не царемъ, а только господаремъ и великимъ княземъ; мало того, изъявилъ притязаніе на императорскій титулъ и сталъ самъ себя величать „непобѣдимымъ цесаремъ“, слѣдовательно ставилъ Московскую корону на высшую ступень сравнительно съ Польскою. Но его нареченная невѣста Марина Мнишекъ еще находилась въ Польшѣ, и король могъ воспрепятствовать ея браку. Поэтому Самозванецъ пока не настаивалъ на своихъ притязаніяхъ и отпустилъ Гонсѣвскаго съ любезнымъ отвѣтомъ. Онъ также поручилъ Александру Рангони увѣрить короля въ своей къ нему преданности и признательности, но при этомъ просить, чтобы король не требовалъ отъ

него обѣщанной уступки областей до тѣхъ поръ, пока власть его прочно утвердится въ Московской землѣ. Посылая грамоту съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на Московскій престолъ Карлу герцогу Зюдерманландскому, захватившему Шведскую корону, Лжедимитрій въ той же грамотѣ увѣщевалъ Карла возвратить корону Сигизмунду какъ законному государю Швеціи. А другого претендента на сію корону, королевича Густава, человѣка гордаго и своенравнаго, изъ Углича перевелъ въ Ярославль и велѣлъ содержать тамъ какъ плѣнника [6]).

Отношенія польскія въ сіе время тѣсно связались съ дѣломъ женитьбы Самозванца на Маринѣ Мнишекъ; къ чему мы и обратимся.

Въ октябрѣ 1606 года (сентябрьскаго) Самозванецъ отправилъ посломъ въ Польшу „великаго секретаря" и казначея Аѳанасія Власьева, который изъ русскихъ людей, на ряду съ Басмановымъ и Масальскимъ, былъ наиболѣе приближеннымъ къ нему совѣтникомъ и угодникомъ или „тайноглагольникомъ", какъ называетъ его одинъ русскій лѣтописецъ. Власьевъ прибылъ въ Краковъ, окруженный блестящею, многочисленною свитою изъ конныхъ дворянъ; за нимъ слѣдовалъ большой обозъ со скарбомъ и дорогими подарками. Онъ остановился въ домѣ Мнишка, и вскорѣ имѣлъ торжественную аудіенцію у короля, на которой говорилъ о желаніи своего государя заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Турокъ. Только на второй аудіенціи онъ приступилъ къ главной цѣли своего посольства, т. е. изложилъ просьбу о королевскомъ дозволеніи вступить Московскому царю въ бракъ съ Мариною Мнишковною. Сигизмундъ III далъ свое согласіе.

12 ноября состоялось торжественное обрученіе Марины; при чемъ лицо Московскаго царя представлялъ его посолъ. На церемоніи присутствовалъ король съ сыномъ Владиславомъ и сестрою, носившею титулъ шведской королевны. Обрученіе совершалъ родственникъ невѣсты кардиналъ-епископъ Мацѣевскій. За церемоніей послѣдовали пиръ и танцы. Власьевъ во время обряда и пира обратилъ на себя общее вниманіе разными выходками наивности и раболѣпія. Напримѣръ, на обычный вопросъ священнодѣйствовавшаго — „не обѣщалъ ли царь на комъ жениться прежде Марины?" — онъ отвѣчалъ: „а почемъ я знаю; онъ мнѣ этого не говорилъ". И, только послѣ настоятельныхъ требованій отвѣтить прямо, прибавилъ: „если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не слалъ бы меня сюда". Когда же нужно было соединить руки жениха и невѣсты, онъ, чтобы не прикоснуться голою рукою къ рукѣ своей будущей государыни, предварительно обер-

нулъ собственную платкомъ; обручальный перстень совсѣмъ не рѣшился надѣть себѣ на палецъ, а положилъ его въ карманъ. За столомъ, сидя подлѣ Марины, онъ не хотѣлъ дотронуться до кушанья, говоря, что „холопу негодится ѣсть съ государями", какъ ни внушали ему, что онъ представляетъ лицо самого царя. Съ своей стороны посолъ остался очень не доволенъ тѣмъ, что при окончаніи бала Юрій Мнишекъ подвелъ свою дочь къ королю, вмѣстѣ съ нею упалъ предъ нимъ на колѣни и благодарилъ за его милости. Власьевъ видѣлъ въ этомъ умаленіе царскаго достоинства, такъ какъ Марину теперь уже называли московскою царицею. За то привезенные имъ роскошные подарки царской невѣстѣ, ея отцу, брату и другимъ родственникамъ произвели на Поляковъ сильное впечатлѣніе: очевидно, Самозванецъ не жалѣлъ московской казны для удовлетворенія ихъ жадности и тщеславія. Тутъ были кони въ красивыхъ уборахъ, оправленныхъ самоцвѣтными камнями, драгоцѣнные мѣха, цѣлые пуды жемчугу, венеціанскіе бархаты, турецкіе атласы, персидскіе ковры, золотые часы съ флейтистами и трубачами, также золотые корабль, павлинъ и быкъ, служившій вмѣсто ларца, серебряный пеликанъ и пр.

Марина послѣ обрученія уѣхала въ Промникъ въ сопровожденіи своего отца и московскаго посла. Послѣдніе воротились оттуда въ Краковъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи самого короля, который, будучи вдовъ, вступилъ тогда во второй бракъ съ сестрой своей покойной супруги австрійской эрцгерцогиней Констанціей.

Въ январѣ пріѣхалъ въ Польшу другой посолъ отъ Самозванца, его частный секретарь Янъ Бучинскій, который привезъ большія суммы Мнишкамъ для уплаты ихъ долговъ. Онъ вручилъ 200,000 злотыхъ воеводѣ Сендомірскому и 50,000 его сыну, старостѣ Саноцкому, а Маринѣ новые подарки, состоявшіе изъ золотыхъ и брилліантовыхъ украшеній. Но присланныхъ суммъ далеко недоставало на покрытіе долговъ. Вскорѣ Самозванецъ прислалъ еще 100,000 злотыхъ; но и этого оказалось мало. Нареченный его тесть не стыдился вымогать деньги у посла Власьева, и, за его поручительствомъ, набирать товары у московскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Польшѣ. Посредствомъ Бучинскаго Лжедимитрій убѣждалъ Мнишковъ испросить для Марины отъ папскаго нунція разрѣшеніе при обрядѣ ея будущаго коронованія въ Москвѣ принять св. причастіе изъ рукъ патріарха—безъ чего невозможно было бы исполнить и самый обрядъ,—а также посѣщать греко-русскую церковь, поститься въ середу вмѣсто субботы и ходить съ покрытою головою какъ это въ обычаѣ у русскихъ

замужнихъ женщинъ. Такія просьбы произвели непріятное впечатлѣніе; по сему поводу завязалась цѣлая переписка между Краковымъ и Римомъ, и послѣдній никакъ не соглашался на подобныя уступки. Но Самозванецъ мало тревожился симъ несогласіемъ. Онъ въ это время безпокоился и приходилъ въ нетерпѣніе отъ того, что его нареченная супруга съ своимъ отцомъ медлили и все откладывали свой пріѣздъ въ Москву и что она не отвѣчала на его страстныя письма.

Какъ ни были обрадованы и польщены Мнишки успѣхомъ Самозванца и блескомъ царской короны на головѣ Марины, какъ ни были они тщеславны и предпріимчивы, однако что-то мѣшало имъ спокойно довѣриться этой удачѣ и спѣшить въ такую полуварварскую страну, какою рисовалась ихъ воображенію Московія. Зная тайну самозванства, очевидно они выжидали, чтобы время показало, насколько проченъ этотъ почти сказочный успѣхъ, насколько названный Димитрій твердо усѣлся на престолѣ. И тѣмъ болѣе сомнѣніе могло закрасться въ ихъ душу, что изъ Москвы стали приходить вѣсти и слухи для него неблагопріятныя; а въ Польшѣ общественное мнѣніе продолжало относиться къ нему неблагосклонно.

Первыми распространителями дурныхъ слуховъ были польскіе жолнеры, покинувшіе службу Лжедимитрія и воротившіеся въ Польшу. Эти ненасытные люди бранили его за неуплату имъ всего обѣщаннаго и заслуженнаго жалованья и вообще отзывались о немъ съ презрѣніемъ. Нѣкоторые русскіе выходцы, признавшіе его на первыхъ порахъ истиннымъ царевичемъ, теперь за тайну сообщали своимъ польскимъ пріятелямъ, что въ Москвѣ уже провѣдали самозванство царя, и ему грозитъ бѣда. Но Поляки менѣе другихъ способны были хранить подобныя тайны, и онѣ скоро разглашались. Вельможи, которые и прежде противились предпріятію Самозванца, теперь стали громко бранить его за неблагодарность Польшѣ и притязаніе на необычные титулы. Они упрекали короля, зачѣмъ онъ помогалъ сему проходимцу вмѣсто того, чтобы пожертвовать имъ и получить за него большія выгоды отъ Бориса Годунова. Есть свидѣтельство, что и сами московскіе бояре уже обращались въ это время къ королю съ подобными жалобами. Получивъ извѣстіе о совершившемся обрученіи Марины, Лжедимитрій послалъ гонцомъ дворянина Ивана Безобразова съ благодарственными грамотами къ королю и Мнишку и съ увѣдомленіемъ о снаряженіи большого московскаго посольства въ Польшу. Этотъ Безобразовъ оказался тайнымъ агентомъ князя Шуйскаго, по совѣту котораго онъ и былъ назначенъ гонцомъ. Испол-

нивъ оффиціальное порученіе, Безобразовъ секретно довелъ до Сигизмунда, что бояре, особенно князья Шуйскіе и Голицыны, сѣтуютъ на короля, который далъ имъ въ цари человѣка неблагороднаго, легкомысленнаго и распутнаго; поэтому они хотятъ свергнуть его съ престола, а на его мѣсто желали бы посадить королевича Владислава. Это послѣднее желаніе было хитро придумано: оно долженствовало польстить королю и связать его по отношенію къ названнымъ боярамъ. Съ его стороны пока послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ при посредствѣ канцлера Сапѣги, который теперь уже могъ предвкушать плоды своей политической интриги, при видѣ смуты, наступавшей въ Московскомъ государствѣ. Говорятъ еще, будто около того же времени сама царица-старица Мареа, при посредствѣ одного ливонскаго плѣнника, поручила какому-то Шведу довести до свѣдѣнія Сигизмунда, что она невольно признала обманщика своимъ сыномъ, что Самозванецъ хотѣлъ останки ея истиннаго сына выбросить изъ Углицкой церкви какъ подложныя и только по ея усильнымъ просьбамъ оставилъ его въ покоѣ. Неизвѣстно, давала ли Мареа дѣйствительно подобное порученіе къ Сигизмунду или—что вѣроятнѣе—оно явилось интригою тѣхъ же бояръ; но что она спасла тѣло царевича Димитрія отъ поруганія—это подтверждается и другимъ свидѣтельствомъ.

Замѣчательно въ отношеніи польскаго ставленника на Москвѣ нерѣшительное и непослѣдовательное поведеніе какъ польско-литовскаго короля, такъ и самой польско-литовской аристократіи. Когда пріѣхалъ Власьевъ и просилъ Сигизмунда о разрѣшеніи на бракъ Марины съ названнымъ Димитріемъ, говорятъ, король совѣтовалъ не спѣшить симъ бракомъ и намекнулъ, что царь Московскій могъ бы найти себѣ невѣсту болѣе знатную; при чемъ имѣлъ въ виду собственную сестру королевну шведскую. Однако, зная тайну самозванства, онъ не настаивалъ на своемъ желаніи и легко согласился на бракъ Марины. Еще любопытнѣе, что въ то время, какъ извѣстная боярская группа уже доносила изъ Москвы о близкомъ сверженіи Лжедимитрія и выдвигала кандидатуру на Московскій престолъ королевича Владислава, въ самой Польшѣ вдругъ возникъ вопросъ о кандидатурѣ сего Лжедимитрія на Польсколитовскій престолъ. Партія пановъ, недовольная Сигизмундомъ III, особенно возставала противъ его намѣренія вступить во вторичный бракъ съ австрійскою принцессою, сестрою его покойной супруги. Во-первыхъ, бракъ со свояченицей считался несогласнымъ съ уставами церкви (хотя въ этомъ отношеніи уже имѣлся примѣръ Сигизмунда II); а во вторыхъ, столь тѣсныя связи съ Габсбургской

династіей были противны національному чувству многихъ Поляковъ, которые не безъ основанія опасались возроставшаго нѣмецкаго вліянія. Когда же, несмотря на значительную оппозицію, Сигизмундъ III настоялъ на своемъ, и женился на эрцгерцогинѣ Констанціи, ропотъ усилился. Нѣкоторые вожаки оппозиціи тогда вошли въ тайныя сношенія съ Лжедимитріемъ и предлагали ему польскую корону; они мечтали такимъ способомъ осуществить давнюю мысль о соединеніи Польско-литовскаго государства съ Московскимъ. Самозванецъ съ свойственнымъ ему легкомысліемъ поощрялъ подобный замыселъ. Къ довершенію возникшей отсюда путаницы, сношенія сіи не остались тайною для короля, и канцлеръ Левъ Сапѣга говорилъ противъ нихъ въ сенатѣ.

Сендомірскій воевода конечно зналъ объ этихъ переговорахъ, и ему могла уже мерещиться польская корона на головѣ его дочери. Но онъ зналъ и обратную сторону медали, т. е. до него доходили и всѣ дурныя вѣсти о Лжедимитріи. Очевидно сомнѣнія закрадывались въ его душу, и у него постоянно возникалъ вопросъ, прочень ли его нареченный зять на Московскомъ престолѣ; поэтому онъ и дочь его не спѣшили своимъ отъѣздомъ. Отвѣчая на просьбы Самозванца, Мнишекъ приводилъ разные предлоги для замедленія; напримѣръ, ссылался на свое нездоровье, а въ особенности жаловался на недостатокъ денегъ. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ онъ говоритъ также о дурныхъ слухахъ, распространяемыхъ недоброжелателями на счетъ его зятя, и между прочимъ проситъ его отдалить отъ себя „извѣстную царевну Борисову дочь“. Просьба сія была вскорѣ исполнена. Ксенію Борисовну постригли въ монахини подъ именемъ Ольги и отправили въ дальній монастырь. Участь ея была самая жалкая: послѣ смерти Лжедимитрія въ теченіе Смутнаго времени ее переводили изъ одного монастыря въ другой, и она подвергалась самымъ грубымъ оскорбленіямъ.

Тщетно Самозванецъ хлопоталъ о томъ, чтобы совершить бракосочетаніе съ Мариной въ мясоѣдъ между Святками и масляницей; почему гонцы его часто скакали изъ Москвы въ Самборъ и обратно. Тщетно его посолъ Власьевъ торопилъ Мнишковъ, для чего неоднократно писалъ имъ и самъ пріѣзжалъ въ Самборъ. Пропустивъ зимній путь, Мнишки должны были пережидать весенній разливъ водъ. Выведенный изъ терпѣнія, Лжедимитрій въ началѣ марта сухо увѣдомлялъ, что если воевода и его дочь будутъ долѣе медлить, то они едва ли застанутъ его въ Москвѣ, ибо послѣ Пасхи онъ намѣренъ

отправиться въ лагерь къ войску, собиравшемуся на южной украйнѣ, и тамъ пробудетъ цѣлое лѣто. Недѣли двѣ спустя, онъ узналъ, что тесть и невѣста наконецъ выѣхали въ путь, слѣдовательно еще до полученія его послѣдняго письма. Обрадованный, онъ спѣшилъ извиниться въ этомъ письмѣ и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить имъ дорогу. Разливъ водъ еще не прекратился, и дороги оказались весьма въ плохомъ состояніи. Путешествіе Мнишковъ совершалось медленно, и тѣмъ болѣе, что ихъ сопровождала весьма многочисленная свита, всего до 2000 человѣкъ, съ огромнымъ обозомъ. Кромѣ дяди Марины старосты Красноставскаго и ея брата старосты Саноцкаго, съ ними ѣхали и другіе родственники, каковы Константинъ Вишневецкій, Стадницкій, Тарлы и пр. А каждый знатный панъ имѣлъ при себѣ, кромѣ слугъ, цѣлый вооруженный отрядъ изъ пѣхоты и всадниковъ. Въ обозѣ находилось еще нѣсколько армянскихъ купцовъ съ своими товарами. По Московской землѣ высокихъ путешественниковъ принимали вездѣ торжественно: священники и народъ выходили съ иконами и хлѣбомъ-солью; въ городахъ дарили имъ соболей; дѣти боярскіе и стрѣльцы выстраивались въ праздничномъ нарядѣ. Изъ окрестныхъ мѣстъ сгоняли крестьянъ, чтобы строить или чинить мосты и гати. Время отъ времени встрѣчали ихъ бояре, присланные изъ Москвы съ новыми подарками, съ каретами, конями, палатками и т. п.

Путешественники проѣхали Смоленскъ и Вязьму. Въ послѣднемъ городѣ воевода Сендомірскій отдѣлился отъ дочери и съ частію своей свиты поѣхалъ впередъ. 24 апрѣля онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Басмановъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу за городъ, одѣтый въ шитое золотомъ гусарское платье, во главѣ отряда дворянъ и дѣтей боярскихъ. Воеводу помѣстили въ бывшемъ домѣ Бориса Годунова, недалеко отъ царскаго дворца. На другой день Самозванецъ принималъ своего тестя и его родственниковъ въ парадной аудіенціи, въ такъ наз. Золотой палатѣ, сидя на роскошно украшенномъ тронѣ, въ полномъ царскомъ облаченіи, въ присутствіи Боярской думы; при чемъ по правую сторону отъ него сидѣлъ патріархъ съ нѣсколькими архіереями. По сторонамъ трона стояли четыре рынды; великій мечникъ держалъ обнаженный мечъ. Воевода сказалъ привѣтственную рѣчь столь трогательную, что Самозванецъ, по словамъ одного польскаго свидѣтельства, „плакалъ какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ свои глаза". Великій секретарь Аѳанасій Власьевъ держалъ за него отвѣтъ. Послѣ чего гости подходили и цѣлова-

ли у него руку. По окончаніи сей церемоніи отправились въ придворную церковь, гдѣ отслушали богослуженіе; а затѣмъ послѣдовало пиршество, устроенное уже въ новомъ деревянномъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни въ этомъ дворцѣ происходили ночные пиры и попойки, сопровождаемые польскою музыкой и танцами; при чемъ Самозванецъ являлся то одѣтый по московски, то въ богатомъ гусарскомъ нарядѣ. Тѣшилъ онъ своихъ гостей и звѣриной травлей; для чего въ одномъ подгородномъ селѣ собраны были разные звѣри.

2 мая совершился наконецъ торжественный въѣздъ въ Москву нареченной царицы; понятно, что Лжедимитрій обставилъ его самымъ великолѣпнымъ образомъ. Марина ѣхала въ большой каретѣ, оправленной серебромъ, съ царскими гербами, запряженной 10—12 бѣлыми конями въ яблокахъ, на подобіе леопардовъ или тигровъ; каждаго коня велъ особый конюхъ. По пути разставлены были шпалерами блестящіе отряды изъ польскихъ ротъ, нѣмецкихъ алебардщиковъ, московскихъ дворянъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Самозванецъ лично разставлялъ войска и давалъ наставленія боярамъ, назначеннымъ къ встрѣчѣ; но самъ онъ смотрѣлъ на въѣздъ, скрываясь въ толпѣ. Любопытно, что при вступленіи нареченной царицы въ Москву, когда она ѣхала между Никитскими и Кремлевскими воротами, внезапно поднялся вихрь и заглушилъ звуки набатовъ, трубъ и литавръ, какъ это было при въѣздѣ Лжедимитрія; что многими сочтено было за дурное предзнаменованіе. Марину помѣстили пока въ Вознесенскомъ монастырѣ подлѣ мнимой царской матери, гдѣ приготовили для того богатоубранныя комнаты. Въ тотъ же день, но нѣсколько ранѣе, въѣхали во главѣ многочисленной вооруженной свиты польскіе послы Олесницкій, кастелянъ Малагоскій, и Гонсѣвскій, староста Велижскій, которые нагнали Марину уже подъ Москвою: они имѣли своимъ оффиціальнымъ назначеніемъ присутствовать отъ лица короля на торжествѣ царскаго бракосочетанія. Для такого большого количества наѣхавшихъ Поляковъ конечно требовалось найти соотвѣтствующее помѣщеніе, и многіе московскіе обыватели принуждены были уступить часть своихъ домовъ этимъ безпокойнымъ и притязательнымъ гостямъ. Поляки не довольствовались тѣмъ, что явились покрытые панцырями, вооруженные съ головы до ногъ, но еще привезли въ своихъ повозкахъ большіе запасы огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. При видѣ этихъ запасовъ, наиболѣе степенные Москвичи не особенно увеселялись постоянно гремѣвшею польскою музыкой, и сердца ихъ исполнились тревожныхъ ожиданій.

На слѣдующій день во дворцѣ происходила торжественная аудіенція польскихъ пословъ. Она была обставлена точно также и сопровождалась тѣми же обрядами, какъ и недавній пріемъ царскаго тестя; только прошла не такъ ровно и гладко. Имѣя теперь дорогую ему Марину въ своихъ рукахъ, Самозванецъ рѣшилъ съ самаго начала обострить вопросъ о своемъ титулѣ, чтобы дать отпоръ дальнѣйшимъ притязаніямъ польскаго короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднять себя въ глазахъ своихъ московскихъ подданныхъ. Когда послѣ привѣтственной рѣчи Олесницкій хотѣлъ вручить ему королевскую грамоту, Лжедимитрій чрезъ великаго секретаря Власьева отказался принять ее, такъ какъ на ней не только не было царскаго титула, но стояла простая надпись: «князю всея Руси». Слушая возраженія Олесницкаго, онъ не утерпѣлъ, и, вопреки обычаю, самолично вступилъ съ нимъ въ длинныя пререканія. Однако въ концѣ не выдержалъ своей роли, и велѣлъ Власьеву принять грамоту съ оговоркой, что впредь сего не сдѣлаетъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и цѣлованія царской руки, послы предложили отъ себя разные подарки, а именно золотыя цѣпи, кубки, ковры и коней. Когда же они воротились на посольскій дворъ, имъ торжественно принесли яства и напитки въ раззолоченой посудѣ.

По отношенію къ Маринѣ Лжедимитрій велъ себя какъ человѣкъ страстно въ нее влюбленный. Такъ какъ ей не нравились московскія яства, то онъ прислалъ польскаго повара, которому приказалъ отдать ключи отъ царскихъ погребовъ и кладовыхъ. А чтобы она не скучала монастырской тишиной, посылалъ забавлять ее музыкантовъ, пѣсенниковъ и скомороховъ; что конечно являлось не малымъ соблазномъ для обитательницъ Воскресенскаго монастыря. Онъ продолжалъ осыпать подарками невѣсту и ея родственниковъ. Такъ однажды поднесъ ей ларецъ съ драгоцѣнностями на цѣлыхъ полмилліона рублей. А ея отцу въ это время подарилъ еще 100.000 злотыхъ и сани, обитыя бархатомъ съ красною усаженною жемчугомъ попоною для коня и съ ковромъ, подбитымъ соболями; козлы были окованы серебромъ; а запряженный въ сани бѣлый конь имѣлъ по обѣимъ сторонамъ хомута по сороку самыхъ лучшихъ соболей; дуга и оглобли были обтянуты краснымъ бархатомъ и перевиты серебряною проволокой. Межъ тѣмъ дѣлались обширныя приготовленія къ свадьбѣ и коронаціи. Лжедимитрій рѣшилъ соединить оба обряда вмѣстѣ, но такъ чтобы коронація Марины предшествовала ихъ свадьбѣ. За день до сей церемоніи поздно вечеромъ невѣста, при свѣтѣ факеловъ, между рядами

придворныхъ алебардщиковъ и стрѣльцовъ, переѣхала въ новый царскій дворецъ, гдѣ и заняла приготовленные для нея покои.

Вопреки русскому обыкновенію, день вѣнчанія былъ выбранъ въ четвергъ 8 мая, слѣдовательно наканунѣ пятницы и притомъ праздника св. Николая. Но обрядъ совершенъ былъ съ сохраненіемъ почти всѣхъ старыхъ обычаевъ. Женихъ и невѣста были одѣты въ роскошный русскій нарядъ. Изъ Грановитой палаты въ торжественной процессіи шествовали они въ Успенскій соборъ, сопровождаемые русскими и польскими дворянами, посреди алебардщиковъ и отборныхъ стрѣльцовъ. Во избѣжаніе тѣсноты въ соборъ впустили только близкую свиту, и затворили двери. Тутъ на возвышенномъ помостѣ приготовлены были три кресла: среднее, самое высокое и украшенное, служило трономъ для жениха, по лѣвую сторону для невѣсты, а по правую, наименѣе высокое, для патріарха. Съ подобающими молитвами Игнатій возложилъ на невѣсту царскую корону и бармы на ея плечи. Послѣ того всѣ трое заняли свои мѣста на означенныхъ креслахъ. Бояре и прочая свита подходили къ Маринѣ, чтобы поздравить ее и поцѣловать руку. Затѣмъ слѣдовала литургія, во время которой патріархъ причастилъ Марину Св. Таинъ и помазалъ мvромъ по греческому обряду. По окончаніи литургіи совершенъ былъ обрядъ свадебнаго вѣнчанія. Новобрачные въ той же торжественной процессіи воротились во дворецъ. Въ дверяхъ Мстиславскій осыпалъ ихъ золотыми монетами. Потомъ стали бросать деньги въ толпу; что произвело въ ней большое движеніе и даже драку. По свидѣтельству иностранцевъ, будто нѣкоторые русскіе бояре не стыдились принимать участіе въ этой ловлѣ монетъ, тогда какъ польскіе паны не обращали на нихъ вниманія и, когда одному изъ пановъ упали на шляпу два червонца, онъ гордо стряхнулъ ихъ на землю. Наступалъ уже вечеръ, и въ этотъ день ограничились только угощеніемъ молодыхъ. Мѣста посаженаго отца и матери занимали князь Ѳ. И. Мстиславскій и его жена. Роль тысяцкаго на свадьбѣ исполнялъ князь В. И. Шуйскій, а дружками назначены его братъ князь Димитрій, двое Нагихъ и панъ Тарло; свахами были ихъ жены.

Большой свадебный пиръ состоялся на слѣдующій день. Но онъ былъ нѣсколько омраченъ размолвкою съ польскими великими послами. Будучи приглашены къ обѣду, они на основаніи своихъ инструкцій потребовали, чтобы имъ дано было мѣсто за царскимъ столомъ подобное тому, какое Аѳанасій Власьевъ имѣлъ въ Краковѣ за королевскимъ столомъ въ день обрученія. По сему поводу возникли опять

пререканія; ибо Самозванецъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи: такъ какъ по московскому обычаю царь обѣдалъ одинъ за особымъ столомъ на возвышенномъ мѣстѣ, а теперь вмѣстѣ съ царицей. Къ посламъ пришелъ Аѳанасій Власьевъ и сказалъ имъ, что онъ сидѣлъ за королевскимъ столомъ, потому что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы папскій и цесарскій. „А нашъ цесарь — замѣтилъ Власьевъ — выше всѣхъ христіанскихъ монарховъ; у него каждый попъ папа“. Послѣ такой выходки послы наотрѣзъ отказались ѣхать на обѣдъ въ этотъ день. Они обратились съ жалобою къ воеводѣ Сендомірскому; тотъ взялся быть посредникомъ между ними и своимъ зятемъ. Переговоры велись еще цѣлые два дня. Наконецъ дѣло уладилось на томъ, что воскресенье 11 мая старшій посолъ Олесницкій получилъ за большимъ обѣдомъ особый столикъ пониже царскаго мѣста; а Гонсѣвскій сѣлъ на первомъ мѣстѣ за тѣмъ столомъ, гдѣ помѣщались польскіе гости. Во время пира гремѣла музыка, а послѣ него слѣдовали танцы. Самозванецъ являлся то въ русскомъ нарядѣ, то въ гусарскомъ; Марина одѣвалась большею частію въ польскій костюмъ. Веселые пиры съ танцами и маскарадами повторялись теперь почти ежедневно; а правительственныя заботы отложены были въ сторону. Оба, и Самозванецъ, и Марина, упоенные успѣхомъ и наслажденіями, находились въ какомъ то чаду. Тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе этой легкомысленной четы. (7).

Само собой разумѣется, что ликованіе Московскаго народа, простодушно повѣрившаго въ подлинность и чудесное спасеніе царевича, и надежды, возбужденныя новымъ царемъ, не могли длиться долгое время. Сомнѣніе и разочарованіе долженствовали наступить скоро; ибо трудно было скрыть общественный обманъ отъ стольких проницательныхъ или враждебныхъ глазъ. Главный толчекъ въ разоблаченію обмана естественно исходилъ изъ той боярской группы, которая могла, ради сверженія ненавистныхъ Годуновыхъ, признать Самозванца временно, но никакъ не помириться съ его царствованіемъ. Во главѣ этой партіи съ самаго начала явилась семья Шуйскихъ. Первая попытка ихъ, какъ мы видѣли, не удалась, и сами они едва спаслись. Однако начатыя ими тайныя внушенія продолжали бродить въ Русскомъ обществѣ и вызывать неблагопріятные для Самозванца толки, которые въ свою очередь повели за собою нѣкоторые розыски и человѣческія жертвы. Хотя бояре и высшее духовенство, познакомясь ближе съ мнимымъ Димитріемъ, едва ли продолжали считать его Гришкою Отрепьевымъ; но имъ не было никакого разсчета опровер-

гать разъ пущенную въ народъ молву объ этомъ тождествѣ; напротивъ въ ихъ интересахъ было ее поддерживать и распространять. Слово „разстрига“ переходило изъ устъ въ уста и многихъ приводило въ негодованіе, а нѣкоторыхъ подвигало на обличеніе и самопожертвованіе. Самозванецъ съ свойственною ему непослѣдовательностію, забывъ о намѣреніи упрочить себя милостями и прощеніемъ, сталъ прибѣгать къ тюрьмѣ и казнямъ. Такъ погибли дворянинъ Петръ Тургеневъ и купецъ Ѳедоръ Калачникъ, которымъ отрубили голову на площади. Когда вели ихъ на казнь, Калачникъ кричалъ народу: „приняли вы на себя образъ антихристовъ и поклонились его посланному; тогда уразумѣете, когда всѣ отъ него погибнете!“ Но большинство народа еще вѣрило въ названнаго Димитрія, и отвѣчало: „по дѣломъ вамъ!“ Толки о самозванствѣ царя и его неуваженіи къ вѣрѣ проникли и въ среду придворныхъ стрѣльцовъ; о чемъ въ январѣ 1606 года донесли Басманову, а тотъ Лжедимитрію. Сей послѣдній велѣлъ собраться стрѣльцамъ на внутреннемъ дворѣ безъ оружія; вышелъ къ нимъ, окруженный алебардщиками, и держалъ рѣчь, въ которой красно и бойко упрекалъ ихъ въ измѣнѣ и убѣждалъ въ своей подлинности. Смущенные стрѣльцы завопили, чтобы имъ указали измѣнниковъ. Имъ указали семь человѣкъ, заранѣе намѣченныхъ; товарищи тотчасъ бросились на нихъ какъ звѣри и голыми руками растерзали ихъ на части.

Однако толки о „разстригѣ“, его дружбѣ съ Поляками и намѣреніи искоренить православную вѣру не прекращались. Нѣкто дьякъ Тимофей Осиповъ, движимый ревностію къ вѣрѣ, рѣшился обличить лжецаря и приготовился къ мученичеству. Онъ нѣсколько дней постился и молился; потомъ, причастившись Св. Таинъ, пришелъ въ царскія палаты и предъ всѣми сказалъ Самозванцу: „Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ!“ Раздраженный Самозванецъ велѣлъ его вывести и убить; но впечатлѣнія, произведеннаго симъ подвигомъ, онъ не могъ уничтожить. Престарѣлый и слѣпой Симеонъ Бекбулатовичъ явился также ревнителемъ православія и увѣщевалъ людей крѣпко стоять за вѣру. Самозванецъ велѣлъ его отвезти въ Соловецкій монастырь и тамъ постричь въ монахи.

Легкомысленное поведеніе Лжедимитрія, его частое пренебреженіе къ русскимъ обычаямъ, распутство и явное предпочтеніе Поляковъ Русскимъ въ концѣ концовъ должны были вызвать общее неудовольствіе и усилить толки о его самозванствѣ. Трое братьевъ Шуйскихъ

едва только были прощены и воротились въ Москву, какъ снова принялись устраивать обширный заговоръ, находя, что самъ Лжедимитрій значительно для того подготовилъ почву. Душою сего дѣла былъ все тотъ же князь Василій Ивановичъ, старшій изъ братьевъ, который одновременно съумѣлъ вкрасться въ довѣріе Самозванца и попасть въ число самыхъ близкихъ къ нему бояръ и совѣтниковъ. Особенно усердную помощь нашелъ онъ въ духовенствѣ, которое, кромѣ религіозной ревности, было возбуждено еще слухами о намѣреніи лжецаря отобрать у него многія имущества для того, чтобы употребить ихъ на войну съ Турками и Татарами. Заговоръ уже достаточно созрѣлъ; но вожаки медлили исполненіемъ. Князь Шуйскій ждалъ прибытія Мнишковъ и царской свадьбы. Онъ предвидѣлъ, что вниманіе Самозванца будетъ отвлечено свадебными торжествами, а въ это время новоприбывшіе Поляки не преминутъ подлить масла въ огонь народной ненависти. Говорятъ также, что бояре-заговорщики, возмущенные расточительностію лжецаря и его безчисленными подарками Мнишкамъ, разсчитывали отнять назадъ большую часть сихъ драгоцѣнностей, которую тѣ по всей вѣроятности привезутъ съ собою въ Москву. Всѣ эти разсчеты почти вполнѣ оправдались. Едва польскіе гости водворились въ Москвѣ, какъ начались ихъ частыя столкновенія съ жителями. Буйные Поляки презрительно обходились съ туземцами и при случаѣ позволяли себѣ насилія надъ ихъ женами; причемъ не щадили и самихъ боярынь. Начались кровавыя драки. Та и другая сторона обращалась съ жалобами къ правителю. Нѣкоторые Поляки провѣдали кое-что о заговорѣ, и пытались предупреждать Самозванца; но тщетно. На основаніи предыдущихъ примѣровъ, онъ слишкомъ увѣрился въ своей прочности; а, главное, теперь ему было некогда думать и заботиться о чемъ-либо кромѣ забавъ и праздниковъ своего медоваго мѣсяца.

Извѣстна легенда о человѣкѣ, который за наслажденія земной жизни продалъ свою душу дьяволу, а потомъ, когда пришелъ часъ расплаты, пытался тѣмъ или другимъ способомъ отъ нея избавиться. Нѣчто подобное приходилось испытывать Самозванцу, отъ котораго расплаты требовали со всѣхъ сторонъ еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. Между прочимъ нелегко ему было изворачиваться передъ назойливыми притязаніями Іезуитскаго ордена и Римской куріи.

Въ свитѣ Мнишковъ прибылъ въ Москву, знакомый Лжедимитрію, патеръ Савицкій, еще недавній участникъ его обращенія въ католи-

ческую вѣру. Онъ имѣлъ порученіе отъ папы и нунція подѣйствовать на лжецаря, напомнить ему данныя обязательства и указать на его явныя отъ нихъ уклоненія. Но Савицкому пришлось ждать, пока тотъ удостоилъ его интимной аудіенціи. Это случилось за два дня до его гибели. Лжедимитрій принялъ іезуита наединѣ въ своей спальнѣ. Савицкій поцѣловалъ его руку, поздравилъ съ благополучнымъ вступленіемъ на престолъ, и вручилъ ему нѣкоторые подарки, присланные папою и генераломъ Іезуитскаго ордена, кромѣ того и папскую индульгенцію. Хозяинъ повелъ бесѣду, ходя съ гостемъ по комнатѣ. Послѣдній вкрадчивымъ тономъ началъ рѣчь о дѣлахъ религіи и напомнилъ обѣщанія. Уклоняясь отъ прямого отвѣта, Самозванецъ завелъ свой обычный разговоръ о школахъ и выразилъ намѣреніе основать въ Москвѣ іезуитскую коллегію, которая должна приготовить русскихъ учителей для будущихъ школъ. Потомъ онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ распространяться о войскѣ, которое собралъ уже въ количествѣ 100.000 человѣкъ. Затѣмъ прибавилъ, что еще не рѣшилъ, противъ кого вести это войско, противъ невѣрныхъ или кого другого, и тутъ же началъ жаловаться на польскаго короля, который не признаетъ его титуловъ. Іезуитъ старался разсѣять его неудовольствіе, и, пользуясь минутою, просилъ даровать ему свободный доступъ къ царской особѣ во всякое время. Лжедимитрій охотно согласился, позвалъ тотчасъ своего секретаря Бучинскаго и отдалъ ему приказаніе всякій разъ докладывать о приходѣ патера. Обѣщая въ другой разъ поговорить обо всемъ подробнѣе, онъ отдѣлался отъ гостя подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно спѣшить къ своей матери. Это было первое и послѣднее свиданье съ нимъ патера Савицкаго въ Москвѣ.

Неслыханная удача и чадъ удовольствій дотого ослѣпили Самозванца, что онъ упорно отказывался вѣрить въ существованіе какого то заговора, не смотря на предостереженія, обращенныя къ нему съ разныхъ сторонъ. Многіе изъ болѣе смѣтливыхъ Поляковъ, находившихся на царской службѣ, ясно замѣтили угрожающее отношеніе къ нимъ Русскихъ и понимали, что съ этой стороны что-то затѣвается. По ихъ просьбѣ царскій тесть наканунѣ самой трагедіи пошелъ къ своему зятю и отъ имени товарищей умолялъ его принять мѣры противъ грозившей опасности. Но тотъ поручилъ своему секретарю увѣрить ихъ, что никакой опасности нѣтъ и что онъ даже велитъ строго наказывать распространителей тревожныхъ слуховъ. Проживавшіе въ Москвѣ Нѣмцы, которые болѣе дружили съ Поляками, чѣмъ съ Русскими и успѣли лучше узнать сихъ послѣднихъ, также предупреждали Поля-

ковъ; а одинъ изъ Нѣмцевъ, тоже наканунѣ рокового дня, пробрался къ лжецарю и подалъ ему записку, въ которой увѣдомлялъ, что на слѣдующій день назначено исполненіе злодѣйскаго умысла. Такимъ образомъ съ польскимъ проходимцемъ повторилось почти то же самое, что произошло съ знаменитымъ римскимъ Цезаремъ. Самозванецъ, прочитавъ записку, разорвалъ ее и бросилъ. Всѣ эти предостереженія повидимому его только раздражали, и онъ еще болѣе упорствовалъ въ своемъ ослѣпленіи.

Межъ тѣмъ заговорщики пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ и всякимъ промахомъ Самозванца, чтобы возбуждать народъ. Вѣнчаніе Марины дало особенно обильную пищу неблагопріятнымъ толкамъ. Русскіе вообще косо смотрѣли на иностранцевъ, посѣщавшихъ православное богослуженіе; а тутъ еще Поляки, присутствовавшіе на церковныхъ торжествахъ, вели себя крайне неосторожно; они громко болтали, смѣялись, становились задомъ къ алтарю, дремали прислонясь къ св. иконамъ или, скучая стояніемъ, садились прямо на полъ, водили съ собою въ церковь собакъ и т. п. Русскіе возмущались тѣмъ, что царь все это позволяетъ. Особенно смущалъ всѣхъ бракъ его съ католичкой или некрещеной Полькой; ибо по русскимъ народнымъ понятіямъ того времени иновѣрцы, хотя и христіане, переходя въ православіе, должны были вновь креститься. Поэтому слухи о томъ, что царь передался папизму и намѣренъ искоренить православную вѣру, получали какъ бы подтвержденіе въ глазахъ народа. Изъ среды освященнаго собора, руководимаго угодникомъ лжецаря патріархомъ Игнатіемъ, въ это время выдѣлились два мужа, митрополитъ казанскій Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ, которые открыто порицали бракъ царя съ иновѣркою. Самозванецъ разгнѣвался, и собирался подвергнуть ихъ тяжкому наказанію, но не успѣлъ. А народъ сталъ смотрѣть на нихъ какъ на истинныхъ пастырей и достойныхъ поборниковъ православія. Главные заговорщики по ночамъ сходились въ домѣ Василія Шуйскаго, тутъ совѣщались и получали должныя наставленія о томъ, какъ дѣйствовать въ народѣ. Мы сказали, что князь Василій Ивановичъ, ведя заговоръ въ широкихъ размѣрахъ, умѣлъ въ то же время вкрасться въ довѣренность Самозванца и сдѣлаться однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ. А совѣты его и единомышленныхъ ему бояръ преимущественно клонились къ тому, чтобы усыпить всякое подозрѣніе со стороны лжецаря, истолковать всякое столкновеніе Русскихъ съ Поляками или хмѣльнымъ состояніемъ, или какимъ либо простымъ недоразумѣніемъ и увѣрить его, что Поляки

и Нѣмцы, доносившіе о признакахъ близкаго бунта, слишкомъ преувеличиваютъ и только понапрасну безпокоятъ государя, столь любимаго своимъ народомъ. Такія увѣренія очень льстили тщеславію Лжедимитрія и достигали своей цѣли. Послѣ князей Шуйскихъ и Голицыныхъ, наиболѣе виднымъ дѣятелемъ среди заговорщиковъ явился думный дворянинъ Михаилъ Игнатьевичъ Татищѣвъ, незадолго прощенный лжецаремъ. Во время великаго поста за столомъ у сего послѣдняго подали жареную телятину. Князь Василій Шуйскій почтительно напомнилъ, что Русскіе вообще не употребляютъ телятины, а тѣмъ болѣе постомъ. Когда Самозванецъ сталъ возражать, Татищевъ вмѣшался и противорѣчилъ такъ рѣзко, что тотъ выгналъ его изъ-за стола и велѣлъ сослать въ Вятку. Басмановъ выпросилъ ему прощеніе, которое онъ получилъ на праздникъ Пасхи. Это прощеніе однако не смягчило Татищева, который подобно Шуйскому сдѣлался теперь однимъ изъ ревностныхъ вожаковъ заговора. Есть извѣстіе, что бояре-участники въ заговорѣ постановили между собою слѣдующій уговоръ: по сверженіи Самозванца вести управленіе общимъ совѣтомъ и кого изъ нихъ выберутъ царемъ, тотъ никому не будетъ мстить за прежнія досады.

На вечеръ ближайшаго воскресенья, 18 марта, Марина, ни о чемъ не думавшая кромѣ удовольствій, назначила большой маскарадъ во дворцѣ и со своими фрейлинами была занята приготовленіемъ костюмовъ. А супругъ ея въ этотъ день предполагалъ устроить военную потѣху: въ полѣ за Срѣтенскими воротами онъ велѣлъ приготовить деревянный, укрѣпленный валомъ, городокъ, который намѣревался брать приступомъ. Нѣсколько пушекъ уже были отправлены изъ столицы на мѣсто будущей потѣхи. Этими приготовленіями заговорщики воспользовались какъ нельзя лучше для своихъ замысловъ. Въ народѣ пущенъ былъ слухъ, что Разстрига, подъ видомъ потѣхи, хочетъ заманить московскихъ бояръ въ западню, чтобы перебить ихъ, а потомъ уже безпрепятственно творить свою волю и вводить латинство въ Московскомъ государствѣ. Говорили далѣе, что двадцать главныхъ бояръ, начиная съ Мстиславскаго и Шуйскихъ, были расписаны между польскими начальниками: каждый изъ сихъ Поляковъ во время шумной потѣхи долженъ былъ убить назначеннаго ему боярина. А остальныхъ бояръ и лучшихъ московскихъ людей будто бы предполагалось перевязать и отправить плѣнниками къ Польскому королю. Какъ ни мало вѣроятенъ былъ подобный слухъ, однако онъ нашелъ себѣ вѣру и произвелъ большое волненіе въ умахъ. При

всемъ народномъ разочарованіи и разныхъ недоумѣніяхъ, вызванныхъ поведеніемъ лжецаря, еще многіе москвичи оставались ему преданы и недовѣрчиво относились къ толкамъ о его самозванствѣ. Поэтому заговорщики на послѣднемъ совѣщаніи положили въ рѣшительную минуту поднять народъ подъ разными предлогами: одни должны были кричать: „въ Кремль! Поляки хотятъ убить царя“! А другіе кричали бы: „Поляки избиваютъ бояръ“.

Какъ ни былъ безпеченъ Самозванецъ, однако все труднѣе и труднѣе становилось скрывать отъ него и его главныхъ наперсниковъ существованіе обширнаго заговора. Поэтому бояре рѣшили не откладывать далѣе его исполненія, и, подъ предлогомъ предупредить яко бы предстоящее ихъ избіеніе во время военной потѣхи, они назначили канунъ сего дня, т. е. субботу, раннее утро. Для обороны дворца, кромѣ нѣмецкихъ алебардщиковъ, имѣлось подъ рукою до 5000 Поляковъ и до 10.000 преданныхъ стрѣльцовъ. Въ виду этихъ силъ заговорщики съ своей стороны приняли разныя мѣры и военныя предосторожности. Въ пятницу московскія лавки, торгующія порохомъ и свинцомъ, отказывали Полякамъ въ продажѣ сихъ предметовъ подъ предлогомъ, что всѣ вышли. Позднимъ вечеромъ бояре ввели въ городъ осьмнадцать тысячъ ратныхъ людей, которые собраны были въ окрестностяхъ для похода на южную украйну и отправку которыхъ они намѣренно задерживали. Эта рать заняла ворота Бѣлаго города съ приказомъ никого не пропускать. Наконецъ тѣ бояре, которые въ сей вечеръ дежурили или пировали во дворцѣ, именемъ государя отпустили по домамъ большую часть алебардщиковъ, такъ что ихъ осталось на караулѣ только 30 человѣкъ. Вооруженное ядро, на которое опирались заговорщики, составляли дворяне и дѣти боярскіе, московскіе и особенно новгородскіе; такъ какъ у Шуйскихъ продолжались ихъ старыя пріязненныя связи съ Великимъ Новгородомъ. Дворянамъ-участникамъ заговора обѣщаны были въ награду новыя помѣстья и доходныя мѣста.

Таковы были приготовленія къ Московской кровавой заутренѣ, и она безпрепятственно совершилась.

17 мая на разсвѣтѣ яснаго утра конная толпа бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ, въѣхала въ Кремль и прежде всего остановилась передъ Успенскимъ соборомъ, принося горячую молитву объ успѣхѣ начатаго предпріятія. Въ эту минуту раздался звонъ набатнаго колокола, сначала у пророка Иліи подлѣ Гостинныхъ рядовъ; за нимъ пошли звонить во многихъ

церквахъ и монастыряхъ, какъ кремлевскихъ, такъ и городскихъ. По улицамъ города скакали и бѣгали отряженные заговорщиками люди, призывая народъ. Одинъ кричалъ, что Кремль горитъ, другой звалъ на защиту православной вѣры, третій на защиту царя или бояръ, и все отъ Поляковъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ, вооруженный чѣмъ попало, самопаломъ, лукомъ, копьемъ, саблею, рогатиною или топоромъ, кто пѣшкомъ, кто на конѣ, а служилые люди въ доспѣхахъ и полномъ вооруженіи. Одна часть народа устремилась въ Кремль; а другая стала обступать тѣ дома, которые были заняты Поляками, чтобы не дать имъ возможности собраться вмѣстѣ или поспѣшить также въ Кремль. Внезапно пробужденные, Поляки хватали оружіе и садились на коней; но чернь вездѣ преграждала имъ дорогу, ставя поперекъ улицъ рогатки; гдѣ не хватало рогатокъ, она вынимала бревна изъ мостовой и воздвигала баррикады. Такимъ образомъ ни одному польскому отряду не удалось пробиться въ Кремль на защиту лжецаря и его супруги.

Держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечъ, Василій Шуйскій отъ Успенскаго собора, не теряя времени, повелъ собравшуюся около него мятежную толпу прямо на дворецъ. „Помоги Господи и Пресвятая Богородица на злого еретика и поганую Литву! — восклицалъ онъ.—Отцы и братія, постраждете за православную вѣру!“

Во дворцѣ только что всѣ успокоились послѣ ночи, проведенной въ пиршествѣ и танцахъ. Самозванный царь, кажется, не успѣлъ еще заснуть, когда услыхалъ звонъ набата. Онъ послалъ спросить, что это значитъ. „Пожаръ“ — отвѣчалъ кто то изъ бояръ или дворянъ, остававшихся во дворцѣ. Но когда шумъ и крики приближавшейся толпы сдѣлались слышны, наперсникъ Самозванца Басмановъ вышелъ посмотрѣть, и, увидалъ, что весь дворъ наполнился вооруженными людьми, которые уже бѣжали по лѣстницамъ и ломились въ двери. На его вопросъ, что имъ нужно, послышались ругательства и крики: „выдай намъ плута и обманщика!“ Басмановъ, приказавъ алебардщикамъ никого не впускать, бросился назадъ и закричалъ Лжедимитрію: „Мятежъ! Требуютъ твоей головы. Спасайся“. Въ это время кто то изъ заговорщиковъ проскочилъ сквозь стражу, и, увидя Самозванца, сказалъ ему: „Ну, безвременный царь, проспался ли ты? Что же не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?“ Басмановъ схватилъ со стѣны царскій палашъ и разрубилъ голову дерзкому. А Лжедимитрій выбѣжалъ въ сѣни, выхватилъ мечъ у одного нѣмца-тѣлохранителя, и, грозя имъ мятежникамъ, кричалъ: „Я вамъ не

Борисъ". Однако выстрѣлы заставили его уйти назадъ. Басмановъ же появился на крыльцѣ и началъ уговаривать мятежниковъ. Тутъ Михайло Татищевъ, недавно прощенный по его ходатайству, обругалъ его скверными словами, и первый нанесъ ему ударъ ножомъ; другіе докончили. Тѣло его тотчасъ сбросили съ высокаго крыльца на показъ народу. Мятежники вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ и ворвались въ палаты. Оробѣвшіе алебардщики отступили во внутренніе покои, заперевъ за собою двери; но и сіи послѣднія скоро пали подъ ударами топоровъ. Алебардщикамъ предложили пощаду подъ условіемъ выдать оружіе; они сдались, и тѣмъ сохранили свою жизнь.

Между тѣмъ Лжедимитрій поспѣшилъ въ покои Марины, чтобы предупредить ее объ опасности. Самъ онъ сталъ перебѣгать изъ комнаты въ комнату, спасаясь отъ искавшихъ его повсюду мятежниковъ. Въ попыхахъ онъ забылъ о потайномъ ходѣ въ подземелье или не попалъ въ него, и наконецъ выпрыгнулъ въ окно съ высоты нѣсколькихъ саженъ; при чемъ разбился и вывихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ встать.

Марина, полуодѣтая, въ испугѣ сбѣжала внизъ подъ своды; но не найдя тамъ безопаснаго мѣста, неузнанная, опять пробралась наверхъ, подвергаясь толчкамъ и ругательствамъ. Чернь, неистово грабившая дворецъ, стала ломать двери и въ ея покои. Около нея собрались польскія камерфрейлины, а ея камердинеръ Осмульскій съ саблею въ рукѣ отстаивалъ входъ, пока не палъ пораженный выстрѣлами. Его геройская оборона дала время подоспѣть боярамъ, которые избавили польскихъ дамъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и грабежа черни. Благодаря своему небольшому росту и худобѣ, Марина спряталась подъ юпку своей старой толстой гофмейстерины. На вопросъ бояръ, куда дѣвался царь, женщины отвѣчали незнаніемъ, а относительно царицы гофмейстерина сказала, что она успѣла уйти въ домъ своего отца воеводы. Бояре оставили въ покоѣ старуху; но молодыхъ Полекъ раздѣлили между собою и отослали въ свои дома (гдѣ—по словамъ одного иностранца — будто бы черезъ годъ онѣ сдѣлались матерями). Въ эту минуту пришло извѣстіе, что Самозванецъ найденъ, и бояре поспѣшили уйти.

Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ у Чертольскихъ (Пречистенскихъ) воротъ, услыхали стоны Самозванца, находившагося въ безсознательномъ состояніи; подбѣжали къ нему, отлили его водою и положили по близости на каменный фундаментъ дворца. Придя въ себя, онъ взмолился о защитѣ; при чемъ обѣщалъ отдать имъ въ награду женъ

и помѣстья бояръ. Стрѣльцы рѣшились его оборонять, и, когда подошли мятежники, то встрѣтили ихъ выстрѣлами, такъ что нѣкоторыхъ положили на мѣстѣ. Толпа остановилась. Тутъ подошли бояре, и, видя упорство караула, закричали: „пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу; перебьемъ всѣхъ женъ и дѣтей этихъ негодяевъ, если они не хотятъ намъ выдать плута и обманщика!“ Стрѣльцы смутились и отошли въ сторону. Несчастнаго лжецаря схватили и внесли въ нижній этажъ дворца. Толпа принялась его бить и издѣваться надъ нимъ. „Говори, такой сякой, кто ты родомъ и кто твой отецъ?“ Самозванецъ отвѣчалъ: пусть спросятъ его мать или пусть выведутъ его на Лобное мѣсто и тамъ онъ все скажетъ народу. Очевидно онъ хватался за соломенку, и думалъ выиграть нѣсколько лишнихъ минутъ для своего спасенія. Но заговорщики, въ особенности Шуйскій, понимали всю опасность дальнѣйшаго замедленія; ибо народная масса, все еще неразобравшая въ чемъ дѣло и въ большинствѣ думавшая, что она возстала только противъ Поляковъ, легко могла поддаться испытанному обаянію его слова и стать на защиту лжецаря. Пришелъ князь Голицынъ и объявилъ, что царица-инокиня отрекается отъ него и называетъ своимъ сыномъ того, кто убитый лежитъ въ Угличѣ. Тогда изъ толпы вышли два боярскихъ сына, Иванъ Воейковъ и Григорій Валуевъ, съ ружьями. „Что еще толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!“ Съ этими словами Валуевъ и товарищъ его выстрѣлили Самозванцу въ упоръ; другіе бросились колоть его ножами и рубить саблями. Надвигавшій со всѣхъ сторонъ, народъ во время предшествующей сцены не могъ за тѣснотою проникнуть внутрь дворца, и спрашивалъ, что такое говоритъ Димитрій; ему отвѣчали, что тотъ винится въ своемъ самозванствѣ. Обезображенный его трупъ сбросили съ крыльца на трупъ Басманова со словами: „ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ!“ Потомъ ихъ обоихъ потащили на Красную площадь.

Проходя мимо Вознесенскаго монастыря, толпа остановилась и послала спросить царицу-инокиню Марѳу: точно ли убитый ея сынъ? Говорятъ, она отвѣтила: „объ этомъ надобно было спрашивать, пока онъ еще былъ живъ; а теперь онъ уже не мой“. По другому свидѣтельству, она прямо объявила, что это не ея сынъ. Вообще равнодушіемъ, которое въ это утро Марѳа обнаружила къ участи названнаго Димитрія, она достаточно ясно подтвердила, что этотъ человѣкъ былъ ей совершенно чужой. По всей вѣроятности, своимъ поведеніемъ, неуваженіемъ къ церкви и дружбою съ Поляками онъ оконча-

тельно ей опротивѣлъ, и весьма возможно, что князь Шуйскій успѣлъ заручиться ея молчаливымъ согласіемъ на бунтъ.

Все утро какъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только находились Поляки, кипѣлъ бой и совершались дикія сцены убійства и грабежа при безпрерывномъ звонѣ колоколовъ и неистовыхъ крикахъ толпы. Вездѣ Поляки, захваченные въ расплохъ, гибли подъ ударами разъяренной черни и подвергались совершенному ограбленію. Одни изъ нихъ отчаянно защищались, другіе вступали въ переговоры и соглашались выдать оружіе подъ условіемъ пощады, но большею частію потомъ были вѣроломно умерщвляемы. Москвичи въ этотъ день дали полную волю своей злобѣ, накипѣвшей противъ иноземцевъ, и уподобились кровожаднымъ звѣрямъ, согласно съ своей славянской природой, добродушной въ мирномъ житейскомъ быту и способной къ страшному ожесточенію въ минуту борьбы и расправы. Между прочимъ народная ярость обрушилась на несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ польскихъ музыкантовъ, которыхъ было избито нѣсколько десятковъ человѣкъ. Повидимому, музыка, сопровождавшая пиры и потѣхи Самозванца съ Поляками, сдѣлалась особенно ненавистна народу. Наибольшее количество Поляковъ погибло на Никитской улицѣ, гдѣ была размѣщена свита Марины. Тамъ же, гдѣ они успѣвали собраться въ значительныя группы или гдѣ были расположены отрядами, какъ люди хорошо вооруженные, искусные въ военномъ дѣлѣ и движимые отчаяніемъ, оборонялись успѣшно. Воевода Сендомірскій, занимавшій съ своею свитою домъ Годунова въ Кремлѣ по сосѣдству съ дворцомъ, заперъ у себя всѣ входы и приготовилъ своихъ слугъ къ оборонѣ; но его спасли сами бояре; они не замедлили приставить къ нему стрѣлецкую стражу, которая обороняла его отъ нападенія черни. Сынъ воеводы староста Саноцкій, стоявшій въ другомъ домѣ, съ своею свитою храбро оборонялся отъ черни, пока не подоспѣли бояре и также не спасли его. Польскіе послы Олесницкій и Гонсѣвскій, занимавшіе съ цѣлымъ отрядомъ Посольскій дворъ, изготовились было къ отчаянной оборонѣ; но Московскій народъ уважилъ ихъ достоинство пословъ и оставилъ ихъ въ покоѣ; къ тому же для ихъ охраны было прислано 500 стрѣльцовъ. Многіе Поляки изъ сосѣднихъ мѣстностей успѣли пробраться къ нимъ на Посольскій дворъ и тѣмъ спаслись.

Особенно ожесточенный бой кипѣлъ на окраинѣ города около того дома, гдѣ стоялъ князь Константинъ Вишневецкій съ своими двумя сотнями жолнеровъ. Они мѣтко отстрѣливались отъ штурмующей

черни и многихъ изъ нея положили на мѣстѣ. Москвичи притащили пушку; но неискусный пушкарь навелъ ее такъ низко, что ядро попало въ собственную ихъ толпу и вырвало изъ нея цѣлую улицу. И тутъ бой прекратился только тогда, когда явился самъ князь Шуйскій и уговорилъ Вишневецкаго сдаться, поклявшись въ его сохранности. Шуйскому помогали князь Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, Шереметевъ, князь Ромодановскій и нѣкоторые другіе бояре, которые, разъѣзжая по городу, старались вездѣ прекратить кровопролитіе и успокоить народъ. Послѣ полудня наконецъ имъ удалось это сдѣлать, и кровь перестала литься. Страшный шумъ и крики мало-по-малу смѣнились на улицахъ мертвою тишиною, и только валявшіеся повсюду трупы свидѣтельствовали о недавней отчаянной рѣзнѣ. Трудно опредѣлить количество жертвъ, по причинѣ самыхъ разнорѣчивыхъ показаній. Приблизительно число убитыхъ Поляковъ простиралось до 2000, да и Русскихъ пало по крайней мѣрѣ половина сего числа. Дня два лежали трупы; псы терзали ихъ; площадные лѣкаря вырѣзывали изъ нихъ жиръ. Наконецъ бояре велѣли убирать мертвыхъ; ихъ относили въ загородные убогіе дома, тамъ копали ямы и наскоро погребали. Въ числѣ убитыхъ Поляковъ оказались и другіе иноземцы. Между прочими погибли нѣсколько нѣмецкихъ купцовъ и ювелировъ, которые, по приглашенію Самозванца, съ дорогими товарами прибыли въ Москву, въ надеждѣ на большую прибыль. Иные нѣмецкіе купцы успѣли спастись, но вслѣдствіе грабежа черни потеряли свои товары и понесли большіе убытки.

Народная масса, поклоняющаяся всякому, особенно чрезвычайному, успѣху, какъ извѣстно, съ перемѣною счастья быстро мѣняетъ свои чувства. Еще наканунѣ бояре опасались народной преданности Лжедимитрію; а теперь его обезображенный трупъ лежалъ на площади на небольшомъ столѣ (около него на землѣ распростертъ былъ трупъ Басманова), и неразумная чернь вволю издѣвалась надъ нимъ какъ надъ разстригою и еретикомъ. Одни положили ему на грудь грязную маску, говоря: „вотъ твой богъ!“ Найденныя во дворцѣ маски простолюдины сочли за изображеніе какихъ то боговъ. Другіе совали ему въ ротъ дудку со словами: „долго мы тебя тѣшили, теперь самъ насъ позабавь“; третьи вонзали въ него свои ножи или сѣкли его плетьми, приговаривая: „сгубилъ ты наше царство и разорилъ казну!“ Но нѣкоторые богобоязливые люди плакали, смотря на такое поруганіе. По прошествіи трехъ дней, когда весь народъ ясно могъ убѣдиться въ смерти Самозванца, его отвезли за Серпуховскія ворота и зарыли въ

убогомъ домѣ. (Басманова выпросили родственники и честно погребли у храма Николы Мокраго). Но въ народѣ появились слухи о какихъ-то знаменіяхъ надъ его могилою; а тутъ еще внезапный морозъ повредилъ полевые всходы. Суевѣрные люди объяснили такое явленіе тѣмъ, что убитый былъ чернокнижникъ и колдунъ. Извѣстно, что Гришка Отрепьевъ съ самаго начала былъ объявленъ чернокнижникомъ; чѣмъ и объяснялась его необыкновенная удача. А противъ колдуновъ главнымъ средствомъ считался огонь; поэтому, спустя нѣсколько дней, трупъ вынули изъ могилы и сожгли его (по нѣкоторымъ сказаніямъ въ той самой подвижной крѣпости, которая называлась «адомъ»); а прахъ развѣяли по полю. Нѣкоторыя извѣстія прибавляютъ, что имъ зарядили пушку, и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ. ([8])

III.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ЛЖЕДИМИТРІЙ II.

Воцареніе Василія Шуйскаго и необычная его присяга.—Коронованіе.—Перенесеніе мощей царевича Димитрія.—Плѣнные Поляки.—Возобновленіе смуты въ Сѣверщинѣ.—Иванъ Болотниковъ.—Московская крамола.—Пораженіе мятежниковъ подъ Москвою и осада ихъ въ Калугѣ.—Илейко Муромецъ-Лжепетръ.—Тульская осада.—Сдача Болотникова и Лжепетра.—Вѣроятное происхожденіе второго Лжедимитрія.—Польская и казацкая ему помощь.—Рядъ самозванцевъ.—Тушинскіе таборы, Рожинскій и осада Москвы.—Мнишки въ рукахъ Тушинскаго вора.—Янъ Сапѣга.—Московскіе перелеты.—Поведеніе русскихъ измѣнниковъ или воровъ.—Посылка Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ.—Псковскій мятежъ.—Отпаденіе многихъ городовъ отъ Василія Шуйскаго.

Когда прекратилась кровавая Московская заутреня, тотчасъ самъ собою представился неотложный вопросъ о замѣщеніи празднаго Московскаго престола.

Для рѣшенія сего вопроса Боярская дума хотѣла было разослать по городамъ призывныя грамоты, чтобы собрать Великую земскую думу. Но Василій Шуйскій не для того клалъ свою голову на плаху и поднялъ народный мятежъ, чтобы терпѣливо ждать земскаго избранія и предоставлять свободное поле для интригъ своимъ соперникамъ, особенно князьямъ Голицынымъ. Онъ спѣшилъ ковать желѣзо пока оно горячо. На третій день, т. е. 19 мая, рано поутру собралась шумная толпа около Лобнаго мѣста; бояре и духовенство вышли къ ней и начали было говорить о созваніи Великой земской думы для избранія царя, а до того времени предлагали поставить новаго патріарха. Но толпа закричала, что царь нужнѣе патріарха: надобно избрать царя, а онъ уже самъ назначитъ, кому быть патріархомъ. Тутъ нѣкоторые изъ бояръ и дворянъ стали прямо указывать на князя Шуйскаго, посредствомъ котораго Богъ избавилъ православ-

ный народъ отъ еретика и разстриги. Толпа ихъ поддержала, и крикнула: „да будетъ князь Василій Ивановичъ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи!“ Бояре и духовенство не посмѣли противорѣчить, и стали поздравлять новаго государя. Находившійся на лицо въ числѣ бояръ, Шуйскій въ сопровожденіи той же толпы съ площади отправился въ Успенскій соборъ, чтобы принести благодареніе Богу за свое избраніе и немедленно принять присягу отъ бояръ и думныхъ людей. Но онъ не ограничился ея принятіемъ отъ Боярской думы; а тутъ же самъ далъ необычную дотолѣ у московскихъ самодержцевъ присягу въ томъ, что безъ боярскаго приговора никого не будетъ осуждать на смертную казнь, и, если кто будетъ осужденъ, то у невинныхъ его родственниковъ и семьи имущества и животовъ не отнимать, доносовъ тайныхъ не слушать и обвинителямъ давать очную ставку съ обвиняемымъ.

На слѣдующій день по городамъ посланы были извѣстительныя грамоты; въ нихъ сообщалось, во первыхъ, объ избавленіи отъ вора, еретика и разстриги Гришки Отрепьева, который хотѣлъ разорить Московское государство, искоренить православную вѣру и побить всѣхъ бояръ и думныхъ людей, и, во вторыхъ, объ избраніи на царство Василія Ивановича „всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, дворянами, дѣтьми боярскими и всякими людьми Московскаго государства“, при чемъ выставлялись его права на Россійскій престолъ, какъ прямого потомка Александра Невскаго. Къ симъ грамотамъ присоединены были не только обычныя крестоцѣловальныя записи, по которымъ населеніе должно присягать новому государю, но и записи съ названною сейчасъ необычною присягою самого государя. Лѣтописецъ говоритъ, будто бояре въ Успенскомъ соборѣ отговаривали отъ нея Шуйскаго, „потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелося“, но онъ ихъ не послушалъ. Можетъ быть, нѣкоторые бояре или по родственнымъ связямъ, или просто для виду отговаривали его; но если вспомнимъ извѣстіе о взаимномъ условіи главныхъ заговорщиковъ, то можемъ предполагать, что и эта присяга заранѣе была вмѣнена въ обязанность тому, на кого падетъ избраніе. Въ ней слишкомъ ясно слышится желаніе бояръ ограничить власть человѣка. вышедшаго изъ ихъ среды и оградить себя отъ возврата жестокой тираніи Ивана Грознаго и гибельной подозрительности Бориса Годунова. Это самоограниченіе царской власти, а еще болѣе избраніе царя одной Москвой безъ согласія всей земли (хотя въ грамотахъ говорилось объ избраніи „всякими людьми Московскаго государства“)

возбудили неблагопріятные для Шуйскаго толки въ народѣ и отчасти содѣйствовали непрочности его престола. Впрочемъ такая непрочность скорѣе объясняется другими трудными обстоятельствами времени, а также личными качествами. Напомнимъ, что избраніе Годунова Великою земскою думою не упрочило престолъ за его домомъ. Во всякомъ случаѣ, по словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, бояре при Шуйскомъ болѣе имѣли власти, чѣмъ самъ царь.

1 іюня происходило торжественное царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ съ обычными обрядами. Его совершалъ митрополитъ новогородскій Исидоръ, за отсутствіемъ патріарха. Ставленникъ Самозванца Игнатій былъ низведенъ Василіемъ Ивановичемъ съ престола и заключенъ въ Чудовъ монастырь; а прежній патріархъ Іовъ хотя еще былъ живъ, но совсѣмъ ослѣпъ. Поэтому соборъ епископовъ 25 мая выбралъ новаго патріарха, именно казанскаго митрополита Гермогена, навлекшаго на себя немилость Самозванца и сосланнаго имъ въ свою эпархію. Ко дню царскаго вѣнчанія нарѣченный патріархъ еще не успѣлъ прибыть въ Москву. Вопреки обычаю, это вѣнчаніе не сопровождалось щедрыми наградами и милостями. Шуйскій справедливо указывалъ на то, что безмѣрная расточительность ложнаго Димитрія совершенно истощила царскую казну; тѣмъ не менѣе служилый классъ остался недоволенъ и обвинялъ новаго царя въ скупости и неблагодарности. Кромѣ того, Василій Ивановичъ сдѣлалъ слѣдующую важную ошибку: тѣхъ бояръ, дьяковъ и дворянъ, которые были извѣстны преданностію Самозванцу, онъ поспѣшилъ удалить изъ Москвы, отправивъ ихъ воеводами въ дальніе города, напримѣръ: князя Василія Масальскаго въ Корелу, Михаила Салтыкова въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго въ Казань, Афанасія Власьева въ Уфу, князя Григорія Шаховского въ Путивль, Андрея Телятевскаго въ Черниговъ. Этою мѣрою онъ самъ способствовалъ будущему отпаденію отъ него многихъ областей. У нѣкоторыхъ дворянъ онъ даже отнялъ помѣстья и вотчины, чѣмъ явно нарушилъ помянутое обѣщаніе: никому не мстить за прежнія обиды.

Однако были приняты и нѣкоторыя вполнѣ благоразумныя мѣры. Таковою въ особенности является перенесеніе мощей царевича Димитрія Угличскаго.

Уже вмѣстѣ съ извѣстительными и присяжными грамотами новаго царя была разослана городамъ покаянная грамота отъ царицы инокини Мареы. Тутъ она разсказывала, какъ Самозванецъ прельстилъ ее признать его своимъ сыномъ; а настоящій ея сынъ, убитый, ле-

житъ въ Угличѣ. Когда же пошелъ слухъ о томъ, будто названный царь Димитрій спасся во время погрома 17 мая и убѣжалъ изъ Москвы, царь Василій поспѣшилъ торжественно перевезти въ столицу тѣло убіеннаго царевича. Для сего отправлены были въ Угличъ изъ духовенства ростовскій митрополитъ Филаретъ, астраханскій архіепископъ Ѳеодосій, архимандриты Сергій Спасскій и Авраамій Андроньевскій, а изъ бояръ князь Иванъ Мих. Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и двое Нагихъ. Они отписали въ Москву, что нашли мощи благовѣрнаго царевича Димитрія въ цѣлости, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного повредились; на немъ жемчужное ожерелье, кафтанъ, камчатная шитая золотомъ и серебромъ рубашка и тафтяной, также шитый золотомъ и серебромъ, убрусъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой горсть орѣховъ, которыми онъ тѣшился, когда его убили. 3 іюня привезли мощи въ Москву. Царь съ инокиней Марѳой, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и всѣмъ народомъ встрѣтили ихъ съ крестнымъ ходомъ и колокольнымъ звономъ у воротъ Бѣлаго города и проводили въ Архангельскій соборъ, гдѣ положили въ открытой ракѣ, въ придѣлѣ Ивана Предтечи. Тутъ въ соборѣ царица-инокиня передъ духовенствомъ и боярами повинилась царю въ томъ, что подъ угрозами мучительства и смерти такъ долго терпѣла обманъ Самозванца, и просила ей тотъ поневольный грѣхъ простить. Царь и весь освященный соборъ Марѳу простили, и молили Бога, чтобы Онъ ея душу отъ такого великаго грѣха освободилъ. О всемъ томъ составлена была особая грамота и разослана въ города; въ ней сообщалось также, что поставленныя въ Архангельскомъ соборѣ мощи святого отрока-мученика проявили обычныя въ такомъ случаѣ чудеса, т. е. исцѣленіе больныхъ и разслабленныхъ. Новоявленному мученику сочинены были стихиры и каноны и установлены церковныя памяти. Сія нововодворенная въ Москвѣ святыня несомнѣнно подѣйствовала на умы и воображеніе столичныхъ жителей, и вообще не мало способствовала успѣху послѣдующей обороны Москвичей отъ второго Лжедимитрія.

Межъ тѣмъ правительство царя Василія Ивановича озабочено было вопросомъ, что дѣлать съ Поляками, оставшимися въ живыхъ отъ погрома. Рѣшено было изъ нихъ до 700 человѣкъ, простыхъ и незнатныхъ, отпустить въ отечество; а знатныхъ людей съ частью ихъ свиты удержать въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ на случай отместки со стороны Польши. Точно также царь и бояре не соглашались отпустить королевскихъ пословъ, Олесницкаго и Гонсѣвскаго,

не смотря на ихъ настойчивыя просьбы. Пословъ со свитою оставили въ столицѣ; тогда какъ другихъ знатныхъ Поляковъ разослали по городамъ. Князя Вишневецкаго съ его людьми отправили въ Кострому, Стадницкихъ съ нѣкоторыми панами въ Ростовъ, а потомъ въ Вологду и Бѣлоозеро, пана Тарла съ иными въ Тверь, Казановскаго въ Устюгъ; а Юрія Мнишка съ дочерью Мариною, съ братомъ, сыномъ и со свитою, простиравшеюся до 375 человѣкъ, послали въ Ярославль подъ прикрытіемъ 300 стрѣльцовъ. Въ городахъ плѣнные Поляки строго охранялись стражею и жителями подъ надзоромъ приставовъ. Въ то же время Шуйскій отправилъ князя Волконскаго и дьяка Иванова къ Польскому королю съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ, съ жалобою на помощь, оказанную Рѣчью Посполитою Самозванцу вопреки договорамъ, и съ извиненіями въ томъ, что многіе Поляки, возбудивъ своимъ поведеніемъ противъ себя народъ, пали жертвою мятежа. Въ Москвѣ опасались конечно жестокой мести со стороны Польши. Но тамъ происходили тогда собственныя внутреннія смуты: начался извѣстный рокошъ или бунтъ краковскаго воеводы Зебжидовскаго и литовскаго магната Януша Радивила; этотъ рокошъ на время отвлекъ вниманіе короля отъ прямого вмѣшательства въ московскія дѣла. Сигизмундъ ограничился пока выраженіемъ неудовольствія на избіеніе Поляковъ и задержаніе польскихъ пословъ, и съ своей стороны также задержалъ русское посольство (9).

Народное движеніе противъ Шуйскаго началось тамъ же, гдѣ оно разразилось и противъ Годунова, т. е. на Сѣверской украйнѣ.

Уже спустя нѣсколько дней послѣ кровавой Московской заутрени, сталъ распространяться и волновать Москвичей слухъ, будто названный Димитрій вновь спасся отъ смерти и опять убѣжалъ въ Литву. Первымъ виновникомъ сего слуха считается извѣстный клевретъ Самозванца Михаилъ Молчановъ, который утромъ 17 мая съ двумя Поляками взялъ лучшихъ скакуновъ изъ царской конюшни и погналъ къ Литовской границѣ, распуская на пути слухъ о спасеніи Димитрія, а мѣстами принимая на себя его имя. Онъ укрылся въ Самборъ къ супругѣ Юрія Мнишка. Главнымъ зачинщикомъ новой смуты явился князь Григорій Шаховской, котораго царь Василій послалъ воеводою въ Путивль, повидимому не подозрѣвая въ немъ одного изъ тайныхъ своихъ враговъ и завистниковъ. Шаховской собралъ жителей Путивля и объявилъ имъ, что Димитрій живъ и пока скрывается отъ убійцъ, посланныхъ Шуйскимъ. Если въ самой Москвѣ, видѣвшей трупъ уби-

таго Самозванца, слухъ о его спасеніи находилъ многихъ довѣрчивыхъ людей, то естественно, что въ областяхъ онъ принимался съ гораздо большимъ довѣріемъ, а въ особенности въ Сѣверщинѣ: она гордилась тѣмъ, что недавно поставила царя на Москвѣ, и сохраняла преданность Лжедимитрію, а потому крайне была недовольна извѣстіемъ о его убіеніи.

Путивляне первые отложились отъ Василія Шуйскаго и подняли знамя мятежа. Ихъ примѣру быстро послѣдовали другіе сѣверскіе города, т. е. Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Кромы. Подобно князю Шаховскому, весьма дѣятельное участіе въ этомъ мятежѣ принялъ князь Андрей Телятевскій, воевода Черниговскій. Мятежники однако потребовали, чтобы спасшійся Димитрій явился среди нихъ. Зачинщики находились въ затрудненіи. Шаховской звалъ Молчанова; но тотъ не рѣшился взять на себя эту роль, съ одной стороны опасаясь участи Самозванца, съ другой имѣя въ виду, что многимъ Москвичамъ онъ былъ очень хорошо извѣстенъ; слѣдовательно обманъ вышелъ бы слишкомъ явный. За то Молчановъ же, какъ говорятъ, нашелъ человѣка, который скоро съумѣлъ придать возстанію широкій и грозный характеръ. Это былъ Иванъ Болотниковъ.

Холопъ князя Телятевскаго, обладавшій отважнымъ духомъ и богатырскимъ сложеніемъ, Болотниковъ въ юности былъ взятъ въ плѣнъ Татарами, которые продали его Туркамъ; у послѣднихъ онъ въ оковахъ работалъ на галерахъ; потомъ какъ то освободился и попалъ въ Венецію. Оттуда онъ пробрался въ отечество и дорогою остановился въ Польшѣ, гдѣ узналъ о московскихъ событіяхъ послѣдняго времени. Услыхавъ, будто Димитрій спасся бѣгствомъ изъ Москвы и живетъ въ Самборѣ, Болотниковъ явился сюда, и, не зная въ лицо убитаго Самозванца, легко принялъ Молчанова за Димитрія и предложилъ ему свои услуги. Молчановъ, играя передъ нимъ роль Димитрія, взялъ съ него присягу въ вѣрной службѣ, назначилъ его своимъ главнымъ воеводою, далъ денегъ и отправилъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому. Послѣдній принялъ его съ почетомъ и ввѣрилъ ему начальство надъ мятежной ратью. Вскорѣ удачными дѣйствіями онъ оправдалъ довѣріе, и возстаніе пошло еще быстрѣе. Къ Сѣверской уже присоединилась южная или Тульская украйна съ городами Тула, Серпуховъ, Кашира, Вѣневъ; особенно важно было для мятежниковъ отложеніе отъ Шуйскаго города Ельца, гдѣ Самозванецъ успѣлъ собрать большіе военные запасы для задуманной имъ

войны съ Татарами и Турками. На Тульской украйнѣ во главѣ мятежниковъ сталъ боярскій сынъ Истома Пашковъ. За нею, во имя мнимаго Димитрія, поднялась Рязанская область, которая еще помнила о своей самобытности и соперничествѣ съ Москвою. Здѣсь предводителями мятежниковъ явились дворяне Сумбуловъ и братья Ляпуновы. За Рязанцами встала часть Поволожья. Тамъ особенно сильный мятежъ разразился въ Астрахани, гдѣ главою возстанія сдѣлался самъ воевода князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ; а дьякъ Аѳанасій Карповъ, пытавшійся усовѣстить мятежниковъ, былъ умерщвленъ съ нѣкоторыми лучшими людьми. Возмутилась Мордва, и, соединясь со скопищемъ русскихъ крестьянъ, осадила Нижній. Возмутились земли Вятская и Пермская.

Въ самой Москвѣ слухи о спасеніи Димитрія вызывали сильное волненіе въ умахъ черни; въ то же время противъ Шуйскаго стала дѣйствовать крамола его соперниковъ, какъ прежде противъ Годунова и Лжедимитрія. Однажды на воротахъ нѣкоторыхъ бояръ, а также иностранцевъ появилась надпись, что царь отдаетъ народу на разграбленіе дома сихъ измѣнниковъ. Около нихъ стала собираться буйная толпа, которую съ трудомъ разогнали. Въ другой разъ кто то созвалъ чернь передъ дворцомъ подъ предлогомъ, что царь хочетъ говорить съ народомъ. Выходя изъ дворца къ обѣднѣ, Шуйскій увидалъ эту толпу, и, узнавъ въ чемъ дѣло, началъ плакать и укорять окружавшихъ его бояръ въ томъ, что они строятъ противъ него ковы и хотятъ низвести его съ престола. Въ порывѣ негодованія, онъ даже снялъ съ себя царскую шапку и вмѣстѣ съ посохомъ отдалъ ее близъ стоявшимъ, восклицая: „если я неугоденъ, выбирайте другого!“ Однако тотчасъ опомнился, и, взявъ обратно знаки власти, сказалъ съ горечью: „Мнѣ ужъ надоѣли эти козни. Если почитаете меня царемъ, то накажите виновныхъ“. Всѣ окружающіе стали увѣрять его въ своей преданности. Чернь опять разогнали; причемъ схватили пятерыхъ крикуновъ, которыхъ потомъ били кнутомъ на площади и сослали. Однако крамолы не прекратились; а волненіе умовъ еще усилилось при появленіи подметныхъ писемъ, которыя именемъ спасшагося Димитрія угрожали Москвичамъ местью за ихъ измѣну своему государю. Бояре, посланные во главѣ царскихъ войскъ противъ мятежниковъ, дѣйствовали вяло, и показывали мало усердія сражаться за Шуйскаго. Это обстоятельство также способствовало первымъ успѣхамъ мятежниковъ, какъ и прежде при Годуновѣ. А именно, князья Трубецкой, Барятинскій и Воротынскій, отряженные еще въ началѣ возстанія и

ненаблюдавшіе никакой связи другъ съ другомъ, потерпѣли полную неудачу. Первый, осадившій Кромы, былъ разбитъ Болотниковымъ; а Воротынскій, стоявшій подъ Ельцомъ, услыхавъ объ отступленіи и разсѣяніи полковъ Трубецкого, тоже отступилъ; его дворяне и дѣти боярскіе на пути также стали разъѣзжаться по домамъ. Эти неудачи царскихъ воеводъ собственно и ускорили помянутое выше широкое распространеніе мятежа.

Болотниковъ усердно разсылалъ всюду грамоты, въ которыхъ именемъ царя Димитрія обѣщалъ холопамъ и крестьянамъ вольность и разрѣшалъ имъ грабежъ богатыхъ людей. Поэтому чернь вездѣ охотно къ нему приставала и толпы его быстро росли; а когда съ нимъ соединились отряды Пашкова и мятежныхъ Рязанцевъ, онъ очутился во главѣ многочисленной рати, которую смѣло повелъ прямо на Москву. Царскіе воеводы пытались загородить ему дорогу. Но только юный племянникъ Василія Михаилъ Скопинъ Шуйскій имѣлъ удачную стычку съ отрядомъ мятежниковъ на берегахъ Пахры; а въ главной битвѣ, у села Троицкаго, московское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго потерпѣло рѣшительное пораженіе. Въ октябрѣ 1607 года Болотниковъ расположился станомъ и укрѣпился острогомъ въ селѣ Коломенскомъ, въ семи верстахъ отъ столицы, которую и началъ держать въ осадѣ. Московскія власти поспѣшили разставить на стѣнахъ тяжелыя орудія и сдѣлали всѣ приготовленія къ оборонѣ; составили списки всѣмъ молодымъ людямъ старше 16 лѣтъ и вооружили ихъ; послали просить помощи во всѣ города, а московское населеніе вновь привели къ присягѣ на вѣрность царю Василію. Часть войска расположилась внѣ стѣнъ подлѣ Данилова монастыря въ укрѣпленномъ обозѣ. Пытаясь возмутить жителей противъ Шуйскаго, Болотниковъ по своему обычаю обратился къ московской черни съ подметными листами, въ которыхъ приказывалъ холопамъ побивать своихъ бояръ, а ихъ имѣніе и женъ брать себѣ, гостей и торговыхъ людей грабить; призывалъ ихъ также въ свое ополченіе, обѣщая отличившихся награждать боярствомъ, воеводствомъ и другими высшими званіями. Но это наглое обращеніе къ самымъ низкимъ страстямъ и побужденіямъ сильно возбудило домовитую часть населенія; оно поняло, что отъ мятежниковъ, въ случаѣ ихъ успѣха, никакой пощады ожидать нельзя и потому рѣшило мужественно обороняться. Тѣ же подметные листы подорвали сочувствіе къ Болотникову у многихъ соединившихся съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они съ омерзѣніемъ увидали себя въ товариществѣ съ ворами, раз-

бойниками, бѣглыми холопами и воровскими казаками, которые объявляли войну не Шуйскому только, но даже такимъ священнымъ началамъ какъ общественный порядокъ, семья и собственность. А между тѣмъ, хотя всѣ распоряженія шли отъ имени спасшагося и будто бы законнаго государя, Димитрій все еще не появлялся.

Первыми отложились отъ Болотникова Сумбуловъ и Ляпуновъ съ своими Рязанцами. Они ушли въ столицу и били челомъ о прощеніи Василію Ивановичу. Чтобы привлечь и другихъ мятежниковъ, царь принялъ ихъ ласково, а Ляпунова даже наградилъ званіемъ думнаго дворянина. Въ то же время нѣкоторыя сѣверныя и западныя области, которыя остались вѣрными царю Василію, отозвались на его призывъ и прислали ему ратныхъ людей на помощь; между прочимъ пришли дружины стрѣльцовъ и даточныхъ людей изъ Холмогоръ съ Сѣверной Двины и изъ Смоленска. Тогда московскія власти ободрились, рѣшили выдти въ поле и всѣми силами сразиться съ непріятелемъ. Чтобы укрѣпить духъ войска, по желанію царя, патріархъ Гермогенъ соборнѣ служилъ молебенъ у гробницы царевича Димитрія, освятилъ воду и окропилъ ею ратныхъ людей; послѣ чего взяли покровъ съ гробницы и въ торжественной процессіи понесли его къ Калужскимъ воротамъ. Самъ царь сѣлъ на коня и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный воеводами, выѣхалъ въ поле. Войско дѣйствительно одушевилось и храбро вступило въ бой съ полчищами Болотникова у деревни Котловъ, 2 декабря. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, мятежники были разбиты; изъ главныхъ московскихъ воеводъ особенно отличился здѣсь царскій племянникъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Побѣдѣ Москвитянъ много помогло то обстоятельство, что во время боя Истома Пашковъ со своимъ отрядомъ перешелъ на сторону Шуйскаго: присоединяясь къ мятежникамъ, онъ надѣялся играть первую роль и очень неохотно принужденъ былъ уступить ее Болотникову. Пашковъ и его товарищи съ клятвами начали увѣрять Москвичей, что никакого Димитрія они не видали, что ихъ обманывали и что Димитрій конечно убитъ. Это увѣреніе подѣйствовало, и многіе, сомнѣвавшіеся въ смерти Димитрія, укрѣпились въ вѣрности Василію.

Болотниковъ заперся въ своемъ Коломенскомъ острогѣ; цѣлые три дня царскіе воеводы тщетно пытались разбить его пушечными снарядами и зажечь калеными ядрами. Какъ при осадѣ Кромъ, казаки и холопы укрывались отъ падавшихъ снарядовъ въ землянкахъ, а каленыя ядра тушили мокрыми кожами. Наконецъ воеводы устро-

или ядра съ какою то хитростію („съ нѣкоею мудростію“) и зажгли острогъ. Тогда мятежники покинули его и побѣжали; при чемъ множество ихъ было отчасти избито, отчасти взято въ плѣнъ. Съ остатками своихъ полчищъ Болотниковъ удалился въ Калугу; а часть ихъ заперлась въ Вѣневѣ и Тулѣ. Захваченные въ плѣнъ, мятежники наполнили собою всѣ московскія тюрьмы, такъ что не было болѣе мѣста, куда ихъ дѣвать. Царскіе воеводы двинулись вслѣдъ за уходившими толпами. Во время ихъ отступленія часть казаковъ засѣла въ деревнѣ Заборьѣ (подъ Серпуховымъ), окружила себя тройнымъ рядомъ саней, наполненныхъ снѣгомъ, политымъ водою, и отчаянно оборонялась за этимъ ледянымъ укрѣпленіемъ. Однако Скопинъ Шуйскій принудилъ ихъ наконецъ сдаться подъ условіемъ пощады. Добровольно сдавшихся Шуйскій велѣлъ щадить; а взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ предавали казни. Одинъ иноземецъ говоритъ, что на Москвѣ ихъ ежедневно топили сотнями. Это обстоятельство заставляло мятежниковъ оказывать самое отчаянное сопротивленіе; такъ-что многіе изъ нихъ предпочитали взорвать себя на воздухъ, а не сдаваться. Отсюда междоусобіе пріобрѣтало все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

Послѣ пораженія Болотникова нѣкоторыя отпавшія области начали возвращаться къ покорности царю Василію. По обычаю своему онъ спѣшилъ новыми церковными торжествами и напоминаніями о Самозванцѣ произвести впечатлѣніе на народъ и тѣмъ подкрѣпить свой колеблющійся престолъ. Во-первыхъ, онъ велѣлъ тѣла Бориса Годунова, его жены и сына вынуть изъ могилъ у Варсонофьевскаго монастыря, торжественно перенести въ Троицкую Лавру и тамъ похоронить съ царскимъ великолѣпіемъ. Во время погребальнаго шествія, за гробомъ своихъ родителей и брата ѣхала несчастная царевна-инокиня Ксенія въ закрытыхъ саняхъ, со слезами и обычными причитаніями. Во-вторыхъ, Василій Ивановичъ вызвалъ изъ Старицы въ Москву слѣпого престарѣлаго патріарха Іова. Въ Успенскомъ Соборѣ послѣ молебна подана была ему челобитная отъ торговыхъ людей и чернаго народа съ просьбою разрѣшить имъ клятвопреступленіе передъ Борисомъ и Ѳедоромъ Годуновыми, которымъ они измѣнили ради Самозванца. На это челобитье отъ имени обоихъ патріарховъ, Іова и Гермогена, читана была грамота, въ которой снова повторялось сказаніе о убіеніи царевича Димитрія, воцареніи Годунова, пришествіи Лжедимитрія и его злодѣяніяхъ; а въ заключеніе патріархи прощали и разрѣшали народу грѣхъ его клятвопреступленія. Нельзя

сказать, чтобы подобныя торжества съ участіемъ архипастырей и всего освященнаго собора не дѣйствовали на умы набожныхъ Москвичей. Но они слишкомъ мало отражались въ областяхъ, гдѣ партія мятежниковъ или „воровъ"—какъ ихъ тогда называли московскія грамоты—въ это время снова усилилась. Осада Калуги, въ которой заперся Болотниковъ, затянулась. Чтобы избавиться отъ опаснаго врага, Василій Шуйскій былъ не прочь прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ, несогласной съ его царскимъ достоинствомъ. Онъ принялъ предложеніе лекаря-нѣмца Фидлера отравить предводителя воровскихъ шаекъ; взялъ съ него страшную клятву, далъ ему коня и 100 талеровъ, обѣщая щедрыя награды въ случаѣ успѣха. А Фидлеръ, прибывъ въ Калугу, все открылъ Болотникову.

Царскимъ войскомъ, осаждавшимъ этотъ городъ, начальствовалъ князь Мстиславскій, а въ товарищахъ у него былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Видя безуспѣшное дѣйствіе пушекъ и мортиръ, воеводы придумали устроить приметъ, которымъ надѣялись зажечь деревянныя городскія стѣны. Для сего они велѣли сложить цѣлый валъ изъ дровъ и хворосту; а затѣмъ, перебрасывая дрова впередъ, осаждающіе постепенно придвигали валъ къ стѣнамъ, при чемъ сами находились подъ его же прикрытіемъ. Но изъ царскаго войска были частые перебѣжчики, которые извѣщали обо всемъ Болотникова, и тотъ принялъ свои мѣры. Онъ сдѣлалъ подкопы, съ помощію ихъ взорвалъ ближайшую часть вала и зажегъ его; а такъ какъ въ это время вѣтеръ подулъ въ сторону осаждающихъ, то, пользуясь ихъ смятеніемъ отъ дыма и пламени, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и побилъ много людей. Однако осада продолжалась, и въ городѣ открылась сильная нужда въ съѣстныхъ припасахъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Болотниковъ послалъ въ Путивль къ князю Шаховскому съ новою просьбою о немедленной помощи. Шаховской уже не разъ подкрѣплялъ воровъ; теперь же, не имѣя болѣе готовой силы у себя подъ руками, нашелъ ее въ другомъ мѣстѣ: онъ отправилъ гонца звать такъ называемаго Лжепетра съ его казаками.

Еще въ царствованіе Лжедимитрія I, и по его примѣру, среди Терскихъ казаковъ появился самозванецъ, принявшій на себя имя небывалаго царевича Петра. Они сочинили басню о томъ, что у царя Ѳедора Ивановича родился сынъ Петръ, котораго вѣрные бояре подмѣнили дочерью и тайно воспитали, опасаясь козней Бориса Годунова. По выбору товарищей, хотѣвшихъ подобно Донскимъ казакамъ воспользоваться смутою и поживиться на счетъ Московскаго госу-

дарства, эту роль Лжепетра принялъ на себя молодой казакъ Илейка, родомъ изъ Мурома. Онъ послалъ грамоту о себѣ Лжедимитрію, котораго называлъ своимъ дядею. Тотъ отвѣчалъ ласково и приглашалъ его въ Москву, гдѣ конечно готовилъ ему западню. Лжепетръ съ большою толпою казаковъ поплылъ вверхъ по Волгѣ и уже былъ за Свіяжскомъ, когда получилъ извѣстіе о гибели мнимаго дяди. Тогда казаки повернули назадъ, и дорогою занялись разбоемъ и грабежами. Потомъ они ушли на Донъ, гдѣ и зазимовали. Тутъ нашли ихъ посланцы Шаховского. Лжепетръ немедленно отправился въ Путивль во главѣ полчища, состоявшаго изъ казаковъ Терскихъ, Донскихъ и Волжскихъ; потомъ къ нему присоединились еще Запорожцы; такъ что у него оказалось войска болѣе 10.000 человѣкъ. По дорогѣ этотъ казацкій Самозванецъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Цареборисовъ; при чемъ звѣрски замучилъ нѣкоторыхъ попавшихъ въ его руки воеводъ и дворянъ, напримѣръ Михаила Сабурова, князей Пріимкова Ростовскаго, Щербатова, Долгорукова и другихъ. А князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде путивльскимъ воеводою, онъ не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, взявъ его дочь себѣ въ наложницы. Въ Путивлѣ онъ соединился съ княземъ Шаховскимъ, и отсюда они двинулись въ Тулу, а на помощь Болотникову отрядили часть войска подъ начальствомъ князя Телятевскаго. Услыхавъ о томъ, Мстиславскій изъ подъ Калуги навстрѣчу Телятевскому выслалъ князей Татева и Черкасскаго съ 17000 человѣкъ. На рѣчкѣ Пчельнѣ они сразились съ ворами, но пали въ битвѣ, а полки ихъ обратились въ бѣгство. Прибывъ подъ Калугу, бѣглецы эти распространили смятеніе въ царскомъ войскѣ. Болотниковъ воспользовался минутою, сдѣлалъ отчаянную вылазку и нанесъ пораженіе осаждавшей рати; часть ея перешла на сторону мятежниковъ. Только мужество Скопина Шуйскаго и Истомы Пашкова спасло ее отъ совершеннаго разгрома; покинувъ тяжелыя орудія и съѣстные запасы, она отступила къ Боровску. Это происходило весною 1607 года.

Болотниковъ изъ Калуги двинулся къ Тулѣ; соединился съ Лжепетромъ и снова готовился идти на Москву. Въ виду такой опасности царь Василій обнаружилъ на сей разъ необычную ему рѣшимость и воинственную предпріимчивость. Онъ объявилъ, что самъ выступаетъ противъ воровъ, и разослалъ всюду грамоты съ строгими приказами о сборѣ служилыхъ и даточныхъ людей. Монастырскія и церковныя вотчины также долженствовали выставить ратниковъ. Патріархъ при-

казалъ во всѣхъ храмахъ служить молебны объ успѣхѣ царскаго оружія, а Болотникова, Самозванца и ихъ сообщниковъ торжественно предавать проклятію. Изъ Москвы одушевленіе распространилось въ областяхъ; не мало также дѣйствовалъ страхъ за имущество и общественный порядокъ, угрожаемые разбойничьими полчищами. Царь Василій лично выступилъ въ походъ во главѣ почти стотысячнаго ополченія. Передовой полкъ его подъ начальствомъ князей Голицына и Лыкова недалеко отъ Коширы на рѣчкѣ Восмѣ встрѣтился съ передовымъ отрядомъ воровъ, предводителемъ котораго былъ Телятевскій, и разбилъ его на голову; въ этой битвѣ отличился Прокопій Ляпуновъ съ своими Рязанцами. Царскія войска двинулись прямо на Тулу, и въ концѣ іюня обступили этотъ городъ, въ которомъ засѣли всѣ главные вожаки мятежниковъ, т. е. Болотниковъ, Лжепетръ, Шаховской и Телятевскій, имѣя 20,000 отборныхъ казаковъ и другихъ ратниковъ съ большимъ количествомъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ.

Руководимые и одушевляемые Болотниковымъ, осажденные оборонялись долго и упорно. Когда же обнаружился недостатокъ продовольствія, они порѣзали коней и всѣхъ животныхъ, ѣли кошекъ и всякую падаль, но не хотѣли и слышать о сдачѣ. Царская рать начинала уже терять надежду на взятіе города и стала падать духомъ. Открылись побѣги и отъѣзды. Между прочими, служилые татарскіе князья Петръ и Александръ Урусовы со многими мурзами покинули царскій станъ и уѣхали въ Крымъ. Изъ Сѣверской украйны приходили вѣсти, что тамъ собирается новая туча въ лицѣ второго Лжедимитрія, который готовился идти на выручку Тулы.

Вдругъ неожиданное обстоятельство помогло Василію.

Нѣкто муромскій боярскій сынъ Ѳома Суминъ Кровковъ посредствомъ разряднаго дьяка подалъ царю челобитную, въ которой просилъ дать ему посохи, обѣщая запрудить рѣку Упу и потопить городъ Тулу. Его предложеніе сначала вызвало насмѣшки, однако было принято. Онъ велѣлъ каждому ратнику принести по мѣшку или плетенкѣ съ землею; затѣмъ отобралъ людей знающихъ мельничное дѣло и началъ изъ земли, дерева, хворосту и соломы строить плотину, чтобы перегородить рѣку Упу ниже города, расположеннаго на ея низменныхъ берегахъ. По мѣрѣ изготовленія плотины, вода стала подниматься, проникла въ острогъ, а потомъ и въ городъ. Наконецъ самые дворы были затоплены, немногіе остававшіеся запасы продовольствія погибли и всѣ тайные подвозы прекратились. Въ Тулѣ насталъ

голодъ. Тульскіе „сидѣльцы“ постепенно начали выходить и бить челомъ Василію о прощеніи. Наконецъ на самый праздникъ Покрова Богородицы, 1 октября, всѣ Туляне сдались, выговоривъ себѣ общее помилованіе, которое царь обѣщалъ имъ подъ присягою. Иноземцы разсказываютъ, что Болотниковъ подъѣхалъ къ царской ставкѣ, сошелъ съ коня, положилъ саблю себѣ на шею, и, ударивъ въ землю челомъ, сказалъ Василію: „Я исполнилъ свою клятву и вѣрно служилъ тому, кто называетъ себя Димитріемъ; но онъ меня выдалъ, и теперь я въ твоей власти. Если хочешь моей головы, вели ее отрубить; а если оставишь мнѣ жизнь, то я буду служить тебѣ также вѣрно“. Василій Ивановичъ повидимому не придалъ значенія этимъ словамъ; да и трудно было тогда довѣрять подобнымъ людямъ; притомъ бояре и дворяне посмотрѣли бы очень косо на помилованіе человѣка, заявившаго себя ихъ злѣйшимъ врагомъ. Болотниковъ, Илейка Муромецъ, казачій атаманъ Нагиба и нѣсколько десятковъ взятыхъ съ ними Нѣмцевъ были подъ стражею отправлены въ Москву. Здѣсь Илейку повѣсили. Болотникова послали въ Каргополь, и тамъ его утопили. А плѣнныхъ Нѣмцевъ (въ томъ числѣ помянутаго лекаря Фидлера) сослали въ Сибирь. Но князья Телятевскій и Шаховской какъ знатные люди были пощажены. Послѣдній—по лѣтописному выраженію „всей крови заводчикъ“—воспользовался тѣмъ, что передъ сдачею Тулы воры посадили его въ тюрьму за ложныя обѣщанія скорой помощи отъ Димитрія, и увѣрялъ Шуйскаго, будто пострадалъ за намѣреніе ему покориться. Царь сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ему, и отправилъ его на Кубенское озеро въ Каменную Пустынь.

По городамъ немедленно были разосланы царскія грамоты съ извѣстіемъ о великой побѣдѣ надъ мятежниками и съ приказаніемъ читать эти грамоты въ соборномъ храмѣ, пѣть благодарственные молебны и производить трехдневный колокольный звонъ. Уже наступила глубокая осень. Покончивъ съ долгой и трудной осадой, Шуйскій распустилъ по домамъ большую часть утомленнаго войска и воротился въ Москву, куда въѣхалъ торжественно, при колокольномъ звонѣ, въ колесницѣ, обитой краснымъ сукномъ и запряженной четырьмя бѣлыми конями. Отсюда онъ ѣздилъ въ Троицесергіеву Лавру, чтобы принести св. Угоднику благодарственную молитву за Тульскую побѣду и просить его заступленія противъ другихъ грозившихъ враговъ. Въ слѣдующій за тѣмъ мясоѣдъ, въ январѣ мѣсяцѣ, пятидесятилѣтній невзрачный и подслѣповатый царь Василій, по благословенію патріарха Гермогена, сочетался бракомъ съ княжною Марьей Петровной Буй-

носовой-Ростовской, съ которою былъ помолвленъ еще при Лжедимитріи 1: онъ надѣялся получить отъ нея наслѣдника престолу и такимъ образомъ упрочить свою династію (10).

Во время Тульской осады на сцену дѣйствія выступилъ наконецъ и второй Лжедимитрій, именемъ котораго дѣйствовали Шаховской, Болотниковъ и другіе вожаки возстанія Сѣверской и Южной украйны противъ Василія Шуйскаго.

Второй Лжедимитрій объявился приблизительно въ томъ же краю, гдѣ и первый, только не по ту сторону московско-литовскаго рубежа, а по сю, т. е. въ московскихъ предѣлахъ, именно въ Стародубѣ Сѣверскомъ. Край сей въ то время признавалъ своимъ царемъ не Василія Шуйскаго, а мнимоспасшагося Лжедимитрія; слѣдовательно принявшему на себя его имя уже не было нужды объявляться за литовскимъ рубежомъ. Такъ какъ, проживавшій въ Самборѣ у жены Юрія Мнишка, Молчановъ самъ отказался взять на себя эту опасную роль или былъ найденъ для нея непригоднымъ, то пріятелямъ и родственникамъ сей фамиліи пришлось употребить довольно много времени, чтобы отыскать и подготовить другое лицо. Вопросъ о томъ, кто былъ второй Самозванецъ и кто его выдвинулъ, представляется еще болѣе темнымъ, чѣмъ вопросъ о первомъ Самозванцѣ. Но мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что и тутъ орудовала приблизительно та же польская интрига и почти тѣ же лица какъ и въ предыдущемъ случаѣ. По всей вѣроятности, за отсутствіемъ мужскихъ представителей фамиліи Мнишковъ и Константина Вишневецкаго, находившихся въ московскомъ плѣну, дѣйствовали тотъ же родственникъ и тотъ же пособникъ, которые участвовали въ созданіи перваго Самозванца, т. е. литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и Адамъ Вишневецкій, двоюродный братъ Константина. Первый по прежнему интриговалъ съ вѣдома и тайнаго согласія короля, руководилъ дѣломъ черезъ другихъ, и, какъ увидимъ, косвенно обнаружилъ свое участіе тѣмъ, что вскорѣ выставилъ своего двоюроднаго брата Яна Сапѣгу на главномъ театрѣ дѣйствія; а второй, горѣвшій нетерпѣніемъ освободить брата и Мнишковъ или отомстить за нихъ, лично привелъ свою дружину на помощь Самозванцу.

Относительно личности второго Лжедимитрія историческіе источники приводятъ разныя показанія; но большинство ихъ сводится къ тому, что происхожденіемъ онъ былъ изъ Бѣлоруссіи и повидимому поповичъ. Зная польскій языкъ, онъ, въ противуположность первому

Лжедимитрію, хорошо зналъ и русскую грамоту, и весь церковный кругъ. А нѣкоторыя извѣстія считаютъ его крещенымъ Евреемъ, который былъ знакомъ съ Талмудомъ и вообще съ еврейскою письменностію. Одно такое извѣстіе прибавляетъ, что его звали Богданкомъ, что онъ находился въ числѣ слугъ перваго Лжедимитрія и былъ имъ употребляемъ для сочиненія русскихъ писемъ; поэтому зналъ многія его тайны; а послѣ его гибели бѣжалъ обратно въ Литовскую Русь. Здѣсь онъ проживалъ нѣкоторое время въ Могилевѣ. Священники въ Западной Руси обыкновенно при своихъ церквахъ содержали маленькія школы для обученія дѣтей грамотѣ. Такую школу въ Могилевѣ имѣлъ протопопъ церкви св. Николая; онъ нанялъ Богданка учителемъ въ свою школу, и обращался съ нимъ по пріятельски. Но сластолюбивый наставникъ сталъ слишкомъ назойливо ухаживать за женою протопопа; за что былъ больно наказанъ и прогнанъ. Онъ исчезъ изъ Могилева, скитался по разнымъ мѣстамъ, сидѣлъ даже въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ шпіонствѣ, и потомъ—вдругъ объявился въ Стародубѣ. По всей вѣроятности, въ это именно время состоялось тайное соглашеніе его съ агентами Мнишковъ, Вишневецкихъ и Сапѣговъ, т. е. тѣхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, которые для своихъ цѣлей искали преемника или замѣстителя первому Лжедимитрію. По наружности новый Самозванецъ хотя и мало походилъ на своего предшественника, однако нѣсколько его напоминалъ; за то рѣзко отличался отъ него своею неотесанностію, дурными манерами и грубымъ языкомъ; впрочемъ не уступалъ ему наклонностію къ распутству. Помянутые вельможи—покровители приставили къ нему менторомъ шляхтича Мѣховецкаго, который училъ его хорошимъ манерамъ и собиралъ для него военную дружину. Мѣховецкій отправилъ Самозванца съ нѣсколькими агентами впередъ въ Стародубъ; а самъ выжидалъ, какой оборотъ приметъ его дѣло въ Сѣверщинѣ. Стародубъ, можетъ быть, избрали потому, что первый Лжедимитрій, хорошо знакомый другимъ сѣверскимъ городамъ, повидимому не бывалъ въ Стародубѣ, и слѣдовательно жителей его легче было обмануть человѣку, принявшему то же имя.

Тутъ Самозванецъ сначала явился подъ видомъ московскаго боярина Нагого, дяди царя Димитрія; а товарищемъ при немъ находился подъячій Алексѣй Рукинъ. Они распространяли слухи, что Димитрій живъ и скоро придетъ въ Сѣверскую землю, въ сопровожденіи пана Мѣховецкаго и вооруженнаго отряда всадниковъ. Когда же Стародубцы, наскучивъ ожиданіемъ (и можетъ быть направленные ловкими аген-

тами), схватили ихъ обоихъ и подъ пыткою начали расспрашивать Рукина, сей послѣдній, какъ бы нестерпя пытки, указалъ на мнимаго Нагого, говоря, что это и есть настоящій Димитрій. Стародубцы очень обрадовались, съ торжествомъ отвели Самозванца въ крѣпость и окружили его почестями. Въ это время въ Стародубѣ же находился одинъ изъ донскихъ атамановъ, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, впослѣдствіи занявшій очень видное мѣсто между дѣятелями Смутной эпохи. Онъ былъ происхожденіемъ Западноруссъ (изъ Тарнополя) и очевидно православный по вѣрѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ уведенъ плѣнникомъ въ Орду, выросъ тамъ, и ушелъ оттуда къ Донскимъ казакамъ. Въ качествѣ одного изъ ихъ атамановъ онъ прибылъ на службу къ первому Лжедимитрію; а послѣ его смерти присталъ къ мятежнымъ шайкамъ, воевавшимъ противъ Шуйскаго. Во время Тульской осады Заруцкаго, какъ человѣка усерднаго и расторопнаго, Болотниковъ послалъ разыскать Димитрія и поторопить его прибытіемъ на помощь. Когда второй Лжедимитрій объявился народу, этотъ Заруцкій—разумѣется, не случайно очутившійся въ Стародубѣ, а дѣйствовавшій по предварительному уговору—немедленно представился ему, подалъ письмо отъ Тульскихъ сидѣльцевъ и вообще призналъ его царемъ Димитріемъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ Мѣховецкій съ нѣсколькими навербованными хоругвями польско-русской конницы. Собралось также нѣсколько тысячъ мятежныхъ Сѣверянъ; ибо почти вся Сѣверщина поспѣшила къ нему пристать. Такимъ образомъ Самозванецъ очутился во главѣ значительной военной силы. Онъ выступилъ въ походъ, и отправилъ подъ Тулу къ царю Василію посланца съ требованіемъ уступить ему несправедливо захваченный престолъ. Любопытно, что посланецъ сей, принадлежавшій къ сословію боярскихъ дѣтей, прибылъ въ царскій станъ и увѣрялъ всѣхъ въ истинности Димитрія; подверженный жестокой огненной пыткѣ, онъ съ твердостію принялъ смерть.

Лжедимитрій II взялъ Карачевъ, занялъ Брянскъ и Козельскъ; но высланные противъ него отряды остановили его успѣхи. Очевидно, онъ далеко не обладалъ воинственнымъ пыломъ и удалью своего предшественника; притомъ Поляки, хорошо зная его самозванство, относились къ нему съ пренебреженіемъ, нерѣдко бунтовали и грозили его покинуть. Межъ тѣмъ Тула сдалась Василію. Послѣ нѣкоторыхъ движеній и переходовъ Самозванецъ удалился въ Орелъ, гдѣ сталъ ожидать подкрѣпленій изъ Польши и Литвы. И дѣйствительно, вскорѣ прибыли къ нему: Адамъ Вишневецкій съ 2000 конницы, паны

Тышкевичъ, Хмелевскій, Будило, Зборовскій, Веламовскій, Руцкій, Казановскій и многіе другіе. Около того времени въ Польшѣ окончился побѣдою короля рокошъ, поднятый Зебжидовскимъ и Радивиломъ; множество шляхтичей, принимавшихъ въ немъ участіе и теперь оставшихся безъ дѣла, скитались близъ московскихъ границъ; почему легко было набирать изъ нихъ военные отряды. Самый многочисленный отрядъ, въ 4000 человѣкъ, привелъ Самозванцу западнорусскій князь Романъ Рожинскій. Фамилія Рожинскихъ была связана дружбою съ фамиліей Вишневецкихъ, и князь Романъ сохранялъ еще православіе также какъ и князь Адамъ. Этотъ Романъ Рожинскій былъ человѣкъ храбрый, искусный въ военномъ дѣлѣ, но слишкомъ преданный крѣпкимъ напиткамъ. Онъ началъ съ того, что отнялъ предводительство польскими и западнорусскими дружинами у Мѣховецкаго, а потомъ во время какой то ссоры собственноручно его убилъ. Онъ заставилъ рыцарское коло выбрать себя гетманомъ и сдѣлался главнымъ руководителемъ Самозванца. Заруцкій отправился на Донъ и привелъ нѣсколько тысячъ казаковъ. Пришли и Запорожцы. Изъ казацкихъ начальниковъ вскорѣ выдвинулся западнорусскій шляхтичъ Лисовскій, который за участіе въ рокошѣ и другіе проступки былъ осужденъ на банницію, т. е. изгнаніе изъ отечества. (11).

Самозванство въ то время на Руси вошло въ какую-то моду; особенно пользовались имъ казаки, какъ поводомъ для своихъ грабительскихъ подвиговъ. Послѣ казни Лжепетра одинъ за другимъ появлялись новые самозванные царевичи, такъ что число ихъ дошло до десяти. Одни называли себя сыновьями Ѳедора Ивановича, кто Ѳедоромъ, кто Клементьемъ, Савеліемъ, Ерофѣемъ и пр.; въ Астрахани нѣкто назвался Лаврентіемъ, сыномъ царевича Ивана Ивановича; другой объявился тамъ же и выдавалъ себя за Августа, сына самого Ивана Грознаго отъ четвертой его супруги Анны Колтовской. Со Лжеѳедоромъ казаки пришли было на помощь къ Лжедимитрію II, когда тотъ стоялъ подъ Брянскомъ. Однако послѣдній не призналъ въ немъ своего племянника и приказалъ казнить. Также казнилъ онъ пришедшихъ послѣ самозванцевъ—Лаврентія и Августа. Тогда и другіе подобные самозванцы вскорѣ исчезли безслѣдно.

Когда у Лжедимитрія II собралось большое войско изъ польскихъ, казацкихъ и сѣверскихъ дружинъ, онъ весною 1608 года сталъ готовиться къ походу на Москву. Высланная противъ него рать находилась подъ начальствомъ неспособнаго царскаго брата Димитрія Шуйскаго и тайнаго недоброжелателя Шуйскихъ князя Василія Голицына.

Подъ Болховымъ они потерпѣли пораженіе. Послѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ, Самозванецъ поспѣшно двинулся къ столицѣ. По примѣру Болотникова, онъ старался привлечь на свою сторону въ особенности черный народъ; а потому въ своихъ грамотахъ разрѣшалъ крестьянамъ брать себѣ земли бояръ, присягнувшихъ Шуйскому, и даже силою жениться на ихъ дочеряхъ. Подобныя грамоты производили дѣйствіе въ украинныхъ областяхъ: крестьяне волновались, а дворяне и дѣти боярскіе покидали помѣстья и съ своими семьями уѣзжали въ Москву. Оставшись безъ служилыхъ людей, области эти легко переходили въ руки Самозванца, и ополченіе его умножалось приливомъ черни. Зато столица наполнилась служилыми людьми, которые изъ чувства самосохраненія рѣшились стоять за Шуйскаго. Впрочемъ, измѣнники встрѣчались даже въ средѣ боярскаго сословія. Такъ въ войскѣ, которое стояло на берегахъ рѣчки Незнани, на дорогѣ между Калугою и Москвою, подъ начальствомъ Михаила Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, трое князей, Катыревъ, Троекуровъ и Трубецкой, подговаривали ратниковъ къ измѣнѣ. Ихъ схватили и отправили въ Москву; но царь (согласно своей присягѣ при воцареніи) опять не рѣшился казнить знатныхъ людей, а разослалъ по тюрьмамъ; казни подверглись только нѣкоторые второстепенные начальники. Въ отношеніи же простыхъ людей Василій Шуйскій отнюдь не отличался милосердіемъ: современники разсказываютъ о постоянныхъ и многочисленныхъ казняхъ попадавшихъ въ его руки русскихъ ратниковъ, сражавшихся за Самозванца; ихъ безъ пощады вѣшали, а особенно много топили въ Москвѣ рѣкѣ. Весною послѣ половодья на лугахъ и поляхъ оставалась масса труповъ, изъѣденныхъ щуками и другими рыбами, покрытыхъ раками и червями. Они разлагались и заражали воздухъ.

Самозванецъ или собственно Рожинскій обошелъ войско Скопина Шуйскаго, съ Калужской дороги перешелъ на Волоколамскую и приблизился къ Москвѣ съ сѣверной стороны. Сначала онъ думалъ расположиться въ селѣ Тайнинскомъ, чтобы отрѣзать столицу отъ сѣверныхъ областей, остававшихся вѣрными царю Василію; но увидалъ самъ себя отрѣзаннымъ отъ южныхъ и западныхъ украйнъ, откуда ожидалъ подвозовъ и подкрѣпленій. Поэтому, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій и мелкихъ стычекъ, Рожинскій подвинулся на западъ, и выбралъ мѣстомъ лагеря, лежащее въ 12 верстахъ отъ столицы, село Тушино, то есть уголъ, образуемый рѣкой Москвой и ея лѣвымъ притокомъ Сходнею. Самозванецъ велѣлъ свозить изъ окрестныхъ деревень лѣсъ и строить жилища, копать рвы и насыпать валы, такъ

что лагерь его скоро обратился въ укрѣпленное предмѣстье Москвы. У него было здѣсь семь или восемь тысячъ отборнаго польско-литовскаго войска, тысячъ десять казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, и нѣсколько десятковъ тысячъ всякаго русскаго сброда. Межъ тѣмъ, по царскому приказу, Скопинъ-Шуйскій съ своей трехполковою ратью пришелъ съ береговъ Незнани и расположился на Ходынскомъ полѣ, т. е. между Тушинымъ и Москвою; а самъ царь Василій съ дворовымъ полкомъ и стрѣльцами сталъ у него въ тылу на Ваганьковѣ, здѣсь окопался и разставилъ вокругъ нарядъ или орудія. Въ городѣ оставалось еще достаточное количество ратниковъ для обороны стѣнъ, снабженныхъ множествомъ пушекъ и пищалей. Вначалѣ перевѣсъ силъ очевидно былъ на сторонѣ Шуйскаго; но слабая ихъ сторона заключалась въ шатости умовъ и склонности къ измѣнамъ. Онъ не могъ вполнѣ на нихъ полагаться; а потому прибѣгъ къ переговорамъ.

Еще въ предыдущемъ 1607 году Сигизмундъ III отправилъ въ Москву новое посольство, съ паномъ Витовскимъ и княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ во главѣ. Они должны были поздравить Шуйскаго съ восшествіемъ на престолъ, а, главное, просить объ отпускѣ какъ прежнихъ пословъ, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, такъ и всѣхъ Поляковъ, задержанныхъ послѣ убіенія Лжедимитрія, въ томъ числѣ Мнишковъ съ ихъ свитою. Сихъ послѣднихъ Василій еще до прихода второго Самозванца велѣлъ изъ Ярославля перевести снова въ Москву. По настоянію новыхъ пословъ, онъ дозволилъ имъ видѣться не только съ прежними послами, но и съ Мнишками. Бояре завязали переговоры о мирѣ; но обѣ стороны долго не могли сойтись въ условіяхъ. Приходъ Самозванца ихъ ускорилъ. Василій даже позволилъ Рожинскому сноситься съ польскимъ посольствомъ, надѣясь, что по заключеніи мира Поляки уйдутъ въ отечество. Но онъ еще мало зналъ польское вѣроломство. Люди, приходившіе отъ Рожинскаго къ посламъ, тщательно высматривали состояніе укрѣпленій какъ въ городѣ, такъ и въ Ходынскомъ станѣ, и начальникъ ихъ не замедлилъ воспользоваться полученными свѣдѣніями. Московская рать сначала соблюдала всѣ мѣры предосторожности; день и ночь бодрствовала неусыпная стража, доспѣхи и кони содержались наготовѣ. Но мало по малу бдительность ослабѣла, особенно вслѣдствіе толковъ о скоромъ заключеніи мира. Тогда Рожинскій однажды на зарѣ ударилъ на сонный Ходынскій станъ, разгромилъ его, захватилъ обозъ и много пушекъ. Но стоявшій на Ваганьковѣ царь выслалъ своимъ на помощь ближнихъ людей, съ собственными дворовыми отрядами, и тѣ послѣ же-

стокой битвы прогнали Ляховъ до рѣчки Химки. Такое вѣроломство однако не помѣшало заключенію договора, который состоялся на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: въ теченіи трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ соблюдается перемиріе, во время котораго будетъ приступлено къ утвержденію прочнаго мира; обѣ стороны остаются при томъ, чѣмъ владѣютъ; князю Рожинскому и его товарищамъ немедленно воротиться въ отечество; воеводу Сендомірскаго и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ освободить; Маринѣ впредь не именовать себя Московскою царицею, и пр.

Василій поспѣшилъ исполненіемъ договора, скрѣпленнаго обоюдною присягою; вмѣстѣ съ послами онъ отпустилъ Мнишковъ и другихъ пановъ, съ ихъ свитою, подъ прикрытіемъ отряда, которымъ начальствовалъ князь Владиміръ Долгорукій. Но Поляки нисколько не думали исполнять договоръ. Никто изъ нихъ не покинулъ Тушинскаго лагеря. Изъ него вышли 2000 конницы только для того, чтобы перехватить Мнишковъ на дорогѣ въ Литву. Этимъ отрядомъ начальствовали Александръ Зборовскій и Янъ Стадницкій.

Чтобы избѣжать городовъ, перешедшихъ на сторону Лжедимитрія II, Поляковъ повезли не прямо на Смоленскъ, а кружнымъ путемъ черезъ Угличъ и Тверь. Цѣлый мѣсяцъ ѣхали они по мѣстамъ пустыннымъ, болотистымъ или до того лѣсистымъ, что дорогу иногда приходилось прокладывать топоромъ; при чемъ путники терпѣли большой недостатокъ въ продовольствіи. Среди самихъ Поляковъ существовало разногласіе. Одни паны желали избѣжать встрѣчи съ тушинскими отрядами, чтобы поскорѣе воротиться на родину; они знали, что изъ Тушина разосланы были въ западные города грамоты съ приказаніемъ задержать отпущенныхъ изъ Москвы пановъ и литовскихъ пословъ и посадить ихъ подъ стражу. Другіе, наоборотъ, втайнѣ ожидали погони и желали попасть въ руки Тушинцевъ. Во главѣ послѣднихъ стояли Мнишки и старшій изъ первыхъ пословъ, Олесницкій. Кончилось тѣмъ, что обѣ стороны заспорили между собою и раздѣлились. Гонсѣвскій и вторые послы съ частію русскаго конвоя переправились черезъ Волгу и потомъ благополучно достигли Литовскаго рубежа; а Мнишки и Олесницкій нарочно замедлили свое движеніе, и направились прямо на Смоленскъ. Русскій конвой, въ виду многочисленной и вооруженной польской свиты, не рѣшился дѣйствовать силою, и также раздѣлился. Недалеко отъ крѣпости Бѣлой отрядъ Зборовскаго нагналъ вторую партію Поляковъ (повидимому имѣя отъ нея тайныя увѣдомленія); послѣ небольшой стычки русскій конвой разсѣялся;

Олесницкій и Мнишки со свитою попали въ руки Тушинцевъ. (Вторая половина августа 1608 года).

Въ это самое время изъ Литвы вступилъ въ предѣлы Московскаго государства, извѣстный своею воинскою отвагою, Янъ Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, родственникъ Литовскаго канцлера, по всей вѣроятности подвигнутый его же внушеніями. Онъ собралъ до 7000 ратниковъ и велъ ихъ на помощь Тушинскому вору (какъ прозвали его Русскіе) или царику (какъ называли его Поляки). Сей послѣдній прислалъ литовскому искателю приключеній обѣщаніе великихъ наградъ; только просилъ, чтобы онъ не позволялъ своимъ воинамъ грабить Московскую землю. Случайно Сапѣга стоялъ станомъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ Зборовскій захватилъ названную польскую партію. Узнавъ о томъ, Марина отдалась подъ покровительство Сапѣги; онъ взялъ ее подъ свою охрану, и всѣ вмѣстѣ направились къ Тушину. По дорогѣ въ мѣстахъ, передавшихся Самозванцу, Марину встрѣчали съ почестями, какъ свою царицу. Между Мнишками и Лжедимитріемъ II втайнѣ завязались дѣятельные переговоры.

Доселѣ, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ слуховъ, Марина еще могла мечтать о томъ, что можетъ быть ея мужу дѣйствительно удалось какъ нибудь спастись отъ смерти. Но теперь всякая надежда должна была исчезнуть. Возлюбленный супругъ не только не спѣшилъ къ ней на встрѣчу, но сталъ присылать разныхъ лицъ, которыя прямо потребовали отъ нея, чтобы она публично признала его своимъ мужемъ; нашлись и словоохотливые Поляки, которые сообщили ей о немъ разныя неутѣшительныя подробности. Женское чувство заговорило въ честолюбивой Полькѣ, и она отвѣчала отказомъ. Сапѣга стоялъ около Тушина отдѣльнымъ лагеремъ, и тутъ цѣлую недѣлю тянулись переговоры съ Самозванцемъ. Рожинскій и самъ Сапѣга уговаривали Марину уступить необходимости. Наконецъ прибѣгли къ помощи стараго Мнишка. Царикъ обѣщалъ ему выполнить обязательства своего предшественника, т. е., кромѣ большой суммы денегъ, отдать ему Сѣверское княжество, когда утвердится на Московскомъ престолѣ. Старый интриганъ вновь продалъ свою дочь, и убѣдилъ ее согласиться. Ему помогъ іезуитъ, увѣривъ ее, что она должна жертвовать собою для блага Римской церкви. Послѣ того состоялась торжественная встрѣча въ виду всего войска. Марина преодолѣла свое отвращеніе къ Тушинскому вору, и бросилась ему въ объятія. Тотъ же іезуитъ тайно ихъ обвѣнчалъ. При семъ Марина выговорила условіе, чтобы царикъ не пользовался супружескими правами, пока не завла-

дѣетъ Москвою; но это условіе потомъ не было соблюдено. Юрій Мнишекъ, поживъ нѣсколько времени въ Тушинскомъ лагерѣ, воротился въ Польшу. Впослѣдствіи, когда дѣло его новаго зятя не подвигалось впередъ. и Сигизмундъ III самъ задумалъ походъ въ Московскую землю, Мнишекъ, по требованію короля, прекратилъ даже переписку съ дочерью и повидимому оставилъ ее на произволъ судьбы; на что Марина горько жаловалась ему въ своихъ письмахъ.

Въ то время какъ Тушинскій воръ осаждалъ Москву, въ областяхъ кипѣла борьба между его сторонниками и населеніемъ, оставшимся вѣрнымъ царю Василію. На Рязанскую землю царикъ еще до прихода своего подъ Москву послалъ Лисовскаго съ толпою казаковъ и русскихъ воровъ. Тотъ засѣлъ въ Зарайскѣ. Главный вождь Рязанцевъ, Прокопій Ляпуновъ незадолго до того былъ сильно раненъ въ ногу при осадѣ Пронска, который передался на сторону Самозванца. Поэтому въ товарищахъ съ рязанскимъ воеводою княземъ Ив. Андр. Хованскимъ на Лисовскаго вмѣсто Прокопа пошелъ братъ его Захаръ; но сей послѣдній не владѣлъ его талантами, а отличался только буйнымъ нравомъ и пьянствомъ. Лисовскій воспользовался неустройствомъ рязанскаго ополченія и разбилъ его на голову. Послѣ того онъ напалъ на Коломну, взялъ ее приступомъ и разграбилъ. Отсюда онъ двинулся къ Москвѣ и соединился съ Тушинскимъ воромъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 30,000 человѣкъ разнаго сброда, и ведя взятаго имъ въ плѣнъ коломенскаго епископа Іосифа, котораго велѣлъ привязать къ пушкѣ. (Этотъ Іосифъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ не одобрялъ брака перваго Самозванца съ Мариной). Въ Москвѣ рѣшили помѣшать соединенію Лисовскаго съ Тушиномъ, и навстрѣчу первому царь послалъ трехполкное войско подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Семеновича Куракина. Въ битвахъ Смутной эпохи этотъ Куракинъ, на ряду съ Михаиломъ Скопинымъ и немногими другими боярами, выдается военными способностями. Онъ сошелся съ непріятелемъ на берегахъ Москвы у Медвѣжьяго брода, и поразилъ его, такъ что Лисовскій только съ остаткомъ своего полчища достигъ Тушинскаго лагеря. Епископъ Іосифъ былъ освобожденъ изъ плѣна и самая Коломна вновь занята царскимъ отрядомъ. Такимъ образомъ сообщеніе Москвы съ Рязанской украйной и главная часть этой украйны остались въ рукахъ Шуйскаго.

Прибытіе Яна Сапѣги значительно усиливало Тушинскаго вора. Теперь около него собралось тысячъ пятнадцать хорошо вооруженныхъ Поляковъ и Западноруссовъ; казаковъ было вдвое болѣе того;

Запорожцы массами двинулись тогда въ Московское государство какъ хищныя птицы, почуявшія падаль. Вмѣстѣ съ русскими измѣнниками количество всѣхъ отрядовъ, стоявшихъ подъ знаменами второго Лжедимитрія, заключало въ себѣ до 100,000 человѣкъ. Но не было одного общаго предводителя, не было единодушія. Скоро обнаружилось, что Рожинскій не могъ ужиться въ согласіи съ гордымъ Сапѣгою, который не хотѣлъ ему подчиниться и думалъ гетманствовать въ войскѣ царика. Чтобы избѣжать дальнѣйшаго соперничества, рѣшено было дать Сапѣгѣ отдѣльное начальство. Ему поручили взятіе Троицесергіевой Лавры, которая служила главнымъ опорнымъ пунктомъ для поддержанія связи между Москвою и сѣверными Волжскими областями, для полученія оттуда подвозовъ и подкрѣпленій. Сама по себѣ она привлекала жадность Поляковъ накопленными въ ней богатствами, и они надѣялись захватить ихъ въ свои руки. Кромѣ того сія обитель важна была своимъ духовнымъ вліяніемъ на народъ, который питалъ къ ней особое уваженіе, и кого она признавала царемъ, того онъ считалъ болѣе законнымъ. Когда Сапѣга выступилъ изъ Тушина, царь Василій задумалъ повторить съ нимъ то же, что недавно удалось сдѣлать съ Лисовскимъ, и выслалъ противъ него также трехполкную рать, числомъ свыше 30.000 человѣкъ. Но главное начальство надъ нею онъ ввѣрилъ Ивану Шуйскому, одному изъ своихъ неспособныхъ братьевъ. Москвитяне ударили на непріятеля около села Рахманова, и въ началѣ одержали верхъ; Поляки дрогнули; самъ Сапѣга раненъ пулею въ лицо. Но тогда онъ съ нѣсколькими запасными хоругвями гусаръ и пятигорцевъ произвелъ отчаянную атаку, отъ которой Москвитяне въ свою очередь смѣшались, и затѣмъ обратились въ бѣгство. Большая часть ратниковъ послѣ этого пораженія разъѣхалась по домамъ, и воеводы воротились въ столицу съ немногими людьми. А побѣдитель продолжалъ свое движеніе на Троицкую лавру.

Пораженіе подъ Рахмановымъ произвело большое смятеніе въ столицѣ. Многіе служилые люди, собранные изъ разныхъ областей, пришли въ уныніе и стали покидать Москву: частію они возвращались въ свои уѣзды, частію уходили въ Тушино. Василій Ивановичъ захотѣлъ устыдить малодушныхъ, и объявилъ, что самъ онъ намѣренъ сидѣть въ осадѣ, но что никого не удерживаетъ; кто хочетъ служить ему, пусть служитъ, а кто не хочетъ, пусть уходитъ. Духовенство принялось вновь (кажется, въ третій разъ) приводить Москвичей къ присягѣ на вѣрность царю Василію. Никто конечно не объ-

являлъ заранѣе о своей измѣнѣ, и всѣ служилые люди давали присягу. Она однако не помѣшала многимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ вскорѣ потомъ уѣхать въ Тушино. Въ числѣ отъѣхавшихъ находилось и нѣсколько знатныхъ людей, каковы князья Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій, Сицкій, Засѣкины и др. Въ Тушинѣ подобные измѣнники встрѣчали ласковый пріемъ, получали жалованныя грамоты на помѣстья и вотчины, награждались саномъ боярина, окольничаго и т. п. Въ случаѣ же какого неудовольствія уѣхавшіе возвращались потомъ въ Москву съ видомъ раскаянія. Царь Василій, при своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не смѣлъ ихъ наказывать, а напротивъ долженъ былъ миловать и даже награждать. Поживъ въ Москвѣ, нѣкоторые потомъ уходили опять въ Тушино. Подобные „перелёты"—какъ ихъ называли современники—иногда по нѣскольку разъ совершали свои переходы изъ одного лагеря въ другой и оставались безнаказанными. Въ Москвѣ даже многія семьи старались кого либо изъ родственниковъ своихъ посылать на службу въ Тушино, чтобы имѣть себѣ защитниковъ и ходатаевъ на случай торжества Тушинскаго вора. Лѣтописецъ говоритъ, что бывали иногда такіе случаи: люди сидятъ вмѣстѣ за одной трапезой въ царствующемъ градѣ; послѣ же трапезы одни ѣдутъ въ царскія палаты, а другіе скачутъ въ тушинскіе таборы. Такъ обыкновенно падаетъ общественная нравственность въ подобныя смутныя времена, когда никто не можетъ поручиться за завтрашній день.

Не малую роль играла въ этихъ измѣнахъ и корысть. Какъ знатные люди уходили въ Тушино и выпрашивали тамъ себѣ титулы и помѣстья, такъ многіе торговые люди тайкомъ уѣзжали туда же съ своими товарами, и, взявъ за нихъ хорошую цѣну, опять возвращались въ городъ. И вотъ, межъ тѣмъ какъ въ столицѣ во всемъ испытывали недостатокъ и нужду, въ Тушинѣ наоборотъ имѣли во всемъ изобиліе, щеголяли въ нарядныхъ одеждахъ и жили весело. Отряды фуражировъ рыскали по окрестнымъ областямъ, насильно забирали у жителей скотъ, живность, хлѣбъ, овесъ, сѣно и всякіе припасы, которые привозили въ Тушино. Поляки заставляли Русскихъ возить себѣ вино, пиво и медъ, и постоянно бражничали. Не было также недостатка въ женщинахъ; ибо вмѣстѣ съ припасами забирали по городамъ и селамъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Ляхи не только забирали женщинъ у простолюдиновъ, но нерѣдко отнимали ихъ у начальныхъ русскихъ людей, перешедшихъ на сторону Лжедимитрія, и потомъ возвращали только за большой выкупъ. Презрѣніе

ихъ къ русскимъ измѣнникамъ было столь велико, что они позволяли себѣ такія продѣлки: возьмутъ выкупъ, а плѣнницу все таки не отдадутъ и требуютъ вторичнаго выкупа, или послѣ выдачи ея засылаютъ на пути засаду, и только что освобожденную плѣнницу опять отнимаютъ силою оружія. Бывали, по словамъ лѣтописца, и другіе случаи: жены и дѣвицы такъ свыкались съ своими насильниками, что не хотѣли разстаться съ ними, и, будучи выкуплены, сами къ нимъ убѣгали.

Лѣтописецъ — современникъ (Палицынъ) съ глубокимъ негодованіемъ говоритъ о поведеніи русскихъ измѣнниковъ. Они такъ усердствовали Ляхамъ и Литвѣ, что въ сраженіяхъ становились впереди и заслоняли ихъ своею грудью. Когда Ляхи брали въ плѣнъ какого либо добраго воина изъ царской рати, они оставляли его въ живыхъ и сохраняли; но если онъ попадалъ въ плѣнъ къ русскимъ измѣнникамъ, то послѣдніе бросались на него какъ дикіе звѣри и разносили по суставамъ, такъ что сами Поляки содрагались отъ ихъ звѣрства; а измѣнники называли таковыхъ „худяками“ и „жонками“ за ихъ мягкосердіе. На походахъ, когда встрѣчались непроходимыя лѣсистыя и болотистыя мѣста, Ляхи иногда становились въ тупикъ и не знали, какъ быть; но русскіе измѣнники спѣшили для нихъ наводить мосты и гати или прокладывать тропинки, и такимъ образомъ ихъ проводили. И вотъ какія нибудь двѣ три сотни Ляховъ или Литвы (т. е. Западноруссовъ), которыхъ гораздо многочисленнѣйшіе русскіе измѣнники могли бы въ такихъ глухихъ мѣстахъ истребить всѣхъ до единаго. идутъ благополучно по одиночкѣ вдоль тропинокъ, находясь какъ бы подъ охраною русскихъ людей. А когда случится разграбить какое село или городъ, то всю лучшую добычу Поляки берутъ себѣ и даже забранное Русскими отнимаютъ у нихъ. И всякое насиліе, учиненное ими, измѣнники переносятъ благодушно. Съ тупымъ равнодушіемъ русскіе воры смотрѣли, какъ Ляхи и Западноруссы, державшіеся или Латинской вѣры, или какой реформатской схизмы, грабили и оскверняли монастыри и святые храмы, запирали въ нихъ скотъ, брали ризы на свои одежды, воздухи и шитыя пелены употребляли вмѣсто попонъ или дарили ихъ на наряды своимъ блудницамъ; пили и ѣли изъ церковныхъ сосудовъ; иноковъ и священниковъ мучили всякими пытками, допрашивая, гдѣ спрятаны сокровища; а потомъ предавали ихъ смерти или заставляли исполнять на себя всякія черныя работы: молоть хлѣбъ, колоть дрова, носить воду, мыть грязные порты, ходить за конями, стеречь скотъ и т. п. Мало того, во время браж-

ничанья заставляли на свою потѣху такихъ „святолѣпныхъ“ мужей пѣть срамныя пѣсни и плясать; а непослушныхъ умерщвляли.

По части грабительства и опустошенія съ русскими ворами могли поспорить только казаки: чего не могли унести съ собою, то предавали уничтоженію; если это было жито какое, его или жгли, или сыпали въ воду, въ грязь, топтали конями; дома и утварь, если не жгли, то рубили на части, чтобы ни жить въ нихъ, ни пользоваться ими никто не могъ. А людей истребляли разными варварскими способами: свергали съ высокихъ городскихъ башенъ, бросали съ крутого берега въ рѣчную глубину, привязавъ камень на шею, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ, перебивали пополамъ голени; маленькихъ дѣтей бросали въ огонь передъ очами родителей, или разбивали о пороги и углы, или втыкали на копья и сабли. Красивыхъ женъ и дѣвицъ, а также скромныхъ инокинь насильно уводили въ свои станы; но многія изъ нихъ, чтобы не подвергнуться оскверненію, налагали на себя руки или бросались въ рѣку и топились. Особенно свирѣпствовали холопы: слѣдуя разрѣшенію Тушинскаго вора, они издѣвались надъ бывшими своими господами, и, связавъ ихъ, передъ ними насиловали ихъ женъ и сестеръ. Вообще современникъ-лѣтописецъ не пожалѣлъ самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить бѣдственное состояніе Московской Руси въ Смутную эпоху.

Оба соперника, боровшіеся тогда за Московскій престолъ, оказывались гораздо ниже своего положенія: Тушинскій царикъ былъ игрушкою въ рукахъ Поляковъ; а царемъ Василіемъ Шуйскимъ бояре „играли какъ дѣтищемъ“, по выраженію того же лѣтописца. Согласно съ обычаями времени и своимъ личнымъ характеромъ, Шуйскій то обращался къ заступничеству Церкви и св. угодниковъ, то прибѣгалъ къ грубому суевѣрію. Напримѣръ, если вѣрить иноземному свидѣтельству, онъ собиралъ колдуновъ; по ихъ совѣту приказывалъ вырѣзать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женщинъ, а также убивать коней, чтобы достать ихъ сердце, и все это зарывать въ землю около того мѣста, гдѣ стояло царское войско, и будто бы оно оставалось невредимо, пока не выступало за черту. Въ то же время въ столицѣ распускались слухи о чудесныхъ видѣніяхъ, которыхъ удостоивался тотъ или другой благочестивый человѣкъ: ночью въ какомъ либо храмѣ видѣлся яркій свѣтъ или слышались поющіе голоса, или являлась сама Богородица, которая умоляла Христа пощадить стольный городъ и не предавать его въ руки враговъ, и Онъ обѣщалъ, если люди покаятся. Вслѣдствіе чего налагался постъ

и пѣлись молебны. Эти разсказы и молебствія несомнѣнно дѣйствовали на воображеніе и чувство набожныхъ Москвичей и многихъ укрѣпляли въ твердомъ стояніи противъ Тушинскаго вора. Самые перелеты иногда поддерживали ихъ твердость: изъ Тушинскаго лагеря они приносили полную увѣренность въ самозванствѣ этого вора и говорили, что онъ ничего общаго не имѣетъ съ первымъ названнымъ Димитріемъ. Особенное впечатлѣніе произвело громогласное объявленіе о томъ князя Василія Масальскаго, который изъ Тушина съ раскаяніемъ воротился на службу царю Василію. А общее убѣжденіе въ самозванствѣ въ свою очередь еще болѣе укрѣпляло почитаніе мощей царевича Димитрія и вселяло вѣру въ заступничество сего новаго угодника ([12]).

Когда началась осада столицы Тушинскимъ воромъ, многія области отпали отъ Шуйскаго, а оставшіяся вѣрными колебались. Повсюду замѣчалась шатость, вездѣ гнѣздилась измѣна. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ вспомнилъ, какъ шведскій король Карлъ IX неоднократно предлагалъ ему свою помощь для борьбы съ общимъ ихъ врагомъ, Польшею. Тогда, во время Болотникова, Московскій царь надѣялся собственными силами управиться съ мятежниками, и отклонилъ всѣ предложенія. Теперь обстоятельства значительно измѣнились къ худшему, и Шуйскій уже самъ обратился съ просьбою о помощи къ Шведскому правительству. Для переговоровъ со Шведами и для набора сѣверозападнаго ополченія онъ еще въ началѣ Тушинской осады отправилъ въ Новгородъ и Псковъ своего племянника Михаила Скопина Шуйскаго съ дьякомъ Сыдавнымъ Зиновьевымъ и стольникомъ Семеномъ Головинымъ, который приходился шуриномъ Скопину; ибо незадолго до того сей послѣдній вступилъ въ бракъ съ сестрою Семена, Александрою Васильевною Головиной.

Хотя Новогородцы, хранившіе традиціонную пріязнь къ роду Шуйскихъ, приняли Скопина ласково; однако ему пришлось преодолѣвать большія препятствія, чтобы выполнить свое порученіе. Въ Швецію онъ отправилъ своего шурина Головина и дьяка Сыдавнаго; а самъ остался для сбора ополченія. Въ Новгородѣ онъ успѣлъ собрать небольшую дружину; но Псковъ именно въ это время отложился. Тамъ все еще существовала старая вражда между большими и меньшими людьми. Вражда сія особенно оживилась при корыстолюбивомъ псковскомъ воеводѣ Петрѣ Никитичѣ Шереметевѣ, и обострилась по слѣдующему поводу.

Василій Ивановичъ потребовалъ со Пскова 900 рублей денежнаго вспоможенія. Деньги эти были собраны съ гостей и меньшихъ людей по раскладкѣ. Для доставки ихъ въ Москву гости прибрали пять вожаковъ противной имъ партіи, Ѳедора Умойся Грязью, Ерему Сыромятника и т. д.; а въ то же время отправили тайную грамоту, извѣщавшую, что меньшіе люди казны отъ себя не дали и что эти посланцы суть главные ихъ вожаки, которые царю добра не хотятъ. Вслѣдствіе такого доноса четверо изъ нихъ въ Москвѣ были осуждены на казнь; а пятый, Ерема Сыромятникъ, не былъ вписанъ въ грамоту по желанію Петра Шереметева, на котораго онъ много работалъ даромъ. Извѣстно, что Василій Шуйскій, весьма снисходительный къ знатнымъ, простыхъ людей не щадилъ, и четверо осужденныхъ Псковичей уже были выведены на площадь для казни; но тутъ вступились за нихъ служившіе въ Москвѣ псковскіе стрѣльцы и упросили царя о помилованіи, ручаясь за нихъ своими головами. Вѣсть о семъ событіи произвела во Псковѣ сильное смятеніе; меньшіе люди поднялись на большихъ; по ихъ требованію воевода Шереметевъ засадилъ въ тюрьму семь человѣкъ гостей. Однако смятеніе все возрастало. Такъ какъ большіе люди оставались вѣрны Шуйскому, то меньшіе стали склоняться на сторону Тушинскаго самозванца. Когда многихъ взятыхъ въ плѣнъ Тушинцевъ разослали по городамъ, Новогородцы топили ихъ въ Волховѣ, а Псковичи наоборотъ кормили, поили и вообще жалѣли ихъ. Лукавый Самозванецъ съ плѣнными обращался иначе, чѣмъ Шуйскій; такъ попавшіе въ его руки стрѣльцы изъ Псковской области были имъ обласканы, приведены къ присягѣ и отпущены домой съ грамотой, которая убѣждала ихъ согражданъ покориться своему яко бы законному государю. Эта мѣра имѣла успѣхъ; а ей помогло еще то обстоятельство, что царскій воевода Петръ Шереметевъ и царскій дьякъ Иванъ Грамотинъ, отличавшіеся корыстолюбіемъ и неправосудіемъ, были очень нелюбимы во Псковѣ.

Сначала возмутились псковскіе пригороды. Подъ начальствомъ тушинскаго воеводы Ѳедора Плещеева они подступили къ самому Пскову. А тутъ еще изъ Новгорода пришло требованіе, чтобы Псковичи соединились съ Нѣмцами (Шведами) и вмѣстѣ съ ними шли на освобожденіе Москвы; тогда какъ во Псковѣ еще не угасла старинная ненависть къ Нѣмцамъ вообще. Псковскіе меньшіе люди наконецъ тоже возмутились; они отворили ворота Плещееву, посадили его у себя воеводою, присягнули Тушинскому вору и начали жестоко преслѣдовать большихъ людей.

Псковскій мятежъ отразился и въ Новгородѣ. Здѣсь также начались раздоры между лучшими людьми и простонародьемъ. Видя шатость въ умахъ, Скопинъ, по совѣту воеводы, извѣстнаго Михаила Игнатьевича Татищева, выступилъ изъ Новгорода въ пригороды; но и тамъ происходило то же волненіе. Прежде всего Скопинъ направился въ крѣпкій Ивангородъ; но дорогою получилъ извѣстіе, что послѣдній присягнулъ Самозванцу. Скопинъ пошелъ къ Орѣшку; но сидѣвшій тамъ воеводою извѣстный Мих. Глѣб. Салтыковъ не впустилъ его въ городъ. Скопинъ двинулся къ устью Невы, откуда хотѣлъ уже ѣхать въ Швецію; но къ нему прибыло посольство изъ Новгорода, состоящее изъ пятиконецкихъ старостъ, съ извѣстіемъ, что митрополиту Исидору удалось умиротворить гражданъ, и съ приглашеніемъ вернуться. Скопинъ поспѣшилъ опять въ Новгородъ. Вскорѣ изъ Швеціи прибылъ сюда королевскій секретарь Монсъ Мартенсонъ, и заключилъ съ нимъ предварительный договоръ о вступленіи въ царскую службу пятитысячнаго вспомогательнаго отряда съ платою по 100.000 ефимковъ (рейхсталеровъ) въ мѣсяцъ.

Тушинское лжеправительство встревожилось, когда получило извѣстіе о событіяхъ въ Новгородѣ. Рѣшено было отправить туда сильный отрядъ подъ начальствомъ полковника Кернозицкаго, съ цѣлью завладать этимъ важнымъ городомъ. Кернозицкій по дорогѣ захватилъ Тверь и Торжокъ. Скопинъ съ своей стороны вознамѣрился выслать отрядъ къ Бронницамъ на встрѣчу непріятеля. Татищевъ самъ вызвался его вести. Но онъ былъ нелюбимъ Новогородцами по той же причинѣ какъ и другіе московскіе воеводы, т. е. за притѣсненія и вымогательства. Нѣкоторые граждане донесли Скопину, что Татищевъ недаромъ вызывается идти на Кернозицкаго, что онъ задумалъ соединиться съ нимъ и стать на сторону Лжедимитрія. Скопинъ не хотѣлъ взять на себя рѣшеніе по такому важному обвиненію; онъ собралъ ратныхъ людей, и, въ присутствіи Татищева, объявилъ имъ о доносѣ. Тутъ недоброжелатели сего послѣдняго подстрекнули толпу, и она, бросившись на воеводу, тотчасъ его умертвила, безъ всякаго изслѣдованія дѣла. Такимъ образомъ вопросъ о доносѣ остался неразъясненнымъ, и юный вождь могъ упрекнуть себя въ неосмотрительномъ поступкѣ. Онъ велѣлъ съ честію похоронить воеводу въ Антоніевѣ монастырѣ, а имущество его продать съ публичнаго торгу. Такъ жалко погибъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей первой половины Смутнаго времени. Устрашенные его участью и своеволіемъ толпы, нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе уѣхали изъ Новгорода и

передались Самозванцу. Высылка отряда разстроилась; Кернозицкій безпрепятственно подошелъ къ Новгороду и сталъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Но въ это время на помощь Новогородцамъ шли крестьяне изъ волостей. Въ Тихвинѣ они собрались подъ начальствомъ Горихвостова; изъ заонѣжскихъ погостовъ ихъ велъ Розановъ. Тихвинцы дошли до Грузина; тутъ нѣсколько ополченцевъ попали въ плѣнъ къ Полякамъ, и на ихъ разспросы сказали, что за ними идетъ большая рать. Смущенный такою вѣстью, Кернозицкій отступилъ отъ Новгорода и расположился въ Старой Русѣ; чѣмъ далъ Скопину возможность спокойно дождаться прибытія шведской помощи.

Въ сѣверныхъ областяхъ Московскаго государства въ то время кипѣла дѣятельная борьба между двумя сторонами: царя Василія и Тушинскаго царика. Одни города продолжали держаться Шуйскаго, а другіе добровольно или насильно приставали къ Самозванцу. Вмѣстѣ съ городомъ обыкновенно переходилъ къ нему и уѣздъ, т. е. сельское населеніе слѣдовало за городскимъ. Покореніемъ сѣвернаго Поволжья распоряжался не Рожинскій, занятый Московскою осадою, а другой тушинскій гетманъ, болѣе дѣятельный и предпріимчивый Сапѣга, стоявшій подъ Троицею, слѣдовательно ближе къ Поволжью. Онъ посылалъ туда отряды, составленные обыкновенно изъ небольшого числа Поляковъ и гораздо бóльшаго количества казаковъ и русскихъ измѣнниковъ. Между ближайшими къ нему городами прежде другихъ сдался Суздаль. Здѣсь даже самъ архіепископъ Галактіонъ подалъ гражданамъ примѣръ измѣны—примѣръ тогда довольно частый среди игумновъ и священниковъ, но очень рѣдкій среди высшаго русскаго духовенства. Потомъ сдался Владиміръ Залѣсскій, воевода котораго Иванъ Годуновъ измѣнилъ Шуйскому и также присягнулъ Самозванцу. Точно также безъ сопротивленія сдался отряду Поляковъ и казаковъ Переяславль Залѣсскій. Мало того, Переяславцы соединились съ симъ отрядомъ и вмѣстѣ пошли на Ростовъ. Не имѣя надежныхъ укрѣпленій, Ростовцы лучшіе люди рѣшили бѣжать въ Ярославль и приглашали къ тому же своего митрополита Филарета (Федора Никитича Романова). Но сей послѣдній увѣщевалъ ихъ остаться и мужественно стоять за свою вѣру и за своего государя, объявивъ имъ, что онъ не покинетъ храма Пречистой Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ. Многіе не послушали его и ушли въ Ярославль. Тогда Филаретъ созвалъ оставшихся гражданъ въ соборный храмъ, облекся въ святительскія одежды и велѣлъ священникамъ причастить народъ, а двери храма запереть въ виду приближавшихся враговъ. Когда тѣ приспѣли, Филаретъ,

стоя у дверей, началъ увѣщевать Переяславцевъ, чтобы они отстали отъ Ляховъ и обратились къ своему законному государю. Но враги выломали двери и стали избивать народъ. Съ митрополита сорвали облаченіе, одѣли его въ худое платье, покрыли его голову татарской шапкой и отдали подъ стражу. Соборъ разграбили; при чемъ серебряную раку св. Леонтія Ляхи разрубили на части и раздѣлили между собою по жребію. Золотая риза съ его образа досталась потомъ Сапѣгѣ, который передалъ ее Маринѣ. Согласно съ помянутымъ выше русскимъ лѣтописцемъ, свои воры, т. е. Переяславцы, свирѣпствовали при избіеніи народа и разореніи города Ростова болѣе Ляховъ. Ростовцевъ погибло тогда до 2000 человѣкъ. Когда митрополита Филарета привезли въ Тушинскіе таборы, Самозванецъ принялъ его ласково какъ своего мнимаго родственника, и возвелъ въ патріаршее достоинство, чтобы имѣть собственнаго патріарха и противупоставить его Гермогену. Изъ Тушина потомъ разсылались грамоты отъ имени „нареченнаго“ патріарха Филарета, котораго держали однако подъ крѣпкою стражею. Въ своемъ трудномъ положеніи сей мужъ, по словамъ русскаго лѣтописца, „будучи разуменъ, не преклонялся ни на десно, ни на шуее; но пребылъ твердъ въ правой вѣрѣ“. По извѣстію же иностранца-современника, онъ не противился оказаннымъ ему почестямъ, даже вынулъ изъ своего жезла драгоцѣнный яхонтъ и подарилъ его Лжедимитрію.

Участь Ростова устрашила другіе поволжскіе города. Такъ хорошо укрѣпленный, многолюдный и богатый Ярославль сдался добровольно тушинскому отряду. Жители его какъ Русскіе, такъ англійскіе и нѣмецкіе гости, съ воеводою княземъ Барятинскимъ во главѣ, присягнули Лжедимитрію, выговоривъ себѣ условіе, что Поляки не тронутъ ни ихъ имущества, ни женъ и дочерей; собрали 30,000 рублей для отсылки въ Тушино, обязались снарядить туда же тысячу всадниковъ и доставить извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Поляки однако не соблюли договора, и, вошедши въ городъ, принялись грабить и обижать гражданъ. Затѣмъ Шуя, Кинешма, Кострома, Галичъ, Вологда, Муромъ, Молога, Угличъ, Кашинъ, Бѣлозерскъ и нѣкоторые другіе города большею частію сдались добровольно по однимъ увѣщательнымъ грамотамъ, а частію были покорены силою и подверглись разоренію; при чемъ особенно успѣшно дѣйствовалъ съ своими шайками полковникъ Лисовскій. Воеводы въ эти покоренные города обыкновенно назначались Сапѣгою. Между прочимъ онъ назначилъ двоихъ Плещеевыхъ: Өедора въ Суздаль, а Матвѣя въ Ростовъ.

При сдачѣ сихъ городовъ освобождались заключенные тамъ плѣнные Поляки и Русскіе измѣнники. Въ это же время изъ Каменной Пустыни выпущенъ былъ извѣстный князь Григорій Шаховской, который и поспѣшилъ вновь поступить на службу къ Самозванцу. На сторону второго Лжедимитрія передались и нѣкоторые поволжскіе инородцы, именно Мордва и Горная Черемиса, а также ханъ касимовскій Уразъ-Магометъ. Не мало воеводъ и дворянъ явилось тогда во главѣ измѣны и перешло на сторону Самозванца; послѣ чего они унижались передъ нимъ и его гетманами, особенно передъ Сапѣгою, котораго просили ходатайствовать о пожалованіи ихъ вотчинами и помѣстьями, и просьбы ихъ иногда исполнялись. Тушинскій царикъ до того вошелъ въ свою роль, что началъ раздавать города и волости въ кормленіе литовскимъ панамъ и казацкимъ атаманамъ; напримѣръ, онъ далъ Заруцкому Тотьму и Чаронду. Только немногіе города остались вѣрны своей присягѣ и отстояли себя силою оружія. Такъ Тушинцы двукратно пытались овладѣть городомъ Коломною, весьма важнымъ по своему положенію и значенію. Но, во время извѣщенный, царь Василій посылалъ туда помощь, которая успѣшно отбивала враговъ. При второмъ ихъ нападеніи сюда посланъ былъ прославившійся впослѣдствіи князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который нанесъ пораженіе Тушинцамъ за 30 верстъ отъ Коломны у села Высоцкаго.

Любопытно при семъ наблюдать поведеніе заволжскихъ городовъ, наиболѣе отдаленныхъ, куда однако достигали увѣщательныя грамоты Лжедимитрія о покорности. Напримѣръ, Устюгъ Великій и Сольвычегодскъ пересылались между собою и совѣтовались, какъ имъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Устюжане совѣтовали не торопиться изъявленіемъ покорности Тушинскому царику, а, благодаря своей отдаленности, подождать, чья сторона возьметъ; если же, чего не дай Боже, одолѣетъ Тушинскій, тогда можно будетъ послать къ нему съ повинною. Вычегодцы, имѣя семью Строгановыхъ во главѣ, послѣдовали сему совѣту. Такимъ образомъ на ряду съ двумя боровшимися сторонами явилась еще третья: нейтральная, явно сочувственная болѣе царю Василію, но робѣвшая передъ разбойничьимъ характеромъ стороны Лжедимирія. Хотя большинство городовъ и покорилось сему послѣднему, однако власть его надъ ними лишена была прочности и готова была рушиться при всякомъ удобномъ случаѣ; ибо скоро дѣлалась тягостною и ненавистною. Причина тому заключалась въ безконечныхъ поборахъ, въ нагломъ поведеніи и грабительствѣ какъ литовскихъ людей, такъ и русскихъ воровъ. Между тѣмъ какъ цар-

ское правительство, отрѣзанное отъ сѣверныхъ областей таборами Тушинскимъ и Троицкимъ, могло посылать туда только увѣщательныя грамоты, напоминать о вѣрности православію и законному государю, просить о присылкѣ ратныхъ людей на помощь, изъ Тушина во всѣ подчиненныя мѣста пріѣзжали толпы разнаго рода сборщиковъ, которыя привозили похвальныя грамоты покорившимся съ обѣщаніемъ разныхъ милостей и льготъ, но въ то же время угнетали населеніе тяжелыми поборами денегъ и всякихъ припасовъ на содержаніе лжецаря и его войска. При этомъ случалось иногда, что сборщики, отправленные изъ Тушина, въ какомъ нибудь мѣстѣ сталкивались со сборщиками, посланными изъ подъ Троицы отъ Сапѣги, и между ними происходили споры.

Итакъ къ зимѣ 1609 года за Василіемъ Шуйскимъ оставались еще наиболѣе значительные города Московскаго государства, каковы столица, Коломна, Переяславль Рязанскій, Казань, Нижній, Смоленскъ. Кромѣ сихъ городовъ чрезвычайно важнымъ опорнымъ пунктомъ законнаго правительства явилась знаменитая Троицкая Лавра: обложенная врагами, она представляла тогда отрадный оазисъ посреди областей, охваченныхъ измѣною и мятежомъ ([13]).

IV.

ТРОИЦКАЯ ОСАДА И СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ.

Оборонительныя средства Лавры и начало осады.—Ночные приступы.—Вылазки и уничтоженіе подкопа.—Недостатокъ топлива, тѣснота и болѣзни.—Дѣло Дѣвочкина.—Славные защитники.—Послѣдніе приступы.—Шереметевъ и очищеніе средняго Поволожья.—Московскіе мятежники и патріархъ Гермогенъ.—Неудача Тушинцевъ.—Договоръ Скопина со Шведами.—Наемное войско.—Псковскіе мятежники.—Движеніе Скопина къ Москвѣ.—Бунтъ иноземцевъ.—Побѣда подъ Колязинымъ.—Скопинъ въ Александровской Слободѣ.—Освобожденіе Лавры.—Колебанія Сигизмунда III.—Его походъ и осада Смоленска.—Шеинъ и смоленская оборона.—Королевскіе послы въ Тушинѣ и бѣгство Самозванца въ Калугу.—Договоръ русскихъ измѣнниковъ съ королемъ.—Бѣгство Марины.—Отступленіе Сапѣги и Рожинскаго.—Торжество Михаила Скопина.—Его завистники и безвременная кончина.

Сапѣга подошелъ къ Троицкой лаврѣ 23 сентября 1609 года. Все его сбродное войско, состоявшее изъ Поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, простиралось до 30.000 человѣкъ. Съ Сапѣгою пришли князь Константинъ Вишневецкій, братья Тышкевичи, панъ Казановскій и др. Изъ отдѣльныхъ начальниковъ этого скопища наиболѣе выдающимся явился Александръ Лисовскій, котораго полкъ составленъ былъ преимущественно изъ казаковъ. Непріятель возвѣстилъ свое пришествіе нѣсколькими пушечными выстрѣлами; а затѣмъ при звукахъ музыки обошелъ кругомъ монастыря, обозрѣвая окрестности и отыскивая удобныя мѣста для лагерей. Сапѣга съ главными силами расположился на западной сторонѣ, по Дмитровской дорогѣ; а Лисовскій съ своимъ полкомъ сталъ на юговосточной, у Терентьевской рощи, между дорогами Московскою и Александровскою. Другія дороги, напримѣръ Переяславская и Углицкая, были преграждены особыми сторожевыми отрядами. Вожди не медля принялись укрѣплять оба лагеря острогомъ т.-е. рвомъ и валомъ съ бревенча-

тымъ частоколомъ и пушками; а въ острогѣ ставили теплыя избы, въ виду приближавшагося осенняго и зимняго времени.

Лавра, расположенная въ холмистой овражистой мѣстности на берегахъ рѣчки Кончуры, окружена довольно массивною каменною стѣною, имѣющею видъ неправильнаго четырехъугольника, длиною немного болѣе версты. Высота стѣны, вмѣстѣ съ зубцами, простирается до четырехъ сажень, а толщина ея три сажени. Въ стѣнѣ устроены каморы и бойницы или амбразуры для выстрѣловъ въ два, мѣстами въ три яруса. По угламъ и по бокамъ возвышалось до 12 башенъ, однѣ глухія, другія съ воротами (Конюшенная, Красная, Водяная и пр.). Съ юга и запада къ стѣнамъ примыкали пруды, которые затрудняли подступы съ этой стороны. Монастырскія слободы и предмѣстья при появленіи непріятеля по обычаю были выжжены; внѣ стѣны сохранили только дворы Пивной и Конюшенный, укрѣпленые тыномъ и опиравшіеся на рѣчку Кончуру. Благодаря своимъ обширнымъ земельнымъ имуществамъ и многимъ селамъ, монастырь имѣлъ возможность заблаговременно приготовить большіе склады хлѣба и всякихъ запасовъ. Но расходовать ихъ приходилось съ великою бережливостью вслѣдствіе скопившагося населенія. Крестьяне выжженыхъ слободъ и другихъ окрестныхъ селеній вмѣстѣ съ женами и дѣтьми искали спасенія въ стѣнахъ монастыря; отчего произошла здѣсь великая тѣснота. Многіе крестьяне привезли свои хлѣбные запасы и пригнали скотъ, который еще болѣе увеличивалъ сію тѣсноту. Но собственно ратныхъ людей было не много: нѣсколько десятковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ и казаковъ составляли привычное къ оружію ядро гарнизона; а затѣмъ вооружены были монастырскіе слуги и крестьяне, способные къ бою. Всѣ монахи, нестарые и неувѣчные, также взялись за оружіе; между ними было не мало людей, прежде служившихъ въ войскѣ и слѣдовательно опытныхъ въ военномъ дѣлѣ (подобно Пересвѣту и Ослябѣ, монахамъ-витязямъ временъ св. основателя Лавры). Такимъ образомъ все число монастырскихъ ратниковъ приблизительно простиралось до 3000 человѣкъ. Ихъ раздѣлили на двѣ части: одна назначена для постоянной охраны стѣнъ и башенъ; а другая должна была производить вылазки и въ случаѣ нужды замѣнять убыль или подкрѣплять первую. Дворяне и опытные въ военномъ дѣлѣ иноки поставлены сотенными начальниками или головами надъ вооруженными слугами и крестьянами. Женщины исполняли разныя работы, а въ минуты крайней опасности помогали оборонять стѣны. Послѣд-

нія были снабжены пушками и пищалями, разставленными преимущественно въ нижнихъ или подошвенныхъ бойницахъ. Порохъ, свинецъ и разное оружіе тоже были припасены въ значительномъ количествѣ.

Гарнизономъ начальствовали по обычаю двое воеводъ: первымъ или главнымъ былъ князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, еще недавно въ качествѣ путивльскаго воеводы усердно служившій первому Лжедимитрію, котораго повидимому онъ считалъ истиннымъ царевичемъ; а вторымъ или его товарищемъ былъ дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Голохвастовъ. Воеводы эти не отличались ни взаимнымъ расположеніемъ, ни надежною преданностію царю Василію. Но святое мѣсто одушевляло защитниковъ общимъ религіознымъ рвеніемъ. Архимандритъ Іоасафъ своими увѣщаніями съумѣлъ еще усилить это рвеніе; въ началѣ осады онъ привелъ къ присягѣ всѣхъ ратныхъ людей, начиная съ воеводъ, и при гробѣ угодника Сергія заставилъ ихъ цѣловать крестъ на томъ, чтобы крѣпко, „безъ измѣны", до послѣдней капли крови стоять противъ враговъ отечества и православной вѣры.

Любопытно, что въ стѣнахъ Лавры мы встрѣчаемъ также инокинь, въ числѣ которыхъ находились и двѣ представительницы прежнихъ царскихъ семей, а именно: старицу Мареу, бывшую титулярную ливонскую королеву Марью Владиміровну, двоюродную племянницу Грознаго, и Ольгу (Ксенію) Борисовну Годунову. Эти знатныя монахини занимали въ монастырѣ особыя помѣщенія, окружены были прислужницами и пользовались болѣе обильнымъ содержаніемъ изъ царскихъ житницъ и погребовъ.

Обложивъ монастырь, Сапѣга сначала пытался подѣйствовать на его защитниковъ двумя грамотами: одна убѣждала воеводъ и служилыхъ людей, а другая архимандрита съ братіей покориться ихъ „прирожденному" государю Димитрію Ивановичу; его именемъ обѣщали всякія милости, грозя въ противномъ случаѣ взять замокъ силою и предать смерти всѣхъ непокорныхъ. Грамоты привезъ въ монастырь боярскій сынъ Безсонъ Руготинъ. Воеводы и дворяне учинили совѣтъ съ архимандритомъ и братіей; послѣ чего написали общій отвѣтъ, заключавшій въ себѣ презрительный отказъ покориться „ложному царю и латынѣ иновѣрнымъ".

Сапѣга началъ осадныя работы. Приготовили туры на колесахъ, т. е. подвижныя башенки, прикатили ихъ на заранѣе намѣченные пункты, вооружили мортирами и пушками, окопали рвами и окружили валомъ. Такимъ образомъ устроено было девять батарей. 3 ок-

тября изъ нихъ открыли огонь, стали метать бомбы и каменныя ядра. Несмотря на продолжительную и частую пальбу, орудія непріятельскія, вслѣдствіе ихъ малаго калибра, причиняли немного вреда монастырскимъ укрѣпленіямъ. Снаряды большею частію не долетали до стѣнъ и падали въ пруды, ямы и другія пустыя мѣста; а которые попадали въ стѣны, производили лишь незначительное сотрясеніе и осыпаніе, хотя непріятели старались мѣтить въ одни и тѣ же пункты, чтобы учинить проломы. Пальба продолжалась около десяти дней. Сапѣга надѣялся, что она достаточно подготовила рѣшительный ударъ. 13 октября онъ устроилъ въ своихъ таборахъ большое пиршество, сопровождавшееся скачками и потѣшною стрѣльбою; а ночью повелъ свое полупьяное полчище на приступъ. Со всѣхъ сторонъ его ратники устремились къ монастырскимъ стѣнамъ съ лѣстницами, катя передъ собою тарасы или деревянные щиты на колесахъ. Но осажденные не дремали; стоя у бойницъ въ нижныхъ каморахъ или за зубцами стѣны, они встрѣтили нападающихъ дружною стрѣльбою изъ пушекъ и пищалей и побили ихъ значительное количество. Непріятель смутился и побѣжалъ назадъ, побросавъ лѣстницы и тарасы. Поутру гарнизонъ забралъ ихъ и разрубилъ на дрова. Спустя нѣсколько времени, Сапѣжинцы сдѣлали новую попытку ночного приступа; при чемъ предварительно, посредствомъ хвороста и соломы, зажгли Пивной дворъ съ его деревяннымъ острогомъ. Но этотъ пожаръ, вмѣсто помощи, оказалъ имъ вредъ. Пламя освѣтило окрестность, а вмѣстѣ съ нею и ряды нападающихъ. Осажденные открыли по нимъ сильный огонь изъ наряду, а съ башенъ бросали на нихъ начиненные порохомъ кувшины („козы со огнемъ спущающе“ — говоритъ лѣтописецъ осады); пожаръ Пивного двора успѣли погасить. Сапѣжинцы опять со стыдомъ отступили.

Эти отбитые приступы весьма ободрили осажденныхъ. Архимандритъ съ братіей совершилъ крестный ходъ по стѣнамъ и творилъ благодарственные молебны. Но вдругъ радость и надежда смѣнились уныніемъ. Воеводы сдѣлали удачную вылазку въ Мишутинскій оврагъ, гдѣ стояли заставою роты Брушевскаго и Сумы съ товарищами; разбили ихъ и взяли въ плѣнъ самого ротмистра Брушевскаго. Его подвергли пыткѣ, чтобы узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. Ротмистръ съ пытки показалъ слѣдующее: во-первыхъ, Сапѣга хвалится взять монастырь во что бы ни стало и разорить его до основанія, хотя бы для сего пришлось стоять подъ нимъ годъ и два, и три; а во-вторыхъ, ведутся подкопы подъ городовую стѣну и нѣкоторыя

башни, но гдѣ именно, того онъ не знаетъ. Извѣстіе о подкопѣ смутило и самыхъ храбрыхъ, а другіе съ ужасомъ представляли себѣ моментъ, когда они взлетятъ на воздухъ. Воеводы приказали внѣ стѣнъ копать глубокій ровъ, а внутри рыть колодцы или такъ наз. „слухи", чтобы найти и перенять подкопъ. Работы велись подъ руководствомъ искуснаго въ семъ дѣлѣ троицкаго служки Власа Корсакова. Но долго онѣ оставались безуспѣшны. На вылазкахъ осажденные брали въ плѣнъ литовскихъ людей и распрашивали подъ пытками; но никто изъ нихъ не указалъ мѣсто подкоповъ. Многіе стали готовиться къ смерти и спѣшили причаститься. Иноки старались ободрить унывшихъ людей надеждою на Божью помощь и на заступничество мѣстныхъ угодниковъ св. Сергія и св. Никона; появились обычные разсказы о видѣніяхъ и чудесахъ; самъ архимандритъ возвѣстилъ, что ему во время дремоты явился св. Сергій, приказалъ молиться и обѣщалъ спасеніе. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того на вылазкѣ взяли одного раненнаго дѣдиловскаго казака. Подъ пыткою онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ ведутся подкопы; воеводы повели его по городской стѣнѣ, и онъ указалъ мѣсто; послѣ чего умеръ, успѣвъ покаяться и причаститься св. Таинъ. Противъ указаннаго мѣста тотчасъ стали возводить внутренній острогъ, т. е. деревянную стѣну со рвомъ, валомъ и съ пушками, чтобы приготовить новое укрѣпленіе, когда часть стѣны съ прилегающими башнями будетъ взорвана. Изъ непріятельскихъ таборовъ перебѣжалъ въ монастырь казакъ Ивашка Рязанецъ, и подтвердилъ предыдущія извѣстія о подкопахъ.

Межъ тѣмъ Сапѣга распорядился придвинуть туры или батареи ближе къ стѣнамъ и усилить бомбардированіе; снаряды стали падать уже среди обители, убивать людей и причинять нѣкоторыя поврежденія храмамъ; что вмѣстѣ съ ожиданіемъ взрыва подкоповъ усилило тревогу и уныніе между осажденными. Воеводы сдѣлали приготовленія къ большимъ вылазкамъ, а также приказали отыскать и разчистить тайникъ или скрытый подъ стѣною ходъ изъ Сушильной башни во внѣшній ровъ. 9 ноября еще до разсвѣта этимъ ходомъ вышелъ отрядъ ратныхъ людей и притаился во рву; изъ Пивного двора выступилъ и укрылся въ луковомъ огородѣ другой отрядъ; третій, состоявшій частью изъ конницы, двинулся изъ Конюшенныхъ воротъ; иноки-воины, распредѣленные по отрядамъ, ободряли ратниковъ и сообщали имъ, что на этотъ день военнымъ кликомъ должно служить: *святой Сергій!* По троекратному удару въ осадный колоколъ, отряды дружно устремились на непріятельскія линіи. Но они встрѣтили храб-

рый отпоръ. Въ тотъ день осажденнымъ удалось взять нѣсколько орудій; но подкопа они не уничтожили. Такія же большія вылазки возобновлялись и слѣдующіе два дня. Только на третій день посчастливилось найти устье главнаго подкопа, который былъ уже наполненъ порохомъ, но не закрытъ съ наружной стороны. Два клементьевскихъ крестьянина, Шиловъ и Слата, вскочили въ него и подожгли порохъ. Подкопъ взорвало; при чемъ уничтожило всѣ работы, не причинивъ вреда монастырскимъ стѣнамъ. Храбрые крестьяне не успѣли вовремя уйти и погибли. Такимъ образомъ главная цѣль сихъ большихъ вылазокъ была достигнута. Осажденные теперь могли вздохнуть свободно. Кромѣ подкопа, часть непріятельскихъ батарей также была уничтожена, многія орудія и всякаго рода оружіе забрано въ монастырь, а туры и тарасы изрублены на дрова. Однако успѣхъ этотъ дорого имъ стоилъ: въ теченіе сихъ трехъ дней осажденные хотя избили порядочное количество непріятелей, но и сами потеряли около 350 убитыми и раненными; въ числѣ павшихъ были храбрые головы или предводители отрядовъ Иванъ Внуковъ и Иванъ Есиповъ, а также служка Данило Селевинъ, начальствовавшій сотнею ратниковъ. Послѣдній добровольно искалъ смерти. За нѣсколько времени передъ тѣмъ его родной братъ Осипъ Селевинъ измѣнилъ, и, „забывъ Господа-Бога“—какъ говоритъ лѣтописецъ—ушелъ въ литовскіе таборы. Данило по сему поводу подвергся укорамъ и насмѣшкамъ. Не желая терпѣть ихъ долѣе, онъ объявилъ, что хочетъ умереть за измѣну брата. Во время вылазки Данило вступилъ въ бой съ казаками атамана Чики; будучи весьма силенъ и ловко владѣя мечомъ, онъ изрубилъ много враговъ. Какой то литовскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ грудь; Данило срубилъ его своимъ мечомъ; но и самъ сталъ изнемогать отъ раны, такъ что его отнесли въ монастырь, гдѣ онъ передъ смертью принялъ иноческій образъ. На томъ же бою атаманъ Чика смертельно ранилъ въ голову Ивана Внукова изъ самопала; передъ кончиною Внуковъ и другіе смертельно раненные также постриглись въ иноки.

Съ извѣстіемъ объ удачныхъ вылазкахъ воеводы послали въ Москву къ царю сына боярскаго Скоробогатова.

Наступало суровое зимнее время. Потерявъ часть народа и надежду на подкопъ, Сапѣга прекратилъ бомбардированіе, и осаду обратилъ въ облежаніе, разсчитывая взять мѣстность голодомъ, болѣзнями или измѣною. Укрѣпясь острогами въ своихъ таборахъ, построивъ избы и землянки, Сапѣжинцы не терпѣли и недостатка въ припасахъ, постоянно получая ихъ изъ сосѣднихъ областей, признавшихъ власть

Лжедимитрія. Число осаждавшихъ часто мѣнялось и падало иногда тысячъ до десяти, потому что Сапѣга долженъ былъ посылать отряды для борьбы съ царскими воеводами и для завоеванія городовъ или вѣрныхъ Шуйскому, или присягнувшихъ уже Самозванцу, но потомъ отпавшихъ. Самъ Лисовскій большую часть времени проводилъ въ этихъ предпріятіяхъ. Въ монастырѣ также число защитниковъ значительно уменьшилось. Однако вылазки ихъ не прекращались всю зиму; только онѣ производились небольшими партіями, имѣвшими назначеніе при случаѣ отбивать продовольствіе, провозимое въ таборы Сапѣги, или нарубить дровъ въ сосѣднихъ рощахъ. Съ той и другой стороны были перебѣжчики, которые сообщали о положеніи дѣла; такъ что каждая сторона знала, что дѣялось въ другой. Изъ монастыря однажды перебѣжали два боярскихъ сына, Переяславцы, которые научили непріятеля разрыть плотину пруда, лежавшаго у Водяной башни, спустить его въ рѣчку Кончуру и такимъ образомъ перенять воду у осажденныхъ. Но взятые затѣмъ плѣнники на пыткѣ указали на эту опасность. Тогда осажденные поспѣшили воду изъ сего пруда провести въ другой, выкопанный посреди монастыря. Но въ чемъ особенно они нуждались, такъ это въ топливѣ. Повидимому въ семъ отношеніи осадное и монастырское начальство сдѣлало промахъ, не заготовивъ достаточные склады дровъ, хотя окрестности Лавры покрыты были густыми лѣсами, а можетъ быть именно по этой причинѣ: чего много подъ руками, о томъ люди обыкновенно менѣе всего заботятся. Непріятель зналъ эту нужду осажденныхъ и сторожилъ ихъ попытки къ ея удовлетворенію; а потому поиски за дровами постоянно сопровождались потерею людей; такъ что каждую принесенную охабку дровъ или хворосту въ монастырѣ привыкли встрѣчать вопросомъ: кого оно стоила или чьею кровью куплена? Иногда поѣдятъ пищи, сваренной на подобномъ топливѣ, и говорятъ: „сегодня мы напитались кровью такихъ то нашихъ братій, а завтра другіе напитаются нашею."

Вообще положеніе осажденной Лавры въ это время было очень тяжелое. Съ наступленіемъ зимы всѣ, располагавшіеся на открытомъ воздухѣ, должны были перебраться въ теплыя помѣщенія; отчего происходила крайняя тѣснота. Спертый, пропитанный міазмами воздухъ, недостатокъ воды, грязь и нечистоты, кишащія насѣкомыми, способствовали развитію разныхъ болѣзней, особенно цынги, сыпей и поносовъ. Открылась большая смертность: каждый день хоронили по нѣскольку десятковъ труповъ; съ утра и до ночи раздавались плачъ и похоронное пѣніе. Болѣлъ и умиралъ болѣе всего крестьянскій

людъ, какъ наиболѣе тѣсно, грязно помѣщенный и дурно питаемый. А изъ ратныхъ людей многіе въ это печальное время предавались разгулу, т. е. пьянству и разврату. Послѣднему способствовало, конечно, скопленіе крестьянскихъ женщинъ: при тѣснотѣ имъ некуда было укрыться; даже родильницы производили дѣтей у всѣхъ на глазахъ, по словамъ лѣтописца. Ратные люди, пользуясь своимъ значеніемъ, позволяли себѣ и другія излишества; такъ они не берегли съѣстные припасы; брали на свою долю лишніе хлѣбы и продавали ихъ другимъ; изъ-за чего входили въ препирательства съ монахами, которые старались расходовать припасы бережно и разсчетливо, въ виду затянувшейся осады.

Нѣкоторые акты сообщаютъ намъ по сему поводу любопытныя подробности, относящіяся къ монастырскому хозяйству и къ содержанію осажденныхъ въ то время.

Стрѣльцы послали царю жалобную грамоту на старцевъ, которые ихъ плохо кормятъ: даютъ пушной хлѣбъ на шестнадцать человѣкъ, да еще вырѣзываютъ изъ него середку, рыбу даютъ только два раза въ недѣлю, а раненнымъ и больнымъ не даютъ ѣды и питья въ досталь. На эту жалобу монастырскіе соборные старцы отписали въ Москву, что то неправда; что въ хлѣбы къ ржаной мукѣ только немного примѣшивалось ячной и то безъ мякины, а кормили досыта въ келарской; но такъ какъ стрѣльцы насильно брали хлѣбы и продавали, то передъ ними стали класть по четверти хлѣба на четверыхъ къ обѣду и столько же къ ужину; а что раненымъ и больнымъ ежедневно даютъ на человѣка изъ хлѣбни мягкій хлѣбъ, изъ поварни щи и братскую кашу, а изъ келарской по звену рыбы; питье же имъ выдается изъ царскаго погреба, охраняемаго печатями. На братью монастырскую сначала шло три ѣствы, щи, каша и звено рыбы, а теперь только по двѣ ѣствы, безъ меду и безъ пива, такъ что и день Сергія Чудотворца праздновали только житнымъ квасомъ; оловяники и кувшины съ медомъ и квасомъ давали только воеводамъ, а по кельямъ отнюдь не носили.

Монастырскіе служки, отправлявшіе ратную службу, также жаловались царю на скудость содержанія и невыдачу денежнаго жалованья. Старцы писали на это, что за истощеніемъ монастырской казны они сбирали съ братіи по рублю или по полтинѣ съ человѣка, еще занимали гдѣ можно, и роздали стрѣльцамъ по полтора рубля, Ярославцамъ и Галичанамъ по три рубля, троицкимъ слугамъ по рублю, а крестьянамъ осаднымъ стѣннымъ по полтинѣ. На требованіе служекъ, чтобы имъ давали ѣду одинаковую съ братіей, старцы от-

вѣчаютъ, что имъ предлагали ѣсть въ общей трапезѣ, но они просятъ себѣ ѣству по кельямъ; ибо что въ трапезѣ ставится на четверыхъ, то по кельямъ пойдетъ на одного; такъ какъ у иныхъ жоны и дѣти, а у иныхъ жонки (возлюбленныя); хотя и семьямъ ихъ посылаются хлѣбъ и каша изъ поварни. Наконецъ по недостатку дровъ и солоду даже квасъ перестали варить, такъ что братія пьетъ воду, ѣстъ сухари и хлѣбъ, а колачей давно уже не видитъ. Братія безустанно трудится: одни работаютъ въ хлѣбнѣ, сѣютъ муку, мѣсятъ квашню, пекутъ хлѣбы, въ поварнѣ варятъ ѣству; а другіе день и ночь несутъ ратную службу наравнѣ съ осадными людьми. Запасовъ, особенно ржи, вообще оставалось немного, овса еще довольно, только негдѣ его молоть, потому что мало жернововъ. Но, главное, великая нужда въ топливѣ; кровли, сѣни, чуланы—все это уже сожжено, теперь жгутъ житницы. Въ заключеніе старцы умоляютъ государя прислать на помощь ратныхъ людей, пороху, свинцу и стрѣлъ.

Это сообщеніе о состояніи монастыря относится уже къ лѣту 1609 года, т.-е. къ послѣднему періоду осады, когда запасы были на исходѣ, и монастырь съ трудомъ держался противъ непріятеля; хотя самое тяжелое, т.-е. зимнее, время уже прошло; осажденные снова могли свободно вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ, и потому смертность между ними значительно ослабѣла.

Ко всѣмъ помянутымъ невзгодамъ осаднаго времени присоединились еще измѣны, внутреннія несогласія и рознь между самими начальниками. Въ этомъ отношеніи любопытно краткое письмо Ольги Борисовны Годуновой къ одной своей теткѣ въ концѣ марта 1609 года. Она пишетъ, что больна со всѣми старицами, и не чаетъ живота, съ часу на часъ ожидая себѣ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ „шатость и измѣна великая“, а моровое повѣтріе такое, что всякій день хоронятъ по 20, по 30 и больше, а кто и живъ, такъ всѣ обезножили (отъ цынги пухли ноги). Но въ іюлѣ того же года служанка царевны—инокини Соломонида пишетъ своей матери объ успѣшно отбитомъ большомъ приступѣ наканунѣ Петрова дня, и сообщаетъ, что моръ у нихъ унялся, но людей осталось менѣе трети. О себѣ самой служанка сообщаетъ, что по милости Ольги Борисовны не терпитъ никакой нужды и что царевна пожаловала рубль на похороны одного ихъ знакомаго (Дмитрія Кашпирова), а то было нечѣмъ схоронить.

Слова Ольги Борисовны о шатости и великой измѣнѣ на дѣлѣ оказались преувеличеніемъ. Но изъ нихъ мы видимъ, что среди осажденныхъ развились подозрительность и взаимное недовѣріе по при-

чинѣ дѣйствительныхъ случаевъ измѣны и передачи себя на сторону непріятеля. Выше сказано, что однимъ изъ первыхъ измѣнниковъ былъ монастырскій служка Оська Селевинъ. Впослѣдствіи въ тайныхъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ нимъ обвинили монастырскаго казначея Іосифа Дѣвочкина и старицу Марѳу Владиміровну, бывшую титулярную королеву Ливонскую. По доносу нѣкоторыхъ монаховъ, главный воевода Долгоруковъ велѣлъ схватить Дѣвочкина и подвергнуть пыткѣ; но какихъ признаній добились отъ него, въ точности неизвѣстно. Этотъ случай возбудилъ сильную распрю: часть соборныхъ старцевъ и самъ архимандритъ оскорблялись такимъ самоуправствомъ надъ ихъ казначеемъ и называли доносъ клеветою. Къ нимъ присталъ и второй воевода Голохвастовъ, вообще не ладившій съ Долгоруковымъ. А другая часть старцевъ приняла сторону сего послѣдняго и обвинителей. Эта сторона въ іюлѣ 1609 года послала въ Москву жалобу на то, что архимандритъ съ единомышленными старцами положили на нихъ ненависть и потому стали плохо кормить какъ ихъ, такъ и ратныхъ людей. А про старицу Марѳу Владиміровну писали, что она съ измѣнникомъ Оською Селевинымъ отправляла грамоты къ „вору“ (Лжедимитрію), называя его своимъ „братомъ“, къ Рожинскому и къ Сапѣгѣ, которыхъ будто бы благодарила за помощь; что своему соумышленнику Іосифу Дѣвочкину она ежедневно посылаетъ отъ собственнаго стола пироги, блины и меды, которые беретъ изъ царскихъ погребовъ; что ея люди ему прислуживаютъ, по ночамъ топятъ на него баню и пр. Про Голохвастова они писали, будто онъ замышляетъ отнять у Долгорукова крѣпостные ключи и уговаривалъ монастырскихъ слугъ и мужиковъ не выдавать ему на пытку казначея Дѣвочкина. Такое обвиненіе подтверждалъ и самъ Долгоруковъ въ своей отпискѣ знаменитому келарю Авраамію Палицыну съ просьбою довести о томъ до свѣдѣнія государя. Изъ его письма выходитъ, будто Голохвастовъ поднималъ противъ него чернь, которая уже собиралась толпою съ оружіемъ въ съѣзжей избѣ, но что дворяне, дѣти боярскіе и вообще служилые люди остались ему вѣрны, и потому мятежъ не удался.

Дѣвочкинъ вскорѣ умеръ. Трудно сказать, насколько было правды въ тѣхъ обвиненіяхъ, которымъ онъ подвергся. Главный доносчикъ на него дьяконъ и головщикъ лѣваго клироса Гурій Шишкинъ хлопоталъ чрезъ своего покровителя келаря Палицына о томъ, чтобы самому получить мѣсто казначея, слѣдовательно дѣйствовалъ небезкорыстно. Авраамій Палицынъ, довольно подробно изложившій исторію Троицкой осады, жилъ тогда не въ Лаврѣ, а въ Москвѣ на Троиц-

комъ подворьѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ велъ разнообразныя дѣла своей обители, ходатайствуя о нихъ передъ высшими властями или отстаивая въ судахъ ея иски. Онъ вполнѣ повѣрилъ доносамъ Шишкина на Дѣвочкина и даже на Голохвастова, тѣмъ болѣе что эти доносы поддерживалъ самъ первый воевода Долгоруковъ. Но въ Москвѣ, несмотря на внушенія келаря, повидимому не придавали большого значенія троицкимъ доносамъ и пререканіямъ, и Голохвастовъ спокойно оставался на своемъ мѣстѣ до конца осады. Василій Ивановичъ Шуйскій, стѣсненный Тушинцами, даже не спѣшилъ исполнить просьбы Долгорукова и Палицына о скорѣйшей присылкѣ помощи ратными людьми и военными запасами. Оказывать эту помощь онъ предоставлялъ сѣверовосточнымъ областямъ и воеводамъ. Только благодаря убѣжденіямъ патріарха Гермогена, царь послалъ 60 казаковъ съ атаманомъ Сухова-Останкова и 20 пудовъ пороху; да келарь Палицынъ присоединилъ къ нимъ 20 человѣкъ съ Троицкаго подворья. Въ половинѣ февраля 1609 года этотъ небольшой отрядъ успѣлъ пробраться сквозь непріятельскіе таборы и войти въ монастырь. Только четыре человѣка изъ нихъ были захвачены, и Лисовскій приказалъ ихъ казнить. За это Долгоруковъ велѣлъ въ виду непріятелей казнить 42 плѣнныхъ Литвиновъ (Западноруссовъ) и 19 казаковъ. Если вѣрить повѣствователю Троицкой осады, Поляки и казаки были такъ озлоблены сими казнями, что едва не убили самого Лисовскаго, и только Сапѣга его спасъ. Прибытіе такой незначительной помощи конечно не оказало замѣтнаго вліянія на ходъ обороны и не могло возмѣстить страшную убыль въ ратныхъ людяхъ.

Оборона Лавры продолжалась однако съ неослабною энергіей. Ибо надъ всѣми невзгодами и печалями защитниковъ высоко стояла ихъ вѣра въ помощь Божью и заступленіе св. Сергія; святость мѣста въ минуты крайней опасности возбуждала въ нихъ воинственное одушевленіе и горячее желаніе отстоять его отъ поруганія иновѣрными врагами. Архимандритъ и старцы продолжали питать это одушевленіе усердными молитвами, увѣщаніями и легендами о чудесныхъ видѣніяхъ. Таковыя видѣнія объявлялъ иногда самъ архимандритъ Іоасафъ, а большею частію о нихъ повѣствовалъ инокъ-пономарь Иринархъ. То являлся ему св. Сергій и приказывалъ возвѣстить братіи, чтобы не унывала, что скоро придетъ помощь отъ царя Василія; то ученикъ Сергія св. Никонъ предсталъ ему во снѣ и повелѣлъ, чтобы болящіе терли себя новымъ снѣгомъ, который выпадетъ въ эту ночь, и, по словамъ лѣтописца, тѣ, которые съ вѣрою исполняли сіе повелѣніе, получали облегченіе.

Укрѣпленные вѣрою, нѣкоторые защитники монастыря изъ простолюдиновъ отличились поистинѣ богатырскими подвигами. О нихъ лѣтописецъ (Палицынъ) сообщаетъ намъ любопытныя подробности. Такъ между даточными людьми былъ одинъ крестьянинъ прозваніемъ Суета, великанъ ростомъ и силою, но неопытный въ военномъ дѣлѣ, нехрабрый и неумѣлый боецъ; что навлекало на него насмѣшки. Однажды во время большой вылазки онъ объявилъ: „сегодня или умру, или получу большую славу.“ И дѣйствительно, онъ принялся такъ рубить своимъ бердышомъ, что поразилъ многихъ враговъ, защищенныхъ бронею, и съ кучкою пѣшихъ товарищей отбилъ въ одномъ мѣстѣ цѣлый полкъ Лисовскаго. Въ томъ же бою отличились троицкіе служки Пименъ Тененевъ и Михайло Павловъ; первый ранилъ въ лицо изъ лука самого Лисовскаго, такъ что тотъ свалился съ коня; а второй убилъ пана Юрія Горскаго, избилъ многихъ Ляховъ, пытавшихся отнять его тѣло, и овладѣлъ имъ вмѣстѣ съ конемъ. Прославились еще своими подвигами московскій стрѣлецъ Нехорошко и клементьевскій крестьянинъ Никифоръ Шиловъ. Но особенно „охрабрилъ“ (по выраженію лѣтописца) чудотворецъ Сергій троицкаго слугу Ананія Селевина, выѣзжавшаго въ поле на быстромъ конѣ. Поляки и Русскіе измѣнники такъ его боялись, что избѣгали близко встрѣтиться съ нимъ и старались убить его издали, т. е. застрѣлить; но тщетно. Тогда Поляки рѣшили обратить свои выстрѣлы на его коня; вслѣдствіе чего на разныхъ вылазкахъ конь его былъ раненъ шесть разъ, а отъ седьмой раны палъ. Ананія принужденъ былъ сражаться пѣшій. Тутъ его ранили изъ пищали въ большой палецъ ноги и раздробили всю плюсну. Нога его распухла, но онъ продолжалъ ратоборствовать. Его опять ранили въ ту же ногу, и разбили колѣно. Нога отекла до пояса, и Ананія оттого скончался.

По истеченіи зимы военныя дѣйствія оживились, такъ что весною и лѣтомъ 1609 года съ одной стороны возобновились приступы Поляковъ, съ другой усилились вылазки осажденныхъ. Вслѣдствіе приходившихъ съ сѣверозапада извѣстій объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Скопина Шуйскаго и союзнаго Шведскаго отряда, Сапѣга и Лисовскій уже въ концѣ зимы стали готовиться къ рѣшительнымъ приступамъ. Между прочимъ въ таборахъ Лисовскаго приготовили большіе подвижные щиты или тарасы, сдѣланные изъ двойныхъ бревенъ съ отверстіями для стрѣльбы; каждый щитъ утвердили на четырехъ саняхъ, которыя должны были тащить къ стѣнамъ на своихъ лошадяхъ мужики, собранные изъ окрестныхъ волостей. Кромѣ того Сапѣга тре-

бовалъ подкрѣпленій изъ Тушинскаго лагеря или изъ „большихъ таборовъ“, какъ называли его Русскіе. Но Лжедимитрій также туго оказывалъ помощь осаждавшимъ Троицкій монастырь, какъ и царь Василій осажденнымъ, отзываясь тѣмъ, что ему самому приходится плохо въ виду успѣховъ царскаго сѣверозападнаго ополченія.

Второй большой приступъ произведенъ былъ ночью на 28 мая. Непріятели скрытно подвезли къ стѣнамъ бревенчатые щиты на колесахъ и всякія „приступныя козни“ или „стѣнобитныя хитрости“; приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны, а ворота стали бить „проломными ступами“ или таранами. Но осажденные уже знали о предстоящемъ приступѣ и приготовились. Изъ нижнихъ или подошвенныхъ боевъ встрѣтили нападающихъ огнемъ пушекъ и пищалей, а сверху стѣнъ бросали на нихъ бревна и камни, обливали кипяткомъ съ каломъ, горящею смолою и сѣрою и засыпали имъ глаза толченою известію. Ратнымъ людямъ при семъ помогали и женщины. Архимандритъ съ освященнымъ соборомъ въ это время пѣлъ молебны въ соборномъ Троицкомъ храмѣ. Приступъ продолжался всю ночь. Когда разсвѣло, непріятель, видя большія понесенныя имъ потери, со стыдомъ отступилъ. Осажденные сдѣлали вылазку, перебили и взяли въ плѣнъ многихъ отсталыхъ. Тарасы, лѣстницы и ступы проломныя забрали въ монастырь и употребили ихъ на дрова, а плѣнныхъ Ляховъ и русскихъ воровъ приставили къ жерновамъ и заставили ихъ молоть зерно. Спустя ровно мѣсяцъ, 28 іюня Сапѣга возобновилъ отчаянный приступъ съ тѣми же пріемами и съ такимъ же неуспѣхомъ. На сей разъ непріятелю удалось было зажечь часть острога у Пивного двора; но осажденные вовремя его погасили. Пришлось опять отступать съ большою потерею. Осажденные снова сдѣлали вылазку и забрали къ себѣ всѣ „стѣнобитныя хитрости“. Такъ окончился и третій большой приступъ. Въ немъ участвовалъ съ своимъ полкомъ панъ Зборовскій, присланный сюда на помощь изъ Тушина. По разсказу русскаго лѣтописца осады, до приступа онъ укорялъ Сапѣгу и Лисовскаго за ихъ „бездѣльное стояніе“ подъ такимъ *лукошкомъ* какъ Троицкая Лавра; а послѣ приступа тѣ въ свою очередь съ насмѣшкою спрашивали Зборовскаго: „почему же ты не одолѣлъ этого лукошка“?

Послѣ того осада еще продолжалась; но подобные приступы уже не повторялись; хотя число защитниковъ страшно уменьшилось. Если вѣрить лѣтописцу, въ монастырѣ оставалось не болѣе 200 человѣкъ годныхъ къ бою; болѣе 2000 ратныхъ людей уже пало или умерло

отъ болѣзней. Но и число осаждавшихъ тоже сильно уменьшилось, и не столько отъ руки троицкихъ защитниковъ, сколько отъ необходимости разсылать отряды въ разныя стороны для сбора продовольствія и для поддержанія покорности въ сосѣднихъ областяхъ ([14]).

Многіе города, прежде покорившіеся Лжедимитрію, теперь отложились отъ него, били и прогоняли Тушинцевъ и начали помогать царской сторонѣ. Причиною тому были невыносимые поборы и притѣсненія отъ Ляховъ и русскихъ воровъ, особенно безпощадные грабежи и разоренія отъ казаковъ. Толчкомъ къ этому движенію послужили извѣстія о приближеніи Скопина Шуйскаго, объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Ѳедора Шереметева, Алябьева и другихъ царскихъ воеводъ. Возстаніе поволжскихъ и сѣверныхъ городовъ противъ Лжедимитрія началось еще зимою, и усилилось весною 1609 года. Такъ постепенно отложились отъ него Галичъ, Кострома, Устюжна, Кинешма, Вологда, Бѣлоозеро. Бѣжецкій Верхъ, Кашинъ, Ярославль, Шуя, Владиміръ Залѣсскій, Муромъ, Устюгъ и другіе. Нѣкоторые присягнувшіе Самозванцу воеводы пытались противустоять этому движенію, и подвергались народной казни. Такъ Костромичи жестоко истязали Димитрія Масальскаго и потомъ его утопили. Во Владимірѣ народъ схватилъ своего воеводу Вельяминова и отвелъ его въ соборную церковь, чтобы онъ исповѣдался (*поновился*, какъ сказано въ лѣтописи). Соборный протопопъ послѣ исповѣди вывелъ его изъ церкви, и сказалъ: „сей есть врагъ Московскому государству". Граждане всѣмъ „міромъ" осудили его на смерть и побили камнями. Отложившіеся отъ Самозванца города и волости большею частію должны были выдерживать ожесточенную борьбу съ его полчищами. Изъ Тушинскихъ и Троицкихъ таборовъ отправлялись отряды для ихъ новаго покоренія и наказанія. Одни города удачно отбивались или во-время получали помощь кто отъ волостныхъ жителей, кто отъ сосѣднихъ городовъ и царскихъ воеводъ; а другіе снова попадали въ руки Тушинцевъ или Сапѣжинцевъ и подвергались конечному разоренію. Въ особенности пострадали отъ Лисовскаго вновь взятые имъ Галичъ, Кострома и Кинешма.

Очищенію средняго Поволжья отъ воровъ много содѣйствовалъ царскій воевода Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, двоюродный братъ Петра Никитича, погибшаго во Псковѣ жертвою мятежа.

Еще во время Болотникова, когда Астрахань отложилась отъ Василія Шуйскаго и приняла сторону мятежниковъ, посланъ былъ туда

съ ратными людьми Шереметевъ. Но онъ не могъ взять Астрахань и укрѣпился на островѣ Балчикѣ (или Балдинскомъ), гдѣ рать его терпѣла отъ болѣзней и недостатка съѣстныхъ припасовъ, и въ тоже время отбивала нападенія измѣнившаго астраханскаго воеводы князя Хворостинина. Когда Тушинскій воръ осадилъ Москву и возмутилась большая часть Поволжья, Шереметевъ получилъ приказъ идти на помощь. Онъ покинулъ Балчикъ, двинулся вверхъ по Волгѣ и остановился въ Казани. Здѣсь онъ промедлилъ цѣлую зиму. Хотя самъ городъ Казань пребылъ вѣрнымъ Василію, но земли Казанская и Вятская находились въ очень смутномъ состояніи; ибо многіе недавно покоренные инородцы сего края, т.-е. Татары, Мордва, Черемисы и Чуваши, пользовались критическимъ положеніемъ государства, поднимали мятежи, провозглашали царемъ Лжедимитрія, и заодно съ русскими ворами нападали на немногіе русскіе города, разсѣянные въ томъ краю. Шереметевъ посылалъ въ разныя стороны ратныхъ головъ съ отрядами противъ мятежниковъ, ходилъ и самъ на нихъ; такъ онъ отнялъ у нихъ городъ Чебоксары и освободилъ отъ осады Свіяжскъ. Только въ началѣ лѣта онъ съ 3500 ратныхъ людей прибылъ въ Нижній, который уже нѣсколько разъ успѣлъ выдержать осаду и отбить толпы Мордвы и Черемисъ. Во все Смутное время этотъ городъ оставался неизмѣнно вѣренъ законному государю и служилъ самымъ надежнымъ оплотомъ Московскаго государства въ сѣверовосточномъ краю. Еще до прихода Шереметева второй (по князѣ Рѣпнинѣ) нижегородскій воевода Алябьевъ отличился своими походами и поисками противъ городовъ и волостей, передавшихся Тушинскому царику. Съ прибытіемъ Шереметева очищеніе средняго Поволжья отъ воровъ пошло успѣшнѣе. Изъ Нижняго Шереметевъ двинулся къ Москвѣ рѣкой Окой на города Муромъ и Касимовъ. Ханъ касимовскій Уразъ-Магометъ явился ревностнымъ сторонникомъ Лжедимитрія, и доселѣ попытки царскихъ воеводъ къ его усмиренію оканчивались пораженіями. Шереметевъ взялъ Касимовъ приступомъ. Тутъ прибыли къ нему изъ Москвы князь Семенъ Прозоровскій и Иванъ Чепчуговъ съ благодарственнымъ словомъ отъ царя за вѣрную службу, но вмѣстѣ и съ выговоромъ за то, что онъ идетъ слишкомъ мѣшкотно на помощь Москвѣ и Троицкой Лаврѣ.

Москва испытывала тогда двойное бѣдствіе: Тушинцы тѣснили ее извнѣ, а смуты угнетали внутри. Ближайшимъ поводомъ къ послѣднимъ служилъ недостатокъ продовольствія. Пока коломенская дорога не была совершенно закрыта, изъ Рязанской области продолжались

подвозы съѣстныхъ припасовъ. Но Лжедимитрій съ Рожинскимъ вновь попытались отнять этотъ путь, чтобы выморить Москву голодомъ. Зимой 1609 года изъ Тушинскихъ таборовъ отправленъ былъ полковникъ Млоцкій съ отрядомъ, который осадилъ Коломну и отрѣзалъ ее отъ Москвы. Между тѣмъ какъ Тушинцы плавали въ изобиліи, даже собаки не успѣвали пожирать внутренности животныхъ, въ столицѣ наступила страшная дороговизна. При такихъ обстоятельствахъ неудовольствіе противъ Шуйскаго въ народѣ конечно возросло. Противная ему партія думала воспользоваться тѣмъ для его сверженія. Но открыто выступили не знатные люди, а второстепенные, именно князь Романъ Гагаринъ, извѣстный рязанскій дворянинъ Григорій Сумбуловъ и Тимофей Грязной. 17 февраля, собравъ толпу буяновъ, они явились въ Кремль, пришли въ Боярскую Думу и звали бояръ на площадь. Но тѣ уклонились и разъѣхались по домамъ. На площадь вышелъ только одинъ князь Василій Голицынъ, прежде ревностный соучастникъ въ заговорѣ противъ перваго Лжедимитрія, а теперь соперникъ Шуйскаго и претендентъ на престолъ. Мятежники отправились въ Успенскій соборъ и звали патріарха. Гермогенъ вышелъ на Лобное мѣсто, и спрашивалъ толпу, что ей нужно. Вожаки начали кричать: „царь побиваетъ и сажаетъ въ воду нашу братію дворянъ и дѣтей боярскихъ, а ихъ женъ и дѣтей (истребляетъ) втайнѣ, и такихъ побитыхъ уже съ двѣ тысячи. Вотъ и теперь нашу братію повели сажать въ воду". Патріархъ потребовалъ, чтобы назвали ихъ имена; но заговорщики отвѣчали общими мѣстами. Гермогенъ упрекалъ ихъ во лжи и клеветѣ. (Однако мы знаемъ, что Шуйскій потопилъ много измѣнниковъ). Затѣмъ заговорщики начали громко читать грамоту, составленную русскими отщепенцами въ Тушинскомъ лагерѣ. Въ этой грамотѣ говорилось, что „князя Василія Шуйскаго выбрали на царство одной Москвой, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Шуйскій намъ нелюбъ; ради его льется кровь и земля неумиряется, а потому на его мѣсто надо выбрать иного царя".

На эту грамоту патріархъ Гермогенъ отвѣтилъ пространнымъ и сильнымъ словомъ.

„Доселѣ Москвѣ—говорилъ онъ—ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи возлюбленъ, избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властьми, и московскими бояры, и вами дворяны, и всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными христіаны, да

и изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ тѣ поры люди многіе и крестъ ему цѣловали вся земля, что ему государю добра хотѣти, а лиха и не мыслити; а вы, забывъ крестное цѣлованіе, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ, да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не приставаемъ же". Далѣе патріархъ укорялъ мятежниковъ въ клятвопреступленіи, въ измѣнѣ вѣрѣ и государству, и доказывалъ имъ, что, если кровь льется и земля не умиряется, то дѣлается волею Божіею, а не царскимъ хотѣніемъ.

Слова архипастыря подѣйствовали на народъ. Притомъ большинство Московскихъ гражданъ ясно сознавало, что если выбирать между Тушинскимъ воромъ и царемъ Василіемъ, то послѣдній все таки служилъ представителемъ законной власти и государственнаго порядка, тогда какъ съ понятіемъ о Тушинцахъ уже соединялось понятіе о грабежахъ и насиліяхъ съ одной стороны, о грубомъ обманѣ и самозванствѣ съ другой. Поэтому никто не присталъ къ толпѣ мятежниковъ. Тщетно съ Лобнаго мѣста она шумно потекла во дворецъ, думая напугать царя Василія и принудить его къ отреченію. Около него успѣли собраться начальники ратныхъ людей. Царь мужественно встрѣтилъ толпу и сказалъ ей, что если его хотятъ убить, то онъ готовъ принять смерть, но что свести его съ престола безъ согласія бояръ и всей земли никто не можетъ. Смущенные вожаки бѣжали въ Тушино; съ ними уѣхало до 300 человѣкъ.

Неудача этого мятежа настолько ободрила Шуйскаго, что онъ поступилъ съ несвойственною ему рѣшительностію, когда донесли ему о заговорѣ, во главѣ котораго сталъ бояринъ Ив. Ѳед. Крюкъ-Колычовъ и на которомъ рѣшено было убить царя въ день Вербнаго Воскресенія (вѣроятно во время церковной процессіи). Колычовъ былъ подвергнутъ пыткѣ, никого не указалъ, и потому казненъ одинъ; нѣкоторые предполагаемые его сообщники заключены въ тюрьму. Однако ропотъ и волненіе въ Москвѣ не прекращались. Уваженіе къ царю настолько упало, что служилые и черные люди съ крикомъ и воплемъ приходили къ Шуйскому и спрашивали его: до какихъ поръ имъ сидѣть въ осадѣ? Хлѣбъ дорогой, промысловъ никакихъ нѣтъ и купить не на что. Царь вступилъ съ ними въ переговоры и просилъ сроку только до Николина весенняго дня, потому что на помощь къ нему идетъ съ одной стороны Скопинъ-Шуйскій съ Новгородскимъ ополченіемъ и Шведами, съ другой Шереметевъ съ Понизовою ратью, а съ третьей союзникъ его Крымскій ханъ съ своей ордою.

О дороговизнѣ, существовавшей тогда въ Москвѣ даютъ понятіе слѣдующія показанія современниковъ: въ концѣ февраля четверть сырой ржи стоила одинъ рубль, а сухой 40 алтынъ, возъ сѣна три рубля и выше. А въ началѣ мая рожь поднялась до полутора и до двухъ рублей; гороху и крупы гречневой четверть стоила три рубля, овса отъ 40 алтынъ до рубля, „добрый“ возъ сѣна четыре рубля, корова яловица отъ 10 до 20 рублей, полоть ветчины два рубля. По недостатку топлива, на дрова разбирали дворы опальныхъ людей. Эти цѣны, какъ ни высоки онѣ для того времени, показываютъ, что все-таки торговля съѣстными припасами не прекращалась и что существовали еще значительные запасы. На дороговизну вліяла также жадность богатыхъ хлѣботорговцевъ, которые прятали свои запасы и пускали въ продажу только небольшое количество, выжидая еще большаго возвышенія цѣнъ. И дѣйствительно, четверть ржи дошла наконецъ до семи рублей. Тщетно царь убѣждалъ купцовъ не прятать хлѣба; купцы съ своей стороны увѣряли, что у нихъ запасы истощились. Тогда царь и патріархъ обратились къ келарю Троицкаго монастыря Аврамію Палицыну, и послѣдній (если вѣрить его собственному разсказу) помогъ дѣлу. У него на Троицкомъ подворьѣ при Богоявленскомъ монастырѣ оставались еще порядочные запасы ржи, и онъ вдругъ пустилъ ее въ продажу по два рубля. Купцы съ своей стороны принуждены были также понизить цѣну. Когда же прекратилась продажа монастырскаго хлѣба, рожь опять поднялась въ цѣнѣ. Царь снова обратился къ келарю; на возраженіе сего послѣдняго, что монастырскіе люди на подворьѣ сами могутъ остаться безъ пищи, Шуйскій обѣщалъ выдавать имъ изъ собственной казны на покупку хлѣба, если цѣна его даже удесятерится. Палицынъ послушался, и отпустилъ на рынокъ еще 200 мѣръ изъ монастырскихъ житницъ, чѣмъ снова понизилъ цѣну.

Около того же времени изъ Тушина прибѣжалъ въ Москву вышеупомянутый князь Гагаринъ. Онъ раскаялся въ своей измѣнѣ, и всенародно говорилъ, что въ Тушинѣ сидитъ истинный воръ и что все зло идетъ отъ Польскаго короля, который хочетъ искоренить православную вѣру. Его рѣчи, на ряду съ вѣстями о скоромъ приходѣ Скопина-Шуйскаго съ иноземною помощью, благотворно повліяли на умы и многихъ удержали отъ измѣны, т. е. отъ переѣзда въ Тушино. А что касается сношеній Москвы съ городами, то царь Василій дѣятельно поддерживалъ эти сношенія, несмотря на осаду. Онъ постоянно разсылалъ грамоты съ увѣщаніемъ отстать отъ

вора или крѣпко держаться законнаго правительства, помогать царскимъ воеводамъ людьми и обо всемъ съ ними совѣтоваться; извѣщалъ о каждомъ своемъ успѣхѣ и походѣ Скопина; расточалъ похвалы вѣрнымъ и обѣщалъ награды. Грамоты его проносились сквозь непріятельскіе посты помощію разныхъ хитростей; напримѣръ, зимою онѣ вклеивались въ лыжи посланцевъ.

Предводители Тушинцевъ ясно видѣли перемѣну обстоятельствъ въ пользу Василія; а потому, не дожидаясь прихода Скопина со Шведами, рѣшились на новую попытку овладѣть Москвою. Въ таборахъ Самозванца оставалось тогда мало войска; ибо значительная часть его стояла въ ближнихъ городахъ или занималась усмиреніемъ возставшихъ областей. Рожинскій стянулъ какіе можно было отряды и вывелъ изъ обозовъ свою пѣхоту и конницу. Но въ Москвѣ уже знали о его намѣреніи и приготовились. 5 іюня въ Духовъ день на берегахъ Ходынки Тушинцы встрѣтились съ Московскимъ ополченіемъ; польская конница ринулась на московскую; послѣдняя разступилась и открыла гуляй-городки, т. е. подвижныя укрѣпленія на колесахъ, вооруженныя пушками. Эти гуляй - городки открыли пальбу въ лицо Полякамъ, а московская конница ударила на нихъ съ боковъ. Тушинцы были разбиты; Москвитяне ихъ преслѣдовали, и только Заруцкій съ Донцами помѣшалъ царскому войску ворваться въ таборы. Спустя три недѣли, Рожинскій возобновилъ попытку большого приступа, и Тушинцамъ удалось зажечь внѣшнюю или деревянную стѣну. Они уже опрокинули московскую конницу и потѣснили пѣхоту. Но на помощь послѣднимъ пришли мужественные воеводы, съ одной стороны князь Ив. Сем. Куракинъ, съ другой князья Андрей Вас. Голицынъ и Борисъ Мих. Лыковъ. Битва длилась цѣлый день, и, по замѣчанію лѣтописца, въ теченіе всей осады Москвичи не дрались съ такою храбростію какъ въ этотъ день. Тушинцы были вновь разбиты; многіе изъ нихъ во время битвы попали въ Москву-рѣку и потонули. Послѣ того попытки большихъ приступовъ прекратились. Осада еще продолжалась; но въ Москвѣ уже всѣ надѣялись на близкое отъ нея избавленіе. Вскорѣ удалось освободить и важный путь Коломенскій. Хотя Прокопій Ляпуновъ, очистившій отъ воровъ рязанскіе города, и былъ отбитъ Млоцкимъ отъ Коломны; но слухи о приближеніи съ одной стороны Шведовъ, съ другой Крымцевъ, съ третьей Шереметева заставили Млоцкаго 17 іюля покинуть блокаду Коломны и отступить къ Серпухову. Спустя недѣлю, Крымскій калга-султанъ дѣйствительно приблизился къ Коломнѣ въ качествѣ союзника царя

Василія; но потомъ онъ повернулъ домой, вѣроятно довольствуясь награбленною добычею и полономъ и нисколько не желая вступать въ битвы съ отрядами Лжедимитрія ([13]).

Зато слухи о побѣдоносномъ приближеніи Скопина-Шуйскаго оправдались.

Шведское правительство того времени не мало было озабочено успѣхами Поляковъ въ Московской землѣ: въ случаѣ ихъ окончательнаго торжества, оно должно было разсчитывать на дальнѣйшее совмѣстное дѣйствіе Польши и Москвы противъ Швеціи; а это обстоятельство грозило не только потерею занятой Шведами Эстоніи и части Ливоніи, но и лично Карлу IX потерею Шведскаго престола. Кромѣ того Карлъ сильно желалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы расширить предѣлы своего королевства со стороны Московіи. Посему онъ очень охотно отозвался на просьбу Михаила Скопина-Шуйскаго о военной помощи. Онъ даже послалъ Новгородцамъ грамоту съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи сей помощи и съ увѣщаніемъ мужественно стоять противъ Польскихъ и Литовскихъ людей за Московское государство и свою „старую Греческую вѣру." Въ томъ же духѣ нѣкоторые пограничные шведскіе начальники писали въ московскіе сѣверные монастыри и города. Въ концѣ февраля 1609 года въ Выборгѣ былъ подписанъ окончательный договоръ съ одной стороны русскими послами стольникомъ Семеномъ Головинымъ и дьякомъ Сыдавнымъ Зиновьевымъ, съ другой шведскими уполномоченными. Сей договоръ подтверждалъ обязательство шведскаго короля выставить вспомогательное войско изъ 2000 конницы и 3000 пѣхоты, а сверхъ того сколько можно будетъ набрать. Кромѣ опредѣленной денежной платы, Василій Ивановичъ Шуйскій въ вознагражденіе за помощь не только отказывался отъ русскихъ притязаній на Ливонію, но и отдавалъ Шведамъ пограничный городъ Корелу (Кексгольмъ) съ уѣздомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны заключили оборонительный союзъ противъ Польши, такъ что въ случаѣ нужды Шуйскій долженъ былъ помогать своимъ войскомъ Карлу IX, и никто изъ нихъ обоихъ не могъ заключить отдѣльнаго мира съ польскимъ королемъ. Договоръ довольно обстоятельно опредѣлялъ положеніе шведскаго вспомогательнаго войска въ русскихъ предѣлахъ. Такъ Шведы обязались не допускать своихъ ратныхъ людей причинять какія-либо насилія и грабежи жителямъ; съ литовскими плѣнниками они могли поступать какъ имъ угодно, но русскихъ плѣнниковъ должны были отдавать на

окупъ и т. д. По смыслу договора все это вспомогательное войско поступало въ вѣдѣніе князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Послѣдній чрезъ своихъ уполномоченныхъ вручилъ шведскимъ повѣреннымъ около 5000 рублей въ видѣ задатка наемному войску, но не въ зачетъ его будущаго жалованія. Для сдачи города Корелы положенъ былъ срокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съ условіемъ взять изъ церквей всѣ образа и всю церковную утварь, а изъ крѣпости пушки, пищали и военные снаряды, и кромѣ того вывести тѣхъ жителей, которые пожелаютъ уйти на Русь. Долгій срокъ очевидно назначенъ былъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы прежде посмотрѣть, какой толкъ будетъ отъ шведской помощи и стоитъ ли она того, чтобы ради нея поступиться хотя и однимъ уголкомъ Русской земли — черта, заслуживающая похвалы и подражанія, особенно если вспомнимъ, въ какихъ трудныхъ обстоятельствахъ находились тогда и царь Шуйскій, и все Московское государство.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мартѣ вспомогательное войско уже вступило въ русскіе предѣлы. Сверхъ условленныхъ 5000, оно заключало еще нѣсколько тысячъ человѣкъ, и было набрано изъ наемниковъ разныхъ націй, каковы Шведы, Французы, Шотландцы, Нѣмцы и даже русскіе охотники. Все это были люди хорошо вооруженные и обученные, состоявшіе подъ командою опытныхъ, надежныхъ военачальниковъ; таковы: Эвертъ Горнъ, Христіернъ Зоме, Аксель Куркъ и Андрей Бойе. А во главѣ стоялъ молодой, но уже прославившійся воинскими подвигами Яковъ Делагарди, сынъ извѣстнаго французскаго выходца Понтуса Делагарди и племянницы Карла IX (незаконной дочери его предшественника и брата Іоанна). Въ ранней молодости онъ сражался съ Поляками въ Ливоніи и даже побывалъ у нихъ въ плѣну; а потомъ изучилъ военное искусство преимущественно въ Голландіи подъ руководствомъ принца Морица Нассаусскаго. На границѣ Шведовъ встрѣтилъ воевода Иванисъ Ададуровъ съ небольшимъ русскимъ отрядомъ.

Появленіе шведскаго вспомогательнаго войска немедленно повліяло на ходъ событій. Нѣкоторые сѣверные города покинули Самозванца и перешли на сторону Шуйскаго, напримѣръ, Орѣшекъ, откуда воевода его Мих. Глѣб. Салтыковъ уѣхалъ въ Тушино. Оставивъ, по просьбѣ Скопина, главныя силы въ Тесовѣ, Делагарди 30 марта вступилъ въ Новгородъ, гдѣ ему оказана торжественная встрѣча. Тутъ оба молодые вождя, русскій и шведскій, сблизились, и вскорѣ между ними завязалась дружба, основанная на взаимномъ уваженіи. Ско-

пинъ-Шуйскій произвелъ на Шведовъ пріятное впечатлѣніе своею сановитою наружностію, привѣтливостію и разумнымъ поведеніемъ. Главное затрудненіе, встрѣтившееся на первыхъ же порахъ, состояло въ недостаткѣ денегъ на уплату Шведамъ жалованья; такъ какъ московская казна была пуста. Скопинъ усердно разсылалъ грамоты въ сѣверныя области, съ настоятельнымъ требованіемъ о сборѣ и присылкѣ денегъ или вмѣсто нихъ соболей, суконъ, тафты и другихъ товаровъ, годныхъ для уплаты иноземнымъ ратнымъ людямъ. Нѣкоторые города поспѣшили исполнить требованіе, и часть жалованья была уплачена. Делагарди думалъ прежде заняться очищеніемъ городовъ, признавшихъ Лжедимитрія, напримѣръ Ямы, Копорья, Ивангорода; но Скопинъ не хотѣлъ терять на нихъ времени, и торопилъ его идти на освобожденіе столицы отъ осады; послѣ чего другія мѣста сами собой отпали бы отъ Самозванца. Прежде всего надобно было очистить путь къ Москвѣ, который заслонялъ Кернозицкій, все еще стоявшій въ Старой Русѣ. Делагарди выслалъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Эвертъ Горна; Скопинъ присоединилъ къ нему и русскій отрядъ, предводимый Головинымъ и Чулковымъ. Кернозицкій сжегъ Русу и ушелъ; однако шведо-русскій отрядъ настигъ его и наголову разбилъ около села Каменки. Тогда ближніе города, Торопецъ, Холмъ, Великіе Луки, Ржевъ и нѣкоторые другіе, покинули сторону Тушинскаго вора, принесли повинную и присягнули Шуйскому. Только въ пользу матежнаго Пскова Скопинъ сдѣлалъ исключеніе и послалъ войско, чтобы овладѣть симъ важнымъ пунктомъ. Была надежда покончить съ нимъ въ короткое время, съ помощію партіи лучшихъ людей, которые сносились съ Новгородомъ и звали царскихъ воеводъ. Но эта надежда не оправдалась.

15 мая 1609 года во Псковѣ произошелъ страшный пожаръ, который захватилъ и самый Кромъ съ Троицкимъ соборомъ; порохъ, хранившійся въ погребахъ подъ городскими стѣнами взорвало; причемъ часть стѣны и башенъ обрушилась. Однако это бѣдствіе не прекратило внутренней борьбы партій: меньшіе люди, стрѣльцы и казаки продолжали свирѣпствовать противъ большихъ людей, т.-е. бояръ, дворянъ и гостей. Казачій атаманъ Корсаковъ, державшій стражу на Новгородской дорогѣ, прислалъ въ городъ вѣсть о приближеніи новогородско-шведскаго отряда. Но большіе люди схватили посланца и засадили его въ тюрьму. Ничего не подозрѣвая, Псковичи всѣмъ народомъ отправились 28 мая встрѣчать икону Богородицы, которую въ этотъ день приносили изъ Печерскаго монастыря. Вдругъ позади

нихъ послышались пушечные и ружейные выстрѣлы. Новогородско-шведскій отрядъ спѣшилъ войти въ Великія ворота, которыя лучшіе люди нарочно оставили отворенными. Но атаманъ Корсаковъ встрѣтилъ подступавшихъ ружейнымъ огнемъ; а со стѣнъ загремѣлъ пушечный нарядъ; особенно псковскіе стрѣльцы своимъ храбрымъ сопротивленіемъ удержали московское войско, пока народъ успѣлъ войти въ городъ и принять участіе въ битвѣ. Видя неудачу, царское войско остановилось въ селѣ Любатовѣ. Казачій гонецъ, освобожденный изъ тюрьмы, разсказалъ, какъ лучшіе люди помѣшали ему дать вѣсть. Тогда въ городѣ произошло сильное волненіе. Одинъ священникъ, пытавшійся бѣжать въ Любатово, былъ схваченъ и подвергнутъ пыткѣ. Онъ оговорилъ другихъ; ихъ также пытали; тѣ оговорили третьихъ. На этихъ пыткахъ присутствовали самозванцевъ воевода Жировой-Засѣкинъ и дьякъ Иванъ Луговскій. Но отъ нихъ власть уже перешла къ меньшимъ посадскимъ людямъ и стрѣльцамъ. Изъ среды послѣднихъ выдался зычнымъ голосомъ и дикою энергіей нѣкто Тимофей, прозваніемъ Кудекуша Трепецъ, который и подчинилъ себѣ толпу, такъ что сталъ указывать воеводамъ и начальнымъ людямъ. По словамъ лѣтописца, многіе бояре и дворяне, уличенные въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ, были мучимы; имъ ломали ребра, жгли ихъ на кострѣ. Мятежная чернь возстановила прежній вѣчевой бытъ Пскова: часто звонили въ колоколъ и собирали народъ на вѣче, гдѣ крикуны играли главную роль. Тщетно Новгородцы и Шведы приходили изъ Любатова и затѣвали бой съ Псковичами; послѣдніе храбро отбивали ихъ нападенія. Скопинъ Шуйскій, не желая развлекать свои силы и тратить время на осаду Пскова, предоставилъ его самому себѣ, и отозвалъ свой отрядъ.

Межъ тѣмъ вѣсть о пораженіи Кернозицкаго произвела сильную тревогу въ Тушинскихъ таборахъ. Чтобы прикрыть дорогу изъ Новгорода въ Москву, посланы были Зборовскій и извѣстный князь Григорій Шаховской съ 3000 Поляковъ и Русскихъ. Они подступили къ Торжку; начальствовавшій здѣсь воевода Чеглоковъ спѣшилъ увѣдомить о томъ Скопина, прося помощи. Скопинъ и Делагарди, стоявшіе въ это время около Крестецкаго Яма, напередъ себя отрядили къ Торжку стольника Головина и Эверта Горна съ 2000 Русскихъ и Шведовъ. Этотъ отрядъ напалъ на Зборовскаго и Шаховского. Бой длился съ перемѣннымъ успѣхомъ; наконецъ Тушинцы отступили и засѣли въ Твери. Когда прибыли къ Торжку Скопинъ и Делагарди, то вмѣсто Зборовскаго и Шаховского они встрѣтили здѣсь 3000

Смольнянъ съ княземъ Яковомъ Барятинскимъ и Семеномъ Ададуровымъ, которыхъ, по требованію царя, смоленскій воевода Шеинъ послалъ на помощь Скопину и которые уже успѣли отобрать у Тушинцевъ города Дорогобужъ, Вязьму и Бѣлую. Зборовскій изъ Твери прислалъ письмо Делагарди, убѣждающее его оставить неправую сторону Шуйскаго и перейти на службу къ якобы законному государю Димитрію. Делагарди далъ ему рѣзкій и колкій отвѣтъ. Соединясь въ Твери съ Керзозицкимъ, Зборовскій храбро вступилъ въ бой со Шведами и Русскими. Проливной дождь испортилъ огнестрѣльные снаряды въ шведскомъ войскѣ; оно не выдержало натиска польской конницы, разстроилось и ушло въ свой лагерь. Дождь шелъ и на другой день. Считая себя побѣдителями, Поляки расположились въ Твери и предались безпечности. На это обстоятельство вѣрно разсчитали Скопинъ и Делагарди, и на третій день, 13 іюля, раннимъ утромъ напали на Тверской острогъ. Захваченные врасплохъ, Поляки были разбиты на голову, изгнаны изъ острога, и отступили, потерявъ пушки и знамена. Только часть ихъ, засѣвшая въ кремлѣ, успѣла отбить приступы Русскихъ и Шведовъ. Вѣрный своей системѣ не терять времени на осаду крѣпостей и разсчитывая, что непріятели сами покинутъ этотъ кремль, Скопинъ двинулся далѣе. Но тутъ между союзниками произошелъ разладъ.

И вообще нелегко было поддерживать порядокъ и повиновеніе въ разноплеменномъ сбродѣ наемниковъ, а при данныхъ обстоятельствахъ эта задача оказалась очень трудною. Недостатокъ въ деньгахъ поневолѣ заставилъ Московское правительство замедлить уплатою условленнаго содержанія; къ сему присоединились и другія неудовольствія. Шведы между прочимъ жаловались на вѣроломство Русскихъ, которые подъ Тверью стали грабить обозъ союзниковъ въ то время, когда сіи послѣдніе сражались съ Поляками. Наемники вдругъ объявили, что они не хотятъ идти въ глубь Московскаго государства, и повернули назадъ. Тщетно Делагарди вмѣстѣ съ своими офицерами старался утишить волненіе и побѣдить упорство солдатъ. Чтобы не отдѣлиться отъ войска, онъ принужденъ былъ сдѣлать видъ, что самъ держитъ сторону недовольныхъ. Ушедшему впередъ Скопину онъ послалъ требованіе уплатить жалованье наемникамъ и не медля сдать городъ Корелу; а самъ вошелъ въ Тверь, которую Поляки успѣли уже очистить. Однако мятежное войско не хотѣло оставаться здѣсь; Делагарди принужденъ былъ отойти далѣе назадъ, и остановился подъ Торжкомъ. Только Христіернъ Зоме съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ

пошелъ на соединеніе со Скопинымъ. Сей послѣдній, въ виду такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, уклонился отъ прямого пути къ столицѣ, перешелъ на лѣвый берегъ Волги и направился къ Калязину монастырю, чтобы соединиться тамъ съ отрядами, шедшими къ нему изъ сѣверныхъ городовъ подъ предводительствомъ Вышеславцева и Жеребцова. Здѣсь онъ остановился на нѣкоторое время. Сознавая главный недостатокъ русской рати, большею частію набранной прямо отъ сохи, а потому не умѣвшей сражаться въ открытомъ полѣ съ болѣе опытными въ военномъ дѣлѣ хоругвями, Скопинъ при помощи Зоме усердно принялся обучать своихъ ратниковъ военнымъ построеніямъ и искусству владѣть оружіемъ. А между тѣмъ онъ велъ дѣятельные переговоры съ Делагарди и употреблялъ всѣ усилія уладить дѣло со шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Чтобы достать средства на уплату жалованья, изъ Москвы и Калязина разсылались по городамъ грамоты съ настойчивымъ требованіемъ о присылкѣ денегъ, соболей и товаровъ. Это требованіе не осталось тщетнымъ; мало-по-малу казна стала собираться и жалованье Шведамъ начали уплачивать. Между прочимъ Соловецкій монастырь прислалъ около 17,000 рублей; богатые сольвычегодскіе граждане Строгановы также прислали значительныя суммы. Только Пермичи въ эту эпоху выдѣлились изъ среды сѣверныхъ городовъ своими уклончивыми отвѣтами и нежеланіемъ жертвовать на общее государственное дѣло.

Въ Тушинѣ знали о раздорѣ Шведовъ съ Русскими, и радовались. Когда же пришли извѣстія о готовившемся ихъ примиреніи, тамъ задумали разбить Скопина до прихода Шведовъ. Дѣло это было поручено Сапѣгѣ совмѣстно съ Зборовскимъ. Они двинулись изъ подъ Троицы съ войскомъ, состоявшимъ изъ 12.000 Поляковъ и казаковъ, и надѣялись легко одолѣть 20-тысячное ополченіе Скопина. При ихъ приближеніи Скопинъ выслалъ на правый берегъ Волги отрядъ съ Барятинскимъ, Головинымъ, Валуевымъ и Жеребцовымъ. 18 августа на болотистыхъ берегахъ рѣчки Жабни эти воеводы вступили въ битву съ Тушинцами, и, пользуясь мѣстностью, удержались до прибытія самого Скопина и Зоме съ главными силами. Битва была очень упорна и продолжалась до солнечнаго заката. Обученіе, хотя и краткое, Русскихъ военному искусству принесло свои плоды. Поляки съ удивленіемъ увидали ихъ стойкость въ открытомъ полѣ и жестоко обманулись въ разсчетѣ разбить Скопина, чтобы уничтожить надежду на него московскихъ и троицкихъ сидѣльцевъ. Возносся горячія молитвы преподобному Макарію Калязинскому, Русскіе мужественно наступали

и наконецъ сломили враговъ. Поляки побѣжали и были преслѣдуемы до своего лагеря у Рябой Пустыни, гдѣ они укрылись, благодаря наступившей темнотѣ, а потомъ и совсѣмъ ушли, Сапѣга подъ Троицу, Зборовскій въ Тушино. Побѣдители воротились въ Калязинъ монастырь. Здѣсь Скопинъ пробылъ еще нѣсколько времени, пока переговоры его и царя Василія съ Делагарди окончились благополучно. Шведскій вождь, по требованію своихъ солдатъ отступившій еще далѣе, къ Новгороду, наконецъ съ помощію присланныхъ денегъ убѣдилъ ихъ снова двинуться впередъ, и тѣмъ болѣе что получилъ повелѣніе отъ короля въ томъ же смыслѣ. Но за нимъ послѣдовала только меньшая часть; а большая часть наемниковъ или сама покинула его, или по настоянію своему была отпущена имъ на родину. Чтобы пополнить убыль, онъ послалъ нѣсколько офицеровъ въ Нарву и Выборгъ вербовать свѣжіе отряды. Въ концѣ сентября Делагарди прибылъ въ Калязинъ и соединился со Скопинымъ, который встрѣтилъ его торжественно и роздалъ его воинамъ дорогихъ мѣховъ почти на 20.000 рублей.

Вѣсти о побѣдоносномъ приближеніи Скопина оживили московскихъ гражданъ и троицкихъ защитниковъ надеждою на скорое освобожденіе. Но это освобожденіе все еще замедлялось. Вмѣсто того, чтобы спѣшить къ Москвѣ, Скопинъ съ своими союзниками двинулся къ Александровской Слободѣ, выбилъ оттуда отрядъ Сапѣжинцевъ, и засѣлъ въ этомъ хорошо укрѣпленномъ городѣ. Несмотря на свою молодость, онъ не рвался впередъ и не выходилъ изъ предѣловъ осторожности и предусмотрительности. Главныя силы Лжедимитрія представляли все еще многочисленныхъ, хорошо вооруженныхъ и опасныхъ противниковъ; было бы не совсѣмъ благоразумно вступить съ ними въ рѣшительную битву, рискуя разомъ потерять всѣ пріобрѣтенныя выгоды. Скопинъ воспользовался важнымъ положеніемъ Александровской Слободы и отрѣзалъ Тушинцевъ отъ сѣверныхъ областей, откуда они получали свое продовольствіе. Еще до занятія Слободы шуринъ его Головинъ врасплохъ захватилъ Переяславль и прогналъ оттуда Поляковъ, чѣмъ отрѣзалъ отъ Сапѣги Лисовскаго, стоявшаго въ Ростовѣ. Лисовскій отошелъ въ Суздаль. Въ концѣ октября 1610 года (сентябрьскаго стиля) оба гетмана, Рожинскій и Сапѣга, попытались было соединеными силами выбить Скопина изъ Александровской Слободы, но не могли выманить его въ открытое поле, а безъ успѣха воротились въ свои таборы.

Александровская Слобода на нѣкоторое время сосредоточила на

себѣ общее вниманіе: Москва и Троица со дня на день ожидали отсюда своего освобожденія; а враги со страхомъ смотрѣли на постепенное усиленіе здѣсь Скопина Шуйскаго, къ которому съ разныхъ сторонъ шли царскіе воеводы на подкрѣпленіе. Такъ сюда прибылъ давно ожидаемый Федоръ Ив. Шереметевъ съ низовою ратью, а изъ Москвы отъ царя пришли подкрѣпленія съ двумя боевыми воеводами, князьями Куракинымъ и Лыковымъ. Пришелъ и отрядъ („станица") Рязанцевъ. Но при немъ оказались посланцы отъ Прокопія Ляпунова съ недобрыми грамотами. Пылкій, нетерпѣливый Ляпуновъ въ этихъ грамотахъ спѣшилъ выразить то, что у многихъ русскихъ людей того времени было не только на умѣ, но и на языкѣ. Обаяніе личности Скопина и его военные успѣхи возбудили желаніе и надежду, что именно онъ будетъ наслѣдникомъ Московскаго престола послѣ бездѣтнаго и нелюбимаго Василія Шуйскаго. А Ляпуновъ пошелъ еще далѣе: ждать смерти Василія казалось ему слишкомъ долго; въ своихъ грамотахъ онъ осыпалъ царя разными укоризнами и прямо предлагалъ Скопину возложить на себя корону и взять въ свои руки скипетръ. Честный юноша былъ возмущенъ такимъ предложеніемъ, велѣлъ схватить посланцевъ и думалъ отправить ихъ въ Москву какъ преступниковъ. Едва умолили они отпустить ихъ въ Рязань, ссылаясь на то, что дѣйствовали подъ угрозами Ляпунова. Скопинъ думалъ просто предать это дѣло забвенію, и не донесъ о немъ дядѣ. Но нашлись другіе доносчики, которые передали его въ Москвѣ, конечно съ разными прикрасами, и сумѣли внушить царю подозрѣніе на племянника. Вознегодовали на него и братья Василія, Иванъ, а въ особенности Димитрій, который самъ разсчитывалъ наслѣдовать Московскій престолъ. Таковы были послѣдствія ревности не по разуму со стороны Ляпунова.

Очищеніе ближайшихъ городовъ и дорогъ, ведущихъ въ Москву, отъ тушинскихъ шаекъ продолжалось. Выше мы видѣли, что Млоцкій съ своимъ отрядомъ оставилъ осаду Коломны и отошелъ къ Серпухову. Но руководимыя имъ воровскія шайки все еще держали Коломенскій путь въ своихъ рукахъ и не пропускали запасы въ столицу. Военное движеніе въ тѣ времена овладѣло не одними городами, но также и селами. Крестьяне во многихъ мѣстахъ составляли отряды и дѣйствовали одни подъ знаменемъ Шуйскаго, другіе Лжедимитрія. Нѣкоторые изъ ихъ предводителей выдвигались своею удалью, а чаще своею свирѣпостію. Такъ на Коломенской дорогѣ во главѣ воровскихъ шаекъ появился какой-то хатунскій мужикъ Салковъ, напо-

мнившій нѣсколько Ивана Болотникова. По приказу царя коломенскій воевода князь Василій Масальскій собралъ большіе запасы продовольствія для столицы и самъ провожалъ обозъ съ значительною ратною силою. Но Салковъ соединился съ Млоцкимъ; около Бронницъ они напали на Масальскаго, разбили его и отняли запасы, а чего не могли увезти, то сожгли. Царь Василій распорядился, чтобы по Коломенской дорогѣ строили острожки, подъ прикрытіемъ которыхъ шелъ бы провіантъ въ столицу. Но эта мѣра оставалась безуспѣшною, пока въ той сторонѣ свирѣпствовалъ Салковъ съ своими шайками. Онъ не ограничился Коломенской дорогой; но, приблизясь къ Москвѣ, сталъ прерывать сообщенія по Владимірской и другимъ сосѣднимъ дорогамъ. Высланный противъ него воевода Сукинъ не имѣлъ успѣха. Только князю Димитрію Михайловичу Пожарскому удалось наконецъ наголову поразить Салкова на рѣкѣ Пехоркѣ, на Владимірской дорогѣ. Салковъ послѣ того съ немногими оставшимися у него людьми явился въ столицу и принесъ повинную царю Василію. Повидимому царь поступилъ съ нимъ милостивѣе чѣмъ съ Болотниковымъ. Вскорѣ Млоцкій былъ также побитъ, и отъ Серпухова отошелъ къ Можайску.

Когда вокругъ Скопина собрались почти всѣ свободныя ратныя силы, онъ началъ послѣдній актъ своего похода, т.-е. движеніе отъ Александровской Слободы къ Троицѣ и къ Москвѣ. Но и тутъ не думалъ предоставить дѣло открытой рѣшительной битвѣ, исходъ которой могъ зависѣть отъ разныхъ случайностей, и тѣмъ болѣе, что наемное шведское войско все еще ожидало свѣжихъ отрядовъ и дѣйствовало пока въ незначительномъ количествѣ. Поэтому Делагарди раздѣлялъ осторожность Скопина, и оба вмѣстѣ они выработали планъ подвигаться впередъ съ помощію лѣсныхъ засѣкъ и острожковъ: для первыхъ рубили и сваливали деревья, которыя служили закрытіемъ для стрѣлковъ и затрудняли атаки польской конницы; а временные острожки или городки строились при движеніи въ болѣе открытыхъ мѣстахъ, укрѣплялись валомъ со рвомъ и вбитымъ на валу частоколомъ. Какъ только тушинцы послѣ неудачной атаки уйдутъ назадъ, царское войско переходило на другой удобный пунктъ и опять строило тамъ или засѣку, или городокъ. Такимъ образомъ оно все болѣе и болѣе тѣснило непріятеля и прекращало подвозы ему съѣстныхъ припасовъ.

Прежде Москвы отъ осады освобождена была Троицкая Лавра. Имѣя впереди себя Сапѣгу, а въ тылу Лисовскаго, который стоялъ

тогда въ Суздалѣ, Скопинъ отрядилъ впередъ воеводу Жеребцова съ 900 ратниковъ. Обложеніе было уже такъ слабо или такъ безпечно, что воевода, незамѣченный непріятелемъ, вошелъ въ монастырь. За нимъ прибылъ Григорій Валуевъ съ 500 человѣкъ. Соединясь съ уцѣлѣвшими троицкими защитниками, они сдѣлали большую и удачную вылазку одновременно въ разныхъ пунктахъ. Это была послѣдняя битва подъ стѣнами Лавры. Угрожаемый главными силами Скопина, Сапѣга 12 января 1610 года снялъ осаду и отошелъ къ Дмитрову. Послѣ шестнадцатимѣсячнаго осаднаго томленія Лавра наконецъ вздохнула свободно. Вскорѣ сюда прибылъ самъ князь Скопинъ и съ великою честью былъ встрѣченъ иноками. Они открыли его войску свои житницы, въ которыхъ оставались еще кое-какіе запасы; а шведскимъ наемникамъ выдали нѣсколько тысячъ рублей изъ монастырской казны (16).

За Лаврою наступила очередь освобожденія отъ Тушинцевъ и для самой столицы. Это освобожденіе совершилось легче, чѣмъ можно было ожидать, благодаря политическимъ осложненіямъ, вновь возникшимъ со стороны Польши.

При Краковскомъ дворѣ, откуда велись важнѣйшія интриги противъ Московскаго государства, конечно внимательно слѣдили за всѣмъ, что здѣсь происходило. Главная цѣль этихъ интригъ, заключавшаяся въ возбужденіи смутъ и внутреннихъ междоусобій, была вполнѣ достигнута. Государство разодрано на двѣ безпрерывно измѣнявшіяся части: одна стояла за Василія Шуйскаго, другая за Лжедимитрія II. Польскія и казацкія шайки, подъ рукой направляемыя на Восточную Русь, безпрепятственно разоряли, истребляли русское населеніе и подготовляли завоеваніе если не всей Московской земли, то значительной ея части. Польскій король, недавно покончившій съ внутреннимъ рокошемъ, выжидалъ теперь удобнаго момента, когда можно будетъ воспользоваться сею подготовкою и самому торжественно, оффиціально выступить въ роли вершителя русскихъ судебъ. Хотя второй Лжедимитрій въ сущности былъ такимъ-же орудіемъ польской интриги какъ и первый; однако король и паны-рада не особенно хлопотали о его окончательной побѣдѣ надъ Шуйскимъ и водвореніи на Московскомъ престолѣ. Примѣръ перваго Самозванца показалъ, что въ такомъ случаѣ разсчеты на даровое пріобрѣтеніе обширныхъ областей могутъ оказаться ошибочными; съ другой стороны, второй Самозванецъ являлся слишкомъ извѣстнымъ и грубымъ обманомъ, чтобы

польско-литовскій король, безъ явнаго униженія своего достоинства, могъ входить съ нимъ въ какія-либо дипломатическія сношенія, а тѣмъ болѣе заключать политическіе трактаты и союзы. Третья причина относительнаго равнодушія къ нему могла быть церковная: Римская курія, Іезуитскій орденъ и высшее польское духовенство потратили много усилій и хлопотъ на помощь первому, окатоличенному, Самозванцу, и должны были разочароваться въ своихъ на него надеждахъ. Второй Самозванецъ не только не былъ католикомъ, напротивъ онъ, повидимому, старался показывать свою приверженность къ православію. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ незамѣтно, чтобы католическое духовенство принимало въ немъ такое же дѣятельное участіе, какъ въ его предшественникѣ. Еще менѣе могло быть побужденій у польскаго правительства поддерживать сторону Шуйскаго и желать ему рѣшительной побѣды, хотя оффиціально оно продолжало сноситься съ нимъ какъ съ законнымъ государемъ; при чемъ дѣлало видъ, что польско-литовскія и запорожскія дружины, воевавшія Московскую Русь, дѣйствовали самовольно, вопреки всѣмъ запрещеніямъ и препятствіямъ, будто бы отъ него исходившимъ. Но вотъ въ Московскія дѣла вмѣшалась враждебная Польшѣ Швеція, и стала помогать возстановленію законныхъ правъ, законнаго порядка. Борьба обоихъ сосѣдей за Ливонію въ то время затихала въ Балтійскомъ краѣ; но Поляки хорошо понимали, что эта борьба переносится Шведами на поля Московіи. А главное, они съ великимъ негодованіемъ увидѣли, какъ, вмѣстѣ съ успѣхами соединенныхъ силъ Скопина и Делагарди, изъ польскихъ когтей начала ускользать столь вѣрно разсчитанная добыча. Тогда въ Краковѣ рѣшено было не медлить долѣе, и Сигизмундъ III сталъ готовиться къ самоличному вторженію въ Московскіе предѣлы, прежде чѣмъ Шуйскій могъ окончательно восторжествовать надъ своимъ противникомъ и возстановить государственный порядокъ въ Московской землѣ.

Тутъ представился важный вопросъ: какую ближайшую задачу долженъ преслѣдовать Польскій король?

Этотъ вопросъ возникъ вслѣдствіе кандидатуры королевича Владислава на Московскій престолъ, кандидатуры, выставленной частью московскихъ бояръ еще при жизни перваго Лжедимитрія, а во время наступившей Смуты все болѣе и болѣе пріобрѣтавшей между ними сторонниковъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, при Краковскомъ дворѣ шли теперь горячіе споры и обстоятельныя разсужденія о томъ: объявить ли сію кандидатуру немедля и идти собственно на завоеваніе Мо-

сковскаго престола для Владислава или повременить съ нею, а прежде заняться покореніемъ тѣхъ областей, которыя еще недавно принадлежали Польско-Литовскому королевству, но были отторгнуты отъ него во времена Ивана III и Василія III, т.-е. Сѣверской и Смоленской?

Повидимому, рѣшеніе колебалось то въ ту, то въ другую сторону. Въ концѣ концовъ возобладала вторая задача, безъ сомнѣнія въ связи съ слѣдующими соображеніями и обстоятельствами.

Во-первыхъ, польское правительство хорошо сознавало, что Москвитяне, сажая на свой престолъ королевича, неизбѣжно потребуютъ отъ него перемѣны религіи въ пользу православія; а такая перемѣна вызвала бы сильное столкновеніе съ Римской куріей; на что Сигизмундъ какъ ревностный папистъ и католикъ былъ отнюдь неспособенъ. Слѣдовательно предстояло еще изыскать средства для устраненія великаго затрудненія съ этой стороны. Во-вторыхъ, королевичъ въ качествѣ Московскаго царя былъ бы поставленъ въ крайне неудобное положеніе передъ своими подданными, если бы началъ царствованіе отдачею нѣкоторыхъ областей сосѣднему государству; слѣдовательно отторженіе сихъ областей отъ Москвы во всякомъ случаѣ должно было предшествовать занятію Владиславомъ Московскаго престола. Примѣръ перваго Лжедимитрія ясно говорилъ, что царствованіе его въ самомъ началѣ могло окончиться трагически, если имъ слишкомъ рѣзко будутъ нарушены церковные и государственные интересы его будущихъ подданныхъ. Наконецъ Поляки имѣли передъ глазами яркіе примѣры своихъ королевичей, занимавшихъ сосѣдніе престолы, но безъ особыхъ выгодъ для Рѣчи Посполитой. Такъ Ягайловичи въ XV и началѣ XVI столѣтія занимали престолы Венгріи и Чехіи; но династія ихъ тамъ не утвердилась, и Польша отъ того не усилилась. Это не то что цѣпкія нѣмецкія династіи, самыми видными представителями которыхъ служатъ австрійскіе Габсбурги. Очевидно, по зрѣломъ обсужденіи вопроса въ кругу нѣкоторыхъ сенаторовъ и ближнихъ совѣтниковъ, Сигизмундъ III рѣшилъ прежде всего какъ можно болѣе отвоевать областей у Московскаго государства для Рѣчи Посполитой, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, посадить ли сына на Московскій престолъ или, еще лучше, самому занять его и такимъ образомъ подъ одною короною соединить Польшу, Литву и Москву, и потомъ ихъ общими силами добывать наслѣдственную Швецію. Сей послѣдній планъ наиболѣе улыбался іезуитамъ, вообще католическому духовенству; ибо не только о перемѣнѣ религіи въ такомъ случаѣ

не могло быть рѣчи, но и представлялось гораздо болѣе возможности ввести излюбленную унію въ Восточной Руси также какъ она была введена въ Западной. Представлялось также возможнымъ Сигизмунду, возстановивъ свои права въ Швеціи, воротить ее въ лоно католической церкви. Однимъ словомъ, передъ нимъ открывались широкіе церковные и политическіе горизонты.

Было и еще одно обстоятельство, также нѣсколько отклонявшее короля отъ немедленнаго объявленія кандидатуры Владислава на Московскій престолъ и посылки королевича съ войскомъ въ предѣлы Московіи: это усильныя ходатайства Юрія Мнишка совмѣстно съ посланцами Лжедимитрія и тушинскихъ Поляковъ. Кандидатура Владислава, само собой разумѣется, прежде всего должна была устранить Самозванца, опиравшагося на польское войско, а Мнишекъ конечно принималъ близко къ сердцу интересы своей дочери и ея мужа. Отъ ихъ имени онъ давалъ королю клятвенныя обѣщанія, что, если зять его займетъ Москву, то выполнитъ условіе объ отдачѣ Полякамъ Сѣверской и Смоленской земли — условіе, заключенное еще первымъ Лжедимитріемъ,—лишь бы король не посылалъ своего сына. Ходатайства Мнишка поддерживалъ его вліятельный родственникъ краковскій епископъ Бернардъ Мацѣевскій. Весьма возможно, что въ семъ случаѣ онъ также находилъ нѣкоторую поддержку себѣ у своего стараго соумышленника въ дѣлѣ польско-русской интриги и начальнаго автора Московской смуты, т.-е. у литовскаго канцлера Льва Сапѣги, который хотя тайно, но несомнѣнно продолжалъ играть роль главнаго покровителя самозванщины въ Московской Руси. Притомъ, если у Мнишка подъ Москвою находились дочь и зять, то у Сапѣги на ихъ службѣ пребывалъ его двоюродный братъ. Сапѣга однако стоялъ выше личныхъ, корыстныхъ интересовъ Мнишка, и, если оставлялъ въ покоѣ Самозванца, то только до тѣхъ поръ, пока считалъ его полезнымъ для польскаго дѣла вообще. Кромѣ поддержки нѣкоторыхъ вельможъ, старый Мнишекъ успѣшно интриговалъ и на сеймѣ въ томъ же смыслѣ, т.-е. противъ посылки королевича въ Москву.

Прежде чѣмъ осуществить свои заманчивыя цѣли и обнять широкіе горизонты, Сигизмунду III пришлось считаться съ суровою дѣйствительностію, т.-е. съ своею жалкою королевскою властію и польскимъ безнарядьемъ: надобно было хлопотать о согласіи сейма на войну съ Москвою и объ изысканіи для нея средствъ. Впрочемъ сеймъ на этотъ разъ легко согласился съ тѣмъ, что не слѣдуетъ упускать удобнаго времени для нанесенія удара исконной соперницѣ

Польши, и тѣмъ болѣе, что король обязался не преслѣдовать никакихъ династическихъ цѣлей и не имѣть на первомъ планѣ московскую кандидатуру Владислава, а имѣть въ виду одну пользу Рѣчи Посполитой. Въ сенатѣ противъ войны возражали только три, четыре человѣка; а въ посольской избѣ совсѣмъ не возражали и молча согласились на такъ наз. *эксцепту*, т.-е. на освобожденіе въ военное время отъ извѣстныхъ судебныхъ позвовъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ служить подъ королевскими знаменами. Эта привилегія обыкновенно заставляла записываться въ войско многихъ шляхтячей, угрожаемыхъ судебными процессами, особенно со стороны своихъ кредиторовъ. Затѣмъ начались сборы денегъ, военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, вербовка и вооруженіе жолнеровъ и стягиваніе ихъ въ намѣченные пункты.

Любопытно, что о сихъ намѣреніяхъ и приготовленіяхъ польскаго правительства въ Москвѣ получались своевременныя и довольно вѣрныя свѣдѣнія, преимущественно изъ Смоленска. Сидѣвшіе здѣсь, воеводы Мих. Борис. Шеинъ, князь Петръ Ив. Горчаковъ и дьякъ Никонъ Алексѣевъ зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило по ту сторону рубежа, посредствомъ своихъ «лазучниковъ», которые ходили въ порубежные литовскіе города, добывали тамъ вѣсти отъ своихъ «сходниковъ» или мѣстныхъ обывателей, подкупленныхъ московскими деньгами и дорогими мѣхами. Но очевидно тутъ дѣйствовалъ не одинъ подкупъ, а часто вліяли симпатіи единовѣрія и единоплеменности. Не забудемъ, что за литовскимъ рубежомъ жило русское и православное населеніе, среди котораго можно было встрѣтить много людей, болѣе сочувствующихъ страданіямъ Московской Руси, чѣмъ польско-казацкимъ насиліямъ и неправдамъ. Шеинъ узнавалъ и передавалъ въ Москву не только о томъ, что дѣялось за рубежомъ, но и о томъ, что творилось въ Тушинскихъ таборахъ подъ Москвою. Не только западнорусскіе жолнеры, но также западнорусскіе купцы, побывавшіе въ этихъ таборахъ со своими товарами, возвращались на родину и разсказывали о всемъ тамъ видѣнномъ и слышанномъ. Между прочимъ въ мартѣ 1609 года воротившіеся жолнеры сообщали такую вѣсть о Тушинѣ: „Крути-голова Димитрій, что зовется царикомъ, хочетъ оттуда идти прочь и стать на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадъ и вонь задушатъ войско; а по просухѣ хочетъ добывать Москву огнемъ". Но воротившіеся торговцы говорили, что „воръ хочетъ бѣжать, потому что боится Рожинскаго и казаковъ; такъ какъ ему нечѣмъ платить жалованье войску". Въ то же время

вѣсти изъ-за рубежа сообщали, что столько-то пѣхоты и конницы собралось подъ Могилевомъ и Оршею, но что еще неизвѣстно, идутъ ли онѣ добывать Смоленскъ или двинутся мимо него на Москву; что казаки Запорожскіе въ числѣ 7000 собрались въ Каневѣ, Переяславѣ и Черкасахъ и просятся у короля идти подъ Смоленскъ; что стараніями Сендомірскаго воеводы походъ королевича на Москву отмѣненъ; что изъ Орши купцы хотятъ ѣхать въ Смоленскъ, но ихъ не слѣдуетъ сюда впускать, потому что между ними много (польскихъ) лазучниковъ, которые намѣрены произвести здѣсь смуту, и пр. Одинъ изъ Западноруссовъ, сообщавшихъ подобныя вѣсти, пишетъ смоленскимъ воеводамъ: „пожалуйста пришлите мнѣ добраго самороднаго бобра, ибо за прежнее мое письмо къ вамъ меня *слово обошло* (стали обвинять), такъ надобно *въ очи закинуть* (или ротъ заткнуть)". Въ маѣ того же года, судя по донесеніямъ лазучниковъ, Сигизмундъ приказалъ Мнишку смирно сидѣть дома и подъ страхомъ смертной казни не ходить въ Московское государство; въ то же время онъ вообще запретилъ литовскимъ людямъ ходить туда въ одиночку. Очевидно система безпорядочныхъ дѣйствій отдѣльными кучками прекращалась. Король собиралъ людей подъ свое личное начальство и готовилъ войну серьезную, наступательную.

Въ пограничномъ съ Смоленскою областью литовскомъ городѣ Велижѣ сидѣлъ старостою панъ Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, одинъ изъ бывшихъ въ Москвѣ польско-литовскихъ пословъ, задержанныхъ тамъ послѣ убіенія перваго Лжедимитрія. По возвращеніи въ отечество онъ, пылая мщеніемъ, явился въ числѣ самыхъ рьяныхъ подстрекателей короля къ войнѣ съ Москвою. Прежде чѣмъ выступилъ король, Гонсѣвскій уже открылъ непріязненныя дѣйствія, не стѣсняясь существовавшимъ перемиріемъ, въ заключеніи котораго онъ самъ участвовалъ. Предводимые его братомъ Симономъ и московскими измѣнниками Хрипуновыми, отряды вольницы, разоривъ пограничную лѣсную засѣку, вторглись въ сосѣднія смоленскія волости (Щучейскую и Порѣцкую), пограбили ихъ и побрали въ плѣнъ многихъ крестьянъ. Тщетно Шеинъ писалъ жалобы Гонсѣвскому на его людей и требовалъ удовлетворенія. Тотъ съ своей стороны объявилъ, будто эти волости на основаніи перемирнаго договора должны отойти къ Литвѣ.

Во время приготовленій къ королевскому походу возникъ вопросъ, куда именно направить его и съ какой области начать завоеванія, съ Смоленской или Сѣверской. Польный коронный гетманъ Жолкевскій совѣтовалъ идти въ Сѣверскую землю, овладѣніе которой не

представить большого труда, ибо крѣпости тамъ деревянныя; тогда какъ хорошо укрѣпленный Смоленскъ можетъ остановить движеніе короля, если не захочетъ сдаться добровольно. Но король склонился на сторону тѣхъ, которые совѣтовали идти на Смоленскъ. На этомъ пути особенно настаивали тотъ же панъ Гонсѣвскій и канцлеръ Левъ Сапѣга. Первый извѣщалъ короля, что лучшая часть смоленскаго гарнизона ушла съ княземъ Барятинскимъ и Ададуровымъ къ Михаилу Скопину, и что Смольняне по всей вѣроятности сдадутся добровольно. Встрѣтивъ Сигизмунда въ Минскѣ, Жолкевскій напрасно спорилъ, и указывалъ на слишкомъ позднее время года для начатія осады, если Смоленскъ вздумаетъ сопротивляться. Сапѣга торопилъ походомъ; въ Оршѣ онъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, и съ собственными ротами пѣхоты и нѣсколькими сотнями конницы двинулся къ Смоленску; чѣмъ побудилъ другія части войска и самого короля идти вслѣдъ за собою.

16 сентября 1610 года (по сентябрьскому или русскому стилю того времени) Сигизмундъ III съ главными силами прибылъ подъ Смоленскъ, и началась знаменитая осада сего города.

Предпринимая столь несправедливую войну, король пытался однако оправдать свое вторженіе въ глазахъ европейскихъ дворовъ; а потому послалъ свои объясненія императору германскому Матвію и нѣкоторымъ другимъ государямъ. Тутъ онъ выставлялъ на видъ старыя права Литвы на Сѣверское и Смоленское княжества, увѣряя, будто Смоленскъ былъ захваченъ Москвою помощію обмана; говорилъ, что дѣйствуетъ во славу Божію, ради умноженія Католической церкви и для блага всего христіанства; указывалъ на московскія смуты, которыми могли воспользоваться враги христіанства Турки и Татары, а также и островитяне (Англичане), имѣвшіе возможность проникнуть сюда морскимъ путемъ. Отъ папы Сигизмундъ просилъ для своего препріятія особаго святого благословенія, которое и было ему прислано. При самомъ вступленіи своемъ въ предѣлы Московскаго государства, Сигизмундъ подписалъ универсалъ, обращенный къ жителямъ Смоленска. Тутъ онъ говоритъ о бѣдственномъ состояніи и междоусобіяхъ Московской земли, происшедшихъ отъ того, что послѣ Ѳедора Ивановича на престолѣ являлись люди не царскаго рода, захватившіе его насиліемъ и обманомъ; увѣрялъ, что многіе московскіе люди били ему челомъ о спасеніи своего государства и что онъ идетъ не для пролитія крови, а для обороны православной русской вѣры (!); почему и приглашалъ жителей встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью.

Полученный изъ Смоленска отвѣтъ долженъ былъ на первыхъ порахъ разочаровать Сигизмунда и его ближнихъ совѣтниковъ. Воеводы. поговоря съ архіепископомъ Сергіемъ, съ служилыми и посадскими людьми, отписали, что Смольняне положили обѣтъ въ соборномъ храмѣ Богородицы „за истинную православную христіанскую вѣру. за святыя церкви и государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси всѣмъ помереть, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться". Такимъ образомъ, вызванные обѣщаніями нѣкоторыхъ измѣнниковъ, разсчеты на добровольное покореніе Смольнянъ не оправдались, и пришлось силою оружія добывать сей западный оплотъ Московскаго государства.

Въ это трудное, критическое время судьба послала Смольнянамъ мужественнаго воеводу въ лицѣ боярина Михаила Борисовича Шеина, который и явился героемъ упорной обороны, надолго задержавшей короля у смоленскихъ стѣнъ. Смоленскъ расположенъ на обоихъ холмистыхъ берегахъ Днѣпра; при чемъ самый городъ или крѣпость лежитъ на лѣвомъ берегу, а часть городскихъ посадовъ и слободъ на правомъ. Шеинъ уговорилъ жителей сжечь свои беззащитные посады и слободы, а самимъ перебраться съ семьями въ крѣпость, и всѣмъ способнымъ къ бою стать въ ряды ея защитниковъ. Каменныя стѣны крѣпости, построенныя Борисомъ Годуновымъ, отличались прочностію и основательностію. Онѣ обнимали болѣе пяти верстъ протяженія, и заключали въ себѣ до 38 круглыхъ и четвероугольныхъ башенъ, часть которыхъ была съ воротами. Стѣны имѣли три сажени толщины и до пяти сажень вышины; въ нихъ подѣланы амбразуры или бои въ три обычные яруса: подошвенный, средній и верхній. По стѣнамъ было размѣщено болѣе 300 пушекъ. тюфяковъ и разнообразныхъ пищалей; при нихъ въ достаточномъ количествѣ имѣлись порохъ, желѣзныя и каменныя ядра. Продовольствіе заготовлено было также въ изобиліи. Только мало было опытныхъ ратныхъ людей для обороны такого обширнаго пространства; ибо отправка трехтысячнаго отряда на помощь Скопину Шуйскому весьма ослабила смоленскій гарнизонъ. Дѣятельный воевода съумѣлъ до извѣстной степени восполнить этотъ недостатокъ. Въ городѣ оставалось почти такое же количество ратныхъ людей, т.-е. дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, воротниковъ, затинщиковъ и пр. По требованію Шеина духовенство всѣхъ жителей вновь привело къ присягѣ крѣпко стоять и обороняться противъ враговъ до послѣдней крайности; а затѣмъ онъ на каждый отдѣлъ укрѣпленій назначилъ головами или начальниками по три, по четыре че-

ловѣка изъ боярскихъ дѣтей и лучшихъ посадскихъ людей; а черныя сотни и слобожанъ велѣлъ расписать по нѣскольку десятковъ на каждый отдѣлъ стѣны въ помощь ратнымъ людямъ, да по нѣскольку человѣкъ при каждомъ орудіи въ помощь пушкарямъ и затинщикамъ. Другіе посадскіе и слобожане расписаны были по отдѣламъ для содержанія ночныхъ карауловъ въ крѣпости подъ вѣдѣніемъ двухъ земскихъ старостъ (Горбачова и Галянова). Слѣдовательно каждый занялъ свое мѣсто и отправлялъ сторожевую и ратную службу. Такимъ образомъ набралось всѣхъ способныхъ къ бою, но большею частію плохо вооруженныхъ, тысячъ до семи-восьми; а все населеніе крѣпости со стариками, женами и дѣтьми можно считать отъ 30 до 40 тысячъ. Въ узкой полосѣ между крѣпостью и рѣкой расположилась еще толпа ближнихъ крестьянъ, ради пастьбы своего скота; но потомъ эти люди и скотъ отчасти попали въ руки непріятелей. Большинство же окрестныхъ поселянъ бѣжало въ лѣса, гдѣ однако непріятельскіе фуражиры отыскивали ихъ и отнимали у нихъ скотъ.

Осаждавшее войско числомъ своимъ въ началѣ немного превышало осажденную рать, съ тою однако разницею, что оно состояло изъ опытныхъ хорошо вооруженныхъ конниковъ (гусаръ, пятигорцевъ, казаковъ) и нѣкотораго количества наемной нѣмецкой пѣхоты. Въ открытомъ полѣ защитники Смоленска не могли бы стоять противъ нихъ; но за укрѣпленіями они оказали чисто русскую стойкость и неодолимость. Всѣ подсылки, письменныя и словесныя, пытавшіяся при помощи разныхъ измѣнниковъ склонить Смольнянъ къ сдачѣ, остались тщетными какъ вслѣдствіе бодрости и предупредительныхъ мѣръ со стороны воеводы, такъ и вслѣдствіе одушевленія самихъ гражданъ. Религіозная ревность въ борьбѣ съ врагами православія, а также неистовства, производимыя тогда Поляками и казаками въ Русской землѣ, возбуждали въ жителяхъ воинственный пылъ; а страхъ видѣть отъ нихъ поруганіе своихъ женъ и дочерей въ особенности усиливалъ этотъ пылъ. При такомъ настроеніи Смольняне горячо молились о небесной помощи въ своихъ храмахъ Богу, Пречистой Богородицѣ и мѣстнымъ угодникамъ Меркурію, Авраамію и Ефрему. Живою и чувствительною связью съ Москвой и царемъ Шуйскимъ служили тогда ихъ братья и родственники, находившіеся въ войскѣ Скопина подъ начальствомъ князя Барятинскаго и Ададурова; письменныя сношенія съ ними не мало поддерживали вѣрность Смольнянъ и ихъ усердіе къ оборонѣ. Но тщетно архіепископъ смоленскій Сергій и воеводы писали царю Василію о недостаткѣ ратныхъ людей и про-

сили помощи. Пока Тушинскій воръ стоялъ подъ Москвой, царь не могъ послать войска, а только посылалъ увѣщательныя грамоты. Смольнянамъ пришлось ограничиться собственными средствами обороны, и тѣмъ болѣе, что крестьяне Смоленскаго уѣзда, обольщенные королевскими грамотами о вольности, не послушали воеводскаго приказу, въ осаду не пошли и даточныхъ людей не прислали. Мало того, крестьяне сосѣднихъ волостей, побуждаемые польскими и литовскими фуражирами, стали возить въ королевскій лагерь съѣстные припасы. такъ что во время осады непріятель не имѣлъ недостатка въ продовольствіи.

Королевское войско окружило городъ нѣсколькими отрядами. Главныя же его силы расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ надъ Днѣпромъ. Начальствующія надъ ними лица, а именно король, гетманъ Жолкевскій, канцлеръ Сапѣга, каштелянъ перемышльскій Стадницкій и др. помѣстились въ ближнихъ загородныхъ монастыряхъ, Троицкомъ, Спасскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Духовскомъ. Впрочемъ Сапѣга, обезпокоенный выстрѣлами изъ крѣпости, вскорѣ покинулъ Спасскій монастырь, и велѣлъ построить себѣ домъ подалѣе въ Днѣпровской долинѣ. Къ сѣверу отъ крѣпости за Днѣпромъ стоялъ лагерь воеводы брацлавскаго Яна Потоцкаго и его брата; а на пепелищѣ городского посада окопался съ своимъ отрядомъ литовскій маршалъ Дорогостайскій. Выше по Днѣпру, около Духовского монастыря, расположились особымъ таборомъ пришедшіе вскорѣ Запорожцы. А одинъ изъ главныхъ виновниковъ похода на Смоленскъ, панъ Гонсѣвскій, съ отдѣльнымъ отрядомъ осадилъ ближайшую къ Смоленску крѣпость Бѣлую.

Осаждавшіе поставили пушки и принялись обстрѣливать стѣны; но по отсутствію мортиръ и орудій большого калибра (пока ихъ не подвезли изъ Риги) пальба эта мало вредила осажденнымъ, которые съ своей стороны живо отвѣчали изъ своихъ пушекъ и пищалей. Нѣмецкая пѣхота начала копать траншеи, чтобы приблизиться къ стѣнамъ. Недѣли черезъ двѣ, онѣ настолько приблизились, что король рѣшилъ сдѣлать ночной приступъ, съ помощью петардъ. Его повели на двое воротъ, Копытецкія и Авраменскія. Но эти ворота были защищены снаружи деревянными срубами; такъ что непріятелю пришлось прокрадываться узкими, тѣсными закоулками. Ему удалось прислонить къ воротамъ доски съ петардами („мѣдяные болваны съ зельемъ“, по выраженію русскаго источника) и зажечь ихъ. Ворота были выбиты, и нѣсколько десятковъ воиновъ ворвались уже

въ крѣпость. Но они скоро были вытѣснены; ибо никто ихъ не подкрѣпилъ: за трескомъ петардъ и орудій, назначенный для приступа отрядъ не уловилъ момента; а помянутые срубы препятствовали ему видѣть, что за ними происходило; трубачи не подали условленнаго сигнала, и отрядъ отступилъ. Разрушенныя ворота Смольняне немедля завалили пескомъ и камнями, а потомъ укрѣпили ихъ палисадами, и усилили при нихъ стражу. Также неудачны были попытки нечаяннаго приступа, произведенныя и въ слѣдующія ночи.

Эти первыя неудачи смутили осаждающихъ и ободрили осажденныхъ. Послѣ неудачныхъ приступовъ Поляки прибѣгли къ другому обычному средству: къ подкопамъ. Но и тутъ ихъ попытки оказались тщетны; ибо основанія Смоленскихъ стѣнъ были такъ искусно устроены, что имѣли подъ собой тайные ходы или слухи, благодаря которымъ каждый подкопъ своевременно былъ замѣченъ и уничтоженъ контрминою. Король и канцлеръ Сапѣга неоднократно возобновляли попытки обольстить осажденныхъ своими увѣщательными грамотами и обѣщаніями всякихъ милостей. Смольняне оставались глухи къ симъ увѣщаніямъ. Поэтому волею, неволею пришлось вести правильную, долгую осаду и быть постоянно на сторожѣ; ибо осажденные дѣлали частыя вылазки, побуждаемые къ тому въ особенности нуждою въ дровахъ и водѣ; они обыкновенно по ночамъ производили эти вылазки, подъ прикрытіемъ которыхъ рубили деревья въ сосѣднихъ рощахъ и дѣлали запасы воды изъ Днѣпра. Хотя на помощь королю пришло до 30.000 Запорожцевъ, т. е. поднялся едва не весь Запорожскій кошъ; но они постоянно мѣнялись въ числѣ, такъ какъ не любили подчиняться военной дисциплинѣ, приходили и уходили, когда имъ вздумается, и болѣе занимались набѣгами на разныя московскія области, чѣмъ Смоленскою осадою. Видя недостаточность своихъ силъ, Сигизмундъ и его главные совѣтники рѣшили привлечь на королевскую службу тѣ польскія войска, которыя тогда стояли подъ Москвою и Троицею, т. е. Тушинцевъ и Сапѣжинцевъ, служившихъ Лжедимитрію II; для чего стали снаряжать особое посольство отъ короля подъ Москву (17).

Вступленіе короля въ Русскіе предѣлы произвело большой ропотъ среди польскихъ отрядовъ, состоявшихъ въ службѣ Самозванца: они поняли, что дѣлу Лжедимитрія приходитъ конецъ, а слѣдовательно и всѣ обѣщанныя имъ награды обращались въ мыльные пузыри. Рожинскій отнюдь не желалъ разстаться съ своимъ гетманствомъ и надеждами на великія пріобрѣтенія; онъ собралъ на рыцарское коло

полковниковъ, ротмистровъ и товарищей (офицеровъ), и помощью сильной, запальчивой рѣчи склонилъ его новою присягою подкрѣпить свой союзъ или конфедерацію. Главныя условія сей конфедераціи состояли въ томъ, чтобы не отступать отъ названнаго Димитрія, пока не посадятъ его на Московскій престолъ и пока не получатъ сполна все обѣщанное имъ жалованье. Рожинскій самъ отправился подъ Троицу и предлагалъ Сапѣгѣ подписать заключенную конфедерацію; но Сапѣга уклонился, вѣроятно по своему соперничеству съ Рожинскимъ, а еще вѣроятнѣе по тайному согласію съ своимъ старшимъ родственникомъ, великимъ канцлеромъ Литовскимъ. Рожинскій отправилъ даже посольство отъ Тушинскаго табора къ Сигизмунду подъ Смоленскъ съ грамотою, въ которой излагались разныя дерзкія требованія; но онѣ встрѣтили рѣшительный отказъ. Въ то же время и Сапѣга прислалъ посольство отъ своихъ полковъ, по наружности съ подобными же требованіями; но секретно онъ сообщалъ о своей готовности подчиниться волѣ короля и давалъ ему нѣкоторые совѣты относительно начатой войны.

Рѣзкій отвѣтъ, полученный отъ Сигизмунда, смутилъ тушинскихъ Поляковъ, и между ними скоро возникли разногласія по сему поводу. Нѣкоторые агенты, подъ благовиднымъ предлогомъ прибывшіе изъ подъ Смоленска, своими внушеніями склонили многихъ на королевскую сторону. Къ тому же соперничество между предводителями усилилось и переходило въ явную вражду. Напримѣръ, Зборовскій, воротившійся послѣ своего пораженія подъ Тверью, такъ разссорился съ Рожинскимъ, что имѣлъ съ нимъ поединокъ, изъ котораго вышелъ цѣлъ только благодаря крѣпкому панцырю. При такихъ обстоятельствахъ въ декабрѣ 1610 (сентябрьскаго) года прибыло подъ Москву торжественное королевское посольство, имѣя во главѣ нѣсколько знатныхъ пановъ, каковы: Станиславъ Тышкевичъ, князь Збаражскій, Скуминъ, Домарацкій и Казановскій. Ихъ сопровождалъ довольно значительный военный отрядъ; но по недостатку продовольствія въ Тушинскомъ лагерѣ, большая часть его осталась въ Можайскѣ; а нѣсколько сотъ отборныхъ гусаръ прибыли съ послами. Сіи послѣдніе имѣли полномочіе вступить въ переговоры не только съ Поляками и Русскими, служившими Самозванцу, но также съ духовными и гражданскими чинами Москвы и съ самимъ царемъ Шуйскимъ, если онъ согласится на уступку областей. Только къ Лжедимитрію имъ не было дано никакихъ порученій; ибо король считалъ ниже своего достоинства вступать съ нимъ въ какія либо сношенія. Послы были встрѣчены въ

нѣкоторомъ разстояніи отъ Тушина Зборовскимъ со свитою, а близъ него самимъ Рожинскимъ, который, отзываясь нездоровьемъ, сидѣлъ въ саняхъ. Самозванецъ вмѣстѣ съ Мариной изъ окна своего жилища смотрѣлъ на этотъ торжественный въѣздъ. Послы остановились у Рожинскаго, который задалъ въ честь ихъ большой пиръ. Начались долгіе переговоры, для которыхъ выбраны были по два коммисара отъ каждаго польско-тушинскаго полка; пригласили также коммисаровъ и отъ Сапѣжинцевъ. Сначала Тушинцы выставили требованіе, чтобы король, взявъ земли Смоленскую и Сѣверскую, самъ ушелъ назадъ, а войска свои прислалъ имъ на помощь для завоеванія всего Московскаго царства. Потомъ стали требовать, чтобы имъ было заплачено 2.000.000 злотыхъ; но по мѣрѣ посольскихъ увѣщаній все сбавляли свои требованія. Въ то же время велись переговоры съ русскими боярами, служившими Лжедимитрію, и съ духовенствомъ, во главѣ котораго стоялъ митрополитъ Филаретъ. Отъ имени короля имъ обѣщали сохраненіе и защиту Православной церкви. Но попытки пословъ вступить въ переговоры съ Шуйскимъ остались тщетными.

Во время сихъ переговоровъ Самозванецъ, видя, что на него не обращаютъ никакого вниманія, чувствовалъ свое жалкое положеніе. Онъ попытался спросить Рожинскаго, о чемъ идутъ рѣчи съ королевскими послами. Гетманъ, и безъ того обращавшійся съ нимъ дерзко и надменно, находился по обычаю въ нетрезвомъ состояніи; онъ обругалъ Самозванца безвѣстнымъ бродягой и еще худшими словами; сказалъ, что ему нѣтъ дѣла до пословъ, и грозилъ его прибить. Тогда Богданка не сталъ болѣе медлить и ждать, пока рѣшатъ его участь. Ночью онъ тайкомъ, переодѣтый въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ выбрался изъ лагеря, вдвоемъ съ своимъ шутомъ Кошелевымъ, и затѣмъ въ сопровожденіи отряда московскихъ воровъ и казаковъ уѣхалъ въ хорошо укрѣпленную Калугу, жители которой приняли его и окружили почестями какъ будто настоящаго своего государя. Извѣстный князь Григорій Шаховской, находившійся съ казаками неподалеку отъ Царева Займища, по призыву Самозванца поспѣшилъ прибыть въ Калугу со своимъ отрядомъ.

Велика была тревога, которая произошла въ Тушинскомъ лагерѣ на слѣдующее утро, когда узнали, что Самозванецъ куда то пропалъ. Вмѣстѣ съ нимъ пропали всѣ надежды Поляковъ на обѣщанныя награды и на дальнѣйшее широкое приволье, которымъ они пользовались подъ его знаменемъ въ Московской землѣ. Вспыхнулъ бунтъ.

Многіе съ обнаженными саблями бросились къ Рожинскому и чуть не убили его, обвиняя въ пропажѣ Самозванца. Едва удалось ему съ помощью нѣкоторыхъ полковниковъ и королевскихъ пословъ утишить мятежъ. Другіе бунтовщики бросились грабить Самозванцевъ скарбъ и дѣлить между собою найденныя въ немъ золото, серебро, мѣха, столовую посуду и пр. Вскорѣ однако въ лагерѣ появились его агенты съ письмами: Лжедимитрій жаловался на главныхъ начальниковъ, особенно на Рожинскаго, требовалъ ихъ казни и по обыкновенію обѣщалъ богатыя награды тѣмъ Полякамъ, которые останутся вѣрны данной ему присягѣ и снова вступятъ въ его службу. Эти жалобы и обѣщанія произвели новыя волненія и распри въ лагерѣ, и, хотя распространеніе писемъ запрещено было подъ страхомъ смертной казни, однако агенты Самозванца продолжали проникать въ лагерь и соблазнять Ляховъ льстивыми словами. Притомъ Марина также не оставалась въ бездѣйствіи и лично старалась подѣйствовать на многихъ Поляковъ, умоляя ихъ не измѣнять ея названному супругу. Она продолжала держать тонъ московской царицы и съ негодованіемъ отвергла предложеніе королевскихъ пословъ воротиться въ Польшу и пользоваться тамъ доходами, которые король обѣщалъ ей пожаловать. Въ такомъ же тонѣ писала она королю подъ Смоленскъ; причемъ настаивала на своихъ мнимыхъ царственныхъ правахъ, и вообще рѣшительно отказывалась воротиться въ свое прежнее состояніе дочери Сендомірскаго воеводы. По сему поводу она отвѣчала своему родственнику пану Стадницкому, одному изъ королевскихъ пословъ: „Ваша милость должна помнить, что кого Богъ разъ осіялъ блескомъ царственнаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска, какъ солнце не теряетъ его отъ случайно заслонившаго его облака“. Пока Поляки вели переговоры съ послами и колебались между службою своему королю или Самозванцу, казаки нисколько не были расположены переходить на службу чуждаго имъ государя и начали понемногу уходить изъ Тушина въ Калугу. Среди московскихъ бояръ, дворянъ, дьяковъ и другихъ служилыхъ людей, находившихся въ Тушинѣ, послѣ бѣгства Лжедимитрія обнаружилось разногласіе: одна часть ихъ стала также уходить въ Калугу, а другая рѣшила не разрывать союза съ Поляками и заодно съ ними вступила въ переговоры съ королевскими коммиссарами.

Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было отправленіе соединеннаго русско-польскаго посольства изъ Тушина подъ Смоленскъ къ Сигизмунду III. Тушинскихъ Поляковъ отправилось нѣсколько человѣкъ

съ паномъ Хрущинскимъ во главѣ; кромѣ нихъ поѣхалъ Стравинскій отъ Сапѣжинцевъ. А отъ Русскихъ послано были 42 человѣка; во главѣ ихъ стояли: бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князья Василій Рубецъ-Масальскій, Ѳедоръ Мещерскій и Юрій Хворостининъ, дьякъ Иванъ Грамотинъ, дворяне Михайло Молчановъ, Тимофей Грязной, московскій купецъ Ѳедоръ Андроновъ и др. Посольство сіе прибыло подъ Смоленскъ во второй половинѣ января 1610 года, и было торжественно встрѣчено при въѣздѣ въ королевскій лагерь. Русскіе измѣнники, по замѣчанію Поляка-очевидца, были богато одѣты и сидѣли на хорошихъ татарскихъ лошадяхъ. Спустя три дня, они были приняты королемъ въ присутствіи сенаторовъ и военныхъ начальниковъ. Первымъ выступилъ Михайло Салтыковъ. Онъ поцѣловалъ у короля руку, поздравилъ его съ прибытіемъ въ Московскую землю, благодарилъ за обѣщанныя милости и выразилъ желаніе Русскаго народа поддаться подъ его охрану. По русскимъ дипломатическимъ обычаямъ того времени, старый Салтыковъ вдругъ остановился, и предоставилъ продолжать рѣчь своему сыну Ивану. Сей послѣдній ударилъ челомъ королю отъ имени патріарха Филарета и всего духовенства съ благодарностію за его намѣреніе водворить миръ и тишину въ Русской землѣ; послѣ чего вкратцѣ перечислилъ русскихъ государей до Ѳедора Ивановича включительно, сказалъ и о незаконныхъ похитителяхъ престола. За нимъ говорилъ князь Масальскій, а потомъ дьякъ Грамотинъ. Послѣдній высказалъ самую суть дѣла: отъ имени духовенства, бояръ, дворянъ и всѣхъ московскихъ людей онъ билъ челомъ королю, чтобы далъ имъ на царство королевича Владислава и сохранилъ бы неприкосновенными ихъ древнюю греческую вѣру. Тутъ снова заговорилъ старый Салтыковъ и съ плачемъ повторилъ просьбу о сохраненіи въ цѣлости обрядовъ Православной церкви; затѣмъ просилъ назначить сенаторовъ для переговоровъ съ послами. На эти рѣчи отъ имени короля далъ милостивый отвѣтъ московскимъ людямъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, съ обѣщаніемъ ни въ чемъ не нарушать ихъ совѣсти и вѣры.

Полчаса спустя, справляли посольство польскіе делегаты. Они изъявили преданность королю и желаніе служить ему вмѣсто чуждаго имъ Лжедимитрія; но при этомъ подали довольно длинный списокъ своихъ требованій, болѣе или менѣе трудно выполнимыхъ, каковы: по овладѣніи Москвой исполненіе всего обѣщаннаго имъ Лжедимитріемъ, а до того времени уплата жалованья по крайней мѣрѣ за три четверти, отдача Маринѣ обѣщанныхъ ей областей, а

самому Лжедимитрію удѣльнаго Русскаго княжества, и т. п. Имъ отвѣчалъ именемъ короля коронный подканцлеръ Крыскій съ обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ требованія.

Послѣ того открылись переговоры московскихъ пословъ съ польско-литовскими сенаторами, подъ руководствомъ подканцлера Крыскаго. Предметомъ сихъ переговоровъ служили условія, на которыхъ Москвичи предлагали свой престолъ королевичу Владиславу. Поляки старались быть любезными и дѣлали видъ, что вполнѣ согласны отпустить въ Москву Владислава; но главное затрудненіе состояло въ требованіи Русскихъ, чтобы онъ принялъ православіе. Послѣ двухъ недѣльныхъ переговоровъ наконецъ пришли къ соглашенію и отъ имени короля составили договоръ, заключавшій въ себѣ 18 пунктовъ. Въ семъ договорѣ вопросъ о принятіи Владиславомъ православія совсѣмъ обойденъ, а давалось только согласіе, чтобы онъ былъ коронованъ въ Москвѣ русскимъ патріархомъ. Греческая вѣра должна остаться „ни въ чомъ ненарушимою". Всякій католикъ можетъ входить въ православный храмъ, но смиренно, а не въ шапкахъ и не съ собаками (какъ дѣлали тогда Ляхи на Руси), и во время службы не сидѣть. Для людей римской вѣры надобно выстроить въ Москвѣ хотя одинъ костелъ; русскіе люди также „съ учтивостію" могутъ входить въ костелъ; но ни король, ни сынъ его не будутъ никого принуждать къ переходу изъ греческой вѣры въ римскую. Далѣе подтверждались имѣнія и права какъ церквей и духовенства, такъ бояръ и всѣхъ служилыхъ людей. Судъ обѣщанъ по старинѣ на основаніи Судебника. Провинившагося судитъ господарь съ боярами и думными людьми; при чемъ невинные родственники не отвѣчаютъ за его вину и остаются при своихъ имуществахъ; безъ боярскаго суда никого не карать, чести, помѣстій и вотчинъ не отнимать; людей вельможныхъ безъ вины не понижать, а меньшихъ безъ заслугъ не возвышать. Въ этихъ условіяхъ ясно проглядываетъ новая (послѣ возведенія Шуйскаго) попытка московскихъ чиновъ оградить себя на будущее время отъ повторенія жестокой тиранніи Грознаго, т. е. попытка къ ограниченію самодержавія Боярскою Думою. Права служилаго сословія подтверждаются также запрещеніемъ крестьянскихъ переходовъ и обѣщаніемъ не давать вольности холопамъ. Въ другихъ условіяхъ со стороны Москвичей видно опасеніе нѣкоторыхъ явленій, отъ которыхъ страдала Русь Западная, а именно: при полной свободѣ московскимъ купцамъ ѣздить въ Польшу и Литву, а польскимъ и литовскимъ въ Москву, жидамъ воспрещается въѣздъ въ Московское государство

подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Польскимъ и литовскимъ панамъ не дозволялось давать воеводства и другіе уряды по городамъ; но помѣстьями и вотчинами награждать можно.

Король дѣлалъ видъ, что согласенъ на всѣ эти условія, и по окончаніи переговоровъ далъ русскимъ посламъ пиръ въ своей ставкѣ; при чемъ пилъ за ихъ здоровье. Но по всѣмъ признакамъ объ исполненіи договора онъ думалъ менѣе всего; на что указываетъ между прочимъ и та присяга, къ которой приведено было русское посольство: оно клялось впредь до воцаренія Владислава повиноваться его отцу Сигизмунду, какъ своему господарю. Но тщетно Сигизмундъ хотѣлъ не медля воспользоваться сею присягою и, при посредствѣ тушинскихъ пословъ, потребовалъ отъ Шеина сдачи Смоленска. Напрасно Салтыковъ съ товарищами склонялъ его къ этой сдачѣ, ссылаясь на новый договоръ. Шеинъ отказалъ наотрѣзъ.

Гораздо болѣе затрудненій встрѣтилось при переговорахъ съ делегатами тушинскихъ Поляковъ. Не получая удовлетворительнаго отвѣта на свои требованія, они обратились съ упреками и съ угрозою мести къ своимъ русскимъ товарищамъ, которые въ началѣ обязались не отдѣлять своихъ интересовъ. Русское посольство принуждено было ходатайствовать за Поляковъ. Наконецъ и съ ними покончили, представивъ на ихъ требованія обширный, но мало содержательный королевскій отвѣтъ. Имъ обѣщано богатое вознагражденіе, но въ будущемъ, когда уладятся московскія дѣла; а въ случаѣ какого затрудненія предоставлено требовать уплаты своего жалованья съ княжествъ Сѣверскаго и Рязанскаго. Касательно Марины король также оставлялъ за ней ея права; но о нихъ де будетъ рѣчь въ свое время. Онъ даже обѣщалъ принять во вниманіе интересы и положеніе Самозванца, если сей послѣдній „будетъ держать себя смирно и не портить дѣла его королевскаго величества". Для окончательнаго соглашенія съ тушинскими Поляками и для подкрѣпленія ихъ король обѣщалъ отправить съ отрядомъ Яна Потоцкаго, воеводу Браславскаго, съ которымъ обѣщалъ также прислать значительную сумму денегъ для уплаты войску. Въ то время, какъ делегаты Рожинскаго и тушинскихъ Поляковъ вели себя довольно дерзко и предъявляли высокомѣрныя требованія, уполномоченный Яна Сапѣги наоборотъ дѣйствовалъ мягко и отъ имени своего начальника хлопоталъ главнымъ образомъ о возможно скорѣйшемъ прибытіи подкрѣпленій; такъ какъ Сапѣжинцы были сильно тѣснимы Скопинымъ, а Рожинскій имъ не помогалъ.

Межъ тѣмъ въ Тушинскомъ лагерѣ продолжались распри и волненія, которыя поддерживали пріѣзжавшіе изъ Калуги агенты Самозванца, совмѣстно съ Мариной. Сія послѣдняя, по словамъ польскихъ писателей, прибѣгала даже къ пріемамъ отчаяннаго кокетства, чтобы подѣйствовать на польскія и казацкія сердца. Такъ она являлась среди воиновъ блѣдная съ распущенными волосами и со слезами на глазахъ умоляла ихъ не оставлять ея мужа. Поляки умилялись и волновались; однако оставались пока на мѣстѣ, въ ожиданіи отвѣта отъ своего посольства къ королю. Но Донскіе казаки, ничѣмъ несвязанные съ королемъ, легче поддались просьбамъ лжецарицы. До 3000 ихъ выступили изъ лагеря съ распущенными знаменами по дорогѣ въ Калугу. Тщетно главный атаманъ ихъ Заруцкій пытался удержать Донцовъ; видя ихъ неповиновеніе, онъ бросился съ жалобою къ Рожинскому. Послѣдній, съ свойственною ему вспыльчивостію, взялъ нѣсколько гусарскихъ полковъ, догналъ казаковъ, значительную ихъ часть положилъ на мѣстѣ и многихъ воротилъ назадъ. Въ Калугу къ Самозванцу пришло изъ нихъ не болѣе 500 человѣкъ. Послѣ такой рѣзни Марина сочла для себя невозможнымъ оставаться долѣе въ Тушинѣ, и въ половинѣ февраля бѣжала верхомъ на конѣ, переодѣтая въ гусарское платье, въ сопровожденіи одного слуги и одной служанки. Въ лагерѣ она оставила польскому рыцарству письмо, въ которомъ объясняла побѣгъ невозможностію выносить долѣе свое трудное и небезопасное положеніе; говорила, что, разъ сдѣлавшись московскою царицей, она не можетъ вернуться въ состояніе шляхтянки и подданной польскаго короля; а въ заключеніе напоминала рыцарству присягу ея мужу и будущія награды. На слѣдующій день исчезновеніе Марины и ея письмо произвели въ Тушинскомъ лагерѣ новую бурю, подобную той, которая произошла послѣ бѣгства Самозванца. Многіе съ обнаженными палашами бросились къ Рожинскому; кричали, что онъ не гетманъ ихъ, а измѣнникъ, продавшій себя королю; требовали возвращенія царика и т. п. Раздались даже выстрѣлы. При всей своей гордости и отвагѣ, Рожинскій принужденъ былъ на нѣкоторое время спрятаться, пока разъяренные шляхтичи мало по малу пришли въ себя, и бунтъ затихъ.

Избѣгая встрѣчи съ отрядами Шуйскаго, Марина направилась не прямо въ Калугу, а сначала въ Дмитровъ къ своему благопріятелю Яну Сапѣгѣ. Тутъ, съ его дозволенія, она въ своемъ гусарскомъ костюмѣ являлась передъ польскимъ рыцарствомъ, и точно также старалась подѣйствовать на него пламенною рѣчью и жен-

скими слезами. Нѣкоторые товарищи увлеклись ея рѣчами, и проводили ее до Іосифова монастыря, откуда она отправилась въ Калугу. Сапѣга далъ ей конвой изъ 50 казаковъ и всѣхъ находившихся въ его войскѣ наемныхъ Нѣмцевъ. Часть дороги провожалъ ее родной братъ, староста Саноцкій, который затѣмъ поѣхалъ къ королю подъ Смоленскъ. Въ Калугу Марина явилась верхомъ, одѣтая въ красномъ бархатномъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, съ саблею и пистолетами за поясомъ. Ея пріѣздъ обрадовалъ Самозванца и произвелъ впечатлѣніе на жителей. Окруженная женскимъ штатомъ, составленнымъ преимущественно изъ Нѣмокъ, Марина придала нѣкоторый блескъ Калужскому двору Лжедимитрія II. Вообще дѣла его стали поправляться, и онъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе свободнымъ и самостоятельнымъ, чѣмъ въ Тушинскомъ лагерѣ, подъ надзоромъ надменнаго князя Рожинскаго.

По отъѣздѣ Марины Сапѣга недолго оставался въ Дмитровѣ. Михаилъ Скопинъ продолжалъ тѣснить его и отнимать сообщенія. Передовой отрядъ Скопина, предводимый княземъ Ив. Сем. Куракинымъ, явился подъ самымъ Дмитровымъ. Сапѣга попытался дать ему битву. Былъ конецъ февраля; въ полѣ лежали еще глубокіе снѣга, въ которыхъ вязла тяжелая польская конница; тогда какъ Русскіе и Шведы проворно бѣгали на длинныхъ деревянныхъ лыжахъ. Сапѣжинцы были разбиты и принуждены спасаться въ городъ. Обѣщанная королемъ помощь не приходила, а отъ Рожинскаго тоже не было подмоги; поэтому въ началѣ марта 1610 года Сапѣга зажегъ Дмитровъ и ушелъ къ Волоку Ламскому, откуда вскорѣ перевелъ свое войско на берега Угры; а самъ на короткое время отправился къ королю подъ Смоленскъ. Войско его вошло въ переговоры съ Калужскимъ самозванцемъ, который не скупился на всевозможныя обѣщанія. Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было то, что большая часть Сапѣжинцевъ, съ самимъ Сапѣгою во главѣ, снова поступила на службу царика, съ условіемъ однако, чтобы онъ ничего не предпринималъ противъ короля. Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ находилъ для себя пока выгоднымъ существованіе Лжедимитрія, который отвлекалъ часть московскихъ силъ; къ тому же съ его уничтоженіемъ тѣ города, которые признавали его, могли бы воротиться на сторону Шуйскаго. Янъ Сапѣга, по всѣмъ признакамъ, дѣйствовалъ съ согласія короля и своего родственника канцлера.

Послѣ отступленія Сапѣги, Тушинскій таборъ очутился въ опасномъ положеніи между столицею и Скопинымъ, который теперь могъ обра-

тить на него всѣ свои силы. Тогда Рожинскій въ свою очередь зажегъ собственный таборъ, и двинулся на западъ, уводя съ собою большинство русскихъ Тушинцевъ. Онъ остановился въ Волоколамскомъ краю, и занялъ каменный монастырь Іосифа Волоцкаго, откуда его войско снова вошло въ переговоры съ королемъ объ условіяхъ, на которыхъ оно хотѣло вступить въ коронную службу. Посреди этихъ переговоровъ князь Романъ Рожинскій, еще не достигшій сорокалѣтняго возраста, но уже надломленный физически и нравственно, разболѣлся и умеръ, въ концѣ марта. Въ войскѣ его произошли сильныя разногласія: одна часть, съ Александромъ Зборовскимъ во главѣ, поступила на королевскую службу; а другая, бо́льшая, часть соблазнилась обѣщаніями Самозванца. Тысячи двѣ Поляковъ и казацкій отрядъ, остававшіеся въ Іосифовѣ монастырѣ, были осаждены московско-шведскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Григорія Валуева и Делавиля, которые поставили кругомъ свои острожки. Поляки и казаки попытались скрытно уйти изъ монастыря; но дорогою были настигнуты Валуевымъ и разбиты на голову. Въ этой битвѣ былъ отполоненъ у Поляковъ митрополитъ Филаретъ съ нѣкоторыми другими знатными людьми. Это удачное дѣло происходило въ маѣ, уже послѣ смерти Скопина.

Когда разошелся Тушинскій таборъ и осада Москвы прекратилась, населеніе ея наконецъ могло вздохнуть свободно. Со всѣхъ сторонъ начались подвозы съѣстныхъ припасовъ, и цѣна хлѣба, еще недавно доходившая до 5—7 рублей за четверть, понизилась вчетверо или впятеро. По приглашенію царя, самъ освободитель столицы князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ пріѣхалъ изъ Троицкой Лавры и 12 марта имѣлъ торжественный въѣздъ, вмѣстѣ съ своимъ шведскимъ товарищемъ Делагарди. У городскихъ воротъ ждали его бояре, высланные отъ царя съ хлѣбомъ-солью. А народъ встрѣтилъ его за городомъ на Троицкой дорогѣ, привѣтствовалъ шумными кликами, падалъ ницъ и билъ челомъ за избавленіе отъ враговъ. Василій Ивановичъ со слезами обнялъ племянника, благодарилъ его и честилъ дарами. Онъ также ласкалъ шведскихъ военачальниковъ и осыпалъ ихъ подарками. Москвичи наперерывъ приглашали и угощали ихъ. Бояре одинъ передъ другимъ давали пиры въ честь воеводы и его сподвижниковъ. Посреди этихъ пировъ юноша Скопинъ не прекращалъ своихъ военныхъ заботъ. Много было сдѣлано для очищенія и успокоенія государства; но впереди предстояло едва ли не болѣе.

Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ, Калужскій воръ все усиливался, Лисовскій еще держался въ Суздалѣ. Хотя многіе города перешли теперь на сторону Шуйскаго; но не мало ихъ оставалось и въ рукахъ непріятелей. Гонсѣвскій взялъ крѣпость Бѣлую; Запорожцы овладѣли Стародубомъ и Почепомъ; Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Рославль также покорились Сигизмунду или точнѣе королевичу Владиславу, котораго считали будущимъ царемъ Московскимъ. Были однако примѣры измѣны и со стороны непріятелей. Такъ начальствовавшій въ Можайскѣ тушинскій Полякъ Вильчекъ сдалъ этотъ городъ Шуйскому за 100 рублей. Скопинъ совѣщался съ боярами насчетъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, и готовился по прошествіи полой воды выступить въ новый походъ. Делагарди торопилъ его; въ качествѣ посторонняго человѣка онъ легче могъ наблюдать высшее московское общество и замѣтить, какъ зависть и придворныя интриги скопляли черныя тучи надъ головой его русскаго друга, отъ котораго и не скрывалъ своихъ опасеній. Мать Скопина Елена Петровна тоже безпокоилась за сына. Говорятъ, когда онъ былъ еще въ Александровской Слободѣ, она наказывала ему, чтобы не ѣздилъ въ Москву, гдѣ его ждутъ „звѣри лютые, пышущіе ядомъ змѣинымъ".

Слава, увѣнчавшая чело юнаго героя, и обаяніе его личности естественно усилили въ народѣ толки о томъ, что къ нему долженъ перейти Московскій престолъ послѣ Василія. Сей послѣдній, не имѣя дѣтей мужеского пола, могъ довольно равнодушно относиться къ вопросу о своемъ преемникѣ, только бы престолъ былъ обезпеченъ ему самому до конца жизни, а потомъ не выходилъ бы изъ его рода. Но къ сему вопросу неравнодушны были его родные братья, Димитрій и Иванъ, въ особенности первый, который считалъ себя ближайшимъ наслѣдникомъ Василія, и потому очень недружелюбно смотрѣлъ на троюроднаго племянника, уже отнявшаго у него званіе перваго воеводы, а теперь угрожавшаго отнять и право престолонаслѣдія. Говорятъ, стоя на городской стѣнѣ при торжественномъ въѣздѣ Михаила въ столицу, онъ не утерпѣлъ и сказалъ: „вотъ идетъ мой соперникъ!" Зависть Димитрія особенно поджигала его жена Екатерина Григорьевна, дочь памятнаго злодѣйствами Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой, очевидно походившая на нее и характеромъ, и властолюбіемъ. Этотъ Димитрій началъ внушать брату Василію опасенія насчетъ племянника, будто бы замышлявшаго свергнуть его съ престола и сѣсть на его мѣсто; при чемъ напоминалъ о предложеніи Ляпунова, посланцевъ котораго Скопинъ

отпустилъ безнаказанно и не донесъ о томъ царю. Василій, какъ разсказываютъ, имѣлъ по сему поводу объясненіе съ племянникомъ, и послѣднему горячими словами и клятвами удалось разсѣять подозрѣнія дяди. Но злой духъ въ образѣ брата продолжалъ свои навѣты, такъ что, по извѣстію иноземца, разсерженный царь однажды палкою прогналъ отъ себя навѣтника. Димитрій однако не унимался, и пользовался всякимъ случаемъ перетолковывать поступки Михаила. Между прочимъ обвинялъ его въ томъ, что онъ самовольно, безъ царскаго согласія, уступилъ Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ. Напоминалъ также о предсказаніи какихъ то гадателей, что на Московскій престолъ сядетъ Михаилъ, который успокоитъ государство. Указывалъ и на то, что современные грамотеи сравнивали пріемъ, оказанный Москвитянами Михаилу, съ Давидомъ, котораго Израильтяне послѣ побѣды надъ Голіафомъ восхваляли болѣе чѣмъ Саула. Василій дѣлалъ видъ, что не вѣритъ навѣтамъ брата; однако его мнительность и подозрительность были возбуждены. За Димитріемъ Шуйскимъ очевидно стояла цѣлая партія завистниковъ и недоброжелателей юнаго Скопина, особенно изъ числа тѣхъ знатныхъ бояръ, которые самихъ себя считали достойными занять престолъ и желали устранить отъ него Шуйскихъ.

Какъ бы то ни было, бѣдствіе, котораго такъ опасались близкіе и преданные Скопину люди, совершилось.

23 апрѣля происходилъ пиръ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по случаю крестинъ его новорожденнаго сына Алексѣя. Креснымъ отцомъ былъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій; а крестною матерью Екатерина Григорьевна Шуйская. Послѣ стола Екатерина подноситъ чару съ виномъ своему юному куму и бьетъ ему челомъ на здоровье ихъ крестника. Михаилъ Васильевичъ, ничего не подозрѣвая, осушилъ чару до дна. Спустя нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ себя дурно, такъ что слуги взяли его подъ руки и отвезли домой. У него открылось сильное кровотеченіе изъ носу; а отъ лютой боли въ животѣ онъ метался и громко стоналъ. Яковъ Делагарди, услыхавъ о его болѣзни, прислалъ ему своихъ нѣмецкихъ врачей; царь прислалъ своихъ придворныхъ медиковъ. Но никакія средства не помогли. Около двухъ недѣль промучился Михаилъ Васильевичъ, и затѣмъ скончался. Чернь, уже возбужденная толками о болѣзни своего любимца и объ отравѣ, услыхавъ о его кончинѣ, съ воплями и угрозами бросилась къ дому Димитрія Шуйскаго, и только ратные люди, заранѣе отряженные царемъ, защитили его отъ народной ярости.

Вопль и плачъ раздавались вокругъ почившаго героя: не говоря уже о его матери и супругѣ, обезумѣвшихъ отъ горя, Московскій народъ, отъ царя, патріарха и вельможъ до нищихъ и убогихъ, толпился на его дворѣ въ слезахъ и рыданіяхъ. Особенно неутѣшны были его ратные сподвижники, и въ ихъ числѣ графъ Яковъ Делагарди. Повѣствователь его житія говоритъ, что искали на торгу дубовую колоду въ мѣру покойника, и не нашли; такъ онъ былъ великъ ростомъ; пришлось пристрогать на концахъ, чтобы умѣстить его тѣло. Сначала хотѣли гробъ его положить въ Чудовѣ монастырѣ, чтобы потомъ отвезти въ родной Суздаль и похоронить рядомъ съ предками, когда сей городъ очистится отъ воровъ и Лисовскаго. Но толпа народная, узнавъ о томъ, потребовала, чтобы его положили въ Архангельскомъ соборѣ рядомъ съ гробами царскими и великокняжескими. Царь соизволилъ на это требованіе. На слѣдующій день по кончинѣ совершилось погребеніе съ царскими почестями; гробъ несли вельможи и соратники; самъ патріархъ Гермогенъ съ духовенствомъ отпѣвалъ усопшаго воеводу въ Архангельскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа. Его похоронили въ придѣлѣ Ивана Крестителя. Царь Василій не менѣе другихъ вопилъ и плакалъ. Но сознавалъ ли онъ все значеніе своей потери; понималъ ли, что вмѣстѣ съ Михаиломъ порывалось звено, связывавшее его съ народомъ, и что онъ хоронилъ свою династію? Во всякомъ случаѣ эту смерть онъ оставилъ безнаказанной, и осиротѣвшее главное воеводство передалъ не кому другому, а все тому же ничтожному брату своему Димитрію.

Внезапная кончина Михаила Скопина заставляетъ историка невольно задуматься надъ неисповѣдимыми путями Промысла, которыми онъ направляетъ судьбы царствъ и народовъ. Она вызываетъ мысль о томъ, что, совершившихся смутъ было какъ бы недостаточно, и нужно было Россіи до дна испить чашу бѣдствій, чтобы очиститься и возродиться къ новой государственной жизни. Другой династіи суждено было залѣчить ея раны и вести ее въ дальнѣйшій путь.

Свѣтлый образъ царственнаго юноши поразилъ воображеніе современниковъ и оставилъ свой слѣдъ въ народной памяти; о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя сложенныя о немъ пѣсни, проникнутыя грустію. А русскіе книжники, знакомые со сказаніями о Троянской войнѣ, сравнивали его съ Ахилломъ и Гекторомъ ([18]).

V.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

Встрѣчное движеніе Димитрія Шуйскаго и Жолкевскаго.—Клушинская битва.—Измѣна иноземцевъ.—Сдача воеводъ у Царева Займища.—Калужскій воръ снова подъ Москвой.—Сверженіе Шуйскаго съ престола.—Временное боярское правительство.—Жолкевскій подъ Москвой.— Присяга Владиславу.—Отступленіе вора.—Снаряженіе великаго посольства. - Условія Владиславова избранія.—Польскій гарнизонъ въ столицѣ.—Переговоры подъ Смоленскомъ.—Боярскія челобитныя Льву Сапѣгѣ.—Смерть Калужскаго вора и ея слѣдствія.—Призывныя грамоты Гермогена и его неволя. - Взаимныя пересылки городовъ. — Земское ополченіе.—Сожженіе Москвы Поляками.—Ея осада ополченіемъ.—Новое появленіе Яна Сапѣги.—Паденіе Смоленска.—Кандидатура шведскаго принца и захватъ Новгорода Шведами.—Лжедимитрій Третій.—Ляпуновъ и Заруцкій.—Гибель Ляпунова.—Шиши.—Лихолѣтье.

Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ выше сказано, по смерти Скопина главнымъ воеводою назначилъ брата своего Димитрія, нелюбимаго народомъ и войскомъ, презираемаго графомъ Делагарди и другими предводителями наемныхъ иноземцевъ. Впрочемъ въ положеніи Василія затруднительно было найти надежнаго воеводу помимо своихъ родственниковъ: Мстиславскій и Голицыны, по мѣстническимъ отношеніямъ имѣвшіе ближайшее право на главное воеводство, во-первыхъ, не отличались военными талантами, а во-вторыхъ сами являлись въ числѣ претендентовъ на Московскій престолъ. Довѣриться кому-либо изъ менѣе знатныхъ, но болѣе искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, также могло представляться дѣломъ сомнительнымъ: измѣна Басманова Годуновымъ была еще въ свѣжей памяти.

Главную свою надежду Василій возлагалъ теперь на Делагарди и его наемниковъ, которыхъ онъ старался задобрить уплатою жалованья, подарками и всякими обѣщаніями. Для удовлетворенія ихъ онъ истощалъ свою послѣднюю казну. Ради нихъ же вскорѣ послѣ освобожденія Троицкой Лавры отъ осады онъ послалъ туда дьяка Семенка Самсонова за денежною помощію. Тщетно архимандритъ

Іоасафъ съ братіей, при посредствѣ пребывавшаго въ Москвѣ келаря Палицына, представили свою челобитную, въ которой исчисляли, сколько тысячъ рублей монастырь выдалъ Годунову, первому Лжедимитрію и самому Василію (всего 65,000), и говорили, что имъ едва хватитъ средствъ исправить разбитыя стѣны, башни и монастырскія зданія, поврежденныя непріятелемъ. Не взирая ни на что, дьякъ, по приказу государеву, взялъ изъ монастырской казны остальныя деньги, отобралъ золотые и серебряные сосуды, жертвованные прежними царями и боярами; мало того, перетряхнулъ все имущество иноковъ и монастырскихъ сидѣльцевъ (міранъ, бывшихъ въ осадѣ), и взялъ все что можно. Разумѣется, такой поступокъ сильно охладилъ усердіе къ Шуйскимъ со стороны знаменитой Лавры.

Военныя дѣйствія межъ тѣмъ продолжались безостановочно. Валуевъ, поразивъ часть тушинскихъ Поляковъ подъ Іосифовымъ монастыремъ, двинулся за ними и дошелъ до Царева Займища. Другой царскій воевода князь Барятинскій, соединясь съ Эвертъ Горномъ, осадилъ крѣпость Бѣлую, въ которой заперся Александръ Гонсѣвскій. Димитрій Шуйскій выступилъ изъ Москвы и остановился въ Можайскѣ, который былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, куда съ разныхъ сторонъ спѣшили ратные люди. Туда же долженъ былъ придти и Делагарди съ своими наемниками.

Всѣ эти обстоятельства, а также совѣты Салтыкова и другихъ русскихъ измѣнниковъ побудили короля послать наконецъ помощь остаткамъ польско-тушинскаго войска, пока они не разсѣялись совершенно, и тѣмъ устранить прибытіе русско-шведской рати подъ Смоленскъ. Начальство въ этомъ походѣ предназначалось Яну Потоцкому, воеводѣ Брацлавскому. Но онъ, соперничая съ польнымъ коронным гетманомъ Жолкевскимъ, желалъ его удалить, чтобы безраздѣльно пользоваться своимъ вліяніемъ на короля и стяжать себѣ славу завоеваніемъ Смоленска; притомъ тушинскіе Поляки обнаружили столько требовательности и своеволія, что вести съ ними общее дѣло представлялось крайне неудобнымъ. Потоцкій подъ разными предлогами уклонился отъ похода. Тогда король поручилъ этотъ походъ гетману. Хотя обычай и приличіе требовали, чтобы гетманъ находился при королевскомъ обозѣ, однако Жолкевскій, понимая всю важность новаго предпріятія и не вѣря въ скорое взятіе Смоленска, охотно принялъ порученіе. Онъ взялъ съ собой только 1000 человѣкъ пѣхоты и 2000 конницы. Сначала онъ направился къ крѣпости Бѣлой, куда призывалъ его Гонсѣвскій, осажденный Горномъ и Барятинскимъ.

Услыхавъ о приближеніи гетмана, русско-шведскіе воеводы поспѣшили отступить ко Ржеву. Тогда гетманъ двинулся къ Цареву Займищу и недалеко отъ него соединился съ нѣсколькими тысячами казаковъ и тушинскихъ Поляковъ, которыми предводительствовали Зборовскій и Казановскій. Въ селеніи Царевомъ Займищѣ, лежавшемъ на пути между Можайскомъ и Вязьмою, находилось отъ 6 до 8 тысячъ русскаго войска. Хотя главное начальство надъ нимъ принялъ на себя князь Елецкій, присланный Димитріемъ Шуйскимъ, однако въ дѣйствительности распоряжался болѣе энергичный и опытный въ военномъ дѣлѣ Валуевъ. Получивъ извѣстіе о движеніи гетмана, воеводы стали наскоро сооружать острогъ, т. е. укрѣпленіе, окруженное валомъ и тыномъ, въ которомъ могли бы поджидать прибытія главной московской рати. Жолкевскій спѣшилъ напасть на нихъ, чтобы не дать имъ время докончить укрѣпленіе и запастись съѣстными припасами. Тутъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, Тушинцы дали себя знать: полкъ Зборовскаго потребовалъ уплаты обѣщаннаго жалованья, а до того отказался двинуться изъ своего лагеря. Жолкевскій не сталъ терять съ нимъ время, а, взявъ, съ собой казаковъ и полкъ Казановскаго, пошелъ къ Займищу. Остальные Тушинцы, устыженные примѣромъ товарищей, потомъ также съ нимъ соединились.

Подъ Царевымъ Займищемъ Борисъ Годуновъ устроилъ прудъ и насыпалъ широкую, прочную плотину. Елецкій и Валуевъ поставили свой острогъ или городокъ такъ, что подойти къ нему надобно было плотиною; а около нея по обѣимъ сторонамъ въ лѣсныхъ зарасляхъ они приготовили засаду изъ нѣсколькихъ сотъ стрѣльцовъ. Но гетманъ, извѣщенный лазутчиками, велѣлъ обойти засаду и напасть на нее сбоку; а самъ успѣлъ перейти плотину и отбросить назадъ Русскихъ, вышедшихъ изъ укрѣпленія ему навстрѣчу. Послѣ того онъ окружилъ городокъ маленькими острожками и отрѣзалъ ему сообщенія. Валуевъ сталъ посылать гонцовъ, которые ночью лѣсами прокрадывались къ Можайску и тамъ сообщали, что, если онъ не получитъ скорой помощи, то долженъ будетъ сдаться отъ голоду. Димитрій Шуйскій, подражавшій Скопину только своею медленностію, наконецъ рѣшилъ выступить изъ Можайска, когда съ нимъ соединились не только Делагарди, но и Барятинскій съ Горномъ. Войско его теперь простиралось отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ; въ томъ числѣ одниxъ иноземцевъ было до 8,000. Если къ этимъ силамъ присоединить отрядъ Валуева, то Москвитяне въ числѣ имѣли большой перевѣсъ надъ непріятелемъ; ибо въ распоряженіи гетмана

находилось не болѣе 10—12 тысячъ. Но когда отъ количественнаго перейдемъ къ качественному отношенію противниковъ, то получимъ обратный выводъ. Замѣчательно стойкіе при оборонѣ въ укрѣпленіяхъ, Русскіе въ ту эпоху по недостатку военнаго искусства не могли въ открытомъ полѣ стоять противъ хорошо вооруженныхъ и закаленныхъ въ бояхъ польскихъ хоругвей. При томъ московское ополченіе состояло большею частію изъ людей вновь набранныхъ отъ сохи и совсѣмъ непривычныхъ къ ратному дѣлу; ибо старые, опытные ратники или были истреблены въ предыдущихъ бояхъ и походахъ, или оставались дома за тяжкими ранами и болѣзнями. Достаточно опытную часть войска составляли только дворовый или жилецкій полкъ, да отрядъ Валуева, запертый подъ Царевымъ Займищемъ. Еще болѣе различался духъ противниковъ: Поляки были одушевлены и объединены жаждою добычи и славы, мыслію о своихъ недавнихъ успѣхахъ и побѣдахъ; а Русскіе, потерявъ Скопина, утратили охоту биться за нелюбимаго царя и питали полное недовѣріе къ своему главному воеводѣ.

Во главѣ непріятеля стоялъ такой даровитый и искусный предводитель, какимъ былъ гетманъ Жолкевскій. Не только ничтожный Димитрій Шуйскій не шелъ ни въ какое съ нимъ сравненіе; но и Яковъ Делагарди на самомъ себѣ испыталъ превосходсвво Жолкевскаго: съ нимъ онъ уже встрѣчался въ Ливоніи, гдѣ былъ имъ побѣжденъ (при взятіи Поляками города Вольмара въ 1601 г.), и затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ польскомъ плѣну. Отношенія между главными предводителями, т. е. Шуйскимъ и Делагарди, были уже не тѣ, что при Скопинѣ: мѣсто дружбы и взаимнаго уваженія заступили холодность и недовѣріе. Кромѣ того теперь вполнѣ обнаружилось какъ трудно было ладить вообще съ пестрою, разноязычною толпою иноземныхъ наемниковъ, которые вѣчно были недовольны замедленіемъ въ уплатѣ жалованья, при всякомъ удобномъ случаѣ предъявляли заносчивыя требованія, отказывались повиноваться и обнаруживали наклонность къ измѣнамъ. Какъ разъ въ это время присланы были изъ Москвы съ дьякомъ Демидовымъ 10,000 рублей деньгами и 20,000 мѣхами и сукнами для уплаты имъ жалованья. Но мѣха и сукна не успѣли роздать по причинѣ спѣшнаго похода на выручку Валуева. Иноземцы роптали и заводили явные бунты; особенно ненадежны были Французы, къ которымъ польскіе предводители обращались какъ къ своимъ единовѣрцамъ и склоняли ихъ на свою сторону. По извѣстіямъ самихъ польскихъ источниковъ, эти измѣнническія сношенія предшествовали рѣшительной встрѣчѣ обѣихъ армій.

При такихъ условіяхъ нетрудно было предвидѣть, къ чему поведетъ сія встрѣча.

Какъ искусный военачальникъ Жолкевскій особенно дѣятельно занимался развѣдочною частію; онъ своевременно и подробно былъ освѣдомляемъ о всѣхъ движеніяхъ русской рати, о ея составѣ, настроеніи и пр. Въ этомъ особенно помогали ему русскіе измѣнники, а также наемные иноземцы, уходившіе отъ Русскихъ и передававшіеся на сторону Поляковъ. Шуйскій приблизился къ Цареву Займищу 23 іюня и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, подлѣ села Клушина, намѣреваясь на слѣдующій день напасть на гетманское войско. Окруженный многочисленною челядью, любившій роскошную жизнь и влачившій за собою большой домашній скарбъ, Шуйскій въ этотъ вечеръ давалъ пиръ Делагарди и его офицерамъ; послѣ чего отошелъ ко сну. Пока этотъ неспособный воевода предавался отдохновенію и безпечности, полагая, что гетманъ не посмѣетъ напасть на него съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, врагъ не дремалъ. Имѣя точныя свѣдѣнія, Жолкевскій передъ вечеромъ собралъ военный совѣтъ, и спрашивалъ что дѣлать: ожидать-ли Русскихъ на мѣстѣ и принять бой, имѣя тогда съ одной стороны Шуйскаго, а съ другой Валуева, или оставить меньшую часть силъ при Царевѣ Займищѣ, а съ бóльшею идти къ Клушину? Мнѣнія раздѣлились; произошли оживленныя пренія. Гетманъ не высказался ни въ ту, ни въ другую сторону; а велѣлъ только всѣмъ полковникамъ и ротмистрамъ на всякій случай быть готовыми къ походу. Про себя онъ уже рѣшилъ идти на Шуйскаго; но молчалъ до послѣдней возможности; ибо опасался находящихся при немъ Москвитянъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не предупредилъ Шуйскаго. Когда настала ночь, гетманъ вдругъ разослалъ приказъ выступить изъ лагеря, соблюдая возможную тишину, безъ трубнаго и барабаннаго шуму. Въ лагерѣ было оставлено около полуторы тысячъ человѣкъ.

Передъ разсвѣтомъ, 24 іюня 1610 г., польское войско подошло къ Клушинскому стану, гдѣ все спало и не было принято никакихъ мѣръ предосторожности. Но вполнѣ воспользоваться такимъ ротозѣйствомъ и тотчасъ ударить на Русскихъ помѣшала гетману лѣсистая, болотистая и пересѣченная мѣстность: войско его шло узкою колонною; двѣ полевыя пушки дорогою такъ застряли, что пришлось съ трудомъ ихъ обходить. А около Клушина оно натолкнулось на плетни, которыми было перегорожено поле и среди которыхъ были расположены двѣ деревеньки. Гетманъ прежде всего велѣлъ зажечь эти деревеньки,

чтобы онѣ не послужили прикрытіемъ для русскихъ и шведскихъ стрѣлковъ. Тогда только спавшее войско пробудилось и въ большомъ смятеніи стало готовиться къ бою. Москвитяне выступали изъ своего стана, обнесеннаго рогатками, а иноземцы изъ своего, огражденнаго возами. Послѣдніе стали на правомъ крылѣ; пѣхота ихъ подъ защитою плетня открыла огонь, и удержала стремленіе непріятеля. На лѣвомъ же крылѣ безпорядочная русская конница, неосторожно выдвинутая впередъ, недолго выдерживала отчаянныя атаки гусаръ и пятигорцевъ Зборовскаго; обратясь въ бѣгство, она обрушилась на стоявшую за ней пѣхоту, которая отъ того разстроилась, и также дала тылъ. Въ это время два подоспѣвшія орудія и польская пѣхота сбили иноземцевъ съ поля. Делагарди выдвинулъ свою конницу; но она не могла устоять противъ польскихъ хоругвей, и стала уходить въ лѣсъ. Оставались еще нетронутыми около 3000 Нѣмцевъ и Французовъ, которые занимали удобную позицію, защищенную лѣсами и болотомъ. Гетманъ передъ боемъ объѣзжалъ ряды и одушевлялъ воиновъ, указывая на то, что при настоящихъ обстоятельствахъ ихъ спасеніе заключается только въ побѣдѣ; а во время боя онъ, подобно Моисею, стоялъ на возвышеніи, поднявъ руки къ небу и моля Всевышняго объ этой побѣдѣ.

Между тѣмъ конница Зборовскаго увлеклась преслѣдованіемъ Москвитянъ и отдалилась отъ мѣста битвы. Когда же она воротилась, то увидала, что Димитрій Шуйскій съ остальною пѣхотою засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и устроилъ острожекъ, т.-е. окружилъ себя окопами, рогатками и тыномъ, а впередъ выдвинулъ стрѣльцовъ съ полевыми орудіями. Бѣглецы съ разныхъ сторонъ стали возвращаться и примыкать къ этому острожку. Сбитые съ поля иноземцы также начали понемногу выходить изъ лѣсовъ. Утомленные трехчасовою битвою съ многочисленнымъ непріятелемъ и потерявъ свои копья, польскіе гусары сошли съ коней и держали ихъ въ поводу. Побѣда готова была ускользнуть изъ рукъ непріятеля. Но чего онъ не добился честнымъ боемъ, того достигъ съ помощью измѣны.

Изъ помянутаго еще нетронутаго отряда Нѣмцы и Французы стали кучками перебѣгать къ Полякамъ, передавая, что и всѣ ихъ товарищи, недовольные Москвитянами, готовы поручить себя милости гетмана. Жолкевскій ловко воспользовался симъ обстоятельствомъ, и тотчасъ трубнымъ звукомъ велѣлъ извѣстить иноземцевъ о своемъ намѣреніи вступить съ ними въ переговоры. Его племянникъ Адамъ Жолкевскій, человѣкъ краснорѣчивый и знавшій разные языки, от-

правился къ нимъ и склонялъ ихъ перейти въ службу польскаго короля. Услыхавъ о сихъ переговорахъ, Димитрій Шуйскій послалъ убѣждать иноземцевъ, чтобы они оставались вѣрными своей присягѣ, и обѣщалъ всевозможныя награды. Но измѣна превозмогла, и тѣмъ болѣе, что главные начальники отсутствовали: и Делагарди, и Горнъ оба были увлечены въ бѣгство своею конницею. Иноземцы заключили съ гетманомъ договоръ, по которому получили полную свободу, смотря по желанію, или вступить въ польскую службу, или безпрепятственно воротиться въ отечество. Делагарди и Горнъ, въ эту минуту прискакавшіе на поле битвы, тщетно пытались образумить солдатъ и возвратить ихъ къ своему долгу; бунтовщики чуть не убили самого Делагарди, такъ что онъ съ Горномъ едва отъ нихъ спасся. Наемники уже толпами переходили на сторону Поляковъ, и вмѣстѣ съ ними стали добывать московскій лагерь. Видя измѣну иноземцевъ, на которыхъ плохіе воеводы возлагали главную надежду, Димитрій Шуйскій счелъ все потеряннымъ и думалъ только о собственномъ спасеніи. Онъ и его товарищи, князья Андрей Голицынъ и Данило Мезецкій, предались бѣгству. Ихъ примѣру послѣдовало все войско. Изъ другихъ главныхъ воеводъ князь Барятинскій былъ убитъ, а Василій Бутурлинъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дьякомъ Демидовымъ. Только часть Поляковъ преслѣдовала бѣгущихъ и при этомъ многихъ перебила; остальная же часть и наемники—предатели занялись грабежомъ богатаго русскаго стана; особенно привлекли ихъ возы съ мѣхами и сукнами, которые были привезены для жалованья иноземцамъ, но остались нерозданными. Въ числѣ польской добычи оказались карета и шатеръ Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, шлемъ, вышитое золотомъ знамя и дорогая посуда. Пушки также сдѣлались трофеемъ непріятеля. Самъ Шуйскій во время бѣгства увязилъ въ болотѣ своего коня вмѣстѣ съ сапогами, и босой на деревенской клячѣ добрался до Можайска; отсюда отправился въ Москву, и лично принесъ туда вѣсть о своемъ постыдномъ пораженіи.

Въ Клушинской битвѣ и Яковъ Делагарди оказался ниже своей славы, пріобрѣтенной имъ во время совмѣстныхъ дѣйствій со Скопинымъ. Современное извѣстіе сообщаетъ о его неудачной похвальбѣ. Разбогатѣвъ дорогими московскими мѣхами, наканунѣ битвы на пиру у Шуйскаго онъ будто бы сказалъ: „когда я былъ взятъ въ плѣнъ въ Вольмарѣ, гетманъ подарилъ мнѣ рысью шубу; а у меня теперь есть для него соболья“. Вмѣстѣ съ пораженіемъ онъ лишился и начальства; не имѣя болѣе войска, онъ принужденъ былъ также заклю-

чить договоръ съ Жолкевскимъ о свободномъ отступленіи. Собравъ вокругъ себя нѣсколько сотъ настоящихъ Шведовъ, Делагарди и Горнъ ушли на сѣверъ. На ряду съ тушинскими Поляками, въ Клушинской битвѣ участвовала и дружина русскихъ Тушинцевъ, во главѣ съ Иваномъ Салтыковымъ, сыномъ извѣстнаго Михаила Глѣбовича. Болѣе чѣмъ оружіемъ, эти измѣнники помогли гетману своими совѣтами и сношеніями съ ихъ единомышленниками въ московскомъ войскѣ.

Гетманъ не увлекся восторгомъ отъ своей необычайной побѣды, и не потерялъ ни одной минуты. Послѣ того, какъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ пѣніемъ Te Deum laudamus и конямъ данъ небольшой отдыхъ, онъ поспѣшно двинулся въ обратный путь; къ вечеру уже расположился опять подъ Царевымъ Займищемъ, и вновь началъ добывать городокъ, въ которомъ оборонялся отрядъ князя Елецкаго и Валуева. Эти воеводы оплошностію уподобились своему главному начальнику: въ теченіе цѣлаго дня, когда въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нихъ кипѣла большая битва, они сидѣли сложа руки, совсѣмъ не замѣтили отсутствіе гетмана и не воспользовались случаемъ ударить на малую горсть осаждавшихъ. Какъ скоро его войско заняло свои окопы, гетманъ тотчасъ извѣстилъ осажденныхъ воеводъ о своей Клушинской побѣдѣ, и приглашалъ ихъ сдаться, такъ какъ имъ болѣе неоткуда ждать помощи. Тѣ сначала не хотѣли вѣрить; но на другой день стали прибывать разсѣянныя толпы иноземныхъ наемниковъ, хорошо знакомыхъ русскимъ воеводамъ и теперь большею частію поступавшихъ въ войско гетмана. Городокъ успѣлъ окружиться глубокими рвами и высокимъ валомъ; а извѣстно, какъ Русскіе стойко оборонялись въ укрѣпленіяхъ. Гетманъ видѣлъ, что приступомъ взять ихъ трудно, а только голодомъ; слѣдовательно пришлось бы потерять много времени; тогда какъ обстоятельства требовали немедленнаго движенія на Москву, чтобы не дать Шуйскимъ опомниться и набрать новое войско. Онъ воспользовался удручающимъ впечатлѣніемъ, которое произвела вѣсть о его побѣдѣ, и съ обычнымъ своимъ искусствомъ вступилъ въ переговоры, выставляя себя не врагомъ Русскихъ, а только военачальникомъ королевича Владислава, котораго они сами выбрали себѣ въ цари и уже присягнули ему подъ Смоленскомъ. При посредствѣ русскихъ Тушинцевъ, Елецкій и Валуевъ склонились на убѣжденія гетмана, и со всѣмъ своимъ отрядомъ присягнули королевичу Владиславу на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Салтыковъ съ товарищами. Они не только сдали городокъ, но и присоединились съ своими ратниками къ войску

гетмана. Онъ отправилъ князя Елецкаго къ королю; а Валуева, какъ болѣе способнаго и болѣе преданнаго дѣлу королевича, оставилъ при себѣ. Валуевъ, на ряду съ Салтыковымъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ гетмана въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Шуйскаго.

Такимъ образомъ, выступивъ изъ подъ Смоленска съ трехтысячнымъ отрядомъ, Жолкевскій двинулся теперь на Москву во главѣ болѣе чѣмъ двадцатитысячнаго отборнаго войска, состоявшаго изъ Поляковъ, Русскихъ и наемныхъ иноземцевъ. При его приближеніи къ Можайску жители и духовенство съ хлѣбомъ-солью вышли ему навстрѣчу, и также присягнули королевичу Владиславу. Затѣмъ покорились гетману или собственно Владиславу Волоколамскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище и нѣкоторыя другія мѣста. Жолкевскій остановился въ Можайскѣ, и отсюда завелъ сношенія со столицей, направляя дѣло такимъ образомъ, чтобы ему не приходилось брать Москву силою оружія,— конечно благодаря своевременному устраненію Василія Шуйскаго.

Но не одинъ гетманъ въ это время хлопоталъ около Москвы. Еще живъ былъ Тушинскій и Калужскій самозванецъ. Получивъ извѣстіе о Клушинской битвѣ, онъ также спѣшилъ воспользоваться удобнымъ моментомъ. Выступивъ изъ Калуги, онъ соединился со стоявшими на Угрѣ Сапѣжинцами, которымъ уплатилъ значительную сумму денегъ, и въ первыхъ числахъ іюля двинулся во главѣ слишкомъ десятитысячнаго войска, состоявшаго изъ хорошо вооруженныхъ и закаленныхъ въ битвахъ гусаръ, пятигорцевъ и казаковъ. Самозванецъ и Сапѣга направились къ Москвѣ черезъ Боровскъ. Въ трехъ верстахъ отъ сего города находится монастырь св. Пафнутія, въ то время огражденный каменною стѣною съ башнями, глубокимъ рвомъ съ водою и занятый военнымъ отрядомъ, которымъ начальствовалъ князь Михайло Волконскій. На требованіе сдачи онъ отвѣчалъ отказомъ. Сапѣга сталъ добывать монастырь приступомъ. Тогда двое воеводъ, товарищи Волконскаго (Змѣевъ и Челищевъ), измѣнили и отворили ворота непріятелю. Волконскій продолжалъ мужественно обороняться и палъ въ самой церкви у гроба святого.

Разоривъ монастырь, Поляки двинулись далѣе. Недалеко отъ Боровска на одной стоянкѣ они подверглись нападенію Татаръ. Около того времени пришли Крымскіе царевичи, которыхъ Василій Шуйскій призывалъ себѣ на помощь. Царь выслалъ на соединеніе съ ними послѣднія остававшіяся у него силы съ князьями Воротынскимъ и Лы-

ковымъ. Воеводы встрѣтили Крымцевъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ; отсюда царевичи выслали передовой отрядъ, который подкрался къ Полякамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ деревняхъ, многихъ частію побилъ, а частію побралъ въ плѣнъ. Но когда Сапѣжинцы собрались и дали энергичный отпоръ, Татары воротились назадъ. Угрожаемые съ одной стороны войскомъ Самозванца, съ другой Жолкевскимъ, царевичи потеряли всякую охоту сражаться за Шуйскаго, поспѣшили переправиться назадъ за Оку, и ушли домой, обремененные награбленною добычею и плѣнниками. Самозванецъ послѣ того продолжалъ движеніе къ столицѣ. Онъ остановился сначала у монастыря Николы на Угрѣшахъ, а потомъ, оставивъ здѣсь Марину, самъ подвинулся ближе къ Москвѣ и расположилъ свой станъ въ семи верстахъ отъ нея въ селѣ Коломенскомъ.

Нѣкоторые города, возбужденные агентами Калужскаго вора, вновь признали его царемъ. Такъ присягнули ему Коломна и Кашира; хотѣли присягнуть жители Зарайска, но были удержаны своимъ воеводою княземъ Дим. Мих. Пожарскимъ. Сей доблестный воевода своею твердостію и неизмѣнною вѣрностію законному государю во второй разъ остановилъ распространеніе измѣны и мятежа. Въ первый разъ это было вслѣдъ за кончиною Скопина. Извѣстный Прокопій Ляпуновъ объявилъ себя мстителемъ за его смерть; громко обвинялъ въ его отравленіи самого Василія Шуйскаго съ братьями, возмутилъ противъ него Рязанскую землю и вошелъ въ сношенія съ Калужскимъ воромъ. Возбуждая сосѣднія области къ общему мятежу, Ляпуновъ между прочимъ прислалъ своего племянника Ѳедора въ Зарайскъ съ грамотою къ князю Пожарскому. Но воевода отправилъ грамоту въ Москву къ царю Василію и просилъ подкрѣпленія, которое вскорѣ и получилъ; чѣмъ остановилъ тогда распространеніе рязанскаго мятежа. Такъ и теперь, когда Зарайцы встали всѣмъ городомъ и потребовали отъ воеводы, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними присягнулъ Калужскому вору, воевода съ немногими людьми заперся въ каменномъ Зарайскомъ кремлѣ и приготовился къ оборонѣ. Протопопъ Зарайскаго Николаевскаго собора Димитрій, одинъ изъ выдающихся русскихъ патріотовъ той эпохи, благословилъ князя умереть за православную вѣру. Такъ какъ въ кремлѣ хранились не только съѣстные и военные запасы, но и лучшее имущество посадскихъ людей, то послѣдніе, боясь за свои „животы", смирились и условились съ воеводою присягнуть на томъ: „кто будетъ царемъ на Москвѣ, тому и служить". Благой примѣръ Зарайска въ свою очередь подѣйствовалъ

и на другіе города; между прочимъ Коломна отказалась отъ вора и воротилась къ своему долгу. Но Ляпуновъ съ Рязанцами продолжалъ крамольничать и хлопотать о сверженіи Шуйскаго, сносясь съ своими московскими единомышленниками, особенно съ княземъ Голицынымъ.

Любопытно столкновеніе этихъ двухъ воеводъ, Ляпунова и Пожарскаго, которыхъ судьба потомъ выдвинула на переднюю сцену дѣйствія—столкновеніе, ясно очертившее рѣзкую противуположность ихъ характеровъ и стремленій: съ одной стороны даровитая, но безпокойная натура, чрезъ мѣру увлекающаяся личными впечатлѣніями и честолюбіемъ; съ другой вполнѣ консервативная, не мудрствующая лукаво и ищущая спасенія въ безупречномъ исполненіи своего долга.

Уже извѣстіе о Клушинскомъ пораженіи повергло столицу въ полное уныніе. А когда подошелъ Калужскій воръ, то московское населеніе, смущаемое съ одной стороны агентами вора и Ляпунова, съ другой подметными листами Жолкевскаго и сторонниками Владислава, подверглось сильнымъ волненіямъ и распрямъ. Чернь снова стала выражать свои симпатіи воровскому царику, надѣясь съ его разрѣшенія бить и грабить людей знатныхъ и зажиточныхъ; а бояре, дворяне и купцы потеряли голову, и не знали что предпринять. Хотя области теперь оставались глухи къ царскимъ приказамъ и почти перестали высылать ратныхъ людей на его службу, однако подъ руками можно было еще собрать до 30,000 войска; въ томъ числѣ было бы отъ 8 до 10 тысячъ хорошо вооруженныхъ московскихъ стрѣльцовъ. Но не было воеводы, который бы сталъ въ ихъ главѣ и увлекъ за собою. Царя Василія почти перестали слушать. Въ Москвѣ начались народныя сходки, на подобіе древняго вѣча. Эти сходки или совѣщанія происходили и въ городѣ, и за городскими воротами. На послѣднихъ появлялись и русскіе измѣнники изъ Коломенскаго или Сапѣжинскаго стана. Посреди сихъ совѣщаній стали обнаруживаться различныя кандидатуры, т. е. претенденты на Московскій престолъ. Межъ тѣмъ какъ нѣкоторые склонялись на сторону Владислава, а единомышленники Ляпуновыхъ указывали на князя Василія Васильевича Голицына, русскіе измѣнники предлагали или своего царика, или его гетмана, т. е. Сапѣгу: вотъ до чего Московскій тронъ со времени перваго Лжедимитрія сдѣлался предметомъ вождѣленій чуть ли не всякаго искателя приключеній! На одной изъ подобныхъ загородныхъ сходокъ служившіе вору Русскіе предложили Москвичамъ слѣдующее: „вы низложите своего царя Василія, а мы откажемся отъ нашего царика; выберемъ царя всей землей и станемъ заодно противъ Литвы“. Москвичи приняли предложеніе.

Главными дѣятелями при сверженіи Василія Шуйскаго явились князь Василій Голицынъ и Захарій Ляпуновъ, братъ Прокопія; первый, дѣйствуя скрытно, выдвигалъ передъ народомъ второго. Толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, предводимая Захаромъ Ляпуновымъ и его сообщниками (Ив. Ник. Салтыковымъ, Хомотовымъ и др.) пришла во дворецъ и стала просить царя Василія, чтобы онъ сложилъ съ себя вѣнецъ и скипетръ. Ляпуновъ при семъ излагалъ такія причины: царствованіе его несчастливо, украинскіе города отложились, сѣлъ онъ на престолъ не по выбору всей земли, погубилъ много невинныхъ людей, а братья его окормили отравою побѣдоноснаго племянника. Тутъ Василій вспылилъ, выхватилъ изъ за пояса ножъ и бросился на Ляпунова со словами: „какъ смѣешь ты б...... с... говорить это, когда и бояре того мнѣ не говорятъ?“ Дюжій Ляпуновъ простымъ движеніемъ руки отстранилъ слабаго старика, грозя его уничтожить. Толпа съ угрозами покинула дворецъ. Вожаки мятежа явились на Лобное мѣсто и набатнымъ колоколомъ собрали народъ; а отсюда, подъ предлогомъ тѣсноты, отправились за Серпуховскія ворота, и тамъ устроили совѣщаніе, призвавъ бояръ и патріарха. Они указывали на непрерывныя бѣдствія, сопровождавшія царствованіе Шуйскаго; снова напоминали о томъ, что онъ сѣлъ не по избранію всей земли, что Литва и воры угрожаютъ столицѣ съ двухъ сторонъ, отъ Можайска и отъ Коломенскаго, что надобно низложить Василія и всей землей подумать объ избраніи новаго царя. Тщетно патріархъ Гермогенъ пытался удержать народъ отъ беззаконія и защищалъ Шуйскаго. Видя рѣшительную непріязнь народа къ Василію, онъ пересталъ говорить и удалился. Тогда во дворецъ явилась опять мятежная толпа, уже съ нѣкоторыми боярами во главѣ. Здѣсь князь Ив. Мих. Воротынскій, царскій свояк, выступивъ впередъ, именемъ земли просилъ Василія Ивановича оставить государство и взять себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Послѣ этой просьбы жалкій, всѣми покинутый старикъ не сталъ болѣе спорить. Отъ него отобрали знаки царскаго достоинства, и онъ изъ дворца вмѣстѣ съ супругою переѣхалъ въ свой старый боярскій домъ. Это событіе произошло 17 іюля 1610 года. Верховная власть впредь до избранія царя оставалась въ рукахъ Боярской Думы, въ которой предсѣдательство принадлежало старѣйшему боярину князю Ѳед. Ив. Мстиславскому. На имя этого временнаго правительства и были разосланы присяжные листы.

Когда Москвичи на слѣдующей сходкѣ съ людьми Калужскаго вора у Даниловскаго монастыря объявили имъ о низложеніи Шуйскаго и

потребовали отъ нихъ исполненія такого же условія по отношенію къ вору, тѣ отвѣчали: „вы своего царя ссадили, забывъ крестное цѣлованіе; а мы за своего готовы умереть“. Этотъ отвѣтъ привелъ Москвичей въ раздумье. Патріархъ между тѣмъ говорилъ, что низложеніе Василія совершено незаконнымъ образомъ. Шуйскій пріободрился и, имѣя въ своихъ рукахъ еще значительное имущество, завелъ сношенія съ своими приверженцами, особенно старался подкупать стрѣльцовъ. Тогда Захаръ Ляпуновъ съ товарищами рѣшили отрѣзать ему всякій возвратъ къ престолу, не лишая его жизни. Они отправились къ Шуйскому съ нѣсколькими іеромонахами, и потребовали отъ него постриженія. Старикъ наотрѣзъ отказался и молилъ о пощадѣ; спрашивалъ, за что его такъ жестоко преслѣдуютъ; напоминалъ совершенное имъ избавленіе отъ Гришки Отрепьева. Но его не слушали, и насильно исполнили обрядъ; Ляпуновъ крѣпко держалъ его за руки, а князь Туренинъ (по другому извѣстію Тюфякинъ) вмѣсто него произносилъ обѣты. На Василія надѣли иноческое платье и въ закрытомъ каптанѣ отвезли его въ Чудовъ монастырь. Его супругу Марію Петровну точно также насильно постригли въ монахини, несмотря на ея сопротивленіе и слезныя причитанія о своемъ мужѣ. Ее помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ. Братьевъ его Димитрія и Ивана исключили изъ состава Боярской Думы и отдали за приставы.

Гермогенъ не призналъ насильнаго постриженія Шуйскаго и считалъ монахомъ того, кто произносилъ за него обѣты. Но голосъ патріарха въ этомъ случаѣ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Такимъ же гласомъ оказался онъ и въ вопросѣ объ избраніи новаго государя. Патріархъ стоялъ за выборъ изъ русскихъ людей и указывалъ на состоявшаго съ нимъ въ пріязни князя Василія Васильевича Голицына. Но противъ послѣдняго рѣзко высказался князь Ѳед. Ив. Мстиславскій: онъ объявилъ, что самъ не менѣе Голицына имѣетъ правъ на престолъ, но отказывается отъ нихъ, а также не хочетъ видѣть государемъ равнаго себѣ боярина; что двукратное избраніе царя изъ бояръ принесло одни бѣдствія и слѣдовательно надобно избрать кого-либо изъ племени царскаго. Мстиславскаго поддержали и другіе бояре. Такимъ образомъ ни къ чему не привели происки Голицыныхъ и ихъ пособниковъ Ляпуновыхъ. Видя неудачу въ семъ случаѣ, патріархъ однако продолжалъ настаивать на выборѣ Русскаго, и сталъ указывать на древній боярскій родъ Романовыхъ. Изъ любимыхъ народомъ братьевъ Никитичей на лицо оставался только одинъ Иванъ Никитичъ. Но не его назвалъ патріархъ Гермогенъ, а юнаго Ми-

хаила Өеодоровича, котораго отецъ хотя былъ еще живъ, но находился въ иноческомъ чину, подъ именемъ Филарета. Эта кандидатура пока ни откуду не встрѣтила сильной поддержки: очевидно не пришло еще ея время. Обстоятельства были пока слишкомъ темны и запутаны. Что касается Калужскаго вора, то хотя многіе изъ черни и сочувствовали ему, видя въ немъ себѣ покровителя и потаковника; однако гнусное и всѣмъ вѣдомое его самозванство претило народу; а знатное боярство не хотѣло о немъ и слышать. Поэтому, располагая оставшимися въ Москвѣ ратными силами, оно давало энергичный отпоръ всѣмъ покушеніямъ на столицу со стороны Коломенскаго. Итакъ главнымъ претендентомъ на Московскій престолъ являлся королевичъ Владиславъ, и Боярская дума, съ Мстиславскимъ во главѣ, очевидно склонялась на его сторону.

Наступило время *семибоярщины*, названной такъ конечно по числу членовъ временнаго правительства. Въ оффиціальныхъ грамотахъ однако мы встрѣчаемъ подписи не семи, а шести лицъ, каковы: три боярина, Ө. И. Мстиславскій, В. В. Голицынъ и Ө. И. Шереметевъ, одинъ окольничій, князь Данило Ив. Мезецкій, и два думные дьяка, Василій Телепневъ и Томило Луговскій (19).

Когда Жолкевскій узналъ о низложеніи Василія, онъ немедля двинулся къ Москвѣ и сталъ пересылаться грамотами съ временнымъ правительствомъ, извѣщая его, что онъ спѣшитъ на помощь противъ Самозванца; такъ какъ многіе Москвитяне уже просили короля дать имъ въ цари Владислава. Бояре сначала отказывались отъ помощи и склоняли гетмана не приближаться къ столицѣ. Но когда онъ подошелъ и 24 іюля расположился станомъ около села Хорошова, то бояре нашлись вынужденными вступить съ нимъ въ переговоры. Самозванецъ, встревоженный прибытіемъ гетмана, попытался также войти съ нимъ въ сношенія. Онъ предлагалъ выплачивать королю ежегодно большую сумму денегъ и уступить Сѣверскую землю, если тотъ поможетъ ему сѣсть на царство. Жолкевскій позволилъ ему съ сими безполезными предложеніями отправить посольство къ королю; а самъ ловко воспользовался Самозванцемъ, зная, что онъ составляетъ пугало для бояръ, и 2 августа устроилъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ съѣздъ съ временнымъ правительствомъ. На этомъ съѣздѣ, при усердномъ посредничествѣ помянутаго выше Салтыкова-сына, Боярская дума согласилась имѣть царемъ Владислава, но на извѣстныхъ условіяхъ. Сіи условія или статьи, заранѣе внесенныя въ свитокъ, были

громогласно прочтены дьякомъ Телепневымъ. Въ основу ихъ положены договоры Салтыкова-отца подъ Смоленскомъ и Елецкаго съ Валуевымъ у Царева Займища. Тутъ нѣкоторыя прежнія статьи были выпущены, напримѣръ, о вольномъ выѣздѣ московскихъ людей въ иноземныя государства для науки; а нѣкоторыя прибавлены вновь. Главнѣйшая прибавка состояла въ томъ, что Владиславъ долженъ принять православіе. Гетманъ согласился почти на всѣ условія; но перемѣну вѣры оставилъ на усмотрѣніе короля. Послѣ многихъ съѣздовъ и переговоровъ послѣдовало наконецъ обоюдное согласіе; гетманъ со своими полковниками и ротмистрами отъ имени Владислава присягнулъ на соблюденіе условій; а бояре первые присягнули на подданство Владиславу. Затѣмъ стали приводить къ торжественной присягѣ другіе чины и весь Московскій народъ въ Успенскомъ соборѣ. Сюда явились также бывшіе русскіе Тушинцы, съ Михаиломъ Салтыковымъ и княземъ Масальскимъ во главѣ. Когда они подошли подъ патріаршее благословеніе, Гермогенъ благословилъ ихъ, но подъ условіемъ, если отъ выбраннаго въ цари иноземца не будетъ никакого нарушенія Православной церкви; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ проклятіемъ. Салтыковъ со слезами увѣрялъ его въ ненарушеніи Православной вѣры отъ Владислава. А Михайла Молчанова, по словамъ лѣтописца, Гермогенъ не допустилъ ко кресту, и, назвавъ окаяннымъ еретикомъ, велѣлъ выгнать вонъ. По извѣстію одного Поляка-современника, въ столицѣ число присягнувшихъ тогда королевичу будто бы простиралось до 300.000; это число очевидно и сильно преувеличено. Послѣ того отъ временнаго правительства разосланы были по городамъ извѣстительныя грамоты о выборѣ въ цари Владислава и объ условіяхъ, на которыхъ онъ выбранъ, съ приложеніемъ крестоцѣловальныхъ записей, по которымъ должна была совершаться ему присяга.

Въ этомъ договорѣ объ избраніи Владислава гетманъ дѣйствовалъ на свой страхъ, не имѣя точныхъ инструкцій отъ короля, а только руководясь условіями, которыя были предъявлены подъ Смоленскомъ Салтыковымъ и другими Тушинцами и которыя были какъ бы одобрены королемъ. Но вотъ, спустя нѣсколько дней послѣ означенной присяги, отъ короля прибыли сначала московскій торговый человѣкъ гостинной сотни Ѳедоръ Андроновъ, а потомъ велижскій староста знакомый намъ Гонсѣвскій; они привезли приказъ, чтобы гетманъ склонилъ Москвитянъ присягнуть не Владиславу, а самому Сигизмунду. Но исполнить такой приказъ гетманъ нашелъ невозможнымъ, опасаясь возмутить народъ и совершенно разстроить дѣло, только что улаженное. Гонсѣвскій съ нимъ согласился.

Межъ тѣмъ Самозванецъ продолжалъ приступать къ столицѣ, зажигать ея слободы и посады, и пытался ворваться; но встрѣчалъ всегда готовый отпоръ со стороны московскаго гарнизона, которому подавалъ помощь пришедшій съ гетманомъ русскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Салтыкова-сына. Ссылаясь на присягу, данную Владиславу, бояре настаивали, чтобы гетманъ прогналъ вора. Жолкевскій обѣщалъ, и послалъ къ Сапѣгѣ требованіе покинуть Самозванца, предлагая, въ случаѣ покорности сего послѣдняго, выхлопотать ему у короля въ державство Гродну или Самборъ. Сапѣга отвѣчалъ, что самъ онъ охотно исполнилъ бы означенное требованіе; но товарищество его на то несогласно. Гетманъ послѣ того обѣщалъ совмѣстно съ боярами ударить на станъ Лжедимитрія, и даже двинулся противъ него; но, вопреки настояніямъ бояръ, выступившихъ въ поле съ пятнадцатитысячною ратью, не ударилъ; а вызвалъ Сапѣгу на свиданіе, и ограничился одними переговорами. Вмѣсто битвы онъ старался склонить Сапѣжинцевъ къ поступленію въ королевскую службу и къ соединенію съ гетманскимъ войскомъ, подобно Зборовскому и другимъ Тушинцамъ. Поляки по обыкновенію предъявили огромныя требованія относительно уплаты имъ жалованья. А Самозванецъ и особенно Марина, видя нерѣшительность гетмана, возвысили тонъ и не соглашались ни на какія сдѣлки. Лжедимитрій надѣялся, что народъ его какъ православнаго предпочтетъ королевичу Владиславу. Жолкевскій продолжалъ щадить его въ своихъ видахъ. Бояре наконецъ поняли двойную игру гетмана и подняли ропотъ. Надобно было сдѣлать рѣшительный шагъ. Въ концѣ августа условились вмѣстѣ и неожиданно напасть на Коломенскій станъ. Для этого бояре позволили гетманскому войску ради скорости ночью пройти черезъ столицу и, соединясь съ московскою ратью, ударить на вора. Но и тутъ снова оказалось, что воронъ ворону глаза не выклюетъ: подойдя къ Коломенскому, гетманъ остановился; Сапѣжинцы также выстроились въ боевомъ порядкѣ. Жолкевскій снова ограничился одними переговорами. Однако Самозванецъ, не полагаясь болѣе на Сапѣжинцевъ и боясь быть выданнымъ, послѣ того уѣхалъ съ Мариной въ Калугу. Часть служившихъ ему русскихъ измѣнниковъ, съ князьями-боярами Ѳед. Долгоруковымъ и Мих. Туренинымъ во главѣ, явилась въ Москву съ повинною. А другая часть послѣдовала за нимъ, также и Донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ, который около того времени покинулъ войско гетмана и вновь перешелъ на службу Лжедимитрія и Марины. Сапѣга послѣ долгихъ переговоровъ съ Жолкев-

скимъ, отступилъ отъ Москвы; по его же указанію, направился къ Сѣверскому краю, и расположился около Мещовска, гдѣ сталъ выжидать случая вновь выступить на сценѣ рѣшительныхъ событій, продолжая безконечные переговоры о переходѣ своего отряда на королевскую службу. Бояре были обрадованы избавленіемъ отъ вора, и возымѣли особое довѣріе къ Жолкевскому послѣ того, какъ онъ прошелъ съ войскомъ черезъ столицу и не воспользовался случаемъ захватить въ свои руки беззащитный городъ: ибо московская рать выступила впередъ и поджидала Поляковъ за городомъ. Однако, когда знатнѣйшая часть русскихъ измѣнниковъ, отложившаяся отъ вора и присягнувшая Владиславу (князья Сицкій и Засѣкинъ, Нагой-Сумбуловъ, Плещеевъ, дьякъ Третьяковъ и др.), при посредствѣ гетмана хлопотала, чтобы временное правительство утвердило за ними пожалованный Самозванцемъ боярскій санъ, Дума отказала имъ: родовитое боярство никакъ не хотѣло признать равными себѣ тушинскихъ и калужскихъ лжебояръ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ опять ушли къ вору въ Калугу.

Когда Калужскій воръ удалился, гетманъ устроилъ въ своемъ лагерѣ пиръ для московскихъ бояръ; при чемъ дарилъ ихъ конями, сбруей, оружіемъ, кубками и пр. Мстиславскій въ свою очередь далъ пиръ гетману и польскимъ офицерамъ, которыхъ тоже одарилъ саблями и другими вещами. Затѣмъ, по настоянію Жолкевскаго, рѣшено было не медлить болѣе отправкою торжественнаго московскаго посольства къ Сигизмунду III, по поводу избранія въ цари королевича Владислава. Хитрый гетманъ съумѣлъ поставить во главѣ сего посольства тѣ лица, которыхъ онъ желалъ удалить изъ Москвы и предать въ руки короля, а именно князя Вас. Вас. Голицына и митрополита Филарета Никитича. Князь Голицынъ, самъ питавшій притязанія на престолъ, считался человѣкомъ умнымъ и дѣятельнымъ, а потому былъ вдвойнѣ опасенъ для польской партіи. Жолкевскій уговорилъ его не отказываться отъ такого почетнаго порученія, называя въ глаза самымъ великимъ мужемъ на Москвѣ и увѣряя, что онъ займетъ первое мѣсто въ совѣтѣ короля и королевича. Другой кандидатъ на престолъ, Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, еще не вышелъ изъ отроческихъ лѣтъ и не могъ участвовать въ посольствѣ; поэтому онъ представлялся опаснымъ не самъ по себѣ, а по своему отцу, извѣстному и родовитому боярину Θеодору Никитичу, теперь митрополиту Филарету. Гетманъ указалъ на него какъ на единственнаго человѣка, достойнаго быть посломъ отъ московскаго духовнаго чина. Въ по-

сольство включены были еще два члена временнаго правительства, окольничій князь Мезецкій и думный дьякъ Луговскій. Кромѣ нихъ тутъ были: думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ и Захаръ Ляпуновъ, а изъ духовныхъ лицъ спасскій архимандритъ Евфимій и троицкій келарь Авраамій Палицынъ. Вообще членовъ посольства выбиралъ князь Голицынъ по своему усмотрѣнію, чтобы имѣть его, такъ сказать, въ своихъ рукахъ. Оно заключало въ себѣ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, и вмѣстѣ со свитою и русскимъ конвоемъ простиралось почти до 1200 человѣкъ.

Посольство получило подробный наказъ, помѣченный 17-мъ августа 1610 года и состоявшій изъ длиннаго ряда статей или условій, которыя имѣли быть предъявлены королю и королевичу; при чемъ въ точности опредѣлено было, что именно долженъ говорить на торжественномъ пріемѣ каждый изъ великихъ или старшихъ пословъ, т. е. митрополитъ Филаретъ, князья Голицынъ и Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, дьяки Луговскій и Сыдавный. Главное условіе относилось къ вѣрѣ. Отъ Владислава требовали немедленной перемѣны религіи, чтобы онъ *крестился* у ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, а въ Москву прибылъ уже православнымъ и чтобы здѣсь „его государя встрѣтить съ чудотворными образами, честными и животворящими крестами патріарху и всему освященному собору"; затѣмъ, будучи царемъ, Владиславъ не долженъ о дѣлахъ церковныхъ сноситься съ папою или принимать отъ него благословеніе; тѣхъ московскихъ людей, которые по своему малоумію отступятъ въ римскую вѣру, казнить смертію, а имущество ихъ отбирать на государя. Когда же Владиславу придетъ пора жениться, то ему выбрать себѣ супругу на Москвѣ греческой вѣры. Далѣе идутъ условія о строгомъ сохраненіи титула Московскихъ государей; о томъ, чтобы Владиславъ привелъ съ собою только необходимую свиту изъ Поляковъ и Литовцевъ; что помѣстья имъ и уряды можетъ давать только внутри государства, а не въ порубежныхъ мѣстахъ; чтобы города, занятые Поляками, были отъ нихъ очищены и всѣ русскіе плѣнники отпущены изъ Польши и Литвы безъ выкупа; чтобы король отступилъ отъ Смоленска и воротился въ Литву; чтобы на слѣдующемъ сеймѣ всѣ чины Рѣчи Посполитой присягнули на исполненіи условій и утвержденіи обоюднаго мира. На случай возраженій со стороны короля или пановъ радныхъ, въ той же грамотѣ находились заранѣе и весьма умно составленные отвѣты, которые также распредѣлены были между послами; на крайніе случаи въ нѣкоторыхъ

статьяхъ допускались небольшія смягченія. Послы особенно долженствовали хлопотать о скорѣйшемъ прибытіи въ Москву королевича, отъ котораго конечно ожидали прекращенія смуты. Вообще этотъ наказъ представляетъ любопытный образецъ московской дипломатіи того времени, ясно свидѣтельствующій о ея навыкѣ въ сношеніяхъ съ иноземцами, ея относительной вѣжливости, здравомысліи и вѣрности своеобразнымъ основамъ московскаго государственнаго быта. Лично Владиславу духовные члены посольства должны были вручить особую грамоту отъ патріарха и всякихъ чиновъ людей, помѣченную 12-мъ сентября. Въ этой грамотѣ заключались краснорѣчивое описаніе бѣдствій Московскаго государства и трогательное челобитье *принять крещеніе* по обряду Греческой церкви.

Изъ сихъ грамотъ мы видимъ, что въ дѣлѣ избранія Владислава временное Московское правительство какъ будто дѣйствовало обдуманно и усердно пеклось о государственной пользѣ. Но ему недоставало главнаго: предусмотрительности и вѣрной оцѣнки какъ лицъ, такъ и обстоятельствъ. Если бы всѣ составленныя имъ условія были добросовѣстно исполнены, конечно Московское государство могло бы скоро успокоиться и выдти изъ смуты съ сохраненіемъ своихъ предѣловъ. Но въ такомъ случаѣ что же получила бы Рѣчь Посполитая при исполненіи сихъ условій? Съ чѣмъ же воротились бы король отъ Смоленска, а Поляки изъ захваченныхъ ими городовъ? Чѣмъ бы отвѣтила Римская курія на принятіе православія Владиславомъ и вообще могъ ли такой ревностный католикъ какъ Сигизмундъ, изъ за этой ревности лишившійся Шведской короны, могъ ли онъ соизволить своему сыну на перемѣну религіи? Наивно было со стороны временнаго Московскаго правительства хотя на минуту тѣшить себя надеждою на исполненіе вышеназванныхъ условій. Только лукавыя увѣренія Жолкевскаго и крайнее, представлявшееся безвыходнымъ, положеніе государства не только разореннаго, но и угрожаемаго завоеваніемъ или раздробленіемъ—могли вызвать попытку искать спасенія у своихъ злѣйшихъ враговъ.

Преступная наивность временнаго правительства вскорѣ выразилась въ поступкѣ еще болѣе легкомысленномъ: *въ дозволеніи Полякамъ занять столицу.*

Зная хорошо короля и обстоятельства своего времени, Жолкевскій едва ли вѣрилъ въ успѣхъ Московскаго посольства. Поэтому прежде чѣмъ начнется разочарованіе, гетманъ спѣшилъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ спѣшилъ тѣмъ болѣе, что наличное вре-

менное правительство, благодаря его предусмотрительности, состояло теперь только изъ двухъ бояръ, Мстиславскаго и Шереметева, и одного дьяка, Телепнева. Послѣ отъѣзда князя Василія Голицына, власть сосредоточилась собственно въ рукахъ князя Мстиславскаго, который и представлялъ собою какъ бы Московскаго регента; а онъ былъ главою польской партіи и наиболѣе преданнымъ сторонникомъ Владислава. Гетманъ хорошо понялъ ограниченность сего вельможи и ловко его опуталъ. Въ этомъ случаѣ ему помогъ отчасти все тотъ же Калужскій воръ, который продолжалъ посредствомъ своихъ клевретовъ смущать и поджигать московскую чернь. Это обстоятельство попрежнему возбуждало немалое опасеніе со стороны близорукихъ бояръ; они боялись, чтобы въ Москвѣ не повторилось такое же возмущеніе и господство черни, какое произошло во Псковѣ. По соглашенію съ правителями, изъ гетманскаго лагеря уже прибыли въ столицу квартирьеры для распредѣленія польскаго постоя; но духовенство, особенно монахи были на стражѣ; ударили набатъ, и объявили сбѣжавшемуся народу, что Поляки идутъ въ городъ. Толпа зашумѣла, и бояре поспѣшили увѣдомить гетмана, дабы онъ повременилъ вступленіемъ своего войска, пока они уладятъ дѣло. Этимъ моментомъ воспользовался Жолкевскій, чтобы добиться выдачи Шуйскихъ, о которой онъ давно хлопоталъ. Ихъ обвинили въ томъ, что они тайно ведутъ козни и побуждаютъ народъ къ мятежу: временное правительство выдало гетману бывшаго царя Василія и его обоихъ братьевъ. Межъ тѣмъ во главѣ движенія противъ Поляковъ сталъ самъ патріархъ. Онъ собралъ около себя многихъ дворянъ и ратныхъ людей. Бояре, съ Мстиславскимъ, Шереметевымъ, Салтыковымъ и Андреемъ Голицынымъ во главѣ, вступили съ ними въ переговоры. Вожаки собравшейся толпы возражали, что впустить Поляковъ значитъ отдать имъ на поруганіе своихъ женъ и дѣтей, такъ какъ русскіе ратные люди назначены въ походъ на вора; что гетманъ лукавитъ; что, вопреки своему обѣщанію, онъ ничего не предпринимаетъ противъ сего вора и пр. Отъ гетмана пріѣхалъ въ городъ Гонсѣвскій съ увѣреніями въ его искренности и намѣреніи идти въ походъ, какъ только русское войско съ нимъ соединится. Мстиславскій поддержалъ сіи увѣренія, напомнилъ о недавней присягѣ королевичу и выражалъ готовность умереть за него. Патріарху бояре говорили, что его долгъ смотрѣть за церковію, а не вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Потомъ они объѣзжали народную толпу и убѣждали ее успокоиться. Народъ послушалъ ихъ и разошелся. Тогда, съ соизволенія бояръ, въ ночь

на 21 сентября, гетманъ тихо ввелъ въ столицу свое войско, которое расположилось цѣлыми отрядами на случай тревоги. Полкъ Зборовскаго помѣстился въ Китай-городѣ, Казановскаго и Вейгера въ Бѣломъ городѣ, а Гонсѣвскаго въ Кремлѣ. Самъ гетманъ занялъ подъ свою квартиру бывшій дворъ Бориса Годунова. Полкъ Струся и собственный полкъ Жолкевскаго были расположены въ Можайскѣ, Борисовѣ и Вереѣ для безопаснаго сообщенія съ королемъ и Литвою и для заслона отъ Калужскаго вора.

На первое время водвореніе Поляковъ въ Москвѣ обошлось спокойно, благодаря искусному образу дѣйствія со стороны гетмана. Онъ поддерживалъ въ своемъ войскѣ дисциплину и особенно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы Поляки не ссорились съ Москвичами и не обижали женщинъ; провинившихся въ семъ отношеніи довольно строго наказывалъ. Большія дороги изъ столицы въ области сдѣлались теперь свободны, начался обильный подвозъ съѣстныхъ припасовъ и возстановилось торговое движеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ стала возвращаться и прежняя дешевизна жизни. Понравилось Москвичамъ и то, что гетманъ отпустилъ значительную часть нѣмецкихъ наемниковъ; хотя онъ сдѣлалъ это по недостатку средствъ платить имъ жалованье, и лучшую часть наемной пѣхоты все таки оставилъ. На должности областныхъ намѣстниковъ и воеводъ временное правительство назначало людей, указанныхъ гетманомъ. Такъ Иванъ Салтыковъ съ частью ратныхъ людей былъ посланъ въ Великій Новгородъ, а Григорій Валуевъ во Псковъ. Другая часть ратныхъ людей была выслана изъ Москвы съ княземъ Воротынскимъ подъ предлогомъ дѣйствовать заодно съ Поляками противъ Калужскаго вора. Въ Москвѣ оставалось еще значительное количество стрѣльцовъ, и въ случаѣ народнаго мятежа они могли послужить для него крѣпкимъ ядромъ. Начальство надъ симъ войскомъ цари московскіе обыкновенно довѣряли только своимъ родственникамъ или самымъ близкимъ боярамъ. Жолкевскій склонилъ правителей ввѣрить это начальство своему помощнику Гонсѣвскому; при чемъ ласкою, подарками и угощеніями такъ привлекъ этихъ простодушныхъ людей, что они охотно подчинились чужеземному начальнику. А сей послѣдній потомъ разослалъ ихъ по другимъ городамъ, подъ предлогомъ обороны отъ Шведовъ. Гетманъ старательно укрѣпилъ Кремль и Китай-городъ, куда со всей Москвы свезъ пушечный и пищальный нарядъ. Такимъ образомъ приняты были существенныя мѣры противъ возмущенія Москвичей. Для снабженія съѣстными припасами польскаго гарнизона расписаны были города съ уѣздами на-

извѣстномъ разстояніи отъ столицы. Но такъ какъ посылаемые туда товарищи и пахолики (родъ деньщиковъ) позволяли себѣ грабежъ и насилія надъ женщинами, то для устраненія подобныхъ столкновеній рѣшено было, чтобы города были обложены денежными поборами, которые они доставляли бы сами. Происходя изъ русскаго рода, Жолкевскій очевидно владѣлъ русскимъ языкомъ; а потому своими вкрадчивыми, умными рѣчами онъ съумѣлъ обойти самого Гермогена, такъ что суровый старецъ возымѣлъ къ нему непритворное расположеніе.

Принимая всѣ возможныя мѣры ради укрѣпленія польскаго гарнизона въ Москвѣ, Жолкевскій самъ однако не вѣрилъ въ прочность своихъ начинаній, и предвидѣлъ, что, когда обнаружатся истинныя намѣренія короля, возстаніе сдѣлается неминуемо. До него доходили также извѣстія объ интригахъ его соперниковъ, именно братьевъ Потоцкихъ, которые остались при королѣ, но обманулись въ надеждѣ взять скоро Смоленскъ; межъ тѣмъ какъ гетманъ успѣлъ отличиться блестящими успѣхами. Завидуя ему, Потоцкіе побуждали короля поступить наперекоръ распоряженіямъ и договорамъ Жолкевскаго съ Москвитянами относительно королевича Владислава и просто подчинить Московское государство польскому владычеству. Посему гетманъ рѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, чтобы лично объясниться обо всемъ съ королемъ. Мстиславскій и бояре очень неохотно простились съ нимъ и успокоены были только его обѣщаніемъ скоро и непремѣнно воротиться. Они далеко провожали его по выѣздѣ изъ города. Даже простой народъ, испытавъ ласковое обхожденіе гетмана, напутствовалъ его пожеланіями счастливаго пути. Начальство надъ польскимъ отрядомъ въ Москвѣ на время своего отсутствія Жолкевскій поручилъ Гонсѣвскому. Низложеннаго царя Василія съ братьями какъ самый дорогой свой трофей онъ повезъ съ собою подъ Смоленскъ, куда и прибылъ въ концѣ октября 1610 года.

Великое московское посольство, ѣхавшее медленно, только на три недѣли упредило гетмана своимъ прибытіемъ въ королевскій лагерь; причемъ удостоилось пышной встрѣчи. Его помѣстили въ особыхъ шатрахъ. Спустя нѣсколько дней, оно получило торжественный пріемъ у короля съ цѣлованіемъ его руки; причемъ изложило предметъ своихъ полномочій и поднесло подарки. Канцлеръ Левъ Сапѣга давалъ ему отъ королевскаго имени отвѣтъ, благосклонный, но довольно туманный. Затѣмъ начался рядъ совѣщаній между московскими послами и польско-литовскими панами-радою, съ тѣмъ же канцлеромъ во главѣ. Тутъ для первыхъ скоро наступило разочарованіе. Глав-

нымъ предметомъ спора послужилъ Смоленскъ: послы просили снять осаду и вывести королевское войско изъ московскихъ предѣловъ; паны же напротивъ требовали сдачи сего города, послѣ которой, по ихъ словамъ, король намѣревался идти на Калужскаго вора, прогнать Шведовъ и вообще успокоить Московское государство. Относительно отпуска королевича паны отлагали окончательное рѣшеніе до сейма; причемъ оспаривали необходимость принятія имъ греческой вѣры. Тщетно Москвичи ссылались на договоръ, заключенный съ гетманомъ Жолкевскимъ; паны запальчиво отвѣчали, что тѣ пріѣхали какъ челобитчики, а не указчики ихъ государю. Съ своей стороны великіе послы, особенно митрополитъ Филаретъ и князь Василій Голицынъ, твердо стояли на своихъ условіяхъ и ни за что не соглашались на уступку Смоленска. Въ это время содержаніе отпускалось имъ самое скудное; свита посольская едва не умирала съ голоду; а лошади почти всѣ подохли. На жалобы пословъ паны откровенно говорили, что они терпятъ за свое упорство.

Жолкевскій при своемъ въѣздѣ въ королевскій лагерь удостоился тріумфальной встрѣчи. Привезенный имъ Василій Шуйскій на торжественномъ пріемѣ не хотѣлъ поклониться королю и вообще держался съ достоинствомъ, продолжая считать себя московскимъ царемъ. Подробно донося Сигизмунду о всѣхъ событіяхъ и обстоятельствахъ московскихъ, гетманъ пытался убѣдить его въ необходимости подтвердить условія своего договора съ временнымъ правительствомъ. Попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, осталась тщетною. Однако, приглашенный къ участію въ совѣщаніяхъ съ московскимъ посольствомъ, гетманъ заговорилъ съ Москвичами инымъ тономъ чѣмъ прежде. Напримѣръ, по поводу Смоленска напрасно послы напоминали ему, заключавшееся въ договорѣ съ Елецкимъ и Валуевымъ, обязательство снять осаду Смоленска, какъ скоро жители его присягнутъ королевичу. Жолкевскій замѣтилъ, что ничего не помнитъ и условія этого договора подписалъ не читавши. Ссылаясь на то, что они не уполномочены измѣнить статьи своего наказа, послы испросили позволеніе отправить по сему поводу въ Москву гонца.

Отчасти угрозами, а отчасти льготами Полякамъ удалось болѣе половины посольства, хотя бы только наружнымъ образомъ, склонить на свою сторону. Въ королевскій лагерь уже начали пріѣзжать съ разныхъ сторонъ московскіе люди, чтобы заявлять о своей преданности и выпрашивать у короля грамоты на помѣстья и вотчины. Подобными грамотами и другими наградами соблазнились

также и многіе члены посольства; въ ихъ числѣ оказались думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный-Васильевъ, спасскій архимандритъ Евфимій, троицкій келарь Палицынъ и Захаръ Ляпуновъ. Вмѣстѣ съ грамотами давалось разрѣшеніе уѣхать домой, и это разрѣшеніе особенно соблазняло членовъ посольства, стремившихся выдти изъ своего бѣдственнаго положенія. Еще дорогою въ Смоленскъ нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе тайкомъ покинули посольство и разъѣхались по домамъ; а теперь другіе ихъ товарищи притворно соглашались на присягу не одному королевичу, но и самому королю, чтобы вырваться на свободу. Въ посольской свитѣ находились и дѣти боярскіе Смоленскаго уѣзда. Канцлеръ прямо потребовалъ отъ нихъ присяги королю, а иначе грозилъ лишеніемъ помѣстьевъ: одни присягнули, другіе отказались. Такимъ образомъ въ самомъ посольствѣ произошли несогласія и споры. Но были и такіе члены, которые въ эту трудную минуту оказали мужество и непреклонную вѣрность родинѣ. Послѣ Филарета и князя Голицына такою твердостію отличился особенно дьякъ Томило Луговскій, котораго никакія прельщенія и угрозы Сапѣги не могли склонить къ измѣнѣ своему долгу. Итакъ большая часть посольства разъѣхалась; а оставшіеся очутились въ положеніи плѣнниковъ.

Осада Смоленска во время сихъ переговоровъ продолжалась съ усиленнымъ рвеніемъ. Но оно пока разбивалось объ упорство и мужество осажденныхъ. Изъ города постоянно являлись въ лагерь перебѣжчики, которые доносили о раздорахъ и болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ между осажденными, и тѣмъ питали у осаждавшихъ надежду на скорый успѣхъ. Дѣйствительно, раздоры были; но воевода Шеинъ и архіепископъ Сергій умѣли ихъ побѣждать. Продовольствія оставалось еще довольно; за то страшно развившаяся цынга похищала большое количество людей, и число защитниковъ замѣтно таяло. Тѣмъ не менѣе всѣ непріятельскіе подкопы были своевременно уничтожаемы, и всѣ приступы отбиваемы. Иногда осаждающимъ удавалось разрушить часть стѣны или башню; но за этими развалинами они встрѣчали высокій валъ, вооруженный пушками, который преграждалъ имъ путь. Шеинъ проявлялъ не только замѣчательную военную умѣлость и бодрость духа, но и ловко вступалъ иногда въ переговоры, чтобы выиграть время. Напрасно подсылаемые къ стѣнамъ русскіе измѣнники доносили ему о сверженіи царя Василія, о московской присягѣ королевичу Владиславу, о занятіи Москвы Поляками. Онъ не внималъ никакимъ увѣщаніямъ, и продолжалъ вести энергичную оборону.

Любопытны отношенія московскаго временнаго правительства, вообще боярства, къ Польскому королю и его главному совѣтнику литовскому канцлеру Сапѣгѣ. Въ рукахъ сего послѣдняго сосредоточилось вѣданіе московскими дѣлами со времени присяги королевичу Владиславу. Къ нему обращаются изъ Москвы бояре и нѣкоторые другіе чины съ разными посланіями и просьбами, особенно тѣ, которые искали милостей и наградъ, въ видѣ сановъ, помѣстій и вотчинъ. Изъ дошедшихъ до насъ таковыхъ посланій узнаемъ, что, напримѣръ, глава Правительственной Думы князь Мстиславскій, получившій отъ короля похвальную грамоту за содѣйствіе къ избранію Владислава, пожалованный саномъ *слуги* и конюшаго, бьетъ челомъ Льву Сапѣгѣ и проситъ его о пожалованіи окольничества уѣхавшему подъ Смоленскъ Ив. Вас. Головину. А ближайшій товарищъ Мстиславскаго по Думѣ бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ униженно проситъ Сапѣгу ходатайствовать передъ королемъ о своихъ „вотчинныхъ деревнишкахъ" и ссылается на свою „службу и правду" королю и королевичу. Такія же челобитныя шлетъ Сапѣгѣ печатникъ Иванъ Грамотинъ. Извѣстный Ѳедоръ Андроновъ, приставленный въ Москвѣ къ государственной казнѣ, также проситъ Льва Сапѣгу ходатайствовать о пожалованіи его помѣстьями, именно сельцомъ Раменьемъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ и сельцомъ Шубинымъ съ деревнями: такъ какъ сіи земли, отнятыя у одного изъ Годуновыхъ и у Зюзина, отданы были Тушинскимъ воромъ Ив. Март. Заруцкому. Андроновъ при семъ даетъ совѣты, какъ спровадить сверженнаго царя Василія къ королю, какъ ослабить ратную Московскую силу въ столицѣ, разославъ ее по городамъ (что и было вскорѣ исполнено), и какъ нужно по приказамъ посадить людей, преданныхъ королю, на мѣсто „похлѣбцевъ" Шуйскаго. Кромѣ того онъ жалуется, что въ Москвѣ не одинъ гетманъ (Жолкевскій) раздаетъ помѣстья, но и другіе сильные люди, напримѣръ Салтыковы.

Въ свою очередь Михаилъ Салтыковъ жалуется на притѣсненія и взяточничество того же Ѳедора Андронова, который самъ причисляетъ себя къ „правителямъ" и является однимъ изъ „временниковъ" (временщиковъ), подобныхъ тѣмъ, которые были при Шуйскомъ. „Отецъ его (Андронова) въ Погорѣломъ Городищѣ торговалъ лаптями; а онъ взятъ къ Москвѣ изъ Погорѣлаго, по велѣнью Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, а на Москвѣ былъ торговый мужикъ". Отъ него большой недоборъ въ казнѣ, „потому что за многихъ Ѳедоръ Андроновъ вступается и спущаетъ, для посуловъ,

съ правежу; а иныхъ не своего приказу насильствомъ подъ судъ къ себѣ емлетъ, и самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ". Въ слѣдующихъ письмахъ своихъ Салтыковъ увѣдомляетъ о козняхъ Калужскаго вора, который продолжалъ ссылаться съ своими московскими доброхотами. Такъ отъ него пріѣхалъ одинъ священникъ съ грамотами къ патріарху и боярамъ; его схватили и пытали; на пыткѣ онъ показалъ, будто съ воромъ ссылаются князья Андрей Голицынъ и Иванъ Воротынскій. (Эти два князя были взяты подъ стражу, а священникъ казненъ). Салтыковъ совѣтуетъ королю спѣшить въ Москву и „вора доступать". Льву Сапѣгѣ онъ между прочимъ посылаетъ въ подарокъ лисью шапку, черную горлатную, съ своякомъ княземъ Звенигородскимъ, прося ходатайствовать за сего послѣдняго передъ королемъ о разныхъ пожалованіяхъ. Для себя и сына своего Салтыковъ выпросилъ села Вагу, Чаронду, Тотьму и Рѣшму, которыя при Борисѣ были за Годуновыми, а при Шуйскомъ за Шуйскими. Относительно доносовъ на него въ произвольныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ и раздачѣ земель, онъ оправдывается тѣмъ, что всѣ дѣла дѣлаетъ вмѣстѣ съ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ и всѣми боярами, а помѣстья даютъ они „выморочныя" и „лишки", розданные при Шуйскомъ. „При прежнихъ государяхъ—пишетъ онъ,—коли они въ отъѣздѣ бывали, на Москвѣ бояре помѣстья давали, да не токмо на Москвѣ, и въ Новгородѣ Великомъ, и въ Казани бояре и воеводы помѣстья даютъ, чтобы тѣмъ на Москвѣ людей удержать и безъ помѣщиковъ помѣстныхъ земель не запустошить". Посылая Сапѣгѣ въ подарокъ лисью шапку, Салтыковъ увѣдомляетъ его, что „продернулъ" въ нее веревочку и запечаталъ тою же печатью, которою и грамота запечатана, дабы шапку „не подмѣнили". Что такія предосторожности были нелишними, видно изъ письма печатника Ивана Грамотина. Сапѣга выразилъ неудовольствіе по поводу его худого поминка (рыси), присланнаго какъ будто „на шутку"; Грамотинъ увѣряетъ, что тутъ вышло недоразумѣніе, и посылаетъ Сапѣгѣ „горностайный кожухъ" съ своимъ пріятелемъ Ив. Ив. Чичеринымъ, прося и для него, и для себя милостей. Князь Василій Масальскій шлетъ Сапѣгѣ въ падарокъ соболей, почти на 100 рублей, съ дьякомъ Тюкинымъ, и проситъ порадѣть о его „дѣлѣ". Далѣе имѣемъ челобитныя о помѣстьяхъ, вотчинахъ и санахъ такихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ каковы: князья Борисъ Лыковъ, Юрій Хворостининъ, Ѳедоръ Мещерскій, Тимофей Долгоруковъ, Григорій Ромодановскій, также Григорій Валуевъ, Захаръ Ляпуновъ, думный

дьякъ Василій Яновъ, Михаилъ Молчановъ, братья Ржевскіе и др.

Подобныя челобитныя очевидно не оставались тщетными. Мы видимъ длинный рядъ пожалованій помѣстьями, денежными окладами, дворами въ Москвѣ, чинами и урядами многихъ лицъ, претерпѣвшихъ разореніе отъ бывшаго царя Василія и показавшихъ свое радѣніе королю и королевичу. Между прочими князь Ромодановскій награжденъ саномъ боярина, Мещерскій—окольничаго; Михаилъ Молчановъ и Ив. Вас. Головинъ также пожалованы окольничествомъ, Тюкинъ дьякомъ въ приказѣ Большого дворца. Ив. Мих. Салтыкову дано начальство въ Стрѣлецкомъ приказѣ, князю Юрію Хворостинину въ Пушкарскомъ; печатнику и посольскому думному дьяку Ив. Грамотину вмѣстѣ съ его пріятелемъ Чичеринымъ поручено вѣденіе Помѣстнымъ приказомъ, Ѳед. Андронову челобитными, дворянину Ив. Безобразову дано ловчество Московское и Тверское „съ путемъ“, Ив. Чепчугову ясельничество. Извѣстнаго дьяка Аѳанасія Власьева, заключеннаго въ тюрьму при Шуйскомъ, велѣно изъ нея выпустить, а затѣмъ возвратить ему должность казначея и думнаго дьяка: въ этомъ случаѣ Сапѣга конечно оказалъ покровительство одному изъ своихъ русскихъ пособниковъ въ интригѣ, создавшей самозванщину. Архимандриту Троицкаго монастыря Діонисію и келарю Авраамію Палицыну съ братіей отдана прежняя пошлина на конской площади съ продажи коней; причемъ монастырь освобожденъ отъ платежа въ казну сторублевой откупной суммы. Всѣ таковыя награды и пожалованія давались за скрѣпою великаго канцлера Литовскаго, который очевидно въ это время и былъ лицомъ самымъ вліятельнымъ во внутреннихъ дѣлахъ и распорядкахъ Московскаго государства. Припоминая его дѣятельное, хотя и скрытое, участіе въ происхожденіи самой Московской смуты, можемъ догадываться, какъ радовалась теперь его душа, пылавшая ненавистью къ Москвѣ, и какъ онъ, имѣя у ногъ своихъ эту Москву, считалъ себя у цѣли своихъ давнишнихъ стремленій и козней.

На просьбы московскихъ бояръ, чтобы Сигизмундъ скорѣе прислалъ сына или самъ бы спѣшилъ въ Москву, получался все тотъ же отвѣтъ, что прежде надобно очистить мѣста, занятыя шайками Калужскаго вора, а также завладѣть Смоленскомъ, защитники котораго будто бы тоже взяли сторону вора. Но вскорѣ судьба устранила и самый предлогъ для сихъ отговорокъ, т.-е. бывшаго Тушинскаго царика.

Послѣ вторичнаго бѣгства изъ подъ Москвы Лжедимитрій II снова

водворился въ Калугѣ со своимъ дворомъ, и все еще продолжалъ господствовать въ значительной части Московскаго государства. За него стояла особенно юговосточная часть. Астрахань, какъ мы видѣли, присягнула ему вскорѣ послѣ его появленія. Когда былъ сверженъ Шуйскій и выбранъ Владиславъ, то и Казань, не желая подчиняться Полякамъ, также присягнула Лжедимитрію. (Впрочемъ присяга сія совершилась уже послѣ его гибели, о которой Казанцы еще не знали). На сѣверѣ его признавали: Псковская земля, гдѣ свирѣпствовали казацкія шайки Лисовскаго и Просовецкаго, Великія Луки, Ивангородъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ и нѣкоторыя другія мѣста. Делагарди, послѣ Клушинской битвы, соединился съ отрядомъ французскихъ наемниковъ, предводимыхъ Делявилемъ, притянулъ еще отряды изъ пограничнаго Финляндскаго края, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ бывшихъ своихъ союзниковъ, Русскихъ, стремясь воспользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, чтобы расширить съ этой стороны предѣлы Швеціи. Делавиль захватилъ Ладогу; а самъ Делагарди осадилъ Корелу, которая хотя по Выборгскому договору и уступлена Шведамъ, но не была имъ отдана; такъ какъ они не исполнили главнаго условія, т. е. очищенія Московской земли отъ Поляковъ. Иванъ Мих. Салтыковъ, присланный съ русско-польскимъ отрядомъ для очищенія Новгородскаго края отъ самозванцевыхъ шаекъ и отъ Шведовъ, не былъ впущенъ въ Новгородъ. Только когда онъ присягнулъ, что не будетъ вводить сюда литовскихъ ратныхъ людей, Новогородцы согласились поцѣловать крестъ королевичу Владиславу. Тогда, соединясь съ новгородскимъ воеводою княземъ Григоріемъ Волконскимъ, онъ отвоевалъ Ладогу; но Корела послѣ упорной и продолжительной обороны была взята Шведами. А Псковская земля, куда посланъ былъ Григорій Валуевъ, еще держалась Самозванца, когда произошла гибель сего послѣдняго.

Питая злобу противъ Поляковъ за измѣну Тушинцевъ и Сапѣжинцевъ, воръ приказывалъ перехватывать мелкія польскія партіи, а потомъ наслаждался пытками и казнями захваченныхъ плѣнниковъ. Главная его ратная сила заключалась въ Донскихъ казакахъ. Ими начальствовалъ Иванъ Заруцкій, который еще въ Тушинѣ угождалъ Самозванцу ревностнымъ исполненіемъ его порученій, если требовалось кого-либо схватить, убить или утопить. Когда уничтожился Тушинскій таборъ, этотъ Заруцкій перешелъ на королевскую службу, отличился въ Клушинской битвѣ и втерся въ милость гетмана Жолкевскаго; но тутъ онъ не могъ стерпѣть предпочтенія, которое гет-

манъ оказывалъ младшему Салтыкову, и снова передался Самозванцу. При семъ послѣднемъ, кромѣ казаковъ, въ качествѣ тѣлохранителей находилось на службѣ нѣсколько сотъ Татаръ, которымъ онъ довѣрялъ болѣе чѣмъ Русскимъ. Не считая себя въ безопасности по сосѣдству съ польскими войсками, воръ намѣревался перекочевать далѣе на юговостокъ; для чего велѣлъ укрѣплять и снабжать всѣми запасами городъ Воронежъ. Но онъ не успѣлъ туда перебраться. Четырехлѣтнее безнаказанное самозванство и удачное избавленіе отъ многихъ опасностей сдѣлали его безпечнымъ, самовластнымъ, еще болѣе грубымъ и приверженнымъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Когда онъ пребывалъ въ Тушинѣ, къ его табору присталъ касимовскій ханъ Уразъ Магометъ. Послѣ прибытія Жолкевскаго подъ Москву и ея присяги Владиславу, этотъ ханъ отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, и былъ имъ обласканъ. Скучая по женѣ и сыну, находившихся при Лжедимитріи, онъ пріѣхалъ въ Калугу, но съ тѣмъ, чтобы, забравъ свою семью, тайкомъ опять уѣхать къ королю. Сынъ, успѣвшій привязаться къ вору, донесъ ему о намѣреніи отца. Тогда воръ, любившій часто ѣздить за городъ подъ предлогомъ охоты, во время одной такой поѣздки велѣлъ умертвить бывшаго съ нимъ хана и бросить его тѣло въ Оку; а въ Калугѣ объявилъ, что ханъ бѣжалъ невѣдомо куда. Когда же истина сдѣлалась извѣстною, татарскій крещеный мурза Петръ Урусовъ (по желанію Василія Шуйскаго женатый на вдовѣ его брата Александра Ив. Шуйскаго) сталъ упрекать Самозванца въ убійствѣ стараго хана, съ которымъ былъ связанъ дружбою. Тотъ велѣлъ бить Урусова кнутомъ и бросить въ тюрьму; но, спустя нѣсколько времени, по ходатайству Марины и другихъ лицъ, освободилъ его, обласкалъ и снова приблизилъ къ себѣ. Татаринъ съ своей стороны показывалъ ему преданность и удальствомъ своимъ заслужилъ его расположеніе; но въ душѣ питалъ жажду мести. Онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ подговорилъ другихъ Татаръ и ждалъ удобнаго случая. 11 декабря Самозванецъ по обыкновенію выѣхалъ на охоту, полупьяный, подъ конвоемъ толпы Татаръ, въ сопровожденіи небольшого количества Русскихъ и своего шута Кошелева. Имѣя съ собою запасъ меду и вина, онъ дорогою останавливался и напивался еще болѣе. Вдругъ Урусовъ, выхвативъ саблю, наскочилъ на сани Самозванца и разсѣкъ ему плечо; а младшій братъ отрубилъ ему голову. Нѣсколько русскихъ спутниковъ его тоже были убиты; другіе, въ томъ числѣ шутъ Кошелевъ, спаслись бѣгствомъ. Въ заранѣе условленномъ мѣстѣ Урусовъ соединился съ другими Татарами,

уѣхавшими изъ Калуги, и они пустились въ степи, опустошая и грабя на своемъ пути.

Страшное волненіе произошло въ Калугѣ, когда получили тамъ извѣстіе объ убіеніи Самозванца. Ударили въ набатный колоколъ. Собравшаяся толпа бушевала и требовала казни виновныхъ. Волненіе еще болѣе усилилось, когда привезли и самый обезглавленный трупъ вора. Донскіе казаки бросились на оставшихся и не участвовавшихъ въ заговорѣ Татаръ и всѣхъ перебили. Марина, повидимому находившаяся при концѣ беременности, предалась отчаянію и вопила, чтобы и ее также убили. Спустя нѣсколько дней, она родила (или сдѣлала видъ, что родила) сына, котораго окрестили по православному обряду и назвали Иваномъ. Калужскіе измѣнники стали величать его царемъ. Стоявшій съ своимъ войскомъ около Мещовска, Сапѣга при извѣстіи о смерти вора поспѣшилъ было въ Калугу, думая захватить ее внезапнымъ нападеніемъ. Но начальствовавшіе здѣсь воеводы Самозванца, князья Григорій Шаховской, Димитрій Трубецкой и др., дали ему сильный отпоръ. Условились на томъ, что Калуга признаетъ царемъ того, кого поставитъ Москва. Сапѣга отступилъ; однако ему удалось захватить Перемышль и еще нѣсколько мѣстъ, державшихся вора. Сама Калуга вскорѣ присягнула королевичу Владиславу, и воеводою сюда Московское временное правительство прислало князя Юрія Никитича Трубецкого. Марина съ новорожденнымъ сыномъ была заключена подъ стражу. (20)

Вообще внезапная смерть Самозванца имѣла важныя послѣдствія. Казалось, польскій претендентъ и польская партія избавились отъ непріятнаго соперника и дѣло ихъ значительно облегчилось. Однако въ дѣйствительности ихъ положеніе, наоборотъ, затруднилось. Во-первыхъ, у короля былъ отнятъ главный предлогъ ко вторженію въ московскіе предѣлы и очищенію государства отъ воровъ. Во-вторыхъ, боярство московское имѣло теперь менѣе причинъ держаться короля и королевича; ибо избавилось отъ страха передъ чернью, которую Самозванецъ возбуждалъ противъ высшихъ и имущихъ классовъ. Въ-третьихъ, уменьшилась рознь между русскими областями: ибо присягнувшія ему теперь большею частію рѣшили признать того, кого выберетъ Москва; а въ самой Москвѣ только часть бояръ и дворянъ составляла польскую партію; остальные же классы, преимущественно духовенство, питали совсѣмъ иныя чувства и ждали только удобнаго времени или внѣшняго толчка, чтобы дать имъ полную волю.

Такимъ именно толчкомъ и послужила смерть Калужскаго вора. Обрадованныя гибелью одного изъ главныхъ враговъ Московскаго государства, духовенство и враждебное Полякамъ населеніе начали дѣйствовать смѣлѣе и настойчивѣе. Во главѣ движенія сталъ патріархъ Гермогенъ, который успѣлъ убѣдиться въ томъ, что Сигизмундъ III нисколько не намѣренъ давать сына на Московское царство, а еще менѣе дозволить ему принятіе православія, но что онъ хочетъ завладѣть царствомъ для себя лично. Патріархъ началъ помимо временнаго правительства разсылать по областямъ грамоты, въ которыхъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и увѣщевалъ прислать ратныхъ людей къ Москвѣ для защиты православной вѣры отъ латинскаго короля и для изгнанія враговъ. Временное правительство въ эту пору нѣсколько измѣнилось въ своемъ составѣ и окончательно пріобрѣло характеръ польскаго намѣстничества. Князь Мстиславскій еще сохранялъ свое положеніе главы правительства, но чисто номинальное; дѣйствительнымъ главою сдѣлался начальникъ польскаго гарнизона панъ Гонсѣвскій; хотя всѣ его распоряженія шли отъ имени Боярской думы; но дума ни въ чемъ не смѣла ему противорѣчить. Ближайшими совѣтниками его и самыми властными людьми изъ Русскихъ въ это время являются въ Москвѣ два извѣстные измѣнника, бояринъ Михаилъ Салтыковъ и посадскій человѣкъ Ѳедоръ Андроновъ, повидимому оставившіе свое соперничество и дѣйствовавшіе теперь заодно; во главѣ разныхъ приказовъ и вѣдомствъ, какъ мы видѣли, они успѣли устроить своихъ родственниковъ и пріятелей.

Недаромъ Салтыковъ и Андроновъ упоминаются въ русскихъ извѣстіяхъ и актахъ того времени какъ усерднѣйшіе слуги Поляковъ и злѣйшіе враги вѣры и родины. Они доносили Гонсѣвскому на патріарха, предупреждали о готовившемся возстаніи Москвитянъ и придумывали гнусныя мѣры противъ сего возстанія. Съ ихъ помощію нѣкоторыя грамоты патріарха, назначенныя для областей, были перехвачены. Тогда онъ подвергся преслѣдованіямъ. Михайло Салтыковъ и Андроновъ то одни, то вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ приходили къ патріарху и принуждали его благословить весь народъ на присягу королю и королевичу вмѣстѣ и подписать боярскій приговоръ о томъ, что Москва отдается вполнѣ на королевскую волю. Патріархъ наотрѣзъ отказалъ; изъ за чего происходила у нихъ большая брань; Салтыковъ даже грозилъ ему ножомъ. Но патріархъ остался непреклоненъ и ножу противопоставилъ крестъ. Онъ созвалъ

было народъ въ Соборную церковь; но Поляки окружили ее военнымъ отрядомъ и не допустили бесѣды патріарха съ народомъ. Послѣ того къ Гермогену приставлена стража; отъ него удалили дьяковъ и дворовыхъ людей; даже отобрали всѣ письменныя принадлежности, чтобы онъ не могъ писать грамоты въ иные города.

Гонсѣвскій и польскій гарнизонъ, съ самаго начала замѣчавшіе непріязнь Москвичей, соблюдали большія предосторожности и постоянно держали наготовѣ коней и оружіе; теперь же, узнавъ о грамотѣ патріарха, пришли въ большое безпокойство: еще живо сохранилось въ ихъ памяти избіеніе Поляковъ 17 мая 1606 года. Они удвоили предосторожности: усилили караулы; отдали приказъ, чтобы жители поздно вечеромъ не выходили изъ домовъ; а, главное, отобрали у нихъ всѣ запасы пороху и свинцу, и запретили держать у себя оружіе подъ страхомъ смертной казни, обязывая сдавать его въ царскую казну. Тогда Москвичи отчасти стали скрывать оружіе, а отчасти вывозить его за городъ, и польская стража, стоявшая у городскихъ воротъ, иногда находила пищали и самопалы въ телѣгахъ, нагруженныхъ какимъ либо хлѣбомъ; оружіе отбирали; а возниковъ, по приказу Гонсѣвскаго, бросали въ проруби. На святки, особенно на Крещенье, обыкновенно множество народу изъ окрестностей съѣзжалось въ Москву, чтобы присутствовать на церковныхъ торжествахъ и обрядовыхъ церемоніяхъ. Въ 1611 году, хотя стеченіе народа не было такъ велико какъ прежде, однако съѣхалось немало. Поляки испугались стеченія и отъ самаго Рождества до Крещенья не разсѣдлывали своихъ коней, собирались по тревогѣ по нѣскольку разъ въ день, и вообще страшно утомились отъ постояннаго бдѣнія; такъ какъ ихъ войско было слишкомъ малочисленно въ сравненіи съ населеніемъ.

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, извѣстія о неволѣ патріарха и его мольбы стоять за вѣру и освободить царствующій градъ изъ рукъ безбожныхъ Латынянъ распространились по областямъ и возбуждали тамъ сильное волненіе. Особенно эти мольбы обращались въ Рязанскую землю къ ея храброму воеводѣ Прокопію Петровичу Ляпунову. И сей послѣдній не обманулъ надежды, возлагаемой на него патріархомъ.

Города Московскаго государства начали пересылаться между собою грамотами, въ которыхъ указывали на коварство Польскаго короля, на неистовства польскихъ и литовскихъ людей, на опасность, угрожающую православной вѣрѣ, и призывали другъ друга къ общей борьбѣ со врагами. Цѣлый рядъ дошедшихъ до насъ подобныхъ по-

сланій открывается грамотою, обращенною къ Москвичамъ изъ подъ Смоленска отъ жителей смоленскихъ городовъ и уѣздовъ, утѣсненныхъ Поляками. Грамота сообщаетъ, что эти разоренные Смоляне пріѣхали въ королевскій обозъ хлопотать объ освобожденіи изъ плѣна своихъ женъ, матерей и дѣтей; но никто надъ ними не смиловался; многіе, собравъ Христовымъ именемъ окупъ, ходили для того въ Литву и Польшу, но тамъ все у нихъ разграбили и сами свои головы потеряли. А вся земля и вѣра христіанская—говорится въ грамотѣ—гибнутъ отъ „немногихъ предателей своей вѣры и землѣ"; главные изъ нихъ Михайло Салтыковъ, да Ѳедоръ Андроновъ пишутъ королю, чтобы приходилъ съ большою силою и укрѣпилъ за собою Москву, такъ какъ патріархъ своими грамотами призываетъ людей ополчиться за святую вѣру. Смоляне доподлинно узнали о клятвопреступленіи польскихъ и литовскихъ людей: на ихъ сеймахъ рѣшено не отпускать королевича на Московское государство, вмѣсто того вывести изъ него лучшихъ людей, опустошить его и завладѣть всей Московской землей. Смоляне просятъ Москвичей списки съ своей грамоты послать въ Новгородъ, Вологду и Нижній, приписавъ къ ней и свой совѣтъ, чтобы „всею землею стать за православную христіанскую вѣру, покамѣста еще свободны, не въ работѣ и въ плѣнъ не разведены". Москвичи такъ и поступили: списки съ грамоты своихъ смоленскихъ „братьевъ разоренныхъ и плѣненныхъ" разослали въ разные города, присоединивъ отъ себя слезное моленіе стать съ ними за одно противъ общихъ враговъ и собраться для освобожденія столицы: „если корень и основаніе крѣпко, то и все дерево неподвижно, а если корня не будетъ, такъ къ чему прилѣпиться?"—замѣчаетъ московская грамота. И затѣмъ напоминаетъ, что въ Москвѣ Владимірская икона Пречистой Богородицы и великіе свѣтильники Петръ, Алексѣй, Іона; тутъ и „святѣйшій Гермогенъ патріархъ, прямой пастырь, полагающій душу свою за вѣру христіанскую", и неужели православные будутъ ждать, чтобы московскія святыни были также разорены и поруганы, какъ разорили церкви въ другихъ мѣстахъ и чтобы православная вѣра была „перемѣнена" въ латинство?

Одинъ за другимъ города отзывались на эти посланія, входили между собою въ сношенія и побуждали другъ друга къ сбору общаго ополченія. На сѣверовостокѣ особенно усердствуютъ Нижегородцы. Они входятъ въ непосредственныя или посредственныя сношенія съ жителями поморскихъ, сѣверныхъ и низовыхъ городовъ, каковы: Вологжане, Устюжане, Тотемцы, Ярославцы, Суздальцы, Костромичи,

Владимірцы, Галичане, Муромцы, Пермичи, Казанцы, Рязанцы и др. Для юго-востока центромъ движенія становится Рязань, возбужденная своимъ воеводою Прокопіемъ Ляпуновымъ. Онъ шлетъ отвѣтныя грамоты въ Нижній, а призывныя въ Калугу, Тулу, Михайловъ, т. е. въ Сѣверскіе и Украйные или „зарѣчные" (Заокскіе) города, и приглашаетъ всѣхъ цѣловать крестъ, „что бы за Московское государство всею землею стояти вмѣстѣ за одинъ и съ литовскими людьми битись до смерти". Сообразно съ положеніемъ областей, онъ назначилъ два сборныхъ пункта, куда должны идти разные люди изъ городовъ: для сѣверскихъ и украинныхъ Серпуховъ, а для низовыхъ Коломну. Разослана была и крестоцѣловальная запись, по которой города присягали: „Московское государство очищать отъ польскихъ и литовскихъ людей, съ королемъ и русскими людьми, которые ему прямятъ, никакими мѣрами не ссылаться, межъ себя никакихъ смутныхъ словъ не вмѣщать и дурна никакого не вчинять, не грабить, не побивать, а кого государемъ Богъ дастъ, тому служить и прямить" и т. д. Между прочимъ присягали и на томъ, что бы не признавать государемъ новорожденнаго сына Марины Мнишекъ и Лжедимитрія II. Призывныя грамоты особенно громили русскихъ измѣнниковъ—еретиковъ, съ Салтыковымъ и Андроновымъ во главѣ, а также вообще московскихъ бояръ, которые „прельстились ради удѣловъ" и продали себя польскому королю. Если бы—говорилось въ нихъ—святѣйшій патріархъ Гермогенъ, презирая смерть, не подвизался за православную вѣру, то на Москвѣ некому было бы стоять за нее. „Не токмо вѣру попрати, хотя бы *на всѣхъ хохлы хотѣли учинити* (т. е. подбрили бы всѣмъ головы на польскій ладъ), и за то никто бы слова не смѣлъ молвити, боясь многихъ литовскихъ людей и русскихъ злодѣевъ, которые сложились съ ними отступя отъ Бога". Послѣ Гермогена въ примѣръ „крѣпкаго стоятельства" за православную вѣру указывали на смоленскаго архіепископа Сергія, боярина Шеина и смоленскихъ „сидѣльцевъ", которые не поддались ни на какіе обманы и ласканья, и помогаютъ Москвѣ тѣмъ, что удерживаютъ подъ своими стѣнами короля съ войскомъ.

Призывныя грамоты производили впечатлѣніе и воодушевляли народъ. Въ мартѣ 1611 года съ разныхъ сторонъ земскія ополченія двинулись къ Москвѣ. Рязанцевъ велъ Прокопій Ляпуновъ, который впереди себя послалъ на Коломну „нарядъ" (пушки) и „дощатой городъ" (гуляй-городъ); изъ Шацка шелъ Иванъ Карнозицкій съ Темниковцами и Алатырцами, съ Мордвой, Черемисами и Чувашами;

Муромцы шли съ княземъ Вас. Өед. Масальскимъ, Нижегородцы съ княземъ Александромъ Андр. Рѣпнинымъ; изъ Суздаля и Владиміра двигались воевода Измайловъ и атаманъ Просовецкій съ казаками, изъ Переяславля Залѣсскаго стрѣлецкій голова Мажаровъ, изъ Вологды и поморскихъ городовъ воевода Өедоръ Нащокинъ, изъ Романова князья Пронскій и Козловскій съ своими людьми и мурзы съ Романовскими татарами, изъ Галича воевода Мансуровъ, съ Костромы князь Өед. Ив. Волконскій, изъ Калуги шелъ князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой съ земцами и казаками, изъ Тулы Иванъ Заруцкій съ Донцами, изъ Зарайска князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Граждане Великаго Новгорода также откликнулись на призывъ; они заключили въ тюрьму извѣстныхъ сторонниковъ польской партіи Ивана Салтыкова и Чеглокова, присягнули на общей крестоцѣловальной записи и послали ратныхъ людей съ нарядомъ къ Ляпунову. Только отдаленные Пермичи, Вычегодцы и Казанцы медлили съ своею помощью, не смотря на многія напоминанія отъ Ляпунова и другихъ. Большая часть новгородскихъ пригородовъ и Псковъ съ своими пригородами не пришли на помощь, отчасти по причинѣ шведскихъ захватовъ, отчасти по внутреннимъ смутамъ и неурядицамъ. Во всякомъ случаѣ къ Москвѣ приближалось великое, почти стотысячное, ополченіе, которое въ соединеніи съ населеніемъ столицы, казалось, однимъ своимъ числомъ могло задавить семитысячный польскій гарнизонъ. Но въ дѣйствительности силу ополченія подрывали неизбѣжное отсутствіе единства въ предводительствѣ и особенно присутствіе большого количества казаковъ—элемента противугосударственнаго и трудно поддающагося воинской дисциплинѣ. А что касается населенія столицы (польскія и вообще иноземныя извѣстія сильно преувеличиваютъ, считая его въ 700.000 человѣкъ), то враги поспѣшили нанести ему страшный разгромъ еще прежде, чѣмъ подоспѣло земское ополченіе.

Несмотря на всѣ старанія Гонсѣвскаго и другихъ польскихъ начальниковъ предупредить столкновенія своихъ жолнеровъ съ народомъ, отношенія весьма обострились. Ободряемые слухами о скоромъ приходѣ земскаго ополченія къ нимъ на помощь, Москвичи принимали все болѣе вызывающее положеніе и не скрывали своей ненависти къ Полякамъ; называли ихъ обыкновенно „лысыя головы“, короля бранили „старой собакой“, а королевича „щенкомъ“; на рынкахъ запрашивали съ нихъ вдвое дороже, чѣмъ съ туземцевъ и при всякомъ удобномъ случаѣ завязывали съ ними драку. Наступало Верб-

ное Воскресенье, съ его величественной процессіей шествія патріарха на осляти изъ Кремля отъ Успенскаго Собора на Красную Площадь ко храму Покрова или Василія Блаженнаго, собственно къ его придѣлу Входъ въ Іерусалимъ. Опасаясь обычнаго народнаго стеченія въ этотъ день, Гонсѣвскій отмѣнилъ было процессію на сей разъ; но, видя поднявшійся народный ропотъ, освободилъ патріарха изъ подъ стражи и велѣлъ ему совершить обрядъ шествія на осляти. При семъ его коня (изображавшаго осла) вмѣсто царя держалъ за поводъ бояринъ Гундуровъ. Всѣ Поляки и Нѣмцы, составлявшіе гарнизонъ, въ полномъ вооруженіи охраняли порядокъ и были готовы къ бою на случай народнаго мятежа. Но Вербное Воскресенье прошло спокойно; а гроза разразилась черезъ день послѣ того, т. е. во вторникъ на Страстной недѣлѣ 19 марта.

Въ понедѣльникъ лазутчики донесли Гонсѣвскому, что Ляпуновъ съ главнымъ ополченіемъ приближается къ столицѣ съ одной стороны, Заруцкій съ казаками съ другой, Просовецкій съ третьей; а Москвитяне только ждутъ ихъ прихода, чтобы напасть на польскій гарнизонъ. Польскіе начальники рѣшили ихъ предупредить.

Въ Москвѣ на рынкахъ стояло зимою много извощиковъ съ санями, запряженными въ одну лошадь. Эти сани представляли готовый и подвижной матерьялъ для того, чтобы перегородить улицы и стѣснить движенія Поляковъ въ случаѣ мятежа. Во вторникъ поутру Поляки замѣтили, что извощики особенно столпились въ Китай-городѣ, наиболѣе торговой и густонаселенной части Москвы. Они стали бить и разгонять ихъ или заставляли тащить пушки на стѣны Кремля и Китай-города. Завязалась драка. На помощь извощикамъ бросилась толпа лавочниковъ и черни. Тогда Поляки и Нѣмцы взялись за оружіе и принялись рубить и рѣзать Москвичей безъ разбора пола и возраста. Вскорѣ всѣ жители Китай-города были частію избиты, частію разбѣжались, и онъ остался безраздѣльно въ рукахъ Поляковъ, чего они и добивались. Во время этой свалки былъ убитъ князь Андрей Голицынъ, находившійся подъ стражею. Затѣмъ Поляки поспѣшили точно также громить и очищать Большой посадъ или Бѣлый городъ и внѣшній посадъ или Деревянный городъ, чтобы не дать Москвичамъ возможности укрѣпиться въ нихъ вмѣстѣ съ подходившимъ земскимъ ополченіемъ. Въ это время подоспѣли нѣкоторые передовые отряды сего ополченія. Такъ князь Дм. Мих. Пожарскій вошелъ на Срѣтенку и засѣлъ здѣсь въ наскоро построенномъ острогѣ, который вооружилъ пушками. По всей Москвѣ загудѣли на-

батные колокола и все населеніе поднялось какъ одинъ человѣкъ. Въ Бѣломъ городѣ Поляки и Нѣмцы встрѣтили отчаянное сопротивленіе и никакъ не могли его одолѣть, потому что Москвичи перегородили улицы и переулки возами, дровами, скамьями и т. п.; польская конница не могла поэтому производить своихъ натисковъ; а пѣхота и Нѣмцы едва успѣвали разметать загородку въ одномъ мѣстѣ, какъ она появлялась въ разныхъ другихъ. Не только изъ за этихъ прикрытій, но также съ кровель и заборовъ Русскіе поражали враговъ пулями, стрѣлами, каменьями и дрекольемъ; кое-гдѣ съ нашей стороны гремѣли и пушки.

Полякамъ приходилось плохо: уже однимъ своимъ числомъ Русскіе дѣйствительно ихъ подавляли. Вдругъ кто-то закричалъ: *огня! огня! Жги дома!* Польскіе начальники приказали поджигать. Говорятъ, что этотъ совѣтъ данъ былъ главнымъ измѣнникомъ Салтыковымъ и что онъ первый зажегъ собственный домъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ врагамъ удалось произвести пожары въ разныхъ концахъ. Скоро дымъ и пламя, разносимые вѣтромъ, охватили большую часть города и заставили Москвичей покинуть свои мѣста; а Поляки къ вечеру спокойно отступили въ Кремль и Китай-городъ, куда перебрались и тѣ части гарнизона, которыя стояли дотолѣ въ Бѣломъ городѣ. Пожаръ длился всю ночь и ярко освѣщалъ окрестность; Москвичи старались его потушить. Но Гонсѣвскій, посовѣтовавшись съ русскими боярами-измѣнниками, рѣшилъ докончить дѣло истребленія, и учинилъ всѣ нужныя для того распоряженія. Въ середу на разсвѣтѣ изъ Кремля и Китая вышло нѣсколько польско - нѣмецкихъ отрядовъ съ осмоленной паклей, лучиной и другими зажигательными веществами; они принялись поджигать Бѣлый и Деревянный городъ во всѣхъ направленіяхъ. При этомъ особенно отличился своимъ усердіемъ наемный французъ Яковъ Маржеретъ, одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, состоявшій въ русской службѣ при Борисѣ Годуновѣ и Лжедимитріи I. Такъ какъ стѣны и башни Бѣлаго города не поддавались огню и представляли подходившему русскому ополченію возможность отрѣзать Полякамъ сообщенія, то они постарались выжечь дотла Замоскворѣчье съ его внѣшнею стѣною, чтобы имѣть съ этой стороны свободное сообщеніе съ польскими подкрѣпленіями и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ. Какъ разъ въ это время, когда жители Замоскворѣчья вмѣстѣ съ прибывшимъ отрядомъ Ивана Колтовскаго оборонялись отъ Поляковъ, изъ Можайска подоспѣлъ съ свѣжей дружиной полковникъ Струсь. Имѣя передъ собою горящую и рушившуюся де-

ревянную стѣну, этотъ храбрый полковникъ крикнулъ своимъ людямъ: „за мной, дѣти!“ и, вонзивъ шпоры, перескочилъ черезъ пылавшія развалины; за нимъ перескочила вся его конница, и обратила въ бѣгство отрядъ Колтовскаго. Другой ополченный отрядъ (Коломенцы съ Плещеевымъ) укрѣпился было у Чертольскихъ воротъ; но также не выдержалъ огня и нападенія. Только князь Пожарскій на Срѣтенкѣ мужественно бился съ врагами и долго оспаривалъ у нихъ прилегающую мѣстность. Однако огонь и тутъ принудилъ Русскихъ къ отступленію; они положили въ телѣгу тяжело раненнаго князя, и повезли его въ Троицкую Лавру. Туда же вслѣдъ за ними ушли многіе Москвичи; другіе разсѣялись по окрестнымъ слободамъ и селамъ; множество людей было избито или сожжено; оставшаяся часть жителей покорилась Полякамъ и вновь должна была принести присягу королевичу Владиславу.

Москва опустѣла и обратилась въ громадный пылающій костеръ: ибо и на слѣдующій день, въ четвергъ, Поляки продолжали дѣло разрушенія, т. е. поджигали еще остававшіеся въ цѣлости дома. Послѣ трехдневнаго пожара Бѣлый и Деревянный городъ представляли груды дымящихся развалинъ, посреди которыхъ возвышались только закопченыя каменныя стѣны, башни, церкви и печныя трубы. Во время пожара Поляки усердно занимались грабежомъ церквей и зажиточныхъ домовъ; они набрали множество сокровищъ, т. е. золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, дорогого платья, жемчугу и т. п. Жемчугу досталось имъ такое количество, что нѣкоторые для потѣхи заряжали имъ ружья какъ дробью и стрѣляли въ Русскихъ. Они разбивали бочки съ виномъ и медомъ, хранившіяся въ боярскихъ и купеческихъ погребахъ, и пили до упаду. Захваченныхъ женщинъ и дѣвицъ безпощадно насиловали. Многіе жолнеры обогатились въ то время награбленными драгоцѣнностями; но по безпечности своей и малоумію, гоняясь за дорогими вещами и крѣпкими напитками, Поляки менѣе всего воспользовались хлѣбными и вообще съѣстными запасами, допустивъ ихъ сгорѣть или сдѣлаться негодными въ пищу; чѣмъ и приготовили себѣ послѣдующія бѣдствія отъ страшнаго голода. А начальники ихъ тогда главнымъ образомъ были озабочены мыслію, какъ бы по частямъ отбить надвигавшееся со всѣхъ сторонъ ополченіе.

Впереди Ляпунова шелъ Просовецкій съ нѣсколькими тысячами казаковъ; онъ двигался подъ защитою гуляй-города, т. е. подвижной ограды изъ большихъ саней, на которыхъ были утверждены деревянные щиты съ промежутками для стрѣльбы изъ самопаловъ; каждыя

такія сани двигалъ десятокъ людей, которые, когда было нужно, останавливались и стрѣляли въ промежутки. Противъ него выступилъ Струсь, имѣя около тысячи конницы. Въ пятницу на Страстной недѣлѣ верстахъ въ 20 отъ Москвы онъ встрѣтилъ Просовецкаго; спѣшивъ своихъ людей, прорвалъ гуляй-городъ и обратилъ его отрядъ въ бѣгство. Только во вторникъ на Святой недѣлѣ подошелъ съ главною ратью Ляпуновъ, и сначала расположился обозомъ подъ Симоновымъ монастыремъ, окруживъ себя также гуляй-городомъ; потомъ онъ подвинулся къ Яузѣ. Почти одновременно съ нимъ пришли Заруцкій, Трубецкой, Измайловъ, Масальскій и другіе вожди ополченія и занимали мѣста по окрайнамъ города или въ подгородныхъ слободахъ. Они старались завладѣть башнями и стѣнами Бѣлаго города, и дѣйствительно въ ихъ руки перешли ворота Яузскія, Петровскія, Срѣтенскія и Тверскія съ прилегавшими укрѣпленіями. А Поляки сосредоточились въ Кремлѣ и Китай-городѣ: въ первомъ стояли со своими полками Гонсѣвскій и Казановскій, а во второмъ Зборовскій, Струсь, Бобовскій, Млоцкій и др. Изъ Китай-города Поляки выгнали почти всѣхъ жителей и совершенно разграбили какъ дома, такъ и церкви, въ томъ числѣ и богатый храмъ Василія Блаженнаго. Въ Кремлѣ же, тѣсно застроенномъ царскими и боярскими теремами, правительственными приказами, соборами и монастырями, оставались еще многія боярскія и дворянскія семьи, отчасти измѣннически державшія сторону Поляковъ, отчасти оставленныя ими въ качествѣ заложниковъ. Самъ Гонсѣвскій съ своею свитою расположился въ бывшемъ боярскомъ домѣ Бориса Годунова. Польскіе ротмистры, товарищи и простые жолнеры размѣстились гдѣ кто могъ или захватилъ прежде другихъ; они наполнили не только зданія приказовъ, но даже самые храмы и монастыри были осквернены постоемъ грубыхъ жолнеровъ и ихъ коней. Груды неубранныхъ человѣческихъ и конскихъ труповъ тлѣли вокругъ Кремля и Китая на мѣстахъ недавняго побоища, и страшно заражали воздухъ, служа пищею собакамъ, которыя большими стаями собирались изъ всѣхъ окрестностей. Очутясь въ осадѣ, польскіе начальники и русскіе измѣнники, въ родѣ Салтыкова, излили свою злобу на патріарха Гермогена, не склонявшагося ни на какія обольщенія и угрозы и при всякомъ случаѣ посылавшаго свое благословеніе собравшемуся ополченію. Его бросили въ тѣсное, мрачное заключеніе въ Чудовѣ монастырѣ; а на его мѣстѣ, по словамъ лѣтописи, вновь посадили бывшаго лжепатріарха Игнатія, который простымъ чернецомъ проживалъ въ томъ же Чудовѣ мона-

стырѣ. Но сего послѣдняго Русскіе не признали своимъ архипастыремъ, а продолжали считать таковымъ Гермогена.

Начались постоянныя стычки. Русскіе строили временные острожки изъ бревенъ и досокъ и подъ ихъ защитою подвигались впередъ, стѣсняя враговъ съ разныхъ сторонъ. А Поляки дѣлали частыя вылазки, преимущественно для добычи съѣстныхъ припасовъ, и пытались отстоять нѣкоторыя находившіяся еще въ ихъ рукахъ укрѣпленія Бѣлаго города; но большею частію онѣ перешли къ Русскимъ. Уже черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ, обнаружились слѣдствія польской непредусмотрительности: гарнизонъ сталъ терпѣть недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ. Спустя нѣкоторое время, на помощь ему явился извѣстный староста усвятскій Янъ Петръ Сапѣга.

Этотъ искатель добычи и приключеній неоднократно ѣздилъ подъ Смоленскъ въ королевскій лагерь и велъ долгіе переговоры о вознагражденіи его войска; безъ чего оно не соглашалось поступить на королевскую службу. А между тѣмъ, пока не сдался Смоленскъ, у Сигизмунда не было подъ руками другихъ свободныхъ войскъ для подкрѣпленія московскаго гарнизона. Наконецъ, получивъ королевскую ассекурацію на уплату жалованья изъ московской казны, Сапѣжинцы въ маѣ мѣсяцѣ двинулись къ Москвѣ. Но и тутъ со стороны ихъ предводителя не обошлось безъ интриги и коварства. Еще прежде прихода русскаго ополченія подъ Москву онъ далъ знать его начальникамъ, что за хорошее вознагражденіе готовъ перейти на ихъ сторону и помогать имъ противъ своихъ соотечественниковъ. Трудно сказать, какія заднія мысли имѣлъ онъ въ семъ случаѣ. Нѣкоторые современники полагали, будто, соблазненный предшествующими примѣрами, онъ вздумалъ искать Московскаго престола для себя лично. А возможно, что, руководимый внушеніями своего дяди Льва Сапѣги, извѣстнаго политическаго интригана, онъ просто хотѣлъ внести новую смуту въ среду русскаго ополченія, чтобы его разстроить и тѣмъ легче уничтожить. Какъ бы то ни было, сношенія его съ русскими воеводами начались еще въ февралѣ 1611 года. Сапѣга писалъ калужскому воеводѣ князю Юрію Никитичу Трубецкому о своемъ желаніи постоять за православную вѣру (!); для чего онъ готовъ войти въ соглашеніе съ Ляпуновымъ и его товарищами. При семъ увѣрялъ, что онъ и его рыцарство суть „люди вольные“, не обязанные службою королю и королевичу, и что разные бездѣльники лгутъ на нихъ, будто они „чинятъ разоренье святымъ церквамъ“, не велятъ въ нихъ совершать службу и обращаютъ ихъ въ конюшни. Если подобное

случается, то отъ воровъ и бродячихъ шаекъ; а „у насъ въ рыцарствѣ—прибавляетъ Сапѣга—больше половины Русскихъ людей“ (т. е. православныхъ Западноруссовъ). Прокопій Петровичъ охотно поддерживалъ эти переговоры; для чего отправилъ въ Калугу племянника своего Ѳедора Ляпунова съ нѣкоторыми дворянами. Эти послы должны были, во-первыхъ, обѣщать Сапѣжинцамъ уплату жалованья уже послѣ того, какъ будетъ выбранъ новый царь, а во-вторыхъ, обмѣняться взаимною присягою и знатными заложниками. Но Ляпуновъ не могъ довѣрять обѣщаніямъ недавнихъ враговъ: это недовѣріе выразилось съ его стороны въ условіи, чтобы Сапѣжинцы не ходили къ Москвѣ и не соединялись бы съ Русскими въ одни полки, а остались бы въ Можайскѣ, чтобы отрѣзать сообщенія Полякамъ съ королемъ и Литвою. Въ одной грамотѣ къ русскимъ воеводамъ онъ прямо говоритъ, что не столько надѣялся на помощь отъ Сапѣжинцевъ, сколько хлопоталъ о томъ, „чтобы такіе великіе люди въ нашъ доходъ къ Москвѣ у насъ за хребтомъ не были“. Но, разумѣется, трудно было перехитрить такихъ коварныхъ интригановъ, какими являются оба Сапѣги, Левъ и Янъ. Сей послѣдній подошелъ къ Москвѣ съ отрядомъ, заключавшимъ отъ двухъ до трехъ тысячъ хорошо вооруженныхъ жолнеровъ, и сталъ лагеремъ на возвышеніи между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ. Въ началѣ онъ не присталъ открыто ни къ той, ни къ другой сторонѣ; а продолжалъ одновременно пересылаться и съ Гонсѣвскимъ, и съ Ляпуновымъ, требуя уплаты жалованья своему войску отъ того и другого и не получая его ни отъ кого.

Чтобы испытать Сапѣжинцевъ, польскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, предупредивъ о ней Сапѣгу, и завязалъ дѣло съ Русскими какъ разъ около его лагеря. Онъ также вывелъ свое войско, но стоялъ неподвижно. Когда же Поляки стали одолѣвать, онъ послалъ имъ требованіе сойти съ поля, иначе грозилъ ударить имъ въ тылъ. Поляки принуждены были отступить. Но такая неопредѣленность длилась недолго. Убѣдясь, что отъ Ляпунова съ товарищами трудно чего-либо добиться, Сапѣга вошелъ въ соглашеніе съ Гонсѣвскимъ, который предложилъ выдать его войску на извѣстную сумму разныхъ драгоцѣнностей изъ царской казны. Сокровища, накопленныя въ кремлевскихъ дворцовыхъ кладовыхъ, по недостатку денегъ, раздавались боярами въ уплату ратнымъ польскимъ и литовскимъ людямъ; таковы: золотыя короны, осыпанные драгоцѣнными каменьями шапки, скипетры, посохи, сѣдла и всякая сбруя, дорогія парчи, связки

соболей, чернобурыхъ лисицъ, персидскіе ковры, золотая и серебряная посуда и т. п. Заручившись такимъ вознагражденіемъ, Сапѣжинцы стали принимать усердное участіе въ битвахъ Поляковъ съ Русскими. Но, вслѣдствіе сильнаго недостатка продовольствія, Гонсѣвскій склонилъ Сапѣгу отправиться въ ближнія русскія области, съ одной стороны чтобы собрать новые съѣстные припасы, а съ другой чтобы отвлечь хотя часть русскаго ополченія отъ столицы. Подкрѣпленный нѣсколькими ротами изъ гарнизона, Сапѣга въ началѣ іюня двинулся сначала къ Александровской Слободѣ, которую взялъ и разорилъ; а потомъ пошелъ къ Переяславлю. Но сей городъ успѣлъ занять отраженный изъ-подъ Москвы Просовецкій, и приступы Сапѣжинцевъ были отбиты ([21]).

Межъ тѣмъ какъ русское ополченіе добывало Москву, такъ легкомысленно преданную временнымъ боярскимъ правительствомъ въ руки Поляковъ, палъ подъ ударами внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Смоленскъ, этотъ древній, многострадальный русскій городъ. Другой славный представитель древней Руси, Великій Новгородъ, также былъ оторванъ отъ Московскаго государства.

Тщетно Боярская дума, исполняя желаніе Сигизмунда, посылала увѣщательныя грамоты великимъ посламъ и воеводѣ Шеину о полномъ подчиненіи королевскимъ требованіямъ и прежде всего о сдачѣ Смоленска. Послы, т. е. митрополитъ Филаретъ, князь В. В. Голицынъ и дьякъ Луговскій, отказывались повиноваться грамотамъ, потому что подъ ними не было подписи патріарха Гермогена. А Шеинъ совсѣмъ не обращалъ на нихъ вниманія, и грозилъ на будущее время стрѣлять въ тѣхъ, которые будутъ присланы съ подобными воровскими грамотами. Тогда на совѣщаніяхъ пословъ съ панами—радою стали обсуждаться слѣдующія условія неполной сдачи Смоленска: въ городъ ввести нѣсколько сотъ Поляковъ, стражу у воротъ поставить на половину городскую, на половину королевскую, ключи отъ однихъ воротъ хранить у воеводы, отъ другихъ у польскаго начальника и т. д. Но Смоляне соглашались присягнуть Владиславу и впустить небольшой польско-литовскій отрядъ только послѣ того, какъ король отступитъ и съ своимъ войскомъ уйдетъ въ Литву. На что Поляки конечно не согласились. Чтобы сломить упорство великихъ пословъ, ихъ взяли подъ стражу и давали имъ очень скудное содержаніе. Когда пришла вѣсть о движеніи русскаго ополченія и сожженіи Москвы Поляками, паны или собственно Левъ Сапѣга сдѣ-

лались еще настойчивѣе и требовали отъ пословъ, чтобы тѣ приказали Шеину немедля принять въ городъ королевскій отрядъ; но тщетно. Тогда рѣшено съ ними покончить. Около половины апрѣля пословъ и оставшуюся при нихъ дворянскую свиту посадили на лодки и плѣнниками отправили сначала въ Минскъ, оттуда въ Вильну, потомъ ко Львову. Дорогою съ ними обращались грубо и заставили ихъ терпѣть всякія лишенія. Почти одновременно съ ними покинулъ королевскій лагерь и гетманъ Жолкевскій: обиженный невниманіемъ короля къ его совѣтамъ, онъ отказался отъ предложеннаго начальства въ Москвѣ, не хотѣлъ также участвовать въ дальнѣйшей осадѣ Смоленска и уѣхалъ въ свое имѣніе. Когда московскихъ пословъ везли мимо этого имѣнія, онъ оказалъ имъ вниманіе и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Послы не преминули при семъ напомнить ему скрѣпленныя присягою, но нарушенныя условія.

Около того времени умеръ Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, главный начальникъ войска, осаждавшаго Смоленскъ; мѣсто его заступилъ его братъ Яковъ Потоцкій, каштелянъ Каменецкій. Городъ послѣ того держался недолго. Съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ оставалось еще довольно; но битвы, измѣны, болѣзни, болѣе всего цынга такъ уменьшили число защитниковъ, что способныхъ въ бою оставалось всего нѣсколько сотенъ, которыя уже не могли съ успѣхомъ оборонять обширныя стѣны и укрѣпленія города. Однако Шеинъ продолжалъ вести себя героемъ, и не хотѣлъ слышать о сдачѣ. Измѣна и тутъ помогла врагамъ. Какой то смоленскій перебѣжчикъ, по имени Андрей Дѣдишинъ, указалъ королю на слабую часть городской стѣны: она была сложена осенью и недостаточно затвердѣла. Въ эту часть направился орудійный огонь, и она была разрушена, такъ что открылся широкій проломъ. Не теряя времени, непріятель въ полночь сдѣлалъ приступъ съ разныхъ сторонъ, и вломился въ городъ. Горсть его защитниковъ была подавлена числомъ. Многіе жители думали спастись въ Соборный храмъ Богородицы; подъ нимъ въ погребахъ хранился запасъ пороху; кто то изъ Смолянъ зажегъ этотъ порохъ, и взорвалъ на воздухъ храмъ со всѣми, въ немъ находящимися. Опустошительный пожаръ распространился по всему городу. Шеинъ съ своей семьей и немногими слугами бросился въ одну башню, заперся въ ней и началъ отстрѣливаться. Толпа наемныхъ Нѣмцевъ стала ее добывать; болѣе десятка изъ нихъ пали подъ огнемъ воеводы, который очевидно рѣшился погибнуть, а не сдаваться. Но слезы семьи, особенно маленькаго сына, измѣнили его рѣшеніе, и

онъ объявилъ, что сдастся только самому Якову Потоцкому. Явившійся Потоцкій едва отогналъ разсвирѣпѣвшихъ Нѣмцевъ, и взялъ воеводу. Это бѣдственное событіе совершилось приблизительно въ началѣ іюня 1611 года.

Шеина подвергли пыткамъ, допрашивая его о тайныхъ сношеніяхъ и замыслахъ, о причинахъ его упорной обороны и скрытыхъ сокровищахъ; послѣ чего его отправили въ глубь Литвы, гдѣ содержали въ оковахъ. Его маленькаго сына взялъ себѣ король, а жену и дочь Левъ Сапѣга. Паденіе Смоленска праздновалось Поляками съ великимъ торжествомъ. Знаменитый іезуитъ Скарга по сему случаю произнесъ напыщенную проповѣдь. На радостяхъ король совсѣмъ забылъ о положеніи польскаго гарнизона, осажденнаго русскимъ ополченіемъ; считалъ покореніе Московскаго государства почти оконченнымъ, и, вмѣсто обѣщаннаго похода къ Москвѣ, отправился въ Варшаву. Въ концѣ октября совершился тріумфальный, на подобіе Римскаго, въѣздъ въ этотъ городъ гетмана Жолкевскаго съ большою, блестящею свитою изъ полковниковъ и ротмистровъ; вмѣстѣ съ нимъ въ открытой каретѣ, запряженной шестерней бѣлыхъ коней, на показъ народу, везли бывшаго московскаго царя Василія Шуйскаго съ братьями—зрѣлище весьма лестное для польскаго тщеславія. Въ томъ же поѣздѣ находились и знатнѣйшіе смоленскіе плѣнники съ Шеинымъ во главѣ. Шуйскихъ послѣ того помѣстили въ Гостынскомъ замкѣ недалеко отъ Варшавы, гдѣ Василій вскорѣ скончался.

Въ Новгородѣ Великомъ также происходили грозныя событія. Когда пришли туда извѣстія о сожженіи Москвы и разныхъ польскихъ неистовствахъ, Новогородцы выместили свое негодованіе на воеводѣ Иванѣ Михайловичѣ, сынѣ извѣстнаго измѣнника Салтыкова. Напрасно несчастный клялся, что будетъ вѣрно служить Русской землѣ и готовъ идти противъ отца родного, если тотъ приведетъ Поляковъ подъ Новгородъ; его посадили на колъ. Главнымъ воеводою сюда присланъ былъ изъ подъ Москвы отъ Ляпунова Вас. Ив. Бутурлинъ. Межъ тѣмъ Яковъ Делагарди, овладѣвъ городомъ Корелою, притянулъ къ себѣ подкрѣпленія изъ разныхъ пограничныхъ мѣстъ, и весною 1611 года двинулся къ самому Новгороду. Пережидая разлитіе водъ, онъ остановился въ 120 верстахъ отъ него на берегу Волхова, и отсюда продолжалъ начатые ранѣе переговоры съ новогородскими властями. Онъ предлагалъ обмѣнъ плѣнныхъ и требовалъ уплаты жалованья своему войску на основаніи Выборгскаго договора; а затѣмъ вызывался опять заодно съ Русскими воевать про-

тивъ Поляковъ. Но все это было только предлогомъ; а въ дѣйствительности онъ задумалъ овладѣть самимъ Новгородомъ. По окончаніи полой воды Делагарди приблизился къ городу и остановился у Хутынскаго монастыря. Сюда Бутурлинъ пріѣхалъ къ нему на свиданіе. Шведскій военачальникъ за прошлую и будущую свою помощь потребовалъ въ обезпеченіе нѣсколько русскихъ городовъ, а именно: Орѣшекъ, Ладогу, Ямъ, Копорье, Ивангородъ и Гдовъ; наконецъ соглашался только на два, Орѣшекъ и Ладогу. Во время сихъ переговоровъ Делагарди, повидимому, первый предложилъ русскимъ воеводамъ выбрать на Московскій престолъ шведскаго принца. Во всякомъ случаѣ отъ него и новгородскихъ властей отправлены были гонцы подъ Москву съ таковымъ предложеніемъ. Ляпуновъ и некоторые его товарищи соглашались избрать въ цари шведскаго королевича, конечно подъ условіемъ перехода въ православіе; но требовали, чтобы прежде всего Шведы спѣшили къ нимъ на помощь для освобожденія страны отъ Поляковъ; въ такомъ случаѣ готовы были даже отдать въ залогъ Орѣшекъ и Ладогу. Делагарди однако не думалъ спѣшить къ Москвѣ. Второй новогородскій воевода князь Одоевскій не довѣрялъ ему и не склонялся ни на какія уступки. Тогда Бутурлинъ, какъ говорятъ, сталъ дѣйствовать измѣннически, т.-е. завелъ тайные переговоры со шведскимъ военачальникомъ и даже не прочь былъ сдать ему Новгородъ. Въ началѣ іюля Делагарди перешелъ Волховъ и сталъ подъ Колмовымъ монастыремъ; Новогородцы выжгли окрестные посады и слободы, и сѣли въ осаду. Первое нападеніе Шведовъ было отбито. Послѣ того они цѣлую недѣлю не трогались съ мѣста. Новогородцы возгордились своимъ успѣхомъ, и не только предались безпечности, но нѣкоторые нахалы съ городскихъ валовъ, въ пьяномъ видѣ, начали осыпать Шведовъ насмѣшками и непристойною бранью.

Какъ при взятіи Смоленска, и тутъ врагамъ помогла измѣна.

Въ шведскомъ плѣну оказался какой-то Иванко Шваль, который хорошо зналъ новогородскія стѣны съ ихъ тайниками и выходами. Въ ночь на 17-е іюля онъ незамѣтно провелъ Шведовъ Чудинцовыми воротами на Софійскую сторону въ такъ наз. Деревянный внѣшній городъ. Непріятелей замѣтили только тогда, когда они начали избивать стражу и захватывать другія ворота. Въ городѣ произошелъ страшный переполохъ и невообразимое смятеніе, которые помогли Шведамъ завладѣть имъ безпрепятственно. Воевода Бутурлинъ, стоявшій съ ратными людьми на Торговой сторонѣ, бѣжалъ съ ними по

дорогѣ къ Бронницамъ, предварительно ограбивъ купеческія лавки на этой сторонѣ. Сопротивленіе оказали только двѣ кучки. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлецкій голова Голютинъ и атаманъ Шаровъ съ сорока казаками защищались до тѣхъ поръ, пока не были всѣ перебиты. Въ другомъ протопопъ Софійскаго собора Аммосъ съ горстью людей заперся на своемъ дворѣ и далъ мужественный отпоръ. За какую то вину онъ находился подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; владыка, стоя на стѣнѣ дѣтинца, видѣлъ его ратоборство и издали благословилъ его. Шведы, не желая болѣе тратить людей, зажгли дворъ Аммоса, и онъ погибъ въ пламени со всей своей семьей.

Оставался еще каменный дѣтинецъ или Софійскій кремль, гдѣ заперлись владыка Исидоръ и воевода Одоевскій. Но для защиты его почти не имѣлось ратныхъ людей. Власти вступили въ переговоры съ Делагарди, и сдались ему на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: царемъ русскимъ избирается одинъ изъ сыновей Карла IX, Густавъ Адольфъ или Карлъ Филиппъ; православіе и привилегіи духовенства, русскіе обычаи, законы и имущества остаются ненарушимыми; но Шведамъ дается право получать помѣстья въ Русской землѣ; въ случаѣ тяжебныхъ дѣлъ между обѣими народностями учреждается смѣшанный судъ; Новогородская земля не будетъ присоединена къ Швеціи, за исключеніемъ города Корелы съ уѣздомъ, но до прибытія королевича Делагарди управляетъ ею въ качествѣ его намѣстника, и т. д.

Младшій братъ Новгорода Псковъ въ это время испытывалъ еще горшія бѣдствія. Когда Москва и другіе города присягнули королевичу Владиславу, Псковъ отказался дать таковую присягу. Тогда въ его земли ворвался съ своими шайками Лисовскій и опустошалъ ее почти четыре года. А литовскій гетманъ Ходкевичъ, стоявшій въ Ливоніи, въ мартѣ 1611 года осадилъ Псково-Печерскій монастырь; однако не могъ его взять. Къ довершенію смуты явился новый, т.-е. третій Лжедимитрій. Нѣкоторыя извѣстія называютъ этого вора Сидоркой; другіе говорятъ, что онъ назывался Матвѣемъ и былъ прежде дьякономъ въ московской Заяузской церкви. Въ концѣ марта онъ объявился въ Иванъ-городѣ, назвавъ себя Димитріемъ, который царствовалъ въ Калугѣ и будто бы не былъ убитъ, а снова чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти. Ивангородцы приняли Третьяго Лжедимитрія также радостно какъ Стародубцы Второго; звонили въ колокола и палили изъ пушекъ. Особенно обрадовались ему казаки, которые съ разныхъ сторонъ спѣшили къ нему на службу; такъ изъ

Пскова они ушли обманомъ, сказавъ, что идутъ на Лисовскаго. Скоро воръ увидалъ себя во главѣ значительной силы, и пытался даже войти въ переговоры съ шведскимъ комендантомъ сосѣдняго города Нарвы, хотя и безуспѣшно. Казаки съ торжествомъ повезли новаго вора во Псковъ; но тутъ сначала встрѣтили отказъ. Во Псковѣ въ то время воеводъ не было; дѣлами вѣдалъ умный дьякъ Иванъ Луговскій съ нѣсколькими посадскими людьми. Онъ послалъ просить помощи и совѣта у воеводъ, стоявшихъ подъ Москвою. Воръ также съ своей стороны послалъ въ подмосковные станы одного изъ казацкихъ атамановъ.

Но подъ Москвою на ту пору разыгрались такія событія, что тамъ было не до Новгорода и не до Пскова.

Послѣ ухода Яна Сапѣги въ сѣверныя области, положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ значительно ухудшилось: русское ополченіе снова завладѣло почти всѣмъ Бѣлымъ городомъ, укрѣпилось въ немъ помощію острожковъ и рогатокъ, и все болѣе и болѣе тѣснило сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ Поляковъ. Но послѣднимъ на этотъ разъ помогли несогласія, происходившія въ самомъ русскомъ лагерѣ. Ополченіе страдало недостаткомъ единоначалія. Ратные люди ясно видѣли зло и пыталась ослабить его устройствомъ временнаго правительства, на подобіе того, которое находилось въ осажденной Москвѣ. Къ сожалѣнію, они не были свободны въ выборѣ правителей, а принуждены были утвердить только тѣхъ, которые въ дѣйствительности уже стояли во главѣ собравшейся разнородной рати и захватили власть въ свои руки. То были: во первыхъ, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, воевода Рязанскій, главный зачинщикъ и двигатель всего дѣла, во вторыхъ, князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, въ третьихъ, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій; послѣдніе двое собрали вокругъ себя бывшихъ сторонниковъ Калужскаго царика, преимущественно казаковъ. Эти три лица были утверждены общею думою ратныхъ людей въ званіи главныхъ воеводъ и правителей Московскаго государства до его очищенія отъ польскихъ и литовскихъ людей и до избранія новаго царя. Отъ ихъ имени теперь посылались указы въ города и области и выдавались жалованныя грамоты служилымъ людямъ на помѣстья и вотчины. На такихъ грамотахъ обыкновенно впереди писались имена Трубецкого и Заруцкаго, имѣвшихъ боярскій санъ, хотя и полученный ими отъ Тушинскаго вора; Ляпуновъ какъ думный дворянинъ именовался на третьемъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ однако ему принадлежала первая роль и по уму, и по энергіи, и по

вліянію на земскихъ людей; на его сторонѣ по преимуществу были дворяне и дѣти боярскіе и вообще лучшая, болѣе консервативная часть ополченія. Между этой частью и казачествомъ существовали взаимное недовѣріе и даже непріязнь; ибо земцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на своеволіе и грабительства казаковъ. А симъ послѣднимъ особенно потворствовалъ Заруцкій; чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположеніе, опираясь на которое, онъ явно стремился къ первенству и верховенству. Трубецкой по своей безхарактерности имѣлъ мало значенія въ семъ временномъ правительствѣ; какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи, тріумвиратъ обратился въ дуумвиратъ или въ борьбу двухъ соперниковъ за власть.

Заруцкій съ Донскими казаками присталъ къ русскому ополченію, очевидно питая коварные замыслы. Съ нимъ успѣла сойтись, пребывавшая тогда въ Коломнѣ, вдова двухъ самозванцевъ Марина, и склонила его дѣйствовать въ ея пользу. По всѣмъ признакамъ, Заруцкій имѣлъ въ виду посадить на престолъ ея маленькаго сына, чтобы самому вмѣстѣ съ нею управлять государствомъ. А потому ни притязанія Владислава, ни новая кандидатура Шведскаго принца не были въ его интересахъ, и готовность Ляпунова признать сего послѣдняго сильно ему не нравилась. Затѣмъ частыя столкновенія между ними происходили какъ изъ за казацкихъ грабежей, такъ изъ за вотчинъ и помѣстій, которыя Заруцкій широкою рукою раздавалъ своимъ сторонникамъ или присвоивалъ лично себѣ. Для обузданія такого расхищенія государственной и частной собственности, ополченные изъ двадцати пяти разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, руководимые Ляпуновымъ, собрались и, „по совѣту всей земли", постановили приговоръ, отъ 30 іюня 1611 года.

Этотъ приговоръ главнымъ образомъ настаивалъ на слѣдующемъ: чтобы воеводы-правители жаловали ратныхъ людей по ихъ заслугамъ, а не „чрезмѣру"; чтобы каждый начальникъ взялъ себѣ вотчины и помѣстья одного изъ бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Поляками, дворцовыя же села и черныя волости, а также остальныя помѣстья и вотчины бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, обратили бы на содержаніе ратныхъ людей; чтобы о холопахъ этихъ дворцовыхъ бояръ, ушедшихъ въ казаки, составить особый приговоръ. Далѣе въ этой грамотѣ слѣдовало челобитье, чтобы начальники хранили согласіе другъ съ другомъ и не попрекали бы одинъ другого Тушинымъ (т. е. бывшею службою у вора и его пожалованіемъ). Та же грамота предписывала отобрать вотчины и помѣстья у лицъ, которыя завладѣли

ими неправильно въ послѣднее время безъ земскаго приговора, т. е. земли, розданныя королемъ, Сапѣгою, Заруцкимъ и т. п. Для водворенія порядка въ отобраніи и раздачѣ помѣстій установленъ былъ въ ополченіи свой собственный Помѣстный приказъ, а для суда надъ своевольниками и грабителями свой Разбойный приказъ; безъ земскаго приговора однако не разрѣшалось творить смертную казнь. Для посылокъ по городамъ постановлено выбирать изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ раненыхъ и неспособныхъ къ бою, а здоровыхъ воротить въ полки. Старыхъ казаковъ предполагалось поверстать помѣстными и денежными окладами или выдавать имъ хлѣбный кормъ и деньги изъ дворцовыхъ приказовъ, но не позволять имъ самимъ наѣзжать на дворцовыя села и черныя волости, тамъ насильничать и грабить. А тѣхъ крестьянъ и людей (холопей), которые въ Смутное время ушли отъ своихъ помѣщиковъ къ другимъ, велѣно возвращать къ ихъ господамъ. Но значительная часть такихъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей вступили въ ряды казачества. Слѣдовательно, означенный приговоръ долженъ былъ очень не понравиться Заруцкому и вообще казакамъ; такъ что, вмѣсто согласія, онъ только усилилъ ихъ вражду къ Ляпунову. Сей послѣдній, опираясь на рѣшеніе земскаго совѣта, приказывалъ подчиненнымъ себѣ воеводамъ строго наказывать казаковъ, пойманныхъ на грабежѣ; что еще болѣе разжигало ненависть къ нему казачества.

Одинъ изъ такихъ второстепенныхъ воеводъ, Матвей Плещеевъ близъ Москвы у Николы на Угрѣшахъ поймалъ на грабежѣ 28 казаковъ, и, безъ суда, велѣлъ ихъ бросить въ воду. Товарищи вынули ихъ изъ воды и привезли въ свои таборы. По этому поводу собрался казачій кругъ, на которомъ много шумѣли и грозили убить Ляпунова. Дѣло приняло такой оборотъ, что Прокопій Петровичъ счелъ себя небезопаснымъ въ собственномъ стану, и, отказываясь отъ начальства, хотѣлъ уѣхать въ Рязань. Однако дворяне догнали его подъ Симоновымъ монастыремъ и убѣдили воротиться. Онъ остановился ночевать въ острожкѣ у Никитскихъ воротъ; на слѣдующее утро собралась вся рать и уговорила его оставаться начальникомъ по прежнему. Но такой исходъ дѣла не былъ въ интересахъ Заруцкаго. Этотъ Полурусскій, Полуполякъ повидимому стакнулся съ начальникомъ польскаго гарнизона Гонсѣвскимъ и помогъ ему погубить Ляпунова самымъ гнуснымъ способомъ.

Сочинены были двѣ грамоты, искусно поддѣланныя подъ руку Ляпунова: въ одной онъ будто бы приказывалъ по всѣмъ городамъ

хватать казаковъ и предавать казни, а въ другой будто предлагалъ Полякамъ предать казаковъ въ ихъ руки. При обмѣнѣ какого то плѣннаго казака Гонсѣвскій велѣлъ сообщить эти грамоты атаману Заварзину. Разумѣется, тотъ показалъ ихъ товарищамъ. Произошло большое волненіе: казаки собрали кругъ и послали звать Ляпунова. Онъ сначала отказывался; но нѣкоторые дворяне сами уговорили его пойти въ кругъ, увѣряя, что ему легко будетъ оправдаться и что казаки ничего ему не сдѣлаютъ. Ляпуновъ наконецъ согласился и пошелъ, сопровождаемый кучкою дворянъ и дѣтей боярскихъ. Когда ему показали грамоты, онъ сказалъ, что рука похожа на его руку, но писалъ не онъ. Тутъ поднялся большой шумъ; клевреты Заруцкаго съ крикомъ *измѣнникъ!* бросились на Ляпунова и изрубили его саблями. Изъ дворянъ только Иванъ Ржевскій, хотя недругъ Прокопія, пытался защитить его и тоже былъ изрубленъ.

Такъ погибъ этотъ замѣчательный дѣятель Смутнаго времени, „бодренный воевода" и „властель Московскаго воинства", по выраженію лѣтописцевъ. Къ сожалѣнію, несомнѣнная храбрость и талантливость соединялись у него съ недостаткомъ осмотрительности и разсудительности. Одушевленный главною идеей очистить Россію отъ Поляковъ, онъ не затруднился заключать сомнительные союзы: готовъ былъ призвать опять Шведовъ, думалъ даже воспользоваться Сапѣгою, а, главное, слишкомъ неосторожно то враждовалъ, то дружилъ съ такою ненадежною силою, каково тогда было казачество, да еще во главѣ со столь злонравною личностью какъ Иванъ Заруцкій. Впрочемъ въ семъ отношеніи нельзя строго осуждать Ляпунова: казачество все-таки считалось служилымъ сословіемъ, и, если оно болѣе другихъ классовъ обнаружило наклонности къ своеволію и воровскому образу дѣйствія, то существовало и могучее звено, связывавшее его съ земствомъ, именно православіе и русская народность казачества; а борьба велась тогда главнымъ образомъ подъ знаменемъ православія. Но повидимому въ самомъ служиломъ сословіи дворянъ и дѣтей боярскихъ еще была какая то шатость или крамола въ отношеніи Ляпунова; иначе трудно объяснить, почему онъ принужденъ былъ пойти почти на явную смерть и почему земское ополченіе такъ мало оказало ему защиты. Безъ сомнѣнія своею гордостію и повелительнымъ тономъ онъ вооружилъ противъ себя даже многихъ товарищей. Будучи только думнымъ дворяниномъ, Ляпуновъ, по словамъ лѣтописца, „вознесся не по своей мѣрѣ": онъ высокомѣрно обращался не только съ боярскими дѣтьми, но и съ самими боярами; приходившіе къ нему на поклонъ прежде,

нежели допускались въ его избу, многое время стояли передъ нею. Онъ былъ слишкомъ горячъ, невоздерженъ на языкъ и легко разражался крупною бранью, не обращая вниманія на заслуги и знатную породу. Во всякомъ случаѣ его недостатки не могутъ въ глазахъ исторіи затмить его славу какъ даровитаго, энергичнаго вождя и ревностнаго патріота, положившаго свой животъ на службѣ погибавшему отечеству.

По смерти Ляпунова Заруцкій, наружно какъ бы непринимавшій участія въ его гибели, сдѣлался дѣйствительнымъ главою русскаго ополченія, стоявшаго подъ Москвою. Хотя правительственныя грамоты писались теперь отъ лица двоихъ, т. е. его и Трубецкого; но послѣдній по слабости характера обыкновенно подчинялся Заруцкому. Чтобы утвердить за собою это верховенство, онъ воспользовался новымъ подкрѣпленіемъ, пришедшимъ изъ Казани и низовыхъ областей и принесшимъ съ собою образъ Казанской Божіей Матери (собственно списокъ съ нея), и взялъ приступомъ Новодѣвичій монастырь. Засѣвшіе тамъ Поляки и Нѣмцы были большею частію изрублены; а старицы отправлены во владимірскіе монастыри. Но тѣмъ и ограничились успѣхи русскаго ополченія. Смерть Ляпунова все таки произвела въ немъ большое разстройство. Казаки сдѣлались еще необузданнѣе въ своихъ грабежахъ и насиліяхъ; а осиротѣлые дворяне и дѣти боярскіе, поступившіе теперь подъ главное начальство Заруцкаго, упали духомъ, подверглись обидамъ, побоямъ и даже убійствамъ отъ казачества, и многіе изъ нихъ разъѣхались по домамъ. Впрочемъ нашлись и такіе, которые „купили" себѣ у Заруцкаго разныя прибыльныя мѣста, напримѣръ, областныхъ воеводъ или завѣдующихъ приказами, и уѣхали въ города.

Вообще наступившее подъ Москвою исключительное господство казацкаго ополченія ознаменовалось насиліями и жестокостями этой необузданной вольницы, неразбиравшей ни своихъ, ни чужихъ, ни пола, ни возраста, ни состоянія. Вотъ какими чертами изображаетъ ея неистовства грамота сидѣвшаго въ Москвѣ временного боярскаго правительства, отправленная (въ январѣ 1612 года) въ нѣкоторые сѣверные города съ увѣщаніемъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу. „Безпрестанно ѣздя по городамъ изъ подмосковныхъ таборовъ, казаки грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ; боярынь и простыхъ женъ и дѣвицъ насилуютъ, церкви Божіи разоряютъ, святыя иконы обдираютъ и ругаются надъ ними такъ, что и писать о томъ страшно. А когда Ивашка Заруцкій съ товарищами

взяли Новодѣвичій монастырь, они также разорили церковь и обод-рали образа, и такихъ черницъ какъ бывшую королеву (Ливонскую) дочь Владиміра Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и глядѣть не смѣли, ограбили до нага, а иныхъ бѣдныхъ черницъ грабили и насиловали; а какъ пошли изъ монастыря, то его выжгли. Они считаются христіанами, а сами хуже жидовъ". При семъ боярское правительство, впрочемъ съ явнымъ пристрастіемъ, увѣряетъ, будто Польскіе и Литовскіе люди, хотя и чужеземцы, но жалѣютъ жителей и скорбятъ объ ихъ разореніи.

Въ началѣ августа, послѣ мѣсячнаго отсутствія, воротился подъ Москву Янъ Сапѣга съ большимъ обозомъ собранныхъ имъ припа-совъ. Прибытіе его немедля поправило дѣла Поляковъ: они опять овладѣли частью укрѣпленій Бѣлаго города; разорили острожки, поставленные Русскими въ Замоскворѣчьи, и возстановили свои сообщенія по Можайской дорогѣ. Но вскорѣ послѣ своего прибытія Сапѣга занемогъ, и черезъ двѣ недѣли умеръ. Тѣло его отвезли на родину. Столь неожиданно и въ цвѣтѣ лѣтъ, подобно Рожинскому, окончилъ свою хищническую дѣятельность и этотъ польско-русскій кондотьеръ Смутнаго времени. Въ погонѣ за славою и добычею онъ разстроилъ и обременилъ долгами собственныя имѣнья и почти въ бѣдности оставилъ свою жену и дѣтей. Войско его, отступивъ въ окре-стныя села, занялось набѣгами и грабежами, и тревожило наше ополченіе съ тыла.

По смерти Сапѣги дѣло Поляковъ снова ухудшилось. Русскіе ка-леными ядрами зажгли Китай-городъ, такъ что внутри онъ выгорѣлъ дотла, и гарнизонъ его долженъ былъ перебраться въ Кремль; отче-го тамъ произошла великая тѣснота. Съѣстные припасы истощились и вновь начался голодъ. Въ октябрѣ на помощь Полякамъ пришелъ давно ожидаемый ими литовскій гетманъ Ходкевичъ, но всего съ 2000 человѣкъ; такъ что освободить гарнизонъ отъ осады онъ не могъ; а послѣ нѣсколькихъ стычекъ отошелъ на зимнее время въ село Рогачово (Дмитров. уѣзда), и занялся преимущественно снабже-ніемъ горнизона съѣстными припасами, за которыми приходилось по-сылать отряды въ дальнія мѣста. Но около того времени со стороны русскаго населенія начался родъ партизанской или народной войны. Разоренное и озлобленное крестьянство, которое не могло защищать-ся въ своихъ открытыхъ селахъ, стало собираться въ шайки, воору-женныя чѣмъ попало, и выбирало себѣ предводителей. Эти партизаны, получившіе общее названіе *шишей*, укрывались въ лѣсахъ и дебряхъ,

оттуда высматривали и выслѣживали непріятелей, неожиданно нападали на нихъ, били, отнимали у нихъ собственное или въ другихъ мѣстахъ награбленное имущество, а иногда совершенно истребляли. Наступившая зима благопріятствовала ихъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ какъ польская конница затруднена была глубокими снѣгами, шиши пользовались лыжами для быстрыхъ нападеній, а въ случаѣ неудачи для бѣгства. Они особенно сдѣлались опасны непріятельскимъ отрядамъ, ходившимъ за съѣстными припасами; а потому доставка сихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе затруднялась.

Гетманъ Ходкевичъ, то уходившій, то возвращавшійся къ Москвѣ, кромѣ недостатка людей и припасовъ долженъ былъ еще бороться съ неповиновеніемъ полковниковъ и ротмистровъ, которые устраивали конфедераціи, требовали уплаты жалованья и подкрѣпленій или смѣны своей другими войсками; въ противномъ случаѣ грозили покинуть столицу и уйти въ отечество. Кое какъ гетману удалось убѣдить однихъ обѣщаніями, другихъ дорогими вещами изъ царской казны, которыя московскіе бояре согласились дать пока въ залогъ, обязуясь ихъ выкупить, когда пріѣдетъ и сядетъ на царство королевичъ Владиславъ. Лѣтомъ 1612 года Ходкевичъ опять пріѣхалъ на короткое время и устроилъ оборону столицы. Онъ принужденъ былъ отпустить большую часть ея гарнизона; а съ оставшеюся частію водворилъ въ Кремлѣ вновь принятыхъ на королевскую службу многихъ Сапѣжинцевъ (именно полкъ Будила) и кромѣ того полкъ хельминскаго старосты Струся. Начальникъ гарнизона Гонсѣвскій, вѣроятно предвидя плохой исходъ польскаго дѣла, въ іюлѣ 1612 года уступилъ свое начальство Струсю и уѣхалъ изъ Москвы. Около того же времени отъ московской Боярской Думы было снаряжено посольство къ королю или собственно на сеймъ. Во главѣ сего посольства поставлены князь Юрій Никитичъ Трубецкой, извѣстный бояринъ Мих. Глѣб. Салтыковъ и думный дьякъ Василій Яновъ. Такимъ образомъ два послѣдніе измѣнника заблаговременно ускользнули отъ угрожавшей имъ кары.

Межъ тѣмъ бѣдствія Руси все увеличивались. На сѣверѣ Шведы, послѣ завоеванія Новгорода, постепенно захватили города Яму, Копорье, Ладогу, Русу, Порховъ, Ивангородъ, Тихвинъ, Гдовъ, Орѣшекъ. Завладѣвъ значительною частью Новгородской земли, они попытались завладѣть и Псковскою; но приступы Эдуарда Горна къ Пскову были отбиты. За то Псковъ вскорѣ попалъ въ руки вора Сидорки. Посланный имъ подъ Москву одинъ атаманъ взволновалъ тамъ казачьи таборы. Воспоминанія о золотомъ для казацкой вольницы

времени Тушинско-Калужскаго царика оживились надеждою на его возвращеніе; многіе казаки легко повѣрили, что онъ еще живъ, признали его истиннымъ Димитріемъ и принудили къ тому же Заруцкаго и Трубецкого. Значительный казачій отрядъ посланъ изъ подъ Москвы на помощь вору. Въ самомъ Псковѣ образовалась большая партія его сторонниковъ. Тѣснимые съ одной стороны шайками Лисовскаго, съ другой шведскими наемниками, Псковичи склонились на убѣжденія сихъ сторонниковъ, и призвали къ себѣ вора изъ Ивангорода, осаждаемаго Шведами. Въ декабрѣ 1611 года (по западному Январьскому стилю, а по русскому Сентябрьскому 1612 г.) онъ пришелъ и засѣлъ во Псковѣ. Кромѣ сего Псковскаго вора или третьяго Лжедимитрія, въ это же время явился и четвертый, Астраханскій, котораго признало царемъ почти все нижнее Поволжье.

Такъ разрывалась на части и пустошилась Русская земля, и эта эпоха сдѣлалась потомъ памятною народу подъ именемъ *лихолѣтья*. Казалось, близокъ уже былъ конецъ Московскому государству, оставшемуся безъ государя. Но когда бѣдствія достигли своего крайняго предѣла, историческій процессъ или вѣрнѣе Промыселъ, управляющій судьбами странъ и народовъ, умудрилъ и вызвалъ на сцену дѣйствія лучшую часть Русскаго народа, которая и спасла отечество отъ раскрывшейся передъ нимъ бездны. (22).

VI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ И ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА РОМАНОВА.

Чудесныя видѣнія.—Троицкій архимандритъ Діонисій и его призывныя посланія.—Нижегородцы и Козьма Мининъ.—Воевода князь Пожарскій.—Сборъ второго ополченія.—Кончина Гермогена.—Остановка ополченія въ Ярославлѣ. — Переговоры съ НовгородомъВ.—Четыре правительства.—Конецъ Третьяго Лжедимитрія.—Интриги Заруцкаго и его бѣгство.—Походъ и прибытіе ополченія къ Москвѣ.—Бой съ Ходкевичемъ и казаки Трубецкого.—Вліяніе Троицкой Лавры.—Ужасы голода среди осажденныхъ.—Сдача Китай-города и Кремля.—Сигизмундъ подъ Волокомъ Ламскимъ.—Созывъ Великой Земской Думы.—Кандидаты на престолъ, особенно князь Голицынъ.—Совокупность условій въ пользу Михаила Өеодоровича Романова.—Тактика и переписка Ө. И. Шереметева.—Заявленія разныхъ сословій.—Избраніе Михаила.—Сусанинъ.—Посольство въ Кострому.—Сцены въ Ипатьевскомъ монастырѣ. — Согласіе старицы Мароы и Михаила.—Медленное путешествіе ихъ въ столицу.—Священное короновані.—Ограниченія.

Начало новаго, спасительнаго движенія вышло изъ того же живительнаго источника, который одухотворялъ Русскую народную массу, поднимавшуюся на борьбу съ ея пришлыми врагами: изъ ея глубокой вѣры въ Божественный Промыселъ и въ помощь свыше, изъ ея ничѣмъ непоколебимой преданности Православію.

Мы уже видѣли, что время смутъ и бѣдствій на Руси сопровождалось сказаніями о чудесныхъ и пророческихъ видѣніяхъ, которыя предзнаменовали какое-либо бѣдствіе или указывали средство спасенія и которыхъ удостоивались разные благочестивые люди и христолюбцы въ томъ или другомъ мѣстѣ. Подобныя сказанія возобновились съ особою силою въ послѣднюю эпоху Смуты или въ эпоху такъ наз. „Московскаго разоренья“. Напримѣръ, послѣ взятія Новгорода Шведами появилась повѣсть о видѣніи нѣкоему мниху Варлааму. Этому мниху приснилось, что какой-то старецъ привелъ его въ Софійскій соборъ, и тутъ онъ увидалъ Богородицу, сѣдящую на престолѣ. Сто-

явшіе вокругъ новгородскіе святители слезно умоляли ее умилостивить своего Сына, чтобы онъ пощадилъ Великій Новгородъ и не предавалъ его въ руки иноземцевъ; но тщетно. Божія Матерь отвѣчала, что люди прогнѣвали Господа своими беззаконіями, неправдами, нечестіемъ, блудными дѣлами, особенно содомскимъ грѣхомъ; а потому пусть они покаятся и готовятся къ смерти. Осенью 1611 года въ ратныхъ таборахъ подъ Москвою распространился слухъ о какомъ то свиткѣ, въ которомъ описывалось видѣніе нѣкоему обывателю Нижняго Новгорода, по имени Григорію. Въ полночь во время сна представилось ему, что верхъ храмины его самъ собою раскрылся и она освѣтилась великимъ свѣтомъ, а съ небеси спустились въ нее два мужа: одинъ сѣлъ ему на грудь, другой сталъ у изголовья. Предстоящій началъ вопрошать сидѣвшаго, называя его „Господи", о судьбѣ Русской земли и будущемъ царѣ. „Аще человѣцы во всей Русской землѣ покаются и постятся три дня и три ночи, въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, не токмо старые и юные, но и младенцы, Московское государство очистится—вѣщалъ Господь.—Тогда пусть поставятъ новый храмъ подлѣ Троицы на Рву (Василія Блаженнаго) и положатъ хартію на престолъ; на той хартіи будетъ написано, кому у нихъ быть царемъ". „Аще ли не покаются и не учнутъ поститься, то всѣ погибнутъ и все царство разорится". Послѣ этихъ словъ оба мужа сдѣлались невидимыми и храмина снова покрылась; а Григорій былъ объятъ великимъ ужасомъ. Впослѣдствіи, когда у Нижегородцевъ спрашивали о семъ явленіи, они очень удивлялись; ибо ничего подобнаго у нихъ не было и никакого Григорія, имѣвшаго видѣніе, они не знали. Тѣмъ не менѣе сіе чудесное сказаніе распространилось отъ Москвы даже въ дальнія области и вездѣ производило сильное впечатлѣніе; ибо вполнѣ соотвѣтствовало общему настроенію.

Руководимые священными преданіями, народные помыслы въ эпоху крайнихъ бѣдствій очевидно устремились къ покаянію, посту и молитвѣ, и это направленіе ясно выразилось въ повѣстяхъ о чудесныхъ видѣніяхъ. Такъ на ряду съ даннымъ сказаніемъ о видѣніи въ Нижнемъ Новгородѣ появилось другое: о видѣніи, котораго удостоилась въ Владимірѣ нѣкая Меланія, «подружіе» (супруга) какого-то Бориса Мясника. Ей привидѣлась свѣтлая жена, повелѣвавшая возвѣстить людямъ, чтобы постились и молились со слезами Господу Богу и Пречистой Богородицѣ. Города пересылались другъ съ другомъ грамотами о сихъ двухъ видѣніяхъ, и «по совѣту

всей земли Московскаго государства» дѣйствительно было установлено трехдневное воздержаніе отъ пищи и питія всякому полу и возрасту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно соблюдалось съ такою строгостію, что многіе не выдерживали и умирали, особенно младенцы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начался высокій подъемъ народнаго духа. Поэтому призывныя и увѣщательныя грамоты, особенно выходившія изъ стѣнъ Троицкой Лавры, нашли для себя почву еще болѣе подготовленную и воспріимчивую.

Въ это время во главѣ Троицкой братіи стоялъ новый архимандритъ, Діонисій. Онъ родился во Ржевѣ; но потомъ родители его переѣхали въ Старицу, гдѣ Діонисій провелъ свою юность, выучился грамотѣ и сдѣлался священникомъ въ селѣ, принадлежавшемъ старицкому Богородицкому монастырю; когда же онъ овдовѣлъ, то вступилъ инокомъ въ тотъ же монастырь. Это былъ человѣкъ, отличавшійся замѣчательнымъ незлобіемъ, смиреніемъ и великою любовью къ книжному дѣлу. По сему поводу сочинитель его житія разсказываетъ слѣдующее. Однажды Діонисію пришлось быть въ Москвѣ съ нѣкоторыми изъ братіи, ради монастырскихъ нуждъ. Онъ пришелъ на торгъ, гдѣ продавались книги. Его высокій ростъ, благолѣпная наружность и еще молодые сравнительно годы обратили на него вниманіе; нѣкій злой человѣкъ заподозрилъ его поведеніе и началъ надъ нимъ глумиться. Діонисій заплакалъ и сказалъ: «правду, брате, говоришь; я именно таковъ грѣшникъ, и если бы истинный инокъ былъ, то не бродилъ бы по торжищу, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ». Слова его привели въ умиленіе случившихся тутъ людей, и устыдили злого человѣка.

Прошедши разныя монастырскія должности, Діонисій былъ поставленъ архимандритомъ. Бывая въ Москвѣ по дѣламъ своего монастыря, онъ не только сдѣлался извѣстенъ патріарху Гермогену, но и заслужилъ его довѣріе и расположеніе своими умными рѣчами на церковныхъ соборахъ. Онъ также являлся мужественнымъ и краснорѣчивымъ его помощникомъ при усмиреніи народныхъ волненій во время Московской осады Тушинскимъ воромъ. Возведенный по желанію Гермогена на Троицкую архимандрію, Діонисій развилъ вполнѣ свою энергію въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями: въ чемъ ему дѣятельно помогалъ расторопный келарь Палицынъ, сумѣвшій ускользнуть изъ польскихъ рукъ подъ Смоленскомъ и такимъ образомъ избѣжать тяжелой участи, которой подверглись нѣкоторые другіе члены великаго посольства. Троицкая Лавра, сама едва освободившаяся отъ

долгой, томительной осады, въ это время сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ для разоренныхъ, безпріютныхъ, больныхъ и раненныхъ, искавшихъ спасенія отъ Ляховъ и казаковъ, которые свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ. Сюда съ разныхъ сторонъ стекались они и находили здѣсь пріютъ и успокоеніе. Архимандритъ съ братіей не жалѣли ни монастырскаго имущества, ни собственныхъ трудовъ для прокормленія и ухода за несчастными. Въ сосѣднихъ монастырскихъ слободахъ и селахъ возникли больницы и страннопріимные дома, особые для мужчинъ, особые для женщинъ. Тѣ женщины, которыя были въ силахъ, неутомимо работали на призрѣваемыхъ, стирали, шили и т. п. Монастырскихъ слугъ посылали по дорогамъ и лѣсамъ подбирать больныхъ и мертвыхъ, которые падали на пути и не успѣвали достигнуть обители; первыхъ помѣщали въ больницы, вторыхъ предавали честному погребенію. Особенно печальный видъ представляли тѣ раненные и умирающіе, надъ которыми наругались враги: у одного изъ спины ремни вырѣзаны, у другого руки или ноги отрублены, у третьяго волосы съ головы содраны, и т. п.

Въ то же время обитель вела постоянныя сношенія съ ополченіемъ, стоявшимъ подъ Москвою. Келарь Авраамій и другіе старцы ѣздили въ таборы, служили молебны, говорили ратнымъ людямъ слова отъ св. Писанія, укрѣпляли ихъ вѣру и увѣщевали мужественно стоять противъ враговъ. Мало того, обитель помогала ополченію и военными припасами, именно свинцомъ и порохомъ: келарь даже приказывалъ вынимать заряды изъ монастырскихъ мортиръ и пищалей и отсылалъ ихъ подъ Москву. Но практическое монастырское начальство одновременно не забывало хлопотать объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ своей обители. Напримѣръ, у временнаго подмосковнаго правительства оно выхлопатывало подтвердительныя грамоты или, такъ сказать, исполнительные листы на вводъ монастыря во владѣніе тѣми селами и деревнями, которыя отказывали ему по духовному завѣщанію разные благочестивые люди; бѣдствія Смутной эпохи въ особенности располагали къ такой жертвѣ въ виду благотворительной и патріотической его дѣятельности.

На ряду съ сими дѣлами благотворенія, тѣлесной и духовной помощи, Лавра въ то время развила также письменную дѣятельность. Взявшій на себя починъ призывныхъ грамотъ, святѣйшій патріархъ Гермогенъ сидѣлъ уже въ тѣсномъ заключеніи и не могъ непосредственно обращаться къ народу. Послѣднее извѣстное его увѣщаніе, о которомъ города передавали другъ другу, было обращено къ Ни-

жегородцамъ и къ казанскому митрополиту Ефрему. Онъ проситъ написать грамоты въ города ихъ властямъ, а также въ полки, стоявшіе подъ Москвою, къ Ляпунову (тогда еще живому), боярамъ и атаманамъ («атаманьѣ»), чтобы унимали грабежи, корчемство и блудъ, наблюдали чистоту душевную и братство, съ которыми обѣщались души свои положить за домъ Пречистой и за чудотворцевъ Московскихъ, и чтобы отнюдь не признавали царемъ Маринкина сына. Начинаніе Гермогена ревностно продолжалъ троицкій архимандритъ Діонисій съ братіей. Въ кельи архимандрита сидѣли борзописцы и постоянно списывали грамоты, которыя разсылались по городамъ къ разнымъ власть имущимъ лицамъ. Эти краснорѣчивыя призывныя посланія, украшенныя поучительными рѣченіями изъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви, сочинялись или самимъ Діонисіемъ, или подъ его руководствомъ.

Особенно замѣчательна по силѣ и энергіи убѣжденія окружная грамота, помѣченная 6-мъ октября 1612 года (по Сентябрьскому стилю) и написанная отъ имени архимандрита Діонисія, келаря Авраамія Палицына и соборныхъ старцевъ.

Напомнивъ о московскомъ выборѣ королевича Владислава подъ условіемъ принятія имъ православной вѣры и о присягѣ польско-литовскихъ людей выдти изъ Московскаго государства и отступить отъ Смоленска, грамота указываетъ, что они не исполнили сей присяги и что они заодно съ предателями нашими Михайломъ Салтыковымъ и Ѳедькою Андроновымъ учинили многія злодѣянія, а именно: „Московское государство выжгли, людей высѣкли, безчисленную христіанскую кровь пролили, святыя Божьи церкви и образа разорили и поругали, а твердаго адаманта святѣйшаго Гермогена патріарха съ престола безчестно низринули и въ тѣсное заключеніе заперли“. Далѣе грамота изображаетъ стояніе русскаго ополченія подъ Москвою и новый приходъ гетмана Ходкевича, который своимъ двухтысячнымъ войскомъ заслонилъ дороги къ столицѣ и не пропускаетъ запасовъ. Изъ нѣкоторыхъ городовъ ратные люди пришли на помощь русскому ополченію, изъ другихъ собираются въ походъ. Грамота умоляетъ и прочіе города стать съ ними заодно противъ нашихъ предателей и противъ враговъ Христовыхъ, Польскихъ и Литовскихъ людей. Какое отъ нихъ разореніе учинилось въ тѣхъ городахъ, которыми они завладѣли, о томъ всѣмъ извѣстно. „Гдѣ святыя церкви? Гдѣ Божіи образы?—восклицаетъ грамота.—Гдѣ иноки многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца

разорено и обругано злымъ поруганіемъ?“ „Гдѣ безчисленное народное множество въ городахъ и селахъ христіанскихъ? Не всѣ ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены?“ Сочинители именемъ Божіимъ просятъ всѣхъ христіанъ быть въ единеніи, отложить на время всякія распри и недовольства и умолять служилыхъ людей, чтобы они спѣшили подъ Москву и не упускали дорогого времени. „Смилуйтесь,—заключаетъ грамота—и ради избавленія христіанскаго народа помогите ратными людьми, чтобы боярамъ, воеводамъ и всякимъ воинскимъ людямъ (стоящимъ подъ Москвою), не учинилась поруха; о томъ много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ.“

Подобныя грамоты несомнѣнно вездѣ читались съ умиленіемъ и воспламеняли сердца Русскаго народа. Но отъ умиленія до дѣла было еще далеко, если бы не явились люди, которые стали во главѣ новаго движенія и увлекли за собою народную массу. Такіе люди нашлись въ Нижнемъ Новгородѣ.

Уже съ самаго начала смуты граждане Нижняго Новгорода отличались своею вѣрностію присягѣ, твердостію и здравомысліемъ. Они не допустили увлечь себя никакимъ подговорамъ, отбили всѣ попытки мятежныхъ шаекъ и сохранили свой городъ отъ разоренія и разграбленія. Нижегородскіе воеводы того времени князь Звенигородскій, Алябьевъ, Рѣпнинъ и дьякъ Семеновъ не выдавались своими талантами, но вели себя честно и прямодушно. Только стряпчій Биркинъ былъ человѣкомъ перемѣнчивымъ и ненадежнымъ. Зато изъ среды посадскихъ людей исторія выдвинула на передній планъ нѣкоего мясного торговца Козьму Минина, прозваніемъ Сухорука. Во время Московскаго разоренья онъ является въ Нижнемъ Новгородѣ въ числѣ земскихъ старостъ, слѣдовательно однимъ изъ людей излюбленбленныхъ, болѣе или менѣе снискавшихъ довѣріе и уваженіе своихъ согражданъ.

Когда означенная Троицкая грамота пришла въ Новгородъ, городскія и земскія власти собрались на воеводскомъ дворѣ и разсуждали о ней. Мининъ просилъ, чтобы грамоту всенародно прочитали въ Соборѣ; причемъ прибавилъ, что и ему во снѣ являлся св. Сергій, который велѣлъ разбудить спящій народъ. Недоброжелатель его Биркинъ попробовалъ противорѣчить; но Мининъ заставилъ его замолчать, грозя обличить его неправды. На другой день собрались горожане въ Спасскомъ соборѣ. Послѣ обѣдни соборный протопопъ Савва, сказавъ нѣсколько скорбныхъ словъ о разореніи Московскаго госу-

дарства отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и о намѣреніи ихъ обратить истинную вѣру въ латинскую ересь, прочелъ Троицкую грамоту. Слушатели были растроганы до глубины души. Народъ не расходился и толпился подлѣ Собора. Тутъ Козьма Мининъ поднялъ свой голосъ и сказалъ горячее слово о неотложной необходимости помочь Московскому государству и очистить Русскую землю отъ Поляковъ и Литвы. Онъ уговаривалъ всѣмъ пожертвовать для такого великаго и Божьяго дѣла, не жалѣть своихъ животовъ (имущества), отдать въ кабалу дѣтей и женъ, чтобы только собрать деньги на содержаніе ратныхъ людей. Онъ увѣрялъ согражданъ, что и другіе города пристанутъ къ нимъ, какъ только они подадутъ примѣръ. Многіе приходили въ умиленіе и прослезились, слыша такія рѣчи. Послѣ того еще не разъ собирались Нижегородцы на общее совѣщаніе. Овладѣвъ ихъ сердцами, Мининъ сталъ руководить ихъ дѣйствіями. Составили приговоръ о сборѣ денегъ и вооруженіи большого ратнаго ополченія.

Тутъ возникъ вопросъ, кому ввѣрить начальство надъ симъ ополченіемъ. Требовался человѣкъ во-первыхъ знатный, во-вторыхъ искусный въ военномъ дѣлѣ, въ-третьихъ чистый, то есть бывшій непричастнымъ къ измѣнѣ законнымъ государямъ. По всей вѣроятности, тотъ же Мининъ подсказалъ имя избранника. Остановились на князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Хотя по лѣтамъ своимъ онъ принадлежалъ къ молодымъ воеводамъ (около 35 лѣтъ) и по чину былъ только стольникъ, но происходилъ изъ древняго рода князей Стародубскихъ, а, главное, во время смуты выдвинулся не только своимъ воинскимъ мужествомъ, но еще болѣе твердостію характера и непоколебимою вѣрностію присягѣ. Къ нему отправлено было изъ Нижняго Новгорода посольство, имѣвшее во главѣ печерскаго архимандрита Ѳеодосія и дворянина Болтина. Пожарскій, еще не вполнѣ излѣчившійся отъ ранъ, жилъ въ то время въ одной изъ своихъ суздальскихъ вотчинъ. Не вдругъ, а послѣ нѣсколькихъ отказовъ, онъ далъ согласіе на просьбу Нижегородцевъ, однако съ условіемъ, чтобы они выбрали изъ своихъ посадскихъ людей человѣка, который былъ бы вмѣстѣ съ нимъ у такого великаго дѣла и вѣдалъ бы сборною казною. Когда послы затруднились и не знали кого назвать, Пожарскій прямо указалъ на Козьму Минина, говоря: „онъ у васъ человѣкъ бывалый, служилый и то дѣло ему привычно“. Очевидно между этими двумя замѣчательными русскими людьми существовали уже предварительныя взаимныя сношенія. Когда посланцы во-

ротились и доложили обо всемъ Нижегородцамъ, тѣ начали бить челомъ Козьмѣ, чтобы онъ сталъ выборнымъ отъ нихъ человѣкомъ при войскѣ. Но Козьма не былъ такъ простъ, чтобы согласиться сейчасъ же и безъ всякихъ условій. И обычай, и предусмотрительность заставляли его сначала отказываться отъ такого труднаго дѣла. На усиленныя просьбы онъ наконецъ согласился, но потребовалъ крѣпкаго мірского приговора о томъ, чтобы міръ слушался его во всемъ и давалъ бы потребныя ратнымъ людямъ деньги, хотя бы для того пришлось отдавать послѣдніе животы и даже закладывать въ кабалу женъ и дѣтей. Получивъ такой приговоръ, Мининъ немедля отослалъ его ко князю Пожарскому; ибо опасался, чтобы Нижегородцы по минованіи одушевленія не раздумали и не взяли бы у него приговоръ назадъ.

Заручившись мірскимъ приговоромъ, Мининъ началъ строго приводить его въ исполненіе. Онъ поставилъ оцѣнщиковъ для имущества и взималъ съ него пятую деньгу, т. е. пятую часть; причемъ никому не дѣлалъ послабленій и съ противящихся взыскивалъ силою. Нѣкоторые граждане давали и болѣе положеннаго; а одна богатая вдова отдала почти все свое имущество, оставивъ себѣ только небольшую его часть. Мининъ посылалъ окладчиковъ и въ другіе города, напримѣръ въ Балахну и Гороховецъ, чтобы облагать торговыхъ и посадскихъ людей, смотря по животамъ и промысламъ. Такимъ образомъ составилась казна. Стало собираться и ополченіе. Первыми пришли смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе, вызванные на службу въ Москву еще при Василіи Шуйскомъ и лишенные Поляками своихъ помѣстій. Заруцкій и Трубецкой дали имъ грамоты на арзамасскія дворцовыя земли; но тамъ мужики съ помощію стрѣльцовъ не пустили ихъ въ свои волости. Нижегородцы призвали къ себѣ этихъ Смольнянъ, дали имъ кормъ и жалованье; часть ихъ они отправили къ Пожарскому вмѣстѣ съ просьбою спѣшить скорѣе въ Нижній. Пожарскій выступилъ въ путь; по дорогѣ онъ присоединилъ къ себѣ дѣтей боярскихъ изъ Вязьмы и Дорогобужа, которые подобно Смольнянамъ, вопреки грамотамъ Заруцкаго, также не добились доступа къ пожалованнымъ помѣстьямъ. Нижегородцы встрѣтили Пожарскаго съ великимъ почетомъ.

Пожарскій и Мининъ въ свою очередь начали разсылать грамоты отъ имени Нижегородцевъ и собравшихся ратныхъ людей въ поморскіе, низовые и украинные города, прося помощи деньгами и ратными людьми для очищенія Московскаго государства. Грамоты эти и

слухъ о сборѣ ополченія въ Нижнемъ вскорѣ вызвали сильное движеніе, уже подготовленное троицкими призывными посланіями. Отовсюду стали приходить ратные люди; сначала пришли Коломенцы, за ними Рязанцы, потомъ стрѣльцы и казаки изъ украинныхъ городовъ. Нижегородцы всѣхъ принимали съ честію, давали содержаніе ратникамъ и ихъ конямъ. Жалованье начали платить имъ смотря по статьямъ: первая статья получала по 50 рублей, а самая меньшая по 30. Казанцы, подобно Нижегородцамъ, уцѣлѣли въ Смутное время отъ грабежей и непріятельскаго разоренія. Къ нимъ отправленъ былъ изъ Нижняго съ просьбою о помощи стряпчій Биркинъ. Но этотъ злонравный человѣкъ стакнулся тамъ съ подобнымъ себѣ завистливымъ и властолюбивымъ дьякомъ Шульгинымъ, и по ихъ ухищреніямъ Казанцы, хотя отписали въ отвѣтъ, что идутъ всѣ своими головами, однако замедлили походомъ.

Въ Москвѣ и подъ Москвою вѣсти о сборѣ новаго ополченія вызвали у многихъ радость и надежду на скорое освобожденіе, а у Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ сильную тревогу. Чрезъ послѣднихъ Гонсѣвскій сталъ принуждать, заключеннаго въ Чудовѣ монастырѣ, патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ въ Нижній Новгородъ увѣщаніе отмѣнить походъ и сохранить присягу Владиславу. Но патріархъ пребылъ до конца на высотѣ своего положенія. „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства—отвѣчалъ онъ;—а вы, окаянные Московскіе измѣнники, да будете прокляты“. Тогда враги начали морить его голодомъ. Однако сей великій старецъ или крѣпкій „адамантъ“, какъ его называли современники, остался непреклоненъ, и, по словамъ лѣтописца, 17 февраля 1612 года „предалъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи“. Безъ всякихъ почестей его погребли тамъ же въ Чудовѣ монастырѣ.

Въ таборахъ, стоявшихъ подъ Москвою, Заруцкій и его приверженцы отнюдь не обрадовались новой имъ помощи, когда узнали, что дѣло идетъ не о посылкѣ мелкихъ подкрѣпленій, не имѣвшихъ между собою связи, а о большомъ хорошо устроенномъ ополченіи, предводимомъ такимъ стойкимъ неподкупнымъ воеводою, каковъ былъ Пожарскій. Заруцкій понялъ, что какъ его первенствующая роль въ войскѣ, такъ и его замыслы на счетъ кандидатуры Маринина сына и собственнаго регентства подвергаются еще большей опасности чѣмъ при Ляпуновѣ. Онъ мало заботился о временной присягѣ ничтожному Псковскому самозванцу; но противъ сей опасности спѣшилъ принять

свои мѣры. Онъ отрядилъ атамана Просовецкаго занять такой важный пунктъ какъ Ярославль и стать на пути Нижегородцамъ. Но ихъ доброхоты дали о томъ знать въ Нижній Новгородъ. Пожарскій немедля отправилъ своего дальняго родственника князя Димитрія Петровича Лопату Пожарскаго и дьяка Самсонова съ ратными людьми. Они успѣли вовремя придти въ Ярославль, гдѣ захватили небольшой передовой отрядъ казаковъ и разсажали ихъ по тюрьмамъ. Узнавъ о томъ, Просовецкій уже не пошелъ въ Ярославль; а Заруцкій скрылъ досаду, и вмѣстѣ съ Трубецкимъ послалъ въ Нижній воеводамъ грамоту съ приглашеніемъ идти подъ Москву, ничего не опасаясь. Вслѣдъ за родственникомъ и самъ Димитрій Михайловичъ Пожарскій выступилъ съ ополченіемъ изъ Нижняго. Лежавшіе на пути города Балахна и Юрьевъ Повольскій дали ему подмогу деньгами и ратными людьми; въ числѣ послѣднихъ находились и Юрьевскіе татары. Костромской воевода Иванъ Петр. Шереметевъ, сторонникъ Владислава, вздумалъ не впускать въ свой городъ Нижегородцевъ; такъ что они остановились на посадѣ. Но уже трудно было бороться съ одушевленіемъ, охватившимъ Русскій народъ: большинство городскихъ обывателей и ратныхъ людей пристали къ Нижегородцамъ и свели Шереметева съ воеводства, при чемъ едва его не убили, и просили себѣ другого воеводу у князя Пожарскаго; тотъ далъ имъ князя Романа Гагарина, а дьякомъ назначилъ Подлѣсова. Отъ Костромичей ополченіе также получило подмогу деньгами и людьми. Межъ тѣмъ изъ Суздаля прискакали гонцы съ просьбою о помощи противъ угрожавшаго ему Просовецкаго; Пожарскій отправилъ туда другого своего родственника Романа Петровича, который и занялъ Суздаль, а Просовецкій воротился въ Москву.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1612 года Нижегородское ополченіе достигло Ярославля, гдѣ и было встрѣчено съ образами и вообще съ великою честью. Но тутъ оно замѣшкалось на довольно продолжительное время вмѣсто того, чтобы спѣшить на освобожденіе Москвы. Однако мы не можемъ строго обвинять въ излишней медлительности главныхъ его вождей и руководителей, т. е. Пожарскаго и Минина. Обстоятельства были трудныя; они требовали большой осторожности и осмотрительности, чтобы и второе ополченіе не постигла судьба перваго, т. е. Ляпуновскаго; тогда какъ это второе или Нижегородское ополченіе заключало въ себѣ, можно сказать, послѣднія русскія силы или, точнѣе, послѣднее ядро, около котораго могли еще собраться лучшіе люди и средства, уцѣлѣвшіе отъ предыдущихъ разгромовъ.

Во первыхъ, вожди сего ополченія имѣли всѣ поводы опасаться разныхъ козней со стороны Заруцкаго и не спѣшить на соединеніе съ нимъ. Во вторыхъ, какъ разъ около того времени изъ подмосковныхъ таборовъ было получено извѣстіе объ ихъ присягѣ третьему или Псковскому Лжедимитрію. Объ этой присягѣ писали также изъ Троицы архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій и просили поспѣшить прибытіемъ ополченія подъ Москву. Но начальники его прежде всего должны были развѣдать, насколько велика была опасность съ той стороны, т. е. сколько городовъ признали новаго вора, а затѣмъ принять противъ нея свои мѣры; о чемъ снеслись съ другими городами. Въ-третьихъ, приходили неблагопріятныя вѣсти изъ сѣверныхъ городовъ. Съ одной стороны Шведы, завладѣвъ Новгородомъ, какъ мы видѣли, распространили свое господство на значительную часть Новгородской и Псковской земли; съ другой шайки Запорожскихъ и другихъ казаковъ простерли свои грабежи на верхневолжскія и даже заволжскія мѣста: такъ одна шайка явилась въ Краснохолмскомъ Антоньевѣ монастырѣ, другая въ Пошехоньѣ, третья въ Угличѣ, четвертая въ Твери и т. д.; изъ этихъ мѣстъ онѣ разоряли окрестныя области. Нельзя было оставлять такихъ враговъ въ тылу ополченія. Пожарскій изъ Ярославля посылаетъ отряды съ князьями Дим. Мамстрюк. Черкасскимъ, Ив. Ѳед. Троекуровымъ, Дим. Петр. Лопатою, съ Вас. Толстымъ, а также мурзу Барай Алѣевича съ Романовскими татарами. Эти воеводы большею частью побили казацкія шайки и очистили верхнее Поволжье.

По отношенію къ Шведамъ пришлось прибѣгнуть къ дипломатіи.

Пожарскій завязалъ сношенія съ новогородскими властями и Яковомъ Делагарди. Чтобы развѣдать о новогородскихъ дѣлахъ, онъ отправилъ туда посольство съ Степаномъ Татищевымъ во главѣ и просилъ сообщить ему послѣдній договоръ со Шведами. Владыка Исидоръ прислалъ списокъ договора; а затѣмъ въ Ярославль прибыли изъ Новгорода послами игуменъ Геннадій и князь Ѳедоръ Оболенскій. Они извѣстили, что король Карлъ IX умеръ, оставивъ Шведскій престолъ старшему сыну Густаву Адольфу, а младшаго Филиппа благословилъ Новгородскою землею. Поэтому послы приглашали начальниковъ ополченія избрать царемъ того же королевича Филиппа, чтобы Москвѣ не отдѣляться отъ Великаго Новгорода. Пожарскій указывалъ на неудачное избраніе польскаго королевича Владислава, котораго Сигизмундъ обѣщалъ, но не далъ, и обманулъ. Новгородскіе послы увѣряли, что Филиппъ былъ уже на пути въ ихъ землю, когда

получилъ вѣсть о смерти отца и долженъ былъ возвратиться, чтобы присутствовать при его погребеніи, потомъ участвовалъ въ войнѣ съ Даніей; а что теперь старшій братъ и мать отпустили его снова въ Новгородъ. Они пригласили воеводъ отправить и отъ себя пословъ. Пожарскій напомнилъ о Московскихъ великихъ послахъ, которыхъ Сигизмундъ держитъ въ неволѣ. „Былъ-бы нынѣ здѣсь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ,—говорилъ онъ—то всѣ бы его держались, и я бы мимо его за такое великое дѣло не взялся; но приневолили меня бояре и вся земля". А, главное, онъ настаивалъ на томъ, что когда королевичъ приметъ греческую вѣру, тогда и будутъ отправлены къ нему послы отъ всей земли. На это князь Оболенскій съ товарищами отвѣчалъ, что Новгородцы не отпали отъ православія и готовы померетъ за него даже въ томъ случаѣ, если бы Московское государство ихъ выдало, и что слѣдовательно они не посадятъ на престолъ человѣка не греческой вѣры. Въ іюлѣ 1612 года съ этимъ новогородскимъ посольствомъ воеводы опять отправили своихъ людей въ Новгородъ, чтобы поддержать и протянуть переговоры объ избраніи королевича Филиппа. Уже отъ Степана Татищева они узнали о безнадежномъ положеніи дѣлъ въ Новгородѣ, откуда не могли ждать никакой помощи; а потому продолжали переговоры съ единственною цѣлію подать Шведамъ надежду на выборъ царемъ королевича Филиппа, чтобы отвлечь ихъ отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій и выиграть время для очищенія земли отъ Поляковъ. И этой цѣли они достигли.

Около того же времени Пожарскій, пользуясь проѣздомъ цесарскаго посла Грегори, возвращавшагося изъ Персіи, отправилъ съ нимъ Еремѣева гонцомъ къ императору Матѳію. Онъ просилъ цесаря помочь противъ Поляковъ какъ деньгами, такъ и дипломатическимъ вмѣшательствомъ; при чемъ подавалъ надежду на выборъ царя изъ принцевъ Габсбургскаго дома, и даже указывалъ на цесарева брата эрцгерцога Максимильяна (бывшаго претендента на польскую корону по смерти Баторія). Цесарскій дворъ былъ польщенъ такою надеждою, и дѣйствительно пытался склонить польскаго короля къ прекращенію враждебныхъ дѣйствій.

Главною же заботой вождей, замедлявшею ихъ выступленіе изъ Ярославля, было лучшее устройство и умноженіе самого ополченія, ожиданіе какъ ратныхъ людей, такъ и денежныхъ средствъ изъ другихъ городовъ, въ которые они усердно разсылали призывныя и увѣщательныя грамоты. Подкрѣпленія людьми и деньгами собирались

медленно и неисправно. Такъ Казанцы прислали наконецъ скудную помощь съ тѣмъ же злонравнымъ Биркинымъ. Послѣдній, желавшій быть въ числѣ главныхъ начальниковъ, и ратные головы Казанцевъ, настроенные ихъ дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ, затѣяли въ Ярославлѣ перекоры съ воеводами, учинили неповиновеніе и большею частію ушли назадъ; остались только голова Лукьянъ Мясной съ нѣсколькими десятками Казанскихъ мурзъ и дворянъ, да стрѣлецкій голова Постникъ Неѣловъ съ сотнею стрѣльцовъ.

Ожидая подкрѣпленій и занимаясь устройствомъ ополченія, вожди его разсылали изъ Ярославля грамоты съ слѣдующимъ началомъ: въ такое-то мѣсто, такимъ-то властямъ „бояре и воеводы и Димитрій Пожарскій съ товарищами челомъ бьютъ". Одна грамота, снабженная рукоприкладствомъ, сообщаетъ намъ, кто въ это время является подъ именемъ „бояръ" и „товарищей" князя Пожарскаго. Сія грамота была послана въ апрѣлѣ изъ Ярославля къ Вологодцамъ съ извѣстіемъ о сборѣ всеобщаго ополченія, о беззаконной присягѣ Псковскому самозванцу и съ просьбою о присылкѣ выборныхъ людей для земскаго совѣта и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ. Въ числѣ подписавшихъ ее лицъ находятся: *бояре* Вас. Петр. Морозовъ и князь Влад. Тимоф. Долгоруковъ, окольничій Сем. Вас. Головинъ, князья Одоевскій, Пронскій, Волконскій, Львовъ, Баратинскій, Алексѣй Долгоруковъ, Туренинъ, нетитулованные дворяне Плещеевъ, Вельяминовъ, Огаревъ, Нащокинъ, Иванъ и Василій Шереметевы, Бутурлинъ, Чепчуговъ и др. А за „выборнаго человѣка всею землею Козьмы Минина (очевидно неграмотнаго) руку приложилъ князь Димитрій Пожарскій". Всего находимъ до 50 подписей. Это и были очевидно воеводы и головы собравшихся съ разныхъ сторонъ ратныхъ людей; вмѣстѣ съ выборными отъ городовъ они представляли родъ Земской Думы, называемой „совѣтъ всей земли"; а исполнительной властью былъ облеченъ князь Пожарскій, главнымъ помощникомъ котораго является Козьма Мининъ съ званіемъ „выборнаго отъ всей земли".

Отъ сего, такъ сказать, Ярославскаго правительства дошло до насъ нѣсколько грамотъ, подписанныхъ княземъ Пожарскимъ „по совѣту всей земли" и свидѣтельствующихъ о его распорядительной дѣятельности. Такъ по челобитію игуменовъ съ братіей онъ подтверждаетъ жалованныя прежними государями грамоты монастырямъ Соловецкому и Кириллобѣлозерскому на разныя угодья и доходы; поручаетъ мѣстнымъ властямъ озаботиться обновленіемъ городскихъ укрѣпленій и

-т. п. Между прочимъ любопытна его грамота о переводѣ изъ Соловецкаго монастыря въ Кириллобѣлозерскій старца Степана, бывшаго прежняго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, который былъ заточенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ постриженъ по приказанію перваго Лжедимитрія. Главнымъ же образомъ Пожарскій разсылалъ по городамъ грамоты съ просьбою о присылкѣ помощи деньгами и ратными людьми; при чемъ сообщалъ о положеніи дѣлъ, о переговорахъ со Шведами, о козняхъ Заруцкаго и увѣщевалъ не признавать ни Маринкина сына, ни Псковскаго вора. Чтобы имѣть авторитетнаго посредника въ часто возникавшихъ среди ополченія пререканіяхъ и смутахъ и придать духовное освященіе своему правительству, вожди Нижегородскаго ополченія призвали изъ Троицкой Лавры, проживавшаго тамъ на покоѣ, бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла, который дѣйствительно сталъ помогать водворенію мира и согласія въ ополченіи.

Между тѣмъ въ подмосковныхъ таборахъ Трубецкой и Заруцкій продолжали представлять собою другое правительство и давать жалованныя грамоты на помѣстья, подписывая свои имена тоже съ прибавкою „по совѣту всей земли". Сидѣвшая въ Москвѣ вмѣстѣ съ Поляками Боярская Дума также продолжала считать себя истиннымъ правительствомъ и издавать распорядительныя грамоты. Во Псковѣ общую правительственную власть присвоивалъ себѣ третій Лжедимитрій. Слѣдовательно одновременно мы видимъ четыре правительства въ Московскомъ государствѣ, не считая, окраинныхъ областей, или непризнававшихъ никакого изъ этихъ правительствъ (напримѣръ, Астрахань), или занятыхъ непріятелемъ (Новогородская и Смоленская). Но всѣ народныя чувства и надежды сосредоточились теперь на Нижегородскомъ ополченіи и все вниманіе устремилось на Ярославль, откуда ожидались спасеніе государства и прекращеніе разновластія.

И эти надежды не обманули.

Изъ четырехъ правительствъ первымъ пало псковское самозванство. Подобно второму Лжедимитрію, разстрига Сидорка или Матюшка предался разгулу и грабежу. Онъ силою бралъ у гражданъ женъ и дочерей, томилъ состоятельныхъ людей на правежѣ, вымучивая деньги, которыми награждалъ окружавшее его казачество, набранное большею частію изъ боярскихъ холоповъ и всякихъ воровскихъ людей. Въ сущности это было господство грубой, необузданной черни, которое сдѣлалось крайне тяжело для лучшей или болѣе зажиточной

части населенія, т.-е. для дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей. Во главѣ недовольныхъ стали князь Ив. Ѳед. Хованскій и тотъ самый Иванъ Плещеевъ, который былъ присланъ изъ подъ Москвы узнать правду о новомъ ворѣ, но, боясь убійства, призналъ его за Калужскаго царика. Они воспользовались нападеніемъ Шведовъ на одинъ псковскій пригородъ и отправили большинство казаковъ для его обороны. А когда тѣ ушли, лучшіе люди вмѣстѣ съ добрыми казаками возстали, схватили раздьякона, и тотъ же Плещеевъ подъ сильною стражею повезъ его въ Москвѣ. Далѣе источники разногласятъ: по русскимъ извѣстіямъ, его привезли въ подмосковные таборы и тамъ казнили; а по шведскимъ, дорогою на стражу напалъ Лисовскій и хотѣлъ освободить вора; чтобы не отдать живымъ, одинъ изъ казаковъ пронзилъ его копьемъ.

Хотя дѣло съ симъ Самозванцемъ было покончено, а Трубецкой и Заруцкій торопили Пожарскаго скорѣйшимъ прибытіемъ подъ Москву, и уже до гибели Псковскаго вора извѣщали, что узнали правду о немъ и присягу ему съ себя сложили; однако князь Димитрій Михайловичъ все еще медлилъ въ Ярославлѣ, такъ какъ онъ болѣе всего опасался именно козней Заруцкаго. Послѣ убіенія Ляпунова этотъ злой и коварный человѣкъ навлекъ на себя сильное нерасположеніе и недовѣріе со стороны дворянъ и вообще земскихъ людей. Въ нѣкоторыхъ своихъ распорядительныхъ грамотахъ Пожарскій прямо указывалъ на гнусное поведеніе Заруцкаго и его казаковъ какъ на причину своего замедленія. События вполнѣ оправдали это недовѣріе. Въ то самое время, когда Заруцкій звалъ Пожарскаго въ Москву, онъ уже точилъ на него ножъ и подослалъ убійцъ. Двое изъ его казаковъ, Обрѣзковъ и какой то Стенька, пристали къ Нижегородскому ополченію, и здѣсь подговорили нѣсколько человѣкъ изъ смоленскихъ стрѣльцовъ, да еще рязанца Сеньку Хвалова, жившаго во дворѣ у князя Пожарскаго, который его кормилъ и одѣвалъ. Сначала думали зарѣзать князя соннаго; но это не удавалось. Тогда рѣшили нанести ему ударъ какъ нибудь въ тѣснотѣ. Однажды князь вышелъ изъ Разрядной избы посмотрѣть пушки, снаряженныя въ походъ подъ Москву и лежавшія у дверей Разряда. Кругомъ толпился народъ. Подлѣ князя находился какой то казакъ Романъ, который взялъ его подъ руку. Вышепомянутый Стенька бросился между ними и хотѣлъ ножомъ ударить Пожарскаго въ животъ, но промахнулся и сильно ранилъ въ ногу казака Романа; послѣдній повалился и застоналъ. Князь подумалъ, что это какой нибудь несча-

стный случай, происшедшій отъ тѣсноты, и хотѣлъ уйти. Но толпа остановила его и завопила, что то было покушеніе на него самого. На землѣ нашли ножъ, схватили Стеньку и начали его пытать. Онъ во всемъ признался и указалъ на своихъ соумышленниковъ. Ихъ также схватили; однихъ разослали въ города по темницамъ, а другихъ взяли съ собой подъ Москву, гдѣ они должны были объявить всей рати о своемъ преступленіи. Пожарскій не далъ ихъ на казнь; чѣмъ вновь доказалъ не только свою доброту, но и твердость характера.

Уже прошло около четырехъ мѣсяцевъ со времени прибытія ополченія въ Ярославль, и медлительность его вождей стала наконецъ вызывать справедливый ропотъ. Когда пришла вѣсть о новомъ походѣ гетмана Ходкевича къ Москвѣ на помощь польскому гарнизону, князь Трубецкой обратился къ посредничеству Троицкой Лавры. Архимандритъ и келарь отправили двухъ старцевъ въ Ярославль съ грамотою, въ которой умоляли воеводъ спѣшить подъ Москву. Не видя успѣха отъ сего посольства, они шлютъ двухъ другихъ старцевъ съ новымъ моленіемъ и съ извѣстіемъ, что гетманъ Ходкевичъ приближается съ сильнымъ войскомъ и большими запасами, и, если онъ успѣетъ соединиться съ гарнизономъ, то „всуе" будутъ всѣ труды второго русскаго ополченія. Но здѣсь на ту пору среди воеводъ и ратниковъ снова возгорѣлись какія то несогласія и смуты. Очевидно князю Пожарскому, при его сравнительной молодости и невысокомъ санѣ, трудно было внушить всѣмъ уваженіе и повиновеніе. Тогда архимандритъ съ братіей снаряжаютъ въ Ярославль самого келаря Авраамія. Отпѣвъ молебенъ и взявъ благословеніе у архимандрита, Палицынъ 28 іюня отправился въ путь. Онъ явился усерднымъ миротворцемъ и своими краснорѣчивыми поученіями не мало помогъ Пожарскому и Минину водворить порядокъ и послушаніе.

Князь Димитрій Михайловичъ началъ съ того, что отправилъ подъ Москву сильное подкрѣпленіе съ воеводами Дмитріевымъ и Левашовымъ; причемъ запретилъ имъ располагаться въ казацкихъ таборахъ, а велѣлъ стать у Петровскихъ воротъ и тутъ укрѣпиться особымъ острожкомъ. Затѣмъ послалъ другое подкрѣпленіе съ родственникомъ своимъ Димитріемъ Петровичемъ и дьякомъ Самсоновымъ, приказавъ ему стать по сосѣдству съ первымъ, именно у Тверскихъ воротъ Бѣлаго города. Въ это же время прибыли ратные люди изъ украинныхъ городовъ и расположились у Никитскихъ воротъ; но тутъ они не получали никакого содержанія, да еще терпѣли обиды отъ казаковъ Заруцкаго; почему послали въ Ярославль нѣсколько человѣкъ

съ жалобами. Тамъ ихъ обласкали, снабдили деньгами и сукнами и отпустили обратно съ обѣщаніемъ вскорѣ идти всему ополченію. Узнавъ о томъ, Заруцкій велѣлъ побить этихъ посланцевъ; такъ что они едва спаслись въ станъ воеводы Дмитріева.

Наконецъ и самъ Пожарскій съ главными силами выступилъ изъ Ярославля. Поручивъ князю Ив. Андр. Хованскому и Козьмѣ Минину вести рать въ Ростовъ, онъ съ небольшою свитою свернулъ въ Суздаль, чтобы тамъ въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ помолиться надъ гробами своихъ родителей. Исполнивъ этотъ благочестивый обычай и укрѣпясь духомъ, онъ воротился къ войску, которое стояло въ Ростовѣ. Здѣсь въ ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ въ тѣ времена подвизался затворникъ Иринархъ (въ мірѣ Илья, сынъ крестьянина). Удручая себя тяжелыми желѣзными веригами и цѣпями, этотъ старецъ въ своемъ уединеніи зорко слѣдилъ за современными событіями Россіи и являлся пламеннымъ русскимъ патріотомъ. Слава его подвижничества привлекала къ нему не только знатныхъ русскихъ людей, но и пришлыхъ Поляковъ и Западноруссовъ. Такъ его посѣтилъ Янъ Сапѣга и старецъ совѣтовалъ ему скорѣе воротиться на родину, а иначе предсказывалъ гибель въ Русской землѣ. Онъ же ободрялъ идти на враговъ Михаила Скопина-Шуйскаго, послалъ ему благословенную просфору и свой крестъ, съ которымъ Скопинъ побѣдоносно дошелъ до Москвы. Тотъ же старецъ посылалъ въ Ярославль къ Пожарскому и Минину, увѣщевая ихъ не медлить и смѣло идти къ столицѣ, не боясь Заруцкаго, котораго они тамъ не застанутъ. Теперь Пожарскій и Мининъ сами пришли къ нему за благословеніемъ. Онъ укрѣпилъ ихъ духъ и далъ имъ свой подвижническій крестъ, съ которымъ они и совершили очищеніе Москвы отъ враговъ.

Вскорѣ въ Ростовѣ же Пожарскій получилъ важное извѣстіе изъ подъ Москвы объ удаленіи Заруцкаго. Сей послѣдній видѣлъ, какъ съ приближеніемъ второго ополченія падала его собственная сила: сами подначальные ему казацкіе атаманы стали покидать его и переходить на сторону прибывавшей отовсюду земской рати; Трубецкой при всей слабости своего характера также началъ отъ него отдѣляться. А тутъ еще обнаружились его тайныя сношенія съ Ходкевичемъ, которыя велись при посредствѣ нѣсколькихъ Поляковъ (собственно Западноруссовъ), перешедшихъ въ русскую службу и замѣшавшихся въ казачьи таборы: одинъ изъ такихъ Поляковъ, именно ротмистръ Хмелевскій, и донесъ Трубецкому на своихъ товарищей. Ихъ схва-

тили и пытали. Видя, что ему самому грозить опасность бунта, Заруцкій съ частью приверженныхъ себѣ казаковъ ночью бѣжалъ въ Коломну къ Маринѣ; разграбивъ этотъ городъ, онъ вмѣстѣ съ Мариной и ея маленькимъ сыномъ ушелъ въ рязанскій городъ Михайловъ.

Такимъ образомъ Ярославское промедленіе дало несомнѣнно благопріятные плоды по отношенію къ казачеству вообще и къ Заруцкому въ частности: не только его козни успѣли выясниться и огласиться, но и самъ онъ съ наиболѣе хищными товарищами принужденъ удалиться изъ подъ Москвы; а это обстоятельство облегчало и упрощало борьбу съ врагами.

Ополченіе прибыло въ Переяславль Залѣсскій, и, подкрѣпясь тутъ ратниками и запасами, двинулось далѣе. 14 августа оно достигло Троицкой Лавры и остановилось между монастыремъ и Слободою Клементьевской. Сюда приходили посланцы отъ князя Трубецкого съ грамотами къ архимандриту и братіи: онъ просилъ ихъ побудить ополченіе, чтобы оно спѣшило какъ можно скорѣе къ Москвѣ; ибо гетманъ Ходкевичъ съ запасами приближается, а казаки отъ великой скудости хотятъ уйти прочь. Но самая настойчивость эта многимъ начальникамъ казалась подозрительною, и они говорили князю Пожарскому, что казаки хотятъ заманить его, чтобы убить подобно Ляпунову. Архимандритъ и келарь старались отклонить такія опасенія и убѣждали идти скорѣе на помощь. Пожарскій отправилъ напередъ себя подъ Москву новое подкрѣпленіе съ княземъ Вас. Ив. Туренинымъ.

Здѣсь же, во время остановки подъ Троицею, ему пришлось дать отвѣтъ иноземцамъ. Около того времени воеводы получили любопытное предложеніе отъ нѣсколькихъ иноземныхъ офицеровъ вступить въ русскую службу съ набраннымъ ими отрядомъ; для чего они намѣревались на англійскихъ и нидерландскихъ корабляхъ прибыть въ Архангельскъ. Пожарскій отвѣчалъ благодарностію на это предложеніе; но отклонилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что Московскіе люди теперь покинули рознь, соединились и не нуждаются болѣе въ иноземной помощи, чтобы управиться съ своими врагами, Польскими и Литовскими людьми. При семъ онъ выражалъ удивленіе, что въ числѣ предлагавшихъ свои услуги находился Яковъ Маржеретъ, который еще недавно сражался противъ Русскихъ въ польскихъ рядахъ и являлся злѣйшимъ врагомъ, чѣмъ сами Поляки. Онъ ушелъ изъ Москвы вмѣстѣ съ измѣнникомъ Михаиломъ Салтыковымъ къ Сигизмунду, который принялъ его весьма благосклонно. Опасаясь

какого-либо коварства со стороны иноземныхъ искателей добычи и приключеній, Пожарскій не ограничился отвѣтною грамотою, а отрядилъ на всякій случай и ратныхъ людей для обороны отдаленнаго Архангельска.

Отдохнувъ дня четыре подъ Троицей, 18 августа поутру ополченіе выступало уже прямо къ Москвѣ и выстроилось на горѣ Волкушѣ. Тутъ архимандритъ съ братіей, въ праздничныхъ ризахъ, со крестами и образами, отслужили напутственный молебенъ, по окончаніи котораго войско отдѣльными сотнями подходило къ священнослужителямъ и прикладывалось къ образамъ; архимандритъ благословлялъ ихъ крестомъ, а священники кропили святою водою. Послѣ войска подходили за благословеніемъ начальники и воеводы. Въ то утро дулъ сильный противный вѣтеръ, и рать была нѣсколько смущена; ибо считала его дурнымъ предзнаменованіемъ. Но когда войско двинулось, а Діонисій, стоя на горѣ, продолжалъ осѣнять его крестомъ, вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ тылъ ополченію съ такою силою, что люди едва сидѣли на коняхъ. Эта перемѣна сочтена была чудеснымъ предзнаменованіемъ, указывающимъ на заступленіе св. Сергія; ратные люди, по словамъ лѣтописи, „отложили страхъ, охрабрились и давали другъ другу обѣщаніе помереть за домъ Пресвятой Богородицы и за Православную вѣру“. Келарь Авраамій остался при войскѣ.

19 августа, не доходя верстъ пять до Москвы, Пожарскій за позднимъ часомъ остановился на берегу Яузы, а напередъ отрядилъ къ Арбатскимъ воротамъ развѣдчиковъ, чтобы выбрать мѣсто для лагеря. Тщетно князь Трубецкой присылалъ звать его къ себѣ въ таборы: воеводы продолжали не довѣрять казакамъ. На слѣдующее утро самъ Трубецкой съ своими людьми встрѣтилъ ополченіе и снова звалъ Пожарскаго въ свой острогъ; но тотъ снова отказался расположить свое войско вмѣстѣ съ казаками. Онъ устроилъ собственный станъ у Арбатскихъ воротъ Бѣлаго города, гдѣ поставилъ острогъ и укрѣпилъ его валомъ. Видя такое къ себѣ недовѣріе, князь Трубецкой и казаки съ этого дня начали питать нерасположеніе къ Пожарскому, Минину и ко всей ихъ рати. Вмѣстѣ съ прибывшими ранѣе отрядами, второе ополченіе заняло цѣлый полукругъ Бѣлаго города отъ Петровскихъ воротъ или отъ рѣчки Неглинной до Алексѣевской башни, стоявшей у рѣки Москвы (на Остоженкѣ). Противуположный полукругъ занимали казачьи таборы.

Судьбѣ было угодно, чтобы ополченіе прибыло въ самое нужное время; еще одинъ день промедленія, и было бы уже поздно. Когда Пожарскій укрѣплялся въ своемъ станѣ, Литовскій гетманъ подошелъ къ Москвѣ, и остановился на Поклонной горѣ.

Карлъ Ходкевичъ зналъ о сборѣ новаго ополченія и его движеніи къ столицѣ; зналъ также о его задержкѣ въ Ярославлѣ, внутреннихъ несогласіяхъ, и вѣроятно разсчитывалъ въ особенности на предательство Заруцкаго; а потому не спѣшилъ собственнымъ прибытіемъ, стараясь собрать возможно болѣе войска и съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ ему удалось получить подкрѣпленія: король прислалъ пятнадцать хоругвей; нѣсколько пановъ привели свои отряды, а, главное, пришли Черкасы или Украинскіе казаки въ числѣ восьми тысячъ, подъ предводительствомъ какого-то Наливайка. Всего войска было у гетмана теперь тысячъ до пятнадцати, и онъ смѣло двинулся на выручку гарнизона, разсчитывая превосходствомъ вооруженія и воинскаго искусства одолѣть хотя гораздо болѣе многочисленное, но нестройное, плохо вооруженное и необученное военному дѣлу Русское ополченіе, страдавшее притомъ розныо между казачествомъ и земствомъ. Но это земство было теперь одушевлено, во первыхъ, страстнымъ желаніемъ отстоять православіе и очистить свою родину отъ безпощадныхъ и ненавистныхъ враговъ, а, во вторыхъ, сознаніемъ, что оно собрало, можно сказать, послѣднія силы, послѣднихъ людей, что имъ неоткуда ждать помощи, что одна надежда только на Бога и на самихъ себя, что слѣдовательно остается только побѣдить или умереть.

Поутру 22 числа гетманъ Ходкевичъ сталъ переправляться черезъ Москву рѣку подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ. Трубецкой, стоявшій за рѣкой у Крымскаго двора, прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ на помощь. Тотъ послалъ ему пять отборныхъ сотенъ. Но вмѣсто того, чтобы ударить во флангъ или въ тылъ Полякамъ, Трубецкой остался въ бездѣйствіи и допустилъ ихъ совершить переправу; послѣ чего они отбили отъ берега русскую конницу. Пожарскій велѣлъ всадникамъ сойти съ коней и биться пѣшими; но Поляки взяли верхъ и потѣснили Русскихъ съ поля. На встрѣчу имъ вышелъ польскій гарнизонъ и ударилъ на Чертольскія ворота, черезъ которыя могъ быть введенъ обозъ съ припасами; однако московскіе стрѣльцы отбили гарнизонъ, у котораго, по словамъ одного изъ начальниковъ (Будила), отъ голода истощились силы до такой степени, что и руки, и ноги отказывались служить. Межъ тѣмъ какъ ополченцы Пожарскаго отступали передъ натискомъ Ходкевича, Трубецкой продолжалъ

смотрѣть на бой сложа руки; а казаки его еще глумились надъ ополченцами и кричали: „богаты пришли изъ Ярославля! Пусть одни отбиваются отъ гетмана!“ Но пять означенныхъ сотенъ не выдержали, и, несмотря на запреты князя Трубецкого, поскакали на помощь своимъ. За ними самовольно послѣдовали нѣсколько казачьихъ атамановъ съ своими отрядами, сказавъ князю: „отъ вашихъ несогласій Московскому государству и ратнымъ людямъ приключается пагуба.“ Ударъ этихъ свѣжихъ сотенъ на враговъ поддержалъ ополченцевъ, которые около Тверскихъ воротъ остановились и посреди развалинъ Деревяннаго города вступили въ отчаянный бой. Изъ многочисленныхъ ямъ, изъ-за печей и другихъ обгорѣлыхъ остатковъ жилищъ на Поляковъ посыпались со всѣхъ сторонъ мѣткіе выстрѣлы; враги замѣшались, а потомъ въ свою очередь подались назадъ и къ вечеру отступили. Въ эту ночь одинъ московскій измѣнникъ провелъ 600 польскихъ гайдуковъ берегомъ Москвы рѣки, такъ что они захватили острожекъ у церкви Егорія на Яндовѣ, и доставили гарнизону нѣсколько запасовъ. На слѣдующій день гетманъ передвинулъ свое войско къ Донскому монастырю, и отсюда 24 числа повелъ новую атаку изъ за Москворѣчья съ цѣлью пробиться въ Кремль, чтобы ввести туда съѣстные запасы и подкрѣпленіе.

Трубецкой сталъ у Лужниковъ, а Пожарскій у Ильи Пророка Обыденнаго; часть войска онъ размѣстилъ во рву вдоль бывшихъ стѣнъ Деревяннаго (или Земляного) города, а впереди ихъ выставилъ конницу. Долго сопротивлялись Русскіе; но гетманъ, понимая всю важность момента, дѣйствовалъ съ большою энергіей: онъ ударилъ всѣми силами, смялъ передніе русскіе полки и втопталъ ихъ въ Москву-рѣку. Казаки Трубецкого вяло помогали ополченію, и наконецъ стали уходить въ свои таборы. Въ это время Поляки прогнали казаковъ изъ острожка у церкви Климента папы Римскаго, ввезли въ него часть запасовъ и распустили надъ нимъ свои знамена. Когда казаки увидали эти знамена и вошедшій въ острожекъ обозъ, имъ сдѣлалось стыдно своего пораженія и кромѣ того въ нихъ разгорѣлась жажда добычи. Они воротились и начали снова добывать острожекъ. Но видя; что дворяне не спѣшили къ нимъ на помощь, казаки начали роптать; говорили, что помѣщики богатятся своими имѣніями, а они наги и голодны; а потому зарекались впередъ идти на бой съ врагами. Эту рознь непріятель хорошо замѣтилъ, и занялся расчисткой пути отъ загромождавшихъ его развалинъ и всякихъ препятствій, чтобы ввести запасы въ Кремль.

Въ такую критическую минуту князь Пожарскій послалъ за келаремъ Авраамiемъ, который съ духовенствомъ у обыденнаго храма Пророка Илiи совершалъ молебенъ о дарованiи побѣды. Князь и Козьма Мининъ съ плачемъ просили старца идти и убѣждать казаковъ, безъ помощи которыхъ невозможно было одолѣть враговъ. Авраамій въ сопровожденiи нѣкоторыхъ дворянъ поспѣшилъ къ казакамъ. Сначала онъ остановился у помянутаго Климентова острожка, гдѣ при видѣ многихъ побитыхъ людей осыпалъ похвалами мужество казаковъ, ихъ терпѣнiе къ ранамъ, голоду, наготѣ и крѣпкое стоянiе за православную вѣру; говорилъ объ ихъ славѣ, распространившейся по дальнимъ странамъ, и умолялъ идти на непрiятеля, взявъ себѣ за ясакъ или боевой кликъ чудотворца Сергiя. Казаки, умиленные его рѣчами, обѣщали всѣ скорѣе умереть, чѣмъ воротиться безъ побѣды, и просили старца съ такими же рѣчами идти въ казачьи таборы. Келарь пошелъ далѣе, и противъ церкви Никиты Мученика увидалъ толпу казаковъ, переправлявшихся черезъ Москву рѣку, чтобы воротиться въ свои таборы. Онъ къ нимъ обратился съ тѣмъ же горячимъ словомъ, и такъ ихъ одушевилъ, что всѣ они повернули назадъ и устремились въ бой съ крикомъ: *Сергiевъ*! *Сергiевъ*! Келарь пришелъ въ самые ихъ станы, гдѣ казаки занимались, кто питьемъ, кто игрою въ зернь. Увѣщанiя и мольбы старца и здѣсь такъ подѣйствовали, что всѣ казаки схватили оружiе, и съ тѣмъ же крикомъ ринулись на враговъ. Эти толпы босыхъ, оборванныхъ, но одушевленныхъ бойцовъ тотчасъ измѣнили ходъ сраженiя. Климентовъ острожекъ былъ взятъ обратно, а занимавшiе его Литовскiе люди и Венгры перебиты; непрiятельскій обозъ, пробиравшiйся въ Кремль, Русскiе разорвали и переднюю часть его забрали; русская пѣхота засѣла по ямамъ и въ крапивѣ, чтобы не пропустить гетмана въ городъ. Въ этой битвѣ отличился и Козьма Мининъ. По его просьбѣ Пожарскій далъ ему три дворянскiя сотни, да сотню служившаго въ ополченiи ротмистра Хмелевскаго. Переправясь черезъ Москву рѣку, Мининъ ударилъ на двѣ литовскiя роты, одну конную, другую пѣшую, стоявшiя у Крымскаго двора. Обѣ роты обратились въ бѣгство. Затѣмъ русская пѣхота вышла изъ ямъ и крапивы, и дружно вмѣстѣ съ конницей потѣснила непрiятелей.

Видя полную неудачу, Ходкевичъ отступилъ въ свой лагерь къ Донскому монастырю. Русскiе дошли до рва Деревяннаго города; многiе хотѣли выдти за ровъ, чтобы продолжать бой и доканать враговъ. Но осторожные начальники ихъ не пустили, гово-

ря, что въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей, и надобно благодарить Бога за достигнутый успѣхъ; они велѣли только стрѣльцамъ и казакамъ поддерживать непрерывную пальбу, чтобы еще болѣе устрашить враговъ. Непріятельское войско всю ночь не слѣзало съ коней, ожидая нападенія; а поутру гетманъ покинулъ свою позицію, и передвинулся на Воробьевы горы. Простоявъ здѣсь около двухъ дней, онъ далъ знать осажденному гарнизону, чтобы тотъ потерпѣлъ еще три недѣли, обѣщая придти ему на помощь съ новымъ болѣе многочисленнымъ войскомъ, и 28 августа, терзаемый гнѣвомъ и стыдомъ, ушелъ по Можайской дорогѣ. Съ великою скорбію осажденные смотрѣли со стѣнъ Кремля и Китай-города съ одной стороны на удаляющагося гетмана, а съ другой на русское ополченіе, которое замкнуло ихъ со всѣхъ сторонъ и даже отняло у нихъ Москву рѣку. Передъ ними поднимался призракъ страшнаго голода со всѣми его ужасами.

Узнавъ, что непріятельскіе отряды намѣрены какъ-нибудь нечаянно проскользнуть со съѣстными припасами въ городъ, русскіе воеводы велѣли вокругъ него копать рвы, плести плетни въ два ряда и середину между ними засыпать землею; день и ночь вели эту работу, пока не окончили ее; чѣмъ пресѣкли всякую возможность подвоза. Но области продолжали страдать отъ разныхъ литовскихъ шаекъ. Такъ часть Черкасъ покинула Ходкевича на его обратномъ походѣ и бросилась на сѣверъ, гдѣ между прочимъ разграбила и сожгла посады около Вологды.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ князь Пожарскій обратился съ увѣщаніями къ польско-литовскому рыцарству. Онъ отправилъ письмо, но не къ Струсю, а къ полковникамъ Будилѣ и Стравинскому, которыхъ убѣждалъ не слушать болѣе Струся и измѣнника Ѳедьки Андронова съ товарищами, не ожидать напрасно новой помощи отъ гетмана, не надѣяться на рознь земцевъ съ казаками, а сдаться въ плѣнъ и сохранить свою жизнь. Отъ имени означенныхъ полковниковъ и ихъ товарищей полученъ былъ высокомѣрный отвѣтъ, наполненный хвастливыми словами о своей рыцарской доблести и укорами Русскихъ въ трусости и вѣроломствѣ, особенно въ измѣнѣ той присягѣ, которую они принесли царю Владиславу; причемъ самъ Пожарскій названъ былъ „архибунтовщикомъ." „Мы не закрываемъ отъ васъ стѣнъ; добывайте ихъ, если онѣ вамъ нужны — говорилось въ отвѣтѣ;—а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите. Лучше ты, Пожарскій, отпусти къ сохамъ своихъ людей: пусть хлопъ попрежнему воздѣлываетъ землю, попъ знаетъ церковь, а Кузьмы

занимаются своей торговлей». Но подобные отвѣты, свидѣтельствуя о школьномъ знакомствѣ ихъ авторовъ съ реторикой и спартанскими преданіями, слишкомъ не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣлъ.

Изъ письма Пожарскаго видимъ, что осажденные главнымъ образомъ разсчитывали на выручку, обѣщанную гетманомъ, а отчасти надѣялись на раздоры въ русскомъ лагерѣ и на повтореніе Ляпуновской исторіи. Они забывали, что Трубецкой хотя и заводилъ разныя пререканія, но не былъ способенъ замѣнить Заруцкаго въ дѣлѣ предательства и тайныхъ козней. По удаленіи Ходкевича нелады между земствомъ и казачествомъ дѣйствительно повторялись и не разъ грозили важными послѣдствіями; однако вовремя превращались усиліями добрыхъ и благочестивыхъ патріотовъ.

Князь Трубецкой хотѣлъ, чтобы Пожарскій и Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣщаній и разбора земскихъ дѣлъ. Но тѣ не забывали участи Ляпунова и отказались. Такимъ образомъ хотя правительственныя грамоты выходили теперь за общею подписью двухъ воеводъ, Трубецкого и Пожарскаго; однако разряды у нихъ были отдѣльные. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ по приговору всей рати одинъ общій разрядъ и всѣ приказы поставлены на рѣчкѣ Неглинной, на Трубѣ, т. е. въ промежуткѣ между таборами казачьими и ополченскими. Тогда и дѣло осады пошло успѣшнѣе. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроили туры съ нарядомъ (батареи), именно у Пушечнаго двора (на Неглинной), въ дѣвичьемъ Георгіевскомъ монастырѣ и у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ; изъ этого наряду начали постоянно бить по Кремлю и Китай-городу, стараясь однако не повредить находившихся тамъ храмовъ. Изъ осажденнаго города стали выбѣгать въ станъ осаждающихъ разные люди, русскіе, литовскіе и нѣмецкіе; они свидѣтельствовали о свирѣпствовавшихъ тамъ тѣснотѣ и голодѣ, отъ которыхъ умираетъ много людей: хлѣба совсѣмъ не осталось; осажденные ѣдятъ уже собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль и мертвечину, даже человѣчину. Подобныя извѣстія, разумѣется, укрѣпляли русскихъ воеводъ въ надеждѣ на то, что оборона близится къ концу.

Отъ этого времени дошелъ до насъ цѣлый рядъ правительственныхъ грамотъ за подписью князей Трубецкого и Пожарскаго въ разные города. Они извѣщаютъ о положеніи дѣлъ подъ Москвою; приказываютъ укрѣплять мѣста и вообще принимать мѣры воинской предосторожности противъ непріятельскихъ шаекъ; главнымъ же об-

разомъ настаиваютъ на неуклонной доставкѣ шубъ и съѣстныхъ припасовъ подъ Москву для ратныхъ людей. Особенно много заботъ причиняли казаки постоянными жалобами на недостатокъ кормовъ и неплатежъ жалованья. Отсюда нерѣдко возникала новая рознь между двумя главными воеводами. По сему поводу имѣемъ грамоту, написанную очевидно троицкимъ духовенствомъ, обращенную къ двумъ князьямъ, Трубецкому и Пожарскому, съ увѣщаніемъ быть имъ въ соединеніи и любви, ради блага всей Русской земли, и съ обильными ссылками на разныя мѣста Св. Писанія. Обращаясь къ современному состоянію родины, сочинители грамоты восклицаютъ: „Кто убо не восплачетъ насъ тако прилежащихъ? Кто не возрыдаетъ насъ, тако запустѣвшихъ? Кто не восплачетъ толикое наше ослѣпленіе гордостное, яко предахомся въ руки врагъ, беззаконныхъ Люторъ и мерзкихъ отступникъ Латынъ, и неразумныхъ и варварскихъ языкъ Татаръ, и округъ борющихъ и обидящихъ насъ злыхъ разбойникъ и Черкасъ?»

Троицкая Лавра не одними письменными увѣщаніями старалась умиротворить и привести къ единенію разныя части русскаго ополченія. Однажды казаки такъ ожесточились на дворянъ и дѣтей боярскихъ, упрекая ихъ въ стяжаніи многихъ богатствъ, а себя называя нагими и голодными, что хотѣли разойтись въ разныя мѣста, а нѣкоторые предлагали побить дворянъ и разграбить ихъ имущество. Узнавъ о томъ, архимандритъ, келарь и соборные старцы учинили совѣтъ, и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, рѣшили послать казакамъ дорогую церковную рухлядь, ризы, стихари и епитрахили, саженные жемчугомъ, въ видѣ заклада, пока монастырь соберетъ деньги, чтобы выкупить вещи. Вмѣстѣ съ закладомъ послана была и увѣщательная грамота, умолявшая довершить подвигъ своего страданія и не отступаться отъ Московскаго государства; причемъ она осыпала похвалами службу и терпѣніе казаковъ. Когда эту грамоту прочли передъ всѣмъ войскомъ, казаки были растроганы; отослали ризы назадъ въ монастырь съ двумя атаманами и отвѣтнымъ писаніемъ, въ которомъ обѣщали исполнить все по прошенію архимандрита и старцевъ, не отходить отъ Москвы, не взявши ее и не отомстивши врагамъ за христіанскую кровь.

Межъ тѣмъ время текло, а о какой-либо помощи гарнизону не было и слуху. Несмотря на тѣсное обложеніе города, осажденные находили возможность посылать гетману и королю извѣстія о своемъ отчаянномъ положеніи и даже получать отвѣты. Но отвѣтные похвалы ихъ

мужеству, обѣщанія наградъ, убѣжденія терпѣть и ждать конечно не могли помочь дѣлу. Голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ: съѣли плѣнныхъ, принялись вырывать изъ земли тѣла умершихъ, за людьми охотились какъ за дичью. Одинъ поручикъ съѣлъ двухъ своихъ сыновей, другой съѣлъ собственную мать, третій своего слугу; сынъ не щадилъ отца, отецъ сына; объ умершемъ родственникѣ или товарищѣ шелъ споръ, кто имѣлъ болѣе правъ на его съѣденіе. Не смотря на крайнее истощеніе, едва держащіе въ рукахъ оружіе, осажденные еще имѣли силы отбить нѣсколько приступовъ. Однако они такъ ослабѣли, что Русскіе взяли Китай-городъ, и первое, что они здѣсь нашли, были чаны съ соленымъ человѣчьимъ мясомъ. Изъ Китая Поляки ушли въ Кремль. Чтобы уменьшить тѣсноту и голодъ въ Кремлѣ, они выпустили изъ него боярскія семьи, т.-е. женъ, дѣтей и прислугу съ нѣкоторою рухлядью. По просьбѣ мужей, боярынь приняли Пожарскій и Мининъ, и отвели въ свои станы, а казаки сильно злобились на то, что имъ не дали ограбить сихъ боярынь.

Сидѣвшіе въ Кремлѣ русскіе измѣнники, особенно Ѳедоръ Андроновъ, болѣе противились сдачѣ чѣмъ сами Поляки; ибо боялись жестокой казни за свою измѣну. Но наконецъ и ихъ перестали слушать. Самъ Струсь, все время державшій себя героемъ, предложилъ товарищамъ сдачу. Поляки 24 октября предварительно выпустили изъ города московскихъ бояръ съ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ во главѣ. Опять Пожарскій и Мининъ выстроили ополченіе въ боевой порядокъ, и приняли съ честью бояръ въ свои станы; казаки тоже вышли съ оружіемъ и знаменами, и едва не вступили въ бой съ ополченіемъ за то, что имъ не дали грабить бояръ. На слѣдующій день ворота Кремля растворились. Русскіе двинулись въ городъ отрядами съ разныхъ сторонъ. Всѣ отряды сошлись на Лобномъ мѣстѣ. Тутъ духовенство отслужило благодарственный молебенъ, имѣя во главѣ троицкаго архимандрита Діонисія со стороны осаждавшихъ, а со стороны осажденныхъ греческаго Элассонскаго архіепископа Арсенія, который тогда занималъ въ Кремлѣ мѣсто русскаго архипастыря. Онъ пришелъ изъ Кремля со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами, иконами и съ главною святынею московскою, иконою Владимірской Богородицы, одинъ видъ которой привелъ въ умилиніе все православное воинство. Послѣ молебна ополченіе вступило въ Кремль, гдѣ оно съ ужасомъ смотрѣло на чаны съ человѣческими трупами, на поруганныя и оскверненныя всякою мерзостію церкви, разсѣченныя

на части образа съ продырявленными очесами, ободранные и разоренные престолы и т. п.

Плѣнные Поляки были подѣлены между ополченіемъ и казачествомъ: полкъ Будилы достался на долю первымъ, а Струся вторымъ. Вопреки клятвенному договору, казаки всетаки перебили часть плѣнныхъ. Самого Струся заключили подъ стражу въ Чудовѣ монастырѣ; Будилу и Стравинскаго взялъ себѣ Пожарскій и отослалъ съ нѣкоторыми товарищами въ Нижній Новгородъ; другихъ заключили въ Балахну, Ярославль и иные города. Тамъ озлобленное противъ Поляковъ населеніе тоже частію избило плѣнныхъ. Въ Нижнемъ хотѣли побить Будилу и его товарищей; но ихъ спасла княгиня Пожарская, мать Димитрія Михайловича, упросивъ народъ имѣть уваженіе къ присягѣ и службѣ ея сына. Плѣнниковъ засадили въ каменную тюрьму. Русскіе бояре—измѣнники повидимому были оставлены въ покоѣ; только Ѳедоръ Андроновъ, судя по нѣкоторому извѣстію, былъ потомъ повѣшенъ.

Князь Трубецкой занялъ въ Кремлѣ дворъ Бориса Годунова; а князь Пожарскій расположился на Арбатѣ во Вздвиженскомъ монастырѣ. Они продолжали составлять временное правительство; возобновили приказы и вели всякую земскую расправу. Москву стали очищать отъ труповъ и развалинъ; а возвращавшіеся жители принялись за стройку и обновленіе своихъ домовъ. Служилые люди, думая, что все покончено, начали разъѣзжаться по домамъ. Но труднѣе всего было удовлетворить казачество: оно требовало, чтобы ему отданы были и тѣ небольшіе остатки царской казны, которые уцѣлѣли отъ расхищенія въ кремлевскихъ кладовыхъ стараніями бояръ. Но князь Пожарскій и Мининъ успѣли взять эти остатки подъ охрану земской рати. Отсюда вновь возникли ссоры и не разъ казаки хотѣли побить земскихъ начальниковъ. Только грозная вѣсть о новомъ приближеніи польскаго войска, съ самимъ Сигизмундомъ во главѣ, заставила прекратить раздоры и опять готовиться къ дружному отпору.

Но слухи преувеличили опасность.

Король, долго собиравшійся въ походъ, склонился на убѣжденія Ходкевича и нѣкоторыхъ другихъ пановъ, и наконецъ выступилъ изъ Вильны вмѣстѣ съ сыномъ Владиславомъ. Хотя ему удалось собрать незначительное войско; но онъ разсчитывалъ застать Поляковъ еще въ Москвѣ и подѣйствовать появленіемъ Владислава, котораго русскіе бояре ожидали такъ настойчиво и долго. Король и Ходкевичъ прошли уже Вязьму, когда дорогою вдругъ получили извѣстіе о сдачѣ

Москвы и гибели польскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе они продолжали походъ, и осадили сначала Погорѣлое Городище, а потомъ Волокъ Ламскій, гдѣ главнымъ воеводою былъ Ив. Конст. Карамышевъ; гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, мужественно оборонялся. Король послалъ Адама Жолкевскаго съ легкимъ коннымъ отрядомъ подъ Москву; при отрядѣ находились князь Дан. Мезецкій и дьякъ Граматинъ, которые должны были войти въ переговоры съ начальниками русской рати и убѣдить ихъ къ признанію Владислава. Но московскіе воеводы не хотѣли и слышать о переговорахъ и заставили этотъ отрядъ уйти назадъ. (Самъ Мезецкій вскорѣ покинулъ Поляковъ и уѣхалъ въ Москву). Никто въ Московской землѣ уже не признавалъ царемъ Владислава; никто не приходилъ къ нему на помощь. Напротивъ вездѣ населеніе готово было встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ, а шайки вольницы или шишей препятствовали фуражирамъ добывать продовольствіе въ странѣ и безъ того въ конецъ опустошенной. Видя полную неудачу своего предпріятія, Сигизмундъ отступилъ отъ Волока Ламскаго и ушелъ въ Польшу. [23]).

***

Итакъ важнѣйшая и труднѣйшая задача была исполнена: Москва очищена отъ непріятелей и снова стала средоточіемъ самобытной Русской государственной жизни. Оставалось теперь довершить дѣло обновленія сей послѣдней всенароднымъ земскимъ избраніемъ царя, безъ котораго была немыслима и сама эта жизнь въ понятіяхъ русскаго человѣка. Народъ выражалъ явное нетерпѣніе по сему поводу.

Уже при ополченіи князя Пожарскаго, какъ мы видѣли, состоялъ родъ Земской Думы, которая собралась во время долгаго пребыванія его въ Ярославлѣ. Но очевидно это была далеко неполная Дума, заключавшая въ себѣ представителей тѣхъ областей, которыя прислали въ ополченіе свои вспомогательные отряды. Послѣднимъ актомъ сей Думы было распоряженіе о созывѣ Собора „для земскаго совѣта и государева избранья". Во всѣ города Московскаго государства разосланы были грамоты съ приказомъ прислать въ Москву отъ всякихъ чиновъ людей, т.-е. духовныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, посадскихъ, служилыхъ и уѣздныхъ, отъ каждаго города лучшихъ по десяти человѣкъ или „по скольку пригоже". Созывныя грамоты разосланы были приблизительно въ первой половинѣ ноября 1612 года; а въ декабрѣ и въ январѣ слѣдующаго 1613 выборные изъ городовъ постепенно съѣхались въ Москву. Собралась Великая Земская Дума,

16*

самая знаменитая изъ всѣхъ московскихъ собраній такого рода и самая продолжительная.

Великая Дума началась усердными молитвами въ Успенскомъ соборѣ у гробовъ московскихъ угодниковъ и трехдневнымъ постомъ. Затѣмъ открылись совѣщанія объ избраніи царя. Тутъ прежде всего представился вопросъ объ иноземныхъ принцахъ: были и такіе боярскіе голоса, которые напоминали о присягѣ, данной Владиславу; еще болѣе явилось сторонниковъ шведскаго королевича Филиппа, за котораго стоялъ Великій Новгородъ съ своимъ архіепископомъ Исидоромъ. Но возбужденіе противъ иноземцевъ вообще было уже такъ велико, что съ этимъ вопросомъ покончили скоро: рѣшили не выбирать никого изъ иностранцевъ наравнѣ съ Маринкинымъ сыномъ, а выбрать государя изъ коренного православно-русскаго рода. Этотъ приговоръ значительно облегчалъ задачу; но предстояло еще не мало труда, чтобы разрѣшить ее удовлетворительно и окончательно.

На соборѣ голоса раздѣлились между нѣсколькими знатными московскими родами, каковы: Мстиславскіе, Голицыны, Воротынскіе и Романовы. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ числѣ кандидатовъ появились даже главные вожди ополченія, освободившаго Москву отъ Поляковъ, т.-е. князья Трубецкой и Пожарскій. Впрочемъ это болѣе косвенныя свидѣтельства чѣмъ прямыя.

Были вѣроятно и другіе претенденты, о которыхъ источники не сохранили намъ указаній. Не мало времени прошло въ спорахъ и пререканіяхъ между партіями, на которыя разбился соборъ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, нѣкоторые вельможи прибѣгали къ подкупамъ и не щадили своего имущества на раздачу даровъ, а еще болѣе не скупились на обѣщанія. Но мало по малу число претендентовъ стало уменьшаться. Одни сами отказались отъ своей кандидатуры. Такъ князь Ѳ. И. Мстиставскій, будучи человѣкомъ пожилымъ и бездѣтнымъ, и прежде въ подобныхъ случаяхъ не поощрялъ своихъ сторонниковъ, а теперь, по всѣмъ признакамъ, уклонился окончательно. Тоже вѣроятно сдѣлалъ скромный князь Пожарскій, когда увидалъ, что не можетъ имѣть успѣха какъ представитель захудалаго рода. Князья И. М. Воротынскій (на пиру у котораго заболѣлъ Михаилъ Скопинъ) и Д. Т. Трубецкой, хотя принадлежали къ знатнымъ родамъ, а послѣдній считалъ себя спасителемъ отечества, но они не имѣли за собою любви народной; а потому, не получивъ поддержки, волею неволею должны были тоже устраниться. Такимъ образомъ наиболѣе степенная кандидатура сосредоточилась собственно около двухъ боярскихъ семей: Голицы-

ныхъ и Романовыхъ; первые принадлежали къ потомкамъ Гедимина, а вторые были коренного русскаго происхожденія. Очевидно на нихъ уже давно указывало общественное мнѣніе: недаромъ же сообразительный гетманъ Жолкевскій постарался устранить ихъ какъ опасныхъ соперниковъ королевичу Владиславу, отправивъ послами къ королю главныхъ представителей этихъ двухъ семей, т.-е. князя В. В. Голицына и митрополита Филарета. Мы видѣли, что по сверженіи Шуйскаго Гермогенъ прежде другихъ предлагалъ избрать князя В. В. Голицына. Въ числѣ его многочисленныхъ приверженцевъ находимъ братьевъ Ляпуновыхъ. Пожарскій отзывался о томъ же князѣ какъ о такомъ столбѣ, за котораго всѣ бы держались. Подобные отзывы свидѣтельствуютъ собственно о личномъ глубокомъ уваженіи къ Голицыну; но въ народѣ не видимъ такого уваженія, и естественно: князь Василій Голицынъ, при своемъ умѣ и способностяхъ, не ознаменовалъ себя въ Смутную эпоху никакими выдающимися подвигами; все время царствованія Шуйскаго онъ интриговалъ противъ него и заводилъ крамолу. Только во время своего посольства къ Сигизмунду и во время плѣна онъ, на ряду съ Филаретомъ Никитичемъ, своею твердостью и патріотизмомъ возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе. Но именно этотъ плѣнъ и служилъ главнымъ препятствіемъ къ его избранію; а за его отстутствіемъ никто изъ братьевъ не могъ его замѣнить: Андрей былъ убитъ Поляками; Иванъ же повидимому представлялся личностію слишкомъ незначительною. Поэтому и Голицынская кандидатура въ концѣ концовъ была отстранена. Слѣдовательно оставались только Романовы. Филаретъ Никитичъ, томившійся въ томъ же плѣну, какъ монахъ все равно не могъ занимать престолъ. Изъ его братьевъ въ живыхъ оставался только Иванъ Никитичъ, который находился еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Однако партія Романовыхъ не его выставила своимъ кандидатомъ, а его племянника Михаила Ѳедоровича. Гетманъ Жолкевскій конечно предвидѣлъ, что Иванъ Никитичъ не будетъ опаснымъ соперникомъ Владиславу; но онъ ошибся, считая Михаила Ѳедоровича еще слишкомъ юнымъ, чтобы явиться претендентомъ на Московскій престолъ. А между тѣмъ ранняя юность Михаила и послужила едва ли не главнымъ условіемъ, обратившимся въ его пользу.

При этомъ не надобно забывать, что польскіе начальники, спровадивъ Филарета Никитича къ Сигизмунду, отнюдь не оставили въ покоѣ или на свободѣ его семью. Иванъ Никитичъ, старица Марѳа и ея сынъ Михаилъ удержаны были въ столицѣ какъ бы въ качествѣ заложниковъ, и тутъ, живя въ Кремлѣ вмѣстѣ съ другими бо-

ярскими семьями, они принуждены были выдерживать всѣ ужасы осады сначала отъ ополченія Ляпунова, а потомъ Пожарскаго. Любопытно, что остававшійся въ Москвѣ членъ фамиліи Голицыныхъ Андрей Васильевичъ, очевидно считавшійся опаснымъ, былъ просто убитъ Поляками, а Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ выпущенъ ими здравымъ и невредимымъ. Нельзя не признать въ этомъ случаѣ дѣйствія высшаго Промысла, который бодрствовалъ надъ своимъ избранникомъ.

Въ его пользу сложилась теперь цѣлая совокупность разныхъ условій. Во первыхъ, всякій выдающійся бояринъ зрѣлыхъ лѣтъ волею неволею принималъ участіе въ событіяхъ Смутнаго времени, имѣлъ за собою не мало грѣховъ и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе бурное прошлое, принадлежалъ къ той или другой партіи, имѣлъ нетолько сторонниковъ, но и много противниковъ или завистниковъ; иной не одинъ разъ присягалъ или измѣнялъ присягѣ. Вообще бояре неохотно подчинились бы кому либо изъ своихъ товарищей, съ которымъ они привыкли обращаться на равной ногѣ. Другое дѣло юноша, только что выходившій изъ отроческихъ лѣтъ, непричастный никакимъ кровавымъ событіямъ и партіямъ, никакимъ прошлымъ грѣхамъ и неимѣвшій личныхъ враговъ. Слѣдовательно его кандидатура менѣе другихъ могла встрѣтить недоброжелательства и противодѣйствія между боярами. Во вторыхъ, огромное большинство среднихъ классовъ и простого народа должно было рѣшительно оказаться на сторонѣ Михаила Өеодоровича, потому что онъ принадлежалъ къ любимой и всѣми уважаемой семьѣ, несчастія которой и несправедливо претерпѣнныя гоненія еще усилили народное къ ней расположеніе или такъ называемую популярность. Въ третьихъ, въ глазахъ народа большое значеніе имѣло его родство съ послѣдними государями изъ династіи Владиміра Великаго. Отецъ его приходился двоюроднымъ братомъ царя Өеодора Ивановича, племянникомъ царицы Анастасіи, и сыномъ Никиты Романовича; а обо всѣхъ этихъ трехъ лицахъ сохранилась въ народѣ самая свѣтлая и теплая память. Это родство и близость къ угасшему любимому царскому дому, какъ извѣстно, въ глазахъ народа представлялись столь важнымъ условіемъ, что кандидатура Романовыхъ уже при кончинѣ Өеодора выдвигалась на передній планъ; но интриги и властное положеніе Бориса Годунова успѣли тогда ее устранить. А теперь, по окончаніи неудачныхъ опытовъ съ Годуновыми и Шуйскими, она выступила съ новою и еще большею силою. Въ четвертыхъ, среди бояръ не оказалось болѣе ни одной фа-

миліи, которая могла бы соперничать съ Романовыми. Самыя могущественныя изъ нихъ, Годуновы и Шуйскіе въ свое время достигли престола, но не удержались на немъ, и уже навсегда были устранены; а Мстиславскіе, Воротынскіе и даже Голицыны, несмотря на попытки, должны были также устраниться по вышеуказаннымъ причинамъ.

Однако, какъ мы видимъ, и на соборѣ 1613 года только послѣ многихъ споровъ и пререканій, вызванныхъ соперничествомъ партій, не вдругъ, но постепенно выяснилось преобладающее значеніе Михаила Ѳеодоровича среди претендентовъ; такъ что его сторонникамъ и родственникамъ пришлось не мало потрудиться, пока ихъ дѣло было приведено къ благополучному концу.

Хотя сама по себѣ фамилія Романовыхъ въ то время была очень небольшая (три мужскіе члена); но она имѣла многочисленныхъ родственниковъ и свойственниковъ, особенно по женской линіи, каковы: Шереметевы, Салтыковы, князья Сицкіе, Черкасскіе, Катыревы-Ростовскіе, Львовы и нѣкоторые другіе; со своими кліентами и пріятелями они составляли значительную партію. Во главѣ ея очутился бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ (женатый на княжнѣ Черкасской, племянницѣ Филарета Никитича). Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе прославившихся въ Смутное время воеводъ, и состоялъ членомъ временнаго боярскаго правительства; а во время московской осады ополченіями Ляпунова и Пожарскаго, вѣдая дворцовымъ приказомъ, онъ оберегалъ царское казнохранилище и, несмотря на польскія хищенія, сумѣлъ уберечь кое что изъ драгоцѣнныхъ вещей. Шереметевъ находился въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и княземъ В. Голицынымъ, которые, хотя и были тогда польскими плѣнниками, но очевидно съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за событіями въ отечествѣ, особенно за выборомъ новаго государя. Филаретъ Никитичъ конечно получалъ постоянныя и драгоцѣнныя для него извѣстія о своей семьѣ отъ Ѳ. И. Шереметева, на попеченіи котораго повидимому и находилась эта семья во время своего кремлевскаго сидѣнія въ осадѣ. Весьма возможно, что и самое охраненіе Михаила отъ польскихъ покушеній въ эту эпоху является отчасти заслугою Шереметева, который какъ членъ временнаго боярскаго правительства былъ въ ладахъ съ польскими начальниками.

Изъ переписки Шереметева съ Филаретомъ и Голицынымъ до насъ дошли только нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Но и по нимъ можемъ судить, какъ опытный, умный Филаретъ изъ далекаго плѣна

сумѣлъ руководить дѣйствіями своихъ родственниковъ и пріятелей и чрезъ нихъ влiять на ходъ вопроса объ избраніи царя. Такъ имѣемъ извѣстіе (шведа Страленбера) объ одномъ письмѣ Филарета Никитича, которое онъ изъ своего Маріенбургскаго заключенія послалъ Ѳ. И. Шереметеву. Въ этомъ письмѣ плѣнный митрополитъ совѣтуетъ, во первыхъ, хлопотать объ избраніи царя изъ собственной боярской среды, а во вторыхъ, поставить избранному разныя условія, на которыхъ тотъ долженъ царствовать; причемъ предлагаетъ и проектъ самыхъ условій, которыя (по замѣчанію того же Страленберга) были составлены по польскимъ образцамъ. По тому же извѣстію, Шереметевъ прочелъ это письмо на Земскомъ соборѣ, чтобы отклонить отъ Филарета подозрѣніе въ искательствѣ престола для его собственнаго сына. Съ ихъ стороны очевидно эта была искусная тактика, показывающая, какъ хорошо Филаретъ зналъ обстоятельства, а главнымъ образомъ настроеніе современнаго боярства, его помыслы и стремленія. Дѣло въ томъ, что желаніе бояръ ограничить царское самодержавіе, несомнѣнно возникшее вслѣдствіе тиранства Грознаго, еще усилилось со времени тайныхъ казней и гоненій на знатныя фамиліи при Годуновѣ; послѣдующія избранія Шуйскаго и Владислава сопровождались, какъ извѣстно, разными ограничительными въ пользу бояръ условіями. Не мало вліянія оказывалъ при семъ близкій примѣръ Польско-Литовскаго строя. На московскихъ бояръ конечно соблазнительнымъ образомъ вліяли тѣ привиллегіи и вольности, которыми владѣло польское и западнорусское панство. Особенно во время смуты, при оживленныхъ обоюдныхъ сношеніяхъ, несомнѣнно въ Москвѣ возникали частые толки по сему поводу, которые возбуждали и поддерживали боярскія вожделѣнія.

Во всякомъ случаѣ Василій Шуйскій не пользовался самодержавною властію, и боярство при немъ уже успѣло высоко поднять свою голову. Поэтому вопросъ объ ограниченіи самодержавія по всей вѣроятности и во время избирательнаго Собора 1613 года былъ дѣйствительно возбужденъ и предрѣшенъ въ средѣ собственно Боярской Думы. Филаретъ Никитичъ и руководимый его наставленіями Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ отнюдь не становились въ разрѣзъ съ такимъ настроеніемъ боярства, а напротивъ искусно имъ пользовались. Подъ рукой, при посредствѣ своихъ пріятелей, Шереметеву нетрудно было внушить боярамъ мысль, что, благодаря юности и неопытности Михаила, думные бояре въ сущности и будутъ правителями государства при немъ, особенно если они свяжутъ его ограничительными

условіями. И эта мысль конечно нравилась боярству. Если вѣрить другому подобному же извѣстію, то не безъ связи съ указанною сейчасъ мыслію существовало письмо, отправленное Шереметевымъ къ плѣнному князю В. В. Голицыну, главному сопернику Михаила. По словамъ одного лица, видѣвшаго это письмо, тамъ приблизительно говорилось слѣдующее: „выберемъ Мишу Романова; онъ еще молодъ и разумомъ не дошелъ, и намъ (т.-е. боярамъ) будетъ повадно". Напрасно, нѣкоторые отвергаютъ достовѣрность сего показанія. Положимъ, оно не передаетъ точно содержаніе письма, а только приблизительный его смыслъ; но и этотъ смыслъ или эта тактика опять таки вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ, т.-е. боярскимъ желаніямъ, и подтверждаютъ, что, руководимый дальнозоркимъ Филаретомъ Никитичемъ, Ѳ. И. Шереметевъ ловко проводилъ среди бояръ кандидатуру Михаила. Означенное его письмо является также позолоченною пилюлею для князя Василія Голицына, какъ Михаилова соперника.

Какъ бы то ни было, мало по малу къ Михаилу пристало боярское большинство, т.-е. самое главное вліятельное сословіе, и всѣ другіе кандидаты постепенно устранились. По всѣмъ признакамъ, за него высказались наконецъ и освободители Москвы, Мининъ и Пожарскій; что было весьма важно, ибо въ ихъ рукахъ пока оставалось распоряженіе значительною ратною силою.

Если руководителямъ стороны Романовыхъ удалось привлечь къ себѣ большинство даже неподатливыхъ и завистливыхъ бояръ, то другія сословія склонились къ нимъ еще легче. Духовенство, вѣрное завѣту Гермогена, повидимому особенно было расположено къ Филарету Никитичу и его сыну, и своимъ вліяніемъ въ народѣ много ему способствовало. Нѣкоторыя высшія духовныя лица разсказывали о бывшихъ имъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, которыя тоже указывали на Михаила Ѳеодоровича; а народное воображеніе было такъ настроено, что подобные разсказы производили свое дѣйствіе. Такой именно разсказъ объ откровеніи приписывается старшему духовному лицу, присутствовавшему на соборѣ (Ефрему, митрополиту Казанскому, или Кириллу, митрополиту Ростовскому). Далѣе, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отъ ратныхъ служилыхъ людей, т.-е дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, стали поступать на соборъ письменныя заявленія въ пользу избранія Михаила Ѳеодоровича. Большую поддержку Ѳ. И. Шереметевъ нашелъ у московскихъ обывателей, между которыми семья Романовыхъ издавна пользовалась особымъ расположеніемъ. Авраамій Палицынъ разсказы-

ваетъ, что къ нему на Богоявленское подворье приходили многіе дворяне, дѣти боярскія, гости изъ разныхъ городовъ, атаманы и казаки, приносили свои письма объ избраніи Михаила и просили его передать ихъ желаніе боярамъ и воеводамъ; что онъ, какъ членъ Земской Думы, исполнялъ съ великою охотою. То же дѣлали и нѣкоторые другіе члены; напримѣръ, калужскій гость Смирной и его товарищи представили Собору такія же письма отъ Калуги и Сѣверскихъ городовъ; одинъ галицкій дворянинъ подалъ подобное же письменное изложеніе. Наконецъ такое же заявленіе сдѣлалъ Собору какой-то донской атаманъ отъ имени казаковъ, которыхъ тогда еще много стояло подъ Москвой.

Это совпаденіе заявленій отъ разныхъ сословій подало поводъ къ сочиненію слѣдующей легенды.

Князь Пожарскій совѣтовался съ освященнымъ соборомъ, боярами и всякихъ чиновъ людьми о выборѣ царя и спрашивалъ: „есть ли у насъ *царское прирожденіе?*“ (т. е. отрасль царскаго рода). Духовенство рѣшило соборнѣ молить Бога о милости и попросило сроку до утра. На утро нѣкій дворянинъ изъ Галича подалъ Земскому Собору родословную выпись, въ которой показывалъ близкое сродство Михаила Ѳеодоровича съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и отсюда его право на престолъ. Но на Соборѣ были и недоброжелатели Михаила, которые грозно спросили: кто и откуда принесъ это писаніе? Вдругъ является донской атаманъ и также подаетъ выпись. Пожарскій спрашиваетъ атамана, о чемъ гласитъ его писаніе. „О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“ — отвѣчаетъ тотъ. Прочли оба писанія, которыя оказались вполнѣ сходными. Увидя такое неожиданное согласіе дворянъ съ казачьимъ атаманомъ, Соборъ былъ удивленъ и единодушно выбралъ Михаила.

Итакъ, когда большинство голосовъ на соборѣ было достаточно подготовлено, 7 февраля состоялось предварительное избраніе Михаила Ѳеодоровича. Но повидимому все еще слышались многіе голоса людей, противившихся сему выбору. Поэтому, для большей крѣпости, окончательный приговоръ отложили на двѣ недѣли, поставляя на видъ, что изъ городовъ еще не всѣ выборные люди успѣли пріѣхать на со́боръ. Отсутствовали и нѣкоторые знатные бояре, отдыхавшіе въ своихъ вотчинахъ послѣ испытанной ими, совмѣстно съ Поляками тяжкой московской осады; въ ихъ числѣ былъ и Ѳ. И. Мстиславскій. Послали гонцовъ съ просьбою поспѣшить прибытіемъ какъ къ этимъ боярамъ, такъ и по городамъ. Кромѣ гонцовъ, въ ближніе города и уѣзды поѣхали „вѣрные люди“, чтобы разузнать

мнѣніе жителей насчетъ Михаила Ѳеодоровича, а, можетъ быть, и для того, чтобы повліять на ихъ мнѣніе. Сіи люди донесли, что вездѣ его выборъ встрѣчается съ великимъ сочувствіемъ. Есть извѣстіе, что именно около этого времени Земская Дума, желая лично узнать юношу Михаила, послала въ Кострому къ его матери двухъ дворянъ съ просьбою немедленно отпустить своего сына въ Москву. Старица Марѳа, испуганная такою просьбою и втайнѣ предупрежденная Шереметевымъ, отказалась ее исполнить. Соборъ, вѣроятно побуждаемый нѣкоторыми недоброжелателями Романовыхъ, обратился къ самому Шереметеву, прося его убѣдить старицу. Но исполненіе этой просьбы было не въ видахъ Шереметева: онъ опасался, что крайняя юность, застѣнчивость, робость и неопытность Михаила могутъ произвести на Соборѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Самъ Филаретъ Никитичъ былъ по своему времени человѣкомъ очень образованнымъ; но, рано оторванный отъ семьи, онъ не могъ озаботиться образованіемъ своего сына. Дѣтство и отрочество Михаила проходили то въ ссылкѣ, то въ деревнѣ, то въ Московской осадѣ, и намъ неизвѣстно даже, былъ ли онъ своевременно обученъ грамотѣ. (Хотя послѣднее обстоятельство не могло быть тогда помѣхою для достиженія престола: извѣстно, что Борисъ Годуновъ, при всемъ своемъ умѣ и государственной опытности, грамотою не владѣлъ). Во всякомъ случаѣ Шереметевъ не поддался на уловку недоброжелателей. Со слезами на глазахъ онъ отвѣчалъ, что совсѣмъ не желаетъ вмѣшиваться въ этотъ выборъ, чтобы не сочли его человѣкомъ, который хлопочетъ болѣе о своей роднѣ, чѣмъ о благѣ государства. Его отвѣтъ произвелъ на собраніе желательное впечатлѣніе. Оно еще болѣе утвердилось въ намѣреніи остановить свой выборъ на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Окончательное соборное избраніе совершилось 21 февраля въ первое Воскресенье великаго поста, т.-е. въ недѣлю Православія. Великая Дума собралась въ Успенскомъ соборѣ. Тутъ отобраны были письменныя мнѣнія отъ членовъ Думы, и, по словамъ современныхъ свидѣтелей, въ тотъ день единогласно оказался избраннымъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Главные руководители этого избранія сочли нужнымъ для большей его торжественности и прочности спросить еще мнѣніе собственно Москвичей, и отрядили для того особую депутацію, которую составили рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ. Они пришли на Лобное мѣсто, и

обратились къ народу съ вопросомъ, кого онъ желаетъ имѣть царемъ. Народъ, при своемъ расположеніи къ семьѣ Никитичей еще подготовленный пріятелями и помощниками Ѳ. И. Шереметева, громкими кликами заявилъ, что никого не желаетъ кромѣ Михаила Ѳеодоровича Романова. Немедленно въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; такіе же молебны о долголѣтіи новоизбраннаго государя съ колокольнымъ звономъ служили по другимъ церквамъ и монастырямъ царствующаго града. Затѣмъ началась присяга въ Москвѣ и городахъ по крестоцѣловальной грамотѣ, уложенной Земскимъ совѣтомъ.

Къ Михаилу Ѳеодоровичу и его матери снаряжено было отъ сего совѣта торжественное и многочисленное посольство. Во главѣ его поставлены частію тѣ же лица, которыя спрашивали народъ на Лобномъ мѣстѣ, а именно: архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и троицкій келарь Авраамій, кромѣ того симоновскій архимандритъ то же Авраамій, а изъ свѣтскихъ членовъ бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, князь Влад. Ив. Бахтеяровъ-Ростовскій, Ѳед. Вас. Головинъ и дьякъ Иванъ Болотниковъ. Съ ними отправились выборные отъ всякихъ чиновъ Московскаго государства: стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы, дѣти боярскіе, гости, казачьи атаманы, стрѣлецкіе головы и пр. Посольство снабжено было письменнымъ подробнымъ наказомъ, который точно опредѣлялъ, что нужно говорить Михаилу и его матери, какъ поступить на случай ихъ отказа и что сказать въ случаѣ ихъ опасенія за участь митрополита Филарета. Кромѣ сего наказа посламъ вручили еще двѣ грамоты, для матери и для сына: въ нихъ излагались московскія событія послѣдней эпохи и заканчивались они извѣщеніемъ о соборномъ избраніи Михаила Ѳеодоровича Романова. 2-го марта посольство выѣхало изъ Москвы.

Старица Марѳа Ивановна и ея юный сынъ Михаилъ, освободясь изъ рукъ осажденныхъ въ Москвѣ Поляковъ, удалились въ свои вотчины, находившіяся въ Костромскомъ уѣздѣ; при чемъ они съ молитвенною цѣлію посѣтили нѣкоторые сосѣдніе монастыри; между прочимъ ѣздили и въ обитель Макарьевскую на р. Унжѣ. Затѣмъ мать и сынъ мирно проживали въ своемъ селѣ Домнинѣ, расположенномъ въ глухомъ лѣсномъ краю, въ 70 верстахъ отъ города Костромы, и надѣялись, что здѣсь они достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и отъ вражескихъ нападеній. Но эта надежда не оправдалась.

Польско-литовскія шайки вмѣстѣ съ воровскими казаками еще свирѣпствовали въ мѣстахъ приволжскихъ и даже заволжскихъ. Между прочимъ въ 1613 году такія шайки нападали на пригородъ Солигаличъ, лежащій на р. Костромѣ, и на Желѣзноборовскій монастырь, отстоящій отъ села Домнина въ 15—20 верстахъ. Неизвѣстно, одна ли изъ этихъ шаекъ или какая другая, въ виду слуховъ объ избраніи Михаила Ѳедоровича, задумала внезапнымъ нападеніемъ захватить его въ свои руки, и направилась въ ту сторону. Но ей нелегко было найти прямую дорогу въ мѣстности лѣсистой, ровной и занесенной снѣгомъ. Шайка попала въ Деревнищи, одинъ изъ ближнихъ и принадлежавшихъ Домнину поселковъ. Тутъ польско-литовскіе люди схватили обывателя, повидимому деревнищенскаго старосту, по имени Ивана Сусанина, распрашивали его о мѣстопребываніи семьи Романовыхъ, и потребовали, чтобы онъ проводилъ ихъ въ Домнино. Сусанинъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, охотно согласился служить проводникомъ; но, отправляясь въ дорогу, успѣлъ послать своего зятя Богдана Сабинина къ старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ съ предупрежденіемъ объ опасности и съ совѣтомъ спасаться скорѣе въ Кострому. Онъ повелъ Поляковъ такою дорогою, что Домнино осталось въ сторонѣ. Долгое время водилъ онъ ихъ по лѣсамъ и замерзшимъ болотамъ; враги начали изъявлять подозрѣнія, грозя Сусанину жестокими пытками и смертію. Когда же по его разсчету Михаилъ былъ внѣ опасности, онъ объявилъ Полякамъ истину, и принялъ отъ нихъ мученическую кончину. *Такъ вѣроятно или приблизительно совершился его подвигъ*, о которомъ исторія къ сожалѣнію имѣетъ только или глухія, или косвенныя свидѣтельства.

Какъ бы то ни было, старица Марѳа уѣхала съ своимъ сыномъ въ Кострому; но они поселились не въ самомъ городѣ, а укрылись за каменными стѣнами Ипатьевскаго монастыря, который былъ основанъ въ XIV вѣкѣ мурзою Четомъ, предкомъ Годуновыхъ, и отдѣляется отъ города только рѣкой Костромой при самомъ ея впаденіи въ Волгу.

13 марта прибыло въ Кострому торжественное московское посольство, отправленное Великою Земскою Думою. На слѣдующій день послѣ обѣдни оно, вмѣстѣ съ костромскими воеводами, духовенствомъ, служилыми людьми и толпою обывателей, двинулось въ монастырь при колокольномъ звонѣ, предшествуемое хоругвями и образами, въ числѣ которыхъ находилась, почитаемая чудотворною, икона Ѳедоровской Богородицы. Марѳа и ея сынъ встрѣтили шествіе у воротъ

обители и приложились къ иконамъ. Услыхавъ, зачѣмъ пріѣхало посольство, великая старица съ плачемъ и гнѣвомъ говорила, что она не благословитъ сына, и долго не соглашалась слѣдовать за послами въ монастырскій Троицкій храмъ; едва ее умолили. Тутъ отслужили молебенъ, а затѣмъ подали Мареѣ и Михаилу соборныя грамоты и начали излагать тѣ рѣчи, которыя были написаны въ посольскомъ наказѣ. Архіепископъ Ѳеодоритъ и бояринъ Шереметевъ били челомъ и говорили поочередно о предшествовавшихъ событіяхъ Смутнаго времени и объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на вдовствующій престолъ Московскаго государства съ усильною просьбою поспѣшить своимъ прибытіемъ въ царствующій градъ. Выслушавъ ихъ, Михаилъ съ плачемъ отвѣчалъ, что у него и помышленія не было о такой великой чести. Старица Марѳа съ гнѣвомъ говорила, что сынъ ея еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ *измалодушествовалися*, и, давъ свои души прежнимъ государямъ, служили имъ не прямо, измѣняли.“ Видя ихъ измѣны, клятвопреступленія, убійства и поруганія прежнимъ государямъ, и прирожденному государю теперь трудно быть на Московскомъ государствѣ. Къ тому же оно разорилось до конца отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ Русскихъ воровъ; сокровища царскія вывезены, дворцовыя села и черныя волости розданы въ помѣстья всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, и кому приведетъ Богъ быть на Владимірскомъ и Московскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, нечѣмъ жаловать служилыхъ людей, исполнять свои царскіе обиходы, стоять противъ своего недруга Польскаго короля и иныхъ пограничныхъ государей. И потому еще она, старица Марѳа, не можетъ благословить своего сына на государство, что отецъ его митрополитъ Филаретъ находится у короля въ Литвѣ, и тотъ можетъ учинить надъ нимъ какое зло.

Послы стали усиленно молить Михаила и его мать, чтобы не призрили соборнаго приговора и челобитья и не взирали на примѣры недавнихъ государей, которые сѣли на государство или насиліемъ, или обманомъ; а что „нынѣ Московскаго государства люди *наказалися* и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ, за христіанскую вѣру хотятъ помереть, Михаила обрали всею землею и крестъ цѣловали служить ему и прямить и кровь за него проливать.“ А ради отца его митрополита Филарета Великая Дума посылаетъ къ королю посольство съ предложеніемъ обмѣнять его на многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Старица и Михаилъ продолжали отказываться.

Тогда Архіепископъ Ѳеодоритъ взялъ въ руки икону Ѳедоровской Богородицы, а келарь Авраамій образъ московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ стали „бить челомъ съ великимъ воплемъ и со многимъ слезнымъ рыданіемъ". Архіепископъ грозилъ, что Богъ взыщетъ на нихъ за будущее конечное разореніе Московскаго государства, за поруганіе святыхъ Божіихъ церквей, честныхъ иконъ и многоцѣлебныхъ мощей. Челобитье и переговоры продолжались съ третьяго часа дня до девятаго. Наконецъ старица Марѳа не устояла противъ всенароднаго моленія и челобитья, и, преклонясь передъ чудными иконами, благословила сына на Владимірское, Московское и на всѣ государства Россійскаго царства. Михаилъ принялъ благословеніе и царскій посохъ отъ архіепископа Ѳеодорита и всего освященнаго Собора. Духовенство отслужило благодарственный молебенъ и провозгласило многолѣтіе молодому государю. Молебны эти пѣлись потомъ въ теченіе трехъ дней по всѣмъ мѣстнымъ церквамъ. Съ радостною отпискою о благополучномъ исполненіи своего порученія послы отправили въ Москву дворянина Усова и зарайскаго протопопа Димитрія. День 14 марта 1613 года долженъ навсегда остаться памятнымъ въ Русской исторіи.

Въ этой повѣсти объ отказахъ и мольбахъ, происходившихъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ и предшествовавшихъ согласію Михаила на его избраніе, нельзя не замѣтить нѣкоторыя общія черты съ тѣмъ, что происходило шестнадцать лѣтъ тому назадъ, т. е. 21 февраля 1598 года въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, когда патріархъ съ кресннымъ ходомъ пришелъ умолять Бориса Годунова о принятіи короны. А потому, кромѣ весьма естественныхъ страховъ и опасеній матери и сына принять избраніе при такихъ печальныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, не должно забывать, что въ сихъ трогательныхъ сценахъ участвовалъ также и древній русскій обычай. Въ силу этого обычая и понятій того времени, не слѣдовало легко и скоро принимать вообще какой-либо выдающійся почетъ, а тѣмъ болѣе столь высокую и многотрудную степень, каковую представляло царское достоинство.

19 марта Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, соборными послами и многими служилыми людьми выѣхалъ изъ Костромы; а на третій день прибылъ въ Ярославль. Тутъ онъ, подобно Пожарскому, оставался продолжительное время, пребывая въ Спасскомъ монастырѣ. Съ одной стороны его задерживала весенняя распутица; а съ другой онъ не спѣшилъ ради многихъ неустройствъ, происходившихъ въ

Москвѣ и вокругъ нея, и выжидалъ, пока дѣла придутъ въ большій порядокъ, и столица приготовится къ должному принятію новоизбраннаго государя. Сюда съѣхались изъ сосѣднихъ городовъ многіе дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди на поклонъ государю. Во все это время между нимъ и Великою Земскою Думою происходили дѣятельныя сношенія и взаимная пересылка грамотами. Юный царь посылалъ разныя предписанія, а Соборъ приводилъ ихъ въ исполненіе и обо всемъ его извѣщалъ. Главнымъ предметомъ заботы служила, во первыхъ, оборона государства отъ Поляковъ, Шведовъ, Ивана Заруцкаго и воровскихъ шаекъ; для чего въ Москвѣ снаряжали служилыхъ людей и посылали подкрѣпленія угрожаемымъ мѣстамъ. Во вторыхъ, велѣно было собирать отовсюду запасы въ московскія дворцовыя помѣщенія „для государева обихода" къ его пріѣзду; для чего во всѣ дворцовыя села разсылались писцы и сборщики. При семъ не обошлось безъ большой докуки отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ Смутную эпоху завладѣли многими дворцовыми имуществами; теперь же царскіе чиновники ихъ отписывали обратно на государя. Немало безпокойствъ причиняли также разбойничьи и воровскія шайки, которыя производили грабежи и убійства въ окрестностяхъ столицы и дѣлали небезопаснымъ самый путь между ними и Ярославлемъ. Обо всемъ этомъ государь писалъ Земской Думѣ и требовалъ принятія надежныхъ мѣръ. Само собой разумѣется, если возьмемъ въ разсчетъ крайнюю юность и неопытность Михаила Өедоровича, то поймемъ, что всѣ эти полезныя и предусмотрительныя распоряженія, исходившія отъ его имени, внушались его руководителями, т.-е. матерью и бояриномъ Шереметевымъ; имъ, по всей вѣроятности, помогали и другіе члены московскаго посольства, напримѣръ, архіепископъ Өеодоритъ, келарь Авраамій, дьякъ Болотниковъ и пр.

Только 16 апрѣля Михаилъ съ своею свитою выѣхалъ изъ Ярославля, и на другой день прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь онъ промедлилъ нѣсколько дней; потомъ остановился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ Троицкой Лаврѣ. Вездѣ онъ вмѣстѣ съ матерью обходилъ „честные" монастыри, молился „чудотворнымъ" иконамъ и кланялся „многоцѣлебнымъ" мощамъ. Съ дороги государь не разъ писалъ въ Москву и изъявлялъ свое неудовольствіе на то, что власти не принимали энергичныхъ мѣръ противъ разбойниковъ и воровъ, которые продолжали грабить и убивать людей; чѣмъ отчасти объяснялъ замедленіе своего прибытія. Власти оправдывались какъ могли.

Земская Дума прислала новое торжественное посольство съ просьбою поспѣшить своимъ прибытіемъ въ царствующій градъ. Во главѣ посольства находились архіепископъ суздальскій Герасимъ, князь Воротынскій, бояринъ Морозовъ, князь Мезецкій и дьякъ Ивановъ. Оно привѣтствовало царя рано поутру 1 мая въ селѣ Братовщинѣ. На слѣдующій день, 2 мая, въ Воскресенье совершилось торжественное шествіе Михаила и его матери въ Москву. Ихъ встрѣтили за городомъ митрополитъ ростовскій Кириллъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со крестами, бояре, дворяне и всякихъ чиновъ люди съ женами и дѣтьми. Они прибыли прямо въ Успенскій соборъ, гдѣ совершены были молебны; государь принялъ благословеніе отъ митрополита и архіепископовъ; пожаловалъ бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей „велѣлъ быть у своей царской руки"; а они „здравствовали ему съ радостотворными слезами". Изъ Успенскаго собора онъ прошелъ въ Архангельскій поклониться гробамъ почившихъ государей, а отсюда въ Благовѣщенскій. Затѣмъ онъ расположился въ разоренномъ Кремлевскомъ дворцѣ въ теремѣ царицы Анастасіи Романовны; этотъ ветхій теремъ къ его пріѣзду власти кое какъ успѣли привести въ порядокъ; а для старицы Мароы приготовили хоромы въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ какомъ страшномъ разореніи находились тогда не только городъ и посады Московскіе, но и самый Кремль, о томъ наглядно свидѣтельствуютъ большія хлопоты о помѣщеніи новоизбраннаго государя. Сначала окружающіе Михаила изъ Ярославля писали въ столицу, чтобы для него приготовили палаты бывшей царицы Ирины Өедоровны, а для матери его хоромы супруги Василія Шуйскаго. Но отъ Великой Думы получился отвѣтъ, что тѣ палаты и хоромы стоятъ безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ дверей и оконъ; въ казнѣ денегъ нѣтъ, плотниковъ и подходящаго лѣсу тоже подъ рукой не имѣется, и вскорѣ добыть ихъ нельзя.

Когда прошли первые дни радости и торжествъ, власти и всякихъ чиновъ люди били челомъ государю, чтобы онъ „вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ". Государь „не призрилъ ихъ моленія". Торжественное вѣнчаніе совершилось 11 мая въ Успенскомъ соборѣ. Передъ выходомъ въ соборную церковь государь сѣлъ въ Золотой (расписанной по золотому полю) палатѣ на царскомъ мѣстѣ, и соизволилъ пожаловать въ боярскій санъ двухъ стольниковъ: свойственника семьи Романовыхъ князя Ивана Борисовича Черкасскаго и знаменитаго воеводу Димитрія Михайловича Пожарскаго. Обоимъ имъ пожалованіе сказывалъ думный дьякъ Сыдавный Васильевъ; у сказки при Черкасскомъ

стоялъ бояринъ Вас. Петр. Морозовъ, а при Пожарскомъ думный дворянинъ Гаврило Пушкинъ. И Морозовъ, и Пушкинъ били челомъ, что имъ въ этой сказкѣ по своему отечеству быть невмѣстно. Но государь ради своего царскаго вѣнца указалъ имъ „быть безъ мѣстъ". Затѣмъ при распредѣленіи регалій князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой заспорилъ о томъ, что Ивану Никитичу Романову велѣно держать Мономахову шапку, а ему, Трубецкому, скипетръ, и что ему „невмѣстно" быть менѣе Ивана. Государь сказалъ, что Иванъ Никитичъ ему по родству дядя, и тоже велѣлъ быть безъ мѣстъ. Были и другіе случаи мѣстничества; но также устранены приказомъ государя. Вѣнчаніе происходило съ обычными обрядами и церемоніями. Его совершалъ Ефремъ, митрополитъ Казанскій и Свіяжскій. При семъ бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ держалъ корону или шапку Мономахову, князь Дим. Тим. Трубецкой—скипетръ, Дим. Мих. Пожарскій яблоко или державу, а дьякъ Сыдавный Васильевъ—блюдо. Послѣ вѣнчанія старѣйшій бояринъ князь Ѳ. И. Мстиславскій три раза осыпалъ государя золотыми: въ Успенскихъ дверяхъ, потомъ въ дверяхъ при выходѣ изъ Архангельскаго собора и послѣ выхода изъ Благовѣщенскаго собора на Золотой лѣстницѣ подлѣ Грановитой палаты. Въ этой палатѣ устроены были пиршественные столы для духовенства, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. На слѣдующее число, 12 мая, Государь праздновалъ день своего ангела, и въ этотъ день онъ пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне.

Что касается до ограничительныхъ въ пользу бояръ условій, о которыхъ, какъ мы видѣли, была рѣчь еще въ перепискѣ Филарета Никитича съ Ѳ. И. Шереметевымъ, то имѣемъ рядъ свидѣтельствъ о томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ передъ своей коронаціей утвердилъ запись, предложенную ему боярами въ этомъ смыслѣ. Но въ какомъ видѣ существовала эта запись, наши источники не даютъ точнаго отвѣта на такой вопросъ. По всѣмъ признакамъ, это была запись собственно боярская, которой осталась чужда Великая Земская Дума; ибо въ дошедшей до насъ избирательной грамотѣ, подписанной членами этой Думы, о таковой записи нѣтъ и помину ([24]).

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Бурная эпоха Русской исторической жизни, извѣстная подъ именемъ Смутнаго времени, представляетъ въ высшей степени важный, любопытный и поучительный предметъ для наблюденій и выводовъ.

Главною причиною, вызвавшею этотъ мучительный переломъ, или исходнымъ его событіемъ является прекращеніе древняго царствующаго дома Владиміра Великаго, прекращеніе, подготовленное тиранствомъ Ивана Грознаго, непощадившаго и собственнаго потомства. Въ сущности Иванъ Грозный и былъ непосредственнымъ виновникомъ Смутнаго времени, приготовивъ для него почву съ одной стороны сыноубійствомъ, а съ другой вообще своимъ необузданнымъ деспотизмомъ. Если бы прекращеніе Владимірова дома произошло несомнѣннымъ и для всѣхъ очевиднымъ образомъ, тогда оно не могло бы имѣть такого значенія, какое получило въ данномъ случаѣ. Но оно осложнилось безвременною гибелью единственнаго отпрыска царствующей фамиліи, т. е. Димитрія Углицкаго. Его внезапная и, по всѣмъ историческимъ даннымъ, насильственная смерть была окружена такими обстоятельствами, которыя придали ей характеръ таинственности и сдѣлали ее предметомъ разнообразныхъ слуховъ и толковъ въ народѣ, толковъ весьма неблагопріятныхъ для лица занявшаго Московскій престолъ, т. е. для Бориса Годунова. А сей послѣдній оказался не на высотѣ своего положенія. Съ одной стороны онъ не только не сумѣлъ примирить съ своимъ возвышеніемъ притязательное Московское боярство, но и прямо возстановилъ противъ себя значительную и наиболѣе вліятельную его часть. Съ другой стороны противъ него настроены были и нисшіе слои народа: среди сельскаго населенія происходило сильное броженіе, вызванное мѣрами закрѣпощенія, переселеніями на юговосточныя окраины и разореніемъ сѣверозападныхъ областей, служившихъ театромъ

неудачныхъ войнъ за Ливонію при Иванѣ Грозномъ. Наиболѣе безпокойные и отважные люди изъ крестьянъ и холоповъ уходили въ вольное Донское и Волжское казачество, которое именно въ это время сдѣлалось многочисленнымъ и сильнымъ; а при своемъ враждебномъ отношеніи къ государственнымъ порядкамъ оно представляло готовую вооруженную силу для всякаго отчаяннаго предпріятія. Не одни крестьяне и холопы становились въ ряды казачества; къ нимъ приставали и многіе изъ обѣднявшихъ посадскихъ, особенно изъ приволжскихъ городовъ. Даже и состоятельные люди городского сословія, напр. классъ гостей, были недовольны Борисомъ Годуновымъ за его пристрастіе къ иноземнымъ торговцамъ и тѣ привилегіи, которыми онъ ихъ надѣлялъ.

Всѣ эти обстоятельства хорошо были извѣстны въ Западной Руси и Польшѣ, и тамъ постарались ими воспользоваться, чтобы безъ труда расширить предѣлы Рѣчи Посполитой на востокѣ, включивъ въ нихъ Смоленщину и Сѣверщину, которыя издавна составляли спорныя земли между Москвой и Литвой. Современные заправилы Рѣчи Посполитой, кажется, простирали свои виды еще на Новгородъ и Псковъ, а въ случаѣ легкаго успѣха могли разсчитывать и на большее. Что бы низвергнуть Годунова и произвести смуту въ Московской Руси, наилучшимъ средствомъ къ тому являлось самозванство— способъ уже испытанный Поляками въ отношеніи ихъ сосѣдей. Внезапная и довольно таинственная кончина маленькаго Димитрія представляла для того весьма удобный поводъ.

Главнымъ дѣятелемъ въ этой гнусной польской интригѣ, повидимому, былъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который нашелъ себѣ усердныхъ сообщниковъ въ лицѣ Мнишковъ, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли, и связанныхъ съ ними родствомъ Вишневецкихъ. Самозванецъ, котораго они выставили, при всемъ своемъ загадочномъ происхожденіи, представляетъ яркій типъ ополяченнаго западнорусскаго шляхтича. По всѣмъ признакамъ, Левъ Сапѣга съ самаго начала дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія Сигизмунда III. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тотъ же Сапѣга во время своего продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ въ качествѣ посла успѣлъ завязать какія то тайныя сношенія съ тою боярскою партіей, во главѣ которой стояла семья Романовыхъ; въ тѣхъ же сношеніяхъ былъ замѣшанъ чудовской монахъ Григорій Отрепьевъ. Отсюда произошло ихъ преслѣдованіе со стороны Годунова. Римская курія и Іезуитскій орденъ были привлечены уже къ готовой польской интригѣ; а не были ея

зачинщиками; они приняли участіе въ надеждѣ распространить церковную унію изъ Западной Россіи и на Восточную.

Руководители Самозванца, при вторженіи въ Московскіе предѣлы, направили его именно на Сѣверскую Украйну, которая отчасти тянула къ Западной или Польско-Литовской Руси и казачество которой находилось въ живыхъ связяхъ на одной сторонѣ съ Запорожьемъ, на другой съ Дономъ. Поэтому вторженіе увѣнчалось здѣсь блистательнымъ успѣхомъ. Въ эту критическую эпоху Борисъ не показалъ ни находчивости, ни рѣшительности; едва ли не главную свою защиту онъ построилъ на отождествленіи Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ и на церковномъ проклятіи сего послѣдняго. Шатость въ умахъ московской рати и явная неохота боярства сражаться за Годуновыхъ довершили ихъ паденіе, и тѣмъ болѣе, что по смерти Бориса эта фамилія изъ среды своей не выставила ни одного способнаго энергичнаго защитника. Масса собственно Московскаго населенія увлечена была искреннею вѣрою въ подлинность Димитрія и своею исконною преданностію „прирожденнымъ" государямъ. Но легкость, съ которою досталась ему Московская корона, внушила крайнюю самоувѣренность этому отчаянному искателю приключеній; у него закружилась голова, и крайне легкомысленнымъ поведеніемъ онъ самъ далъ противъ себя оружіе своимъ тайнымъ противникамъ боярамъ, которые конечно хорошо понимали обманъ и пользовались всякимъ случаемъ раскрыть глаза народу. Поэтому первый Лжедимитрій еще легче чѣмъ Годуновы палъ жертвою боярскаго заговора и народнаго мятежа, вмѣстѣ со многими окружавшими его Поляками, не менѣе его легкомысленными. Глава этого заговора Василій Шуйскій принадлежалъ къ тѣмъ знатнымъ фамиліямъ, которыя притязали на вакантный Московскій престолъ, и онъ дѣйствительно захватилъ сей престолъ. Но этимъ актомъ закончился только первый періодъ Смуты: разъ начавшаяся, она не только не прекратилась, а благодаря союзу внѣшнихъ враговъ съ внутреннею крамолою, продолжала дѣйствовать все съ болѣе разрушительною силою, пока не достигла своихъ крайнихъ предѣловъ.

Польскія козни усилились. Тѣ же двѣ фамиліи Мнишковъ и Вишневецкихъ, при томъ же скрытомъ участіи Льва Сапѣги, выставили и второго Лжедимитрія; та-же польско-шляхетская и казацкая вольница привела его къ стѣнамъ Москвы. Хотя этотъ второй Лжедимитрій несомнѣнно исповѣдывалъ православіе, владѣлъ русскою грамотностію и вообще болѣе походилъ на Русина чѣмъ первый Самоз-

ванецъ, однако въ столицѣ грубый обманъ уже настолько сдѣлался извѣстнымъ, что масса московскихъ обывателей гнушалась имъ и мужественно выдерживала продолжительную осаду со стороны Тушинскихъ таборовъ. Но въ областяхъ, гдѣ труднѣе было узнать истину и куда доходили самые разнорѣчивые и превратные слухи, Тушинскій воръ имѣлъ болѣе успѣха; многіе города признали его царемъ и доставляли помощь людьми, а особенно припасами.

Въ эту эпоху вскрылась и старая непріязнь къ Москвѣ со стороны нѣкоторыхъ покоренныхъ ею областей, въ особенности со стороны окраинъ: югозападной, тянувшей отчасти къ Польско-Литовской Руси, и юговосточной, состоявшей изъ вновь завоеванныхъ земель двухъ бывшихъ татарскихъ царствъ, Казанскаго и Астраханскаго. На сѣверозападѣ можно было ожидать столь же враждебнаго движенія въ древнихъ вѣчевыхъ общинахъ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Однако Новгородъ первое время оставался вѣренъ Москвѣ; что указываетъ на дѣйствительность мѣръ, принятыхъ Иваномъ III и его преемниками для прочнаго водворенія тамъ московскаго строя. Только Псковъ рѣзко проявилъ свою старую демократическую основу и долго сдерживаемую вражду къ московскимъ порядкамъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Василій Шуйскій обратился за помощью къ сопернику Польскаго короля, Карлу IX Шведскому. Доблестный царскій племянникъ собралъ сѣверозападное ополченіе и, присоединивъ наемный шведскій отрядъ, предпринялъ очищеніе государства отъ польско-казацкихъ и русскихъ воровскихъ шаекъ. Въ это время на помощь законному государственному порядку выступила внутренняя духовная сила—православная церковь. Въ столицѣ ея стойкимъ представителемъ явился патріархъ Гермогенъ; а внѣ столицы выдвинулась Троицкая Лавра, сумѣвшая такъ поднять духъ своихъ немногочисленныхъ защитниковъ, что они выдержали долговременную осаду отъ самаго способнаго изъ польско-литовскихъ предводителей, Яна Сапѣги. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ Лавры и самой Москвы отъ осады, казалось, государственный порядокъ, представляемый Шуйскимъ, готовъ былъ восторжествовать надъ Смутой; хотя Сигизмундъ III, вдохновляемый Львомъ Сапѣгой, уже лично выступилъ для ея поддержки и осадилъ Смоленскъ. Неожиданное обстоятельство—внезапная кончина Скопина—вновь повернуло событія въ пользу Смуты и противъ династіи Шуйскихъ. Если возстановленіе и очищеніе государства до такой степени зависѣли отъ существованія одного только царскаго родственника, то ясно, что успѣхи его не были прочны, что внутреннія причины Смуты еще находились

въ полномъ разгарѣ. Клушинскій погромъ, сверженіе Василія, присяга Владиславу и занятіе Москвы Поляками заканчиваютъ второй или средній періодъ Смуты.

Въ слѣдующій, третій, періодъ бѣдствія Русской земли достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Смоленскъ и Новгородъ становятся добычею враждебныхъ сосѣдей. Въ самой столицѣ водворилось двойное правительство, военно-польское и русско-боярское, дѣйствовавшее именемъ Владислава, но получавшее приказанія отъ Сигизмунда III и литовскаго канцлера Сапѣги. Въ областяхъ свирѣпствовали шайки польскія, казацкія и свои воровскія. Но именно эти крайнія бѣдствія и пробудили наконецъ въ народѣ горячее желаніе прогнать враговъ и возстановить государственный порядокъ, безъ котораго невозможно было охранить ни свою вѣру, ни гражданское существованіе. Случайная гибель Лжедимитрія II или Тушинско-Калужскаго вора послужила благопріятнымъ толчкомъ къ объединенію народныхъ желаній и стремленій. Державшіяся его области большею частію воротились къ единенію съ Москвою; для высшихъ имущихъ классовъ вмѣстѣ съ нимъ исчезло демократическое пугало; а казаки, чернь и вообще хищные элементы утратили въ немъ свою опору. Главный починъ въ народно-православномъ противопольскомъ движеніи принадлежалъ патріарху Гермогену. На его призывныя грамоты отозвались почти всѣ коренныя велико-русскія области. Въ эту бѣдственную эпоху выступилъ на переднюю историческую сцену русскій міръ, т. е. старый общинный или вѣчевой складъ русскихъ городовъ и волостей. Предоставленные самимъ себѣ, города и волости дѣятельно пересылаются гонцами и грамотами другъ съ другомъ; населеніе сходится для общихъ или мірскихъ совѣтовъ на площадяхъ, преимущественно у церковныхъ папертей послѣ богослуженія; тутъ читаютъ всенародно полученныя грамоты, сообщаютъ вѣсти, обсуждаютъ, составляютъ приговоры. Силою событій воеводы, дьяки, вообще назначаемыя центральнымъ правительствомъ власти принуждены рядомъ съ собою признать дѣятельное участіе выборныхъ земскихъ людей въ заправленіи дѣлами; а, главное, въ вѣдѣніи послѣднихъ находилось добываніе военныхъ средствъ, т. е. нарядъ людей, раскладка денежныхъ сборовъ, доставка всякаго рода припасовъ и т. п.

Первое ополченіе, выставленное областями, нашло себѣ даровитаго энергичнаго вождя въ лицѣ рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова. Оно стало добывать Москву изъ рукъ Поляковъ. Въ то же время въ областяхъ образовались отряды собственно народныхъ пар-

тизановъ или такъ наз. шишей, которые объявили войну польскимъ и воровскимъ шайкамъ, и прерывали ихъ сообщенія. Но вмѣстѣ съ земскимъ ополченіемъ подъ Москвою дѣйствовали толпы казацкой вольницы, буйной и хищной, которая къ тому же попала подъ начальство такого злонравнаго честолюбца-интригана, какимъ былъ атаманъ Заруцкій. Его неизбѣжное соперничество съ Ляпуновымъ окончилось предательскимъ убіеніемъ сего послѣдняго, и дѣло освобожденія столицы получило неблагопріятный оборотъ. Патріархъ Гермогенъ былъ окончательно лишенъ свободы, а потому потребовались новыя усилія и новые люди со стороны земства и духовенства. Русская земля сдѣлала эти усилія и выставила этихъ людей.

Возбудительницею послѣдняго народнаго движенія явилась Троицкая Лавра, сіявшая теперь въ глазахъ народа еще большимъ ореоломъ святости и подвижничества послѣ выдержанной ею долгой осады. Новый ея архимандритъ Діонисій, достойный ставленникъ партіарха Гермогена, усердно и умѣло продолжалъ его начинаніе, т. е. дѣйствовалъ на народъ призывными грамотами, въ которыхъ краснорѣчиво увѣщевалъ постоять за православную вѣру и за родину. Подъ вліяніемъ этихъ грамотъ и произошло новое освободительное движеніе. Во главѣ сего движенія сталъ Нижній Новгородъ; онъ находился въ числѣ немногихъ городовъ, уцѣлѣвшихъ во время Смуты отъ непріятельскихъ разореній и погромовъ. Его, крѣпкое духомъ и тѣломъ, коренное велико-русское населеніе нашло среди себя вдохновеннаго человѣка въ лицѣ земскаго старосты Козьмы Минина, по голосу котораго охотно понесло жертвы имуществомъ и личною службою для очищенія Москвы отъ враговъ. За Нижнимъ послѣдовали и другіе города, преимущественно поволжскіе; древнее вѣчевое начало, мірскіе сходы и приговоры еще разъ сослужили службу Русской землѣ и создали новое сильное ополченіе. Это второе земское ополченіе выбрало себѣ вождемъ князя Пожарскаго, который своею стойкостію, благоразуміемъ и вѣрностію долгу выдвинулся изъ всѣхъ московскихъ воеводъ Смутнаго времени. Наученные предшествовавшими опытами, Пожарскій и Мининъ повели дѣло обдуманно, основательно и осторожно. Самое казачество въ концѣ концовъ захвачено было религіознымъ и народнымъ одушевленіемъ или такъ наз. подъемомъ духа и въ критическія минуты усердно сражалось рядомъ съ земцами. На сей разъ народное дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Если мы вспомнимъ, что рѣчь идетъ о такомъ могучемъ и плотномъ племени какъ Великорусское, по сравненію съ Польшей и Западной

Русью, то поймемъ, что освободительное движеніе и не могло не увѣнчаться успѣхомъ, разъ начали прекращаться гибельная рознь и шатаніе умовъ и наступила благодѣтельная реакція въ пользу народнаго единенія и противъ потворства иноземнымъ насиліямъ. Мининъ и Пожарскій—это такое явленіе, которое не одинъ разъ повторялось въ исторіи при подобныхъ условіяхъ. Въ XV вѣкѣ знаменитая Жанна д'Аркъ была создана также подъемомъ народнаго духа или страстнымъ желаніемъ Французскаго народа изгнать изъ своей родины угнетавшихъ ее иноземцевъ—Англичанъ.

Итакъ послѣ изгнанія Поляковъ изъ Москвы началось возстановленіе государственнаго зданія. Но только съ избраніемъ царя могла окончиться Смута и наступить умиротвореніе земли; ибо Русскій народъ, собранный воедино Москвою, успѣлъ уже настолько проникнуться монархическимъ началомъ, что безъ царя не могъ себѣ представить никакого гражданскаго порядка; да и сама Смута поднята была, какъ извѣстно, главнымъ образомъ во имя „прирожденнаго" государя.

Тутъ снова выступила на переднюю историческую сцену все та же земская или мірская сила, но уже объединенная въ лицѣ выборныхъ людей ото всей Русской земли, т. е. Великая Земская Дума. Она занялась устроеніемъ земли, а главное выборомъ царя. Кандидатовъ на престолъ явилось нѣсколько. Испытавъ всю горечь иноземнаго вмѣшательства, Великая Дума прежде всего устранила иноземныхъ претендентовъ, и рѣшила взять царя изъ коренныхъ русскихъ и знатныхъ родовъ. Но и всѣ русскіе претенденты мало по малу должны были устраниться передъ юнымъ отпрыскомъ семьи Романовыхъ. Напрасно предусмотрительный Жолкевскій постарался обезоружить эту семью отправкою митрополита Филарета Никитича въ числѣ великихъ пословъ къ Сигизмунду III, который обратилъ ихъ въ плѣнниковъ. Возвращаясь къ избранію Михаила Ѳедоровича, я считаю нелишнимъ вновь и особенно подчеркнуть слѣдующій свой выводъ. Умный митрополитъ и изъ своего плѣна, по всѣмъ признакамъ, сумѣлъ вліять на ходъ вопроса о царскомъ избраніи посредствомъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и пріятелей. Но было бы ошибкою со стороны историка рѣшительный успѣхъ партіи Романовыхъ приписывать по преимуществу ловкой тактикѣ ея руководителей и вообще какимъ либо личнымъ проискамъ. Этотъ успѣхъ главнымъ образомъ обусловился большимъ народнымъ расположеніемъ къ знаменитой семьѣ или такъ наз. популярностію, которая еще возрасла вслѣдствіе гоненій и бѣдствій, претерпѣнныхъ братьями Никитичами

отъ Годунова. (Популярность Романовыхъ подтверждается не только иноземными и русскими источниками, но и такимъ неподкупнымъ свидѣтелемъ какъ народная пѣсня). И другіе претенденты также хлопотали, прибѣгали къ разнымъ проискамъ, даже подкупамъ; однако ихъ хлопоты ни къ чему не привели, потому что не имѣли подъ собою благодарной почвы. Трудно сказать что вышло бы, если бы родственники и пріятели Романовыхъ совсѣмъ бездѣйствовали. Всякое дѣло, и самое справедливое требуетъ хлопотъ и стараній; но успѣхъ зависитъ отъ условій, сложившихся за или противъ него. А тутъ мы видимъ, что съ момента прекращенія династіи Владиміра Великаго кандидатура Романовыхъ, такъ сказать, висѣла въ воздухѣ; но стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отдаляло ея осуществленіе.

Уже во время кончины Θедора Ивановича, Романовы въ народномъ понятіи стояли къ трону ближе другихъ боярскихъ родовъ. Только власть, фактически находившаяся тогда въ рукахъ Бориса, помогла ему захватить корону. Шуйскій также захватилъ власть потому, что фактически она очутилась въ его рукахъ; онъ былъ предводителемъ мятежа, низвергшаго Самозванца, и ловко воспользовался минутою. Но, достигши престола, семьи Годуновыхъ и Шуйскихъ сдѣлались жертвами наступившей Смуты. Единственный, остававшійся серьезный соперникъ князь Василій Голицынъ, благодаря предусмотрительности Жолкевскаго, оказался въ плѣну, и собственно путь къ престолу для Михаила Θедоровича былъ совершенно очищенъ. Нѣкоторое разногласіе и борьба партій, предшествовавшіе его выбору, только ярче оттѣнили несостоятельность всѣхъ другихъ претендентовъ и невозможность ихъ бороться съ народнымъ голосомъ или влеченіемъ, которое рѣшительно склонялось на сторону Романовыхъ. Отъ того-то и тактика руководителей ихъ партіи такъ легко удавалась и привела къ желанному концу, не смотря на то, что фактически власть и распоряженіе ратною силою совсѣмъ не находились въ ихъ рукахъ. Высшая власть въ это время принадлежала Великой Земской Думѣ, а ратную силу все еще вѣдали представители народнаго ополченія, князья Трубецкой и Пожарскій, которые, вначалѣ по крайней мѣрѣ, отнюдь не были усердными сторонниками кандидатуры Михаила Θеодоровича.

Относительно ограничительныхъ условій, предъявленныхъ боярами, надобно полагать, что онѣ дѣйствительно существовали. Это стремленіе знатныхъ родовъ ограничить царскую власть возникло вслѣдствіе неистовствъ Ивана Грознаго и усвоеннаго имъ азіатскаго деспотизма.

Тираннія Бориса Годунова могла только подкрѣпить такое стремленіе. Тутъ несомнѣнно вліялъ и соблазнительный примѣръ Западной Руси, съ ея Польско-Литовскимъ строемъ, съ ея шляхетскими вольностями и господствомъ вельможъ (можновладствомъ). Поэтому естественными являлись выборы на извѣстныхъ условіяхъ Василія Шуйскаго, королевичей Владислава и Филиппа и наконецъ Михаила Θеодоровича. Но межъ тѣмъ какъ боярство заботилось о своихъ привилегіяхъ, измученный бѣдствіями Смуты народъ оставался чуждъ всякимъ ограничительнымъ условіямъ и, не любя боярскаго многовластія, жаждалъ безхитростнаго возстановленія самодержавной царской власти; а потому такимъ умнымъ людямъ, какъ Филаретъ Никитичъ, не трудно было предвидѣть недолговѣчность подобныхъ условій, шедшихъ въ разрѣзъ съ потребностями, привычками и понятіями Великорусскаго племени. Эти умные люди конечно понимали, что только смута способствовала боярамъ ограничивать власть Василія Шуйскаго; но что въ болѣе спокойное время тотъ же Шуйскій безъ особаго труда могъ бы обуздать боярскія притязанія, опираясь на консервативное земство.

Вообще на Смутное время можно смотрѣть, какъ на историческое горнило или тяжелое испытаніе, ниспосланное Русскому народу, которое онъ выдержалъ до конца, и въ которомъ еще болѣе закалились его терпѣніе и преданность Божественному Промыслу. Отъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ въ эту эпоху Русь освободилась однѣми собственными силами, безъ всякой посторонней помощи, какъ и отъ Татарскаго ига. Смута дала возможность обнаружиться и высказаться всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ государственной и народной жизни и всѣмъ дурнымъ сокамъ, накопившимся въ теченіе предыдущаго періода. Но напрасно было бы считать такое явленіе принадлежностью именно данной эпохи и объяснять его преимущественно испорченными нравами, какъ это дѣлали нѣкоторые писатели; тоже самое явленіе приблизительно повторилось бы и во всякую другую эпоху при тѣхъ же обстоятельствахъ, т. е. шатаніе умовъ, измѣны и братаніе съ врагами родины, если бы точно также выступили на сцену дѣйствія безгосударное время, партійная борьба за верховную власть, экономически-угнетенное положеніе низшихъ классовъ и т. п. Въ свою очередь и самое шатаніе умовъ порождалось главнымъ образомъ непреодолимою для народа трудностію узнать правду, тою темнотой и тою путаницей, посреди которыхъ приходилось дѣйствовать даже лучшимъ людямъ Смутной эпохи. Напримѣръ, въ настоящее время мы можемъ на свободѣ и при помощи исторической критики

разобраться въ показаніяхъ разнорѣчивыхъ актовъ и свидѣтелей относительно перваго Лжедмитрія. А каково было положеніе народной массы въ означенную эпоху по отношенію къ тому же вопросу? Впрочемъ и въ наше время все еще являются иногда убѣжденные защитники подлинности названнаго Димитрія, несмотря на то, что совокупность историческихъ данныхъ говоритъ рѣшительно противъ нея.

Съ другой стороны, Смута несомнѣнно подтвердила ту истину, что въ общемъ Москва воздвигала государственное зданіе прочно и логично; такъ что никакія бури и потрясенія не могли поколебать его основы. Особенно наглядно эта истина сказалась на окраинныхъ или новопріобрѣтенныхъ областяхъ и восточныхъ инородцахъ, которые заявили о себѣ только нѣкоторыми бунтами и враждебными дѣйствіями; но ни одна область не воспользовалась обстоятельствами, чтобы воротить прежнюю самобытность. Такъ московская политическая система умѣла ослабить ихъ центробѣжныя силы и связать съ своимъ ядромъ. А древнія самостоятельныя княжества, когда-то соперничавшія съ Москвою, какъ Рязань и Тверь, почти ничѣмъ не отдѣлялись отъ коренныхъ московскихъ областей; самыя вѣчевыя общины, Новгородъ и Псковъ, обнаружили только нѣкоторые признаки старой самобытности и нелюбви къ Москвѣ, да и то благодаря вмѣшательству враждебныхъ сосѣдей. Одно вольное казачество явилось ярымъ врагомъ Московской государственности; но это была вновь возникшая сила, которая именно въ Смутное время получила большой притокъ изъ низшихъ классовъ, недовольныхъ соціальнымъ и экономическимъ гнетомъ, а особенно наступавшимъ закрѣпощеніемъ. Однако въ критическія минуты общее и дорогое всѣмъ православіе смягчало его вражду къ Московскому строю; а постепенное умиротвореніе и служебное подчиненіе казачества государству предоставлены были послѣдующему періоду.

Что Русская государственность до Смутнаго времени развивалась исторически правильно, это доказывается наглядно послѣдующимъ ходомъ исторіи. Когда Смутное время прекратилось, тотчасъ же государственная и общественная жизнь поспѣшила войти въ прежнее русло и пошла впередъ по тому же направленію. Даже и такое несимпатичное явленіе какъ крѣпостное право, которое, казалось, могло бы быть снесено со сцены этимъ бурнымъ потокомъ, продолжало свое дальнѣйшее развитіе съ того самаго пункта, на которомъ оно остановилось въ Смутную эпоху.

Энергическія усилія, употребленныя въ концѣ Смутнаго времени для полнаго возстановленія государственнаго зданія, утвердили за

Восточнорусскимъ или собственно Великорусскимъ народомъ славу наиболѣе государственнаго и слѣдовательно наиболѣе историчнаго изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ. И прежде всего онъ наглядно обнаружилъ превосходство своего государственнаго смысла сравнительно съ Западною вѣтвію того же Русскаго племени, т. е. Бѣлорусскою и Малорусскою. Хотя въ источникахъ постоянно говорится о польскихъ и литовскихъ людяхъ, изъ которыхъ составлялись воинскіе отряды, служившіе Самозванщинѣ и разорявшіе Московскую Русь; но при этомъ мы должны имѣть въ виду, что настоящихъ Поляковъ въ сихъ отрядахъ сравнительно было немного; а огромное большинство ихъ состояло изъ русскихъ людей, т. е. изъ Западноруссовъ. Притомъ въ ихъ средѣ менѣе всего было католиковъ; болѣе многочисленны были послѣдователи разныхъ протестантскихъ сектъ, которыя въ русскихъ сказаніяхъ, относящихся къ этому времени, обозначаются общимъ именемъ „люторовъ“, т. е. лютеранъ. А еще большее число входившихъ въ эти дружины шляхтичей (не говоря уже о Запорожцахъ) сохраняли пока свою старую вѣру, т. е. православіе; о чемъ ясно засвидѣтельствовалъ при одномъ случаѣ и самый извѣстный изъ ихъ предводителей Янъ Сапѣга. Въ числѣ предводителей также еще встрѣчаются православные люди, какъ напримѣръ, Романъ Рожинскій и Адамъ Вишневецкій. Не смотря на свое единовѣріе съ Московскою Русью, Западнорусская шляхта, уже тронутая вліяніемъ польско-католической культуры и политическихъ вольностей, явилась усерднымъ врагомъ и разрушителемъ Московскаго государственнаго и церковнаго строя. Слѣдовательно, Смутное время представляетъ намъ не столько нашествіе Польши на Москву, сколько нашествіе Западной Руси на Русь Восточную, т. е. въ сущности движеніе братоубійственное. Въ этомъ движеніи Полякамъ и католикамъ принадлежатъ однако починъ и руководительство.

При всей своей единоплеменности и единовѣріи, Западноруссы въ то время настолько уже разошлись съ Восточноруссами, что послѣдніе съ трудомъ признавали въ нихъ своихъ братьевъ, и естественно называли ихъ не Русью, а Литвою или даже Поляками, польскими или литовскими людьми. Западноруссы уже довольно рѣзко отличались отъ Московскихъ людей своею особою культурою и обычаями, принявшими сильный польскій оттѣнокъ, а также своею малорусскою или бѣлорусскою рѣчью, испещренною полонизмами, своимъ полонизованнымъ костюмомъ и самою наружностію; такъ какъ у западнорусской шляхты входили тогда въ моду не только бритые под-

бородки, но и подбритые кругомъ головы съ пучкомъ волосъ или хохломъ на темени. Москвичи, какъ мы видѣли, въ насмѣшку называли ихъ „*лысыя головы*“. Какую важность это наружное отличіе имѣло въ ихъ глазахъ, показываетъ одно мѣсто изъ призывной грамоты. Изображая бѣдственное положеніе Москвы, преданной боярами литовскимъ людямъ и лишенной всякой защиты, грамота говоритъ: „Нетомко вѣру попрали, хотя бы *на всѣхъ хохлы хотѣли учинити*, и зато никтобы слова не смѣлъ молвити“. Слѣдовательно, по понятіямъ Москвичей, если бы литовскіе люди вздумали обрить имъ головы по образцу своихъ собственныхъ и оставить только хохлы, то это было бы такимъ бѣдствіемъ, которое едвали не равнялось попранію самой вѣры. Такъ далеко уже успѣла разойтись тогда Русь Восточная съ Русью Западной. (23)

Что касается личности новоизбраннаго царя, правда, его смиренная фигура непохожа на обычные типы основателей новыхъ династій, типы энергическихъ честолюбцевъ, неразбирающихъ средствъ для достиженія цѣлей; тѣмъ не менѣе въ этой простодушной, почти дѣтской фигурѣ было что то симпатичное для Русскаго человѣка, особенно послѣ того какъ онъ вдоволь насмотрѣлся на разныхъ безпокойныхъ и безпощадныхъ честолюбцевъ Смутнаго времени. Эта фигура съ ея яснымъ, добродушнымъ выраженіемъ производила успокоительное впечатлѣніе на современное общество и напоминала ему послѣдняго Рюриковича Ѳедора Ивановича, который пользовался самою свѣтлою памятью въ народѣ и почитался имъ за святого человѣка. Во всякомъ случаѣ мы должны съ чувствомъ глубокого уваженія относиться къ Михаилу Ѳеодоровичу, какъ родоначальнику одной изъ самыхъ могущественныхъ династій во Всемірной исторіи и какъ къ дѣду Петра Великаго.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СМУТНОМУ ВРЕМЕНИ.

1. Источники для исторіи перваго Лжедимитрія вообще и до его похода въ Московію въ частности.

Русскіе. Палицына «Сказаніе о осадѣ Троицкаго монастыря». 18. Первая часть его перепечатана г. Платоновымъ въ Рус. Истор. Библіот. XIII томъ. Никонов. лѣт. VIII съ 54 стр. «Лѣтопись о многихъ мятежахъ». 73. «Новый лѣтописецъ», изданный кн. Оболенскимъ во Времен. Об. И. и Др. кн. XVII. «Иное сказаніе о Самозванцахъ» и «Тоже сказаніе, помѣщенное въ хронографѣ», изданныя И. Д. Бѣляевымъ во Времен. Об. И. и Др. кн. XVI. Перепечатано въ XIII томѣ Рус. Ист. Библ. «Повѣсть како восхити неправдой на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ»; заимствована изъ Иного Сказанія и напечатана ibid. «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ» (таже что предыдущая). См. Карамзина къ т. XI. прим. 201. «Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о Растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ». Чт. Об. И. и Др. № 9. 1847 г. Въ краткой редакціи напечатана въ Р. Ист. Библ. XIII. Отрывки изъ русскихъ хронографовъ въ Изборникѣ Анд. Н. Попова: Второй редакціи стр. 190. Третьей редакціи 220 и 258. Такъ наз. Кубасова (Катырева - Ростовскаго) 287. Принадлежащій Карамзину или Столяровъ. 323. Погодин. древнехранилища. 414. «Повѣсть князя Ивана Михайловича Ростовскаго» (прежде слывшая за Кубасова) снова издана въ двухъ редакціяхъ въ XIII т. Рус. Ист. Библіотеки. Тамъ же впервые изданъ любопытный «Временникъ дьяка Тимофеева», дотолѣ извѣстный только изъ «Хронологическаго указанія матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія» П. М. Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и «Библіологич. Словарь»). Также впервые вполнѣ изданы ibid.: «Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Ивановича» (вошедшее въ составъ Морозов. лѣтописца, цитуемаго Карамзинымъ), «Повѣсти князя Сем. Ив. Шаховскаго», «Повѣсть кн. Ив. Анд. Хворостинина», «Житіе царевича Димитрія Ивановича» (по минеямъ Тулупова и Милютина), и «Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ Московскомъ». Далѣе любопытный источникъ представляетъ «Челобитная чернеца Варлаама царю Василію Шуйскому о участіи въ бѣгствѣ Гришки Отрепьева, объ извѣтѣ на него королю Польскому и претерпѣнныхъ за то страданіяхъ въ Самборѣ». См. Акты Археограф. Эксп. II. № 64; вошла въ Иное Сказаніе (Р. Ист. Библ. XIII. 18) и въ хронографъ третьей редакціи (изборн. А. Попова. 258). Грамота патріарха Іова въ Сольвычегодскій Введенскій монастырь о бѣгствѣ Гришки Отрепьева въ Литву и церковномъ его проклятіи. Акты Эксп. II. № 28. (Тутъ говорится о службѣ Отрепьева у Романовыхъ). Далѣе, С. Г. Г. и Д. II. №№ 76—81,

139—140 и 152. (Въ послѣдней повторяется о службѣ у Романовыхъ и кромѣ того у князя Бориса Черкасскаго).

Происхожденіе и составъ, а также историческое значеніе названныхъ выше лѣтописей, сказаній и хронографовъ въ настоящее время уже значительно выяснены, благодаря отчасти ихъ прежнимъ издателямъ и описателямъ, а въ особенности трудамъ А. Н. Попова и проф. Платонова. Первый въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» (Вып. 2-й. М. 1869) приблизительно опредѣлилъ составъ хронографовъ второй и третьей редакціи; при чемъ указалъ, что въ обзорѣ событій отъ Өедора Ивановича до Михаила Өедоровича по третьей редакціи участвовали Сказанія Палицына и такъ наз. Иное Сказаніе; вкратцѣ намѣтилъ распаденіе на части и самихъ этихъ сказаній. (148). Болѣе подробная обработка этого предмета исполнена проф. Платоновымъ въ его изслѣдованіи «Древнерусскія Сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ». (Ж. М. Н. Пр. 1887 и 1888 гг. и отдѣльно Спб. 1888). Относительно Сказаній Палицына и ихъ оцѣнки уже существовала цѣлая литература (Строевъ, Голохвастовъ, Горскій, Костомаровъ, Забѣлинъ, Кедровъ), которою и воспользовался г. Платоновъ. Главный выводъ этой литературы слѣдующій: Книга Палицына составилась изъ нѣсколькихъ частей, написанныхъ въ разное время, неодинаковыхъ по характеру и степени безпристрастія, собранныхъ и исправленныхъ авторомъ въ 1620 г. Первая ея часть (шесть главъ) сохранилась въ отдѣльномъ спискѣ (Москов. Духов. Академіи) и представляетъ нѣкоторыя отличія отъ печатнаго изданія. Этотъ списокъ и напечатанъ въ Рус. Ист. Библ. т. XIII. Относительно «Иного Сказанія о Самозванцахъ», мнѣніе перваго издателя его Бѣляева и А. Попова о распаденіи этого Сказанія на двѣ или на три отдѣльныя части г. Платоновъ развиваетъ далѣе и дѣлитъ его на шесть составныхъ частей. Первую и главнѣйшую его часть уже А. Поповъ считалъ доведенною до 1606 года и сочиненною современникомъ царя В. И. Шуйскаго. Эта часть относится къ Шуйскому съ явнымъ сочувствіемъ. Г. Платоновъ даетъ ей названіе «Повѣсть 1606 года» и опредѣляетъ время ея написанія между перенесеніемъ мощей Царевича Димитрія и началомъ мятежей противъ Шуйскаго; признаетъ за ней нѣсколько оффиціозный характеръ; а изъ нѣкоторыхъ показаній выводитъ, что авторомъ ея былъ монахъ Троице-Сергіева Монастыря (Древнерусс. Сказ. и Повѣсти. 4—17). Основываясь на этихъ показаніяхъ и на близкомъ сходствѣ съ нею первой части Сказанія Палицына, г. Платоновъ предлагаетъ догадку, что и самая Повѣсть 1606 года могла быть произведеніемъ того же Палицына (180). Вообще эта Повѣсть сдѣлалась очень популярна, а потому подвергалась многимъ сокращеніямъ и передѣлкамъ или служила основаніемъ другихъ произведеній. Такъ «Повѣсть како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ» есть только Сокращеніе Повѣсти 1606 года съ нѣкоторыми вставками. (35). Та же Повѣсть легла въ основу Житія Царевича Димитрія, по Тулуповскимъ минеямъ (40). Продолженіе этой Повѣсти или вторая часть Иного Сказанія (отъ взятія Тулы Шуйскимъ до воцаренія Михаила).

написанная уже въ другомъ тонѣ, вошла въ Хронографъ второй редакціи (на что указалъ еще А. Поповъ). Вообще Хронографъ второй редакціи представляетъ сборникъ статей, заимствованныхъ изъ лѣтописей и другихъ произведеній, но обработанныхъ въ одномъ стилѣ. (Древнерусс. сказ. и Пов. 71). Временникъ дьяка Тимофеева, извѣстный прежде только по указаніямъ Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и Библіологич. Словарь), начатъ въ Новгородѣ, куда этотъ царскій дьякъ былъ отправленъ на службу въ 1607 году и гдѣ онъ былъ захваченъ Шведскимъ взятіемъ; трудъ свой онъ предпринялъ по желанію Новгородскаго митрополита Исидора. Сочиненіе обнимаетъ время отъ Ивана Грознаго приблизительно до 1619 года; оно скудно фактами, но богато размышленіями и сужденіями; написано витіеватымъ, многословнымъ языкомъ и обличаетъ въ авторѣ человѣка умнаго, по своему времени образованнаго и довольно правдиваго.

Новый Лѣтописецъ напечатанъ въ трехъ видахъ или въ трехъ редакціяхъ: онъ составилъ 8-ю часть Никоновскаго свода (Спб. 1792), отдѣльно изданъ подъ именемъ «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» (Спб. 1771) и наконецъ кн. Оболенскимъ переизданъ во Временникѣ Об. И. и Др. № XVII. Г. Платоновъ, разбирая этотъ памятникъ, приходитъ къ тому заключенію, что онъ составленъ въ патріаршество Филарета Никитича и вѣроятно лицомъ къ нему довольно близкимъ, составленъ на основаніи разнообразныхъ источниковъ, въ томъ числѣ оффиціальныхъ документовъ, (Древнерус. Сказ. и Пов. 268—269), а потому и на событія смотритъ преимущественно съ точки зрѣнія сего патріарха.

Въ нѣкоторомъ отношеніи съ патріаршествомъ Филарета Никитича связанъ и другой важный источникъ для исторіи Смуты: «Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева Ростовскаго», до послѣднихъ временъ бывшая извѣстною подъ именемъ «Хронографа Сергѣя Кубасова». Уже А. Поповъ издалъ ее какъ третью отдѣльную часть этого компилятивнаго хронографа, носящую заглавіе «Повѣсть книги сея» и пр. Въ этомъ заглавіи сказано, что Повѣсть написана въ 1626 году. Имя ея автора открывается изъ нѣкоторыхъ указаній, заключающихся въ первоначальномъ изводѣ Повѣсти. Князь Ив. Мих. Катыревъ состоялъ въ родствѣ съ домомъ Романовыхъ: по первой его супругѣ, Татьянѣ Ѳедоровнѣ, Филаретъ Никитичъ приходился ему тестемъ. Сочиненіе его есть трудъ вполнѣ самостоятельный и представляющій цѣльное описаніе всей Смутной эпохи; хотя онъ не былъ очевидцемъ всѣхъ описанныхъ имъ событій, но могъ имѣть о нихъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Тонъ его вообще сдержанный, а изложеніе отличается изобразительнымъ и подъ часъ эпическимъ складомъ. Тотъ фактъ, что эта Повѣсть внесена была въ компилятивный хронографъ, указываетъ на ея большое распространеніе въ XVII вѣкѣ. (Древнерус. Сказ. и Пов. 216—222). Такой же компилятивный характеръ имѣетъ «Столяровъ хронографъ», какъ назвалъ его Карамзинъ, неоднократно ссылающійся на него въ своихъ примѣчаніяхъ. Столяровскій списокъ изданъ въ Изборникѣ А. Попова; о его составѣ Поповъ говоритъ въ своемъ «Обзорѣ хронографовъ», вып. второй, 252—256. Проф. Маркевичъ въ своемъ изслѣдованіи «О мѣстничествѣ» (Кіевв. 1879. 755) съ полнымъ основані-

емъ утверждаетъ, что этотъ хронографъ есть ничто иное какъ частная разрядная книга, конечно съ разными вставками. П. И. Мельниковъ, находя его очень близкимъ къ хронографу А. И. Лобкова, пріобрѣтенному въ Нижнемъ, полагаетъ, что послѣдній составленъ въ тѣхъ мѣстахъ («Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени». Москвитянинъ. 1850. № 21. Ноябрь). Такого же характера и Погодинскій хронографъ, помѣщенный въ Изборникѣ А. Попова. Подобнымъ же компилятивнымъ сборникомъ является такъ называемый Морозовскій лѣтописецъ (принадлежавшій купцамъ Морозовымъ) и Латухинская Степенная книга (полученная отъ купца Латухина), изъ которыхъ Карамзинъ приводитъ многіе отрывки въ своихъ примѣчаніяхъ. Первый представляетъ дословныя выписки изъ Палицына, Катырева и другихъ сказаній, преимущественно баснословнаго характера; потому имѣетъ маловажное историческое значеніе. Вторая есть произведеніе Тихона, архимандрита Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, во второй половинѣ XVII вѣка; онъ заимствовалъ преимущественно изъ Новаго Лѣтописца, а затѣмъ изъ Палицына, хронографа, Еже содѣяся и т. д.; но есть у него извѣстія, взятыя изъ источниковъ намъ неизвѣстныхъ (Древнерус. Сказ. и Пов. 320—324 и 336). «Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его» представляетъ легендарный разсказъ о приключеніяхъ Самозванца въ Польшѣ и нѣсколько другихъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, преимущественно изъ грамотъ. (См. предисловіе Бодянскаго въ Чт. О. И. Д. 1849. № 9 и Платонова «Древнерус. сказ». 307—314). Болѣе содержательна «Повѣсть о разореніи Московскаго государства», изданная А. Н. Поповымъ въ Чт. О. И. и Д. 1881. II. Она составлена при Алексѣѣ Михайловичѣ, преимущественно на основаніи Новаго Лѣтописца и Житія царя Ѳедора Ивановича, написаннаго патріархомъ Іовомъ. (Предисловіе издателя и Платоновъ. 316—319).

Г. Платоновъ не формулировалъ главнаго вывода, къ которому неизбѣжно приводятъ какъ всѣ труды предыдущихъ издателей и изслѣдователей, такъ и въ особенности его собственное изслѣдованіе. А именно: для историка вся эта масса сказаній и повѣстей о Смутномъ времени въ сущности сводится къ немногимъ самостоятельнымъ и современнымъ Смутѣ произведеніямъ и авторамъ, каковы: Палицынъ, Повѣсть 1606 года, дьякъ Тимофеевъ и князь Катыревъ Ростовскій. Почти всѣ другія общія сказанія о Смутѣ представляютъ компилятивные своды, основанные на заимствованіяхъ и пересказахъ изъ Повѣсти 1606 года, Палицына и особенно Катырева Ростовскаго, съ прибавленіемъ извѣстій, взятыхъ отчасти изъ оффиціальныхъ грамотъ, отчасти изъ легендарныхъ слуховъ. При оцѣнкѣ ихъ кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что какъ эти компиляціи, такъ и названныя произведенія или составлены, или получили окончательную редакцію уже во время Романовыхъ (преимущественно подъ вліяніемъ Филарета Никитича). Рядомъ съ указанными первоисточниками для общей исторіи Смуты, въ большомъ числѣ имѣются частныя, болѣе или менѣе самостоятельныя, сказанія современниковъ, въ особенности относящіяся къ отдѣлу житій и къ мѣстнымъ событіямъ; таковы: Симона

Азарьина о Троицкомъ архимандритѣ Діонисіи, инока Александра о Ростовскомъ затворникѣ Иринархѣ, неизвѣстнаго автора «Новой Повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ», «Сказаніе о нашествіи Поляковъ на Устюжну Желѣзнопольскую», «О взятіи Великаго Новгорода отъ Нѣмецъ» и т. д.

Иноземные. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», изданныя Устряловымъ въ русскомъ переводѣ, въ пяти книгахъ. (Спб. 1831—1834): 1. Хроника пастора Бера (собственно его тестя Буссова). 2. Записки аугсбургскаго купца Паэрле. 3. Записки капитана Маржерета и Сказанія Де-Ту. 4. Такъ наз. Дневникъ Марины и Дневникъ Польскихъ пословъ въ 1606 году. (Оба эти дневника напечатаны по польски у Тургенева въ Hist Russ. Monum. II. №№ LXXVI и CI) и 5. Записки Маскевича. Rerum Rossicarum scriptores exteri. Изд. Археогр. Ком. Т. I. Petropoli. 1851. Здѣсь на нѣмецкомъ языкѣ московская хроника Буссова и (основанная на ней же) хроника шведскаго дворянина Петра Петрея де Ерлезунда. (Ея русскій переводъ Щемякинымъ въ Чт. Об. И. и Др. 1865. Кн. 4 и 1866. Кн. 1, 2 и 3.). «Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи». Изданіе Археогр. Ком. Спб. 1874. Переводъ съ голландскаго сдѣланъ кн. Шаховскимъ; редакція и комментаріи принадлежатъ Е. Е. Замысловскому. (По голландски и по французски Масса изданъ Ванъ деръ Линде и кн. Оболенскимъ. Bruxelles. 1866). Приложенія къ «Запискамъ гетмана Жолкевскаго» о Московской войнѣ, изданнымъ П. А. Мухановымъ. Второе изданіе Спб. 1871. №№ 2—10. Тутъ письма Сигизмунда III, Юрія Мнишка и Самозванца къ канцлеру Замойскому, Замойскаго къ Адаму Вишневецкому и Юрію Мнишку. Подъ № 44 весьма любопытные переводные отрывки изъ латинской рукописи ксендза Велевицкаго о Самозванцѣ, на основаніи записокъ патера Савицкаго. Два письма, Юрія Мнишка и Януша Острожскаго, относящіяся къ 1604 году, см. въ Русск. Вѣст. 1841 г. I. Русская Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком. Т. I. Спб. 1872 г., заключаетъ въ себѣ польскіе «Памятники, относящіеся къ Смутному времени». Тутъ помѣщены: Во первыхъ, отрывки изъ дневника польскаго сейма 1605 года (мнѣнія сенаторовъ о дѣлѣ Лжедимитрія, особенно насмѣшливый о немъ отзывъ Замойскаго). Во вторыхъ, «Дневникъ событій (1603—1613 г.г.), извѣстный подъ именемъ Исторіи Ложнаго Димитрія (Historya Dmitra falszywego); онъ кратко говоритъ о первомъ Лжедимитріи и болѣе относится ко второму; авторомъ его редакторъ этого тома проф. Кояловичъ считаетъ мозырскаго хорунжаго Будила, который служилъ въ войскѣ второго Лжедимитрія; здѣсь подъ 1603 г. краткія извѣстія о появленіи Самозванца, а подъ 1606 г. допросъ въ Москвѣ плѣнному Юрію Мнишку и его уклончивые отвѣты. Въ третьихъ, «Походъ царя Димитрія (Самозванца) въ Москву»; авторомъ этого повѣствованія былъ участникъ похода ротмистръ Станиславъ Борша. Въ VIII томѣ Рус. Ист. Библіотеки см. № 8. Письмо изъ Архангельска въ Италію о первомъ Самозванцѣ.

Далѣе. Изданіе Бареццо Барецци Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del Paterno imperio conseguita dal serenissimo giovine Demetrio gran duca di Moscovia in quest'anno 1605. Venezia. 1605. Второе изданіе въ слѣдующемъ году во Флоренціи, и въ томъ же 1606 году ла-

тинское ея изданіе. Въ старомъ французскомъ переводѣ эта брошюра переиздана кн. Августиномъ Голицынымъ. Halle. 1859. А въ русскомъ переводѣ она помѣщена кн. Оболенскимъ въ Чт. Об. И. и Др. 1848. № 5. La legende de la vie et de la mort de Demetrius, брошюра одного изъ голландскихъ или нѣмецкихъ купцовъ—очевидцевъ, изданная во французскомъ переводѣ въ 1606 г. въ Амстердамѣ; переиздана кн. Оболенскимъ въ 1839 г. въ Москвѣ, и снабжена приложеніемъ снимковъ съ золотой монеты, печатей и автографовъ Лжедимитрія, а также портрета дьяка Аѳанасія Власьева. Сей послѣдній взятъ изъ польскаго изданія 1611 года Гваньиновой «Хроники Сармаціи Европейской», гдѣ кромѣ Власьева, помѣщены портреты Лжедимитрія, Марины Мнишекъ и Василія Шуйскаго. На англійскомъ языкѣ означенная брошюра издана въ Лондонѣ въ 1607 г., подъ заглавіемъ: The report of a bloody and terrible massacre in the city of Mosco. Минцловъ доказываетъ, что это и есть подлинникъ, написанный голландцемъ Вильямомъ Росселемъ, помощникомъ Джона Мерика, главнаго агента Московской компаніи англійскихъ купцовъ. (Калачова «Архивъ Истор. Свѣд.». Кн. V). Есть и голландская передѣлка этой брошюры, изданная въ Амстердамѣ въ 1606 г. А съ англійскаго изданія сдѣланъ и польскій переводъ, напечатанный въ 1858 г. въ Познани, подъ заглавіемъ: Wiadomosc o krwawéj a strasznéj Rzesi w miescie Moskwie и пр., съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ и описаніемъ хроникъ и брошюръ, относящихся къ той же эпохѣ и хранящихся въ Курницкой библіотекѣ гр. Дзялынскаго. Герарда Гревенбруха—Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii narratio. Coloniae Agrippinae. 1609. Матвѣя Шаума, нѣмца, служившаго въ Шведской войнѣ, Tragoedia Demetrio-Moscovitica или Исторія достопамятныхъ происшествій, случившихся со Лжедимитріемъ. Ростокъ. 1614. Переводъ этой крайне рѣдкой брошюры былъ сдѣланъ по порученію канцлера графа Н. П. Румянцева; изданъ кн. Оболенскимъ съ его предисловіемъ и примѣчаніями въ Чт. Об. И. и Др. 1847. № 2 (и также въ его Сборникѣ «Иностранныя сочиненія и акты относящіеся до Россіи». М. 1847. Вып. I). Пьера Делавиля, француза, служившаго въ Шведскомъ войскѣ — Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le regne de Jean Wassilevitz empreur jusques à Vassili Jvanovitz Sousky. 1611. Переводъ въ Русск. Вѣст. 1841 г. № 3. Александра Чилли, итальянца, служившаго пѣвчимъ въ придворной капеллѣ Сигизмунда III—Historia di Moscovia, напечатанная въ Пистойѣ въ 1627 г.; его сообщенія о первомъ Лжедимитріи извѣстны болѣе изъ сочиненія Чьямпи Esame critico con documenti inediti della storia di Demerio di Jvan Wasiliewitch. Firenze. 1827. Передача этого сочиненія графомъ М. Д. Бутурлинымъ въ «Архивѣ» Калачова за 1860 г. № I. Достовѣрность сообщеній Чилли (и отчасти сказаній Массы) отвергаетъ о. Павелъ Пирлингъ (Рус. Старина. 1893. Декабрь), но слишкомъ огульно; кое что все таки остается заслуживающимъ вниманія. Англійскаго посла къ Б. Годунову Ѳомы Смита—Voyage and entertainement in Russia. London. 1605. Это собственно записки о путешествіи, составленныя не самимъ посломъ, а неизвѣстнымъ авторомъ и даже неучастникомъ путешествія. Русскій пере-

водъ сей рѣдкой книги сдѣланъ г. Балдаковымъ и изданъ гр. С. Д. Шереметевымъ. Спб. 1893 г. Польскаго шляхтича Жабчица—Mars Moskiewski krwawy. Краковъ. 1606. Это стихотворное описаніе мнимаго спасенія царевича Димитрія и его похода въ Москву. Станислава Коберживцкаго — Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis. Dantisci. 1655. Видекинда Historia Belli Sueco-Moscovitici decennalis. 1692. Васенберга — Historia gestorum Vladislai IV. 1643. «Три записки времень Лжедимитрія, изданныя по спискамъ Императ. Публ. Библіотеки и Румянцевскаго музея» гр. Андр. Ростопчинымъ. Спб. 1862. Двѣ первыя, списанныя въ Барберинской библіотекѣ и переведенныя, незначительны по содержанію; третья есть переводъ съ напечатаннаго по-нѣмецки письма Ивангородскаго воеводы шведскому губернатору Эстляндіи Нильсону о происхожденіи и судьбѣ Самозванца. Кстати тутъ же упомянемъ «Четыре сказанія о Лжедимитріи извлеченныя изъ рукописей Императ. Публ. Библіотеки» —того же гр. Ростопчина. Спб. 1863. Эти сказанія о Разстригѣ Гришкѣ представляютъ преимущественно отрывки изъ повѣсти кн. Катырева-Ростовскаго. Джона Мерика—The Russian impostor or the History of Moscoviae under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius lat Emperors of Moscovy. Лонд. 1664. Переведено на франпуз. языкъ подъ заглавіемъ Histoire des revolutions arrivés sous l'usurpation etc. Этотъ переводъ изданъ при французскомъ переводѣ сочиненія Коллинса (Relation curieuse). Тургенева — Historica Russiae Monumenta. T. II. Petrp. 1842. №№ XXXVII — LXXVI. Павла Пясецкаго, епископа Перемышльскаго—Chronica. 1645. Отрывокъ изъ нея, относящійся къ появленію Лжедимитрія, сообщенъ архим. Леонидомъ, въ Рус. Архивѣ, 1886. № 11. А полное извлеченіе изъ Хроники Пясецкаго о Смутномъ времени въ славянскомъ переводѣ издано арх. Леонидомъ въ Памят. Древ. Письм. LXVIII. 1887. Archivum domu Sapiehów. T. I. Lwów. 1892. Подъ редакціей А. Прохаски. Обнимаетъ 1575 — 1606 гг. О первомъ Лжедимитріи даетъ скудныя указанія въ №№ 489, 504, 534, 582, 584, 590.

Пособія. Миллера—Versuch einer neueren Geschichte von Russland. (Sammlung Russischer Geschichte. II). Часть этого труда издана порусски «Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи» (Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія. 1761 г. Январь, Февраль и Мартъ). Щербатова «Исторія Россійская». Т. VII. Спб. 1790 — 1791. Третья часть этого тома заключаетъ акты и грамоты, относящіеся къ Смутному времени и заимствованные преимущественно изъ Архива Иностранной коллегіи. Карамзина «Исторія Государства Россійскаго». Т. XI. Соловьева «Обзоръ событій отъ Θедора Ивановича до Михаила Θеодоровича» (Современникъ. 1848). Его же «Исторія Россіи». Т. VIII. Нѣмцевича Dzieje panowania Zygmunta III. Wroclaw. 1836. Съ приложеніемъ многихъ документовъ. Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи» Т. III. М. 1843. Германа Geschichte des Russischen Staates. III. Hamburg. 1846. Д. Бутурлина неоконченная «Исторія Смутнаго времени». Т. I. Спб. 1839. Съ приложеніемъ разныхъ документовъ, частію до него неизданныхъ. Когновицкаго Zycia Sapiehów. 3 t. Вильно и Варшава. 1790 — 1791. Первый томъ этого сочиненія или Żywot Lwa Sapiehy, не

разъ перепечатанный, изданъ отдѣльно. Sanok. 1855. (Второй томъ заключаетъ матеріалы для біографіи Яна Петра Сапѣги. Отчасти переведенъ. См. «Сынъ Отечества» 1838. № I). Аделунга Uebersicht der Reisenden in Russland. St.P. 1846. Костомарова изслѣдованіе «Кто былъ первый Лжедимитрій?». Спб. 1864. Его же—«Смутное время Московскаго государства». (Вѣст. Европы. 1866—1867 гг. и отдѣльно). Добротворскаго «Кто былъ первый Лжедимитрій?» (Вѣстн. Запад. Россіи. 1866. №№ 6 и 7). Бицина (Н. М. Павлова) «Правда о Лжедимитріи» (День. 1864). Эта статья, а также полемика его съ Костомаровымъ, печатавшаяся въ газетахъ «День» и «Голосъ», перепечатана въ Рус. Архивѣ 1886 г. № 8. Казанскаго—Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія. Русскій Вѣст. 1877. №№ 8—10. Козубскаго «Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ». Ж. М. Н. Пр. 1878. Май. Онъ поправляетъ и пополняетъ отчасти Аделунга. Напримѣръ, относительно свѣдѣній о посольствѣ Льва Сапѣги 1600 года, сообщаемыхъ Аделунгомъ. Авторомъ ихъ оказывается Илья Пельгржимовскій, писарь в. князя Литовскаго, бывшій секретарь этого посольства. Дневникъ Пельгржимовскаго былъ изданъ въ Гроднѣ, въ 1846 г. (Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy). О томъ же см. Ж. М. Н. Пр. 1850. № 12 и Гродн. Губ. Вѣд. 1847. №№ 4—7. О. Павла Пирлинга — Rome et Demetrius. Второе изд. Paris. 1878. Съ приложеніемъ любопытныхъ документовъ, заимствованныхъ изъ Ватиканскаго Архива, каковы: донесенія нунція Рангони, патеровъ Чижовскаго и Лавицкаго, письма Самозванца, Мнишка, кардинала Мацеевскаго и др. (Рецензія на эту книгу проф. Успенскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1884. № 10, но собственно на первое ея изданіе 1877 года; а означенное второе изданіе значительно дополнено разными документами). Н. Левитскаго «Гдѣ и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедимитрій?» (Христіан. Чт. 1883. № 5). Его же — «Лжедимитрій какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ». Спб. 1886. К. Н. Бестужева-Рюмина «Обзоръ событій отъ смерти ц. Іоанна Васильевича до избранія Михаила Ѳеодоровича». (Ж. М. Н. Пр. 1887. Іюль. Августъ). Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени какъ историческій источникъ». Спб. 1888. В. С. Иконникова «Кто былъ первый Самозванецъ?» (Кіев. Университ. Извѣстія. 1865 г. По поводу брошюры Костомарова). Его же «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени». Кіевъ. 1889. (По поводу Левитскаго и Платонова).

2. Никоновская. Хронографы. Масса. Буссовъ - Беръ. С. Г. Г. и Д. II. № 152 (о посылкѣ Самозванцемъ Свирскаго со своимъ знаменемъ къ Донскимъ казакамъ). Hist. Russ. Monum. Supplem. 418. Rome et Demet. Пирлинга. 189—190 и 193—194 (о посольствѣ Смирнаго Отрепьева и Постника Огарева). Карамзина къ т. XI. прим. 233, гдѣ ссылка на дѣла Польскія № 26, 63 и 139. Прим. 239. Бутурлина 75 — 77, тоже ссылка на дѣла Польскія. Костомарова ссылка на Bibl. Villan. № 31. Рукопись Имп. Публ. Библ. fol. 33. q. 8. Рус. Истор. Библ. I. 37. Акты Арх. Эксп. II. №№ 28—29. (О проклятіи Самозванца).

3. О походѣ Лжедимитрія: Буссовъ-Беръ. Дневникъ Марины. Паэрле. Маржеретъ. Петрей. Борша. Масса. Пирлингъ (Приложенія. III. №№ 1 — 5). Хронографы (Изборн. Ан. Попова). Никонов. лѣт. Акты Археогр. Эксп. II. №№ 26 и 27. Судебникъ, изд. Татищевымъ. 233. (Указъ Бориса и царскаго синклита о наборѣ ратниковъ изъ слугъ епископскихъ и монастырскихъ). С. Г. Г. и Д. II. №№ 80 (польскій дневникъ похода Самозванца и Мнишка до возвращенія сего послѣдняго въ Польшу) и 81 (Допросы Хрущову у Лжедимитрія). Объ эпизодѣ съ Хрущовымъ говоритъ и Рангони въ своей депешѣ (Пирлингъ. 192). Въ Извѣтѣ старца Варлаама говорится, что онъ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Пыхачовымъ хотѣлъ обличить въ Самборѣ Разстригу Отрепьева; но они были обвинены въ намѣреніи его убить; Пыхачова Мнишекъ велѣлъ казнить, а Варлаама почему-то только подержали въ тюрьмѣ и потомъ отпустили. Казнь нѣкоего московскаго агента, злоумышлявшаго на жизнь Самозванца, подтверждается письмомъ Мнишка къ Рангони отъ 18 сентября 1604 г. (Пирлингъ. 201). О трехъ монахахъ, подосланныхъ Борисомъ въ Путивль, расказываетъ Паэрле. Въ главныхъ чертахъ этотъ разсказъ подтверждается письмомъ патеровъ Чижовскаго и Лавицкаго къ патеру Стриверію отъ 17 марта 1605 г. (Пирлингъ. 205). О попыткѣ Лжедимитрія заняться въ Путивлѣ философіей и реторикой ibid. 206—207. О битвѣ при Добрыничахъ въ особенности Паэрле, Маржеретъ, Петрей и Масса. Въ «Путешествіи» Ѳомы Смита сообщается, что Петръ Басмановъ — «первый щеголь среди московскихъ дворянъ» — сгоралъ нетерпѣніемъ воротиться на театръ военныхъ дѣйствій, и однажды сталъ передъ Борисомъ на колѣни, умоляя отпустить его къ войску; но царь почему-то его удерживалъ (43 стр. рус. перевода), и заставлялъ играть видную, но безполезную роль въ пышныхъ придворныхъ церемоніяхъ, напримѣръ, при пріемѣ того же англійскаго посланника Ѳомы Смита. (Ibid. 33).

4. Письма Самозванца къ Юрію Мнишку у Нѣмцевича. II. 356. Плоцкій епископъ Лубенскій (Opera posthuma. Antuerpiae. 1643) Пясецкій. Коберждицкій. Маржеретъ. Масса. Борша. Барецдо Барецци. Буссовъ. Петрей. Паэрле. Делавиль. Вассенбергъ. Никоновская. Хронографы. Лѣтопись о мятежахъ. Сказаніе о Разстригѣ (Чт. О. И. и Д. 1847. № 9). Иное Сказаніе. Новый Лѣтописецъ. Палицынъ. С. Г. Г. и Д. II. №№ 85 (присяга Ѳедору Борисовичу съ матерью и сестрой), 88 (письмо Самозванца къ Софьѣ Мнишковнѣ, сторостинѣ Саноцкой; тутъ говорится, что повинную грамоту ему отъ Московскаго населенія подписалъ и патріархъ Іовъ), 89—91 (Граматы Лжедимитрія о своемъ воцареніи и форма присяги). Акты Археогр. Эксп. №№ 34—38. Supplem. ad Hist. Rus. Monum. N. C.

Относительно характеристики царствованія Бориса Годунова любопытно сужденіе Палицына: «Оскверни же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя; корчемницы бо пьянству, и душегубству, и блуду желателіе, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ, и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню творитъ, и церкви строитъ и смѣшавъ клятву со благословеніемъ, и одолѣ злоба благочестію. И таковыхъ ради всѣхъ дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ ненависть бысть всему міру; но отай уже и вси поношаху ему крови ради

неповинныхъ, и въ разграбленіи имѣнія и нововводимыхъ дѣлъ, ереси же Арменстѣй и Латынстѣй послѣдствующымъ добръ потаковникъ бысть, и зѣло отъ него таковіи любими быша, и старіи мужы, брады своя постризаху, во юноши премѣняхуся» (Изданіе 1784 г. стр. 17—18). По мнѣнію же Польскихъ пословъ, высказанному въ 1608 году, черные люди были довольны Борисомъ, но не любили его бояре и шляхта. (Supplem. ad Hist. Rus. Monum. № 163). Дьякъ Тимофеевъ замѣчаетъ о немъ: «первый таковъ царь не книгочій намъ бысть» (Рус. Ист. Библ. XIII. 330); въ началѣ преслѣдовалъ безмѣрное «богомерзкое винопитіе» (340) и хотѣлъ устроить храмъ на подобіе Іерусалимскаго (342); «первый бо той въ Россіи деспотъ безкниженъ бысть» (345). Неграмотность Бориса подтверждаютъ Масса (54 и 137) и Палицынъ: «аще и разуменъ бысть Борисъ во царскихъ правленіихъ, но писанія Божественнаго не навыкъ» (2). Катыревъ-Ростовскій изображаетъ Бориса мужемъ благолѣпнымъ, сладкорѣчивымъ, нищелюбивымъ, попечительнымъ и пр.; но укоряетъ его за пристрастіе къ врачамъ и ненасытное властолюбіе, доведшее его до цареубійственнаго дерзновенія. (Р. Ист. Биб. XIII. 707). Между его иноземными лейбъ-медиками находился Нѣмецъ Каспаръ Фидлеръ. Братъ этого Каспара Константинъ Фидлеръ, тоже жившій въ Москвѣ, написалъ на латинскомъ языкѣ похвальное слово Борису, изданное въ 1602 г. въ Кенигсбергѣ. Въ русскомъ переводѣ Воронова оно напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г. Авторъ этого слова усердно восхваляетъ Бориса и присуждаетъ ему названіе Августа болѣе чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ. (Устрялова «Сказ. о Дим. Самоз.» III. 232). «Путешествіе» Ѳомы Смита говоритъ о Борисѣ, что это «былъ рослый и дородный человѣкъ, съ черными, хотя рѣдкими волосами; при правильныхъ чертахъ лица, онъ обладалъ въ упоръ смотрящимъ взглядомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ... постоянно колебавшійся между замысломъ и рѣшеніемъ, никогда недѣйствовавшій прямо, но постоянно интриговавшій... до крайности угнетавшій своихъ подданныхъ, но прикрывавшій свою тираннію тонкою политикою» (58—59).

Петрей свидѣтельствуетъ, будто Василій Шуйскій во время движенія, вызваннаго прибытіемъ въ Москву Плещеева и Пушкина съ Красносельцами, говорилъ народу объ истинности названнаго Димитрія. Объ удавленіи Ѳедора съ матерью и сохраненіи Ксеніи по приказу Лжедимитрія см.: Хронографы. Никонов. Нов. Лѣтоп. Иное Сказаніе, дьякъ Тимофеевъ, Буссовъ-Беръ, Петрей, Делавиль, «Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ» (Изд. 2-е. Спб. 1778). См. также Бантыша-Каменскаго «Переписка между Россіею и Польшею» по документамъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ (Чт. Об. И. и Др. 1861. Кн. I). Поэтому напрасно нѣкоторые писатели пытались устранить прямое участіе Лжедимитрія въ этомъ убійствѣ и объяснить его собственнымъ усердіемъ клевретовъ. Въ хронографѣ такъ наз. Кубасова или собственно въ «Повѣсти» Катырева-Ростовскаго послѣдній отдѣлъ заключаетъ описаніе наружности и качествъ Ивана Грознаго, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Ѳедора Борисовича, царевны Ксеніи, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. О Лжедимитріи говорится: «Рострига же возрастомъ малъ, груди имѣя широки, мышцы толсты;

лице же свое имѣя не царсково достоянія, препростое обличіе имѣя, и все тѣло его велми помраченно. Остроуменъ же, паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и многорѣчивъ зѣло, конское ристаніе любляше, на враги своя ополчитель смѣлъ, храбрость и силу имѣя, воинство же велми любляше». (Избор. А. Попова 314. Рус. Ист. Биб. XIII. 621).

5. Амвросія «Ист. Рос. Іерар.» I. 122. С. Г. Г. и Д. II. №№ 93, 115, 121. «Послужной списокъ» въ Древ. Рос. Библ. XX. 76. Въ текстѣ у меня на 43 стр. опечатка («съ Шереметевымъ»); надобно читать: «съ Шереметевыми». Двое ихъ, Ѳедоръ Ив. и Петръ Никитичъ, были пожалованы въ бояре. Богданъ Бѣльскій то же кромѣ достоинства «великаго оружничаго» былъ пожалованъ въ бояре. Салтыковъ упомянутъ въ текстѣ по недосмотру: Мих. Глѣб. былъ уже бояриномъ; а Мих. Мих. Кривой-Салтыковъ оставался окольничимъ. Власьевъ въ «Послужн. спискѣ» не упомянутъ при Лжедимитріи; но въ «Росписи духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ» онъ приведенъ въ числѣ окольничихъ (С. Г. Г. и Д. II. № 93).

По поводу заговора и помилованія В. Шуйскаго источники сходятся въ общихъ чертахъ, но разногласятъ въ опредѣленіи времени и лицъ, ходатайствовавшихъ о прощеніи. Никонов. Нов. Лѣт. Палицынъ, Буссовъ-Беръ, Паэрле, Маржеретъ, Петрей, Геркманъ, Масса помѣщаютъ это событіе послѣ прибытія въ Москву царицы-инокини Марѳы (Маріи Нагой) и даже послѣ коронованія; при чемъ приписываютъ прощеніе просьбамъ Марѳы и бояръ, а отчасти самихъ Поляковъ, именно братьевъ Бучинскихъ. Этимъ источникамъ слѣдовали въ своемъ изложеніи Карамзинъ, Бутурлинъ и Арцыбашевъ. Но другіе источники, например, Сказаніе еже содѣяся, Иное Сказаніе. Четыре сказанія (IV), Хронографъ третьей редакціи (Избор. 270) помѣщаютъ событіе на площади, спустя нѣсколько дней по въѣздѣ Самозванца въ Москву, именно 25 іюля. Этому показанію слѣдовали Соловьевъ, Костомаровъ и К. Н. Бестужевъ Рюминъ. Бучинскій не только не ходатайствовалъ за Шуйскихъ; напротивъ онъ не совѣтовалъ ихъ щадить, какъ самъ напоминалъ о томъ въ письмѣ Лжедимитрію изъ Польши, въ январѣ 1606 года. Тутъ же упоминаетъ о его двухъ способахъ «удержать царство» (С. Г. Г. и Д. II. № 121). Показаніе сіе подтверждается записками Станислава Борши (Рус. Ист. Библ. I. 399) и письмомъ іезуита Лавицкаго, который относитъ сцену на площади съ Шуйскимъ къ 10 іюля нов. стиля, слѣдовательно приблизительно къ 30 іюня стараго стиля. (Пирлингъ. 85). Впрочемъ Бучинскій говоритъ собственно, что не совѣтовалъ «высвобождать» и «выпущать» Шуйскихъ, т. е. возвращать изъ ссылки ко двору; возможно, что онъ не одобрялъ ихъ смертной казни. Съ другой стороны царица Марѳа послѣ своего прибытія въ Москву вѣроятно ходатайствовала о совершенномъ прощеніи и возвращеніи Шуйскихъ.

О предварительныхъ тайныхъ переговорахъ Самозванца съ Марѳою и его угрозахъ сообщаетъ она сама. С. Г. Г. и Д. II. №№ 146 и 147. О встрѣчѣ Марѳы и коронованіи Самозванца Маржеретъ, Масса, Паэрле, Буссовъ-Беръ, Де-Ту, Вассенбергъ. С. Г. Г. и Д. II. № 92 (Окружная грамота патріарха Игнатія съ приложеніемъ эктеніи и много-

лѣтія). О польской привѣтственной рѣчи іезуита Чировскаго или Чижовскаго сообщаетъ Велевицкій; онъ поправляетъ такимъ образомъ Карамзина, который счелъ эту рѣчь латинскою, основываясь на извѣстіи Де-Ту и Вассенберга, хотя они не говорятъ, на какомъ языкѣ была сказана рѣчь. Туже ошибку повторили Костомаровъ и митрополитъ Макарій.

6. С. Г. Г. и Д. II. №№ 93 (роспись членовъ сената духовныхъ и свѣтскихъ) 97—114. Histor. Rus. Monum. II. №№ XXXVII—LXXVII (съ перерывами). Пирлингъ. Гл. VII—X и приложенія къ нимъ. Велевицкій. 137—152 (Сношенія съ Римской куріей). Бутурлинъ. I. Приложенія XII и XIII. Грамота Лжедимитрія во Львовъ о пожертвованіи соболей на сто рублей въ С. Г. Г. и Д. II. № 130. Письмо его къ папѣ Павлу V въ Др. Рос. Вивл. XII. Борша. Беръ-Буссовъ и Масса (поведеніе Самозванца въ думѣ, иноземные тѣлохранители, молодечество, потѣшныя осады, распутство). Петрей (о принцѣ Густавѣ). Палицынъ (заведеніе роскоши, выѣзды съ военной эскортой, распутство). О расточительности Самозванца и раздачѣ драгоцѣнностей «игрецемъ и всякимъ глупотворцемъ и женамъ гнусодѣтельнымъ» въ Избор. А. Попова. Хроногр. 193. О насиліяхъ и поруганіи Москвичамъ отъ Поляковъ. Ibid. 237, а также у Петриція—Historiae Moscoviticae. О невѣжествѣ въ управленіи и недостойномъ поведеніи у Пясецкаго. О постройкѣ дворца и подвижной крѣпости Ада: Масса, Дневникъ Марины. Хронографъ. 237, Сказаніе о ц. Ѳедора Ивановича. (Рус. Ист. Биб. XIII. 819). На одномъ обѣденномъ пиршествѣ Лжедимитрія произошелъ мѣстническій споръ у князя Лыкова съ Петр. Никит. Шереметевымъ. (Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». II. 105. Со ссылкою на рукописную Разрядную книгу, принадлежащую Археогр. Комиссіи).

7. С. Г. Г. и Д. II. №№ 99—137. (Посольство Власьева и Бучинскаго, переписка Лжедимитрія съ ними и Мнишкомъ). Жабчичъ Posel Moskiewski w Krakowie (стихотворное описаніе обрученія Марины). Записки Жолкевскаго, изд. Муханова (о тайномъ порученіи бояръ Безобразову и царицы Марѳы Шведу и о спасеніи ею тѣла царевича, которое Самозванецъ хотѣлъ выбросить изъ могилы въ Углицкой церкви). Борша, Маржеретъ, Петрей, Паэрле, Буссовъ-Беръ, Масса, Дневникъ польскихъ пословъ и такъ наз. Дневникъ Марины. Древн. Вивліоѳ. XIII. («Свадьба Растригина»). La legende de la vie etc. Палицынъ. Дьякъ Тимофеевъ. Послѣдній называетъ Власьева «тайноглагольникомъ» и «таинникомъ» Самозванца. Онъ же говоритъ объ участи Ксеніи Борисовны: «и оттуда на лѣта къ большому безчестію продолжися животъ ея даже и до четвертаго по отцы царюющаго частѣ въ державахъ премѣняющихся, и отъ мѣста на мѣсто и отъ лавры въ лавру она превожденіе подъя. И до толика безславія жизнь ея протяжеся, яко и до еже—всякого безчестія скудость и нужду претерпѣти, даже и до сего, яко и иноплеменныхъ языкъ, самыхъ враговъ отца ея, ту униженѣ руки осязаша. Прочее же помолчю» (Р. Ист. Биб. XIII. 369). О сношеніяхъ Лжедимитрія съ недовольными Поляками, которые сочинили его кандидатуру на Польскій престолъ, говоритъ Костомаровъ въ своемъ «Смутномъ Времени», ссылаясь на рукопись Красинской библіотеки. На эти сношенія намекаютъ Масса (190 и 206) и Велевицкій (172 и 174).

Что касается до причащенія Марины и муропомазанія по греческому обряду во время ея коронаціи и вѣнчанія, то напрасно о. Пирлингъ оставляетъ вопросъ о томъ открытымъ (189). Какъ русскій источникъ, именно «Отрывокъ брачнаго обряда съ Мариной» (С. Г. Г. и Д. II. № 138) говоритъ прямо о «помазаніи» и «причастіи», такъ Велевицкій и Дневникъ Марины (писанный кѣмъ то изъ ея свиты) тоже выражаются, что коронація и помазаніе происходили more graeco, включая сюда конечно и причастіе. Относительно вопроса о перекрещеніи иновѣрцевъ при переходѣ въ Православіе, замѣтимъ, что оно было подтверждено соборомъ 1620 г. См. о томъ проф. Д. Цвѣтаева («Протестанство и протестанты въ Россіи». 349—350, 511, 665.), Соколова («Протестанство въ Россіи». 107), Рущинскаго («Религіозный бытъ Русскихъ». Чт. О. И. и Д. 1871. III. 225—226). Оно было упразднено совершенно только при Петрѣ В. Объ этомъ же вопросѣ см. критику проф. Амф. Лебедева на изслѣд. проф. Цвѣтаева въ Ж. М. Н. Пр. 1892. Мартъ. Въ показаніи Бучинскихъ въ уста Лжедимитрія влагается рѣчь о томъ, что «по ихъ крестьянскому закону первое крестивъ, да тожъ ввести въ церковь, а не крестивъ никому иныхъ вѣръ въ церковь не входити». (С. Г. Г. и Д. II. № 140). Въ окружной грамотѣ царицы — инокини Маѳы тоже говорится, что онъ «взялъ дѣвку Латынскія вѣры, и не крестилъ ее вѣнчался съ нею». Тоже повторяетъ царь В. Шуйскій. (Ibid. №№ 146—147).

Къ концу Лжедимитріева царствованія относится найденная въ Краснохолмскомъ Антоніевѣ монастырѣ хозяйственная запись (хранящаяся теперь въ Тверскомъ музеѣ). Въ ней говорится о посылкѣ 35 мереновъ, монастырскихъ и волостныхъ лошадей, «которыя велѣно прислати къ Москвѣ для Польскаго походу». См. А. К. Жизневскаго въ «Древностяхъ» Моск. Археол. Об. VIII. 1880. 20 и Русс. Архивъ 1886. № 9. Польскій походъ, о которомъ тутъ говорится, означаетъ походъ не въ Польшу, а въ степи или въ «поле» противъ Крымскихъ Татаръ, т. е. «полевой» походъ. Это извѣстіе совершенно согласуется съ данными о приготовленіяхъ Самозванца къ войнѣ съ Татарами и Турками и съ его угрозою нареченному тестю, что послѣ Пасхи онъ отправится къ войску на южную украйну. Нѣсколько незначительныхъ актовъ, относящихся къ Лжедимитрію I. см. у Полевого «Русская Библіотека». М. 1834.

Въ Петербургскомъ Эрмитажѣ есть старинная картина, изображающая въѣздъ Марины въ Москву. Въ рисункахъ, приложенныхъ къ изданію Маосы, — планъ Москвы 1606 г. и планъ Лжедмитріева дворца. Видъ Кремля въ началѣ XVII в. (изъ Geographie Blaviane) въ «Древностяхъ». XI. Вып. 2. 1886. Планъ Москвы въ началѣ XVII в. по чертежу Ѳедора Борисовича въ III ч. Сказаній о Самозванцѣ. Портреты Самозванца и Марины въ «Сказ. Современ.» у Устрялова. I и IV. Также и у Нѣмцевича. III, съ прибавленіемъ портрета Юрія Мнишка. Въ Пештскомъ національномъ музеѣ находится древняя картина, писанная на деревѣ по левкасу. Она изображаетъ пріемъ пословъ въ Московской Грановитой палатѣ. Члены музея полагали, что тутъ представлено венгерское посольство у Ивана III. Но графъ А. С. Уваровъ доказалъ, что эта картина относится къ 1606 году и буквально воспроизводитъ описанія Паэрле, Дневника Марины и Дневника Польскихъ пословъ, относящіяся къ пріему Лжедимитріемъ Юрія Мнишка, 25 апрѣля, и пословъ

Олесницкаго съ Гонсѣвскимъ, 3 мая. (Труды Москов. Археол. Общ. Т. IV. Вып. 3. М. 1874 г.). Мы полагаемъ, что вѣрнѣе отнести картину къ пріему 3 мая; ибо на ней изображены два посла и сидящій особо Юрій Мнишекъ; тогда какъ на пріемѣ 25 апрѣля послы отсутствовали. Картина очень любопытна. Тутъ: Лжедимитрій въ полномъ царскомъ облаченіи, на возвышенномъ тронѣ съ двуглавымъ орломъ надъ сѣнью; четыре рынды съ сѣкирами; по правую руку отъ него сидятъ патріархъ и нѣсколько духовныхъ лицъ, по лѣвую думные бояре; далѣе кругомъ сидящіе и стоящіе дворяне въ свѣтлоузорчатыхъ длиннополыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ; передъ нимъ польскіе послы и ихъ свита въ синихъ камзолахъ и поверхъ нихъ въ красныхъ короткихъ почти безрукавныхъ кафтанахъ, съ подбритыми кругомъ головами. Стѣны палаты расписаны; полъ устланъ коврами. Съ пяти печатей Лжедимитрія см. «Снимки древнихъ русскихъ печатей». Изданіе Ком. при Глав. Архивѣ М. Ин. Д. Вып. I. М. 1882.

8. Никонов. Лѣт. о мятеж. Палицынъ. Сказаніе еже содѣяся. Хронографъ. Иное Сказаніе. Нов. Лѣтоп. Латух. Степ. кн. Допросъ Бучинскихъ (С. Г. Г. и Д. II. № 140). Масса, Буссовъ, Паэрле, Петрей, Велевицкій, Борша, такъ наз. Дневникъ Марины, Дневникъ польскихъ пословъ, Плоцкій епископъ Лубенскій (Opera posthuma historica). La legende de la vie etc. Hist. R. Mon. II. XC. (Письмо нунція Симонетты къ кард. Боргезе; тутъ упоминается, что Поляки въ Москвѣ при Лжедимитріи насиловали женщинъ). «Донесеніе Хвалибога о ложной смерти Лжедимитрія I.» (Времен. О. И. и Д. № 23. Смѣсь. Тутъ-же и три грамоты Лжедимитрія къ Сигизмунду). Arch. domu Sapiehów. I. N. 611 (Письмо двухъ Стадницкихъ Льву Сапѣгѣ съ извѣстіемъ о гибели Лжедимитрія и съ просьбою освободить ихъ изъ Московскаго плѣна).

Сходные въ общихъ чертахъ, источники часто разноглаcятъ въ подробностяхъ событія 17 мая, а также предшествующихъ и послѣдующихъ дней. Приведу слѣдующіе примѣры. По Сказанію еже содѣяся, по расказамъ Массы и Геркмана, дьякъ Осиповъ будто бы обличалъ Самозванца только по утру 17 мая, и Костомаровъ держится сего показанія. Но другія извѣстія, особенно Палицынъ, ясно и достовѣрно противорѣчатъ тому. По словамъ Массы, Басмановъ не ночевалъ въ ту ночь во дворцѣ, а прискакалъ туда, когда уже раздались звуки набата и заговорщики вломились во дворецъ; что явно противорѣчитъ другимъ извѣстіямъ и всѣмъ обстоятельствамъ. Велевицкій, Никонова Лѣт. Лѣт. о мятежахъ, Нов. Лѣт. расказываютъ, что стрѣльцы не хотѣли выдать разбившагося въ паденіи Лжедимитрія прежде, чѣмъ спросятъ его мать; что послали къ ней, и что, когда она отреклась отъ Самозванца, тогда только допустили его убить. Но достовѣрнѣе и согласнѣе съ обстоятельствами разсказъ Дневника пословъ и Станислава Борши въ томъ видѣ, какъ мы передаемъ его въ текстѣ. О числѣ убитыхъ Масса говоритъ, что Поляковъ пало 1500, а Москвитянъ 800; Дневникъ Польскихъ пословъ опредѣляетъ число убитыхъ Поляковъ въ 1000, Дневникъ Марины въ 500, а Русскихъ вдвое болѣе; Паэрле—Поляковъ около 600, а Москвитянъ слишкомъ 1000; Буссовъ —Поляковъ 2135; Петрей—всѣхъ убитыхъ вообще 1702; Де-Ту—По-

ляковъ 1200, а Русскихъ 400; Сказаніе еже содѣяся считаетъ убитыхъ Поляковъ 2062, да раненныхъ 1307. (Тоже въ «Опис. Сборн.» А. Ѳ. Бычкова. I. 157).

Относительно намѣренія Самозванца избить бояръ во время потѣхи говоритъ большинство русскихъ источниковъ, напримѣръ: Еже содѣяся, Палицынъ, Сказ. о ц. Ѳедорѣ Ив., Иное Сказаніе, Хронографъ. Даже иноземецъ Масса передаетъ положительно слухъ о таковомъ намѣреніи. Бучинскіе при ихъ допросѣ передъ боярами подтверждаютъ тоже извѣстіе. Они даже сообщаютъ болѣе подробностей; напримѣръ: кто изъ Поляковъ какого боярина долженъ былъ убить, и вмѣстѣ съ боярами побить дворянъ, лучшихъ дѣтей боярскихъ, головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ и черныхъ людей, которые за нихъ станутъ. Потомъ будто-бы Самозванецъ намѣренъ былъ костелы римскіе ставить, а въ русскихъ церквахъ служеніе прекратить, и вообще исполнить все то, на чемъ онъ присягалъ папѣ, кардиналамъ, арцибискупамъ и бискупамъ, а также воеводѣ Сендомірскому. Это показаніе Бучинскихъ невѣроятно и очевидно было вынуждено обѣщаніемъ пощады. Хотя Лжедимитрій былъ очень легкомысленъ, но не до такой степени, на которой начинается уже полная невмѣняемость. Несомнѣнно только, что сей слухъ, изобрѣтенный боярами—заговорщиками въ ихъ видахъ, въ то время упорно былъ повторяемъ; отъ чего и получилъ характеръ нѣкоторой достовѣрности. Возможно, что Самозванецъ былъ не прочь при удобномъ случаѣ отдѣлаться отъ нѣсколькихъ личностей, казавшихся наиболѣе ему подозрительными по навѣтамъ Поляковъ, и можетъ быть что-нибудь подобное болталъ въ интимномъ кругу своихъ польскихъ пріятелей и секретарей, но едва ли серьезно. Что онъ по всѣмъ даннымъ нисколько не спѣшилъ исполнить свои обѣщанія ввести унію, а тѣмъ менѣе католичество—о томъ мы говоримъ выше. А къ назначенному дню (Воскресенью) онъ конечно вмѣстѣ съ Мариною готовился веселиться на придворномъ маскарадѣ послѣ загородной военной потѣхи, а не послѣ кроваваго побоища, т. е. избіенія лучшихъ Московскихъ людей. Повторяю, это совсѣмъ невѣроятно. Что Шуйскій и бояре вошли заранѣе въ соглашеніе съ Мареою, о томъ она сама говоритъ въ своей окружной грамотѣ о Самозванцѣ: «азъ бояромъ и дворяномъ и всѣмъ людемъ о томъ объявила прежъ сего тайно, а послѣ всѣмъ явно». (С. Г. Г. и Д. II. 146).

9. Никон. Лѣт. о мн. мятежахъ. Рукопись Филарета. Хронографы. Арцыбашевъ Т. III. Прим. 830 и 832. Буссовъ-Беръ, Масса, Дневники Марины и Польскихъ пословъ. Паэрле, Маржеретъ, Велевицкій. С. Г. Г. и Д. II. №№ 141—152. Акты Археогр. эксп. II, № 47 (чинъ вѣнчанія на царство В. Шуйскаго). Дополн. къ Акт. Истор. I. № 151 (Соборное посланіе къ Василію Конст. Острожскому о низложеніи Самозванца). Переписка между Россіей и Польшей (Чт. О. И. и Д. 1861, кн. I). Акты Зап. Рос. IV, № 177 (Допросъ польскимъ посламъ Олесницкому и Гонсѣвскому).

По поводу перенесенія мощей царевича Димитрія нѣкоторые иноземцы пытаются набросить на это дѣло тѣнь обмана. Такъ Буссовъ говоритъ, будто Шуйскій велѣлъ умертвить въ Угличѣ девятилѣтняго поповскаго сына и положить его на мѣсто Димитрія, чтобы имѣть свѣжее или

нетлѣнное тѣло, и что онъ же подкупилъ нѣсколько здоровыхъ людей, которые притворились больными, получившими исцѣленіе у гроба Димитрія. Почти тоже повторяютъ Паэрле, Петрей, Масса, Дневникъ Марины и Дневникъ пословъ; послѣдній убитаго для подмѣны мальчика называетъ не поповскимъ, а стрѣлецкимъ сыномъ, по имени Ромашка. Мощи царевича не вдругъ могли отыскаться въ Угличѣ, потому что кто-то перенесъ ихъ на другое мѣсто, не желая чтобы Угличъ «лишился такого сокровища». (Сборникъ Муханова. Изд. 2-е. Спб. 1866). Въ какомъ видѣ найдены были мощи царевича, см. Рукоп. Филарета, грамоту царя Шуйскаго (С. Г. Г. и Д. II, № 147), Житіе царевича Димитрія (Рус. Ист. Библ. XIII. 892 и 918). Любопытно, что митрополитъ Филаретъ Никитичъ, посланый въ Угличъ за тѣломъ царевича, въ то время повидимому предназначался занять патріаршій престолъ; но потомъ возведенъ въ это достоинство Гермогенъ — такъ говорили польскіе послы въ Москвѣ въ 1608 году (Акты Зап. Рос. IV. 287). О перенесеніи тѣла Бориса Годунова въ Троицкую Лавру см. такъ же «Церковно-историческій мѣсяцесловъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры». М. 1850. Во время возстанія Сѣверской Украйны въ Москвѣ былъ открытъ заговоръ противъ Шуйскаго въ пользу Ѳ. И. Мстиславскаго. По разслѣдованіи дѣла Мстиславскій былъ оправданъ; а главный зачинщикъ Петръ Никитичъ Шереметевъ посланъ воеводою во Псковъ (Маржеретъ. Подроб. лѣт. изд. Львовымъ. Спб. 1799).

Относительно ограничительной присяги Василія Шуйскаго, данной въ Успенскомъ соборѣ и упомянутой въ оффиціальныхъ его грамотахъ, сужденія разнообразны. Напр. проф. Ключевскій въ XVIII главѣ его «Боярской Думы», говоритъ, будто Шуйскій присягалъ на ограниченіе своей власти Земскимъ Соборомъ а не Боярской Думой. Проф. Маркевичъ въ его «Избраніи на ц. Мих. Ѳ. Романова» (Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь) не придаетъ большаго значенія этой присягѣ и, повидимому, считаетъ ее добровольной. Разнообразныя по сему поводу извѣстія и мнѣнія пытается привести къ одному знаменателю г. Рождественскій въ своей статьѣ: «Царь В. И. Шуйскій и боярство» (Историч. Обозрѣніе. V. Спб., 1892). Но онъ самъ впадаетъ при этомъ въ домыслы и противорѣчія съ фактами, говоря, что ограничительныя условія шли не отъ цѣлаго боярскаго сословія, а только отъ группы бояръ, «которымъ царь былъ обязанъ престоломъ»; что потомъ «и слѣда не остается отъ какихъ-либо ограниченій, когда Шуйскій дѣйствуетъ также самостоятельно, какъ и его деспотичные предшественники, Грозный и Годуновъ» и что никакихъ притязаній «на ограниченіе самодержавной власти царя со стороны боярской Думы не было». Вообще нѣкоторые историки (напримѣръ, Соловьевъ) слишкомъ много придаютъ значенія тому, что Шуйскій былъ возведенъ на царство только Москвою, безъ созыва Великой Земской Думы, и этимъ обстоятельствомъ объясняютъ по преимуществу шатость его престола и его низложеніе. Но престолъ Годунова, несмотря на Земскую Думу, тоже оказался непрочнымъ. Главная причина непрочности обѣихъ новыхъ династій заключалась въ начавшейся смутѣ и неудачахъ. Когда выступилъ на сцену дѣйствія доблестный Михаилъ Скопинъ, династія Шуйскихъ начала укрѣпляться; послѣ его смерти,

когда дѣла окончательно ухудшились и произошло Клушинское пораженіе, династія естественно не могла удержаться.

10. Никон. Лѣтоп. о мятеж. Палицынъ. Иное Сказаніе. Хронографы. Акты Арх. эксп. II. №№ 57 и 81. С. Г. Г. и Д. II, №№ 150 и 151. Бутурлина къ тому 2-му прилож. IV и V. Выписка о посольствѣ кн. Волконскаго изъ польскихъ дѣлъ, № 26 (Карамз. къ т. XII прим. 49). Буссовъ-Беръ, Маржеретъ, Паэрле, Дневникъ Марины, Масса. Древн. Рос. Вивл. XIII (свадьба царя Василія Шуйскаго). Относительно перваго лица, бѣжавшаго изъ Москвы и пустившаго слухъ о спасеніи Лжедимитрія отъ смерти, Буссовъ-Беръ, а за нимъ и Петрей говорятъ, будто это былъ князь Шаховской; Маржеретъ и Паэрле не называютъ лица; также глухо говорятъ о семъ Масса и Дневникъ Марины. На Молчанова прямо указываетъ помянутая выписка о посольствѣ кн. Волконскаго въ Польшу. Относительно Лжепетра нѣкоторые источники неправильно сообщаютъ, что онъ выдавалъ себя за сына царевича Ивана Ивановича; именно, Хронографъ второй редакціи, который прибавляетъ, будто онъ былъ «родомъ звенигородецъ, художествомъ гончаръ». Изборн. А. Попова 195 (тоже въ третьей редакціи 242); на слѣд. 196 страницѣ онъ названъ поэтому Петръ Гончаровскій. Иное Сказаніе вмѣсто гончара называетъ его Петрушею Горчаковымъ; Никон. лѣт.—Илюшкою, человѣкомъ Григорія Елагина, а Палицынъ холопомъ свіяжскаго стрѣлецкаго головы Григорія Елагина. По собственному его показанію, снятому послѣ сдачи Тулы (Акты Арх. эксп. II, № 81), онъ родомъ изъ Мурома, незаконный сынъ одной посадской женщины; осиротѣвъ въ юности, онъ снискивалъ пропитаніе мелкой торговлей, бродилъ по разнымъ приволжскимъ городамъ, служилъ казакомъ, т.-е. работникомъ, на судахъ, плававшихъ между Ярославлемъ и Астраханью; потомъ завербовался въ Терскіе казаки, гдѣ приписался во дворъ Григорія Елагина; затѣмъ былъ въ товарищахъ у казаковъ Нагибы и Наметки. Когда Терскіе казаки, въ числѣ 300 человѣкъ, задумали грабить торговыя суда на Волгѣ, то они рѣшили кого-нибудь изъ своихъ назвать царевичемъ Петромъ; для чего выбрали Илейку Муромца и Митьку Астраханца. Но Митька сказалъ, что онъ въ Москвѣ не бывалъ и никого не знаетъ, а родился (отъ стрѣльца) и жилъ въ Астрахани; Илейко же изъ Нижняго однажды ѣздилъ въ Москву и жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Казаки приговорили Илейкѣ назваться царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳедора Ивановича. О связи этого Илейки съ народнымъ прозваніемъ богатыря Ильи Муромца «старымъ казакомъ» см. мое разсужденіе въ «Рус. Архивѣ» 1893 г., № 5.

11. Вотъ различныя извѣстія о происхожденіи второго Лжедимитрія:

Русскіе источники. Палицынъ называетъ его «отъ сѣверскихъ городовъ поповымъ сыномъ Матюшкою Веревкинымъ» (31). Никон. лѣт. считаетъ его «поповымъ сыномъ или церковнымъ дьячкомъ, потому что кругъ весь церковный зналъ» (117); а Гаврило Веревкинъ тутъ является стародубцемъ, подвигшимъ народъ къ признанію самозванца (90). Нов. Лѣт. «не служилыхъ людей сынъ, но попова рода, потому что службу церковную всю добрѣ изучилъ и зналъ» (87 и 105). Лѣтоп. о мят. «человѣкъ незнаемый» (125). Отписка Вологжанъ Устюжанамъ въ декабрѣ 1608 г.:

«и тотъ де воръ съ Москвы, съ Арбату отъ Знаменья Пречистыя изъ-за конюшенъ поповъ сынъ Митка, а умышлялъ де и отпущалъ его съ Москвы князь Василій Мосалской за пять день до Ростригина убійства». (Акты Арх. эксп. II, № 94). Берха «Древ. Гос. Грам.» Спб. 1821. 85: «а царевича Димитрія называютъ Литвиномъ князя Андрея Курбинского сыномъ». Рукописный западнорусскій хронографъ, принадлежащій Археогр. Коммиссіи (на котораго ссылается Костомаровъ), говоритъ, что самозванецъ былъ родомъ изъ Стародуба, переселился въ Бѣлоруссію и тамъ былъ учителемъ при церковныхъ школахъ. Въ распросныхъ рѣчахъ Буланина, посланнаго Шеинымъ изъ Смоленска въ Велижъ къ Гонсѣвскому, (Акты Ист. II, 199) говорится: «Да ему же сказывалъ приставъ его Савелій Хрипуновъ. Который де и воръ стоитъ подъ Москвою и тотъ де и воръ пришелъ съ Бѣлые на Велижъ, а зовутъ же его Богдашкомъ, и жилъ на Велижи шесть недѣль, а у кого жилъ, того онъ не вѣдаетъ. А пришелъ же онъ съ Бѣлые какъ убили растригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у растриги писаремъ ближнимъ, и съ Велижа же съѣхалъ съ Литвинымъ въ Витепскъ, и изъ Витепска же онъ съѣхалъ въ Польшу (къ Мнишкамъ?), а въ Польши объявился въ воровское имя, а которымъ обычаемъ назвался того онъ не вѣдаетъ». Въ отпискѣ Устюжанъ Вычегодцамъ, въ іюлѣ 1612 г. (Акты эксп. II, № 210): «а потомъ присланъ изъ Литвы отъ короля жидовинъ Богдашко и назвался царемъ Димитріемъ». Это мнѣніе о жидовскомъ происхожденіи повторяется въ грамотѣ Михаила Θеодоровича къ Французскому королю: «выслали (поляки) на Украйну Московскаго государства вора родомъ жидовина». (Шафирова «Разсужденія о Шведской войнѣ». Спб. 1722, стр. 324). По ссылкѣ Нарушевича (Hist. Chodk. I, кн. 4, прим. 70), Мих. Θеод. писалъ Морицу Оранскому: «Сигизмундъ послалъ жида, который назвался Димитріемъ царевичемъ». «Ядро Рос. Исторіи» очевидно придерживается западныхъ источниковъ и говоритъ, что онъ былъ по имени Иванъ, въ Литвѣ служилъ дьячкомъ «у церкви и ребятъ грамотѣ училъ». М. 1770. Стр. 266.

Иноземные источники. Буссовъ-Беръ считаетъ второго Самозванца Бѣлоруссомъ и школьнымъ учителемъ, по имени Иваномъ, котораго друзья Мнишковъ нашли въ городѣ Сокодѣ и дали ему въ руководители пана Мѣховецкаго (124 и 184 рус. перевода). За Буссовымъ тоже повторяетъ Петрей (257 рус. перев.). Маскевичъ также называетъ Мѣховецкаго первымъ руководителемъ второго Самозванца, и прибавляетъ, что онъ былъ мужикъ грубый, сквернословный и гадкихъ обычаевъ, и что Мѣховецкій училъ его свѣтскости и польской вѣжливости, по примѣру перваго Димитрія (14 и 26). Въ Дневникѣ Смоленской осады (Рус. Ист. библ. I, 514) говорится: «наши, зная, что онъ — не тотъ Димитрій, за какого они выдаютъ его и, что еще хуже, зная, что онъ человѣкъ ничтожный, необразованный, безъ чести и совѣсти, — страшный хульникъ, пьяница, развратникъ, что онъ ни самъ не придумаетъ ничего дѣльнаго, ни совѣтовъ не принимаетъ, не бываетъ ни на какомъ богослуженіи, о Полякахъ, или, какъ они говорятъ, о Литвѣ, ничего хорошаго не думаетъ и не говоритъ, и, если бы имѣлъ силу и возможность, то всѣхъ ихъ истребилъ бы, отно-

-сятся однако къ нему съ уваженіемъ». И далѣе (стр. 527): «у него послѣ его побѣга (изъ Тушина) нашли талмудъ». Шведскій король Карлъ IX въ письмѣ къ Мих. Глѣб. Салтыкову называетъ Лжедимитрія II барабанщикомъ (stratenik) и бывшимъ слугою Гришки Отрепьева. Форстена «Политика Швеціи въ Смутное время» (Ж. М. Н. Пр. 1889. Февраль). Кобержицкій полагаетъ, что второй Самозванецъ былъ изъ Евреевъ, потому что имѣлъ при себѣ талмудъ и разныя еврейскія книги и рукописи. Тотъ же писатель особенно распространяется о его грубости, жестокости, жадности, распутности и другихъ порокахъ. (Hist. Vladis. 320 и 321). Мархоцкій называетъ его сыномъ стародубскаго боярина, т.-е. собственно вышедшимъ изъ сословія боярскихъ дѣтей (Hist. Wojny Moskiew. Poznân. 1841). Въ донесеніи французскаго агента своему двору, въ апрѣлѣ 1610 г., Лжедимитрій II названъ «сыномъ кузнеца или кучера», но будто бы онъ «лично храбръ, неустрашимъ, привѣтливъ и хитеръ, какъ ни одинъ изъ его дружины». Далѣе тутъ же говорится, что второй Лжедимитрій былъ также «выставленъ» Поляками какъ и первый. (Зап. Жолкев. Второе изд. Прилож. № 21). Особенно любопытное указаніе даетъ намъ ксендзъ Велевицкій на основаніи записокъ іезуита Савицкаго (Ibid., № 44, стр. 192). По его словамъ, второй Самозванецъ былъ крещеный жидъ, по имени Богданко, состоявшій при первомъ Лжедимитріи въ качествѣ письмоводителя для сочиненія русскихъ писемъ и имѣвшій съ нимъ нѣкоторое сходство. Послѣ убіенія названнаго Димитрія, Богданко бѣжалъ въ Могилевъ, служилъ учителемъ у одного протопопа при его школѣ, но за покушеніе на его жену былъ высѣченъ и прогнанъ; скитался по Литвѣ, потомъ ушелъ въ Сѣверскую Украйну съ однимъ товарищемъ, котораго будто бы убѣдилъ въ томъ, что онъ Димитрій, и объявился въ Стародубѣ.

Это сообщеніе (напечатанное Мухановымъ въ 1871 г.), оставшись неизвѣстнымъ Карамзину, Соловьеву, Бутурлину и Костомарову, неупомянуто и проф. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его «Обзорѣ событій отъ смерти Ивана Грознаго». А между тѣмъ оно по своимъ подробностямъ наиболѣе совпадаетъ съ бѣлорусскимъ хронографомъ, которымъ по преимуществу пользовался Костомаровъ и отчасти Соловьевъ. Оба эти свидѣтельства въ общихъ чертахъ немного разнятся отъ большинства другихъ указаній, и совпадаютъ въ главныхъ чертахъ съ тѣмъ, что Буланинъ слышалъ въ Велижѣ отъ Хрипунова, который, вращаясь около Гонсѣвскаго, могъ узнать многое. Поэтому мы и кладемъ ихъ въ основу своего изложенія. Но по нимъ выходитъ, будто второй Лжедимитрій появился случайно и, такъ сказать, самъ пришелъ къ мысли принять на себя эту роль. Мало того и русскіе историки признаютъ эту случайность и самообъявленіе; обыкновенно они идутъ не далѣе Мѣховецкаго, какъ выставившаго сего самозванца (Бутурлинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ). По нашему же крайнему разумѣнію тутъ орудовали все тѣ же польско-русскія знатныя фамиліи, какъ и при появленіи перваго Лжедимитрія. Къ прежнимъ тремъ фамиліямъ прибавилась четвертая, князей Рожинскихъ, принадлежавшихъ къ потомству Гедимина. На связь этой, тогда еще православной, фамиліи съ Вишневецкими указываетъ приведенный нами въ третьемъ томѣ (стр. 561)

актъ 1595 г., заключающій жалобу на католиковъ, которая подписана православными князьями Адамомъ Вишневецкимъ и Кирилломъ Рожинскимъ. (Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. № LXIII). Православіе Адама Вишневецкаго подтвердили и польскіе послы въ отвѣтѣ Московскимъ боярамъ, въ 1608 г. (Акты запад. Россіи IV, 267). Романъ Рожинскій собственноручно убилъ Мѣховецкаго по свидѣтельству Коберждицкаго (Hist. Vladisl. 90). Послѣ своей смерти (въ апрѣлѣ 1610 г.) онъ былъ погребенъ въ Кіевѣ по обрядамъ греческой церкви, на что указываетъ издатель Записокъ Жолкев. стр. 14. Адамъ Вишневецкій самъ выступилъ на помощь второму Самозванцу; а изъ фамиліи Сапѣговъ пришелъ къ нему съ войскомъ Янъ Петръ, двоюродный братъ канцлера Литовскаго. Другой членъ той же фамиліи, Андрей Сапѣга, былъ тогда Оршанскимъ старостою, т.-е. начальствовалъ въ пограничной крѣпости Оршѣ. Этотъ Сапѣга увѣдомилъ нашихъ пограничныхъ воеводъ, что Лисовскій, Вишневецкій, Тышкевичъ и другіе польско-литовскіе паны ушли съ ратными людьми въ Московскую землю самовольно, вопреки строгому королевскому запрещенію; что Яну Сапѣгѣ были посланы особые листы отъ короля съ такимъ же запрещеніемъ, но что онъ ихъ не послушалъ и что вообще нѣтъ возможности удержать дома непослушныхъ пановъ (Акты Ист. II, №№ 92 и 95). Всѣ подобныя отписки были несомнѣнно лживы; хотя наши историки имъ вѣрили; напримѣръ, Соловьевъ (VIII, 207). Наоборотъ, Андрей Сапѣга по всей вѣроятности намѣренно не препятствовалъ переходу пановъ за московскій рубежъ. А что Сигизмундъ III втайнѣ одобрялъ, напримѣръ, поведеніе Яна Сапѣги, это доказываютъ весьма благосклонныя королевскія письма къ сему послѣднему, помѣщенныя у Когновицкаго во II томѣ Zycia Sapiehów, въ приложеніяхъ. По сообщенію Чумикова, въ числѣ рукописей, хранящихся въ Скуклостерѣ, близъ Упсалы, есть и такая польская: «Краткое изложеніе о веденіи войны съ Москвою, для Его королевскаго Величества составлено Яномъ Петромъ Сапѣгою». (Чт. О. И. Д. 1861. IV. Смѣсь, 40).

12. Никонов. Рукоп. Филарета. Нов. лѣт. Столяровъ хронографъ (Изборн. Ан. Попова), Палицынъ, Псковская лѣтопись, Велевицкій, Буссовъ-Беръ, Масса, Будило, Пясецкій, Маскевичъ, Бутурлинъ. II. Приложенія VII — X. Акты Ист. II, №№ 89 и 90. С. Г. Г. и Д. II. №№ 163 и 164. Послѣдняя грамота, отъ 14 октября 1608 г., содержитъ обѣщаніе Лжедимитрія II уплатить Юрію Мнишку 300,000 руб. по овладѣніи Москвою. А предыдущая, отъ 8 сентября того же года, выражаетъ намѣреніе Самозванца отправить свою супругу Марину въ Звенигородъ «для положенія одного святого въ монастырѣ» (Савинскомъ), чтобы возбудить къ себѣ большее уваженіе въ Москвѣ; такъ какъ прежде (т.-е. при первомъ Самозванцѣ) пренебреженіемъ церковныхъ дѣлъ возбуждалась народная ненависть. Въ нѣкоторой связи съ этимъ намѣреніемъ можно указать на хлопоты Римской куріи, каторая сначала было воздерживалась отъ участія въ дѣлахъ второго Самозванца послѣ неудачи съ первымъ, но, по мѣрѣ его успѣховъ, вновь стала проявлять заботу чрезъ своего новаго нунція въ Польшѣ Симонетта (Hist. Rus. Monum. II.

№№ LXXVIII—LXXXV). При участіи іезуитовъ въ Польшѣ составлена была для Тушинскаго царика обстоятельная инструкція о томъ, какъ осторожно онъ долженъ дѣйствовать, чтобы избѣжать участи своего предшественника и какъ постоянно долженъ подготовлять введеніе уніи въ Московскомъ государствѣ. По всей вѣроятности инструкція составлена по поводу брака Лжедимитрія II съ Мариною. Эта инструкція сообщена была кн. М. А. Оболенскимъ С. М. Соловьеву, который подробно передаетъ ее въ самомъ текстѣ VIII тома своей «Исторіи Россіи», въ концѣ Четвертой главы. Но такъ какъ она не получила практическаго значенія и Тушинскій воръ менѣе всего поддавался вліянію іезуитовъ, то мы на ней не останавливаемся. Повидимому онъ только пользовался совѣтомъ іезуитовъ относительно осторожности, и подъ этимъ предлогомъ недвусмысленно заявлялъ о своемъ православіи. Польскій списокъ этой инструкціи, но очень испорченный, былъ найденъ Костомаровымъ въ одной изъ Варшавскихъ частныхъ библіотекъ. (Лѣтопись занятій Археогр. Ком. IV. Спб. 1868. Протоколы. 12).

Буссовъ сообщаетъ, что Рожинскій и Поляки не хотѣли тратить время на осаду Москвы, а думали немедля взять ее приступомъ; но будто Самозванецъ удержалъ ихъ, прося, чтобы они не разоряли его будущей столицы. Это сообщеніе невѣроятно: взять приступомъ хорошо укрѣпленную Москву было очень трудно. Тотъ же Буссовъ говоритъ о суевѣрныхъ дѣйствіяхъ Василія Шуйскаго. Образецъ чудесныхъ явленій представляетъ «Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну» (Рус. Ист. Библ. XIII). Неизвѣстный по имени, благочестивый мужъ сообщилъ о своемъ видѣніи Благовѣщенскому протопопу Терентію, который записалъ съ его словъ и доложилъ патріарху и царю; а по ихъ приказу читали эту повѣсть въ Успенскомъ соборѣ всенародно, учредили постъ и пѣли молебны. По сей повѣсти, видѣніе происходило въ томъ же Успенскомъ храмѣ. Христосъ сидѣлъ на престолѣ, обстоимый ангелами; одесную стояла Богородица, ошую Іоаннъ Креститель (подобно тому, какъ изображается Деисусъ). Богородица молила Господа Сына пощадить людей своихъ. Но Господь изливалъ праведный гнѣвъ свой на нихъ: «Зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми нравы»; «брады своя постригаютъ и содомскія дѣла творятъ, и неправедный судъ судятъ, и правымъ убо насилуютъ и грабятъ чюжая имѣнія и многая иная скверная дѣла творятъ»; за что грозилъ «предать ихъ кровоядцамъ и немилостивымъ разбойникамъ» (или Болотинкову, или Тушинцамъ). По усильнымъ мольбамъ Матери Своей и Іоанна Крестителя, Господь, наконецъ, умилостивился и обѣщалъ пощадить «аще покаются». Къ этой повѣсти присоединено Иное видѣніе. Церковные сторожа, наряженные ночевать у соборной церкви Михаила Архангела, видѣли въ дверныя щели яркій свѣтъ и слышали шумъ и говоръ великіе; а одинъ изъ голосовъ какъ бы «говорилъ по книжному за упокой безъ престани». За шумомъ послѣдовалъ плачъ. И такъ продолжалось часа два. Повѣсти относятъ эти видѣнія къ 7115 или къ 1607 году, т.-е. ко времени нашествія Болотниковыхъ скопищъ; но хронологія тутъ гадательная; несомнѣнно подобные разсказы происходили и въ эпоху Тушинскаго вора. Какъ и первое, второе видѣніе вошло въ Иное Сказаніе, гдѣ оно отнесено къ четвертому

лѣту царствованія В. Шуйскаго и толкуется въ смыслѣ предвѣщанія о его скоромъ концѣ. Помянутый Благовѣщенскій протопопъ Терентій есть извѣстное историческое лицо. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя льстили первому Лжедимитрію и лжепатріарху Игнатію. До насъ дошло его хвалебное посланіе или челобитная Самозванцу. Напечатано въ Акт. Эксп. II. №. 224. См. также А. Ѳ. Бычкова «Описаніе рукописныхъ Сборниковъ Публич. Библіотеки». I. Спб. 1882. Стр. 402—403. Макарія «Ист. Рус. Церкви». X. 111. и Платонова «Древ. Сказ. и Пов.». 56—60. При Шуйскомъ Терентій былъ удаленъ, а въ 1610 году по указу Сигизмунда III онъ возвращенъ Благовѣщенскому Собору. Акты Зап. Рос. IV №. 183 Стр. 389. Во Временникѣ Об. И. и Др. (№ 23. Смѣсь) напечатаны три челобитныя Лжедимитрію отъ разныхъ крестьянъ съ жалобами на грабительство и насилія отъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и литовскихъ. Эти челобитныя сообщены Чумиковымъ, списавшимъ ихъ въ одномъ шведскомъ архивѣ; хотя онѣ безъ датъ, но очевидно относятся ко времени второго, а не перваго Лжедимитрія.

13. Лѣтописи Никоновская, Псковская, Новгородская. Лѣтоп. о мятежахъ. Буссовъ-Беръ, Петрей, Видекиндъ. Дѣла Шведскія (Соловьевъ. VIII, 227). Временникъ. V и VIII. Акты Истор. II, №№ 99—110. Акты Эксп. II, №№ 88—91. Иконникова «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» въ Чтен. Ист. Об. Нестора лѣтописца. I. Кіевъ. 1879. Воробьева «Бояринъ и воевода кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій», въ Рус. Арх. 1889, № 8. Форстена «Политика Швеціи въ Смутное время» (преимущественно на основаніи Стокгольмскаго архива). Жур. Мин. Нар. Пр. 1889. Февраль. Сборникъ князя Хилкова. Спб. 1879. Тутъ издано большое количество грамотъ, относящихся къ Смутной эпохѣ; между прочимъ подъ № 12 напечатаны 72 письма къ гетману Яну Петру Сапѣгѣ отъ разныхъ лицъ, преимущественно отъ всѣхъ тѣхъ городовъ, которые передались второму Лжедимитрію. Объ этихъ письмахъ (изъ собранія Якубовича) еще прежде было напечатано сообщеніе П. И. Савваитова въ Лѣтописи занятій Археогр. Ком. IV. 1868. Протоколы 6—7 и 48—54. См. также В. Берха «Древнія государствен. грамоты», собранныя въ Пермской губ. Спб. 1821. Изъ нихъ 27 №№ относятся къ Смутному времени. Впрочемъ часть ихъ представляетъ то, что уже напечатано въ С. Г. Г. и Д. II., но иногда съ варіантами.

14. Никон. Лѣт. о матеж. Нов. Лѣт. Иное Сказ. Главный же источникъ для осады Лавры «Сказаніе» Палицына.—Два печатныхъ изданія, 1784 и 1822. По сему поводу см. «Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры» въ Москвитянинѣ 1842. №№ 6 и 7. (*Д. П. Голохвастова*). Авторъ представляетъ здѣсь сводъ біографическихъ извѣстій объ Авраамія Палицынѣ и очень критически относится къ его сказанію о Троицкой осадѣ. Статья эта немедленно возбудила рядъ возраженій: въ Сѣверн. Пчелѣ 1842. № 198 (со стороны Сахарова), въ Отечест. Запискахъ. 1842. № 11, и особенно дѣльныя въ Москвитян. 1842. № 12. (*А. В. Горскаго*). Авторъ «Замѣчаній» отвѣчалъ на нихъ пространной статьей. Ibid. 1844. №№ 6 и 7. Далѣе, «Историческое описаніе Свято-троицкія Сергіевы Лавры». М. 1842.

(Горскаго). Оно опредѣляетъ число всѣхъ защитниковъ въ началѣ до 2500. Приложенія къ этому описанію архимандрита Леонида въ Чт. О. Ист. и Д. 1879. II. Пятое приложеніе представляетъ переводный отрывокъ изъ статьи гр. Дзедушицкаго о дѣйствіяхъ Лисовчиковъ при осадѣ Троицкой Лавры (Bibliotheca Ossolinskich. 1842. III). *Кедрова* «Авраамій Палицынъ». Чт. О. Ист. и Д. 1880 IV. Его же «Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Архивъ 1886. № 8. Сборникъ князя Хилкова. №№ 14, 18, 32—42 съ перерывами. Акты Ист. II. №№ 181—242, съ перерывами. Масса и Геркманъ, Буссовъ-Беръ, Будило. Діаріушъ Сапѣги, у Ковновицкаго. II. (Русскій переводъ въ Сынѣ Отечества. 1838. № 1). *Голубинскаго* «Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра». Сергіевъ п. 1892. (См. гл. II и XIII и планъ Лавры XVII вѣка). Рѣчь проф. *Бережкова* «Троицкая Сергіева Лавра въ Смутное время Московскаго государства». Кіевъ. 1893.

15. Никон. Палиц. Лѣт. о мят. Хронографы. Акты Ист. II. №№ 111—242, съ перерывами. Акты Эксп. II. №№ 98—169, съ перерывами. Буссовъ, Будило и пр. Рѣчь *Кояловича* «Три подъема русскаго народнаго духа». Спб. 1880. Онъ указываетъ (стр. 24), что народное противутушинское движеніе началось въ декабрѣ 1608 года небольшимъ городомъ Устюжной Желѣзнопольской, который геройски отбилъ всѣ приступы Тушинцевъ. Описаніе его осады въ Рус. Ист. Библ. II. № 187. См. также грамоту В. Шуйскаго Устюженцамъ отъ 23 декабря 1608 г. (Акты Эксп. II. №№ 93 и С. Г. Г. и Д. II. № 167).

Обращу вниманіе на «Распросныя рѣчи» Московскихъ выходцевъ въ Тушинскомъ станѣ, въ маѣ 1609 года (Акты Ист. II. № 212). Тутъ между прочимъ говорится: «А большихъ бояръ на Москвѣ князь Димитрій, да князь Иванъ Шуйскій, да Ортемій Измайловъ, да Ростовскіе, шурья Шуйскаво, да дьякъ Василій Яновъ, да Истома Карташовъ, да Томила Луговскій. А изъ бояръ прямятъ государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Россіи (т. е. Самозванцу) князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, князь Василій, да князь Андрей Голицыны, да князь Иванъ Димитріевичъ Хворостининъ, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человѣкъ и кто именемъ и того неупомнитъ». Историки безъ критики принимаютъ подобныя показанія; напр. Соловьевъ (VIII. 263). За нимъ въ послѣдніе время тоже повторяетъ г. Рождественскій въ названной выше статьѣ (Ист. Обозр. V). А между тѣмъ, очевидно, выходцы изъ Москвы старались въ Тушинѣ сообщить побольше пріятныхъ вѣстей, и преувеличивали количество людей, которые «прямили» Самозванцу. Непріязнь Василія Голицына къ Шуйскому еще не значила, что онъ «прямилъ» Самозванцу; Андрей же Голицынъ является воеводою, усердно сражавшимся противъ Лжедимитрія. А князья Куракинъ и Лыковъ положительно выдаются въ борьбѣ съ нимъ на сторонѣ Шуйскаго какъ храбрые и дѣятельные воеводы, и во время сихъ распросныхъ рѣчей, и послѣ нихъ. Всѣ трое они особенно отличились въ битвѣ съ Тушинцами подъ Москвою 25 іюля 1609 года. Слѣдовательно остается ›лько Хворостининъ. Приблизительно къ тому же времени надобно отнести

глухой документъ какъ бы съ именами приверженцевъ Шуйскаго и Лжедимитрія II, напечатанный у Муханова—«Подлинныя Свидѣт. о взаим. отнош. Россіи и Польши». М. 1834.

Относительно цѣнъ на хлѣбъ въ Москвѣ, осажденной Тушинцами, кромѣ приведенныхъ въ текстѣ данныхъ, взятыхъ изъ Актовъ Ист. II. №№ 156 и 212, Никонов. и Палицына, имѣемъ еще слѣдующія любопытныя свидѣтельства. Отъ 23 декабря 1608 года въ грамотѣ Устюженцамъ В. Шуйскій извѣщаетъ, что «нужды еще нѣтъ: четверть ржи купятъ въ полтину, а иногда алтынъ въ двадцать, а четверть овса въ четыре гривны, а сѣна возъ большой алтынъ въ двадцать или немного больше». (Акты Эксп. II. № 93). Въ Запискахъ Жолкевскаго (26 стр.) говорится, что до прибытія Скопина бочка ржи (равнявшаяся четыремъ краковскимъ корцамъ) продавалась слишкомъ по 20 злотыхъ; а когда очистились пути и начался подвозъ, то она продавалась по 3 злота. Издатель Записокъ, П. А. Мухановъ дѣлаетъ разсчетъ и выводитъ, что четверть стоила около нынѣшнихъ 15 рублей. У Делявиля (749) упоминается, что бочка ржи стоила тогда въ Москвѣ «семь дублоновъ» (семь рублей?). Масса (254): въ Москвѣ четверть стоила 28 гульденовъ, а въ Вологдѣ 1 гульденъ. Такъ какъ цѣны колебались, то эти свидѣтельства относятся конечно къ разнымъ моментамъ осады.

16. Акты Эксп. II. №№ 96—148, съ перерывами. Акты Ист. II. №№ 158—345, тоже. Щербатовъ. VII. ч. 3. № 35. Никонов. Лѣт. о мят. Псковская. Рукоп. Филар. Палицынъ. Видекиндъ, Петрей, Будило, Пясецкій, Мархоцкій, Діаріушъ Я. П. Сапѣги (Когновиц. II). Углицкая Лѣтопись, изд. А. А. Титовымъ. М. 1890. («О пришествіи Поляковъ подъ градъ Угличъ» въ 1610 г.).

17. Акты Ист. II. №№ 96—267, съ перерывами. Акты Эксп. II. № 92. Hist. Rus. Mon. II. №№ CXII—CXIII. Виленскій Археограф. Сборникъ. I. № 79. Самуила Бѣльскаго Diariusz roku 1609—напечатанъ въ Чт. О. И. и Д. Годъ III. № 6. кн. Оболенскимъ, а потомъ вошелъ въ его же собраніе «Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи». Вып. 3. Нѣмцевичъ. II. Дневникъ Смоленской осады. (Рус. Ист. Библ. I. и отчасти у Бутурлина ч. III. Прилож. № XVII). О Смоленской крѣпости см. Жолкевскаго 29 стр. Пясецкаго 21 и Маскевича 18. Они же баснословятъ о числѣ Смольнянъ: Жолкевскій считаетъ ихъ до 200.000, а способныхъ къ бою, какъ и Пясецкій, до 40.000, Маскевичъ до 70.000. Роспись посадскихъ и слобожанъ для обороны стѣнъ и ночныхъ карауловъ. см. Акты Ист. II. №№ 259 и 260. Планъ и видъ Смоленска въ началѣ XVII вѣка приложены Мухановымъ къ первому изданію Записокъ Жолкевскаго М. 1835 г. Въ этомъ изданіи и польскій оригиналъ его Записокъ.

По поводу причинъ, побуждавшихъ Смольнянъ къ энергичной оборонѣ отъ Поляковъ, С. М. Соловьевъ приводитъ и то обстоятельство, что «они дали въ долгъ Шуйскому много денегъ: если бы сдались Сигизмунду то эти деньги пропали бы». (VIII. 288). За нимъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ повторяетъ тотъ же аргументъ. (Ж. М. Н. Пр. 1887. Августъ). Едва ли такой непатріотичный и по обстоятельствамъ слишкомъ ненадеж-

ный разсчетъ могъ играть роль въ рѣшимости къ отчаянной оборонѣ. Важнѣе, указанное Соловьевымъ, пребываніе значительнаго отряда Смоленскихъ служилыхъ людей въ войскѣ Скопина и, приводимое Кояловичемъ, свидѣтельство хронографа о старой враждѣ Смолянъ къ Полякамъ: «А Смольяномъ Поляки и Литва грубны искони, вѣчные непріятели, что жили съ ними но близу и бои съ ними бывали частые и Литву на боехъ побивали». (Изборн. А. Попова. 353. Рѣчь Кояловича—«Три подъема рус. народ. духа»).

18. Акты Ист. II. № 270. С. Г. Г. и Д. II. № 208. Никонов. Лѣт. о мят. Палицынъ. Псков. лѣт. Рукоп. Филар. Жолкев. Прилож. №№ 20 и 26. (Условія, на которыхъ М. Г. Салтыковъ съ товарищами присягалъ Сигизмунду III подъ Смоленскомъ. Также въ Сборникѣ Муханова и Актахъ Зап. Рос. IV. №. 180). Бутурлинъ III. 173. Zycie I. P. Sapiehy. Нѣмцевичъ. Мильтонъ (A brief history of Moscovia. London. 1682. Тутъ о предсказаніи гадателей насчетъ Михаила. См. Карамз. XII. Прим. 518). Геркманъ. «Сказаніе о рожд. князя Мих. Вас.» (Изборн. А. Попова). Древ. Рус. Вивл. XI (Выписка о днѣ смерти Скопина изъ панихидной книжицы Арханг. Собора). Современная пѣсня о Скопинѣ Шуйскомъ, записанная англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ Москвѣ въ 1619—1620гг. Она найдена академикомъ Гамелемъ и напечатана въ Извѣст. Ак. Н. по отдѣл. Рус. яз. и словес. 1852. т. I, тетрадь I. Другая пѣсня о Скопинѣ у Кирши Данилова. (См. также Галахова «Ист. Рус. Слов.» I. 268. Буслаева «Очерки Литер.» I. 519—525. Пѣсни—Кирѣевскимъ. VII. 15). Въ Арханг. Соборѣ, въ придѣлѣ Іоанна Предтечи на стѣнѣ возлѣ каменной гробницы Скопина былъ его портретъ стариннаго письма. Лучшій снимокъ съ него см. въ «Памят. Моск. Древ.» Снѣгирева. М. 1842—1845. Тотъ же портретъ приложенъ Мухановымъ къ первому изданію записокъ Жолкевскаго.

Относительно смерти Скопина Карамзинъ очевидно вѣритъ свидѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ объ отравленіи. Арцыбашевъ, приводя разныя свидѣтельства, не высказываетъ своего мнѣнія. Бутурлинъ также говоритъ нерѣшительно, но болѣе склоняется къ отрицанію отравы; при чемъ ошибно относитъ смерть Скопина въ ту же ночь послѣ пира. Соловьевъ идетъ далѣе, пытается отвергнуть обвиненіе въ отравленіи и для сего выбираетъ тѣ свидѣтельства, которыя по поводу слуховъ объ отравѣ не рѣшаются сказать положительно свое мнѣніе (Никонов. и Палиц.). Въ своемъ усердіи къ оправданію Шуйскихъ онъ даже прибѣгаетъ къ несовсѣмъ точной передачѣ: такъ Жолкевскій, по его словамъ, «отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни». Но гетманъ также не дѣлаетъ положительнаго вывода, и, сообщивши слухъ объ отравленіи, прибавляетъ: «между тѣмъ, если начнешь распрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки». По всей вѣроятности, тѣ бояре, которыхъ онъ потомъ (пребывая въ Москвѣ) распрашивалъ, не были расположены говорить съ нимъ откровенно о семъ предметѣ; тѣмъ не менѣе онъ очевидно наклоненъ вѣрить болѣе отравленію нежели естественной смерти. Странно, что здоровый молодой человѣкъ въ двѣ недѣли умеръ отъ лихорадки,

и что это за лихорадка, которая сопровождалась сильнымъ кровотеченіемъ изъ носу и нестерпимыми болями въ животѣ? Показаніе Псковскаго лѣтописца объ отравленіи Скопина женою Димитрія Шуйскаго Соловьевъ отвергаетъ на томъ основаніи, что лѣтописецъ не любилъ Шуйскаго; при чемъ опирается еще на то, что отравительница вмѣсто Екатерины названа Христиною, и толкуетъ, будто это имя «по всѣмъ вѣроятностямъ» образовалось изъ слова крестины, крестинный пиръ. Не вѣроятнѣе ли предположить просто неисправность рукописи, описку переписчика? Едва ли не большинство современныхъ иностранныхъ и русскихъ извѣстій склоняется къ тому, что Скопинъ былъ отравленъ; а Видекиндъ и Буссовъ-Беръ говорятъ о томъ положительно. Нѣкоторыя показанія о его смерти сгруппированы у Муханова въ Зап. Жолкев. въ прилож. № 23. Но это далеко не все; напримѣръ, нѣтъ сказанія «О рожденіи князя Михаила Васильевича» (Изборн. А. Попова), которое положительно настаиваетъ на отравленіи. Сказаніе это любопытно по нѣкоторымъ подробностямъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ; напримѣръ: слова матери Скопина Елены Петровны, чтобы онъ не ѣздилъ изъ Александровской Слободы въ Москву; извѣстіе о его великомъ ростѣ, для котораго не могли найти подходящей колоды; сообщеніе, что до отвоза въ Суздаль его хотѣли временно положить въ Чудовѣ монастырѣ, но, по требованію народа, положили въ Архангельскомъ Соборѣ. (Л. Н. Майковъ полагаетъ, что тутъ разсказъ объ отравленіи заимствованъ изъ народной былины. Ж. М. Н. Пр. 1880. Ноябрь). Костомаровъ въ своемъ «Смутномъ времени» склоненъ вѣрить въ отравленіе. Въ соч. «Личности Смутнаго времени» (Вѣст. Евр. 1871. VI) онъ относится неблагопріятно къ личности Скопина и обвиняетъ его въ эгоизмѣ. Возраженія на это см. у Погодина («Борьба не на животъ, а на смерть». М. 1874) и у Воробьева. Г. Кондратьевъ въ своемъ изслѣдованіи о Рукописи Филарета, вслѣдъ за Соловьевымъ, возражаетъ противъ отравленія. Ж. М. Н. Пр. 1878. Сентябрь. Проф. Кояловичъ по поводу вопроса объ отравленіи не высказывается ни въ ту, ни въ другую сторону («Три подъема»). Тоже и г. Платоновъ («Древнерус. сказ. и пов.»). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ: «Современники подозрѣвали, и едва ли безъ основанія, что онъ былъ отравленъ по зависти князя Д. И. Шуйскаго; самого царя подозрѣвать нельзя». В. С. Иконниковъ обстоятельно разбираетъ свидѣтельства, сюда относящіяся, и склоняется въ сторону отравленія. (Чт. Об. Ист. лѣт. I.). Другой подробный сводъ извѣстій о смерти Скопина представленъ въ названномъ выше сочиненіи Воробьева, который считаетъ отравленіе доказаннымъ. Съ своей стороны авторъ настоящаго сочиненія не находитъ ничего невѣроятнаго въ обвиненіи современниковъ, направленномъ противъ Д. Шуйскаго и его жены. Тамъ, гдѣ идетъ борьба честолюбій, а особенно борьба за престолонаслѣдіе, подобные факты слишкомъ обычны въ исторіи народовъ, чтобы къ данному обвиненію относиться съ полнымъ недовѣріемъ, а тѣмъ болѣе если принять въ разсчетъ всѣ обстоятельства. Особенно возбуждаетъ подозрѣніе жена Д. Шуйскаго, повидимому достойная дочь Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой.

19. Никон. Лѣт. о мят. Палицынъ. Столяровъ Хрон. Нов. лѣт. Иное Сказ. Рукоп. Филар. Зап. Жолкев. Будило, Буссовъ-Беръ, Дневникъ Смолен. Осады. Маскевичъ. Для Клушина и Царева Займища: Зап. Жолкев. Втор. Изд. 45 и слѣд. Донесеніе гетмана Сигизмунду. Ibid. прилож. 27. А въ прилож. 24 договоръ его съ Елецкимъ и Валуевымъ. (Также Сборникъ Муханова). Дневн. Смол. осады. Рус. Ист. Библ. I. 618 (очень сходно съ донесеніемъ Жолкев.). Будило. Ibid. 195. Маскевичъ. 40 рус. перевода. Пясецкій. 30 славян. перевода. Русскіе источники говорятъ о Клушинской битвѣ коротко и почти единогласно приписываютъ пораженіе измѣнѣ иноземцевъ. Названные польскіе источники своими подробностями подтверждаютъ это обвиненіе.

Подробности, относящіяся къ низложенію и постриженію царя Василія, при сравненіи разныхъ источниковъ являются сбивчивыми и подъ часъ противорѣчивыми. Я даю общій ихъ очеркъ. См. Никонов. 139. Лѣтоп. о мят. 195. Палиц. 206. Столяровъ хроногр. у А. Попова. 346. Иное Сказ. въ Ист. Библ. XIII. 122. и во Времен. XVI. 112. Латухина Степен. кн. у Карамзина къ т. XII прим. 560. Рукоп. Филар. 31. Нов. Лѣтоп. во Времен. XVII. 119. Буссовъ-Беръ. 182. рус. перев. и 111 нѣмец. текста. О рѣшительномъ противодѣйствіи Мстиславскаго выбору Голицына говорятъ Зап. Жолк. 70. Крестоцѣловальная запись, отъ 24 іюля 1610 года, на присягу боярамъ Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами для временнаго ими управленія государствомъ см. Акты Ист. II. № 287 и С. Г. Г. и Д. II. № 198. А окружную грамоту отъ бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Моск. госуд—ва, отъ іюля 20, о сведеніи съ престола Василія Ивановича съ увѣщаніемъ не признавать «того вора, который называется царевичемъ Димитріемъ», стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей и выбирать государя всею землею—въ Акт. Эксп. II. № 162. Подобная же отъ 24 іюля въ С. Г. Г. и Д. II. № 197. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ къ этому времени предлагаетъ отнести двѣ грамоты Гермогена, съ увѣщеніемъ принести повинную царю Василію. Ак. Эксп. II. № 169. (Ж. М. Н. Пр. 1887. Августъ 274). Что Гермогенъ указывалъ двухъ кандидатовъ на царство, князя В. Голицына и М. Ѳ. Романова, о томъ сообщаетъ Жолкевскій. 75.

«Седмь московскихъ бояриновъ» или «седмочисленные бояре», которые по сверженіи Шуйскаго «два мѣсяца власти насладишася», указаны въ Иномъ Сказаніи (Ист. Биб. XIII. 123) и въ Хронографахъ. (Изборн. А. Попова 200 и 207), но безъ означенія ихъ именъ. Никто изъ предшествовавшихъ историковъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ) не пытался выяснить эти имена. Только Арцыбашевъ выписываетъ изъ послужнаго боярскаго списка до 20 именъ того времени (примѣч. 1327); но это не рѣшаетъ вопроса о составѣ семибоярщины или той малой, избранной Думы, которая образовала временное правительство и которая напоминала пятибоярщину, оказавшуюся во главѣ правительства по смерти Грознаго. Спрашиваемъ: тѣ шесть именъ, которыя постоянно и однообразно встрѣчаются въ оффиціальныхъ актахъ того времени, т.-е. три боярина (кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. В. В. Голицынъ, Ѳ. И. Шереметевъ), одинъ окольничій (кн. Мезецкій) и два дьяка (В. Телепневъ и Том. Луговскій), можетъ быть и

составляли эту избранную Думу? (С. Г. Г. Д. II, №№ 199, 200 и 201. Акты Эксп. II, № 165). Седьмое имя могло быть не отмѣчено случайно, по болѣзни или отсутствію, и это седьмое имя вѣроятно принадлежало или Ивану Никитичу Романову, или князю Ивану Семеновичу Куракину, или князю Ивану Мих. Воротынскому. Въ такомъ случаѣ, исключая двухъ дьяковъ, мы получаемъ собственно новую пятибоярщину. Но возможно также со стороны лѣтописцевъ неточное указаніе числа, и самое это число могло видоизмѣняться. Такъ гетманъ Жолкевскій въ своихъ запискахъ (73), говоря о съѣздѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ съ Правительственною Думою называетъ тѣ же самыя лица какъ и указанныя оффиціальныя грамоты, но приводитъ пятерыхъ (Мстиславскаго, Шереметева, Мезецкаго и двухъ дьяковъ), а Василія Голицына пропускаетъ. А въ Дневникѣ Смоленск. осады (658) приводится донесеніе гетмана о томъ же съѣздѣ; при чемъ названы всѣ тѣ же шесть именъ, т.-е. безъ пропуска князя Голицына. Только отъ января 1612 г., т.-е эпохи Московской осады, веденной Заруцкимъ и Трубецкимъ, мы имѣемъ двѣ грамоты, подписанныя именно семью боярами, каковы: кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. Ив. Сем. Куракинъ, Ив. Ник. Романовъ, Ѳ. И. Шереметевъ, Мих. Ал. Нагого, кн. Бор. Мих. Лыковъ и кн. Андрей Трубецкой. За ними слѣдуютъ подписи нѣсколькихъ окольничьихъ и дьяковъ. (С. Г. Г. Д. II, №№ 276 и 277). Но эта «семибоярщина» относится къ концу междуцарствія, а не къ началу его, на которое прямо указываетъ Иное Сказаніе. При томъ это Сказаніе ограничиваетъ полную власть семибоярщины только двумя мѣсяцами; а этому сроку соотвѣтствуетъ время между сверженіемъ Шуйскаго (17 іюня) и вступленіемъ Жолкевскаго въ столицу (21 сентября); хотя во вторую половину сего срока Правительственная Дума уменьшилась вслѣдствіе отправки нѣкоторыхъ ея членовъ послами къ Сигизмунду III.

«Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію» (Рус. Ист. Библ. XIII) разсказываетъ о знаменіи, которое узрѣлъ на небѣ авторъ ея, повидимому подъячій Посольскаго приказа. Однажды онъ вмѣстѣ съ толмачомъ Кропольскимъ посланъ былъ дьякомъ этого приказа Вас. Телепневымъ съ грамотами царя В. Шуйскаго о наборѣ ратныхъ людей въ поволжскіе города. На дорогѣ изъ Александровой слободы въ Переяславль облака представились имъ въ видѣ огромнаго льва и страшнаго змѣя, окруженныхъ звѣрями и змѣями, готовыхъ поглотить одинъ другого; но оба они скоро исчезли. Толмачъ объяснялъ, что левъ означаетъ царя Шуйскаго, а змѣй Тушинскаго вора, и что обоимъ имъ будетъ скоро конецъ.

20. С. Г. Г. и Д. II, №№ 199—204, 207—221. Акты эксп. II, № 165. Акты Ист. II, №№ 288—314, 316. (Въ № 310 списокъ думныхъ дворянъ и дьяковъ, приверженныхъ къ Василію Шуйскому). Голикова «Дополненіе къ Дѣян. Петра В. II. (Здѣсь подробности Смоленской осады и переговоровъ великаго посольства съ панами). Никон. Лѣтоп. о мят. Записки Жолкевскаго. Прилож. №№ 32—87. Будило. Дневникъ Смолен. осады. Буссовъ-Беръ. Делявиль. Видекиндъ. Коберзицкій. Когновицкій II. Любопытны донесенія Ив. Мих. Салтыкова Сигизмунду III изъ Новгорода о дѣлахъ того края, отъ 17 ноября 1610 года (С. Г. Г. и Д. II, №№

307 и 313). Тутъ онъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ новогородскими чинами настаиваетъ на необходимости удалить изъ сего края состоявшіе на королевской службѣ отряды литовскіе и запорожскіе, которые своими неистовствами отпугиваютъ города отъ присяги Владиславу и заставляютъ ихъ держаться вора. «Многіе города стоятъ въ воровской смутѣ и вамъ, государемъ не добьютъ челомъ и креста не цѣлуютъ и съ Московскимъ и съ Новогородскимъ государствомъ не соединяются; потому что во многихъ городахъ, въ Торжкѣ и въ Твери и въ Торопцѣ и въ иныхъ городахъ, которые вамъ государямъ добили челомъ и крестъ подѣловали, стоятъ многіе польскіе и литовскіе люди и черкасы валентари (вольные) и вашу государеву землю пустошать, дворянъ, дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей изъ животовъ пытаютъ и на смерть побиваютъ, и помѣстьями дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ владѣти не даютъ, и съ уѣздовъ всякіе подати и кормы свои и конскіе правятъ многіе не въ мѣру». См. также Акты Запад. Рос. IV. №№ 182 («Имянная роспись московскимъ посламъ къ Сигизмунду»), 183 (большое количество жалованныхъ и другихъ грамотъ московскимъ боярамъ, дворянамъ и пр. на помѣстья, денежные оклады и иныя милости). Если вѣрить Польскимъ посламъ 1615 года, то на допущеніе польскаго гарнизона въ Москву особенно настаивалъ передъ Гермогеномъ Иванъ Никитичъ Романовъ (Акты З. Рос. IV. 477). Тѣже послы вспоминаютъ о пыткѣ и казни попа-лазутчика отъ Тушинскаго вора въ Москвѣ; при чемъ обвиняли въ сношеніяхъ съ нимъ князей Голицыныхъ (Ibid. 481), но съ очевиднымъ пристрастіемъ.

О гибели второго Лжедимитрія см. Акты Ист. II, №№ 307 и 313. Буссовъ-Беръ. Будило. Жолкевскій. Дневникъ Смоленск. осады. Относительно отъѣзда Авраамія Палицына изъ подъ Смоленска оправданіе его см. въ трудѣ Кедрова «Авраамій Палицынъ» (Чт. О. И. и Д. 1880, кн. 4). И. Е. Забѣлинъ наоборотъ упрекаетъ его почти въ измѣнѣ своему долгу, и полемизуетъ съ Кедровымъ («Мининъ и Пожарскій». М. 1883). Но Кедровъ, если невполнѣ, то довольно успѣшно защищаетъ знаменитаго келаря («Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Арх. 1886, № 8). И въ самомъ дѣлѣ, разъ Палицынъ убѣдился въ польскомъ коварствѣ и безполезности всего посольства, онъ постарался освободиться изъ рукъ враговъ и сохранить за собою возможность быть потомъ полезнымъ отечеству въ борьбѣ съ тѣми же врагами, и трудно его осуждать именно за то, что онъ сумѣлъ ускользнуть изъ подъ Смоленска. Митрополитъ Филаретъ и кн. В. Голицынъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть отпущены; ибо ихъ задержаніе находилось въ связи съ вопросомъ о претендентахъ на Московскій престолъ.

21. Никон. Лѣтоп. о мят. Палиц. Р. Филар. Маскевичъ, Будило, Мархоцкій, Краевскій (стихотворная Chronologia woyny Moskiewskiej. 1613), Буссовъ-Беръ. Дневн. Смоленск. осады. С. Г. Г. и Д., II, №№ 226—257. Акты эксп. II, №№ 170—188, съ перерывами. Акты Ист. №№ 314, 318, 319. О новомъ возведеніи лжепатріарха Игнатія свидѣтельствуетъ Никон. лѣтоп. (160) и Лѣт. о многихъ мятеж. (225): «а на патріаршество возведоша преждереченнаго совѣтника Разстригина, кипр-

скаго владыку Игнатія, который былъ въ Чудовѣ монастырѣ простымъ чернецомъ». Видя ложность и непрочность своего положенія, Игнатій вскорѣ бѣжалъ въ Литву, гдѣ принялъ унію. (О его судьбѣ см. у высокопреосвящ. Макарія «Исторія Рус. Церкви». X, 158—159).

О коварствѣ Яна Петра Сапѣги свидѣтельствуютъ слѣдующіе документы: письмо къ нему Сигизмунда въ январѣ 1611 года съ приказомъ немедленно выступить противъ ополченія, собираемаго Ляпуновымъ (Зап. Жолк. примѣч. № 40); посланіе Яна Сапѣги въ Переяславль-Залѣсскій атаманамъ, казакамъ и «всѣмъ дороднымъ молодцамъ» съ убѣжденіемъ вѣрно служить Владиславу. (Сборн. кн. Хилкова, № 4), и отписка того же Сапѣги костромскому воеводѣ князю Волконскому, убѣждающая къ покорности королевичу Владиславу (Акты Ист. II, № 327). Послѣдняя относится къ апрѣлю 1611 г. слѣдовательно къ тому самому времени, когда Сапѣга велъ переговоры съ Ляпуновымъ о своей готовности соединиться съ нимъ противъ Поляковъ. Грамота изъ подъ Смоленска, обращенная къ Москвичамъ (С. Г. Г. и Д. II, № 226), по вѣроятной догадкѣ С. И. Кедрова, была сочинена никѣмъ инымъ какъ Филаретомъ Никитичемъ («Авраамій Палицынъ какъ писатель». Рус. Арх. 1886, № 8, 477). Любопытно, что даты событій представляютъ иногда большое разногласіе источниковъ. Такъ Маскевичъ отстаетъ на мѣсяцъ и болѣе отъ Будила. Напримѣръ, по Маскевичу Сапѣга прибылъ подъ Москву 17 мая, а по Будилу 17 іюня. По первому Сапѣга воротился изъ подъ Суздаля прежде убіенія Ляпунова, а по второму послѣ; по первому онъ умеръ 8 іюля, а по второму 14 сентября. Въ этомъ случаѣ Будилю, какъ состоявшій на службѣ въ войскѣ Сапѣги, конечно ближе къ истинѣ; однакó и онъ не вполнѣ точенъ. Въ виду подобныхъ противорѣчій приходится иногда обозначать время нѣкоторыхъ событій приблизительно или руководствоваться разными соображеніями при провѣркѣ датъ.

Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи есть рукописный сборникъ разныхъ статей, въ числѣ которыхъ встрѣчается одна озаглавленная такъ: «Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ и о страданіи новаго страстотерпца кѵръ Ермогена патріарха» и пр. (Архим. Леонида «Свѣдѣнія о славян. рукописяхъ, поступившихъ въ библіотеку Троиц. Духовн. Академіи въ 1747 году». Чт. Об. И. и Д. 1884, III, 196). Г. Платоновъ въ своей статьѣ «Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка» (Ж. М. Н. Пр. 1886. Январь) передаетъ содержаніе этой повѣсти и доказываетъ, что она представляетъ одно изъ тѣхъ подметныхъ писемъ, которыми возбуждались умы противъ кого-либо. Въ данномъ случаѣ какой-то московскій патріотъ побуждаетъ своихъ согражданъ возстать противъ Поляковъ и указываетъ на примѣръ Смолянъ, мужественно оборонявшихся отъ Сигизмунда, на поведеніе двухъ «вящихъ» (великихъ) пословъ, митрополита Филарета и кн. Голицына, крѣпко стоящихъ противъ замысловъ короля, и напримѣръ самого «столпа» безстрашнаго патріарха Гермогена. Яркими красками описываетъ онъ поведеніе польскаго гарнизона и русскихъ измѣнниковъ, Михаила Салтыкова и Ѳедора Андронова, которыхъ по имени не называетъ. Время этого писанія

г. Платоновъ опредѣляетъ между смертью Тушинскаго вора и сборомъ Ляпуновскаго ополченія (См. тогоже г. Платонова о той же повѣсти въ его Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени». 1888, стр. 86. Этотъ любопытный памятникъ изданъ имъ въРус. Ист.Библ. XIII). Между прочимъ авторъ Новой Повѣсти указываетъ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся именно къ этому промежутку. Таково, напримѣръ, преступленіе поляка Блинскаго. Этотъ Блинскій, бывшій аріяниномъ, въ пьяномъ видѣ выстрѣлилъ въ образъ Богоматери у Никольскихъ воротъ. Боясь народнаго возмущенія, Гонсѣвскій велѣлъ его казнить, а отсѣченныя его руки прибить гвоздями подъ симъ образомъ. См. о томъ у Буссова, Маскевича и Акты Зап. Р. IV стр. 479.

22. С. Г. Г. и Д. II, №№ 245, 250, 268, 264. Акты Ист. II,№№ 321—340, съ перерывами. Акты Эксп. II, №№ 184—196, тоже. Акты Южн. и Запад. Рос. II, № 42. Никон. Лѣт. о мят. Нов. Лѣт. Новогород. третья. Псковская. Рук. Филар. Палиц. Голиковъ. Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. II. Хронографы. Жолкевскій, Маскевичъ, Будило, Марконцій, Коберждицкій, Видекиндъ, Краевскій, Когновицкій II. Нарушевича Hist. Jana Karola Chodkiewicza. (1837). Нѣмцевичъ. III. Полевого—«Прокопій Ляпуновъ» (Рус. Вес. Т. III). «Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства». (Рус. Ист. Библ. XIII). Не заключая новыхъ данныхъ, этотъ плачъ по оцѣнкѣ г. Платонова «имѣетъ весьма весьма малую историческую цѣнность». (Древнерус. сказанія и повѣсти. 114).

№№ 321 и 322 Актовъ Историч. II. (Февраль 1611 г.), заключающіе приказы московской Боярской Думы смоленскимъ воеводамъ и великимъ московскимъ посламъ о немедленной сдачѣ Смоленска и вообще повиновеніи королю Сигизмунду, любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ точныя указанія о размѣрѣ и составѣ Боярской Думы, находившейся тогда въ Москвѣ и состоявшей подъ давленіемъ польскаго гарнизона. Тутъ мы видимъ 17 бояръ, въ томъ числѣ: Ѳ. И. Мстиславскій И. М. Воротынскій, М. Г. Салтыковъ, Ив. В. Голицынъ, Ив. Ник. Романовъ и Ѳ. И. Шереметевъ. Затѣмъ слѣдуютъ 8 окольничихъ, 5 дьяковъ и 3 думныхъ дворянина. Безграмотными, за которыхъ подписались другіе члены Думы, оказываются три боярина, князья Влад. Тим. Долгоруковъ, Мих. Ѳед. Кашинъ, Мих. Сам. Туренинъ, и три окольничихъ, Ив. Вас. Головинъ, Ив. Ник. Ржевскій и кн. Гр. Бор. Долгоруковъ. Любопытная грамота, заключающая приговоръ всѣхъ чиновъ подмосковнаго ополченія отъ 30 іюня 1611 г., напечатана у Карамзина въ 793 прим. къ XII тому. Подъ нею подписались Трубецкой, Ляпуновъ, а вмѣсто Заруцкаго тоже Ляпуновъ (слѣдовательно Заруцкій былъ безграмотенъ), потомъ разные чины и представители 25 городовъ, каковы: Кашинъ, Лихвинъ, Дмитровъ, Смоленскъ, Ростовъ, Ярославль, Можайскъ, Калуга, Муромъ, Владиміръ, Юрьевъ, Нижній-Новгородъ, Пошехонье, Брянскъ, Романовъ, Вологда, Галичъ, Мещерскъ, Архангельскъ, Переяславль-Залѣсскій, Кострома, Воротынскъ, Юрьевъ-Польскій, Болховъ и Звенигородъ (Ibid. примѣч. 794). За немногими исключеніями, это города центральной и чисто Великорусской полосы Московскаго государства. См. также «Списокъ разныхъ чиновъ людей, быв-

шихъ на земской службѣ съ кн. Д. Т. Трубецкимъ». Акты Москов. государства. I. № 45.

Описаніе тріумфальнаго въѣзда въ Варшаву гетмана Жолкевскаго см. у Нѣмцевича Dzieje panowania Zygmunta III. Томъ 3, стр. 18. О смерти и погребеніи В. Шуйскаго въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, у костела св. Креста, съ пышною латинскою надписью, о выдачѣ его тѣла въ 1635 г. и погребеніи въ Москов. Архангельскомъ соборѣ см. у Карамзина къ т. XII примѣч. 784—786. О смерти Василія и Димитрія Шуйскихъ, о службѣ Ивана при Михаилѣ см. также «Финскій Вѣстникъ» 1847, № I. По извѣстію Коберзицкаго, Сигизмундъ поручилъ художнику Долабелѣ увѣковѣчить картиною взятіе Смоленска и тріумфальный въѣздъ. Впослѣдствіи Августъ II отдалъ эту картину Петру Великому, склонясь на его просьбы. (Нѣмцев. III, 14). О пышной варшавской надписи надъ могилой Шуйскихъ говоритъ Никон. Лѣт. 148 и Лѣт. о многихъ мятеж. 208. «Въ Литвѣ же царя Василія и брата Димитрія и со княгинею умориша.... и поставиша надъ ними столпъ каменный себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну, и подписаху на столпѣ всѣми языки». Имѣемъ: «Опись имущества царя В. И. Шуйскаго и братьевъ его», составленную послѣ 12 сентября 1612 года. (Акты Ист. II. № 340). Имущество очевидно осталось небогатое послѣ В. и Д. Шуйскихъ и жены послѣдняго Екатерины. Тутъ: образа и складни, обложенные золотомъ, серебромъ и каменьями, бархатные и суконные кафтаны и охабни, серебряныя пуговицы, мѣховыя шубы и шапки, перстни, серебряные стаканъ, братина и двѣ ложки, оловянная и мѣдная посуда, нѣкоторое количество денегъ, московскихъ и польскихъ. Эти вещи и деньги большею частію подарены королемъ, Львомъ Сапѣгою, Жолкевскимъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ числѣ вещей Екатерины на ряду съ жемчужными серьгами и серебряными чарками встрѣчается «серебряная бѣлильница». И этаго скромнаго наслѣдства своихъ братьевъ переживший ихъ Иванъ Шуйскій повидимому не получилъ; польскій приставъ Бобровницкій отобралъ у него даже и то, что было ему подарено братьями и невѣсткою при ихъ жизни.

Профессоръ Варшавскаго Университета Д. В. Цвѣтаевъ приготовилъ къ печати особую монографію, посвященную судьбѣ Василія Шуйскаго и его братьевъ со времени заточенія ихъ въ Гостынскій замокъ. Благодаря обязательности автора, я просматривалъ рукопись этой монографіи, основанной на собранныхъ имъ архивныхъ и другихъ источникахъ. Привожу оттуда только главные факты, не касаясь любопытныхъ подробностей. Гостынскій замокъ, расположенный верстахъ въ 130 отъ Варшавы и прежде незначительный, теперь представляетъ развалины. При Сигизмундѣ имъ вѣдалъ староста панъ Гарвавскій. Скорая кончина въ этомъ замкѣ царя Василія, брата его Димитрія и Екатерины Григорьевны, въ 1612 году, подала поводъ русскимъ лѣтописцамъ (Никон. Иное Сказаніе) объяснять ее насиліемъ. Но это несправедливо. Ихъ смерть ускорили лишеніе свободы, горе и тоска. Послѣ Деулинскаго перемирія Сигизмундъ III рѣшилъ напомнить міру о плѣнномъ Московскомъ царѣ, чтобы придать вѣсъ притязаніямъ своего сына. Прахъ Шуйскихъ изъ Гостынскаго замка въ

1620 году былъ перенесенъ въ Варшаву и торжественно погребенъ за городской стѣной на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Первая гимназія. Надъ тѣснымъ каменнымъ склепомъ возвышался каменный просторный круглый столпъ или т. наз. «каплица»; надъ входною дверью въ нее красовалась мраморная плита съ золоченою надписью. Иванъ Шуйскій по смерти братьевъ былъ освобожденъ изъ заключенія и взятъ на королевскую службу; при размѣнѣ плѣнныхъ въ 1619 году его не отпустили, а сдѣлали это только въ слѣдующемъ году по настоянію Московскаго правительства. Послѣ Поляновскаго мира 1634 года король Владиславъ IV согласился на просьбу царя Михаила Θеодоровича и отпустилъ въ Москву прахъ Шуйскихъ. Время ихъ кончины распредѣлилось такъ: царь Василій отошелъ въ вѣчность 26 февраля 1612 года, князь Димитрій 28 сентября, на глазахъ своей жены и русской прислуги, а княгиня Екатерина 25 ноября новаго стиля, въ присутствіи своего деверя Ивана и русскихъ слугъ.

Относительно интриги противъ Ляпунова источники нѣсколько разнорѣчатъ. Такъ по однимъ (Маскевичъ) рѣчь идетъ о поддѣлкахъ измѣнническаго письма отъ Ляпунова къ Гонсѣвскому, по другимъ о поддѣльной грамотѣ Ляпунова съ приказомъ избивать казаковъ. Мы думаемъ, что пущены были въ ходъ обѣ поддѣлки. На стачку Заруцкаго съ Гонсѣвскимъ намекаютъ Будило и Маскевичъ. Послѣдній замѣчаетъ, что Заруцкій вообще «доброжелательствовалъ» Полякамъ, но не смѣлъ обнаруживать своихъ намѣреній. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ это гнусное дѣло замѣшанъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ (сынъ убитаго во Псковѣ воеводы Петра Никитича). Будучи сторонникомъ Владислава, онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кн. Григ. Шаховскимъ, интриговалъ въ ополченіи противъ Ляпунова и, можетъ быть, дѣйствовалъ по тайнымъ наставленіямъ Гонсѣвскаго. По крайней мѣрѣ въ одной грамотѣ изъ ополченія Пожарскаго, отъ 9 сентября 1612 г., убіеніе Ляпунова приписывается наущенію Ив. Шереметева. (Учен. Записки Ак. Н. По 1 и 3 отд. Т. III. 96). По Столярову хронографу главнымъ агентомъ Заруцкаго въ убіеніи Ляпунова былъ атаманъ Сережка Карамышевъ, который нанесъ ему первый ударъ саблею. (Изборн. А. Попова. 352). По словамъ одной грамоты временнаго боярскаго правительства, Заруцкій и казаки три дня держали тѣло убитаго Ляпунова на площади «собакамъ на съѣденье». (С. Г. Г. и Д. II, № 277). Въ той же грамотѣ боярское правительство приводитъ извѣстную картину казацкихъ неистовствъ подъ Москвою.

Въ своемъ изложеніи Смутнаго времени, особенно по поводу столкновенія Ляпунова съ Заруцкимъ и гибели перваго, Соловьевъ («Исторія Россіи». Т. VIII, гл. 8) слишкомъ преувеличиваетъ темную сторону казачества, и неуспѣхъ перваго ополченія подъ Москвою главнымъ образомъ приписываетъ его участію, тому, что «чистое было смѣшано съ нечистымъ, подлѣ земскихъ людей стояли казаки». Такой выводъ обнаруживаетъ не совсѣмъ точное и отчетливое представленіе о казачествѣ того времени. Очевидно, онъ разумѣлъ только вольное казачество, Донское и Запорожское, а въ данномъ случаѣ (т.-е. при осадѣ польскаго гарнизона) именно первое. Но онъ упустилъ изъ виду, что собственно Донское казачество при ополченіи составляло небольшую часть или ядро казацкихъ дружинъ

и что казачество какъ низшее служилое и притомъ городовое сословіе было тогда распространенно по всей Руси. Только въ Смутную эпоху вольное казачество весьма умножилось отчасти разоренными посадскими людьми, а въ особенности крестьянами и холопами, самовольно покидавшими свои деревни или своихъ помѣщиковъ и вступавшими въ его ряды, и это были люди наиболѣе смѣлые и воинственные. Если казачество при самозванцахъ воровало, то воры и измѣнники въ большомъ количествѣ тогда явились и въ другихъ сословіяхъ, начиная съ бояръ и дворянъ. Зато въ концѣ Смутнаго времени казачество наравнѣ съ земствомъ боролось съ внѣшними врагами и очищало отъ нихъ Русскую землю. Это болѣе всего ясно изъ исторіи освобожденія самой столицы. Послѣ смерти Ляпунова и разсѣянія большей части земской рати, казачество собственно на своихъ плечахъ выносило дальнѣйшую осаду польскаго гарнизона до самаго прихода второго ополченія, т.-е. Пожарскаго. Да и Пожарскій, наученный примѣромъ Ляпунова, пытался не соединяться съ оставшимся подъ Москвою казачествомъ, однако не могъ безъ него отбить Ходкевича, и, только благодаря казацкой помощи, дѣло повернулось въ нашу пользу. Въ грамотѣ Трубецкого и Пожарскаго прямо указывается на земскую службу казаковъ и принимаются мѣры для сбора «казацкихъ кормовъ», чтобы «казаки съ земскія службы съ голоду не разбрелися и земскому великому дѣлу порухи нѣкоторыя не учинилось». (Акты эксп. II, № 216, стр. 275—277).

Изъ русскихъ источниковъ съ особымъ сочувствіемъ относится къ Ляпунову такъ называемая Рукопись Филарета, которая чтитъ его «властелемъ Московскаго воинства» и «бодреннымъ воеводою». Эта Рукопись издана П. А. Мухановымъ два раза: въ 1837 г. отдѣльною книгою и въ 1866 г. въ его «Сборникѣ». О ней есть любопытное изслѣдованіе А. Кондратьева въ Ж. М. Н. Пр. 1878. Сентябрь. Онъ подтверждаетъ, что Рукопись составлена не патріархомъ Филаретомъ, а только въ концѣ его патріаршества, и при томъ имѣетъ оффиціальный характеръ, и что въ основу ея главнымъ образомъ положенъ хронографъ Сергія Кубасова. Но такъ какъ соотвѣтствующая часть хронографа есть извѣстная «Повѣсть» кн. Катырева-Ростовскаго, а сей послѣдній былъ зятемъ Филарета Никитича, то понятно, откуда является оффиціальный характеръ «Рукописи» при ея заимствованіи изъ «Повѣсти»; нѣтъ поэтому основанія и отвергать дѣйствительное участіе Филарета въ составленіи Рукописи, носящей не только его имя, но и слѣды его редакціи.

23. Никон. Нов. Лѣтоп.Лѣт. о мят. Иное Сказаніе. Рук. Филар. Палиц. Хроногр. Столярова. Ист. Библ. XIII, 235—240 и 244 (о видѣніяхъ благочестивому Григорію въ Нижнемъ-Новгородѣ, Меланіи женѣ Бориса мясника во Владимірѣ и Варлааму въ Великомъ Новгородѣ). Акты эксп. II, №№ 192—221. Акты Ист. II, №№ 336 — 343. Дополн. къ Ак. Ист. I, № 166. С. Г. Г. и Д. II, 268 — 285, съ перерывами. Древ. Рос. Вивл. XV. № 10. (Двѣ грамоты Пожарскаго изъ Ярославля). Изъ Хронографа кн. Оболенскаго о Мининѣ въ Архивѣ Калачова. I. М. 1850. Отд. 6-е, стр. 35 — 38. Дипломатич. сношенія. II. 1405 — 31. Дворцов. разря-

ды I. (Оборона Волока Ламскаго отъ Сигизмунда, стр. 7). Легендарный хронографъ П. И. Мельникова («Нижній-Новгородъ и Нижегородцы въ Смутное время». Отечеств. Зап. 1843, № 7). Его же «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени» въ Москвит. 1850, № 21. Ноябрь. «Крат. о Ниж. Нов. извѣстія» въ Др. Рос. Вивл. XVIII. (Съ посадскихъ людей на содержаніе рати брали пятую деньгу. 81). А. С. Гацисскаго «Нижегородскій Лѣтописецъ». Нижній-Новгородъ. 1886. Видекиндъ. Будило. Краевскій. Коберж
ицкій. Геркманъ. Нѣмцевичъ. III. Hist. Chodk. Н. Ильинскаго «Описаніе жизни Козьмы Минина». Спб. 1799. Рѣчь Н. Полеваго — «Козьма Миничъ Сухорукой». М. 1833. Малиновскаго «Біографич. свѣдѣнія о кн. Пожарскомъ». М. 1817. Чичагова «Жизнь Пожарскаго, Минина и Палицына». Спб. 1848. (Строгая критика на него въ Москвитянинѣ. 1848. № 11). С. Смирнова «Бояринъ и воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій». (Отеч. Зап. 1849). Аверина «О жизни зарайскаго протоіерея Димитрія». М. 1835. «Жизнь преподобнаго Иринарха Затворника». Изд. архимандритомъ Амфилохіемъ. М. 1863. См. также Ж. М. Н. Пр. 1859. №. 12. И. Е. Забѣлина «Безвѣстный герой Смутнаго времени». (Древн. и Нов. Россія. 1875, № 3). «Дѣло ротмистра Хмелевскаго» съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина, въ Рус. Архивѣ 1863 г., № 10—11. Житіе преподобнаго архимандрита Діонисія, составленное ученикомъ его инокомъ Симономъ Азарьинымъ и дополненное записками о немъ священника Ивана Насѣдки, Діонисіева друга (у меня изданіе 1816 г.). Скворцова «Діонисій Зобниновскій архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря». Тверь. 1890. Симону Азарьину принадлежитъ также «Книга о новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія». Издана въ Памят. Древ. Письменности. LXX. Спб. 1888. Тутъ любопытно 9-е чудо: «О явленіи Сергія Козмѣ Минину и о собраніи ратныхъ людей на очищеніе государству Московскому». Тому же Азарьину приписываетъ А. Н. Поповъ сочиненіе изданной имъ «Повѣсти о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли». (Чт. О. И. и Д. 1881. Кн. II). Эта повѣсть, составленная при Алексѣѣ Михайловичѣ, представляетъ поверхностный обзоръ событій Смутнаго времени.

Иное Сказаніе, пристрастное къ Василію Шуйскому, въ противность другимъ источникамъ, даетъ неблагопріятный отзывъ о патріархѣ Гермогенѣ, котораго оно едва ли не считаетъ главнымъ виновникомъ низложенія царя Василія; а это низложеніе будто бы повлекло и его собственную гибель. «Сей преложенъ [бысть отъ нѣкихъ мужей зміеобразныхъ, иже лесть сшивающе, козньми соплеташа, иже о Василіи цари злоречствомъ наводиша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ всѣмъ вѣруетъ, и сего ради ко царю Василію строптивно, а не благолѣпотно бесѣдоваше всегда, понеже внутрьуду имый навѣтовалный огнь ненависти... Мятежницы же во время свое преже царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и святительскую красоту злѣ поруганіемъ обесчестиша. Егда бо по Василіи царѣ пріяша Москву супостатніи рудѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреоборима показати себе хотяше; но уже времени и часу ушедшу... Тогда убо аще и ярящуся ему на клятвопреступныя мятежники,

и обличая христіаноборство ихъ, но ять бысть немилосердыма рукама, и аки птица въ заклепѣ, и гладомъ его уморища, и тако ему скончавшуся». (Рус. Ист. Библ. XIII. 125). Приблизительно то же самое повторяетъ Хронографъ второй редакціи, черпавшій изъ одного источника съ Инымъ Сказаніемъ. (Изборн. А. Попова. 201). Начальникъ польскаго гарнизона Александръ Гонсѣвскій, естественный непріятель Гермогена, впослѣдствіи въ 1615 году на съѣздѣ съ русскими послами подъ Смоленскомъ порицалъ покойнаго патріарха и говорилъ, будто онъ былъ прежде въ донскихъ казакахъ, а затѣмъ «попомъ» въ Казани. (Ак. Зап. Рос. IV. 481). Но тутъ же Гонсѣвскій свидѣтельствуетъ, что Гермогенъ не разъ ходатайствовалъ у него за Поляковъ, осужденныхъ на смерть за насиліе и обиды Москвичамъ. Разныя извѣстія о его кончинѣ приведены митр. Макаріемъ въ его «Исторіи Русс. церкви». X. 156—157.

Князь Ив. Андр. Хворостининъ, въ молодости бывшій недостойнымъ фаворитомъ перваго Лжедимитрія, потомъ вольнодумцемъ, впавшимъ въ ересь и заключеннымъ въ Кирилловъ монастырь, въ зрѣлыхъ лѣтахъ обнаружилъ раскаяніе и написалъ «Словеса дней и царей и святителей Московскихъ». Въ этомъ сочиненіи, написанномъ также подъ вліяніемъ патріарха Филарета, онъ особенно прославляетъ Гермогена какъ мученика и страдальца. Когда Поляки сдались, Хворостининъ, по его разсказу, вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ вошелъ въ Кремль; онъ тотчасъ отправился въ Чудовъ монастырь, и спросилъ оставшуюся тамъ братію, гдѣ погребенъ страдалецъ-патріархъ; поклонился его гробу и много надъ нимъ плакалъ. (Рус. Ист. Библ. XIII. 555). О сочиненіи Гермогена «Явленіе Казанской Богородицы» см. у Мельникова (Нѣск. новыхъ свѣд. о Смутн. врем. въ Москвит. 1850. № 21). Въ Москов. Вѣд. 1893 года № 124. подъ заглавіемъ «Новое археологическое открытіе въ Московскомъ Кремлѣ» сообщено, что въ церкви Михаила Архангела въ Чудовѣ монастырѣ при производствѣ ремонта открыто второе нижнее надземелье или подвалъ бѣлокаменный. Верхній этажъ подвала имѣетъ оконные просвѣты, а нижній темный, и въ него можно попасть чрезъ особое замурованное отверстіе съ помощью приставной лѣстницы. Тутъ и былъ, какъ полагаютъ, заключенъ Гермогенъ. По сему сообщенію, одна польская брошюра (необозначенная) говоритъ, что ему туда ставили ведро воды и куль овса. Тамъ найдены желѣзныя вериги и человѣческіе черепа и кости. Нельзя при этомъ не упомянуть о сѣтованіи многихъ благочестивыхъ Москвичей, что память Гермогена, какъ непреклоннаго патріота и начинателя освободительнаго отъ Поляковъ народнаго движенія, доселѣ не почтена никакимъ памятникомъ, и даже неустроена неугасимая лампада въ мѣстѣ его мученической кончины.

Тоже Иное Сказаніе отзывается о предводительствѣ Заруцкаго въ первомъ ополченіи такими словами: «воевода же надъ казацкими полки былъ Московской служилой рохмистръ панъ Иванъ Заруцкій. И сей бысть нехрабръ и сердцемъ лютъ, но нравамъ лукавъ». (Ibid. 126). О Мининѣ оно говоритъ: «Воздвизаетъ бо нѣкоего отъ христіанскаго народа мужа, рода не славна, но смысломъ мудра, его же прозваніе нарицаху Козма Мининъ,

художествомъ бяше преже говядарь. Сей по случаю чина чреды своея бысть началникъ въ то время судныхъ дѣлъ во братіи своей, рекше посадныхъ людей, въ Нижнемъ Новгородѣ». (Ibid. 127). Өедоръ Андроновъ по указу Сигизмунда въ ноябрѣ 1610 года былъ назначенъ собственно товарищемъ В. П. Головина, казначея на Казенномъ дворѣ. (Акты З. Рос. VI, стр. 372). О его судьбѣ сообщаетъ Иное Сказаніе: «И всея земли Русскія начальнаго крамолника Өедку Ондронова жива яша и по многомъ истязаніи обѣшенъ бысть, и прочихъ мятежниковъ умучиша съ нимъ». (Ibid 128. Тоже въ Хроногр. второй ред. Изборн. Попова. 202).

О князѣ Пожарскомъ имѣется два мѣстническихъ дѣла, которыя онъ велъ съ княземъ Б. М. Лыковымъ въ 1602 и 1609 гг. (Сборн. Муханова. № 93 и Рус. Истор. Сборн. II. № X). Родословная князей Пожарскихъ приложена къ статьѣ Погодина «О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго» въ Учен. Зап. по 1 и 3 отд. Т. I. Спб. 1852 г. и въ Москвит. того же года, № 19. Относительно вотчины, въ которой пребывалъ Пожарскій, когда его выбрали воеводою во время ополченія, мнѣнія раздѣляются между Ландехомъ, Гороховецкаго уѣзда (Погодинъ «О мѣстѣ погребенія») и Пурехомъ Балахнинскаго (Смирнова вышеуказ. соч. Мельникова статья «Нижній и Нижегородцы», Гацискаго «Нижегородская лѣтопись»). Забѣлинъ указываетъ еще на село Мургѣево Суздальскаго уѣзда, лежавшее въ 120 верстахъ отъ Нижняго («Мининъ и Пожарскій». Прим. 14.). Онъ ссылается на писцовыя книги 1630 года, гдѣ Мургѣево показано какъ отца его и дѣда родовая вотчина. Соображеніе его до нѣкоторой степени подтверждается слѣдующими словами Хронографа Столярова: «обрали столника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а князь Дмитрій въ тѣ поры былъ въ отчинѣ своей въ Суздальскомъ уѣздѣ» (Изборн. Ан. Попова. 353). О томъ какъ хорошо организовалось и снабжалось Нижегородское ополченіе, лѣтописи замѣчаютъ слѣдующее: «Кои убо покупаху лошади меншою цѣною, таже лошади побыша мѣсяцъ, тѣжъ продавцы не познаху, тако Богу поспоряющу всѣмъ (Никонов. Нов. лѣт.). «Князь Дм. Михайловичъ да Кузма Мининъ Смольянъ пожаловали денежнымъ жалованьемъ большимъ: первой статьѣ давали по 50 рублевъ, а другой по 45 рублевъ, третьей по 40 рублевъ, а менши 30 рублевъ не было». (Столяровъ хроногр. у Попова. 353 и Лобковскій у Мельникова въ Москвит. 1850. № 21). Что касается сношеній Пожарскаго съ Габсбургскимъ дворомъ, о томъ см. Schreiben des Fürsten Dm. Mich. Posebarsky an d. Römischen Kaiser Mathias aus d. Jaroclaw d. 20 juni. 1612. Изд. Аделунга. Спб. 1840. Также Акты Ист. III. № 6. С. Г. Г. и Д. III. №№ 13, 15, 24. Древ. Рос. Вивл. XV. (Грамота бояръ въ 1613 г. къ цесарскому послу при Польскомъ дворѣ Якобу Мирку).

Войцицкій (Pamiętniky до panowonia Żygmunta III etc.) указываетъ на вражду Якова Потоцкаго съ литов. гетманомъ Яномъ Каролемъ Ходкевичемъ, которая мѣшала своевременной и дѣйствительной помощи польскому гарнизону въ Москвѣ. Тотъ же авторъ говоритъ о расхищеніи Поляками царской казны въ Кремлѣ. (См. у Соловьева «Дополненія» къ его «Обзору царст. Мих. Өеод. Романова». Современ. 1859. Январь). Относительно царскаго казнохранилища и его драгоцѣнностей, которыми за-

вѣдывалъ Ѳ. И. Шереметевъ и которыми платили жалованье (собственно давали въ закладъ) Польскому войску, при чемъ оцѣнщикомъ былъ Адамъ Жолкевскій, см. Рус. Ист. Библ. II. №№ 95—97. На съѣздѣ 1615 года, на упреки русскихъ пословъ въ расхищеніи царской казны, Поляки отвѣчали: «а казны много ваши же Русскіе люди покрали; кого ни приставили бояре, но мало не каждый, набравши себѣ, за городъ въ полки утекали». (Акты Зап. Рос. IV. 496). Документы о составленіи конфедераціи польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ, личномъ ея составѣ и длинную ея переписку о помощи и уплатѣ жалованья съ королемъ, гетманомъ, гнѣзненскимъ архіепископомъ и пр. см. въ Археогр. Сборникѣ— Вилен. Учеб. Округа. IV. Вильна 1867. №№ 78—108. Уже весною 1812 года нѣкоторые остатки Сапѣжинцевъ, возвращавшіеся въ Литву, распространили тамъ преждевременное извѣстіе о взятіи Москвы русскимъ ополченіемъ. (Ibid. VII. Вильна. 1870. № 47).

Что касается до полемики, которую возбудили между русскими писателями Сказаніе Палицына и его личное значеніе въ освободительномъ движеніи, позволимъ себѣ высказать слѣдующее положеніе. Дѣятельное участіе келаря въ этомъ движеніи не подлежитъ сомнѣнію. Но, очевидно, онъ слишкомъ усердно выдвинулъ въ Сказаніи свою дѣятельность на первый планъ, и оставилъ въ тѣни дѣятельность и значеніе архимандрита Діонисія, который несомнѣнно имѣлъ большее сравнительно съ нимъ значеніе и вліяніе на событія. Поэтому извѣстная и прославленная въ нашей отечественной исторіи троечность лицъ, освободившихъ Москву отъ Поляковъ, подлежитъ поправкѣ, т. е. вмѣсто Пожарскій, Мининъ и келарь Авраамій, слѣдуетъ говорить: Пожарскій, Мининъ и архимандритъ Діонисій.

24. С. Г. Г. и Д. I. № 203. III. №№ 1—12. Дополн. къ Акт. Ист. I. № 166. Акты Эксп. III. № 3. Дворц. Разряды. I. 10—106, 1120, 1152—1212. Прилож. №№ 1—67. П. С. Р. Лѣт. V. 63. Палицынъ. Никонов. Нов. Лѣт. Лѣт. о мят. Хронографы въ Изборникѣ А. Попова. Хронографъ кн. Оболенскаго. (Неполный въ Архивѣ Истор.-юрид. свѣд. Калачова. 1850. I. 35. А окончаніе его напечатано у Забѣлина «Мининъ и Пожарскій». Прилож. № 16. стр. 310). Др. Рос. Вивл. VII. 128. XX. 76 и 79. Иванова «Описаніе Государ. Разряд. Архива». М. 1842. №№ 1—67. Страленберга Das Nard-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. Книга объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, составленная въ 1672—73 гг. въ Посольскомъ приказѣ. Издана Коммисіей печатанія Государст. грамотъ и договоровъ при Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. М. 1856. Подъ редакціей П. А. Безсонова, съ предисловіемъ кн. М. А. Оболенскаго. (О составѣ этой книги см. Платонова «Древнерус. сказанія и повѣсти». 319—320.). Вмѣстѣ съ нею изданъ атласъ рисунковъ, изображающихъ сцены избранія и коронованія Михаила Ѳедоровича. Рисунки эти были исполнены тогда же, т. е. въ 1672—3 гг., царскими иконописцами подъ надзоромъ начальника Посольскаго приказа А. С. Матвѣева. Въ Моск. Архивѣ М. Ин. Д. сохранился и портретъ Михаила Ѳеодоровича, какъ полагаютъ, работы какого то италь-

янца, и притомъ приблизительно ко времени его избранія; такъ какъ онъ тутъ изображенъ еще безбородымъ юношей. Портреты его родителей въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца. Они въ изданіи «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ», вмѣстѣ съ біографическими свѣдѣніями и «Очеркомъ исторіи боярскаго дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ». Гравированный портретъ Филарета Никитича приложенъ къ Русскому Архиву. 1882. № 4, съ краткими о немъ біографическими свѣдѣніями. Портретъ его и великой старицы Мареы также приложены къ статьѣ И. П. Хрущова «Ксенія Ивановна Романова». Древ. и Нов. Рос. 1876. № 12.

Литература. Во первыхъ, труды о Смутномъ времени Костомарова и Соловьева. Но послѣдній о самомъ избраніи Михаила говоритъ слишкомъ коротко и стереотипно. Относительно Земскаго Собора 1613 года: Загоскина «Исторія Права Моск. Госуд.» Т. I. Сергѣевича «Земскіе Соборы въ Московскомъ государствѣ» (Сборн. госуд. знаній. В. Безобразова. Т. II. Спб. 1875). Платонова «Замѣтки по исторіи Московскихъ Соборовъ». Ж. М. Н. Пр. 1883. № 3. Латкина «Земскіе соборы древней Руси». Спб. 1885. А относительно избранія: брошюрка П. Львова «Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова». Спб. 1812. Н. Полеваго «Вступленіе на престолъ царя Михаила Өеодоровича». Библіот. для Чт. 1834. Іюль. Далѣе, любопытное изслѣдованіе Н. А. Лавровскаго «Избраніе Михаила Өеодоровича на царство» въ «Опытахъ трудовъ студентовъ Главн. Педагог. Института». Спб. 1852. Хмырова историч. очеркъ «Избраніе и вступленіе на царство Михаила Өедоровича Романова». Спб. 1863. Эрвина Бауера Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanow's zum Zaren von Russland. (Зибеля Historische Zeitchrift. 1886). Самое обстоятельное изслѣдованіе принадлежитъ проф. А. И. Марковичу «Избраніе на царство Михаила Өедоровича Романова». Ж. М. Н. Пр. 1891. Сентябрь и Октябрь. О нетерпѣніи народа имѣть царя и требованіи скорѣйшаго его избранія имѣемъ нѣсколько указаній. Троицкія власти писали о томъ вождямъ ополченія въ апрѣлѣ 1612 г. (Ак. Эксп. II. № 202). Самъ Пожарскій писалъ изъ Ярославля о присылкѣ выборныхъ для земскаго совѣта и выбора государя. (Ibid. № 203 и Др. р. Вивл. XV. стр. 189). Масса по поводу избранія Шуйскаго замѣчаетъ, вообще, что «Москва безъ царя не можетъ долго оставаться». (211).

О томъ, что въ числѣ первоначальныхъ кандидатовъ на Соборѣ 1613 г. выступали и главные воеводы того времени, князья Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарскій, имѣются слѣдующія косвенныя указанія. Относительно Трубецкого Костомаровъ въ своей исторіи Смутнаго времени передаетъ словесное сообщеніе А. Ө. Бычкова: сей послѣдній читалъ приписку къ одной рукописи; изъ этой приписки, видно, что на соборѣ была рѣчь и объ избраніи Трубецкого. («Москов. разор.» Гл. VII). Кромѣ того, какъ я слышалъ, преданіе о его кандидатурѣ сохраняется и донынѣ въ семьѣ князей Трубецкихъ. О его притязаніяхъ и очень высокомъ мнѣніи о своемъ значеніи въ то время свидѣтельствуетъ также слѣдующая замѣтка въ послѣсловіи къ одному Евангелію, написанному въ 1612 году: «При благовѣрномъ князѣ Димитріѣ Тимоөеевичѣ Трубецкомъ и при его Державѣ». (Сказанія о родѣ

князей Трубецкихъ». М. 1891. стр. 116). А относительно Пожарскаго имѣемъ свидѣтельство одного сыскного дѣла 1635 года: о ссорѣ князя Ромодановскаго и дворянина Сумина. Эта ссора имѣла мѣстническій характеръ. Разобиженный презрительнымъ тономъ Ромодановскаго, Суминъ началъ его бранить за гордость и между прочимъ сказалъ: «Ты не государься и не воцаряйся (т. е. не принимай на себя тонъ государя). Вотъ и братъ твой князь Дмитрій Пожарскій воцарялся и докупался государства, хотѣлъ на Москвѣ государемъ быть. Стоило ему тысячъ въ двадцать». (Чт. О. И. Д. 1848. № 7. стр. 85 и слѣд.). Это единственное свидѣтельство, хотя и сдѣланное въ пылу гнѣва и вражды, однако не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Только цифра 20.000 очевидно преувеличена. По тому времени это была очень большая сумма, и Пожарскій едва ли могъ ею располагать.

Относительно князя В. В. Голицына, любопытно мнѣніе патріарха Гермогена, который выставлялъ его первымъ кандидатомъ послѣ сверженія Шуйскаго. Частнымъ образомъ я слышалъ, будто-бы Гермогенъ самъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ, но документальнаго подтвержденія тому не имѣю. (Дм. Мих. Пожарскій во второмъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной; но этотъ бракъ относится къ болѣе позднему времени). Во всякомъ случаѣ въ данное время семья Голицыныхъ пользовалась особымъ почетомъ. Кромѣ Гермогена, Ляпуновыхъ и князя Пожарскаго, засвидѣтельствовавшихъ свою приверженность къ этой семьѣ, можемъ привести еще письмо знаменитаго воеводы М. Б. Шеина къ младшему изъ братьевъ Голицыныхъ князю Андрею Васильевичу, отъ 10 октября 1610 года. «Государю моему князю Ондрею Васильевичу великаго твоего жалованья искатель Михалецъ Шеинъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писати о своемъ здоровьи, чтобы мнѣ твое здоровье слышать, аже, государь, дастъ Богъ очи твои государя своего въ радость видѣть; а пожалуешь, государь, похочешь вѣдать о мнѣ, и язъ на государевѣ службѣ въ Смоленскѣ, въ осадѣ отъ короля октября на 10 день живъ до воли Божіей; а впередъ, государь, на Божью волю полагаю. Да будетъ, государь князь Ондрѣй Васильевичъ, мнѣ въ осадѣ случится за Бога, да за Государя смерть, и тебѣ бъ государю моему пожаловать меня во всемъ простить; а тебя, государя моего, во всемъ Богъ проститъ, а язъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью». (Акты Ист. II. № 268). Предпринимая отчаянную оборону Смоленска, Шеинъ, очевидно, прощается съ своимъ пріятелемъ и милостивцемъ княземъ Андреемъ Голицынымъ, на случай своей смерти. Въ дѣйствительности онъ пережилъ сего князя болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ. Замѣчательно, что всѣ эти три брата не оставили послѣ себя мужескаго потомства, и послѣдующіе князья Голицыны принадлежатъ къ другой вѣтви этого рода. (Серчевскаго «Записки о родѣ князей Голицыныхъ». Спб. 1853. Кн. П. Н. Голицына «Родъ князей Голицыныхъ». I. Спб. 1892).

Что касается письма Ѳ. И. Шереметева къ князю В. В. Голицыну со словами: «выберемъ Мишу Романова» и пр.—объ этомъ письмѣ свидѣтельствовалъ П. И. Меньшиковъ, который видѣлъ его въ собраніи По-

година. Онъ сообщалъ о немъ словесно Костомарову («Москов. разор.» гл. V), а письменно графу С. Д. Шереметеву (А. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». II. стр. 311. Прим. 415). Авторъ Рода Шереметевыхъ «положительно отрицаетъ» достовѣрность сего письма, но голословно или съ единственнымъ замѣчаніемъ, что оно было отправлено князю В. В. Голицыну, «который между прочимъ и самъ мѣтилъ на Московскій престолъ». Во первыхъ, нѣтъ причины не вѣрить двукратному свидѣтельству Мельникова, который не могъ имѣть никакихъ основаній выдумывать что либо подобное; а во вторыхъ, онъ тогда и самъ еще не могъ знать, до какой степени это письмо соотвѣтствовало обстоятельствамъ и образу дѣйствія Романовыхъ вообще и Ѳ. И. Шереметева въ особенности — что открывается только теперь при болѣе тщательномъ и критическомъ ихъ разсмотрѣніи. А что такое письмо было послано или предназначалась В. В. Голицыну, то именно для него, какъ неудавшагося претендента, оно показываетъ явное желаніе смягчить непріятность сообщенія, позолотить пилюлю.

Относительно извѣстія Страленберга о перепискѣ Ѳ. И. Шереметева съ плѣннымъ Филаретомъ Никитичемъ объ избраніи царя, г. Барсуковъ въ своемъ означенномъ сочиненіи говоритъ слѣдующее: «Въ архивѣ графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева намъ удалось найти указаніе на эту драгоцѣнную переписку. Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ въ отвѣтномъ письмѣ къ графу Безбородку отъ 3 мая 1789 года писалъ между прочимъ слѣдующее: „Съ истиннымъ усердствованіемъ старался я по писанію вашего сіятельства пріискать желаемыя вами письма патріарха Филарета Никитича, писанныя предку моему, но къ сожалѣнію не могъ еще ихъ отыскать. Я прошу однакожъ ваше сіятельство дать мнѣ еще нѣкоторое время поискать ихъ въ старинныхъ бумагахъ нашихъ, которыя при настоящей ломкѣ дому покойнаго родителя моего нѣсколько отъ размѣщенія перемѣшаны“. Но — прибавляетъ г. Барсуковъ — всѣ наши развѣдки о данной перепискѣ доселѣ остаются тщетными». (Родъ Шереметевыхъ. II. 257). Онъ полагаетъ, что отецъ Николая Петровича графъ Петръ Борисовичъ показывалъ эту переписку императрицѣ Екатеринѣ, и что она въ своемъ Антидотѣ вѣроятно на основаніи знакомства съ перепискою хвалитъ Ѳ. И. Шереметева, какъ одного изъ русскихъ патріотовъ, «спасшихъ родину отъ Поляковъ, давшихъ ей государя и возвратившихъ ей миръ». Указанное мѣсто Антидота, хотя касается Шереметева вскользь и глухо, однако возбуждаетъ вопросъ, почему Екатерина ставитъ его рядомъ съ Аврааміемъ Палицынымъ, Козьмою Мининымъ и княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ? Почему она князя Трубецкого (конечно, Димитрія Тимоф., а не Сергѣя) упоминаетъ, а о князѣ Пожарскомъ умалчиваетъ? («Осьмнадцатый вѣкъ». Изд. П. И. Бартенева. IV. 292).

«Утвержденная Грамота» объ избраніи Михаила Ѳеодоровича издана въ Древн. Росс. Вивл. (V перв. изд. и VII второго) и въ С. Г. Г. и Д. I. № 203. Подлинникъ ея, хранившійся въ Государственномъ архивѣ, очень ветхій, представляетъ огромный столбецъ, склеенный изъ девяти александрійскихъ листовъ. Онъ снабженъ 273 подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; самое большее число принадлежитъ дворянамъ, 102.

Изъ десяти привѣшанныхъ къ грамотѣ восковыхъ печатей высшаго духовенства сохранились только три архіепископскихъ. Грамота обозначена 11 мая 1613 года, но очевидно, заднимъ числомъ; на что прямо указываютъ нѣкоторыя подписи. Такъ здѣсь подписались боярами князья Пожарскій, Черкасскій и Ив. Одоевскій, а также Борисъ Салтыковъ; между тѣмъ Пожарскій и Черкасскій пожалованы въ бояре въ день вѣнчанія, т. е. 11 іюля, а Одоевскій и Салтыковъ получили боярство только въ 1614 году (Древ. Рос. Вивл. XX. 89). Слѣдовательно грамота сочинялась и редактировалась довольно долгое время, причемъ соборныя подписи ея могли также прикладываться разновременно; ибо, какъ извѣстно, Земская Дума, избравшая Михаила, существовала нѣсколько лѣтъ. Грамота очень пространна и реторична. Во введеніи къ ней заключается краткое изложеніе Русской исторіи отъ Рюрика до Өедора Ивановича. Затѣмъ слѣдуетъ многословное изложеніе главныхъ событій Смутнаго времени; причемъ замѣтно явное стараніе выдвинуть на передній планъ Филарета Никитича. Такъ повѣствуется, что когда Москвичи Василія Шуйскаго свели съ престола и приступили къ избранію Владислава, то преосвященный Филаретъ выѣхалъ на Лобное мѣсто и взывалъ къ народу, увѣщевая его не вѣрить клятвамъ и обѣщаніямъ Сигизмунда, злоумышляющаго противъ православной вѣры. Но, сколько намъ извѣстно, другіе источники о такомъ воззваніи не говорятъ. Далѣе грамота неоднократно и съ особымъ удареніемъ указываетъ на то, что осажденные въ Китай-городѣ и Кремлѣ Поляки держали юнаго Михаила Өедоровича и мать его иноку Мареу Ивановну въ неволѣ «за крѣпкими приставы», морили ихъ голодомъ и умышляли на его жизнь; о чемъ люди Московскаго государства «скорбѣли и всякими мѣрами промышляли, чтобы его Государя отъ таковаго злого плѣненія освободить». По поводу Земской Думы, занявшейся избраніемъ царя, говорится, будто Шведскій король еще прежде писалъ въ Москву, чтобы не выбирали никого изъ иныхъ земель, ни польскаго, ни татарскаго рода, а выбирали бы изъ русскаго, и притомъ родственника прежнимъ государямъ. (Впрочемъ такой совѣтъ былъ возможенъ ради того, чтобы устранить кандидатуру Владислава). Избраніе Михаила съ самаго начала изображается единодушнымъ, и о другихъ кандидатахъ не упоминается. Въ концѣ подробно описываются переговоры Московскаго посольства съ великою старицею Мареою въ Ипатьевскомъ монастырѣ и ихъ заключеніе. Вообще грамота составлена искусно и краснорѣчиво. Авторъ «Замѣчаній объ осадѣ Троицкой-Лавры» (Москв. 1844. № 6) указалъ на нѣкоторое ея сходство съ Грамотою Утвержденною объ избраніи Бориса Годунова. Послѣднюю см. въ Древ. Рос. Вивл. VII и въ Акт. Эксп. II, № 7. Тутъ сказано, что рукоприкладства сдѣланы на двухъ экземплярахъ грамоты; одинъ хранился въ царской казнѣ, а другой въ патріаршей ризницѣ. Надобно полагать, что и утвержденная грамота Михаила была также написана по крайней мѣрѣ въ двухъ экземплярахъ, снабженныхъ всѣми рукоприкладствами. Любопытно извѣстіе Столярова хронографа, что въ Ипатьевскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ и Мареою жили Борисъ и Михайло Михайловичи Салтыковы (Изборн. 357).

Напомнимъ вкратцѣ предшествующія судьбы фамиліи Романовыхъ.

По родословнымъ книгамъ Романовы-Юрьевы считаются потомками какихъ то знатныхъ выходцевъ изъ Пруссіи, прибывшихъ въ XIII столѣтіи, слѣдовательно иноземнаго происхожденія. Мною уже было указано, что тенденція бояръ выводить своихъ предковъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ явилась какъ подражаніе царствующему дому, который согласно съ лѣтописной легендой велъ свое происхожденіе отъ знатныхъ Варяговъ; а въ XVI вѣкѣ эта легенда видоизмѣнилась желаніемъ Василія Ивановича и Ивана Грознаго произвести свой родъ отъ миѳическаго Пруса, брата римскаго императора Августа. По всей вѣроятности въ подражаніе своимъ царямъ въ томъ же столѣтіи нѣкоторыя боярскія фамиліи, въ ихъ числѣ и Романовы-Юрьевы, въ родословныхъ начали показывать своихъ предковъ «выѣзжими изъ Прусъ». (См. мою «Исторію Россіи». Т. III. стр. 417. Прим. 74). Если отбросимъ этотъ легендарный генеалогическій наростъ, то должны считать Романовыхъ фамиліей чисто русскаго происхожденія. Самымъ крупнымъ или наиболѣе извѣстнымъ предкомъ ихъ является Андрей Кобыла, бояринъ временъ Симеона Гордаго, въ первой половинѣ XIV вѣка. Потомство его съ теченіемъ времени такъ развѣтвилось, что насчитываютъ болѣе 20 происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ. Кромѣ Захарвиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ сюда относятся Шереметевы, Жеребцовы, Беззубцевы, Колычовы, Ладыгины, Неплюевы и т. д.

Возвышенію Захарьиныхъ - Юрьевыхъ въ особенности способствовалъ бракъ Ивана IV съ Анастасіей Романовной, лицо которой въ Русской исторіи окружено свѣтлымъ ореоломъ. Не мало также поднялъ значеніе своей фамиліи ея братъ Никита Романовичъ, который и послѣ смерти своей сестры, во время страшныхъ опалъ и казней Грознаго, сумѣлъ до конца сохранить и уваженіе самого тирана, и уваженіе народное, такъ что сдѣлался однимъ изъ героевъ народныхъ былинъ Московскаго цикла. Послѣ его смерти (въ 1586 г.) его высокое значеніе вполнѣ наслѣдовали пять достойныхъ сыновей. О степени ихъ популярности можно судить уже по тому, что народъ называлъ ихъ неполными именами, а говорилъ просто Никитичи, т. е. однимъ отечествомъ, по имени своего любимца Никиты Романовича; о томъ свидѣтельствуютъ какъ иноземные, такъ и туземные источники (напримѣръ, Буссовъ-Беръ, Палицынъ, Допросъ польскихъ пословъ — въ Акт. Зап. Росс. IV). Изъ пяти братьевъ особенно выдавался своимъ умомъ, характеромъ и способностями старшій Ѳедоръ Никитичъ. И уже тотчасъ съ прекращеніемъ Рюрикова дома на передній планъ выступила его кандидатура, какъ двоюроднаго брата послѣднему Рюриковичу Ѳедору Ивановичу. Но тогда ее превозмогла кандидатура шурина, т. е. Бориса Годунова, потому что власть фактически уже находилась въ его рукахъ, а юридически въ рукахъ его сестры вдовствующей царицы Ирины. Годуновъ естественно не считалъ свою династію упроченною, пока существовали главные ея соперники, т. е. Романовы, и онъ принялся ихъ гнать съ особою энергіей, особенно когда до него дошла глухая вѣсть о какомъ то ихъ участіи при вызовѣ на сцену тѣни царевича Димитрія. Какъ извѣстно, подстроено было обвиненіе въ умышленіи на царское здоровье, и всѣ пять братьевъ разосланы въ заточеніе; причемъ самый опасный изъ

нихъ Ѳеодоръ насильно постриженъ въ монахи, чтобы лишить его всякой возможности явиться претендентомъ на престолъ. Супруга его Ксенія Ивановна, урожденная Шестова, также была пострижена въ монахини подъ именемъ Мароы и отправлена на житье въ глухой Заонежскій край въ Толвуйскую волость; а ихъ четырехлѣтній сынъ Михаилъ и дочь Татьяна взяты отъ родителей и сосланы особо вмѣстѣ съ теткой своей княгиней Черкасской и нѣкоторыми другими родственницами на Бѣлоозеро. Впрочемъ Борисъ вскорѣ возвратилъ дѣтей ихъ матери и позволилъ имъ жить въ одной изъ ихъ вотчинъ, въ Клину, Юрьевскаго уѣзда. Изъ пяти братьевъ Романовыхъ трое, Александръ, Михаилъ и Василій, погибли въ заточеніи; а двое, Иванъ и Ѳедоръ, возвращенные изъ ссылки, первый еще при Годуновѣ, а второй при Лжедимитріи, вновь заняли почетное положеніе, которое продолжалось и при Василіи Шуйскомъ. Мароа Ивановна выдала свою дочь Татьяну за князя Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго, родственника супруги царя Василія; но Татьяна вскорѣ умерла, во время Московской осады 1611 г. (Надгробную надъ нею надпись см. старца Ювеналія Воейкова «О произшествіи Юрьевыхъ Романовыхъ и жизни Филарета Никитича» М. 1798).

Филаретъ Никитичъ былъ однимъ изъ образованнымъ русскихъ людей. По этому поводу имѣемъ слѣдующее свидѣтельство. Горсей сообщаетъ, что онъ составилъ для боярина Ѳедора Никитича Романова латинскую грамматику русскими буквами, и бояринъ усердно ее изучалъ. Масса говоритъ, что въ молодости онъ былъ привѣтливый, статный и красивый мужчина, ловко сидѣвшій на конѣ, и большой щеголь; такъ что московскіе портные, желая сказать кому-либо, что платье сидитъ на немъ хорошо, прибавляли: «ты второй Ѳедоръ Никитичъ». Возведенный Лжедимитріемъ въ санъ митрополита Ростовскаго, онъ потомъ игралъ выдающуюся роль въ исторіи Смутнаго времени; хотя на первый планъ не выдвигался, а дѣйствовалъ болѣе черезъ другихъ. Въ послѣдствіи Поляки прямо обвиняли его въ томъ, что, уже отправляясь посломъ подъ Смоленскъ, онъ будто бы условился съ патріархомъ Гермогеномъ какъ поступать, что бы отстранить королевича Владислава и выбрать на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Далѣе, они обвиняли Филарета въ тайномъ подстрекательствѣ воеводы Шеина къ отчаянной оборонѣ Смоленска и въ посылкѣ въ русскіе города грамотъ, возбуждавшихъ народъ къ возстанію противъ Поляковъ. Эти обвиненія опирались на показаніяхъ нѣкоего Ѳедора Погожева, котораго въ Москвѣ Поляки схватили и подвергли пыткѣ (Акты Запад. Рос. IV. 475, 482—483, 487). Такъ дѣйствовалъ Филаретъ, находясь уже въ польскихъ рукахъ подъ Смоленскомъ, и мы имѣемъ право считать его наравнѣ съ Гермогеномъ начинателемъ противупольскаго народнаго движенія, выразившагося сборомъ двухъ ополченій, Ляпуновскаго и Пожарскаго. И заключенный въ отдаленную Маріенбургскую крѣпость, слѣдовательно находясь въ прусскихъ предѣлахъ, Филаретъ, какъ мы видѣли, и оттуда сумѣлъ сноситься съ своими родственниками и пріятелями и руководить ими во время вопроса о выборѣ государя на Московскій престолъ.

Относительно подвига Ивана Сусанина имѣемъ изданными двѣ грамоты времени Михаила Ѳеодоровича. Первою грамотою, 1619 г., по прошенію матери своей старицы Мароы Ивановны, царь жалуетъ крестьянина Бог-

дашка Сабинина за службу «и за кровь тестя его Ивана Сусанина». «Въ прошломъ, въ 121 (1613) году—говоритъ грамота—были мы на Костромѣ и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ польскіе и литовскіе люди и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовскіе люди изымали и его пытали великими немѣрными пытками. А пытали у него, гдѣ въ тѣ поры мы Великій Государь Царь и Великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи были, и онъ Иванъ, вѣдая про насъ Великаго Государя, тѣмъ польскимъ и литовскимъ людямъ гдѣ мы были не сказалъ, и польскіе и литовскіе люди замучили его до смерти». Сабинину жалуется поэтому изъ округи дворцоваго села Домнина половина деревни Деревнищъ съ полутора четвертями выти земли; причемъ земля эта обѣляется, т.-е. для всего его потомства освобождается отъ всякихъ податей, кормовъ, подводъ, столовыхъ и хлѣбныхъ поборовъ, городовыхъ подѣлокъ и мостовщины (С. Г. Г. и Д. III, 214). Изъ второй грамоты, 1633 г., которая повторяетъ такъ же слова о подвигѣ Сусанина, мы узнаемъ, что село Домнино съ принадлежащими къ нему деревнями (скончавшаяся въ 1631 г.) старица Марѳа отдала Ново-Спасскому монастырю (при которомъ находилась усыпальница семьи Романовыхъ) и что спасскій архимандритъ, несмотря на вышеприведенную обѣльную грамоту, пожалованную Сабинину половину Деревнищъ очернилъ, т.-е. взимаетъ съ нея всякіе доходы на монастырь. По жалобѣ вдовы Сабинина Антониды съ дѣтьми ея Данилкою и Костькою, царь вмѣсто Деревнищъ жалуетъ имъ и потомству ихъ, приписанную къ селу Красному Приселку, пустошь Коробово, въ 24 чети земли, на тѣхъ же обѣльныхъ правахъ (Ibid. 334). Изъ позднѣйшихъ жалованныхъ потомству Сабинина грамотъ, императрицы Анны Іоанновны, 1731 года, и Екатерины II, 1767 г., извѣстна третья грамота Михаила Ѳеодоровича, данная въ 1644 г. вдовѣ Антонидѣ съ дѣтьми и подтверждающая всѣ льготы на владѣніе ихъ деревнею Коробово. (См. въ прилож. у Самарянова «Памяти Ивана Сусанина»). Также и во всѣхъ другихъ позднѣйшихъ подтвердительныхъ грамотахъ подвигъ Сусанина передается тѣми же словами.

Итакъ имѣемъ свидѣтельство объ этомъ подвигѣ современное и несомнѣнное. Поэтому болѣе чѣмъ смѣлою является попытка покойнаго Костомарова отрицать самый фактъ въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи (Отеч. Записки 1862 г., № 2). Онъ основывался главнымъ образомъ на двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, будто никакихъ польскихъ шаекъ въ 1613 г. въ Костромскомъ краю не было, и во-вторыхъ, будто Михаилъ тогда жилъ съ матерью не въ Домнинѣ, а въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Костомарову возражали: Соловьевъ (газета Наше Время. 1862, № 76), Погодинъ (Гражданинъ. 1872, № 29 и 1873, № 47), протоіерей Домнинскій («Правда о Сусанинѣ» въ Рус. Архивѣ 1871 г., № 2. съ предисловіемъ Дорогобужинова) и Дорогобужиновъ («Еще Отповѣдь». Ibid., № 10, и отдѣльная брошюра о Сусанинѣ, изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1872). Но Костомаровъ оставался при своемъ мнѣніи и считалъ разсказъ о подвигѣ Сусанина легендою («Екатерина Алексѣевна—первая русская Императрица». Древн. и Нов. Россія. 1877, № 2). Наиболѣе обстоятельный сводъ возраженій Костомарову, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ источниковъ, былъ представленъ В. А. Самаряновымъ въ изслѣдова-

ніи: «Памяти Ивана Сусанина». Кострома 1882. Съ приложеніемъ топографическихъ плановъ. (Второе исправленное и дополненное изданіе. Рязань. 1884). Это изслѣдованіе разбиваетъ оба главныя основанія Костомарова, т.-е. довольно убѣдительно доказываетъ, что польско-литовскія шайки въ томъ краю были, и вновь подтверждаетъ, что Михаилъ съ матерью пребывали тогда не въ самой Костромѣ, а въ Костромскомъ уѣздѣ. Мы только не находимъ правдоподобнымъ разсказъ какой-то неизвѣстной рукописи, повторяемый Домнинскимъ и Самаряновымъ, о томъ, что Сусанинъ при появленіи польской шайки скрылъ Михаила «въ ямѣ Деревнищенскаго овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ яму обгорѣлыми бревнами», и что вообще Михаилъ скрывался въ сельскихъ тайникахъ до ухода Поляковъ (65 — 67 стр. второго изданія). Полагаемъ болѣе вѣроятнымъ, что Сусанинъ посредствомъ своего зятя Сабинина успѣлъ вовремя извѣстить Михаила и мать его объ опасности и что они просто поспѣшили уѣхать въ Кострому.

Въ пользу даннаго факта можно привести еще слѣдующее. Подвигъ Сусанина не былъ одиночнымъ явленіемъ въ ту эпоху; о чемъ свидѣтельствуетъ записка поляка Маскевича. Онъ разсказываетъ, какъ однажды въ мартѣ 1611 года самъ едва не погибъ со своимъ отрядомъ, потому что проводникъ его, старый русскій крестьянинъ, навелъ было Поляковъ прямо на русское войско; случайно они вовремя узнали правду, и проводнику отрубили голову. (Сказ. Совр. о Дим. Самоз. V. 118). На этотъ случай указалъ И. Е. Забѣлинъ въ статьѣ «Безвѣстный герой Смутнаго времени», т. е. затворникъ Иринархъ (См. «Мининъ и Пожарскій» 272). Подобные подвиги личнаго самопожертвованія совершенно соотвѣтствуютъ наступившему въ концѣ Смутной эпохи сильному подъему народнаго духа и, охватившему почти всѣ слои русскаго населенія, страстному желанію освободить свою родину отъ угнетавшихъ ее иноземцевъ. Да и самъ Костомаровъ въ названномъ изслѣдованіи о Сусанинѣ приводитъ изъ событій 1648 года подвигъ южно-русскаго крестьянина Никиты Галагана, который умышленно завелъ польское войско въ болота и лѣсныя трущобы, чѣмъ способствовалъ ихъ пораженію отъ казаковъ.

Три вышеуказанныя грамоты Михаила Θеодоровича, относящіяся къ Богдану Сабинину и его семьѣ, я имѣю возможность пополнить еще четвертою, благодаря любезному сообщенію С. А. Бѣлокурова, который въ Дворцовомъ Архивѣ (Оружейной Палаты) нашелъ слѣдующій документъ 1632 года:

«Лѣта 7140-го, февраля въ 6 день. По государеву цареву и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Русіи указу окольничему князю Алексѣю Михайловичу Львову, да дьякамъ Гарасиму Мартемьянову, да Максиму Чиркову. Велѣти имъ отписать къ Василію Ивановичу Стрѣшневу да къ дьяку къ Сурьянину Тараканову: блаженныя памяти великая государыня инока Марθа Ивановна по своей государской думѣ вкладу въ монастырь къ Спасу на Новое въ Костромскомъ уѣздѣ дворцовое село Домнино съ приселками ли и здеревнями дала или дала одно то село? И того села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чомъ тово дворцоваго села Домнина живетъ крестьянинъ Богдашко Сабининъ, полторы чети выти съ тѣмъ же селомъ Домнинымъ въ монастырь дано или дано то село опричь той деревни?»

Кстати о награжденіи князя Д. М. Пожарскаго. Кромѣ сана боярина, за нимъ утверждены въ вотчину, пожалованныя за «Московское сидѣніе» В. Шуйскимъ, села Нижній и Верхній Ландехъ съ деревнями и слободка Холуй въ Суздальскомъ уѣздѣ (т. е. въ Суздальскомъ того времени. С. Г. Г. и Д. III. № 56 и Владим. Губ. Вѣд. Май. 1852. № 11); да еще дано было «за службишку и за кровь и за Московское очищеніе въ Резанскомъ уѣздѣ вотчина село Козарь пять сотъ четвертей». (Времен. Об. И. и Др. IV. Помѣстн. дѣла). А Козьма Мининъ, кромѣ сана думного дворянина, пажалованъ селомъ Богородицкимъ съ деревнями въ Нижегородскомъ уѣздѣ. (Акты Эксп. III. № 83). Но богаче ихъ обоихъ награжденъ былъ князь Д. Т. Трубецкой. Кромѣ пожалованнаго ему Тушинскимъ воромъ и оставленнаго за нимъ боярскаго сана, Земская Дума 1613 года дала ему грамоту на обширныя земли по р. Вагѣ, которыя при Годуновѣ состояли за Годуновыми, а при Шуйскомъ за Шуйскими. (Др. Рос. Вивл. XV. Сказ. о родѣ кн. Трубецкихъ. Прилож. № 8). Что касается бояръ, отличившихся своими измѣнами и крамолами въ Смутное время, невидно, чтобы они подверглись наказанію съ возстановленіемъ государственнаго порядка. Изъ незнатныхъ измѣнниковъ имѣемъ извѣстіе только о казни Андронова. Казанскій дьякъ Никаноръ Шульгинъ, возбуждавшій Казанцевъ не присягать новоизбранному царю Михаилу, былъ ими самими схваченъ въ Свіяжскѣ и отправленъ въ Москву, откуда его сослали въ Сибирь. (Лѣт. о мят. Никонов.).

Теперь перейдемъ къ вопросу о тѣхъ ограничительныхъ условіяхъ, которыя были предложены боярами Михаилу при его избраніи. О нихъ мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій. Наиболѣе подробное извѣстіе принадлежитъ Страленбергу и помѣщено въ его сочиненіи о Сѣверовосточной Европѣ и Азіи (Das Nord—und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730). Страленбергъ былъ Шведъ, взятый въ плѣнъ при Полтавѣ и вмѣстѣ съ другими плѣнными отправленный въ Сибирь. Оттуда онъ освободился по заключеніи Ништадскаго мира и на обратномъ пути въ Швецію останавливался въ Москвѣ. Тутъ онъ могъ собрать нѣсколько данныхъ, относящихся къ избранію Михаила, со времени котораго прошло съ небольшимъ сто лѣтъ. Выше мы говорили о письмѣ Филарета Никитича къ Ѳ. И. Шереметеву съ совѣтомъ выбрать царя на извѣстныхъ условіяхъ. Объ этомъ письмѣ сообщаетъ именно Страленбергъ со словъ какого то лица, который видѣлъ письмо въ подлинникѣ у фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Онъ говоритъ, что Филаретъ Никитичъ писалъ его изъ Маріенбургской крѣпости (въ Пруссіи), гдѣ тогда содержался (стр. 203 и д. Заключеніе его именно въ Маріенбургѣ подтверждаетъ Пясецкій). Передавъ содержаніе письма, Страленбергъ разсказываетъ далѣе объ избраніи Михаила на царство, съ нѣкоторыми явными промахами и неточностями, но въ общемъ довольно достовѣрно. Оканчиваетъ онъ свой разсказъ изложеніемъ тѣхъ условій, которыя по его показанію Михаилъ принялъ и подписалъ передъ своимъ коронованіемъ. Условія эти слѣдующія: 1) Блюсти и охранять (православную) церковь. 2) Предать забвенію всѣ

обиды, причиненныя отцу Михаила и вообще его фамиліи. 3) Не отмѣнять старыхъ законовъ и не создавать новыхъ (подразумѣвается, безъ согласія Боярской думы). 4) Важныя дѣла или иски рѣшать не по собственному усмотрѣнію, а по закону правильнымъ судомъ. 5) Также не предпринимать войны и не заключать мира по собственному усмотрѣнію (а, конечно, по согласію съ Боярскою Думою). И наконецъ въ 6) Имѣніе свое или отдать родственникамъ, или присоединить къ государственнымъ имуществамъ (203—209. У Страленберга собственно пять пунктовъ; но третій пунктъ самъ собою распадается на два).

Затѣмъ извѣстіе объ ограничительной записи, данной Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, принадлежитъ также иноземному писателю о Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, Фокеродту. («Россія при Петрѣ Великомъ» Переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Чт. О. И. и Д. 1874. Кн. 2. стр. 21—22). Но по всей вѣроятности онъ заимствовалъ это извѣстіе у того же Страленберга, своего старшаго современника. Въ свою очередь тоже извѣстіе уже со словъ Фокеродта повторяется въ дополненіи къ Запискамъ Манштейна, принадлежащемъ графу Миниху-сыну. (Рус. Стар. 1875. №. 12. Прилож. Историч. Вѣст. 1886. № 7). А вѣроятно со словъ Миниха опять тоже повторяетъ гувернеръ его дѣтей Шмидтъ Физельдекъ въ своихъ Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen. (3. B-de. Frankfurt und Leipzig. 1777—1778. II. 15). Слѣдовательно данная группа иностранныхъ извѣстій въ сущности сводится къ къ одному и тому же источнику.

Въ параллель съ этой иностранной группой мы имѣемъ нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ собственно русскихъ и притомъ отъ Страленберга совершенно независимыхъ.

Во первыхъ, Псковская лѣтопись. Тамъ по поводу воцаренія Михаила Ѳеодоровича съ негодованіемъ говорится о поведеніи бояръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестію уловише: первое егда его на царство посадиша, и къ ротѣ (т. е. присягѣ) приведоша, еже отъ ихъ вельможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленіе ихъ не казнити ихъ, но розсылати въ затоки». Далѣе онъ поясняетъ, что бояре при семъ имѣли въ умѣ своимъ ходатайствомъ потомъ возвращать опальнаго изъ заточенія. (П. С. Р. Л. V. 64—66). Очевидно лѣтописецъ, современный Михаилу и жившій во Псковѣ, не зналъ вполнѣ о записи данной юнымъ царемъ, но слышалъ о ней, по крайней мѣрѣ о томъ условіи, которымъ бояре старались предохранить себя отъ царскихъ опалъ и казней. И это условіе совершенно повторяетъ подобное обѣщаніе, которое было дано Шуйскимъ при его воцареніи.

Вторымъ русскимъ источникомъ по вопросу объ ограничительной записи, источникомъ вполнѣ самостоятельнымъ, является Котошихинъ, московскій подьячій Посольскаго приказа временъ Алексѣя Михайловича, бѣжавшій въ Швецію и тамъ по порученію шведскаго правительства написавшій любопытное сочиненіе о Россіи. Коснувшись вопроса о царскомъ самодержавіи, онъ говоритъ, что послѣ Ивана Васильевича цари при своемъ

избраніи давали письма, чтобы не быть имъ жестокими и опальчивыми, безъ суда и безъ вины никого не казнить и о всякихъ дѣлахъ размышлять съ боярами и думными людьми, а безъ ихъ вѣдома никакихъ дѣлъ не дѣлати. Только современный ему Алексѣй Михайловичъ не давалъ на себя никакого письма, и потому пишется самодержцемъ и правитъ государство по своей волѣ. «А отецъ его блаженной памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». (Гл. VIII. п. 4). Это положительное свидѣтельство для насъ имѣетъ несомнѣнную важность; ибо Котошихинъ, вращавшійся въ служебной московской сферѣ, имѣлъ полную возможность знать не только характеръ Михаилова царствованія, но и обстоятельства его избранія отъ тѣхъ стариковъ, которые еще помнили Смутное время.

Наконецъ, третье русское извѣстіе принадлежитъ историку Татищеву. Онъ прямо утверждаетъ, что избраніе Михаила Ѳеодоровича сопровождалось такою же записью, какая была взята съ Василія Шуйскаго. (Сборникъ «Утро», изд. Погодинымъ. 1859. стр. 373). Татищевъ жилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и въ его время въ Москвѣ еще живы были преданія о началѣ династіи Романовыхъ. Какъ историкъ и вообще человѣкъ любознательный, онъ могъ не только собирать преданія, но и видѣть, относящіеся къ данному вопросу, тѣ документы, которые до насъ не дошли, а въ его время еще сохранялись. Мало того, можемъ предположить, что Татищевъ особенно интересовался этимъ вопросомъ: въ 1730 году онъ написалъ записку въ защиту Самодержавной власти, по поводу извѣстной попытки членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить самодержавіе при воцареніи Анны Ивановны, и въ этой то запискѣ онъ кстати упоминаетъ о прежнихъ подобныхъ попыткахъ, т. е. при воцареніи Василія Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича. Въ 1724—25 годахъ Татищевъ былъ въ Стокгольмѣ и тамъ могъ познакомиться со Страленбергомъ. (Н. Попова «В. Н. Татищевъ и его время». М. 1861). Поэтому есть предположеніе, впрочемъ выраженное слегка, что самъ Страленбергъ могъ получить свои свѣдѣнія объ условіяхъ Михаилова избранія именно отъ Татищева, и что Татищевъ могъ быть тѣмъ лицомъ, которое читало помянутое выше письмо митрополита Филарета къ Ѳ. И. Шереметеву и сообщило его содержаніе Страленбергу. (А. И. Маркевичъ. «Избр. на ц. Мих. Ѳеод. Ром.». Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь).

Итакъ, выключивъ тѣ указанія, которыя пользовались собственно Страленбергомъ, мы получаемъ 4 независимыхъ другъ отъ друга свидѣтельства о Михаиловой ограничительной записи. Если даже сдѣлаемъ натяжку и сблизимъ Страленберга съ Татищевымъ, то все-таки имѣемъ три вполнѣ достовѣрныя и компетентныя свидѣтельства, или современныя событію, или близкія къ нему по времени. Поэтому историкъ не въ правѣ отвергнуть извѣстій объ ограничительныхъ условіяхъ, и тѣмъ болѣе что они совершенно согласуются съ ходомъ дѣла и обстоятельствами той эпохи. Самый характеръ Михаилова царствованія также ихъ подтверждаетъ. Несомнѣнно, что самодержавіе было возстановлено постепенно, преимущественно трудами и государственными способностями патріарха Филарета Никитича,

который, воротясь изъ плѣна, сдѣлался настоящимъ руководителемъ государственныхъ дѣлъ. Впрочемъ и возстановить его было не особенно трудно; ибо на его сторонѣ была такая могущественная сила какъ народное сочувствіе; а боярскія стремленія въ этомъ случаѣ не находили себѣ никакой прочной опоры.

Противъ ограничительныхъ условій встрѣчается такое возраженіе: если бы они существовали, то почему же въ извѣстномъ избирательномъ актѣ, подписанномъ членами Собора 1613 года, нѣтъ объ нихъ никакого помину, и вообще нѣтъ на нихъ никакихъ указаній въ оффиціальныхъ актахъ той эпохи? На эти вопросы я позволю себѣ дать слѣдующій отвѣтъ:

Ограничительная запись по всей вѣроятности была актомъ, который предложенъ Михаилу собственно отъ Боярской Думы, помимо Великой Земской Думы. Слѣдовательно это актъ отдѣльный, такъ сказать, сепаратный, спеціально боярскій. Если мы станемъ на эту точку зрѣнія, то намъ тогда понятно, почему въ Соборной грамотѣ объ избраніи о такомъ актѣ не упоминается и почему онъ исчезъ безслѣдно изъ оффиціальныхъ актовъ того времени. Разумѣется, при возстановленіи самодержавія совсѣмъ не въ интересахъ правительства было заботиться о сохраніи такого акта и оффиціальныхъ о немъ упоминаній. Наоборотъ, въ его интересахъ было совсѣмъ противное. Въ 1730 году при аналогичномъ явленіи, когда высшіе сановники вздумали связать Анну Ивановну ограничительными условіями. а дворянство возвратило ей самодержавіе, императрица велѣла торжественно разорвать ограничительный актъ, уже ею подписанный. (Подробности см. у Д. А. Корсакова «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны». Казань. 1880). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ не представлялось случая рвать торжественно подобную грамоту; она просто уничтожилась, когда потеряла свое значеніе.

Поверхностные наблюдатели тѣхъ маневровъ, которые были употреблены на Соборѣ сторонниками Михаила, могутъ придти къ заключенію, что избраніе его удалось главнымъ образомъ вслѣдствіе искусно веденныхъ происковъ или ловкой интриги, подкуповъ, заманчивыхъ обѣщаній и т. п. Такое заключеніе было бы въ высшей степени несправедливо, смотря со строго исторической точки зрѣнія. А между тѣмъ подобныя мнѣнія дѣйствительно встрѣчаются, и конечно преимущественно между нерусскими писателями, плохо понимающими Русскій народъ и русскую жизнь или мало знакомыми съ требованіями усовершенствованной исторической критики. Такъ одинъ изъ проживающихъ въ Германіи балтійскихъ руссофобовъ, г. Эрвинъ Бауеръ въ авторитетномъ историческомъ журналѣ Зибеля (Historische Zeitschrift за 1886 годъ. Erstes Heft) помѣстилъ объ избраніи Михаила довольно большую статью. Въ этой статьѣ, опираясь главнымъ образомъ на извѣстія того же непріязненнаго Россіи Страленберга, онъ идетъ далѣе и прямо проводитъ тотъ взглядъ, что Михаилъ былъ избранъ только благодаря искусной интригѣ, благодаря своей юности и незначительности, и наконецъ благодаря шумной поддержкѣ дикой солдатчины и казачины! (36).

25. Любопытно, что уже наиболѣе наблюдательные изъ русскихъ современниковъ Смуты связывали ее съ тиранствами Ивана Грознаго и усматривали въ его дѣяніяхъ главную ея причину. Такъ дьякъ Тимофеевъ въ первой главѣ своего «Временника» съ горечью вспоминаетъ раздѣленіе государства на земщину и опричину («всю землю державы своея яко сѣкирою на полы разсѣче»), изобрѣтеніе потѣшнаго государя (Симеона Бекбулатовича), истребленіе бояръ, пристрастіе къ чужеземнымъ врачамъ, убіеніе сына и пр. «Симъ смяте люди вся... земли всей великъ расколъ сотвори... симъ раздѣленіемъ, мню, нынѣшнея всея земля розгласіе яко прообразуя оттуду до здѣ: самъ тогда на ню руку не благословля наложи, даже оно и донынѣ неутверженымъ отъ грѣхъ колеблемо». (Рус. Ист. Библ. XIII. 271).

Что касается самыхъ разнообразныхъ и невѣроятныхъ слуховъ, которымъ было подвержено населеніе областей въ Смутную эпоху, наглядный примѣръ тому представляетъ слѣдующее сообщеніе въ «Путешествіи» Ѳомы Смита. Весною 1605 года, возвращаясь въ Англію, посолъ въ Ярославлѣ получилъ извѣстіе о внезапной кончинѣ Бориса Годунова, и это обстоятельство нѣсколько замедлило его путешествіе. Въ Вологдѣ мѣстныя власти, по приказу изъ Москвы, относились къ посольству съ большою предупредительностію, и, когда онѣ снаряжали удобныя ладьи для рѣчного плаванія посла до Архангельска, то въ населеніи распространился слухъ, что въ посольской свитѣ находится царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ, переодѣтый въ англійское платье и намѣревающійся уѣхать въ Англію. (65 стр. рус. перевода). Кстати: въ Двинскомъ лѣтописцѣ есть извѣстіе о прибытіи къ Архангельску 18 мая 1605 года, «аглинскаго посла Томаса Ѳомина» и отпускъ его въ Москву 6 іюля. (Древ. Рос. Вивл. XVIII. 17). Эти даты не совпадаютъ съ показаніями «Путешествія».

Относительно широкаго участія Западной Руси въ Московской смутѣ и относительно принадлежности къ православію большинства вторгнувшихся въ Московскую землю «литовскихъ людей», нельзя не указать на то, что такое важное явленіе доселѣ оставалось въ тѣни въ трудахъ, какъ по общерусской исторіи, такъ и спеціально посвященныхъ сей эпохѣ. А между тѣмъ этимъ фактомъ въ значительной степени можно объяснять ту легкость сближенія литовскихъ людей съ московскими измѣнниками и ту преданность вторыхъ первымъ, на которыя такъ жалуется Авраамій Палицынъ.

До какой степени потрясенія и перевороты, испытанные въ сію эпоху, поразили умы Русскаго народа, о томъ можно судить и по народному пѣсенному творчеству. Смутное время произвело, напримѣръ, весьма замѣтное наслоеніе въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Такъ съ этого времени въ немъ появляются: «люторы», т. е. лютеране, Маринка въ качествѣ жены чародѣйки, казачество Ильи Муромца и т. д. См. мою статью «Богатырь-казакъ Илья Муромецъ какъ историческое лицо». (Рус. Архивъ. 1893. № 5). Тамъ указано и вообще на первенствующую роль казачества въ Смутную эпоху: на него главнымъ образомъ опирались всѣ самозванцы.

———⁕———

ВОПРОСЪ О ЛИЧНОСТИ И РУКОВОДИТЕЛЯХЪ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Разногласіе источниковъ.—Извѣстіе Буссова.—Обзоръ разныхъ мнѣній въ русской литературѣ. — Вопросъ о тождествѣ Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. — Костомаровъ и Бицинъ. — О. Пирлингъ. — Послѣдующія мнѣнія.—Сущность моихъ выводовъ.—Несостоятельность предположенія о подготовкѣ самозванца боярами.—Мои доводы противъ тождества съ Гр. Отрепьевымъ, въ пользу происхожденія Лжедимитрія изъ Западной Руси и его ранняго ополяченія. — Маржеретъ противъ его подготовки іезуитами.—Свидѣтельства, подтверждающія польскую самозванческую интригу.— Извѣтъ Варлаама и неподлинность названнаго Димитрія.

Личность перваго Лжедимитрія и происхожденіе его самозванства издавна возбуждали пытливость историческихъ писателей и породили значительную литературу; мнѣнія и догадки о немъ высказывались очень разнообразныя.

Нѣкоторые иностранные источники называютъ самозванца истиннымъ царевичемъ; именно: Маржеретъ, Паэрле, Барецпо-Барецци, Гревенбрухъ, Германъ, Ѳома Смитъ и первыя двѣ записки изъ трехъ, изданныхъ гр. Растопчинымъ въ 1862 г. Склоняются къ тому же мнѣнію вообще писатели-іезуиты; напримѣръ, Поссевинъ (его письмо къ великому герцогу Тосканскому у Чіампи въ Esame critico) и Велевицкій (пользовавшійся дневникомъ патера Савицкаго), а въ наше время даже такой основательный изслѣдователь какъ о. Пирлингъ. Въ особенности это мнѣніе поддерживали польскіе историки и компиляторы, напримѣръ, такъ называемый «Дневникъ Марины» (Устрялова, «Сказ. современ.» IV), Маскевичъ (ibid. V), Товянскій, (Когновицкаго Życia Sapiehów II. 63—70) и Нѣмцевичъ (Dzieje panowania Zygmunta III). Но разсказы о спасеніи маленькаго царевича отъ смерти въ Угличѣ такъ противорѣчатъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и отзываются такимъ баснословіемъ, что не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія. Затѣмъ всѣ русскіе источники, т. е. лѣтописи, хронографы, сказанія, грамоты, выдаютъ самозванца за Гришку Отрепьева, бѣглаго московскаго монаха, называя его иногда просто «Разстригою». Особенно наглядно и какъ бы фактически подтверждалось это мнѣніе челобитною царю Василію Шуйскому или такъ называемымъ «извѣтомъ» чернеца Варлаама Яцкаго, въ которомъ довольно подробно разсказываются похожденія Лжедимитрія со времени его бѣгства изъ Москвы и начало его самозванства. Это мнѣніе о тождествѣ Гришки Отрепьева и Самозванца такъ настойчиво проводилось въ Москвѣ того времени,

что оно было усвоено и нѣкоторыми иностранцами-современниками въ ихъ запискахъ, каковы, напримѣръ, Масса, Петрей, Шаумъ, Делявиль и даже Жолкевскій. Оно проникло въ русскую исторіографію и долго въ ней господствовало, какъ у гражданскихъ историковъ, Миллера, Щербатова, Карамзина, Арцыбашева, Бутурлина, Соловьева, гр. Толстого («Католицизмъ въ Россіи»), такъ и у церковныхъ, отчасти у Платона, вполнѣ у Филарета и Макарія. Изъ нихъ только Миллеръ колебался и, если вѣрить свидѣтельству англичанина Кокса, въ частныхъ разговорахъ склонялся къ тому, что Самозванецъ былъ истиннымъ царевичемъ. («Рус. Стар.» 1877. № 2, стр. 321).

Только немногіе иностранные источники указываютъ на иноземное происхожденіе Лжедимитрія. Буссовъ сообщаетъ слѣдующее: многіе знатные польскіе вельможи открыли ему, что Самозванецъ былъ побочный сынъ Стефана Баторія; а Янъ Сапѣга однажды за столомъ, хвастая польскою храбростію, прямо сказалъ, что Поляки посадили на Московскій тронъ самозванца (Rer rossic. script. ext. I. 19 и 63. И хроника Бера у Устрялова въ «Сказ. соврем.» I. 52 и 104. Тутъ Сапѣга назвалъ самозванца «бродягою»). По словамъ Видекинда, нѣкоторые думали, что Лжедимитрій родомъ валахъ, а другіе приписывали ему итальянское происхожденіе (Hist. Belli Sveco-Moscovitici. 21). Маржеретъ также упоминаетъ, что нѣкоторые считали его или полякомъ, или трансильванцемъ (у Устрялова 103 стр.). Итальянецъ Чилли, лично видѣвшій Лжедимитрія, къ сожалѣнію ничего не говоритъ о его происхожденіи, а просто считаетъ его самозванцемъ (Hist. di Moscovia). Епископъ Пясецкій также считаетъ его самозванцемъ.

Въ русской исторической литературѣ критическое отношеніе къ личности Лжедимитрія и къ распространенному разсказу о происхожденіи его самозванства началось собственно съ митрополита Платона, который въ своей «Краткой Россійской церковной исторіи» высказываетъ мнѣніе, что самозванецъ былъ неизвѣстно кто, можетъ быть и Отрепьевъ, но во всякомъ случаѣ лицо, заранѣе подготовленное къ своей роли въ Польшѣ іезуитами, вообще врагами Россіи. (Краткая Церков. Рос. Ист. Т. II, гл. LXI — LXVIII). Затѣмъ А. Ѳ. Малиновскій отрицалъ тождество этихъ двухъ лицъ и полагалъ, что Лжедимитрій съ дѣтства былъ подготовленъ въ Польшѣ («Біографич. свѣдѣн. о кн. Д. М. Пожарскомъ». М. 1817. 12—15). Археографъ Бередниковъ первый высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности «Извѣта» старца Варлаама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тождествѣ Лжедимитрія съ Гришкою Отрепьевымъ («Ж. М. Н. Пр.» 1835. Ч. VII. 118—120). Несмотря на сіи критическія попытки, Соловьевъ наоборотъ вполнѣ вѣрилъ въ это тождество и считалъ «Извѣтъ» непререкаемымъ источникомъ. Онъ полагалъ, что самозванца приготовили московскіе бояре, желавшіе свергнуть Годунова, а іезуиты имъ только воспользовались. Относительно подготовки боярами онъ повторяетъ предположеніе кн. Щербатова (Рос. Ист. XIII. 205); но пошелъ еще далѣе въ своихъ догадкахъ, и утверждалъ, что самозванецъ приготовленъ уже въ дѣтствѣ, и потому самъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ истинный царевичъ Димитрій, слѣдовательно онъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ (Ист. Рос. VIII, Гл. 2). Это свое мнѣніе нашъ историкъ пытался построить на весьма шаткихъ основаніяхъ, въ родѣ того, что еслибы самозванецъ зналъ о своемъ обманѣ,

то не дѣйствовалъ бы съ такою увѣренностью въ своихъ правахъ. Какъ будто можно назначить предѣлы хорошему актеру, во-первыхъ; а во-вторыхъ, видъ увѣренности онъ получилъ только по достиженіи успѣха; первые же его шаги, по всѣмъ признакамъ, совсѣмъ не отличались увѣренностію. Въ-третьихъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ является какое-то соглашеніе бояръ съ іезуитами и совсѣмъ непонятнымъ его переходъ отъ бояръ къ іезуитамъ съ увѣренностію въ своемъ царственномъ происхожденіи. Въ-четвертыхъ, наконецъ, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ сознательныхъ самозванцевъ съ подобными же чертами. Рядъ такихъ примѣровъ см. у проф. Брикнера Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands (Гл. I: Zur Naturgeschichte der Prätendenten). Leipzig. 1887. Оказывается однако, что самозванцами особенно изобилуетъ Русская исторія. (Авторъ впрочемъ упустилъ изъ виду группу самозванцевъ Молдовалахскихъ). Послѣ Смутнаго времени второю эпохою самозванства были у насъ 60-е и 70-е годы XVIII столѣтія, т. е. эпоха Лжепетровъ III. Прибавлю отъ себя, что изъ этихъ Лжепетровъ къ первому Лжедимитрію по характеру и успѣху наиболѣе подходитъ Степанъ Малый, дѣйствовавшій въ Черногоріи.

Костомаровъ посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу: «Кто былъ первый Лжедимитрій?» (Спб. 1864). Одинъ изъ главныхъ выводовъ его заключается въ томъ, что Лжедимитрій и Григорій Отрепьевъ были два разныя лица. Это положеніе было доказано имъ только до извѣстной степени; причемъ онъ предполагаетъ въ самозванцѣ все-таки человѣка изъ Московской Руси. Затѣмъ онъ, подобно Соловьеву, полагаетъ, что самозванца съ дѣтства подготовили московскіе бояре, и что онъ самъ «вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». Но впослѣдствіи въ своемъ «Смутномъ времени» онъ отказался отъ послѣдняго мнѣнія и ближе подошелъ къ истинѣ, предполагая, что самозванецъ приготовленъ въ Западной Руси Поляками; но не опредѣляетъ, кѣмъ именно, и повидимому считаетъ его самого полякомъ. По поводу перваго изслѣдованія Костомарова появилась брошюра студента (впослѣдствіи профессора) В. С. Иконникова, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Кто былъ первый самозванецъ?» (Изъ «Кіев. Универс. Извѣстій». 1865 г.). Брошюра эта склоняется въ пользу мнѣнія, что Отрепьевъ и Лжедимитрій были два разныя лица. Одновременно съ изслѣдованіемъ Костомарова вышло пространное разсужденіе Бицына (псевдонимъ Н. М. Павлова), озаглавленный «Правда о Лжедимитріи» (Газета «День». 1864). Разсужденіе это исполнено многихъ остроумныхъ соображеній и догадокъ. А главный его выводъ заключается въ томъ, что бояре въ Москвѣ приготовили Гришку Отрепьева и отправили его въ Польшу; но изъ Польши, къ ихъ удивленію, пришло подъ именемъ Димитрія другое лицо, приготовленное іезуитами съ цѣлію введенія въ Россіи уніи. Любопытна происшедшая отсюда полемика между Костомаровымъ и Бицынымъ (перепечатана въ «Рус. Арх.» 1886 г. № 8). Костомаровъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній; онъ отрицаетъ, чтобы бояре приготовили самозванца въ лицѣ Гришки Отрепьева; отрицаетъ и подготовку его іезуитами. Усердными противниками трехъ названныхъ писателей и поборниками господствовавшаго прежде мнѣнія о тождествѣ перваго Лжедимитрія съ Отрепьевымъ выступили, во-первыхъ, Добротворскій («Вѣстникъ Запад. Рос.» 1866 г. №№ 6 и 7), во-вторыхъ проф. Казан-

скій («Рус. Вѣстн.» 1877 г. №№ 8—10); но ихъ защита стараго мнѣнія нисколько неубѣдительна.

Весьма видное мѣсто въ исторіи даннаго вопроса заняло сочиненіе члена Іезуитскаго ордена изъ русскихъ уроженцевъ о. Павла Пирлинга «Rome et Demetrius d'apres les documents nouveaux». Lyon. 1877. Второе изданіе: Paris. 1878. Авторъ какъ бы считаетъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ; на этомъ положеніи впрочемъ онъ не особенно настаиваетъ; главная же его задача состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть мнѣніе о подготовкѣ названнаго Димитрія іезуитами. По нашему убѣжденію, въ этомъ главномъ своемъ тезисѣ о. Пирлингъ приблизительно правъ. Хотя онъ до очевидности преуменьшаетъ вообще участіе іезуитовъ въ дѣлѣ самозванца; но довольно правдоподобно доказываетъ, что они взялись за это дѣло уже послѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, уже тогда, когда о немъ стали громко говорить, когда участіе въ немъ приняли нунцій и король. Нельзя не сознаться, что, какъ и при началѣ уніи въ Западной Россіи, наши историческіе писатели досель слишкомъ склонны были преувеличивать роль іезуитовъ и слишкомъ рано приписывать имъ въ Польшѣ и Литвѣ то большое значеніе, которое они пріобрѣли собственно позднѣе. Очевидно въ дѣлѣ самозванца іезуиты явились не зачинщиками, а только участниками, и притомъ не главными. Уже нѣкоторые современники самозванца считали его лицомъ, приготовленнымъ іезуитами; но такъ говорили собственно протестантскіе писатели, какъ явные враги іезуитовъ. И уже Маржеретъ дѣльно возражалъ имъ въ своихъ запискахъ о Россіи (стр. 108—109 рус. перевода).

Г. Левитскій въ своей монографіи «Лжедимитрій 1 какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» (Спб. 1886 г.) также представляетъ нѣкоторыя дѣльныя соображенія противъ мнѣнія о подготовкѣ самозванца іезуитами и доказываетъ, что онъ принялъ католицизмъ неискренно. Онъ примыкаетъ къ догадкѣ Щербатова и Соловьева, что самозванецъ былъ приготовленъ боярами для сверженія Годунова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ X главѣ своей «Русской Исторіи», приводя разныя мнѣнія, съ обычною осторожностію своею не высказывается ни за какое изъ нихъ, и только въ примѣчаніи говоритъ: «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лжедимитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ принять»; причемъ ссылается на свидѣтельство Маржерета («Ж. М. Н. Пр.» 1887 г. Іюль). Г. Платоновъ въ своей диссертаціи «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени» (Спб. 1888 г.) останавливается слегка надъ «Извѣтомъ» старца Варлаама и вслѣдъ за Костомаровымъ скептически относится къ этому источнику; но не старается дойти до корней возобладавшаго въ русскихъ сказаніяхъ отождествленія Гришки Отрепьева съ первымъ Лжедимитріемъ. В. С. Иконниковъ въ своей брошюрѣ «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (Кіевъ. 1889 г., по поводу названныхъ работъ Левитскаго и Платонова) приводитъ много фактическихъ и библіографическихъ указаній; но также не высказываетъ окончательныхъ выводовъ, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Итакъ, очевидно, многіе вопросы Смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра».

Теперь повторю вкратцѣ сущность моего собственнаго мнѣнія о происхожденіи самозванства и личности перваго самозванца; а затѣмъ перейду къ изложенію самихъ основаній, на которыхъ это мнѣніе построено.

Я не считаю Лжедимитрія ни Гришкою Отрепьевымъ, ни лицомъ, заранѣе, съ дѣтства подготовленнымъ боярами или іезуитами, а считаю его лицомъ, выставленнымъ нѣкоторыми польско-русскими панами. Я полагаю, что онъ былъ родомъ изъ Западной Руси; что онъ принадлежалъ къ классу мелкой служебной шляхты, наполнявшей дворы знатныхъ пановъ и уже подвергшейся до нѣкоторой степени ополяченію. Польскимъ языкомъ Лжедимитрій владѣлъ едва ли не лучше чѣмъ русскимъ. Мысль назвать себя царевичемъ могла придти ему подъ вліяніемъ той страсти, которую внушила ему Марина Мнишекъ. Повидимому, онъ рано попалъ на службу къ этой фамиліи, и здѣсь-то зародилась въ немъ идея самозванства, поощряемая, а, можетъ быть, и навѣянная самими Мнишками въ ихъ личныхъ интересахъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ смерти царевича Димитрія и непопулярности Бориса Годунова, самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ. Левъ Сапѣга, уже по своей должности слѣдившій и хорошо знавшій, что дѣлалось въ Москвѣ, а также находившійся въ интимныхъ сношеніяхъ съ Мнишками, едва ли не далъ главный толчекъ идеѣ самозванства, интригуя противъ Москвы въ видахъ политическихъ. Онъ замѣшалъ въ посольскую свиту и взялъ съ собою въ Москву будущаго самозванца, конечно, хорошо зная его недюжинныя способности и отважный, воинственный характеръ. А для такого отчаяннаго предпріятія, какъ добываніе Московскаго трона, требовался, прежде всего, смѣлый искатель приключеній и храбрый рубака, какимъ въ дѣйствительности и явился первый самозванецъ. Но при объявленіи его Сапѣга благоразумно оставался въ сторонѣ; а только доставлялъ лжесвидѣтелей, которые какъ по нотамъ разыгрывали комедію съ примѣтами. Близкое участіе свое въ дѣлѣ Сапѣга обнаружилъ еще тѣмъ, что выхлопоталъ у короля награжденіе помѣстьемъ московскимъ выходцамъ пяти братьямъ Хрипуновымъ, признавшимъ названнаго Димитрія (А. З. Рос., IV, № 160. Грамота отъ 27 марта 1604 г.). Роль первыхъ его глашатаевъ предоставлена братьямъ Вишневецкимъ, обработаннымъ съ помощію жены одного изъ нихъ Урсулы Мнишковны, очевидно усердствовавшей ради старшей сестры своей Марины. Кромѣ этихъ родственныхъ связей, Вишневецкихъ, повидимому, возбуждало еще чувство мести къ Б. Годунову; ибо вскорѣ послѣ заключеннаго Сапѣгою перемирія съ Москвой возникли пограничныя распри и кровавыя столкновенія; причемъ Московскіе воеводы ближнихъ мѣстъ напали на неправильно захваченное Вишневецкими мѣстечко Прилуку (на берегу Удая), сожгли его и разорили (Акты З. Р. IV, 306). Когда замыселъ достаточно созрѣлъ, то усиліями трехъ названныхъ фамилій привлечены были къ участію въ дѣлѣ нунцій Рангони, король, іезуиты и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ.

Что касается до русскихъ бояръ, то вопросъ о сознательной и самостоятельной подготовкѣ ими самозванца не имѣетъ почти никакой исторической вѣроятности, хотя Борисъ потомъ и ворчалъ на нихъ, говоря, что это ихъ дѣло, и хотя подобное мнѣніе повторялось иногда современниками-иноземцами (напримѣръ, письмо неизвѣстнаго къ герцогу Тоскан. въ «Рус. Ист. Библ.», VIII, № 8, гдѣ, впрочемъ, говорится о сохраненіи боярами истиннаго царевича). Въ такомъ дѣлѣ трудно было имъ сговориться и дѣйствовать единодушно, при извѣстномъ соперничествѣ знатнѣйшихъ фамилій; а въ числѣ ихъ были и такія, которыя могли пре-

тендовать на престолъ, именно Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и Романовы. Притомъ подобный обширный заговоръ не могъ бы укрыться отъ бдительныхъ шпіоновъ Годунова. Существуютъ впрочемъ намеки на то, что нѣкоторыя фамиліи какъ будто или знали, или догадывались о самозванствѣ, готовившемся въ Польшѣ-Литвѣ. Это фамилія Романовыхъ и родственныя съ нею семьи Черкасскихъ, Репниныхъ и Сицкихъ. Опала ихъ и ссылки послѣдовали какъ разъ во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ, и нужно предположить, что отъ шпіоновъ Годунова не укрылись какія-либо тайныя сношенія посольства съ сею фамиліей. А извѣстна тактика Бориса: обвинять не прямо въ томъ, въ чемъ онъ подозрѣвалъ, но изыскивать другой поводъ, которымъ въ данномъ случаѣ послужилъ мнимый замыселъ отравленія. Въ январѣ 1605 года—когда въ областяхъ разсылались патріаршія грамоты о молебствіи по случаю вторженія Лжедимитрія и о его проклятіи—старецъ Филаретъ (Ѳедоръ Никитичъ Романовъ) вдругъ измѣнилъ свое поведеніе въ Сійскомъ монастырѣ, сталъ кричать на монаховъ и грозить имъ (Акт. Ист. II. № 54). Эту перемѣну мы вправѣ объяснять появленіемъ ожидаемаго самозванца, котораго грамоты называли растригою Гришкою Отрепьевымъ, незадолго «жившимъ у Романовыхъ во дворѣ» (Ак. Эксп. II. № 28). Наконецъ, особое вниманіе Лжедимитрія къ семьѣ Романовыхъ могло имѣть своимъ основаніемъ не одно только притязаніе на отдаленное родство.

Григорій Отрепьевъ, служившій прежде у Черкасскихъ и Романовыхъ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ, обратившій на себя вниманіе невоздержными рѣчами и намеками на спасеніе царевича Димитрія, является какимъ-то посредствующимъ звеномъ въ этой темной исторіи. Есть указанія на то, что о приготовлявшемся у поляковъ-литвы самозванцѣ догадывались и сочувствовали ему думные дьяки Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ, которымъ уже по своей должности пришлось входить въ непосредственныя сношенія съ Сапѣгой и его посольствомъ. Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, кромѣ того, въ слѣдующемъ 1601 году былъ отправленъ къ Сигизмунду III вмѣстѣ съ великими послами М. Г. Салтыковымъ и В. Т. Плещеевымъ (Др. Рос. Вивл. IV); слѣдовательно опять имѣлъ случай непосредственнаго сношенія съ Сапѣгой. Впослѣдствіи, послѣ гибели Самозванца, Московскіе бояре указывали Полякамъ на какія-то тайныя ссылки Власьева съ панами-радою (Акты З. Р. IV. 288—289). Дьякъ Щелкаловъ послѣ опалы Романовыхъ тоже былъ удаленъ отъ дѣлъ, а при Лжедимитріи является окольничимъ («Рос. Вивл.», XX, 78); а дьякъ Власьевъ, съумѣвшій сохранить расположеніе къ себѣ Годунова, по воцареніи Лжедимитрія сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ. На покровительство братьевъ Щелкаловыхъ во время его дѣтства указывалъ будто бы самъ Лжедимитрій (Щербатовъ, XIII, 211. Изслѣдованіе Костомарова, 41). Сомнителенъ также главный начальникъ помянутаго сейчасъ посольства Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, который потомъ явился однимъ изъ воеводъ, явно мирволившихъ Самозванцу.

Возвращаясь ко мнѣнію о тождествѣ Гришки Отрепьева и Лжедимитрія, можемъ только удивляться, что это мнѣніе могло такъ долго господствовать въ русской исторіографіи, вопреки всѣмъ началамъ здравой критики. Уже самый возрастъ Отрепьева тому противорѣчитъ: онъ былъ слишкомъ старъ для роли царевича. Въ 1602 году, къ которому

относится его бѣгство въ Литву, ему было никакъ не менѣе 30-ти лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше истиннаго царевича. Всѣ писавшіе о Лжедимитріи (въ томъ числѣ и противники тождества какъ Костомаровъ и Бицинъ) обыкновенно упускали изъ виду одно немаловажное обстоятельство: Григорій, пребывая въ Чудовѣ монастырѣ, имѣлъ уже дьяконскій чинъ; а по уставамъ русской церкви онъ не могъ быть посвященъ въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Далѣе, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства источниковъ о Григоріи Отрепьевѣ или такъ назыв. «Разстригѣ», какъ личности отдѣльной отъ Лжедимитрія. Маржеретъ говоритъ, что Разстрига дѣйствительно убѣжалъ въ Литву съ какимъ-то другимъ монахомъ; что ему, какъ это дознано, было отъ 35 до 38 лѣтъ; что онъ былъ негодяй и горькій пьяница; что Димитрій, воцарившись, сослалъ его въ Ярославль, а Василій Шуйскій потомъ его окончательно куда-то спровадилъ (103—106 рус. перевода). Независимо отъ Маржерета, хроника Буссова-Бера также говоритъ объ Отрепьевѣ, какъ объ отдѣльномъ лицѣ; по ея словамъ, этотъ бѣглый изъ Москвы монахъ въ Бѣлоруссіи нашелъ какого-то благороднаго юношу и руководилъ первыми шагами сего самозванца, а потомъ отправился къ казакамъ поднимать ихъ во имя названнаго Димитрія; что и выполнилъ съ успѣхомъ (стр. 19 подлинника и 31—33 рус. перевода у Устрялова). Третье свидѣтельство, независимое отъ двухъ названныхъ, встрѣчается въ письмахъ іезуитскихъ патеровъ Чижовскаго и Лавицкаго, сопровождавшихъ войско самозванца, къ пат. Страверію изъ Путивля, отъ 8 марта 1605 года: «Приведенъ Гришка Отрепьевъ, извѣстный чернокнижникъ (celebris magus), котораго Годуновъ выдавалъ за принца пришедшаго съ ляхами; москвитянамъ ясно открылось, что онъ и Димитрій Ивановичъ суть два разные человѣка». (Пирлингъ, 204). Московское правительство, отождествляя самозванца съ Гришкою Отрепьевымъ, какъ извѣстно, въ своихъ грамотахъ говорило, что, живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ былъ уличенъ въ чернокнижествѣ и бѣжалъ, избѣгая наказанія. (Дополн. къ Ак. Ист., I, 255). Данное сообщеніе іезуитовъ подтверждается и русскимъ свидѣтельствомъ. По Иному сказанію о самозванцахъ, въ Москвѣ нѣкоторые говорили, что «идетъ Димитрій, а не ростригa, да и ростригу же прямо съ собою въ Москву везетъ и оказуетъ его, чтобы не сумнялись люди». (Времен., XVI, 22). Карамзинъ, а за нимъ и Соловьевъ пытались устранить подобныя свидѣтельства толкованіемъ Морозовской лѣтописи и «Повѣсти о Борисѣ и Разстригѣ», что Лжедимитрій для отвода глазъ передалъ свое имя Григорія Отрепьева другому монаху, по словамъ первой чернецу Пимену, а по другой монаху Крыпецкаго монастыря Леониду, который ушелъ въ Литву вмѣстѣ съ нимъ, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи указалъ на несообразность и противорѣчія, заключающіяся въ этомъ извѣстіи (стр. 33).

Въ VIII томѣ «Записокъ Петербургскаго Археологическаго Общества» «обнародована была, открытая г. Добротворскимъ въ библіотекѣ Загоровскаго волынскаго (бывшаго уніатскаго) монастыря, надпись на сочиненіи Василія Великаго о постничествѣ, Острожской печати 1594 года; надпись отъ имени инока Григорія говоритъ, что книга эта подарена была ему, Григорію, да Мисаилу и Варлааму княземъ Константиномъ—Василіемъ Острожскимъ. Причемъ подъ словомъ «Григорію» приписано:

«царевичу московскому». Г. Добротворскій на сей припискѣ построилъ свою ревностную защиту тождества Отрепьева съ Лжедимитріемъ. Онъ сопоставляетъ эту надпись съ «извѣтомъ» старца Варлаама и находитъ въ нихъ взаимное подтвержденіе. Но дѣло въ томъ, что приписка («царевичу московскому»), судя по перу и чернидамъ, сдѣлана позднѣе самой надписи, хотя, по увѣренію г. Добротворскаго, тою же рукою; но и это увѣреніе очень сомнительное. Приписка свидѣтельствуетъ только о томъ, что сдѣлавшій ее, какъ и многіе другіе, на основаніи увѣреній Московскаго правительства отождествлялъ Отрепьева съ Лжедимитріемъ, и ничего болѣе. А самая надпись подтверждаетъ «извѣтъ» Варлаама въ томъ смыслѣ, что онъ и Мисаилъ Повадинъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Григоріемъ Отрепьевымъ скитались въ Западной Россіи, и нѣкоторое время пребывали въ Острогѣ, и опять ничего болѣе. Едва ли и сами князья Острожскіе на первое время не были введены въ заблужденіе московскими грамотами; по крайней мѣрѣ Янушъ Константиновичъ полагалъ, что незадолго гостившій у его отца Отрепьевъ и есть Лжедимитрій (Нѣмцевичъ. II, 197. Примѣчаніе). Возможно, что Отрепьевъ, чтобы заметать слѣды, иногда самого себя выдавалъ за царевича. Вѣроятно и самъ Лжедимитрій, послѣ своего пребыванія въ Москвѣ въ свитѣ Сапѣгина посольства, скитался нѣкоторое время по монастырямъ Восточной и Западной Россіи въ товариществѣ того же Отрепьева и Варлаама. Отсюда произошла такая путаница въ извѣстіяхъ о немъ и Отрепьевѣ; сами современники, не посвященные въ тайну интриги, не могли разобраться въ этой путаницѣ. Что Лжедимитрій побывалъ въ Москвѣ, замѣшанный въ Сапѣгину свиту, о томъ говоритъ иноземецъ Масса; о томъ и самъ онъ упоминалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ по вступленіи въ предѣлы Московскаго государства (по извѣстію Буссова). По окончаніи же посольства онъ, по всѣмъ признакамъ, нѣкоторое время бродилъ по монастырямъ подъ чьимъ-то руководствомъ. Это должно было входить въ общій планъ интриги: кромѣ такого удобнаго, не возбуждающаго подозрѣнія, способа ознакомиться съ Московскою землею, онъ потомъ, повторяя басню о своемъ спасеніи, недаромъ указывалъ на то, что отъ Борисовыхъ клевретовъ укрывался именно подъ монашескою рясою въ разныхъ монастыряхъ.

Приведемъ и другія доказательства тому, что самозванецъ не только не былъ Григорій Отрепьевъ; но что онъ былъ родомъ изъ польско-литовской, а не московской Руси. Маржеретъ, пытаясь защитить подлинность названнаго Димитрія и опровергнуть противныя мнѣнія, дѣлаетъ важное для насъ сообщеніе: «Многіе иноземцы, говоритъ онъ, именуя Димитрія полякомъ или трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-русски неправильно, осмѣивалъ русскіе обычаи, наблюдалъ русскую вѣру только для виду; однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ поляка» (106 рус. перевода). Отсюда мы видимъ, что сами современники, лично знавшіе Лжедимитрія, не мало ломали себѣ голову надъ вопросомъ о его таинственномъ происхожденіи; причемъ явно склонялись къ тому главному предположенію, что онъ былъ не изъ московской Руси. А затѣмъ выставленныя противъ нихъ Маржеретомъ опроверженія являются крайне слабыми; напримѣръ, будто бы невѣ-

роятно, чтобы воевода Сендомірскій не развѣдалъ прежде, кто будетъ его зятемъ, а король дозволилъ бы помогать обманщику; въ противномъ случаѣ послѣдній отправилъ бы съ нимъ въ Россію многочисленное войско и снабдилъ бы его денежною казною. Но Маржеретъ какъ будто не зналъ, что польскій король не былъ самодержавнымъ государемъ и зависѣлъ отъ сейма. А что Сигизмундъ III вѣдалъ истину, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, въ инструкціи своему секретарю Самуилу Грушецкому, отправленному посломъ къ испанскому королю въ 1612 г. «Тотъ, который подъ ложнымъ именемъ Димитрія съ помощію польскихъ войскъ вторгнулся въ государство, былъ убитъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самими москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 4). Сигизмундъ могъ бы оправдываться въ своемъ участіи тѣмъ, что прежде онъ самъ вѣрилъ въ подлинность Димитрія; но онъ даже не счелъ нужнымъ дѣлать такую оговорку. А что касается до Юрія Мнишка, то для насъ теперь ссылка на добросовѣстность одного изъ главныхъ заводчиковъ дѣла является только наивною. Изъ приведенныхъ выше указаній для насъ особенно важно то, что Лжедимитрій «не чисто» или «не правильно» выражался по-русски (т. е. по-московски). Маржеретъ (какъ иностранецъ, едва ли компетентный въ семъ вопросѣ) утверждаетъ, будто бы онъ говорилъ очень правильно, «только для прикрасы примѣшивалъ иногда польскія поговорки». «Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ сколь долго съ юныхъ лѣтъ онъ не видалъ отечества». Ясно, что Гришку Отрепьева никакъ нельзя было бы оправдывать такимъ доводомъ въ неправильномъ произношеніи русскихъ словъ; ибо онъ ушелъ въ Литву не ранѣе 1602 года, когда ему было не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно это не былъ Отрепьевъ; но и вообще не былъ москвичъ. Характеристика его рѣчи именно указываетъ на западно-русскаго ополячившагося шляхтича. Уже въ качествѣ западно-русса онъ долженъ былъ отличаться нѣкоторымъ акцентомъ отъ москвичей; а его польскія поговорки указываютъ на большую привычку къ польскому языку, которымъ онъ владѣлъ вполнѣ. Любопытно, что свое письмо къ папѣ Клименту VIII онъ сочинилъ самъ по-польски; а русскія его письма хотя «были безъ ошибокъ», какъ выражается Маржеретъ, но тутъ же сознается, что онѣ были писаны «со словъ Димитрія», а не имъ самимъ. Очевидно передъ нами полурусскій, полуполякъ.

Далѣе, относительно русскихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ мы имѣемъ указаніе, что Лжедимитрій, хотя по наружности старался ихъ соблюдать, но иногда невольно выдавалъ неполное, невошедшее въ привычку, съ ними знакомство. Такъ любопытно слѣдующее свидѣтельство Массы. Когда самозванецъ торжественно вступалъ въ Москву, духовенство, встрѣчавшее его со крестами и хоругвями, поднесло ему икону Богородицы (вѣроятно Владимірской), чтобы онъ приложился. Самозванецъ «сошелъ съ коня: приложился къ иконѣ, но не такъ какъ бы слѣдовало по обычаю; нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усумнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь» (159 стр. рус. перевода). Если подобные факты обнаруживали вообще его не московское происхожденіе, то они окончательно дѣлаютъ невозможнымъ его тождество съ Отрепье-

вымъ, бывшимъ московскимъ монахомъ и дьякономъ. Самозванецъ могъ въ общихъ чертахъ исполнять русскіе православные обычаи; но несмотря на предварительное посѣщеніе Москвы и скитаніе по монастырямъ, ему трудно было въ сравнительно короткое время усвоить себѣ всѣ тѣ подробности, которыми Восточная Русь отличалась отъ Западной, а въ языкѣ и манерахъ не обнаружить своего ополяченія.

Маржерету уже извѣстно было мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые считали Лжедимитрія воспитанникомъ и орудіемъ іезуитовъ. Онъ совершенно основательно разсуждаетъ о несообразностяхъ отсюда вытекающихъ. Между прочимъ говоритъ слѣдующее: «если бы онъ воспитывался у іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать латинскій языкъ; но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его весьма не твердою. Кромѣ того, онъ оказалъ бы тогда іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое – и то съ польскими войсками, неимѣвшими другихъ патеровъ» (109 стр.). Сообщеніе Маржерета относительно подписи вполнѣ подтверждается сохранившимися актами: въ одномъ мѣстѣ самозванецъ подписался Demiustri вмѣсто Demetrius, а въ другомъ in Perator вмѣсто imperator (Устрялова, 97 примѣч. къ переводу Маржерета и кн. Оболенскаго «La legende de la vie» и пр. Приложенія № 4). По воцареніи своемъ Лжедимитрій дѣйствительно менѣе всего заботился объ исполненіи обѣщаній, относившихся ко введенію церковной уніи; папа и іезуиты имѣли полное основаніе жаловаться на его забывчивость. Если бы іезуиты его воспитали и подготовили, то навѣрно онъ не явился бы такимъ индиферентомъ въ дѣлѣ религіи. Папу и іезуитовъ онъ обманулъ, сдѣлавъ ихъ орудіемъ для достиженія своей личной цѣли, какъ обманулъ и короля Сигизмунда, съ которымъ, вмѣсто благодарности, затѣялъ потомъ разныя пререканія. Самозванецъ не обманулъ только Мнишковъ, отца съ дочерью, и остался имъ вѣренъ до конца; чѣмъ и засвидѣтельствовалъ свои тѣсныя, таинственныя связи съ этой семьей. Ясно, что здѣсь находились корни его самозванства; что отецъ и дочь хорошо знали тайну его происхожденія; они одни—или изъ числа немногихъ—могли его выдать; но въ ихъ интересахъ было хранить эту тайну. Что руководящимъ чувствомъ Марины было честолюбивое желаніе сдѣлаться московскою царицею, она наглядно доказала это своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, признавъ своимъ мужемъ и другого бродягу, т. е. второго Лжедимитрія.

Наконецъ свое не московское, а западно-русское происхожденіе первый Лжедимитрій ясно обнаружилъ всѣмъ своимъ характеромъ, поведеніемъ и привычками. На престолѣ онъ былъ все тотъ же тщеславный, легкомысленный рубака, любитель женщинъ, пировъ и танцевъ, какъ истый шляхтичъ, выросшій при дворѣ польскихъ и ополяченныхъ русскихъ пановъ того времени. Нѣкоторые изъ этихъ польско-русскихъ пановъ (вышеуказанные), по нашему крайнему разумѣнію, и были настоящими виновниками самозванческой смуты. Хотя они тщательно скрывали истину; но иногда, въ пьяномъ видѣ, проговаривались, что самозванецъ ихъ дѣло; какъ о томъ свидѣтельствуетъ хроника Буссова. Особенно заслуживаетъ вниманія его ссылка на Яна Сапѣгу; трудно предположить, чтобы сему послѣднему осталось неизвѣстнымъ тайное, но вмѣстѣ руководящее участіе въ семъ дѣлѣ главы его фамиліи канцлера Льва

Сапѣги. Приведемъ также свидѣтельство итальянца Нери Джеральди въ его письмѣ изъ Нюренберга къ великому герцогу Тосканскому, отъ 26 сентября 1605 года, т. е. во время царствованія Лжедимитрія. Со словъ встрѣченныхъ имъ польскихъ купцовъ, онъ говоритъ, что Мнишекъ истратилъ почти все свое состояніе на поддержку «сего князя»; что послѣдній въ юности находился въ услуженіи у Мнишка и «свободно владѣетъ языками польскимъ, латинскимъ и природнымъ русскимъ». Повидимому, Джеральди былъ ранѣе въ Польшѣ и видѣлъ самозванца или человѣка на него похожаго. «Мнѣ сперва казалось,—продолжаетъ онъ,—что я знавалъ его лично, но убѣдился въ ошибкѣ своей, принимая вмѣсто него сына смоленскаго воеводы, который бѣжалъ къ московскому князю Іоанну Васильевичу, отцу нынѣшняго царя». (Сборникъ Чіампи въ Архивѣ Калачова). Любопытно, хотя и темно, это вскользь брошенное замѣчаніе о сходствѣ самозванца съ извѣстнымъ автору письма лицомъ. Что касается до обладанія тремя языками, то латинскій, по всѣмъ даннымъ, самозванецъ зналъ очень мало. Кромѣ свидѣтельства Маржерета, напомнимъ извѣстіе іезуита Савицкаго о томъ, что самозванецъ сочинилъ посланіе къ папѣ Клименту VIII по-польски, а іезуитъ перевелъ его по-латыни.

Къ названнымъ сейчасъ свидѣтельствамъ весьма нелишнимъ дополненіемъ служатъ «слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ 1611 года, по поводу вопросовъ, касавшихся Смутнаго времени»—слова, взятыя Костомаровымъ изъ одной рукописи библіотеки Красинскихъ и поставленныя имъ въ видѣ эпиграфа къ своему Смутному времени. Приведемъ ихъ въ русскомъ переводѣ: «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что́ можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». Только немногіе, болѣе благородные характеры, вродѣ знаменитаго Яна Замойскаго, не хотѣли участвовать въ этой чудовищной польской интригѣ противъ Московскаго государства. Наконецъ его родственникъ, другой знаменитый гетманъ, Жолкевскій въ своихъ «Запискахъ о Московской войнѣ», прямо заводчикомъ зла называетъ Юрія Мнишка: онъ, изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ, упорно поддерживалъ Лжедимитрія, самозванство котораго ему было очень хорошо извѣстно, и, при помощи своего родственника кардинала-епископа Мацѣевскаго, вовлекъ въ это дѣло короля.

Самая физіономія перваго Самозванца, судя по наиболѣе достовѣрнымъ портретамъ, выдаетъ его невеликорусское происхожденіе.

Покончивъ съ доказательствами западнорусскаго происхожденія Самозванца и польско-литовской интриги, его породившей, скажу еще нѣсколько словъ объ «Извѣтѣ» Варлаама и о ложности названнаго Димитрія.

Выше мы не разъ указывали на изслѣдованіе г. Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ». Для всякаго труда, посвященнаго данной эпохѣ, это изслѣдованіе является несомнѣнно цѣннымъ и весьма полезнымъ пособіемъ тамъ, гдѣ нужно разбираться въ массѣ русскихъ сказаній и свидѣтельствъ, и опредѣлять степень ихъ безпристрастія, взгляды на личности и событія или ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу. Но

нельзя того же сказать о выводахъ собственно историческихъ. Тутъ критика автора подъ часъ является слабою и несамостоятельною; что впрочемъ и естественно было найти въ изслѣдованіи молодого еще не вполнѣ установившагося ученаго. Впрочемъ эта сторона скорѣе можетъ быть отнесена къ недостаткамъ той исторической школы, изъ которой вышелъ авторъ и которая слишкомъ тяготѣетъ къ узкому, механическому способу изслѣдованій въ ущербъ широкой историко-критической основѣ. Мы уже имѣли случаи указывать, напримѣръ, слишкомъ недостаточно обоснованный выводъ о невинности Бориса Годунова въ смерти царевича Димитрія и подчиненіе автора въ этомъ случаѣ сомнительнымъ авторитетамъ. Теперь позволимъ себѣ сдѣлать г. Платонову легкій упрекъ въ томъ, что онъ недостаточно оцѣнилъ историческое значеніе такого источника какъ пресловутый «Извѣтъ» старца Варлаама. Несмотря на свой небольшой объемъ, этотъ источникъ занимаетъ очень важное мѣсто въ ряду сказаній о Смутномъ времени: и для старыхъ лѣтописцевъ, и для новыхъ историковъ онъ прослужилъ главнымъ основаніемъ при отождествленіи перваго Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ, и потому заслуживалъ отдѣльной, тщательно обработанной главы, а не одного только примѣчанія, хотя бы и распространеннаго на двѣ страницы (10—11). Ради выясненія этого памятника можно было пожертвовать разными подробностями, относящимися къ нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ, хотя многословнымъ и объемистымъ, но малосодержательнымъ и очень незначительнымъ по своему итогу.

Вслѣдъ за Костомаровымъ, г. Платоновъ скептически относится къ Извѣту; онъ указываетъ нѣкоторыя его невѣроятности, почти голословно считаетъ его сочиненнымъ лѣтомъ 1606 года, и называетъ искусственной композиціей. Вотъ и все. Тутъ, вмѣсто ссылки на двѣ грамоты Самозванца, помѣщенныя въ Актахъ Эксп. II. №№ 26 и 34, гораздо важнѣе было сопоставить этотъ Извѣтъ съ двумя другими грамотами, помѣщенными въ тѣхъ же Актахъ Экспедиціи, подъ №№ 28 и 29. Въ этихъ послѣднихъ уже разсказывается о бѣгствѣ Отрепьева изъ Москвы въ Литву съ иноками Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ и о первыхъ ихъ похожденіяхъ за рубежомъ почти также, какъ это разсказано въ Извѣтѣ самого Варлаама. А между тѣмъ сіи двѣ грамоты (патріарха Іова и новогор. митр. Исидора) написаны были въ январѣ 1605 г., когда, соображая данныя, Варлаамъ еще сидѣлъ въ Самборской тюрьмѣ. Далѣе, въ Извѣтѣ есть важная подробность, которой нѣтъ въ названныхъ сейчасъ двухъ грамотахъ: о путешествіи Варлаама къ королю и панамъ раднымъ для изобличенія Самозванца и о казни въ Самборѣ Варлаамова товарища сына боярскаго Якова Пыхачова. Объ указанномъ изобличеніи нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ, и это фактъ сомнительный; но казнь въ то время одного московскаго агента въ Самборѣ есть историческій фактъ (см. выше примѣч. 3). Такимъ образомъ Извѣтъ представляетъ несомнѣнную фактическую основу, но съ примѣсью какой то путаницы и неискренности.

Обращу вниманіе между прочимъ на слѣдующее обстоятельство. Въ Извѣтѣ разсказывается: когда Отрепьевъ собирался изъ кіевскаго Печерскаго монастыря ѣхать въ Острогъ къ князю Василію-Константину, Варлаамъ просилъ позволенія остаться; но игуменъ Елисей отвѣтилъ: «четыре васъ пришло, четверо и подите». Откуда же четверо? Изъ Мо-

сквы пришли трое: Отрепьевъ, Варлаамъ и Мисаилъ. Четвертымъ могъ быть ихъ «вожъ» Ивашка Семеновъ, «отставленный старецъ» Спасскаго монастыря въ Новгородѣ Сѣверскомъ; онъ взялся проводить ихъ за Литовскій рубежъ. Но по грамотамъ патріарха Іова и митрополита Исидора за рубежъ до села Слободки проводилъ ихъ чернецъ Пименъ, который отъ этого села воротился назадъ. Тутъ разногласіе, и личность четвертаго лица остается не совсѣмъ ясною. Не былъ ли это тотъ довольно загадочный монахъ Леонидъ, о которомъ упоминаетъ Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ или «Како восхити ц. престолъ» и пр. и подъ именемъ котораго могъ скрываться Самозванецъ? Означенная повѣсть говоритъ, что съ Отрепьевымъ ушли въ Литву не два, а три монаха. (Р. Ист. Биб. XIII. 155). Вообще заодно съ нимъ, повидимому, орудуетъ цѣлая группа монаховъ по ту и по другую сторону московско-литовскаго рубежа. Во всякомъ случаѣ московское оффиціальное отождествленіе Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ началось уже при Годуновѣ вслѣдъ за объявленіемъ названнаго Димитрія въ Литвѣ и Польшѣ. И можно думать, что Московское правительство сначала дѣйствительно такъ думало, т. е. введено было въ заблужденіе запутанными обстоятельствами и сбивчивыми донесеніями. А потомъ оно уже болѣе или менѣе сознательно не хотѣло отступиться отъ своего мнѣнія, которое считало выгоднымъ для себя; такъ какъ понятіе о разстригѣ, связанное съ названнымъ Димитріемъ, могло возбуждать въ народѣ сильную къ нему антипатію. Шуйскій и его товарищи — бояре, приближенные къ Лжедимитрію, конечно могли отлично убѣдиться въ томъ, что онъ не бывшій чудовской монахъ, книжникъ, сочинитель каноновъ и наклонный къ пьянству Григорій Отрепьевъ. Но не въ ихъ видахъ было бы разувѣрять въ томъ народъ; а посему послѣ гибели Самозванца они продолжали утверждать мнимое тождество и распространять сказанія въ родѣ «Извѣта» старца Варлаама, на первый взглядъ имѣвшаго всѣ признаки простодушія и достовѣрности.

Выше хотя мною было сказано, что мнѣніе о подлинности названнаго Димитрія не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, однако въ виду извѣстной мнѣ по слухамъ новой попытки подтвердить то же мнѣніе, считаю нелишнимъ вкратцѣ привести противъ него нѣкоторые аргументы. При семъ ограничусь только тремя главными группами.

1. Всѣ разсказы о спасеніи маленькаго царевича отличаются бросающеюся въ глаза сбивчивостію и невѣроятностію. Онѣ вертятся на подмѣнѣ его другимъ мальчикомъ, и такъ какъ дневная подмѣна мало возможна, то сочинена подмѣна ночная и убійство происходитъ ночью. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна, цѣлая романическая повѣсть приведенная Когновицкимъ во II томѣ Życia Sapiehów изъ такъ наз. рукописи жмудина Товянскаго. Тутъ докторъ Нѣмецъ кладетъ на постель вмѣстѣ съ Димитріемъ другого мальчика, похожаго на него, по имени Семенка, съ которымъ царевичъ помѣнялся рубашкой, и, когда тотъ заснулъ, спрятался за каминъ. Ночью пришли убійцы, и зарѣзали Семенка. Сама мать не узнала его запачканнаго кровью и оплакивала какъ своего сына. Спасеннаго, такимъ образомъ, Димитрія докторъ проводилъ на украйну въ замокъ стараго князя Мстиславскаго. По смерти его Димитрій отправился въ Москву и поступилъ въ монастырь; оттуда ушелъ на Волынь въ Гощу, а потомъ къ Вишневецкому, гдѣ и объ-

явился. Но всѣ подобные разсказы противорѣчатъ тому непререкаемому факту, что Димитрій былъ убитъ днемъ и что, не говоря уже о матери и окружавшихъ его, Угличане и присланные изъ Москвы слѣдователи близко смотрѣли на его тѣло. Какой либо подмѣнъ и ошибка просто были невозможны. Сами современники съ ироніей отзывались о разсказахъ Самозванца, говоря, что онъ указывалъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, содѣйствовавшихъ его спасенію, но такихъ, которыхъ уже не было въ живыхъ (Масса. 102). Прибавлю, что если онъ указывалъ между прочимъ на братьевъ Щелкаловыхъ, то старшій изъ нихъ Андрей былъ уже умершимъ, а младшій Василій хотя еще жилъ, но очевидно или не былъ чуждъ польской интриги, или поддерживалъ ложь, когда это было для него уже безопасно. Извѣстно также, что расказы самого Димитрія до конца оставались общими и туманными мѣстами; тогда какъ по его воцареніи ничто не мѣшало ему прямо и точно обозначить лица и мѣста его охранявшія и дать хотя какія либо ясныя и достовѣрныя о себѣ подробности съ 1591 по 1603 годъ. Извѣстно, что о его ложности проговорился даже такой приближенный и преданный ему человѣкъ какъ Басмановъ (Буссовъ-Беръ, приводящій и другія свидѣтельства неподлинности. Стр. 102—105 рус. перевода).

2. Самою главною уликою его самозванства служитъ поведеніе вдовой царицы Маріи Нагой. Ея неподдѣльное отчаяніе при видѣ убитаго сына и собственноручная расправа съ мамкой Волоховой засвидѣтельствованы Слѣдственнымъ дѣломъ. Переговоры съ Самозванцемъ, принудившимъ ее признать его своимъ сыномъ, она потомъ засвидѣтельствовала сама. Намѣренію его выбросить тѣло царевича изъ Углицкой могилы она рѣшительно воспротивилась. А ея равнодушіе къ судьбѣ Лжедимитрія во время трагедіи 17 мая 1606 года и уклончивый отвѣтъ, данный на вопросъ, ея ли это сынъ—такія черты были бы невозможны, если бы она дѣйствительно считала его своимъ сыномъ—особенно, если вспомнимъ ея вполнѣ материнское отчаяніе во время Углицкой трагедіи 15 мая 1591 года. Наконецъ и торжественное церковное покаяніе ея въ соучастіи съ обманщикомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ чертамъ. Нельзя же во всѣхъ указанныхъ случаяхъ толковать ея поведенія притворствомъ, какъ сіе дѣлаютъ защитники подлинности во чтобы то ни стало.

3. Тѣ свидѣтельства и факты, которые приведены мною противъ тождества Лжедимитрія и Григорія Отрепьева, большею частію могутъ быть повторены и противъ подлинности Самозванца. А именно: не великорусскіе или не московскіе его типъ и характеръ и явныя черты западнорусскаго ополяченнаго человѣка. Изъ самыхъ разсказовъ о мнимомъ спасеніи Димитрія вытекаетъ, что въ Литву онъ прибылъ совсѣмъ не мальчикомъ, а уже такимъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ, который не могъ въ короткое время потерять чистоту своей великорусской рѣчи, свои московскія привычки, весь свой туземный складъ и выработать изъ себя образецъ шляхтича, отлично владѣвшаго польскимъ языкомъ, отчаяннаго рубаки, наѣздника, танцора, женскаго угодника и религіознаго индиферента, несомнѣнно принявшаго католичество.

Мнимую подлинность Самозванца обыкновенно пытаются доказывать помощію не историческихъ фактовъ и безпристрастныхъ свидѣтельствъ, а разныхъ или тенденціозныхъ, или прямо невѣжественныхъ

извѣстій. Таковы, напримѣръ, пристрастныя показанія Маржерета, мистическія басни Товянскаго и своекорыстныя сообщенія Ѳомы Смита. Послѣдній, незнавшій лично Лжедимитрія, дѣлаетъ видъ, что вѣритъ въ его подлинность; ибо Англичане прежде всего старались задобрить Московскаго государя, ктобы онъ ни былъ, ради своихъ торговыхъ выгодъ; а «Путешествіе» Смита вышло въ свѣтъ еще при жизни Самозванца, съ явнымъ разсчетомъ на его благосклонность. Слѣдовательно, подлинность названнаго Димитрія, по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ и фактамъ, немыслима и невозможна. Поэтому, новая попытка, о которой я слышалъ, можетъ сообщить намъ нѣкоторые доселѣ неизданные или неприведенные въ извѣстность источники для Смутной эпохи, умножить подробности, расширить свѣдѣнія о лицахъ и отношеніяхъ; но опровергнуть высказанное сейчасъ основное наше положеніе не можетъ.

Поправка и замѣтки.

На стр. 257 сказано: вѣнчаніе совершилось 11 *мая*. На стр. 258: на слѣдующее число, 12 *мая*. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ читать: *іюля*.

Къ примѣчанію 1-му. Нѣкоторыя компилятивныя произведенія, повѣствующія о Смутномъ времени и еще неизданныя, очерчены, съ приведеніемъ отрывковъ, А. Ѳ. Бычковымъ въ его «Описаніи церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. публич. Библіотеки». Часть первая. Спб. 1882. См. №№: XLI, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXVIII.

Къ примѣчанію 3-му. Въ «Актахъ Московскаго Государства, изданныхъ подъ редакціей Н. А. Попова». (Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. Спб. 1890) подъ № 42 напечатана любопытная роспись «золотыхъ и новогородокъ и московокъ золоченыхъ и дороговъ и тафты и и суконъ и денегъ», пожалованныхъ Борисомъ Годуновымъ въ январѣ 1605 года гарнизону Новгорода Сѣверскаго, осажденнаго Лжедимитріемъ. Главные воеводы князь Трубецкой и Петръ Басмановъ получили по золотому, равнявшемуся пяти угорскимъ золотымъ; второстепенные воеводы князья Я. Барятинскій и Г. Гагаринъ по угорскому золотому; головамъ Бунакову, Биркину и Дурову дано по московскому золотому, другимъ головамъ по полузолотому московскому, однимъ сотникамъ по золотой деньгѣ, другимъ по деньгѣ золоченой; далѣе дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ и казакамъ роздано по золоченой деньгѣ, по нѣскольку рублей, по нѣскольку аршинъ сукна или тафты и т. п. Изъ этой росписи видно, что гарнизонъ Новгорода Сѣверскаго заключалъ въ себѣ свыше 1200 человѣкъ.

Къ примѣчанію 10-му. Въ издаваемой Костромскою Архивною Коммиссіей, *Костромской старинѣ*, вып. 3. 1894 г., напечатаны докладъ члена Коммиссіи И. В. Миловидова и грамота царя В. И. Шуйскаго въ Свіяжскъ отъ 25 ноября 1607 года (по Сентябрьскому стилю, а по Январскому 1606 года). Эта грамота извѣщаетъ о покорности, принесенной царю Сунбуловымъ и П. Ляпуновымъ (когда они отложились отъ Болотникова), о прибытіи въ Москву подкрѣпленій и присылкѣ повинной изъ разныхъ городовъ; затѣмъ убѣждаетъ служилыхъ людей Свіяжска крѣпко стоять противъ воровъ, особенно тѣхъ, которые дѣйствовали тогда въ Курмышѣ. Но сами Свіяжцы около того времени находились въ *шатости*. По крайней мѣрѣ имѣемъ грамоту, написанную почти мѣсяцъ спустя послѣ указанной (отъ 22 декабря), отъ патріарха Гермогена къ митроп. казанскому Ефрему, и напечатанную въ Актахъ Эксп. II, подъ № 61. Патріархъ извѣщаетъ, что царь простилъ Свіяжцевъ, раскаявшихся въ своей присягѣ ложному Димитрію, и затѣмъ «похваляетъ» митрополита за его усердіе въ этомъ дѣлѣ. Митрополитъ Ефремъ приказалъ свіяжскимъ священникамъ не принимать «никакихъ приношеній» въ церкви отъ «прельстившихся людей»;

чѣмъ и обратилъ ихъ къ законному государю. Патріархъ поручилъ митрополиту «накрѣпко смотрѣть за попами, чтобы въ нихъ воровства не было»; при чемъ прямо указываетъ на нѣкоторыя казанскія церкви, священники которыхъ ненадежны. (Гермогенъ самъ только что прибылъ изъ Казани и зналъ ее хорошо). Это любопытное свидѣтельство относительно обоюднаго участія бѣлаго духовенства въ событіяхъ Смутнаго времени.

Къ примѣчанію 23-му. Въ Москвитянинѣ 1852 г., № 4, подъ заглавіемъ «Какъ звали Минина?» П. И. Мельниковымъ сообщена купчая 1602 года. Въ ней одинъ обыватель Нижняго Новгорода, продавъ свой дворъ съ садомъ и огородомъ другому обывателю, говоритъ, что его дворъ находится подлѣ *Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука.*

Въ Лѣтописи Археогр. Коммиссіи за 1861 годъ напечатаны любопытныя грамоты и отписки (въ количествѣ 23 №№) къ Курмышскому воеводѣ Смирному Елагину 1611—1612 гг. Вопервыхъ, грамоты изъ Нижняго отъ имени воеводы кн. Д. М. Пожарскаго и дьяка В. Юдина о сборѣ доходовъ, дачѣ жалованья служилымъ людямъ и присылкѣ ихъ въ Нижній, чтобы идти подъ Москву противъ Литовскихъ и Польскихъ людей. Елагина упрекаютъ въ томъ, что онъ неправильно собираетъ доходы съ селъ Княгинина, Мурашкина и Лыскова, такъ какъ волости ихъ приписаны къ Нижнему, а не Курмышу. Но тщетно: Елагинъ не повинуется; тогда ему объявляютъ смѣну; на его мѣсто изъ Нижняго назначаютъ воеводою Жедринскаго съ дьякомъ Кутѣповымъ. Но Курмышане всѣмъ міромъ противятся и ихъ къ себѣ не пускаютъ. Одновременно они получаютъ наказы также изъ подъ Москвы отъ «бояръ и воеводъ кн. Д. Т. Трубецкаго и Ив. Март. Заруцкаго». Курмышскій воевода пересылается вѣстями и совѣтами съ воеводами, служилыми людьми и земцами Арзамаса, Ядрина и Кузьмодемьянска. Въ маѣ или іюнѣ 1612 года эти города, какъ мы видимъ. по мірскому приговору уже объявили своимъ Государемъ третьяго Лжедимитрія (вслѣдъ за подмосковнымъ ополченіемъ). Подобныя документы наглядно показываютъ намъ трудности, съ которыми приходилось бороться Нижегородскому ополченію, и объясняютъ отчасти его продолжительное Ярославское сидѣнье. — Въ указанныхъ грамотахъ встрѣчаются имена Ивана Биркина и Никанора Шульгина. Между прочимъ староста села Лыскова жалуется Елагину на Биркина въ томъ, что сей послѣдній насильно забралъ подводы, овесъ, сѣно, вино, рыбу (конечно для ополченія), «да себѣ хлѣба и всякаго харчу». (№ 8).

Къ примѣчанію 24-му. Въ Лѣтоп. Археогр. Ком. (1871 г. Отд. Протоколовъ) есть отчетъ Костомарова объ осмотрѣ имъ Несвижскаго архива кн. Радзивиловъ. Тутъ онъ сообщаетъ объ одномъ письмѣ Гонсѣвскаго. изъ котораго видно, что съѣхавшіеся въ Москву въ январѣ выборные люди на Соборѣ не согласились во мнѣніяхъ объ избраніи царя. и разъѣхались, положивъ собраться черезъ два мѣсяца. «Это показывалъ одинъ сынъ боярскій, выборный человѣкъ, захваченный Гонсѣвскимъ». (20). Относительно двухъ мѣсяцевъ показаніе несовсѣмъ точно; но оно подтверждаетъ, что въ началѣ были большіе споры и разногласіе. Въ томъ же отчетѣ Костомаровъ говоритъ, что видѣлъ цѣлую груду писемъ Льва Сапѣги; но не нашелъ въ нихъ почти ничего важнаго» (для насъ). Этотъ выводъ отчасти оправдался Львовскимъ изданіемъ Сапѣжинской переписки, о которой упоминается въ моемъ первомъ примѣчаніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІИ РОССІИ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ МОСКОВСКО-ЦАРСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. И. Иловайскаго.

ТОМА ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Эпоха Михаила Θеодоровича Романова.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1899.

Данный выпускъ, посвященный эпохѣ перваго царя изъ дома Романовыхъ, не богатъ крупными или драматическими событіями. То была эпоха сравнительнаго затишья, наступившаго послѣ разрушительныхъ бурь Смутнаго времени, эпоха постепеннаго возстановленія и укрѣпленія государственнаго и общественнаго порядка вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ московской централизаціи. Собственно одно только событіе нарушаетъ ея относительное однообразіе и безцвѣтность— это Смоленская эпопея, любопытная въ политическомъ и культурномъ отношеніи и важная по своимъ послѣдствіямъ. Поэтому мы отводимъ ей въ книгѣ видное мѣсто, причемъ даемъ нѣсколько иное освѣщеніе, на основаніи новоизданныхъ матеріаловъ и детальнаго изученія фактовъ. Самая эта Польская война, несмотря на свой неудачный исходъ, имѣла для Михаила Ѳеодоровича благопріятное значеніе: послѣ нея прекратились притязанія его соперника Владислава, и съ внѣшней стороны Поляновскій договоръ окончательно утвердилъ династію Романовыхъ на Московскомъ престолѣ. По отношенію къ Западной Россіи настоящій выпускъ даетъ обзоръ главныхъ историческихъ явленій первой половины XVII вѣка; причемъ, основывая исторію Малороссійскаго казачества главнымъ образомъ на документальныхъ свидѣтельствахъ, авторъ, какъ и въ предыдущей эпохѣ, приходитъ отчасти къ инымъ выводамъ сравнительно съ господствовавшими доселѣ.

Что касается обзора внутреннихъ отношеній, общественныхъ, культурныхъ и бытовыхъ, его изложеніе за XVII столѣтіе предполагается въ концѣ Московско-Царскаго періода, т.-е. передъ Петровскою реформою,—если только въ мои годы можно вообще предъявлять планы своихъ будущихъ работъ.

Слѣдящіе за моимъ трудомъ, вѣроятно, уже замѣтили, что

почти съ каждымъ его выпускомъ расширяются объемъ и значеніе примѣчаній. Многое, что не нашло себѣ мѣста въ текстѣ, что служитъ для него объясненіемъ или даетъ къ нему подробности (напримѣръ, біографическія), отнесено въ примѣчанія. Такимъ образомъ, кромѣ обычнаго обзора источниковъ и пособій или литературы предмета, примѣчанія нерѣдко являются дополненіемъ къ тексту, а иногда заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя изысканія или детальное разсмотрѣніе какого-либо вопроса. Иногда замѣчаніе или выводъ, почему либо упущенный въ текстѣ, приводится въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи. (Наприм., о возстановленіи царскаго самодержавія курсивъ въ 19 примѣч.). Въ другой разъ сочиненіе, которымъ авторъ не успѣлъ воспользоваться въ текстѣ, обсуждается въ примѣчаніи (напр. польская книга Яблоновскаго объ Украйнѣ въ 26 примѣч.).

Медленно подвигается впередъ общая Русская исторія въ моей обработкѣ: въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ издано мною не болѣе 4 томовъ (если не считать тома предварительныхъ „Разысканій"), и она доведена только до эпохи Алексѣя Михайловича. Помимо субъективныхъ причинъ, тутъ дѣйствуютъ и разныя другія условія, независимыя отъ автора. Главнымъ изъ нихъ является все болѣе и болѣе усложняющаяся задача русскаго историка и не столько со стороны предъявляемыхъ къ нему научныхъ требованій, сколько со стороны быстро и обильно накопляющагося матеріала, по преимуществу сырого. Я уже имѣлъ случай печатно высказать свое мнѣніе, что обработка общей Русской исторіи, хотя бы въ данныхъ приблизительно размѣрахъ, начинаетъ уже превышать единичныя силы и средства и что дальнѣйшимъ ея фазисомъ, по всей вѣроятности, представится обработка коллективная.

Заговоривъ о своемъ трудѣ, не пройду молчаніемъ и того обстоятельства, что онъ доселѣ не только находилъ мало сочувствія въ большинствѣ органовъ періодической печати, но и встрѣчалъ съ ихъ стороны или полное равнодушіе, т.-е. игнорированіе, или прямую непріязнь. Помимо недостатковъ самого труда, помимо жаркой полемики, возбужденной моими „Разысканіями", несомнѣнно существуютъ и другія причины сей непріязни,— причины, коренящіяся въ современныхъ общественныхъ теченіяхъ, въ политическомъ и національномъ ан-

тагонизмѣ. До чего доходитъ этотъ антагонизмъ, обостренный личными мотивами и не разбирающій средствъ, показываетъ слѣдующій фактъ: нѣкоторые органы печати принялись трактовать мою „Исторію Россіи“ не какъ работу самостоятельную, а какъ бы простую компиляцію, составленную по Карамзину и Соловьеву *).

Если судить по предыдущимъ опытамъ, то и настоящему выпуску едва ли посчастливится вызвать серьезную историческую критику; за то всѣ мелкіе его недочеты и недосмотры, даже и корректурные, по всей вѣроятности, найдутъ себѣ усердныхъ искателей, и даже среди профессоровъ Русской исторіи, такъ что съ этой послѣдней стороны могу считать себя обезпеченнымъ.

При помянутыхъ равнодушіи и непріязни періодической печати (которая въ наше время создаетъ книгамъ контингентъ читателей), я ужъ и не разсчитываю на массу публики, а имѣю въ виду небольшой кругъ нелицемѣрныхъ любителей русской исторіографіи и людей, желающихъ пополнить свои научно-историческія свѣдѣнія.

Эти замѣчанія авторъ считаетъ не лишними собственно для будущаго болѣе безпристрастнаго поколѣнія, дабы оно знало, при какихъ обстоятельствахъ и при какихъ общественныхъ теченіяхъ приходилось ему трудиться и что могло или поддержать, или ослабить ту степень одушевленія, безъ которой подобный трудъ почти немыслимъ. Прибавлю только одно: источникомъ необходимаго одушевленія автору служила горячая преданность Русскому народу и его исторіи — преданность, способная противустоять и болѣе неблагопріятнымъ условіямъ.

---

*) Любопытствующихъ узнать относящіяся сюда подробности и аргументы отсылаю ко второму выпуску своихъ „Мелкихъ сочиненій“, именно къ тому ихъ отдѣлу, который озаглавленъ „Противники моего главнаго труда“. А здѣсь назову только двухъ авторовъ помянутой идеи о таковомъ характерѣ моей работы: это бывшій привать-доцентъ Безобразовъ и бывшій архивный чиновникъ Сторожевъ—обѣ личности, претендующія на университетское образованіе. Ихъ идея пришлась по вкусу особенно издателямъ и писателямъ семитическаго происхожденія, которые безвозбранно ее пропагандируютъ, конечно, разсчитывая на исторіографическое невѣжество большинства своихъ читателей. Для образца укажу на Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона.

VII.

УМИРОТВОРЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Заруцкій въ Астрахани.—Возстаніе противъ него Астраханцевъ и Терскихъ казаковъ.—Бѣгство на Яикъ и выдача его съ Мариною.—Очищеніе государства отъ воровскихъ казачьихъ шаекъ.—Лисовчики.—Великій Новгородъ и война со Шведами.—Неудача Густава Адольфа подъ Псковомъ.—Англійское посредничество.—Столбовскій договоръ.—Первая война Михаила съ Литво-Поляками.—Вопросъ объ освобожденіи Филарета.—Попытки взять обратно Смоленскъ.—Походъ на Москву королевича Владислава и Сагайдачнаго.—Неудачный приступъ къ столицѣ.—Мирные переговоры.—Деулинское перемиріе.—Возвращеніе Филарета.—Денежные сборы въ казну.—Пятая деньга.—Мѣстничество.—Земская Дума.—Стѣсненіе самодержавія боярствомъ.—Вліяніе великой старицы Мароы.—Неудачная царская невѣста Хлопова.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ и архимандритъ Діонисій.

Главное условіе, обострившее смуту — безгосударное время или междуцарствіе — окончилось вмѣстѣ съ избраніемъ Михаила Өеодоровича; но впереди Московскому правительству предстояло много труда, чтобы успокоить, умиротворить государство, очистить его отъ хищныхъ казацкихъ и литовскихъ шаекъ, освободить отъ притязаній разныхъ претендентовъ на его престолъ и хотя приблизительно возстановить его нарушенные предѣлы.

Начали съ Заруцкаго.

Еще до своего прибытія въ Москву, молодой государь потребовалъ отъ бояръ посылки войска противъ Заруцкаго, который съ своими казацкими шайками держался на Рязанской и Тульской украйнѣ. Кромѣ причиняемыхъ его шайками грабежей и разореній, онъ казался опаснымъ въ особенности потому, что вмѣстѣ съ Мариной и ея маленькимъ сыномъ (якобы рожденнымъ отъ Димитрія), представлялъ остатокъ самозванщины, все еще способной волновать глухіе края своими мнимыми правами на Московскій престолъ. Противъ него отправили изъ Москвы князя Ивана Никитича Одоевскаго

Меньшого, къ которому на пути должны были присоединиться воеводы изъ разныхъ городовъ. Московское войско настигло Заруцкаго подъ Воронежомъ и здѣсь билось съ нимъ цѣлыхъ два дня. Побѣда, о которой доносилъ Одоевскій, повидимому, не была рѣшительная. Заруцкій послѣ того ушелъ въ степи и направился къ Астрахани, которая въ теченіе Смутнаго времени, въ противоположность Казани, отличалась мятежнымъ духомъ и пристрастіемъ къ самозванцамъ; чему подавалъ примѣръ и самъ воевода астраханскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ. Принятый Астраханцами,Заруцкій посредствомъ убійства отдѣлался отъ Хворостинина, и началъ самовластно распоряжаться въ томъ краю, отчасти именемъ мнимаго царевича Ивана Дмитріевича, а иногда выдавая самого себя за спасшагося отъ смерти Димитрія Ивановича. Зимою 1613 года онъ усердно началъ готовиться къ весеннему походу на стругахъ подъ Самару, Казань и другіе волжскіе города, для чего пересылался съ казаками Донскими, Волжскими, Яицкими и Терскими, и звалъ ихъ къ себѣ на помощь, обольщая надеждою на богатую добычу и обѣщаніями всякихъ вольностей. Его обѣщанія производили волненія и раздоры среди казачества, а Терское войско открыто приняло его сторону. Ногайскіе татары съ своимъ княземъ Иштерекомъ изъявили готовность вмѣстѣ съ Заруцкимъ воевать Московское государство. Онъ отправилъ гонца и къ персидскому шаху Аббасу съ тою же просьбою о помощи, за которую обѣщалъ отдать ему самую Астрахань.

Великая опасность, грозившая отъ мятежнаго казачества съ юговостока, вызвала въ столицѣ усиленныя мѣры для борьбы съ Заруцкимъ. Изъ Москвы посылались многія грамоты, отъ царя, отъ духовенства, бояръ и Великой Земской Думы съ увѣщаніями казачеству, чтобы оно оставалось вѣрнымъ новоизбранному царю и не соединялось съ Ивашкою Заруцкимъ; причемъ тѣ же грамоты разсказывали о его вѣроломныхъ, измѣнническихъ дѣйствіяхъ во время Московскаго разоренія. Увѣщанія эти подкрѣплялись посылкою на Донъ и на Волгу царскихъ подарковъ деньгами, сукнами, хлѣбными и военными припасами. Отправленные противъ него воеводы, князь Ив. Ник. Одоевскій и окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, съ дьякомъ Юдинымъ, собравъ рать въ украинныхъ областяхъ, зазимовали въ Казани и съ своей стороны также посылали увѣщательныя грамоты казакамъ. Увѣщанія, очевидно, подѣйствовали. Казацкія общины съ ихъ атаманами, въ свою очередь, на-

чали пересылаться между собою, обсуждать дѣло въ своихъ кругахъ. Тутъ скоро обнаружилось, что старые казаки болѣе наклонны были служить новоизбранному царю Михаилу, а молодые тянули къ Заруцкому, ради добычи и разгула. Часть покинула Заруцкаго еще на походѣ его къ Астрахани и принесла повинную; царь простилъ ихъ и отправилъ подъ Смоленскъ. На мѣсто нихъ въ Астрахань пришло на Вербной недѣлѣ болѣе пяти сотенъ Волжскихъ казаковъ, „хотѣвшихъ добыть себѣ зипуновъ", какъ они выражались. Но прибытіе ихъ вмѣсто помощи ускорило его паденіе.

Естественно, господство свое Заруцкій поддерживалъ казнями и пытками недовольныхъ гражданъ и грабежомъ ихъ имущества. Обижалъ также духовенство и кощунствовалъ: напримѣръ, взялъ изъ одного храма серебряное кадило и велѣлъ слить изъ него себѣ стремена. Подобно Калужскому вору, онъ окружалъ себя Татарами, которыхъ щедро кормилъ и поилъ и съ которыми разъѣзжалъ по окрестностямъ. Марина съ своей стороны держала себя высокомѣрно, на подобіе царицы; помня Московскую кровавую заутреню 17 мая, она между прочими мѣрами предосторожности, запретила благовѣстъ къ заутренѣ, подъ предлогомъ, что онъ пугаетъ ея маленькаго сына. Съ прибытіемъ помянутаго отряда казаковъ, Заруцкій сдѣлался еще болѣе жестокимъ и самовластнымъ, что наконецъ вызвало открытое возстаніе Астраханцевъ; поводомъ къ тому послужилъ пущенный между ними слухъ, что въ самое Свѣтлое Воскресенье должна была произойти рѣзня лучшихъ гражданъ. Заруцкій съ 800 Волжскихъ казаковъ и нѣсколькими сотнями другихъ мятежниковъ заперся въ Кремлѣ, а возставшіе граждане защищались на посадѣ; между той и другой стороной начались ожесточенные бои.

Рѣшительный ударъ дѣлу Заруцкаго нанесло отложившееся отъ него, ближнее къ Астрахани, Терское казачество.

Воеводою на Терекѣ былъ Петръ Головинъ, повидимому любимый жителями. Заруцкій вздумалъ отдѣлаться отъ него, по примѣру Хворостинина, велѣлъ взять его и привести въ Астрахань. Но Терскіе люди не выдали Головина. А когда между ними также прошелъ слухъ, что Заруцкій на Великій день (Свѣтлое Воскресенье) собирается нагрянуть въ Терскій городъ, чтобы казнить воеводу и непокорныхъ людей, тамъ немедля присягнули на вѣрность царю Михаилу Ѳеодоровичу. Послѣ чего Головинъ отправилъ подъ Астрахань 700 человѣкъ подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Василія Хохлова. Прибытіе этого отряда дало явный перевѣсъ возставшимъ

Астраханцамъ, которымъ плохо приходилось отъ пушекъ, направленныхъ изъ Кремля. Нѣсколько тысячъ народу, по преимуществу женъ и дѣтей, спаслись изъ посада въ станъ Хохлова. Союзный дотолѣ Заруцкому, Иштерекъ-бей съ Ногайскими Татарами также отложился отъ него и принесъ присягу Михаилу Ѳеодоровичу. Въ скоромъ времени должны были прибыть и Московскіе воеводы съ царскимъ войскомъ. При такихъ обстоятельствахъ, Заруцкій не сталъ болѣе медлить и покинулъ Астрахань, въ маѣ 1614 года. Хохловъ нагналъ его и побилъ. Тогда Заруцкій съ Мариной, ея сыномъ и оставшеюся у него небольшою шайкой бросился на стругахъ въ Каспійское море.

Когда князь Одоевскій на походѣ къ Астрахани узналъ объ очищеніи ея отъ воровъ и пораженіи Заруцкаго Хохловымъ, извѣстіе это, очевидно, было ему непріятно, такъ какъ подвиги стрѣлецкаго головы отодвигали опоздавшаго воеводу на второй планъ. Одоевскій отправилъ Хохлову приказъ не посылать донесенія Государю о своихъ успѣхахъ, а если уже послалъ, то воротить посланнаго съ дороги, такъ какъ ему, воеводѣ, надобно „Государю писать о многихъ государевыхъ дѣлахъ". Мало того, князь Одоевскій и Головинъ предписали Хохлову выйти къ нимъ съ Астраханскими и Терскими людьми и встрѣтить ихъ верстъ за тридцать отъ города, а затѣмъ всему освященному собору и всему народу съ колокольнымъ звономъ и со крестами встрѣчать „новоявленную чудотворную икону Казанскую", находившуюся при царскомъ войскѣ.

Водворясь въ Астрахани, Одоевскій послалъ Хохлова въ Москву къ Государю „съ сеунчомъ", т.-е. съ донесеніемъ; а когда узналъ, что Заруцкій съ Мариною ушли на Яикъ, то отправилъ для ихъ поимки двухъ стрѣлецкихъ головъ Пальчикова и Онучина, съ ихъ приказами, придавъ имъ отрядъ наемныхъ Нѣмцевъ и Западноруссовъ. Послѣ двухнедѣльнаго плаванія рѣкою Яикомъ, головы нашли бѣглецовъ на Медвѣжьемъ островѣ, гдѣ они поставили острожекъ и укрѣпились. Около нихъ собралось до 600 казаковъ Волжскихъ и Яицкихъ. Но Заруцкій уже утратилъ свою власть надъ казаками; здѣсь начальствовалъ атаманъ Треня Усъ съ товарищами. Пальчиковъ и Онучинъ окружили острожекъ и начали добывать его силою. Казаки недолго защищались и вошли въ переговоры. Они присягнули на вѣрную службу Михаилу Ѳеодоровичу, и выдали Заруцкаго съ Мариною и ея сыномъ, да еще какого-то „чернеца Николая"; кромѣ того, выдали находившихся у нихъ заложниками дѣтей и

мурзъ ногайскаго князя Иштерека, а также враждебнаго ему мурзу Джанъ-Арслана. 6 іюля стрѣлецкіе головы привезли плѣнниковъ въ Астрахань. Князь Одоевскій немедля послалъ этихъ двухъ головъ въ Москву къ Государю „съ сеунчомъ"; а вслѣдъ за ними отправилъ Марину съ сыномъ подъ сильнымъ конвоемъ и Заруцкаго подъ особымъ конвоемъ въ Казань, до государева указу, не смѣя держать ихъ въ Астрахани, по причинѣ „смуты и шатости". Начальники конвоя имѣли приказъ, въ случаѣ нападенія болѣе многочисленнаго воровского отряда, побить своихъ плѣнниковъ. Московское правительство было очень обрадовано поимкою опасныхъ враговъ, и, конечно, поспѣшило вытребовать ихъ въ столицу. Объ участи ихъ имѣемъ только краткое извѣстіе: Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили; а сама она умерла, повидимому, въ тюрьмѣ. Такъ окончила свое бурное, исполненное великихъ превратностей, существованіе эта женщина, „отъ которой все зло Московскому государству... учинилось", какъ выразилась увѣщательная грамота, въ мартѣ того же 1614 года посланная отъ Земской думы Волжскому казачьему войску.

Съ устраненіемъ Заруцкаго еще не окончились бѣдствія, производимыя воровскими казацкими шайками, которыя разсѣялись почти по всѣмъ областямъ государства. Въ особенности онѣ свирѣпствовали на верхнемъ Поволжьѣ, въ Пошехоньѣ, Бѣлозерскомъ, Бѣжецкомъ и другихъ сосѣднихъ краяхъ. Эти одичалыя шайки не ограничивались грабежомъ беззащитныхъ селъ, но и подвергали крестьянъ, равно мужчинъ и женщинъ, всякимъ мукамъ, и между прочимъ жгли ихъ огнемъ до смерти, вѣроятно вымучивая указанія на спрятанное добро; церквей не щадили, обдирали самыя иконы, и всячески кощунствовали. Врывались они также въ плохо огражденные города и монастыри, и въ конецъ ихъ раззоряли. Но хорошо укрѣпленные города и большіе монастыри давали имъ отпоръ; такъ, напримѣръ, тщетно приступали они къ богатой Кирилловой обители. Между атаманами воровскихъ шаекъ особою свирѣпостію отличался прозванный Баловнемъ. Шайки эти прерывали сообщеніе между городами, между столицею и ея областями, такъ что, предписанные по указамъ государевымъ, денежные и хлѣбные запасы для жалованья ратнымъ людямъ нельзя было собирать въ областяхъ, а собранные нельзя было доставлять въ Москву. Безнаказанность воровскихъ казаковъ вредно вліяла на казаковъ служилыхъ вообще. Такъ цѣлый отрядъ ихъ, посланный со стольникомъ Леонтіемъ

Вельяминовымъ въ Новгородскую область на помощь царскимъ воеводамъ противъ Шведовъ, самовольно воротился съ похода и занялся воровствомъ. Это обстоятельство побудило Государя предложить на обсужденіе Земскаго собора или Великой земской думы вопросъ: что дѣлать съ воровскими казаками? 4 сентября 1614 года Соборъ приговорилъ послать изъ всѣхъ чиновъ разумныхъ людей, которые бы увѣщевали казаковъ стоять за святыя церкви и православную вѣру, служить и прямить Государю; затѣмъ составить списки тѣмъ, которые отстанутъ отъ воровъ и покажутъ свою службу, ихъ награждать денежнымъ жалованіемъ; а которые не отстанутъ отъ воровства, тѣхъ казаками не называть (чтобы казачьяго имени не безчестить), а поступать съ ними какъ съ ворами, убійцами и разбойниками. Жителямъ строго запрещалось имѣть сношенія съ воровскими казаками, что либо имъ продавать и у нихъ покупать. Для выполненія этого приговора по указу Государя отправлены были въ Ярославль суздальскій архіепископъ Герасимъ, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Богданъ Ильинъ. Сюда же приказано было собраться дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ многихъ ближнихъ и дальнихъ городовъ и уѣздовъ, а также охочимъ и даточнымъ людямъ, чтобы подъ начальствомъ князя Лыкова „промышлять" надъ тѣми атаманами и казаками, которые отъ воровства не отстанутъ. Тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые не явятся на государеву службу, велѣно сыскивать, бить батогами, сажать въ тюрьму, отписывать отъ нихъ помѣстья, а ихъ крестьянамъ „ни въ чемъ ихъ не слушать". Мѣры эти, какъ видно, подѣйствовали. Князь Борисъ Лыковъ успѣлъ собрать достаточную рать. Онъ началъ съ того, что побилъ въ Балахонскомъ уѣздѣ только что пришедшую въ Московское государство и занимавшуюся грабежомъ шайку Черкасъ или Запорожцевъ, состоявшую подъ предводительствомъ полковника Захарія Заруцкаго. Затѣмъ, посылаемые имъ отряды захватывали и приводили къ нему мелкія воровскія шайки, которыя онъ присуждалъ къ висѣлицѣ и другимъ казнямъ. Тогда воровскіе атаманы собрались и пошли къ Москвѣ говоря, что хотятъ бить челомъ Государю. Они остановились таборомъ подъ Симоновымъ монастыремъ. Лыковъ послѣдовалъ за ними и сталъ въ Дорогомиловѣ. Такъ какъ это казачество не унималось отъ своего воровства, то Государь велѣлъ итти на нихъ окольничему Измайлову и князю Лыкову. Воры бросились бѣжать по Серпуховской дорогѣ. Воеводы послѣдовали за ними; въ

Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ Лыковъ разбилъ ихъ на голову; послѣ чего значительная часть ихъ добила челомъ и присягнула на вѣрную службу. Лыковъ привелъ съ собою въ Москву болѣе трехъ тысячъ раскаявшихся казаковъ. Баловня здѣсь повѣсили.

Одновременно съ Заруцкимъ и казаками Московское государство терпѣло раззоренія отъ литовскихъ, преимущественно запорожскихъ шаекъ, которыя воевали и украинныя, и внутреннія его области, благодаря тому, что, начатая въ Смутное время Сигизмундомъ III, война съ Москвою не прекращалась. Однимъ изъ предводителей такихъ шаекъ, какъ мы видѣли, былъ полковникъ Захарій Заруцкій, побитый кн. Бор. Мих. Лыковымъ въ Балахонскомъ уѣздѣ. Но самымъ отчаяннымъ и неугомоннымъ хищникомъ въ это время явился извѣстный полковникъ Лисовскій. Онъ взялъ городъ Карачевъ и отсюда дѣлалъ набѣги на сосѣднія мѣста. Противъ него въ іюнѣ 1615 г. посланъ былъ знаменитый князь Дим. Мих. Пожарскій, при которомъ состояли товарищемъ воевода Исленьевъ, а дьякомъ Заборовскій. Съ нимъ отпущены Московскіе дворяне и стрѣльцы; въ Калугѣ велѣно къ нему присоединиться дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ Калужскимъ, Мещовскимъ, Серпуховскимъ, Алексинскимъ, Медынскимъ и т. д. Всего набралось около 15.000 ратныхъ людей. Пожарскій изъ Бѣлева двинулся на Лисовскаго. Сей послѣдній не сталъ его ждать, зажегъ Карачевъ и пошелъ къ Орлу. Пожарскій поспѣшилъ за нимъ; подъ Орломъ они встрѣтились и вступили въ бой. Передовые отряды не выдержали и обратились въ бѣгство вмѣстѣ съ Исленьевымъ; но Пожарскій, имѣя съ собою 600 человѣкъ, устоялъ на мѣстѣ и упорно бился съ 2.000 Лисовчиковъ; потомъ онъ огородился обозомъ, а вечеромъ воротился къ нему Исленьевъ съ бѣглецами; такъ что къ утру собралась значительная рать. Лисовскій отступилъ; Пожарскій сталъ его преслѣдовать, но не могъ нагнать. Конница Лисовскаго совершала чрезвычайно быстрыя переходы, являясь то подъ Болховымъ, то подъ Лихвинымъ, то въ Перемышлѣ, который ей удалось сжечь. Въ постоянной погонѣ за Лисовчиками Пожарскій опасно занемогъ отъ напряженія силъ, и былъ отвезенъ въ Калугу. Замѣнившіе его воеводы дѣйствовали уже далеко не такъ энергично и скоро потеряли непріятеля изъ виду. Въ это время Лисовскій бросился на сѣверъ, и сначала напалъ на Ржеву-Володимірову, въ которой случайно оказался бояринъ Ѳедоръ Ив. Шереметевъ съ небольшимъ отрядомъ, назначеннымъ на помощь Пскову противъ Шведовъ. Лисовчики сожгли посады; но

тщетно осаждали самый городъ; Шереметевъ цѣлыя шесть недѣль отражалъ ихъ приступы. На помощь къ нему и для промысла надъ Лисовскимъ посланъ былъ кн. Мих. Пет. Барятинскій съ тою ратью, которою начальствовалъ кн. Пожарскій. Новый воевода двигался „мѣшкотно", не дошелъ до Ржевы, и дождался, пока Лисовскій самъ покинулъ осаду и поспѣшно двинулся далѣе. Барятинскому Государь велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ, назвавъ его „воромъ", „жонкою", а не „слугою", бить его по щекамъ, поставить у висѣлицы, а потомъ посадить въ тюрьму въ ближайшемъ городѣ.

Лисовскій межъ тѣмъ бросился на Кашинъ, потомъ на Угличъ; отбитый отъ того и другого, онъ уже не нападалъ на города, а пробрался въ Суздальскій край, опустошая села и деревни, прошелъ между Ярославлемъ и Костромой, между Владиміромъ и Муромомъ; отбитый отъ Мурома, онъ прошелъ мимо Касимова, прокрался между Коломной и Переяславлемъ Рязанскимъ, потомъ мимо Тулы и Серпухова на Алексинъ въ Литву. По показанію переметчиковъ, въ это время у него было уже менѣе тысячи всадниковъ; а именно Литовцевъ (Западноруссовъ) четыреста, Запорожцевъ триста, да русскихъ воровскихъ казаковъ полтораста. Несмотря на сильное утомленіе его коней, Московскіе воеводы нигдѣ не могли нагнать его, за что Государь наложилъ на нихъ опалу. Наконецъ подъ Алексинымъ князьямъ Куракину и Туренину удалось встрѣтиться съ нимъ и побить небольшую часть его людей; а съ остальными Лисовскій благополучно ушелъ въ Литву (1615 г.). Въ то же время и такимъ же способомъ отрядъ Малороссійскихъ казаковъ (отдѣлившихся отъ разбитаго подъ Москвою гетмана Ходкевича) воевалъ и разорялъ сѣверные Московскіе края, Вологодскіе, Поморскіе, Тотемскіе, Устюжскіе, Волжскіе, Двинскіе, до самого Бѣлаго моря. По русскимъ извѣстіямъ, ими начальствовали два полковника, Барышполецъ и какой-то Сидорко. Нигдѣ мѣстные воеводы не могли преградить имъ путь. Наконецъ въ Заонежскихъ погостахъ ихъ удалось побить, а въ Олонецкомъ краю истребили окончательно ([1]).

Московское Государство такимъ образомъ постепенно освободилось отъ Заруцкаго, Лисовскаго и воровскихъ казачьихъ шаекъ; но трудная борьба съ внѣшними врагами, Шведами и Литво-Поляками, продолжалась одновременно. Эти враждебные сосѣди Руси не только старались удержать въ своихъ рукахъ захваченныя ими русскія области, но и отстаивали своихъ претендентовъ на Московскій престолъ и не хотѣли признать Михаила Ѳеодоровича законно-выбраннымъ царемъ.

Въ іюнѣ 1613 года молодой шведскій король Густавъ Адольфъ извѣстилъ Новгородцевъ, что отпустилъ брата своего Карла Филиппа въ Выборгъ, куда они должны прислать уполномоченныхъ для заключенія договора объ избраніи Филиппа на Россійскій престолъ. Занятый шведскимъ гарнизономъ графа Делагарди, Великій Новгородъ исполнилъ требованіе короля: духовныя и мірскія власти, съ митрополитомъ Исидоромъ и воеводою Ив. Никит. Одоевскимъ Большимъ, отправили уполномоченными хутынскаго архимандрита Кипріана, дьяка Сергѣева, нѣсколькихъ дворянъ, одного гостя и одного торговаго человѣка. Но уполномоченные эти оказались въ ложномъ положеніи: они могли говорить только отъ лица В.-Новгорода; а Шведы требовали избранія Филиппа на престолъ не одной Новгородской земли, а всего Московскаго государства. Нѣсколько мѣсяцевъ длились безплодные переговоры; послѣ чего Карлъ Филиппъ изъ Выборга воротился въ Стокгольмъ. Густавъ Адольфъ очевидно не считалъ въ своихъ интересахъ создавать изъ Новгородскаго края отдѣльное владѣніе для своего брата, и предпочиталъ этотъ край присоединить прямо къ Шведскому королевству. Въ январѣ 1614 года фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ, временно заступавшій здѣсь графа Делагарди, предложилъ Новгородцамъ принести присягу на вѣрноподданство королю Густаву Адольфу. Новгородскія власти долго медлили отвѣтомъ; потомъ распорядились отобрать мнѣнія отъ жителей всѣхъ пяти концовъ посредствомъ ихъ старостъ; наконецъ, согласно этому мнѣнію, били челомъ королю, чтобы онъ не нарушалъ договора, заключеннаго при сдачи города съ графомъ Делагарди, и не заставлялъ ихъ быть клятвопреступниками противъ королевича Филиппа, которому они присягали и хотятъ остаться вѣрными. Затѣмъ они выпросили позволеніе послать того же архимандрита Кипріана съ нѣсколькими дворянами въ Москву для переговоровъ съ боярами относительно избранія королевича Филиппа на Россійскій престолъ. Но это посольство въ дѣйствительности послужило только средствомъ войти въ непосредственныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ и просить Государя объ освобожденіи Новгорода отъ владычества иноземцевъ. За свой русскій патріотизмъ Кипріанъ по возвращеніи подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Горна, т.-е. побоямъ и заключенію. (Сей Кипріанъ впослѣдствіи былъ первымъ Сибирскимъ архіепископомъ, а, наконецъ, и Новгородскимъ митрополитомъ). Фельдмаршалъ Горнъ разными притѣсненіями и въ особенности правежомъ

принуждалъ Новгородцевъ присягнуть на подданство королю Густаву Адольфу; но только у немногихъ гражданъ удалось ему вынудить эту присягу.

Межъ тѣмъ военныя дѣйствія не прекращались съ обѣихъ сторонъ, и шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1613 и 1614 гг. они сосредоточились преимущественно около города Тихвина съ его монастыремъ, который славился чудотворной иконою Божіей Матери. Государь послалъ воеводъ князя Прозоровскаго и Вельяминова для освобожденія Тихвина, въ которомъ стоялъ гарнизонъ, смѣшанный изъ Русскихъ и Шведовъ. Русскіе, узнавъ о приближеніи царскихъ воеводъ, возстали и начали бой со Шведами; когда же подоспѣла помощь отъ воеводъ, городъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля. Тщетно послѣ того Горнъ и Делавиль осаждали Тихвинъ; они были отбиты. Михаилъ Өеодоровичъ, по совѣту Боярской Думы, отправилъ подъ Новгородъ большую рать; но къ сожалѣнію начальство поручено было людямъ неспособнымъ, а именно: боярину извѣстному князю Дим. Тимоф. Трубецкому, окольничему князю Дан. Ив. Мезецкому и Вас. Ив. Бутурлину. Недоходя до Новгорода, они остановились на Бронницахъ, и поставили острожекъ за р. Мстою. Тутъ напалъ на нихъ графъ Делагарди; потерявъ много людей, воеводы отступили; гарнизонъ покинутаго острожка сдался непріятелямъ на условіяхъ, но, вопреки уговору, весь подвергся избіенію. Шведы взяли Старую Русу. Самъ король явился въ Сѣверозападной Руси, и взялъ Гдовъ (1614 г.). А въ іюлѣ слѣдующаго 1615 г. онъ лично осадилъ Псковъ, въ которомъ начальствовали воеводы Вас. Петр. Морозовъ и Өедоръ Бутурлинъ. Шведы принялись копать шанцы, ставить пушки, строить городки или укрѣпленія и наводить мостъ на р. Великой. Но Псковитяне оборонялись противъ знаменитаго полководца своего времени съ такимъ же мужествомъ, какъ ихъ отцы противъ Стефана Баторія. Уже въ самомъ началѣ осады король потерялъ здѣсь едва ли не лучшаго изъ своихъ генераловъ, Эверта Горна. Осажденные выдерживали бомбардированіе, дѣлали частыя вылазки и успѣшно отбивали приступы. Очевидно силы Густава Адольфа были недостаточны, чтобы овладѣть такимъ большимъ и крѣпкимъ городомъ. Впрочемъ и самую эту осаду онъ предпринялъ собственно для того, чтобы добиться возможно болѣе выгодныхъ условій при заключеніи мира съ Москвою; ибо въ то время между воюющими сторонами уже шли дѣятельные переговоры о мирѣ, въ которомъ почти равно нуждались обѣ эти стороны. Москва, кромѣ внутрен-

нихъ неустройствъ и вообще послѣдствій смуты, имѣла у себя на рукахъ еще войну съ Польшею-Литвою; Шведское государство также, кромѣ внутреннихъ затрудненій, принуждено было одновременно вести войну и съ Польшею, изъ-за притязаній Сигизмунда на Шведскую корону, и опасаться еще непріятельскихъ дѣйствій со стороны Даніи. А удерживать за собою Великій Новгородъ Густавъ Адольфъ тоже не имѣлъ намѣренія, убѣдившись въ упорной враждебности его населенія къ иноземному господству; сохраненіе этого завоеванія потребовало бы продолжительнаго напряженія, т.-е. большихъ военныхъ силъ и денежныхъ средствъ; тогда какъ шведское войско именно отличалось своею немногочисленностью и пополнялось большею частью разноплеменными наемными отрядами, стоившими дорого и плохо подчинявшимися дисциплинѣ. (Въ числѣ этихъ наемниковъ были и Малороссійскіе казаки).

Съ самаго начала своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ отправляетъ посольства въ разныя государства, съ одной стороны ради признанія своего царскаго достоинства, а съ другой ради помощи или по крайней мѣрѣ посредничества для заключенія мира съ Польшею и Швеціей. Таково было посольство дворянина Ушакова и дьяка Заборовскаго въ Австрію къ императору Матѳею, въ 1613 году. Недобившись здѣсь никакого благопріятнаго отвѣта, то же посольство переѣхало въ Голландію, гдѣ было принято ласково. Генеральные Штаты не обѣщали дать помощи царю войскомъ или деньгами, но изъявили готовность склонять къ миру Шведскаго короля. Еще любезнѣе приняли въ Англіи московскаго посланника дворянина Зюзина. Дѣло въ томъ, что Англія и Голландія, какъ морскія торговыя державы, желали скорѣйшаго прекращенія войнъ, которыя вела Москва и которыя причиняли немалый вредъ ихъ торговлѣ. Англійскій король Іаковъ I въ это время не далъ просимой помощи Михаилу ни деньгами, ни военными снарядами, но охотно принялъ на себя посредничество для замиренія Москвы съ Густавомъ Адольфомъ, котораго онъ уже успѣлъ помирить съ датскимъ королемъ Христіаномъ IV. Іаковъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ Джона Мерика. Это былъ торговый человѣкъ, съ молодыхъ лѣтъ служившій агентомъ англійской компаніи въ Россіи, хорошо изучившій страну и даже владѣвшій русскимъ языкомъ. Теперь онъ пріѣхалъ въ Москву посломъ съ рительной королевской грамотой, которая титуловала его рыцаремъ „дворяниномъ тайныя комнаты“. Густавъ Адольфъ съ своей стороны принялъ англійское и голландское посредничество въ мирныхъ

переговорахъ съ Москвою, и, убѣжденный Мерикомъ, снялъ осаду Пскова. Для мирныхъ переговоровъ шведскими уполномоченными были назначены Флемингъ, Генрихъ Горнъ, Яковъ Делагарди и Монсъ Мартенсонъ, а русскими князь Данило Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Мѣстомъ этихъ переговоровъ назначено сельцо Дедерино (между Осташковымъ и Старой Русой). Кромѣ Джона Мерика сюда явились и голландскіе посредники, фанъ Бредероде съ тремя товарищами. Одинъ изъ нихъ (Антонъ Гутерисъ) въ своемъ описаніи этого посольства изображаетъ крайне бѣдственное состояніе Сѣверозападной Руси, по которой оно проѣхало изъ Ревеля въ Новгородъ. Страна до того была опустошена казацкими и литовскими шайками, что путешественники нигдѣ не находили селеній и ночевали обыкновенно въ лѣсу; рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался полуразрушенный монастырь. Изъ Новгорода они отправились въ Старую Русу и нашли ее въ совершенномъ разореніи; отсюда двинулись къ мѣсту переговоровъ; при переправѣ черезъ рѣки нерѣдко ледъ ломался, люди и вещи падали въ воду; чтобы просушиться, надобно было зажигать ближнія пустыя хижины. Чтобы отдохнуть въ какой-нибудь опустѣлой деревнѣ, необходимо было прежде вытаскивать изъ избы трупы ея хозяевъ, убитыхъ казаками; но удушливый трупный запахъ скоро выгонялъ гостей, и приходилось проводить ночь на морозѣ.

Съѣздъ уполномоченныхъ открылся 4 января 1616 года въ палаткѣ, въ присутствіи Джона Мерика и Голландскихъ пословъ. На первомъ же засѣданіи возникли горячіе споры; поводомъ послужило включеніе въ титулъ Густава Адольфа „Корельскій". Шведы, кромѣ фактическаго владѣнія Корелой, ссылались на уступку ея еще Василіемъ Шуйскимъ. Московскіе послы отрицали эту уступку послѣ ихъ измѣны въ Клушинской битвѣ; отсюда произошли у нихъ съ Делагарди взаимные упреки по поводу этой битвы. Потомъ еще большее неудовольствіе обнаружилось по поводу королевича Филиппа, о присягѣ которому напомнилъ Делагарди. Такъ какъ посредники во время этихъ горячихъ споровъ страдали въ шатрѣ отъ ужаснаго холода, то слѣдующія засѣданія происходили уже въ помѣщеніи англійскаго посла. Мало по малу задоръ и требованія обѣихъ сторонъ уменьшались, при помощи посредниковъ. Между прочимъ Шведы отказались отъ кандидатуры королевича Филиппа, Русскіе отъ своихъ притязаній на Ливонію; но все еще далеко было до взаимнаго соглашенія. Въ концѣ февраля уполномоченные разъѣхались, условясь

лѣтомъ вновь собраться въ иномъ мѣстѣ, а до того времени заключили перемиріе. Во время этихъ переговоровъ обозначилось, что англійскій посолъ болѣе держалъ сторону Русскую, а Голландцы—Шведскую. Слѣдующій съѣздъ состоялся однако не ранѣе декабря; онъ собрался въ деревнѣ Столбовѣ (близъ Тихвина), и происходилъ уже безъ Голландцевъ, при посредствѣ одного Джона Мерика. И на сей разъ переговоры велись съ большими затрудненіями, тянулись болѣе двухъ мѣсяцевъ, и только въ концѣ февраля 1617 г. закончились мирнымъ трактатомъ. Сущность Столбовскаго договора заключалась въ слѣдующемъ: Швеція возвращала Москвѣ Новгородъ съ его областью; но оставляла за собою Ивангородъ, Яму, Копорье, Орѣшекъ, Корелу (Кексгольмъ) и Ижору (Ингрію). Москва уплачивала Швеціи 20.000 серебряныхъ рублей. Царь отказался отъ своихъ притязаній на Ливонскую и Корельскую земли. Торговля возобновляется съ обѣихъ сторонъ свободная; но шведскимъ торговымъ людямъ не дозволяется ѣздить съ товарами черезъ Московское государство въ Персію, Турцію и Крымъ, а равно и московскимъ купцамъ черезъ Шведское государство въ Англію, Францію и другія западныя страны. Подданныхъ съ обѣихъ сторонъ не перезывать, а перебѣжчиковъ выдавать, и т. д.

Хотя Шведы по этому договору и отказались отъ главнаго своего завоеванія, Новгорода Великаго, но Густавъ Адольфъ считалъ договоръ очень выгоднымъ для Швеціи. Этотъ проницательный государь, несмотря на бѣдственное наше тогда положеніе, ясно сознавалъ силу могучаго Русскаго народа и опасности, грозившія отъ него для сосѣдей. Поэтому онъ очень радовался тому, что въ рукахъ Шведовъ осталось все теченіе Невы и Русскіе были теперь совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря. Свою радость онъ высказалъ на сеймѣ: „Россія опасный сосѣдъ — говорилъ онъ,—у нея сильное дворянство, многолюдное крестьянство, населенные города, большое войско. Но теперь Русскіе безъ нашего позволенія не могутъ выслать ни одной лодки на Балтійское море. Большія озера Ладожское и Пейпусъ, Нарвская долина, болота въ 30 миль шириною и надежныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ нихъ. Теперь у Русскихъ отнятъ доступъ къ Балтійскому морю и надѣюсь, не такъ-то легко будетъ имъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ“. Слѣдовательно, знаменитый король хорошо понималъ, какое великое значеніе имѣло бы владѣніе Балтійскимъ берегомъ для будущаго развитія Россіи, и въ этомъ отношеніи сходился съ геніальнымъ Русскимъ госуда-

ремъ (Петромъ I). Онъ щедро наградилъ своихъ уполномоченныхъ, а болѣе всего Делагарди, изъ денегъ, уплоченныхъ Русскими по договору.

Въ Москвѣ, несмотря на потерю Балтійскаго берега и другія уступки, также были довольны договоромъ: во первыхъ, онъ возвращалъ Россіи столь древнюю и важную ея часть какъ Новгородъ Великій; а во вторыхъ, развязывалъ руки для продолжавшейся борьбы съ Польшею. Наши уполномоченные, князь Мезецкій получилъ боярство, а Зюзинъ окольничество. Особенно щедро награжденъ былъ англійскій посредникъ, т.-е. Джонъ Мерикъ или Иванъ Ульяновичъ, какъ его называли въ Москвѣ: ему въ изобиліи выданы мѣха, ткани, разныя вещи, украшенныя дорогими камнями, и золотая цѣпь съ царскимъ портретомъ (парсуною). Но, вѣрный представитель своихъ національныхъ интересовъ, Джонъ Мерикъ повелъ рѣчь о другого рода вознагражденіи за свои труды: онъ сталъ просить увеличенія торговыхъ льготъ для Англичанъ и, главное, позволенія ихъ купцамъ ѣздить съ товарами Волгою въ Персію. Для переговоровъ съ Мерикомъ назначены были бояре Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Ему возражали, что теперь русскіе купцы покупаютъ у Англичанъ товары въ Архангельскѣ, отвозятъ ихъ въ Астрахань и тамъ продаютъ Кизильбашамъ (Персіанамъ), отчего получается прибыль и казнѣ, и имъ самимъ; а если Англичане будутъ ѣздить прямо въ Персію, то и Кизильбаши перестанутъ пріѣзжать въ Астрахань. Указывали также на опасности по Волгѣ отъ Ногаевъ, а далѣе отъ войны Персіанъ съ Турками. Мерикъ пытался устранить всѣ эти возраженія, но тщетно. Московское правительство спрашивало по этому поводу мнѣнія своихъ торговыхъ людей. Впрочемъ, переговоры съ Мерикомъ окончились, повидимому, благополучно: на его просьбы и предложенія не отвѣчали безусловнымъ отказомъ, а говорили, что ихъ нельзя рѣшить безъ Земскаго Совѣта. Съ своей стороны Москвичи предлагали ему заключеніе наступательнаго союза противъ Польши; Мерикъ, конечно, отклонилъ подобное предложеніе. (2).

Польская война требовала еще большаго напряженія, чѣмъ Шведская, какъ по относительному тогда могуществу Польско-Литовскаго государства, такъ и по упорству, съ которымъ Поляки не хотѣли признать избранія Михаила Романова, настаивая на бывшей присягѣ Москвичей королевичу Владиславу.

Московскому государству на западѣ особенно чувствительна была потеря древняго русскаго достоянія, Смоленска; а лично новоизбранному Государю тяжело было терпѣть еще и плѣнъ своего родителя Филарета Никитича. Чтобы освободить послѣдняго, пытались предлагать размѣнъ плѣнныхъ. Такъ, еще въ мартѣ 1613 г. отъ имени Земской Думы посланъ былъ къ Сигизмунду дворянинъ Аладьинъ съ изложеніемъ неправдъ Польскаго короля, съ предложеніемъ вывести изъ Россіи польскія войска, отпустить вѣроломно задержанныхъ пословъ и размѣнять плѣнныхъ. Извѣстный полковникъ Струсь, отъ имени всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, также писалъ королю умоляющія письма объ обмѣнѣ его съ товарищами на Филарета Никитича и другихъ московскихъ пословъ. Плѣнные Поляки не разъ извѣщали свое правительство, что Царь не хочетъ брать за нихъ никакого выкупу, а только требуетъ освобожденія своего отца Филарета. Но тщетно. Земской Думѣ отвѣчали паны-рада, наполняя свой отвѣтъ укоризнами въ измѣнѣ Владиславу; а для мирныхъ переговоровъ предлагали посредничество Нѣмецкаго императора.

Въ 1614 г. Государь отправилъ къ своему плѣнному отцу игумена Ефрема съ разными вещами; паны неохотно допустили игумена до Филарета, при которомъ онъ и оставался до его освобожденія. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Польшу дворянинъ Желябужскій съ грамотами отъ Михаила къ Филарету, отъ бояръ и духовенства къ Филарету и князю Голицыну съ товарищами, и отъ бояръ къ панамъ-радѣ. Бояре пространно писали панамъ, опровергая ихъ обвиненія въ измѣнѣ Владиславу, твердо настаивая на законномъ выборѣ Михаила и своей ему неколебимой вѣрности и сообщая о его позволеніи послать уполномоченныхъ на рубежъ для переговоровъ о мирѣ; причемъ они не отвергали посредничества Нѣмецкаго императора. Желябужскому дозволили лично вручить грамоты, писанныя къ Филарету Никитичу, послѣ того, какъ канцлеръ Левъ Сапѣга, предварительно ихъ самъ прочелъ. Филаретъ находился тогда въ варшавскомъ домѣ Льва Сапѣги, который состоялъ при немъ приставомъ, вмѣстѣ съ паномъ Олешинскимъ. Филарету разрѣшили написать съ тѣмъ же Желябужскимъ отвѣтную грамоту сыну; но при этомъ Левъ Сапѣга настаивалъ, чтобы въ ней Михаилъ не былъ называемъ государемъ. Однако Филаретъ на то не согласился: „Богъ далъ ему царство; не мнѣ отнимать его"—говорилъ онъ. По словамъ лѣтописца, отпуская Желябужскаго, Филаретъ послалъ съ нимъ свое благословеніе государю Михаилу Өеодоровичу; „а житье мое все видишь самъ"—

прибавилъ онъ. Есть извѣстіе, что Филаретъ, когда узналъ о воцареніи своего сына, то измѣнилъ свое поведеніе въ плѣну: сдѣлался упрямъ, дерзновененъ, и наотрѣзъ отказывался писать въ Москву такія грамоты, какія требовали отъ него паны. О немъ, впрочемъ, не мало заботилась жена Струся, которая хлопотала, конечно, ради своего мужа, находившагося въ московскомъ плѣну. Князя Вас. Вас. Голицына Желябужскій не видалъ, потому что тотъ оставался въ Маріенбургѣ. Но на обратномъ пути онъ видѣлся съ Шеинымъ, который съ женою и дочерью жилъ въ Смоленскомъ повѣтѣ, въ вотчинѣ Льва Сапѣги. Шеинъ послалъ свой совѣтъ Государю энергично продолжать войну, потому что дѣла въ Польшѣ и Литвѣ были плохи. Желябужскій узналъ вообще, что почти всѣ Литовскіе сенаторы желаютъ мира, но канцлеръ Левъ Сапѣга возбуждаетъ короля къ войнѣ; туда же тянутъ и Польскіе сенаторы. Въ отвѣтной грамотѣ, врученной Желябужскому и исполненной всякихъ укоризнъ, паны -.рада предлагали устроить съѣздъ гдѣ-нибудь на границѣ между Смоленскомъ и Вязьмою. Въ Москвѣ приняли это предложеніе, и въ сентябрѣ 1615 г. отправили уполномоченныхъ.

Въ предыдущемъ году Михаилъ Ѳеодоровичъ, по совѣту съ Земской Думой, рѣшилъ послать большую рать для отобранія у Поляковъ занятыхъ ими городовъ. Воеводами назначены были стольники князья Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій и Ив. Фед. Троекуровъ. Начало похода было удачно: воеводы взяли Вязьму и Дорогобужъ, благодаря сочувствію самихъ жителей; Бѣлую сдала имъ нѣмецкая часть гарнизона, несмотря на сопротивленіе литовской. Воеводы подступили къ Смоленску; поставивъ острожки и засѣки по дорогамъ, ведущимъ въ Литву, они отрѣзали сообщенія съ нею; въ Смоленскѣ насталъ голодъ, и гарнизонъ едва держался. Непріятелямъ помогли нестроенія, начавшіяся въ русской рати, повидимому отъ неспособности и разногласія воеводъ; одни ратники совсѣмъ покинули острожки и засѣки, другіе безпорядочно вступили въ бой и потерпѣли пораженіе. Литовскіе отряды пробились къ Смоленску и снабдили его припасами и подкрѣпленіемъ. Черкасскаго и Троекурова отозвали, пославъ на ихъ мѣсто другихъ воеводъ (кн. И. А. Хованскаго и Мирона Вельяминова). Около того времени подъ Смоленскомъ открылся съѣздъ уполномоченныхъ: съ Московской стороны въ ихъ главѣ стояли князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ, а съ Польско-Литовской кіевскій бискупъ

князь Казимірскій, гетманъ литовскій Янъ Кароль Ходкевичъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, Христофъ Радивилъ и извѣстный Александръ Гонсѣвскій, подобно Сапѣгѣ ярый врагъ Москвы.

Посредникомъ явился здѣсь посолъ германскаго императора Еразмъ Ганделіусъ; но это былъ посредникъ, пристрастный въ Польскую сторону. (Австрійскій дворъ не былъ доволенъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича и не хотѣлъ забыть эфемерной кандидатуры эрцгерцога Максимильяна). Съѣздъ уполномоченныхъ продолжался съ ноября по январь 1616 г. включительно; много было споровъ и всякихъ пререканій; особенно горячился и отличался дерзостью Гонсѣвскій. Литво-Поляки стояли на присягѣ Москвитянъ Владиславу, не хотѣли признавать царемъ Михаила и не допускали его титула въ переговорныхъ грамотахъ, не хотѣли уступать городовъ, и даже отказали въ заключеніи перемирія. Съѣздъ разъѣхался, и военныя дѣйствія продолжались съ новымъ рвеніемъ въ разныхъ мѣстахъ; но главная борьба происходила подъ Смоленскомъ. Гонсѣвскій привелъ помощь смоленскому гарнизону и сталъ въ полевомъ укрѣпленіи или острогѣ, по сосѣдству съ острогомъ московскихъ воеводъ. Въ Сѣверскую землю онъ отрядилъ извѣстнаго Лисовскаго. Но въ Комарицкой волости Лисовскій, этотъ злѣйшій врагъ Россіи, внезапно умеръ вслѣдствіе паденія съ лошади. Лисовчики воротились подъ Смоленскъ, выбравъ своимъ полковникомъ Чаплинскаго. Гонсѣвскій поставилъ еще острогъ на большой Московской дорогѣ, т.-е. на главномъ сообщеніи русскихъ воеводъ съ Москвою, чѣмъ сильно ихъ стѣснилъ, и подвозъ запасовъ къ нимъ прекратился. Эти воеводы подъ Смоленскомъ мѣнялись не одинъ разъ. Въ данное время здѣсь начальствовали стольники Михаилъ Бутурлинъ и Исаакъ Погожевъ. Литовскіе отряды не допускали къ нимъ помощи. Главная вспомогательная рать была отправлена въ Дорогобужъ съ бояриномъ княземъ Юріемъ Сулешовымъ. (При немъ товарищами были князья Семенъ Прозоровскій и Никита Барятинскій). Но эта рать ограничилась нѣсколькими неважными, хотя и удачными, сшибками съ непріятелемъ, за которыя воеводы получили въ награду золотые. Послѣ того Сулешовъ былъ отозванъ въ Москву. Между тѣмъ Погожевъ и Бутурлинъ, не получая ни подкрѣпленій, ни припасовъ и слыша, что самъ королевичъ Владиславъ собирается итти къ Смоленску, покинули свои острожки и окопы, и отступили; причемъ должны были отбиваться отъ непріятельскихъ нападеній и потеряли много людей (въ маѣ 1617 года).

Въ Польшѣ дѣйствительно рѣшили послать въ Московское государство самого претендента, т.-е. молодого королевича, съ свѣжимъ войскомъ, конечно въ томъ предположеніи, что его появленіе вызоветъ тамъ рознь и новыя смуты, съ помощью которыхъ можно будетъ вновь овладѣть Москвою. При этомъ ни архіепископъ-примасъ въ своей напутственной рѣчи, ни королевичъ въ своемъ отвѣтномъ словѣ не скрывали надежды на распространеніе католической вѣры (или по крайней мѣрѣ уніи) въ Восточной Руси. Своему походу Владиславъ предпослалъ окружную грамоту къ Московскому народу, въ особенности къ служилымъ людямъ (отъ 15 декабря 1617 г.). Эта грамота распространялась о его правахъ на Россійскій престолъ, т.-е о принесенной ему присягѣ при гетманѣ Жолкевскомъ и о великомъ посольствѣ къ его отцу съ просьбою отпустить его на царство. Но тогда онъ былъ еще „не въ совершенныхъ лѣтахъ", а теперь пришелъ въ „совершенный возрастъ", такъ что можетъ „быти самодержцемъ всея Руси и непокойное государство по милости Божіей покойнымъ учинити". Владислава сопровождали нѣсколько коммисаровъ отъ сената или королевской рады для наблюденія за интересами Рѣчи Посполитой. Главными руководителями въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ состояли при немъ литовскій гетманъ Ходкевичъ и канцлеръ Левъ Сапѣга. Передовымъ отрядомъ командовали полковникъ Чаплинскій и все тотъ же Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, литовскій референдарій и староста Велижскій.

Походъ Владислава начался удачно. Въ первой московской крѣпости, Дорогобужѣ, воеводою сидѣлъ Иванисъ Ададуровъ; онъ съ своими товарищами измѣнилъ Михаилу, присягнулъ Владиславу и сдалъ ему городъ. Затѣмъ слѣдовалъ городъ Вязьма. Здѣсь былъ воеводою князь Петръ Пронскій, а его товарищами князья Михаилъ Бѣлосельскій и Никита Гагаринъ. Пронскій и Бѣлосельскій бросили городъ и бѣжали въ Москву; Гагаринъ хотѣлъ обороняться; но, видя общее бѣгство изъ города ратныхъ людей и посадскихъ, заплакалъ и поѣхалъ вслѣдъ за другими. Въ Москвѣ по приказу Государя Пронскаго и Бѣлосельскаго, бивъ кнутомъ, сослали въ Сибирь, а помѣстья и вотчины отобрали. На князя Гагарина Государь опалы не положилъ. Съ главнымъ же измѣнникомъ, Ададуровымъ, поступили довольно мягко. Владиславъ отпустилъ его съ товарищами въ Москву, чтобы онъ склонялъ жителей на сторону королевича. Его сослали въ Верхотурье, а товарищей разослали по другимъ городамъ. Передовымъ польскимъ отрядамъ удалось еще взять Мещовскъ и скло-

нить къ измѣнѣ Козельскъ. Но тѣмъ и кончились легкіе успѣхи Поляковъ. Калужане при ихъ приближеніи просили Государя прислать воеводою князя Димитрія Михайловича Пожарскаго; Государь исполнилъ ихъ просьбу, а князь оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Онъ укрѣпилъ Калугу и усилилъ ея гарнизонъ, склонивъ перейти на государеву службу шайку воровскихъ казаковъ, промышлявшихъ въ Сѣверщинѣ. Полковники Чаплинскій и Опалинскій вздумали ночью внезапно ворваться въ Калугу; но у Пожарскаго были хорошіе караулы; непріятеля впустили въ надолбы (внѣшнюю ограду), а затѣмъ ударили на нихъ и отбили. Непріятели осадили Можайскъ; но изъ Москвы успѣли прислать сюда надежныхъ воеводъ князя Б. М. Лыкова и Гр. Валуева. На помощь Можайску пришла еще рать подъ начальствомъ князей Дм. Мамстр. Черкасскаго и Вас. Ахамашукова Черкасскаго. Въ соединеніи съ ними долженъ былъ дѣйствовать и кн. Пожарскій. Произошли жаркія битвы подъ Можайскомъ и Боровскимъ Пафнутьевымъ монастыремъ. Въ Можайскѣ и около него въ острожкахъ скопилось такъ много ратныхъ людей, что имъ грозилъ голодъ; по приказу Государя, князья Пожарскій и Волконскій двинулись сюда, помогли отступить изъ города и острожковъ лишнимъ отрядамъ съ кн. Б. М. Лыковымъ (Дм. Мам. Черкасскаго увезли отсюда раненаго), и оставили только необходимое число людей съ воеводою Волынскимъ. Можайскъ оборонялся такъ стойко, что Владиславъ, не желая терять подъ нимъ время, съ своими Поляками, Западноруссами и наемными Нѣмцами двинулся къ Москвѣ. Туда же на помощь къ нему шелъ гетманъ Конашевичъ Сагайдачный съ 20.000 Запорожцевъ. Сагайдачный взялъ и разорилъ Ливны, Елецъ и нѣкоторыя другія мѣста, и направился къ Окѣ. Князья Пожарскій и Волконскій двинулись къ Серпухову, чтобы заградить ему переправу. Но тутъ въ рати произошли какія то волненія; бывшіе у нихъ казаки опять заворовали; а главное, Пожарскій снова тяжко заболѣлъ и былъ отвезенъ въ Москву. Гетманъ успѣлъ переправиться, Каширскою дорогою пришелъ къ столицѣ (въ сентябрѣ 1618 г.), и соединился съ Владиславомъ, который стоялъ таборомъ въ знаменитомъ Тушинѣ. Идя къ Москвѣ, королевичъ вновь обратился къ ея жителямъ съ грамотой, въ которой на этотъ разъ особенно настаивалъ на томъ, что его напрасно обвиняютъ „совѣтники Михаила Романова“, будто онъ намѣренъ истребить православную вѣру.

Главная опасность заключалась однако не въ Полякахъ и Запорожцахъ, а въ той шатости, которая по временамъ обнаружива-

лась среди Русскихъ, какъ отголосокъ недавней Смуты. Такъ лѣтописецъ сообщаетъ, что когда изъ Можайска прибыли воеводы князь Черкасскій и Лыковъ, между ратными людьми произошло какое-то возмущеніе; они „приходили на бояръ съ большимъ шумомъ и требовали сами не зная чего"; волненіе едва утихло безъ пролитія крови. А тутъ еще явилась надъ Москвою комета, которую народъ счелъ предзнаменованіемъ новыхъ бѣдствій. Но такое опасеніе на этотъ разъ оказалось напраснымъ. Услыхавъ о походѣ Владислава отъ Можайска къ Москвѣ, Государь собралъ 9 сентября духовенство, бояръ, служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, т.-е. Земскую думу, и просилъ у нея совѣта, какъ оборонить Святую церковь и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ своего недруга королевича Владислава. Тутъ всѣ единодушно дали обѣтъ Богу „за православную вѣру и за ихъ Государя стоять, и съ нимъ въ осадѣ сидѣть, и съ недругомъ его биться до смерти не щадя головъ своихъ". На томъ же Земскомъ Соборѣ Государь указалъ росписать воеводъ и ратныхъ людей по полкамъ и городамъ, а „воеводамъ на Москвѣ и въ городахъ всѣмъ быть безъ мѣстъ до 7128 (1620) года". Нужно замѣтить, что, несмотря на трудное время и грозившихъ отовсюду враговъ, мѣстническіе счеты возникали тогда безпрестанно и причиняли большой ущербъ военнымъ дѣйствіямъ. Царскій и соборный приговоръ хотя ослабилъ зло; но вполнѣ оно не прекращалось даже въ виду непріятельскаго нашествія.

На томъ же Земскомъ Соборѣ произведена была роспись всѣмъ городскимъ воротамъ, стѣнамъ и башнямъ съ опредѣленіемъ начальныхъ и ратныхъ людей для ихъ обороны. Въ числѣ послѣднихъ кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ разныхъ городовъ, стрѣльцовъ, даточныхъ людей, мы видимъ Московскихъ подъячихъ, гостей, гостинную, суконную и черныя сотни. Очевидно всѣ способные носить оружіе были призваны на службу. По тому же соборному приговору въ города были посланы бояре и дьяки собирать тамъ ратныхъ людей на помощь Москвѣ. Въ Ярославль отправился князь Ив. Бор. Черкасскій, въ Нижній князь Б. М. Лыковъ и т. д.

Такъ какъ уже наступала осень, и непріятелямъ грозила близкая зима со всѣми ея лишеніями, то въ совѣтѣ королевича потребовали рѣшить дѣло внезапнымъ ночнымъ приступомъ. Но два нѣмецкихъ перебѣжчика успѣли предупредить о томъ Московскія власти, и осажденные не были застигнуты въ расплохъ. Главный ударъ

направленъ былъ на Арбатскія ворота Бѣлаго города и сосѣднюю съ нимъ стѣну. Въ ночь на первое октября Поляки и Запорожцы подошли къ этимъ воротамъ, которыя укрѣплены были еще внѣшнимъ острогомъ. Петардами они вышибли острожныя ворота и вломились въ него; но Москвичи сдѣлали вылазку, и тутъ произошла жаркая, упорная сѣча мечами и бердышами. На разсвѣтѣ непріятели были отбиты, и съ большимъ урономъ (до 3.000 человѣкъ) отступили въ свои таборы. У Арбатскихъ воротъ начальниками были стольникъ князь Вас. Сем. Куракинъ и князь Ив. Петр. Засѣкинъ; а пространствомъ между Арбатскими и Никитскими воротами вѣдалъ окольничій Никита Вас. Годуновъ. Этотъ неудачный приступъ смутилъ непріятелей, въ виду единодушнаго и дружнаго отпора со стороны Москвичей, грудью стоявшихъ за своего молодого Государя. Владиславъ снова отошелъ въ Тушино; а затѣмъ, по совѣту съ гетманомъ Ходкевичемъ, канцлеромъ Сапѣгою, старостами и комиссарами, прислалъ къ боярамъ съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. Государь назначилъ уполномоченными бояръ Ѳ. И. Шереметева, князя Дан. Ив. Мезецкаго и окольничаго Арт. Вас. Измайлова (снабженныхъ титулами намѣстниковъ Псковскаго, Суздальскаго и Калужскаго) и двухъ дьяковъ, Болотникова и Сомова. Во главѣ Польскихъ и Литовскихъ уполномоченныхъ явились епископъ каменецкій князь Адамъ Новодворскій, канцлеръ Левъ Сапѣга и референдарій Александръ Корвинъ Гонсѣвскій. Три раза съѣзжались обѣ стороны за Тверскими воротами на рѣчкѣ Прѣснѣ и толковали о перемиріи; но при взаимныхъ пререканіяхъ и преувеличенныхъ требованіяхъ пока не могли придти ни къ какому соглашенію. Вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ и конскаго корма, Владиславъ покинулъ Тушино и пошелъ къ Троице-Сергіеву монастырю. Передовые его отряды уже дѣйствовали въ томъ краю; но тутъ они потеряли своего предводителя лихого наѣздника Чаплинскаго, который былъ убитъ троицкими служками. Зато въ окрестностяхъ Троицы съ русской стороны палъ крещеный татарскій наѣздникъ Михаилъ Тинбаевъ, сынъ Каная мурзы, прославившійся своими богатырскими подвигами въ схваткахъ съ непріятелями. Вскорѣ потомъ нѣкоторые литовскіе отряды были побиты въ Ярославскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ. На льстивыя предложенія Владислава о сдачѣ, монастырскія власти, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, велѣли отвѣтить пушечными выстрѣлами. Военныя неудачи, наступившіе морозы и недостатокъ въ продоволь-

ствіи, волненіе наемныхъ жолнѣровъ, которымъ нечѣмъ было уплатить, дѣлали положеніе Владислава критическимъ. Сагайдачный межъ тѣмъ отдѣлился отъ него, пошелъ подъ Калугу, съ помощью измѣны захватилъ ея острогъ или внѣшній городъ, и тутъ остался въ ожиданіи чѣмъ кончатся переговоры.

Владиславъ предложилъ возобновить эти переговоры. Московское правительство тѣмъ охотнѣе откликнулось на его предложеніе, что и въ Москвѣ уже сильно давали себя знать лишенія и тягости осаднаго положенія; а казачество и чернь начали вести себя неспокойно. Нѣсколько тысячъ казаковъ, соскучась бездѣйствіемъ, проломали часть одного укрѣпленія, ушли и занялись грабежомъ въ окрестностяхъ столицы. Едва удалось разными обѣщаніями уговорить ихъ воротиться на свои мѣста. 23 ноября тѣ же уполномоченные съѣхались подъ Троицею въ селѣ Деулинѣ. Возобновились и прежнія пререканія, и заносчивыя требованія Поляковъ. Особенно бранными рѣчами отличался все тотъ же Гонсѣвскій. Но твердость русскихъ пословъ и плохія обстоятельства подѣйствовали умиротворяющимъ образомъ. 1 декабря 1618 года заключено было четырнадцатилѣтнее перемиріе на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: Литвѣ предоставлены города Смоленскъ, Бѣлый, Дорогобужъ, Торопецъ, Себежъ, Красный, Новгородъ Сѣверскъ, Черниговъ, Стародубъ и нѣкоторые другіе; Москвѣ возвращались Козельскъ, Можайскъ, Вязьма, Мещерскъ; Филаретъ Никитичъ, князь В. Голицынъ и прочіе русскіе плѣнники обмѣнивались на Струся и Будила съ товарищами; королевичу съ Польскими, Литовскими, Нѣмецкими и Черкасскими полками немедля оставить Московскіе предѣлы. Владиславъ все-таки не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ; но щекотливый вопросъ о томъ былъ обойденъ въ Деулинскомъ перемиріи съ очевидною цѣлію не разстроить соглашенія. При всей своей невыгодности, это перемиріе было радостно встрѣчено въ Москвѣ; ибо давало наконецъ давно и страстно желаемое успокоеніе измученному Московскому государству. Царь щедро наградилъ Ѳ. И. Шереметева съ товарищами.

Тѣже Московскіе уполномоченные, т.-е. Шереметевъ, кн. Мезецкій и Измайловъ, къ 1 марта 1619 года отправились въ Вязьму, чтобы по условію размѣнять плѣнныхъ. Но тутъ имъ пришлось довольно долго ждать польскихъ комиссаровъ; а когда послѣдніе пріѣхали, наконецъ, въ Дорогобужъ, то глава ихъ Гонсѣвскій вновь затѣялъ разныя пререканія и медлилъ размѣномъ, въ явномъ раз-

счетѣ, что Московское правительство ради освобожденія отца Государева поступится еще чѣмъ нибудь въ пользу Литвы. Но самъ Филаретъ Никитичъ писалъ изъ Дорогобужа русскимъ посламъ, чтобы они не уступали болѣе ни одной четверти земли. Наконецъ размѣнъ состоялся между Дорогобужемъ и Вязьмою, 1 іюня, на пограничной рѣчкѣ Поляновкѣ. На ней были устроены два моста: по одному проѣхалъ на Русскую сторону въ колымагѣ митрополитъ Филаретъ, за которымъ шли пѣшіе М. Б. Шеинъ, думный дьякъ Томила Луговской и прочіе русскіе полоняники; а по другому въ это время шли въ противоположную сторону польскіе полоняники. Князь В. В. Голицынъ не дожилъ до освобожденія, и незадолго передъ тѣмъ умеръ въ плѣну; только тѣло его было отпущено на родину. Князя Ив. Ив. Шуйскаго Поляки пока удержали на королевской службѣ и только въ слѣдующемъ 1620 году, по особой просьбѣ бояръ, отпустили его въ Москву.

Возвращеніе Филарета въ столицу было привѣтствуемо торжественными встрѣчами. Въ Вязьмѣ спрашивали его о здоровьѣ бояре Бор. Мих. Салтыковъ, кн. Ив. Бор. Черкасскій и кн. Аѳ. Вас. Лобановъ-Ростовскій; въ Можайскѣ его ожидали архіепископъ рязанскій Іосифъ, бояринъ кн. Д. М. Пожарскій и окольничій князь Гр. Конст. Волконскій, въ Звенигородскомъ Савинскомъ монастырѣ разныя духовныя и свѣтскія лица, съ вологодскимъ архіепископомъ Макаріемъ и бояриномъ Вас. Петр. Морозовымъ во главѣ, въ подмосковномъ селѣ Хорошовѣ управлявшій тогда Патріаршимъ вѣдомствомъ крутицкій митрополитъ Іона, троицкій архимандритъ Діонисій и бояринъ кн. Д. Т. Трубецкой. Самъ Государь со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и всенароднымъ множествомъ встрѣтилъ отца на рѣкѣ Прѣснѣ, 14 іюня. Оба они упали другъ другу въ ноги, и, по описанію этой встрѣчи, нѣсколько минутъ оставались въ такомъ положеніи, проливая радостныя слезы. Потомъ Филаретъ сѣлъ въ колымагу, а Государь съ народомъ пошелъ пѣшій впереди. Первымъ дѣломъ по возвращеніи Филарета было посвященіе его на престолъ Всероссійской патріархіи, который со времени Гермогена не замѣщался, въ ожиданіи отца Государева. Для сего воспользовались пребываніемъ въ Москвѣ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, пріѣхавшаго за милостынею. Ѳеофанъ вмѣстѣ съ русскимъ освященнымъ Соборомъ просилъ „великаго труженика" принять вдовствующій престолъ св. Петра. Филаретъ, по обычаю, сначала отказался, но потомъ согласился. 24 іюня онъ уже былъ посвященъ (³).

Всѣ эти внутреннія и внѣшнія войны съ воровскими казаками и русскими ворами, со Шведами и Поляками стоили чрезвычайнаго напряженія Московскому государству, уже страшно разоренному предыдущимъ Смутнымъ временемъ. Важнѣйшая забота правительства поэтому устремлена была на добываніе средствъ для содержанія войска. И вотъ Великая Земская Дума, съ мая 1613 года подкрѣпленная соизволеніемъ вновь выбраннаго Царя, разсылаетъ по городамъ сборщиковъ, мірскихъ (дворянъ и дьяковъ) и духовныхъ лицъ (архимандритовъ и игуменовъ) съ грамотами, въ которыхъ приглашаетъ населеніе, особенно торговыхъ людей, по мѣрѣ силъ („облажася по своимъ прожиткомъ и промысломъ") вносить въ казну деньгами, хлѣбомъ, сукнами и другими товарами на жалованье ратнымъ людямъ. „Дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки и стрѣльцы и всякіе ратные люди Великому государю нашему бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ Царскаго величества богомольцамъ (т.-е. духовенству) и къ боярамъ приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ по вся дни, что они отъ многихъ службъ и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей разоренія бѣдны и службы пополнити нечѣмъ, и будучи на государевѣ службѣ ѣсть нечего, и отъ того изъ нихъ многіе по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ и побиваютъ, а уняти ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, немочно".

Города съ подобными жалобами на свое крайнее разореніе отъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ также посылали въ Москву, прося льготъ и всякихъ облегченій отъ податей и повинностей. Такія же жалобы встрѣчаемъ и отъ нѣкоторыхъ монастырей. Поэтому съ означенными требованіями правительство естественно обращалось по преимуществу въ сѣверовосточные края, менѣе другихъ пострадавшіе въ Смутное время. Между прочимъ отъ царя и отъ Земской Думы сборщики съ таковыми грамотами были отправлены къ извѣстнымъ солепромышленникамъ Строгановымъ въ Сольвычегодскъ и въ ихъ городокъ Орелъ на Камѣ. Представителями этой семьи тогда были сыновья современниковъ Ивана Грознаго, т.-е. трехъ братьевъ, Якова, Григорія и Семена: Максимъ Яковлевичъ, Никита Григорьевичъ, Андрей и Петръ Семеновичи. Кромѣ требованія добровольной жертвы, судя по грамотамъ, на нихъ, также какъ и на торговыхъ людяхъ вообще, причитались тѣ казенные доходы, которые они не вносили въ предыдущіе смутные годы (не взирая на денежное вспомоществованіе Строгановыхъ царю Василію Шуйскому). Въ 1614 г. въ Москву доставлены были отъ Строгановыхъ 3.000 р.

Но собранныя такимъ способомъ средства оказывались недостаточны. Поэтому въ слѣдующемъ 1615 г. указомъ Государя и приговоромъ Великой Земской думы „велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всѣхъ людей съ животовъ сбирать служивымъ людемъ на жалованье деньги, пятая доля“ (повидимому, 20% валового дохода). Это касалось собственно посадскихъ, т.-е. гостей, торговыхъ и черныхъ людей; а уѣздные люди, крестьяне, обложены по 120 руб. съ сохи „живущей“ или обрабатываемой (соха тутъ равняется приблизительно 800 четямъ или 400 десятинамъ). Сія „пятая деньга“ собиралась съ большою строгостью, т.-е. съ помощью „нещаднаго“ правежа, и притомъ собиралась не товарами, а чистыми деньгами, и опять преимущественно въ сѣверовосточныхъ, Приволжскихъ и Прикамскихъ, мѣстахъ. Только съ восточныхъ инородцевъ ясакъ взимался соболями и другими мѣхами. На долю помянутыхъ четырехъ братьевъ Строгановыхъ пришлось къ прежнимъ 3.000 приплатить „пятинныхъ денегъ“ 13.800 руб. А въ слѣдующемъ 1616 году имъ предписывалось прислать полныя 16.000 въ Москву, гдѣ вручить ихъ соборному старцу Діонисію Голицыну, чудовскому архимандриту Авраамію, богоявленскому игумену Симону, боярину князю Д. М. Пожарскому и дьяку Семену Головину. (Это былъ родъ финансовой комиссіи, выбранной изъ своей среды Великою Думою для сбора пятой деньги). Но Великая Дума симъ не ограничилась, а въ томъ же 1616 году, и даже въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, особымъ приговоромъ постановила взыскать со Строгановыхъ еще 40.000 руб., въ счетъ будущихъ съ нихъ „податей и пошлинъ“. Приводимъ только тѣ земскіе приговоры, которые дошли до насъ; были, конечно, и другіе о подобныхъ же чрезвычайныхъ сборахъ. Дѣло въ томъ, что именно въ это время, при продолжавшейся еще борьбѣ со Шведами, война съ Польшею получила неблагопріятный для насъ оборотъ подъ Смоленскомъ: Поляки перешли въ наступленіе. Стали ходить слухи о приготовленіяхъ Владислава къ походу. Московское правительство съ своей стороны должно было напрягать силы и готовиться къ отпору.

Для того, чтобы собирать подати и пошлины, надобно было привести въ извѣстность наличное имущество жителей послѣ Московскаго разоренія. Съ этою цѣлью изъ Москвы разсылались по областямъ дозорщики, которые провѣряли имущество по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ. Но это дѣло пока не было упорядочено. Да и само тяглое населеніе еще не вдругъ, а постепенно входило въ свою

обычную колею при отбываніи повинностей и налоговъ. Послѣдніе часто не вносились сполна; иногда встрѣчалось даже открытое сопротивленіе, въ томъ случаѣ, когда царскіе воеводы и дьяки пытались выколачивать недочеты посредствомъ правежа.

Вообще почти все въ Московскомъ государствѣ приходилось вновь устраивать или упорядочить, начиная съ самаго двора и правительства. Предыдущая Смутная эпоха при частой смѣнѣ правительствъ, между прочимъ, произвела значительную путаницу въ отношеніяхъ знатныхъ фамилій между собою и къ верховной власти. Однѣ фамиліи пришли въ упадокъ, захудали; другія, наоборотъ, выдвинулись, возвысились. Отсюда происходятъ безпрерывныя мѣстническія столкновенія, и молодой Государь вмѣстѣ съ Боярской Думой постоянно долженъ былъ заниматься разборомъ родовыхъ счетовъ (давать имъ „судъ и счетъ"). Мы видѣли, какъ вредно отзывались счеты воеводъ на ратномъ дѣлѣ. Но и при дворѣ, по всякому поводу, при пріемѣ иностранныхъ пословъ, при царскомъ обѣдѣ, при нарядѣ въ рынды и т. д., бояринъ, окольничій, стольникъ, дворянинъ бьетъ челомъ, что ему съ такимъ-то или ниже такого-то быть „невмѣстно"; причемъ не слушаетъ царскаго приказу. По разборѣ дѣла нерѣдко такихъ мѣстниковъ присуждаютъ посадить на извѣстное время въ тюрьму или бить батогами и выдать головою противнику. Но подобный мѣстникъ честь своего рода ставилъ выше своей личности и терпѣливо переносилъ наказаніе; а иначе, записанное въ Разрядъ, назначенное ему мѣсто становилось предметомъ мѣстническихъ ссылокъ на будущее время по отношенію не только къ нему самому, но и къ его родственникамъ и потомству. Иногда только помогало, объявленное отъ имени Государя, повелѣніе въ какомъ-либо случаѣ „быть безъ мѣстъ", потому что на таковые случаи впослѣдствіи не должны были ссылаться мѣстники. Самые близкіе родственники Царя не избавлялись отъ подобныхъ счетовъ; ибо свѣжа еще была память объ отношеніяхъ Романовыхъ къ другимъ знатнѣйшимъ родамъ. Мы видѣли, что при короновании Михаила Ѳеодоровича въ іюлѣ 1613 г. даже тушинскій бояринъ, князь Д. Т. Трубецкой не хотѣлъ быть меньше дяди государева Ивана Никитича Романова. Въ томъ же 1613 году въ сентябрѣ (а по сентябрьскому счету уже въ 1614 г.), на праздникъ Рождества Пресв. Богородицы Государь позвалъ къ своему столу князя Ѳ. И. Мстиславскаго, И. Н. Романова и князя Б. М. Лыкова, и тутъ князь Лыковъ билъ челомъ, что ему „меньше быть" И. Н. Романова „невмѣстно". Н

этотъ разъ, впрочемъ, онъ послушался увѣщаній Государя и „у стола былъ"; но въ слѣдующемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ на Вербное Воскресенье, когда къ царскому столу были позваны тѣ же бояре, князь Лыковъ снова билъ челомъ о томъ же, и соглашался „сидѣть ниже" и „къ чашѣ ходить послѣ" Романова только въ томъ случаѣ, если „Государь укажетъ быти ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству" (а не по родовымъ счетамъ). Тогда и Романовъ въ свою очередь билъ челомъ на Лыкова, что онъ его своимъ челобитьемъ „обезчестилъ". Дѣло кончилось тѣмъ, что упрямый Лыковъ все-таки къ царскому столу не поѣхалъ, и его выдали головою Ивану Никитичу.

Само собой разумѣется, что знаменитый князь Д. М. Пожарскій, хотя и возвысился своими великими заслугами, но, какъ вышедшій изъ захудалаго рода, не могъ избѣжать многихъ мѣстническихъ столкновеній. Уже при его пожалованіи въ бояре, какъ мы видѣли, думный дворянинъ Гаврило Пушкинъ не хотѣлъ „стоять у сказки" ему боярства думнымъ дьякомъ Сыдавнымъ-Васильевымъ, но покорился распоряженію „быть безъ мѣстъ". А спустя нѣсколько мѣсяцевъ, самъ Пожарскій отказался стоять у сказки, когда тотъ же дьякъ Сыдавный-Васильевъ сказывалъ боярство Борису Михайловичу Салтыкову. Но этотъ Салтыковъ былъ тогда въ числѣ самыхъ властныхъ лицъ; онъ съ своимъ меньшимъ братомъ Михаиломъ билъ челомъ на Пожарскаго въ безчестіи. На приведенныя ими ссылки Пожарскій ничего не отвѣчалъ; однако, къ сказкѣ не пошелъ, а уѣхалъ домой и сказался больнымъ. „Поговоря съ боярами", Государь велѣлъ, чтобы боярство сказывалъ дьякъ одинъ, а въ Разрядѣ записать, что сказано въ присутствіи Пожарскаго. Очевидно, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Боярская Дума желали пощадить знаменитаго князя. Но Салтыковъ опять „ударилъ челомъ" Государю на Пожарскаго въ безчестьѣ. Дѣло снова обсуждалось въ Боярской Думѣ, и кончилось тѣмъ, что князя Димитрія Михайловича привели на дворъ Б. М. Салтыкова и выдали головою.

Сама правительственная власть въ первые годы Михаилова царствованія, повидимому, еще не сложилась, не отлилась въ твердыя но очерченныя формы, хотя замѣтно очевидное стремленіе къ ея зстановленію въ прежнемъ объемѣ. Рядомъ съ Царемъ остается ликая Земская Дума, его избравшая, и всѣ важныя мѣры исхотъ отъ Царя и этой Думы; обыкновенно вмѣстѣ съ царскими амотами мы видимъ грамоты того же содержанія, издаваемыя отъ

имени Земской Думы. Таковы грамоты о мѣрахъ противъ Ивашки Заруцкаго и воровскихъ казаковъ, о посылкѣ воеводъ на Литовскихъ людей и Черкасъ, о пятой деньгѣ и другихъ чрезвычайныхъ сборахъ. Избирательный Земскій Соборъ 1613 года помогалъ въ управленіи Михаилу до 1615 года включительно. Въ этомъ году онъ былъ распущенъ. Но помощь всей земли въ управленіи государствомъ считалась еще столь необходимой, что вскорѣ объявлены были новые выборы въ Земскую Думу; она собралась уже въ слѣдующемъ 1616 году, и продолжала ту же дѣятельность. За неимѣніемъ указаній, не можемъ сказать положительно, но, кажется, та же самая Земская Дума 1616 г. засѣдала въ Москвѣ и въ 1618 г. въ трудную эпоху Владиславова нашествія. Въ виду наступавшей опасности и вреда отъ мѣстничества, она утвердила Государево предложеніе, чтобы воеводы и служилые люди „были безъ мѣстъ“ до 1620 года; а затѣмъ участвовала въ самомъ распорядкѣ обороны. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ этой Думы второго созыва, повидимому, было торжественное участіе въ просьбѣ Филарету Никитичу принять на себя патріаршій санъ.

Вообще никогда на Руси Великая Земская Дума не была такимъ господствующимъ и постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ въ шестилѣтній періодъ отъ избранія Михаила Θеодоровича до возвращенія изъ плѣна Филарета Никитича. Но душою правительства въ это время оставалась Боярская Дума, которая притомъ входила и въ Земскую Думу, какъ ея главная составная часть. По всѣмъ признакамъ, эта Боярская Дума недаромъ обязала юнаго Государя записью условій при его избраніи. По одному свидѣтельству, близкому по времени, Михаилъ, „хотя и писался самодержцемъ, но ничего не могъ дѣлать безъ боярскаго совѣта“. Другое почти современное свидѣтельство съ негодованіемъ говоритъ, что бояре „уловивши“ Михаила присягнуть на ихъ вольностяхъ, широко пользовались его юностію, неопытностію и смиреніемъ для своихъ „мздоиманій“ и „насилій“ надъ православнымъ людомъ. Но далѣе личныхъ корыстныхъ цѣлей члены Боярской Думы, очевидно, не пошли и не упрочили за ней господствующаго государственнаго значенія. Чему способствовало отсутствіе дѣятельнаго, энергичнаго руководителя и соперничество самихъ членовъ. Первое мѣсто въ этой Думѣ занималъ Θ. И. Мстиславскій, извѣстный именно противуположными качествами. А затѣмъ въ ней засѣдали родственники и свойственники молодого Государя, каковы: дядя его Иванъ Никитичъ Романовъ,

двоюродный братъ (сынъ тетки Марѳы Никитичны) Иванъ Борисовичъ Черкасскій, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, Алексѣй Юрьевичъ Сицкій и братья Салтыковы, Борисъ и Михаилъ Михайловичи. Изъ нихъ наиболѣе искуснымъ дѣльцомъ, опытнымъ въ государственной политикѣ является Шереметевъ, вполнѣ преданный Михаилу, избранію котораго, какъ извѣстно, онъ много способствовалъ. Однако, наибольшимъ значеніемъ при дворѣ пользовались тогда братья Салтыковы, благодаря покровительству царской матери, великой старицы Марѳы, которой они приходились племянниками. Уже по самому характеру своему нерасположенный къ самостоятельному и сколько-нибудь рѣшительному образу дѣйствія, Михаилъ до возвращенія отца, можно сказать, не выходилъ изъ привычнаго послушанія своей матери, и продолжалъ вести почти монастырскій образъ жизни, часто отправляясь на богомолье въ ту или другую обитель. А великая старица, пережившая много горя и разныхъ превратностей, достигши властнаго положенія, не отличалась мягкимъ характеромъ. Ея любимцы братья Салтыковы многое позволяли себѣ, надѣясь на ея заступничество, и, вѣроятно, на нихъ-то болѣе всего намекаетъ лѣтописецъ, говоря о мздоимцахъ и насильникахъ. Мы видѣли, какъ Д. М. Пожарскій поплатился за свою попытку мѣстничать съ Борисомъ Салтыковымъ. До какой степени эти братья злоупотребляли своимъ придворнымъ значеніемъ, показываетъ дѣло о первой невѣстѣ Михаила Ѳеодоровича.

Государю было уже за 20 лѣтъ, когда великая старица Марѳа рѣшила его женить. Она сама выбрала ему невѣсту: то была дочь скромнаго дмитровскаго помѣщика Ивана Хлопова. Этотъ Хлоповъ во время Бориса Годунова состоялъ приставомъ при Марѳѣ Ивановнѣ въ Клину, куда она была отправлена съ сыномъ послѣ ея возвращенія изъ заонѣжской Толвуйской ссылки. А великая старица взыскивала своими милостями всѣхъ, кто оказывалъ ей или ея семьѣ услуги въ Смутное время. Такъ, ради нея были награждены землею и обѣльными грамотами толвуйскій священникъ Ермолай Герасимовъ съ сыномъ Николаемъ и толвуйскій крестьянинъ Поздѣй Тарутинъ съ братьями и дѣтьми. По ея же просьбѣ, таковымъ же пожалованіемъ награжденъ Богданъ Сабининъ за службу и „за кровь тестя его Ивана Сусанина“.

Марья Ивановна Хлопова очень полюбилась Михаилу. По обычаю, она была уже взята въ „верхъ“, т.-е. въ царскій теремъ, гдѣ находилась подъ обереганіемъ своей бабки Желябужской, родствен-

ницы Милюковой и, повидимому, еще мачихи, т.-е. жены ея отца. Ее уже нарекли царицей, причемъ перемѣнили ея имя на Анастасію; къ ней назначены придворные чины. Отецъ ея Иванъ и дядя Гаврила вызваны въ столицу; имъ указано служить при Государѣ. Но, кажется, эти братья Хлоповы, отуманенные внезапнымъ приближеніемъ къ трону, слишкомъ рано и неосторожно возвысили свой тонъ; чѣмъ и возбудили вражду въ братьяхъ Салтыковыхъ, опасавшихся найти въ нихъ соперниковъ по вліянію. Однажды Государь съ приближенными людьми былъ въ Оружейной Палатѣ и смотрѣлъ оружейную казну. Тутъ ему показали турецкую саблю и стали очень ее расхваливать. Кравчій Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ замѣтилъ при семъ, „что и на Москвѣ государевы мастера сдѣлаютъ такую же саблю". Государь подалъ саблю Гаврилѣ Хлопову и спросилъ его, какъ онъ о томъ думаетъ. Гаврила отвѣтилъ: „сдѣлаютъ, только не такую же". Тогда Михаилъ Салтыковъ вырвалъ у него саблю изъ рукъ, замѣтивъ, что онъ говоритъ зря, не зная дѣла. Гаврила не захотѣлъ уступить, и у нихъ произошла перебранка.

Недѣли двѣ спустя послѣ того, у Марьи Ивановны Хлоповой вдругъ открылась рвота, и она захворала желудочнымъ припадкомъ. Михаилъ Салтыковъ обратился къ придворнымъ медикамъ, и спрашивалъ у нихъ, что это за болѣзнь и нѣтъ ли отъ нея препятствія чадородію. Медики-иностранцы, докторъ Валентинъ Бильсъ и лѣкарь Балсырь, успокоивали; говорили, что болѣзнь неважная и скоро пройдетъ. Но Салтыковъ мѣшалъ лѣченію, искажалъ слова медиковъ; увѣрялъ, что болѣзнь опасная, и приводилъ какой-то подобный случай, окончившійся скорою смертію. Собрали семейный совѣтъ; старица Мароа пристала къ мнѣнію Салтыковыхъ, что „нареченная невѣста къ государевой радости непрочна". Михаилъ Өеодоровичъ хотя и полюбилъ Хлопову и очень жалѣлъ ее, но остался вѣренъ своему характеру, и согласился на жестокій приговоръ. Невѣсту его удалили изъ дворца; а вскорѣ затѣмъ ее сослали въ Тобольскъ вмѣстѣ съ родными (1618 г.).

Въ ту же эпоху самовластія старицы Мароы Ивановны и ближнихъ бояръ обрушилось неправедное гоненіе на одного изъ главныхъ подвижниковъ освобожденія Россіи отъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ; я говорю о троицкомъ архимандритѣ Діонисіи. Авторъ его житія разсказываетъ, что, по совершеніи патріотическаго подвига, Діонисій въ стѣнахъ своего монастыря продолжалъ отличаться необычайнымъ смиреніемъ и аскетическимъ образомъ жизни. Онъ былъ

до того кротокъ и ласковъ въ отношеніи братіи, что обыкновенно отдавалъ приказанія въ такой формѣ: „если хочешь, братъ, то поди и сдѣлай то-то". Разумѣется, лѣнивые и строптивые изъ братіи нерѣдко злоупотребляли его кротостію и смиреніемъ. Одни не двигались съ мѣста на томъ основаніи, что исполненіе приказанія предоставлялось на ихъ волю; другіе заводили съ архимандритомъ разныя прерѣканія и безнаказанно оскорбляли его. Особою дерзостію въ этомъ отношеніи отличались головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Логинъ кичился своимъ звучнымъ, красивымъ голосомъ; онъ искусно читалъ и пѣлъ на клиросѣ, но при семъ своевольничалъ и по своему невѣжеству сочинялъ иногда такіе распѣвы, которые совершенно искажали смыслъ и вызывали смѣхъ. Напримѣръ, онъ произносилъ: „Аврааму и сѣменѝ его до вѣка" (вмѣсто сѣ́мени). Діонисій дѣлалъ замѣчанія, но Логинъ не внималъ ему и возненавидѣлъ его, какъ своего соперника; ибо архимандритъ самъ читалъ и пѣлъ такъ пріятно, что народъ его заслушивался. На его замѣчанія Логинъ отвѣчалъ бранью и называлъ дураками сельскихъ поповъ, которые сами не знаютъ, чему людей учатъ. „Зналъ бы ты одно, архимандритъ: съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять". Пріятель Логина Филаретъ гордился тѣмъ, что болѣе сорока лѣтъ занималъ у Троицы должность уставщика; а потому считалъ себя гораздо опытнѣе и умнѣе архимандрита, и даже сочинилъ собственное ученіе о человѣкообразности Божества на томъ основаніи, что Богъ создалъ человѣка по образу и по подобію своему. Напрасно Діонисій обличалъ его келейнымъ способомъ, не желая доводить дѣла до власти царской и патріаршей. Логинъ и Филаретъ сами посылали на него жалобы въ Москву.

Рядомъ съ этими біографическими чертами, правительственные акты того времени показываютъ, что въ заботахъ о матеріальномъ благосостояніи своей обители, знаменитый архимандритъ не отставалъ отъ другихъ настоятелей, которые выхлопатывали разныя льготы ихъ монастырямъ, наиболѣе прославившимся въ Смутную эпоху, каковы Кириллобѣлозерскій, Ипатьевскій, Соловецкій и пр. ...къ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ, ...іонисій билъ челомъ Государю объ изъятіи всякихъ монастырскихъ ...рамотъ отъ платежа пошлинъ, о возобновленіи въ Москвѣ на Кон...ой площади пошлины, взимаемой съ продажныхъ лошадей въ ...льзу Троицкаго Сергіева монастыря, о дозволеніи отыскивать и ...зврaщать въ вотчины этого монастыря крестьянъ, бѣжавшихъ въ

теченіе прошлаго десятилѣтія, т.-е. почти за все Смутное время; о томъ, чтобы Троицкій монастырь во всѣхъ дѣлахъ вѣдался въ одномъ Приказѣ Большого Дворца (гдѣ тогда начальствовалъ временьщикъ Борисъ Мих. Салтыковъ), и т. д. И всѣ эти просьбы обыкновенно удовлетворялись.

Въ Московское разоренье, когда Поляки выжгли столицу, сгорѣлъ и Московскій печатный дворъ. Въ первые же годы Михаилова царствованія рѣшено было возобновить печатаніе богослужебныхъ книгъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ ихъ исправленіи или объ очищеніи ихъ отъ разныхъ искаженій и примѣсей, вносимыхъ въ теченіе вѣковъ небрежными и невѣжественными переписчиками, т.-е. возобновили трудъ, начатый еще Максимомъ Грекомъ. Для сего труда, между прочимъ, вызвали въ Москву троицкаго канонарха старца Арсенія Глухого, знакомаго съ греческимъ языкомъ, и клементьевскаго священника Ивана Насѣдку. А эти два лица въ свою очередь били челомъ, что особенно испорчена отъ неразумныхъ писцовъ по всей Русской землѣ настольная книга Потребникъ и что имъ однимъ съ этой книгой не справиться. Тогда по царскому указу (1616 г. 8 ноября) исправленіе Потребника поручено было преимущественно троицкому архимандриту Діонисію; а онъ, кромѣ названныхъ лицъ, въ помощь себѣ долженъ былъ выбрать тѣхъ изъ монастырскихъ старцевъ, „которые подлинно и достохвально извычны книжному ученію и граматику, и риторію умѣютъ“. Діонисій съ обычнымъ рвеніемъ и добросовѣстностію принялся за порученный имъ трудъ, и довольно скоро его окончилъ. При исправленіи Потребника онъ и его товарищи, между прочимъ, уничтожили прибавочныя слова „и огнемъ“, въ молитвѣ при освященіи Богоявленской воды („и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ“). Эта невѣжественная прибавка изъ неисправныхъ рукописей успѣла уже перейти въ Потребники, напечатанные при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и патріархѣ Іовѣ. Но уничтоженіе ея возбудило ропотъ.

Въ числѣ наиболѣе негодующихъ оказался помянутый выше головщикъ Логинъ, который при Царѣ Василіи Шуйскомъ и патріархѣ Гермогенѣ самъ участвовалъ въ печатаніи церковныхъ уставовъ и самовольно вносилъ въ нихъ разныя искаженія. Онъ вмѣстѣ съ уставщикомъ Филаретомъ и ризничимъ Маркелломъ написали въ Москву доносъ на мнимую ересь Діонисія и его сотрудниковъ. Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ

крутицкій Іона, человѣкъ недалекій и малосвѣдущій, далъ ходъ доносу; вызвалъ Діонисія съ товарищами, и подвергъ ихъ строгому розыску. Пристрастные судьи потребовали съ Діонисія 500 рублей, и, не получивъ ихъ, велѣли заключить его въ оковы, водить его къ митрополиту въ праздничные дни по улицамъ и площадямъ; чѣмъ выставляли его на поруганіе простому народу, въ который была пущена молва, что это такіе еретики, которые хотятъ вывести изъ міра огонь. Великую старицу Марѳу не преминули вмѣшать въ это дѣло, представляя ей исправителей еретиками.

Діонисій съ терпѣніемъ и кротостію переносилъ посланное ему тяжкое испытаніе, а печаловался только о своихъ товарищахъ. Изъ нихъ Арсеній Глухой не выдержалъ, и подалъ челобитную боярину Бор. Мих. Салтыкову, начальнику Приказа Большого Дворца, который, какъ мы видѣли, по просьбѣ самой братіи, вѣдалъ Троицкій монастырь. Арсеній, хотя и оправдывалъ поправки, но жаловался на Діонисія (и Ивана Насѣдку) въ томъ, что онъ такое важное дѣло совершалъ не въ Москвѣ на глазахъ у митрополита, а у себя въ монастырѣ. Обвиняемые были осуждены духовнымъ соборомъ. Діонисій приговоренъ къ ссылкѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. (1618). Но такъ какъ въ это время случилось нашествіе на Москву королевича Владислава, и пути не были свободны отъ непріятельскихъ отрядовъ, то архимандрита заключили пока въ Новоспасскомъ монастырѣ, причемъ не только наложили на него епитимію въ 1000 поклоновъ, но подвергали побоямъ и другимъ мукамъ. (1).

VIII.

ФИЛАРЕТЪ НИКИТИЧЪ И ВТОРАЯ ВОЙНА СЪ ПОЛЬШЕЮ.

Оправданіе архимандрита Діонисія.—Исканіе невѣсты Михаилу за границей.—Пересмотръ дѣла Хлоповой.—Бракъ съ Евдокіей Стрѣшневой.—Мѣры экономическія.—Новая Земская дума.—Работа писцовъ и дозорщиковъ.—Противупожарныя мѣры.—Церковно-обрядовая сторона.—Риза Господня.—Внѣшнія сношенія и торговыя домогательства иностранцевъ.—Шведскія отношенія.—Польскія „неправды". —Приготовленія къ войнѣ.—Наемъ иноземныхъ полковъ.—Закупка оружія.—Русскіе полки иноземнаго строя.—Выборъ Шеина главнымъ воеводою.—Его слова при отпускѣ.—Объявленіе войны.—Наказъ воеводамъ.—Чрезвычайныя мѣры по военному обозу и сбору рати.—Походъ и поведеніе Шеина.—Успѣшное отобраніе городовъ у Литвы.—Дорогобужское сидѣніе Шеина.—Движеніе къ Смоленску.—Слабость Смоленскаго гарнизона.

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича изъ плѣна произошла большая перемѣна въ московской правительственной сферѣ. Почувствовалась опытная, твердая рука; боярскому самовластію мало-помалу положенъ предѣлъ; преобладавшее и невсегда благое вліяніе великой старицы Мароы на своего сына уступило мѣсто исключительному вліянію отца, облеченнаго высшимъ духовнымъ саномъ. На государственныхъ грамотахъ нерѣдко стоятъ рядомъ два имени: „Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ съ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи".

Нѣкоторыя неправильно рѣшенныя дѣла были подвергнуты пересмотру. Такъ однимъ изъ первыхъ распоряженій патріарха Филарета была отмѣна соборнаго приговора по отношенію къ архимандриту Діонисію и его товарищамъ. Филаретъ воспользовался пребываніемъ въ Москвѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, и обратился къ нему съ вопросомъ: есть ли въ греческихъ книгахъ при молитвѣ водоосвященія прибавка „и огнемъ". Ѳеофанъ отвѣчалъ отрицательно.

Тогда вопросъ былъ вновь предложенъ на обсужденіе духовнаго собора; причемъ Діонисію предоставлена свобода обличать своихъ противниковъ. Его освободили и возвратили на Троицкую архимандрію (1620 г.). Для вящаго убѣжденія сомнѣвающихся Филаретъ просилъ отъѣзжающаго Ѳеофана поговорить объ этомъ вопросѣ съ другими восточными патріархами и справиться въ старыхъ греческихъ служебникахъ. Ѳеофанъ исполнилъ сію просьбу и вмѣстѣ съ патріархомъ александрійскимъ Герасимомъ прислалъ въ Москву грамоты, въ которыхъ они подтверждали отсутствіе въ греческихъ книгахъ словъ: „и огнемъ". Тогда (въ 1625 г.) Филаретъ разослалъ указъ о томъ, чтобы церковныя власти въ печатныхъ потребникахъ означенныя слова замазали чернилами.

Особенное вниманіе обратилъ патріархъ на дѣло о ссылкѣ нареченной государевой невѣсты дѣвицы Хлоповой. Немедля по возвращеніи Филарета она была переведена съ своими родственниками изъ Тобольска въ Верхотурье, а въ слѣдующемъ 1620 году ее переселили въ Нижній, т.-е. еще ближе къ Москвѣ. Но съ пересмотромъ дѣла о ней патріархъ не спѣшилъ, потому что имѣлъ въ это время другіе планы на счетъ женитьбы своего сына.

Какъ основатель новой Русской династіи, естественно Филаретъ желалъ придать ей блеска родственнымъ союзомъ съ какимъ-либо владѣтельнымъ европейскимъ домомъ. И вотъ началось исканіе невѣсты для Михаила Ѳеодоровича по заграничнымъ дворамъ. Сначала послали одного московскаго Нѣмца въ Дрезденъ, гдѣ онъ тайно, но безуспѣшно развѣдывалъ о саксонскихъ принцессахъ. Потомъ узнавъ, что у короля датскаго Христіана IV есть двѣ племянницы дѣвицы, принцессы Шлезвигъ-Голштинскія, снарядили въ 1622 г. въ Копенгагенъ посольство, съ княземъ Алексѣемъ Львовымъ и дьякомъ Жданомъ Шиповымъ. Снабженные подробнымъ наказомъ, что говорить и какъ поступать, послы обратились къ Христіану IV со сватовствомъ старшей его племянницы Доротеи. Послѣ многихъ переговоровъ съ королевскими совѣтниками, они, наконецъ, получили отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Доротея уже сговорена за одного нѣмецкаго принца. Тогда немедля, въ томъ же 1622 году, Московское правительство послало гонца къ шведскому королю Густаву Адольфу сватать его свояченицу Екатерину, дочь маркграфа Бранденбургскаго. Долго тянулись и эти переговоры; но также кончились ничѣмъ, потому что со стороны невѣсты предъявлены были условія во-первыхъ, оставить ей и ея свитѣ свободное отправленіе еванге-

лическаго исповѣданія, а во-вторыхъ, назначить ей въ пожизненное владѣніе особые города и земли. На такія условія Московское правительство не могло согласиться, а особенно на первое. Иноземная принцесса, хотя бы и христіанка, не только должна была принять православіе, но и вновь креститься. (Постановленіе, чтобы иновѣрцы, переходящіе въ православіе, подвергались перекрещиванію, было подтверждено на Московскомъ духовномъ соборѣ 1620 года). Кромѣ весьма затруднительнаго пункта о перемѣнѣ исповѣданія, на неудачи сватовства за границей вліяло еще и то обстоятельство, что старые европейскіе владѣтельные дома пока недовѣрчиво относились къ прочности новой Русской династіи, имѣя передъ глазами недавнія бури Смутнаго времени.

Только послѣ сихъ неудачныхъ попытокъ Филаретъ Никитичъ занялся пересмотромъ дѣла о ссылкѣ дѣвицы Хлоповой, къ которой Михаилъ, повидимому, продолжалъ питать нѣжное чувство. Патріархъ и царь собрали на семейный совѣтъ ближнихъ бояръ: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасскаго и Ѳедора Ивановича Шереметева. По рѣшенію этого совѣта подвергли допросу Михаила Салтыкова и придворныхъ медиковъ-иностранцевъ о болѣзни царской невѣсты. Потомъ призвали къ допросу Ивана и Гаврилу Хлоповыхъ, отца и дядю невѣсты. Наконецъ отправили въ Нижній цѣлую комиссію изъ разныхъ лицъ, съ Ѳед. Ив. Шереметевымъ во главѣ, для допроса самой дѣвицы Хлоповой, ея бабки и другихъ родственниковъ. Оказалось, что она была совершенно здорова и прежде и послѣ своего пребыванія во дворцѣ. Интриги и виновность братьевъ Салтыковыхъ были выяснены. Тогда они подверглись опалѣ: имъ было указано немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ своихъ дальнихъ вотчинахъ; при семъ помянули и вообще ихъ неправды и хищенія царскихъ земель. Оставалось только воротить во дворецъ нареченную невѣсту. Но тутъ въ дѣло вступилась великая старица Марѳа: оскорбленная опалой своихъ любимыхъ племянниковъ, она съ клятвами воспротивилась женитьбѣ сына на Хлоповой, и тотъ съ обычнымъ своимъ смиреніемъ уступилъ. Филаретъ также не настаивалъ.

Между тѣмъ Государю шелъ уже 28-й годъ; а онъ все оставался холостымъ. Отстранивъ Хлопову, Марѳа Ивановна женила сына на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой. Но молодая царица заболѣла вскорѣ послѣ свадьбы отъ неизвѣстной причины, и, спустя три мѣсяца съ небольшимъ, скончалась (въ январѣ 1625 г.).

Только въ слѣдующемъ году Михаилу Ѳеодоровичу удалось, наконецъ, съ благословенія родителей, вступить въ прочный бракъ и устроить свое семейное благополучіе. По старому обычаю, въ Москву собрали нѣсколько десятковъ красавицъ. Но выборъ Государя остановился не на знатной дѣвицѣ, а на дочери незначительнаго служилаго человѣка Стрѣшнева, Евдокіи Лукьяновнѣ, „доброзрачной и благоумной отроковицѣ", какъ выражается русскій хронографъ. Отецъ ея Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, услуживалъ знатному и вліятельному боярину Ѳедору Ив. Шереметеву; а дочь его жила при супругѣ боярина въ качествѣ почти сѣнной дѣвушки. Можно предположить, что и самый выборъ Государя произошелъ не безъ участія этой боярской четы. Свадьба была совершена 5 февраля 1626 года со всѣми древнерусскими обрядами и церемоніями, отличавшимися особою пышностію и многолюдствомъ въ царскомъ быту. По особому указу велѣно было придворнымъ чинамъ „на государской радости" быть безъ мѣстъ. Но главныя роли на этой свадьбѣ, конечно, играли все тѣ же ближніе бояре: посажеными отцомъ и матерью Государя были его дядя Ив. Никитичъ съ женой Ульяной Ѳедоровною, тысяцкимъ князь Ив. Борис. Черкасскій, большимъ дружкою кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ вѣдалъ царскимъ сѣнникомъ или опочивальнымъ чертогомъ; кн. Бор. Мих. Лыковъ верхомъ на царскомъ аргамакѣ съ обнаженнымъ мечомъ ѣздилъ у дверей этого чертога въ качествѣ конюшаго боярина. Въ числѣ дружекъ съ той и другой стороны находимъ также князя Д. М. Пожарскаго и М. Б. Шеина; жены ихъ присутствовали на свадебныхъ церемоніяхъ въ качествѣ свахъ; сыновья ихъ также не были обойдены соотвѣтственнымъ ихъ возрасту назначеніемъ. А въ числѣ участвовавшихъ въ процессіи „фонарниковъ" встрѣчается Нефедъ Кузмичъ, сынъ знаменитаго Минина, скончавшагося въ первые годы Михаилова царствованія.

Весною царь съ молодой супругою предпринялъ одну изъ обычныхъ и любимыхъ своихъ поѣздокъ на богомолье, именно въ Троицкую Лавру. Но на сей разъ поѣздка сопровождалась большимъ бѣдствіемъ. Въ отсутствіе Государя въ столицѣ произошелъ ужасный пожаръ: онъ начался съ Варварскаго крестца въ Китаѣ-городѣ; отсюда загорѣлись торговые ряды, отъ нихъ у Троицкаго собора (Василія Блаженнаго) обгорѣлъ верхъ; потомъ огонь перебросило въ Кремль на ближній Вознесенскій монастырь, а затѣмъ на Чудовъ,

на Государевъ и Патріаршій дворъ, на Приказы, въ которыхъ погорѣли „всякія дѣла“.

Бракъ царя съ Евдокіей Стрѣшневой Богъ благословилъ чадородіемъ. Въ первые два года родились дочери Ирина и Пелагея (послѣдняя вскорѣ умерла); а на третій годъ (1629) въ мартѣ, по выраженію грамотъ того времени, „Богъ простилъ царицу“: Евдокія Лукьяновна подарила супругу и Россіи наслѣдника престола, Алексѣя Михайловича. Его крестилъ въ Чудовѣ монастырѣ благовѣщенскій протопопъ и духовникъ государевъ Максимъ, въ присутствіи Михаила Θеодоровича и Филарета Никитича; воспреемникомъ былъ принимавшій всѣхъ дѣтей Михаила Θеодоровича троицкій келарь Александръ Булатниковъ, а воспреемницей Ирина Никитична, тетка царя и вдова Ивана Ивановича Годунова. Но эта царская и народная радость была отравлена стихійнымъ бѣдствіемъ. Тою же весною опять произошелъ въ Москвѣ огромный пожаръ; на этотъ разъ, однако, не въ центрѣ города: выгорѣло Чертолье по самую Тверскую улицу; погорѣли слободы за Бѣлымъ городомъ; кромѣ того горѣло на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Слѣдующимъ затѣмъ лѣтомъ, по замѣчанію лѣтописцевъ, были великія бури съ громомъ, молніей, проливнымъ дождемъ и такимъ вихремъ, который со многихъ храмовъ сорвалъ главы и кресты (⁵).

Особую заботу Филарета Никитича возбуждало бѣдственное экономическое состояніе государства, которое плохо поправлялось послѣ разоренія, претерпѣннаго въ Смутную эпоху. Правительственные акты сообщаютъ, что онъ, вступивъ на патріаршій престолъ, немедля со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходилъ къ государю Михаилу Θеодоровичу и совѣтовался о прекращеніи всякаго рода безпорядковъ и злоупотребленій. Податныя тягости ложились на народъ крайне неравномѣрно: съ однихъ взыскиваютъ по писцовымъ книгамъ, съ другихъ по дозорнымъ; но и дозорщики, посланные въ началѣ Михаилова царствованія для описи имущества въ мѣстахъ наиболѣе разоренныхъ, исполняли свое дѣло недобросовѣстно, такъ что однимъ приходилось платить подати легко, а другимъ тяжело. Притомъ изъ разоренныхъ украинскихъ и сѣверныхъ городовъ многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, пріѣхали въ Москву и ближніе города, гдѣ и живутъ у своихъ родственниковъ и пріятелей; а въ это время ихъ сограждане, оставшіеся на родинѣ, бьютъ челомъ, чтобы имъ дали льготы въ

податяхъ ради ихъ разоренія. Иные посадскіе и уѣздные люди, отбывая всякихъ податей, „заложились“ (записались въ кабалу) за духовными и мірскими землевладѣльцами. Наконецъ многіе бьютъ челомъ, чтобы ихъ оборонили отъ обидъ и насилій, которыя они терпятъ со стороны бояръ и всякихъ сильныхъ людей.

Государи, отецъ и сынъ, представили всѣ эти жалобы обсужденію Великой Земской Думы (1619 г.), и она постановила слѣдующія мѣры, утвержденныя Царемъ:

Въ города, неподвергшіеся разоренію, послать писцовъ, а въ разоренные „добрыхъ“ дозорщиковъ, которымъ дать подробные наказы и которые должны присягнуть въ томъ, что будутъ дозирать по правдѣ, безъ посуловъ. Украинскихъ посадскихъ людей, живущихъ въ Москвѣ и ближнихъ городахъ, сыскивать и отсылать на ихъ родину, предоставивъ имъ разныя льготы, смотря по степени разоренья. Заложившихся за боярами, духовенствомъ, монастырями и пр. мѣстныя власти должны были также сыскивать и высылать на родину, причемъ съ тѣхъ, за кѣмъ они закладывались, взыскивать происшедшіе отъ того убытки казны, т.-е. незаплаченныя подати. По жалобамъ на обиды отъ сильныхъ людей, учредить особую сыскную палату (собственно временную комиссію), съ князьями Ив. Бор. Черкасскимъ и Дан. Ив. Мезецкимъ во главѣ. Во всѣхъ городахъ привести въ извѣстность количество денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ, собираемыхъ въ казну по окладу, ихъ приходъ, расходъ, недоимки, мѣста, запустѣвшія отъ разоренія; расписать, какія села и деревни розданы въ помѣстья и вотчины, какія по окладу съ нихъ были денежные и хлѣбные доходы, куда они пошли и что отъ нихъ въ остаткѣ. Этотъ рядъ мѣропріятій заключался приказомъ прислать въ Москву выборныхъ „для вѣдомости и устроенія“, т.-е. свѣдущихъ людей. Для сего отъ каждаго города слѣдовало выбрать одного или двухъ изъ духовенства, двухъ посадскихъ и по два человѣка изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, вообще людей „добрыхъ и разумныхъ“, которые бы умѣли разсказать обиды, насилія и разоренія и посовѣтовать, какъ Московское государство поправить и „ратныхъ людей пожаловать“. Во всякомъ городѣ воевода или губной староста, получивъ царскую и соборную грамоту съ означенными постановленіями, долженъ былъ созвать въ соборный храмъ мѣстное духовенство, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, посадскихъ и уѣздныхъ людей изъ пригородовъ и уѣздовъ, прочесть имъ въ слухъ грамоту и тутъ же произвести

выборы свѣдущихъ людей, которымъ вручить списки съ рукоприкладствомъ и потомъ отпустить ихъ въ Москву.

Новая Земская Дума, составленная изъ этихъ свѣдущихъ людей, первоначально должна была собраться въ Москвѣ къ празднику Покрова Пресв. Богородицы, т.-е. къ 1 октября 1620 (сентябрскаго) года; но потомъ срокъ этотъ былъ перенесенъ на 6 декабря по случаю отсутствія изъ столицы Михаила Ѳеодоровича, который по обѣту своему ѣздилъ тогда на богомолье въ Ярославль, Кострому и на Унжу. Къ сожалѣнію, мы пока не имѣемъ данныхъ, чтобы судить, насколько оправдались, возлагавшіяся на сей новый Соборъ, надежды Царя и Патріарха, и вообще были ли успѣшны тѣ важныя и обширныя мѣры, которыя постановлены предыдущимъ Соборомъ 1619 года. Но изъ теченія послѣдующей исторіи надобно полагать, что до нѣкоторой степени онѣ были выполнены и не мало содѣйствовали возстановленію экономическаго порядка и общественныхъ отношеній, нарушенныхъ событіями и разореніями Смутной эпохи. Наибольшими трудностями, повидимому, сопровождалось возвращеніе назадъ посадскихъ и крестьянъ, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ областей и уклонявшихся отъ податныхъ тягостей. По этому поводу долго еще встрѣчаемъ предписанія правительства областнымъ воеводамъ о сыскѣ таковыхъ людей, отдачѣ ихъ на „крѣпкія поруки", и высылкѣ посадскихъ въ ихъ города, а уѣздныхъ въ ихъ волости на „прежніе крестьянскіе жеребья", впрочемъ, съ соблюденіемъ десятилѣтней давности, дальше которой возвращеніе не простиралось. Иногда разореніе причинялось не одними непріятельскими отрядами или воровскими шайками, но и самими злонамѣренными или не поразуму усердными органами правительства. Такъ, въ 1621 году жители Погорѣлаго Городища жаловались обоимъ государямъ, что въ 1617 г. (въ Польскую войну) Гаврило Пушкинъ, присланный изъ Москвы съ повелѣніемъ разломать и сжечь острогъ въ Погорѣломъ, исполнилъ это повелѣніе, не давъ посадскимъ людямъ ни единаго часу для вывоза своего имущества изъ острога; поэтому они разбрелись въ разныя стороны и перебиваются по разнымъ городамъ. Государи пожаловали ихъ, дали имъ жалованную грамоту „за красною печатью", велѣли имъ воротиться на свои мѣста и велѣли дать имъ льготы, одинаковыя съ жителями Можайска и Вязьмы (тоже разоренныхъ въ послѣднюю Польскую войну), а именно, на пять лѣтъ освободили ихъ отъ платежа четвертныхъ доходовъ и другихъ податей, а также отъ подводъ и кормовъ царскимъ чиновникамъ.

Между прочимъ въ 1620 году встрѣчаемъ жалобу Калужанъ на полное разореніе ихъ отъ Запорожцевъ Сагайдачнаго при нашествіи королевича Владислава. Царь Михаилъ далъ имъ льготу: на три года освободилъ ихъ отъ „всякихъ четвертныхъ доходовъ, пятинныхъ и запросныхъ денегъ, хлѣбныхъ запасовъ и иныхъ податей“, а также отъ подводъ и кормовъ посланникамъ, гонцамъ и стрѣльцамъ, за исключеніемъ спѣшныхъ дѣлъ („опричь скорыхъ дѣлъ“). Спустя съ небольшимъ два года, тѣ же Калужане вновь бьютъ челомъ о льготахъ по случаю страшнаго пожара, истребившаго городъ и острогъ „со всѣми ихъ животами“. И на этотъ разъ оба государя, отецъ и сынъ, пожаловали ихъ: еще на три года освободили отъ тѣхъ же податей и повинностей, съ прибавкою „городового и острожнаго дѣла“, т.-е. освобожденія отъ обязанности строить укрѣпленія.

Но что въ особенности заслуживаетъ уваженія изъ мѣропріятій, указанныхъ Земскимъ Соборомъ 1619 года,— это громадная работа писцовъ и дозорщиковъ. Писцы, какъ мы видѣли, посылались въ неразоренные города, а дозорщики въ разоренные. Но дозорныя книги имѣли только временный характеръ; по мѣрѣ того какъ областныя хозяйства приходили въ нормальный порядокъ, они подвергались подробной описи, которая вносилась въ писцовыя книги. Эти книги уже въ XVI вѣкѣ составляли предметъ попеченія и усилій Московскаго правительства; а въ XVII онѣ приняли еще большіе размѣры и велись съ возможною тщательностію. Множество ихъ погибло во время Московскаго разоренія; сію медленную кропотливую работу приходилось начинать съизнова, и даже не одинъ разъ. Такъ, въ 1626 году большой Московскій пожаръ опять истребилъ значительную часть писцовыхъ книгъ; правительство принялось ихъ возстановлять; по словамъ лѣтописца, „царь послалъ писцовъ во всю землю“.

Отправленные изъ московскихъ приказовъ по областямъ, писцы и дозорщики—дворяне и дьяки съ подъячими—должны были бороться съ разнообразными трудностями, чтобы производить описи городовъ, уѣздовъ и волостей возможно близкія къ истинѣ. Во-первыхъ, мѣшала подвижность населенія, частію продолжавшаго переходить съ мѣста на мѣсто; во-вторыхъ, общее стремленіе тяглаго люда въ своихъ показаніяхъ уменьшать размѣры своего хозяйства и количество рабочей силы, ради уменьшенія податей. Иные посадскіе или уѣздные люди, заслышавъ о пріѣздѣ писцовъ, уходили къ со-

сѣдямъ или къ родственникамъ въ другія мѣста, чтобы дворы ихъ были означены пустыми, въ которые и возвращались по отъѣздѣ писцовъ. Укрывательства эти производились тѣмъ усерднѣе, что писцы и дозорщики пользовались полнымъ содержаніемъ на счетъ населенія, слѣдовательно, сами по себѣ уже составляли нѣкоторое бремя. Помѣщики тоже прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы менѣе платить податей: напримѣръ, выдавали свои помѣстья за вотчины, утаивали часть своихъ земель и крестьянъ; два крестьянскихъ двора огораживали вмѣстѣ и дѣлали къ нимъ одни ворота, переводили крестьянъ въ разрядъ бобылей и т. п. Сами писцы, невзирая на врученные имъ подробные наказы и наставленія, по своему неумѣнью или неподготовленности къ статистическимъ работамъ, впадали нерѣдко въ ошибки и пропуски. Бывали случаи и прямыхъ злоупотребленій, т.-е. взятокъ, ради которыхъ писцы и дозорщики, вопреки особой присягѣ, уменьшали количество земли и тяглыхъ дворовъ или записывали земли не за ихъ законными владѣльцами. Вслѣдствіе возникавшихъ отсюда жалобъ со стороны сосѣдей и лицъ пострадавшихъ, правительство смѣняло писцовъ и присылало другихъ, которые производили провѣрку описей. Несмотря однако на подобныя трудности и помѣхи, писцовое дѣло въ общемъ составило великую заслугу Московскаго правительства и дало обильный, драгоцѣнный матеріалъ для уясненія экономическаго состоянія государства.

Изъ правительственныхъ распоряженій той же эпохи замѣчательны мѣры противъ частыхъ пожаровъ, опустошавшихъ столицу. Въ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича на московскомъ Земскомъ дворѣ выставлялись черными сотнями и слободами тридцать человѣкъ „ярыжныхъ" (пожарныхъ) съ тремя водовозными лошадьми. Въ 1622 году Царь и Патріархъ указали число ярыжныхъ увеличить до сотни и прибавить лошадей. Кромѣ содержанія для этой команды, тѣ же обыватели обязаны были доставлять извѣстное количество мѣдныхъ трубъ, крюковъ, парусины, топоры, кирки, бочки, ведра и прочую „пожарную рухлядь". Послѣ великаго пожара весною 1629 года Государь указалъ устроить еще сотню ярыжныхъ и прибавить 20 лошадей съ бочками; но такъ какъ черныя сотни и слободы неоднократно били челомъ на свои тягости, то сія ярыжная сотня и бочки устроены на счетъ государевой казны. Къ этимъ бочкамъ велѣно городовымъ извощикамъ выставлять на каждую ночь по 20 человѣкъ; а если случится пожаръ днемъ, то очередные извощики должны были немедля являться на

Земскій дворъ къ государевымъ телѣгамъ и бочкамъ. Кромѣ ярыжныхъ людей, въ тушеніи пожаровъ обязательное участіе принимали московскіе стрѣльцы. Сверхъ того, на случай пожаровъ велѣно по большимъ улицамъ сдѣлать съ каждыхъ десяти дворовъ по колодцу. Обращено вниманіе и на скученность или неумѣстность построекъ; напримѣръ, Государь велѣлъ переписать избы, стоявшія вдоль Кремлевскаго рва, позади церквей между Фроловскими и Никольскими воротами, и узнать, почему онѣ тамъ поставлены.

Устраненіе ограничительныхъ боярскихъ притязаній и формальное возстановленіе царскаго самодержавія въ эпоху Филарета Никитича съ особою наглядностію выразились въ указѣ о новой государевой печати въ 1625 году: на этой печати въ царскомъ титулѣ прибавлено слово „самодержецъ", каковою печатью и приказано скрѣплять всякіе правительственные акты.

Какъ верховный и независимый глава Русской церкви, патріархъ Филаретъ немало потрудился надъ ея благоустройствомъ и возстановленіемъ порядковъ, нарушенныхъ анархическими явленіями Смутной эпохи. Съ особою, конечно, заботливостію онъ слѣдилъ за богослужебною обрядовою стороною въ самой столицѣ, наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ уставовъ и во многомъ дополнилъ ихъ своею властію. Между прочимъ, отъ его времени дошелъ до насъ, составленный для Успенскаго собора, любопытный „Указъ трезвонамъ во весь годъ, когда (звонить) въ новый и большой колоколъ, и когда въ ревутъ, и когда въ средній, въ лебедь". Въ важнѣйшіе праздники и главные царскіе дни благовѣстили въ самый большой колоколъ; въ слѣдующіе за ними по степени значенія—въ колоколъ, называвшійся „ревутомъ"; а при менѣе важныхъ торжествахъ во время богослуженія трезвонъ бывалъ средній, при чемъ ударяли въ колоколъ, носившій названіе „лебедя". Напримѣръ, въ имянины Государя (на преп. Михаила Малеина, 12 іюля) былъ благовѣстъ въ большой колоколъ и „звонъ во вся" (во всѣ колокола). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходилъ „звонъ во вся безъ большого"; напримѣръ, 1 сентября, въ день Новаго года, съ которымъ соединяли и проводы стараго или такъ-называемое „лѣтопровоженіе" (праздникъ преп. Симеона Столпника, отсюда прозваннаго въ народѣ Лѣтопроводцемъ). Въ этотъ день патріархъ совершалъ торжественный выходъ изъ Успенскаго собора со крестами, чудотворными иконами и хоругвями на площадку къ Архангельскому собору; а Государь выходилъ туда же изъ Благовѣщенскаго собора. Тамъ ставили два „мѣста" (двѣ

сѣни), царское и патріаршее. Государь принималъ отъ Патріарха благословеніе; послѣ чего оба они становились на свои мѣста. Звонъ прекращался; при пѣніи патріаршаго хора, бояре и всѣ власти попарно подходили и совершали по два поклона царю и по одному поклону патріарху. Затѣмъ происходило освященіе воды. Сей торжественный выходъ оканчивался многолѣтіемъ государю „со властьми" и обращеннымъ къ нему привѣтственнымъ словомъ патріарха. Приложившись къ чудотворнымъ иконамъ и къ двумъ евангеліямъ, Государь возвращался въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ слушалъ обѣдню; а Патріархъ шелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ самъ совершалъ литургію.

Эти и многія другія обрядовыя подробности находимъ мы въ названномъ выше „Уставѣ о трезвонахъ". Какъ строго Филаретъ наблюдалъ точное исполненіе устава, свидѣтельствуетъ слѣдующій тамъ же приведенный случай. Въ 1630 году патріархъ „велѣлъ старостъ звонарскихъ бить нещадно батоги за то, что они зазвонили" нѣсколько ранѣе, чѣмъ слѣдовало, во время описаннаго выхода на Новый годъ (6).

Филаретъ Никитичъ не упускалъ случая возвысить свой домъ также помощію предметовъ вѣры и благочестія. Московскій посолъ въ Персіи Коробьинъ извѣстилъ государей, что шахъ Аббасъ предлагаетъ подарить имъ срачицу Христову, которую онъ захватилъ во время своего похода въ Грузію. Государи приказали всѣми мѣрами добиваться этого сокровища. Въ 1625 году дѣйствительно пріѣхали отъ шаха Аббаса послы Русанъ-бекъ и Муратъ-бекъ, и на торжественномъ пріемѣ ихъ въ Грановитой палатѣ поднесли патріарху Филарету Никитичу золотой ковчегъ, въ которомъ заключенъ былъ небольшой кусокъ ветхой полотняной матеріи. Такъ какъ сія святыня пришла отъ иновѣрнаго царя, то патріархъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, ради ея испытанія, устроили молебны, недѣльный постъ и хожденіе съ нею по больнымъ. Затѣмъ разослана была окружная грамота къ областнымъ архіереямъ съ извѣстіемъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и съ повелѣніемъ ежегодно отправлять празднество въ честь Ризы Господней 27 марта. Самая срачица въ золотомъ ковчегѣ хранилась въ Успенскомъ соборѣ; отъ нея отрѣзали двѣ части: одну въ особомъ ковчегѣ носили по больнымъ, а другую вложили въ крестъ, находившійся у Государя. Съ самой святыней соединена была такая легенда: при распятіи Христа присутствовалъ одинъ римскій

воинъ изъ Грузинъ; когда метали жребій о хитонѣ, онъ упалъ на сего Грузина, и послѣдній отвезъ хитонъ на свою родину.

Главный персидскій посолъ, привезшій срачицу Господню, Русанъ-бекъ въ Москвѣ предался пьянству, буйству и душегубству: убилъ одну изъ своихъ женъ и шестерыхъ своихъ прислужниковъ; по просьбѣ его товарищей, Государь велѣлъ развести его съ ними и поставить на разныхъ дворахъ. Потомъ при возвращеніи этого посольства въ Персію онъ отправилъ съ нимъ и своихъ пословъ, именно князя Тюфякина, Ѳеофилатьева и дьяка Панова. По жалобѣ изъ Москвы на буйство Русанъ-бека шахъ велѣлъ его казнить. Но, въ свою очередь, онъ жаловался на непослушаніе и грубости московскихъ пословъ; хотя сіи послѣдніе въ сношеніяхъ съ персидскимъ дворомъ держались даннаго имъ наказа. Сверхъ того, князь Тюфякинъ, возвращаясь изъ Персіи, въ Кумыцкой землѣ укралъ дѣвицу и провезъ ее въ сундукѣ. Въ Москвѣ послы подверглись опалѣ: Государь велѣлъ отобрать у нихъ помѣстья и вотчины и посадить ихъ въ тюрьму.

Дружественныя сношенія Михаила съ шахомъ Аббасомъ продолжались во все время ихъ царствованія. Въ началѣ шахъ помогъ даже Михаилу деньгами: въ 1617 г. онъ прислалъ слитковъ серебра на 7.000 рублей. Эти дружественныя сношенія не мѣшали, однако, взаимнымъ жалобамъ на разныя притѣсненія торговымъ людямъ и посламъ. До какой степени Московское правительство строго относилось ко всякому отступленію отъ посольскаго наказа, показываетъ особенно примѣръ дьяка Тюхина, который состоялъ при послахъ князѣ Барятинскомъ и Чичеринѣ. Въ 1620 году по возвращеніи изъ Персіи въ Москву онъ былъ обвиненъ въ измѣнническомъ образѣ дѣйствія: главная вина его состояла въ томъ, что, призванный шахомъ, онъ ѣздилъ къ нему одинъ безъ товарищей и выслушивалъ его упреки на невѣжливое обращеніе съ его послами въ Московскомъ государствѣ. Несчастнаго дьяка, по распоряженію Боярской думы, подвергли жестокой пыткѣ, а потомъ сослали въ Сибирь, гдѣ посадили въ тюрьму.

Вообще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича внѣшнія сношенія Россіи весьма оживились и стали играть болѣе важную, чѣмъ прежде, роль въ нашей государственной жизни. Съ одной стороны, новая династія, руководимая дальновиднымъ отцомъ Государя, всюду искала себѣ поддержки и полезныхъ связей для отпора своему главному врагу, Польшѣ; а съ другой, громкія событія Смутнаго времени

естественно привлекли вниманіе иностранцевъ и ближе ознакомили ихъ съ Восточною Европою. Но вниманіе это направилось преимущественно на тѣ промышленно-торговыя выгоды, которыя можно было извлечь изъ сношеній съ Московскимъ правительствомъ. Особенно о такихъ выгодахъ хлопотали практичные Англичане. Послѣ Столбовскаго договора, заключеннаго при англійскомъ посредничествѣ, отправлено было въ Англію къ Іакову I московское посольство съ изъявленіемъ благодарности за это посредничество, а главное съ просьбою помочь деньгами и заключеніемъ противъ Поляковъ союза съ Даніей, Швеціей и Нидерландами. Англичане ограничились присылкою въ займы 40.000 ефимковъ или 20.000 рублей. Уже послѣ окончанія Польской войны и возвращенія Филарета изъ плѣна, въ 1619 г. пріѣхалъ посломъ изъ Англіи столь извѣстный Москвичамъ Джонъ-Мерикъ, и удостоился торжественнаго пріема отъ обоихъ государей; причемъ вручилъ имъ подарки, состоявшіе изъ серебряныхъ золоченыхъ изваяній льва и страуса, кубковъ и другихъ сосудовъ, бархата, атласа, суконъ и т. п. Во время переговоровъ съ боярами онъ изложилъ цѣлый рядъ жалобъ: на убытки, понесенные англійскими купцами въ Смутное время, на уменьшеніе въ вѣсѣ русскаго рубля, на англійскихъ прикащиковъ и слугъ, растратившихъ купеческія деньги, а потомъ поженившихся на русскихъ женщинахъ или вступившихъ въ русскую службу и подданство, и т. д. Въ заключеніе онъ снова просилъ дать англійскимъ торговцамъ свободный проѣздъ черезъ Россію въ Персію. Царь велѣлъ собрать московскихъ гостей и спросить ихъ мнѣнія на этотъ счетъ. Гости дали приблизительно такой отвѣтъ, что отъ свободнаго проѣзда, конечно, будутъ большіе убытки русскимъ людямъ, которые служатъ посредниками въ торговлѣ заморскими (европейскими) и персидскими товарами; но что они готовы терпѣть убытки, если съ англійскихъ купцовъ будутъ брать большую пошлину и отъ того будетъ прибыль государевой казнѣ. Когда Мерику предложили вопросъ о пошлинѣ, то онъ уклонился отъ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому предмету, такъ какъ имѣлъ въ виду безпошлинный провозъ товаровъ въ Персію. Посольство его кончилось тѣмъ, что, по его просьбѣ, ему возвратили занятые 20.000 рублей и отпустили. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ, однако, успѣлъ испросить у Царя и Патріарха семнадцати англійскимъ гостямъ, жившимъ въ Россіи, жалованную грамоту на безпошлинную торговлю.

Въ началѣ своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ безуспѣшно

обращался съ просьбою о помощи противъ Поляковъ и къ молодому французскому королю Людовику XIII. Когда же Московское государство умиротворилось, въ 1629 году въ Москву явилось первое французское посольство въ лицѣ Де Ге Курменена. Онъ велъ себя довольно надменно, заводилъ споры о царскомъ титулѣ, о церемоніяхъ пріема, просилъ о разрѣшеніи французскимъ купцамъ имѣть при себѣ католическихъ священниковъ, вести безпошлинно торговлю и пользоваться свободнымъ проѣздомъ въ Персію; взамѣнъ чего выставлялъ на видъ непріязнь Французскаго короля къ Австрійскому дому, который дружитъ съ Польскимъ королемъ. Но всѣ эти домогательства оставлены безъ послѣдствій, и французскій посолъ уѣхалъ ни съ чѣмъ. За нимъ пріѣхало посольство отъ Голландскихъ Штатовъ, которое указывало на ихъ борьбу съ Испанскимъ королемъ и вообще съ католичествомъ, и хлопотало о разныхъ торговыхъ льготахъ, даже о монополіи на вывозъ хлѣба и льну изъ Архангельскаго порта. Мало того, оно просило о разрѣшеніи распахивать пустыя земли, очевидно, намѣреваясь направить въ Московское государство и земледѣльческую колонизацію; а въ заключеніе домогалось все того же безпошлиннаго транзита въ Персію, и притомъ монопольнаго, на 30 лѣтъ, за что обѣщало платить по 15.000 рублей ежегодно. Эти домогательства Голландцевъ были также безплодны. Въ слѣдующемъ 1631 году явилось датское посольство: оно просило для своихъ торговцевъ о безпошлинномъ вывозѣ хлѣба изъ Россіи и о томъ же свободномъ пути въ Персію, и также безуспѣшно. Но съ Датчанами происходили у насъ столкновенія на сѣверныхъ приморскихъ границахъ, и для заключенія мирнаго договора ѣздили московскіе послы въ Копенгагенъ. Тамъ, однако, ихъ приняли дурно и отпустили ни съ чѣмъ. Причиною такихъ отношеній было отчасти то обстоятельство, что мы въ это время датской дружбѣ явно предпочитали шведскую, имѣя въ виду нашъ главный тогда интересъ: отношенія къ Польшѣ.

Послѣ заключенія Столбовскаго мира между Швеціей и Россіей нескоро еще установились пріязненныя отношенія: имъ мѣшали, во-первыхъ, споры о новыхъ границахъ, которыя проводились вслѣдствіе уступки областей Шведамъ, а во-вторыхъ, многія переселенія изъ этихъ уступленныхъ областей въ Московскіе предѣлы. Переселялись отчасти по причинѣ большихъ налоговъ, а главное православные люди весьма неохотно поступали въ подданство иновѣрной, лютеранской державы; особенно уходили оттуда лица духовныя, т.-е. священники

и монахи. Шведское правительство, въ силу договора, требовало выдачи перебѣжчиковъ; а Московское отъ этой выдачи уклонялось, и приказывало пограничнымъ воеводамъ отсылать перебѣжавшихъ крестьянъ далѣе отъ границы въ дворцовыя села и сажать тамъ на казенныхъ пашняхъ. Корела и другія уступленныя области въ церковномъ отношеніи продолжали причисляться къ Новгородской епархіи; Новгородскій митрополитъ ставилъ тамъ священниковъ и святилъ новыя церкви. Съ одной стороны Шведы подозрительно смотрѣли на эти связи, и требовали, чтобы митрополитъ сносился съ православнымъ духовенствомъ въ ихъ областяхъ при посредствѣ мѣстныхъ шведскихъ властей; а съ другой—они избѣгали довести дѣло до явнаго разрыва сихъ церковныхъ сношеній, опасаясь въ такомъ случаѣ поголовнаго бѣгства жителей въ русскіе предѣлы. Въ свою очередь Московское правительство подозрительно смотрѣло на тѣхъ русскихъ людей, которые, перешедши подъ власть Шведовъ, пріѣзжали по торговымъ дѣламъ въ московскіе города; напримѣръ, въ Новгородѣ оно не дозволяло пускать ихъ въ соборный храмъ св. Софіи и вообще въ Софійскій кремль, а только въ церкви на посадѣ: такъ какъ опасалось, что эти люди могли уже пошатнуться въ православной вѣрѣ; кромѣ того, оно опасалось найти въ нихъ лазутчиковъ. Тѣ Шведы, которые пріѣзжали въ Новгородъ учиться Русскому языку, если принимали православіе, уже не отпускались обратно на родину, и у кого они поселялись, съ того бралась порука съ записями.

Всѣ эти недоразумѣнія и пограничныя столкновенія однако не мѣшали политическому сближенію Швеціи съ Москвою, потому что онѣ въ то время имѣли общаго и притомъ сильнаго врага въ польско-литовскомъ королѣ Сигизмундѣ, который не покидалъ притязаній ни на Шведскую, ни на Московскую корону. Между Шведами и Поляками притомъ въ 1620 году возобновилась борьба за Ливонію. Густафъ Адольфъ вступилъ въ переговоры съ Московскимъ дворомъ и приглашалъ его соединить свои силы для войны съ Польшею. Около того же времени (въ августѣ 1621 г.), отъ юнаго турецкаго султана Османа II пріѣхалъ посломъ въ Москву, въ сопровожденіи двухъ чаушей, грекъ Ѳома Кантакузенъ также съ предложеніемъ союза противъ Польши-Литвы и съ обѣщаніемъ отвоевать обратно Москвѣ Смоленскъ и другіе города, отошедшіе къ Литвѣ; къ тому же союзу долженъ былъ приступить и Крымскій ханъ. Кантакузенъ передалъ просьбу и цареградскаго патріарха Кирилла Лукариса московскому патріарху Филарету о заключеніи союза съ сул-

таномъ. Московское правительство отпустило Кантакузена съ благопріятнымъ отвѣтомъ.

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ Германіи открылась знаменитая Тридцатилѣтняя война протестантскихъ государей съ императоромъ и паптствомъ, въ Восточной Европѣ готова была выступить грозная коалиція противъ ревностнаго союзника папству, короля Польско-Литовскаго.

Несмотря на четырнадцатилѣтнее перемиріе, заключенное въ Деулинѣ, отношенія къ Польшѣ-Литвѣ постоянно были натянутыя. Москва имѣла многіе поводы, чтобы жаловаться на польскія неправды и даже разорвать перемиріе. Неправды сіи были перечислены на Земскомъ соборѣ (въ октябрѣ 1621 года), на обсужденіе котораго царь и патріархъ предложили вопросъ о войнѣ съ Польскимъ королемъ. А именно: порубежные литовскіе урядники въ грамотахъ къ русскимъ воеводамъ продолжаютъ именовать королевича Владислава царемъ и великимъ княземъ всея Россіи; притомъ нарушаютъ границы, захватываютъ государевы села и земли, ставятъ у насъ свои слободы, селитру варятъ, золу жгутъ, рыбу ловятъ, всякаго звѣря бьютъ, помѣщиковъ и жителей порубежныхъ грабятъ и побиваютъ, многихъ русскихъ полоняниковъ, вопреки договору, не отпускаютъ; паны-рада отправляютъ къ московскимъ боярамъ посланцевъ съ такими грамотами, въ которыхъ называютъ царемъ Владислава, а имя Михаила Ѳеодоровича пишутъ безъ государскаго титула, и даже „съ укоризною (т.-е. съ глумленіемъ), чего никоторыми мѣрами терпѣть невозможно".

Государи объявили собору о посольствѣ къ нимъ султана Османа, предлагавшаго сообща воевать съ Польско-Литовскимъ королемъ и уже выступившаго въ походъ; добавляли, что къ той же общей войнѣ съ Поляками зовутъ ихъ Крымскій ханъ и шведскій король Густавъ Адольфъ. На поставленный вопросъ духовенство, бояре, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и всякихъ чиновъ люди били челомъ царю Михаилу и отцу его Патріарху, „чтобы они, государи, за святыя Божіи церкви, за свою государскую честь и свое государство противъ своего исконнаго недруга стояли крѣпко, сколько имъ, государямъ, милосердый Богъ помочи подастъ", а служилые люди „рады биться нещадя головъ своихъ". Торговые люди предлагали давать на войну деньги, „смотря по ихъ проживкамъ"; служилые просили „разобрать" ихъ по городамъ, чтобы никто „въ избылыхъ не былъ". Рѣшили объявить войну, если

Поляки не исправятся и не согласятся на московскія требованія. Въ города посланы извѣстительныя соборныя грамоты, а также бояре, дворяне и дьяки для разбора (росписи) служилыхъ людей.

Однако на этотъ разъ война съ нашей стороны не была объявлена, и соборный приговоръ остался неисполненнымъ; хотя посланный боярами въ Польшу гонецъ, съ исчисленіемъ польскихъ неправдъ, привезъ отъ пановъ-рады отвѣтъ весьма грубый и дерзкій. Государство еще далеко не оправилось отъ разоренія, люди и средства для войны собирались медленно; а между тѣмъ обстоятельства успѣли измѣниться. Походъ Османа II на Поляковъ былъ неудаченъ. На сей разъ они выставили значительныя силы, наибольшую часть которыхъ составляли казаки съ своимъ гетманомъ Сагайдачнымъ. Огромное войско султана встрѣтило мужественный отпоръ; отъ Днѣстра онъ ни съ чѣмъ вернулся въ Царьградъ, гдѣ вскорѣ былъ сверженъ мятежными янычарами, и убитъ. Густавъ Адольфъ, взявъ Ригу (1621 г.) и завоевавъ еще часть Ливоніи, въ слѣдующемъ году вновь заключилъ съ Поляками двухлѣтнее перемиріе.

Итакъ царь и патріархъ не воспользовались благопріятными внѣшними обстоятельствами, чтобы свести счеты съ злѣйшимъ врагомъ Россіи, Сигизмундомъ III, и почти до конца сохраняли Деулинское перемиріе. Но эта добросовѣстность не улучшила нашихъ отношеній: Поляки не думали „исправиться“ и продолжали свои неправды (7).

Большое негодованіе вызывало въ Москвѣ упорство, съ какимъ Поляки продолжали въ своихъ грамотахъ называть царемъ и великимъ княземъ Владислава, а Михаила Ѳеодоровича какъ бы не признавали законно-избраннымъ Московскимъ государемъ и даже иногда называли его полуименемъ или, какъ выражались о томъ въ Москвѣ, „писали государское имя безчестя его Государя съ укоризною затѣйнымъ своимъ воровствомъ“. Чувствительна также была потеря областей, уступленныхъ Польшѣ; а въ особенности была чувствительна утрата древняго и славнаго достоянія Россіи Смоленска. Этотъ городъ и по своему значенію сильной крѣпости, и по своему коренному русскому населенію служилъ для Московскаго государства твердымъ опорнымъ пунктомъ, щитомъ на западномъ рубежѣ со стороны непріязненной Польши—Литвы. А потому возвращеніе его считалось дѣломъ первостепенной государственной важности. Уже

въ первую войну съ Поляками при Михаилѣ Москва главныя усилія направила на Смоленскъ; но всѣ попытки Московскихъ воеводъ овладѣть имъ тогда окончились неудачею (1614—17 гг.). Михаилъ Ѳедоровичъ по своей кротости и миролюбію все-таки не желалъ войны и, повидимому, противился ей сколько могъ: по крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ выждать срокъ перемирія; но долженъ былъ уступить настояніямъ своего отца. Если вѣрить одному чужеземному (польскому) источнику, патріархъ однажды, разсерженный несогласіемъ сына, толкнулъ его посохомъ такъ, что тотъ упалъ. „Глупый, своего добра не понимаешь!"—воскликнулъ при этомъ отецъ. Очевидно патріархъ не хотѣлъ долѣе переносить польскія обиды и униженія своему царственному дому. Филаретъ Никитичъ, проведшій столько лѣтъ въ польскомъ плѣну, конечно хорошо зналъ слабыя стороны Рѣчи Посполитой; онъ надѣялся съ лихвою воздать ей за всѣ бѣдствія, причиненныя Россіи, а вмѣстѣ прославить свой домъ побѣдами надъ ея кичливыми врагами и возвращеніемъ захваченныхъ въ Смутное время Московскихъ городовъ и областей.

По мѣрѣ того какъ Московское государство отдыхало и оправлялось отъ разоренія, старательно увеличивались его военныя силы и средства. Когда приблизился срокъ перемирію, замѣтно оживились приготовленія къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ. Въ 1630 году видимъ заботы правительства о лучшемъ укрѣпленіи лежавшихъ на большой дорогѣ въ Литву городовъ Вязьмы и Можайска; для чего вызывались каменьщики, кирпичники и гончары изъ восточныхъ областей. Пограничныя крѣпости вообще исправлялись; гарнизоны и огнестрѣльный снарядъ въ нихъ пополнялись. Въ 1631 г. по областямъ назначены окладчики изъ надежныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; они усиленно верстали на службу новиковъ-помѣщиковъ и набирали даточныхъ изъ крестьянъ и посадскихъ. Царь и патріархъ указали набирать въ войско даточныхъ людей по одному конному и одному пѣшему съ каждыхъ 400 четей (т.-е. съ 200 десятинъ земли). Но едва-ли не главную надежду возлагали они на иноземцевъ.

Зная недостатокъ военнаго искусства у московскихъ ратныхъ людей и превосходство въ этомъ отношеніи западныхъ европейцевъ, государи озаботились заграничною вербовкою въ свою службу большого количества офицеровъ и солдатъ. (Извѣстно, что въ эпоху Тридцатилѣтней войны система вольнонаемныхъ войскъ еще господ-

ствовала въ средней и западной Европѣ). Ради этой цѣли Московское правительство воспользовалось услугами находившихся въ его службѣ опытныхъ иноземныхъ офицеровъ, которыхъ отправило для найма ратныхъ людей и для закупки оружія въ Швецію, Данію, Пруссію, въ вольные нѣмецкіе города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, въ Голландію и Англію. Такъ зимою 1631 года въ Швецію къ королю Густаву Адольфу поѣхалъ чрезъ Новгородъ полковникъ Александръ Лесли, родомъ шотландецъ, въ сопровожденіи стольника Племянникова и подъячаго Аристова; послѣдніе должны были закупить 10.000 мушкетовъ съ зарядами и 5.000 шпагъ; а полковнику поручалось нанять 5.000 солдатъ съ потребнымъ количествомъ офицеровъ. Если онъ въ Швеціи найметъ менѣе означеннаго числа, то, отпустивъ нанятыхъ солдатъ и купленное оружіе съ Племянниковымъ въ Москву, самъ долженъ былъ ѣхать въ Данію, Голландію и Англію для найма недостающихъ людей и покупки оружія. Онъ былъ снабженъ царскими вѣрительными грамотами къ правительствамъ сихъ странъ. Этимъ посланцамъ изъ царской казны выдана была большая сумма золотыми и ефимками; на случай, если ея не хватитъ, Лесли получилъ кредитивовъ, подписанныхъ московскими торговыми иноземцами, на 110.000 ефимковъ къ амстердамскимъ и гамбургскимъ торговымъ фирмамъ. А если и этихъ денегъ не хватитъ, то ему поручалось сдѣлать на государево имя заемъ у Голландскихъ Штатовъ и купцовъ, которые вели торговлю съ Москвою въ Архангельскомъ портѣ. Кромѣ ратныхъ людей Лесли долженъ былъ „приговорить“ въ московскую службу нѣсколько мастеровъ, которые умѣютъ лить пушечныя желѣзныя ядра, въ помощь московскому пушечному мастеру голландцу Юлису (Куету). Лесли имѣлъ полномочіе нанимать людей только на одинъ годъ и не болѣе полутора лѣтъ. Любопытно при этомъ, что онъ могъ брать въ московскую службу всякихъ иноземцевъ, но только не Французовъ и вообще не католиковъ. Предпринимая войну съ католическою Польшею, государи не довѣряли ея единовѣрцамъ: еще въ свѣжей памяти была измѣна французскихъ наемниковъ въ день Клушинской битвы.

Въ то же время собственно въ сѣверную Германію чрезъ Псковъ и Ригу отправленъ подполковникъ Генрихъ Фандамъ, родомъ голштинецъ, слѣдовательно хорошо знавшій Голштинію и сосѣднія съ нею земли. Съ нимъ заключенъ договоръ, въ силу котораго ему поручалось нанять нѣмецкій регименть въ 1.600 человѣкъ, съ платою по 4 рубля съ полтиною въ мѣсяцъ, и закупить для нихъ въ Гамбургѣ мушкеты съ

зарядами и подсошками (подставками) по полтора рубля за мушкетъ. Такой полкъ раздѣлялся на восемь ротъ по 200 рядовыхъ, изъ коихъ 120 человѣкъ должны быть вооружены мушкетами и короткимъ списомъ (копьемъ), а остальные долгими списами и шпагами. Фандамъ также имѣлъ полномочіе заключать контракты только на одинъ годъ. Ему предписывалось, нанявъ половину полка, немедля посадить людей на корабли въ Любекѣ и отправить на Ругодивъ во Псковъ, гдѣ имъ должны были произвести смотръ и привести ихъ къ присягѣ; съ другою половиною обязанъ былъ пріѣхать самъ полковникъ. При наймѣ выдавалось каждому на обзаведеніе и на дорогу по 15 рублей; для чего, сопровождавшему полковника, комиссару вручено 26.400 рублей, да 2.618 руб. на покупку вооруженія для сего полка, т.-е. мушкетовъ, списовъ, протазановъ (для поручиковъ), алебардъ (для сержантовъ или пятидесятниковъ), барабановъ и фитилей. Чтобы исполнить порученіе о наймѣ 5.000 солдатъ, старшій полковникъ Лесли въ свою очередь, во время пребыванія за границей, лѣтомъ того же 1631 года заключилъ договоръ съ двумя иноземными полковниками, Гансомъ Фридрихомъ Фуксомъ и Яковомъ Карломъ фонъ Харeслебеномъ; въ силу этого договора каждый изъ нихъ обязался набрать полкъ нѣмецкихъ солдатъ въ такомъ же количествѣ и почти на тѣхъ же условіяхъ какъ и Фандамъ.

Считая полкъ самого Лесли, мы видимъ, что иноземцевъ было навербовано четыре регимента. То были пѣшіе полки, называемые вообще солдатскими. Но кромѣ нихъ существовали уже и русскіе полки иноземнаго строя, пѣшіе или солдатскіе и конные или рейтарскіе и драгунскіе. Эти полки набирались изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ, новокрещеновъ и другихъ вольныхъ людей, т.-е. незаписанныхъ въ тягло; они получали жалованье почти такое же какъ иноземцы, имѣли шишаки, латы, мушкеты, шпаги и пики. Наравнѣ съ наемными, сіи полки вѣдались въ Иноземномъ приказѣ, потому что офицерами-инструкторами у нихъ состояли иноземцы, отчасти вновь прибывшіе, а частію ранѣе вызванные въ Московское государство. Нѣкоторые иноземные офицеры успѣли получить за свою службу помѣстья и вотчины, въ которыхъ жили въ свободную отъ службы пору; они назывались *помѣстными*; другіе въ мирное время проживали по городамъ, гдѣ и получали содержаніе или кормъ, и потому назывались *кормовыми*. Въ назначенное время они являлись въ роты и полки, и тутъ обучали ратному дѣлу русскихъ людей.

Такихъ русскихъ полковъ нѣмецкаго строя для войны съ Поляками приготовлялось цѣлыхъ шесть пѣхотныхъ и одинъ конный. Ими начальствовали иноземцы: Самойло Карлъ Деэбертъ (командиръ рейтарскаго полка), Юрій Матисонъ, Валентинъ Росформъ, Вилимъ Китъ, Тобіашъ Унзинъ, помянутый выше Лесли и др.

Главный элементъ въ составѣ наемныхъ иноземцевъ представляли конечно Нѣмцы; но были представители и другихъ народностей: Шведы, Датчане, Шотландцы, Англичане, Нидерландцы и даже Французы, появившіеся въ московской арміи вопреки указанному выше запрещенію принимать католиковъ (возможно, что то были гугеноты). Кромѣ западноевропейцевъ, въ московской ратной службѣ встрѣчается и небольшое количество наемниковъ, пришедшихъ съ православнаго юговостока, т.-е. Грековъ, Сербовъ и Волоховъ; они составили особую роту, предводимую ротмистромъ Николаемъ Мустохинымъ. Еще находимъ роту Юрія Кулаковскаго, состоявшую повидимому изъ людей Польской и Литовской Руси.

Нанимая иноземные отряды, покупая за границей оружіе и боевые припасы и вообще приготовляя большія военныя силы для борьбы съ Польшею, Московское правительство естественно должно было озаботиться финансовою стороною вопроса, т.-е. изыскать средства на содержаніе арміи. Въ этомъ отношеніи мы видимъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ. Во-первыхъ, правительство (въ 1631 г.) прибѣгло къ царской монополіи заграничнаго морского вывоза ржи, ячменя, пшеницы, проса и гречневой крупы; оно скупало этотъ хлѣбъ и продавало его иностраннымъ торговцамъ, пріѣзжавшимъ въ Архангельскъ. Во-вторыхъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ въ томъ же 1631 году потребовалъ отъ нѣкоторыхъ монастырей свѣдѣнія о томъ, сколько у нихъ въ монастырской казнѣ находится въ запасѣ денегъ; а получивъ сіи свѣдѣнія, предписалъ половину запаса немедля прислать въ Москву на жалованье ратнымъ людямъ. Въ-третьихъ, въ томъ же году, по указу царя и патріарха съ вотчинъ нѣкоторыхъ монастырей, вмѣсто даточныхъ людей, велѣно взыскать деньгами, считая 25 рублей за каждаго коннаго и 10 рублей за пѣшаго. Въ-четвертыхъ, на томъ Земскомъ соборѣ (1632 г.), на которомъ рѣшено было воевать съ Польшею, повидимому, проектировались разные сборы, которые потомъ были подтверждены и приведены въ исполненіе, каковы: пятая деньга съ торговыхъ людей и добровольные взносы съ духовенства, монастырей, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей.

Посреди московскихъ приготовленій къ войнѣ получено было извѣстіе о кончинѣ престарѣлаго короля Сигизмунда III, послѣдовавшей 20 апрѣля 1632 года. Эта кончина ускорила ходъ событій. Въ іюнѣ созванъ былъ Земскій соборъ, который безпрекословно подтвердилъ рѣшеніе государей немедленно начать войну съ Поляками за ихъ неправды. До истеченія Деулинскаго перемирія оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ; но имѣлось въ виду воспользоваться временемъ Польскаго междукоролевья, съ его неизбѣжною избирательною борьбою партій и сопровождавшими ее смутами.

Предстоялъ важный вопросъ: кому поручить начальство въ этой войнѣ? Еще въ апрѣлѣ государи назначили главнымъ воеводою боярина князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, а товарищемъ къ нему боярина князя Бор. Мих. Лыкова. Д. М. Черкасскій уже извѣстенъ былъ по своей неудачной осадѣ Смоленска въ первую Польскую войну при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и вообще военными талантами онъ не выдвигался; выборъ его можно объяснить прежде всего придворнымъ значеніемъ Ив. Борисовича Черкасскаго, ближняго боярина и двоюроднаго брата государева. Но это назначеніе было разстроено мѣстничествомъ, которое не замедлило выступить на сцену дѣйствія. Князь Лыковъ билъ челомъ царю и патріарху, что во-первыхъ, Д. М. Черкасскій тяжелъ нравомъ, а, во-вторыхъ, онъ самъ старше его лѣтами и службою: онъ служитъ уже сорокъ лѣтъ, изъ которыхъ 30 „ходитъ за своимъ набатомъ, а не за чужимъ, и не въ товарищахъ". Черкасскій билъ челомъ на то, что Лыковъ его безчеститъ. Государь присудилъ взыскать съ Лыкова въ пользу Черкасскаго за безчестье двойную сумму его (Черкасскаго) оклада, именно 1200 рублей. Затѣмъ назначеніе обоихъ отмѣнено; вмѣсто Черкасскаго опредѣлили главнымъ воеводою боярина Михаила Борисовича Шеина, а товарищемъ къ нему знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго. Но послѣдній вскорѣ сказался больнымъ и былъ уволенъ отъ этого назначенія. Вмѣсто него товарищемъ къ Шеину опредѣленъ окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ. Выборъ Шеина очевидно основывался на той славѣ, которую онъ пріобрѣлъ мужественною обороною Смоленска при осадѣ его Сигизмундомъ III. Такъ какъ главною цѣлью войны было именно обратное взятіе этого города, то предполагали, что воевода, доблестно его защищавшій, лучше другихъ съумѣетъ его добыть. Очевидно, за назначеніе Шеина въ особенности стоялъ Филаретъ Никитичъ какъ за своего сострадальца въ польскомъ плѣну. Думали вѣроятно, что Ше-

инъ воспользовался этимъ плѣномъ, чтобы болѣе присмотрѣться къ слабымъ сторонамъ своихъ враговъ. Въ данное время онъ начальствовалъ Пушкарскимъ приказомъ, слѣдовательно близко стоялъ къ ратному дѣлу и непосредственно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ предстоящей войнѣ. Судя по дворцовымъ записямъ, по возвращеніи изъ плѣна онъ пользовался почетомъ при дворѣ; его, напримѣръ, чаще другихъ приглашали къ обѣденному царскому столу. Да и самъ онъ, повидимому, не скрывалъ своего высокаго мнѣнія о собственныхъ военныхъ талантахъ и заслугахъ; чѣмъ могъ не мало повліять и на свое назначеніе.

Уклоненіе Д. М. Пожарскаго отъ службы въ товарищахъ при Шеинѣ, можетъ быть, дѣйствительно имѣло причиною его болѣзни, которымъ несомнѣнно онъ былъ подверженъ со времени тяжелыхъ ранъ, полученныхъ въ битвахъ Смутной эпохи; но могло также быть, что знаменитый князь лучше другихъ зналъ настоящую цѣну Шеину и не ждалъ ничего хорошаго отъ совмѣстной службы съ гордымъ, упрямымъ бояриномъ-воеводою. Вѣроятно и этотъ послѣдній не особенно желалъ сего товарищества. Болѣе подходящимъ, т. е. болѣе безличнымъ и послушнымъ, товарищемъ для него оказался окольничій Измайловъ.

До какой степени государи высоко цѣнили Шеина и возлагали на него надежды, свидѣтельствуютъ милости, которыми онъ осыпанъ былъ при самомъ своемъ назначеніи. Михаилъ Борисовичъ съ своимъ сыномъ Иваномъ, Артемій Измайловъ и другіе главные воеводы получили щедрую денежную подмогу для предстоящаго похода; ихъ вотчины и помѣстья на время походной службы были освобождены отъ всякихъ казенныхъ поборовъ; сверхъ того Шеину пожалована цѣлая дворцовая волость, именно село Голенищево съ приселками и деревнями, со всѣми доходами и съ хлѣбомъ; одного государева хлѣба въ этой волости было тогда болѣе 7.000 четвертей. Слѣдовательно его уже заранѣе награждали за будущія великія заслуги. Въ отвѣтъ на эти милости онъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ, что это былъ уже не тотъ Шеинъ, который прославилъ себя мужественною обороною Смоленска. 9 августа 1632 года пропроисходилъ торжественный отпускъ воеводъ, отправлявшихся въ походъ. Послѣ молебствія въ Благовѣщенскомъ Соборѣ они прощались съ Государемъ и подходили къ его рукѣ. Тутъ бояринъ Шеинъ вдругъ началъ съ большою гордостію высчитывать свои прежнія службы Государю, которыми будто бы превосходилъ всю

свою братью бояръ, и между прочимъ сказалъ, что „въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре по запечью сидѣли и сыскать ихъ было немочно“, что службою и отечествомъ никто изъ нихъ не будетъ ему въ версту. О какихъ прежнихъ службахъ царю Михаилу Ѳедоровичу говорилъ Шеинъ, трудно понять; ибо въ первые шесть лѣтъ его царствованія онъ продолжалъ сидѣть въ польскомъ плѣну, тогда какъ многіе бояре въ это время несли тяжелую и трудную службу въ войнахъ съ внѣшними и внутренними врагами; а по возвращеніи изъ плѣна онъ пока сидѣлъ въ приказахъ, въ Боярской думѣ, да за царскимъ столомъ. Очевидно, пребываніе въ Польшѣ и примѣры строптивыхъ, хвастливыхъ польскихъ вельможъ не остались безъ вреднаго вліяніи на характеръ и привычки престарѣлаго воеводы. Съ удивленіемъ и негодованіемъ слушались его рѣчи; но Царь смолчалъ, не желая оскорбить воеводу, отъ котораго ожидалъ великихъ заслугъ; смолчали и бояре, „не хотя раскручинить Государя“. Несомнѣнно, Шеинъ видѣлъ, какъ имъ дорожили, какъ высоко цѣнили его военные таланты, полагалъ, что безъ него не могли тогда обойтись; потому-то и позволилъ себѣ такія заносчивыя рѣчи. Возможно, что онъ тутъ отвѣчалъ на какіе-либо боярскіе происки противъ себя, на какіе-либо мѣстническіе счеты и т. п. Но во всякомъ случаѣ эти рѣчи указывали на какую-то ненормальность въ его духовномъ строѣ и могли служить плохимъ предзнаменованіемъ для предстоявшей ему задачи.

Вслѣдъ за отпускомъ воеводъ по государству разосланы были отъ царя и патріарха областнымъ архіереямъ родъ манифестовъ о войнѣ, т. е. грамоты съ указаніемъ на польскія неправды и съ повелѣніемъ пѣть въ церквахъ ежедневные молебны и просить Бога „объ одолѣньи и побѣдѣ на враги“.

Итакъ, война была объявлена и войска двинулись въ походъ приблизительно въ половинѣ августа 1632 года. Назначены три сборныхъ пункта. Главная рать (большой полкъ) должна была собраться въ Можайскѣ и поступить подъ начальство Шеина съ Измайловымъ; въ Ржевѣ Володиміровѣ сходились отряды, составившіе передовой полкъ, которымъ начальствовали воеводы окольничій князь Семенъ Прозоровскій и Иванъ Кондыревъ; а въ Калугѣ собирался сторожевой полкъ съ воеводою стольникомъ Богданомъ Нагово. Кромѣ того, въ Сѣверщинѣ приготовлялся прибылой полкъ (резервъ) съ воеводами Ѳедоромъ Плещеевымъ и Баимомъ Болтинымъ. Въ большой полкъ, т.-е. къ Шеину, назначены были отборная кон-

ница, состоявшая изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по преимуществу уѣздовъ сѣверовосточныхъ, также Донскіе казаки, касимовскіе, арзамасскіе, темниковскіе и кадомскіе мурзы со своими Татарами, далѣе отрядъ московскихъ и городовыхъ стрѣльцовъ; а главную массу пѣхоты составляли солдатскіе полки иноземнаго строя, т.-е. наемные Нѣмцы и русскіе солдаты, обучавшіеся этому строю. Къ Шеину поступила и многочисленная артиллерія, или такъ назыв. нарядъ, „со всѣми пушечными и подкопными запасы“ (ломы, лопаты, заступы и кирки); имъ непосредственно распоряжались Иванъ Арбузовъ и дьякъ Костюринъ. При Шеинѣ и Измайловѣ состояли Василій Протопоповъ и дьякъ Пчелинъ, назначенные вѣдать казною для раздачи жалованья и кормовыхъ денегъ Нѣмцамъ и русскимъ солдатамъ иноземнаго строя, ихъ полковникамъ и офицерамъ.

Воеводамъ врученъ былъ изъ Разряда (военнаго министерства того времени) обширный царскій наказъ или инструкція, опредѣлявшая въ общихъ чертахъ ихъ задачу. Прежде всего они должны были въ Можайскѣ произвести смотръ рати по разборнымъ спискамъ, „кто каковъ на государеву службу пріѣдетъ коненъ, люденъ и оруженъ“, и отписать о томъ Государю. Затѣмъ они идутъ подъ Дорогобужъ и берутъ его, а отсюда немедля двигаются подъ Смоленскъ; если бы осада Дорогобужа ихъ задержала, то они должны оставить подъ нимъ часть рати, а съ остальною спѣшить къ Смоленску, стать въ крѣпкихъ мѣстахъ, огородиться рвами и острогами, чтобы отрѣзать городу всякія сообщенія и подмогу извнѣ и „земскимъ дѣломъ промышляти сколько милосердый Богъ помочи подастъ“, а Смоленскъ „всякими мѣрами“ добывать. Въ случаѣ прихода польскихъ и литовскихъ людей на помощь осажденнымъ, Шеинъ долженъ призвать къ себѣ изъ Ржевы Прозоровскаго, изъ Калуги Нагово, и, оставивъ подъ Смоленскомъ часть войска, съ остальною идти противъ непріятеля. Между прочимъ поручалось зорко наблюдать, чтобы въ Смоленскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ ратные люди не обижали, не грабили крестьянъ и не пустошили край, а покупали бы съѣстные припасы и конскій кормъ на деньги; ослушниковъ велѣно строго судить и карать. Подобный же наказъ данъ былъ князю Прозоровскому и Кондыреву, которые, собравъ и пересмотрѣвъ свою рать въ Ржевѣ Володиміровѣ, должны были прежде всего добывать отсюда крѣпость Бѣлую и очищать Бѣльскій уѣздъ отъ литовскихъ людей, а затѣмъ въ случаѣ требованія Шеина идти къ нему „на сходъ“, т.-е. на соединеніе. Всѣмъ воеводамъ вообще совѣтовалось,

прежде чѣмъ дѣлать приступы къ городамъ, тайными сношеніями склонять ихъ православныхъ жителей на сторону Государя, чтобы они заодно съ московскими ратными людьми промышляли надъ польско-литовскими гарнизонами. Всѣмъ также строго подтверждалось не грабить, не обижать населеніе и ничего не брать даромъ.

Чтобы поднять всѣ войсковыя тяжести, т.-е. нарядъ, боевые и съѣстные припасы, шанцевый инструментъ, доспѣхи, мушкеты и вообще оружіе (которое въ походѣ складывалось на воза), денежную казну и проч., правительство тоже прибѣгло къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Напримѣръ, столица должна была выставить подводы такимъ порядкомъ: въ Кремлѣ съ церковныхъ, боярскихъ и всѣхъ дворовъ выставлялась съ каждыхъ 30 квадртныхъ саженъ лошадь съ телѣгою и человѣкомъ; въ Китай-городѣ гости гостинная и суконная сотни должны выставить всего 175 подводъ. Такимъ же порядкомъ выставлялись подводы въ Бѣломъ и Деревянномъ городѣ, приблизительно одна подвода съ 10 дворовъ или съ 900 саженъ „дробныхъ“ (погонныхъ), которыя велѣно сводить въ 30 саженъ „круглыхъ“ (квадратныхъ). Всего съ одного только города Москвы причиталось тысячу подводъ, которыя собирались особо назначенными сборщиками; а общая пріемка ихъ поручена была князю Д. М. Пожарскому и дьяку Волкову. На каждую подводу полагалось въ среднемъ 15 пудовъ тяжести. Съ однимъ Шеинымъ на первый разъ отпускалось пороху и свинцу болѣе 10.000 пуд., 116 пищалей, 1.200 запасныхъ мушкетовъ, однихъ фитилей 1.250 пудовъ и прочее въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ. Немалую заботу правительства составлялъ также подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ войска. Русскіе помѣщики обыкновенно сами заботились о своемъ продовольствіи и имѣли съ собою значительные запасы; но солдатскіе полки получали кормовыя деньги. Поэтому за ратью отправленъ былъ обозъ съ сухарями, крупой, толокномъ, мясомъ, масломъ и пр. Эти припасы, наряженными отъ правительства, „харчевниками“ (маркитантами) должны были продаваться солдатамъ по указнымъ цѣнамъ. Такіе подвозы долженствовали постоянно возобновляться.

Трудно сказать, сколько именно войска собрано было въ началѣ похода. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, дошедшимъ до насъ отъ Разряда, только съ Шеинымъ и Измайловымъ выступило въ походъ до 12.000 пѣхоты, считая тутъ стрѣльцовъ, казаковъ и шесть солдатскихъ полковъ (иноземныхъ и русскихъ) да около 15.600 конницы,

состоявшей, главнымъ образомъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а частью изъ служилыхъ Татаръ. Около 10 тысячъ человѣкъ надобно считать въ отрядахъ Прозоровскаго, Нагово и Плещеева, вмѣстѣ взятыхъ. Слѣдовательно, Московское правительство, открывая войну, выставляло въ поле болѣе 35.000 человѣкъ порядочно вооруженныхъ—силы для той эпохи весьма значительныя. А въ теченіе ближайшаго времени онѣ должны были увеличиться съ прибытіемъ новыхъ отрядовъ какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ мѣстъ и по мѣрѣ усиленной высылки на службу запоздавшихъ помѣщиковъ или нѣтей. При войскѣ Шеина состояло еще нѣсколько тысячъ такъ наз. посохи, т.-е. ратниковъ, набранныхъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ топорами и рогатинами, назначенныхъ собственно для производства работъ, каковы: улучшеніе пути, прорубаніе просѣкъ для провоза наряда и всякихъ тяжестей, копаніе рвовъ и приготовленіе частокола при постройкѣ острожковъ или укрѣпленій; другую часть посохи составляли люди съ подводами, назначенными для перевозки наряда и боевыхъ запасовъ.

Принимая въ разсчетъ политическое состояніе противника и его сравнительно менѣе значительныя силы, а также несомнѣнное тяготѣніе къ Москвѣ завоеванныхъ у нея областей, государи, отецъ и сынъ, казалось бы, могли надѣяться на успѣшное возвращеніе сихъ областей подъ Московскую державу.

Медленно прибывали служилые люди на сборные пункты. Однако къ концу августа въ Можайскѣ собралась большая часть дворянской конницы; пришли Александръ Лесли, Яковъ Карлъ, Фандамъ, Росформъ и Унзинъ съ нѣмецко-русскими солдатскими полками, нѣсколько позднѣе Фуксъ. Стояли ясные сухіе дни; въ виду поздняго похода и приближавшейся осенней непогоды, надобно было возможно спѣшить дальнѣйшимъ движеніемъ. А Шеинъ медлилъ, усердно занимаясь разборными списками дѣтей боярскихъ и посылая въ Москву жалобы на многія нѣти, на опозданіе кормовыхъ денегъ, харчевниковъ, на недостатокъ нѣмецкихъ переводчиковъ, также на недостатокъ тулуповъ, теплыхъ чулокъ и рукавицъ для Нѣмцевъ, желѣзныхъ цѣпей для смыканія наряда и т. д.; хотя все это могло бы нагнать его на дальнѣйшемъ походѣ. Но московскій главный воевода съ первыхъ же своихъ шаговъ началъ показывать, что временемъ онъ не дорожилъ. Въ сентябрѣ мы видимъ его еще въ Можайскѣ; онъ продолжаетъ писать жалобы на нѣтчиковъ. Между прочимъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Измайловымъ, Шеинъ занимает-

ся тѣмъ, что бьетъ батогами и сажаетъ въ тюрьму не желавшихъ служить въ его полку двухъ дѣтей боярскихъ, Рязанцевъ (Обезьяннинова и Фролова), которые принадлежали къ формировавшемуся въ Москвѣ рейтарскому полку Карла Деэберта, но случайно пріѣхали въ Можайскъ. И вотъ Шеину лишній поводъ плодить свою переписку съ Разрядомъ, который по Государеву указу объявляетъ ему незаконность его требованія. 10 числа изъ Москвы посланъ ему приказъ: немедля со всѣми ратными людьми идти изъ Можайска къ Вязьмѣ. Шеинъ выступилъ; но погода уже успѣла измѣниться, пошли дожди, образовались „грязи великія", нарядъ и пѣхота двигались очень тихо. Только 26 сентября рать достигла Вязьмы. Межъ тѣмъ, побуждаемое жалобами Шеина, правительство усердно посылало обозы съ хлѣбными запасами и сурово расправлялось съ нѣтчиками. Нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе были въ Москвѣ „у разбору" и взяли государево жалованье, а потомъ не явились на службу. Ихъ велѣно сыскивать и бить нещадно кнутомъ; при этомъ понизить степенью: кто служилъ „по выбору", тѣхъ велѣно написать „по дворовому списку", а которые служили по дворовому списку, тѣхъ написать „съ городомъ"; послѣ наказанія, ихъ „за крѣпкими поруками" высылали въ полки. Въ Вязьмѣ Шеинъ получилъ отъ царя и патріарха Животворящій Крестъ (въ которомъ заключались частицы древа, ризы Господней и мощей царя Константина) съ приказаніемъ носить его на себѣ. При русскомъ войскѣ находились священники и дьяконы изъ монаховъ, которые отправляли богослуженіе. Было при немъ и нѣсколько лѣкарей-иноземцевъ.

Отдохнувъ съ недѣлю въ Вязьмѣ, Шеинъ 20 октября двинулся къ Дорогобужу, опять по великимъ грязямъ; особенно трудно было везти нарядъ; поэтому половину изъ сотни короткихъ нѣмецкихъ пищалей онъ оставилъ въ Вязьмѣ у воеводы Мирона Вельяминова, а другую половину роздалъ въ солдатскіе полки; голландскія пушки и верховыя (мортиры) онъ также взялъ съ собою.

Первый военный успѣхъ, порадовавшій государей, достался на долю калужскаго воеводы Богдана Нагово. Посланный имъ отрядъ подъ начальствомъ князя Ивана Гагарина приступилъ къ Серпейску, и черезъ два дня, 12 октября, городъ сдался. Затѣмъ пришло радостное извѣстіе и отъ Шеина: посланный имъ впередъ себя русско-нѣмецкій отрядъ подъ начальствомъ Ѳедора Сухотина и полковника Лесли взялъ 18 октября Дорогобужъ, причемъ захвачено нѣсколько десятковъ пушекъ съ значительными запасами боевыхъ снарядовъ

и провіанта. Послѣ того въ Москву одинъ за другимъ стали пригонять гонцы отъ разныхъ воеводъ съ сеунчомъ или вѣстію, что „Божіею милостію, а его государевымъ счастьемъ“ такой-то городъ взятъ. Отрядомъ изъ войска Прозоровскаго взята крѣпость Бѣлая; а сѣвскіе воеводы (въ декабрѣ) взяли Новгородъ-Сѣверскій. Постепенно, въ теченіе ноября и декабря, въ руки московскихъ передовыхъ отрядовъ перешли: Невель, Рославль, Стародубъ, Почепъ, Себежъ, Трубчевскъ, Сурожъ и нѣкоторые другіе. Государь въ награду воеводамъ прислалъ золотые и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Такимъ образомъ начало военныхъ дѣйствій казалось очень удачнымъ и возбудило въ Москвѣ большія надежды. Занятыя непріятелемъ области были почти очищены, а взятые города снабжены московскими гарнизонами, которые воспользовались найденными въ нихъ боевыми и продовольственными запасами. Но главная задача похода—отвоеваніе Смоленска—была еще впереди. Шеинъ и Измайловъ получили приказъ спѣшить къ этому городу вслѣдъ за взятіемъ Дорогобужа. Въ виду нѣкоторыхъ возникавшихъ пререканій между второстепенными начальниками по поводу мѣстническихъ счетовъ, Царь (указомъ 3 ноября) велѣлъ объявить, чтобы „пока служба минется съ королемъ Литовскимъ, быть у государевыхъ дѣлъ всѣмъ безъ мѣстъ“.

Осаждаемое постоянными требованіями Шеина, Московское правительство продолжало усиленныя мѣры по сбору денежной казны, продовольствія и снаряженія обозовъ. Такъ, 11 ноября въ Столовой палатѣ было засѣданіе Земскаго Собора, который подтвердилъ еще прежде проектированные сборы: добровольный съ духовенства, монастырей, бояръ и приказныхъ людей, а также обязательный, пятую деньгу, съ гостей и торговыхъ классовъ вообще. Назначенные для того сборщики должны были доставлять деньги въ Москву, въ особо учрежденный „Приказъ Сборныхъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“, во главѣ котораго поставлены бояринъ князь Д. М. Пожарскій и чудовской архимандритъ Левкій съ дьяками Коншинымъ и Степановымъ. Учрежденъ былъ также родъ особой комиссіи для сбора хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ, которая поручена князю Ив. Мих. Барятинскому, Ив. Огареву и дьяку Евсѣеву.

Несмотря на побужденія изъ Москвы, Шеинъ съумѣлъ таки промедлить въ Дорогобужѣ около двухъ мѣсяцевъ, докучая государямъ постоянными жалобами на недостаточную доставку денегъ и провіанта; а наконецъ сталъ жаловаться на побѣги ратныхъ лю-

дей, которые онъ же самъ и вызвалъ своею медлительностію, нераспорядительностію и вмѣстѣ суровостію. Дорогобужъ долженъ былъ служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; здѣсь устроены склады боевыхъ запасовъ, провіанта и денежной казны; а осаднымъ воеводою назначили Сунгура Соковнина. Шеинъ только 5 декабря, т.-е. уже зимою, двинулся отсюда къ Смоленску, отправивъ впередъ себя Измайлова, Фандама и Лесли. Итакъ, со времени своего выступленія изъ Москвы русскій главнокомандующій употребилъ четыре мѣсяца, чтобы пройти разстояніе въ 384 версты, т.-е. чтобы добраться до Смоленска, имѣя на пути только одно препятствіе, крѣпость Дорогобужъ, которая, однако, сдалась такъ скоро, что ни мало не задерживала похода. Онъ все собирался съ силами и все комплектовалъ свои полки, безсмысленно теряя время и не понимая того, что въ Смоленскѣ непріятель межъ тѣмъ не дремалъ и съ каждымъ потеряннымъ для Русскихъ днемъ становился въ свою очередь сильнѣе и предпріимчивѣе.

Указанныя выше сдачи городовъ московскимъ отрядамъ вполнѣ оправдали разсчеты на смутное состояніе Рѣчи Посполитой во время междукоролевья и на сочувствіе русскаго населенія въ занятыхъ непріятелемъ областяхъ. На первыхъ порахъ онъ оказался совершенно неприготовленнымъ и какъ бы застигнутымъ врасплохъ. Хотя и его лазутчики своевременно доносили ему о московскихъ рѣшеніяхъ и приготовленіяхъ, но при существовавшемъ политическомъ строѣ Посполитой Рѣчи ея восточная окрайна пока предоставлена была собственнымъ средствамъ защиты и усмотрѣнію мѣстныхъ властей. Тутъ главнымъ дѣятелемъ выступаетъ едва ли не самый отчаянный врагъ Москвы, прославившійся въ эпоху Московскаго разоренія, панъ Александръ Гонсѣвскій, занимавшій теперь мѣсто Смоленскаго воеводы. Прежде всего онъ попытался выиграть время переговорами. Когда русскіе передовые отряды перешли рубежъ, а Шеинъ пребывалъ еще въ Вязьмѣ, къ нему явился отъ Гонсѣвскаго гонецъ съ грамотою, въ которой тотъ жестоко укорялъ Москвитянъ въ клятвопреступленіи—такъ какъ они начали войну до истеченія перемирія—и требовалъ объясненій. Шеинъ отвѣтилъ ему пространнымъ изложеніемъ извѣстныхъ Польскихъ неправдъ. Гонсѣвскій на этотъ отвѣтъ потомъ прислалъ свои опроверженія, причемъ въ одномъ только извинялся, въ неименованіи Михаила Θеодоровича царемъ; а въ заключеніе призывалъ мщеніе Божіе на виновныхъ въ нарушеніи мира. Не достигши ничего переговорами, Гонсѣвскій принялся

готовить оборону Смоленска. Какъ нѣкогда въ Москвѣ онъ ускользнулъ передъ прибытіемъ ополченія Пожарскаго, такъ и теперь не сѣлъ въ осаду и не сталъ ждать, пока его запрутъ войска Шеина, а тайкомъ ночью оставилъ Смоленскъ, поручивъ начальство въ немъ своему товарищу или подвоеводѣ князю Соколинскому и полковнику Воеводскому. Самъ же Гонсѣвскій удалился въ Оршу, и тамъ дѣятельно занялся сборомъ военныхъ людей и всякихъ запасовъ, чтобы дѣйствовать противъ Москвитянъ въ открытомъ полѣ и подкрѣплять смоленскій гарнизонъ. Этотъ гарнизонъ къ тому времени съ великимъ усиліемъ удалось ему довести до 1.200 — 1.500 человѣкъ, гайдуковъ, казаковъ, гусаръ и наемныхъ Нѣмцевъ, число все еще недостаточное для обороны такой обширной крѣпости; а тысячи двѣ вооруженныхъ смоленскихъ посадскихъ людей, помѣщиковъ и крестьянъ представляли несовсѣмъ надежныхъ соратниковъ по своему тяготѣнію къ Москвѣ. Но все-таки Гонсѣвскій успѣлъ приготовить городъ къ оборонѣ и поднять духъ гарнизона.

Еслибы Шеинъ хотя однимъ мѣсяцемъ упредилъ свое прибытіе, то городъ, имѣвшій менѣе 1.000 человѣкъ настоящихъ ратныхъ людей и еще неисправленныя укрѣпленія, едва ли могъ бы оказать серьезное сопротивленіе. Да и теперь еще можно было попытаться имъ овладѣть посредствомъ дружнаго и рѣшительнаго удара, съ вѣроятностію на успѣхъ. Но не таковъ былъ Шеинъ. (7).

IX.

СМОЛЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ.

Русскіе окопы и острожки.— Побѣги и вольныя шайки.— Постепенное обложеніе Смоленска.— Польскій лагерь подъ Краснымъ.— Доставка большого наряда, бомбардированіе, подкопы и неудачные приступы.— Пассивная осада и бездѣйствіе Шеина.— Его постоянныя требованія и усиленная дѣятельность правительства.— Набѣгъ Крымцевъ.—Избраніе Владислава IV и его прибытіе подъ Смоленскъ.— Прорывъ блокады.—Запорожцы.—Битвы на Покровской горѣ и очищеніе праваго берега Днѣпра.—Наступленіе Поляковъ на лѣвомъ берегу.—Отступленіе Прозоровскаго и солдатскихъ полковъ въ таборъ Шеина.—Прекращеніе осады.—Обходное движеніе Владислава и бой 9 октября.—Обложеніе Московской рати Поляками.— Преступная недѣятельность Шеина.—Его лживыя донесенія.—Кончина Филарета.— Чрезвычайныя мѣры и назначеніе воеводъ на помощь.—Нѣтчики и бѣглые.—Земскій Соборъ.— Недостатокъ средствъ.— Вторая зимовка Русскихъ подъ Смоленскомъ.— Ихъ лишенія и бѣдствія.— Послѣднія стычки.— Перебѣжчики.—Лесли и Сандерсонъ.—Упадокъ дисциплины.—Поведеніе Шеина и его приближенныхъ.—Переговоры съ Поляками.—Капитуляція 16 февраля 1634 года.—Сдача артиллеріи и острожковъ.—Выступленіе Русскихъ и унизительныя церемоніи.—Польское торжество.—Смоленская эпопея на польской гравюрѣ.—Неудача короля подъ Бѣлой.— Поляновскій договоръ.—Судъ надъ Шеинымъ съ товарищами.—Обоюдное посольство.—Справедливъ ли смертный приговоръ?—Неосновательные защитники Шеина.

Около половины декабря 1632 года Шеинъ наконецъ прибылъ подъ Смоленскъ съ силами, которыя немного не достигали до 30.000 человѣкъ. Ни о какомъ рѣшительномъ ударѣ онъ и не думалъ; хотя всѣ другіе города въ то время были взяты болѣе или менѣе быстрымъ натискомъ Московскихъ отрядовъ, но только предводительствуемыхъ не лично Шеинымъ. Со своимъ товарищемъ Измайловымъ онъ остановился въ 5 или 6 верстахъ отъ города и расположилъ свой станъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья его праваго притока рѣчки Вязовни (на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ таборомъ князь Черкасскій во время осады Смоленска въ первую войну). Широкое поле и двѣ или три балки съ текучими ручьями и стоячими болотцами отдѣляли его станъ отъ города. Тутъ онъ началъ тщательно окапываться, укрѣплять валы часто-

коломъ, вообще ставить острогъ, съ теплыми избами внутри; черезъ Днѣпръ перекинулъ два моста на плотахъ: одинъ долженъ былъ служить для блокады, другой соединялъ его станъ съ пекарнями и квасоварнями, которыя были устроены на правомъ берегу. Солдатскіе полки расположились ближе къ городу съ юговосточной его стороны; они принялись рыть траншеи и ставить туры для пушекъ (батареи); но заступы и кирки съ трудомъ пробивали мерзлую землю. Городъ пока еще не подвергался дѣйствительной осадѣ. Въ январѣ, т.-е. спустя около мѣсяца по своемъ прибытіи, Шеинъ пишетъ въ Москву, что собирается „осадить городъ Смоленскъ кругомъ"; но у него недостаточно ни пѣхоты, ни конницы; а изъ нѣтчиковъ, которыхъ списки онъ послалъ, къ нему еще „не бывалъ ни одинъ человѣкъ". Очевидно, онъ ждетъ воеводъ Прозоровскаго и Нагово, которые должны были идти къ нему на сходъ. Въ то же время онъ, однако, доноситъ о своихъ успѣхахъ, которые состояли въ томъ, что незначительный отрядъ, посланный имъ воевать Мстиславскій и Оршанскій уѣзды, побилъ какихъ-то литовскихъ людей и взялъ полонъ, хотя и не доходилъ до самой Орши, гдѣ Гонсѣвскій собиралъ подмогу смоленскому гарнизону.

Межъ тѣмъ для подобныхъ подвиговъ, т.-е. для разоренія зарубежныхъ русскихъ областей, образовался другой болѣе значительный отрядъ помимо воли главнокомандующаго. Извѣстно, что уже во время Дорогобужскаго сидѣнья Шеина изъ его полковъ начались побѣги кормовыхъ (безпомѣстныхъ) дѣтей боярскихъ и Донскихъ казаковъ. Они образовали вольную шайку, которая пошла грабить села и деревни Смоленскаго уѣзда. Тутъ къ ней присталъ Иванъ Балашъ, крестьянинъ Дорогобужскаго уѣзда Болдина монастыря; его взяли проводникомъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ дороги въ литовскіе города. Но, очевидно, это былъ недюжинный человѣкъ; ибо вскорѣ онъ является не простымъ проводникомъ, а въ родѣ атамана той же шайки, которая усилилась другими бѣглецами русской рати, такъ что достигла полуторатысячнаго числа. Она воевала на свою руку, грабила села, разоряла города, напримѣръ, Кричевъ и Чичерскъ. Къ шайкѣ Балаша былъ отправленъ Владиміръ Прокофьевичъ Ляпуновъ „съ государевымъ жалованнымъ словомъ": онъ предлагалъ прощеніе тѣмъ, которые вернутся на государеву службу подъ Смоленскъ. Часть людей послушалась, и шайка стала распадаться. Балашъ, повидимому, также склонялся на государево жалованное слово; но оставшіеся воры заставили его

насильно идти съ ними. Когда они пробирались къ Новгороду Сѣверскому мимо Стародуба, воевода стародубскій Еропкинъ послалъ на нихъ отрядъ, который побилъ воровъ; причемъ захватили Балаша; тѣмъ и окончились его подвиги. Часть разбитой шайки, 220 человѣкъ, потомъ сдалась на увѣщанія Еропкина и воротилась въ полки, а остальные побѣжали на Донъ.

Только въ концѣ января пришли подъ Смоленскъ со своими полками князь Семенъ Прозоровскій и его новый товарищъ князь Бѣлосельскій изъ крѣпости Бѣлой и Богданъ Нагово изъ Серпейска. Имъ Шеинъ назначилъ мѣста къ западу отъ Смоленска, тамъ, гдѣ были королевскіе таборы во время осады 1610 года; къ нимъ присоединенъ и отрядъ Яицкихъ казаковъ, прибывшихъ съ атаманомъ Лупандинымъ. Станъ Прозоровскаго оказался почти столь же отдаленнымъ отъ города, какъ и станъ Шеина. Соревнуя главнокомандующему, Прозоровскій со всѣхъ сторонъ окопался высокими валами; недовольствуясь тѣмъ, воспользовался сосѣднимъ болотомъ: воду, стекавшую изъ него въ Днѣпръ, запрудилъ и наполнилъ ею свои рвы. Съ правымъ берегомъ онъ сообщался также двумя мостами, прикрытыми на томъ берегу укрѣпленіями. Изъ Москвы около этого времени пришелъ солдатскій полкъ Матисона; пришли и еще нѣкоторые полки. Наконецъ, къ 10 февраля, т.-е. черезъ два мѣсяца по своемъ прибытіи подъ Смоленскъ, Шеинъ доносилъ, что „городъ Смоленскъ совсѣмъ осажденъ, туры поставлены, да и острожки поставлены, изъ города выдти и въ городъ пройти немочно".

Обложеніе города устроилось въ слѣдующемъ порядкѣ.

На западной сторонѣ его, у самаго Днѣпра острожекъ Прозоровскаго; къ нему примыкали шанцы полковника Вилима Кита. По юговосточной сторонѣ шелъ длинный рядъ укрѣпленій, занятыхъ нѣмецко-русской пѣхотой; въ центрѣ ихъ стоялъ Лесли съ своими двумя солдатскими полками; на лѣвомъ его флангѣ полкъ Товія Унзина и Сандерсонъ съ Англичанами; на правомъ—полки Валентина Росформа и Фукса. Еще далѣе, на восточной сторонѣ города, расположился полковникъ Фандамъ. За нимъ въ берегъ Днѣпра упирались ретраншаменты полковника Якова Карла, отдѣленные отъ крѣпости оврагомъ и двумя прудами. Между окопами Прозоровскаго и Сандерсона устроено было нѣсколько шанцевъ, т.-е. небольшихъ, отчасти земляныхъ, отчасти деревянныхъ, укрѣпленій; Англичане ближайшій къ себѣ шанецъ сначала устроили изъ снѣга, а впослѣдствіи сдѣлали его изъ дерна. Лагерь Шеина остался внѣ

линіи обложенія и представлялъ собою какъ бы главный резервъ. Въ слишкомъ открытыхъ мѣстахъ онъ потомъ связанъ былъ съ этой линіей рогатками и засѣками или сваленными деревьями. Но правый берегъ Днѣпра долгое время былъ почти упущенъ изъ виду: тамъ учреждена только незначительная, смѣнявшаяся поочереди, стража, которая стояла на Покровской горѣ, т.-е. на самомъ возвышенномъ пунктѣ того берега. Противъ этой горы на Днѣпрѣ находился постоянный и укрѣпленный мостъ, который соединялъ городъ съ правымъ берегомъ и оставался въ рукахъ осажденныхъ. Близорукій Шеинъ даже не позаботился уничтожить этотъ мостъ. О его близорукости свидѣтельствовало и расположеніе главныхъ батарей, назначенныхъ для разрушенія стѣнъ и башенъ. Казалось бы, Шеинъ долженъ былъ хорошо знать слабыя стороны крѣпости; а между тѣмъ онъ расположилъ пѣхоту Лесли и сосѣднихъ полковниковъ, съ артиллеріей, противъ именно той городской стѣны, позади которой находился старый земляной валъ, оставшійся отъ прежнихъ укрѣпленій: слѣдовательно, въ случаѣ пролома въ стѣнѣ, осаждавшіе должны были встрѣтить другое препятствіе, въ видѣ стараго вала, усиленнаго новыми укрѣпленіями.

Защитники Смоленска, Соколинскій и Воеводскій, частыми вылазками тревожили осаждавшую рать и мѣшали ходу осадныхъ работъ; вообще съ самаго начала они обнаружили систему активной обороны. А Шеинъ, наоборотъ, повелъ пассивную осаду. Имѣя у себя уже до 40.000 войска и обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, онъ все еще не предпринималъ противъ него никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Для того у него былъ важный предлогъ: онъ ждалъ большого наряду, т.-е. тяжелыхъ орудій, которыхъ потребовалъ изъ Москвы и которыя съ великими усиліями везлись теперь подъ Смоленскъ. А пока отъ шанцевъ Лесли занялись веденіемъ подкоповъ подъ городскія стѣны.

Не предпринималъ Шеинъ никакихъ энергическихъ дѣйствій и противъ Гонсѣвскаго, съ которымъ около начала февраля успѣлъ соединиться польный литовскій гетманъ Христофъ Радивилъ. Они подвинулись ближе къ Смоленску и остановились въ 40 верстахъ отъ него въ селѣ Красномъ, гдѣ поставили острогъ, окопали его рвомъ и укрѣпились на случай нападенія, котораго со страхомъ ожидали со стороны Москвитянъ. Въ ихъ соединенныхъ отрядахъ едва ли насчитывалось болѣе 5 — 6 тысячъ человѣкъ. Да и согласія между ними было немного. Гонсѣвскій прежде писалъ къ ново-

избранному королю Владиславу, что готовъ хотя съ 300 человѣкъ пройти въ Смоленскъ. Теперь гетманъ давалъ ему 1.000 для подкрѣпленія гарнизона и 3.000 для конвоированія этого отряда. Но строптивый Смоленскій воевода одинъ безъ гетмана не хотѣлъ идти; за что тотъ его бранилъ и даже собирался бить. Всѣ эти обстоятельства были извѣстны Шеину отчасти отъ перебѣжчиковъ, а отчасти отъ тѣхъ людей, которые тайкомъ посылались изъ Краснаго въ Смоленскъ и были перехватываемы русскою стражею. Только 6 февраля московскіе воеводы, именно Прозоровскій и Нагово, собрались послать подъ Красное около 500 человѣкъ конницы для добыванія языковъ! Этотъ развѣдочный отрядъ встрѣтился съ непріятельскимъ отрядомъ за 15 верстъ отъ Краснаго и послѣ незначительной стычки воротился, приведя съ собой плѣннаго иноземца; отъ послѣдняго узнали только, что непріятельскіе начальники пока намѣрены ночью провести въ городъ небольшое подкрѣпленіе, а сами останутся въ Красномъ до приходу большого войска изъ Литвы. Посланцы же изъ Краснаго въ Смоленскъ, перехваченные Москвитянами, говорили, что „еслибы государевы люди нынѣ надъ Радивиломъ и Гонсѣвскимъ промыслы учинили, то сидѣльцы смоленскіе городъ Смоленскъ сдали бы Государю". Далѣе русскіе перебѣжчики изъ Смоленска доносили, что въ городѣ хлѣбъ еще есть, но конскаго корму уже нѣтъ, лошади подохли, осталось только съ полтораста, которыхъ кормятъ печенымъ хлѣбомъ; дровъ тоже нѣтъ, жгутъ крыши и лишнія избы; люди мрутъ отъ воды, потому что вода въ колодцахъ нездорова. Всѣ ворота засыпаны, за исключеніемъ Малаховыхъ, а также Водяныхъ, которыя выходятъ на Днѣпръ. Многіе люди говорятъ тамъ о сдачѣ; но Соколинскій бодрствуетъ, держитъ городъ запертымъ, ключи имѣетъ при себѣ, и никого не выпускаетъ, боясь измѣны; а уличенныхъ въ намѣреніи бѣжать вѣшаетъ. Но никакія благопріятныя вѣсти не могли поколебать бездѣятельности Шеина. Вопреки данной ему инструкціи, онъ не шелъ на скопившихся въ Красномъ непріятелей, а все продолжалъ готовиться къ правильной осадѣ Смоленска.

Видя его бездѣйствіе, Радивилъ и Гонсѣвскій сдѣлались смѣлѣе и начали посылать подъ нашъ лагерь частые разъѣзды, которые иногда удачно нападали на русскіе разъѣзды и брали многихъ плѣнниковъ. Мало того, разъ ночью (на 26 февраля) они рѣшились прорвать блокаду: приблизились къ городу и послали отрядъ въ 750 человѣкъ казаковъ, драгунъ и гусаръ. Большая часть этого отряда,

300—400 человѣкъ, успѣла прокрасться мимо стана Прозоровскаго и Нагово, избить стражу, переправиться черезъ рѣчку Ясенную и войти въ городъ; а другая часть отстала, заблудилась и начала бродить между московскими острожками. На разсвѣтѣ Русскіе ихъ увидали, разгромили и многихъ побрали въ плѣнъ. Шеинъ съ Измайловымъ поспѣшили отправить въ Москву стольника Семена Измайлова (сынъ Артемія) съ донесеніемъ, что Литовскіе люди въ числѣ 3.000 хотѣли пробиться въ Смоленскъ; но онъ послалъ на нихъ своихъ ратныхъ людей, которые ихъ прогнали и взяли болѣе 300 плѣнныхъ. Воеводы приписали себѣ немалую побѣду, и умолчали объ отрядѣ, прорвавшемся въ городъ; хотя, по ихъ прежнему донесенію, еженочно наряжались изъ полковъ восемь сотенъ стражи, охранявшей пути къ Смоленску отъ Литовскихъ людей. Послѣ такого событія бдительность должна бы усилиться. И тѣмъ не менѣе, спустя около мѣсяца, повторилось то же самое, только въ большихъ размѣрахъ. Непріятели пришли съ той стороны, откуда ихъ не ожидали. Однажды въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, когда Русскіе предавались безпечности, Радивилъ со всѣми своими силами подошелъ къ городу съ правой, еще необложенной, стороны Днѣпра и выслалъ отрядъ въ 600 человѣкъ. Этотъ отрядъ незамѣтно подошелъ лѣсомъ, сбилъ три сотни стражи, стоявшей на Покровской горѣ, и затѣмъ уже при свѣтѣ дня прошелъ по Днѣпровскому мосту въ городъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и бубновъ. По причинѣ ледохода и начавшагося разлива Днѣпра, Русскіе воеводы не могли переправить войско на правый берегъ и должны были со стыдомъ смотрѣть на прибытіе къ осажденнымъ сего подкрѣпленія людьми и боевыми припасами. Шеинъ въ своемъ донесеніи постарался умалить значеніе этого событія: по его словамъ, въ городъ „безвѣстно" прошли полтораста непріятелей; но теперь приняты всѣ мѣры, чтобы впредь ни единый человѣкъ не могъ пробраться сквозь линіи осаждавшихъ. Эти мѣры были слѣдующія: во-первыхъ, только теперь Шеинъ обратилъ вниманіе на Покровскую гору; онъ велѣлъ устроить отъ нея къ Днѣпру линію рогатокъ, а на самой горѣ поставить острожекъ, въ которомъ помѣстить пѣхотный отрядъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ; да 600—700 конницы держали постоянную стражу у рогатокъ, смѣняясь черезъ каждые два дня. Для сообщенія съ другимъ берегомъ устроены четыре плота на канатахъ и готовился еще постоянный мостъ. Доносилъ онъ, будто Днѣпровскій городской мостъ его люди (при

помощи плотовъ и петардъ) наполовину разметали и сожгли, такъ что ходить по немъ теперь нельзя. Послѣдствія показали, что донесеніе это было невѣрно.

Далѣе, всѣ промежутки обложенія постепенно были заполнены рогатками, которыя приготовлялись изъ толстыхъ бревенъ съ воткнутыми въ нихъ крестъ-на-крестъ заостренными кольями; острожки также большею частью были обнесены рогатками. Кромѣ того, полковникъ Яковъ Карлъ выдвинулъ свои шанцы ближе къ городу въ промежутокъ между наугольною башнею и Днѣпромъ. Такимъ образомъ, блокада сдѣлалась тѣснѣе и дѣйствительнѣе; только сѣверная заднѣпровская сторона, съ ея уединенною позиціей на Покровской горѣ, попрежнему оставалась слабѣйшимъ мѣстомъ обложенія; хотя построенный здѣсь острогъ вскорѣ занялъ полковникъ Матисонъ со своимъ полкомъ. А лазутчики все-таки продолжали пробираться съ вѣстями отъ Соколинскаго къ Радивилу и обратно.

Въ началѣ марта („на Ѳедоровѣ недѣлѣ во вторникъ") подъ Смоленскъ прибылъ наконецъ большой нарядъ, привезенный съ огромными усиліями и трудностями: для его провоза приходилось прорубать лѣса, расчищать горы снѣгу или настилать безконечныя гати на болотистыхъ мѣстахъ. Изъ сего наряда устроили три батареи въ шанцахъ Лесли и его товарищей, вблизи городской стѣны. Прошло еще недѣли двѣ, пока орудія были установлены въ турахъ, засыпанныхъ землею; на высокомъ курганѣ поставили самую большую пушку Единорогъ, снаряды которой достигали до Малаховыхъ воротъ. 17 марта началось бомбардированіе; за 15 верстъ кругомъ слышна была орудійная пальба. Продолжалась она нѣсколько дней: у трехъ башенъ, въ томъ числѣ у Малаховой, сбили верхи; въ городовой стѣнѣ образовался проломъ саженъ въ шесть. Казалось бы, еще немного артиллерійской подготовки, затѣмъ дружный приступъ, и Смоленскъ въ нашихъ рукахъ. Но бомбардировка вдругъ прекращена, какъ бы для того, чтобы дать непріятелю время приготовиться къ отпору и „зарубить" въ проломныхъ мѣстахъ тарасы. Недѣли полторы спустя, бомбардировка возобновилась; подвезли лѣстницы; по всѣмъ признакамъ стали готовиться къ приступу. Конечно, предполагали его сдѣлать послѣ взрыва главнаго подкопа. Въ половинѣ апрѣля самъ Шеинъ пріѣзжалъ въ нѣмецкіе шанцы смотрѣть подкопъ; подкопщики ему говорили, что будетъ готовъ къ Свѣтлому Воресенію. А непріятель межъ тѣмъ отъ перебѣжчиковъ получалъ всѣ нужныя свѣдѣнія, съ своей стороны про-

тивъ подкопа копалъ слухи и укрѣплялъ помянутый выше внутренній земляной валъ. Въ концѣ апрѣля воевода даетъ знать въ Москву, что у него все готово для приступа,— только ждетъ прибытія пушечныхъ запасовъ! Итакъ онъ всегда чего-нибудь ждалъ.

Тутъ, къ сожалѣнію, наши источники о ходѣ осады дѣлаются скудны и сбивчивы. Изъ общихъ очерковъ ея и нѣкоторыхъ отрывочныхъ извѣстій мы знаемъ только, что было сдѣлано два приступа, 26 мая и 10 іюня. Главный подкопъ, заключавшій 250 пудовъ пороху, былъ взорванъ; но онъ такъ плохо былъ разсчитанъ, что масса оторванныхъ отъ стѣны и башни камней обрушилась на стоявшій подлѣ русскій отрядъ, приготовленный къ приступу, и значительную его часть перебила и перекалѣчила. Произошло сильное замѣшательство; а когда наступающіе оправились и двинулись на приступъ, они встрѣтили тотъ внутренній земляной валъ, который лежалъ за стѣною и съ котораго осажденные поражали ихъ огнемъ изъ пушекъ. И атака эта производилась не въ ночное время и не внезапно, а при полномъ дневномъ свѣтѣ, когда непріятель все видѣлъ и ко всему приготовился. Разумѣется, приступъ окончился полною неудачею, тѣмъ болѣе что Шеинъ и не думалъ поддержать солдатскіе полки другими войсками. Одинаково неудачны были подкопный взрывъ и приступъ 10 іюня. Поведенные неискусно и нерѣшительно, эти приступы отозвались большою потерею людей и боевого матеріала, а также неизбѣжнымъ отсюда упадкомъ духа среди русской арміи. Впослѣдствіи противъ Шеина возникло даже обвиненіе, что однажды, когда Русскіе уже влѣзли на стѣны и готовы были ворваться въ городъ, онъ вдругъ велѣлъ открыть орудійную пальбу по своимъ, и тѣмъ заставилъ ихъ вернуться. Такая явная измѣна была бы слишкомъ чудовищна; можетъ быть, вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Однако оффиціальный актъ (т.-е. судебный приговоръ надъ Шеинымъ) утверждаетъ, что Шеинъ во время приступа приказывалъ стрѣлять изъ наряду по своимъ; причемъ многіе были побиты. Но это сказано глухо, и фактъ остался неразъясненнымъ.

Во всякомъ случаѣ за этимъ періодомъ неудачныхъ приступовъ наступилъ опять періодъ бездѣйствія со стороны Шеина, который ограничивался блокадою, безуспѣшнымъ бомбардированіемъ и столь же безуспѣшнымъ продолженіемъ подкоповъ. Очевидно, онъ надѣялся въ концѣ концовъ голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ, совершенно забывая о томъ, что за Смоленскомъ стояло цѣлое Польско-Литовское государство, которое при всѣхъ своихъ неустройствахъ

должно же было когда-нибудь придти къ нему на помощь. А между тѣмъ онъ не переставалъ требовать денегъ, припасовъ и подкрѣпленій, постоянно жалуясь на побѣги и нѣти служилыхъ людей и недостаточное количество посошныхъ, которые обязаны были дѣлать подкопы, рыть шанцы, возить въ нѣмецкіе полки дрова и хлѣбные запасы и т. п.

Московское правительство продолжало надѣяться на Шеина и напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы удовлетворить его требованія. По дорогамъ между Москвою и Смоленскомъ постоянно тянулись обозы то съ денежною казною, то съ хлѣбными или боевыми припасами, и шли все новыя и новыя подкрѣпленія. Въ іюнѣ мы встрѣчаемъ царскій указъ о новомъ наборѣ даточныхъ съ монастырскихъ земель, а также съ вотчинъ и помѣстій тѣхъ придворныхъ и служилыхъ людей, которые не находились тогда въ дѣйствующихъ полкахъ, съ 300 четей земли по одному конному ратнику въ полномъ доспѣхѣ, т.-е. въ латахъ или панцырѣ и шишакѣ, на добромъ конѣ, цѣною не менѣе 10 рублей. Немного позднѣе (въ концѣ августа) опять указъ: о наборѣ пѣшихъ даточныхъ ратниковъ съ 300 четвертей по два человѣка, каждый съ пищалью, топоромъ и рогатиной. Тѣмъ и другимъ, т.-е. коннымъ и пѣшимъ, назначено идти подъ Смоленскъ. Туда же въ іюлѣ отправленъ изъ Москвы полковникъ Самуилъ Карлъ Деэбертъ со своимъ рейтарскимъ полкомъ. Съ нимъ посылались также запасы пороху, свинцу, фитилей и провіанту; причемъ по обыкновенію наказывалось, чтобы начальные люди строго смотрѣли на пути за рейтарами и драгунами и не позволяли бы имъ грабить крестьянъ или брать у нихъ кормы силою. Что же касается жалованья ратнымъ людямъ, то въ теченіе съ небольшимъ года, который прошелъ отъ начала Шеинова похода по сентябрь 1633 года включительно, изъ Москвы доставлено было въ его полки болѣе полумилліона рублей— сумма по тому времени весьма значительная. А съѣстныхъ припасовъ за эту пору было доставлено въ армію полторы тысячи четвертей сухарей, слишкомъ 2.300 четвертей крупъ, около 2.500 четвертей толокна, слишкомъ 25.000 ржаной муки и полтораста четвертей гороху, 5.600 пудовъ свинины и 3.600 пудовъ коровьяго масла.

Карла Деэберта помѣстили близъ Прозоровскаго въ укрѣпленныхъ окопахъ.

Пока Шеинъ бездѣйствовалъ подъ Смоленскомъ, лѣтомъ 1633 года происходили оживленныя дѣйствія на другихъ театрахъ вой-

ны; причемъ хотя Москва повела въ началѣ войну наступательную, но, отъ бездѣйствія главной рати, ей потомъ пришлось перейти въ положеніе оборонительное. Поляки выслали противъ насъ Черкасъ или Малороссійскихъ казаковъ, которые повоевали Сѣверскую область. Но ихъ нападенія не всегда были удачны. Такъ въ маѣ полковникъ Песочинскій и князь Еремія Вишневецкій съ польскими, литовскими людьми и Запорожцами осадили Путивль, начали вести шанцы, подводить подкопы и дѣлать приступы; около мѣсяца длилась осада. Мужественные воеводы князь Гагаринъ и Усовъ отбили непріятелей, и тѣ со стыдомъ отступили. Но городъ Валуйки имъ удалось взять и разграбить, благодаря оплошности воеводы Колтовскаго. Не ограничившись Черкасами, Поляки вооружили противъ Москвы Крымцевъ. Ханъ послалъ царевича Мумарекъ Гирея, который напалъ на наши южныя украйны, повоевалъ, пожегъ многія мѣста, и набралъ большой полонъ.

Нашествіе Крымцевъ отразилось подъ Смоленскомъ тѣмъ, что тамъ усилились побѣги: многіе помѣщики южныхъ областей стали уходить, тревожась за участь своихъ семей и имущества. Въ самой Москвѣ преувеличенныя извѣстія о силахъ Татаръ подняли тревогу; начали готовить къ оборонѣ столицу и собирать противъ нихъ особую рать подъ начальствомъ кн. Б. М. Лыкова. Но Крымцы ушли назадъ.

Изъ разныхъ мѣстъ отъ воеводъ приходили иногда гонцы съ сеунчомъ или извѣстіемъ объ удачномъ дѣлѣ съ Литовскими людьми и Татарами, объ отраженіи ихъ, напримѣръ, отъ Ливенъ, Пронска, Серпухова и пр. Шеинъ съ Измайловымъ ухитрялись тоже время отъ времени присылать донесенія о своихъ посылкахъ подъ Красное, о прогнаніи непріятеля и количествѣ взятыхъ въ плѣнъ; причемъ незначительныя стычки своихъ разъѣздовъ и фуражировъ или отбитіе небольшихъ вылазокъ изъ крѣпости они обращали въ какія-то побѣды, и своему бездѣйствію придавали видъ дѣятельности. Раза два пытались непріятельскія партіи прорваться въ городъ, но неудачно, и опять донесенія о побѣдахъ. Но вотъ пришлось наконецъ донести о важномъ событіи: о прибытіи подъ Смоленскъ непріятельской рати съ самимъ королемъ Владиславомъ во главѣ! (8).

Сигизмундъ III Ваза оставилъ послѣ себя пять сыновей: старшаго Владислава отъ первой жены Анны, а прочихъ отъ второй жены Кон-

станціи. Претендентомъ на польскую корону выступилъ Владиславъ, который по смерти отца номинально величалъ себя королемъ Шведскимъ. Архіепископъ-примасъ Янъ Венжикъ созвалъ приготовительный или Конвокаційный сеймъ на 22 іюня (Грегоріанскаго стиля).

На этомъ сеймѣ ясно обнаружилось тревожное и опасное положеніе государства, потрясеннаго борьбою религіозныхъ партій и цѣлыхъ народностей, которую вызвали мѣры католической нетерпимости покойнаго короля, въ особенности пресловутая унія. Православные Западноруссы соединились съ диссидентами, т.-е. протестантами разныхъ видовъ, и предъявили на сеймѣ цѣлый рядъ требованій въ огражденіе своихъ имущественныхъ и политическихъ правъ. Малороссійское казачество волновалось и съ своей стороны требовало не только свободы греческаго исповѣданія, но также участія въ избраніи короля и другихъ правъ. На конвокаційномъ сеймѣ назначено было 27 сентября днемъ сейма Элекційнаго или избирательнаго. Сей послѣдній долго занимался препирательствомъ по разнымъ вопросамъ, и, только побуждаемый начавшеюся Польско-Московскою войною, 8 ноября 1632 года приступилъ, наконецъ, къ избранію короля, которымъ и былъ единогласно выбранъ Владиславъ. Спустя нѣсколько дней, онъ присягнулъ на pacta conventa. Въ число этихъ pacta, въ виду военнаго времени, включенъ новый пунктъ о томъ, чтобы на войско шла не одна, а двѣ четверти (кварты) доходовъ съ королевскихъ имѣній (собственно съ державцевъ этихъ имѣній); шляхта же по обыкновенію старалась освободить себя отъ обременительныхъ военныхъ расходовъ. За элекційнымъ сеймомъ послѣдовалъ Коронаційный, который былъ назначенъ на 31 января 1633 года. Но только 6 февраля совершилось коронованіе новоизбраннаго короля въ Варшавѣ. Послѣ того начались приготовленія къ его походу подъ Смоленскъ; но они крайне замедлялись недостаткомъ денегъ. Употреблялись чрезвычайныя мѣры для пополненія королевской казны. Такъ, ради 90.000 золотыхъ, поднесенныхъ бранденбургскимъ курфирстомъ Вильгельмомъ, король освободилъ его отъ обязанности пріѣхать въ Варшаву, чтобы лично принести ленную присягу въ качествѣ герцога Прусскаго, а позволилъ сдѣлать это чрезъ посольство—важный шагъ къ независимости Пруссіи отъ Польши. На военныя издержки Владиславъ продалъ также разныя королевскія сокровища, въ томъ числѣ и отцовскую корону, стоившую 50.000 золотыхъ. Эти приготовленія, а равно всякія неустройства и волненія въ Рѣчи Посполитой, кото-

рыя пришлось улаживать новому королю, задержали его такъ долго, что онъ только въ августѣ мѣсяцѣ 1633 года выступилъ въ походъ, двинувъ отряды изъ Вильны и Орши, двухъ сборныхъ пунктовъ, и едва успѣвъ собрать до 15.000 войска.

Вотъ сколько времени Польша была связана внутренними условіями и не могла придти на помощь смоленскому гарнизону. Оказывается, что, начиная войну, въ Москвѣ разсчитали вѣрно; но это драгоцѣнное время Шеинъ безвозвратно потратилъ на пассивную осаду города, т.-е. на безславное сидѣніе въ своихъ окопахъ и острожкахъ, которые онъ продолжалъ возводить и укрѣплять съ какимъ-то тупымъ упрямствомъ. Очевидно, онъ не понималъ, что, по мѣрѣ расширенія и увеличенія его укрѣпленій, рать его все болѣе и болѣе теряла свою подвижность и обращалась въ простые гарнизоны воздвигнутыхъ имъ остроговъ. Если тутъ не было прямой злонамѣренности, то невѣжество Шеина въ военномъ дѣлѣ является просто поразительнымъ.

Смоленскій гарнизонъ едва держался, страдая отъ недостатка съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Доходившіе отъ него письма умоляли о скорѣйшей помощи, иначе онъ долженъ будетъ сдаться. Но отрядъ литовскихъ войскъ, стоявшій подъ Краснымъ, былъ слабъ и самъ терпѣлъ во всемъ недостатокъ; притомъ у него открылся сильный конскій падежъ. Въ это время особенно много было перебѣжчиковъ отъ непріятеля въ русскіе лагери. Шеинъ получалъ отъ нихъ подробныя извѣстія; но по прежнему ничего рѣшительнаго не предпринималъ, продолжая заниматься безнадежными подкопами подъ стѣны города и укрѣпленіями своего лагеря.

8 августа воротился подъ Красное гетманъ Радивилъ, ѣздившій на встрѣчу королю; хотя великій литовскій гетманъ Левъ Сапѣга не задолго до того скончался, однако Радивилъ пока не получилъ его булаву и продолжалъ оставаться полевымъ гетманомъ (его недолюбливали какъ протестанта). Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ панъ Песочинскій съ двухтысячнымъ отрядомъ кварцянаго войска. Они двинулись къ Смоленску и стали лагеремъ на Глушицѣ, на изгибѣ лѣваго берега Днѣпра, верстахъ въ 7—8 отъ Смоленска. Здѣсь укрѣпились, навели мостъ чрезъ рѣку, и начали производить рекогносцировки, доходя до самаго острога Прозоровскаго и сосѣднихъ съ нимъ шанцевъ. Русскіе вступали въ небольшія стычки съ непріятелемъ; но большею частію держались подъ защитою своихъ пушекъ и окоповъ, и не осмѣливались принять бой въ открытомъ

полѣ. 25 августа прибылъ и самъ король съ короннымъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ другой польный гетманъ, Казановскій. При немъ состоялъ со своимъ отрядомъ Смоленскій воевода, пресловутый Гонсѣвскій, который, вопреки обычаю, не хотѣлъ соединиться съ собственнымъ, т.-е. литовскимъ, гетманомъ, по своей враждѣ къ нему. Оба польные гетмана также находились въ распряхъ другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ желалъ имѣть короля у себя въ обозѣ. Владиславъ сталъ въ обозѣ Радивила на Глушицѣ. Гонсѣвскій отправилъ своего челядинца въ городъ съ извѣстіями о прибытіи короля и предстоящемъ совмѣстномъ нападеніи на осаждающихъ. Посланецъ однако не могъ пробраться незамѣченнымъ сквозь русскія линіи; тогда онъ бросился въ Днѣпръ и, постоянно ныряя, подплылъ къ самымъ стѣнамъ; тутъ воспользовался однимъ изъ обваловъ, произведенныхъ русскими пушками, и безъ всякой лѣстницы взобрался въ крѣпость.

Прибытіе короля съ главными силами на помощь Смоленску нарушило царствовавшее дотолѣ сравнительное бездѣйствіе московскаго войска и заставило его выдержать цѣлый рядъ битвъ, но всетаки не вызвало его на активную борьбу.

Узнавъ отъ воротившагося посланца о крайнемъ положеніи гарнизона, терпѣвшаго уже голодъ, король рѣшилъ немедля произвести нападеніе на осаждающихъ, несмотря на большое неравенство силъ: у него было по крайней мѣрѣ вдвое менѣе людей, чѣмъ у Шеина; по соединеніи съ литовскимъ отрядомъ изъ-подъ Краснаго, оно теперь едва достигало 20.000 человѣкъ. Въ совѣтѣ королевскомъ обсуждался вопросъ, на какіе пункты русскихъ осадныхъ линій сдѣлать нападеніе. Рѣшено было прорвать слабѣйшую ихъ часть, т.-е. заднѣпровскую. На другой или на третій день по своемъ прибытіи Владиславъ въ ночь съ 27 на 28 августа перешелъ по наведеннымъ мостамъ на правую сторону Днѣпра, раздѣливъ свое войско на двѣ колонны: правая колонна, гетмана Казановскаго и Гонсѣвскаго, направилась на таборъ Прозоровскаго, чтобы не допустить его къ поданію помощи; а лѣвая, Радивила, при которой находился король съ своимъ братомъ Яномъ Казиміромъ, должна была ударить на Покровскую гору, т.-е. на лагерь Матисона. Кромѣ того отдѣленъ былъ особый отрядъ подъ начальствомъ полковника Розена, чтобы обойти Покровскую гору, стать на сообщеніяхъ Матисона съ Шеинымъ и такимъ образомъ отрѣзать помощь съ той стороны. На этотъ разъ непріятели не застали Русскихъ врасплохъ.

Нападеніе на Покровскую гору встрѣтило упорное сопротивленіе. Массивныя рогатки и вырытые около нихъ ровики задержали нападающихъ; а когда они изрубили часть рогатокъ и прорвались внутрь линій, то здѣсь закипѣлъ жаркій бой съ отрядомъ Матисона. Въ то же время изъ Смоленска вышелъ Воеводскій съ частью гарнизона и ударилъ на этотъ отрядъ съ другой стороны. Пока Матисонъ отбивался съ обѣихъ сторонъ, вдоль Днѣпровскаго берега у подошвы Покровской горы уже пробирался обозъ съ съѣстными и боевыми припасами, назначенный для осажденнаго города. Этотъ транспортъ, сопровождаемый полковникомъ Денгофомъ, направился по Днѣпровскому мосту, который оказался совсѣмъ неуничтоженнымъ, вопреки донесеніямъ Шеина. Но король долженъ былъ поддерживать сраженіе почти до вечера, пока транспортъ благополучно вошелъ въ крѣпость; а вслѣдъ за нимъ введено было туда и подкрѣпленіе, именно полкъ королевича Казимира въ 1200 человѣкъ. Воеводскій отступилъ въ городъ, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ; полковникъ Денгофъ на обратномъ пути отъ города былъ смертельно раненъ. Король отошелъ въ свой лагерь; а храбрый Матисонъ снова занялъ свои линіи и вновь ихъ укрѣпилъ. Колонна Казановскаго помѣшала Прозоровскому подать помощь; но, увлекшись военнымъ пыломъ, гетманъ хотѣлъ взять его предмостныя укрѣпленія, при чемъ попалъ на засаду, скрытую во рвахъ и оврагахъ, и кромѣ того потерялъ много людей отъ артиллерійскаго огня съ валовъ острожка. Такимъ образомъ и Казановскій отступилъ съ большими потерями. Шеинъ въ этотъ день бездѣйствовалъ, и не подалъ никакой помощи Матисону. За то, когда на другой день король прислалъ трубача съ просьбой выдать тѣла убитыхъ, онъ любезно согласился на эту просьбу. Такимъ образомъ хотя Владиславу удалось нѣсколько подкрѣпить гарнизонъ; однако это ему дорого стоило и на первый разъ онъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе; впрочемъ, то же сопротивленіе показало ему разрозненность и малую подвижность Русскаго войска. Поэтому въ слѣдующіе дни онъ ничего не предпринималъ, и сталъ собираться съ силами, поджидая еще нѣкоторые шедшіе къ нему отряды, а главное Запорожцевъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться симъ затишьемъ, еще не полною силою непріятеля и его утомленіемъ послѣ дѣла 28 августа, Шеинъ не двигался изъ своего укрѣпленнаго лагеря и только считалъ количество убывавшихъ у него людей; ибо съ приходомъ короля побѣги дѣтей боярскихъ изъ

русскаго войска чрезвычайно усилились. Поколебалась и вѣрность наемниковъ: иноземцы часто начали переходить изъ русскаго лагеря въ королевскій. Между прочимъ перебѣжало нѣсколько Волоховъ, которые жаловались на крайнюю усталость: отъ постоянныхъ тревогъ и опасеній непріятельскаго нападенія ихъ держатъ на стражѣ днемъ и ночью; а жалованье хотя и выплачивали ежемѣсячно, но приходится все съѣстное дорого покупать у царскихъ харчевниковъ. Всѣ военныя мѣры Шеина въ это время, повидимому, ограничились тѣмъ, что онъ нѣсколько подкрѣпилъ Матисона и перевелъ Фандама съ его полкомъ изъ прежней довольно безполезной позиціи въ свободное дотолѣ пространство между городомъ и Прозоровскимъ.

7 сентября на помощь королю пришли Запорожцы, будто бы въ числѣ 15.000 человѣкъ (число едва ли не преувеличенное). Одинъ полякъ-очевидецъ изображаетъ ихъ безпорядочною толпою, у которой весь порядокъ заключался въ томъ, что каждая часть шла около своей хоругви; по его замѣчанію, эти темныя фигуры, облеченныя въ бараньи шкуры, скорѣе походили на сатировъ, чѣмъ на добрыхъ людей; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ красную или цвѣтную одежду; зато у нихъ было великое презрѣніе къ смерти и больше заботы о горѣлкѣ, чѣмъ о жизни. Не желая явиться передъ королемъ съ пустыми руками, они прежде всего сдѣлали внезапное нападеніе на русскія линіи, и захватили трехъ иноземныхъ офицеровъ; послѣ чего пришли къ Владиславу, и, вмѣсто всякаго привѣтствія, сказали только: „король, вотъ тебѣ три Нѣмца!“ (хотя то были Французы). Король въ награду велѣлъ имъ дать два ведра крѣпкаго меду и 20 талеровъ. Вообще онъ пользовался преданностію казаковъ, и былъ очень обрадованъ прибытіемъ этихъ беззавѣтно храбрыхъ людей.

Прошло около двухъ недѣль послѣ первой попытки; король, немедля долѣе, снова началъ свое наступленіе на осаждавшую московскую рать и тѣмъ усерднѣе, что изъ Смоленска проскользали извѣстія объ увеличившейся опять нуждѣ въ съѣстныхъ и боевыхъ припасахъ. Матисонъ межъ тѣмъ успѣлъ не только возобновить свои укрѣпленія, но еще усилилъ ихъ новыми рядами рогатокъ и рвами, а также поставилъ новые блокгаузы у подошвы Покровской горы, чтобы отрѣзать подступы къ Днѣпровскому мосту. Въ томъ мѣстѣ находилась церковь Петра и Павла; онъ окружилъ ее шанцами и обратилъ въ фортъ. Поэтому нѣкоторые совѣтовали королю дѣйствовать теперь на лѣвомъ берегу Днѣпра и отрѣзать Прозоровскаго. Но, согласно съ мнѣніемъ гетмана Радивила, король вновь

обратился на Покровскую гору. На этотъ разъ противъ Прозоровскаго онъ назначилъ колонну литовскаго гетмана, а Казановскаго двинулъ на сообщенія Матисона съ Шеинымъ; самъ же съ остальными войсками въ ночь съ 10 на 11 сентября выступилъ противъ Матисона. Одну часть Запорожцевъ онъ оставилъ для охраны лагеря, а другую раздѣлилъ между обоими гетманами. Шедшій въ авангардѣ полковникъ Мадаленскій сбилъ стражу на рѣчкѣ Городенкѣ и ударилъ на шанцы Петропавловской церкви; король послалъ ему на помощь полкъ Арцишевскаго. Здѣсь завязалось самое жаркое дѣло. Смоленскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и напалъ на фортъ съ другой стороны. Матисонъ прислалъ подмогу; самъ же онъ не могъ двинуться изъ своего острога, угрожаемый главными силами короля и осыпаемый артиллерійскими снарядами. Попытка русскихъ ратныхъ людей съ лѣваго берега переправиться на правый и подать помощь своимъ была отбита гусарами и Запорожцами Радивила. Литовскій гетманъ дѣйствовалъ такъ искусно, что не только не дозволилъ Прозоровскому послать помощь Матисону, но и отбилъ его предмостныя укрѣпленія, а затѣмъ самъ пошелъ помогать добывавшимъ Петропавловскій фортъ. Не успѣвъ взять его приступомъ, непріятель къ вечеру поставилъ вблизи батареи и началъ его обстрѣливать. Поэтому, не надѣясь долѣе держаться, защитники форта ночью его очистили. На слѣдующій день Литовцы, взявъ остальныя укрѣпленія у подошвы Покровской горы, возобновили атаки на острогъ Матисона; но онъ стойко выдерживалъ нападеніе. Съ лѣваго берега отрядъ русскихъ стрѣлковъ обстрѣливалъ непріятеля, помѣстясь за вновь устроеннымъ бревенчатымъ прикрытіемъ. Часть Запорожцевъ, сбросивъ съ себя одежду, нагая съ саблями въ рукѣ подъ огнемъ стрѣлковъ переплыла Днѣпръ, прогнала ихъ и разорила прикрытіе.

Со стороны Шеина была сдѣлана только слабая попытка помочь Матисону: онъ послалъ ему нѣсколько тысячъ конницы и небольшой отрядъ стрѣльцовъ. Такъ какъ Казановскій вновь соединился съ королемъ и вмѣстѣ осаждалъ Покровскую гору, то эта помощь, благодаря рощамъ, пригоркамъ и лощинамъ, незамѣтно подошла къ шанцамъ, которые непріятель успѣлъ уже возвести у подошвы горы на восточной ея сторонѣ. Тутъ увидалъ ее Радивилъ. Храбрый и расторопный гетманъ, не долго думая, взялъ нѣсколько бывшихъ подъ рукою гусарскихъ хоругвей, и стремительно ударилъ на Русскихъ. Московская конница не выдержала удара и обратилась въ постыдное бѣгство, а пѣхота мужественно защи-

щалась и большею частію полегла на мѣстѣ. Тѣмъ и ограничилось содѣйствіе Шеина Матисону. Послѣдній очутился въ критическомъ положеніи, такъ какъ Поляко - Литовцы почти со всѣхъ сторонъ окружили его позицію шанцами, батареями и отрядами. Поэтому онъ воспользовался темнотою наступившей ночи, вывелъ свой отрядъ изъ окоповъ и прокрался съ нимъ мимо непріятелей. Онъ отступилъ къ острогу Шеина, и расположилъ за нимъ свой лагерь. Отступленіе это онъ совершилъ съ разрѣшенія самого Шеина, съ которымъ успѣлъ предварительно обослаться. На слѣдующее утро Поляки заняли Покровскую гору; добычею ихъ въ русскомъ острожкѣ были нѣсколько пушекъ и порядочные запасы провіанту. Король перенесъ сюда свой лагерь изъ Глушицы. Такимъ образомъ Смоленскъ былъ освобожденъ отъ блокады съ праваго берега, и по Днѣпровскому мосту установились сообщенія его съ королевскимъ лагеремъ. Владиславъ пріѣхалъ въ городъ, отслужилъ Te Deum въ храмѣ Іезуитовъ, и пробылъ цѣлый день среди мужественнаго гарнизона, осматривая поврежденія въ стѣнахъ и ближнія осадныя работы Русскихъ.

Уже одинъ бѣглый взглядъ на поведеніе вождей обѣихъ армій достаточно объясняетъ намъ исходъ дѣла. Съ одной стороны мы видимъ молодого, исполненнаго отваги и энергіи Владислава, который вездѣ лично распоряжается, даетъ единство дѣйствіямъ своихъ отрядовъ, самъ раздѣляетъ труды и опасности своихъ воиновъ, и одушевляетъ ихъ собственнымъ примѣромъ. Въ теченіе двухдневныхъ приступовъ на Покровскую гору онъ даже на ночь не удалялся въ лагерь, а спалъ тутъ же въ каретѣ неподалеку отъ шанцевъ. Съ другой стороны видимъ престарѣлаго, бездѣятельнаго, постоянно скрывающагося въ своихъ окопахъ воеводу; лично Шеинъ нигдѣ не выступаетъ во главѣ сражающихся. Онъ совершенно не понималъ того, что творилось передъ его глазами, и потому, когда нужно было со всѣми свободными силами самому ударить на короля, осаждавшаго Покровскую гору, онъ безсмысленно ограничился посылкою небольшого отряда. Еслибы онъ по крайней мѣрѣ наблюдалъ хотя какое-либо единство въ дѣйствіяхъ своихъ разсѣянныхъ вокругъ Смоленска войскъ! Напротивъ, эти войска какъ бы не имѣли общаго предводителя, и каждый отдѣльный начальникъ былъ предоставленъ своимъ силамъ и своему усмотрѣнію. Понятно, что при такихъ условіяхъ духъ русскаго войска долженъ былъ находиться въ самомъ угнетенномъ состояніи, что побѣда доставалась Полякамъ слишкомъ легко, и торжество ихъ было вполнѣ обезпечено.

Разумѣется, непріятель не ограничился уничтоженіемъ блокады на правомъ берегу Днѣпра, а началъ того же добиваться и на лѣвомъ берегу.

Въ королевскомъ совѣтѣ рѣшено было теперь отрѣзать Прозоровскаго отъ Шеина, а потомъ взять его острогъ, также какъ былъ взятъ Матисоновъ. Спустя около недѣли послѣ завладѣнія Покровской горой, изъ лагеря съ этой горы двинулась сильная колонна Поляковъ, Нѣмцевъ и Запорожцевъ, подъ начальствомъ полковниковъ Вейера и Абрамовича, прошла черезъ городъ и на разсвѣтѣ, 18 сентября, напала на шанцы полковника Фандама, а также на обозъ Карла Деэберта, которые прикрывали Прозоровскаго со стороны города. Здѣсь тоже непріятель не засталъ Русскихъ врасплохъ и встрѣтилъ мужественное сопротивленіе. Бой у шанцевъ длился съ перемѣннымъ счастіемъ. Польскіе гусары и рейтары, которые переправились въ бродъ черезъ Днѣпръ и вышли въ тылъ Фандаму, на сей разъ не восторжествовали надъ русской конницей даже въ открытомъ полѣ: Карлъ Деэбертъ съ своимъ рейтарскимъ полкомъ сразился съ ними у монастыря Архангельскаго, многихъ побилъ, остальныхъ вогналъ обратно въ рѣку. Получая помощь изъ города, Поляко-Литовцы нѣсколько разъ возобновляли свои атаки; общимъ ходомъ дѣла руководилъ гетманъ Радивилъ; а Прозоровскій посылалъ нѣкоторыя подкрѣпленія Русскимъ, вмѣсто того, чтобы ударить на непріятеля своими главными силами и совершенно его разбить. Наконецъ Поляки отступили; кажется, въ этомъ именно сраженіи они потеряли храбраго защитника Смоленска, Воеводскаго. Но такая побѣда русскихъ отрядовъ оказалась безплодною: ясно было, что за симъ нападеніемъ послѣдуютъ другія, и Прозоровскій съ Нагово будутъ отрѣзаны отъ Шеина. Поэтому они обослались съ нимъ и получили отъ него приказъ: немедля покинуть свой острогъ и со всѣми людьми идти къ нему въ таборы. Прозоровскій въ ту же ночь исполнилъ приказъ съ такою поспѣшностію, что бросилъ двѣ большія и одну малую пушки, множество всякаго оружія и съѣстныхъ припасовъ, а также больныхъ и раненыхъ; уходя онъ велѣлъ зажечь свой острожекъ и взорвать находившійся въ его станѣ храмъ св. Троицы; вообще поступилъ какъ настоящій варваръ. Фандамъ и Деэбертъ тоже должны были покинуть свои позиціи: не предупрежденные заранѣе, они не успѣли взять съ собою бывшіе у нихъ запасы провіанта и конскаго фуража, и, уходя на зарѣ, также зажгли свои лагери. Но пожаръ, скоро потушенный случившимся сильнымъ дож-

демъ, не истребилъ русскихъ запасовъ. На слѣдующій день непріятели воспользовались ими: если вѣрить польскимъ извѣстіямъ, то нѣсколько тысячъ человѣкъ цѣлый день возили изъ русскихъ острожковъ запасы на телѣгахъ и вьючныхъ коняхъ и не могли всего вывезти. Одного сѣна будто бы тамъ было припасено на зиму до 10.000 возовъ.

Отступившіе 19 сентября отряды, подобно Матисону, расположились за острогомъ Шеина и принялись воздвигать для себя новые окопы съ тыномъ и рогатками.

Естественно, за Прозоровскимъ съ товарищами наступила очередь солдатскихъ полковъ, занимавшихъ позиціи подъ самыми стѣнами на юговосточной сторонѣ Смоленска, т.-е. очередь иноземныхъ полковниковъ, съ Лесли во главѣ. Отступленіе ихъ, какъ и Прозоровскаго, произошло по приказанію Шеина, одобренному изъ Москвы. Главнымъ предлогомъ послужило спасеніе большого московскаго наряда, который помѣщался въ этихъ окопахъ. Такъ какъ у Шеина, по его донесенію уже не оставалось „ни одного человѣка посохи“ или чернорабочихъ ратныхъ людей, то воеводы уговорили русскихъ солдатъ всѣхъ полковъ иноземнаго строя отвезти пушки на себѣ, съ помощію катковъ, устроенныхъ изъ бревенъ. Съ великими усиліями пушки были вывезены изъ такъ наз. „земляныхъ городковъ“: каждое большое орудіе тащили по нѣскольку сотъ человѣкъ; а самая огромная пушка была такихъ размѣровъ, что подъ нее потребовалось до 2.000 солдатъ. Эта работа производилась двѣ ночи сряду, и, когда она была окончена, то въ ночь на 23 сентября солдатскіе полки совсѣмъ очистили свои городки, зажгли ихъ, и пошли занимать новые окопы, примыкающіе къ острогу Шеина. Но при этомъ отступленіи иноземные наемники уже цѣлыми десятками покидали свои полки и переходили къ непріятелямъ. Утромъ послѣдніе поспѣшили въ покинутые городки; шедшіе тогда дожди погасили пожаръ. Полякамъ и тутъ досталась порядочная добыча, въ видѣ деревянныхъ бревенъ, штурмовыхъ лѣстницъ, каменныхъ и желѣзныхъ бомбъ и всякаго брошеннаго оружія. Они дивились искуснымъ инженернымъ работамъ въ этихъ городкахъ, ихъ высокимъ валамъ и хорошо устроеннымъ землянкамъ; но работы эти возводились подъ руководствомъ иноземцевъ и представляли ту степень инженернаго искусства, на которой оно стояло тогда въ Западной Европѣ; укрѣпленія устроены были въ особенности по образцамъ итальянскимъ и бельгійскимъ. По замѣчанію Поляковъ, обильно снабженные всѣми припасами, Русскіе могли бы дер-

жаться здѣсь еще долгое время. Это такъ; но какая была бы цѣль сидѣть здѣсь въ заперти, при упорномъ бездѣйствiи Шеина?

Такимъ образомъ осада Смоленска кончилась. Дальнѣйшее стоянiе Русской армiи здѣсь утратило всякiй смыслъ; Шеину оставалось, не теряя времени, уходить прочь, если онъ не разсчитывалъ давать генеральное сраженiе. Но, вѣрный своему гибельному бездѣйствiю, Шеинъ не тронулся съ мѣста и не предпринялъ активной обороны, а вновь принялся за свою Сизиѳову работу, т.-е. за возведенiе огромныхъ окоповъ и укрѣпленiй вокругъ всей армiи, скученной теперь въ одномъ пунктѣ. Онъ все чего-то ждалъ, и дождался наконецъ до того, что ему отрѣзали пути отступленiя, и самъ онъ очутился въ осадѣ вмѣсто Смоленска. Конечно, его привязывалъ къ окопамъ, главнымъ образомъ, все тотъ же большой нарядъ, который онъ, на свою же пагубу, вытребовалъ изъ Москвы.

Съ собранными теперь въ кучу войсками, Шеинъ началъ устраиваться на вторую зиму въ своихъ страшныхъ окопахъ, и ожидалъ подвоза всякихъ съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ по рѣкѣ Днѣпру изъ главнаго складочнаго и опорнаго пункта, т.-е. изъ Дорогобужа. Но Владиславъ прежде всего постарался уничтожить этотъ складъ. Посланный имъ отрядъ войска съ частью Запорожцевъ, подъ начальствомъ пана или каштеляна каменецкаго Песочинскаго, въ концѣ сентября напалъ на Дорогобужъ и взялъ посадъ; русскiй гарнизонъ заперся въ кремлѣ. Солдаты непрiятельскiе предались грабежу. Опасаясь безпорядка, которымъ могли воспользоваться Русскiе, Песочинскiй велѣлъ зажечь посадъ, и онъ сгорѣлъ со всѣми своими запасами. Запорожцы отсюда доходили до Вязьмы, опустошая все огнемъ и мечомъ. 6 октября весь отрядъ воротился къ королю, обремененный добычею и плѣнниками. А король въ это самое время уже покинулъ лагерь на Покровской горѣ и съ главными своими силами совершалъ кружный, трудный обходъ, чтобы зайти въ тылъ русскому лагерю. Мѣстность здѣсь очень холмиста и лѣсиста, пересѣчена балками, оврагами, рѣчками и болотами. Это фланговое движенiе началось 5 октября и длилось дня три или четыре, преимущественно по ночамъ. Благодаря туманамъ, холмамъ и лѣснымъ порослямъ, а главное, благодаря преступному нерадѣнiю и полному бездѣйствiю Шеина, польское войско успѣло незамѣтно для Русскихъ обогнуть Дѣвичью гору и ея ретраншаментъ, связанный съ ихъ лагеремъ, переправиться черезъ Вязовню и другiя сосѣднiя рѣчки и обойти Жаворонкову гору, которая по своему значительному возвышенiю господствуетъ надъ лѣвымъ берегомъ и слѣдо-

вательно надъ русскимъ станомъ, но которую Шеинъ и не подумалъ ввести въ кругъ своихъ укрѣпленій. Проходя этотъ путь отдѣльными отрядами и борясь съ разными затрудненіями, особенно при перевозкѣ артиллеріи въ дождливую погоду по размокшей, вязкой почвѣ, голодный и утомленный непріятель очень боялся нападенія со стороны Русскихъ, нападенія, которое при дружномъ и рѣшительномъ ударѣ могло бы окончиться полнымъ его пораженіемъ. Но Шеинъ спалъ, обманутый нарочно распущеннымъ слухомъ объ уходѣ короля вглубь Россіи, и проснулся только тогда, когда Поляки, достигши такъ наз. Богдановой околицы при рѣкѣ Колоднѣ, заняли Жаворонкову гору, и поставили здѣсь свои батареи. Онъ вдругъ какъ бы встрепенулся.

9 октября, раннимъ утромъ русская пѣхота и конница по мосту и на лодкахъ переправилась на правый берегъ Днѣпра и начала штурмовать гору, а изъ тяжелыхъ орудій открылась сильная канонада. По отзыву польскихъ источниковъ, во всю кампанію Русскіе не дѣйствовали съ такою отвагою и рѣшительностью, какъ въ этотъ день. Не одинъ разъ они уже достигали вершины горы; но были отбиваемы отчаянными атаками гусаръ, пятигорцевъ, казаковъ и непріятельской пѣхоты. Бой длился съ перемѣннымъ счастьемъ цѣлый день до самаго вечера. Постепенно король ввелъ въ дѣйствіе всѣ свои силы, и наконецъ послѣднее нападеніе Русскихъ отбилъ уже собственною гвардіей. А Шеинъ не только по обыкновенію не явился лично на полѣ битвы, но и не подумалъ развернуть всѣ свои средства и произвести болѣе рѣшительное наступленіе. Русскихъ легло въ этотъ день до 2.000 человѣкъ; у Поляковъ было мало убитыхъ, но много раненыхъ и пало много лошадей. Въ ихъ рукахъ осталась Жаворонкова гора; ее они поспѣшили укрѣпить шанцами и батареями, изъ которыхъ ядра ложились въ самый лагерь Шеина и не давали ему покою, тогда какъ русскіе снаряды, направленные вверхъ, причиняли мало вреда непріятелю. Самъ король окопался на Богдановой околицѣ; послѣ чего одинъ за другимъ началъ возводить окопы и ретраншаменты вокругъ русскихъ лагерей, а конница его дѣлала постоянные разъѣзды въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ Шеинъ къ концу октября былъ уже отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ Россіей, и очутился теперь въ тѣсной блокадѣ: съ одной стороны королевскія войска въ своихъ шанцахъ и ложементахъ; съ другой Смоленскій гарнизонъ, который выдвинулъ свои острожки за городъ, ближе къ лагерю Шеина; на юговосточной сторонѣ этого лагеря расположились въ собственныхъ окопахъ Запорожцы.

Послѣ боя 9 октября Шеинъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ новой рѣшительной битвѣ; его войска ограничивались теперь незначительными вылазками, болѣе или менѣе безплодными. Нѣсколько разъ онъ пытался заводить переговоры о перемиріи; для этого обыкновенно посылался трубачъ съ предложеніемъ размѣна плѣнныхъ. Поляки иногда соглашались на размѣнъ, но уклонялись отъ переговоровъ о перемиріи. Когда они устраивали блокаду Шеинова лагеря, естественно побѣги изъ этого лагеря страшно усилились: кто хотѣлъ, спѣшилъ пользоваться возможностью пробираться между непріятельскими острожками. Испомѣщенные дѣти боярскіе уходили въ свои помѣстья, а безпомѣстные казаки, солдаты и вообще простые бѣглецы значительною частью собирались въ шайки и занимались воровствомъ, т.-е. грабежомъ селъ и деревень. Нѣкоторые атаманы или предводители напомнили пресловутаго Балаша, выступившаго годъ тому назадъ. Таковымъ явился атаманъ Чертопрудъ, у котораго набралось до 2.500 бѣжавшихъ изъ-подъ Смоленска кормовыхъ дѣтей боярскихъ, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ. Эта шайка дѣйствовала особенно въ уѣздахъ Смоленскомъ, Дорогобужскомъ и Рославскомъ.

Въ высшей степени любопытно и вмѣстѣ печально видѣть, что въ Москвѣ въ то время какъ бы не сознавали или не желали сознать наше истинное положеніе подъ Смоленскомъ, и своими распоряженіями еще болѣе запутывали дѣло. А, главное, тамъ оба государя все еще продолжали какъ бы вѣрить въ Шеина, все еще ожидали отъ него какихъ-то подвиговъ, посылали спрашивать о его здоровьѣ (5 сентября), старались удовлетворять его безконечныя требованія и жалобы, можетъ быть, убаюкиваемые его хвастливыми донесеніями. Напримѣръ, о штурмѣ Покровской горы 11 и 12 сентября и очищеніи ея Матисономъ Шеинъ доносилъ въ такихъ выраженіяхъ: Поляки всѣми силами „приступали жестокимъ приступомъ два дня“, а онъ съ товарищи, прося у Бога милости, „безотступно два дня да двѣ ночи стояли и бились безпрестанно“; а потомъ „поговоря межъ себя и съ полковниками, Юрія Матисона со всѣми пѣшими людьми и съ народомъ, и съ пушечными запасы вывелъ“. Царская грамота отъ 19 сентября похваляетъ за это Шеина, поручаетъ ему больше всего „нарядъ уберечь“, а затѣмъ разрѣшаетъ ему вывести изъ земляныхъ городковъ къ себѣ въ обозъ князя Прозоровскаго и его товарища князя Бѣлосельскаго со всѣми людьми и запасами, если же нельзя вывезти запасовъ, то пѣшимъ людямъ вы-

давать изъ царскихъ складовъ муку и другіе припасы безденежно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Дорогобужъ съ Григоріемъ Кошелевымъ послана казна на жалованье солдатамъ и кормовымъ людямъ за будущій октябрь мѣсяцъ 47.073 р. 14 алтынъ 4 деньги. Но этой казнѣ не суждено было дойти до Смоленска. Вскорѣ получилось донесеніе Шеина съ товарищами о томъ, какъ 18 сентября побили польскихъ и литовскихъ людей и какъ послѣ этого боя онъ князя Прозоровскаго со всѣми людьми перевелъ въ свой таборъ. Въ отвѣтъ, 28 сентября, ему и Прозоровскому отъ Царя посылается похвала за то, что они „учинили добро и нынѣ со всѣми людьми стали вмѣстѣ". Ихъ извѣщаютъ, что царь и патріархъ указали идти на Польскаго короля воеводамъ князю Д. М. Черкасскому и князю Д. М. Пожарскому и полковникамъ съ драгунскими полками; „что подъ Смоленскъ велѣли немедля идти воеводѣ Бутурлину изъ Сѣверы, а также изъ Москвы князьямъ Ахамашукову-Черкасскому и Мышецкому съ московскими стрѣльцами и казаками; что придутъ подъ Смоленскъ воеводы и изъ другихъ мѣстъ, а потому стоявшіе подъ Смоленскомъ полковники и ратные люди должны быть надежны и ожидать многихъ ратныхъ людей на помощь. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе смѣнить Шеина и удалить войско изъ-подъ Смоленска, Московское правительство само же одобряетъ его дѣйствія и обѣщаніями скорой помощи поощряетъ оставаться на мѣстѣ и ждать гибели. Очевидно, оно болѣе всего опасалось потерять свой дорогой нарядъ, т.-е. тяжелую артиллерію, которую трудно, почти невозможно было теперь увезти изъ-подъ Смоленска, въ виду предпріимчиваго непріятеля. Но вотъ отъ 24 сентября пришло донесеніе, что Лесли и его товарищи съ солдатскими полками очистили свои земляные городки подъ стѣнами крѣпости, и также убрались въ обозъ Шеина; утѣшеніемъ должно было служить извѣстіе, на которое главнымъ образомъ и напиралъ Шеинъ, что нарядъ весь успѣли вывезти въ его обозъ. (9).

Постоянныя дурныя вѣсти изъ-подъ Смоленска безъ сомнѣнія гибельно подѣйствовали на Филарета Никитича. Здоровье сего почти 80-лѣтняго старца сильно было расшатано страданіями, претерпѣнными въ Смутную эпоху, особенно во время продолжительнаго польскаго плѣна. Мы знаемъ, что въ Москвѣ на патріаршествѣ онъ часто хворалъ. Подъ 1 октября 1633 г. въ Дворцовыхъ разрядахъ находимъ краткую запись: „преставися великій государь святѣйшій патріархъ

Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи". Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что его угнетала скорбь при видѣ тяжкой войны, начатой по его настоянію и принявшей столь печальный оборотъ. А послѣднія извѣстія, краснорѣчиво говорившія, что осада Смоленска уже кончилась, и не только нѣтъ болѣе надежды на его взятіе, но что и вся отборная русская рать въ крайней опасности,—эти извѣстія нанесли ему окончательный ударъ. Отсюда можно заключить, что оба государя если не вполнѣ, то въ значительной степени сознавали безнадежный оборотъ дѣла; но они считали политичнымъ показывать довѣріе и благосклонность воеводамъ и обнадеживать помощью, чтобы ободрять войско и поощрять его начальниковъ.

Такая политика продолжается и послѣ кончины Филарета Никитича. Напримѣръ, рейтарскій и драгунскій полковникъ Шарль Деэбертъ доноситъ, что при вступленіи въ Шеиновъ обозъ онъ долженъ былъ пометать запасы, а теперь и люди и лошади уже терпятъ крайнюю нужду, уже треть его полка или больше стала пѣшею, и проситъ прибавить на его полкъ кормовыхъ денегъ. Государь послалъ Шеину грамоту отъ 16 октября съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья драгунамъ и съ похвалою за ихъ „крѣпкостоятельство". Шеинъ доноситъ Государю, что посланная съ Григоріемъ Кошелевымъ казна на жалованье ратнымъ людямъ еще не бывала подъ Смоленскъ по 11 октября; поэтому онъ занялъ денегъ у полковниковъ и другихъ офицеровъ иноземцевъ. Изъ нихъ Лесли далъ 4.000 руб., Китъ 600, Матисонъ 1.400, подполковникъ Вердулъ 1.200, майоръ Стей 500 и т. д. Всего такимъ образомъ занято у нихъ на государево имя 11.350 р., да отъ сентября оставалось вмѣстѣ съ вырученными за продажу казенныхъ запасовъ 11.611 руб.; послѣ того не хватило на жалованье за октябрь 15.272 руб., кромѣ рейтаръ, которые получили жалованье впередъ за четверть года, съ сентября по декабрь. Боярская Дума приговорила послать полковникамъ похвалу и обѣщать, что въ Москвѣ имъ тѣ деньги будутъ возвращены. Неизвѣстно, дошли ли эти отвѣты подъ Смоленскъ, такъ какъ Русская рать уже находилась въ польской блокадѣ.

Въ это время мы видимъ усиленную дѣятельность Боярской Думы и Московскаго Разряда по сбору ратныхъ людей на помощь Русскому войску и по сбору денежной казны на военныя издержки.

По жалобѣ Шеина на недостатокъ посохи, въ сентябрѣ конныхъ даточныхъ людей, собранныхъ съ монастырей, спѣшили посылать въ

Дорогобужъ, гдѣ они должны были ожидать приказаній отъ Шеина; вслѣдъ затѣмъ приговорили собрать посоху въ Смоленскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ съ пяти дворовъ по одному человѣку съ заступами и топорами, и отвести ихъ подъ Смоленскъ. По жалобѣ Шеина на большіе побѣги помѣщиковъ (Ярославцевъ), новокрещенныхъ и Татаръ послѣ королевскаго прихода и по присланнымъ отъ него спискамъ, велѣно у этихъ бѣглецовъ отписать одну четвертую долю помѣстій и отдать ее тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, мурзамъ и Татарамъ, которые остались и служатъ подъ Смоленскомъ „безъ съѣзду"; а кто, взявъ государево жалованье, совсѣмъ туда не явился, у тѣхъ отобрать всѣ помѣстья и отдать служащимъ. Дворянъ нѣтчиковъ велѣно изъ выбора и двороваго списка написать „съ городомъ" (т.-е. изъ высшихъ разрядовъ перевести въ нисшій), причемъ убавить: изъ помѣстныхъ окладовъ по 50 четей, изъ городовыхъ денегъ по 5 рублей, изъ четвертныхъ окладовъ по четвертой части; всѣхъ нѣтчиковъ розыскать и за крѣпкими поруками выслать на службу; а если кто схоронится, у тѣхъ людей и крестьянъ сажать въ тюрьму. Раненыхъ по ихъ излѣченіи также собрать и послать подъ Смоленскъ. Еще съ согласія Филарета Никитича велѣно было послать на службу всѣхъ патріаршихъ стольниковъ, кромѣ недорослей; а у послѣднихъ взять даточныхъ пѣшихъ людей съ пищалями, рогатинами и топорами. Послѣ же кончины Филарета велѣно его стольниковъ перечислить въ стольники и стряпчіе царскіе и выслать на службу въ Москву, а также патріаршихъ дѣтей боярскихъ изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они испомѣщены.

Мы видимъ распоряженія правительства по дошедшимъ до насъ письменнымъ актамъ; другой вопросъ, насколько эти распоряженія исполнялись и достигали своихъ цѣлей. Несмотря на всѣ приказанія о неуклонномъ сборѣ ратныхъ людей и о спѣшной ихъ посылкѣ, не видно, чтобы сборы были неуклонны, а посылки дѣйствительно производились спѣшно. Такъ 8 октября велѣно стрѣлецкому приказу Никиты Бестужева подкрѣпить передовой отрядъ князей Василія Ахамашуковича Черкасскаго и Евфимія Мышецкаго, которые стояли въ Вязьмѣ; причемъ „для поспѣшенія" Государь указалъ посадить стрѣльцовъ на подводы, по два человѣка на одну телѣгу. Ахамашуковичъ Черкасскій со своимъ товарищемъ назначенъ былъ собственно подъ Смоленскъ на мѣсто Богдана Мих. Нагово, который тамъ умеръ. Но эти два князя, кажется, не ушли далѣе разореннаго Дорогобужа. Да можетъ быть и хорошо, что ихъ отрядъ не успѣлъ

попасть въ руки Шеина, подобно нѣкоторымъ другимъ отрядамъ, первоначально туда назначеннымъ. По крайней мѣрѣ они сохранились для дальнѣйшей обороны государства. А то, что приходило подъ Смоленскъ и поступало подъ начальство Шеина, все равно что попадало въ какую-то бездонную яму: такъ онъ умѣлъ распоряжаться ратными силами!

Когда въ Москвѣ узнали о полномъ обложеніи Шеиновой рати, то естествено перестали направлять подкрѣпленія прямо къ нему, а обратили ихъ теперь къ тѣмъ воеводамъ, которые собирали новую московскую рать, долженствовавшую выступить противъ короля, на выручку Шеина. Главнымъ воеводою назначенъ былъ князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, а въ товарищи ему данъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Конечно Черкасскому сдѣлано предпочтеніе передъ Пожарскимъ на основаніи мѣстническихъ счетовъ и по родству перваго съ приближеннымъ бояриномъ и царскимъ родственникомъ Ив. Бор. Черкасскимъ. Во всякомъ случаѣ это была новая ошибка: хотя Мамстрюковичъ былъ старый, опытный воевода, но военными талантами неотличавшійся и притомъ извѣстный за человѣка тяжелаго нрава. Назначеніе ихъ, повидимому, состоялось еще при жизни Филарета, и, конечно, по его указанію: слѣдовательно и въ этомъ случаѣ на него отчасти падаетъ отвѣтственность за новый не совсѣмъ удачный выборъ главнокомандующаго.

Сіи воеводы большого полку, по обычаю, для сбора рати и ея переписи остановились въ Можайскѣ. Имъ государь отдалъ часть своего двора или своей гвардіи, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, и назначилъ дѣтей боярскихъ изъ тѣхъ же городовъ, изъ которыхъ и Шеину. Къ нимъ на сходъ опять должны были итти воеводы, собиравшіе свои полки въ тѣхъ же пунктахъ, какъ и въ предыдущемъ походѣ: въ Ржевѣ Володимировѣ князья Одоевскій и Шаховской, а въ Калугѣ князья Куракинъ и Волконскій; между ними также распредѣлялись помѣщики тѣхъ городовъ, которые были распредѣлены между кн. Прозоровскимъ и Нагово. Собравъ своихъ ратныхъ людей, они должны были идти въ Вязьму и тамъ соединиться съ главнымъ воеводою. Несмотря на царскій указъ быть безъ мѣстъ, и на сей разъ не обошлось дѣло безъ мѣстничества. Князья Одоевскій и Куракинъ били челомъ Государю: хотя они и готовы быть съ Д. М. Черкасскимъ, но онъ имъ не въ версту и пусть ихъ челобитье запишутъ ради возможныхъ будущихъ случаевъ.

Черкасскій въ свою очередь жаловался, что они его тѣмъ безчестятъ. 15 ноября Царь самъ разбиралъ это дѣло, и присудилъ Одоевскаго съ Куракинымъ посадить въ тюрьму. Впрочемъ по дорогѣ туда велѣлъ ихъ воротить, и простилъ. Товарищъ Одоевскаго князь Иванъ Шаховской также предъявилъ мѣстничество противъ товарища Черкасскаго, т.-е. князя Пожарскаго, и, пріѣхавъ въ Ржеву Володимирову, „не хотѣлъ взять списковъ“ (своего полку). Государь велѣлъ посадить Шаховского въ тюрьму.

Разосланные по областямъ сборщики очень медленно, со всѣми обычными проволочками, собирали нѣтчиковъ и высылали ихъ на службу. Воеводы жаловались въ Москву, что назначенные въ ихъ полки помѣщики такого-то уѣзда по такое-то число (наприм. по 13 декабря) въ Ржеву или въ Можайскъ еще не бывали. Изъ Москвы посылается въ этотъ уѣздъ боярскій приговоръ сборщику: по обвиненію въ посулахъ и за мѣшкотные сборы его присуждали посадить въ тюрьму на нѣсколько дней; на его счетъ посылали нарочнаго изъ жильцовъ и приказывали съ собранными помѣщиками идти къ Москвѣ „безъ всякаго мотчанья, днемъ и ночью, не мѣшкая нигдѣ ни часу“. Тѣхъ дѣтей боярскихъ, которые убѣгутъ съ дороги, велѣно, сыскавъ, за ихъ воровство бить кнутомъ по торгамъ и потомъ отсылать на службу. Сборщики въ свою очередь отписываютъ, что они успѣли собрать столько-то десятковъ нѣтчиковъ и за поруками съ такимъ то головою послали ихъ на службу, а за остальными нѣтчиками посылаютъ „безпрестанно“; но тѣ государева указу не слушаютъ и на службу не идутъ. А нѣкоторые нѣтчики посланныхъ за ними отставныхъ дѣтей боярскихъ, пушкарей и разсыльныхъ прямо подвергаютъ побоямъ. Были и такіе буяны, какъ, напримѣръ, въ Галицкомъ уѣздѣ нѣкій Ѳедоръ Быковскій: къ четыремъ посыльнымъ людямъ онъ вышелъ изъ своего двора съ топоромъ въ рукахъ; жестоко ихъ обругалъ и сталъ травить собаками. Всѣ эти нѣтчики большею частію оказывались тѣ именно служилые люди, которые бѣжали отъ Шеина изъ-подъ Смоленска. Трудно было уговорить ихъ идти на выручку того же Шеина; хотя правительство наказывало увѣщевать ихъ, чтобы „памятуя Бога и истинную нашу христіанскую вѣру и государево крестное цѣлованье и жалѣя свою братью, которая стоитъ подъ Смоленскомъ“, шли на службу. Въ противномъ случаѣ грозило, что они „чужды будутъ милости Божіей и нашея православныя христіанскія вѣры, и государю, и всему Московскому государству

будутъ измѣнники, изъ списковъ будутъ выкинуты и въ дворянехъ и въ дѣтехъ боярскихъ имъ не быть". Стараясь болѣе всего затронуть православную струну, къ этому извѣстію прибавляли, что „король Владиславъ и Польскіе и Литовскіе люди хотятъ церкви Божіи разорить и святую нашу истинную православную христіанскую вѣру превратить, въ свою проклятую въ папежскую вѣру привести".

Въ особенности уклонялись отъ службы помѣщики южныхъ украинныхъ областей, ссылаясь на то, что Татары помѣстья ихъ и вотчины разорили, ихъ женъ и дѣтей и крестьянъ въ полонъ побрали и имъ на службу „подняться нечѣмъ". Употреблялись также усилія поворотить на службу, въ полки Черкасскаго и Пожарскаго, неиспомѣщенныхъ или кормовыхъ дѣтей боярскихъ, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые ушли изъ-подъ Смоленска и скопились преимущественно въ Рославскомъ уѣздѣ, съ разными атаманами. Государь посылалъ сказать имъ похвалу за прежнюю службу, побранить за уходъ и увѣщевать, чтобы они „отъ своего самовольства отстали и шли на его государеву службу къ боярамъ и воеводамъ ко князю Д. М. Черкасскому, да ко князю Д. М. Пожарскому". Любопытно однако, что посланному къ нимъ для увѣщанія дворянину дается такой наказъ: если атаманы начнутъ просить, чтобы бывшимъ съ ними крѣпостнымъ бояръ и пашеннымъ крестьянамъ „ради нынѣшней службы свободу учинить", то отвѣчать, что „о такихъ людяхъ государю невѣдомо и о томъ государева указу съ нимъ нѣтъ". Ясно, что правительство или собственно Боярская Дума даже и въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ не хотѣла дозволить какого-либо изъятія изъ крѣпостного права, въ то время все болѣе входившаго въ силу. Во всякомъ случаѣ увѣщанія повидимому не остались безплодны, и по крайней мѣрѣ часть бѣглыхъ ратныхъ людей воротилась на службу. Въ ихъ числѣ встрѣчаемъ и атамана Чертопруда: въ январѣ съ этимъ атаманомъ отправлены казачьимъ сотнямъ одно дорогильное знамя и десять киндяшныхъ.

Въ началѣ января 1634 года Черкасскій и Пожарскій доносили изъ Можайска, что при нихъ ратныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ всего только 357 человѣкъ. Изъ Калуги около того же времени Куракинъ и Волконскій извѣщаютъ, что у нихъ всего пѣшихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, съ пищалями, около 1.400 человѣкъ. Государь

послалъ имъ 300 пудовъ зелья и 600 свинцу на ямскихъ подводахъ, приказавъ класть на подводу по 20 пудовъ. Кромѣ того послано туда же 17 знаменъ для сотенъ, изъ нихъ семь тафтяныхъ, а десять киндяшныхъ разноцвѣтныхъ. Послѣ разоренія Дорогобужа Калуга сдѣлалась главнымъ опорнымъ пунктомъ въ этой войнѣ съ Владиславомъ: туда направляются теперь обозы съ боевыми запасами и съ денежной казной для жалованья ратнымъ людямъ. Что касается третьяго сборнаго пункта, Ржевы Володимеровы, тамъ этотъ сборъ подвигался впередъ еще медленнѣе. Князья Одоевской и Шаховской въ январѣ шлютъ въ Москву донесеніе, что назначенные къ нимъ на службу Костромичи, дворяне и дѣти боярскіе, въ Ржеву еще не бывали, а между тѣмъ литовскіе люди уже стоятъ въ Ржевскомъ уѣздѣ. Тогда изъ Москвы отправленъ князю Семену Масальскому, костромскому сборщику, выговоръ за то, что онъ съ Костромичами стоитъ долго въ Твери, идетъ мѣшкотно и государевымъ дѣломъ не радѣетъ. Ему предписывается спѣшить въ Ржеву, принимая всѣ мѣры предосторожности противъ литовскихъ людей, а кто изъ нѣтчиковъ дорогою побѣжитъ въ Кострому, то пусть они знаютъ напередъ, что въ Костромѣ ихъ велятъ *перевѣшать* (сомнительное слово въ изданіи акта). Въ другомъ царскомъ наказѣ, по поводу раздачи жалованья, мы встрѣчаемъ такую угрозу: кто изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ (назначенныхъ къ Черкасскому и Пожарскому) возьметъ государево денежное жалованье, а на службу не пойдетъ или со службы сбѣжитъ, у того отобрать помѣстья и вотчины и отдать ихъ тѣмъ, которые „будутъ на государевой службѣ безъ съѣзду".

Въ виду крайней медленности ратнаго сбора безплоднымъ является повторительный царскій указъ отъ 30 декабря 1633 года князьямъ Черкасскому и Пожарскому, чтобы они шли изъ Можайска въ Вязьму, изъ Вязьмы къ Дорогобужу, оттуда подъ Смоленскъ, а другіе воеводы изъ Ржевы и Калуги шли бы къ нимъ на соединеніе. При семъ подробно распредѣлялись между ними служилые люди изъ разныхъ областей. Одоевскій и Куракинъ, по обычаю, должны были соединиться съ княземъ Черкасскимъ, а ихъ товарищи, Шаховской и Волконскій, съ его товарищемъ, т.-е. съ княземъ Пожарскимъ. Особымъ воеводою надъ нарядомъ и всѣми пушечными запасами назначался Θедоръ Лызловъ. Воеводамъ поручалось „пришедъ подъ Смоленскъ принять" у М. Б. Шеина съ товарищи, во-первыхъ, церковь Ризы Господней и крестъ съ мощами, послан-

ный изъ Москвы блаженной памяти патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, потомъ списки дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, иноземцамъ, нѣмецкимъ офицерамъ, русскимъ солдатамъ, рейтарамъ, казакамъ и стрѣльцамъ, нарядъ и всякіе запасы и всякія государевы дѣла, пересмотрѣть всѣхъ на лицо и пр. Итакъ, Московское правительство хватилось смѣнять Шеина, когда уже не было возможности до него добраться! Въ дѣйствительности, Черкасскій съ Пожарскимъ и въ январѣ, и въ февралѣ 1634 года все еще не двигались изъ Можайска, а другіе воеводы изъ Ржевы и Калуги, несмотря на новыя царскія грамоты, побуждавшія ихъ выступить немедля подъ Смоленскъ и М. Б. Шеину съ товарищи „помочь учинить вскорѣ“.

Одновременно съ усиліями Московскаго правительства собрать новую рать для продолженія войны съ Польшею, идутъ и чрезвычайныя мѣры для сбора необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Въ Москвѣ, повидимому, въ теченіе этой войны, не распускался созванный ранѣе Земскій Соборъ. По указу Государя, онъ имѣлъ засѣданіе 29 января въ Столовой избѣ. На Соборѣ присутствовали три митрополита, шесть архіереевъ, архимандриты, игумны, думные чины, стольники, дворяне, приказные люди, гости, торговцы гостинной, суконной и черныхъ сотенъ. Собору (думнымъ дьякомъ) прочтена была длинная рѣчь, излагавшая поводы къ войнѣ, первоначальные наши успѣхи и наконецъ обложеніе Шеина королемъ, который съ польскими и литовскими людьми хочетъ идти въ Московское государство, чтобы „истинную нашу православную христіанскую вѣру превратить въ свою еретическую проклятую въ папежскую вѣру“. Собранная въ предыдущемъ году по приговору государей и Земской Думы, казна роздана ратнымъ людямъ. Но вопреки соборному уложенію, гости и торговые люди на Москвѣ и въ другихъ городахъ, давали пятую деньгу несоразмѣрно со своими промыслами и животами; такъ что въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, тотчасъ послѣ Московскаго разоренія, на войну съ королемъ Сигизмундомъ было собрано больше денежной казны, чѣмъ теперь, когда Московское государство уже многое время провело въ покоѣ и тишинѣ. А потому нужно вновь произвести пятинный сборъ съ гостей и торговыхъ людей, а духовныя власти, бояре, дворяне и приказные люди пусть опять дадутъ деньги, сколько „кому мочно“. Соборъ утвердилъ это рѣшеніе. Для сбора денегъ назначена была новая комиссія, подъ именемъ „Приказа денежнаго сбора“.

Въ сей приказъ вошли: бояринъ князь Б. М. Лыковъ, окольничій Коробьинъ, чудовской архимандритъ Өеодосій, дьяки Невѣровъ и Петровъ. Этой комиссіи данъ былъ царскій наказъ (отъ 18 февраля), какъ она должна посылать за сборомъ денегъ къ архіереямъ, игуменамъ, монастырямъ, боярамъ, окольничимъ, дьякамъ, приказнымъ людямъ на Москвѣ и по городамъ; а для сбора пятинныхъ денегъ съ торговыхъ людей по всему государству гости, гостинная и черныя сотни должны были выбрать изъ своей среды окладчиками „добрыхъ людей" и привести ихъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ „окладывать вправду по животомъ и по промысломъ". А послѣ, когда окладчики составятъ „сказки", особые люди будутъ посланы Государемъ взимать по этимъ сказкамъ пятую деньгу „вправду безъ всякія хитрости". Судя по такой процедурѣ, сей новый сборъ „запросныхъ и пятинныхъ денегъ" едва ли успѣлъ осуществиться до окончанія Польской войны, и во всякомъ случаѣ не принесъ никакой пользы для своей прямой цѣли, т.-е. для освобожденія Шеиновой рати.

Итакъ, Московское правительство употребляло всѣ мѣры собрать новую рать и денежную казну для нея, а Царь посылалъ воеводамъ указы соединиться и спѣшить подъ Смоленскъ на выручку Шеина; но никто изъ нихъ не двигался къ нему на помощь, и всѣ продолжали сидѣть въ своихъ сборныхъ пунктахъ. Черкасскій съ Пожарскимъ все еще стояли въ Можайскѣ. Естественно поэтому является обвиненіе ихъ въ умышленномъ нерадѣніи и предположеніе вообще какой-то интриги со стороны бояръ, которые будто бы мстили Шеину за его оскорбительныя для нихъ слова при отпускѣ въ походъ и совсѣмъ не желали выручать его изъ бѣды.

Но такія обвиненія и подозрѣнія, еслибы даже справедливы были отчасти, не могутъ вполнѣ объяснить дѣло. Пожарскаго, по всѣмъ даннымъ, слѣдуетъ выгородить изъ отвѣтственности, потому что второй воевода былъ подчиненъ первому, и могъ играть видную роль только при начальникѣ добродушномъ и нечестолюбивомъ (какъ это иногда встрѣчалось прежде); не таковъ былъ Мамстрюковичъ, самолюбивый, неподатливый, „тяжелаго нрава". Но и его бездѣйствіе истекало не изъ одного личнаго характера или нерасположенія къ Шеину. Мы видѣли, съ какою медленностію и въ какомъ маломъ числѣ собирались ратные люди; а эту медленность въ свою очередь нельзя приписывать боярской интригѣ. Помимо вообще мѣшкотной процедуры московскихъ сборовъ, тутъ дѣйствовали нрав-

ственныя причины. Нѣкоторое одушевленіе, проявленное служилыми людьми въ началѣ войны, совершенно исчезло вслѣдствіе наступившихъ неудачъ, главнымъ виновникомъ которыхъ былъ Шеинъ; очевидно, не интрига боярская ему мѣшала, а вызванныя имъ къ себѣ нелюбовь и недовѣріе; кому же была охота спѣшить на помощь старому и неисправимому самодуру. Большая часть новой рати составлялась все изъ тѣхъ же людей, которые уже служили подъ начальствомъ Шеина и толпами отъ него бѣжали. Они имѣли право думать, что такого воеводу не спасешь, а только самъ погибнешь. Узнали его теперь и тѣ бояре, которыхъ назначили подъ Смоленскъ къ нему на выручку. И возможно, что они представляли себѣ такой оборотъ дѣла: положимъ, дойдемъ до Смоленска; тутъ Владиславъ всѣми своими силами обрушится на русскую помощь, а Шеинъ будетъ равнодушно смотрѣть изъ своего табора на пораженіе этой помощи, и не двинется съ мѣста или вышлетъ ничтожный отрядъ. Образъ его дѣйствія, конечно, въ то время былъ уже достаточно извѣстенъ, благодаря многочисленнымъ бѣглецамъ, которые не только не скрывали правды, а въ свое оправданіе могли и преувеличивать, если только возможно было преувеличить что-нибудь въ недостойномъ поведеніи Шеина.

Затѣмъ отвѣтомъ на обвиненія могутъ служить цифры. Въ теченіе войны съ Поляками, какъ говорятъ современники, выставлено было всего до 100.000 человѣкъ; положимъ, это число преувеличенное, и возьмемъ 80.000. Изъ нихъ половина, т.-е. не менѣе 40.000, и притомъ отборная отправлена подъ Смоленскъ (принимая въ разсчетъ подкрѣпленія). Сюда входили иноземцы и полки иноземнаго строя, въ количествѣ отъ 16 до 17 тысячъ солдатъ и рейтаръ (десять полковъ пѣшихъ и одинъ конный). Но Шеинъ сумѣлъ растратить эти силы безъ пользы для дѣла. Да и теперь въ его обозѣ скучено было около 20.000, оставшихся отъ этой отборной рати. А у Черкасскаго съ Пожарскимъ, какъ мы видѣли, царскаго дворового войска, несмотря на всѣ мѣры, собралось въ Можайскѣ едва три сотни съ половиною. Хотя это была гвардія хорошо вооруженная, но неособенно привычная къ бою, къ перенесенію военныхъ трудовъ и лишеній. Вмѣстѣ съ другими притомъ отнюдь не отборными ратными людьми (большею частію даточными крестьянами отъ монастырей), по наиболѣе достовѣрнымъ даннымъ, у этихъ воеводъ всего на всего собралось отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ; да въ Дорогобужѣ находилось тысячи двѣ. Еслибы имъ удалось соединиться

съ Одоевскимъ и Куракинымъ, то, можетъ быть, у нихъ набралось бы для похода до 10.000. Но съ такимъ, сравнительно, небольшимъ войскомъ трудно было выступить подъ Смоленскъ; ибо непріятели не дремали и отнюдь не предоставляли имъ свободу дѣйствія; а наоборотъ, вынуждали сообразоваться со своими дѣйствіями. Король, конечно, зналъ о собиравшейся въ Можайскѣ новой рати, назначавшейся на выручку Шеина, а потому 22 ноября отрядилъ польнаго гетмана Казановскаго и Александра Гонсѣвскаго. Они стояли въ Семлевѣ, не далеко отъ Вязьмы, загородили дорогу къ Смоленску и сторожили русскихъ воеводъ, находившихся въ Можайскѣ. Конные разъѣзды ихъ, предводимые поручиками Левицкимъ и Стефаномъ Чарнецкимъ, доходили почти до Можайска. Захваченные при этомъ плѣнные Поляки показывали, что у Казановскаго и Гонсѣвскаго до 5.000 польскаго войска и до 3.000 Запорожцевъ. Можетъ быть, въ дѣйствительности у нихъ было нѣсколько меньше. Во всякомъ случаѣ Черкасскому и Пожарскому предстояло разбить ихъ отрядъ прежде, нежели добраться до окрестностей Смоленска. А разбить ихъ въ открытомъ полѣ было не легко съ тѣми силами, которыя имѣлись подъ руками. Плѣнные и лазутчики доносили, что, кромѣ названнаго отряда, на Украйнѣ собирались войска Поляковъ и Запорожцевъ для вторженія въ Сѣверщину, подъ начальствомъ князей Іереміи Вишневецкаго и Жеславскаго. Конечно, энергичный, предпріимчивый воевода могъ бы все - таки сдѣлать что - либо для диверсіи или развлеченія польскихъ войскъ подъ Смоленскомъ вмѣсто того, чтобы сидѣть въ Можайскѣ и чего - то ожидать. Но таковымъ воеводою не былъ Мамстрюковичъ Черкасскій. Такъ онъ и просидѣлъ здѣсь до самого окончанія войны, несмотря на всѣ присылаемыя изъ Москвы увѣщанія, чтобы онъ „съ товарищи, прося у Бога милости, со всѣми ратными людьми, съ нарядомъ и запасами шелъ къ Вязьмѣ, Дорогобужу и Смоленску и надъ Польскимъ королемъ промышлялъ“.

Межъ тѣмъ, подъ Смоленскомъ послѣ боя 9 октября наступило относительное затишье. Продолжалось только съ обѣихъ сторонъ копаніе шанцевъ и артиллерійское дѣло, т.-е. бросаніе бомбъ и другихъ снарядовъ. Король изъ большого редута съ Жаворонковой горы бросалъ огненные шары или такъ наз. кароагенскіе карбункулы въ станъ самого Шеина, чтобы зажечь его. Но снѣгъ мѣшалъ ихъ дѣйствію. А изъ русскаго лагеря ядра большого наряда иногда достигали до ставки самого короля и причиняли вообще значительный уронъ непріятелю.

Шеинъ не одинъ разъ посылалъ трубача къ непріятельскому стану съ предложеніемъ объ уборкѣ труповъ и размѣнѣ плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался вступить въ переговоры о перемиріи. Но, мѣняясь плѣнными, король и гетманъ Радивилъ уклончиво отвѣчали на вопросы о перемиріи, и продолжали со всѣхъ сторонъ стѣснять русскую рать вновь воздвигаемыми засѣками, острожками, ретраншаментами, батареями. Мало-по-малу ей были отрѣзаны всѣ пути отступленія и всѣ способы добывать какіе-либо припасы въ окрестностяхъ. Дождливая осень смѣнилась суровою зимою; Русскіе терпѣли всякія лишенія въ своихъ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ; заболѣвали и умирали въ большомъ количествѣ. Особенно стала свирѣпствовать цынга. Чувствительнѣе всего въ это время оказался недостатокъ топлива, и вотъ цѣлые отряды или дѣлали открытыя вылазки для его добычи, или отправлялись тайкомъ по ночамъ; но часто попадали на непріятельскіе караулы и засады, вступали въ бой и много труповъ оставляли на мѣстѣ. Благодаря многимъ перебѣжчикамъ изъ русскаго стана, особенно иноземцамъ, непріятели не только хорошо знали все, что происходило въ этомъ станѣ, но и заранѣе узнавали о готовившейся вылазкѣ или ночномъ предпріятіи и, конечно, принимали свои мѣры. Такъ, въ началѣ декабря, разъ ночью большая партія скрытно вышла изъ русскаго лагеря для рубки дровъ; но рано по утру, возвращаясь назадъ, она встрѣтила польскія хоругви, поставленныя въ засаду и предводимыя самимъ гетманомъ Радивиломъ. Въ происшедшемъ неравномъ бою Русскіе потеряли до 500 убитыми и до 150 плѣнными. Когда совершился этотъ погромъ, въ русскомъ станѣ, на глазахъ у Шеина разыгралась драма. Лесли сталъ упрекать Сандерсона въ измѣнѣ, говоря, что это онъ далъ знать непріятелю о предстоявшей вылазкѣ за дровами. „Ты лжешь!“ — закричалъ Сандерсонъ; въ отвѣтъ Лесли выхватилъ пистолетъ и, выстрѣливъ прямо въ лобъ англичанину, положилъ его на мѣстѣ. Люди того и другого подняли крики и едва дѣло не дошло до кровавой свалки. Это убійство осталось неразъясненнымъ и безнаказаннымъ: Лесли, какъ старшій изъ иноземныхъ полковниковъ, начальствовавшій двумя полками (нѣмецкимъ и русскимъ), не захотѣлъ подчиниться суду Шеина. Очевидно, авторитетъ послѣдняго былъ уже сильно подорванъ; но скорѣе удивительнымъ является то, что его авторитетъ еще до нѣкоторой степени сохранялся не только въ русской части арміи, но и въ иноземномъ ея составѣ. Армія продолжала таять отъ болѣзней, смертности и

побѣговъ; но оставалась въ своемъ тѣсномъ обложеніи и стоически переносила тяжкія лишенія и страданія.

При всемъ бездѣйствіи и явной военной неспособности, Шеинъ продолжалъ держать себя гордо и ревниво относился къ своей власти главнокомандующаго; напримѣръ, совѣтовъ иноземныхъ полковниковъ онъ не слушалъ, приставленныхъ къ нему двухъ дьяковъ, Дурова и Карпова, содержалъ въ полномъ у себя подчиненіи, обращался съ ними сурово и презрительно; имѣлъ шишей или шпіоновъ (главный изъ нихъ Ананьинъ), которые доносили ему обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ его лагеряхъ, и всѣми мѣрами преслѣдовалъ своихъ хулителей, громко ихъ бранилъ и даже билъ кнутомъ. Но не видно, чтобы онъ преслѣдовалъ тѣхъ, которые хулили вообще русскую рать и заводили непозволительныя сношенія съ непріятелями. Товарищъ Шеина, Измайловъ, изъ подражанія и послушанія старшему воеводѣ предававшійся такому же бездѣйствію и отсутствію на полѣ битвы, имѣлъ при себѣ двухъ сыновей, Василія и Семена, которые вели себя не только зазорно, но и почти измѣннически. Такъ они заводили личныя сношенія съ нѣкоторыми непріятельскими начальниками, дарили ихъ и принимали отъ нихъ подарки. Напримѣръ, Семенъ послалъ молодому Казановскому съ себя саадакъ; а Василій съѣзжался съ Захарьяшемъ Заруцкимъ и Мадалинскимъ, съ нѣкоторыми русскими измѣнниками и перебѣжчиками; принималъ ихъ къ себѣ въ станъ, пировалъ съ ними и оставлялъ иногда ихъ ночевать у себя; причемъ говорились разныя непристойныя рѣчи. Особенно невоздерженъ былъ на языкъ Василій Измайловъ: онъ отзывался въ томъ смыслѣ, что гдѣ же „противъ такого великаго монарха, какъ Литовскій король, нашему московскому плюгавству биться“. А когда пришло извѣстіе о кончинѣ патріарха Филарета Никитича, то Василій, по выраженію оффиціальнаго документа, говорилъ о немъ такія „непригожія слова, что и написать нельзя“. Сыновья воеводы находили себѣ угодниковъ и подражателей; такъ стрѣлецкій голова Гаврила Бакинъ повторялъ рѣчи Василія Измайлова о высокихъ качествахъ Литовскаго короля и „плюгавствѣ“ русскихъ ратныхъ людей. Вотъ чѣмъ старались объяснять свои постыдныя пораженія приближенные Шеина и его прислужники! А онъ на такое зазорное ихъ поведеніе и на такія рѣчи смотрѣлъ сквозь пальцы. Когда наступилъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нѣкоторые начальники стали торговать ими и продавать по высокой цѣнѣ, думая только о личной наживѣ и забывая государеву службу. При такихъ об-

стоятельствахъ удивительно не то, что въ русскомъ войскѣ дисциплина пошатнулась, нерѣдко происходили брань, ссоры и драки, а то, что еще держалась какая-нибудь дисциплина и рать не обращалась въ простую толпу.

Говоря о бѣдственномъ, безвыходномъ положенiи русской армiи, однако не должно думать, что польское войско въ это время находилось въ довольствѣ и что оно много превосходило русскихъ ратныхъ людей дисциплиною и боевыми качествами.

Во-первыхъ, численность его отъ битвъ, болѣзней и частыхъ побѣговъ также значительно уменьшилась, а послѣ отдѣленiя Казановскаго съ Гонсѣвскимъ, Литовская армiя, осаждавшая Русскую, едва ли заключала въ себѣ болѣе 12.000. По недостатку денежныхъ средствъ, жалованье по обыкновенiю уплачивалось небольшими частями или совсѣмъ не уплачивалось. Вслѣдствiе разоренiя окрестной страны, дурно устроенной доставки провiанта и мародерства, войско терпѣло большую нужду и почти голодало; лошади падали отъ безкормицы и число конныхъ людей сократилось до крайности. Вмѣстѣ съ относительнымъ бездѣйствiемъ, вокругъ короля возобновились интриги и всякаго рода соперничество вельможъ за влiянiе, за староства и другiя блага; причемъ одинъ другому старались подставить ногу; а пока оба гетмана оставались въ лагерѣ, вражда между ними ожесточилась до того, что они едва не вышли на поединокъ другъ съ другомъ. Слабость дисциплины отражалась на караульной службѣ; она отбывалась такъ небрежно, что русскiя мелкiя партiи могли пробираться изъ лагеря въ окрестности для добычи припасовъ и нерѣдко въ цѣлости возвращаться назадъ. Только благодаря подобнымъ непорядкамъ, армiя Шеина могла выдерживать такую долгую блокаду. А когда настали морозы, непрiятели, несмотря на обилiе окрестныхъ лѣсовъ, также сильно страдали отъ стужи; бывали даже случаи замерзанiя значительнаго количества людей, стоявшихъ на стражѣ. Межъ тѣмъ какъ Шеиновы клевреты отзывались о русскихъ ратныхъ людяхъ какъ о плюгавствѣ, въ отзывахъ польскихъ мы встрѣчаемъ такое мнѣнiе: „Непрiятель (т.-е. Русскiе) имѣетъ надъ нами преимущество не только порядкомъ и всею готовностiю, но и мѣстоположенiемъ и укрѣпленiями своими; кавелерiи нашей негдѣ развернуться по причинѣ горъ, лѣсной чащи и болотъ; а пѣхота у него и лучше нашей, и вдвое многочисленнѣе“.

Слѣдовательно превосходство Польско-Литовской армiи такимъ образомъ заключалось въ предводительствѣ. Противъ мужественнаго и дѣятельнаго короля стоялъ бездѣятельный и неспособный воевода.

Шеинъ нѣсколько разъ пытался завязать переговоры о перемиріи съ непріятелемъ и, пока возможно было сноситься съ Москвою, посылалъ туда свои донесенія. Такъ въ концѣ октября отправленъ былъ одинъ иноземецъ, лейтенантъ Петръ Хенеманъ, съ донесеніемъ и со многими письмами къ боярамъ. Его сопровождало до 40 всадниковъ. Съ Дѣвичьей горы, которая находилась еще въ рукахъ Москвитянъ, онъ направился къ крѣпости Бѣлой—единственнымъ возможнымъ тогда путемъ. Однако онъ недалеко уѣхалъ и былъ перехваченъ непріятелемъ, который изъ отнятыхъ писемъ узналъ разныя подробности о стѣсненномъ положеніи и тяжкихъ лишеніяхъ Русской арміи. Хлѣба было еще довольно, а во всемъ другомъ уже наступила крайняя нужда; мяса, сѣна, овса, пива и водки уже совсѣмъ не было; заразныя болѣзни и водянка все усиливались, и смертность была большая. Поэтому Шеинъ выражалъ надежду на скорое прибытіе обѣщанной помощи, т.-е. Черкаскаго и Пожарскаго съ 20.000 (!) войскомъ. (Мѣсяца черезъ два вѣрный Хенеманъ за попытку бѣжать обратно въ русскій станъ былъ казненъ и голова его воткнута на шесть). Шеинъ однако успѣлъ какимъ-то способомъ въ первой половинѣ ноября донести Государю, будто сами польскіе военачальники предлагали размѣняться плѣнными и заключить перемиріе съ условіемъ отступить русскому войску въ Московскіе предѣлы, а королю въ Польшу. Въ Москвѣ приняли это донесеніе за правду, и гонцомъ подъ Смоленскъ былъ отправленъ царскій псарь Сычевъ съ грамотою, въ которой дозволялось Шеину заключить перемиріе подъ означеннымъ условіемъ. Но въ это время обложеніе было уже такое тѣсное, что Сычевъ не могъ пробраться въ русскій лагерь и воротился. Тогда отправили другого гонца, дворянина Огибалова; причемъ тайный наказъ Шеину зашитъ былъ въ сапоги гонца; а для проѣзда черезъ королевскій станъ съ нимъ отпущено нѣсколько Поляковъ въ обмѣнъ на такое же количество Русскихъ. Но между Вязьмою и Дорогобужемъ Огибаловъ былъ схваченъ Поляками, подвергся тщательному обыску, и тайный наказъ попалъ въ ихъ руки. Огибалова отпустили назадъ, а вслѣдъ за нимъ въ началѣ января пріѣхалъ въ Москву смоленскій писарь Николай Воронецъ посланникомъ отъ польско-литовскихъ вельможъ къ московскимъ думнымъ боярамъ. Онъ привезъ обширную грамоту, въ которой повторялись жалобы на вѣроломное поведеніе Москвичей, начиная съ избранія царемъ королевича Владислава, указывалась несправедливо начатая ими война, виновникомъ которой выставлялся покойный митрополитъ

Филаретъ; далѣе отрицалось предложеніе перемирія со стороны Поляковъ, о которомъ ложно доносилъ Шеинъ, какъ это узнали они изъ тайной грамоты, отнятой у Огибалова. А въ заключеніе предлагалось отправить уполномоченныхъ на рѣчку Поляновку для мирныхъ переговоровъ. Но истинная цѣль посольства Воронца конечно состояла въ томъ, чтобы разузнать положеніе дѣлъ въ Москвѣ и насколько былъ проченъ на престолѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Полякамъ все еще мерещилось возобновленіе Смутнаго времени. Боярская дума, обсудивъ польскую грамоту, составила также обширный отвѣтъ съ опроверженіемъ всѣхъ обвиненій и отправила съ нимъ въ концѣ января подъ Смоленскъ дворянина Горихвостова и подъячаго Пятаго Спиридонова. При этомъ бояре жаловались на насиліе, учиненное гонцу Огибалову; извѣщали, что уполномоченные для мирныхъ переговоровъ уже назначены государемъ, и требовали, чтобы король предварительно дозволилъ Шеину отступить въ Московскіе предѣлы со всѣми людьми и военными снарядами.

Посланецъ польско-литовскихъ сенаторовъ, Воронецъ прибылъ подъ Смоленскъ и доносилъ, что въ Москвѣ онъ нашелъ великое расположеніе къ миру и принимаемъ былъ вездѣ съ большимъ почетомъ, такъ что и посольство свое отправлялъ сидя, что для гонцовъ тамъ вещь необыкновенная. Кормили и поили его до отвалу, а на отпускѣ бояре черезъ приставовъ прислали ему добрый поминокъ. Они просили передать панамъ—радѣ, чтобы тѣ наводили короля на заключеніе мира, и что ихъ Царь приневоленъ былъ къ войнѣ отцомъ своимъ покойнымъ патріархомъ Филаретомъ (причемъ разсказывали посланцу приведенную выше сцену между отцомъ и сыномъ). Теперь же, когда патріарха не стало и Михаилъ царствуетъ на всей своей волѣ, онъ хочетъ прекратить всякое кровопролитіе, падающее на душу его родителя. Воронецъ прибавлялъ, что въ Москвѣ слышалъ такую молву: патріархъ скончался ровно черезъ годъ въ тотъ самый день, въ который Московское войско перешло Литовскій рубежъ.

Московскіе посланцы, Горихвостовъ съ Пятымъ Спиридоновымъ, на пути къ Смоленску были умышленно (по порученію короля) задержаны Казановскимъ и Гонсѣвскимъ подъ предлогомъ прочтенія имѣвшейся у нихъ боярской грамоты. Казановскій и Гонсѣвскій, какъ извѣстно, стояли тогда въ острожкѣ недалеко отъ Вязьмы; отсюда они въ разныя стороны посылали партіи для грабежа и опустошеній. Только въ половинѣ февраля посланцы прибыли въ королевскій

лагерь подъ Смоленскъ, но единственно для того, чтобы присутствовать при заключительномъ актѣ Смоленской эпопеи.

Послѣдніе полтора мѣсяца были только медленною агоніей для нашей арміи, стѣсненной и запертой со всѣхъ сторонъ. По прежнему русскія партіи выходили изъ лагерей для рубки дровъ и продолжали терять много людей въ этихъ вылазкахъ. Томимыя голодомъ, такія партіи иногда, пользуясь ночною темнотой или оврагами и кустарниками, устраивали засады для транспортовъ, отправляемыхъ изъ Смоленска въ польско-литовскіе лагери. Хотя и съ потерею нѣкоторыхъ товарищей, смѣльчакамъ нерѣдко удавалось перехватить эти транспорты и возвращаться съ добычею съѣстныхъ припасовъ. Такія вылазки конечно заставили непріятеля удвоить предосторожности. Король велѣлъ для транспортовъ устроить дорогу, обставленную съ обѣихъ сторонъ засѣками или сваленными деревьями, и поставить на этой дорогѣ два укрѣпленія съ гарнизонами, зорко слѣдившими за ея безопасностью.

Съ своей стороны непріятели вздумали перехватить коней, которыхъ московскіе люди водили на водопой, и полковникъ Поттеръ устроилъ для нихъ засаду около Днѣпровскаго берега. Но передъ тѣмъ одинъ французъ-реформатъ изъ полка Вейера перебѣжалъ въ русскій лагерь, и убѣдилъ Шеина воспользоваться безпечностію нѣкоторыхъ близъ стоявшихъ литовскихъ отрядовъ, чтобы внезапно на разсвѣтѣ напасть на нихъ, перейдя Днѣпръ по толстому льду. При этомъ движеніи отрядъ натолкнулся на помянутую засаду полковника Поттера, которая обратилась въ бѣгство, думая, что этотъ отрядъ именно шелъ противъ нея. Въ свою очередь и Русскіе, полагая, что ихъ намѣреніе обнаружено, стремительно, съ криками бросились на непріятельскіе шанцы, будучи поддержаны пальбою изъ тяжелыхъ орудій. Но по всей непріятельской линіи поднялась тревога и также открылась сильная канонада. На Русскихъ ударили Запорожцы изъ ближняго своего лагеря. Съ батарей Жаворонковой горы начали бомбардировать лагерь Шеина. Послѣдній по своему обыкновенію не двинулся съ мѣста и не подкрѣпилъ высланный отрядъ, который и долженъ былъ безъ успѣха воротиться назадъ. Изъ сколько-нибудь значительныхъ дѣлъ въ эту послѣднюю эпоху обложенія, слѣдуетъ еще упомянуть нападеніе непріятелей на церковь св. Петра, превращенную въ крѣпостцу и входившую въ сферу Московскихъ линій; она стояла на лѣвомъ берегу Днѣпра почти насупротивъ Дѣвичьей горы, и связывалась съ главнымъ остро-

гомъ бивуаками вспомогательнаго Татарскаго отряда. Нападеніе произведено было ночью со стороны Смоленска подъ начальствомъ Даниловича, воеводы Русскаго (т.-е. Червонорусскаго). Онъ завладѣлъ церковью, разгромилъ и зажегъ Татарскій станъ; но по звону набата съ колокольни, на которую бросился русскій гарнизонъ этой крѣпостцы, изъ русскихъ остроговъ подоспѣла помощь; она выбила изъ церкви засѣвшую тамъ пѣхоту и драгунъ; непріятель съ большою потерею отступилъ.

Подобныя отдѣльныя стычки не могли имѣть вліяніе на ходъ событій. Русская армія продолжала таять отъ болѣзней и недостатка пищи. Ежедневно хоронили отъ 20 до 30 труповъ. Подговорныя грамоты, склонявшія иноземныхъ наемниковъ къ измѣнѣ, отчасти дѣйствовали: между низшими офицерами и простыми солдатами дезертирство все возрастало, особенно много переходило изъ полка убитаго Сандерсона. Внутри лагеря увеличивались раздоры и неповиновеніе; иноземные полковники почти перестали слушать Шеина; его товарищи воеводы входили съ нимъ въ препирательство. Такъ Прозоровскій предлагалъ взорвать орудія, набивъ ихъ порохомъ, взорвать склады пороха и затѣмъ силою пробиваться сквозь непріятеля; а Шеинъ, вѣрный своей пассивной системѣ обороны, кричалъ, что онъ не броситъ наряда и при немъ сложитъ свою голову! Но въ то же время онъ уже искалъ спасенія въ самостоятельныхъ переговорахъ о перемиріи. Эти переговоры должна была вести назначенная прежде комиссія для размѣна плѣнныхъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Съ русской стороны уполномоченными были дворяне Сухотинъ, Озерецкій и Лугвеневъ, иноземцы-полковники Лесли и Яковъ Карлъ, а съ польской покоевые дворяне Андрей Рей и Харлинскій, полковники Корфъ, Розенъ, Бутлеръ и др. Въ отвѣтъ на предложеніе о перемиріи, по королевскому порученію, гетманъ составилъ двѣ грамоты: одну къ Шеину, призывавшую его положить оружіе и сдаться на милость короля, другую къ иноземнымъ полковникамъ, приглашавшую ихъ немедленно перейти въ королевскую службу. Эти грамоты были посланы съ трубачомъ къ русскому лагерю. Московскіе воеводы сначала не соглашались, чтобы иноземные полковники вели отдѣльные отъ нихъ переговоры съ непріятелемъ и приняли отъ него грамоту, ссылаясь на примѣръ таковыхъ же наемниковъ въ польскомъ войскѣ; однако должны были уступить; но обѣ грамоты возвращены назадъ безъ отвѣта, какъ предлагавшія невозможныя условія. Тогда король велѣлъ перевезти

изъ Смоленска на Жаворонкову гору еще нѣсколько большихъ пушекъ и усиленно сталъ бомбардировать лагерь Шеина. Тотъ въ концѣ января возобновилъ переговоры о перемиріи. Комиссары обѣихъ сторонъ собрались на Жаворонковой горѣ въ ставкѣ Сигизмунда Радивила, родственника Литовскому гетману. Большое затрудненіе встрѣтилось со стороны титула Московскаго государя, котораго Поляки не хотѣли признать. Нѣсколько разъ переговоры готовы были прерваться вслѣдствіе слишкомъ тяжелыхъ условій, предлагаемыхъ Поляками. Но тогда возобновлялась бомбардировка съ Жаворонковой горы, усиливались съ разныхъ сторонъ нечаянныя нападенія на осажденныхъ, державшія ихъ въ постоянной тревогѣ и крайнемъ утомленіи; голодъ и смертность все возрастали; дисциплина все падала, и многіе ратные люди громко требовали перемирія.

Наконецъ Шеинъ и его товарищи, 16 февраля въ Воскресеніе на масляницѣ, заключили слѣдующія условія:

Ратные московскіе люди и наемные иноземцы могутъ свободно выйти изъ своихъ таборовъ и отступить въ Московское государство съ холоднымъ оружіемъ и съ мушкетами, при небольшомъ количествѣ зарядовъ. Но всякому изъ нихъ вольно вступить въ службу Польско-Литовскаго короля. Вся артиллерія со всѣми снарядами и все вооруженіе умершихъ людей выдаются въ цѣлости королевскимъ комиссарамъ; имъ сдаются и всѣ таборы, шанцы и острожки также безъ всякой умышленной порчи. Тѣмъ иноземнымъ офицерамъ и солдатамъ, которые вступятъ въ королевскую службу, должны быть возвращены ихъ жены, дѣти и всякое движимое имущество. Всѣ перебѣжчики изъ польско-литовскихъ войскъ должны быть выданы, а всѣ плѣнные освобождены. Больные остаются въ таборахъ до выздоровленія или до присылки за ними подводъ. Выходящіе изъ таборовъ ратные люди обязываются не воевать противъ короля въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ общемъ нельзя сказать, чтобы эти условія были очень жестоки, если взять въ расчетъ обстоятельства. Русская армія, имѣя во главѣ такого начальника, какъ Шеинъ, могла быть просто забрана въ плѣнъ безъ всякихъ условій, еслибы блокада продлилась еще нѣсколько времени, и король поступилъ довольно снисходительно, отпуская ее съ оружіемъ и нѣкоторымъ имуществомъ.

Въ слѣдующіе дни польскіе военачальники прежде всего отобрали русскіе шанцы на Дѣвичьей горѣ и вообще на правой сторонѣ

Днѣпра; потомъ уполномоченные явились въ Шеиновъ острогъ, и здѣсь въ Судной или Разрядной избѣ принимали присягу и подписи отъ Шеина, Прозоровскаго и Измайлова, а больной князь Бѣлосѣльскій присягалъ въ своей землянкѣ. Затѣмъ польскіе комиссары переписывали и приводили въ извѣстность русскую артиллерію, снаряды и прочее оружіе, какъ въ большомъ острогѣ, такъ и въ солдатскихъ полкахъ. Всѣхъ пушекъ или пищалей большого и средняго калибра оказалось около 120. Изъ нихъ семь такъ наз. „верховыхъ“ или мортиръ, у которыхъ ядро вѣситъ отъ 2 до 6 пудовъ. Собственно изъ пушекъ самая большая называлась Единорогъ, у которой ядра вѣсили немного менѣе двухъ пудовъ; за ней слѣдовала Пасынокъ съ ядрами въ пудъ 15 фунтовъ (по донесенію Шеина, „запасъ разстрѣлялся“), потомъ Волкъ, ядро въ пудъ („въ устьѣ и у шеи раздуло“); далѣе, постепенно уменьшаясь въ калибрѣ, шли Кречетъ, Ахиллесъ, Грановитая пищаль, Коваль, Стрѣла, Вепрь, нѣсколько голландскихъ пищалей, пищали „полуторныя“ (въ полторы сажени длиною), „долгія“, „короткія“ и проч., кончая полковою пищалью съ ядромъ въ одинъ фунтъ. При этомъ нарядѣ оставался еще запасъ ядеръ разнаго калибра около 3.200, а пороху пушечнаго 270 пудовъ и ружейнаго 283 пуда; далѣе 2.767 пудовъ свинцу, мѣдныя формы для литья мушкетныхъ пуль, 117 пудовъ фитилю; 47.000 аршинъ холста и 375 пудовъ поскони; отъ умершихъ и больныхъ людей оставалось болѣе 4.000 солдатскихъ мушкетовъ, большею частью порченыхъ, болѣе сотни стрѣлецкихъ самопаловъ, около 3.000 шпагъ, нѣсколько тысячъ копій, 1.020 бандолетовъ (родъ карабиновъ), до 80 цѣлыхъ латъ, 517 латъ съ полами, 1.054 латы безъ полъ, 3.281 шапокъ желѣзныхъ цѣлыхъ и 1.317 порченыхъ, нѣкоторое количество протазановъ, алебардъ и т. п.

Русской арміи король позволилъ взять съ собой 12 небольшихъ пушекъ и на каждую по четыре фунта пороху. Но на другой день послѣ заключенія условій Шеинъ былъ въ литовскомъ лагерѣ у гетмана Радивила на обѣдѣ, и тутъ подарилъ ему эти 12 пушекъ въ благодарность за его ходатайство передъ королемъ о свободномъ отпускѣ русскаго войска въ Москву, а гетманъ поднесъ ему какіе-то подарки съ своей стороны. Впослѣдствіи воевода оправдывался тѣмъ, что эти пушки не на чѣмъ было бы везти. Затѣмъ переписано было количество ратныхъ людей, которые отпускались изъ таборовъ въ Московское государство. По донесенію Шеина, дворянъ и дѣтей боярскихъ оказалось слишкомъ 2.600 человѣкъ; казаковъ, татаръ,

стрѣльцовъ, пушкарей и потребныхъ при войскѣ мастеровыхъ слишкомъ 1.600 человѣкъ; урядниковъ и солдатъ шести русскихъ полковъ иноземнаго строя, рейтаръ, драгунъ, иноземцевъ стараго выѣзду 4.700. Но урядниковъ и солдатъ четырехъ нѣмецкихъ полковъ Шеину не удалось привести въ извѣстность; въ январѣ мѣсяцѣ, по росписямъ полковниковъ, ихъ было 2.140 человѣкъ; а передъ выступленіемъ изъ таборовъ большая ихъ часть перешла на службу къ польскому королю, да нѣсколько сотъ осталось въ таборахъ; по польскимъ извѣстіямъ, въ Московской рати западныхъ иноземцевъ насчитывалось теперь не болѣе 800; причемъ никто изъ ихъ полковниковъ не перешелъ къ королю. Всего съ Шеиномъ выступило изъ-подъ Смоленска 8.056 конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей, кромѣ того, нѣкоторое количество торговцевъ, боярской и дворянской челяди и прочихъ нестроевыхъ людей. А подъ Смоленскомъ осталось всякаго рода больныхъ болѣе 2.000; для нихъ оставлено 60 четвертей муки, сухарей, крупы и толокна; 355 больнымъ Нѣмцамъ дано на кормъ около 500 руб. Отсюда мы видимъ, что еще въ январѣ у Шеина было до 12.000 порядочнаго войска и масса боевыхъ запасовъ, и какъ легко могъ бы энергичный предводитель пробиться сквозь непріятеля, который имѣлъ почти равное количество войска, но притомъ разсѣяннаго по круговой линіи обложенія. А Шеинъ, малодушно ожидавшій спасенія извнѣ, теперь повелъ въ Москву жалкіе остатки своей большой отборной арміи; да и эти остатки продолжали таять, теряя по дорогѣ отъ тяжкихъ лишеній многихъ больныхъ и умирающихъ людей.

Въ среду на первой недѣли великаго поста, 19 февраля 1634 г., послѣ слишкомъ четырнадцатимѣсячнаго сидѣнья подъ Смоленскомъ, остатки русской арміи выступили изъ своихъ таборовъ на Дорогобужскую или Московскую дорогу. Они должны были проходить между станомъ Запорожцевъ и острожкомъ полковника Арцишевскаго, расположеннымъ у самаго Днѣпровскаго берега. Тутъ по обѣ стороны дороги выстроилось польско-литовское войско. По лѣвую сторону ея, т.-е. ближе къ Днѣпру, верхомъ на богато убранномъ конѣ стоялъ король съ королевичемъ Яномъ Казимиромъ и панами радою, подъ охраною двухъ гусарскихъ хоругвей. Среди непріятелей находились и московскіе посланцы Горихвостовъ съ Пятымъ Спиридоновымъ; имъ пришлось быть зрителями унизительныхъ церемоній, которымъ подверглось уходившее русское войско, въ силу заключенныхъ условій.

Около трехъ часовъ показались русскіе полки. По словамъ одного Поляка очевидца, это было „красивое и вмѣстѣ трогательное зрѣлище". Русскіе шли унылые, тихо, безъ военной музыки, безъ боя въ барабаны и бубны, со свернутыми знаменами и потушенными фитилями. Впереди ѣхали сѣдовласые и сѣдобородые старцы воеводы, Шеинъ, князь Прозоровскій, Измайловъ; больного князя Бѣлосельскаго везли въ саняхъ. Воеводы остановились, сошли съ коней и пропустили мимо себя сотни боярскихъ дѣтей; къ ногамъ короля положили девять ихъ знаменъ. За ними слѣдовалъ рейтарскій полкъ Карла Деэберта; но онъ уже потерялъ своихъ коней и шелъ пѣшій; его 15 знаменъ корнеты или прапорщики также положили къ ногамъ короля. Спустя нѣсколько минутъ, король позволилъ поднять ихъ и нести при своихъ частяхъ. Шеинъ съ товарищами приблизились къ королю и поклонились ему до земли. Тутъ литовскій гетманъ Радивилъ, возвыся голосъ, сказалъ имъ небольшую рѣчь, смыслъ которой заключался въ томъ, что они должны молить Бога за короля, милосердію котораго обязаны своимъ спасеніемъ отъ конечной погибели. Воеводы отвѣчали благодарностію и снова били челомъ до земли. Потомъ, поклонившись въ третій разъ, сѣли на коней и продолжали путь. Слѣдовавшій за ними полковникъ Карлъ Деэбертъ, французскій дворянинъ, не ограничиваясь низкимъ поклономъ, поцѣловалъ у короля руку. Потомъ шелъ отрядъ полковника Фукса съ шестью знаменами, которые также были положены на землю; за болѣзнію самого полковника, обрядъ поклоновъ и цѣлованія руки исполнили его оберстъ-лейтенантъ и майоръ. Далѣе шелъ остатокъ полка Тобіаша - Унзина (передъ тѣмъ умершаго) съ восемью знаменами, имѣя во главѣ подполковника или оберстъ-лейтенанта. Потомъ опять отрядъ боярскихъ дѣтей собственнаго Шеинова полка съ восемью знаменами; потерявъ всѣхъ лошадей, они шли пѣшіе, вооруженные самопалами и бандолетами. Далѣе шли Донцы, также пѣшіе, за ними стрѣльцы. Потомъ слѣдовали полковники изъ нѣмцевъ, фламандцевъ и шотландцевъ, именно Матисонъ, Фандамъ, Валентинъ Росформъ, Яковъ Карлъ, Вильямъ Китъ, каждый съ восемью ротными знаменами. Пока знамена лежали на землѣ, всякій изъ нихъ, низко поклонившись королю, цѣловалъ его руку. Шотландецъ Китъ прежде состоялъ въ королевской службѣ; Владиславъ напомнилъ ему о томъ и прибавилъ, что еслибы онъ былъ постояннѣе, то находился бы теперь не между побѣжденными, а среди побѣдителей. Отрядъ Сандерсона также положилъ на землю

свои 8 знаменъ; онъ везъ съ собою тѣло убитаго полковника. Послѣднимъ изъ иноземныхъ полковниковъ шелъ самый старшій изъ нихъ Лесли съ остаткомъ своихъ двухъ полковъ, одного нѣмецкаго, другого русскаго. Гордый шотландецъ, положивъ свои 16 знаменъ, также какъ и другіе смиренно исполнилъ обрядъ поклоновъ и цѣлованія королевской руки. Въ хвостѣ войска шли двѣ конныя сотни, одна дѣтей боярскихъ, подъ начальствомъ Ляпунова, а другая казацкая. Всего въ русскомъ войскѣ оставалось не болѣе 700 конниковъ. За войскомъ слѣдовала жалкая толпа оборванныхъ, изнуренныхъ нестроевыхъ людей, а также женщинъ и дѣтей; причемъ, по недостатку лошадей, даже матери благороднаго званія несли на рукахъ своихъ младенцевъ, испуская тяжелые вздохи и обливаясь слезами, по замѣчанію одного современника поляка.

Отошедши немного, русская рать остановилась на ночлегъ, и только на слѣдующій день, 20 февраля, собственно двинулась въ путь въ сопровожденіи польскаго конвоя, который состоялъ изъ рейтарскихъ и казацкихъ хоругвей въ числѣ 5.000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ пана Мочарскаго. По условіямъ, русское войско должно было миновать Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ, а идти прямо въ Москву. Дошедши до мѣста расположенія гетмана короннаго Казановскаго, за Дорогобужемъ, конвою предписано соединиться съ гетманомъ, а далѣе до столицы должны были провожать другія хоругви.

Того же 20 февраля, король со своею свитою слушалъ въ палаткѣ торжественное молебствіе и вмѣстѣ съ братомъ Казимиромъ весело подпѣвалъ Te Deum laudamus. Въ лагерѣ и въ городѣ это торжество сопровождалось пальбою изъ пушекъ. Послѣ молебствія канцлеръ коронный епископъ хельмскій Яковъ Жадикъ отъ имени короля благодарилъ вождей и войско, и одушевлялъ ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Ему отвѣчалъ пространною рѣчью гетманъ Радивилъ; онъ исчислялъ доблести и заслуги короля и отъ имени войска обѣщалъ до конца оставаться твердыми въ предстоящихъ трудахъ.

На слѣдующій день Владиславъ, окруженный сенаторами, полковниками и многочисленною военною свитою, осматривалъ русскіе острожки и шанцы. Тутъ вновь удивлялись они искусству, съ которымъ были выведены земляныя укрѣпленія по западно - европейскимъ образцамъ, и, смотря на обиліе боевыхъ снарядовъ и всякаго оружія, представляли себѣ всю трудность одолѣть подобныя укрѣпленія,

еслибы пришлось брать ихъ штурмомъ. Большой московскій нарядъ поражалъ ихъ своими размѣрами; особенно великолѣпною показалась имъ пушка Единорогъ. Добыча, найденная въ русскихъ лагеряхъ, была такъ огромна, что сами Поляки опредѣляли ея стоимость въ милліонъ талеровъ, изъ которыхъ на долю одной артиллеріи причиталось 300.000.

Воспитанные на классической исторіи и литературѣ, Поляки современники, говоря о сдачѣ Шеина и униженіи Русскихъ, не преминули вспоминать о Кавдинскихъ ущеліяхъ и приводить цитаты изъ древнихъ поэтовъ; а подвиги Владислава напоминали имъ Александра Македонскаго, Аннибала, Цезаря и другихъ великихъ полководцевъ.

Большую часть московскихъ пушекъ Владиславъ приказалъ по рѣкамъ сплавить въ Гродну, въ которой строилъ тогда сильную крѣпость. (Нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются теперь въ Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ: Шведами онѣ были отбиты у Поляковъ, а Петромъ Великимъ у Шведовъ). Король милостиво обошелся съ больными Москвитянами, остававшимися въ лагерѣ; онъ велѣлъ ихъ кормить и лѣчить. А трупы тѣхъ, которые умерли по уходѣ Шеина, велѣлъ сложить вмѣстѣ, насыпать надъ ними высокій курганъ и на верху его воздвигнуть каменный столбъ съ надписью, гласящей о его побѣдѣ подъ Смоленскомъ. Столбъ сей не сохранился; зато сохранились 16 мѣдныхъ досокъ съ гравированными на нихъ изображеніями плана Смоленска и его окрестностей, разныхъ сценъ изъ его осады, а также обложенія и сдачи русской арміи. Эти доски король на память потомству заказалъ вырѣзать своему придворному рѣзчику (Гондіусу), который и окончилъ заказъ черезъ два года, т.-е. въ 1636 г., въ Данцигѣ. Получилась большая и очень сложная гравюра: такъ какъ на одномъ и томъ же пространствѣ изображены разные моменты осады Смоленска Шеинымъ и осады Шеина Владиславомъ. Однѣ сцены изображены довольно ясными фигурами, а другія столь мелкими, что требуютъ вооруженнаго глаза. Къ послѣднимъ относятся, напримѣръ, картины изъ времяпровожденія солдатскихъ полковъ, расположенныхъ въ земляныхъ укрѣпленіяхъ у самыхъ стѣнъ Смоленска. Тутъ виднѣются группы, то какъ бы занимающіяся играми, то окружающія висѣлицу, на которой собираются кого-то вѣшать (извѣстно, что дисциплина между грубыми, буйными наемниками поддерживалась самыми суровыми мѣрами и даже казнями, право на которыя иноземные пол-

ковники заранѣе выговаривали себѣ въ своемъ договорѣ съ Московскимъ правительствомъ). Далѣе, два воина скрестили свои шпаги, неизвѣстно, для поединка или для фехтованія; а неподалеку отъ нихъ третій воинъ мирно удитъ рыбу въ прудѣ. Подобныя картины наглядно указываютъ на продолжительное бездѣйствіе Шеина. Затѣмъ наиболѣе изобразительны: бомбардированіе стѣнъ и башенъ изъ большого московскаго наряда, королевскій штурмъ Покровской горы (съ его же запряженной въ шестерню каретой), кавалерійскій бой Деэбертовыхъ рейтаръ съ польскими гусарами, русская канонада Жаворонковой горы 9 октября и наконецъ сцена преклоненія русскихъ знаменъ предъ королемъ. На нижнемъ краю гравюры, подлѣ карты Польши-Литвы, портреты Владислава и Яна Казимира: первый имѣетъ полную, добродушную физіономію, а второй тонкія, красивыя черты. Не отсутствуютъ и картины изъ лагернаго быта Поляко Литовцевъ, напримѣръ, маркитанка съ корзиною, полною хлѣба. Не забытъ даже легендарный человѣкъ - кустъ, т.-е. польскій посланецъ, будто бы одѣвшійся кустомъ и пробравшійся сквозь русскія линіи по лѣсистой мѣстности въ Смоленскъ съ вѣстью о скорой помощи. Эта гравюра представляетъ вообще драгоцѣнныя данныя по изображенію костюмовъ и вооруженія того времени; между прочимъ, видимъ пресловутыхъ гусаръ съ ихъ длинными копьями и въ парадѣ съ крыльями, а въ бою безъ крыльевъ.

Только когда были подписаны условія съ Шеинымъ, наканунѣ его выступленія изъ таборовъ, король принялъ въ торжественной аудіенціи русскихъ посланцевъ, Горихвостова и Пятаго Спиридонова, предложившихъ немедленно тутъ же подъ Смоленскомъ начать переговоры о заключеніи вѣчнаго мира. Король черезъ коронпаго канцлера епископа Жадика отвѣчалъ, что онъ также желаетъ мира и назначитъ время и мѣсто переговоровъ. Спустя недѣлю, посланцевъ отпустили, опредѣливъ срокомъ для начала переговоровъ 5 апрѣля, а мѣстомъ ихъ тѣ же берега Поляновки, гдѣ происходилъ размѣнъ плѣнныхъ въ 1619 г. Главными уполномоченными для этихъ переговоровъ съ польской стороны были назначены: канцлеръ Жадикъ, польный литовскій гетманъ Радивилъ, польный коронный гетманъ Казановскій, воевода смоленскій Гонсѣвскій, каштелянъ (или панъ) каменецкій Песочинскій, секретарь короля Рейі и литовскій референдарій ксендзъ Трызна.

Но до заключенія мира Владиславъ думалъ не ограничиться

однимъ Смоленскимъ торжествомъ, а совершить еще другія побѣды и завоеванія. Прежде чѣмъ углубиться въ Московское государство, онъ рѣшилъ взять обратно крѣпость Бѣлую, которая оставалась бы у него въ тылу. Часть войска, подъ начальствомъ Песочинскаго, онъ отрядилъ къ Дорогобужу на помощь гетману Казановскому, а съ остальными полками и хоругвями въ началѣ марта съ береговъ верхняго Днѣпра двинулся къ верховьямъ Западной Двины, т.-е. подъ Бѣлую, расположенную на рѣкѣ Обжѣ (притокъ Межи, впадающій въ Двину). Впереди короля шелъ гетманъ Радивилъ. Съ большими трудностями двигалось войско во время наступившей весенней распутицы, постоянно задерживаемое отстававшими орудіями и обозами. Около двухъ недѣль прошло, пока непріятель успѣлъ расположить свои лагери подъ крѣпостью и приступить къ ея осадѣ. Король остановился въ ближнемъ Архангельскомъ монастырѣ. Тутъ обстоятельства оказались уже не тѣ, что подъ Смоленскомъ. Войско страдало отъ холода и голода; ибо окрестная страна была опустошена и всѣ оставшіеся съѣстные припасы русскій гарнизонъ забралъ къ себѣ. Мясо сдѣлалось рѣдкостью на столѣ самого короля. А главное, разсчетъ на упадокъ русскаго духа послѣ Шеиновой капитуляціи совсѣмъ не оправдался. Начальствовавшій здѣсь стольникъ князь Ѳедоръ Волконскій на предложеніе о сдачѣ не хотѣлъ и разговаривать. Численность гарнизона не достигала даже и одной тысячи человѣкъ; но на всѣ попытки завязать переговоры Московскіе люди отвѣчали, что они „сѣли на смерть“. Пришлось повести правильную осаду, т.-е. обложить городъ, копать шанцы, ставить батареи, подводить мины. Но Русскіе съ своей стороны повели самую активную, т.-е. дѣятельную, оборону. Поляки уже привыкли къ совершенно пассивной оборонѣ Шеина, и потому не соблюдали всѣхъ мѣръ осторожности; этимъ гарнизонъ воспользовался. Русскіе сдѣлали внезапную вылазку на шанцы полковника Вейера, прорвались сквозь стражу до самой его ставки и захватили восемь знаменъ, а затѣмъ быстро ушли назадъ. Поляки послѣ того вели себя осторожнѣе; но осажденные рѣдкій день не дѣлали вылазку и утомляли непріятеля постояннымъ напряженіемъ. Напрасно польскія пушки обстрѣливали крѣпость и зажигательными снарядами производили въ ней иногда пожары; Русскіе скоро ихъ тушили. Въ концѣ апрѣля, когда были готовы подкопы и заложены мины, непріятель открылъ усиленное бомбардированіе и приготовился къ рѣшительному приступу. Но взорванныя мины не тронули стѣнъ и

башенъ, а, обрушивъ только часть вала, засыпали землею и каменьями нѣсколько сотъ своихъ же солдатъ, потому что королевскіе инженеры невѣрно разсчитали подкопъ и не довели его до надлежащаго пункта. Осажденные продолжали свои частыя вылазки и не давали непріятелю никакого покоя.

Судьба какъ бы нарочно направила короля на Бѣлую, чтобы показать міру, на что способны Русскіе, когда у нихъ бодрый, энергичный предводитель, и чтобы объяснить ихъ бѣдствіе подъ Смоленскомъ не доблестью непріятеля, не „плюгавствомъ" Московскаго войска (какъ объясняли нѣкоторые негодяи), а прежде всего неспособностью и преступнымъ бездѣйствіемъ Шеина. Осада Бѣлой продолжалась уже два мѣсяца, когда король, оставивъ небольшую часть войска, съ остальнымъ пошелъ на соединеніе къ гетману Казановскому; онъ воспользовался предложеніемъ русскихъ комиссаровъ, которые ведя на Поляновкѣ мирные переговоры съ Поляками, предложили королю прекратить безполезное кровопролитіе; такъ какъ Бѣлая будетъ возвращена ему въ силу трактата.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ царь назначилъ большихъ пословъ для переговоровъ съ Поляками о мирѣ. Главнымъ уполномоченнымъ онъ выбралъ испытаннаго московскаго дипломата боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; по старому обычаю, для бóльшаго представительства ему приданъ титулъ намѣстника Псковскаго; а въ товарищи ему даны окольничій князь Алексѣй Мих. Львовъ съ титуломъ намѣстника Суздальскаго, дворянинъ Проѣстевъ, какъ намѣстникъ Шацкій, дьяки Нечаевъ и Прокофьевъ. Въ началѣ апрѣля послы въ сопровожденіи большой военной свиты, состоявшей изъ 500 человѣкъ стольниковъ, дворянъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ, пріѣхали въ Вязьму. А польскіе комиссары остановились въ главной квартирѣ Казановскаго, т.-е. въ селѣ Семлевѣ между Вязьмою и Дорогобужемъ, въ 15 верстахъ отъ Вязьмы. На старомъ московско-литовскомъ рубежѣ, на берегу рѣчки Поляновки, съ обѣихъ сторонъ были поставлены шатры, одинъ противъ другого; здѣсь собирались уполномоченные. Съѣздъ открылся только въ серединѣ апрѣля.

Сначала переговоры налаживались туго, вслѣдствіе непомѣрныхъ польскихъ требованій. Поляки снова поднимали вопросъ о присягѣ, принесенной Москвитянами Владиславу, какъ своему царю. Русскіе отвѣчали, что та присяга давно смыта многою кровью въ Московское разореніе. Поляки предложили устранить Михаила Ѳеодоровича и выбрать на престолъ другого изъ среды знатныхъ бояръ. О

такомъ дѣлѣ московскіе послы и разговаривать не хотѣли. За одинъ отказъ отъ Московскаго престола Поляки потребовали ежегодной уплаты по 100.000 рублей, и кромѣ того уплаты за военныя издержки. Москвичи назвали такія рѣчи „непригожими“. Тогда Поляки, кромѣ возвращенія всѣхъ городовъ, уступленныхъ по Деулинскому перемирію, потребовали прибавки нѣсколькихъ другихъ городовъ, все за освобожденіе Москвитянъ отъ присяги Владиславу. А московскіе послы уступали въ каждое засѣданіе по одному или по два города. Нѣсколько разъ Поляки съ шумомъ вставали и дѣлали видъ, что намѣрены прервать переговоры; но послѣдніе возобновлялись, благодаря дальнѣйшимъ уступкамъ со стороны русскихъ пословъ, которые начали предлагать и деньги. Они имѣли наказъ за признаніе царскаго титула и оставленіе за Москвой нѣкоторыхъ городовъ давать начиная съ 10.000 и далѣе, въ случаѣ крайности до 100.000 руб. Въ Семлево прибылъ самъ король, и сталъ принимать близкое участіе въ переговорахъ, хотя лично и не присутствовалъ на съѣздахъ, а скрытно сидѣлъ гдѣ-нибудь по сосѣдству или просто лежалъ на травѣ на берегу рѣки Поляновки. Посольскихъ засѣданій было болѣе 30. Наконецъ, во второй половинѣ мая; обѣ стороны пришли къ обоюдному соглашенію. Но только 3 іюня послѣдовала подпись Поляновскаго договора о вѣчномъ докончаніи между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою.

Въ силу этого договора Владиславъ навсегда отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ и даже обязался возвратить избирательную на его имя грамоту, вывезенную изъ Москвы Жолкевскимъ. Но за то Полякамъ возвращены были всѣ города, захваченные нами въ началѣ войны, кромѣ Серпейска съ уѣздомъ. Геройски защищаемая крѣпость Бѣлая также была возвращена. Въ теченіе года всѣ военно-плѣнные подлежали обоюдному размѣну. Кромѣ того, бояринъ Шереметевъ съ епископомъ Жадикомъ заключили тайную статью объ уплатѣ 20.000 рублей Владиславу за оставленіе въ нашемъ владѣніи Серпейска и за отказъ его отъ титула царя Московскаго. Сумма эта назначалась лично для короля, всегда нуждавшагося въ деньгахъ. Польскіе комиссары пытались включить въ договоръ обязательство имѣть съ Польшею общихъ враговъ, подданнымъ обѣихъ сторонъ свободно вступать въ бракъ, пріобрѣтать вотчины и помѣстья и ставить въ нихъ католическія церкви. Но русскіе уполномоченные такія обязательства отклонили. Тѣмъ не менѣе польскіе комиссары были довольны

заключеннымъ миромъ; подписаніе его праздновали угощеніемъ русскихъ пословъ, и память о немъ съ именами двухъ государей предлагали увѣковѣчить насыпкою двухъ кургановъ и постановкою на нихъ двухъ памятныхъ столбовъ съ надписями польскою и русскою. На сіе предложеніе Шереметевъ отвѣчалъ, что „въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось“ и что все это дѣло, совершившееся волею Божіей и повелѣніемъ великихъ государей, „написано будетъ въ посольскихъ книгахъ“.

Нельзя сказать, чтобы Русскіе уполномоченные достигли всего, чего могли достигнуть Поляновскимъ договоромъ. Владиславъ самъ находился тогда въ затруднительномъ положеніи и нуждался въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ Москвою. Съ юга Турецкій султанъ двигался къ предѣламъ Польши; на сѣверѣ истекалъ срокъ перемирія со Швеціей; войско роптало на неуплату жалованья; неудача подъ Бѣлой значительно ослабила впечатлѣнія Смоленскаго торжества. Покончивъ съ Шеинымъ, который столь долгое время камнемъ лежалъ на всѣхъ военныхъ операціяхъ, Москва могла теперь свободнѣе распоряжаться своими силами для продолженія войны. Но съ другой стороны преобладающимъ стремленіемъ здѣсь была жажда мира и отдыха послѣ такого страшнаго напряженія и такихъ неслыханныхъ потерь. Къ довершенію бѣдствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, т.-е. во время самыхъ переговоровъ, столицу вновь опустошилъ огромный пожаръ: выгорѣли половина Китая-города, значительная часть Бѣлаго и Земляного со многими церквами. Уныніе, произведенное этимъ опустошеніемъ, еще болѣе побуждало правительство къ уступкамъ ради скорѣйшаго прекращенія войны. Съ своей стороны Михаилъ Θеодоровичъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Рѣчь Посполитая наконецъ признала его Московскимъ царемъ, и слѣдовательно династія его упрочивалась. А потому русскихъ уполномоченныхъ по возвращеніи въ столицу ожидалъ самый благосклонный пріемъ. Въ 57 верстахъ отъ нея, въ селѣ Кубенскомъ, ихъ встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ, сказывалъ имъ милостивое государево слово и спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. 5 іюня Государь ихъ чествовалъ обѣдомъ у себя въ Столовой палатѣ. Передъ обѣдомъ князь Львовъ изъ окольничихъ былъ пожалованъ въ бояре, а Проѣстевъ въ думные дворяне. Послѣ обѣда посольскимъ дьякомъ Грамотинымъ за службу и радѣнье объявлены были царскія награды: Θ. И. Шереметеву пожалованы атласная шуба на соболяхъ, кубокъ, денежной придачи къ прежнему окладу 100 руб.,

да изъ черныхъ волостей вотчина съ крестьянами въ 1000 четей; князю Львову шуба, кубокъ, 80 руб. къ окладу и вотчина въ 800 четей; Проѣстеву шуба, кубокъ, 50 руб. къ денежному окладу и 100 четвертей къ помѣстному. Въ соотвѣтственномъ размѣрѣ награждены и дьяки Нечаевъ и Вас. Прокофьевъ. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій-Мериновъ за оборону Бѣлой былъ изъ стольниковъ пожалованъ въ окольничіе—награда сравнительно скромная. Впрочемъ, кромѣ того ему увеличили окладъ и прибавили 700 четвертей въ вотчину, да еще пожалованы шуба атласная и кубокъ.

Во время Поляновскихъ переговоровъ рѣшилась и участь пресловутаго воеводы боярина Шеина.

3 марта воротились въ Москву Горихвостовъ и Пятый Спиридоновъ и донесли Государю о перемиріи, заключенномъ Шеинымъ, и объ униженіи русской рати, свидѣтелями котораго они были сами. На слѣдующій день нѣкто Глѣбовъ былъ отправленъ на встрѣчу этой рати; причемъ онъ долженъ былъ объявить ратнымъ людямъ, русскимъ и нѣмецкимъ, что „ихъ служба, радѣніе, и нужда, и крѣпкостоятельство Государю и всему Московскому государству вѣдомы", а у Шеина съ товарищами взять списки всѣхъ условій перемирія, всего снаряду и оружія, отданнаго королю, и всѣхъ оставшихся ратныхъ людей, и эти списки тотчасъ привезти Государю. То было первымъ предвѣстіемъ кары, ожидавшей воеводу, и не могло не смутить его; хотя передъ выступленіемъ въ обратный походъ онъ бодрился и говорилъ, что много головъ падетъ прежде, чѣмъ доберутся до его собственной. Когда онъ прибылъ въ Москву, тамъ для допроса его съ товарищами уже была назначена особая комиссія, которую составили: князь Ив. Ив. Шуйскій, кн. Анд. Вас. Хилковъ, окольничій Вас. Ив. Стрѣшневъ, дьяки Бормосовъ и Дм. Прокофьевъ. Какъ эта комиссія допрашивала „взятыхъ за приставы" (т.-е. арестованныхъ) воеводъ, и что они показали въ своихъ распросныхъ рѣчахъ, а также что показали на нихъ многіе ратные люди, о томъ подлинныхъ актовъ пока не найдено. Имѣемъ передъ собою только конецъ розыска и судебный приговоръ. Впрочемъ, все поведеніе главныхъ воеводъ теперь, благодаря Разрядному архиву, настолько выяснилось, что ихъ собственныя показанія не могли бы измѣнить сущности дѣла въ глазахъ историка.

18 апрѣля, выслушавъ это дѣло, „Государь указалъ, а бояре приговорили": Михаила Шеина, да Артемья Измайлова съ его сыномъ Василіемъ, „за ихъ воровство и за измѣну, казнить смертію, а по-

мѣстья ихъ и вотчины, и дворы московскіе, и животы взять на государя"; сына Михайлова Ивана Шеина съ матерью, сестрою, женою и дѣтьми сослать въ Понизовые города; князей Прозоровскаго и Бѣлосельскаго сослать въ Сибирь, а ихъ женъ и дѣтей разослать по городамъ, отобрать на государя ихъ помѣстья, вотчины и животы (т.-е. движимое имущество); сына Артемьева, Семена Измайлова, бить кнутомъ и сослать съ женою и дѣтьми въ Сибирь; такому же наказанію подвергнуть Бакина и Ананьина; Сухотина и Озерецкаго (комиссаровъ при переговорахъ съ Поляками) посадить въ тюрьму до указу, а состоявшихъ при войскѣ дьяковъ Дурова и Карпова „отъ приставовъ освободить".

28 апрѣля бояре вмѣстѣ съ означенной комиссіей собрались у Приказа Сыскныхъ дѣлъ, и тутъ дьякъ Тихоновъ объявилъ троимъ осужденнымъ на смерть, что ихъ велѣно казнить, такъ какъ они Государю нерадѣли, измѣнили, цѣловали крестъ Литовскому королю, нарядъ и зелье отдали ему безъ государева указу. Князьямъ же Прозоровскому и Бѣлосельскому сказалъ, что они цѣловали королю крестъ вмѣстѣ съ Шеинымъ по записи, въ которой было только одно королевское имя, а „государскаго имяни не написано", и за то достойны смертной казни; но Государь, по просьбѣ царицы и своихъ чадъ, за прежнюю службу и за то, что по показанію ратныхъ людей, русскихъ и нѣмецкихъ, радѣнье Прозоровскаго было, но Шеинъ его „до большого промысла не допустилъ", а Бѣлосельскій былъ боленъ—отъ смертной казни ихъ освободилъ. Иванъ Шеинъ наказывался за преступленіе своего отца. Затѣмъ были высчитаны вины и остальнымъ осужденнымъ. Дьяки Дуровъ и Карповъ избавлены отъ наказанія потому, что Шеинъ держалъ ихъ въ неволѣ и ни въ чемъ не слушалъ. Послѣ того осужденныхъ на казнь, т.-е. Шеина и двухъ Измайловыхъ, отвели за городъ (изъ Кремля) на пожаръ (Красная площадь). Здѣсь у плахи передъ народной толпой дьякъ Дм. Прокофьевъ громко читалъ списокъ Судной грамоты, въ которой довольно подробно исчислялись ихъ вины: какъ Шеинъ велъ себя при отпускѣ на цѣлованьѣ руки Государя, какъ онъ медлилъ и терялъ время въ Можайскѣ и Дорогобужѣ, несмотря на многократныя понужденія отъ Государя и блаженной памяти Патріарха, какъ онъ съ Измайловымъ бездѣйствовалъ подъ Смоленскомъ и присылалъ оттуда ложныя донесенія о своихъ побѣдахъ, умалчивая объ успѣхахъ непріятеля, какъ вытребовалъ изъ Москвы большой нарядъ, а потомъ отдалъ его королю, отдалъ и 12 оставленныхъ ему

пушекъ, выдалъ королю 36 перебѣжчиковъ, вмѣстѣ съ нашими лазутчиками (изъ мѣстныхъ жителей), которыхъ всѣхъ король велѣлъ казнить злою смертію. Наконецъ, въ особую ему вину поставлено и то обстоятельство, что онъ, будучи въ литовскомъ плѣну, цѣловалъ Польскому королю крестъ на всей его волѣ, а когда воротился изъ плѣна, того Государю не объявилъ, и держалъ свою присягу въ тайнѣ, и будто въ силу этой присяги онъ подъ Смоленскомъ измѣнилъ Государю и радѣлъ Литовскому королю; оттого ни самъ никогда на бой съ нимъ не ходилъ, ни Измайлова не пускалъ.

Когда были исчислены вины („измѣна") троихъ осужденныхъ, ихъ тотчасъ „вершили" — всѣмъ троимъ отсѣкли головы. Сынъ Шеина Иванъ, пострадавшій за вину отца и отправленный въ ссылку, не доѣхалъ до нея и умеръ на дорогѣ; послѣ чего семья его возвращена въ Москву. Семенъ Прозоровскій съ семьей водворенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; Михаилъ Бѣлосельскій совсѣмъ оставленъ въ Москвѣ, такъ какъ лежалъ больной при смерти. У Артемія Измайлова былъ родной братъ Тимофей, который состоялъ на службѣ у Большой казны; его за измѣну брата сослали съ семьей въ Казань. Но въ томъ же 1634 году Семенъ Прозоровскій, Тимофей и Семенъ Измайловы были возвращены изъ ссылки въ Москву.

Только въ январѣ слѣдующаго 1635 года съ обѣихъ сторонъ отправлены въ столицы великіе послы для подтвержденія или ратификаціи Поляновскаго договора. Въ Москву прибыло польское посольство, имѣя во главѣ Александра Песочинскаго, писаря литовскаго Казиміра Сапѣгу и писаря короннаго Петра Вяжевича. Они предъявили нѣкоторыя дополнительныя условія, которыя большею частію были отклонены, напримѣръ, о свободномъ и обоюдномъ наймѣ ратныхъ людей и переходѣ изъ одной службы въ другую, о дозволеніи польскимъ купцамъ свободнаго проѣзда въ Персію, объ учиненіи равноцѣнной монеты въ обоихъ государствахъ и пр. Съ своей стороны бояре жаловались посламъ на затрудненія, чинимыя польскими комиссарами при размежеваніи пограничныхъ земель, и на то, что въ королевскихъ грамотахъ Михаилъ Θеодоровичемъ не былъ написанъ *братомъ*. Для этихъ дополнительныхъ переговоровъ назначены были Θ. И. Шереметевъ, Д. М. Пожарскій, Θ. Θ. Волконскій, думные дьяки Грамотинъ и Гавреневъ. Въ мартѣ Государь на торжественной аудіенціи присягою подтвердилъ договоръ и отпустилъ польскихъ пословъ послѣ роскошнаго пира. Во время этого пира онъ взялъ чашу съ медомъ, всталъ и молвилъ: „послы, Алек-

сандръ, Казиміръ и Петръ, піемъ чашу здравіе брата своего, государя вашего Владислава короля". Выпивъ здравіе, онъ велѣлъ чашнику князю Борису Рѣпнину подать посламъ золотыя братины съ пивомъ.

Межъ тѣмъ въ Варшавѣ пребывало московское посольство, имѣя во главѣ князя Алексѣя Мих. Львова, думнаго дворянина Проѣстева, дьяковъ Ѳеофилатьева и Переносова. Съ великимъ неудовольствіемъ узнало оно, что условленное въ договорѣ возвращеніе избирательной Владиславовой грамоты 1610 года не можетъ быть исполнено: польскіе сенаторы объявили, что грамоту нигдѣ не могли отыскать и стало быть она утеряна. Послы немедля чрезъ гонца извѣстили о томъ Государя. По присланному изъ Москвы наказу, наше посольство удовольствовалось тѣмъ, что король во время торжественной присяги на исполненіи договора присягнулъ и на потерѣ избирательной грамоты. За то намъ возвратили до 20 другихъ важныхъ документовъ изъ Смутнаго времени. Въ число нѣкоторыхъ дополнительныхъ пунктовъ внесено было дозволеніе польско-литовскимъ купцамъ пріѣзжать съ товарами въ Москву, гдѣ для нихъ долженъ быть построенъ особый дворъ. (Потомъ пояснили, что такое дозволеніе не распространяется на Жидовъ). Торжественное подтвержденіе королемъ договора сопровождалось пѣніемъ Te Deum и пушечною пальбою. Послы были приглашены къ королевскому обѣду, послѣ котораго смотрѣли „потѣху" или театральное зрѣлище „какъ приходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алаферну и какъ Юдифь спасла Іерусалимъ".

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Варшавы московскіе послы исполнили еще одно царское порученіе. Они обратились къ королю съ просьбою отпустить изъ Варшавы въ Москву тѣла Шуйскихъ: царя Василія, его брата Дмитрія и жены Дмитріевой. Несмотря на возникшія затрудненія, главные совѣтники короля, щедро одаренные собольими и лисьими мѣхами, уладили это дѣло. Три гроба, заключенные подъ каменнымъ поломъ небольшой каплицы, были оттуда вынуты; затѣмъ вложены въ новыя засмоленыя гробницы, покрытыя кусками атласу, бархату и камки, поставлены на дроги и отправлены въ Москву. Здѣсь тѣлу царя Василія сдѣлана торжественная встрѣча назначенными для того духовными лицами и боярами въ смирномъ платьѣ, при колокольномъ звонѣ. У входа въ Кремль его ожидалъ патріархъ Іоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а подлѣ Успенскаго храма самъ Государь съ думными и ближними людьми. На утро (11 іюня) совершено_его погребеніе въ Архангельскомъ соборѣ.

Несмотря на послѣдующія взаимныя посольства между Москвою и Варшавою, пограничное размежеваніе долго еще занимало оба правительства, причемъ Московское постоянно жаловалось на излишнія требованія и затрудненія, чинимыя польскими комиссарами (10).

Для историка предстоитъ вопросъ: справедливъ ли былъ смертный приговоръ, произнесенный надъ Шеинымъ и его товарищемъ?

Какъ ни прискорбна эта казнь, но надобно признаться, что она была бы справедлива не только для его, но и для нашего времени. Хотя бы прямой, сознательной измѣны тутъ не было, хотя бы главною виною была неспособность, за которую трудно судить человѣка; во всякомъ случаѣ явное нерадѣніе о государевѣ промыслѣ, крайнее бездѣйствіе и даже противодѣйствіе другимъ начальникамъ въ ихъ попыткахъ къ болѣе энергичному веденію войны, лживыя донесенія, тупое упрямство въ неисполненіи инструкціи и вообще высшихъ распоряженій—все это подлежитъ смертной казни, по военнымъ законамъ всѣхъ странъ и народовъ. А главное, если мы возьмемъ въ разсчетъ, какъ Шеинъ погубилъ даромъ большую, прекрасно вооруженную и обильно снабженную армію, какіе громадные убытки и земельныя потери причинилъ онъ государству, то предъ такими слѣдствіями его начальствованія трудно возбудить къ нему сожалѣніе. Конечно, прежде всего виноватъ тотъ, кто назначилъ подобнаго главнокомандующаго, не справившись тщательно съ его способностями, мыслями и чувствами, и эта вина, главнымъ образомъ, падаетъ на Филарета Никитича. Достойно также сожалѣнія, что самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ никакихъ воинственныхъ наклонностей: онъ не сѣлъ на коня и не явился лично во главѣ войска, подобно своему противнику королю Владиславу.

Въ нашей исторіографіи сложились мнѣнія, что главною виною бѣдственнаго исхода Смоленской эпопеи было плохое состояніе тогда нашего военнаго искусства, т.-е. его полная отсталость отъ западноевропейскаго, что наемъ нѣсколькихъ тысячъ иноземцевъ не принесъ намъ пользы, такъ какъ они будто бы не соблюдали дисциплины и часто измѣняли, а начальники ихъ не слушали главнокомандующаго и заводили ссоры между собою, и что Шеина кромѣ того погубили интриги его завистниковъ бояръ. Приписывали также большое вліяніе на исходъ войны нападенію Крымцевъ на южныя

предѣлы. Такія мнѣнія могли сложиться только по недостатку точнаго и подробнаго знакомства съ фактами. Ближайшее разсмотрѣніе сихъ фактовъ, подкрѣпленное нѣкоторыми новыми матеріалами, приводитъ насъ къ другимъ выводамъ.

Во-первыхъ, армія, выставленная Московскимъ правительствомъ для войны съ Польшею, превосходила польскую не только числомъ, но, повидимому, и качествомъ. Сами Поляки отзываются, что пѣхота русская была лучше ихъ пѣхоты. Тутъ разумѣются, конечно, солдатскіе полки, обученные иноземному строю: а такихъ русско-нѣмецкихъ полковъ было десять, численностью приблизительно въ 15.000 человѣкъ. Это регулярное ядро арміи въ хорошихъ рукахъ было бы достаточно, чтобы разгромить противника, у котораго ни дисциплина, ни военное искусство вообще не стояли тогда на гораздо высшей степени, чѣмъ у насъ. Онъ только превосходилъ насъ качествомъ своей гусарской конницы. Гусарскія хоругви или эскадроны (отъ 100 до 200 коней) представляли тяжело вооруженныхъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзныя латы и шлемы и дѣйствовавшихъ копьями въ 17 футовъ длины (почти двѣ съ половиной сажени). Только состоятельная шляхта могла служить въ этой коннницѣ: кромѣ дорогого вооруженія, она сидѣла на дорогихъ, сильныхъ коняхъ. Наши дѣти боярскіе, непріученные къ регулярному конному строю, вооруженные саблею и лукомъ, обыкновенно не выдерживали дружнаго удара гусарскихъ копій. Но у Шеина было небольшое количество регулярной кавалеріи, именно рейтарскій полкъ Карла Деэберта, числомъ почти въ 2.000 человѣкъ: мы видѣли, что онъ при случаѣ сражался молодецки, и въ хорошихъ рукахъ, конечно, послужилъ бы надежнымъ ядромъ для массы всей нашей конницы. Притомъ холмистая, лѣсистая, пересѣченная мѣстность вокругъ Смоленска была вообще неблагопріятна для открытыхъ конныхъ атакъ, и слѣдовательно пѣхота получала тамъ господствующее значеніе. Наконецъ наша великолѣпная артиллерія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельской. Какъ бывшій передъ войной начальникъ Пушкарскаго приказа, Шеинъ очевидно питалъ пристрастіе къ большому наряду и вытребовалъ его изъ Москвы, но воспользоваться имъ не умѣлъ.

Во-вторыхъ, нареканія на иноземцевъ не совсѣмъ справедливы, и не они виноваты въ нашемъ пораженіи. Иноземцы, кажется, довольно добросовѣстно исполняли свою службу, и во всякомъ случаѣ не хуже такихъ же наемниковъ, которые сражались противъ нихъ въ

рядахъ польскаго войска. (Тамъ мы встрѣчаемъ полковниковъ Вейера, Розена, Крейца, Вильсона, Поттера, Денгофа, Корфа́ и Бутлера). Дисциплина пошатнулась между ними только въ концѣ сидѣнья подъ Смоленскомъ, когда неспособность и неумѣлость Шеина сдѣлались для всѣхъ очевидными; тогда увеличилось и количество перебѣжчиковъ; но иноземцы-перебѣжчики были также изъ польскаго лагеря въ русскій. (Не забудемъ еще, что въ это время они служили сверхъ своего первоначальнаго срока и что жалованье до нихъ уже почти не доходило). Изъ полковниковъ иноземныхъ ни одинъ не измѣнилъ, и всѣ остались вѣрны своимъ обязательствамъ до конца. Можно только указать на Сандерсона, котораго Лесли обвинилъ въ измѣнѣ, и убилъ. На сей именно случай, оставшійся неразъясненнымъ, и только на одинъ этотъ случай обыкновенно ссылаются въ доказательство взаимныхъ ссоръ иноземцевъ и неповиновенія главнокомандующему. Но онъ произошелъ въ концѣ Шеинова сидѣнья, когда положеніе нашей арміи было уже безнадежно и безпорядки сдѣлались неизбѣжны. Въ донесеніяхъ Шеина мы не встрѣчаемъ никакихъ жалобъ на иноземныхъ полковниковъ; а судебный приговоръ подтверждаетъ, что онъ не только не слушалъ ихъ совѣтовъ, но и препятствовалъ имъ, когда они хотѣли дѣйствовать или „чинить государевъ промыселъ“, какъ тогда выражались. Слѣдовательно и съ этой стороны главная причина неудачи возводится все къ тому же предводительству. Напомнимъ дѣйствія пятитысячнаго наемнаго Шведскаго отряда въ царствованіе Шуйскаго. Пока во главѣ войска стоялъ его знаменитый племянникъ, Делагарди съ своимъ разноплеменнымъ отрядомъ помогалъ нашимъ побѣдамъ; а какъ только Скопинъ умеръ и главное начальство перешло въ руки неспособнаго Дмитрія Шуйскаго, подъ Клушинымъ этотъ отрядъ не только не спасъ отъ пораженія, напротивъ способствовалъ ему. Въ то время наемныя дружины еще дѣйствовали отдѣльно отъ русской рати. Теперь же онѣ составляли кадры смѣшанныхъ русско-иноземныхъ полковъ, обучавшихся иностранному строю. Такимъ образомъ наше военное искусство при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ находилось уже на переходной ступени отъ прежнихъ ополченій къ регулярной арміи Петра Великаго, т.-е. развивалось правильно, и въ это время оно у насъ совсѣмъ не было такъ плохо, какъ о немъ доселѣ думали нѣкоторые историческіе писатели. Послѣ же сей войны Московское правительство сдѣлало дальнѣйшій шагъ: оно отказалось отъ найма иноземныхъ сол-

дать въ значительномъ количествѣ, а стало ограничиваться собственно наемными инструкторами для образованія чисто русскаго регулярнаго войска.

Повторяю, главная причина бѣдствія подъ Смоленскомъ — это самъ Шеинъ, а слѣдовательно и тѣ, кто ввѣрилъ ему начальство. Не вполнѣ справедливо было бы въ данномъ случаѣ ссылаться на мѣстничество, часто препятствовавшее назначенію болѣе способныхъ предводителей. Еслибы захотѣли, напримѣръ, назначить главнымъ воеводою Пожарскаго, то царь и патріархъ могли бы это сдѣлать, выбравъ ему въ товарищи кого - либо изъ родовъ не самыхъ знатныхъ или могли бы сдѣлать его товарищемъ при воеводѣ болѣе знатномъ, но мягкаго характера, который бы его слушался (какъ-то не разъ бывало въ другихъ случаяхъ). Но, кажется, Филаретъ Никитичъ не желалъ еще болѣе выдвигать Пожарскаго: можетъ быть, онъ не хотѣлъ забыть его мимолетной кандидатуры при царскомъ избраніи. Впрочемъ, и помимо Пожарскаго, еслибы былъ назначенъ главнымъ воеводою любой изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ бояръ, только не Шеинъ, навѣрно нашъ Смоленскій походъ не окончился бы такъ бѣдственно и безславно.

Въ-третьихъ, существуетъ мнѣніе о какихъ-то боярскихъ интригахъ, мѣшавшихъ успѣхамъ Шеина и въ особенности его выручкѣ изъ-подъ Смоленска: это мнѣніе основано на однѣхъ произвольныхъ догадкахъ. Никакихъ интригъ такого рода въ дѣйствительности мы не видимъ и въ источникахъ никакихъ указаній на нихъ не находимъ. Напротивъ, довѣріе царя и патріарха къ Шеину продолжалось слишкомъ долго и глаза ихъ на его истинное поведеніе раскрылись слишкомъ поздо. Всѣ его требованія правительство обыкновенно исполняло или старалось исполнить; одна исторія съ доставкою большого наряда изъ Москвы подъ Смоленскъ ясно это доказываетъ. Его безконечныя жалобы на нѣтчиковъ и бѣглецовъ вызывали цѣлый рядъ мѣропріятій; но бояре не виноваты въ томъ, что служилые люди бѣжали изъ полковъ Шеина и не хотѣли къ нему возвращаться. А если его не выручили, то мы видѣли, какъ трудно было это сдѣлать съ тѣми малыми силами, которыя удалось собрать къ концу его позорнаго сидѣнья подъ Смоленскомъ, собрать преимущественно изъ тѣхъ же нѣтчиковъ и бѣглецовъ, которые ушли отъ того же Шеина. Если и проявилась вражда къ нему со стороны бояръ за его непомѣрную гордость и самовосхваленіе, то развѣ во время суда надъ нимъ и приговора. Но тогда военное

дѣло было уже кончено, и его позорное поведеніе уже вполнѣ выяснилось.

Что касается вліянія татарскаго набѣга на ходъ Смоленской осады, то это неблагопріятное вліяніе у насъ доселѣ слишкомъ преувеличивали: въ дѣйствительности оно было незначительно, какъ это видно теперь изъ первоисточниковъ, т.-е. изъ актовъ самого Разряда.

Защитники Шеина пытаются указывать нѣкоторые пункты его обвиненія, будто бы невыдерживающіе критики: напримѣръ, правительство съ одной стороны въ своихъ наказахъ поручало ему беречь отъ разграбленія съѣстные припасы въ окрестностяхъ Смоленска; а въ судномъ приговорѣ ставило ему въ вину, что онъ уберегъ ихъ для непріятеля. Но подобныя противорѣчія неважны и конечно не въ нихъ главная сила приговора. Дѣло въ томъ, что Шеинъ села, деревни и рыбные пруды Смоленскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ распредѣлилъ между собою, Измайловымъ и его сыновьями такимъ образомъ, чтобы крестьяне всякіе хлѣбные и рыбные запасы доставляли именно этимъ воеводамъ; а сіи послѣдніе дорогою цѣною продавали ихъ ратнымъ людямъ, Русскимъ и Нѣмцамъ. Итакъ, Шеинъ запятналъ еще себя низкимъ корыстолюбіемъ; причемъ, не позволяя своимъ отрядамъ ходить въ названные уѣзды за припасами и конскими кормами, онъ дѣйствительно уберегъ кое-что для непріятеля.

Тѣ же защитники ссылаются на распоряженія изъ Москвы, будто бы стѣснявшія Шеина, а также на постоянное одобреніе его дѣйствій правительствомъ. И эта защита не серьезна. Шеинъ именно отличился упрямствомъ и самовластными поступками; онъ менѣе всего стѣснялся распоряженіями свыше и прямо ихъ не слушалъ, если имъ не сочувствовалъ: такъ, онъ медлилъ походомъ и вездѣ задерживался, вопреки понужденіямъ изъ Москвы, въ отношеніи же польскаго лагеря подъ Краснымъ прямо поступалъ противъ даннаго ему наказа. А что патріархъ и царь ему довѣряли и присылали свое одобреніе его дѣйствіямъ, причиною были какъ его ложныя донесенія, такъ и понятная политика не огорчать, не смущать воеводу и въ лицѣ его поощрять вообще всѣхъ ратныхъ людей. Но правительство довѣряло ему слишкомъ долго, и въ этомъ оно несомнѣнно виновато: ибо изъ актовъ Разряда мы убѣждаемся, что почти все происходившее не только въ русскихъ войскахъ, но и въ непріятельскихъ дѣлалось извѣстнымъ Московскому правитель-

ству при посредствѣ многочисленныхъ гонцовъ, лазутчиковъ, плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и т. п., которыхъ тщательно распрашивали въ Разрядѣ и всѣ ихъ показанія записывали. Странно, что ни патріархъ, ни царь не пользовались этимъ источникомъ, чтобы знать постоянно истинное положеніе дѣлъ и своевременно принять свои мѣры и противъ непріятеля, и противъ самого Шеина, съ его лживыми донесеніями. Это обстоятельство, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что предполагаемые враги его, т.-е. бояре завистники, слишкомъ мало слѣдили за его поведеніемъ и не пользовались даннымъ источникомъ, чтобы вовремя раскрыть на него глаза.

Въ судебномъ приговорѣ еще ставится въ вину Шеину какая-то тайная присяга, данная во время его плѣна Сигизмунду III. Это пунктъ темный; самое существованіе такой присяги недоказано. Но, очевидно, долгое пребываніе въ Польшѣ повліяло разслабляющимъ или развращающимъ образомъ на его характеръ и патріотизмъ, и онъ вернулся оттуда уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ до своего плѣна: примѣры распущенности и надменности польскихъ вельможъ наложили на него свой отпечатокъ. Хотя бы съ его стороны и не было умышленной измѣны, но образъ его дѣйствій до того походилъ на измѣну, что многіе современники въ ней не сомнѣвались. Свой смертный приговоръ Шеинъ вполнѣ заслужилъ; такъ какъ его позорное поведеніе было главною виною несчастнаго исхода войны и гибели многочисленной, храброй, хорошо вооруженной и достаточно всѣмъ снабженной русской арміи.

Есть основаніе полагать, что и самый этотъ приговоръ совершился подъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, въ высшей степени возмущеннаго, когда, послѣ возвращенія остатковъ нашей арміи, всѣ подробности позорнаго поведенія воеводы сдѣлались извѣстны отъ многочисленныхъ и близкихъ свидѣтелей. (11).

X.

ЕДИНОВЛАСТІЕ ЦАРЯ МИХАИЛА.—СИБИРЬ.—АЗОВСКІЙ ВОПРОСЪ.

Вліятельные члены Боярской Думы.—Заботы о ратномъ дѣлѣ.—Засѣчныя линіи.—Военная колонизація на юговостокѣ.—Построеніе городовъ и острожковъ.—Земледѣльческая колонизація въ Сибири.—Развращеніе сибирскихъ нравовъ и первый архіепископъ.—Ясачныя партіи казаковъ и промышленниковъ.—Покореніе Восточной Сибири и построеніе тамъ городковъ.—Донцы.—Взятіе ими Азова и отраженіе Турокъ.—Азовскій вопросъ передъ Великою Земскою Думою.—Мнѣнія выборныхъ дворянъ и купцовъ.—Отказъ отъ Азова.—Московская волокита. — Царевъ кабакъ.—Развитіе крѣпостного права.—Наслѣдованіе вдовъ.—Дальнѣйшія противупожарныя мѣры.—Столичныя постройки.—Царская библіотека и печатное дѣло.—Книжная словесность и сочиненія о Смутной эпохѣ.—Начало заводско-фабричной промышленности.—Льготы торговымъ иноземцамъ.—Иновѣрческіе храмы въ Москвѣ.

Великая старица Марѳа, возложившая на себя должность игумены Кремлевской Воскресенской обители, скончалась въ 1631 г. и была погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ находилась семейная усыпальница Романовыхъ; а патріархъ Филаретъ отошелъ въ вѣчность, спустя два года, и былъ положенъ въ Успенскомъ соборѣ. Онъ заранѣе указалъ себѣ преемника, въ лицѣ псковскаго архіепископа Іоасафа, который происходилъ изъ боярскихъ дѣтей и свое иноческое поприще началъ въ Соловецкомъ монастырѣ. По изволенію царя, Іоасафъ и былъ посвященъ соборомъ русскихъ архіереевъ. Современный хронистъ свидѣтельствуетъ, что онъ нравомъ своимъ и житіемъ былъ добродѣтеленъ, „и ко царю не дерзновененъ“. Слѣдовательно, Іоасафъ понималъ исключительное положеніе своего предшественника и не думалъ изъявлять какія-либо притязанія на участіе въ государственномъ управленіи.

Михаилъ Ѳеодоровичъ остался наконецъ полнымъ, единовластнымъ государемъ, который безъ всякаго стѣсненія могъ теперь проявлять свою личную волю. И мы видимъ, что въ эту третью двѣнадцатилѣтнюю эпоху своего царствованія Михаилъ дѣйствительно является самовластнымъ правителемъ, и притомъ такимъ кормчимъ, который направляетъ государственный корабль, если не съ особымъ

искусствомъ и успѣхомъ, то и безъ особыхъ ошибокъ и промаховъ. Опираясь съ одной стороны на строгое самодержавіе, возстановленное и укрѣпленное по преимуществу трудами Филарета Никитича, но смягчая его суровость своимъ личнымъ характеромъ, а съ другой — на свою продолжительную правительственную опытность, Михаилъ въ эту сравнительно мирную эпоху успѣлъ въ значительной степени залѣчить глубокія раны, нанесенныя государству Смутнымъ временемъ и вновь растравленныя бѣдственнымъ исходомъ второй Польской войны.

Дѣла управленія сосредоточивались теперь по преимуществу въ рукахъ Боярской Думы, которая является болѣе чѣмъ когда - либо дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ совѣтомъ государевымъ. Во главѣ ея мы видимъ старыхъ опытныхъ сановниковъ и ближнихъ государю людей, каковы: Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, а затѣмъ Иванъ Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Андреевичъ Голицынъ. Дядя Государя, Иванъ Никитичъ Романовъ, прозванный *Каша,* жилъ еще около семи лѣтъ послѣ Филарета; но по своему характеру, а можетъ быть, по старости и болѣзненному состоянію, онъ за это время не выдается своимъ вліяніемъ. (Умеръ въ 1640 г., оставивъ сына Никиту). По кончинѣ родителя, Михаилъ Ѳеодоровичъ немедля вызвалъ изъ ссылки своихъ опальныхъ родственниковъ (по матери) Салтыковыхъ, Бориса и Михаила Михайловичей, и возвратилъ первому боярство, а второму окольничество. Но не видно, чтобы эти братья получили свое прежнее значеніе и вліяніе на дѣла; хотя и пользовались почетомъ и государевымъ расположеніемъ. Мы видимъ даже, что младшій изъ нихъ Михаилъ Салтыковъ только въ мартѣ 1641 года, т.-е. слишкомъ черезъ семь лѣтъ, возведенъ въ санъ боярина; тогда какъ другіе достигали этого сана гораздо скорѣе. Такъ „дядька" или воспитатель царевича Алексѣя Михайловича, столь извѣстный впослѣдствіи, Борисъ Ивановичъ Морозовъ и другой Морозовъ, Иванъ Васильевичъ, въ 1634 году прямо изъ стольниковъ были пожалованы въ бояре; а около того же времени прямо изъ дворянъ въ бояре были пожалованы Иванъ Петр. Шереметевъ и князь Петръ Александр. Рѣпнинъ. Незамѣтно, чтобы и родственники царицы Евдокіи Лукьяновны получили какое-либо выдающееся значеніе. Самъ отецъ ея Лукьянъ Степановичъ только въ 1634 году, уже по кончинѣ Филарета, былъ произведенъ изъ окольничаго въ бояре. Любопытно также невыдающееся при дворѣ значеніе такого стараго и заслуженнаго боярина,

какъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ - Оболенскій, несмотря на его родство съ царемъ: онъ былъ женатъ на теткѣ Михаила Ѳеодоровича, Анастасіи Никитичнѣ. Не говоримъ уже о бояринѣ еще болѣе славномъ и заслуженномъ, т.-е. о князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. (Скончался въ 1642 г.). Судя по дворцовымъ записямъ, къ наиболѣе приближеннымъ лицамъ въ эту эпоху принадлежали еще два боярина: князь Юрій Яншеевичъ Сулешовъ, крымскій выходецъ, и Семенъ Васильевичъ Головинъ (шуринъ знаменитаго Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго).

По окончаніи второй Польской войны, важнѣйшая забота правительства Михаила Ѳеодоровича сосредоточивается на ратномъ дѣлѣ и оборонѣ Московскихъ предѣловъ. Можетъ быть, именно исходъ этой войны и побудилъ обратить особое вниманіе на военную часть. Убѣдясь горькимъ опытомъ въ превосходствѣ полковъ солдатскаго и особенно драгунскаго строя, правительство принимаетъ мѣры къ ихъ возобновленію и дальнѣйшему развитію. Такъ, въ 1638 и 39 гг., въ виду столкновеній съ Крымцами и Турками изъ-за Азова, Государь приказываетъ набрать 8.000 человѣкъ, половину ихъ въ пѣхотную солдатскую службу, а другую половину въ конную драгунскую. Набирались они изъ вольныхъ охочихъ людей, каковы: безпомѣстные дѣти боярскіе, иноземцы, Татары, дѣти, братья и племянники стрѣлецкіе или казачьи и всякихъ чиновъ люди, „которые ни въ службѣ, ни въ тяглѣ, и ни на пашнѣ, и въ холопахъ ни у кого не служатъ". Всѣмъ поступившимъ на эту службу давалось по 3 р. на платье и поденное кормовое жалованье: боярскимъ дѣтямъ и иноземцамъ по 7 денегъ, а прочимъ по 8 денегъ (это въ 1637 г., а въ слѣд. 1638 г. прибавлено каждому по 1 деньгѣ). Солдаты свои мушкеты и пики, а драгуны коней и сбрую получали отъ казны. Правительство особенно старалось привлечь на эту службу тѣхъ охочихъ людей, которые уже состояли на ней подъ Смоленскомъ. Старалось оно также привлечь сюда иноземцевъ. По заключеніи Поляновскаго договора, оставшіеся наемные иноземцы были отпущены въ ихъ отечество; причемъ старшимъ ихъ офицерамъ розданы похвальныя грамоты за ихъ службу, съ разрѣшеніемъ воротиться въ Москву, если кто опять пожелаетъ служить ей. А оставшіеся на службѣ офицеры награждались жалованьемъ и помѣстьями. Наборомъ и снаряженіемъ солдатскихъ и драгунскихъ полковъ вѣдалъ особый „Приказъ Сбору ратныхъ людей", начальникомъ котораго въ 1637 году видимъ князя Ив. Андр. Голицына, а въ 1639 году Ив.

Петр. Шереметева (племянникъ Ѳед. Ив-ча) — все большіе бояре. Мушкеты, подсошки, бандолеты, пики выдавались имъ изъ Приказа Большой казны, которымъ начальствовалъ князь Ив. Бор. Черкасскій; въ 1638 году его смѣнилъ здѣсь Ѳ. Ив. Шереметевъ—самые большіе бояре той эпохи.

Въ эту третью эпоху царствованія Михаила Ѳеодоровича хотя не встрѣчаемъ крупныхъ татарскихъ набѣговъ, но мелкіе повторялись часто, и опасность со стороны Крымцевъ и Ногаевъ угрожала постоянно. Поэтому московское правительство много заботъ и хлопотъ продолжало посвящать оборонительнымъ мѣрамъ на своихъ южныхъ и юговосточныхъ предѣлахъ. Особенною дѣятельностію по сему поводу отличилось оно въ 1636—40 годахъ. Въ этотъ періодъ на южныхъ степныхъ украйнахъ были построены крѣпости: Чернавскъ на Быстрой Соснѣ—устье рѣки Чернавы, Козловъ на Лѣсномъ Воронежѣ, Тамбовъ на Цнѣ, два Ломова на рѣкѣ того же имени, Усердъ на Тихой Соснѣ, Хотмышскъ на Ворсклѣ, Вольный Курганъ въ той же сторонѣ на рѣчкѣ Рогознѣ; возобновленъ Орелъ и вновь укрѣплены разныя старыя крѣпости. Сіи украйные города связывались между собою оборонительными или засѣчными линіями: ихъ составляли въ лѣсныхъ мѣстахъ засѣки, т.-е. подрубленныя и поваленныя деревья, въ болѣе открытыхъ — рвы, земляные валы и кромѣ того надолбы (стоячія бревна съ перекладинами), въ рѣкахъ на бродахъ сваи и дубовые частики. Въ извѣстномъ разстояніи по такимъ линіямъ ставились укрѣпленные городки или острожки, жилые и стоялые: въ послѣднихъ стража смѣнялась по очереди.

Исходнымъ пунктомъ засѣчныхъ или оборонительныхъ линій въ первой половинѣ XVII вѣка служитъ Тула: отъ нея на востокъ, западъ и югъ идутъ эти ломаныя линіи. На сѣверо и юговостокѣ онѣ посредствомъ Венева и Данкова связываются съ областію засѣкъ рязанскихъ, ряжскихъ, шацкихъ, елецкихъ, тамбовскихъ, воронежскихъ и проч., а на югозападѣ посредствомъ Крапивны съ сѣтью лихвинскихъ, одоевскихъ, мценскихъ, ливенскихъ и т. д. Собственно съ Крапивенскими или Соловскими засѣками (рѣка Солова) Тула связывалась высокимъ землянымъ валомъ, который простирался верстъ на 15 въ открытой, низменной мѣстности и назывался „Завитай". На немъ находилось до семи земляныхъ и деревянныхъ острожковъ съ бастіонами, башнями и проѣзжими воротами. Эта насыпь укрѣплена была плетнемъ и плетеными турами; а съ наружной стороны ее защищали ровъ и надолбы, по-

ставленные въ два или три ряда. Завитай существовалъ и прежде; но съ особымъ тщаніемъ онъ былъ обдѣланъ и снабженъ укрѣпленіями въ 1638 году подъ руководствомъ голландскихъ инженеровъ, которымъ Михаилъ Ѳеодоровичъ вообще поручалъ вѣдѣніе засѣчнаго дѣла на тульскихъ линіяхъ, какъ наиболѣе важныхъ. Таковы были служилые Голландцы Янъ и Гизебрехтъ Корниловы, Давидъ Николь и Юстъ Монсенъ. А всѣмъ устройствомъ укрѣпленій и снабженіемъ ихъ ратными людьми на Тульскихъ сторожевыхъ линіяхъ въ это время распоряжался ближній царю бояринъ и воевода князь Ив. Бор. Черкасскій съ товарищами.

Новые города и жилые острожки населялись разными служилыми людьми, обязанными держать постоянную стражу и дѣлать разъѣзды для береженья отъ татарскихъ набѣговъ. Слѣдовательно, это было продолженіемъ все той же русской военной колонизаціи. Чтобы дать наглядное понятіе, какими способами и средствами она производилась, приведемъ вкратцѣ содержаніе окружной, разосланной областнымъ воеводамъ, царской грамоты (февраля 1637 года) о повсемѣстномъ сборѣ денегъ на оборонительныя постройки противъ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ:

Грамота прежде всего сообщаетъ о вновь построенныхъ городахъ и другихъ укрѣпленіяхъ. Слыша, что въ ряжскихъ, рязанскихъ, шацкихъ и во всѣхъ мещерскихъ мѣстахъ отъ набѣговъ бусурманъ происходитъ православнымъ жителямъ большое разореніе и плѣненіе, Государь указалъ въ прошломъ 7144 году (1636) поставить на полѣ (въ степи) на Лѣсномъ Воронежѣ городъ Козловъ, а въ немъ устроены стрѣльцы, казаки и всякіе жилецкіе люди. Отъ Козлова къ Шацкой сторонѣ, отъ р. Польнаго Воронежа до р. Челновой, на двѣнадцати верстахъ учиненъ земляной валъ, а по немъ поставлены три земляные городка съ башнями и съ подлазами, да на Касимовомъ броду земляной городокъ и къ нему 200 саженъ земляного валу. Чтобы загородить Татарамъ пути Калміускою и Изюмскою сакмами и Муравскимъ шляхомъ, велѣно построить жилой острогъ межъ Ливенъ и Ельца на р. Быстрой Соснѣ усть рѣки Чернавы, да еще острогъ на той же рѣкѣ на Талицкомъ броду: въ немъ стоятъ елецкіе головы съ ратными людьми. На старомъ Орловскомъ городищѣ поставленъ городъ и въ немъ устроены ратные и жилецкіе люди. На Цнѣ на усть Липовицы основанъ городъ Тамбовъ; отъ него къ Козлову къ земляному валу къ рѣчкѣ Челновой учинены надолбы. На рѣкѣ на Ломовѣ поставлены два города Ломовы, Верх-

ній и Нижній. Благодаря этимъ укрѣпленіямъ, въ послѣдніе два года Татары, нѣсколько разъ приходившіе на Рязанскія украйны, не успѣли прорваться въ Московскіе предѣлы и были побиваемы пограничными воеводами. Чтобы также укрѣпить Оскольскій, Бѣлгородскій и Курскій уѣзды, Государь послалъ Ѳедора Сухотина съ подьячимъ Юрьевымъ досмотрѣть на Калміуской, Изюмской сакмахъ и на Муравскомъ шляху, гдѣ какіе можно построить города и остроги, сдѣлать тому роспись и „начертить чертежъ". По ихъ росписи предположено: одинъ городъ поставить на р. Тихой Соснѣ у Терновскаго лѣса на Калміуской сакмѣ, другой на тѣхъ же сакмѣ и рѣкѣ усть Усерда, а на 8 верстъ выше Усердскаго городища отъ верховья Сосны копать валъ къ верховью рѣчки Волуя на 15-ти верстахъ, на обоихъ концахъ вала устроить два острожка; на той же сакмѣ на рѣкѣ Ольшанкѣ учинить стоялый острогъ, да на рѣкѣ на Осколѣ подъ Жестовыми горами тоже стоялый острожекъ, а по Соснѣ на бродахъ на пяти перелазахъ въ водѣ набить сваи и частикъ дубовый, а въ трехъ мѣстахъ по этой рѣкѣ учинить засѣки, „валить лѣсъ". На Изюмской сакмѣ подъ Яблоновымъ лѣсомъ поставить стоялый острогъ, а отъ верховья рѣчки Холка до рѣчки Корочи—земляной валъ съ стоялыми острожками по концамъ. На Муравскомъ шляху на р. Ворсклѣ построить городъ жилой, а отъ него къ Бѣлугороду копать валъ и городки. Эта роспись была утверждена Государемъ. Для такого городоваго дѣла онъ указалъ взять въ городахъ по писцовымъ книгамъ съ посадовъ, дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и съ Мордовскихъ земель съ живущей чети по полтинѣ, съ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей съ живущей чети по 20 алтынъ, съ дворянъ и дѣтей боярскихъ, находящихся на службѣ, и служилыхъ Татаръ по 10 алтынъ. Деньги эти велѣно доставить въ Челобитный приказъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова по зимѣ „безъ всякаго мотчанья", а изъ дальнихъ городовъ, которые не успѣютъ, прислать на вешній Николинъ день.

Для примѣра, какъ снабжались новыя крѣпости огнестрѣльнымъ снарядомъ, возьмемъ грамоту 1636 г. 21 февраля окольничему князю Масальскому-Литвинову. Въ новопоставленный стольникомъ Боборыкинымъ городъ Тамбовъ Государь указалъ послать: пищаль вѣстовую, двѣ пищали полуторныя ядро въ шесть фунтовъ, да двѣ пищали ядро по два фунта, да 20 пищалей затинныхъ съ количествомъ ядеръ, смотря по зелью; а зелья пушечнаго 20 пудъ, ручного пи-

щальнаго 40 пудъ, колоколъ вѣстовой въ 15 пудъ, да 30 пудъ желѣза на разныя городовыя потребности. Пушкарей для наряду выслать изъ Арзамаса, Касимова, Шацка и Переяславля-Рязанскаго по 10 человѣкъ лучшихъ людей; отъ Старой Шацкой засѣки взять половину засѣчныхъ людей, да добраго чертежника для городового и засѣчнаго дѣла.

А какъ населялись служилыми людьми новопостроенныя крѣпости, о томъ даетъ понятіе государева грамота шацкому воеводѣ Юшкову того же 1636 года отъ 28 января. Въ городъ Верхній Ломовъ въ жилецкіе служилые люди Государь указалъ въ разныхъ городахъ (начиная съ Шацка) „прибрать" 590 человѣкъ изъ вольныхъ, гулящихъ или нетяглыхъ людей, „которые были бы собою добры и молоды и изъ пищалей стрѣлять были горазды". Этимъ „новоприборнымъ" людямъ велѣно давать изъ царскихъ доходовъ поденнаго корму женатымъ по алтыну, а холостымъ по четыре деньги на день, а подводы давать семейнымъ по особой, холостымъ по одной подводѣ на четверыхъ. О расходахъ на поденные кормы велѣно отписать въ Приказъ Казанскаго дворца, которымъ вѣдалъ тогда князь Борисъ Мих. Лыковъ.

Потребность въ оборонительныхъ сооруженіяхъ на украйнахъ была такъ сильна, что тамъ служилые люди иногда сами собственными средствами ставили острожки или просили правительство о постройкѣ новыхъ крѣпостей. Такъ, въ 1635 г. мценскіе воеводы доносили, что въ Орловскомъ уѣздѣ дворяне и дѣти боярскіе самовольно поставили четыре острожка, чтобы во время татарскаго или литовскаго вторженія отсиживаться въ нихъ со своими женами, дѣтьми и крестьянами. Боярская Дума приговорила поставить острожекъ на среднемъ пунктѣ, а разнымъ острожкамъ не быть. Въ 1638 г. „дѣти боярскіе, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди" Бѣлгородскіе и Курскіе чрезъ своихъ воеводъ подаютъ Государю просьбу, чтобы онъ велѣлъ построить городъ между Курскомъ и Бѣлгородомъ на половинѣ разстоянія, т.-е. въ 60 верстахъ отъ каждаго изъ нихъ, именно при впаденіи рѣчки Боя въ Пселъ, на старомъ Обоянскомъ городищѣ близъ Муравскаго шляха: ибо служилые люди изъ обоихъ названныхъ городовъ принуждены высылать сюда станицы или сторожевые отряды; многіе погибаютъ на этомъ дальнемъ проѣздѣ; а еслибы тутъ былъ городъ, то изъ него „надъ Крымскими и Ногайскими и всякими воинскими людьми многіе поиски чинить мочно". Главная же, повидимому, цѣль боярскихъ дѣтей-челобитчи-

ковъ заключалась въ томъ, чтобы обезопасить и укрѣпить свои помѣстныя владѣнія, которыя въ той сторонѣ изобиловали черноземомъ, лѣсомъ и всякими угодьями. Государь велѣлъ бѣлгородскому воеводѣ послать на Обоянское городище, досмотрѣть его, описать и начертить чертежъ, а затѣмъ сдѣлать смѣту, сколько потребуется лѣсу на постройку стѣнъ и башенъ, сколько служилыхъ людей поселить въ городѣ и его слободахъ, сколько земли и разныхъ угодій имъ придется раздать и т. п. Кстати велѣно учинить досмотръ Чугуеву городищу, что на Сѣверскомъ Донцѣ. Затѣмъ не видно, чтобы поспѣшили постройкою Обоянской крѣпости; тогда какъ на Чугуевѣ уже въ слѣдующемъ 1639 году былъ поставленъ острогъ. Оно и понятно: Чугуевъ болѣе выдвигался въ степную полосу русской колонизаціи и одновременно долженъ былъ преграждать Татарамъ вторженіе какъ въ Бѣлгородскій, такъ и Курскій уѣзды. Этотъ Чугуевъ былъ въ то время заселенъ по преимуществу Малороссійскими казаками или Черкасами, какъ ихъ называли въ Москвѣ.

Московское правительство воспользовалось гоненіями на православіе, которыя происходили тогда въ Западной Россіи, и казацкими возстаніями противъ Поляковъ. Подавленіе этихъ возстаній и слѣдовавшее за нимъ еще большее угнетеніе вынуждали многихъ казаковъ искать убѣжища за московскимъ рубежомъ, гдѣ они находили не только радушный пріемъ, но и награжденіе. Имъ выдавали за выходъ по 5 рублей, селили ихъ въ украинныхъ городахъ, надѣляли землею или давали жалованье хлѣбомъ и деньгами, семейнымъ болѣе, чѣмъ одинокимъ. За это ихъ обязывали, конечно, службою. Выходцамъ съ Запорожья назначено было годового жалованья атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6, а рядовымъ по 5 руб. Подобныя мѣры сильно поощряли переселеніе Черкасъ, и къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича они наполнили собою московскіе украинные города.

По мѣрѣ того, какъ русская военная колонизація выдвигалась далѣе въ степную полосу и новопостроенныя крѣпости ограждали наши предѣлы отъ татарскихъ набѣговъ, мѣста, прежде подверженныя этимъ набѣгамъ, начинали пользоваться сравнительнымъ спокойствіемъ и безопасностію, а тяжелая сторожевая служба ратныхъ служилыхъ людей должна была облегчиться. Такъ, въ 1638 году лебедянскіе дѣти боярскіе и казаки бьютъ челомъ государю. Когда поставили новые города Козловъ и Усердъ и вывели земляной валъ

отъ Козлова къ Тамбову, то безвѣстный приходъ Татаръ съ Ногайской стороны къ Лебедяни прекратился; съ построеніемъ острога на Талицкомъ броду черезъ Сосну рѣку прекратился безвѣстный приходъ къ Лебедяни и съ Крымской стороны. Слѣдовательно, сторожевымъ сотнямъ нѣтъ болѣе нужды стоять на рѣчкѣ Лебедянкѣ. Поэтому бѣдные лебедянскіе однодворцы просятъ отмѣнить сторожевую службу, а оставить только посылку ихъ для вѣстей на Елецъ и Данковъ. Государь велѣлъ сдѣлать провѣрку и поступить согласно челобитью. ([12]).

Русская колонизація въ Сибири также сдѣлала значительные успѣхи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь она выразилась не столько построеніемъ новыхъ городовъ и остроговъ, сколько заведеніемъ русскихъ селъ и деревень въ тѣхъ уѣздахъ и областяхъ, которые заключались между Каменнымъ Поясомъ и рѣкою Обью, каковы уѣзды Верхотурскій, Туринскій, Тюменскій, Пелымскій, Березовскій, Тобольскій, Тарскій и Томскій. Укрѣпивъ новозавоеванный край городами и населивъ ихъ служилыми людьми, московское правительство заботилось теперь о заселеніи его крестьянами-земледѣльцами, чтобы не только обрусить этотъ край, но и снабжать его собственнымъ хлѣбомъ, который все еще съ большими усиліями и затратами доставлялся въ Сибирь изъ внутреннихъ областей. Въ дѣлѣ крестьянской колонизаціи правительство дѣйствовало обдуманно и постепенно. Напримѣръ, въ 1632 году изъ ближайшаго къ Европейской Россіи Верхотурскаго уѣзда велѣно было отправить въ Томскій сотню или по крайней мѣрѣ полсотни крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ „пашеннымъ заводомъ“ (т.-е. съ земледѣльческими орудіями). Но, чтобы бывшія ихъ верхотурскія пашни не оставались впустѣ, приказано въ Перьми Великой или въ Чердыни, въ Соли Камской и Кай-Городѣ биричамъ кликать „по многи дни“, вызывая охотниковъ изъ вольныхъ гулящихъ людей, т.-е. нетяглыхъ, которые бы согласились ѣхать въ Верхотурье и садиться тамъ на готовыя уже распаханныя земли; причемъ имъ выдавались ссуда и подмога. Такихъ новоприбранныхъ крестьянъ воеводы должны были съ женами, дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ отправлять въ Верхотурье, давая подводы отъ обывателей; съ нихъ же собиралась и подмога. Если мало находилось охотниковъ къ переселенію „по прибору“, тогда правительство отправляло переселенцевъ „по указу“ изъ собственныхъ дворцовыхъ селъ; причемъ

давало имъ подмогу, т.-е. кромѣ денегъ снабжало ихъ скотомъ, домашней птицей, сохой, телѣгой и прочей „житейской рухлядью".

Кромѣ указанной сейчасъ колонизаціи служилыми людьми и пашенными крестьянами, Сибирь въ это время получаетъ еще приростъ русскаго населенія отъ ссыльныхъ: именно, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича она дѣлается по преимуществу мѣстомъ ссылки для разнаго рода преступниковъ. Правительство при этомъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: съ одной стороны избавить коренныя области отъ людей безпокойныхъ и опасныхъ, которыхъ содержаніе въ тюрьмахъ дорого ему стоило; а съ другой воспользоваться ими для заселенія Сибирскихъ пустынь, для обработки тамъ земли или для государевой службы, смотря по тому, къ какому классу принадлежали ссыльные; крестьянъ и посадскихъ оно сажало тамъ на пашни, а служилыхъ людей верстало на службу.

Вообще русская колонизація въ Сибири совершалась по преимуществу путемъ правительственныхъ мѣропріятій. Вольныхъ русскихъ поселенцевъ приходило туда очень мало; что было естественно при малонаселенности ближнихъ окраинъ, т. е. областей Покамскихъ и Поволжскихъ, которыя сами еще очень нуждались въ колонизаціи изъ центральныхъ Московскихъ областей. А суровыя условія жизни въ Сибири того времени были настолько тяжелы, что и сами переселенцы нерѣдко пытались при удобномъ случаѣ перебраться назадъ за Камень въ родные края.

Особенно неохотно шло въ Сибирь духовенство, столь необходимое для устроенія и распространенія тамъ Православной церкви. Русскіе поселенцы и ссыльные, живя вдали отъ высшаго правительственнаго и духовнаго надзора, среди полудикихъ иновѣрцевъ, естественно предавались всякаго рода порокамъ и небрегли объ исполненіи правилъ христіанской вѣры. Ради церковнаго благоустройства патріархъ Филаретъ Никитичъ учредилъ особую архіепископскую каѳедру въ Тобольскѣ, и первымъ архіепископомъ Сибирскимъ поставилъ Кипріана, архимандрита Новгородскаго Хутынскаго монастыря, въ 1621 году. Кипріанъ привезъ съ собою въ Сибирь нѣкоторое количество черныхъ и бѣлыхъ священниковъ, и дѣятельно принялся за устроеніе своей епархіи. Онъ нашелъ тамъ нѣсколько уже прежде основанныхъ монастырей, но безъ соблюденія правилъ монашескаго житія. Напримѣръ, въ Туринскѣ былъ Покровскій монастырь, въ которомъ жили монахи и монахини. Кипріанъ построилъ для монаховъ особую обитель, а въ Покровской оста-

вилъ монахинь; онъ основалъ еще нѣсколько обителей, которыя по его ходатайству были снабжены землями и разными угодьями. Но вообще архіепископъ сей нашелъ нравы своей паствы крайне распущенными, а для водворенія здѣсь благочестія и христіанской нравственности встрѣтилъ большое противодѣйствіе со стороны воеводъ и служилыхъ людей. Онъ послалъ царю и патріарху подробное донесеніе о найденныхъ имъ безпорядкахъ. На основаніи его донесенія Филаретъ Никитичъ прислалъ ему укорительную грамоту съ описаніемъ сихъ безпорядковъ. Очевидно, по желанію самого Кипріана, не хотѣвшаго еще болѣе озлобить противъ себя воеводъ, патріархъ пишетъ, будто о безнравственности Сибиряковъ онъ узналъ отъ самихъ воеводъ и приказныхъ людей, и грамоту эту указываетъ читать всенародно въ церквахъ.

Здѣсь самыми мрачными красками изображается развращеніе сибирскихъ нравовъ. Напримѣръ, многіе православные люди ни крестовъ на себѣ не носятъ, ни постныхъ дней не соблюдаютъ, а ѣдятъ мясо и „всякія скверны" вмѣстѣ съ Татарами, Остяками и Вогулами. Но особенно грамота нападаетъ на семейный развратъ: православные люди живутъ съ татарками и язычницами какъ съ своими женами или женятся на близкихъ родственницахъ, даже на сестрахъ и дочеряхъ; служилые люди, отправляясь въ дальнія мѣста, закладываютъ своихъ женъ товарищамъ съ правомъ пользованія, и, если въ назначенный срокъ мужъ не выкупитъ жену, то заимодавецъ продаетъ ее другимъ людямъ. Сильные отнимаютъ женъ у слабыхъ. Нѣкоторые сибирскіе служилые люди, пріѣзжая въ Москву съ денежною или соболиною казною, сманиваютъ съ собою женъ и дѣвицъ, а въ Сибири продаютъ ихъ Литовцамъ, Нѣмцамъ, и Татарамъ. Священники вѣнчаютъ съ другими мужей отъ живыхъ женъ, а женъ отъ живыхъ мужей. Воеводы не только не унимаютъ людей отъ такихъ беззаконій, но и сами подаютъ примѣръ всякаго воровства; ради своей корысти, чинятъ всякія насилія торговымъ людямъ и улуснымъ иновѣрцамъ.

Въ томъ же 1622 году Царь посылаетъ Сибирскимъ воеводамъ грамоту, въ которой запрещаетъ имъ вступаться въ духовныя дѣла и приказываетъ наблюдать, чтобы служилые люди въ этихъ дѣлахъ подчинялись суду архіепископа и его десятильниковъ. Наказываетъ имъ также, чтобы служилые люди, посылаемые къ инородцамъ для сбора ясака, не дѣлали имъ насилій и не брали лишняго, чтобы и сами воеводы насильствъ и неправдъ не чинили, по-

судовъ и поминокъ не брали и наказывали за душегубство, которое особенно часто случается, когда люди въ пьяномъ видѣ бьются и рѣжутся другъ съ другомъ. Но всѣ подобные грамоты и наказы мало сдерживали произволъ и насилія воеводъ и служилыхъ людей, а потому нравы улучшались очень медленно. И послѣ того нерѣдко встрѣчаемъ жалобы архіерейскихъ десятильниковъ на то, что живущіе въ беззаконіи мужчины и женщины не поддаются духовному суду, находя покровительство и защиту у воеводъ и приказныхъ людей. Впрочемъ и самыя духовныя власти не всегда соотвѣтствовали своему высокому назначенію. Кипріанъ оставался въ Сибири только до 1624 года, когда онъ былъ переведенъ въ Москву митрополитомъ Сарскимъ или Крутицкимъ на мѣсто удаленнаго на покой Іоны, которымъ патріархъ Филаретъ не былъ доволенъ (особенно за его возраженія противъ перекрещиванія Латинянъ на духовномъ соборѣ 1620 года). Ближайшіе преемники Кипріана на Сибирской каѳедрѣ болѣе извѣстны заботами о стяжаніи, нежели попеченіями о своей паствѣ.

Въ Москвѣ Сибирь вѣдалась въ Казанскомъ и Мещерскомъ дворцѣ; но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича появляется уже „Сибирскій приказъ“; сначала какъ отдѣленіе при этомъ дворцѣ, а потомъ (съ 1637 г.) какъ самостоятельное учрежденіе. Въ самой Сибири высшее областное управленіе сосредоточивалось сначала въ рукахъ Тобольскихъ воеводъ; а съ 1629 года Томскіе воеводы сдѣлались отъ нихъ независимы, и между ними раздѣлялись воеводы другихъ Сибирскихъ городовъ. Зависимость сихъ послѣднихъ отъ главныхъ воеводъ была преимущественно военная; такъ безъ разрѣшенія главнаго воеводы они не могли посылать служилыхъ людей противъ непріятеля. Это правило нерѣдко мѣшало своевременной отправкѣ отрядовъ при нападеніи на русскія области Калмыковъ и Татаръ. Но, повидимому, оно не всегда соблюдалось, по крайней мѣрѣ, не препятствовало дальнѣйшему распространенію Русскаго владычества и обложенію ясакомъ Сибирскихъ инородцевъ.

Послѣ покоренія Западно-Сибирской низменности, этотъ ясакъ, состоявшій изъ соболей и другихъ цѣнныхъ мѣховъ, и послужилъ главнымъ побужденіемъ для распространенія Русскаго владычества на неизмѣримыя гористыя пространства Восточной Сибири, начинавшіяся за Енисеемъ. Обыкновенно изъ того или другого новопостроеннаго русскаго города или острога выходитъ партія казаковъ

въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, и на своихъ утлыхъ стругахъ или „кочахъ" плыветъ по многоводнымъ, нерѣдко порожистымъ, Сибирскимъ рѣкамъ посреди дикихъ пустынь; когда же водный путь прерывается, она оставляетъ свои лодки и запасы подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ и пѣшая продолжаетъ путь по едва проходимымъ дебрямъ или горнымъ областямъ. При семъ рѣдкія, малолюдныя племена инородцевъ призываются вступить въ подданство Московскаго царя и заплатить ему ясакъ; они или добровольно исполняютъ это требованіе, или отказываютъ въ дани и собираются въ толпу, вооруженную луками и стрѣлами. Но огонь изъ пищалей и самопаловъ, а потомъ дружная работа мечами и саблями скоро полагаютъ предѣлъ ихъ сопротивленію и принуждаютъ къ уплатѣ ясака. Иногда, подавленная числомъ, горсть Русскихъ наскоро сооружаетъ себѣ прикрытіе и благополучно отсиживается въ немъ, пока не получится какое-либо подкрѣпленіе или непріятели сами не разойдутся по своимъ жильямъ. Случалось, что изъ такого труднаго положенія казаковъ выручала партія отважныхъ русскихъ промышленниковъ. Эти промышленники нерѣдко предупреждали военныя партіи и пролагали имъ пути, стремясь войти въ торговыя сношенія съ Сибирскими народцами ради дорогихъ соболей и прочихъ цѣнныхъ мѣховъ, которыхъ туземцы охотно обмѣнивали на мѣдные или желѣзные котлы, ножи, бусы и тому подобные предметы домашняго обихода и украшеній. Бывали и такіе случаи, что двѣ партіи казаковъ, посланныя воеводами изъ разныхъ городовъ, встрѣчались среди какихъ-либо инородцевъ, и если не соединялись вмѣстѣ, то затѣвали доходившія до драки распри изъ-за того, кому брать ясакъ въ данномъ мѣстѣ.

Въ Западной Сибири Русское завоеваніе, какъ мы видѣли, встрѣтило довольно упорное сопротивленіе съ стороны Кучумова ханства, и потомъ оно должно было бороться съ ордами Калмыковъ, Киргизовъ и Ногаевъ, которые изъ сосѣднихъ степей дѣлали набѣги на новоустроенныя русскія поселенія или на Остяковъ и Вогуловъ, подчинившихся русскому владычеству. Покоренные инородцы иногда дѣлали тамъ попытки къ возстанію противъ русскаго владычества, пока еще въ свѣжей памяти было существованіе особаго Сибирскаго царства. Смутная эпоха на Руси отразилась и въ Сибири именно такого рода попытками. Но онѣ вели къ усмиренію и вящему истребленію туземцевъ. Поэтому число ихъ сильно уменьшилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда Русскіе впервые яви-

лись въ Сибирь съ Ермакомъ. Вновь принесенныя болѣзни, особенно оспа, также не мало способствали уменьшенію количества туземнаго населенія.

Покореніе Восточной Сибири, совершенное большею частію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, напротивъ, происходило при гораздо меньшихъ препятствіяхъ; ибо тамъ Русскіе не встрѣтили никакого организованнаго непріятеля, никакихъ устоевъ государственнаго быта, а только дикія или полудикія племена Тунгузъ, Бурятъ, Якутовъ и пр., съ мелкими князьями или старшинами во главѣ. Разумѣется, покореніе этихъ племенъ или обложеніе ихъ ясакомъ они закрѣпляли основаніемъ небольшихъ городовъ и остроговъ, обнесенныхъ валомъ и частоколомъ и расположенныхъ на какомъ-либо удобномъ мѣстѣ, особенно по рѣкамъ на узлѣ водныхъ сообщеній. Важнѣйшіе изъ нихъ: по Енисею основаны Енисейскъ (1619 г.) въ землѣ Тунгузовъ и Красноярскъ (1622 г.) въ области Татарской; затѣмъ въ землѣ Бурятъ, оказавшихъ сравнительно наибольшее сопротивленіе и нѣсколько разъ возмущавшихся, поставленъ былъ (1631 г.) Братскій острогъ при впаденіи р. Оки въ Ангару, близъ пороговъ послѣдней. Одновременно съ нимъ на Илимѣ, правомъ притокѣ Ангары, возникъ Илимскъ; въ слѣдующемъ году на среднемъ теченіи Лены построенъ Якутскій острогъ въ странѣ Якутовъ. Въ 1636—38 годахъ енисейскіе казаки, предводимые десятникомъ Бузою, по Ленѣ спустились до Ледовитаго моря, а потомъ этимъ моремъ достигли устья рѣки Яны; за сею рѣкою они нашли племя Юкагиръ и обложили ихъ ясакомъ. Почти въ то же время партія томскихъ казаковъ, предводимая Копыловымъ, изъ рѣки Лены вошла въ его правый притокъ Алданъ, потомъ въ правый притокъ Алдана Маю, откуда достигла Охотскаго моря, обложивъ ясакомъ обитавшихъ въ той сторонѣ Тунгузовъ и Ламутовъ.

Въ 1642 году городъ Мангазея, на р. Тазѣ, подвергся сильному опустошенію отъ пожара. Послѣ того жители его мало-помалу переселились въ Туруханское зимовье, стоявшее на нижнемъ Енисеѣ при впаденіи р. Турухана и отличавшееся болѣе удобнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ старая Мангазея запустѣла; а вмѣсто нея возникла новая Мангазея или городъ Туруханскъ ([13]).

Изъ внѣшнихъ сношеній въ эту послѣднюю эпоху Михаилова царствованія выдвигаются особенно отношенія къ Турціи. Общій врагъ, т.-е. Польско-Литовское королевство, сблизилъ Москву съ

Константинополемъ, и они обмѣнивались посольствами, которыя вели рѣчи о союзѣ. Но такимъ союзнымъ отношеніямъ много мѣшали Донскіе казаки, которые около того времени начали предпринимать грабительскіе набѣги какъ на Каспійскіе Персидскіе, такъ и на Турецкіе Черноморскіе берега: въ первомъ случаѣ то одни, то въ соединеніи съ Яицкими казаками; а во-второмъ то одни, то въ соединеніи съ Запорожцами. Причемъ они нерѣдко гибли въ этихъ набѣгахъ, а иногда возвращались съ богатой добычей. Свои грабительскіе поиски на Черномъ морѣ они распространяли до окрестностей большихъ торговыхъ городовъ Трапезунда, Синопа и самаго Царьграда. Въ 1630 году султанъ готовясь къ войнѣ съ Польшею, приглашалъ и Москву къ общему дѣйствію. Царь и патріархъ Филаретъ еще не рѣшались тогда открыто разорвать Деулинское перемиріе, а посему ограничились тѣмъ, что послали на Донъ приказъ казакамъ соединиться съ Турками и идти на Поляковъ. Казаки не только не послушались этого приказа, но и убили воеводу Ивана Константиновича Карамышева, который провожалъ московскихъ пословъ (Савина и Анфимова), отправленныхъ въ Константинополь (1632 г.). Поэтому, когда Султанское правительство жаловалось Московскому на грабительскіе поиски Донцовъ, въ Москвѣ обыкновенно отвѣчали, что они государя не слушаютъ, дѣйствуютъ самовольно, и что султанъ можетъ ихъ брать въ плѣнъ, вѣшать и вообще наказывать какъ ему угодно. Это не мѣшало Московскому царю въ дѣйствительности считать Донцовъ своими подданными, пользоваться ихъ силами для борьбы съ Крымцами, Азовцами и Ногаями и время отъ времени посылать имъ свое жалованье, т.-е. деньги, хлѣбъ, сукно, свинецъ и порохъ.

Ближайшимъ и злѣйшимъ врагомъ Донцовъ была Азовская орда, которая нерѣдко нападала какъ на южные украинскіе города, такъ и на Придонскія поселенія казаковъ. Къ тому же Азовцы преграждали иногда казацкимъ лодкамъ путь въ Азовское и Черное моря или возвратъ ихъ на Донъ. Это обстоятельство особенно раздражало казаковъ, и вотъ они задумали уничтожить такое препятствіе, т.-е. завладѣть городомъ Азовымъ. Не объявляя своего намѣренія, они послали въ Москву одного изъ своихъ атамановъ, Ивана Каторжнаго, съ просьбою о денежномъ, хлѣбномъ жалованьи и военныхъ запасахъ; такъ какъ они съ одной стороны наги, босы и голодны, а съ другой сосѣднія орды угрожаютъ придти и разорить ихъ городки. Царь исполнилъ ихъ просьбу и послалъ имъ запасы съ дворяни-

номъ Чириковымъ, который имѣлъ еще порученіе встрѣтить турецкаго посланника Ѳому Кантакузена и въ качествѣ пристава проводить его въ Москву. Этотъ Грекъ уже нѣсколько разъ исполнялъ подобныя посольства.

Межъ тѣмъ казацкіе старшины изъ Донскихъ городковъ собрались въ одномъ глухомъ мѣстѣ, составили кругъ, и тутъ порѣшили идти всѣмъ промышлять надъ Азовымъ и освободить тамъ тысячи плѣнныхъ русскихъ христіанъ, которыхъ Азовцы продаютъ въ неволю или сажаютъ скованными на свои каторги (суда) и отправляютъ на продажу за море. Рѣшеніе свое казаки скрѣпили присягою; послѣ чего велѣли вездѣ пѣть молебны и просить у Бога помощи. Случайно въ это время пришелъ на Донъ значительный отрядъ Запорожцевъ, которые тоже пристали къ Донцамъ. Весною 1637 года ихъ соединенное войско рѣкою и берегомъ двинулось къ Азову и осадило его. Помянутый Ѳома Контакузенъ, ожидавшій на Дону царскаго пристава, былъ задержанъ казаками. Узнавъ объ ихъ походѣ, онъ послалъ какихъ-то двухъ лазутчиковъ въ Азовъ; но они были схвачены казаками. Послѣдніе привели Кантакузена въ свой кругъ, тутъ обвинили его въ шпіонствѣ и приговорили къ смерти. Турецкій посолъ и сопровождавшіе его греческіе монахи были тотчасъ же умерщвлены. Въ это время воротился на Донъ атаманъ Каторжный въ сопровожденіи Чирикова, который привезъ казакамъ жалованье, а также запасъ пороху и свинцу. Донцы завладѣли запасомъ, сдѣлали большой подкопъ подъ руководствомъ какого-то казака Ивана Ародова, нѣмца по происхожденію, и заложили тамъ порядочное количество пороху. Ночью 18 іюля подкопъ былъ взорванъ, и обрушилась часть городской стѣны. Осаждающіе воспользовались этимъ моментомъ, сдѣлали приступъ къ проломному мѣсту, ворвались въ городъ, и произвели страшное избіеніе среди мусульманскихъ жителей. Большая часть мусульманъ бросилась бѣжать изъ города; оставшіеся заперлись въ нѣкоторыхъ башняхъ, защищались еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, и немало побили казаковъ, но въ свою очередь были взяты и избиты. Казаки засѣли въ Азовѣ, и немедленно извѣстили Москву о своихъ подвигахъ. Тамъ не могли не радоваться взятію Азова; но были очень недовольны самовольной расправою съ турецкимъ посломъ. Отъ царя была получена казаками грамота, которая укоряла ихъ за самовольное избіеніе посольства, указывая на то, что въ цѣломъ мірѣ неслыханное дѣло, чтобы убивать пословъ, даже и во время войны.

Относительно Азова грамота говорила, что казаки взяли его также самовольно, безъ царскаго повелѣнія. Въ то же время и къ султану отправлена изъ Москвы грамота съ увѣдомленіемъ, что убіеніе посла и взятіе Азова совершились казацкимъ самовольствомъ, что царь за казаковъ не стоитъ и не желаетъ изъ-за нихъ ссориться съ султанскимъ величествомъ.

Въ Константинополѣ эти извѣстія вызвали великое негодованіе. Въ томъ же году Крымцы, по приказу султана Мурада, произвели набѣгъ на южную Московскую украйну; для возвращенія Азова онъ сталъ готовить войско. Но походъ замедлился бывшею въ то время войною съ Персами, а потомъ смертію Мурада. И только въ 1641 г. преемникъ его Ибрагимъ послалъ наконецъ сильное войско, съ которымъ соединились Крымцы и Ногайцы, такъ что по московскимъ извѣстіямъ число всего войска, осаждавшаго казаковъ въ Азовѣ, будто бы простиралось до 250.000—число конечно весьма преувеличенное. Количество же казаковъ въ разныхъ источникахъ показано разное: то тысячъ пять съ половиной мужчинъ и 800 женщинъ, то 14.000.

Турки насыпали вокругъ города земляной валъ, поставили на немъ пушки и начали усердно бить изъ нихъ ядрами вѣсомъ въ полтора и два пуда. Городскія стѣны и башни во многихъ мѣстахъ были разрушены. Но казаки защищались съ отчаянною храбростью и единодушіемъ; дѣлали частыя вылазки, укрывались въ вырытыхъ ими землянкахъ, противъ турецкихъ подкоповъ вели свои встрѣчныя мины, такъ что ни одинъ подкопъ Туркамъ не удался, а также всѣ ихъ приступы были геройски отбиты. Осаждающіе со стрѣлами бросали въ городъ грамоты, въ которыхъ увѣщевали казаковъ отдать хотя бы пустой городъ за большую денежную казну; но и эти заманчивыя предложенія были отвергнуты.

Поднявшіяся въ то время на Азовскомъ морѣ бури разбили многія турецкія суда, а часть ихъ прибили къ устьямъ Дона; тутъ казаки захватили ихъ вмѣстѣ съ пушками, порохомъ, свинцомъ, кирпичами, известью и прутовымъ желѣзомъ, приготовленными для исправленія разбитыхъ стѣнъ города Азова. Въ немъ еще сохранялись два древніе христіанскіе храма, во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца; во время турецкой осады они были почти разрушены ядрами. Заступленію этихъ святыхъ казаки приписывали пораженіе Турокъ. Вообще ихъ благочестивое настроеніе, посты и молитвы въ ту пору не мало поддерживали въ нихъ мужество и

способствовали успѣху обороны. Цѣлые четыре мѣсяца (съ іюня по сентябрь включительно) Турки вели осаду; наконецъ сняли ее и отступили, потерявъ едва не половину людей.

Донцы, имѣя атамана Осипа Петрова во главѣ, немедля отправили въ Москву атамана Наума Васильева и 20 товарищей съ радостною вѣстью и съ просьбою къ Государю принять Азовъ подъ свою державу и прислать имъ помощь людьми, деньгами и всякими запасами. Царь отвѣчалъ казакамъ похвальною грамотою за ихъ „промыселъ и крѣпкостоятельство", и прислалъ имъ 5000 рублей; при семъ изъ Москвы прибылъ царскій чиновникъ съ подъячимъ, чтобы осмотрѣть городъ Азовъ, начертить его планъ и переписать все, что въ немъ есть.

Но Турки не думали отказаться отъ Азова, и вопросъ, какъ поступить съ предложеніемъ казаковъ, былъ слишкомъ важенъ, чтобы рѣшить его безъ обсужденія Великой Земской думой. Такая дума и была созвана въ январѣ 1642 года. Въ ней участвовали слѣдующіе чины Московскаго государства: во-первыхъ, освященный соборъ т.-е. старшее московское духовенство съ митрополитомъ крутицкимъ Серапіономъ во главѣ (престолъ патріаршій въ то время вдовствовалъ); во-вторыхъ, думные люди или бояре, окольничіе и другіе члены Боярской Думы; въ - третьихъ, выборные отъ московскаго служилаго класса, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, дьяковъ и стрѣлецкихъ головъ; въ-четвертыхъ, выборные изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; въ-пятыхъ, выборные отъ московскихъ торговыхъ людей, т.-е. гостей, гостинной и суконной сотни и отъ черныхъ сотенъ. Всего было выборныхъ около 200 человѣкъ, кромѣ членовъ Освященнаго Собора и Боярской Думы. Выборные посадскіе и уѣздные люди отъ городовъ почему-то не были призваны.

3 января Великая Земская дума собралась въ такъ наз. Столовой избѣ царскаго Кремлевскаго дворца, и здѣсь, послѣ обычнаго богослуженія, открыто было ея засѣданіе, въ присутствіи Государя. Печатникъ и думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачовъ прочелъ вслухъ царскую грамоту, въ которой излагались причины и задачи созваннаго собора. Тутъ объявлялось, что, по вѣстямъ, отъ Турецкаго султана идетъ къ Государю посолъ, чтобы говорить объ Азовѣ, а на весну султанъ посылаетъ визиря съ большимъ войскомъ на Московское государство и для новой осады Азова; съ визиремъ долженъ соединиться и Крымскій ханъ. Затѣмъ излагалась краткая

исторія взятія этого города Донцами, а также неудачной осады его Турками и просьба казаковъ прислать воеводу съ ратью для принятія отъ нихъ города. Поэтому предлагались Собору два вопроса. Первое: Азовъ у казаковъ принимать ли, съ султаномъ и ханомъ разорвать ли? Второе: если разорвать, будетъ война долгая и понадобятся деньги на жалованье ратнымъ людямъ, многіе хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, то откуда такіе деньги и запасы взять? Списки съ этой царской грамоты розданы были „всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ", съ повелѣніемъ, чтобы они, обсудивъ дѣло, „объявили Государю свою мысль на письмѣ". Каждый чинъ долженъ былъ совѣщаться особо и подавалъ свое мнѣніе отдѣльно по мѣрѣ того, какъ готово было его письменное изложеніе; для сего изложенія ко всякой мірской группѣ былъ приставленъ особый дьякъ. Напримѣръ, при стольникахъ состоялъ дьякъ Пятый Спиридоновъ, при московскихъ дворянахъ Игнатій Лукинъ, при дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ изъ городовъ Василій Аткарскій и т. д.

Духовенство подало свое мнѣніе, спустя 10 дней по открытіи собора, т.-е. 13 января. Это письменное мнѣніе представилъ отъ Крутицкаго митрополита сынъ боярскій Семенъ Сатынниковъ. На предложенные царемъ вопросы духовенство кратко отвѣчало, что его дѣло молиться о государевѣ здоровьѣ и что оно готово помогать ратнымъ людямъ на сколько хватитъ силы, а рѣшать вопросы о войнѣ предоставляетъ Государю и его царскому „синклиту". Стольники отвѣчали, что разорвать ли съ Турецкимъ и Крымскимъ, на то государева воля; по ихъ же мысли, слѣдуетъ оставить въ Азовѣ донскихъ атамановъ, а на помощь имъ послать рать изъ охочихъ и вольныхъ людей; откуда взять деньги и запасы, въ томъ его же государева воля, а они на службу готовы, гдѣ Государь укажетъ. Въ такомъ же смыслѣ отвѣчали московскіе дворяне, прибавивъ только, что охочихъ людей лучше всего „прибрать въ украинскихъ городахъ", такъ какъ „тѣхъ городовъ многіе люди прежъ сего на Дону бывали и имъ та служба за обычай".

Изъ среды болѣе чѣмъ двадцати выборныхъ московскихъ дворянъ выдѣлились двое, Никита Беклемишевъ и Тимофей Желябужскій, которые подали отдѣльное мнѣніе или, какъ тогда называлось „особную сказку". Они не противорѣчили своимъ товарищамъ, а только входили въ нѣкоторыя подробности, и рѣшительно высказывались въ пользу войны. Напримѣръ, они указывали на лживость Крымскаго хана, который всегда давалъ шерть о ненападеніи на

Государеву землю, а между тѣмъ Крымскіе и Азовскіе татары ежегодно воевали украинные города и православныхъ плѣнниковъ продавали въ рабство; при чемъ ханъ бралъ пошлины десятую часть полона. Припомнили и вторженіе Крымцевъ во время Смоленской осады Шеина. Совѣтовали казну, посылаемую хану, лучше обратить на войну съ нимъ же. Говорили, что съ тѣхъ поръ, какъ Азовъ взятъ, украинные города пребываютъ въ тишинѣ и покоѣ. Для жалованья ратнымъ людямъ совѣтовали „выбрать изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три“, которые бы собирали деньги съ неслужилыхъ (невоенныхъ), т.-е. съ приказныхъ, вдовъ, недорослей, гостей и всѣхъ торговыхъ людей, а также и съ тѣхъ служилыхъ, которые сидятъ по воеводствамъ и приказамъ „у корыстовныхъ дѣлъ“, чтобы „никто въ избылыхъ не былъ“. Даточныхъ совѣтовали брать съ монастырей и съ людей, владѣющихъ многими помѣстьями и вотчинами; при чемъ указывали на лучшее положеніе городовыхъ дворянъ сравнительно съ московскими мелкопомѣстными, потому что послѣ войны первые спокойно живутъ по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ, а вторые несутъ постоянную службу въ Москвѣ, отправляются въ разныя посылки, участвуютъ въ постройкѣ Земляного города и во всякихъ городовыхъ дѣлахъ. (Тутъ очевидно уже слышится нѣкоторая рознь въ самомъ военнослужиломъ сословіи). Въ заключеніе Беклемишевъ и Желябужскій говорили, что если Азовъ останется за Государемъ, то Большіе Ногаи, Казыевы и Кантемировы улусы, Пятигорскіе, Темрюцкіе и другіе Черкесы будутъ служить государю, въ противномъ случаѣ всѣ Ногаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову.

Въ томъ же духѣ готовности исполнить волю государеву и мужественной рѣшимости биться съ басурманами высказались городовые дворяне и дѣти боярскіе, которые, впрочемъ, въ отвѣтѣ своемъ подраздѣлились на три или на четыре группы. Любопытно въ особенности письменное мнѣніе или сказка группы, состоявшей изъ выборныхъ отъ областей Суздальской, Новгородской и Верхневолжской (Суздаль, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій, Кострома, Галичъ, Арзамасъ, В. Новгородъ, Ржевъ, Зубцовъ, Торопецъ, Ростовъ, Пошехонье, Торжокъ, Гороховецъ). Эти выборные совѣтуютъ: Азовъ принять и не оставлять его за басурманами, иначе можно навесть на Всероссійское государство гнѣвъ Божій, а также свв. Іоанна Крестителя и Николая Чудотворца, которыхъ заступленіемъ малые люди отстояли себя отъ многихъ нечестивыхъ ордъ; пушеч-

ныхъ запасовъ въ государевой казнѣ много, а хлѣбные запасы взять съ украинныхъ городовъ, съ зарѣцкихъ (Заокскихъ), съ государевыхъ дворцовыхъ селъ, съ Троицкаго и другихъ монастырей; даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей взять съ архіерейскихъ, монастырскихъ и боярскихъ земель, а также съ помѣстій и вотчинъ дьяковъ и подьячихъ. Къ симъ послѣднимъ чинамъ военнослужилые люди обнаружили сильное нерасположеніе и высказались о нихъ такими словами: „разбогатѣвъ мздоимствомъ (дьяки и подьячіе), покупили себѣ многія вотчины и построили многіе дома, палаты каменныя, такія, что неудобь сказаемыя, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало". Съ очевидною завистью отозвались городовые дворяне и дѣти боярскіе также и о своей братьѣ, служившей по Московскому и Дворовому списку, говоря, что первые „будучи у государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли", а также накупили многія вотчины, вторые же, поочереди сидя на приказахъ въ дворцовыхъ селахъ „наживаютъ великіе пожитки", а полевой службы не несутъ. Со всѣхъ указанныхъ чиновъ совѣтуютъ нетолько взять даточныхъ, но и обложить денежнымъ сборомъ ихъ помѣстья, въ случаѣ надобности взять „лежалую домовую казну" патріаршую, архіерейскую, монастырскую, а также обложить особымъ сборомъ гостей и всѣ торговыя сотни. Ратныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатъ совѣтуютъ прибрать со всего государства, но только исключая ихъ холопей и крѣпостныхъ крестьянъ (тутъ они являются отголоскомъ всего военнослужилаго класса). Любопытно также, что эти выборные, недовѣряя писцовымъ книгамъ, для раскладки даточныхъ людей и денежныхъ сборовъ, совѣтуютъ сдѣлать новыя росписи и сказки, чтобы никто не утаилъ своихъ крестьянъ и имущества. Другая группа городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (Мещеряне, Коломничи, Рязанцы, Туляне и пр.) тоже совѣтуютъ принять Азовъ и такимъ же образомъ прибрать охочихъ ратныхъ людей, изъявляя готовность идти на службу, куда Государь укажетъ. Но, невходя въ подробности, эта группа только прибавила слѣдующую жалобу: „а разорены мы, холопы твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурманъ, московскою волокитою и отъ неправдъ, и отъ неправедныхъ судовъ".

Гости, гостинная и суконная сотни въ своей запискѣ также изъявили готовность померсть за святыя церкви и государево здоровье; относительно Азова они отвѣчали, что въ томъ государева воля, а относительно ратныхъ людей и запасовъ, то дѣло служилыхъ лю-

дей, „за которыми имѣется государево жалованье, многія вотчины и помѣстья". А они, „гостишки и торговые людишки, отъ безпрестанныхъ службъ (въ таможенныхъ головахъ и цѣловальникахъ) и отъ пятинныхъ денегъ, которыя давали въ Смоленскій походъ, оскудѣли и обнищали, а торжишки у нихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизильбаши; торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего промыслишка, оскудѣли до конца отъ задержанія и насильства государевыхъ воеводъ". При прежнихъ государяхъ—добавляли они—въ городахъ вѣдали губные старосты и посадскіе люди судились промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было, были только въ украинныхъ городахъ для береженья отъ турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ Татаръ. Въ томъ же смыслѣ и въ томъ же жалобномъ тонѣ отвѣчали сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ и всѣхъ тяглыхъ людей. По ихъ словамъ они также оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, пятинныхъ денегъ, даточныхъ людей и отъ подводъ, которыя давали въ Смоленскую службу, кромѣ того, отъ поворотныхъ денегъ, городового земляного дѣла, отъ великихъ государевыхъ податей, цѣловальничей и прочей службы. Такъ иногда въ разныхъ городовыхъ приказахъ отъ нихъ служатъ по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да на земскомъ дворѣ 75 человѣкъ ярыжныхъ, да извозчики съ лошадьми на случай пожарнаго времени, и всѣмъ этимъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извозчикамъ идутъ отъ нихъ ежемѣсячно большія кормовыя и подможныя деньги. „И отъ той великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ".

Изъ всѣхъ этихъ мнѣній, вѣроятно дьяками, подъ руководствомъ печатника Лихачова, была сдѣлана краткая выписка. Общее заключеніе сводилось къ тому, что большинство Земскаго Собора, въ особенности служилое сословіе, склонялось въ пользу принятія Азова подъ Московскую державу. Но рядомъ съ тѣмъ поднимались многочисленные голоса, вопіявшіе о своей бѣдности и противъ разныхъ злоупотребленій и неправдъ. Причемъ между сословіями обнаружились взаимное недовѣріе и желаніе служилыхъ людей возложить бремя военныхъ расходовъ на извѣстные имущіе классы. По всѣмъ признакамъ, государство далеко еще не оправилось и отъ Смутнаго времени, и отъ сильнаго напряженія, причиненнаго злосчастнымъ Смоленскимъ походомъ Шеина. При такихъ условіяхъ, если возьмемъ въ разсчетъ и крайне миролюбивый характеръ Михаила Θеодоро-

вича, то нисколько не удивительно, что его окончательное рѣшеніе было противъ принятія Азова въ свою державу. Казалось бы, на югѣ повторилось то, что 60 лѣтъ тому назадъ произошло на востокѣ: какъ тогда казаки покорили Татарско-Сибирское ханство и ударили имъ челомъ Московскому царю; такъ теперь казаки же завоевали Татарско-Азовскую орду и предлагали ее Московскому государю. Но обстоятельства были другія: за Азовъ приходилось вступать въ борьбу съ могущественной Оттоманской имперіей и еще сильною Крымскою ордою. Къ тому же посланный для осмотра Азова дворянинъ Афанасій Желябужскій воротился и донесъ, что городскія укрѣпленія въ значительной степени разрушены, а исправить ихъ въ скорости невозможно. Наконецъ, какъ справедливо писалъ Михаилу Θеодоровичу молдавскій господарь Василій Лупулъ, нельзя было положиться и на самихъ казаковъ, которые тогда совсѣмъ не отличались вѣрностью и постоянствомъ; между тѣмъ какъ султанъ Ибрагимъ готовилъ новое большое войско и рѣшилъ во что бы то ни стало возвратить Азовъ. Поэтому турецкій посланникъ Мустафа Челибей, въ мартѣ пріѣхавшій въ Москву, нашелъ здѣсь любезный пріемъ; а въ концѣ апрѣля уже написана царская грамота атаману Осипу Петрову и всему Донскому войску, заключавшая приказъ, немедленно очистивъ Азовъ, отойти къ своимъ старымъ куренямъ и обѣщавшая зато казакамъ государево жалованье. Съ этою грамотою былъ отправленъ дворянинъ Засѣцкій. Два донскихъ атамана, Наумовъ и Сафоновъ, пришедшіе съ просьбою принять Азовъ и прислать помощь, были пока задержаны въ Москвѣ, а ихъ есаулъ Родіоновъ и 15 товарищей отпущены вмѣстѣ съ Засѣцкимъ. Донцы нисколько не противились и поспѣшили исполнить царскій приказъ: очевидно, ихъ уже самихъ тяготило сидѣнье въ разрушенномъ Азовѣ, въ ожиданіи новаго прихода Турокъ и Татаръ. Засѣцкій, въ сопровожденіи казацкаго атамана Иванова, воротился и донесъ объ очищеніи Азова. Въ концѣ іюля того же 1642 года, Царь послалъ на Донъ дворянина Тургенева вмѣстѣ съ задержанными атаманами. Тургеневъ повезъ похвальную грамоту казакамъ за ихъ послушаніе, 2.000 р. денегъ и 200 поставовъ сукна. Съ Воронежа велѣно доставить имъ 2.500 четвертей хлѣбнаго запасу и 200 ведеръ вина, а изъ Тулы 250 пудовъ пороху ружейнаго и 50 пудовъ пушечнаго, да 300 пудовъ свинцу. (14).

Такъ разрѣшенъ Азовскій вопросъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Если мы обратимся къ провѣркѣ тѣхъ жалобъ, которыя были высказаны разными чинами Московскаго государства на Земскомъ Соборѣ 1642 года, то увидимъ, что онѣ оказываются болѣе или менѣе справедливыми и приблизительно вѣрно опредѣляютъ слабыя стороны московскаго управленія и народнаго хозяйства. Особенно страдали области государства отъ неправедныхъ судовъ, въ связи съ водворявшейся тогда системою централизаціи или съ тѣмъ порядкомъ, по которому областные жители обязаны были по многимъ важнымъ и неважнымъ дѣламъ или безъ конца ожидать рѣшенія изъ Москвы, или ѣхать на разбирательство въ столицу, нерѣдко очень отъ нихъ отдаленную, здѣсь подвергаться разнымъ вымогательствамъ со стороны жадныхъ приказныхъ людей и безконечнымъ судебнымъ проволочкамъ, вообще терпѣть пресловутую „московскую волокиту". Это характерное выраженіе употреблялось тогда самимъ правительствомъ въ его актахъ. Напримѣръ, клиръ Новгородскаго Софійскаго собора или „протопопъ съ братіей" (протопопъ, протодіаконъ, ключари, попы, дьяконы, пѣвчіе, псаломщики, звонцы, просфирникъ, всего 43 человѣка) били челомъ Государю, чтобы онъ пожаловалъ ихъ, по примѣру нѣкоторыхъ Новгородскихъ монастырей, велѣлъ бы давать имъ денежную и хлѣбную ругу или жалованье въ Великомъ Новгородѣ „безъ московскія волокиты", т.-е. безъ ежегодныхъ поѣздокъ и мытарствъ по этому поводу въ самой столицѣ. Царь исполнилъ ихъ просьбу и велѣлъ выдавать все на мѣстѣ „ежелѣтъ, сполна, *безъ московскія волокиты*" (въ 1638 году). Чтобы показать, какими убытками и тягостями отзывалась для областныхъ жителей московская судебная волокита, приведемъ для образца слѣдующее.

Въ 1637 г., повидимому вслѣдствіе жалобы Чердынцевъ, возникло дѣло о грабежахъ бывшаго ихъ воеводы Христофора Рыльскаго. По челобитью этого воеводы, задержаны въ Москвѣ нѣкоторые чердынскіе посадскіе люди и вызваны сюда изъ Чердыни, всего 9 человѣкъ; болѣе двадцати посадскихъ съ бывшими земскими старостами и цѣловальниками засажены въ чердынскую тюрьму, да 112 посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ отданы на поруки, живутъ въ Чердыни „безъ съѣзду" и ежедневно съ утра до вечера стоятъ на правежѣ. Въ такомъ положеніи дѣло тянулось два года. Наконецъ чердынскіе земскіе старосты, посадскій и уѣздный, взмолились Государю на то, что около полутораста ихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей частію „волочатся на Москвѣ", частію сидятъ въ тюрьмахъ или стоятъ на правежѣ, отбились отъ своихъ промыс-

ловъ и пашенъ; платить за нихъ подати и отбывать повинности некому; а тутъ еще въ 1638 году случился въ Чердыни большой пожаръ, сгорѣло около 200 дворовъ со всѣми „животами“ (пожитками), послѣ чего жители отъ бѣдности „бредутъ розно“. Вслѣдствіе этой мольбы Государь указалъ оставить въ Москвѣ изъ 9 человѣкъ трехъ, изъ 21 сидѣвшихъ въ тюрьмѣ оставить въ ней двухъ, именно старостъ, остальныхъ посадскихъ освободить и отдать „на крѣпкія поруки съ записями до вершенія того Пермскаго дѣла“, а бывшихъ болѣе ста человѣкъ за поруками освободить „для ихъ пожарнаго разоренія“. Отсюда мы видимъ, что дѣло это, производившееся въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ, въ 1639 году еще не было окончено, и вѣроятно оно еще не мало времени утѣсняло злополучныхъ Пермичей, вздумавшихъ воспользоваться правомъ жалобы на своего воеводу по окончаніи его воеводства.

Какимъ разнороднымъ стѣсненіямъ подвергались областные жители, показываетъ челобитная шуйскихъ посадскихъ людей на шуйскихъ приказныхъ, которые подъ предлогомъ пожаровъ, не позволяютъ лѣтомъ обывателямъ топить избы и мыльни (послѣднія для рож　еницъ), въ томъ числѣ хлѣбникамъ и калачникамъ, а кузнецамъ разводить огонь въ кузницахъ; за ослушаніе бьютъ батогами и сажаютъ въ тюрьму, да заповѣди (пени) правятъ по два рубля. Такимъ образомъ многіе Шуяне лишаются своихъ торговыхъ промысловъ, хотя въ ихъ городѣ нѣтъ никакого наряду и зелья (т.-е. пушекъ и пороху). Государь разрѣшилъ имъ топить избы, но съ великимъ береженьемъ отъ пожару (1638 г.). Очевидно и безъ того стѣснительные распоряженія центральнаго правительства о противупожарныхъ мѣрахъ, приказные люди на мѣстѣ еще отягчали своими придирками и вымогательствами, что, какъ мы видѣли на примѣрѣ Чердыни, не мѣшало пожарамъ опустошать города попрежнему.

О печальномъ состояніи народнаго хозяйства и нравственности свидѣтельствуетъ, между прочимъ, большое количество появившихся въ Москвѣ и въ городахъ поддѣлывателей серебряной монеты. Указъ царя Михаила (въ 1637 г.) объясняетъ ихъ размноженіе тѣмъ, что въ его время ихъ стали наказывать торговою казнью, т.-е. кнутомъ, тогда какъ при прежнихъ государяхъ имъ заливали горло растопленными фальшивыми деньгами. Схваченные поддѣлыватели съ пытокъ показали, что они сами рѣзали маточники, переводили съ нихъ чеканы и, отливъ мѣдныя деньги, посеребряли, иногда подмѣшивали въ мѣдь треть или половину серебра. Означенный указъ

повелѣвалъ уже схваченныхъ преступниковъ на сей разъ также бить кнутомъ на торгахъ и, заковавъ въ желѣзо, держать въ тюрьмахъ до смерти, а на щеки имъ наложить клеймо съ надписью *воръ*; но впредь таковымъ поддѣлывателямъ попрежнему заливать горло.

Наиболѣе бѣдственно вліялъ на общественное хозяйство и нравственность извѣстный народный порокъ, т.-е. пьянство, въ особенности съ той поры, какъ Московское правительство продажу крѣпкихъ напитковъ и винокуреніе сдѣлало своимъ исключительнымъ правомъ и одною изъ важнѣйшихъ статей своего дохода. Послѣ Смутнаго времени „царевъ кабакъ“ не только снова возродился, но сталъ еще сильнѣе распространяться по всѣмъ областямъ государства. При Михаилѣ Θеодоровичѣ продолжается смѣшанная система питейной продажи: отчасти правительство отдаетъ кабаки на откупъ; но большею частію поручаетъ эту продажу выборнымъ или такъ называем. „вѣрнымъ“ головамъ и цѣловальникамъ, которые производили равно питейные и таможенные сборы. Головы выбирались изъ посадскихъ людей, состоятельныхъ („прожиточныхъ“) и притомъ принадлежавшихъ иногда къ торговымъ сотнямъ другихъ городовъ; а „цѣловальниковъ“ выбирали изъ мѣстныхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Такъ какъ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники не только несли эту службу безмездно, но и отвѣчали своимъ имуществомъ за недоборы и всякія упущенія, то естественною является жалоба представителей торговыхъ сотенъ на разорительность сей службы, на Соборѣ 1642 года.

Бѣдность государства и особенно разореніе Смутнаго времени способствовали окончательному водворенію и прочному господству царскаго кабака на Руси, какъ одного изъ главныхъ доходовъ казны. Даже патріархъ Филаретъ, повидимому, столь строгій въ дѣлѣ народной нравственности, не только не пытался бороться съ этимъ зломъ, но и поддерживалъ его своимъ авторитетомъ. Въ 1620 году, во время приведенныхъ выше переговоровъ съ Джономъ Merикомъ, царь и патріархъ объявили, собраннымъ по сему поводу, московскимъ гостямъ, что „по грѣхамъ“ отъ войны казна совершенно оскудѣла: „кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“. Въ 1623 году, верхотурскіе воеводы, князь Барятинскій и Языковъ, просили свести у нихъ кабакъ по примѣру Тобольска; ибо отъ того кабака служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне пропились и обнищали. Отвѣтная царская грамота дѣлаетъ имъ строгій вы-

говоръ за ихъ нерадѣніе о государевыхъ доходахъ: въ Тобольскѣ-де кабакъ заведенъ недавно и тамъ велѣно его „свести“, чтобы служилые люди „не отбыли“ своей службы, а торговые своихъ промысловъ; въ Верхотурьѣ же кабакъ заведенъ давно, задолго до Московскаго разоренья, и тамъ ежегодно бываетъ много всякихъ пріѣзжихъ людей. Поэтому грамота наказываетъ наблюдать только, чтобы служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и безъ нихъ „пить на кабакѣ будетъ кому“ (благодаря, конечно, положенію Верхотурья на большой, бойкой дорогѣ „изъ Руси въ Сибирь и изъ Сибири на Русь“). Одинъ изъ преемниковъ означенныхъ сердобольныхъ воеводъ, князь Семенъ Гагаринъ, наоборотъ, отличился усердіемъ къ кабацкимъ доходамъ. До него верхотурскіе посадскіе и служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне курили вино и варили пиво на государевъ кабакъ у себя по домамъ, деревнямъ и селамъ; но воевода Гагаринъ убѣдился, что они сами выпивали это вино; тогда онъ схватилъ виновныхъ и поставилъ ихъ на правежъ, т.-е. сталъ выколачивать съ нихъ пени; по ихъ домамъ и селамъ послалъ отобрать винные котлы, кубы и трубы, а вино и пиво на кабакъ велѣлъ варить въ Верхотурскомъ острогѣ на казенной поварнѣ изъ казеннаго хлѣба. Царская грамота похваляетъ воеводу за его усердіе и подтверждаетъ всѣ его распоряженія (1628 г.). Но въ свою очередь преемники князя Гагарина, вѣроятно, болѣе радѣли о собственной наживѣ, чѣмъ о государевыхъ доходахъ. Поэтому, спустя лѣтъ восемь, изъ Москвы выходитъ такое распоряженіе. Таможеннымъ и кабацкимъ головою посылается въ Верхотурье на два года Данило Обросьевъ изъ Устюга Великаго (на мѣсто головы, бывшаго изъ Чебоксаръ); цѣловальниковъ къ нему велѣно выбрать, по обычаю, изъ мѣстныхъ „самыхъ лучшихъ“ посадскихъ людей, а для посылокъ и охраны давать ему стрѣльцовъ и казаковъ, сколько понадобится. При семъ верхотурскому воеводѣ Данилу Милославскому и дьяку Селетцыну предписано „въ таможенное и въ кабацкое дѣло не вступаться“, а только ежемѣсячно принимать отъ Обросьева „сборныя деньги“ въ царскую казну на верхотурскіе расходы (1635 г.). За увеличеніе кабацкихъ доходовъ обыкновенно назначались разныя поощренія и награды, а за уменьшеніе шли пени и взысканія. Такъ постепенно упрочивалось на Руси господство казеннаго кабака.

Вообще царствованіе Михаила Θеодоровича большею частью представляетъ постепенное возобновленіе и дальнѣйшее развитіе тѣхъ

строгихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, которые были временно нарушены Смутною эпохою. Такъ, рядомъ съ возстановленіемъ самодержавія и развитіемъ государственной централизаціи, стало развиваться далѣе и крѣпостное право путемъ законодательнымъ, который въ этомъ отношеніи только облекалъ въ юридическую форму то, что вырабатывали сама жизнь и обстоятельства того времени.

Тутъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, интересы преобладающаго въ государствѣ придворно и военно-служилаго сословія, на которое царская власть смотрѣла какъ на свою главную опору и которое въ то же время наполняло собою правительственные классы; а потому оно естественно стремилось поставить себя въ самыя привилегированныя отношенія къ другимъ сословіямъ. Наиболѣе сильнымъ протестомъ крестьянъ противъ крѣпостного права въ ту эпоху было бѣгство на Донъ, вообще уходъ въ вольное казачество. Но бояре и дворяне никогда не мирились съ этимъ уходомъ, и даже въ трудное время сидѣнья Шеина подъ Смоленскомъ, какъ мы видѣли, Московское правительство, призывая на службу казаковъ, не хотѣло однако признать свободными находившихся среди нихъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ. Развитіе крѣпостного права при Михаилѣ Өеодоровичѣ сказалось нагляднымъ образомъ въ продленіи срока для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему ихъ помѣщику. Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, былъ установленъ для того срокъ пятилѣтній. Теперь этотъ срокъ продолженъ. Сначала (вѣроятно при Филаретѣ Никитичѣ) даровано Троице-Сергіеву монастырю право отыскивать и возвращать своихъ бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ. А затѣмъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, тотъ же срокъ распространенъ и на ихъ бѣглецовъ: они могли въ теченіе девяти лѣтъ ихъ разыскивать и требовать выдачи отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые ихъ приняли. (1637 г.). Вслѣдъ за тѣмъ военно-служилые иноземцы изъ Нѣмцевъ и Поляковъ били челомъ и на нихъ распространить право на тотъ же срокъ для выдачи имъ бѣглыхъ крестьянъ, „чтобы помѣстья ихъ иноземцевъ не запустѣли и имъ бы государевы службы не отстать“. Просьба ихъ исполнена. А вскорѣ потомъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, духовныхъ и мірскихъ, установленъ по царскому указу и боярскому приговору („Царь указалъ и бояре приговорили“) срокъ для выдачи бѣглыхъ крестьянъ—десятилѣтній.

До насъ дошли акты, свидѣтельствующіе о томъ рвеніи, съ ко-

торымъ помѣщики стремились всякими средствами завлечь на свои малонаселенныя земли крестьянъ и обратить ихъ въ крѣпостное состояніе. Напримѣръ, послѣ Смоленскаго похода и замиренія съ Польшею, служилые казаки, не желавшіе оставаться въ областяхъ, отошедшихъ къ Литвѣ, высылались въ предѣлы Московскаго государства, и всѣ украинные помѣщики хотятъ насильно разобрать ихъ между собою, объявляя своими бѣглыми крестьянами или холопами. По челобитью переселенцевъ, Государь не велѣлъ ихъ брать ни въ холопы, ни въ крестьяне. Но бѣдность вынуждала въ тѣ времена многихъ простолюдиновъ давать на себя служилыя кабалы, т.-е. идти въ дворовые или въ крестьяне къ боярамъ и дворянамъ, чтобы освободиться отъ бремени казенныхъ податей и налоговъ и обезпечить свое существованіе. Правительство вообще мало противодѣйствовало такому движенію. Оно даже утверждало, напримѣръ, такія кабальныя, которыя давали на себя люди, служившіе солдатами въ Смоленскомъ походѣ и ненадѣленные землею. Но оно энергично противилось всякому закрѣпощенію верстаныхъ землею дѣтей боярскихъ, которые иногда бросали свои участки и добровольно поступали „во дворъ“, а иногда попадали въ кабальное состояніе невольно, т.-е. обманнымъ образомъ или по случайнымъ обстоятельствамъ. Точно также правительство не дозволяло посадскимъ, тяглымъ людямъ и ясачнымъ инородцамъ уходить изъ своихъ мѣстъ и уклоняться отъ повинностей дачею на себя кабальной крѣпости помѣщикамъ или монастырямъ.

Къ царствованію Михаила Θеодоровича относятся важныя узаконенія относительно вдовьяго наслѣдованія.

Въ 1627 году, подъ вліяніемъ патріарха Филарета, державшагося Кормчей книги, изданъ указъ, по которому бездѣтныя жены умершихъ вотчинниковъ, кромѣ своего приданаго, получаютъ изъ ихъ животовъ, т.-е. изъ движимости, *четвертую часть*. (Въ Кормчую наслѣдованіе четвертой части изъ движимости вообще для женъ перешло изъ Греко-Римскаго права). По тому же указу жены могли наслѣдовать отъ мужей ихъ купленныя вотчины; но въ родовыхъ и выслуженныхъ онѣ не имѣли части, и эти вотчины всецѣло поступали въ родъ, т.-е. родственникамъ умершаго. Однако женамъ и дочерямъ убитыхъ и умершихъ на войнѣ помѣщиковъ выдавалась на прожитокъ нѣкоторая часть изъ помѣстья. Въ 1634 году эта часть была точнѣе опредѣлена; именно, вдовамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, побитыхъ или умершихъ подъ Смоленскомъ, указано вы-

давать изъ окладовъ мужей со 100 четей земли по 20 четей. Указъ 1644 года распространилъ сіе правило вообще на вдовъ павшихъ на войнѣ помѣщиковъ; а тѣмъ вдовамъ, мужья которыхъ умерли на походѣ отъ болѣзни, этотъ указъ назначаетъ въ наслѣдованіе 15 четвертей изъ 100 (приблизительно седьмую часть); если же мужъ умеръ не въ походѣ, а просто на государевой службѣ, то жена его получала 10 четей изъ сотни.

Въ связи съ потрясеніями отъ Смутнаго времени и съ развитіемъ крѣпостного права усиливалось не одно казачество уходомъ крестьянъ и холопей, умножались также и разбойничьи шайки, которыя грабили и убивали людей по селамъ и сильно свирѣпствовали по большимъ дорогамъ. Мы видимъ, что правительство въ теченіе всего Михаилова царствованія борется съ этимъ зломъ. Мѣстныя власти, т.-е. воеводы и губные старосты, иногда по малочисленности у нихъ служилыхъ людей не могли справиться съ разбоями, и тогда изъ Москвы отъ Разбойнаго приказа присылался какой-либо дворянинъ съ подъячимъ, которымъ давались особыя полномочія. Они должны были собирать изъ нѣсколькихъ городовъ и уѣздовъ отряды изъ дѣтей боярскихъ, пушкарей, затиньщиковъ, монастырскихъ служекъ, посадскихъ людей, уѣздныхъ сотскихъ, пятидесятскихъ, и десятскихъ и „со всякимъ ратнымъ боемъ“ ходить или посылать для розыска и захвата такъ называемыхъ „становыхъ разбойниковъ“, т.-е. разбойничьихъ шаекъ.

Пожары были наиболѣе постояннымъ и страшнымъ бѣдствіемъ древней деревянной Россіи. Не только села, но и цѣлые города выгорали иногда въ одинъ день. Мы видѣли, къ какимъ стѣснительнымъ мѣрамъ прибѣгало правительство для отвращенія пожаровъ: такъ, оно запрещало въ городахъ лѣтомъ топить печи. Но не одно неосторожное обращеніе съ огнемъ было причиною пожаровъ: поджогъ изъ мести или ради воровства въ селахъ и городахъ былъ обычнымъ явленіемъ. Сама столица страдала тѣмъ же бѣдствіемъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ особенно опустошительные пожары посѣтили Москву въ 1626, 1629 и 1634 годахъ. Затѣмъ до кончины Михаила не слышимъ о большихъ московскихъ пожарахъ. Повидимому, строгія охранительныя мѣры, принятыя правительствомъ, все-таки дѣйствовали. Въ пожарномъ отношеніи (преимущественно на лѣтнее время) Москва дѣлилась на участки; каждому участку назначался на извѣстный срокъ „объѣзжій голова“ изъ бояръ или дворянъ, и при немъ дьякъ или подъячій: они

обязаны были днемъ и ночью по нѣскольку разъ объѣзжать свои участки, наблюдать, чтобы пожарные сторожа были на своихъ мѣстахъ, всякое несчастіе отъ неосторожности захватывали бы въ началѣ, а также ловили бы поджигателей. По этому поводу имѣемъ любопытное донесеніе царю боярина Ѳ. Ив. Шереметева съ товарищами отъ 29 августа 1638 года. Михаилъ Ѳеодоровичъ находился въ отсутствіи: онъ уѣхалъ въ любимое свое подмосковное село Покровское; а Москву поручилъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, двумъ братьямъ Салтыковымъ, Проѣстеву и двумъ дьякамъ, Лихачову и Данилову. Они извѣщали царя, что торговые люди Китай-города изъ рядовъ Серебряного, Шапочнаго и Сурожскаго принесли имъ двѣ стрѣлы съ привязанными къ нимъ сѣрными спицами и трутомъ, которыя нашли одну въ Ветошномъ ряду, а другую въ Шубномъ; пущены онѣ были отъ Иконнаго ряду и отъ Земскаго двора, а „рядовые сторожа той воровской стрѣльбы не видали, потому что стоятъ у лавокъ“. Бояре приказали объѣзжимъ головамъ по улицамъ и переулкамъ ѣздить безпрестанно, а въ Китаѣ во всѣхъ рядахъ велѣно на ночь прибавить сторожей къ лавкамъ. Государь похвалилъ Шереметева и подтвердилъ, чтобы для нынѣшняго ведреннаго времени сторожей и стрѣльцовъ прибавить и сказать имъ, чтобы берегли накрѣпко; „а кто только такого вора зажигальщика поймаетъ, и ему отъ насъ, великаго государя, будетъ большое жалованье“.

Большіе пожары вызывали и большія постройки. Въ этомъ отношеніи Михаилъ Ѳеодоровичъ проявлялъ значительную дѣятельность. Не говоря о возобновленіи и новой постройкѣ областныхъ городовъ, всякаго рода укрѣпленій и засѣчныхъ линій, онъ много заботился о возможномъ возстановленіи столицы, большею частію лежавшей въ развалинахъ послѣ Смутнаго времени. Между прочимъ старыя бревенчатыя стѣны, шедшія вокругъ внѣшняго посада или Деревяннаго города и неоднократно погоравшія, царь велѣлъ замѣнить валомъ; почему сей внѣшній посадъ съ того времени вмѣсто Деревяннаго сталъ называться „Землянымъ городомъ“. Разумѣется, этотъ валъ былъ окруженъ рвомъ, укрѣпленъ тыномъ, снабженъ башнями и воротами. Постройка его была раздѣлена на части, и каждая воздвигалась подъ наблюденіемъ особо назначенныхъ для того окольничихъ, дворянъ и дьяковъ (1638 г.). Кромѣ того многія церковныя и казенныя зданія были вмѣсто дерева возобновлены или вновь построены изъ кирпича; въ томъ числѣ источники упоминаютъ литейный амбаръ на Пушечномъ дворѣ, новые каменные

хоромы на книжномъ или Печатномъ дворѣ, каменную ограду вокругъ Новоспасскаго монастыря, починку городскихъ каменныхъ стѣнъ. Для исполненія сихъ построекъ требовалось усиленное количество каменьщиковъ и кирпичниковъ; царь приказываетъ выслать ихъ изъ разныхъ городовъ и монастырей, и назначаетъ извѣстные сроки для ихъ явки въ Приказъ Большого Дворца къ боярину князю Алексѣю Мих. Львову; а за просрочку грозитъ игумнамъ и воеводамъ большою пенею (1642 г.). Въ томъ же году, при возобновленіи стѣнной иконописи Успенскаго собора, царь пишетъ приказъ псковскому воеводѣ, чтобы въ прибавку къ московскимъ царскимъ мастерамъ тотъ прислалъ изъ Пскова всѣхъ, какіе найдутся, иконописцевъ, и также въ назначенный срокъ они должны были явиться въ Приказъ Приказныхъ Дѣлъ къ боярину князю Борису Александровичу Рѣпнину. Работа предстояла кропотливая: такъ какъ прежде надобно было снять или срисовать все старое стѣнное письмо, а послѣ по тѣмъ же рисункамъ расписывать стѣны заново.

По извѣстію иностраннаго писателя (Олеарія), Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ каменныя палаты не только для себя, но и особыя, въ итальянскомъ стилѣ, для своего наслѣдника; но самъ онъ, ради здоровья, жилъ въ деревянномъ дворцѣ; такъ какъ каменныя зданія у насъ отличались сыростью. Вообще любившій строиться, Михаилъ Ѳеодоровичъ кромѣ столичнаго дворца воздвигалъ царскіе хоромы и въ разныхъ подмосковныхъ своихъ селахъ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что 17 сентября 1641 года (по старому счисленію) праздновалось „новоселье“ въ селѣ Коломенскомъ: „у государя былъ столъ въ новыхъ хоромахъ, въ Передней избѣ“. Тутъ присуствовали бояре кн. Ив. Б. Черкасскій, Глѣбъ Ив. Морозовъ, Лукьянъ Ст. Стрѣшневъ, окольничіе М. М. Салтыковъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій. За большимъ столомъ смотрѣлъ стольникъ князь М. М. Темкинъ-Ростовскій, а за кривымъ стольникъ кн. Сем. Петр. Львовъ; вина „наряжалъ“ стольникъ кн. Сем. Андр. Урусовъ.

Возобновляя и воздвигая дворцовыя зданія, Михаилъ Ѳеодоровичъ заботился о пополненіи царской библіотеки книгами на мѣсто тѣхъ которыя сгорѣли или были расхищены. Для этого онъ приказываетъ изъ большихъ монастырей, напримѣръ, Кириллобѣлозерскаго, брать по одному экземпляру, какой книги имѣлось тамъ нѣсколько, а если она была въ одномъ экземплярѣ, то дѣлать съ нея точный списокъ, и все это присылать въ Приказъ Большого Дворца

князю Алексѣю Мих. Львову (1639 г.). Къ нему же, какъ вѣдающему Печатнымъ дворомъ, въ слѣдующемъ году велѣно было выслать изъ Кириллова монастыря списки прологовъ и четьихъ-миней „добрыхъ старыхъ переводовъ“: они нужны были для справокъ при печатаніи церковныхъ книгъ.

Какъ при архимандритѣ Діонисіи, такъ и теперь для этого дѣла государь велѣлъ вызвать (въ 1641 г.) въ качествѣ справщиковъ изъ Кириллобѣлозерскаго и другихъ монастырей „старцевъ добрыхъ и черныхъ поповъ и дьяконовъ, которые житіемъ воздержательны и грамотѣ горазды“. Вообще исправленіе и печатаніе богослужебныхъ книгъ дѣятельно продолжалось какъ при патріархѣ Филаретѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ. При Іоасафѣ въ его шестилѣтнее патріаршество было напечатано книгъ болѣе нежели въ четырнадцатилѣтнее патріаршество Филарета Никитича; чему способствовали съ одной стороны простая перепечатка уже готовыхъ изданій, а съ другой увеличившееся количество книгопечатныхъ станковъ въ патріаршей типографіи. Печатное дѣло, веденное княземъ Львовымъ, впрочемъ не прерывалось и во время патріаршаго междуцарствія, какъ показываетъ вышеприведенный годъ. Смиренный, „недерзновенный“ передъ царемъ Іоасафъ скончался въ ноябрѣ 1640 года, и Михаилъ Ѳеодоровичъ долго не приступалъ къ выбору новаго патріарха. Только въ мартѣ 1642 года совершился этотъ выборъ, и притомъ необычнымъ въ Москвѣ старымъ новгородскимъ способомъ. Собравъ въ столицу высшихъ русскихъ іерарховъ, царь велѣлъ приготовить шесть жребіевъ съ именами намѣченныхъ имъ лицъ и послѣ мелебствія вынимать передъ чудотворною иконою Владимірской Богородицы. Вынулся жребій симоновскаго архимандрита Іосифа, который и былъ посвященъ въ патріарха.

Вообще московская книжная словесность, едва не заглохшая въ Смутную эпоху, замѣтно оживилась при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Этому оживленію, особенно въ сферѣ богословской, не мало способствовали завязавшіяся сношенія съ южно и западно-русскими учеными и знакомство съ нѣкоторыми ихъ сочиненіями, которыя начали проникать и въ Восточную Россію. Но патріархъ Филаретъ, строго оберегавшій чистоту восточнаго православія, неодобрительно относился къ этимъ сочиненіямъ, опасаясь занесенія къ намъ латинскихъ, уніатскихъ и вообще еретическихъ мыслей. Такъ, когда Лаврентій Зизаній Тустановскій (братъ Стефана Зизанія) искалъ убѣжища въ Москвѣ и представилъ Филарету свое рукописное ученіе вѣры или

„Катехизисъ", патріархъ велѣлъ его исправить и напечатать, но не выпустилъ его въ свѣтъ для общаго употребленія. А когда въ Москву привезено было печатное „Учительное Евангеліе" Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, патріархъ разсмотрѣніе сей книги поручилъ двумъ игумнамъ и соборному ключарю Ивану Насѣдкѣ, которые и нашли въ ней многія погрѣшности и ереси. Тогда царь и патріархъ повелѣли экземпляры этой книги и другія сочиненія Ставровецкаго, кои найдутся въ Московскомъ государствѣ, собрать и сжечь; причемъ запретили впредь покупать книги литовской печати вообще (1627 г.). Подобныя мѣры противъ занесенія еретическихъ идей вѣроятно были не безъ связи съ нѣкоторыми проявленіями вольнодумства, которое въ Смутную эпоху проникло въ среду коренныхъ Москвичей. Такъ, князь Иванъ Хворостининъ, бывшій когда-то однимъ изъ приближенныхъ перваго Самозванца, увлекся латинскими книгами, началъ хулить православіе и вообще московскихъ людей, говоря, что они „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью"; сталъ сомнѣваться въ воскресеніи мертвыхъ, и запрещалъ даже своимъ слугамъ ходить въ церковь. Царь и патріархъ послали его на исправленіе въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Поживъ тамъ около года, Хворостининъ раскаялся, былъ прощенъ и воротился въ Москву (1623 г.). Патріархъ въ этомъ случаѣ поступилъ съ необычною мягкостію.

Время Михаила особенно богато сочиненіями о событіяхъ и дѣятеляхъ Смутной эпохи; сочиненія эти написаны еще подъ живыми и сильными впечатлѣніями. Во главѣ ихъ является краснорѣчивое сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры знаменитаго келаря сей лавры Авраамія Палицына. (Онъ удалился потомъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1624 году). Но уже современники упрекали его въ томъ, что онъ преувеличилъ свое собственное участіе съ событіяхъ той эпохи, особенно въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, оставивъ при этомъ въ тѣни дѣятельность архимандрита Діонисія. Нѣкоторые послѣдующіе писатели постарались возстановить правду по отношенію къ сему замѣчательному и скромному дѣятелю; именно, житіе его написано Симономъ Азарьинымъ, однимъ изъ преемниковъ Палицына по келарству, и дополнено извѣстнымъ сотрудникомъ Діонисія по исправленію требника Иваномъ Насѣдкою, котораго Филаретъ сдѣлалъ ключаремъ Успенскаго собора. Этотъ Иванъ Насѣдка является въ числѣ наиболѣе плодовитыхъ русскихъ писателей того времени. Патріархъ Филаретъ, столь усердно заботив-

шійся о прославленіи своего дома и укрѣпленіи своей династіи, оказалъ большое вліяніе именно на лѣтописи и записки о Смутномъ времени и объ избраніи Михаила на царство; повидимому, съ него же началось устраненіе тѣхъ документовъ, которые могли бросить какую-либо тѣнь на сіе избраніе, вообще на семью Романовыхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ. Вліяніе знаменитаго патріарха особенно замѣтно на слѣдующихъ историческихъ сочиненіяхъ: во-первыхъ, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ", во-вторыхъ, хронографъ или повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго (которому по первой его супругѣ Татьянѣ Ѳедоровнѣ Филаретъ Никитичъ приходился тестемъ) и въ-третьихъ, такъ-назыв. „Рукопись Филарета". Подъ его же вліяніемъ писали свои записки два князя: помянутый выше Ив. Анд. Хворостининъ и Сем. Ив. Шаховской-Харя, также нѣкоторое время находившійся въ опалѣ (между прочимъ за свой четвертый бракъ). Тому же періоду принадлежитъ многословный и витіеватый „Временникъ" дьяка Ивана Тимофеева, который состоялъ на службѣ въ Новгородѣ, гдѣ и былъ свидѣтелемъ шведскаго захвата этого города. Кромѣ сихъ общихъ по современной исторіи сочиненій, имѣемъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ лѣтописей, сказаній и житій, между которыми заслуживаютъ упоминанія: записи о походахъ Ермака и завоеваніи Сибири, составленныя подъ руководствомъ сибирскаго архіепископа Кипріана (потомъ митрополита Крутицкаго и наконецъ Новгородскаго); житіе преп. затворника Иринарха Ростовскаго, написанное ростовскимъ же инокомъ Александромъ; сказаніе неизвѣстнаго о нашествіи Поляковъ на Устюжну-Желѣзнопольскую; „Сказаніе" объ Азовскомъ сидѣніи, „Повѣсть" объ Уліаніи Лазаревской, тепло и красно сочиненная ея сыномъ муромскимъ губнымъ старостою Калистратомъ Осорьинымъ, и т. д.

По отдѣлу сочиненій и записокъ географическаго содержанія ко времени Михаила Ѳеодоровича относятся: путешествіе казанца Василія Гагары въ Іерусалимъ и Египетъ, записки Василія Тюменца о посольствѣ въ Монголію къ Алтынъ Хану и „Книга, глаголемая Космографія" (соч. Герарда Меркатора), переведенная съ латинскаго по царскому указу Богданомъ Лыковымъ, переводчикомъ Посольскаго приказа. Около того же времени возобновлена и дополнена, составленная прежде, „Книга, глаголемая Большой Чертежъ" (т.-е. карта Московскаго государства съ указателемъ). Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы время Михаила Ѳеодоровича было очень скудно произведеніями отечественной и переводной словесности. Но уровень гра-

мотности и просвѣщенія все еще былъ очень невысокъ: для его поднятія требовались правильно-устроенныя общественныя школы, которыхъ, главнымъ образомъ, и недоставало Московскому государству.

Усиленныя постройки, возведеніе городскихъ стѣнъ и укрѣпленій, а также изготовленіе пушекъ, ядеръ и всякихъ военныхъ снарядовъ побуждали Московское правительство выписывать изъ-за границы мастеровъ каменнаго дѣла и литейщиковъ въ Москву на царскую службу. Повторилось нѣчто похожее на времена Ивана III. Только теперь обращались за разными мастерами не въ Италію, а въ Сѣверную Германію, Англію, Нидерланды и Швецію. Мы видѣли, что покупка военнаго матеріала за границей и внутренняя выдѣлка его особенно оживились со времени приготовленій ко второй войнѣ съ Польшею. Съ той поры и до конца царствованія не прекращаются заботы Михаила Ѳеодоровича о привлеченіи въ свою придворную службу потребныхъ мастеровъ и вообще о водвореніи въ Россіи разныхъ отраслей европейской заводско-фабричной промышленности. Между прочимъ вызываются часовщики, и съ обязательствомъ имѣть русскихъ учениковъ. Въ 1633 г. царь даетъ жалованную грамоту алмазнаго и золотого дѣлъ мастеру Мартынову и англичанину Гловерту на вызовъ иноземцевъ и дѣсятилѣтнюю привилегію для заведенія канительной фабрики или тянутого и волоченаго золота. Въ 1634 г. онъ даетъ жалованную грамоту мастеру бархатнаго дѣла Ефиму Фимбранту (т.-е. Фанбрандту, повидимому, Голландцу) на устройство мельницъ и сушилъ для выдѣлки лосинныхъ кожъ съ привилегіей на десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ на эту выдѣлку монополію и право безпошлинной торговли. Въ томъ же 1634 году дана жалованная грамота пушечному мастеру и рудознатцу Елисею Коэту (Шведу) для устройства стекляннаго завода, съ таковыми же привилегіями на 15 лѣтъ. Въ томъ же году царь отправилъ въ Саксонію, именно въ Госларъ, иноземца золотыхъ дѣлъ мастера Эльрендорфа съ переводчикомъ Николаевымъ для того, чтобы нанять тамъ людей, умѣющихъ выплавлять мѣдь изъ руды. Такъ какъ они ѣхали на Гамбургъ, то въ этомъ дѣлѣ имъ долженъ былъ помочь имѣвшій торговыя сношенія съ Москвою гамбургскій купецъ Гавріилъ Марселисъ. Дѣло въ томъ, что въ 1633 году царемъ были посланы въ Пермскій край стольникъ Вас. Ив. Стрѣшневъ и гость Надѣя Свѣтешниковъ розыскивать тамъ золотыя руды, и они нашли, только не золотую, а богатую мѣдную руду. Изъ Саксоніи дѣй-

ствительно прибыли вскорѣ рудознатцы, съ Петцольдомъ во главѣ. Царь отправилъ его въ Пермь вмѣстѣ со Свѣтешниковымъ. Они устроили тамъ Пыскорскій мѣдиплавильный заводъ, который положилъ начало нашей уральской горнозаводской промышленности. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ также положено начало тульскому оружейному производству и разработкѣ сосѣднихъ желѣзныхъ рудъ. Именно, торговый иноземецъ (голландецъ) Андрей Виніусъ по грамотѣ, данной ему царемъ въ 1632 г., основалъ чугуннолитейный заводъ для выдѣлки въ казну желѣзныхъ пищалей и ядеръ на р. Тулицѣ, въ 15 верстахъ отъ г. Тулы. Руду доставали въ 40 верстахъ отъ завода, около Дѣдилова.

Помянутый гамбургскій купецъ Гавріилъ Марселисъ, помогавшій полковнику Лесли при наймѣ нѣмецкихъ солдатъ и потомъ ѣздившій въ Саксонію для найма рудознатцевъ, болѣе 30 лѣтъ велъ торговлю въ Московскомъ государствѣ, привозилъ разные „узорочные товары“ для царскаго двора и платилъ въ казну одной пошлины по 1.000 р. въ годъ и болѣе, а потому пользовался льготами. По челобитью его сына Петра Марселиса, царь далъ сему послѣднему жалованную грамоту на свободную торговлю всякимъ товаромъ въ своемъ государствѣ, съ уплатою установленныхъ пошлинъ. Однако торговать въ розницу ему не разрѣшалось, такъ что питья заморскія онъ могъ продавать только „бочками большими, беремянными и полуберемянными и куфами“, а не ведрами и не стопами, сукна могъ продавать только поставами, камки, бархаты и атласы косяками, а не аршинами. Зато судить его въ какомъ-либо дѣлѣ, за исключеніемъ уголовныхъ, могъ только Посольскій приказъ. Эта грамота дана въ 1638 году. А такъ какъ гамбургскіе Марселисы продолжали оказывать царю и разныя другія услуги (напримѣръ, въ дѣлѣ о бракѣ царевны Ирины съ Датскимъ принцемъ), то спустя шесть лѣтъ, тому же Петру Марселису и голландскому купцу Филимону Акаму пожалована двадцатилѣтняя привилегія устраивать заводы на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ, выдѣлывать пушки, ядра, прутовое и досчатое желѣзо, проволоки, стволы мушкетные и карабинные, продавать ихъ въ казну съ уступкою противъ торговой цѣны и вывозить безпошлинно въ иныя, но только дружественныя земли („которыя съ нами Великимъ государемъ въ совѣтѣ и дружбѣ“).

Таковыя льготы и привилегіи Московское правительство давало иногда тому или другому торговому иноземцу за какія-либо особыя заслуги; но оно было вообще осторожно при заключеніи торговыхъ

трактатовъ съ иноземными государствами, и рѣдко упускало изъ виду интересы собственнаго торговаго класса. Впрочемъ оно дѣлало уступки тѣмъ державамъ, которыя помогали въ трудное время: напримѣръ, Англіи, оказывавшей намъ дипломатическое содѣйствіе и снабжавшей насъ военными запасами во время борьбы съ Польшею, и Персіи, которая дружила съ Москвою при шахѣ Аббасѣ. Но старыя льготы, дарованныя англійской торговой компаніи еще въ XVI вѣкѣ, и ея факторіи, распространившіяся по разнымъ городамъ (Москва, Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Ярославль, Вологда, Шуя, Устюгъ и др.), сдѣлались тягостны, такъ какъ отнимали торги у русскихъ купцовъ; на что справедливо слышались жалобы на Земскомъ соборѣ 1642 года. Поэтому московское правительство стало благосклонно относиться къ Голландцамъ, которые явились соперниками Англичанъ по Бѣломорской торговлѣ съ Россіей и также въ случаяхъ нужды не разъ снабжали насъ военнымъ матеріаломъ. Однако Голландцы тщетно добивались получить тѣ же торговыя льготы, коими пользовались Англичане, и главнымъ образомъ право свободно торговать внутри Россіи.

Вообще сношенія наши съ Западноевропейцами въ это время, какъ мы сказали, сосредоточивались по преимуществу на народахъ Сѣверно-Европейской полосы—на народахъ, принявшихъ реформацію, т.-е. отдѣлившихся отъ Латинской церкви. Въ Москвѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо непріязненно относились къ латинству и папству, особенно въ виду настойчивыхъ попытокъ сего послѣдняго ко введенію уніи въ единоплеменной и единовѣрной намъ Западной Руси. Поэтому протестантство, не отличавшееся вообще духомъ религіозной пропаганды и болѣе заботившееся о мірскихъ выгодахъ, встрѣчало въ Москвѣ и болѣе благосклонное отношеніе. Это особенно ясно сказалось въ вопросѣ о построеніи иновѣрческихъ храмовъ въ самой столицѣ.

Пребывавшіе въ Москвѣ служилые и торговые иноземцы въ XVI вѣкѣ сосредоточены были въ особой загородной слободѣ, лежавшей на правомъ берегу Яузы близъ ея устья. Слобода эта называлась Нѣмецкой: такъ какъ большинство иноземцевъ принадлежало Нѣмецкой народности. Число сихъ Нѣмцевъ очень умножилось во время Ливонскихъ войнъ Ивана Грознаго, который поселилъ здѣсь много плѣнныхъ Ливонцевъ. Нѣмцы, большею частью лютеране, имѣли у себя пасторовъ, которые исполняли необходимыя требы и совершали богослуженіе въ частныхъ домахъ. Когда же Иванъ Гроз-

ный задумалъ обратить Ливонію въ вассальное королевство съ герцогомъ Магнусомъ во главѣ, то онъ дозволилъ построить въ Нѣмецкой слободѣ деревянную лютеранскую кирку, но потомъ, по его же приказу, кирка была разрушена. Годуновъ, вообще покровительствовавшій иноземцамъ, по просьбѣ своихъ нѣмецкихъ докторовъ, разрѣшилъ вновь выстроить лютеранскую кирку, подъ алтаремъ которой въ каменномъ склепѣ былъ погребенъ его нареченный зять, датскій принцъ Іоганъ. Но въ Смутное время самая Нѣмецкая слобода была разорена, обитатели ея разсѣялись, а церковь ея сгорѣла.

При Михаилѣ Θеодоровичѣ разсѣявшіеся иноземцы вновь стали собираться въ Москву, причемъ селились въ разныхъ ея частяхъ, но преимущественно на Покровкѣ и сосѣднихъ улицахъ, т.-е. по близости отъ старой Нѣмецкой слободы. Съ дозволенія правительства они опять построили себѣ деревянную кирку за Фроловскими (нынѣ Мясницкими) воротами, въ т.-наз. Огородной слободѣ (близъ русской церкви Харитонія въ Огородникахъ). Но въ 1632 году эта кирка была разрушена по слѣдующему любопытному поводу, если только вѣренъ разсказъ о томъ иностраннаго писателя (Олеарія). Около того времени, какъ извѣстно, нанято было нѣсколько тысячъ иноземнаго войска въ царскую службу. Въ Москвѣ нѣкоторые нѣмецкіе офицеры поженились на служанкахъ нѣмецкихъ купеческихъ домовъ. Новыя офицерши не пожелали при богослуженіи въ киркѣ занимать мѣста ниже своихъ бывшихъ хозяекъ, а послѣднимъ показалось обиднымъ такое нежеланіе. Происшедшіе отсюда споры однажды перешли въ драку. На ту пору мимо кирки проѣзжалъ патріархъ (повидимому, Филаретъ Никитичъ); узнавъ о причинѣ шума и драки, онъ весьма оскорбился такимъ кощунствомъ и приказалъ снести кирку въ мѣсто болѣе отдаленное отъ центра города. Это была собственно лютеранская кирка; кромѣ нея существовала и реформатская около такъ-назыв. Поганаго пруда (теперь Чистые пруды). На соборѣ 1642 года, какъ мы видѣли, раздавались жалобы русскихъ купцовъ на захватъ разныхъ торговыхъ статей со стороны иноземцевъ. А въ слѣдующемъ году причты нѣсколькихъ московскихъ церквей подали Царю челобитную, въ которой печаловались на то, что Нѣмцы безъ государева указу покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ, отчего число ихъ прихожанъ уменьшается, что Нѣмки заводятъ у себя корчмы и держатъ русскую прислугу, что на своихъ дворахъ близъ русскихъ церквей иноземцы ставятъ ропаты (молитвенные дома) и т. п. Въ отвѣтъ на эту челобитную из-

данъ царскій указъ, которымъ запрещено продавать Нѣмцамъ дворы, а ропаты ихъ велѣно сломать. Тогда же были разрушены и обѣ помянутыя кирки, лютеранская и реформатская.

Иноземцы немедленно принялись хлопотать о разрѣшеніи построить новую кирку. (Число протестантовъ въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, простиралось тогда до 1.000). Они постарались подѣйствовать на Царя съ помощью близкихъ къ нему придворныхъ докторовъ-иностранцевъ. Эти доктора чрезъ своего начальника боярина Ѳ. И. Шереметева, вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ, подали челобитную, въ которой испрашивали дозволенія построить свой храмъ у Земляного вала за Фроловскими воротами, въ мѣстѣ удаленномъ отъ православныхъ церквей; а далѣе того мѣста имъ ѣздить изъ города было бы невозможно: такъ какъ они на всякій часъ должны быть готовы „для обереганья его царскаго здоровья". Таковую же челобитную подали нѣкоторые военнослужилые и торговые иноземцы, а также золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Эту просьбу поддержалъ извѣстый Петръ Марселисъ, который въ то время употреблялся для переговоровъ съ Датскимъ дворомъ о бракѣ царевны Ирины Михайловны и потому пользовался особою милостію у Царя. Просьба увѣнчалась успѣхомъ: близъ мѣста прежней лютеранской кирки, межъ Фроловскихъ и Покровскихъ воротъ изъ огорода Никиты Зюзина былъ выдѣленъ достаточный участокъ земли, на которомъ Нѣмцы построили просторный храмъ съ домами для причтовъ, и весь участокъ обнесенъ крѣпкимъ заборомъ. Этотъ храмъ служилъ пока обоимъ протестантскимъ исповѣданіямъ: лютеранскому и реформатскому. Во всякомъ случаѣ протестанты, какъ мы видимъ, пользовались въ Москвѣ нѣкоторою свободою вѣроисповѣданія; тогда какъ иноземцы-католики, несмотря на свои домогательства, пока не получили разрѣшенія на построеніе храма, а должны были довольствоваться частными домами для своихъ молитвенныхъ собраній. ([15]).

XI.

КОНЕЦЪ МИХАИЛОВА ЦАРСТВОВАНІЯ.—ИНОЗЕМНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Самозванецъ Луба.— Голштинское посольство.— Сватовство царевны Ирины за датскаго принца Вальдемара.—Пребываніе его въ Москвѣ.—Отказъ его принять православіе.—Пренія о вѣрѣ московскихъ богослововъ съ лютеранскимъ пасторомъ.—Участіе въ нихъ Польскаго посла.—Упорство Михаила.—Неудовольствіе Москвичей на принца и слѣдствія преній.—Богомольныя поѣздки и слабое здоровье Михаила Феодоровича.—Придворные доктора-иноземцы и лѣченіе царя.—Предсмертная болѣзнь и кончина Михаила Феодоровича.—Значеніе его царствованія.—Двукратное путешествіе Адама Олеарія съ голштинскимъ посольствомъ въ Россію.—Его наблюденія надъ русскими обычаями по пути къ Москвѣ.—Въѣздъ въ столицу и торжественный пріемъ посольства.—Переговоры.—Пріѣзды разныхъ пословъ.—Царскіе выѣзды.—Процессія Вербнаго Воскресенія.—Грабежи.—Путешествіе Голштинцевъ по Волгѣ.—Нижній-Новгородъ.—Казань.—Судовые караваны.—Разбои волжскихъ казаковъ.—Царицынъ.—Черный Яръ.—Астрахань и виноградники.

Въ послѣднюю эпоху своего царствованія Михаилъ Феодоровичъ находился въ мирныхъ и даже дружественныхъ сношеніяхъ со многими, какъ близкими, такъ и дальними государями: таковы сношенія съ Швеціей, Даніей, Австріей, Голштиніей, Турціей, Персіей, съ монгольскими и татарскими ханами, даже съ Крымомъ и Польшею. Но польскія отношенія, кромѣ едва улаженныхъ споровъ о пограничныхъ рубежахъ и царскомъ титулѣ, немного омрачились еще дѣломъ о новомъ самозванцѣ.

Въ 1644 году отправлены были въ Польшу послами князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, думный дворянинъ Пушкинъ и дьякъ Волошиновъ съ оффиціальнымъ порученіемъ, касающимся царскаго титула и размежеванія пограничныхъ земель. Кромѣ того, имъ данъ былъ тайный наказъ относительно самозванца. Когда маленькаго Ивана, сына Марины Мнишекъ и Второго Лжедимитрія, повѣсили въ Москвѣ, то у нѣкоего пана Бѣлинскаго оказался мальчикъ, ко-

тораго онъ сталъ выдавать за этого Ивана Дмитріевича, будто бы спасеннаго отъ смерти подмѣною его другимъ мальчикомъ (обычный самозванческій пріемъ) и будто имѣвшаго у себя на спинѣ какіе-то царскіе знаки въ видѣ орла. Въ дѣйствительности это былъ сынъ подляскаго шляхтича Дмитрія Лубы, который служилъ въ польскихъ войскахъ въ Смутное время и бралъ его съ собою въ Московское государство. Когда же самъ Луба былъ убитъ, товарищъ его Бѣлинскій привезъ сына обратно въ Литву; тутъ сталъ называть его московскимъ царевичемъ, представилъ его Сигизмунду и панамъ-радѣ; а они отдали его на сбереженіе канцлеру Льву Сапѣгѣ и велѣли выдавать на его содержаніе по 6.000 золотыхъ изъ доходовъ Брестскаго повѣта. Сапѣга пригласилъ одного ученаго русина (извѣстнаго впослѣдствіи игумена Аѳанасія Филипповича), чтобы тотъ научилъ мальчика грамотѣ по-русски, по-польски и по-латыни. Въ этомъ ученьѣ онъ находился семь лѣтъ; причемъ иногда писался царевичемъ московскимъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Послѣ кончины Сигизмунда, при Владиславѣ содержаніе его уменьшили до 100 золотыхъ, а послѣ смерти Льва Сапѣги и совсѣмъ прекратили; тогда молодой человѣкъ принужденъ былъ снискивать себѣ пропитаніе службою у разныхъ пановъ. Теперь онъ жилъ въ Брестѣ и служилъ у пана Осинскаго въ писаряхъ, а между тѣмъ продолжалъ называть себя царевичемъ Московскимъ.

Ясно, что это было неудачное продолженіе все той же самозванческой интриги, плодомъ которой явились Лжедимитрій первый и второй. Главнымъ дѣятелемъ этой интриги снова выступаетъ старый врагъ Москвы, Левъ Сапѣга, но уже безъ участія Мнишковъ, зато съ участіемъ того же Сигизмунда III. По сознанію самого Ивана Лубы, Сапѣга „велѣлъ его у себя держать для всякія причины“, т.-е. новаго самозванца сочиняли на всякій случай, имѣя въ виду выдвинуть его противъ Михаила Ѳеодоровича, когда настанетъ для того удобный моментъ. И дѣйствительно, когда въ Москвѣ готовились къ Смоленскому походу, Левъ Сапѣга и Александръ Гонсѣвскій, повидимому, намѣрены были выставить самозванца; но смерть Сигизмунда и Сапѣги, при вѣроятномъ нежеланіи Владислава путаться въ эту интригу, положили ей конецъ.

Тѣмъ не менѣе, въ Москвѣ очень безпокоились существованіемъ мнимаго Ивана Дмитріевича, и чрезъ помянутое посольство потребовали его выдачи. Долго паны-рада спорили съ московскими послами, отрицали всякое значеніе, всякую опасность этого дѣла и убѣждали

не требовать, не казнить невиннаго человѣка. Но послы стояли на томъ, что симъ воромъ могутъ воспользоваться своевольные Запорожцы или другіе злонамѣренные люди, придти съ нимъ въ Московское государство и учинить новую смуту. Такъ какъ съ нашей стороны грозили разрывомъ, то въ ноябрѣ того же 1644 года въ Москву пріѣхало польское посольство, съ паномъ Стемпковскимъ во главѣ, и привезло съ собою Лубу для того, чтобы показать полную его неспособность и безобидность. Московское правительство однако не довольствовалось нахожденіемъ Лубы при посольствѣ и требовало его выдачи. Стемпковскій противился; но посреди этихъ непріятныхъ переговоровъ Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался, и вопросъ о Лубѣ остался пока нерѣшеннымъ. Кромѣ него были въ то время и другіе самозванцы. Одинъ изъ нихъ, также называвшій себя царевичемъ Иваномъ Дмитріевичемъ, явился гдѣ-то въ персидскихъ или турецкихъ владѣніяхъ и обращался письменно къ султану съ просьбой о помощи для завладѣнія Московскимъ престоломъ. Другой объявился въ той же Польшѣ и называлъ себя сыномъ царя Шуйскаго. Рѣшеніе вопроса о сихъ самозванцахъ относится къ слѣдующему царствованію.

Московское правительство при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ вообще съ любопытствомъ слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ иностранныхъ, особенно сосѣднихъ государствахъ; съ этою цѣлью изъ Новгорода въ Москву постоянно доставлялись извѣстія или такъ наз. „вѣстовыя письма“ (родъ рукописныхъ газетъ того времени). Онѣ прилагались къ отпискамъ новогородскихъ воеводъ.

Очень любопытны происходившія при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пріязненныя сношенія Россіи съ герцогствомъ Голштинскимъ—сношенія, которыя, какъ извѣстно, спустя болѣе столѣтія, привели къ чрезвычайной важности послѣдствіямъ, когда на смѣну, прекратившагося въ мужской линіи, дома Романовыхъ выступила его женская линія. Поэтому остановимся нѣсколько на сихъ сношеніяхъ.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія на Голштинскомъ престолѣ сидѣлъ герцогъ Фридрихъ, прославившійся какъ покровитель наукъ и искусствъ, умѣвшій сохранить миръ и тишину въ своихъ владѣніяхъ посреди свирѣпствовавшей вокругъ Тридцатилѣтней войны. (За сестру этого Фридриха, Доротею, когда-то неудачно сватался Михаилъ Ѳеодоровичъ). Онъ задумалъ войти въ непосредственныя сношенія съ Московскимъ государствомъ, а чрезъ него и съ Персіей, которая особенно привлекала европейцевъ своимъ шелкомъ,

какъ очень выгоднымъ товаромъ. Герцогъ Фридрихъ воспользовался вербовкою Нѣмцевъ въ русскую службу во время нашихъ приготовленій ко второй Польской войнѣ. Онъ прислалъ въ подарокъ нѣсколько пушекъ и выразилъ готовность помогать нашей вербовкѣ, а взамѣнъ просилъ нѣкоторыхъ торговыхъ льготъ для своихъ купцовъ. Затѣмъ Фридрихъ снарядилъ въ Москву большое посольство, во главѣ котораго поставилъ законовѣда Филиппа Крузе и гамбургскаго купца Отто Бругмана. Секретаремъ посольства былъ Адамъ Олеарій, ученый человѣкъ, родомъ изъ Саксоніи, который имѣлъ отъ любознательнаго герцога порученіе описать Московію и Персію. И дѣйствительно, онъ оставилъ намъ чрезвычайно любопытное описаніе своего двукратнаго путешествія въ Россію. Голштинское посольство прибыло въ Москву въ августѣ 1634 года, привезло съ собою разные подарки и было принято съ большою торжественностію. Оно просило, главнымъ образомъ, позволенія для особой Голштинской купеческой компаніи вести торговлю съ Персіей черезъ Россію. Хотя всѣмъ другимъ правительствамъ Москва отвѣчала отказомъ на эту просьбу, но герцогу Фридриху Михаилъ Θеодоровичъ далъ сіе позволеніе (вѣроятно, потому, что отъ Голштинцевъ ожидалось менѣе соперничества для собственныхъ купцовъ, чѣмъ отъ Голландцевъ, Англичанъ или Французовъ). Послѣ того послы отправились обратно въ Голштинію для герцогскаго подтвержденія заключеннаго ими торговаго договора съ Москвою; а здѣсь оставили своего корабельнаго мастера, который съ помощью русскихъ плотниковъ долженъ былъ въ Нижнемъ - Новгородѣ построить корабль для предстоявшаго ихъ плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю въ Персію. Этотъ корабль и былъ собственно первымъ европейскимъ мореходнымъ судномъ, построеннымъ въ Россіи.

Въ 1636 году то же посольство, но уже значительно умноженное въ числѣ (до 100 человѣкъ), на означенномъ кораблѣ отправилось по Волгѣ въ Персію. Все это предпріятіе собственно окончилось безъуспѣшно: корабль потерпѣлъ крушеніе въ Каспійскомъ морѣ, и посольство потомъ съ трудомъ воротилось въ отечество (въ 1639 г.). Голштинія не вошла въ торговыя связи съ Персіей и не воспользовалась дарованными ей торговыми льготами въ Россіи; но она осталась въ дружественныхъ съ ней отношеніяхъ. А помянутый трудъ Адама Олеарія доселѣ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для нагляднаго знакомства съ Россіей и Персіей того времени. Самому Олеарію Россія настолько понравилась, что онъ на обратномъ

пути въ отечество просился въ царскую службу. Въ Москвѣ также оцѣнили этого ученаго человѣка, свѣдущаго особенно въ астрономіи и географіи, и была уже написана царская „опасная“ грамота для свободнаго его прибытія въ Москву. Однако вступленіе его въ нашу службу не состоялось: онъ предпочелъ ей мѣсто придворнаго библіотекаря у Голштинскаго герцога, и остальную жизнь мирно провелъ въ Готторпѣ посреди своихъ ученыхъ занятій. ([16]).

Не менѣе любопытны сношенія Михаила Феодоровича съ дядею голштинскаго герцога Фридриха, т.-е. съ королемъ датскимъ Христіаномъ IV. Младшій братъ Христіана принцъ Іоаннъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ жениха Ксеніи Борисовны Годуновой, здѣсь скончался и погребенъ подъ сводами лютеранской церкви въ Старо-Нѣмецкой слободѣ. Прошло 35 лѣтъ, и король Христіанъ обратился съ просьбою отпустить въ отечество тѣло его брата. Михаилъ Феодоровичъ не только исполнилъ эту просьбу, но и велѣлъ съ большимъ почетомъ проводить тѣло до русской границы къ городу Нарвѣ (1637 г.). Межъ тѣмъ датское правительство, подобно другимъ морскимъ державамъ, не разъ принималось хлопотать въ Москвѣ о дозволеніи своимъ купцамъ ѣздить въ Персію, безпошлинно торговать въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ и имѣть здѣсь свои дворы и церкви. Домогательства эти болѣе или менѣе были отклонены. Но въ концѣ Михайлова царствованія наши отношенія къ Даніи вдругъ приняли самый дружескій характеръ, обѣщавшій доставить Датчанамъ наиболѣе льготное положеніе въ Московскомъ государствѣ. Причиною тому было новое сватовство, которое явилось почти повтореніемъ того, что происходило при Борисѣ Годуновѣ. Только на сей разъ выступилъ на сцену вмѣсто брата сынъ Христіана IV.

Супружество Михаила Феодоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой Богъ благословилъ довольно многочисленымъ потомствомъ: у нихъ было десять или одиннадцать дѣтей, въ томъ числѣ три сына (Алексѣй, Иванъ и Василій), а остальныя дочери. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта чадолюбивая чета подверглась чувствительному горю; большинство ея дѣтей скончалось еще въ младенчествѣ. Въ живыхъ оставались четверо: одинъ сынъ, наслѣдникъ престола Алексѣй, и три дочери, Ирина, Анна и Татьяна. Старшей дочери, Иринѣ Михайловнѣ, было 13 лѣтъ, когда родители озаботились прінсканіемъ ей достойнаго жениха.

По всѣмъ признакамъ, царь Михаилъ не допускалъ мысли о бракѣ своей дочери съ членомъ какой-либо знатной русской семьи: какъ и всякая новая династія, Романовы, естественно, старались провести рѣзкую черту между собою и своими подданными, и думали возвысить блескъ своей фамиліи родственными связями съ европейскими царствующими домами. Подобно Годунову, Михаилъ Ѳеодоровичъ обратился за женихомъ въ датскую королевскую семью. По справкамъ, наведеннымъ чрезъ находившихся въ Москвѣ иноземныхъ купцовъ и медиковъ, оказалось, что у Христіана IV былъ младшій еще не женатый сынъ Вальдемаръ, рожденный отъ второй супруги, графини Мункъ. Поэтому въ декабрѣ 1640 года отправили въ Данію гонцомъ переводчика-иностранца (Ивана Ѳомина) съ явнымъ торгово-дипломатическимъ порученіемъ, а съ тайнымъ—добыть всѣ нужныя свѣдѣнія о намѣченномъ женихѣ и привезти его портретъ. Гонецъ исполнилъ это послѣднее порученіе; но оно не осталось тайною для Датскаго двора. Престарѣлый король пошелъ навстрѣчу желаніямъ царя, имѣя въ виду выгодною женитьбою пристроить сына; вельможи датскіе также рады были случаю удалить Вальдемара, имѣвшаго притязаніе на вице-королевское достоинство. Поэтому Христіанъ подъ предлогомъ торговаго трактата снарядилъ въ Москву посольство, во главѣ котораго поставилъ самого принца Вальдемара. Въ Москвѣ на первый разъ его приняли съ тѣми же почестями, какія обыкновенно оказывали иноземнымъ посламъ, и вступили въ оживленные переговоры. Датчане просили все тѣхъ же торговыхъ льготъ и права имѣть свои дворы и церкви въ извѣстныхъ городахъ. Московское правительство на сей разъ было уступчивѣе; только не соглашалось на особыя датскія кирки. Съ своей стороны оно требовало для московскихъ купцовъ такого же права торговать въ датскихъ городахъ. Въ этомъ смыслѣ уже составлена была договорная грамота; но тутъ возникли обычныя пререканія о томъ, какое имя, царское или королевское, должно стоять въ грамотѣ на первомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ датское посольство пока уѣхало ни съ чѣмъ (1641 г.).

Но въ Москвѣ, познакомясь съ принцемъ, рѣшили не упускать этого жениха.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, царь отправилъ въ Данію послами окольничаго Проѣстева и дьяка Патрикѣева все еще по поводу торговаго договора, а вмѣстѣ и съ порученіемъ начать сватовство. Но такъ какъ послы, сообразуясь съ своимъ наказомъ, прямо поставили

требованіе о крещеніи принца въ православную вѣру, то напрасно они раздавали деньги и соболей; получивъ отказъ, они воротились безъ успѣха. Въ Москвѣ этотъ неуспѣхъ приписали неумѣнью пословъ вести переговоры и обвинили въ нерадѣніи, за что подвергли ихъ опалѣ. Тогда сіе щекотливое дѣло передали извѣстному Петру Марселису, и отправили его въ Данію, снабдивъ значительнымъ количествомъ соболей и денегъ для подарковъ вліятельнымъ лицамъ. Марселисъ искусно повелъ переговоры о бракѣ; причемъ по вопросу о перемѣнѣ вѣры отдѣлывался неопредѣленными обѣщаніями. А такъ какъ Христіанъ IV въ то время былъ угрожаемъ войною со стороны Швеціи, то онъ надѣялся въ лицѣ Московскаго царя пріобрѣсти добраго союзника противъ Шведовъ; а потому охотно согласился отпустить сына въ Москву, только желалъ обезпечить его предварительными условіями, скрѣпленными царскою грамотою. Въ числѣ этихъ условій главное мѣсто занимали: свобода вѣроисповѣданія для королевича и его свиты, положеніе королевича въ Россіи такое, чтобы кромѣ царя и царевича Алексѣя никого не было выше Вальдемара и чтобы обѣщанные ему во владѣніе города Суздаль и Ярославль съ уѣздами навсегда оставались въ его потомствѣ.

Марселисъ съ торжествомъ воротился въ Москву и, конечно, не преминулъ выхлопотать себѣ разныя награды и льготы. Ему же поручено было отвезти въ Данію отвѣтную царскую грамоту, составленную въ смыслѣ указанныхъ условій, но не имѣвшую характера окончательнаго договора. Такой договоръ должны были заключить съ боярами великіе датскіе послы, имѣвшіе прибыть вмѣстѣ съ принцемъ. Христіанъ, также какъ и царь, былъ доволенъ услугами Марселиса и наградилъ его дворянскимъ достоинствомъ. Осенью 1643 года Вальдемаръ вмѣстѣ съ новымъ посольствомъ отправился въ Москву уже въ качествѣ жениха Ирины Михайловны подъ именемъ графа Шлезвигъ-Голштинскаго, имѣя при себѣ большую свиту; вмѣстѣ со свитою датскихъ пословъ число ея простиралось свыше 300 человѣкъ. Избѣгая столкновенія со Шведами, Вальдемаръ, по приглашенію короля Владислава, ѣхалъ черезъ Польшу и Литву, гдѣ ему оказали большія почести.

Въ Псковѣ, Новгородѣ и Твери, по распоряженію изъ Москвы, Вальдемару и его свитѣ устроены были торжественныя встрѣчи. Впередъ его пріѣхалъ въ столицу главный сватъ, Петръ Марселисъ, уже въ качествѣ посла отъ Датскаго короля и сына его, графа Шлезвигъ-Голштинскаго, и удостоенъ царскаго пріема съ обычными

посольскими обрядами. Въ январѣ 1644 года прибылъ, наконецъ, самъ Вальдемаръ съ датскими послами. За Тверскими воротами его встрѣтили царскіе стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы, во главѣ съ бояриномъ М. М. Салтыковымъ, который говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Королевича помѣстили въ домѣ бывшемъ царя Бориса Годунова; домъ этотъ находился не только въ близкомъ сосѣдствѣ съ царскимъ дворцомъ, но и соединялся съ нимъ крытымъ ходомъ. Начался рядъ пышныхъ пріемовъ и царскихъ званыхъ обѣдовъ. Царь Михаилъ и царевичъ Алексѣй всѣми мѣрами ласкали жениха и щедро дарили его сороками соболей, дорогими кубками, коврами, золотой и серебряной парчей и т. п. Мало того, они иногда помянутымъ крытымъ ходомъ навѣщали принца и запросто съ нимъ бесѣдовали. Царица Евдокія съ своей стороны дарила нареченному зятю куски ситца и дюжины полотенецъ. Патріархъ Іосифъ тоже посѣтилъ принца, и поднесъ ему дары съ пожеланіемъ счастія и благополучія въ предстоящемъ супружествѣ.

Посреди этихъ праздниковъ и ласкательствъ графъ Вальдемаръ въ одно прекрасное утро не мало былъ озадаченъ, когда къ нему явился отъ патріарха служилый иноземецъ (Францбековъ) и предложилъ сначала *креститься* въ православную вѣру, а затѣмъ уже приступить къ брачному обряду. Дѣло въ томъ, что Смутная эпоха и насилія, претерпѣнныя Русскими отъ Ляховъ, окончательно обострили отношенія православія къ латинству. И прежде при переходѣ католика въ православіе требовалось часто не одно миропомазаніе, но также и крещеніе съ троекратнымъ погруженіемъ. А церковный соборъ 1620 года, созванный и руководимый патріархомъ Филаретомъ, какъ извѣстно, издалъ рѣшительное постановленіе о перекрещиваніи латинянъ и прочихъ западныхъ иновѣрцевъ для присоединенія ихъ къ православной церкви.

Тщетно датскій принцъ ссылался на предварительный договоръ, обѣщавшій ему свободу вѣроисповѣданія, и объявилъ, что онъ ни за какія блага въ мірѣ не перемѣнитъ своей вѣры, на каковую перемѣну и отецъ его не дастъ своего согласія. Тщетно просилъ онъ, наконецъ, отпустить его обратно въ Данію. Ему отвѣчали, что король его отецъ будто бы прислалъ его къ царю съ тѣмъ, чтобы быть у него во всей его волѣ и послушаніи, что уѣхать ему назадъ безъ совершенія брака было бы „нечестно“ и стыдно передъ сосѣдними народами, бракъ же съ иновѣрцами у насъ не допускается, и т. д. Михаила Θеодоровича поощряли въ его настойчивости приходив-

шія тогда вѣсти, неблагопріятныя для Датчанъ: начавшаяся война со Шведами была неудачна для первыхъ, и послы Христіана не столько хлопотали объ отпускѣ Вальдемара, сколько о заключеніи союза съ Москвою противъ Швеціи. Но съ этой стороны хлопоты ихъ были также неудачны.

Чтобы сломить упорство Вальдемара, царь и патріархъ думали подѣйствовать на него убѣжденіями въ превосходствѣ православія. Отсюда возникли продолжительныя и жаркія пренія о вѣрѣ, само собою разумѣется, ни къ какому благопріятному рѣшенію вопроса не приведшія.

Въ Москвѣ разсчитывали на то, что ни принцъ, ни свита его не сильны въ богословской наукѣ; тогда какъ среди русскаго духовенства имѣлось нѣсколько лицъ, которыхъ почитали вполнѣ способными доказать несостоятельность лютеранскаго ученія. Между ними первое мѣсто принадлежало извѣстному успенскому ключарю Ивану Насѣдкѣ. Во время сватовства Михаила Ѳеодоровича за племянницу Христіана IV этотъ Насѣдка ѣздилъ въ Данію вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ; тамъ онъ довольно близко ознакомился съ лютеранствомъ и по возвращеніи написалъ противъ него цѣлую обличительную книгу, озаглавленную: „Изложеніе на Лютеры". Естественно, что въ Москвѣ считали его хорошимъ знатокомъ Лютеранской ереси и возлагали на него большія надежды въ смыслѣ ея опроверженія. Кромѣ него для той же полемики предназначались протопопъ Михаилъ Роговъ, старецъ Савватій, Шестой Мартемьяновъ и Захарій Аѳанасьевъ. Все это были справщики Печатнаго двора, большіе начетчики, между прочимъ вмѣстѣ съ Насѣдкою потрудившіеся надъ составленіемъ напечатаннаго въ Московской типографіи, въ 1642 году, *Сборника* избранныхъ словъ о почитаніи св. иконъ. Этотъ полемическій сборникъ былъ направленъ именно противъ ересей Лютера, Кальвина и Ѳеодосія Косого. А въ слѣдующемъ 1643 году, передъ прибытіемъ Вальдемара, тѣми же лицами, по порученію Михаила Ѳеодоровича, была составлена и напечатана такъ наз. *Кириллова книга*, заключавшая въ себѣ также сборникъ полемическихъ статей, защищавшихъ православіе какъ противъ латинянъ, такъ и противъ лютеранъ, кальвинистовъ, социніанъ и другихъ протестантскихъ сектъ. Въ этомъ сборникѣ составители его въ значительной степени воспользовались процвѣтавшею тогда полемическою литературою Западнорусскою, которая была вызвана борьбой съ уніей и протестантскими сектами Литвы и Польши.

Очевидно, царь Михаилъ и патріархъ Іосифъ заранѣе предугадывали препятствіе браку Вальдемара съ царевною Ириною со стороны вѣроисповѣднаго вопроса; а потому приготовили средства и людей для борьбы съ лютеранами, простодушно надѣясь побѣдить ихъ туземными богословскими силами.

Убѣжденіе путемъ книжной полемики было начато самимъ патріархомъ Іосифомъ. 21 апрѣля принцъ Вальдемаръ получилъ отъ него посланіе, въ которомъ патріархъ увѣщевалъ не упрямиться, соединиться съ царемъ въ православной вѣрѣ и принять крещеніе въ три погруженія; причемъ по преимуществу остановился на таинствѣ крещенія и разными ссылками на св. Писаніе и церковныя преданія доказывалъ правильность этого именно обряда. Графъ Вальдемаръ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ: уже на третій день онъ послалъ патріарху довольно обширную отповѣдь на его посланіе— отповѣдь, въ свою очередь многими примѣрами и ссылками на Библію и св. отцовъ доказывавшую, что для таинства крещенія одинаково правильны оба способа, и погруженіе, и обливаніе; защищала она также взглядъ лютеранъ на иконы и посты. Эта отповѣдь обнаружила значительное богословское и общее образованіе автора. Дѣло въ томъ, что въ свиту датскаго принца предусмотрительно помѣщенъ былъ ученый пасторъ Матвей Фельгаберъ, который и былъ истиннымъ авторомъ отповѣди. Полагая, что этимъ отвѣтомъ вѣроисповѣдное преніе окончено, принцъ и датскіе послы стали усиленно домогаться своего отпуска въ Данію. Вальдемаръ грозилъ даже, что, если его не отпустятъ честью, то онъ уѣдетъ самъ безъ отпуска. И дѣйствительно, видя упорное нежеланіе царя съ нимъ разстаться, онъ ночью 9-го мая, въ сопровожденіи небольшого отряда изъ своей свиты, сдѣлалъ попытку къ бѣгству. Датчане силою пробились сквозь встрѣченный ими на пути стрѣлецкій обходъ; но у Тверскихъ воротъ имъ пришлось вступить въ драку съ болѣе численнымъ карауломъ; потерпѣвъ неудачу, они ушли назадъ, оставивъ одного товарища плѣннымъ. Но когда этого плѣнника стрѣльцы повели въ Кремль, Датчане, собравшись въ большомъ числѣ, напали на стрѣльцовъ, многихъ переранили своими шпагами, одного убили, и отняли плѣнника. На слѣдующій день правительство нарядило слѣдствіе объ этихъ безпорядкахъ. Хотя истина была раскрыта, однако принцъ остался безнаказаннымъ. Только надзоръ за Датчанами былъ усиленъ, и отданъ приказъ никого изъ нихъ не пропускать за стѣны Бѣлаго города.

Межъ тѣмъ принцу готовилось новое увѣщательное посланіе, такъ какъ Царь все еще надѣялся убѣдить его путемъ богословскихъ преній. Недѣли двѣ спустя послѣ попытки къ побѣгу, Вальдемаръ получилъ отъ патріарха второе посланіе въ видѣ очень длиннаго свитка. (Датчане, въ своемъ глумленіи, опредѣлили его длину чуть ли не въ 48 саженъ). Онъ заключалъ въ себѣ подробное опроверженіе на всѣ пункты вышеупомянутой отповѣди, со всѣми возможными цитатами и ссылками на Библію, евангелистовъ и отцовъ Церкви относительно обряда крещенія, опрѣсноковъ, епископскаго сана, иконопочитанія, постовъ и т. д. Истиннымъ авторомъ сего обширнаго посланія, очевидно, былъ не самъ патріархъ Іосифъ, а все тотъ же Иванъ Насѣдка, которому помогали его вышеназванные товарищи справщики Печатнаго двора. Какъ и слѣдовало ожидать, посланіе и на этотъ разъ не произвело никакого дѣйствія на Датчанъ. Вмѣсто новаго письменнаго отвѣта, царь разрѣшилъ Вальдемару выставить своего пастора для устнаго состязанія съ московскими богословами, каковы: царскій духовникъ и благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ Роговъ и успенскій ключарь Иванъ Насѣдка *съ товарищи*, т.-е. съ книжными справщиками Печатнаго двора. Съ своей стороны и Фельгаберъ не былъ совсѣмъ одинокъ во время этой полемики: ему помогали жившіе въ Москвѣ лютеранскіе пасторы, изъ которыхъ одинъ прислалъ ему большой сундукъ съ книгами для справокъ и ссылокъ. Кромѣ того въ свитѣ Вальдемара нашелся еще дворянинъ, Юрій Лотъ, достаточно освѣдомленный въ богословскихъ наукахъ, который и пособлялъ пастору во время словесныхъ преній, происходившихъ въ концѣ мая и началѣ іюня 1644 года.

Пренія эти велись въ домѣ вышеупомянутаго иноземца, перешедшаго въ православіе, Димитрія Францбекова, который исполнялъ при семъ обязанности переводчика и самъ принималъ участіе въ диспутѣ. Этотъ диспутъ сосредоточился преимущественно на обрядѣ крещенія. Фельгаберъ настаивалъ на томъ, что греческое βαπτίζω значитъ не только погружать, но также окроплять или обливать. Главный его оппонентъ Иванъ Насѣдка, подобно своимъ товарищамъ, не былъ настолько знакомъ съ греческимъ языкомъ, чтобы оспорить искуснаго въ діалектикѣ пастора въ этой филологической сторонѣ вопроса. Посему первыя два пренія не были особенно удачны для московскихъ богослововъ. Тогда царь Михаилъ велѣлъ призвать въ

помощь имъ лицъ хорошо знавшихъ греческій языкъ, именно: прибывшаго изъ Іерусалима греческаго архимандрита Анфима, цареградскаго архимандрита Парѳенія, двухъ переводчиковъ, Димитрія и Ѳедора, да еще цесарскаго посла князя Димитрія Альбертоса Далмацкаго. Съ такими силами третье преніе шло для насъ успѣшнѣе, и лютеранскій пасторъ былъ почти разбитъ даже и въ своихъ филологическихъ аргументахъ. Московскіе богословы хотѣли было продолжать пренія; но Датчане отказались, считая ихъ совершенно безполезными. Въ январѣ слѣдующаго 1645 года въ Москву прибылъ во главѣ польско-литовскаго посольства Гавріилъ Стемпковскій и привезъ съ собою, какъ извѣстно, самозванца Лубу. Отъ короля Владислава, кромѣ явныхъ порученій т.-е. вопросовъ о пограничномъ размежеваніи и самозванцѣ, онъ имѣлъ еще тайное порученіе: хлопотать объ отпускѣ королевича Вальдемара, который, а также и отецъ его Христіанъ обратились къ королю съ просьбою о помощи. Но всѣ подобныя хлопоты разбивались объ упорство Михаила Ѳедоровича, не хотѣвшаго отпустить Вальдемара. Послѣдній прибѣгнулъ даже къ притворству: однажды онъ объявилъ себя крайне больнымъ, и стращалъ царя своею смертію, ссылаясь на примѣръ помянутаго принца Іоанна, жениха Ксеніи Годуновой. Но русскіе сторожа его двора донесли, что королевичъ въ день его ложной болѣзни съ своими дворянами хорошо кушалъ и пилъ много вина, а вечеромъ забавлялся игрою на цимбалахъ.

Прошло болѣе года со дня третьяго пренія о вѣрѣ, и царь, съ помощью Стемпковскаго, уговорилъ королевича согласиться еще на одно преніе. Этотъ четвертый и послѣдній диспутъ происходилъ 4 іюля 1645 года уже не въ частномъ домѣ, а въ царскомъ дворцѣ, въ Отвѣтной или Посольской палатѣ, въ присутствіи большого числа слушателей и польскаго посла Стемпковскаго съ его свитою. Сначала предпологалось, что будетъ и самъ царь съ боярами; однако его не было; онъ только прислалъ своего думнаго дьяка Григорія Львова. Принцъ Вальдемаръ тоже отказался лично присутствовать на диспутѣ. Съ русской стороны выступили все тѣ же богословы, Михаилъ Роговъ и Иванъ Насѣдка. Благовѣщенскаго протопопа Никиту замѣнилъ вызванный царемъ строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, происходившій изъ Кіева и знавшій греческій языкъ. И въ этотъ разъ диспутъ сосредоточился на вопросѣ о дѣйствительности крещенія чрезъ обливаніе. Напрасно Фельгаберъ опять ссылался на отцовъ Церкви и приводилъ свои филоло-

гическія соображенія: хорошо приготовившіеся къ диспуту, Насѣдка и Роговъ, при помощи Исаакія, такъ удачно опровергали его, что пасторъ послѣ жаркаго и довольно шумнаго спора замолчалъ и прекратилъ диспутъ. Польскій посолъ, который, какъ католикъ, былъ также обливанцемъ, напрасно пытался помочь Фельгаберу и доказать правильность своего обряда при крещеніи: и Фельгаберъ, и Стемпковскій подали о томъ царю письменное изложеніе. Обстоятельные отвѣты на нихъ поручено было составить тѣмъ же московскимъ богословамъ. Мало того, царь Михаилъ былъ настолько увлеченъ успѣхами сихъ послѣднихъ, что предполагалъ устроить новый богословскій диспутъ. Эти вѣроисповѣдныя пренія, какъ и все дѣло о сватовствѣ Вальдемара, произвели тогда большое возбужденіе въ московскомъ обществѣ, которое съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за всѣми ихъ перипетіями. Извѣстно, что великорусскаго человѣка ничто такъ не увлекаетъ, какъ разговоры о вѣрѣ и особенно споры о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями. Но конецъ всѣмъ этимъ преніямъ о вѣрѣ положила неожиданная смерть царя, послѣдовавшая въ ночь на 13 іюля. Такимъ образомъ рѣшать вопросы объ отпускѣ королевича Вальдемара и его безплодномъ сватовствѣ пришлось уже преемнику Михаила, т.-е. Алексѣю Михайловичу.

Замѣчательно то необычайное упорство, которое въ данномъ случаѣ обнаружилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, столь мягкій и уступчивый въ другихъ отношеніяхъ. Хотя уже ясно было, что на перекрещеніе Вальдемара нѣтъ никакой надежды и съ этимъ условіемъ бракъ сдѣлался невозможнымъ; тѣмъ не менѣе Михаилъ ни за что не хотѣлъ отпустить упрямаго принца и все на что-то надѣялся. Кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса этому браку не благопріятствовали и разныя другія обстоятельства; такъ противъ него интриговали Поляки и особенно Шведы, тогда находившіеся въ войнѣ съ Даніей; между боярами и духовенствомъ существовала цѣлая партія, недоброжелательно смотрѣвшая на бракъ съ иноземцемъ и на обѣщанное Вальдемару положеніе, слишкомъ похожее на прежнихъ удѣльныхъ князей. Вообще на умноженіе и усиленіе нѣмецко-лютеранскаго элемента, которыя повлекъ бы за собою бракъ Вальдемара съ Ириною, многіе Москвичи смотрѣли непріязненно (Датчанъ они не отдѣляли отъ Нѣмцевъ), и тѣмъ болѣе, что загостившіеся въ Москвѣ Датчане, иногда легкомысленно и свысока относившіеся къ туземцамъ, уже возбуждали неудовольствіе въ народѣ. Однажды Донскіе

казаки учинили драку съ Датчанами и многихъ порядкомъ избили. Кравчій принца былъ кѣмъ-то застрѣленъ изъ пищали. Частыя ссоры московскаго простонародья съ членами слишкомъ многочисленной Вальдемаровой свиты указывали на это народное неудовольствіе, которое грозило при случаѣ какимъ-либо взрывомъ и начинало уже не мало озабочивать наше правительство. Кромѣ высокомѣрнаго къ нимъ отношенія, Москвичамъ не нравилось и времяпровожденіе королевича, посвященное по преимуществу пирамъ и забавамъ. Обременительными казались и большія на него издержки: Михаилъ Θеодоровичъ ничего не жалѣлъ на содержаніе и на подарки принцу, котораго онъ всѣми мѣрами ублажалъ, страстно желая во что бы ни стало сдѣлать его своимъ зятемъ.

Долгое пребываніе Датчанъ въ Москвѣ, усилившее непріязненный взглядъ Русскихъ на иноземцевъ, имѣло однако немаловажныя послѣдствія со стороны происшедшаго тогда открытаго вѣроисповѣднаго столкновенія или формальнаго препирательства московскихъ богослововъ съ лютеранскимъ пасторомъ. Хотя эти богословы и приписывали себѣ побѣду, однако для нихъ самихъ и для всѣхъ слѣдившихъ за преніями сдѣлалось ясно: какъ трудно было нашимъ полемистамъ-начетчикамъ бороться съ западнымъ европейцемъ, научнообразованнымъ, который прямо упрекалъ ихъ въ незнаніи греческаго языка, грамматики и вообще „свободныхъ наукъ". Только съ помощью двухъ природныхъ Грековъ и одного кіевскаго или южнорусскаго монаха московскіе богословы вышли изъ своего затруднительнаго положенія. Кромѣ того въ своихъ письменныхъ аргументахъ они широко воспользовались южнорусскими полемическими трудами, появившимися въ эпоху борьбы съ уніей. Это наглядное превосходство греческихъ и южнорусскихъ ученыхъ въ свою очередь вызвало намѣреніе и въ Москвѣ завести высшее училище, по образцу Кіевской коллегіи. Но такое намѣреніе прошло нѣсколько стадій прежде, нежели осуществилось. Что касается царскихъ дочерей, то неудачные поиски за иноземными принцами имѣли печальныя послѣдствія для московскихъ царевенъ: отнынѣ онѣ осуждались на безбрачіе и принуждены были проводить свое однообразное существованіе въ дворцовыхъ теремахъ. Политика Романовыхъ, въ стремленіи оградить свою царскую семью отъ подданныхъ высокою стѣною, повторяемъ, не допускала и мысли о бракѣ царевенъ съ сыновьями московскихъ князей и бояръ, предпочитая имъ въ этомъ отношеніи даже служилыхъ татарскихъ хановъ. Такъ, по извѣстію иностранца

Олеарія, молодому Касимовскому хану предлагали руку одной изъ царскихъ дочерей, разумѣется, съ условіемъ, чтобы онъ крестился; но ханъ отклонилъ это предложеніе.

Любопытно, что этою нашею погонею за женихами изъ знатныхъ иноземцевъ ловко воспользовался одинъ искатель приключеній. Въ 1642 году, т.-е. въ началѣ датско-московскаго сватовства, въ Москвѣ появилась какая-то личность подъ именемъ чешскаго графа Шлика, будто бы удалившагося изъ отечества отъ гоненія католиковъ на протестантовъ; онъ привезъ рекомендательное письмо отъ обманутаго имъ короля Христіана IV. Мнимаго графа приняли съ большимъ почетомъ. Онъ изъявилъ желаніе креститься въ православную вѣру и вступить въ царскую службу. Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, въ то время первый и ближайшій къ государю бояринъ, былъ крестнымъ его отцемъ. Новокрещенному пожаловали княжескій титулъ: онъ сталъ именоваться княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковымъ-Чешскимъ, получилъ отъ царя большое жалованье и женился на внучатой племянницѣ Ѳедора Ивановича Мароѣ Васильевнѣ Шереметевой. Говорятъ, что его виды простирались еще выше: на руку царевны Ирины Михайловны; но узнавъ, что ее уже сватаютъ за датскаго принца, онъ „помирился на бракѣ съ дочерью знатнаго и богатаго боярина“ (Олеарій). Впослѣдствіи узнали о самозванствѣ Шлякова; царь Михаилъ, хотя и былъ очень тѣмъ огорченъ, однако не лишилъ его княжескаго достоинства, а ограничился выговоромъ и заключеніемъ его на нѣкоторое время въ Чудовъ монастырь на покаяніе ([17]).

Въ непосредственную связь съ неудачею сватовства царевны Ирины за принца Вальдемара нѣкоторые наши источники ставятъ и самую кончину Михаила Ѳеодоровича.

Ни одинъ изъ Московскихъ царей не ѣздилъ столько по святымъ обителямъ, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Къ этимъ поѣздкамъ еще съ юныхъ лѣтъ пріучила его мать, великая старица Мароа. Въ особенности онъ любилъ посѣщать Троице-Сергіевъ монастырь и нерѣдко отправлялся туда по два раза въ годъ, причемъ возилъ съ собою царицу и дѣтей. Эти такъ наз. *Троицкіе походы* царя и царицы отличались торжественностію и сопровождались очень многолюдною свитою обоего пола. Кромѣ обычныхъ поѣздокъ были еще путешествія, предпринимаемыя къ той или другой святынѣ по обѣту, данному во время болѣзни или какого-либо событія. Въ

разныхъ храмахъ столицы царь не пропускалъ церковной службы въ ихъ храмовые праздники. Любилъ онъ также ѣздить на соколиную охоту въ ближнія отъ столицы мѣста и пребывать въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы Покровское, Коломенское, Воздвиженское, Танинское и др., гдѣ иногда устраивался столъ или пиръ для бояръ. Но, по всѣмъ признакамъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ не пользовался хорошимъ здоровьемъ, и едвали не главною причиною сего была его малая подвижность, которой нисколько не мѣшали помянутыя сейчасъ частыя поѣздки на богомолье и по окрестностямъ Москвы: онѣ рѣдко совершались верхомъ на конѣ (и конечно шагомъ), а больше въ возкѣ или колымагѣ; при семъ царь ѣхалъ медленно и съ частыми, продолжительными роздыхами. Иногда только онъ выходилъ изъ возка и нѣкоторое разстояніе шелъ пѣшкомъ. Такой малой подвижности могла способствовать слабость или болѣзненность ногъ, которой онъ былъ наиболѣе подверженъ.

До насъ дошла переписка Михаила Ѳеодоровича съ патріархомъ Филаретомъ во время путешествія на богомолье—переписка, обнимающая періодъ съ 1619 по 1631 годъ. При утомительномъ однообразіи и малой содержательности этихъ писемъ, онѣ даютъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для характера обоихъ государей и состоянія ихъ здоровья. Напримѣръ, лѣтомъ 1620 года Михаилъ во время путешествія съ матерью въ Троицкій монастырь извѣщаетъ отца: „Маія, государь, съ 30-го числа въ ночи по грѣху моему пріиде скорбь тѣлеси моему, помянулся старой конской убой и поскорбѣлъ стороною; а чаю, государь, что къ нынѣшнему пѣшему ходу кровь пришла, и тогожъ дня къ утру пооблегчило“. Тоже повторяетъ старица Марѳа въ письмѣ къ патріаху: „А помянулся прежній конской убой; а къ тому, государь, большѣе къ нынѣшнему ходу пришла кровь“. Изъ этихъ двухъ писемъ ясно, что Михаилъ Ѳеодоровичъ когда-то былъ сильно ушибленъ лошадью или при паденіи съ лошади, и теперь заболѣла ушибленная сторона. Далѣе узнаемъ, что Михаилъ очень страдалъ ногами. Въ іюнѣ 1627 года онъ поѣхалъ „по обѣщанью“ въ Троицкій монастырь съ матерью, женою и новорожденной дочерью Ириной. Со стану изъ села Братошины пишетъ: „Болѣзнь, государь, ногамъ моимъ отъ ѣздовъ тяжелѣе стала; въ возокъ и изъ возка въ креслѣ носятъ“. Царица Евдокія Лукьяновна также пишетъ Филарету: „По грѣхамъ, государь, нашимъ сынъ твой великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи скорбѣлъ ножками“. Она также

упоминаетъ о „нашемъ обѣщаніи“: вѣроятно, такое обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ относилось къ первому ребенку, т.-е. къ первымъ родамъ Евдокіи Лукьяновны. Усердный исполнитель церковной обрядности, Михаилъ, несмотря на погоду, обыкновенно принималъ личное участіе въ Вербномъ шествіи на осляти или на Крещенской іордани. Но въ послѣдніе годы при подобныхъ церемоніяхъ мѣсто отца сталъ заступать царевичъ Алексѣй, и въ торжественные дни уже нерѣдко встрѣчаемъ въ Дворцовыхъ записяхъ отмѣтку: „у Государя стола не было“. А между тѣмъ Михаилъ любилъ плотно пообѣдать и поужинать; причемъ охотно пилъ холодный квасъ или пиво, а также водку, крѣпкій медъ и заморскія вина.

При слабомъ здоровьѣ государя, естественно, мы видимъ въ его время при Московскомъ дворѣ умноженіе иноземныхъ докторовъ, которые пользовались щедрымъ жалованьемъ и содержаніемъ. Частные люди продолжали прибѣгать къ знахарямъ и вообще къ средствамъ народной медицины; но къ тѣмъ боярамъ, которыхъ царь хотѣлъ отличить, онъ посылалъ своего медика въ случаѣ ихъ болѣзни. Кромѣ того видимъ иногда казенныхъ медиковъ или хирурговъ, отправляемыхъ въ полки во время похода. Вся казенная медицина находилась въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа, при которомъ кромѣ докторовъ, состоялъ цѣлый штатъ аптекарей, алхимистовъ (провизоровъ), костоправовъ, рудометовъ, окулистовъ, дантистовъ и пр. Все это были болѣе или менѣе иноземцы, по преимуществу Нѣмцы, хотя иногда и родившіеся въ Москвѣ; впрочемъ въ данную эпоху находимъ уже и русскихъ ихъ учениковъ. На обязанности аптекарей и алхимистовъ лежало не только приготовленіе собственно лѣкарствъ, но и приготовленіе нѣкоторыхъ питей для царскаго обихода, напримѣръ, анисовой, полынной и коричной водокъ. Во главѣ придворныхъ медиковъ въ послѣдніе годы Михаилова царствованія встрѣчаемъ трехъ иноземцевъ: Венделинуса Сибилиста, Гартмана Грамана и Ягануса Бѣлово. Послѣдній, собственно Іоаннъ Балау, былъ докторъ медицины изъ Ростока и служилъ прежде профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ. Сибилиста, также докторъ медицины, былъ вызванъ царемъ изъ Голштиніи; онъ принималъ участіе въ сватовствѣ принца Вальдемара, такъ какъ лѣкаря иногда исполняли дипломатическія порученія; а пребывая за границей ради покупки медикаментовъ, онъ сообщалъ оттуда разные политическіе свѣдѣнія и слухи. Гартманъ Граманъ также пріѣхалъ изъ Голштиніи, и считался очень искуснымъ врачомъ.

Медицинскимъ вѣдомствомъ или Аптекарскимъ приказомъ начальствовалъ Ѳед. Ив. Шереметевъ; поэтому на немъ и лежала главная забота о здоровьѣ государя и всего царскаго семейства, что еще болѣе приближало его къ царю; вообще по смерти князя Ив. Бор. Черкасскаго (1642 г.) онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ изъ бояръ. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ Аптекарскаго приказа видимъ, что царя, подвергавшагося заболѣваніямъ, доктора иноземцы лѣчили по преимуществу кровопусканіемъ, давали ему составленные ими порошки или микстуру и прописывали извѣстную діэту. Напримѣръ, лѣтомъ 1643 года во время Петрова поста главные придворные доктора прописали для больного государя слѣдующее: „послѣ кровопусканія хорошо кушать свѣжую рыбу и раковъ въ ухѣ, а жареную рыбу поливать лимоннымъ сокомъ, рѣдьки и хрѣну не ѣсть, пить доброе ренское вино или церковное съ мелкимъ нескоромнымъ сахаромъ, доброе пиво, квасъ житный, но вина горячаго, водки, меду и романеи не пить“. По выздоровленіи государь жаловалъ лѣкарей и аптекарей кубками или ковшами серебряными, персидскимъ бархатомъ, камками, соболями и деньгами.

Много повредилъ здоровью Михаила рядъ семейныхъ потерь, т.-е. смерть его дѣтей: изъ 10 или 11, какъ мы сказали, у него въ живыхъ оставалось только четверо. Чадолюбивый царь тяжело переносилъ эти потери. Окончательный ударъ его чувствительному отцовскому сердцу нанесенъ былъ неудачнымъ сватовствомъ Ирины Михайловны за принца Вальдемара. Продолжительная и крайне непріятная возня съ этимъ принцемъ совсѣмъ его разстроила: онъ сдѣлался еще менѣе подвиженъ, и въ концѣ апрѣля 1645 года сильно занемогъ. Три вышеозначенныхъ доктора усердно принялись за его лѣченіе. Ему давали ренское вино, настоеное разными травами и кореньями и подогрѣтое, слабительные порошки, мази для наружнаго растиранія; разрѣшили только легкій обѣдъ и запретили ужины, а также всякія холодныя и кислыя питья и уксусъ въ кушаньяхъ; совѣтовали иногда воздерживаться отъ послѣобѣденнаго сна. Ѳ. И. Шереметевъ бралъ приготовленныя лѣкарства и носилъ ихъ въ верхъ къ государю; онъ требовалъ отъ докторовъ особаго рвенія. Но болѣзнь упорно держалась. Медики объясняли, что она происходитъ „отъ многого сидѣнья, отъ холодныхъ питей и отъ меланколіи, сирѣчь кручины“. Они же пророчили, что, если болѣзнь продлится, то будутъ пухнуть ноги. Наконецъ, государю стало легче.

Наступило 12 іюля, день Михаила Малеина, т.-е. царскія имянины. Набожный Михаилъ Ѳеодоровичъ хотѣлъ по обыкновенію отстоять заутреню въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ сего святого. Но тутъ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и его на рукахъ отнесли въ деревянный дворецъ. Вечеромъ того дня почувствовавъ приближеніе кончины („уразумѣ свое къ Богу отшествіе"), царь велѣлъ позвать царицу, сына, патріарха и ближнихъ бояръ. Простясь съ супругою, онъ благословилъ на царство сына Алексѣя; послѣ чего, обратясь къ его дядькѣ Бор. Ив. Морозову, поручилъ ему и впредь имѣть объ Алексѣѣ такое же усердное попеченіе, какое имѣлъ доселѣ, и соблюдать его какъ зеницу ока. Въ ночь съ 12 на 13 іюля, съ субботы на воскресенье, пріобщившись Св. Таинъ, скончался первый Московскій царь изъ дома Романовыхъ, на пятидесятомъ году отъ рожденія, послѣ тридцатидвухлѣтняго царствованія. Двоюродный братъ его, Никита Ивановичъ Романовъ, вышедъ изъ царской опочивальни, возвѣстилъ придворнымъ чинамъ о воцареніи Алексѣя Михайловича, и первый принесъ ему присягу. За нимъ присягнули новому государю бояре, дворяне, стрѣльцы и всѣ наличные служилые люди. Весь слѣдующій день раздавался благовѣстъ въ большой колоколъ, и народъ толпился у дворца. А къ вечеру того же воскресенья уже вышла погребальная процессія изъ дворцовыхъ покоевъ къ Архангельскому собору. Впереди несли запрестольный крестъ и образъ Богородицы; за ними шелъ патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ. Нѣсколько сотъ монаховъ и священниковъ стояли по обѣ стороны пути съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ. По словамъ одного иностранца, большіе бояре несли усопшаго царя въ лубяныхъ саняхъ подъ бархатнымъ покровомъ; за ними шелъ молодой государь съ остальными боярами и съ дворянами; вдову-царицу несли въ лубяныхъ носилкахъ, а позади нея въ тѣхъ же носилкахъ сидѣла женщина (вѣроятно, ближняя боярыня), и царица, склонивъ голову ей на грудь, горько плакала. Русскій лѣтописецъ прибавляетъ, что погребеніе сопровождалось многимъ воплемъ и слезами.

Скромная, не выдающаяся личность перваго царя изъ дома Романовыхъ не оставила по себѣ памяти о какихъ-либо громкихъ и великихъ дѣяніяхъ; тѣмъ не менѣе царствованіе его весьма характерно и знаменательно. То было время сравнительнаго отдыха и умиротворенія послѣ бурной, напряженной эпохи смутъ. Уже самая потребность въ этомъ отдыхѣ и глубокое разочарованіе въ преды-

дущихъ опытахъ и поискахъ какъ за царемъ, такъ и за перемѣною въ образѣ правленія способствовали прочности новой династіи, и она мало нуждалась въ какихъ-либо особыхъ мѣрахъ для своего укрѣпленія и для возстановленія самодержавнаго строя. Неудачная попытка Филарета возвысить блескъ своей династіи побѣдами надъ самыми злѣйшими врагами Москвы, Литво-Поляками, только доказала ея излишество: ничто, ни даже эта великая неудача не поколебала Михаилова трона. Также неудачны были и попытки первыхъ Романовыхъ возвысить обаяніе своей фамиліи родствомъ съ европейскими государями. Но и первый, и второй родъ попытокъ остались какъ бы завѣтомъ для ихъ преемниковъ. Съ Михаила Ѳеодоровича начинается также особенно дѣятельное пересажденіе европейскаго военнаго искусства въ Россію, а отчасти и заводско-фабричной промышленности или матеріальной европейской культуры. Вмѣстѣ со всѣми этими стремленіями прокладываются пути для водворенія и вліянія чужеземнаго, по премуществу Нѣмецкаго, элемента, который потомъ столь широко воспользовался сими путями и вызвалъ въ нашей исторіи важныя, разнообразныя послѣдствія ([18]).

Въ первой половинѣ XVI столѣтія, какъ извѣстно, трудъ Сигизмунда Герберштейна, сравнительно съ другими иноземными источниками, представляетъ наиболѣе драгоцѣнный матеріалъ для знакомства съ современной ему Россіей; такое же значеніе имѣетъ для первой половины XVII вѣка помянутый выше трудъ Адама Олеарія. Несмотря на разные промахи и невѣрности, столь естественные и почти неизбѣжные въ сочиненіи иностранца, при условіяхъ того времени, этотъ ученый и наблюдательный авторъ „Путешествія въ Московію и Персію“, даетъ множество любопытныхъ, поучительныхъ замѣтокъ и бытовыхъ подробностей, которыя помогаютъ освѣтить современное ему государственное и общественное состояніе Россіи. Попытаемся извлечь изъ него нѣкоторыя черты, подходящія къ сей цѣли.

Въ первое свое путешествіе въ Москву, въ 1634 году, Голштинскіе послы въ Эстоніи съѣхались съ послами Шведскими, также отправлявшимися въ Москву, и оба посольства довольно долго прожили въ Нарвѣ, ожидая отвѣта отъ Новгородскаго воеводы. У Русскихъ, какъ и у Персовъ, существовалъ такой обычай: когда ино-

странное посольство достигнетъ границы, то оно должно извѣстить о себѣ ближайшаго областного начальника; а послѣднiй немедля увѣдомляетъ царя и ждетъ его распоряженiй вмѣстѣ съ приставомъ, который долженъ сопровождать пословъ въ столицу, имѣя при себѣ конвойный отрядъ. Во все время пребыванiя въ предѣлахъ Московiи и Персiи, послы и гонцы безденежно пользуются продовольствiемъ и подводами, доставка которыхъ лежитъ на обязанности пристава.

Наблюденiя Олеарiя надъ Русскими начались съ той же Нарвы, т.-е. съ ея русской части или Ивангорода, въ то время находившагося подъ шведскимъ владычествомъ. Въ субботу наканунѣ Троицына дня онъ пошелъ на русское кладбище, чтобы посмотрѣть какъ здѣсь поминаютъ покойниковъ. Все кладбище было наполнено женщинами. Онѣ разстилали на могилахъ и надгробныхъ камняхъ красиво расшитые, пестрые платки, на которые ставили блюда съ нѣсколькими оладьями и пирогами или съ сушеными рыбами и крашеными яйцами. Нѣкоторыя изъ нихъ становились на колѣни или ложились у могилъ и вопили, обращаясь съ разными вопросами къ покойнику; это занятiе не мѣшало имъ по временамъ съ подходившими знакомыми не только разговаривать, но и смѣяться, а потомъ опять онѣ принимались плакать и вопить. Межъ тѣмъ священникъ съ двумя причетниками обходилъ могилы и кадилъ на нихъ, произнося молитвы и имена покойниковъ, подсказываемыя женщинами на память или по записямъ. Когда священникъ, сохраняя свой равнодушный видъ, оканчивалъ поминовенiе и хожденiе, женщины давали ему мѣдныя деньги, а причетники забирали пироги и яйца.

По выѣздѣ изъ Нарвы послы, между прочимъ, имѣли остановку въ имѣнiи какого-то русскаго боярина Васильевича, недалеко отъ Копорья (т.-е. еще въ областяхъ, уступленныхъ Швецiи по Столбовскому договору). Бояринъ угощалъ ихъ всякими кушаньями и напитками изъ серебряной посуды. Онъ былъ веселый и храбрый человѣкъ, и показывалъ имъ свои раны, полученныя на шведской службѣ, именно въ Лейпцигскомъ сраженiи 1631 года. У него было два трубача, которые на своихъ трубахъ довольно изрядно играли во время заздравной чаши. Передъ отъѣздомъ пословъ бояринъ велѣлъ позвать жену и еще какую-то родственницу; обѣ были молодыя, красивыя и роскошно одѣтыя женщины; а за ними вошла третья женщина отвратительной наружности (ради усиленiя красоты первыхъ, какъ полагаетъ Олеарiй). Каждая изъ нихъ подносила

чашу и, сама откушавъ немного, съ поклонами просила выпить. Въ такихъ случаяхъ дорогимъ или почетнымъ гостямъ позволяется жену или родственницу поцѣловать прямо въ губы.

20 іюля Голштинское посольство переплыло пограничную рѣку (Шведское отправилось впередъ) и на берегу было встрѣчено приставомъ (Сем. Андр. Крекшинъ), одѣтымъ въ красный кафтанъ. Онъ снялъ шапку и прочелъ царскій указъ о принятіи посольства и сопровожденіи его до Москвы; а конвойные стрѣльцы привѣтствовали пословъ залпомъ изъ своихъ ружей. Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою они поплыли въ Новгородъ. По соглашенію съ послами, приставъ вмѣсто съѣстныхъ припасовъ сталъ выдавать имъ на продовольствіе деньги по 2 руб. 5 коп. ежедневно; а они покупали припасы чрезъ своихъ людей, причемъ цѣна на нихъ была назначаема приставомъ. Иноземцы удивлялись русской дешевизнѣ: курица стоила 2 копейки, а за одну копейку получали 9 яицъ. (Впрочемъ копейка того времени равнялась шиллингу). Въ городѣ Ладогѣ ихъ болѣе всего поразило множество дѣтей отъ 4 до 7-лѣтняго возраста; они толпами бѣгали за путешественниками и предлагали имъ купить малины; за одну копейку дали ея цѣлую шляпу. Всѣ дѣти, обоего пола, были одинаково одѣты въ длинныхъ рубашкахъ и съ одинаково подстриженными волосами, съ двумя локонами по сторонамъ, такъ что нельзя было отличить дѣвочекъ отъ мальчиковъ. Когда посольство отплывало изъ Ладоги вверхъ по Волхову, болѣе сотни дѣтей толпилось вмѣстѣ со взрослыми на крѣпостной стѣнѣ и глазѣло на иноземцевъ. На берегу стоялъ монахъ; конвойные стрѣльцы подозвали его и приняли отъ него благословеніе. Вообще у Русскихъ въ обычаѣ подходить подъ благословленіе ко всякому встрѣчающемуся по пути попу или монаху, а также молиться на церкви и на часовни, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и произнося: „Господи, помилуй“. Въ Ладогѣ посольство впервые ознакомилось съ русской народной музыкой: во время обѣда къ нему подошли два человѣка съ лютней и гудкомъ; они начали играть и пѣть пѣсни въ честь своего великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича; а затѣмъ пустились плясать, выдѣлывая при этомъ разныя штуки. Вообще же у Русскихъ, не такъ какъ у Нѣмцевъ, мужчины и женщины пляшутъ отдѣльно; женщины машутъ пестрымъ платкомъ вокругъ головы и топчутся больше на одномъ мѣстѣ.

Достигнувъ Волховскихъ пороговъ, путешественники вышли на берегъ; а лодки ихъ цѣлая сотня людей канатами тащила сквозь

пороги противъ теченія. Путники остановились на ночлегъ у небольшого Никольскаго монастыря, въ которомъ было только четыре монаха. Одинъ изъ нихъ принесъ посламъ на поклонъ рѣдьку, огурцы, зеленый горохъ и двѣ восковыя свѣчи. Тѣ отблагодарили его деньгами. Чтобы выразить свое удовольствіе, онъ, вопреки обычаямъ, отперъ для иноземцевъ церковь и облачился. Тѣ съ любопытствомъ осматривали церковную иконопись. На паперти и на стѣнахъ были очень грубо и неискусно изображены чудеса св. Николая. Надъ дверями представленъ былъ Страшный Судъ; причемъ одно лицо оказалось въ нѣмецкомъ платьѣ. (Олеарій, очевидно, не зналъ, что въ ту эпоху у насъ на подобныхъ изображеніяхъ Нѣмцы нерѣдко включались въ число лицъ, ниспосылаемыхъ въ адъ). Монахъ показалъ Библію на славянскомъ языкѣ и Евангеліе; онъ прочелъ первую главу отъ Іоанна; причемъ каплей воска замѣтилъ то мѣсто, до котораго дочиталъ. Но пришли стрѣльцы и заворчали на монаха; поэтому далѣе внутрь церкви онъ не успѣлъ ввести иноземцевъ; послѣдніе подарили ему еще талеръ, за что онъ поклонился до земли.

Во всю дорогу отъ Ревеля до Москвы, по причинѣ почти непрерывающихся лѣсовъ и болотистыхъ мѣстъ, путешественники сильно страдали отъ комаровъ, оводовъ и мухъ, которые не давали имъ покою ни днемъ, ни ночью. Единственнымъ спасеніемъ отъ нихъ служили палатки изъ сѣтчатой ткани, а крестьяне и извощики искали защиты у зажженныхъ костровъ.

Въ Великомъ Новгородѣ посольство прожило четыре дня. А во второе свое путешествіе оно пробыло здѣсь пять дней. Къ сожалѣнію Олеарій не даетъ намъ никакихъ подробностей объ этомъ пребываніи и очень скупъ на описаніе сего знаменитаго города. Говоритъ только о его прежней обширной торговлѣ и производствѣ лучшей въ Россіи юфти; замѣчаетъ, что прежде городъ былъ обширнѣе, судя по нѣкоторымъ развалинамъ, что онъ красуется множествомъ церквей, монастырей и башенъ, и что его укрѣпленія построены изъ еловыхъ бревенъ. Затѣмъ передаетъ разсказы о погромѣ Ивана Грознаго, легенды объ идолѣ Перуна и св. Антоніи Римлянинѣ. Воевода Новгородскій (которымъ тогда былъ князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій) дарилъ посламъ отъ себя напитки и кушанья; они же отдарили его серебрянымъ вызолоченнымъ кубкомъ; а во второй свой пріѣздъ (когда воеводой былъ князь Петръ Александр. Рѣпнинъ)—цѣлой нѣмецкой каретой.

Въ первое путешествіе по дорогѣ къ Москвѣ посольство встрѣчало нѣмецкихъ солдатъ, которые послѣ неудачнаго Смоленскаго похода были отпущены изъ царской службы и небольшими отрядами направлялись къ Балтійскимъ портамъ. Свой обратный путь эти грубые наемники сопровождали грабежами и насиліями, такъ что иногда крестьяне, заслышавъ объ ихъ приближеніи, покидали свои селенія и уходили въ лѣса съ семьями и со скотомъ. 4 августа въ ямскомъ селѣ Зимогорьѣ (близъ Валдая), при перемѣнѣ лошадей, послы встрѣтили полковника Фукса, а потомъ въ (Вышнемъ) Волочкѣ полковника Карла съ нѣсколькими офицерами, тоже возвращавшимися изъ Москвы на родину. О наиболѣе извѣстномъ полковникѣ Лесли Олеарій сообщаетъ, что по окончаніи войны онъ получилъ отъ Михаила Ѳеодоровича большія денежныя награды и также уѣхалъ изъ Московіи. Но впослѣдстніи, уже при новомъ царѣ, Лесли воротился въ Москву, снова поступилъ на царскую службу, получилъ прекрасное имѣнье на берегу Волги, и, чтобы не лишиться его, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми принялъ православіе.

14 августа посольство имѣло торжественный въѣздъ въ столицу; причемъ его члены, свита и обозъ слѣдовали другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ. На встрѣчу имъ одинъ за другимъ посылались гонцы съ приказаніями приставу то ускорять, то замедлять шествіе, чтобы согласовать послѣдовательное и своевременное прибытіе разныхъ частей процессіи. За нѣсколько верстъ отъ города появилось болѣе 4.000 конницы въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ; она стала въ строй, чрезъ который направлено было шествіе. Далѣе къ посольству выѣхали два новые пристава въ золотныхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ на бѣлыхъ коняхъ, у которыхъ вмѣсто повода висѣли большія серебряныя цѣпи; широкія кольца этихъ цѣпей при всякомъ движеніи довольно громко звенѣли. За приставами слѣдовалъ великокняжій конюшій съ 20 бѣлыми верховыми конями и большою свитою, конною и пѣшею. Приставы и послы сошли съ лошадей. Старшій приставъ снялъ шапку и прочелъ указъ о пріемѣ пословъ; причемъ большую часть указа занялъ титулъ Московскаго государя, т.-е. перечисленіе его владѣній. Послѣ отвѣта пословъ съ частью ихъ свиты пересадили на царскихъ бѣлыхъ коней, и вся процессія, увеличенная густою толпою Москвичей, вступила въ городъ; всѣ на пути лежавшіе улицы и дома были усѣяны множествомъ народа. По случаю большого пожара, незадолго опустошившаго Москву и уничтожившаго Посоль-

скій дворъ, Голштинцевъ помѣстили въ двухъ обывательскихъ домахъ.

Спустя полчаса, къ ихъ помѣщенію уже приближался длинный рядъ придворныхъ служителей, которые несли разные съѣстные припасы, кушанья и напитки изъ царской кухни и погреба. И въ слѣдующіе дни эти припасы приносили такимъ же образомъ, только въ количествѣ вдвое меньшемъ. Двойное количество доставлялось въ особо торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, еще въ день царскаго пріема. Дворъ посольскаго помѣщенія заперли и приставили стражу изъ 12 стрѣльцовъ. Всякія сношенія съ посторонними лицами не допускались, пока не совершился этотъ царскій пріемъ. Къ посламъ назначенъ переводчикъ, нѣкто Иванъ, родомъ Русскій: находясь въ польскомъ плѣну, онъ служилъ у князя Януша Радивила, и ѣздилъ съ нимъ въ Лейпцигъ, гдѣ два года пробылъ въ университетѣ и выучился нѣмецкому языку.

Дня черезъ два по пріѣздѣ, послы услыхали громъ пушечныхъ выстрѣловъ и увидали на лугу передъ своимъ помѣщеніемъ множество пушекъ. На ихъ вопросъ приставъ объяснилъ, что это пробуютъ вновь отлитыя орудія и самъ царь смотритъ на нихъ изъ своего окна. Но по другимъ объясненіямъ, эта пальба была произведена ради Шведскихъ пословъ: чтобы показать имъ, что не всѣ пушки остались подъ Смоленскомъ, какъ нѣкоторые увѣряли, и что ихъ еще большое количество имѣется у царя.

Торжественный пріемъ посольства состоялся 19 августа. Въ 9 часовъ на его подворье явились приставы, за которыми слуги несли новые кафтаны и высокія шапки, взятыя изъ царской кладовой. Приставы на глазахъ у пословъ переодѣлись въ эти кафтаны. Послѣ чего посольство сѣло на бѣлыхъ царскихъ коней и въ извѣстномъ порядкѣ направилось во дворецъ. За нимъ везли и несли герцогскіе подарки, которые состояли изъ трехъ коней, дорогой сбруи, украшенной каменьями, хризолитоваго креста, оправленнаго въ золото, химической аптечки въ ларцѣ чернаго дерева, хрустальной съ золотомъ кружки, большого зеркала, боевыхъ часовъ, серебрянаго посоха съ подзорной трубой и пр. Весь путь былъ обставленъ рядами изъ 2.000 стрѣльцовъ. Улицы, дома и крыши были наполнены глазѣвшимъ народомъ. Во время шествія опять одинъ за другимъ прискакивали гонцы, и шествіе то ускоряли, то замедляли, чтобы Его Царское величество могъ приготовиться и сѣсть на престолъ въ то именно время, когда послы вступятъ во дворецъ. По-

сольство провели крытымъ ходомъ со сводами мимо дворцовой церкви, въ которой совершалось богослуженіе. Далѣе они прошли одну сводчатую палату, въ которой сидѣли и стояли почтенные люди съ длинными сѣдыми бородами, въ парчевыхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. То были гости или именитые купцы; ихъ кафтаны также на этотъ случай были выданы изъ царскихъ кладовыхъ.

Два боярина въ парчевыхъ, жемчугомъ вышитыхъ, одеждахъ встрѣтили пословъ и ввели ихъ въ пріемный покой. Это былъ каменный со сводами залъ, по полу и по стѣнамъ обитый прекрасными коврами; потолокъ его былъ украшенъ золотомъ и рѣзными изображеніями изъ Священной исторіи, которыя писаны различными красками. У стѣны, противоположной входу, стоялъ царскій престолъ на возвышеніи въ три ступени. Сѣнь надъ престоломъ опиралась на четыре серебряные вызолоченные столбика (толщиною въ три дюйма); по угламъ на нихъ укрѣплены серебряные орлы съ распущенными крыльями; такой же орелъ находился и на верхушкѣ сѣни. На престолѣ сидѣлъ царь въ облаченіи, унизанномъ всякими драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ. На головѣ его была корона, усѣянная крупными алмазами и опушенная чернымъ соболемъ; онъ держалъ золотой скипетръ, который, вѣроятно вслѣдствіе его тяжести, бралъ то въ одну, то въ другую руку. По обѣимъ сторонамъ трона стояли по два молодыхъ рослыхъ человѣка, въ бѣлыхъ камчатныхъ кафтанахъ, въ высокихъ рысьихъ шапкахъ и въ бѣлыхъ сапогахъ; на груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи, а на плечѣ каждый изъ нихъ держалъ серебряный бердышъ. Вдоль стѣнъ и противъ царя сидѣли важнѣйшіе бояре, князья и государственные чины (думные люди), болѣе 50 человѣкъ, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ изъ чернобурой лисицы, которыя они никогда не снимаютъ съ головы. Въ пяти шагахъ отъ престола съ правой стороны стоялъ государственный канцлеръ (думный дьякъ и печатникъ Граматинъ). Подлѣ самаго престола справа же на рѣзной серебряной пирамидѣ, вышиною въ два локтя, лежала золотая держава, величиною съ ядро (48-ми фунтового вѣсу), а подлѣ державы золотая лахань и рукомойникъ съ полотенцемъ для омовенія царской руки послѣ цѣлованія ея членами посольства. Къ такому цѣлованію допускаются только христіанскіе послы.

Пріемъ собственно и начался съ этого обряда цѣлованія руки. По окончаніи его канцлеръ пригласилъ пословъ отправлять ихъ обязан-

ность. (Переводчикомъ на этомъ пріемѣ служилъ главный царскій толмачъ девяностолѣтній Гансъ Гельмесъ). Первый посолъ, Филиппъ Крузе, высказалъ привѣтствіе царю Михаилу отъ своего герцога и вмѣстѣ скорбь о недавней кончинѣ патріарха Филарета. Послѣ чего послы поднесли свои вѣрительныя грамоты, которыя по знаку царя принялъ отъ нихъ канцлеръ, а послы отошли назадъ, къ своей свитѣ. Потомъ Михаилъ подозвалъ канцлера и сказалъ ему, что онъ долженъ отвѣчать посламъ. Канцлеръ приблизился къ нимъ и, проговоривъ царскій титулъ, объявилъ, что царь принимаетъ герцогскія грамоты и велитъ перевести ихъ на русскій языкъ. Межъ тѣмъ позади пословъ поставили скамью, покрытую ковромъ, и пригласили ихъ сѣсть. Затѣмъ допущены были къ рукѣ главные слуги и гофъюнкеры посольства. По окончаніи и этого обряда, царь, приподнявшись немного, спросилъ: „Здоровъ ли князь Фридрихъ"? На что одинъ изъ пословъ отвѣтилъ, что при отъѣздѣ своемъ они оставили Его Свѣтлость Божіею милостію въ добромъ здоровьѣ и благоденствіи. Послѣдовало представленіе подарковъ. Далѣе, по знаку царя, канцлеръ пригласилъ пословъ продолжать ихъ рѣчь. Послы просили, чтобы имъ дозволили тайное сообщеніе о персидскомъ дѣлѣ вмѣстѣ со Шведскими послами. Царь велѣлъ спросить пословъ объ ихъ здоровьѣ и не имѣютъ ли они въ чемъ недостатка. Симъ и окончился торжественный пріемъ. Тѣ же два боярина вывели пословъ изъ пріемнаго зала; они воротились къ себѣ на подворье прежнимъ порядкомъ шествія.

Вслѣдъ затѣмъ на ихъ подворье прибылъ царскій чиновникъ, княжескаго рода, въ сопровожденіи цѣлой толпы прислужниковъ, которые принесли столовый приборъ, напитки и до 40 блюдъ съ вареными, жареными и печеными кушаньями, для угощенія пословъ и ихъ свиты. Послѣ угощенія князь раздалъ имъ золотыя чаши съ малиновымъ медомъ, и пригласилъ выпить за здоровье царя. Потомъ пили здоровье герцога Голштинскаго, а въ заключеніе здоровье наслѣдника Московскаго престола Алексѣя Михайловича. Послы подарили князю серебряный вызолоченный бокалъ, который тотъ велѣлъ торжественно нести передъ собою и, воротясь во дворецъ, по московскому правилу, показалъ этотъ подарокъ царю.

На слѣдующій день послѣ царскаго пріема Голштинское и Шведское посольства получили разрѣшеніе свободно выѣзжать въ городъ, а также посѣщать другъ друга. Такое разрѣшеніе было необычно, и объяснялось особымъ расположеніемъ царя къ этимъ обоимъ по-

сольствамъ. Голштинцы воспользовались имъ, чтобы навѣщать или принимать проживающихъ въ Москвѣ служилыхъ и торговыхъ Нѣмцевъ, и прежде всего позвали ихъ къ себѣ на обѣдъ. Въ числѣ приглашенныхъ находились одинъ придворный врачъ и аптекарь. Но думный дьякъ не позволилъ имъ пріѣхать къ посламъ, такъ какъ герцогскіе подарки еще не были оцѣнены. Въ Москвѣ былъ обычай подарки иностранныхъ государей подвергать подробной оцѣнкѣ (конечно, въ видахъ отдариванія); а въ числѣ голштинскихъ подношеній находилась химическая аптека, которую должны были оцѣнивать придворные врачъ и аптекарь.

5 сентября Голштинскіе и Шведскіе послы имѣли по своимъ порученіямъ тайное совѣщаніе во дворцѣ съ комиссіею, въ которую назначены были четыре сановника, а именно: бояринъ князь Борисъ Мих. Лыковъ-Оболенскій, окольничій Вас. Ив. Стрѣшневъ, думный дьякъ и печатникъ Ив. Тарас. Граматинъ и думный дьякъ Ив. Аоан. Гавреневъ. Они были одѣты въ парчевые кафтаны, обложенные крупнымъ жемчугомъ и дорогими камнями, съ крестообразно повѣшенными на груди золотыми цѣпями. У боярина и окольничаго на головѣ были, похожія на кардинальскія скуфьи, шапочки, густо унизанныя крупнымъ жемчугомъ съ алмазами по серединѣ; а дьяки имѣли на себѣ обычныя высокія шапки изъ чернобурой лисицы. Бояре заняли мѣста на лавкѣ въ переднемъ углу, пословъ помѣстили тоже на лавкѣ вдоль стѣны, а дьяки сѣли противъ пословъ на скамьѣ. Переводчики посольскіе, секретари и одинъ русскій писецъ (подъячій) присутствовали стоя и вели протоколъ; остальная свита осталась въ передней комнатѣ.

Князь Лыковъ всталъ и снялъ шапку; тоже сдѣлали и всѣ другіе. Проговоривъ полный царскій титулъ, онъ объявилъ, что Государь велѣлъ посольскія грамоты перевести на русскій языкъ и самъ прочиталъ ихъ. Затѣмъ Стрѣшневъ съ тою же обрядностію передалъ, что Государь желаетъ королевѣ Шведской и герцогу Голштинскому всякаго благополучія и побѣды надъ врагами и что онъ внимательно читалъ ихъ грамоты. Граматинъ такимъ же порядкомъ объявилъ о государевомъ довѣріи къ посольскимъ грамотамъ и рѣчамъ; а Гавреневъ сообщилъ о назначеніи комиссіи изъ четырехъ членовъ и прочелъ ихъ имена. Затѣмъ сначала Шведское, а потомъ Голштинское посольство читали свои письменныя предложенія. Голштинское было очень длинно; такъ что русскіе сановники, не дослушавъ его, взяли обѣ бумаги и пошли съ ними къ Царю. Черезъ

полчаса воротился одинъ Гавреневъ и объявилъ, что послы теперь могутъ ѣхать по домамъ, что предложенія ихъ будутъ немедленно переводиться на русскій языкъ и затѣмъ будетъ приготовленъ отвѣтъ.

Послы имѣли еще четыре засѣданія, съ большими промежутками. Пятое и послѣднее, уже безъ Шведовъ, происходило 19 ноября. Тутъ Голштинцамъ объявлено, что царь, по особой любви къ герцогу, согласился на его просьбу о свободномъ проѣздѣ въ Персію; но предварительно они должны воротиться въ Голштинію и привезти оттуда утвержденіе заключеннаго договора.

Въ теченіе этого времени Олеарій продолжалъ вести свои замѣтки о тѣхъ сторонахъ русской столичной жизни, которыя были доступны его наблюденіямъ. Разумѣется, такими сторонами были по преимуществу разныя общественныя событія и торжества, какими, напримѣръ, являлись иноземныя посольства и большіе праздники.

Иноземныя посольства, очевидно, сдѣлались довольно часты въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; всѣ они встрѣчались и принимались съ обычными обрядами; но большая или меньшая пышность пріема зависѣла отъ степени ихъ международнаго значенія. Наиболѣе частыми и заурядными гостями въ Москвѣ были послы отъ разныхъ татарскихъ князей и хановъ, которые пріѣзжали не столько по дѣламъ, сколько за полученіемъ подарковъ. Изъ нихъ выдѣлялись, впрочемъ, Крымскія посольства, которыхъ въ Москвѣ честили и дарили болѣе другихъ, ради удержанія этого хищнаго народа отъ его опустошительныхъ набѣговъ на наши украйны; ибо, по замѣчанію Олеарія, русскія оборонительныя мѣры, включительно съ засѣками, валами и рвами, будто бы „по сію пору весьма мало приносятъ пользы". 12 декабря онъ смотрѣлъ на въѣздъ Крымскаго посольства, состоявшаго изъ 72 человѣкъ. Потомъ онъ слышалъ, что Царь цѣлые три часа провелъ на ихъ пріемѣ и выслушивалъ ихъ прошенія, что они тутъ, по своему обыкновенію, сидѣли на полу и всѣмъ имъ поднесли по чашѣ меду. Старшимъ членамъ посольства Царь подарилъ парчевые кафтаны, а остальнымъ изъ сукна и другихъ матерій; равно и шапки первымъ даны собольи, а вторымъ изъ другого мѣха. Возвращаясь изъ дворца на свое подворье, Крымцы всѣ эти подарки надѣли на себя поверхъ собственной одежды.

Ранѣе того, Олеарій описываетъ пышный въѣздъ Турецкаго посла, происходившій 17 сентября. Въ его встрѣчѣ участвовало будто бы до 16.000 конницы, но у нея было только 6 знаменъ. Первое знамя,

принадлежавшее гвардейскому отряду, было изъ бѣлаго атласа; на немъ въ кругу изъ лавроваго вѣнка былъ изображенъ двуглавый орелъ, украшенный тремя вѣнцами и съ надписью: Virtute supero. Другія знамена были синія и красныя съ разными изображеніями: грифа, улитки, руки съ мечомъ, двуликаго Януса. Авторъ записокъ полагаетъ, что подобныя эмблемы были сочинены подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ Смоленскомъ походѣ. Впереди знаменъ ѣхали трубачи, флейтщики и барабанщики. Въ свитѣ Турецкаго посольства состояло нѣсколько греческихъ монаховъ и купцовъ. Самъ посолъ былъ средняго роста, съ желтоватымъ лицомъ и черною, какъ смоль, окладистою бородою; онъ былъ въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ атласномъ кафтанѣ съ пестрыми разводами, а верхнюю одежду имѣлъ парчевую, подбитую дорогимъ мѣхомъ. Его везли въ бѣлой русской колымагѣ, обвѣшанной дорогими златотканными коврами, за которою тянулось болѣе 40 подводъ. Подъѣхавъ къ городу, онъ пересѣлъ на прекрасную арабскую лошадь. Его помѣстили во вновь отстроенномъ (послѣ пожара) Посольскомъ дворѣ, который крѣпко заперли, и приставили надежную стражу. 23 сентября онъ имѣлъ торжественный царскій пріемъ. Подарки, привезенные этимъ посольствомъ, состояли изъ кусковъ золотой парчи, необыкновенной величины жемчужины, рубина и алмазнаго перстня, украшеннаго золотомъ и драгоцѣнными камнями пояса для сабли и дорогихъ конскихъ уборовъ; а со стороны Грековъ между прочими дарами поднесены были золотой крестъ съ алмазами, нѣсколько сосудовъ съ мощами и шитая золотомъ, унизанная жемчугомъ риза.

1 сентября Олеарій видѣлъ церковное празднованіе Новаго года, происходившее на дворцовой площади, съ участіемъ царя и патріарха. Но, сравнительно съ приведеннымъ выше уставомъ о трезвонахъ, онъ даетъ менѣе свѣдѣній о семъ торжествѣ. Прибавляетъ, впрочемъ, слѣдующую черту: въ народной толпѣ было много людей съ поднятыми вверхъ прошеніями (челобитными), которыя они съ громкими воплями повергали къ ногамъ государя. Прошенія эти были подобраны съ земли и отнесены въ его покои. А 1 октября, въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, Олеарій наблюдалъ крестный ходъ, совершавшійся изъ Кремля въ „изящно построенный“ храмъ, посвященный этому празднику и Св. Троицѣ (извѣстный болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго). Въ процессіи участвовали царь со всѣми своими придворными и патріархъ со всѣмъ своимъ духовен-

ствомъ; множество присутствовавшаго народа выражало свое благочестіе постояннымъ крестнымъ знаменіемъ и поклонами. Царь и патріархъ одни только взошли на небольшое возвышеніе, огороженное рѣшеткою (Лобное мѣсто?); патріархъ держалъ въ рукахъ книгу въ богатомъ серебряномъ окладѣ (Евангеліе) и золотой крестъ; священники читали молитвы; царь, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ книгою, приложился къ ней и ко кресту; патріархъ дотронулся симъ крестомъ его чела и обѣихъ ланитъ. Послѣ того они со всею свитою вошли въ храмъ, гдѣ и совершилось богослуженіе. Греки, прибывшіе съ турецкимъ посольствомъ, также вошли въ храмъ. Но христіанамъ другихъ исповѣданій входъ въ русскія церкви возбраняется.

12 октября Олеарій видѣлъ царскую поѣздку на богомолье въ одинъ изъ подмосковныхъ монастырей, сопровождаемую дворомъ и тысячью человѣкъ войска. Впереди ѣхалъ верхомъ царь, съ плетью въ рукѣ. За нимъ красивыми рядами выступали на коняхъ бояре и дворяне, по десятку въ каждомъ ряду. Потомъ двигалась большая карета, сверху покрытая краснымъ сукномъ, а по сторонамъ завѣшанная желтой тафтой и запряженная шестнадцатью бѣлыхъ лошадей: въ ней сидѣла царица съ сыномъ и дочерью. За нею слѣдовали придворныя боярыни и служанки въ 22 деревянныхъ каретахъ (колымагахъ), выкрашенныхъ въ зеленую краску и покрытыхъ краснымъ сукномъ, также какъ и вся конская упряжь. Кареты были плотно притворены и завѣшаны, такъ что нельзя было видѣть сидящихъ внутри. На счастье Олеарія, вѣтеръ нѣсколько распахнулъ занавѣсъ у кареты самой царицы, такъ что Голштинецъ могъ увидать ея лицо и платье; послѣднее показалось ему роскошно и великолѣпно. (О лицѣ же Евдокіи Лукьяновны почему-то умалчиваетъ; также не описываетъ и наружности Михаила Ѳеодоровича). Сотня стрѣльцовъ шла по сторонамъ каретнаго поѣзда, держа въ рукахъ бѣлыя трости (батоги), которыми они разгоняли сбѣжавшійся отовсюду народъ. Сей послѣдній съ умиленіемъ смотрѣлъ на царскую семью и выражалъ пожеланія ей всякаго счастія и благополучія. (Это умиленіе лучше всего объясняетъ ту легкость, съ которою было возстановлено и упрочено царское самодержавіе). Кстати, прибавимъ, что во второй свой пріѣздъ въ Москву Олеарій видѣлъ возвращеніе царя и царицы съ богомолья, въ іюнѣ мѣсяцѣ. За царемъ все также ѣхали его бояре и дворяне, а за царицею 36 ея „боярышенъ и дѣвицъ“, но не въ колымагахъ, а верхомъ, по-

мужски. (Собственно постельницы и мастерицы). Онѣ были въ красныхъ платьяхъ и бѣлыхъ шапочкахъ, отъ которыхъ вдоль спины висѣли длинные красные шнуры, а вокругъ шеи имѣли бѣлыя покрывала. Онѣ очень замѣтно были нарумянены. Обычай бѣлиться и румяниться такъ распространился въ высшихъ и среднихъ слояхъ русскаго общества, что сдѣлался какъ бы обязательнымъ. Олеарій разсказываетъ, что жена извѣстнаго князя Ив. Бор. Черкасскаго, очень красивая женщина, не хотѣла было подчиниться этому обычаю, но подверглась такому злословію со стороны другихъ боярынь, что принуждена была уступить.

16 декабря Голштинскіе послы имѣли торжественный отпускъ. Такъ какъ была уже зима, то за ними прислали не верховыхъ лошадей, а двое прекрасныхъ саней, обитыхъ, однѣ краснымъ атласомъ, другія красной камкой, обложенныя внутри шкурой бѣлаго медвѣдя, сверхъ которой лежали турецкіе ковры. Хомуты на лошадяхъ были вызолочены и увѣшаны лисьими хвостами: такое украшеніе для саней употреблялось знатными боярами и самимъ царемъ. Пріемъ пословъ сопровождался тѣми же обрядами, какъ и въ первое ихъ представленіе. Имъ вручили отвѣтныя грамоты, и послѣ цѣлованія руки отпустили. Въ этотъ день имъ на подворье также принесли кушанья и напитки отъ царскаго стола; но кушанья состояли изъ вареной и жареной на постномъ маслѣ рыбы, по причинѣ поста. Передъ отъѣздомъ послы должны были раздать подарки царскому конюшему, ключнику и другимъ чинамъ, доставлявшимъ посольству коней, съѣстные припасы и напитки, а также приставамъ, переводчикамъ, писцамъ и пр. Кому поважнѣе дарили кубки и бокалы, а менѣе важнымъ по нѣскольку рейхсталеровъ. Сами они получили отъ царя въ подарокъ по нѣскольку сороковъ соболей, ихъ кавалеры, камеръ-пажи и фурьеры по одному сороку, а нижніе чины двѣ пары или по парѣ соболей. 24 декабря 1634 г. все посольство на 80 подводахъ отправилось изъ Москвы въ обратный путь.

Вторично то же посольство, въ увеличенномъ составѣ, прибыло въ Москву въ мартѣ 1636 года; а 3 апрѣля имѣло торжественный царскій пріемъ съ тѣми же обрядами и церемоніями. Спустя два дня, начались переговоры пословъ съ тою же русскою комиссіей изъ четырехъ членовъ; только мѣсто Граматина, уволеннаго за старостію, теперь занималъ новый посольскій дьякъ и печатникъ Өед. Өед. Лихачовъ.

Вскорѣ послѣ этого второго пріѣзда, Олеарію удалось видѣть въ Москвѣ на Вербное Воскресенье торжественную процессію Входа въ Іерусалимъ. Послы не только получили отъ царя позволеніе присутствовать на семъ торжествѣ, но имъ прислали лошадей и поставили ихъ на возвышенномъ мѣстѣ, откуда удобно было смотрѣть на крестный ходъ. Онъ начался отъ Успенскаго собора, въ которомъ царь съ боярами слушалъ литургію. Впереди на широкихъ низкихъ дрогахъ везли дерево, увѣшенное яблоками, финиками и изюмомъ; вокругъ него сидѣли четыре мальчика въ бѣлой одеждѣ и пѣли „Осанна"! За ними слѣдовало духовенство въ бѣлыхъ ризахъ съ пѣніемъ молитвъ, а нѣкоторые и съ дымящимися кадильницами; несли хоругви, кресты и образа, укрѣпленные на длинныхъ древкахъ. Затѣмъ шли гости или именитѣйшіе купцы, дьяки, наконецъ бояре, нѣкоторые съ вербами въ рукахъ (изображавшими пальмовыя вѣтви). А за ними шелъ царь въ богатомъ облаченіи и съ короной на головѣ. Его вели подъ руки два знатнѣйшихъ совѣтника, князь Ив. Бор. Черкасскій и кн. Ал. Мих. Львовъ. Царь держалъ за длинный поводъ патріархову лошадь, изображавшую осла, а потому покрытую попоной съ длинными ушами. Патріархъ сидѣлъ на ней бокомъ; онъ былъ въ бѣломъ клобукѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ и увѣнчанномъ также короною. Въ правой рукѣ онъ имѣлъ золотой съ драгоцѣнными камнями крестъ, которымъ благословлялъ народъ. По сторонамъ и позади его шли архіереи, архимандриты и старшіе священники, кто съ книгой, кто съ кадиломъ. До 50 мальчиковъ въ красныхъ одеждахъ забѣгали впередъ царя, снимали съ себя эти одежды и постилали по дорогѣ; иные вмѣсто одеждъ разстилали разноцвѣтные куски сукна. Крестный ходъ направился въ церковь (соборъ Покрова Богородицы или Василія Блаженнаго, собственно въ его Входоіерусалимскій придѣлъ); тамъ всѣ пробыли съ полчаса, и оттуда воротились въ томъ же порядкѣ. Въ благодарность за свое вожденіе, патріархъ въ этотъ день подноситъ царю 400 рейхсталеровъ, т.-е. 200 рублей. Сей обрядъ Ваій отправляется и по другимъ главнымъ русскимъ городамъ ихъ архіереями; причемъ мѣсто царя занимаетъ областной воевода.

По поводу Пасхи, вниманіе Олеарія привлекъ къ себѣ общій обычай христосованія, сопровождаемаго дареніемъ крашеныхъ яицъ. Самъ царь усердно исполняетъ этотъ обычай по отношенію къ своимъ придворнымъ чинамъ и служителямъ. Мало того, въ ночь подъ Свѣтлое Воскресеніе, прежде чѣмъ отправиться въ церковь, онъ посѣ-

щаетъ темницы, гдѣ одѣляетъ заключенныхъ яйцомъ и бараньимъ тулупомъ. Оборотную сторону Святой недѣли составляетъ ревностное посѣщеніе кабаковъ и другихъ питейныхъ лавочекъ и духовными, и свѣтскими людьми, мужчинами и женщинами. Многіе на Святой и на Масляной недѣлѣ такъ напиваются, что падаютъ на улицахъ; родственники хлопочутъ увезти ихъ домой, потому что на утро, нерѣдко, такихъ свалившихся находятъ убитыми и донага ограбленными отъ воровъ и разбойниковъ. Эти воры и разбойники дѣлали небезопасными московскія улицы, особенно по ночамъ. Ихъ многочисленность Олеарій объясняетъ обиліемъ и праздностію холоповъ, наполнявшихъ дворы знатныхъ людей: получая слишкомъ малыя деньги себѣ на прокормъ, они обращаются къ воровству и грабежамъ. Дерзость ихъ простиралась до того, что иногда они нападали и среди бѣлаго дня. Въ примѣръ сего Олеарій приводитъ Гартмана-Грамана, помянутаго выше одного изъ главныхъ царскихъ врачей: однажды разбойники днемъ напали на него, и хотѣли уже отрѣзать ему палецъ, на которомъ онъ носилъ перстень съ печатью; но такъ какъ это случилось у воротъ одного знакомаго врачу боярина, то послѣдній выслалъ своихъ слугъ, которые и спасли Грамана. По ночамъ же, обыватели, слыша на улицѣ крики о помощи, обыкновенно остаются глухи, боясь отъ воровъ мести, которая выражалась грабежомъ, поджогомъ и убійствомъ. Впослѣдствіи противъ нихъ приняты были мѣры: по ночамъ запрещено выходить безъ фонаря; на всѣхъ перекресткахъ разставлялась стрѣлецкая или солдатская стража, которая и задерживала всякаго подозрительнаго человѣка, особенно тѣхъ, кто не имѣлъ фонаря, и отправляла ихъ въ Приказъ, гдѣ они подвергались допросу, а иногда и пыткѣ.

Относительно холоповъ и вообще крѣпостныхъ людей Олеарій подмѣтилъ извѣстную черту, т.-е. что они очень привычны къ рабству и менѣе всего жаждутъ свободы; отпущенные по чему-либо на волю, они по причинѣ бѣдности, спѣшатъ снова закабалиться кому-либо за извѣстную плату. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что теперь отецъ не можетъ продать своего сына въ рабство; но за долгъ онъ можетъ закабалить или отдать своихъ дѣтей въ услуженіе на извѣстное число лѣтъ, т.-е. пока они не отработаютъ этого долга. Ученый Голштинецъ, говоря вообще о простомъ народѣ, погруженномъ въ рабство, замѣчаетъ слѣдующее: „Хотя изъ любви къ господамъ своимъ простолюдины могутъ сносить и вытерпливать многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, тогда возбуждается опасное возмущеніе, ко-

торое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему ихъ начальству. Если однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то нелегко бываетъ усмирить ихъ; пренебрегая всѣми опасностями, они становятся способны на всякое насиліе и жестокость, и дѣлаются совершенно безумными людьми".

30 мая воспитатель царевича Алексѣя, Бор. Ив. Морозовъ, по царскому желанію, забавлялъ Голштинцевъ соколиною охотою въ окрестностяхъ Москвы; а послѣ охоты въ палаткѣ, разбитой на красивомъ лугу, угощалъ ихъ водкой, медомъ, пряниками, астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями. Спустя ровно мѣсяцъ послѣ того, т.-е. 30 іюня Голштинское посольство у Симонова монастыря передъ вечеромъ сѣло на судно, и поплыло внизъ рѣкой Москвой. Тотъ же Б. И. Морозовъ пріѣхалъ проститься съ нимъ; для чего привезъ разные дорогіе напитки; его сопровождали музыканты, игравшіе на трубахъ веселыя пѣсни. Получивъ отъ пословъ въ подарокъ серебряную чару, бояринъ, сѣлъ въ ихъ судно, и тутъ съ ихъ свитою пилъ и бражничалъ до утра; на прощаньи глаза его слезились отъ избытка чувствъ и вина. 2 іюля къ вечеру посольство достигло Коломны, и отсюда начало спускаться по Окѣ, а 11 прибыло въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и пересѣло на собственный, довольно большой, трехмачтовый корабль, выстроенный голштинскимъ мастеромъ съ помощью русскихъ плотниковъ изъ сосновыхъ досокъ и названный въ честь герцога Фридрихомъ. Тутъ послы пробыли около трехъ недѣль, пока корабль окончательно снаряжался и приготовлялся къ плаванію. Въ Нижнемъ оказалась кирка и цѣлая лютеранская община, почти въ 100 человѣкъ, которую составляли иноземные офицеры, находившіеся на царской службѣ, ремесленники и торговцы; часть этихъ иноземцевъ занималась пивовареніемъ, винокуреніемъ и держала въ арендѣ кабаки.

Нижегородскимъ воеводою въ то время былъ Василій Петровичъ Шереметевъ, племянникъ Ѳедора Ивановича. За вниманіе къ ихъ людямъ, строившимъ корабль, послы поднесли ему подарокъ, цѣною въ 100 рейхсталеровъ или 50 рублей. Воевода оказался человѣкомъ вѣжливымъ, привѣтливымъ и державшимъ весьма приличную обстановку. Онъ пригласилъ посольство къ себѣ на угощенье. На дворѣ Голштинцевъ встрѣтили два человѣка и провели между разставленными по обѣимъ сторонамъ слугами до лѣстницы. Въ передней ихъ приняли два почтенные старика и проводили въ покой, убранный коврами, занавѣсами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоялъ

здѣсь одѣтый въ кафтанъ изъ золотой парчи и окруженный многими лицами, также въ богатыхъ кафтанахъ. Онъ сказалъ посламъ привѣтственную рѣчь; потомъ пригласилъ ихъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за здоровье Его Царскаго величества, Его Герцогской свѣтлости, а также и его посольства. Угощеніе состояло изъ медовыхъ пряниковъ, отличной водки и различныхъ видовъ меду, и сопровождалось пріятными, содержательными разговорами со стороны хозяина, что немало удивило гостей, при ихъ предубѣжденіи въ отношеніи къ Русскимъ вообще.

30 іюля Голштинское посольство покинуло Нижній и поплыло внизъ по Волгѣ. Его корабль, имѣвшій 120 футовъ длины, былъ плоскодонный, сидѣлъ въ водѣ только 7 футовъ и вообще былъ приспособленъ къ плаванію по этой великой русской рѣкѣ, уже тогда обильной мелями и перекатами; на случай безвѣтрія онъ былъ снабженъ 24 веслами, чтобы можно было идти безъ парусовъ. Но такъ какъ уровень воды въ это время года значительно понизился, то путешественникамъ пришлось часто бороться съ мелями, и первые дни они очень медленно подвигались впередъ. Олеарій по сему пути упоминаетъ встрѣчные струги, плывшіе съ низу и нагруженные солью, икрою и рыбой, селенія, виднѣвшіяся по берегамъ, и небольшіе города, каковы: Васильсурскъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Кокшайскъ и Свіяжскъ. Эти города, снабженные обыкновенно деревянными стѣнами и башнями, были заняты военными гарнизонами, державшими въ повиновеніи Татаръ и другихъ инородцевъ сего края. Спустя двѣ недѣли по выѣздѣ изъ Нижняго, путники достигли Казани. Она представляла сравнительно большой и также деревянный городъ, населенный Татарами и Русскими; но внутренній городъ или кремль былъ укрѣпленъ толстою каменною стѣною съ пушками, и ни одинъ Татаринъ сюда не допускался. Подъ Казанью Голштинцы застали судовой персидскій и черкесскій караванъ, который ранѣе ихъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ этомъ караванѣ находились персидскій купчина, бывшій посланникомъ отъ шаха къ царю, и черкесскій князь Муцалъ изъ города Терки, получившій отъ царя по смерти своего брата его владѣніе. (Этотъ вассальный или служилый мусульманскій князь, по словамъ Олеарія, будто бы былъ племянникомъ извѣстнаго Ивана Борисовича Черкасскаго; въ дѣйствительности онъ приходился племянникомъ Дмитрія Мамстрюковича). Воеводою казанскимъ на ту пору былъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, родной братъ Нижегородскаго. Послы поднесли ему пер-

стень съ большимъ рубиномъ. Но тутъ корабль простоялъ только день съ чѣмъ то, и двинулся далѣе.

За Казанью берега Волги сдѣлались болѣе пустынны; мѣстами виднѣлись уединенные дворы или „кабаки", вѣроятно существовавшіе по преимуществу для продажи крѣпкихъ напитковъ судовому рабочему люду. Отъ Казани до Самары, на пространствѣ 350 верстъ, путники видѣли только одинъ городъ, Тетюши, до того незначительный, что онъ былъ окруженъ даже не стѣною, а частоколомъ или тыномъ. Ниже его повстрѣчали воеводу города Терки, который плылъ на 8 судахъ, въ сопровожденіи сильнаго стрѣлецкаго конвоя; послѣ обычнаго трехлѣтняго воеводства онъ возвращался въ Москву. Его стрѣльцы сообщили Голштинцамъ, будто до 3.000 казаковъ поджидаютъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Если на дальнѣйшемъ пути по Волгѣ бороться съ мелями приходилось рѣже и легче, за то на переднiй планъ выступила опасность отъ разбоя волжскихъ казаковъ, и весь этотъ путь сопровождался постоянными страхами и всякими военными предосторожностями. Голштинскій корабль былъ снабженъ пушками, порохомъ, желѣзными и каменными ядрами; для стражи заранѣе нанято нѣкоторое количество солдатъ и вся посольская свита вооружена мушкетами, учреждены постоянные и правильно смѣнявшіеся караулы; такимъ образомъ корабль всегда былъ готовъ выдержать и отразить нападеніе казачьихъ лодокъ съ ихъ плохо вооруженной и безпорядочной толпой. Олеарій между прочимъ указываетъ и на знаменитый разбойничій притонъ, рѣчку Усу на Самарской лукѣ; причемъ передаетъ, что въ предыдущемъ году казаки захватили здѣсь цѣлое судно, принадлежавшее богатѣйшему нижегородскому купцу. Близъ этой рѣчки онъ видѣлъ Соляную гору, гдѣ изъ копей добывалось огромное количество соли, которую отправляли отсюда вверхъ по Волгѣ и въ Москву. (Это, повидимому, берега сосѣдней рѣчки Усолки съ ея соляными ключами).

По всей вѣроятности принятыя Голштинцами предосторожности, постоянная вооруженная сила и постоянная готовность къ бою избавили ихъ отъ нападенія; ибо казаки — разбойники дѣйствовали съ расчетомъ и послѣ предварительныхъ развѣдокъ. Такъ посольство получило увѣдомленіе, что на его кораблѣ въ числѣ русскихъ рабочихъ и гребцовъ замѣшалось четверо такихъ казаковъ. А на Овечьемъ броду (на пути между Самарою и Саратовымъ) путешественники встрѣтили двухъ рыбаковъ, которые разсказывали, что еще за восемь дней до того ограбившіе ихъ казаки говорили

объ имѣющемъ быть проходѣ большого корабля, принадлежащаго Нѣмцамъ. О Саратовѣ Олеарій замѣчаетъ только, что онъ лежитъ при рукавѣ Волги въ 4-хъ верстахъ отъ ея главнаго теченія и что онъ заселенъ одними стрѣльцами, которые оберегаютъ край отъ Калмыковъ; послѣдніе кочевали отъ сихъ мѣстъ до Яика и Каспійскаго моря.

Далѣе по пути къ Царицыну голштинскій корабль соединился съ помянутымъ выше персидско-черкесскимъ караваномъ, среди котораго находился русскій посланникъ къ персидскому шаху. Олеарій называетъ его Алексѣй Савиновичъ Романчиковъ, и сообщаетъ, что сей посланникъ былъ чиновникъ лѣтъ 30, умный, ловкій и очень любознательный, такъ что впослѣдствіи, во время совмѣстнаго пребыванія въ Персіи и обратнаго пути, онъ научился у Голштинцевъ латинскому языку и употребленію астролябіи. Персидско-черкесскій караванъ сопровождали болѣе 400 конвойныхъ стрѣльцовъ. Во время плаванія всѣ эти посольства, купно съ княземъ Муцаломъ, взаимно посѣщали и угощали другъ друга. Городъ Царицынъ оказался также заселеннымъ одними стрѣльцами, которые держали стражу противъ Ногайскихъ татаръ и казаковъ и должны были охранять проходящія суда. Но и сами стрѣльцы терпѣли отъ разбойниковъ. По словамъ Олеарія, вотъ что случилось незадолго до прибытія Голштинцевъ. Казаки замѣтили, что жены и дочери царицынскихъ стрѣльцовъ ежедневно отправляются на одинъ большой островъ доить коровъ, и иногда безъ охраны. Тогда они выбрали удобное время, захватили женщинъ и подвергли насилію, а потомъ отослали ихъ домой къ стрѣльцамъ. Въ 10 верстахъ за Царицынымъ путники видѣли на высокомъ берегу висѣлицу, на которой мѣстный воевода вѣшаетъ разбойниковъ-казаковъ. Отъ этого города вплоть до Каспійскаго моря идетъ страна пустынная, песчаная и безплодная, такъ что лежащій ниже городъ Черный Яръ и сама Астрахань получаютъ весь хлѣбъ по Волгѣ изъ другихъ мѣстъ, преимущественно изъ Казани. Черный Яръ былъ огороженъ крѣпкимъ досчатымъ заборомъ съ 8-ю башнями и также населенъ былъ одними сторожевыми стрѣльцами. Противъ каждаго угла этого городка въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него стояли караульни, утвержденныя на 4-хъ высокихъ столбахъ; изъ нихъ стрѣльцы наблюдали окрестную страну, которая имѣетъ совершенно ровную поверхность безъ единаго кустарника. Самый этотъ городокъ построенъ по слѣдующему поводу. По Волгѣ въ тѣхъ мѣстахъ плылъ большой караванъ съ полутора

тысячами народу и со стрѣлецкимъ конвоемъ. Замѣтивъ, что судно со стрѣльцами шло впереди на разстояніи ружейнаго выстрѣла, казаки спрятались на берегу именно тамъ, гдѣ Волга имѣетъ наиболѣе быстрое теченіе. Они дали стрѣльцамъ проплыть мимо, а затѣмъ напали на караванъ, успѣли разграбить его и перебить половину его людей прежде, чѣмъ стрѣльцы, задержанные теченіемъ, могли придти на помощь. Казаки поспѣшили къ берегу, сѣли на коней и ускакали.

Разумѣется, путешествуя по Волгѣ, иноземцы болѣе всего могли наблюдать ея рыбное богатство и самимъ извѣдать всѣ его разнообразныя породы. Такъ, когда они миновали Черный Яръ, то вечеромъ нѣсколько рыбаковъ привезли имъ на корабль огромнаго жирнаго карпа, вѣсомъ въ 30 фунтовъ, и 8 другихъ большихъ рыбъ; причемъ рыбаки отказались отъ всякаго денежнаго вознагражденія на томъ основаніи, что эта часть Волги находилась на откупу у одного московскаго крупнаго купца, который подвергъ бы ихъ тяжкому взысканію, если бы узналъ, что они продали хотя одну маленькую рыбку. Путешественники дали рыбакамъ водки, и тѣ отплыли очень довольные. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Астрахани иноземцы встрѣтили двѣ барки, нагруженные крупнымъ мѣстнымъ виноградомъ, персиками и дынями; они купили нѣкоторое количество сихъ плодовъ и нашли ихъ превкусными. Во время плаванія по нижней Волгѣ Олеарій указываетъ на главные рукава, которые постепенно отъ нея отдѣлялись, и на множество образующихся отсюда островозъ. А по берегамъ виднѣлись большія стаи зобовыхъ гусей, которыхъ Русскіе называли бабами. 15 сентября рано поутру Голштинцы миновали рукавъ Бальчикъ, за 15 верстъ отъ Астрахани; а въ полдень достигли самаго города, и прибытіе свое возвѣстили залпомъ изъ пушекъ, что не мало удивило жителей, сбѣжавшихся на берегъ. Слѣдовательно путешествіе ихъ только по Волгѣ отъ Нижняго длилось полтора мѣсяца.

Внутри Астрахани на возвышенномъ мѣстѣ построенъ кремль съ каменными стѣнами и башнями; онъ вооруженъ будто бы 500-ми пушекъ и занятъ сильнымъ гарнизономъ; однихъ стрѣльцовъ здѣсь было 9 приказовъ, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Въ самомъ городѣ (посадѣ) кромѣ Русскихъ пребываютъ Персіяне, Индійцы, Бухарцы, Армяне, Крымскіе и Ногайскіе татары. Всѣ эти народы ведутъ значительную торговлю разнаго рода товарами, такъ что однихъ пошлинъ собирается здѣсь въ царскую казну до 12.000 рублей. Тата-

рамъ однако не дозволяется имѣть постоянное жительство въ городѣ; а живутъ они за городомъ въ своихъ войлочныхъ кибиткахъ, и лѣтомъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто ради свѣжихъ пастбищъ для своего скота. Въ то время Ногайскіе татары сильно страдали отъ нападеній Калмыцкихъ ордъ, для обороны отъ которыхъ имъ выдавалось на извѣстный срокъ оружіе изъ русскихъ казенныхъ складовъ. Они имѣютъ собственныхъ начальниковъ и судей; но, для обезпеченія покорности, всегда нѣсколько ихъ князей и мурзъ содержались заложниками въ Астраханской крѣпости. До какой степени русское начальство здѣсь относилось ко всему осторожно и даже подозрительно, Голштинское посольство испытало само на себѣ. Хотя послы, первымъ дѣломъ, поднесли въ подарокъ большой бокалъ главному воеводѣ (которымъ тогда былъ окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Волынскій), однако воевода, соблюдая наружную вѣжливость, имѣлъ зоркое наблюденіе какъ за ними, такъ и за другими посольствами, и вообще не стѣснялся выказывать свою власть передъ иноземцами. Въ Астрахани Голштинцы, имѣя въ виду предстоявшее путешествіе въ Персію, особенно старались сблизиться съ помянутымъ выше персидскимъ посольствомъ и съ мѣстными персидскими купцами. Тутъ общительность и любезность (даже льстивость) Персіянъ невольно бросались имъ въ глаза „послѣ грубости Русскихъ“. Двое богатѣйшихъ персидскихъ купцовъ устроили имъ торжественный пріемъ и роскошное угощеніе. Вмѣстѣ съ Голштинскимъ посольствомъ на пріемѣ присутствовали персидскіе и польскіе послы; послѣдніе возвращались изъ Персіи и по своему званію принадлежали къ монашескимъ орденамъ. Но сюда же явились два русскихъ чиновника, знавшіе персидскій языкъ, конечно для наблюденія за тѣмъ, что будетъ говориться. Одинъ изъ двухъ голштинскихъ пословъ, Бругманъ, желая угодить хозяевамъ, началъ бранить Турокъ, съ которыми Персія тогда была въ непріязни, а Москва, наоборотъ, дружила. Персы, какъ ловкіе дипломаты, тотчасъ попросили Бругмана оставить этотъ разговоръ и перейти на другой предметъ. Латинскіе же монахи были удалены съ этого пира по распоряженію воеводы. Одинъ ногайскій мурза хотѣлъ угостить Голштинцевъ соколиною охотою; но воевода не дозволилъ.

Названный сейчасъ посланникъ Бругманъ, отличавшійся вообще грубымъ, сварливымъ характеромъ, во время предыдущаго плаванія очень дурно обращался съ состоявшимъ при посольствѣ русскимъ приставомъ, котораго Олеарій называетъ Родіономъ Матвѣеви-

чемъ. Этотъ приставъ въ Астрахани пожаловался воеводѣ. По сему поводу секретарь посольства принужденъ былъ въ воеводской канцеляріи выслушать выговоръ съ замѣчаніемъ, что посланникъ не имѣлъ права неприличными словами ругать царскаго чиновника, а въ случаѣ какой вины со стороны послѣдняго долженъ былъ принести на него жалобу начальству.

Въ Астрахани Олеарій познакомился съ замѣчательнымъ монахомъ, положившимъ начало мѣстнымъ виноградникамъ. Персидскіе купцы какъ-то привезли сюда виноградныя лозы. Монахъ посадилъ ихъ у себя въ загородномъ монастырѣ. Когда же онѣ принялись и стали хорошо рости, тогда по приказанію Михаила Θеодоровича монахъ развелъ цѣлый виноградникъ; а по его примѣру потомъ и другіе астраханскіе граждане стали при своихъ домахъ заводить такіе же сады. Во время Олеарія Астраханцы выдѣлывали уже столько вина, что нѣсколько десятковъ бочекъ его ежегодно доставляли въ Москву; а главнымъ виноградаремъ у нихъ явился нѣкій Ботманъ, обучавшійся въ Готторпѣ у придворнаго герцогскаго садовника.

Когда путешественникъ видѣлъ помянутаго монаха, послѣднему было 105 лѣтъ отъ роду. Онъ происходилъ изъ Австріи (вѣроятно изъ австрійскихъ Славянъ), мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнъ, попалъ въ Россію, гдѣ его перекрестили въ православіе и отослали на житье въ Астраханскій монастырь, въ которомъ впослѣдствіи сдѣлали настоятелемъ. Свое долголѣтіе онъ объяснялъ вообще здоровымъ климатомъ страны и говорилъ, что въ ней много очень старыхъ людей.

Астраханью мы закончимъ свое извлеченіе изъ Олеаріевыхъ записокъ о путешествіи Голштинскаго посольства по Россіи. ([19]).

XII.

УСПѢХИ ЦЕРКОВНОЙ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ И МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА.

Потѣй какъ уніатскій митрополитъ.—Виленское Святодуховское братство.—Архимандритъ Сенчило.—Рутскій и Кунцевичъ.—Задворный судъ.—Покушеніе на жизнь Потѣя.—Кончина Гед. Балабана.—Продолженіе литературной борьбы.—Мелетій Смотрицкій и его Ѳриносъ.— Рутскій какъ преемникъ Потѣя.— Плетенецкій.—Кіевское братство.—Гулевичевна и Богоявленская школа.—Сеймовая рѣчь о бѣдственномъ состояніи Западнорусской церкви.— Возобновленіе православной іерархіи.—Іовъ Борецкій.—Фанатизмъ Кунцевича и его убіеніе.—Усилившіяся гоненія.—Отступничество Смотрицкаго и его Апологія.—Петръ Могила и Кіевскій соборъ 1628 г.—Просвѣтительная дѣятельность П. Могилы, какъ Печерскаго архимандрита.—Исаія Копинскій.—Перемѣна церковной политики при Владиславѣ IV.—П. Могила какъ Кіевскій митрополитъ.—Примирительные планы новаго короля.—Варшавскій сеймъ 1635 г.—Распредѣленіе церквей и происшедшія отсюда столкновенія.—Кіево-Могилянская коллегія.—Соборъ 1640 г.—Литосъ —Требникъ.—Отступничество Іереміи Вишневецкаго.—Посольство П. Могилы къ ц. Михаилу Ѳеодоровичу.—Кончина Могилы.—Гоненія въ Полоцкѣ.—Грубыя суевѣрія.—Аѳанасій Филипповичъ.—Значеніе вѣроисповѣдной борьбы въ Западной Руси.

Церковно-политическій пожаръ, зажженый въ Брестѣ іезуитской интригой и ограниченнымъ, фанатичнымъ королемъ, въ теченіе первой половины XVII столѣтія распространился на обѣ части Западной Руси, т.-е. на сѣверозападную или великое княжество Литовское и на югозападную или Кіевщину, Волынь, Галицію и прочія русскія области, вошедшія въ составъ Польской короны. Вопросъ объ исходѣ жаркой борьбы православія съ уніей рѣшался, конечно, въ главныхъ средоточіяхъ той и другой части, т.-е. въ Вильнѣ и Кіевѣ.

Уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй энергично стремился къ тому, чтобы всѣ виленскіе православные храмы отобрать на унію и совсѣмъ изгнать изъ нихъ православное богослуженіе. Но онъ встрѣтилъ дѣятельное сопротивленіе со стороны Троицкаго братства, которое отнынѣ вѣрнѣе называть Святодуховскимъ; ибо изъ Троиц-

каго монастыря оно перешло по сосѣдству и устроилось при церкви Св. Духа; сюда же перевело и свою школу. Тутъ оно учредило свой собственный братскій монастырь и имѣло своихъ особыхъ священниковъ, которые были посвящены большею частію львовскимъ епископомъ Гедеономъ и не признавали духовной власти Потѣя. Сей послѣдній позвалъ ихъ къ королевскому суду и добился ихъ банниціи или изгнанія; въ то же время онъ пытался отнять у братства его имущества и закрыть его школу. Не находя защиты у мѣстныхъ властей, братчики стали обращаться съ своими протестами къ сеймикамъ, а чрезъ нихъ и къ генеральнымъ сеймамъ, и добивались права, чтобы ихъ тяжбы были разбираемы не задворнымъ (королевскимъ) судомъ, а трибунальнымъ. Въ числѣ этихъ братчиковъ находились еще нѣкоторыя значительныя лица, напримѣръ, князья Огинскіе и смоленскій воевода Абрамовичъ, которые, пользуясь правомъ патронатства, отстояли имущества братства и Святодуховскую церковь, основанную ими и ихъ родственниками на привилегированной шляхетской землѣ.

Въ своей борьбѣ съ православіемъ Ипатій Потѣй съ особою силою напиралъ на то измышленіе, по которому унія будто-бы не составляла какаго-либо нововведенія, а существовала издавна, т.-е. будто-бы русская іерархія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ всегда признавала надъ собою папскую власть. Такое измышленіе онъ даже пытался доказывать историческими документами. Такъ въ 1605 году уніатскій митрополитъ лично прибылъ въ Виленскую ратушу со старою славянскою рукописью въ рукахъ и показывалъ ее бурмистрамъ и райцамъ. Эта писанная уставомъ рукопись, по его словамъ, была найдена въ Кревской церкви; она заключала описаніе Флорентійскаго собора и кромѣ того униженное посланіе кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV, написанное въ 1476 году. По просьбѣ Потѣя члены ратуши (большею частію католики и уніаты) своими подписями засвидѣтельствовали древность и подлинность рукописи, которую онъ потомъ напечаталъ, но не церковно-славянскимъ, а латино-польскимъ шрифтомъ. Этотъ документъ въ сущности указывалъ только на нѣкоторыя прежнія и притомъ неудавшіяся попытки къ уніи; тѣмъ не менѣе Потѣй считалъ вопросъ рѣшеннымъ, и на томъ же основаніи устроилъ при Троицкомъ монастырѣ свое уніатское братство, утверждая, что оно-то и есть продолженіе или наслѣдникъ древняго, одареннаго королевскими привилегіями и разными имуществами, а что Святодуховскіе

братчики суть отступники отъ него, не имѣющіе никакихъ юридическихъ основаній. Во главѣ этого уніатскаго братства стало такое значительное лицо, какъ новогродскій воевода Ѳедоръ Скуминъ Тышкевичъ, извѣстный отступникъ отъ православія. Однако попытки уніатовъ отнять у Святодуховскаго братства дома и другое имущество, вмѣстѣ съ королевскими грамотами, не удались. Король хотя и ревностно помогалъ уніатамъ, однако далеко не все могъ сдѣлать при своей ограниченной власти. Къ тому же разразившееся около того времени возстаніе Зебжидовскаго побудило его хотя бы временными уступками успокоить негодующее православное населеніе. Генеральные сеймы, по интригамъ королевско-іезуитской партіи, уже не одинъ разъ отлагали до будущей сессіи свое рѣшеніе по жалобамъ православныхъ на чинимыя имъ притѣсненія, имущественныя и вѣроисповѣдныя. Но въ 1607 году, подъ впечатлѣніемъ названнаго возстанія, сеймъ подтвердилъ старыя права православной церкви и верховную власть надъ нею Константинопольскаго патріарха; при чемъ поставилъ эти права подъ охрану суда Трибунальнаго; а тяжебныя дѣла о церковныхъ и духовныхъ имуществахъ предоставилъ вѣдать обычнымъ мѣстнымъ судамъ, и отмѣнилъ введенные было смѣшанные суды (compositi judicii), которые состояли наполовину изъ свѣтскихъ, наполовину изъ католическихъ духовныхъ лицъ, и конечно дѣйствовали противъ православія въ пользу уніи.

Въ эту эпоху успѣхи уніи замедлились. Православные вступили съ нею въ болѣе активную борьбу и громко заявляли, что Ипатій Потѣй, какъ ослушникъ своего владыки Константинопольскаго патріарха отлученный отъ церкви, не можетъ быть епископомъ Владимірскимъ, а тѣмъ менѣе митрополитомъ Кіевскимъ, и потому необходимо поставить настоящаго, православнаго митрополита, чтобы Русская церковь не оставалась безъ своего законнаго архипастыря. Даже въ средѣ уніатскаго духовенства произошли нѣкоторыя отпаденія и возвращеніе къ православію. Особенно много хлопотъ Потѣю надѣлали виленскіе архимандритъ Сенчило и протопопъ Жашковскій.

Родомъ виленскій мѣщанинъ, Самуилъ Сенчило былъ монахомъ Супрасльскаго монастыря. Вмѣстѣ съ его настоятелемъ княземъ Масальскимъ, онъ противился введенію уніи, за что былъ изгнанъ патрономъ этого монастыря Іеронимомъ Ходкевичемъ. Вскорѣ потомъ онъ раскаялся и былъ принятъ въ Троицкій виленскій монастырь,

гдѣ своимъ смиреніемъ снискалъ расположеніе Потѣя. Послѣдній возвелъ Сенчила въ санъ архимандрита и поручилъ ему управленіе какъ монастыремъ, такъ и всѣми его имуществами и землями; ибо, съ согласія и съ помощью короля, уніатскій митрополитъ добился того, что виленскіе бурмистры были устранены отъ всякаго вмѣшательства въ это управленіе (1605 г.). Около того же времени во главѣ бѣлаго виленскаго духовенства появился Варѳоломѣй Жашковскій. Родомъ Галичанинъ, онъ состоялъ безженнымъ священникомъ въ городѣ Ярославлѣ, Перемышльской епархіи. Уличенный въ любовной связи, онъ былъ мѣстнымъ епископомъ отлученъ священства; послѣ разныхъ скитаній, принялъ унію и обратился къ покровительству Потѣя. Какъ бойкаго, краснорѣчиваго проповѣдника, Потѣй возвелъ его въ достоинство протопопа Пречистенскаго собора и намѣстника своего надъ Виленскимъ бѣлымъ духовенствомъ, взявъ съ него письменное обязательство не измѣнять ему, митрополиту, и уніи.

Но вскорѣ самъ Потѣй измѣнилъ своему довѣрію къ симъ двумъ лицамъ и возвысилъ надъ ними своего новаго любимца, Іосифа Велямина Рутскаго.

Этотъ Рутскій, которому судьба готовила большую роль въ исторіи уніи, былъ происхожденіемъ изъ Московской Руси, сынъ воеводы Вельяминова, подобно Курбскому передавшагося непріятелямъ во время войны Ивана Грознаго съ Сигизмундомъ Августомъ (1568) и награжденнаго отъ короля помѣстьями; по одному изъ нихъ, Руту (въ Новогродскомъ воеводствѣ), онъ получилъ названіе Рутскаго. Въ молодости своей Іосифъ обнаружилъ охоту къ ученію и увлекался протестантизмомъ; но попалъ въ руки іезуитовъ и отправился для довершенія своего образованія въ Римъ. Въ виду выдающихся способностей, іезуиты отклонили явный переходъ его въ католичество; они разсчитывали сдѣлать изъ него ревностнаго, полезнаго для уніи дѣятеля, и не ошиблись. Потѣй желалъ преобразовать русскіе монастыри въ духѣ католическихъ орденовъ, по образцу греко-уніатской конгрегаціи св. Василія въ Римѣ. Когда Рутскій воротился въ отечество, іезуиты указали на него Потѣю какъ на человѣка вполнѣ знакомаго съ устройствомъ этой конгрегаціи. Потѣй самъ постригъ его въ иноки (1606), помѣстилъ въ Троицкомъ монастырѣ, и поручилъ ему вѣдѣніе новооткрытою монастырскою школою вмѣстѣ съ надзоромъ за послушниками и молодыми монахами.

Здѣсь, въ Троицкомъ монастырѣ, Рутскій сошелся и подружился съ другимъ будущимъ знаменитымъ дѣятелемъ уніи, Іосафатомъ Кунцевичемъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Владиміра Волынскаго, сынъ сапожника. Отецъ думалъ сдѣлать изъ него торговца и помѣстилъ его на службу къ одному виленскому купцу. Но молодой Иванъ Кунцевичъ любилъ читать книги и сталъ посѣщать уроки іезуитской академіи, чтобы пополнить свое скудное образованіе. Наконецъ, отдаваясь влеченію къ церкви, онъ вступилъ въ Троицкій монастырь и принялъ постриженіе отъ самого Потѣя, который нарекъ его Іоасафомъ (1604). Руководители-іезуиты направили его, также какъ и Рутскаго, не въ католичество, а именно въ унію, предуготовляя въ немъ ревностнаго ея подвижника. Кунцевичъ не владѣлъ такою ученостію и такимъ изворотливымъ умомъ, какъ его другъ Рутскій, но превосходилъ его своею дерзостію и пламеннымъ краснорѣчіемъ, благодаря которому онъ такъ успѣшно потомъ совращалъ православныхъ въ унію, что получилъ отъ нихъ прозваніе ,,душехвата".

Пребывая самъ въ своей Владимірской епархіи, Потѣй назначилъ своего любимца Іосифа Рутскаго митрополичьимъ намѣстникомъ въ Виленской епархіи (1608). Дѣятельность его конечно наиболѣе почувствовалась въ самомъ городѣ Вильнѣ и бѣлымъ, и чернымъ духовенствомъ, а въ особенности Троицкимъ монастыремъ, доходы котораго митрополитъ отдавалъ въ его распоряженіе. Понятно, что такое назначеніе сильно задѣло интересы и самолюбіе какъ троицкаго архимандрита Сенчила, такъ и протопопа Жашковскаго. Они немедленно соединились для общей оппозиціи и начали возбуждать виленскихъ священниковъ къ непризнанію власти новаго намѣстника.

Со стороны виленскаго духовенства послѣдовали протесты противъ его назначенія, обращенные и въ русское отдѣленіе лавицы (часть магистрата), и къ самому Потѣю, и въ Виленскій гродскій судъ. Въ городѣ началось сильное волненіе. Тщетно призывая Сенчила къ своему суду, митрополитъ заочно приговорилъ его къ лишенію сана и отлученію отъ церкви. Въ отвѣтъ на этотъ приговоръ протестующіе вписались въ православное Святодуховское братство и объявили, что болѣе не признаютъ Потѣя своимъ архипастыремъ; ибо онъ самъ нарушилъ свою присягу: обязавшись не вводить никакихъ новыхъ порядковъ, противныхъ Восточной церкви, онъ, наоборотъ, сталъ постепенно подчинять ее духовнымъ латинскимъ властямъ,

назначилъ своимъ намѣстникомъ ксендза Рутскаго, который отказалъ въ повиновеніи своему архимандриту, и т. д. Такимъ образомъ большая часть виленскаго духовенства, принявшаго унію, отказывалась отъ нея и возвращалась въ православіе.

По одному не совсѣмъ достовѣрному разсказу, чтобы удалить Рутскаго изъ Троицкаго монастыря и очистить этотъ монастырь отъ уніатовъ, духовенство втайнѣ составило такой планъ: во время ночной службы съ 5 на 6 декабря собраться православнымъ братчикамъ въ возможно большемъ числѣ; архимандритъ Сенчило въ полномъ облаченіи соборнѣ, имѣя съ собою Рутскаго, выйдетъ для великаго славословія на средину церкви; тутъ онъ толкнетъ Рутскаго въ толпу, со словами: ,,иди вонъ, еретикъ"; а толпа подхватитъ его и выпроводитъ за дверь. Но участники сего заговора будто бы вздумали привлечь на свою сторону Кунцевича, и умоляли его оказать имъ свое содѣйствіе. Это обстоятельство погубило ихъ планъ. Кунцевичъ предупредилъ іезуитовъ и своего друга. Разумѣется, противъ заговорщикомъ были приняты всѣ мѣры со стороны свѣтскихъ и духовныхъ (католическихъ) властей города; о чемъ усердно хлопоталъ присланный Потѣемъ въ Вильну его секретарь Мороховскій. Означенную ночь съ субботы на воскресенье магистратъ провелъ въ засѣданіи съ готовою стражей подъ рукой; цехи вооружились и расхаживали по улицамъ съ выстрѣлами и угрозами противъ православныхъ (святодуховскихъ) братчиковъ; подвоевода прислалъ изъ замка военный отрядъ въ Троицкій монастырь. Такимъ образомъ въ эту ночь здѣсь не произошло никакого движенія.

Тѣмъ не менѣе, вопреки назначенію Рутскаго настоятелемъ Троицкаго монастыря, Сенчило упорствовалъ и не хотѣлъ покинуть его, ссылаясь на королевскія привилегіи. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми священниками и свѣтскими представителями Святодуховскаго братства онъ явился на Варшавскомъ сеймѣ слѣдующаго 1609 года, и представилъ на его рѣшеніе свою распрю съ Потѣемъ. Напрасно сей послѣдній лично прибылъ въ Варшаву и повторялъ свою новую теорію о стародавности уніи и отщепенствѣ православныхъ. Настроенный не въ пользу королевско-іезуитской партіи, сеймъ подтвердилъ тѣ постановленія, которыя были сдѣланы два года тому назадъ. Отпаденіе священниковъ отъ уніи изъ Вильны распространилось и на другія города. Положеніе ея казалось критическимъ. Но король, возбуждаемый папскимъ нунціемъ, энергично поспѣшилъ

преки сеймовому постановленію, онъ выдалъ По-
казавшія отобрать Пречистенскій соборъ и другія
непослушныхъ священниковъ; особыми декре-
утскаго архимандритомъ Троицкаго монастыря, а
баннитомъ, т.-е. осудилъ на изгнаніе. Право-
Вильны волновалось и готово было силою воспро-
кретамъ. Православные члены ратуши, держав-
одуховскаго братства, подали въ Трибунальный
законныя дѣйствія Потѣя и Рутскаго. Но послѣд-
тьcя передъ нимъ и требовали суда, смѣшаннаго
свѣтскихъ членовъ трибунала и духовныхъ лицъ
ви. Несмотря на отказъ свѣтскихъ членовъ, ду-
лись и постановили приговоръ въ пользу Потѣя
ый трибуналъ кассировалъ ихъ рѣшеніе. Тогда
обратилась къ задворному или асессорскому
самого короля, который въ это время прибылъ
ляясь въ свой знаменитый походъ подъ Смоленскъ.
задворный судъ составился изъ нѣсколькихъ сена-
ѣдательствомъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги.
ъ приговоръ Трибунальнаго суда. Затѣмъ привлек-
трекательство народа къ неповиновенію и за оскор-
двухъ членовъ ратуши и вмѣстѣ Святодуховскаго
пеку и Исаака Кононовича, и приговорили ихъ къ
роль смягчилъ наказаніе и только навсегда от-
бщественныхъ должностей. Ипатій Потѣй также
у. Королевскій дворянинъ съ вооруженнымъ от-
къ Пречистенскому собору, отбилъ замки и
ѣя, которому передалъ и церковную казну, и
Потомъ такимъ же способомъ постепенно были
лавныхъ и другія виленскія церкви, числомъ до
іатскому митрополиту со всѣми ихъ скарбами;
едали ему икону Богоматери (Остробрамской),
отворную. Эта святыня хранилась въ Перенесен-
иколая, и со стороны уніатовъ было опасеніе,
Кашковскій при своемъ бѣгствѣ изъ Вильны не
ѣстѣ съ другими тамъ же сохранявшимися дра-
дясь въ ихъ цѣлости и поклонившись образу Бо-
отѣй изъ этого храма отправился въ домъ като-
, гдѣ остановился папскій нунцій, Франческо

Симонетта, —чтобы принести ему свою благодарность за усердное содѣйствіе дѣлу уніи.

Въ дорогой сутанѣ съ золотымъ крестомъ на груди и съ архипастырскою тростью въ правой рукѣ, Потѣй съ гордою самодовольною осанкою возвращался отъ нунція (11 августа 1609 г.). Но когда онъ проходилъ по рынку и поравнялся съ ратушею, вдругъ какой-то гайдукъ бросился на него и замахнулся саблею. Потѣй невольно поднялъ лѣвую руку. Мгновенно два пальца этой руки были отрублены, затѣмъ сабля опустилась на шею; но золотая цѣпь, на которой висѣлъ крестъ, ослабила ударъ, и на шеѣ осталась только царапина. Гайдукъ былъ тотчасъ схваченъ свитою Потѣя и жестоко избитъ. Раненаго іерарха отнесли въ ближній домъ; сюда немедленно прибыли король и нѣкоторые вельможи съ выраженіями своего участія. Велиминъ Рутскій отслужилъ благодарственный молебенъ за сохраненіе жизни Потѣя, причемъ его отрубленные пальцы положилъ на алтарѣ Троицкой церкви. Несмотря на страшныя пытки, преступникъ не указалъ никакихъ соумышленниковъ, утверждая, что онъ одинъ рѣшился на такое дѣло по ревности къ своей вѣрѣ, мстя митрополиту за отобраніе церквей у православныхъ. Затѣмъ его казнили.

Тщетно приспѣшники Потѣя старались набросить на Святодуховское братство подозрѣніе въ соучастіи этому преступленію. Никакихъ уликъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе сіе событіе ясно обнаружило сильное возбужденіе, въ какомъ находилось тогда православное населеніе Бѣлорусскаго края. Однако никакого взрыва не послѣдовало. Только въ слѣдующемъ 1610 году мрачное народное настроеніе совпало со страшнымъ пожаромъ, который 21 іюня истребилъ центральную, самую лучшую часть Вильны; причемъ сгорѣли богатые католическіе монастыри, Францисканскій и Доминиканскій, католическая семинарія, іезуитская коллегія, каѳедральный костелъ св. Станислава, соборъ кальвинистовъ, еврейская синогога и нѣсколько церквей изъ числа отобранныхъ на унію. Погорѣвшія части города вскорѣ вновь отстроились и оправились; но съ пожаромъ погибло много памятниковъ мѣстной русской старины. Ударъ, нанесенный въ предыдущемъ году православно-русскому элементу виленскаго населенія, навсегда подорвалъ его: католичество и унія торжествовали; вмѣстѣ съ ихъ торжествомъ быстрѣе пошло ополяченіе населенія. Въ Вильнѣ только Святодуховскій монастырь съ своимъ братствомъ неизмѣнно сохранялъ православіе. Архимандритъ

Сенчило послѣ долгой и тщетной борьбы съ Потѣемъ сдался и сталъ молить о прощеніи. Его мольбу поддержали самъ Рутскій, знатные вельможи Тризна и Скуминъ Тышкевичъ. Потѣй потребовалъ торжественнаго и письменнаго покаянія. Сенчило, вѣроятно, исполнилъ это требованіе. Потомъ мы видимъ его намѣстникомъ Супральскаго монастыря, уже обращеннаго въ унію.

Подобно тому какъ въ Вильнѣ, борьба православія съ уніей кипѣла и въ другихъ центрахъ Западной Руси съ перемѣннымъ успѣхомъ, но при явномъ перевѣсѣ уніи, которую поддерживали король и вообще свѣтскія власти Рѣчи Посполитой. Въ 1607 году скончался епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ, одинъ изъ главныхъ столповъ православія, въ теченіе десяти лѣтъ энергично отстаивавшій не только свою епархію отъ уніи, но и замѣнявшій для всей Западнорусской церкви православнаго митрополита, какъ экзархъ Цареградскаго патріарха. Подъ конецъ жизни онъ примирился съ Львовскимъ братствомъ, и за одно съ нимъ трудился надъ основаніемъ училищъ и типографій, надъ печатаніемъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ. По настояніямъ братства, преемникомъ Гедеона львовское духовенство избрало православнаго шляхтича Тиссаровскаго, который получилъ утвержденіе отъ короля, надѣявшагося на принятіе имъ уніи, но обманувшагося въ этой надеждѣ. Въ 1610 году скончался другой столпъ православія, перемышльскій епископъ Михаилъ Копыстенскій; его преемникомъ Ипатію Потѣю удалось поставить уніата Крупецкаго. Напрасно православное духовенство и паства не хотѣли признавать его своимъ пастыремъ и не пускать въ свои церкви и монастыри, даже подвергли его побоямъ. Съ помощью военныхъ людей онъ насильно водворился на этой каѳедрѣ и сталъ вводить унію ([20]).

Начавшаяся тотчасъ послѣ Брестскаго собора литературная борьба съ уніей дѣятельно продолжалась. Въ эпоху Ипатія Потѣя на этомъ поприщѣ со стороны православныхъ наиболѣе замѣчательными произведеніями являются слѣдующія: Во-первыхъ, „Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ“ (1603 года); здѣсь, подъ видомъ бесѣды двухъ лицъ, неизвѣстный авторъ излагаетъ различіе между православіемъ и католичествомъ, и доказываетъ конечно превосходство перваго. Во-вторыхъ, уже упомянутая выше „Перестрога“ (предостереженіе), искусно, съ знаніемъ дѣла написанная неизвѣстнымъ священникомъ во Львовѣ (1605 г.) и подробно раз-

сказывающая печальную исторію уніи. Особенно замѣчательна та часть этого сочиненія, гдѣ авторъ доказательно опровергаетъ преданіе католической церкви объ апостолѣ Петрѣ, какъ основателѣ христіанской общины въ Римѣ; причемъ обнаруживаетъ значительную эрудицію по отношенію къ св. Писанію и церковнымъ писателямъ. Въ третьихъ, знаменитый „Ѳриносъ“ Мелетія Смотрицкаго.

Отецъ его Герасимъ Смотрицкій, гродскій писарь Каменецкій, былъ человѣкъ очень образованный, а потому когда князь Константинъ—Василій Острожскій основалъ у себя въ Острогѣ гимназію (около 1580 г.), то упросилъ Герасима быть ея ректоромъ. Сюда же князь вызвалъ и ученаго грека Кирилла Лукариса. Подъ ихъ руководствомъ получилъ свое первоначальное образованіе Мелетій; въ этой школѣ онъ обучался языкамъ славянскому, греческому и латинскому. Обнаруживъ блестящія способности, мальчикъ по смерти отца поступилъ въ опеку князя Острожскаго, который отдалъ его для дальнѣйшаго образованія въ Виленскую іезуитскую коллегію. Потомъ онъ вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Соломерецкимъ былъ отправленъ за границу, гдѣ довершилъ свое образованіе въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. Такимъ образомъ онъ близко ознакомился съ католическимъ и протестантскимъ ученіемъ и съ европейскою наукою, оставаясь преданнымъ православію. Когда онъ воротился на родину, его поразило печальное состояніе Русской церкви и народности, угнетаемыхъ уніатами и католиками: Ипатій Потѣй въ это время торжествовалъ свою побѣду надъ православнымъ духовенствомъ. Межъ тѣмъ какъ русскіе горожане дѣлались уніатами, знатные или дворянскіе роды переходили прямо въ католицизмъ и примыкали къ польскимъ магнатамъ и шляхтѣ.

Смотрицкій излилъ свою скорбь цѣлой книгой, которую озаглавилъ „Ѳриносъ“ или „Плачъ единой апостольской Восточной церкви съ объясненіемъ догматовъ вѣры“, и издалъ ее въ Вильнѣ (1610 г.) на польскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Ѳеофила Ортолога. Тутъ въ лицѣ этой Восточной церкви онъ оплакиваетъ ея бѣдствія, обвиняя въ нихъ ея отступниковъ, въ томъ числѣ и Потѣя. Не ограничиваясь собственно плачемъ, онъ входитъ въ опроверженіе латинскаго ученія о папствѣ, исхожденіи Св. Духа, чистилищѣ, опрѣснокахъ, неполной евхаристіи и пр.; умоляетъ отступниковъ покаяться и воротиться къ своей родной матери, т.-е. Восточной церкви. Между прочимъ въ этомъ плачѣ находится слѣдующее, можно сказать, классическое мѣсто. Православная церковь, оплакивая потери своихъ луч-

шихъ сыновъ, ушедшихъ въ католичество, восклицаетъ: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей? Гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни той-же короны: князья Слуцкіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Красинскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и прочіе, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности—гдѣ древніе, знатные, мощные, въ цѣломъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Попѣи?“

Краснорѣчивый „Плачъ“ произвелъ большое впечатлѣніе на современниковъ и высоко поставилъ Смотрицкаго въ глазахъ православныхъ. Наиболѣе крупные писатели противнаго лагеря пытались ослабить это впечатлѣніе своими возраженіями. Такъ знаменитый Скарга отвѣтилъ сочиненіемъ, которое назвалъ: „Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Өеофила Ортолога“; а потомъ Илья Мороховскій издалъ „Утоленіе Плача Восточной церкви, измышленнаго Өеофиломъ Ортологомъ“. Они защищали Римскую церковь отъ его нападокъ и старались выставить автора не столько православнымъ, сколько послѣдователемъ Лютера и Кальвина, такъ какъ онъ дѣйствительно пользовался ими въ своихъ сильныхъ и ядовитыхъ нападкахъ на Римское папство. Недовольствуясь литературною борьбою, католики и уніаты постарались добыть отъ короля Сигизмунда повелѣніе взять изъ друкарни Виленскаго братства оставшіеся экземпляры Өриноса и сжечь, а самую друкарню тоже отобрать. Тогда братство на время перенесло типографію изъ Вильны въ имѣніе одного изъ своихъ членовъ, князя Богдана Огинскаго (мѣстечко Евве), и тамъ продолжало печатать священныя и богослужебныя книги.

Въ 1613 году умеръ Ипатій Потѣй во Владимирѣ Волынскомъ. Никто изъ уніатскихъ іерарховъ не превзошелъ его своей энергіей и не сдѣлалъ столько для успѣховъ уніи. Преемникомъ себѣ на митрополію онъ самъ назначилъ Велямина Рутскаго. Король осо-

бою грамотою подтвердилъ это назначеніе. А потомъ папа прислалъ утвержденіе чрезъ своего нунція въ Польшѣ. Но, получивъ митрополію съ ея имуществами Рутскій не наслѣдовалъ богатое епископство Владимірское, которое, по желанію того-же Потѣя, король передалъ Мороховскому. Въ первую эпоху своей дѣятельности въ качествѣ уніатскаго митрополита Рутскій особенное вниманіе обратилъ на устройство монастырей. Онъ постарался объединить все уніатское монашество, сообщивъ ему одинъ общій уставъ св. Василія и сдѣлавъ изъ него особый Базильянскій орденъ, по образцу ордена Іезуитскаго. Онъ освободилъ монашество отъ власти епархіальныхъ архіереевъ, и подчинилъ его выборному изъ его же среды протоархимандриту съ совѣтомъ изъ четырехъ лицъ; сами уніатскіе архіереи впредь должны быть выбираемы изъ членовъ этого Базильянскаго ордена. Одежду свою уніатскіе монахи устроили по образцу католическихъ; вмѣсто клобука или каптура они стали ходить съ открытою головою, закинувъ назадъ капу.

Наименѣе успѣха въ эту эпоху имѣла унія въ южной половинѣ Западной Руси, и особенно въ Кіевщинѣ. Пока былъ живъ кіевскій воевода знаменитый князь Константинъ—Василій Острожскій, онъ энергично противился введенію уніи въ своемъ воеводствѣ. Но въ 1608 году скончался этотъ подвижникъ православія слишкомъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ; а послѣ него кіевскимъ воеводою былъ назначенъ извѣстный гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Теперь Ипатій Потѣй успѣлъ фактически завладѣть каѳедральнымъ Софійскимъ соборомъ (находившимся, впрочемъ, уже въ состояніи запустѣнія и разрушенія), и назначилъ въ Кіевъ своимъ намѣстникомъ протопопа Антонія Грековича, бывшаго іеродіакономъ виленскаго Святодуховскаго братства, но измѣнившаго православію; его же Потѣй сдѣлалъ игуменомъ Выдубецкаго монастыря, чтобы тотъ могъ пользоваться для своего содержанія имѣніями сего монастыря. Но кіевскіе священники не признали его своимъ протопопомъ, а Запорожскіе казаки грозили его убить. (Эту угрозу они исполнили десять лѣтъ спустя, утопивъ его въ Днѣпрѣ). Монастыри Михайловскій, Межигорскій и Кирилловскій также отказались подчиниться власти уніатскаго митрополита. Тщетно Потѣй жаловался королю и вносилъ свои протестаціи въ судебныя книги. Вообще въ Кіевѣ унія вызвала довольно дружный отпоръ и возбудила живое движеніе среди православныхъ. Главнымъ исходнымъ пунктомъ для этого движенія служила Кіево-Печерская обитель; а нагляднымъ образомъ оно вы-

разилось особенно въ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства и тѣсно связанной съ нимъ школы, изъ которой впослѣдствіи возникла знаменитая Кіевская академія.

Послѣ Никифора Тура, отстоявшаго Кіево-Печерскую лавру и ея имѣнія отъ захвата латино-уніатскихъ властей, архимандритомъ этой лавры является извѣстный западнорусскій писатель и ученый мужъ Елисей Плетенецкій (1599—1624), происходившій изъ шляхетской фамиліи; съ него собственно и начинается просвѣтительное значеніе лавры. Продолжая энергично бороться съ латино-уніатскими властями, онъ въ то же время прилагалъ особыя старанія для внутренняго ея благоустройства и обратилъ ея богатыя имущества на созданіе при ней тѣхъ просвѣтительныхъ учрежденій, которыми упредили ее Вильна, Львовъ и Острогъ. Онъ возобновилъ въ своей обители пришедшія въ забвеніе строгія правила иноческаго житія и общежительный уставъ по чину св. Василія; завелъ типографію и бумажную фабрику, и началъ дѣятельное печатаніе книгъ богослужебныхъ, каноническихъ и полемическихъ. Для этого дѣла онъ умѣлъ изъ разныхъ мѣстъ привлечь въ лавру иноковъ ученыхъ и опытныхъ. Между таковыми особенно извѣстны: искусный въ богословской наукѣ Захарія Копыстенскій, подвизавшійся прежде во Львовѣ; превосходный филологъ, авторъ лексикона славяно-русскаго, Памва Берында, его родственникъ Стефанъ Берында; далѣе, знатокъ греческаго языка Лаврентій Зизаній Тустановскій, искусный проповѣдникъ Тарасій Левковичъ Земка, Іовъ Борецкій, впослѣдствіи Кіевскій митрополитъ, и нѣкоторые другіе. Тѣ же лица, кромѣ книгоиздательства, занимались и преподаваніемъ въ лаврской школѣ, которая, по нѣкоторымъ даннымъ, также возникла при Елисеѣ Плетенецкомъ. Вообще своими трудами онъ положилъ начало новому и славному періоду въ исторіи не только Кіево-Печерской лавры, но и всего Кіевскаго края.

Вызванное борьбою съ уніей, религіозно-умственное движеніе затронуло также кіевское шляхетство и мѣщанство, и повело къ основанію Кіевскаго братства, которое возникло здѣсь около 1615 г., первоначально, кажется, при церкви Успенія Пресв. Богородицы, находившейся на Подолѣ. Оно устроилось по образцу братствъ Львовскаго, Виленскаго и Могилевскаго, и усвоило себѣ уставъ или *чинъ* именно Виленскаго. Съ этимъ братствомъ вскорѣ связались судьбы знаменитой Богоявленской школы.

Средства на основаніе сей школы даны были Гальшкою

(Елизаветою) Гулевичевною, дочерью Василія Гулевича, владимірскаго войскаго. Сначала она была замужемъ за Христофоромъ Потѣемъ, младшимъ изъ сыновей Ипатія Потѣя, въ то время еще православнаго епископа, а впослѣдствіи уніатскаго митрополита. Послѣ смерти перваго мужа, молодая вдова вышла за мозырскаго маршалка Стефана Лозку, человѣка пожилого и также вдоваго. При своей преданности и усердіи къ православію, она была захвачена начавшимся въ Кіевѣ помянутымъ религіозно-умственнымъ движеніемъ; въ октябрѣ 1615 года она сдѣлала дарственную запись на значительное имущество, именно на свой кіевскій дворъ съ землею, ради основанія ставропигіальнаго монастыря, по чину Василія Великаго (т.-е. общежительнаго), школы для дѣтей дворянскихъ и мѣщанскихъ и гостинницы для странниковъ, подъ условіемъ, чтобы всѣ эти учрежденія навсегда оставались въ церкви восточнаго обряда подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшаго Константинопольскаго патріарха. Къ концу того же 1615 года мы видимъ, что пожертвованіе или фундушъ Гальшки Гулевичевны поступилъ въ распоряженіе Кіевскаго братства, которое устраиваетъ монастырь и школу при храмѣ Богоявленія на Подолѣ; причемъ первымъ игуменомъ сего монастыря является кіевопечерскій инокъ Исаія Копинскій, а первымъ ректоромъ школы Іовъ Борецкій; отсюда можемъ заключить о томъ, что новыя эти учрежденія создались не безъ участія Кіевопечерской лавры или ея архимандрита Елисея Плетенецкаго. Кіевобратскій монастырь и школа вскорѣ устроились и упрочились, благодаря новымъ пожертвованіямъ послѣ Гулевичевны. Особенно сильную опору нашли эти учрежденія въ славномъ запорожскомъ гетманѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ, который вписался въ братскій реестръ „со всѣмъ своимъ войскомъ“. Кромѣ вкладовъ гетманъ поддерживалъ ихъ и вообще южнорусское православіе своимъ авторитетомъ и значеніемъ, которое имѣлъ въ Рѣчи Посполитой. Но любопытно, что главная фундаторша, т.-е. Гальшка Гулевичевна, подобно Константину Острожскому и нѣкоторымъ другимъ ревнителямъ православія, при жизни своей имѣла огорченіе видѣть, какъ ея единственный сынъ (Михаилъ) былъ совращенъ въ латинство, вѣроятно благодаря своему браку съ католичкою.

Обученіе въ Кіевобратской школѣ было устроено по образцу братскихъ школъ, уже существовавшихъ въ Западной Руси, т.-е. Львовской, Виленской и др. Оно начиналось съ азбуки; за нею слѣдовали Часословъ и Псалтырь, въ связи съ изученіемъ церковной

службы и пѣніемъ, а также съ изученіемъ молитвъ и догматовъ православной вѣры; потомъ преподавались грамматика, риторика, логика, діалектика, піитика. Сначала въ этихъ школахъ господствовала грамматика Лаврентія Зизанія, а потомъ Мелетія Смотрицкаго. Языки преподавались: церковнославянскій и польскій, а также классическіе, т.-е. греческій и латинскій. Въ польско-латинскихъ школахъ Рѣчи Посполитой тогда рѣшительно преобладалъ языкъ латинскій; православныя же школы давали преобладаніе языку греческому, на что указываетъ и самое названіе преподавателей „дидаскалами", а учениковъ „спудеями". Родители, отдавая дѣтей („хлопцевъ") въ школу, условливались, сколько должны были платить грошей за обученіе, а иногда прибавляли разныя приношенія натурою или съѣстными припасами, дровами и т. п. Но бѣдняки и сироты нерѣдко содержались на счетъ самой школы.

Успѣхи братствъ и школъ въ борьбѣ съ уніей однако не могли возмѣстить того вреда, который Западнорусская церковь терпѣла отъ недостатка высшей церковной іерархіи. Въ это время у нея оставался только одинъ православный епископъ, Львовскій. Некому было посвящать приходскихъ священниковъ. Поэтому изъ отдаленныхъ областей русскихъ таковые должны были тайкомъ пробираться въ Львовъ для посвященія, или пользовались для того случайнымъ пріѣздомъ какихъ-либо греческихъ епископовъ. Въ свою очередь недостатокъ священниковъ приводилъ православное населеніе къ разнымъ печальнымъ явленіямъ. Бѣдственное его состояніе въ ту эпоху яркими красками очертилъ на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г. одинъ изъ западнорусскихъ депутатовъ Лаврентій Древинскій, чашникъ земли Волынской и членъ виленскаго Святодуховского братства.

Вотъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи:

„О Боже, кому неизвѣстно, сколь великія притѣсненія терпитъ народъ Русскій въ отношеніи своего благочестія? Начну съ Короны (т.-е. Югозападной Руси, присоединенной къ Польской Коронѣ). Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, содержатъ скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству Литовскому: тамъ то же самое дѣлается въ городахъ, пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же; Лещинскій монастырь обращенъ въ питейный домъ. Вслѣдствіе сего дѣти умираютъ безъ крещенія; тѣла покойниковъ вывозятся изъ городовъ, какъ падаль, безъ церковнаго

обряда; не имѣя брачнаго благословенія, народъ живетъ въ непосредствѣ; люди умираютъ безъ исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ". „А что дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона и не склоняется къ уніи, того тѣснятъ изъ города, не принимаютъ ни въ купечество, ни въ ремесленные цехи. Въ Вильнѣ для православнаго покойника запираютъ городскія ворота (въ которыхъ невозбранено ѣздить Жидамъ и Татарамъ), и его должны выносить въ такое отверстіе, черезъ которое вывозятъ только нечистоты. Православныхъ монаховъ хватаютъ, бьютъ и заключаютъ въ оковы. На гражданскіе уряды не допускаютъ людей достойныхъ и ученыхъ, а наполняютъ ихъ (латинами и уніатами) хотя бы глупцами и невѣждами". „Ужс двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ и на каждомъ сеймѣ мы умоляемъ съ горькими слезами, но не можемъ добиться, чтобы намъ сохранили наши права и вольности". „Если же и на этомъ сеймѣ не послѣдуетъ исправленія столь тяжкихъ золъ, то принуждены будемъ возопить съ пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою*".

Но подобные протесты обыкновенно были голосами вопіющими въ пустынѣ. Король и сенаторы выслушивали ихъ, отдѣлывались обѣщаніями, отлагательствомъ до будущихъ сеймовъ и т. п. По этому поводу одинъ изъ польскихъ пановъ замѣтилъ слѣдующее: „на сеймикахъ (т.-е. на посольскихъ выборахъ) мы имъ (православнымъ) даемъ надежду, а на сеймахъ поднимаемъ ее на смѣхъ; на сеймикахъ зовемъ ихъ братьями, а на сеймахъ отщепенцами". Только внѣшнія опасности, угрожавшія Рѣчи Посполитой, заставляли ихъ иногда съ лицемѣрною благосклонностью относиться къ просьбамъ православныхъ. Такъ было и въ эту пору, когда Полякамъ одновременно грозили войны со стороны Турціи, Россіи и Швеціи и когда они особенно нуждались въ услугахъ Запорожскаго войска. Сими обстоятельствами православные и воспользовались для возобновленія своей церковной іерархіи.

Въ томъ же 1620 году весною въ Кіевъ пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Өеофанъ, на обратномъ пути изъ Москвы, остановился въ братской гостиницѣ и пробылъ тутъ около 10 мѣсяцевъ. Имѣя полномочія отъ Константинопольскаго и другихъ восточныхъ патріарховъ, охраняемый отъ всякой опасности стражею изъ Запорожскихъ казаковъ, онъ, насколько могъ, занялся благоустроеніемъ Западнорусской церкви; между прочимъ выдалъ благословенную грамоту Кіевскому братству и его Богоявленскому монастырю на ставропигію (т.-е. непосредственное подчиненіе Конст. патріарху), на школу и странно-

пріимный домъ. А главное онъ, по настойчивой просьбѣ братства и особенно Конашевича Сагайдачнаго, пригласилъ православное населеніе Западной Руси намѣтить достойныхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры. Въ октябрѣ началось посвященіе этихъ кандидатовъ, при соучастіи болгарскаго Софійскаго митрополита Неофита, проживавшаго въ Западной Руси, и одного греческаго епископа, находившагося при Ѳеофанѣ. Такимъ образомъ игуменъ Межигорскаго монастыря Исаія Копинскій рукоположенъ былъ на епископію Перемышльскую, Мелетій Смотрицкій, не задолго до того постриженный въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, на архіепископію Полоцкую, Іезекіиль Курцевичъ на епископію Владимірскую, Исаакій Борисковичъ на Луцкую и пр. Во главу же западнорусской іерархіи, на митрополію Кіевскую и Галицкую, былъ поставленъ Іовъ Борецкій. Въ январѣ 1621 года Ѳеофанъ уѣхалъ изъ Кіева, сопровождаемый 3.000 казаковъ съ самимъ гетманомъ Сагайдачнымъ.

Это событіе, т.-е. посвященіе новыхъ православныхъ епископовъ и митрополита, было сильнымъ ударомъ для уніи, и конечно вѣсть о немъ возбудила великій гнѣвъ среди латинскаго и уніатскаго духовенства. Особенно негодовалъ Веляминъ Рутскій. По его просьбѣ король издалъ универсалы, въ которыхъ объявилъ Ѳеофана самозванцемъ, шпіономъ Турецкаго султана и посвященія его недѣйствительными, а поставленныхъ имъ епископовъ своими ослушниками и бунтовщиками, находящимися внѣ закона, которыхъ приказывалъ ловить и бросать въ тюрьмы. Поэтому новопосвященные не спѣшили къ своей паствѣ и на первое время должны были скрываться. Но Польское правительство пока ограничивалось угрозами и не прибѣгало къ дѣйствительнымъ мѣрамъ, потому что внѣшнія опасности не только не миновали, а еще усилились. Въ томъ же октябрѣ 1620 года Поляки потерпѣли отъ Турокъ ужасное пораженіе подъ Цецорой, гдѣ палъ самъ знаменитый гетманъ Жолкевскій; Рѣчь Посполитая болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась въ помощи Сагайдачнаго и Запорожскихъ казаковъ. Эти политическія обстоятельства заставили Польское правительство дѣйствовать умѣренно и осторожно по отношенію къ новопоставленной православной іерархіи и не приводить въ исполненіе означенныхъ королевскихъ универсаловъ. Такимъ образомъ борьба съ нею пока ограничивалась литературною полемикой. На обвиненіе патріарха Ѳеофана въ самозванствѣ и вытекающей отсюда недѣйствительности его рукоположенія отвѣтилъ цѣлымъ сочиненіемъ Мелетій Смотрицкій, который около

того времени Виленскимъ братствомъ былъ выбранъ въ архимандриты Святодуховскаго монастыря, послѣ кончины любимаго и уважаемаго архимандрита Леонтія Карповича. Сочиненіе Мелетія было издано тѣмъ же братствомъ подъ заглавіемъ „Оправданіе невинности" (Werificatia niewinnosci): тутъ опровергались всѣ клеветы, взводимыя на патріарха и посвященныхъ имъ епископовъ. Въ отвѣтъ на это опроверженіе Троицкіе, т.-е. уніатскіе, монахи подъ руководствомъ самого В. Рутскаго издали сочиненіе, названное „Двойная вина" (Sowita wina), въ которомъ опять доказывали законность уніи и незаконность новой православной іерархіи. А на него Смотрицкій написалъ „Оборону оправданія" (Obrona Werificacii). И послѣ того обѣ стороны продолжали обмѣниваться полемическими изданіями. Къ той же эпохѣ относится знаменитая *Палинодія*, сочиненіе Захарія Копыстенскаго. Виленскій уніатскій архимандритъ Левъ Кревза написалъ „Оборону уніи" (изданную въ 1617 году); Палинодія Копыстенскаго явилась отвѣтомъ не только на эту книгу (въ 1621—22 г.), но и на разныя другія полемическія сочиненія противниковъ православія.

Во время сей жаркой полемики митрополитъ Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій получили даже охранныя королевскія грамоты, благодаря которымъ рѣшились прибыть на Варшавскій сеймъ въ началѣ 1623 года, чтобы лично хлопотать объ утвержденіи православныхъ іерарховъ. Хотя они и не добились формальнаго утвержденія, но все же въ борьбѣ между уніей и православіемъ наступило было нѣкоторое затишье или перемиріе. Благодаря дѣятельности Кіевскаго братства и Печерской лавры, а въ особенности удачному выбору Іова Борецкаго на постъ митрополита, Кіевъ снова получилъ первенствующее церковное значеніе въ Западной Руси; сюда переходитъ изъ Львова и Вильны центръ религіознаго и просвѣтительнаго движенія, охватившаго ея православное населеніе. ([21]).

Окончательно этому переходу способствовала трагическая судьба Іосафата Кунцевича, вновь обострившая борьбу уніи съ православіемъ и вызвавшая усиленныя гоненія на послѣднее.

Архимандритъ виленскаго Троицкаго монастыря и ревностный сотрудникъ Велямина Рутскаго, „душехватъ" Кунцевичъ въ 1618 г., по смерти уніатскаго полоцкаго архіепископа (Гедеона Брольницкаго), былъ назначенъ его преемникомъ. На этомъ посту онъ далъ полную волю своему фанатическому усердію къ распространенію уніи. Такое

усердіе вызвало многіе протесты и даже мятежи со стороны населенія. Напримѣръ, города Могилевъ и Орша, при приближеніи Кунцевича, зазвонили въ вѣчевой колоколъ, вооружились и заперли передъ нимъ ворота. По его жалобѣ, свѣтская власть грозила наказать гражданъ какъ мятежниковъ, приговорила зачинщиковъ къ смертной казни, и отмѣнила ее только подъ условіемъ принятія уніи и передачи ей всѣхъ могилевскихъ церквей.

Посвященный на Полоцкую каѳедру, архимандритъ виленскаго Святодуховскаго монастыря Мелетій Смотрицкій не могъ равнодушно видѣть успѣхи уніи въ своей епархіи, и началъ разсылать къ ея жителямъ краснорѣчивыя увѣщанія, чтобы они твердо держались вѣры своихъ отцовъ. Его увѣщанія производили впечатлѣніе и не только препятствовали успѣхамъ уніи, но и многихъ уже совращенныхъ вернули въ лоно православія. Тогда Кунцевичъ усилилъ свое рвеніе и сталъ часто прибѣгать къ насиліямъ. Онъ вооруженною рукою отнималъ у православныхъ монастыри и церкви, совершалъ въ нихъ уніатское богослуженіе или просто ихъ запиралъ и запечатывалъ. Не оставлялъ въ покоѣ даже и мертвыхъ. Напримѣръ, православный полоцкій мѣщанинъ не хотѣлъ призывать уніатскаго попа и похоронилъ своего сына на церковномъ кладбищѣ безъ всякихъ обрядовъ; Кунцевичъ велѣлъ его вырыть и похоронить съ обрядами. Но мѣщанинъ и его пріятели воспротивились тому силою, прогнали уніатскаго попа съ его причтомъ, а тѣло опять закопали. Были и такіе случаи, что Кунцевичъ приказывалъ вырывать тѣла православныхъ изъ могилы и отдавать ихъ на съѣденіе собакамъ.

Не находя достаточно энергичной поддержки у литовскаго великаго гетмана и виленскаго воеводы, пресловутаго Льва Сапѣги, онъ обратился къ нему съ укорительнымъ посланіемъ. На это посланіе Сапѣга, въ мартѣ 1622 года, отвѣтилъ пространнымъ письмомъ, гдѣ въ свою очередь укорялъ Кунцевича въ слишкомъ жестокомъ нехристіанскомъ образѣ дѣйствія, и увѣщевалъ его поступать мягче и умѣреннѣе.

„Господь—пишетъ онъ—призываетъ къ себѣ кроткимъ словомъ: *пріидите ко Мнѣ вси* и пр.; вы же учинили насиліе и заставили народъ Русскій ожесточиться и забыть свою присягу его Королевскому величеству“. „Надобно, конечно, пещись о томъ, чтобы *было едино стадо и единъ пастырь*, но при этомъ поступать благоразумно и сообразоваться съ обстоятельствами времени“. „Прочтите житіе всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочтите Златоуста, тамъ вы

не найдете ни жалобъ, ни судебныхъ исковъ и позвовъ"; „а у васъ земскіе суды, магистраты, трибуналы, канцеляріи полны позвовъ, тяжбъ, доносовъ; чѣмъ не только нельзя утвердить унію, но и послѣдній союзъ любви уничтожится, а сеймы и всѣ правительственныя учрежденія наполнятся заботами и раздорами". „Унія виновница несчастій. Когда чините насиліе людской совѣсти или запираете церкви, дабы христіане безъ священныхъ обрядовъ и требъ пропадали, какъ невѣрные, тогда обходитесь безъ насъ; а когда оттого происходятъ въ народѣ безпорядки, то мы должны ихъ усмирять". Но не сочувствіе къ страданіямъ православнаго Русскаго народа руководило Сапѣгою въ этихъ упрекахъ, а неблагопріятныя политическія послѣдствія уніи для Рѣчи Посполитой въ отношеніи къ Москвѣ и особенно опасеніе возмутить казаковъ, которые были нужны при продолжавшейся войнѣ съ Турками. „Унія—говоритъ онъ—отторгла отъ насъ Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многія другія крѣпости; да и нынѣ она есть главною виною тому, что народъ Московскій отвернулся отъ королевича, какъ это видно изъ писемъ русскихъ бояръ къ вельможамъ великаго княжества Литовскаго". О казакахъ прибавляетъ: „отъ ихъ повиновенія больше государству пользы, нежели отъ вашей уніи". А на жалобу Кунцевича объ опасностяхъ, угрожавшихъ его жизни, канцлеръ замѣтилъ только, что „каждый самъ бываетъ причиною своего несчастія". Подобныя увѣщанія однако не могли обуздать фанатизмъ Кунцевича; онъ продолжалъ свою разрушительную дѣятельность, пока и самъ не сдѣлался ея жертвою, чѣмъ и оправдалъ послѣднее замѣчаніе Сапѣги.

Кунцевичъ пріѣхалъ въ Витебскъ, граждане котораго особенно враждебно относились къ уніи и съ большимъ сочувствіемъ читали грамоты Смотрицкаго. Изувѣръ зналъ настроеніе умовъ въ этомъ городѣ и, повидимому, заранѣе рѣшился разыграть здѣсь роль мученика. Онъ принялся совершать богослуженіе во всѣхъ витебскихъ храмахъ, отбирая ихъ такимъ способомъ на унію, очищая военною силою отъ непокорнаго духовенства и запирая на ключъ. При всемъ своемъ раздраженіи православное населеніе воздерживалось отъ насилія, и стало собираться на богослуженіе въ шалашахъ, на окраинѣ города. Но Кунцевичъ и тутъ не оставлялъ его въ покоѣ. Онъ вносилъ въ суды свои жалобы и обвиненія гражданъ въ мятежѣ. Наконецъ раздраженіе дошло до крайности. При отобраніи одной церкви, собравшійся народъ сбросилъ свои шапки въ кучу, въ

знакъ конфедераціи, призывающей къ бунту. Составился заговоръ съ цѣлью убить изувѣра и поднять казаковъ на защиту города.

Утромъ 12 декабря 1623 года протодьяконъ Кунцевича Дороѳей съ помощью его слугъ схватилъ и заперъ въ кухню архіерейскаго дома православнаго священника, шедшаго за городъ, чтобы отправлять службу въ одномъ изъ помянутыхъ шалашей. Этотъ случай былъ каплею, переполнившею чашу. По звону набатныхъ колоколовъ сбѣжался народъ, бросился къ архіерейскому дому и разбилъ двери. Убійцы вломились въ комнату самого Кунцевича и стали наносить ему удары палками, а одинъ изъ нихъ раскроилъ ему черепъ топоромъ. Архіерейскій домъ подвергся разграбленію. Трупъ Кунцевича послѣ разныхъ поруганій бросили съ высокаго берега въ Двину.

Это трагическое событіе имѣло самыя печальныя послѣдствія для православныхъ. Король, латинское и уніатское духовенство кричали объ истребленіи схизматиковъ. Въ Витебскъ пріѣхала назначенная королемъ судная комиссія, имѣя во главѣ литовскаго великаго гетмана и виленскаго воеводу Льва Сапѣгу. Она судила весьма строго. Нѣкоторые граждане были казнены смертью; многіе брошены въ тюрьмы, биты плетьми или изгнаны изъ города. Витебскъ лишенъ Магдебургскаго права; вѣчевой колоколъ снятъ, ратуша разрушена и т. п. Всѣ церкви отданы на унію и всѣ жители объявлены уніатами. Но Витебскомъ дѣло не ограничилось; та же мѣра распространена на Могилевъ, Оршу, Мстиславль и вообще на всю Полоцкую или Бѣлорусскую епархію; во главѣ ея, т.-е. преемникомъ Кунцевича, былъ поставленъ Антоній Селява. Тотъ самый Сапѣга, который такъ не одобрялъ поведеніе изувѣра, теперь дѣйствовалъ энергично и жестоко противъ православныхъ, потому что политическія обстоятельства нѣсколько измѣнились: Турки были разбиты подъ Хотиномъ; а главный ихъ побѣдитель Сагайдачный умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этой битвѣ, и Полякамъ теперь не страшны были казаки, у которыхъ по смерти любимаго вождя наступили раздоры и раздѣленіе на партіи.

Вліяніе Кунцевича на судьбы уніи продолжалось и послѣ его смерти. Тѣло его было вынуто изъ Двины, торжественно отвезено въ Полоцкъ и съ пышностію погребено въ соборномъ храмѣ. Латино-уніаты спѣшили окружить его память ореоломъ святости, распространяя въ народѣ легенды о разныхъ исцѣленіяхъ и чудесахъ, якобы совершавшихся при гробѣ этого мученика или по мо-

литвамъ, къ нему обращеннымъ: больные оздоровлялись, слѣпые прозрѣвали, параличные члены оживлялись, пожары внезапно прекращались и т. п. Самымъ великимъ изъ его чудесъ выставлялось послѣдующее обращеніе въ унію его главнаго соперника Мелетія Смотрицкаго или, какъ выражались латино-уніаты, обращеніе Мелетія изъ Савла въ Павла.

Въ дѣйствительности переходъ въ унію не былъ у Мелетія дѣломъ внезапнымъ. Напротивъ, онъ совершился весьма постепенно. Уже самое образованіе его въ іезуитской коллегіи и заграничныхъ протестантскихъ университетахъ подготовило въ немъ почву къ нѣкоторому религіозному равнодушію, и если онъ потомъ въ своихъ сочиненіяхъ краснорѣчиво защищалъ православіе, то сочиненія эти могли быть скорѣе плодомъ его литературнаго таланта, чѣмъ прочнаго и горячаго убѣжденія. При томъ это былъ человѣкъ честолюбивый, далеко нетвердый и дорожившій внѣшними житейскими благами. Въ Вильнѣ ревнители православія и прежде замѣчали у него склонность къ сношеніямъ съ уніатами, упрекали его за то, но прощали ему ради его несомнѣнной учености и помянутаго таланта. Во время своей архимандріи въ Виленскомъ православномъ монастырѣ Мелетій, носившій притомъ титулъ архіепископа Полоцкаго, не мало оскорблялся тѣми стѣсненіями, которымъ подвергалась власть архимандрита со стороны Святодуховскаго братства; его тяготило это вмѣшательство мірянъ во всѣ хозяйственныя и даже церковныя дѣла, и онъ невольно отдавалъ предпочтеніе порядкамъ Латинской церкви. Между нимъ и братствомъ уже шла глухая борьба, когда убіеніе Кунцевича вызвало терроръ среди православныхъ со стороны латино-уніатскихъ властей, и въ числѣ виновниковъ этого убіенія стало произноситься имя Смотрицкаго.

Избѣгая угрожавшей ему опасности, онъ покинулъ свой постъ, и уѣхалъ сначала въ Кіевъ, а отсюда отправился въ Константинополь и Палестину для свиданія съ восточными патріархами и паломничества по Святой Землѣ. Путешествіе это длилось около двухъ лѣтъ; въ началѣ 1626 года Смотрицкій пріѣхалъ обратно въ Кіевъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, его ходатайство у Константинопольскаго, извѣстнаго Кирилла Лукариса, и у другихъ восточныхъ патріарховъ было небезплодно, и онъ привезъ съ собою грамоты, которыми уменьшалась автономія западнорусскихъ братствъ, т.-е. они болѣе подчинялись церковнымъ властямъ; кромѣ того онъ будто бы въ Константинополѣ выхлопоталъ себѣ грамоту, которая назначала его

единственнымъ патріаршимъ экзархомъ въ Россіи. Слухи объ этихъ грамотахъ, соединенные съ возникшимъ ранѣе подозрѣніемъ о склонности Смотрицкаго къ уніи, возбудили православныхъ Западноруссовъ противъ него. Названное подозрѣніе могло усилиться тѣмъ болѣе, что единомышленникъ и пріятель Смотрицкаго, ректоръ Кіевобратской школы Касьянъ Саковичъ, также недовольный вмѣшательствомъ братчиковъ въ церковныя дѣла, незадолго передъ возвращеніемъ Мелетія измѣнилъ православію и ушелъ въ унію. (Этотъ Саковичъ въ бытность свою ректоромъ въ Кіевѣ сочинилъ, славившіеся у современниковъ, вирши на погребеніе Сагайдачнаго). Архимандритъ Кіевопечерской обители Захарій Копыстенскій отказался принять къ себѣ Смотрицкаго. Только благодаря покровительству митрополита Іова Борецкаго, онъ нашелъ временный пріютъ въ Межигорскомъ монастырѣ. Митрополитъ хотя и сочувствовалъ помянутымъ мыслямъ о братствахъ, но, въ виду поднявшихся противъ него самого упрековъ, оставилъ намѣреніе о борьбѣ съ ними. При такихъ обстоятельствахъ Смотрицкій не рѣшался вернуться на свою Виленскую архимандрію. Онъ удалился на Волынь въ богатый Дерманскій монастырь, настоятельство которымъ предоставлено было ему патрономъ сего монастыря княземъ Александромъ Заславскимъ. Сей послѣдній (уже побудившій Саковича измѣнить православію), руководимый совѣтами Рутскаго, постарался уловить въ латино-уніатскія сѣти такого даровитаго дѣятеля: онъ предоставилъ настоятельство Смотрицкому не даромъ, а подъ условіемъ перехода въ унію, и, зная вообще нетвердость его убѣжденій, потребовалъ отъ него письменнаго въ томъ обязательства. Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, колебавшійся доселѣ Смотрицкій не устоялъ и далъ это обязательство, но съ тѣмъ, чтобы оно хранилось пока въ тайнѣ. Заславскій устроилъ ему свиданіе съ Рутскимъ, который формально присоединилъ его къ уніи; но и съ нимъ также условлено было сей актъ до времени хранить въ тайнѣ; причемъ, согласно съ іезуитскими правилами, имѣлось въ виду, что подъ покровомъ этой тайны Смотрицкій тѣмъ успѣшнѣе можетъ дѣйствовать среди православныхъ въ пользу уніи (1627).

Трудно было сохранить подобную тайну; первыми дерманскіе иноки съ ужасомъ узнали о свиданіи своего архимандрита съ Рутскимъ; многіе изъ нихъ, покинувъ обитель, разгласили о томъ по Волыни. Но Смотрицкій съ помощью лжи и лицемѣрія продолжалъ играть роль православнаго архіерея, и на нѣкоторыхъ съѣздахъ съ

западнорусскими іерархами искусно подготовлялъ почву для примиренія ихъ съ уніей, доказывая, что различія съ нею православія отнюдь несущественны, и давая понять, что упадокъ и неустройства Западнорусской церкви могли прекратиться только соединеніемъ или уніей съ церковью Римскою. Съ тѣми же цѣлями онъ въ слѣдующемъ 1628 году рѣшился издать новое свое сочиненіе, озаглавленное „Апологія моего странствованія на Востокъ". Тутъ онъ разсказываетъ, что предпринялъ это странствованіе, чтобы отъ восточныхъ іерарховъ узнать истинные догматы Греческой церкви и провѣрить, насколько чистыми сохранила ихъ Русская церковь. Такая провѣрка, по его словамъ, открыла, что Западноруссы не сохранили ихъ въ чистотѣ и впали въ разныя ереси, заимствованныя отъ лютеранъ и кальвинистовъ. О самихъ восточныхъ христіанахъ или Грекахъ онъ отзывается не благопріятно, какъ о народѣ впавшемъ въ грубое невѣжество. А въ заключеніе, какъ средство исправить зло, указываетъ на тѣсный союзъ съ Римскою церковью; причемъ совѣтуетъ обсудить это дѣло на общемъ соборѣ русскаго духовенства и представителей отъ русской шляхты, и проситъ митрополита и весь клиръ о сочувствіи къ своему предложенію. Сію Апологію Смотрицкій сообщилъ Касьяну Саковичу, который немедля началъ переводить ее на польскій языкъ и печатать. Отпечатанная часть ея появилась въ Кіевѣ передъ открытіемъ новаго помѣстнаго собора, который тамъ, съ разрѣшенія короля, дѣйствительно былъ созванъ митрополитомъ Борецкимъ въ августѣ того же 1628 года (22).

На этомъ соборѣ важнѣйшимъ послѣ митрополита представителемъ Западнорусскаго православнаго духовенства является кіевопечерскій архимандритъ Петръ Могила.

Петръ Могила родился около 1597 года и происходилъ изъ знатной молдавской фамиліи, давшей Молдавіи и Валахіи нѣсколько господарей, а самъ онъ былъ сынъ господаря Симеона (умершаго въ 1608 г.). Фамилія Могиловъ издавна находилась въ связяхъ съ ближнимъ русскимъ городомъ Львовымъ, покровительствовала Львовскому православному братству и много жертвовала на его храмы и на школу. Тогда какъ Молдо-Валахія стояла на низкой степени образованности, Львовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка былъ средоточіемъ просвѣщенія въ Югозападной Руси, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи, что свое первоначальное образо-

ваніе Петръ Могила получилъ если не въ самой Львовской братской школѣ, то подъ руководствомъ ея наставниковъ, и впослѣдствіи онъ сохранялъ къ Львовскому братству самыя теплыя отношенія. А затѣмъ образованіе свое онъ, вѣроятно, закончилъ въ западноевропейскихъ университетахъ, по обычаю знатныхъ Поляковъ и Западноруссовъ. Члены фамиліи Могилъ находились въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Польскому правительству и достигали престола преимущественно при польской поддержкѣ; при посредствѣ браковъ они состояли въ родствѣ съ нѣкоторыми польско-русскими магнатами, каковы Потоцкіе, Вишневецкіе, Корецкіе и другіе. Въ случаяхъ неудачи на родинѣ, Могилы находили убѣжище въ земляхъ Польской короны и пріобрѣтали здѣсь имѣнія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и юный Петръ Могила, когда его фамилія вслѣдствіе собственныхъ междоусобій лишилась господарскаго престола, также нашелъ пріютъ въ Польшѣ; здѣсь онъ имѣлъ своимъ опекуномъ знаменитаго гетмана Станислава Жолкевскаго; при его дворѣ и подъ его руководствомъ обучился рыцарскому искусству и вступилъ въ польскую военную службу. По смерти Жолкевскаго онъ находился подъ покровительствомъ гетмана Ходкевича. Говорятъ, Могила отличился въ Хотинской битвѣ. Но послѣ того онъ недолго оставался въ войскѣ. Вскорѣ мы встрѣчаемъ его въ Кіевѣ: здѣсь молдавскій воеводичъ, по смерти Захарія Копыстенскаго, почти прямо изъ свѣтскаго званія и не смотря на свои молодые годы, былъ возведенъ въ санъ архимандрита Кіевопечерской лавры (1627 г.).

По всей вѣроятности, Петръ Могила, при своемъ усердіи къ православной церкви, былъ увлеченъ происходившимъ тогда въ ней религіознымъ движеніемъ и борьбою съ латино-уніатами, а потому и воспользовался случаемъ стать во главѣ знаменитой Лавры, которая, благодаря народному уваженію и своимъ богатымъ имуществамъ, служила однимъ изъ главныхъ столповъ православія въ Югозападной Руси. Обычай выбирать на высокія іерархическія должности прямо изъ свѣтскаго званія знатныхъ лицъ уже давно практиковался здѣсь, какъ и во всей Рѣчи Посполитой. Какъ бы то ни было, тридцатилѣтній Могила одержалъ верхъ надъ другими кандидатами. Получивъ избирательный листъ отъ лаврской братіи и кіевской шляхты, онъ, при помощи своихъ связей съ нѣкотырыми польско-русскими магнатами, добился королевскаго утвержденія, и затѣмъ былъ посвященъ въ архимандрита лавры митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, его доброжелателемъ, который, повидимому, не ма-

ло помогъ ему въ достиженіи этого сана. Надежды православныхъ Южноруссовъ, возлагавшіяся на талантливаго и прекрасно образованнаго Петра Могилу, не замедлили оправдаться.

Какъ митрополитъ Іовъ Борецкій, такъ и новопоставленный архимандритъ Петръ Могила въ началѣ благосклонно относились къ идеямъ Смотрицкаго о нѣкоторомъ примиреніи и сближеніи, страдающей отъ неустройствъ и притѣсненій, православной Западнорусской церкви съ Латинскою. Но когда они ознакомились съ его Апологіей и ясно увидали, что онъ коварнымъ образомъ ведетъ дѣло къ ненавистной уніи, то измѣнили свое къ нему отношеніе. Смотрицкій, прибывъ на Кіевскій соборъ, хотѣлъ остановиться въ Печерской лаврѣ, гдѣ и происходилъ самый соборъ; но не былъ принятъ ея архимандритомъ, и остановился въ митрополичьемъ Михайловскомъ монастырѣ. Сюда явились къ нему посланные отъ собора четыре священника, съ протопопомъ Андреемъ Мужиловскимъ во главѣ, и спросили: намѣренъ ли онъ держаться своей Апологіи, которую соборъ уже осудилъ какъ противную Св. вѣрѣ? Мелетій далъ уклончивые отвѣты и даже пытался защищать свою Апологію. Межъ тѣмъ народъ и особенно казаки стали собираться около монастыря и выказывать непріязненныя чувства; они не скрывали своего намѣренія не только изгнать Смотрицкаго изъ обители, но и накормить имъ днѣпровскихъ осетровъ. Въ виду такой опасности онъ оробѣлъ и написалъ митрополиту просьбу о допущеніи его на соборъ, изъявляя готовность прекратить дальнѣйшее печатаніе Апологіи. Но у него потребовали торжественнаго отъ нея отреченія и публичнаго покаянія. Послѣ разныхъ увертокъ Смотрицкій явился въ Печерскій монастырь и принужденъ былъ подписать актъ отреченія отъ своей Апологіи, на которомъ въ особенности настаивалъ Петръ Могила. На слѣдующій день въ праздникъ Успенія этотъ актъ во время литургіи былъ торжественно прочитанъ съ амвона, а Мелетій словесно выразилъ свое раскаяніе. Затѣмъ собравшіеся владыки предали Апологію анаѳемѣ, нѣкоторые листы ея разорвали, бросали на полъ, топтали ногами и частію жгли; послѣ чего бывшія въ ихъ рукахъ свѣчи погасили. Только теперь Смотрицкій былъ допущенъ къ соборнымъ совѣщаніямъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, подобное отреченіе и анаѳематствованіе не обратили Мелетія на путь истинный. Послѣ собора Смотрицкій уѣхалъ въ свой Дерманскій монастырь, и тотчасъ сбросилъ съ себя маску. Онъ написалъ „Протестацію противъ Кіевскаго собора“, въ которой за-

явилъ о полномъ согласіи съ своей Апологіей, прибавивъ, что отреченіе отъ нея было вынуждено у него насильственно, а потому и недѣйствительно. Теперь Смотрицкій окончательно порвалъ связи съ православными, и писалъ горячія полемическія брошюры въ защиту латино-уніатовъ до самой своей смерти (послѣдовавшей въ 1633 году).

На Кіевскомъ соборѣ 1628 года между прочимъ былъ установленъ родъ духовной цензуры, т.-е. запретъ православнымъ людямъ издавать сочиненія о церковныхъ вопросахъ безъ разсмотрѣнія и одобренія духовныхъ властей. Вообще этотъ соборъ обманулъ надежды латино-уніатовъ: съ помощью Смотрицкаго привести православныхъ къ примиренію и соглашенію съ уніей. Ту же попытку Велияминъ Рутскій и его партія, съ разрѣшенія и одобренія короля, возобновили въ слѣдующемъ 1629 году на соборахъ, новомъ Кіевскимъ и Львовскимъ, но опять безуспѣшно. Такимъ образомъ Православная и Уніатская іерархіи окончательно раздѣлились въ Западнорусской церкви.

Послѣдующая за симъ эпоха въ исторіи этой церкви отмѣчена просвѣтительной дѣятельностію Петра Могилы.

Стремясь сдѣлать Кіевопечерскую лавру главнымъ опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ православія съ уніей, новый архимандритъ особое вниманіе обратилъ на защиту и сохраненіе ея земельныхъ имуществъ, подвергавшихся многимъ посягательствамъ и наѣздамъ и состоявшихъ изъ деревень, полей, пасѣкъ, рыболовныхъ водъ и т. п. Не ограничиваясь усиленными тяжбами съ хищниками въ судебныхъ учрежденіяхъ, энергичный архимандритъ иногда самъ вооружалъ монастырскихъ слугъ или пользовался помощью казаковъ и силою отнималъ назадъ лаврскія помѣстья, захваченныя наѣздомъ при его предшественникахъ, или за новый набѣгъ немедленно отвѣчалъ такимъ же набѣгомъ на маетность противника. Подобный образъ дѣйствій оправдывался какъ духомъ времени, такъ и бездѣйствіемъ властей, отъ которыхъ невозможно было добиться правосудія и наказанія сильнымъ обидчикамъ. Благодаря связямъ Петра Могилы съ польскорусскими магнатами и королевскимъ дворомъ, жалобы и протесты, вызванные его дѣйствіями, оставались безъ послѣдствій. Ему удалось не только отстоять имущества Лавры, но и многое расхищенное воротить въ ея владѣніе, и такимъ образомъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительныя средства на исполненіе своихъ обновительныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ плановъ. Кромѣ собственныхъ средствъ онъ употреблялъ для того и многія

вызванныя имъ пожертвованія. Онъ усердно занялся обновленіемъ и украшеніемъ лаврскихъ храмовъ и святынь, особенно благоустройствомъ святыхъ пещеръ, пришедшихъ въ большой безпорядокъ; соорудилъ новыя гробницы для почивающихъ тамъ мощей, исправилъ страннопріимный домъ, пріобрѣталъ дорогіе сосуды и прочую церковную утварь. Въ то же время Петръ Могила старательно поддерживалъ въ своемъ монастырѣ общежитіе, возобновленное Плетенецкимъ, и заботился о водвореніи иноческой дисциплины, сильно упавшей въ предыдущую смутную эпоху; для чего не только дѣйствовалъ убѣжденіемъ и назиданіемъ, но также и мѣрами строгости, т.-е. смирялъ суровыми тѣлесными наказаніями или заключеніемъ строптивыхъ и неисполнявшихъ монашескіе обѣты иноковъ. Съ этой стороны энергичный архимандритъ старался возвести Лавру на подобающую ей нравственную высоту. Онъ также неупустительно принималъ мѣры, чтобы поддержать и усилить славу ея святости, которая, безъ сомнѣнія, уже тогда вызывала значительный притокъ богомольцевъ. Для сего онъ лично и чрезъ своихъ сотрудниковъ писалъ и издавалъ сказанія объ исцѣленіяхъ и чудесахъ, исходившихъ отъ лаврскихъ святынь; чѣмъ еще болѣе укрѣплялась вѣра въ православіе и его превосходство надъ латинствомъ и уніей. Разумѣется, онъ много заботился о Печерской друкарнѣ или типографіи и значительно расширилъ ея средства; а затѣмъ выпускалъ изъ нея болѣе исправленныя изданія священныхъ и богослужебныхъ книгъ (напримѣръ, „Тріодь Цвѣтная“ и „Литургіарій или Служебникъ“, исправленные по греческимъ источникамъ). Въ виду богатой обстановки, торжественности служенія и постоянной проповѣди въ величественныхъ католическихъ костелахъ, соблазнявшихъ тѣмъ южнорусское населеніе, Петръ Могила много хлопоталъ о церковномъ благолѣпіи, объ устроеніи торжественныхъ служеній въ большіе праздники, о привлеченіи искусныхъ проповѣдниковъ; причемъ самъ иногда говорилъ поученія съ церковной каѳедры.

Наиболѣе важная сторона его дѣятельности относится къ заботамъ о поднятіи и распространеніи школьнаго образованія. Такъ, заведенное Плетенецкимъ, лаврское училище онъ старался преобразовать въ высшую школу или коллегію и, чтобы приготовить достойныхъ преподавателей, посылалъ учиться за границу молодыхъ монаховъ. Кромѣ того онъ привлекалъ опытныхъ наставниковъ изъ другихъ городовъ; напримѣръ, изъ Львова вызвалъ ученыхъ монаховъ Исаію Трофимовича и Сильвестра Косова. Въ коллегіи своей

онъ далъ преобладаніе латинскому языку, во-первыхъ, какъ орудію европейской науки того времени, а во-вторыхъ, необходимому для Западноруссовъ и на сеймѣ, и въ трибуналахъ, и въ судахъ земскихъ и гродскихъ (bez łaciny płaci winy—составилась у нихъ поговорка). Это преобладаніе латинскаго языка въ началѣ произвело неудовольствіе среди Кіевлянъ и казаковъ, опасавшихся проникновенія вмѣстѣ съ нимъ латинскихъ ересей. Вообще Кіевляне несочувственно относились къ заботамъ о Лаврской или Могилянской коллегіи еще и потому, что она вступала въ соперничество съ излюбленною школою ихъ Богоявленскаго братства. Но обстоятельства вскорѣ помогли устранить это соперничество и объединить оба просвѣтительныя учрежденія.

Въ мартѣ 1631 года скончался кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій, много потрудившійся въ борьбѣ съ уніей и въ упорядоченіи Западнорусской православной іерархіи. Радѣя о Русскомъ народѣ и православіи, онъ не разъ обращался за вспоможеніемъ къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ. Въ 1624 году онъ рѣшился даже на смѣлый, хотя и негласный шагъ: отправленный имъ ради вспоможенія, номинальный полоцкій епископъ Исаакій Борисковичъ отъ его имени предложилъ царю Михаилу и патріарху Филарету принять Малую Россію и Запорожское войско подъ ихъ покровительство. Но въ Москвѣ пока отклонили это предложеніе, какъ еще несвоевременное. Въ томъ же 1624 году Іовъ прислалъ въ Москву извѣстнаго филолога Памву Берынду на помощь при исправленіи церковныхъ книгъ. Борецкій оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, убѣждаетъ своего друга Петра Могилу взять подъ свою опеку школу кіевскаго Богоявленскаго братства. Могила поспѣшилъ исполнить его желаніе, и вписался старшимъ братомъ, обѣщая быть опекуномъ и фундаторомъ братскихъ школъ. Однако сіе обѣщаніе не тотчасъ было исполнено; ибо Кіевляне не его выбрали преемникомъ Борецкаго, а Исаію Копинскаго, носившаго тогда титулъ архіепископа Смоленскаго и Черниговскаго. Послѣдній дотолѣ пребывалъ не въ каѳедральномъ городѣ епархіи (занятомъ уніатскимъ архіереемъ), а вѣроятно въ ея заднѣпровскихъ монастыряхъ (Густынскомъ и др.). По его престарѣлому возрасту и болѣзненному состоянію, это избраніе не соотвѣтствовало потребностямъ времени, которое нуждалось въ смѣлыхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ.

Большое вліяніе на судьбы Западнорусской церкви оказала смерть Сигизмунда III, приключившаяся, какъ извѣстно, въ апрѣлѣ 1632 г.

Во-первыхъ, эта церковь избавилась отъ своего главнаго врага и гонителя; а во-вторыхъ, предстоявшіе междуцарствіе и выборъ новаго короля давали возможность православнымъ обывателямъ Рѣчи Посполитой на сеймикахъ и сеймахъ свободно и громко заявлять о нарушенныхъ своихъ правахъ и требовать ихъ возстановленія. Особенно оживились западнорусскія братства, которыя именно въ такомъ смыслѣ и составляли инструкціи для мѣстныхъ пословъ, отправлявшихся на Варшавскій сеймъ. А Запорожское войско прямо потребовало полнаго уничтоженія уніи. Изъ среды же русскаго духовенства въ этотъ знаменательный моментъ выступилъ впередъ все тотъ же умный, энергичный архимандритъ Петръ Могила, который постарался объединить всѣ сіи православные элементы для рѣшительныхъ дѣйствій противъ уніи. Мало того, благодаря своимъ связямъ, онъ вошелъ въ сношенія съ вельможными представителями протестантизма (наприм., Христофоромъ Радивиломъ) и приглашалъ ихъ къ соединеннымъ усиліямъ для возстановленія религіозной свободы.

Встревоженное этимъ движеніемъ латино-уніатское духовенство, съ Веляминомъ Рутскимъ во главѣ, напрягало съ своей стороны всѣ силы для противодѣйствія, и увѣщевало сеймовыхъ пословъ своего исповѣданія дать дружный отпоръ диссидентамъ. На сеймахъ Конвокаційномъ и Избирательномъ (Элекційномъ), куда явился и самъ Могила, происходили горячія пренія по церковнымъ вопросамъ и учреждались для нихъ смѣшанныя комиссіи. Къ счастію, королевичъ Владиславъ былъ чуждъ отцовскаго фанатизма; поэтому католическая партія не очень ему благопріятствовала, и онъ при своемъ избраніи опирался болѣе на православныхъ и протестантовъ; а въ особенности благосклонно относился къ Запорожскому войску, въ услугахъ котораго весьма нуждался по причинѣ начавшейся тогда войны съ Москвою. Въ числѣ представленныхъ ему условій (pacta conventa) онъ присягнулъ и на тѣхъ статьяхъ, которыя были выработаны смѣшанной комиссіей на Избирательномъ сеймѣ по вопросу о правахъ „людей Греческой вѣры“. Имъ предоставлено право имѣть своего митрополита и четырехъ епископовъ; кромѣ того, отмѣнены разныя постановленія, стѣснительныя для Западнорусской церкви. Православные депутаты воспользовались обстоятельствами, и, прежде чѣмъ разъѣхаться изъ Варшавы, выбрали себѣ новыхъ іерарховъ, а главнымъ образомъ новаго митрополита, въ лицѣ Петра Могилы (3 декабря 1632 года). На слѣдующемъ сеймѣ, Коронаційномъ, въ Краковѣ, Владиславъ утвердилъ этотъ выборъ и выдалъ Петру „привилей“.

Новый митрополитъ обратился за благословеніемъ къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису, которое вскорѣ и получилъ вмѣстѣ съ титуломъ патріаршаго экзарха. Свое церковное посвященіе на митрополію Петръ Могила пожелалъ совершить въ дружественномъ ему Львовѣ, а не въ Кіевѣ, гдѣ часть гражданъ держала сторону его соперника Исаіи Копинскаго. Это посвященіе происходило въ концѣ апрѣля 1633 г. и было совершено четырьмя православными епископами: львовскимъ, луцкимъ, пинскимъ и холмскимъ. Когда же новопосвященный митрополитъ прибылъ въ Кіевъ, приверженцы его устроили торжественную встрѣчу съ поднесеніемъ панегириковъ въ прозѣ и виршахъ. Но тутъ на первыхъ же порахъ ему пришлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для водворенія своего авторитета. На основаніи королевской грамоты, посланные имъ протоіереи съ толпою мѣщанъ, казаковъ и слугъ, въ сопровожденіи двухъ возныхъ, потребовали отъ уніатскаго митрополичьяго намѣстника ключи Кіевософійскаго собора; получивъ отказъ, они отбили замки и силою завладѣли каѳедральнымъ храмомъ. Отъ уніатовъ были отобраны и три городскія церкви. Могила имѣлъ еще королевскую грамоту на владѣніе кіевскимъ Николо-Пустынскимъ монастыремъ; а когда игуменъ съ иноками здѣсь воспротивились, то онъ пошелъ на этотъ монастырь съ цѣлымъ вооруженнымъ отрядомъ и съ пушками, взялъ его силою и суровыми тѣлесными наказаніями смирилъ строптивыхъ иноковъ. Престарѣлый Исаія Копинскій также не захотѣлъ добровольно уступить свое мѣсто новому митрополиту. Могила велѣлъ однажды ночью взять старика и выпроводить изъ Михайловской обители, хотя король и оставилъ эту обитель за Копинскимъ. Послѣдній снова удалился въ свои заднѣпровскіе монастыри. Король призналъ за нимъ санъ архіепископа Сѣверскаго; но онъ до самой своей смерти (1640 г.) тщетно пытался судомъ и другими средствами бороться со своимъ счастливымъ соперникомъ.

Межъ тѣмъ Владиславъ IV усердно хлопоталъ объ исполненіи своихъ обѣщаній, данныхъ православнымъ при его избраніи и коронаціи, и вообще объ умиреніи горячихъ церковныхъ распрей, возникшихъ при его отцѣ и грозившихъ Рѣчи Посполитой большими бѣдствіями. Чтобы ослабить противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны сильной латино-уніатской партіи, онъ постарался заручиться соизволеніемъ на нихъ Римской куріи, откуда эта партія ожидала громовыхъ ударовъ противъ всякихъ примирительныхъ сдѣлокъ съ православными. Владиславъ въ 1634 году отправилъ для сего въ

Римъ посломъ Георгія Оссолинскаго, человѣка умнаго, образованнаго и владѣвшаго даромъ слова. Тотъ объяснилъ папѣ Урбану VIII необходимость хотя бы временнаго умиротворенія православныхъ въ виду борьбы Польши со Швеціей и Москвою: впослѣдствіи, когда эта борьба счастливо окончится, не только де православные Западноруссы, но и самые Москвитяне будутъ приведены къ послушанію папскому престолу, а Шведы будутъ возвращены въ лоно католической церкви. Папа былъ настолько убѣжденъ краснорѣчивыми доводами Оссолинскаго, что обѣщалъ не издавать никакой грозной грамоты противъ дѣйствій короля, т.-е. пока давалъ свое *молчаливое согласіе* на его примирительные планы. Это обстоятельство не мало помогло королю на сеймѣ 1635 года добиться постановленій, если не вполнѣ, то въ значительной степени исполнявшихъ, внесенныя въ pacta conventa, „статьи успокоенія" православныхъ.

На этомъ сеймѣ, какъ и на предыдущихъ, православная партія въ своей борьбѣ съ латино-уніатской нашла себѣ поддержку у протестантовъ. Для подготовленія ея успѣховъ особенно много потрудился новопоставленный Кіевскій митрополитъ. Онъ старался вдохнуть въ свою паству единодушіе и мужественную рѣшимость постоять за вѣру отцовъ; устраивалъ молебствія объ одержаніи побѣды надъ ея противниками; причемъ самъ сочинилъ и напечаталъ въ Печерской типографіи молитвословіе объ умиреніи православной церкви или такъ-наз. *Параѳимію*; писалъ письма разнымъ вліятельнымъ лицамъ, убѣждая ихъ содѣйствовать умиротворенію пагубныхъ для Рѣчи Посполитой церковныхъ распрей; помогалъ православной шляхтѣ сочинять на сеймикахъ инструкціи для сеймовыхъ пословъ; приглашалъ православныхъ къ денежному участію въ тѣхъ большихъ расходахъ, которые ему предстояли; такъ какъ онъ отправился въ Варшаву, чтобы и на этотъ разъ лично руководить православной партіей на сеймѣ, гдѣ съ помощью золота надобно было ослаблять рвеніе ея многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ.

Сеймъ 1635 г. продолжался шесть недѣль и закончился 14 марта. Въ этотъ день, на основаніи состоявшейся сеймовой конституціи, выданы отъ имени короля двѣ привилегіи: одна уніатамъ, другая православнымъ. Важнѣйшія ихъ статьи были слѣдующія.

За уніатами навсегда оставались архіепископство Полоцкое, епископства Владимірское, Пинское, Холмское и Смоленское съ ихъ монастырями и церквами, въ томъ числѣ и виленскій монастырь Св. Троицы. Въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогродкѣ неуниты не должны

имѣть ни одной церкви (тогда какъ по прежнимъ примирительнымъ статьямъ обѣщано церкви раздѣлить между уніатами и православными сообразно съ ихъ числомъ). Луцкое епископство оставалось въ вѣдѣніи ксендза Почаповскаго до его смерти, послѣ которой оно переходило къ Аѳанасію Пузынѣ, избранному на эту епископію православными волынскими обывателями. Перемышльская епархія по смерти уніата Крупецкаго также переходитъ къ тому православному епископу, котораго изберутъ обыватели. Митрополиту Петру Могилѣ предоставлено вѣдѣніе Печерской архимандріей, Николаевскимъ монастыремъ и храмомъ Св. Софіи. Въ православныхъ школахъ, кіевскихъ и волынскихъ, дозволено учить по-гречески и по-латыни и свободнымъ наукамъ, но не далѣе діалектики и логики. Для раздѣла церквей между унитами и неунитами должны быть назначены особые комиссары.

На привилегію, выданную православнымъ, со стороны латино-уніатской партіи послѣдовала протестація, подписанная всѣми присутствовавшими въ Варшавѣ бискупами, а также нѣкоторыми сановниками и послами (въ числѣ 51 подписи). Подобная же протестація явилась потомъ и со стороны папскаго нунція. Эти протестаціи не имѣли юридическаго значенія, т.-е. не могли уничтожить законную силу сеймовой конституціи; но онѣ вновь возбуждали религіозную вражду и, ослабляя уваженіе къ новоизданному закону, подготовляли или заранѣе оправдывали неповиновеніе, могущее встрѣтиться при его исполненіи. И дѣйствительно, когда королевскіе комиссары начали свой объѣздъ для распредѣленія церквей между уніатами и православными, то они встрѣтили немалыя затрудненія своему дѣлу, а иногда и открытое сопротивленіе. Нерѣдко случалось, что жители, уже считавшіеся въ уніи, бывъ привлечены къ ней угрозами и насиліемъ, теперь при опросѣ ихъ комиссіей объявляли себя православными. Такимъ образомъ въ иныхъ мѣстахъ происходило массовое отпаденіе народа отъ уніи и возвращеніе въ православіе. Разумѣется, латино-уніатскія власти были тѣмъ крайне недовольны, обвиняли комиссаровъ въ пристрастіи и неправильномъ веденіи дѣла, заносили свои протесты въ судебныя книги и даже прямо сопротивлялись отдачѣ церквей православнымъ. Особеннымъ фанатизмомъ отличился уніатскій холмскій епископъ Меѳодій Терлецкій. Въ самомъ Холмѣ онъ не соглашался уступить ни одной церкви; а когда комиссары велѣли сломать замки у храма Успенія Пресв. Богородицы и передали его православнымъ, Терлецкій отправился

съ толпою католиковъ и уніатовъ и въ свою очередь отнялъ храмъ обратно. Православные тогда хотѣли соорудить себѣ новую церковь; но едва началась постройка, какъ Меѳодій силою захватилъ приготовленный матеріалъ и самое мѣсто, назначенное для церкви. Своими притѣсненіями онъ довелъ жителей Холма до того, что они почти всѣ перешли въ унію. Такими же средствами онъ дѣйствовалъ во всей своей епархіи. Съ другой стороны и среди православнаго духовенства также встрѣчаются лица, дѣйствовавшія съ неменьшею энергіей и ревностью. Напримѣръ, таковъ былъ луцкій писарь Семенъ Гулевичъ, избранный на каѳедру Перемышльской епископіи. По вышеприведенной сеймовой конституціи, эта каѳедра могла перейти къ нему только послѣ смерти уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго; а до того времени въ его распоряженіе назначены монастырь Св. Спаса и еще двѣ обители съ ихъ имуществами. Не надѣясь, чтобы Крупецкій добровольно уступилъ ему Спасскій монастырь, Гулевичъ особыми призывными грамотами къ извѣстному дню собралъ изъ своей епархіи нѣсколько тысячъ православныхъ. Толпа эта внезапно напала на монастырь, разрушила его ограду, завладѣла келіями и всѣмъ монастырскимъ имуществомъ, разбила церковныя двери и ввела въ храмъ Гулевича, а запершагося тамъ Крупецкаго едва не убила.

Вообще постановленный сеймомъ раздѣлъ церквей между уніатами и православными, вмѣсто успокоенія, вызвалъ жестокія столкновенія и еще болѣе обострилъ ихъ отношенія. Подъ давленіемъ жалобъ и криковъ, поднятыхъ латино-уніатской партіей, самъ король вынужденъ былъ изъявить свое неодобреніе дѣйствіямъ комиссаровъ, и нѣкоторыя отобранныя въ пользу православныхъ церкви приказалъ возвратить уніатамъ. Но онъ все еще не покидалъ мысли о примиреніи враждующихъ сторонъ, и съ этою цѣлью въ томъ же 1636 году возобновилъ проектъ, явившійся при Сигизмундѣ III: взаимными уступками привести уніатовъ и православныхъ къ соглашенію и соединить ихъ въ одну церковь подъ главенствомъ собственнаго *Западнорусскаго патріарха*. Кандидатомъ на эту патріаршую каѳедру, очевидно, намѣченъ былъ ни кто другой, какъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила, который, какъ извѣстно, въ бытность свою Печерскимъ архимандритомъ благосклонно относился къ идеѣ примиренія православія съ уніей. Но теперь, въ санѣ митрополита, онъ убѣдился, что при такомъ внѣшнемъ примиреніи православная церковь въ дѣйствительности будетъ порабощена пап-

скому престолу. Поэтому, хотя онъ и не возражалъ открыто на проектъ короля, но принялъ всѣ мѣры, чтобы изъ его паствы были выбраны самые ревностные православные въ депутаты на предстоявшій сеймъ (1637 г.), на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ учрежденіи Западнорусскаго патріархата. Въ свою очередь сеймъ этого вопроса не рѣшилъ, и затѣя короля окончилась ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе она дала поводъ нѣкоторымъ врагамъ Петра Могилы, въ особенности Исаіи Копинскому, распустить клевету, будто Кіевскій митрополитъ отпалъ отъ православія и подчинился Римскому папѣ.

Еще до избранія Могилы на митрополію началось сліяніе его Лаврскаго училища съ Богоявленскою братскою школою. Теперь сліяніе это совершилось: новый митрополитъ окончательно перевелъ свой фундушъ или записанныя за училищемъ имѣнія на Братскую школу; причемъ испросилъ ей отъ короля разныя привилегіи и наименованіе ея коллегіей. Наставники, получившіе образованіе за границей, и преобладаніе латинскаго языка среди учебныхъ предметовъ продолжали по временамъ волновать Кіевлянъ, опасавшихся за чистоту православія и подстрекаемыхъ злонамѣренными людьми. Но митрополитъ и его сотрудники своими рѣчами и сочиненіями умѣли разсѣивать эти опасенія. Кіево-Могилянская коллегія скоро дала хорошіе плоды; изъ нея вышелъ цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, получившихъ значеніе въ исторіи не только южно-русскаго, но и всего русскаго просвѣщенія. Она надолго послужила образцомъ для среднихъ и высшихъ русскихъ училищъ.

Петръ Могила согласился занять митрополичью каѳедру съ тѣмъ условіемъ, чтобы за нимъ оставлена была Кіевопечерская архимандрія. Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ вѣдѣніе ея имуществами съ доходами митрополіи, онъ широкою рукою употреблялъ эти средства на нужды Южнорусской церкви, на свои просвѣтительныя учрежденія и благолѣпіе храмовъ. Каѳедральный Кіевософійскій соборъ былъ возвращенъ отъ уніатовъ въ совершенно запущенномъ состояніи. Въ одной жалобѣ православныхъ говорится, что намѣстникъ уніатскаго митрополита (Садковскій) обдралъ оловянную кровлю и продалъ ее, а храмъ покрылъ тресками (жердями), даже не соломою, которая не допускала бы течи и происходящаго отсюда разрушенія. Митрополитъ обновилъ соборъ, украсилъ живописью и вновь освятилъ. Онъ обновилъ и Выдубецкій монастырь, возвращенный православнымъ въ обмѣнъ на Гродненскій

(по сеймовой конституціи 1635 года); очистилъ отъ земли развалины Десятинной церкви и т. д. Вообще въ митрополичьемъ санѣ Петръ Могила продолжалъ всѣ начинанія, предпринятыя имъ въ качествѣ Кіевопечерскаго архимандрита. Между прочимъ онъ много заботился о болѣе исправномъ изданіи богослужебныхъ книгъ, и требовалъ, чтобы таковыя прежде своего печатанія представлялись на его разсмотрѣніе и разрѣшеніе. Кромѣ неисправностей въ рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ, къ этой мѣрѣ побудило его также коварство іезуитовъ и уніатовъ, которые стали издавать на польскомъ и русскомъ языкахъ книги, якобы православныя, но заключавшія въ себѣ католическія, а иногда и протестантскія примѣси, вызывавшія соблазнъ среди православныхъ. Напримѣръ, въ Женевѣ около того времени появилось на латинскомъ и греческомъ языкахъ сочиненіе, озаглавленное „Восточное исповѣданіе православной вѣры" и ложно подписанное именемъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Это сочиненіе, написанное въ духѣ кальвинскаго ученія, произвело большую смуту на Востокѣ и повлекло за собою сверженіе неповиннаго въ ней Лукариса. Подобное обстоятельство побудило Петра Могилу издать для Западнорусской церкви катехизисъ, который былъ составленъ подъ его руководствомъ и озаглавленъ: „Православное исповѣданіе вѣры". Книга эта была разсмотрѣна и одобрена на Кіевскомъ соборѣ 1640 года, а впослѣдствіи подтверждена и восточными патріархами. Въ сокращенномъ видѣ она была издана тѣмъ же митрополитомъ подъ именемъ „Краткій катехизисъ" (принятый какъ руководство и въ Московской Руси).

Кіевскій духовный соборъ 1640 года былъ созванъ Могилою вслѣдствіе вновь усилившихся гоненій на православіе. Латино-уніаты воспользовались для сего рядомъ неудачныхъ казацкихъ возстаній, послѣ которыхъ и самъ король Владиславъ относился къ православнымъ уже не такъ благосклонно. Вновь начались притѣсненія духовенству и насильственное отнятіе церквей со стороны уніатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ новый ихъ митрополитъ Антоній Селява (преемникъ Рафаила Корсака). Въ самомъ Кіевѣ латино-уніатская партія дѣйствовала подъ покровительствомъ кіевскаго воеводы Януша Тышкевича.

Петръ Могила вновь отправился лично въ Варшаву ходатайствовать передъ сеймомъ и королемъ, и его неослабнымъ усиліямъ удалось еще разъ добиться нѣкоторыхъ конституцій, смягчавшихъ

означенныя гоненія. Въ то же время ему приходилось продолжать усердную борьбу и въ сферѣ литературной полемики.

Извѣстный Касьянъ Саковичъ, бывшій уніатскимъ Дубенскимъ архимандритомъ и успѣвшій опять перемѣнить вѣру, т.-е. перейти въ католичество, издалъ въ Краковѣ на польскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Перспектива“ или „Обозрѣніе заблужденій, ересей и предразсудковъ церкви Русской“. (1642). Тутъ онъ съ ожесточеніемъ напалъ на православную, преимущественно Южнорусскую, церковь, и, какъ самое заглавіе показываетъ, старался изобразить ее преисполненной всякихъ суевѣрій и поврежденій, отъ которыхъ единственнымъ спасеніемъ предлагалъ, конечно, соединеніе съ Римскимъ костеломъ. Православные не могли равнодушно снести его злые нападки, способные соблазнить нетвердыхъ въ вѣрѣ. Спустя два года, въ отвѣтъ ему издана была въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ книга подъ названіемъ: „Λιθος или камень съ пращи истинной св. православной церкви Русской“. Полагаютъ, что она была сочинена или самимъ Могилою, или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Здѣсь со строгою послѣдовательностію разбираются и опровергаются обвиненія противника; а затѣмъ авторъ нападаетъ на унію, какъ главную виновницу безпорядковъ, возникшихъ въ Южнорусской церкви, и подвергаетъ критическому разбору два главные догмата, отличающіе Латинскую церковь отъ Греческой, т.-е. объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ папы. Книга эта имѣла большой успѣхъ, и въ литературной борьбѣ съ латино-уніатами замѣтно склонила перевѣсъ въ пользу православныхъ. Наиболѣе же извѣстнымъ и прочнымъ памятникомъ трудовъ Петра Могилы, понесенныхъ на пользу Южнорусской церкви и ради благоустроенія ея обрядовой стороны, служитъ его большой *Требникъ* или молитвословъ (Евхологіонъ). Съ теченіемъ времени въ рукописныхъ и даже печатныхъ требникахъ оказалось много неисправностей; притомъ на многіе случаи частной и общественной жизни въ нихъ недоставало особыхъ молитвъ и обрядовыхъ указаній. Исправленія и дополненія сдѣланы были при сличеніи греческихъ и славянскихъ (въ томъ числѣ московскихъ) изданій съ римскими, а также со старыми харатейными рукописями. Требникъ Могилы снабженъ и объяснительными статьями о значеніи того или другого таинства, того или другого священнодѣйствія и чинопослѣдованія. (Всего въ Требникѣ до 126 чиновъ и статей). Онъ былъ изданъ въ 1646 году, незадолго до кончины его знаменитаго автора.

Любопытны отношенія Петра Могилы къ Москвѣ. Въ началѣ своей церковной дѣятельности онъ, по всѣмъ даннымъ, вѣрно служилъ интересамъ Рѣчи Посполитой; но борьба съ латино-уніатами и возобновлявшіяся гоненія на православіе, особенно жестокости, наступившія за усмиреніемъ казацкаго мятежа 1638 года, заставили его пойти по стопамъ Іова Борецкаго и обращаться въ Москву ради матеріальнаго и духовнаго вспоможенія для своей митрополіи.

Непосредственнымъ его сношеніямъ съ Москвою предшествовало прибытіе сюда южнорусскихъ монаховъ, бѣжавшихъ изъ Сѣверскихъ монастырей въ 1638 году отъ польскихъ гоненій. То были монастыри мужской Густынскій и дѣвичій Ладинскій, оба близъ города Прилукъ, на р. Удаѣ. Они основаны въ 1610—1614 гг. въ земляхъ князей Вишневецкихъ, которые, вмѣстѣ съ Конецпольскими и Потоцкими, получили громадныя помѣстья въ лѣвобережной Украйнѣ. Фундаторами сихъ монастырей (надѣлившими ихъ землями и угодьями) были князь Михаилъ-Корибутъ Вишневецкій и супруга его Регина (двоюродная сестра Петра Могилы), оба отличавшіеся усердіемъ къ православію. Спустя лѣтъ десять, уже по смерти князя Михаила и его супруги, на ихъ же земляхъ основался еще мужской монастырь Мгарскій. Юный ихъ сынъ Іеремія, воспитанный подъ надзоромъ густынскаго архимандрита Исаіи Копинскаго, по кончинѣ родителей поступилъ подъ опеку своего дальняго родственника Константина Вишневецкаго, принявшаго католицизмъ (извѣстный зять Юрія Мнишка?), и отданъ былъ на воспитаніе въ Львовское іезуитское училище. Тамъ его, конечно, совратили. Ставъ ревностнымъ католикомъ, онъ принялся въ своихъ червонорусскихъ, волынскихъ и украинскихъ владѣніяхъ воздвигать костелы и кляшторы и притѣснять православныхъ. Тщетно бывшій его воспитатель, а теперь Кіевскій митрополитъ, обратился къ нему съ посланіемъ, въ которомъ напоминалъ завѣтъ умиравшей его матери и увѣщевалъ воротиться къ вѣрѣ предковъ. Іеремія остался глухъ къ его увѣщаніямъ и продолжалъ фанатически преслѣдовать своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Мало того, когда Копинскій былъ изгнанъ изъ Кіева и удалился въ свою Сѣверскую епархію, Іеремія Вишневецкій отнялъ у него помянутые монастыри (Густынскій и Мгарскій), которые передалъ его счастливому сопернику, а своему родственнику Петру Могилѣ (1635 г.). Во время казацко-польской войны монахи и монахини Густынскіе и Ладинскія, спасаясь отъ гоненій, покинули свои монастыри, забравъ съ собою дорогую церковную

утварь и книги, и бѣжали въ пограничный московскій городъ Путивль; но прежде чѣмъ добрались сюда, все захваченное ими церковное имущество и всякое добро, до 20 возовъ, было ограблено какими-то „ляхами и жидами“. Любопытно, что путивльскій воевода Плещеевъ въ своемъ донесеніи царю пишетъ, будто и самъ митрополитъ Петръ Могила, по словамъ бѣжавшихъ чернецовъ, отпалъ отъ православія. Эта клевета (вѣроятно распущенная его соперникомъ Копинскимъ), впрочемъ, была опровергнута новымъ донесеніемъ Плещеева въ томъ же 1638 году. Мало того, усердіемъ Кіевскаго митрополита тѣ же запустѣвшіе монастыри вскорѣ были обновлены, снабжены новою утварью и книгами, при помощи московско-царскихъ пожертвованій.

Первое извѣстное намъ посольство Петра Могилы къ Михаилу Ѳеодоровичу относится къ концу 1639 и началу 1640 года. Оно было довольно многочисленно, имѣя во главѣ митрополичьяго кіевопечерскаго намѣстника Игнатія. При немъ находились: печерскій „уставникъ“ Иринархъ, архидіаконъ Амвросій Быковскій, игуменъ кіевобратскаго Богоявленскаго монастыря Леонтій, выдубецкій игуменъ Сильвестръ, келарь Николо-Пустыннаго монастыря Митрофанъ и нѣсколько митрополичьихъ чиновниковъ изъ мірянъ. Митрополичья грамота къ царю главнымъ образомъ заключала ходатайство о милостынѣ на обновленіе и украшеніе Софійскаго собора, Печерской лавры, а также Выдубецкаго монастыря и другихъ церквей, возвращенныхъ отъ уніатовъ въ самомъ разоренномъ состояніи. Подобныя же челобитныя грамоты привезли упомянутые представители кіевскихъ монастырей. Эти кіевскіе старцы удостоились торжественнаго царскаго пріема 9 апрѣля 1640 года, одновременно съ монахами, прибывшими изъ Царьграда, Волошской земли и съ Аѳона. Отъ Кіевскаго митрополита были поднесены царю часть мощей великаго князя Владиміра въ серебряномъ ковчегѣ и крестъ съ вырѣзанными на немъ Господскими праздниками; по одному подобному же кресту онъ прислалъ для царицы Евдокіи Лукьяновны и царевича Алексѣя Михайловича. Приношенія эти были благосклонно приняты, а члены посольства одарены соболями, камками и рублями. Старецъ Игнатій просилъ еще отъ имени митрополита, чтобы царь приказалъ своимъ „добре художнымъ мастерамъ, которые рѣзъ рѣжутъ“, сдѣлать раку для мощей св. князя Владиміра, открытыхъ въ Десятинной церкви и положенныхъ теперь въ Софійскомъ соборѣ. Кромѣ денежнаго вспоможенія кіевскіе игумены про-

сили о пожертвованіи имъ церковной утвари, сосудовъ, ризъ и богослужебныхъ книгъ московской печати; просили также о дозволеніи пріѣзжать въ Москву за милостынею въ извѣстные сроки. Повидимому, всѣ эти просьбы были удовлетворены; митрополиту и монастырямъ послано щедрое вспоможеніе; первому однихъ соболей дано на 150 рублей, а тремъ монастырямъ каждому по 100 рублей.

То же посольство сдѣлало отъ имени митрополита слѣдующее любопытное челобитье царю: чтобы онъ велѣлъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ поселятся старцы изъ Кіевобратской обители и будутъ учить боярскихъ и другихъ дѣтей греческой и славянской грамотѣ. Въ примѣръ оно приводило волошскаго господаря Василія (Лупула), который по своему прошенію получилъ учителей отъ Кіевскаго митрополита. Очевидно, Петръ Могила хлопочетъ о распространеніи школьнаго просвѣщенія, при помощи своей коллегіи, не только на Югозападную, но и на Восточную или Московскую Русь. Но пока это была идея, давшая плоды только впослѣдствіи.

Кромѣ молитвъ за здравіе Московскаго государя и его семейства, кіевскіе митрополитъ, игумны и старцы служили ему и въ политическихъ дѣлахъ. Напримѣръ, при ихъ помощи происходили негласныя сношенія и пересылки между Московскимъ царемъ и молдо-валашскими господарями. Они же доставляли въ Москву вѣсти о политическихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой. Такъ, во время означеннаго посольства митрополичій намѣстникъ сообщилъ о случившемся не задолго внезапномъ набѣгѣ Крымскихъ татаръ на Кіевщину, Волынь и прилукскія имѣнья Вишневецкихъ, изъ-за постройки крѣпости Кодака; причемъ угнали полону будто бы до 100.000 человѣкъ (на самомъ дѣлѣ 30.000); за ними пошелъ гетманъ Конецпольскій, отбилъ немного плѣнныхъ, и пр. Тотъ же старецъ Игнатій сообщилъ слухи о событіяхъ, происходившихъ на войнѣ Цесаря съ Свейскими людьми (т.-е. о войнѣ Тридцатилѣтней). „Свейскіе—говорилъ онъ—Цесаревыхъ одолѣваютъ небольшими людьми, только умѣньемъ и промысломъ"; а наемные у Цесаря Польскіе и Литовскіе люди за недоплату жалованья перешли на сторону Шведовъ. Въ послѣдующіе годы, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, густынскіе старцы, пріѣзжавшіе въ Московское государство за подаяньемъ, въ пограничномъ Путивлѣ прежде всего подвергались воеводскому разспросу и должны были сообщать всякія политическія вѣсти; черезъ нихъ же пересылались царскія грамоты молдавскому господарю Ва-

силію. Имѣемъ еще письмо Петра Могилы царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 1644 года. Митрополитъ благодаритъ за присылку изъ Москвы сусальнаго мастера. (Этотъ мастеръ, по имени Якимка Евтифѣевъ, въ Печерскомъ монастырѣ сдѣлалъ 10.000 листовъ сусальнаго золота и двѣ иконы обложилъ басмою). Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ о женитьбѣ князя Януша Радивила (сынъ Христофора и будущій также гетманъ) на Маріи, дочери того же господаря Василія: Кіевскій митрополитъ ѣздилъ поэтому въ Яссы и, 25 января, самъ обвѣнчалъ князя-протестанта съ Маріей (родственницей Могилы по матери). Съ Радивиломъ была вооруженная свита въ 2.000 человѣкъ.

Спустя два года, видимъ новое посольство отъ Петра Могилы и Кіевскихъ монастырей за милостынею въ Москву уже къ преемнику Михаила, молодому царю Алексѣю Михайловичу. На этотъ разъ во главѣ посольства вмѣсто Игнатія, получившаго Выдубецкое игуменство, стоятъ помянутые прежде старцы Иринархъ, теперь игуменъ Печерскій, и Амвросій Быковскій, теперь уставщикъ Софійскаго собора; а изъ мірянъ, участвовавшихъ въ первомъ посольствѣ, встрѣчается Иванъ Андреевичъ Предремирскій, „бояринъ и слуга“ митрополичій. Они представили отъ митрополита Царю въ даръ: мѵро отъ печерскихъ чудотворцевъ, янтарное распятіе, верховаго арабскаго коня, нѣсколько упряжныхъ лошадей, ковры, хрустальные сосуды и пр. Игуменъ Иринархъ отъ себя поднесъ Тріодь Цвѣтную въ лицахъ и Акаѳистъ, также въ лицахъ. Подарки были приняты; причемъ, по обычаю Московскаго двора, кони подверглись подробной оцѣнкѣ со стороны Конюшеннаго приказа. Почти одновременно съ симъ посольствомъ прибыли за милостынею въ Москву старцы изъ прилуцкаго Густынскаго и лубенскаго Мгарскаго монастырей, съ разными вѣстями о дѣлахъ Польскихъ, Турецкихъ и Запорожскихъ. Ихъ челобитья были также щедро удовлетворены новымъ царемъ, какъ и его покойнымъ родителемъ.

Всѣ сіи обращенія и челобитья Іова Борецкаго, Петра Могилы и южнорусскихъ монаховъ къ Москвѣ въ значительной степени подготовили почву для послѣдующихъ важныхъ событій, т.-е. для присоединенія Малой Россіи къ Московской державѣ.

Названное сейчасъ посольство Петра Могилы къ царю было послѣднимъ. Въ началѣ слѣдующаго 1647 года онъ скончался. Ему было только 50 лѣтъ; но чрезвычайные труды и умственное напряженіе надломили его силы. Стоитъ только обозрѣть все сдѣланное

имъ въ теченіе 20 лѣтъ, протекшихъ отъ его посвященія въ архимандриты, чтобы оцѣнить его великія заслуги дѣлу православія и просвѣщенія въ Южной Руси, и притомъ совершенныя въ такую трудную для нея эпоху. Хотя преемникомъ ему на Кіевской митрополичьей каѳедрѣ избранъ одинъ изъ достойныхъ его сотрудниковъ и преподавателей Кіевобратской коллегіи, Сильвестръ Коссовъ, посвященный имъ въ санъ Могилевскаго епископа, однако потеря Петра Могилы для Южнорусской церкви была незамѣнима. ([23]).

Борьба между православными и латино-уніатами въ эту эпоху происходила почти во всѣхъ углахъ Западной и Южной Руси, вошедшей въ составъ Рѣчи Посполитой. Межъ тѣмъ какъ въ Кіевской области перевѣсъ былъ на сторонѣ православныхъ, въ Сѣверо-западной Руси брали верхъ латино-уніаты, несмотря на горячее имъ сопротивленіе. Примѣромъ такого сопротивленія могутъ служить Полочане. По сеймовой конституціи 1632 года, рѣшено было раздѣлить Полоцкую епархію между православнымъ и уніатскимъ архіереями: послѣднему назначенъ мѣстопребываніемъ Полоцкъ, а первому Могилевъ. Но въ Полоцкѣ значительная часть жителей еще крѣпко держится православія. Отсюда видимъ настойчивыя жалобы со стороны преемника Кунцевича, Антонія Селявы, на полоцкихъ мѣщанъ, которые поднимали противъ него бунты и даже покушались на его жизнь. Такъ, однажды, когда онъ плылъ въ лодкѣ по Двинѣ изъ Полоцкаго замка въ монастырь Борисоглѣбскій, въ него съ берега сдѣланы были два выстрѣла изъ мушкета; но пули пролетѣли мимо. Далѣе, полоцкое духовенство жалуется, что окрестные мѣщане не ходятъ въ его церкви и не хотятъ совершать требы у поповъ уніатскихъ; не упускаетъ оно обжаловать въ ратушѣ и такой случай, когда уніаты - родители позволяли своей дочери выдти за православнаго и вѣнчаться въ православномъ храмѣ. Нерѣдко встрѣчаемъ со стороны католиковъ и уніатовъ предъявленныя властямъ протестаціи на то, что православные Полочане ругаются надъ образами Казиміра и Іосафата (Кунцевича) и другими латинскими иконами, называютъ уніатскую вѣру „дьявольскою" и т. п. Очевидно, религіозная вражда здѣсь доходила до ожесточенія. Городскія власти, конечно, на сторонѣ латино-уніатовъ, а православныхъ открыто притѣсняютъ и, въ случаяхъ тяжбы, выказываютъ явное пристрастіе. Такъ, они бросаютъ въ тюрьму мѣщанина за то, что онъ назвалъ Кунцевича только „велебнымъ", а не бла-

гословеннымъ. Для распространенія уніи власти не брезгали никакими средствами: напримѣръ, преступники, чтобы избѣжать наказанія или смягчить его, принимали унію; даже убійцы такимъ способомъ избавлялись отъ смертной казни. Въ свою очередь гоненіе на православіе вело и къ такимъ послѣдствіямъ: въ 1633 году, во время войны съ Москвою, Полочане не радѣли обороною города, и при нападеніи московскаго войска онъ былъ сожженъ. Напротивъ, Могилевцы, довольные водвореніемъ у нихъ православной каѳедры, въ этой войнѣ помогали Полякамъ провіантомъ, аммуницiей и т. п.; за что были награждены мостовымъ сборомъ.

Что вѣроисповѣдная борьба, кипѣвшая въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, нерѣдко принимала весьма жестокій и кровавый характеръ, тому, кромѣ фанатизма, способствовали также грубость нравовъ и господство суевѣрій, которыми отличалась данная эпоха. Эти черты ярко отражаются въ судебныхъ процессахъ того времени. Мы встрѣчаемъ подаваемыя въ судъ жалобы на порчу здоровья или другой какой вредъ, который будто бы насылали люди, занимавшіеся колдовствомъ. Судьи серьезно разбираютъ такія жалобы и приговариваютъ обвиненныхъ къ жестокимъ наказаніямъ. Напримѣръ, въ 1631 году видимъ долгій процессъ, возбужденный по обвиненію одной попадьи (Раины Громыкиной) въ чародѣйствѣ. Начатый въ Новогродскомъ судѣ, этотъ процессъ окончился въ Минскомъ трибуналѣ, который приговорилъ обвиняемую къ пыткамъ и затѣмъ къ казни. А въ 1643 году Полоцкій магистратъ приговорилъ къ сожженію одного мѣщанина (Василія Брыкуна), также обвиненнаго въ чародѣйствѣ. Слѣдовательно, не только простолюдины, но и члены городского самоуправленія и сами высшіе суды, состоявшіе изъ людей, казалось бы, наиболѣе образованныхъ, были одинаково исполнены невѣжественныхъ и грубыхъ суевѣрій.

Въ ту же эпоху борьбы съ уніей изъ ревнителей и мучениковъ православія особенно выдвигается брестъ-литовскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ.

Дѣятельность его, между прочимъ, связана съ исторіей самозванца Лубы. Когда послѣдній мальчикомъ былъ отданъ на воспитаніе Львy Сапѣгѣ, то канцлеръ обученіе его ввѣрилъ именно Филипповичу, какъ человѣку очень образованному, и тотъ семь лѣтъ занимался этимъ обученіемъ, вѣроятно не вполнѣ сознавая, къ чему готовили мальчика. Потомъ онъ постригся въ виленскомъ

Святодуховомъ монастырѣ и отдался подвижнической жизни, а вмѣстѣ съ нею усердной борьбѣ противъ уніи. Въ бытность его намѣстникомъ Дубойскаго монастыря подъ Пинскомъ, канцлеръ литовскій Станиславъ Радивилъ отобралъ отъ православныхъ эту обитель, и отдалъ ее іезуитамъ. Филипповичъ отсюда удалился въ ближайшій Купятицкій монастырь, извѣстный своей типографіей, въ которой печатались церковныя книги. Въ 1637 году онъ отправился для сбора подаяній въ Бѣлую Русь; а отсюда пробрался въ Москву, былъ принятъ тамъ радушно, и подалъ царю Михаилу Өеодоровичу описаніе бѣдственнаго положенія православной Западнорусской церкви. По возвращеніи своемъ, митрополитомъ Могилою онъ былъ поставленъ на игуменство брестскаго Симеоновскаго монастыря, при луцкомъ епископѣ Аөанасіи Пузынѣ, къ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ. (Этотъ монастырь Св. Симеона, по рѣшенію короля, былъ оставленъ за православными, и находился подъ покровительствомъ знатной фамиліи Дорогостайскихъ). Въ качествѣ игумна онъ не разъ ѣздилъ въ Краковъ и Варшаву, гдѣ подавалъ королю и сенаторамъ горькія жалобы на притѣсненія, чинимыя православію; причемъ пророческимъ голосомъ грозилъ Рѣчи Посполитой страшными бѣдствіями, если унія не будетъ уничтожена.

Въ 1644 г. во время пріѣзда московскихъ пословъ по дѣлу самозванца Лубы, по ихъ желанію, игуменъ сообщилъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія о своемъ бывшемъ ученикѣ, съ которымъ онъ вновь познакомился въ Брестѣ. Когда король Владиславъ отправилъ Лубу съ посломъ своимъ Стемпковскимъ въ Москву, то Филипповичъ былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ оковы въ качествѣ заложника, т.-е. онъ долженъ былъ своею головою отвѣчать за безопасность самозванца. По возвращеніи сего послѣдняго игуменъ получилъ свободу. Во время своего заключенія онъ написалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ латино-уніатовъ и, между прочимъ, наиболѣе извѣстное изъ нихъ, озаглавленное „Діаріушъ", гдѣ горячо и живо изображаетъ гоненія, воздвигаемыя на православіе, а также разсказываетъ бывшія ему чудесныя видѣнія и таинственные голоса. Въ 1648 году, при началѣ возстанія Хмѣльницкаго, Поляки схватили Филипповича подъ предлогомъ, будто онъ тайно посылалъ казакамъ порохъ и возмутительные листы. Когда же на требованіе іезуитовъ, чтобы онъ принялъ унію, игуменъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и проклятіемъ уніи, Поляки подвергли его мучительной смерти.

Итакъ, хотя король Владиславъ IV не слѣдовалъ католическому фанатизму своего отца, много смягчалъ или отмѣнялъ правительственныя мѣры, направленныя въ пользу уніи и противъ православія, однако толчекъ, данный латино-уніатскому движенію, продолжалъ дѣйствовать и въ царствованіе сего вѣротерпимаго короля. Латино-уніатская партія, опираясь на сильную католическую іерархію, особенно на Іезуитскій орденъ, а также на польско-русскую католическую аристократію, послѣ недолгаго перемирія, вызваннаго смертію Сигизмунда III, возобновила свой наступательный образъ дѣйствія; опять всѣми возможными средствами стала тѣснить православіе и постепенно отнимать у него почву, несмотря на его успѣшную оборону въ эпоху Петра Могилы. Почти во всѣхъ областяхъ Югозападной Руси кипѣла то открытая, то глухая вѣроисповѣдная борьба; причемъ обиды и насилія, чинимыя православнымъ, обыкновенно остаются безнаказанными, а ихъ обращенія къ суду тщетными. Постепенная утрата почвы прежде всего обусловливалась отступничествомъ русскихъ дворянскихъ родовъ, которые продолжаютъ переходить въ католичество отчасти подъ вліяніемъ іезуитской пропаганды, а главное изъ-за мірскихъ выгодъ: такъ какъ королевская власть надѣляетъ должностями, сенаторствомъ, староствами и тому подобными благами по преимуществу католиковъ; людей же православныхъ обходитъ, не взирая ни на какія ихъ заслуги. И однако православіе все еще было крѣпко, преимущественно въ южнорусскомъ населеніи, собственно въ мѣщанствѣ и крестьянствѣ, опиравшихся на казачество. Съ католичествомъ въ Польшѣ и Литвѣ продолжала еще бороться сильная протестантская партія, въ особенности Социніанская секта; поэтому возникновеніе раскола, раздвоившаго Южнорусскую церковь на унитовъ и дизунитовъ (православныхъ), и происшедшія отсюда ихъ враждебныя отношенія только увеличили элементы государственнаго разлада и разложенія.

Ближайшею цѣлью уніи было церковное объединеніе, которое тѣснѣе сблизило бы Русскихъ съ Поляками. Потомъ, при усвоеніи первыми родственнаго польскаго языка и польской культуры, могло бы произойти сплоченіе ихъ въ одну народность, конечно Польскую, и сія послѣдняя чрезъ то сдѣлалась бы самою сильною среди славянскихъ племенъ. Таковъ обычный процессъ усвоенія (ассимиляціи) какого-либо народа, лишеннаго политической самобытности, другимъ народомъ, поставленнымъ въ господствующее положеніе или

вообще въ болѣе благопріятныя условія. Но въ данномъ случаѣ этотъ историческій законъ вошелъ въ столкновеніе съ другими историческими законами, а именно: во-первыхъ, Западнорусская народность численностію своею далеко превосходила народность Польскую, а ея старая греко-славянская культура, несмотря на свой упадокъ, не легко могла уступить мѣсто культурѣ латино-польской. Во-вторыхъ, хотя Западные и Южные Руссы и были тогда лишены политической самобытности, но и Поляки, при внѣшнемъ величіи Рѣчи Посполитой (опиравшемся преимущественно на ея русскія силы), внутри уже страдали недостаткомъ крѣпкой центральной власти, т.-е. недостаткомъ прочной политической организаціи. А потому религіозныя распри и смуты неизбѣжно должны были еще болѣе расшатать эту непрочную организацію и подготовить ея паденіе къ тому времени, когда на помощь Западной Руси выступитъ ея могучая соплеменница, Русь Восточная.

Вотъ что, между прочимъ, говорится въ жалобѣ, поданной сейму 1623 года отъ православной шляхты: „Нашъ Русскій народъ соединился съ Польскимъ (на Люблинской уніи) какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ. Но въ чемъ же наша вольность, если мы не имѣемъ ея въ дѣлѣ вѣры?“ „Наши отступники хотятъ, чтобы Русскихъ не было на Руси, чтобы Русская святая вѣра, Божіимъ произволеніемъ принятая съ Востока, не была въ Русской церкви; но она можетъ быть истреблена только вмѣстѣ съ истребленіемъ Русскаго народа. А такое дѣло было бы безумнымъ уничтоженіемъ значительной части цѣлаго отечества“. Эти слова вскорѣ оказались пророческими для Рѣчи Посполитой. (²¹).

Толчекъ къ грознымъ для Польши событіямъ вышелъ изъ среды именно сей, раздираемой вѣроисповѣдными распрями, Югозападной Руси, въ лицѣ ея Малороссійскаго казачества.

XIII.

УКРАЙНА, КАЗАЧЕСТВО И ЕВРЕЙСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Движеніе Малорусскаго народа на Украйну.—Причины сего движенія.—Слободы, инвентари и заставы.—Выкотцы.—Украинское можновладство.—Украинскіе замки.—Льготные сроки и мирный періодъ колонизаціи.—Ростъ казачества.—Реестровые и сѣчевики.—Сагайдачный.—Морскіе набѣги.—Ольшанскій договоръ.—Посольство въ Москву.—Цецорское пораженіе.—Хотинскій походъ и смерть Сагайдачнаго.—Янушъ и Алоиза Острожскіе.—Начало казацкихъ возстаній.—Жмайло.—Куруковскій договоръ.—Выписчики.—Петржицкій, Тарасъ, Сулима, Павлюкъ.—Пораженіе подъ Кумейками.—Остранинъ и Гуня.—Погромъ на Усть-Старцѣ.—Условія на Масловомъ Ставу.—Поселеніе Черкасъ въ Чугуевѣ.—Возобновленіе Кодака.—Запорожцы въ изображеніи Ляссоты и Боплана.—Черты украинскаго быта и природы.—Размноженіе еврейства.—Еврей-арендаторъ.—Жалобы польскихъ и русскихъ патріотовъ на еврейскій гнетъ.—Тщетная борьба горожанъ съ евреями.—Украинское еврейство.—Его изобрѣтательность въ сочиненіи налоговъ и даней.

Въ исторіи Югозападной Россіи послѣдняя четверть XVI и первая XVII вѣковъ ознаменовались сильнымъ движеніемъ Малорусскаго народа на югъ и на востокъ для заселенія обширной земельной полосы, давно запустѣвшей отъ сосѣдства хищныхъ татарскихъ ордъ. По правую сторону Днѣпра эту полосу составляли южная половина Кіевщины и прилегающая часть Подоліи, а по лѣвую прежняя Переяславская земля и южная часть Черниговской—однимъ словомъ, все, что съ тѣхъ поръ стало извѣстно подъ общимъ именемъ *Украйны*. Движенію сему способствовала совокупность разныхъ причинъ. Во-первыхъ, усилившееся казачество, выдвинувшее свои передовые посты за Днѣпровскіе пороги и всегда готовое дать отпоръ степнымъ ордынскимъ наѣздамъ, до извѣстной степени обезпечивало водвореніе промышленныхъ и земледѣльческихъ колоній въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно ихъ существованіе было почти невозможно. Разумѣется, это движеніе сопровождалось построеніемъ замковъ и вообще

укрѣпленій, вокругъ которыхъ возникали мирные поселки и хутора. Во-вторыхъ, совершившееся на Люблинскомъ сеймѣ соединеніе Югозападной Руси непосредственно съ Польской короной естественно повлекло за собою водвореніе здѣсь польскихъ шляхетскихъ порядковъ и постепенное ополяченіе русскаго землевладѣльческаго класса; вмѣстѣ съ тѣмъ усилился гнетъ крѣпостного права на русское крестьянство, выражавшійся и все большимъ стѣсненіемъ личной свободы, и все умножавшимися данями и повинностями. Русское населеніе городовъ чувствовало свое униженное положеніе передъ шляхетскими привилегіями, все возроставшее бремя еврейства и наконецъ оскорбленіе своего религіознаго чувства вслѣдствіе насильно водворяемой церковной уніи. Естественно, отъ этихъ невзгодъ многіе крестьяне и горожане покидали свои насиженныя мѣста и стремились на новыя земли, гдѣ ихъ ожидали разныя льготныя условія, при благодатной черноземной почвѣ и богатствѣ разныхъ угодій. Въ-третьихъ, сами польскіе или, точнѣе, ополячившіеся паны поощряли народное движеніе на Украйну своими захватами пограничныхъ староствъ и пустыхъ земель. Полученіе отъ короля доходныхъ староствъ въ пожизненное владѣніе составляло обычный предметъ вождѣленій польско-русской знати, а подстароства были мечтою менѣе знатной шляхты. Староста пользовался всѣми данями и повинностями жителей; но изъ нихъ кварту, т.-е. четвертую часть, долженъ былъ платить въ государственную казну на содержаніе наемныхъ жолнѣровъ или такъ наз. „кварцянаго“ войска.

Пограничныя со степью староства, обильныя пустыми пространствами конечно вызывали въ своихъ обладателяхъ стремленіе укрѣпить эти пустыни построеніемъ замковъ и заполнить ихъ новыми осадами, съ которыхъ можно было бы потомъ получать большіе доходы. Помимо староствъ, нѣкоторыя знатныя фамиліи выхлопатывали себѣ у короля и Рѣчи Посполитой пожалованіе въ полную собственность свободныхъ земель на юговостокѣ, которыхъ размѣры въ точности не были извѣстны правительству и которыя въ дѣйствительности оказывались иногда обнимавшими огромныя пространства и притомъ далеко не пустыми. Всѣ таковые владѣтели свободныхъ земель, какъ пожизненные, такъ и потомственные, старались заселить ихъ всѣми возможными способами; они переводили сюда людей изъ старыхъ своихъ имѣній, лежавшихъ въ болѣе центральныхъ областяхъ, а главнымъ образомъ переманивали крестьянъ отъ сосѣдей и привлекали всякихъ бѣглецовъ льготными условіями. Новымъ по-

селкамъ давалась полная или неполная свобода отъ поборовъ и повинностей на извѣстное число лѣтъ, обыкновенно отъ 20 до 30, и только по истеченіи этихъ льготныхъ лѣтъ начиналось бремя податного и крѣпостного состоянія. Посему и селенія таковыя назывались вообше *слободами*.

Польскіе писатели, касавшіеся колонизаціи Украйны, обыкновенно придаютъ этой колонизаціи польскій характеръ. Но такое толкованіе невѣрно. Украйна заселялась не Польскимъ собственно народомъ, а Малорусскимъ, который шелъ туда изъ ближнихъ русскихъ областей, преимущественно изъ Волыни и Кіевскаго Полѣсья; только ополяченные землевладѣльцы и земскіе чины, т.-е. паны и шляхта, нѣсколько нарушали чисто-русскій характеръ этого движенія на югъ и на востокъ.

Въ отношеніи крестьянскаго люда толчкомъ къ такому движенію не мало послужили съ одной стороны введеніе болѣе опредѣленныхъ инвентарей, обозначавшихъ крестьянскія повинности, а съ другой—водворившаяся въ русскихъ областяхъ система аренды, называвшаяся *заставой*. Инвентари первой четверти XVII вѣка показываютъ, что крестьянскія повинности и количество рабочихъ дней сильно возрасли сравнительно съ XVI вѣкомъ. Особенно участились толоки, которыхъ помѣщики стали требовать еженедѣльно, отнимая у крестьянъ единственный свободный день (праздничный) и притомъ вызывая его на работу со всей семьей. Что касается заставы, то это былъ особый видъ залога недвижимости, при чемъ залогодатель вмѣсто процентовъ за данную имъ сумму пользовался доходами съ имѣнія. Обыкновенно такая аренда давалась на три года; но по истеченіи ихъ этотъ срокъ повторялся. Собственникъ имѣнія при семъ сохранялъ за собой права землевладѣльца на занятіе должностей по мѣстному управленію и другія шляхетскія привилегіи, которыми безземельный шляхтичъ не пользовался (напримѣръ, таковой въ исковыхъ тяжбахъ могъ подвергаться предварительному заключенію). Вотъ почему заставу юридически предпочитали продажѣ имѣнія; хотя фактически это и была собственно продажа. Но такая система аренды или продажи тяжело отзывалась на крестьянахъ. При отдачѣ въ заставу выдавался залогодателю инвентарь имѣнія, т.-е. исчисленіе и оцѣнка прямыхъ крестьянскихъ повинностей и даней, къ которымъ присоединялся и косвенный доходъ съ монополій, каковы, напримѣръ, корчмы и мельницы: такъ какъ землевладѣлецъ имѣлъ право помола и право *пропинаціи* или исключительной торговли напитками.

Естественно, собственникъ, чтобы получать бóльшую сумму, старался обозначить какъ можно болѣе доходу, преувеличивалъ размѣръ повинностей и даже писалъ въ инвентарѣ повинности не существовавшія на дѣлѣ; заставной же владѣлецъ на основаніи инвентаря требовалъ отъ крестьянъ много лишняго, а подъ часъ и невозможнаго. Особенно эти арендаторы свирѣпствовали при концѣ заставного срока, если не надѣялись удержать за собою дальнѣйшую аренду; тогда они выжимали изъ крестьянъ послѣдніе соки: напримѣръ, принуждали ихъ работать по праздникамъ, не исключая и Пасхи, (будучи сами уніатами или католиками) даже православныхъ сельскихъ священниковъ принуждали отбывать крестьянскія повинности, и т. д. Отсюда конечно возникали иногда бунты, грабежи и убійства владѣльцевъ, а чаще всего крестьянскіе побѣги, совершавшіеся не только цѣлыми семьями, но и цѣлыми селами. Бѣжали болѣе всего на Украйну, особенно Заднѣпровскую, куда манилъ и большій просторъ, и болѣе льготныя условія для поселенцевъ. Иногда это бѣгство и переселеніе совершались со всѣмъ скарбомъ и скотомъ, при пособничествѣ сосѣднихъ жителей, которые сопровождали переселенцевъ на извѣстномъ разстояніи и даже помогали имъ вооруженною рукою защищаться отъ преслѣдователей, при чемъ переселенцы устраивали таборъ или подвижное укрѣпленіе изъ возовъ. Такое пособничество не рѣдко обращалось въ своего рода промыселъ, и занимавшіеся имъ назывались „выкотцы". А въ роли выкотцевъ выступали иногда сами помѣщики, которые сманивали сосѣднихъ крестьянъ въ свои дальнія имѣнія.

Вслѣдствіе такого движенія, на Волыни и въ другихъ сосѣднихъ съ нею старыхъ русскихъ областяхъ многія мѣстности надолго обезлюдѣли и запустѣли. За то Украйна стала наполняться мѣстечками, селами и хуторами.

Староства и такъ наз. яловыя или пустыя земли на Украйнѣ сдѣлались предметомъ захвата со стороны нѣкоторыхъ знатныхъ польско-русскихъ фамилій, каковы: Острожскіе, Вишневецкіе, Конецпольскіе, Потоцкіе, Замойскіе, Рожинскіе, Калиновскіе, Заславскіе, Збаражскіе, Любомірскіе, Даниловичи. Такъ, Янушъ Острожскій, каштелянъ Краковскій, по благосклонности къ нему короля, владѣлъ староствами Бѣлоцерковскимъ, Богуславскимъ, Корсунскимъ, Каневскимъ и Черкасскимъ. Калиновскій, староста Брацлавскій, воспользовался неопредѣленнымъ выраженіемъ сеймовой конституціи на пожалованіе ему Уманской пустыни, и захватилъ пространство въ цѣ-

лыя тридцать миль; одинъ изъ князей Вишневецкихъ на такомъ же основаніи завладѣлъ всѣмъ Посульемъ въ Заднѣпровской Украйнѣ, а одинъ изъ князей Рожинскихъ обширными землями на рр. Сквири, Раставицѣ, Ольшанкѣ и т. д. Подобныя владѣнія естественно способствовали развитію и процвѣтанію на Украйнѣ крупнаго вельможества или такъ наз. можновладства. Важнѣйшіе украинскіе старосты и паны представляютъ родъ магнатовъ-феодаловъ; народъ иронически называлъ ихъ „королятами". Каждый изъ нихъ старался возможно скорѣе заселить и вмѣстѣ закрѣпить свои огромныя, но пустынныя владѣнія. Колонизаторская дѣятельность на Украйнѣ особенно энергично проявила себя въ первую четверть XVII вѣка. При семъ по неопредѣленности границъ между панами нерѣдко происходили столкновенія, рѣшавшіяся или судебнымъ порядкомъ, или вооруженною рукою. Напримѣръ, гетманъ Конецпольскій, староста Переяславскій, позвалъ къ суду трибунальному князя Еремію Вишневецкаго за то, что онъ безъ всякой сеймовой конституціи заложилъ до 40 мѣстечекъ на грунтахъ, причитавшихся къ Переяславскому староству. Межъ тѣмъ состоявшій въ польской службѣ французскій инженеръ Бопланъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что онъ, по порученію этого гетмана Конецпольскаго, заложилъ на его земляхъ до 50 мѣстечекъ, изъ которыхъ потомъ размножилось до 1000 селеній. А своими наѣздами на чужія имѣнія, разбоемъ и всякими насиліями въ данную эпоху особенно отличался нѣкій Самуилъ Лащъ Тучанскій, стражникъ коронный и староста Овруцкій, окруженный толпою подобныхъ себѣ головорѣзовъ. Суды были завалены жалобами сосѣдей на этого разбойника; на немъ тяготѣло нѣсколько трибунальныхъ банницій; но онъ оставался безнаказаннымъ, благодаря заступничеству короннаго гетмана Конецпольскаго; а послѣдній покровительствовалъ Лащу потому, что никто не выступалъ въ походъ съ такими богато одѣтыми и отлично вооруженными гусарскими хоругвями и никто на войнѣ не былъ храбрѣе Лаща.

Сельскохозяйственная культура быстро процвѣла на плодородныхъ черноземныхъ поляхъ Украйны; благодаря тучнымъ травянымъ лугамъ, обилію рыбныхъ водъ и лѣсныхъ зарослей, здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ въ широкихъ размѣрахъ развивались скотоводство, пчеловодство и рыболовство. Населеніе однако не могло спокойно предаваться мирной хозяйственной дѣятельности и наслаждаться богатыми дарами природы, по недостатку самой простой безопасности. Такъ, люстрація или статистическая опись Кіев-

скаго воеводства 1616 года при ревизіи его староствъ, особенно Бѣлоцерковскаго, Каневскаго и Черкасскаго (пограничныхъ со степью), замѣчаетъ, что они опустошены отъ татарскихъ набѣговъ, отъ своевольныхъ казаковъ, а также отъ кварцяныхъ жолнѣровъ. Послѣ татарскаго набѣга, сопровождавшагося сожженіемъ селенія и угономъ скота, поселенцы для своей поправки обыкновенно вновь получали свободу отъ податей и повинностей на извѣстное число лѣтъ.

При сравненіи Польской (собственно Западнорусской) колонизаціи южныхъ степей съ Московскою, мы должны отдать предпочтеніе послѣдней въ смыслѣ безопасности или огражденія со стороны татарскихъ ордъ. Наше движеніе на юговостокъ въ степи совершалось по болѣе опредѣленному правительственному плану и имѣло болѣе военный характеръ; тутъ каждый шагъ закрѣплялся цѣлою системою крѣпостей и засѣчныхъ линій; земледѣльческое населеніе слѣдовало за ними также подъ надзоромъ и руководствомъ правительства. Колонизація польско-русской Украйны совершалась болѣе частными средствами; за то она была оживленнѣе и многолюднѣе. Замки или укрѣпленныя поселенія воздвигались старостами и землевладѣльцами безъ строго опредѣленнаго плана, по мѣрѣ нужды, на удобныхъ мѣстахъ. А на высокихъ курганахъ, которыми вообще изобиловали южнорусскія степи, располагалась стража, особенно по тѣмъ шляхамъ, которыми вторгались Татары. Пограничныя польско-русскія укрѣпленія большею частію были деревянныя и прочностью не отличались.

Для примѣра возьмемъ опись Остерскаго замка, по люстраціи 1628 года. Остерскій замокъ построенъ при Сигизмундѣ Августѣ во время его войны съ Иваномъ Грознымъ. Такъ какъ прежній замокъ лежалъ на р. Острѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Десны, то онъ не мѣшалъ Москвитянамъ пробираться Десною въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Поэтому старый замокъ покинули и построили новый на самомъ устьѣ р. Остра на берегу Десны. Онъ представляетъ четырехугольникъ, котораго стороны имѣютъ по 80 саженъ длины, укрѣпленъ двойнымъ частоколомъ и пятью деревянными башнями; артиллерія его состоитъ изъ 3 пушекъ бронзовыхъ и 42 гаковницъ или тяжелыхъ, крѣпостныхъ ружей. Шляхты, пользующейся принадлежащими замку землями, 20 человѣкъ; бояръ путныхъ въ немъ живетъ 35, а мѣщанъ (обязанныхъ военною службою) 236. Таковы были укрѣпленныя мѣста и ихъ гарнизоны вообще на польско-рус-

ской Украйнѣ, съ тѣмъ различіемъ, что тутъ почему-то не видимъ городовыхъ казаковъ, которые въ другихъ мѣстахъ большею частію встрѣчаются; да и въ томъ же Остерскомъ городкѣ люстрація 1616 года (т.-е. на 12 лѣтъ ранѣе) упоминаетъ 40 казаковъ, а бояръ насчитываютъ 98; что указываетъ, конечно, на происходившія тогда политическія событія и смуты, при которыхъ нерѣдко мѣнялся и самый составъ населенія. По этой предыдущей люстраціи весь старостинскій доходъ съ Остерскаго замка отъ чинша, подымной подати и отъ аренды съ земель, мельницъ и угодій, которыми пользовались и мѣщане, простирался до 700 злотыхъ. Но изъ этой суммы старостѣ приходилось менѣе половины; такъ какъ, кромѣ кварты, часть ея шла на содержаніе подстаростинскаго уряда и на другіе расходы, каковы замковая музыка, потребная для стражи, порохъ, свинецъ, шпеги и пр. Любопытно, что расходъ на этихъ шпеговъ или лазутчиковъ упоминается также въ ревизіи староствъ Переяславскаго, Каневскаго, Черкасскаго съ непремѣннымъ добавленіемъ, что безъ нихъ „на Украйнѣ быть нельзя".

Крупные украинскіе землевладѣльцы рѣдко сами жили въ тѣхъ мѣстахъ; они управляли своими обширными имѣніями посредствомъ состоявшихъ у нихъ на службѣ шляхтичей, или отдавали ихъ въ аренду, особенно въ упомянутую выше заставу (временную посессію). Знатные старосты также держали свои староства посредствомъ подстаростъ и другихъ урядниковъ, а иногда тоже отдавали ихъ въ аренду, съ согласія короля. Это отсутствіе непосредственнаго хозяйскаго управленія и надзора имѣло важныя послѣдствія для Украйны. Подстаросты, управляющіе, арендаторы и прочіе урядники, доставляя опредѣленный контрактами доходъ владѣльцу или старостѣ, естественно хлопотали о томъ, чтобы какъ можно болѣе выжимать изъ населенія доходовъ въ свою пользу, а потому повышали обычные поборы и повинности или изобрѣтали новые съ мѣщанъ и крестьянъ. Въ старыхъ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой такое угнетеніе породило среди русскихъ мѣщанъ поговорку: „отъ Кракова до Чакова всюду бида однакова". Многіе изъ нихъ бѣжали на Украйну, и колонизовали здѣсь пустоши конечно не для того, чтобы снова подпасть тому же гнету отъ подстаростъ, панскихъ урядниковъ и вообще отъ ополяченной шляхты.

Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка большею частію оканчивались льготные сроки для новозаложенныхъ украинскихъ мѣстечекъ и слободъ; поборы и повинности постепенно вступали въ свои права. Происхо-

дившій отъ нихъ гнетъ далеко не былъ такъ тяжелъ для населенія, какъ въ старыхъ областяхъ; но здѣсь успѣло народиться поколѣніе съ другимъ характеромъ. На Волыни и Полѣсьѣ мы не видимъ крестьянскихъ возстаній противъ шляхетскаго гнета; тамъ свой протестъ крестьяне заявляли только бѣгствомъ; но, разумѣется, бѣжали на Украйну преимущественно тѣ, которые отличались сравнительно бо̀льшимъ стремленіемъ къ свободѣ и бо̀льшею предпріимчивостью; а здѣсь на Украйнѣ, при военной организаціи и постоянныхъ военныхъ тревогахъ, естественно вырабатывался еще болѣе свободолюбивый и отважный духъ. Трудно было этому православному малорусскому люду мириться съ тѣмъ, что ненавистная польская или ополяченная шляхта, отъ которой онъ думалъ уйти какъ можно далѣе, шла за нимъ по пятамъ, и здѣсь принималась водворять такіе же соціальные и экономическіе порядки и такое же крѣпостное право, какъ и въ старыхъ областяхъ. За панами и шляхтою шелъ сюда же и другой бичъ Западнорусскаго народа—жидовство съ его безпощадной экономической эксплуатаціей. За нею же слѣдовала латино-уніатская пропаганда. Тогда возобновились вооруженныя противушляхетскія движенія Малорусскаго народа, нашедшія себѣ опору въ казачествѣ ([25]).

Сравнительно мирный періодъ, наступившій для Украйны послѣ мятежа Наливайка и продолжавшійся безъ малаго тридцать лѣтъ (1596—1624), отмѣченъ не только усиленной колонизаціей этого благодатнаго искони русскаго края вообще, но также умноженіемъ и укрѣпленіемъ Малорусскаго казачества въ частности. Тщетно панское или шляхетское правительство Рѣчи Посполитой, чувствуя въ немъ безпокойную и опасную для себя силу, пытается если не совсѣмъ уничтожить казачество, то по крайней мѣрѣ ограничить его возможно меньшими размѣрами, при помощи реестра, и стѣснить его самоуправленіе. Обстоятельства, наоборотъ, благопріятствовали его дальнѣйшему развитію и шли въ разрѣзъ съ намѣреніями пановъ и шляхты. Главнымъ препятствіемъ для ихъ намѣреній служила постоянная нужда въ войскѣ: при своихъ частыхъ войнахъ съ сосѣдями въ эту эпоху, а именно со Шведами, Москвитянами, Татарами и Турками, Рѣчь Посполитая не могла довольствоваться своею туго выставляемою въ поле, а потому немногочисленною земскою ратью или наемными (кварцяными) жолнѣрами. Днѣпровское же казачество представляло всегда готовый и притомъ сравнительно де-

шевый запасъ, изъ котораго государство могло черпать значительное пополненіе своимъ военнымъ силамъ. На югѣ, со стороны Татаръ и Турокъ, это была постоянная, естественная и незамѣнимая оборона польско-русскихъ предѣловъ. Но особенно ростъ и, такъ сказать, разцвѣтъ казачества наступили въ первомъ десятилѣтіи XVII вѣка, когда Рѣчь Посполитая приняла дѣятельное, хотя и неоффиціальное, участіе въ Московской Самозванческой смутѣ и выставила двухъ первыхъ Лжедимитріевъ. Заинтересованное въ успѣхахъ этой смуты, но не выступая пока открыто въ ея пользу, Польское правительство мирволило образованію многихъ вольныхъ отрядовъ, набиравшихся изъ разныхъ слоевъ западнорусскаго населенія, подъ общимъ именемъ казаковъ, и стремившихся въ Московскую Русь ради грабежа и добычи. Съ одной стороны оно тѣмъ усилило, конечно, самый ростъ казачества; а съ другой способствовало еще большему развитію въ немъ своеволія и хищныхъ привычекъ, которыя становились бичемъ не только для сосѣдей, но и для собственныхъ областей.

Разумѣется, въ казачество стремились люди изъ тѣхъ слоевъ населенія, которые подвергались наибольшему гнету со стороны господствующихъ классовъ. Въ XVI вѣкѣ въ немъ преобладалъ элементъ мѣщанскій или городской, къ которому надобно отнести также военнослужилое сословіе бояръ, панцырныхъ и путныхъ; все болѣе и болѣе теряя свои прежнія права, западнорусское боярство, чтобы не попасть въ разрядъ посполъства (крестьянства), переходило въ городовое или осѣдлое казачество. А въ XVII вѣкѣ ряды казаковъ, особенно Запорожцевъ, въ значительной степени пополняли отважнѣйшіе изъ крестьянства, угнетаемаго все болѣе входившимъ въ силу крѣпостнымъ правомъ.

Относительно разныхъ правъ и общественнаго положенія городового малороссійскаго казачества любопытныя данныя находимъ въ помянутой выше люстраціи Кіевскаго воеводства, производимой въ 1616 году, т.-е. въ эпоху, послѣдовавшую за Смутнымъ временемъ Московскаго государства. Наибольшее его количество естественно проживаетъ въ приднѣпровскихъ городахъ, особенно въ старомъ его средоточіи, т.-е. въ Каневскомъ и Черкасскомъ староствахъ. Такъ въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ *послушныхъ* 160, а казацкихъ, которые не хотятъ быть подъ послушенствомъ, 1346; въ Черкасахъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 150, а казацкихъ непослушныхъ 800. Любопытно это различіе: обыкновенно мѣ-

щане, обязанные кромѣ нѣкоторыхъ податей и повинностей также и военною службою, называются „послушными“; тогда какъ казаки—„непослушными“, потому что, какъ объясняетъ люстрація, они „не хотятъ быть подъ послушенствомъ замковымъ“, т.-е. не признаютъ надъ собою власти королевскаго старосты, а хотятъ быть зависимы прямо отъ короля и управляться собственною выборною старшиною, не платить никакихъ податей и быть обязанными только военной службой. Далѣе, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя новопоселенныя слободы Черкасскаго староства: мѣстечко Боровица имѣетъ послушныхъ 500 домовъ, а казацкихъ 100; мѣстечко Ирклей послушныхъ 20, а казацкихъ 300; мѣстечко Голтва послушныхъ 30, а казацкихъ 700, и т. д. Въ другихъ украинскихъ староствахъ число казаковъ сравнительно съ мѣщанскимъ не такъ велико, но въ совокупности все-таки получается довольно большое количество.

Въ это время мы еще не видимъ того законченнаго казацкаго строя и самоуправленія, т.-е. вполнѣ сложившейся войсковой старшины, съ собственнымъ гетманомъ во главѣ, которыхъ встрѣчаемъ въ слѣдующую эпоху. Войсковой выборъ перемѣшивается съ правительственнымъ назначеніемъ. Для казацкаго гетмана почти нѣтъ опредѣленнаго, постояннаго мѣстопребыванія; хотя, повидимому, оно тяготѣетъ пока къ Трахтемирову. Иногда одновременно является нѣсколько гетмановъ въ разныхъ частяхъ Украйны; самый титулъ гетмана еще не установился и нерѣдко замѣняется словомъ *старшой*. Общимъ начальникомъ реестроваго казачества считается польскій коронный гетманъ, отъ котораго зависитъ назначеніе или по крайней мѣрѣ утвержденіе какъ самого старшого, такъ и полковниковъ. Число сихъ послѣднихъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, пока не превышаетъ шести, а именно: Переяславскій, Черкасскій, Каневскій, Чигиринскій, Корсунскій и Бѣлоцерковскій. Слѣдовательно они расположены въ шести староствахъ Кіевскаго воеводства, изъ которыхъ одно Переяславское вполнѣ находится въ лѣвобережной Украйнѣ, а остальныя лежатъ на правой сторонѣ Днѣпра, и только частію на лѣвой, именно Каневское и Черкасское. Количество реестровыхъ казаковъ въ этихъ полкахъ было неравное и нерѣдко мѣнявшееся; однако, по всѣмъ признакамъ, оно обыкновенно опредѣлялось въ тысячу человѣкъ; вотъ почему правительство въ данный періодъ, неблагосклонно относясь къ росту казачества, старается удержать въ реестрѣ не болѣе 6.000. Вообще оно время отъ времени пытается положить предѣлъ стремленію сего городового

казачества къ своему расширенію и размноженію, а также къ собственному выбору своей старшины и полному освобожденію себя отъ старостинскаго уряда.

Хотя все Украинское казачество уже носитъ названіе Войска Запорожскаго, но отношенія городовыхъ или реестровыхъ къ сѣчевикамъ еще не вполнѣ опредѣлились и подвержены всякимъ неладамъ. Запорожье еще не выработало своего отдѣльнаго хозяйства и своего кошевого атамана, и управляется часто смѣняющеюся старшиною или, точнѣе, радою съ ея случайными рѣшеніями. Тогда какъ Запорожье пополнялось неимущими, безземельными и своевольными людьми, голотою или гультяями, по преимуществу бѣглыми крестьянами или хлопами, реестровые владѣли земельными имуществами и разными угодьями, и занимались промыслами; нѣкоторые изъ нихъ отличались особою зажиточностью; простые казаки называли ихъ „дуками“. Само собой разумѣется, что такіе зажиточные казаки и вообще реестровые, занимая въ общественномъ отношеніи ступень между мѣщанами и шляхтою, были болѣе наклонны къ охраненію существующаго порядка (консерваторы) и болѣе привержены къ Рѣчи Посполитой, нежели Запорожцы или вообще казацкая голота и гультяйство. А потому въ казацкихъ движеніяхъ противъ польскаго шляхетства и панства мы пока видимъ частое раздвоеніе и отсутствіе единодушія среди казачества, какъ и вообще среди украинскаго населенія; что и было главною причиною ихъ неудачнаго исхода.

Въ этотъ, такъ сказать, переходный періодъ самымъ виднымъ дѣятелемъ въ развитіи Украинскаго казачества, въ расширеніи и укрѣпленіи его самоуправленія является Петръ Конашевичъ Сагайдачный, едва ли не впервые давшій примѣръ настоящаго казацкаго гетмана, общаго войскового начальника и городовыхъ, и Запорожцевъ.

Сагайдачный—по словамъ его младшаго современника, русскаго шляхтича Ерлича—былъ шляхетскаго происхожденія, родомъ изъ Самбора. Она обучался въ Острожской школѣ, и по тому времени былъ человѣкомъ образованнымъ. Вступивъ въ Запорожское войско, Сагайдачный рано прославился своими военными подвигами противъ Татаръ и Турокъ; за что войско не разъ выбирало его своимъ старшимъ. Особенно онъ прославился и какъ участникъ, и какъ предводитель въ удачныхъ морскихъ походахъ на мусульманскіе города Варну, Кафу, Синопъ и Трапезундъ, въ 1614—1616 гг.; причемъ казаки освободили множество христіанскихъ невольниковъ и

взяли большую добычу. Походы эти навлекли на казаковъ неудовольствіе и даже гоненіе отъ правительства Рѣчи Посполитой, такъ какъ морскіе набѣги Запорожцевъ вызвали сильное раздраженіе въ Константинополѣ. По повелѣнію султана, Крымскіе и Буджацкіе Татары спѣшили въ свою очередь внезапно вторгаться въ предѣлы Югозападной Руси, жечь ее, разорять и уводить множество плѣнныхъ; кромѣ того султанъ не разъ грозилъ жестокою войною, если не прекратятся казацкіе набѣги на его владѣнія. Поэтому Сигизмундъ III и вообще Польское правительсто пытается укротить казаковъ, приказываетъ имъ сидѣть смирно, не ходить на море и быть послушными коронному гетману; въ то же время оно отправляетъ особыхъ комиссаровъ для ихъ переписи и водворенія между ними порядка, а въ случаѣ ихъ непослушанія предписываетъ украинскимъ воеводамъ не посылать на Низъ никакихъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ.

Въ 1617 году на урочищѣ Старая Ольшанка на берегу р. Роси королевскіе комиссары, съ гетманомъ Жолкевскимъ во главѣ и подъ прикрытіемъ кварцянаго войска, заключили съ казаками договоръ; причемъ взяли съ нихъ письменное обязательство на слѣдующихъ условіяхъ: не ходить войною на Турецкія владѣнія, исключить изъ своихъ списковъ всѣхъ людей простого званія, получать своего старшого изъ рукъ короннаго гетмана, безъ позволенія сего послѣдняго не уходить съ своихъ мѣстъ, и на нихъ отбывать свою службу; за это именемъ короля комиссары назначили реестровымъ казакамъ 10.000 злотыхъ жалованья и 700 поставовъ каразеи, т.-е. простого сукна. По сему договору казаки оставили только за собой право просить короля и сеймъ объ увеличеніи ихъ числа, слишкомъ ограниченнаго комиссарами и недостаточнаго для охраны границъ.

Но подобные договоры и обязательства скоро уничтожались самою силою вещей. Уже въ слѣдующемъ 1618 году Полякамъ понадобилась казацкая помощь. Извѣстно, что королевичъ Владиславъ, предпринявшій походъ на Москву, въ качествѣ претендента на ея корону, но встрѣтившій довольно дружное сопротивленіе, очень нуждался въ подкрѣпленіи. Его выручилъ гетманъ Сагайдачный, который привелъ 20.000 казаковъ, помогъ ему съ честію окончить войну и заключить выгодное для Поляковъ Деулинское перемиріе. Разумѣется, эти 20.000 казаковъ, набранные изъ всякихъ людей и преимущественно изъ бѣглыхъ крестьянъ, послѣ того нелегко было бы вновь возвратить въ ихъ прежнее состояніе, и тѣмъ

болѣе, что Сагайдачный пріобрѣлъ теперь большое значеніе и уваженіе не только среди Украинскаго народа, но и въ глазахъ самого Польскаго правительства. Благодаря чему, онъ могъ заняться болѣе прочнымъ устройствомъ украинскаго казачества. Въ грамотахъ онъ именуетъ себя „гетманомъ войска королевской милости Запорожскаго“. А подъ Запорожскимъ войскомъ въ это время разумѣется все казачество—реестровые и сѣчевики.

Мѣстопребываніемъ его, кажется, служилъ Трахтемировъ; по крайней мѣрѣ симъ мѣстомъ обозначены нѣкоторые его грамоты и приказы. Но коронный гетманъ Жолкевскій косо смотрѣлъ на усиливающееся значеніе казацкаго гетмана и умноженіе казачества. Въ слѣдующемъ 1619 году, находясь на р. Раставицѣ, пониже мѣстечка Паволочи, Жолкевскій, опять во главѣ королевской комиссіи, заключилъ съ казаками новый договоръ, которымъ въ главныхъ чертахъ подтверждены были обязательства предыдущаго или Ольшанскаго. Этотъ новый договоръ былъ собственноручно подписанъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ съ титуломъ не гетмана, а просто „старшого“.

Сагайдачный былъ очень преданъ православной церкви; онъ съ горечью смотрѣлъ на чинимыя ей притѣсненія и на успѣхи уніи, и первый изъ казацкихъ гетмановъ открыто, энергично старался вдохнуть украинскому казачеству ревность къ вѣрѣ отцовъ и сдѣлать его главною опорою въ борьбѣ съ уніей. Такъ какъ ходатайства передъ королемъ о нарушенныхъ правахъ Русской церкви оставались пока безъ удовлетворенія, а стремленія Поляковъ сократить и ослабить казачество возобновились, то знаменитый гетманъ невольно обратилъ свои взоры въ другую сторону: на православную Москву. По крайней мѣрѣ къ этому времени относится его посольство къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, противъ котораго онъ только что сражался подъ польскимъ знаменемъ. Поводомъ къ сему посольству послужилъ удачный походъ пяти тысячъ Запорожцевъ на Крымскихъ татаръ въ 1619 году: Запорожцы доходили до Перекопа, разбили здѣсь Крымцевъ и освободили многихъ плѣнныхъ христіанъ. Сагайдачный отправилъ въ Москву атамана Одинца съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ, съ двумя плѣнными Татарами, съ предложеніемъ служить Москвѣ противъ Крымцевъ и съ просьбою о царскомъ жалованьѣ.

Посольство прибыло въ Москву въ февралѣ 1620 года передъ наступленіемъ Великаго поста. Московское правительство, ко-

нечно, было послѣдовательнѣе и тактичнѣе казацкой старшины: руководимое въ то время патріархомъ Филаретомъ, оно отнеслось къ посольству осторожно, не желая нарушить только что происшедшаго замиренія съ Польшею. Казаковъ принималъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а „свѣтлыхъ царскихъ очей они не видали“: имъ объяснили, что въ постъ Его царское величество ѣздитъ молиться по святымъ мѣстамъ, и пріема иноземныхъ пословъ въ это время не бываетъ. Одинца и его товарищей одарили деньгами, камками, тафтами и сукнами; а Запорожскому войску посланы отъ царя „легкое жалованье триста рублевъ“ и похвальная грамота на имя гетмана; при чемъ его предложеніе воевать опять Крымцевъ отклонено на томъ основаніи, что Москва находилась тогда съ ними въ мирѣ. Казацкіе послы съ своей стороны на сей разъ вели себя сдержанно. На вопросъ думнаго дьяка Граматина, нѣтъ ли какого посяганья на ихъ вѣру отъ Поляковъ, они отвѣчали, что „посяганья отъ короля никакого не бывало“. Очевидно, Сагайдачный завязывалъ сношенія съ Москвою на всякій случай; но еще не думалъ разрывать съ Поляками, не хотѣлъ пока жаловаться на унію, и продолжалъ показывать себя преданнымъ слугою короля, несмотря на то, что послѣ Раставицкаго договора отношенія его съ Поляками и особенно съ гетманомъ Жолкевскимъ были въ то время натянутыя. Мы видѣли, что въ томъ же 1620 году Сагайдачный воспользовался прибытіемъ въ Кіевъ возвращавшагося изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Θеофана, чтобы возобновить русскую православную іерархію. Обстоятельства вскорѣ помогли ему добиться для этой іерархіи терпимости отъ Польскаго правительства.

Жолкевскій отнюдь не желалъ еще болѣе поднимать военную славу Сагайдачнаго; а потому, отправляясь въ свой послѣдній походъ противъ Турокъ, на помощь Волохамъ, онъ не пригласилъ его съ собою, и, пренебрегая Запорожскимъ войскомъ, ограничился двухтысячнымъ отрядомъ реестровыхъ. Знаменитый польско-русскій гетманъ жестоко поплатился за такое пренебреженіе. Имѣя менѣе 10.000 человѣкъ и неосторожно углубившись въ Молдавскія степи, Жолкевскій встрѣтился съ непріятельскимъ полчищемъ, въ шесть или семь разъ болѣе многочисленнымъ. Оно состояло изъ Турокъ, предводимыхъ Скиндеръ-башею, Буджацкихъ татаръ съ Кантемиръ-мурзою и Крымскихъ татаръ съ калгой-султаномъ. Жолкевскій началъ отступленіе, двигаясь таборомъ, т.-е. въ подвижномъ укрѣп-

леніи изъ возовъ, связаныхъ желѣзными цѣпями. Но на берегахъ Днѣстра, на поляхъ Цецорскихъ польское войско потерпѣло совершенное пораженіе (въ концѣ сентября 1620 года). Жолкевскій нашелъ свой конецъ въ этой битвѣ. Его товарищъ или польный гетманъ, Конецпольскій, оба сына и много другихъ знатныхъ людей взяты въ плѣнъ. Въ этой же битвѣ участвовалъ будущій освободитель Украйны Богданъ Хмѣльницкій со своимъ отцомъ Михаиломъ, чигиринскимъ сотникомъ; послѣдній былъ убитъ, а Богданъ попалъ въ татарскій плѣнъ. Послѣ такого погрома, естественно, Польское правительство вновь почувствовало нужду въ казацкомъ войскѣ, и, чтобы приготовить силы для отпора ожидавшемуся турецко-татарскому нашествію, вновь обратилось за совѣтомъ и помощью къ Сагайдачному. Онъ ревностно принялся собирать и вооружать казацкіе полки; а между тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, охранилъ отъ преслѣдованій Кіевскаго митрополита и русскихъ епископовъ, поставленныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ.

Сагайдачный былъ тогда въ такомъ почетѣ у короля, что, по словамъ русскаго лѣтописца, тотъ поручилъ его охранѣ и попеченію своего сына Владислава, котораго назначилъ общимъ начальникомъ ополченія, отправлявшагося противъ Турокъ. Подъ нимъ польско-литовскимъ войскомъ начальствовалъ извѣстный намъ по Смутному времени великій литовскій гетманъ Янъ Кароль Ходкевичъ. Это кварцяное войско заключало въ себѣ съ небольшимъ 30.000 человѣкъ. Оно стало укрѣпленнымъ лагеремъ на Днѣстрѣ подъ стѣнами Хотина. Сагайдачный привелъ ему на помощь, если вѣрить лѣтописцамъ, до 40.000 Запорожскихъ и вообще Украинскихъ казаковъ. Онъ расположился тоже укрѣпленнымъ лагеремъ, т.-е. окопался, неподалеку, но отдѣльно отъ польско-литовскаго войска. Старшимъ собственно реестровыхъ казаковъ былъ нѣкто Бородавка, котораго Жолкевскій, кажется, хотѣлъ противопоставить Сагайдачному. Когда этотъ Бородавка явился подъ Хотинымъ съ трехтысячнымъ отрядомъ, его предали военному суду за то, что онъ опоздалъ своимъ прибытіемъ, занимаясь въ походѣ пріобрѣтеніемъ добычи. По приговору суда, сами казаки отрубили ему голову. Возможно, что казнь сія имѣла связь съ желаніемъ устранить непріятнаго Сагайдачному соперника.

Молодой султанъ Османъ двинулъ подъ Хотинъ огромное войско (до 300.000) подъ личнымъ своимъ предводительствомъ. Его сопровождали татарскія орды съ Джанибекъ-Гиреемъ Крымскимъ

и Кантемиръ-мурзою Буджацкимъ. Турки попытались сначала разгромить казаковъ и напали на ихъ лагерь, но встрѣтили жестокій отпоръ. Послѣ того они обложили христіанъ и стали добывать ихъ и осадой, и штурмами. Межъ тѣмъ нѣсколько тысячъ казаковъ спустились въ Черное море, погромили турецкій галерный флотъ, и такимъ образомъ прервали морскія сообщенія Османа съ Царьградомъ. Борьба подъ Хотинымъ продолжалась пять недѣль, съ начала сентября по 6 октября 1621 года. Потерявъ множество народу и не добившись побѣды, Османъ, наконецъ, предложилъ миръ, который и былъ немедленно заключенъ на почетныхъ для Польши условіяхъ. Польско-казацкое войско въ этой отчаянной борьбѣ также понесло большія потери. Владиславъ и Ходкевичъ занемогли лихорадкой; молодой королевичъ оправился, а престарѣлый гетманъ умеръ до конца осады; послѣ него предводительство вручено князю Станиславу Любомірскому.

Конашевичъ Сагайдачный, развернувшій тутъ вполнѣ свои военные таланты и, можно сказать, спасшій Польшу отъ жестокаго разгрома, получилъ тяжелыя раны. Послѣ этого похода онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ и пребывалъ въ собственномъ домѣ на попеченіи своей жены. Сигизмундъ III за Хотинскій походъ прислалъ ему и всему войску Запорожскому въ награду деньги, хоругвь, булаву и пр., вмѣстѣ съ похвальною грамотой, которою подтверждалъ старыя войсковыя права и вольности; обѣщалъ даровать еще большія. Сагайдачный въ отвѣтѣ своемъ и въ предсмертномъ письмѣ вмѣстѣ съ благодарностью не упустилъ случая излить свою скорбь на притѣсненія Украинскому народу отъ пановъ и старостъ, а также и отъ уніи. Передъ смертью гетманъ сдѣлалъ большіе вклады въ разные монастыри, особенно въ Кіево-Богоявленское братство, котораго онъ былъ братчикомъ; кромѣ того отказалъ полторы тысячи червонцевъ на школу Львовскаго братства. Душеприкащиками онъ назначилъ митрополита Іова Борецкаго и своего преемника по гетманству Олифера Голуба. Сагайдачный скончался 10 апрѣля 1622 года и былъ погребенъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ при училищной церкви. Ректоръ этого училища Касьянъ Саковичъ, по обычаю того времени, сочинилъ пространныя вирши, восхвалявшія его подвиги. Эти вирши и были читаны студентами при обрядѣ погребенія.

Въ Сагайдачномъ Украйна потеряла человѣка, который умѣлъ до нѣкоторой степени объединять разные слои населенія, поднимая

знамя православія и Русской народности, а въ тоже время ладилъ съ польскимъ правительствомъ и панами. Послѣ его смерти отношенія опять стали обостряться, особенно вслѣдствіе неудержимаго стремленія пановъ и шляхты къ закрѣпощенію не только простого народа, но даже и людей служилаго сословія. Какъ примѣръ этого стремленія похолопить всѣхъ, кого можно, укажемъ на жалобу нѣсколькихъ служилыхъ литовскихъ Татаръ, съ поручникомъ Барашомъ во главѣ, записанную въ Луцкомъ гродскомъ судѣ, въ 1619 г. Барашъ съ товарищами заявилъ, что князь Янушъ Острожскій нанялъ ихъ на время въ свою службу, а теперь не отпускаетъ отъ себя и „хочетъ ихъ, людей вольныхъ, себѣ заневолить". Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшилась эта жалоба; но въ слѣдующемъ 1620 г. окатоличенный и ополяченный сынъ знаменитаго князя Василія-Константина скончался; съ нимъ прекратилось мужское потомство князей Острожскихъ; его обширныя имѣнія на Волыни и Украйнѣ перешли къ родственной фамиліи князей Заславскихъ.

Другая часть огромныхъ Острожскихъ владѣній досталась его племянницѣ Аннѣ-Алоизѣ Александровнѣ. Эта внучка знаменитаго ревнителя православія, оставшись молодой вдовой послѣ своего мужа, умершаго подъ Хотинымъ литовскаго гетмана Яна Карла Ходкевича, подпала полному вліянію іезуитовъ и свои богатства употребила на служеніе католичеству и уніи, а православіе подвергла гоненію. На мѣсто извѣстнаго дѣдовскаго училища, она основала въ Острогѣ іезуитскій коллегіумъ и начала строить для него громадное зданіе. Ея ханжество простиралось до того, что кости своего православнаго отца, князя Александра, покоившіяся въ замковомъ Богоявленскомъ храмѣ, она велѣла вынуть изъ склепа, освятить посредствомъ іезуитовъ и отвезти въ католическій костелъ.

Выше мы замѣтили, что къ данному времени начали оканчиваться льготные сроки для украинскихъ новопоселенныхъ слободъ, и землевладѣльцы вступали во всѣ свои права; что на Украйнѣ хотя гнетъ отъ владѣльцевъ и арендаторовъ и не былъ такъ тяжелъ, какъ въ старыхъ областяхъ, но тутъ сложился другой характеръ населенія. А потому попытки закрѣпощенія не замедлили вызвать новое движеніе среди сельскаго населенія: свободолюбивые люди уходили и селились далѣе въ степяхъ или бѣжали за Пороги и перечислялись такимъ образомъ въ казаки, т.-е. въ вольный военно-служилый классъ. Паны конечно не признавали этой воли, и на-

чали тѣснить казаковъ, стараясь силою воротить ихъ въ крѣпостное состояніе. Отсюда возникъ цѣлый рядъ казацкихъ возстаній, отъ Жмайла до Хмѣльницкаго включительно (1624—1648 гг.).

Въ 1623 году, когда послѣ убіенія Іосафата Кунцевича возобновилось усиленное гоненіе на православіе, было рѣшено принять мѣры для обузданія и сокращенія казачества, а также для недопущенія ихъ пиратскихъ походовъ въ Черное море. Съ этою цѣлью назначена была на Украйну новая военносудная комиссія. Но казаки вооруженною рукою воспротивились ея дѣйствіямъ. Во главѣ возстанія сталъ атаманъ Жмайло, около котораго собралось значительное войско Запорожскихъ и отчасти реестровыхъ казаковъ. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ Крымцами и звалъ ихъ на помощь. Онъ расположился обозомъ подъ Крыловымъ (на р. Тясминѣ). Противъ Жмайла съ кварцянымъ войскомъ и панскими вспомогательными отрядами выступилъ самъ коронный гетманъ Конецпольскій, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего вѣка, достойный преемникъ и зять гетмана Жолкевскаго. Въ его войскѣ находилось и большинство реестровыхъ казаковъ.

Тѣснимый гетманомъ, Жмайло отступилъ въ лѣсистую, болотистую мѣстность, называвшуюся Медвѣжьими Лозами. Тутъ у озера Курукова гетманъ догналъ его и принудилъ къ рѣшительной битвѣ. Казаки дрались отчаянно; но перевѣсъ военнаго искусства и особенно артиллеріи былъ на сторонѣ Поляковъ. Казаки вступили въ переговоры. Они предъявили разныя требованія, въ томъ числѣ: чтобы имъ не запрещали ходить на море за добычей, такъ какъ королевское жалованье имъ слишкомъ скудно или совсѣмъ до нихъ не достигаетъ; чтобы Греческая вѣра не терпѣла никакихъ притѣсненій, чтобы они сами выбирали себѣ гетмана и пр. Послѣ многихъ переговоровъ, польскіе комиссары, съ Конецпольскимъ во главѣ, заключили съ казаками такъ наз. Куруковскій договоръ, въ ноябрѣ 1625 года. Казацкая старшина присягнула на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: реестровое войско опредѣляется въ 6.000 человѣкъ съ жалованьемъ по 60.000 злотыхъ въ годъ, кромѣ особаго жалованья старшому, обозному, писарю, двумъ эсауламъ, полковникамъ и пр. Остальные казаки должны быть выписаны изъ войска и возвращены въ прежнее состояніе, т.-е. подъ власть или королевскихъ старостъ, или своихъ пановъ-землевладѣльцевъ. Старшой назначается и во всякомъ случаѣ утверждается короннымъ гетманомъ; за Порогами должна стоять сторожа въ 1.000 человѣкъ для охраны границы отъ Татаръ и недопущенія ихъ переправляться черезъ

Днѣпръ. Для этой стражи чередуются извѣстные шесть полковъ: Переяславскій, Черкасскій, Чигиринскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій. Всѣ морскія чайки должны быть сожжены и казаки не должны безъ позволенія королевскаго ходить въ море ни Днѣпромъ, ни другими рѣками и мира съ Турками не нарушать. Старшимъ на мѣсто Жмайла Канецпольскій назначилъ Михаила Дорошенка.

Въ слѣдующемъ году тяжелый для Украйны Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ покинулъ южные предѣлы Рѣчи Посполитой, и направился на сѣверъ въ польскую часть Пруссіи, куда шведскій король Густавъ Адольфъ изъ Лифляндіи перенесъ войну съ Поляками. Намѣстникомъ своимъ на Украйнѣ гетманъ оставилъ шляхтича Стефана Хмелецкого. Этотъ храбрый и талантливый военачальникъ умѣлъ поладить съ реестровымъ казачествомъ и, опираясь на него, въ теченіе трехъ лѣтъ удачно оберегалъ южныя границы отъ нападенія Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ, которые не разъ терпѣли отъ него сильныя пораженія. Въ награду за свои подвиги незнатный шляхтичъ былъ назначенъ Кіевскимъ воеводою; но онъ умеръ, не успѣвъ вступить въ эту должность (1630 г.). Около того времени, по замиреніи со Шведскимъ королемъ, воротился на югъ съ кварцянымъ войскомъ суровый гетманъ Конецпольскій. Не имѣя чѣмъ уплатить жалованье войску и опасаясь обычнаго въ подобныхъ случаяхъ бунта, онъ расположилъ своихъ жолнѣровъ на Украйнѣ такимъ образомъ, чтобы хоругви были отдѣлены одна отъ другой большимъ разстояніемъ; слѣдовательно, онѣ не могли бы легко сговориться и поднять бунтъ. Это обстоятельство послужило въ свою очередь тоже къ бунту, но только не польскихъ наемниковъ, а казаковъ.

Постой буйныхъ и хищныхъ жолнѣровъ легъ тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе. Особенно волновался тотъ классъ обывателей, который назывался „выписчиками“: они временно успѣли побывать въ казакахъ, но были выписаны изъ реестра. Изъ этой среды выступили агитаторы, которые начали возбуждать народъ и смущать его разными слухами, въ родѣ того, что Поляки задумали истребить сначала всѣхъ казаковъ, а потомъ и весь Русскій народъ. Духовенство охотно поддерживало подобные слухи и указывало на продолжавшіяся утѣсненія православной церкви отъ латинянъ и уніатовъ. Говорятъ, будто бы кромѣ того въ народѣ дѣйствовали агенты московскіе и шведскіе. Какъ бы то ни было въ краѣ появились отряды казацкой вольницы, которые стали врасплохъ

нападать на Поляковъ, и нѣсколько ихъ хоругвей перебили. Мятежники воспользовались захваченнымъ у нихъ оружіемъ. Тогда Конецпольскій поспѣшилъ сосредоточить войско, и изъ города Бара, своей гетманской резиденціи, разослалъ универсалъ, приглашавшій шляхту спѣшить на соединеніе съ кварцянымъ войскомъ противъ казаковъ, а напередъ себя отправилъ на Украйну коронпаго стражника Самуила Лаща. Преувеличенные слухи о неистовствахъ сего послѣдняго надъ жителями подлили только масла въ огонь. Тысячи украинской голоты собрались на Запорожьѣ, и тамъ выбрали себѣ гетманомъ нѣкоего Тараса Ѳедорбвича. Запорожцы обманомъ захватили преемника Дорошенки, т.-е. старшого реестровыхъ казаковъ, по имени Григорія Чернаго, и казнили его за то, что онъ держалъ сторону Ляховъ и уговаривалъ казаковъ къ покорности. Реестровые раздѣлились: одна часть ихъ осталась вѣрна Рѣчи Посполитой, а другая пристала къ возстанію. Тарасъ съ своимъ войскомъ укрѣпился на правой сторонѣ Днѣпра подъ Переяславомъ. Сюда же явился и Конецпольскій. Произошли ожесточенныя битвы, въ которыхъ, по словамъ польскаго хрониста, польской шляхты пало болѣе чѣмъ за всю Прусскую войну. Борьба окончилась побѣдою Поляковъ. Казаки изъявили покорность, присягнули на условіяхъ Куруковскаго договора и выдали зачинщиковъ. На мѣсто Григорія Чернаго Конецпольскій поставилъ Тимоша, прозваніемъ Арандаренка (1630 г.).

Во время междуцарствія, наступившаго по смерти Сигизмунда III, когда на Конвокаційномъ сеймѣ поднялись со стороны диссидентовъ и православныхъ жалобы на притѣсненія, казаки также чрезъ своихъ пословъ выступили съ разными требованіями. Гетманъ казацкій Иванъ Петржицкій въ іюнѣ 1632 года двинулся съ войскомъ, чтобы поддержать эти требованія. Но на Волыни, на границѣ имѣній князя Острожско-Заславскаго, агентъ его остановилъ казаковъ и упросилъ ихъ не идти далѣе. Въ ожиданіи возвращенія своихъ пословъ, они расположились между Уманью и Овручемъ. Агентъ Заславскаго доложилъ своему князю, что, хотя гетманъ показываетъ число реестровыхъ казаковъ у себя въ 16.000, но въ дѣйствительности оно по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, и что между ними онъ видѣлъ много хлоповъ. Очевидно, помянутые выше договоры не исполнялись, и войско Запорожское продолжало принимать въ свою среду бывшихъ крестьянъ. Казацкимъ посламъ поручено было на сеймѣ указать на заслуги Запорожскаго войска при оборонѣ границъ, и за-

тѣмъ требовать: участія въ избраніи короля, обезпеченія православной вѣры отъ уніатскихъ притѣсненій, расширенія своихъ вольностей, увеличенія реестра, прибавки жалованья и пр. Сеймъ отклонилъ ихъ требованія. Относительно участія въ избраніи короля, котораго казаки домогались какъ члены Рѣчи Посполитой, сеймъ отвѣчалъ, что короля выбираютъ только люди шляхетскаго званія, а что казаки если и члены Рѣчи Посполитой, то въ родѣ волосъ и ногтей, которые обрѣзаютъ, когда они слишкомъ отростутъ. Но такъ какъ въ короли былъ выбранъ именно тотъ, кого казаки сами предлагали, т.-е. Владиславъ, пользовавшійся ихъ расположеніемъ, то Запорожское войско было довольно, и тѣмъ болѣе что новый король, какъ мы знаемъ, обнаружилъ вѣротерпимость и прекратилъ было гоненіе на православную церковь. Первые годы его царствованія прошли въ мирѣ съ Запорожцами, и сіи послѣдніе, какъ мы видѣли, оказали ему большія услуги при освобожденіи Смоленска отъ осады Шеина. Но такъ какъ казаки не хотѣли отстать отъ своихъ морскихъ набѣговъ на турецкіе берега, то Польское правительство рѣшило при началѣ Пороговъ построить крѣпость Кодакъ, которая должна была запереть казацкимъ чайкамъ дорогу по Днѣпру въ море.

Не успѣли еще докончить Кодакскія укрѣпленія, какъ атаманъ Сулима, прославившійся своими удачными морскими походами, поспѣшилъ уничтожить эту преграду. Предводительствуя нѣсколькими тысячами Запорожцевъ, онъ внезапно ночью ворвался въ крѣпость, истребилъ малочисленный ея гарнизонъ, начальника его француза Морьона велѣлъ казнить, а укрѣпленія разрушить (1635 г.). Этимъ событіемъ возобновилась ожесточенная борьба казачества съ Поляками. Гетманъ Конецпольскій угрозами заставилъ реестровыхъ схватить и выдать Сулиму съ главными его товарищами въ руки правительства. Они были казнены въ Варшавѣ. Передъ казнію Сулима, Богъ вѣсть зачѣмъ, принялъ католичество. Одному изъ осужденныхъ его товарищей, по имени Павлюку, канцлеръ Ѳома Замойскій (сынъ знаменитаго Яна Замойскаго) выпроеилъ у короля пощаду. И этотъ-то Павлюкъ явился во главѣ слѣдующаго казацкаго возстанія.

Причиною новаго возстанія былъ все тотъ же усиливающійся гнетъ отъ подстаростъ и другихъ старостинскихъ урядниковъ въ королевскихъ земляхъ, отъ управителей и арендаторовъ-жидовъ въ панскихъ имѣніяхъ; поборы и повинности все увеличивались, и продолжалось стремленіе шляхты къ закрѣпощенію простого народа, со включе-

ніемъ такъ наз. выписчиковъ или тѣхъ людей, за которыми она не признавала казацкаго званія. Недовольные по обычаю уходили на Запорожье. Когда они вновь скопились тамъ въ большомъ числѣ, то выбрали своимъ гетманомъ Павлюка и подняли знамя бунта. (1637 г.). Реестровые со своимъ старшимъ Саввою Кононовичемъ хотѣли остаться покорными Рѣчи Посполитой. Новоизбранный гетманъ послалъ на него нѣсколько тысячъ Запорожцевъ съ полковникомъ Скиданомъ, который захватилъ Кононовича въ Переяславѣ. Павлюкъ велѣлъ его разстрѣлять. Украйна закипѣла шайками поднявшихся хлоповъ, которые бросились грабить и жечь панскіе дворы и фольварки, причемъ тщательно забирали всякое оружіе.

Съ особою силою мятежъ разлился въ обширной Заднѣпровской Вишневечинѣ. Шляхта спасалась бѣгствомъ въ укрѣпленные города и замки. Коронный гетманъ Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ сторожилъ тогда южную границу отъ угрожавшихъ ей Турокъ, и потому двинулъ противъ мятежниковъ своего товарища или польнаго гетмана Николая Потоцкаго съ небольшимъ отдѣломъ кварцяныхъ жолнѣровъ. Эти жолнѣры также готовы были взбунтоваться отъ неуплаты жалованья. Но Потоцкій ихъ успокоилъ. Сынъ одного изъ самыхъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ, онъ возбудилъ къ дѣятельной оборонѣ своихъ товарищей, украинскихъ пановъ, которые явились къ нему на помощь съ вооруженными отрядами; въ ихъ средѣ главное мѣсто занималъ Еремія Вишневецкій.

Въ лагерѣ возставшихъ казаковъ не было единодушія: большая часть реестровыхъ осталась вѣрна Полякамъ и соединилась съ Потоцкимъ; а другая часть хотя и пристала къ Запорожцамъ, но дѣйствовала осторожно и неохотно. Самъ Павлюкъ оказался ниже своей задачи. Онъ звалъ на помощь себѣ Крымскаго хана; но тотъ его обманулъ; такимъ образомъ пропущено было лѣто, т.-е. самое удобное для казаковъ время, и только въ декабрѣ казацкій гетманъ двинулся изъ Запорожья на Украйну, гдѣ дѣйствовалъ полковникъ Скиданъ. Подъ Кумейками (къ югу отъ Канева) онъ неожиданно столкнулся съ Потоцкимъ, у котораго передовымъ отрядомъ начальствовалъ извѣстный разбойникъ и лихой наѣздникъ Самуилъ Лащъ. Произошла жестокая битва. Несмотря на превосходство въ числѣ и отчаянную храбрость Запорожской голоты, польское военное искусство, болѣе крѣпкая дисциплина, лучшее вооруженіе и артиллерія начали брать верхъ. Тогда конница реестровыхъ и самъ Павлюкъ съ главными помощниками покинули поле бит-

вы. Поляки ворвались въ казацкій таборъ, и битва обратилась въ безпощадное избіеніе голоты. Но тутъ выдвинулся своимъ мужествомъ и распорядительностію нѣкто Димитрій Томашевичъ Гуня: онъ сумѣлъ устроить новый таборъ, въ которомъ до ночи оборонялся со своимъ отрядомъ, а ночью ускользнулъ съ нимъ изъ рукъ побѣдителей. Павлюкъ съ остатками разбитаго войска окопался въ мѣстечкѣ Боровицѣ. Здѣсь православный украинскій панъ Адамъ Кисель выступилъ посредникомъ между Поляками и казаками. Онъ поклялся на томъ, что жизнь Павлюка и его товарищей будетъ пощажена, и уговорилъ казаковъ выдать ихъ въ знакъ своей покорности. (Скиданъ и Гуня скрылись). Уполномоченные Запорожскаго войска присягнули вновь на исполненіе Куруковскаго договора: казакамъ окончательно предоставлено было право выбирать только старшину полковую; а войсковую, т.-е. старшого и эсауловъ, назначалъ коронный гетманъ; всѣ лодки на Запорожьѣ они должны были сжечь, а приставшую къ нимъ чернь выдать. При войскѣ долженъ былъ состоять правительственный комиссаръ, который собственно и вѣдалъ его дѣлами и резиденціей котораго назначенъ казацкій городъ Трахтемировъ. Старшимъ надъ реестровыми теперь поставленъ былъ переяславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ. Онъ подписалъ присягу вмѣстѣ съ пятью другими полковниками, Черкасскимъ, Каневскимъ, Чигиринскимъ, Корсунскимъ и Бѣлоцерковскимъ. Присяга была скрѣплена войсковою печатью и подписью войскового писаря Богдана Хмѣльницкаго, который въ этой войнѣ вмѣстѣ съ названными полковниками оставался вѣрнымъ Рѣчи Посполитой. Присяжная грамота помѣчена 24-мъ декабря 1637 года.

Сеймъ 1638 года не призналъ для себя обязательной клятву Адама Киселя о пощадѣ Павлюка съ товарищами, и они были казнены въ Варшавѣ. Расказываютъ, что передъ казнію на голову Павлюка хотѣли надѣть раскаленную желѣзную корону и дать ему въ руки такой же скипетръ, потому будто бы, что онъ хвасталъ взять самую Варшаву и тамъ короновать себя королемъ. Но Владиславъ IV избавилъ его отъ такихъ продолжительныхъ мукъ.

Мятежъ былъ подавленъ только на правой сторонѣ Днѣпра. Благодаря случившемуся тогда на немъ ледоходу, сообщенія съ Заднѣпровской Украйной на время прекратились, и тамъ шайка гультяевъ продолжала свирѣпствовать въ панскихъ имѣніяхъ, т.-е. жечь и грабить панскіе дворы, избивать панскую челядь и жидовъ. Но когда Днѣпръ покрылся льдомъ, Потоцкій перевелъ свои хоругви на

лѣвую сторону и успѣлъ до нѣкоторой степени очистить ее отъ казацкихъ шаекъ. Около этого времени до 4.000 Запорожцевъ хотѣли пробраться въ Персію, чтобы наняться къ шаху и служить ему въ войнѣ съ Турками; но дорогою они, по приглашенію Донцовъ, соединились съ ними, и вмѣстѣ взяли у Турокъ Азовъ.

Казачество, особенно въ Заднѣпровской Украйнѣ, притихло только до весны. Зима была самымъ неудобнымъ временемъ для казацкой войны, потому что лишала ихъ обычныхъ прикрытій и убѣжищъ. Только лѣтомъ казаки пріобрѣтали полную свободу для своихъ дѣйствій. Тогда къ ихъ услугамъ являлись болота, камыши, лѣсныя поросли, яры и балки; тутъ они были въ своей стихіи, и, опираясь на эти убѣжища, могли дѣйствовать съ большею увѣренностію и отвагою.

Межъ тѣмъ, разносимые по Украйнѣ, преувеличенные слухи о страшныхъ жестокостяхъ, съ которыми паны и жолнѣры торжествовали свою побѣду, о намѣреніи Ляховъ истребить весь православный Русскій народъ, о всевозможныхъ притѣсненіяхъ и вымогательствахъ жидовъ-арендаторовъ и т. п. распаляли народныя страсти и возбуждали непримиримую ненависть къ господству Ляховъ и Жидовъ. Весною 1638 года въ Заднѣпровьѣ снова поднялись толпы голоты, снова запылали панскіе дворы и хутора и полилась кровь. Во главѣ возстанія теперь стали, уже отличившіеся въ предыдущемъ году и спасшіеся изъ рукъ Ляховъ, Остраница и Гуня, полковники Скиданъ, Путивлецъ, Филоненко и др. Выбранный гетманомъ войска Запорожскаго, Яцко Остраница или Остранинъ (изъ города Остра), расположился таборомъ въ Базавлуцкой Сѣчи, и въ мартѣ 1638 года издалъ универсалъ или посланіе ко всему казачеству обѣихъ сторонъ Днѣпра. Въ этомъ посланіи онъ разсказываетъ, какъ нѣкій Геродовскій, начальствовавшій въ городѣ Острѣ, прошлою зимою мучилъ отца Остранина, семидесятилѣтняго старика, за то, что онъ не могъ доставить наложенное на него количество сыру и масла для собакъ Геродовскаго, а послѣ и за то, что у него не оказалось венгерскаго вина, котораго потребовалъ начальникъ при своемъ посѣщеніи. Отъ мукъ и побоевъ старикъ умеръ. Геродовскій велѣлъ избить до полусмерти также и брата Остранинова, который послѣ того убѣжалъ въ Сѣчь. Затѣмъ универсалъ указывалъ Малорусскому народу вообще на тиранство Ляховъ, на избиваемыхъ отцовъ и братьевъ, на матерей, женъ и сестеръ, подвергаемыхъ безчестью, обливаемыхъ водою въ трескучіе морозы, или запрягае-

мыхъ въ плуги на подобіе воловъ и подгоняемыхъ жидовскими бичами, по приказу Ляховъ; указывалъ на гоненія православныхъ, насильственное обращеніе въ унію и т. д. Остранинъ призывалъ народъ вооружаться противъ Ляховъ и спѣшить къ нему на соединеніе. Онъ совѣтовалъ дѣлать это втайнѣ отъ реестровыхъ казаковъ, называя ихъ „отродками и отщепенцами“, которые ради своихъ выгодъ и корысти помогали Ляхамъ въ предыдущей Кумейской войнѣ. Этотъ универсалъ посредствомъ расторопныхъ казаковъ былъ разосланъ въ округи Черкасскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій на правой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій на лѣвой. Начальники возстанія кромѣ того звали на помощь и Крымцевъ, и Донцовъ; но Крымцы отказались, а Донцы были тогда заняты Азовомъ. Реестровые казаки не пристали къ Запорожцамъ и сражались противъ нихъ въ рядахъ польскаго войска.

Предводимые Остраниномъ и Скиданомъ, Запорожцы съ Днѣпра двинулись на его лѣвую сторону въ лѣсистое и болотистое пространство между Псломъ и Ворсклою, во владѣнія Вишневецкаго, и взяли его городокъ Голтву на Пслѣ. Польный гетманъ Николай Потоцкій отрядилъ сюда своего родственника Станислава Потоцкаго съ наемною нѣмецкою пѣхотой, польскими жолнѣрами и реестровыми казаками. Послѣ тщетныхъ усилій выбить Запорожцевъ изъ Голтвы, Станиславъ Потоцкій отступилъ къ городу Лубнамъ на Сулѣ. Остранинъ и Скиданъ, увлеченные первымъ успѣхомъ, перешли въ наступленіе и ударили на Потоцкаго; но отъ польской артиллеріи и нѣмецкой пѣхоты понесли такія потери, что ночью ушли вверхъ по Сулѣ. Это отступленіе случилось очень некстати: на помощь имъ полковникъ Путивлецъ велъ болѣе 2.000 казацкой голоты, въ томъ числѣ 500 Донцовъ. Потоцкій, пользуясь уходомъ Остранина, напалъ на Путивльца. Послѣ, длившейся цѣлый день, упорной обороны гультяи, по своему обычаю, отъ великой самонадѣянности быстро перешли къ унынію и вѣроломству: они выдали Путивльца съ товарищами и изъявили покорность. Но разсвирѣпѣвшіе жолнѣры, не обращая вниманія на переговоры, бросились на казаковъ и всѣхъ перебили. Потоцкій послѣ того отступилъ къ Кіеву, которымъ тщетно пытались овладѣть казаки. Остранинъ межъ тѣмъ, подкрѣпивъ себя новыми толпами голоты, двинулся опять внизъ по Сулѣ. Противъ него выступилъ князь Еремія Вишневецкій во главѣ войска, собраннаго изъ панскихъ отрядовъ; съ нимъ соединился и Станиславъ Потоцкій. Столкновеніе произошло у мѣстечка Жолнина, гдѣ

казаки заняли позицію, защищенную болотами и лѣсистыми порослями, и начали отабориваться, т.-е. укрѣплять вокругъ себя таборъ изъ возовъ. Но Вишневецкій не далъ имъ времени докончить укрѣпленіе, и стремительнымъ ударомъ разорвалъ ихъ таборъ.

Считая все потерянннымъ, Остранинъ съ частью своей конницы спасся бѣгствомъ и ушелъ за Московскій рубежъ. Но среди казацкой старшины нашлись люди, которые удержали большую часть войска на мѣстѣ, устроили новый таборъ и возобновили отчаянную битву, во время которой Поляки понесли большія потери. Тутъ своимъ геройствомъ и расторопностію снова выдвинулся на первый планъ Димитрій Гуня, который собственно и признанъ былъ теперь казацкимъ гетманомъ. Руководимые имъ, казаки передвинули свой таборъ изъ-подъ Жолнина къ самому устью Сулы, гдѣ и окопались на островѣ, который образуется этимъ устьемъ и затономъ Днѣпра или такъ наз. Старцемъ. Сюда подходили къ нимъ подкрѣпленія съ разныхъ сторонъ Украйны. А къ Полякамъ подоспѣлъ польный гетманъ Николай Потоцкій съ нѣсколькими хоругвями; за нимъ изъ Кіева пришла артиллерія; къ нему же спѣшили вспомогательные отряды, снаряженные панами, въ томъ числѣ и православными (князья Четвертинскіе, Проскуры, Аксаки и др.), которые заодно съ католиками отстаивали свои владѣльческія права и равно стремились къ закрѣпощенію простого народа. Полковникъ Скиданъ, будучи раненъ, хотѣлъ пробраться въ Чигиринъ, но былъ схваченъ Поляками и потомъ казненъ вмѣстѣ съ Путивльцемъ и другими товарищами.

Съ половины іюня до конца іюля на Усть-Старцѣ кипѣла отчаянная борьба, ознаменованная многими подвигами съ той и другой стороны. Гуня такъ укрѣпилъ свой лагерь высокими валами, что никакое бомбардированіе, никакіе приступы Поляковъ не могли имъ овладѣть. Но скоро противъ казаковъ всталъ другой болѣе неумолимый непріятель: съѣстные припасы у нихъ истощились, и грозилъ страшный голодъ. Поляки тоже страдали отъ недостатка кормовъ и продовольствія; но они все-таки могли посылать фуражировъ, хотя и въ дальнія мѣста, такъ какъ ближнія были уже совершенно опустошены.

Казаки прибѣгли къ переговорамъ, при чемъ стояли на томъ, что положатъ оружіе только тогда, когда имъ возвратятъ всѣ прежнія права. Этими переговорами они хотѣли выиграть время; такъ какъ ожидали къ себѣ на помощь корсунскаго полковника

Филоненка, который дѣйствительно приближался частью на лодкахъ Днѣпромъ, частью берегомъ съ новымъ отрядомъ, а главное съ большимъ запасомъ продовольствія. Польскіе начальники провѣдали о немъ и устроили ему засаду на правомъ берегу Днѣпра. Онъ отбился отъ этой засады, и ночью приплылъ къ пристани, которая отдѣлялась небольшимъ пространствомъ отъ казацкихъ окоповъ. Потоцкій и Вишневецкій вывели почти все свое войско на это пространство и стали между Филоненкомъ и казацкимъ таборомъ. Изъ этого табора казаки ударили на Поляковъ. Тутъ произошла послѣдняя и самая отчаянная битва, длившаяся всю ночь. Она окончилась тѣмъ, что Филоненко пробился въ окопы, но съ потерею большей половины своего отряда и почти всего съѣстного запаса. Буйная, невѣжественная казацкая чернь до того была разсержена такою неудачею, что, забывъ геройское поведеніе Филоненка, на своей черной радѣ приговорила его къ позорному наказанію кіями. Теперь казаки совсѣмъ упали духомъ, и заключили предварительный договоръ съ Поляками; а окончательный отложенъ былъ до возвращенія казацкихъ пословъ, которыхъ коронный гетманъ позволилъ выбрать на будущей радѣ въ Каневѣ и отправить къ королю. Послѣ того казаки покинули свой лагерь и разошлись въ разныя стороны. Гуня и Филоненко во время переговоровъ успѣли ночной порой сѣсть въ лодку и уплыть внизъ по Днѣпру, чѣмъ и спасли себя отъ польской казни.

Отправленное къ королю казацкое посольство, среди котораго оказался и Богданъ Хмѣльницкій (въ этой войнѣ бывшій на сторонѣ шляхты, какъ реестровый), не добилось никакихъ уступокъ. Въ декабрѣ того же 1638 года королевскіе комиссары собрали казаковъ на Масловомъ Ставу (между Каневымъ и Богуславлемъ), и тутъ объявили имъ окончательныя условія. Эти условія были еще горше Куруковскихъ. Теперь коронный гетманъ назначалъ казацкими полковниками даже не казаковъ, а польскихъ шляхтичей; вмѣсто старшого надъ войскомъ поставленъ польскій комиссаръ (нѣкто Петръ Комаровскій), который свою резиденцію имѣлъ въ Корсунѣ, такъ какъ Трахтемировъ во время этой войны былъ сожженъ. Самимъ казакамъ предоставлено было право выбирать только сотенныхъ атамановъ. (Въ числѣ ихъ является и Богданъ Хмѣльницкій, выбранный чигиринскимъ сотникомъ). О возвращеніи казакамъ привилеевъ, земель и угодій не было и помину. Такимъ образомъ и самое реестровое казачество, вмѣсто награды за вѣрность, было ума-

лено въ своихъ правахъ и въ своемъ числѣ (которое снова низведено къ 6.000). А между тѣмъ оно-то именно и помогло побѣдѣ Поляковъ; какъ и вообще отсутствіе единодушія и какой-либо правильной организаціи препятствовало Малороссійскому казачеству и всему Украинскому народу оказать Ляхамъ такое сопротивленіе, которое бы заставило уважать его права на нѣкоторую политическую самобытность.

Украинскіе лѣтописцы упоминаютъ еще о какой-то попыткѣ казаковъ вслѣдъ за разгромомъ ихъ на Усть-Старцѣ. Предводителемъ своимъ они выбрали нѣкоего Полторакожуха (вѣроятно, по его размѣрамъ ему мало было одного кожуха), и собрались на р. Мерлѣ. Но при одномъ слухѣ о приближеніи Вишневецкаго эта толпа разсѣялась. Вслѣдствіе большихъ морозовъ, на походѣ противъ нихъ погибло много и самихъ Поляковъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда неудавшихся возстаній было переселеніе многихъ Малороссіянъ изъ Польскорусской украйны за рубежъ въ Московское государство. Такъ Яцко Остранинъ пришелъ во главѣ нѣсколькихъ сотъ казаковъ, получилъ отъ Московскаго царя обширныя земли на рѣкѣ Донцѣ, гдѣ и основалъ поселеніе на Чугуевомъ Городищѣ. Ускользнувшіе изъ табора на Усть-Старцѣ, Гуня и Филоненко ушли за тотъ же рубежъ, первый въ сопровожденіи трехъ сотъ казаковъ. Надобно замѣтить, что имущество городовыхъ казаковъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, обыкновенно отбиралось и отдавалось въ награду людямъ, отличившимся при его подавленіи. Такъ движимость и недвижимость Яцка Остраницы была отдана одному изъ жолнѣровъ Самуила Лаща (шляхтичу Мацѣю Доманскому). Въ Чугуевѣ собралось до 1.000 Черкасъ или Малороссійскихъ казаковъ, и они составили цѣлый полкъ, имѣвшій свое обычное военное устройство, подъ начальствомъ Остранина, который сохранялъ званіе гетмана; а подъ нимъ начальствовали сотники. Но рядомъ съ гетманомъ здѣсь былъ московскій воевода съ своимъ гарнизономъ. Надѣленные землями и всякими угодьями, казаки обязаны были нести пограничную или сторожевую службу. Эта, строго наблюдавшаяся Москвою, сторожевая служба вскорѣ показалась непостояннымъ и наклоннымъ къ лѣни казакамъ обременительною. А между тѣмъ изъ Польши присылались люди, подстрекавшіе ихъ воротиться на родину. Среди нихъ возникли несогласія и распри. Остранинъ своимъ любостяжаніемъ и властолюбіемъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе. Начались распри и обратный уходъ въ Польскія владѣнія. Дѣло окончилось тѣмъ, что Черкасы,

съ обычною своею строптивостію и непослѣдовательностію, возмутились, убили Остранина и ушли изъ Чугуева (1641 г.).

Въ числѣ польскихъ мѣропріятій противъ повторенія казацкихъ мятежей не малое значеніе имѣло возобновленіе крѣпости Кодака. Въ 1639 году коронный гетманъ Конецпольскій, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ жолнѣровъ, лично наблюдалъ за построеніемъ валовъ и укрѣпленій, возводимыхъ подъ руководствомъ французскаго инженера Боплана. Когда крѣпость была окончена, гетманъ занялъ ее сильнымъ гарнизономъ, надъ которымъ начальство ввѣрилъ пану Жолтовскому, и предписалъ самыя строгія мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія. Главное назначеніе этой крѣпости состояло не въ оборонѣ государства со стороны степныхъ ордъ, а въ разобщеніи Украйны съ Запорожьемъ и въ преградженіи украинскимъ чайкамъ выхода въ Черное море. Теперь ни одинъ реестровый казакъ не могъ пройти туда мимо Кодака безъ особаго письменнаго разрѣшенія отъ польскаго комиссара, сидѣвшаго въ Корсуни.

По поводу той же крѣпости казацкое преданіе разсказываетъ слѣдующее о Богданѣ Хмѣльницкомъ, будущемъ освободителѣ Украйны.

Однажды гетманъ Конецпольскій обходилъ укрѣпленія Кодака въ сопровожденіи свиты и нѣсколькихъ реестровыхъ казаковъ, въ числѣ которыхъ находился чигиринскій сотникъ.

— Угоденъ ли вамъ, казакамъ, сей Кодакъ?—спросилъ вдругъ гетманъ хвастливымъ тономъ.

Казаки промолчали, только Хмѣльницкій отвѣтилъ по-латыни:

— Что человѣческою рукою сдѣлано, тою же рукою можетъ быть и разрушено.

Гетманъ подозрительно посмотрѣлъ на сотника, но не рѣшился причинить ему какое-либо зло въ виду его заслугъ передъ Рѣчью Посполитою.

Самъ польскій хронистъ (Пясецкій), сообщая о построеніи Кодака, указываетъ, сколько бѣдъ накликали на себя Поляки, стараясь уничтожить Запорожское войско. Уже въ февралѣ слѣдующаго 1640 года Татары сдѣлали большой набѣгъ, опустошили области Корсунскую, Переяславскую и Вишневечину, и ушли назадъ съ 30.000 плѣнныхъ, не встрѣтивъ сопротивленія въ городахъ, не имѣвшихъ казацкаго гарнизона. Гетманъ Конецпольскій погнался за ними, но не догналъ. Такимъ образомъ Поляки сами лишили свои южные предѣлы той казацкой обороны, которая имъ ничего не стоила. А польскіе жолнѣры, вновь расквартированные на

Украйнѣ, вмѣсто ея охраны, только угнетали ее своими поборами и всякаго рода насиліями.

Для Украйны наступилъ самый тяжелый періодъ—періодъ крайняго гнета, религіознаго, политическаго и экономическаго. Наряду съ Ляхами, какъ ихъ усердный помощникъ въ этомъ гнетѣ, дѣятельное участіе принимало жидовство (26).

Прежде, нежели перейдемъ къ жидовству, посмотримъ, что такое въ ту эпоху была Сѣчь Запорожская и бросимъ общій взглядъ на Украйну.

Довольно наглядное представленіе о Запорожской Сѣчи даетъ намъ одинъ иноземецъ въ концѣ XVI вѣка, именно Эрихъ Ляссота, который въ 1594 году ѣздилъ сюда посломъ отъ императора Рудольфа II съ порученіемъ нанять Запорожцевъ въ имперскую службу для войны съ Турками.

Отъ Кіева посольство на лодкахъ поплыло внизъ по Днѣпру. На устьѣ Псла оно соединилось съ московскимъ посольствомъ, которое также отправилось къ Запорожцамъ съ подарками отъ царя. Прошедши пороги, оба посольства достигли острова Хортицы, на которомъ Запорожцы въ ту пору держали своихъ коней зимою. Здѣсь къ посламъ присоединилось 400 казаковъ, которые около Будиловскаго порога скрывались въ кустахъ и заросляхъ, находясь на стражѣ противъ Татаръ: послѣдніе при своихъ набѣгахъ на Украйну совершали иногда въ той сторонѣ переправу, именно противъ острова Таволжанаго. Запорожская Сѣчь въ это время располагалась гораздо ниже Хортицы, именно на островѣ Базавлукѣ, лежащемъ при впаденіи рѣки того же имени въ Днѣпръ. Островъ этотъ именовался иначе Чертомлыкомъ по имени огибавшаго его Днѣпровскаго рукава или такъ наз. Чертомлыцкаго Днѣприща. Посольство прибыло сюда 9 іюня. Запорожцы встрѣтили его съ почетомъ и пушечною пальбою. Его размѣстили въ шалашахъ или въ „кошахъ", плетеныхъ изъ хворосту и покрытыхъ сверху лошадиными кожами. Атаманъ Запорожскій, которымъ на ту пору былъ Богданъ Микошинскій, находился въ отсутствіи: съ 1.300 казаками онъ на 50 судахъ отправился къ устью Днѣпра, чтобы помѣшать Очаковской переправѣ Крымскихъ Татаръ, шедшихъ въ Венгрію на помощь Туркамъ. Но въ виду большого количества турецкихъ галеръ и другихъ судовъ, стоявшихъ на этой переправѣ, Микошинскій послѣ небольшихъ схватокъ съ ними 18 іюня воротился въ Сѣчь.

19-го казаки собрались въ коло или раду, выслушали московскаго посла и приняли отъ него подарки. На слѣдующій день выслушали императорскаго посла. Пригласивъ его выйти изъ круга, рада начала обсуждать привезенную имъ грамоту, при чемъ раздѣлились на два кола: одно, состоявшее изъ старшинъ, а другое изъ простыхъ казаковъ или черни. Долго шло совѣщаніе; наконецъ чернь закричала, что согласна поступить на службу императорскаго величества, въ знакъ чего стала бросать вверхъ свои шапки. Старшина межъ тѣмъ медлила своимъ рѣшеніемъ. Но толпа пригрозила бросить въ воду всякаго, кто будетъ противнаго съ ней мнѣнія. Не смѣя ей противорѣчить, старшина какъ бы согласилась съ нею и только требовала опредѣлить условія службы. Для сего выбрали 20 депутатовъ, которые, сѣвъ на землю, составили малое коло; послѣ многихъ разговоровъ они пригласили въ свою среду посла. Депутаты объявили ему, что войско готово поступить на императорскую службу и черезъ Молдавію двинуться въ Турцію, но существуютъ важныя затрудненія. Во-первыхъ, у казаковъ нѣтъ достаточнаго количества коней для самихъ себя и подъ орудія, потому что прошлой зимой Татары угнали у нихъ болѣе 2.000 коней, и осталось менѣе 400. Во-вторыхъ, на лицо всего войска теперь только около 3.000 человѣкъ, а на Молдаванъ нельзя полагаться, такъ какъ этотъ народъ извѣстенъ своимъ непостоянствомъ и вѣроломствомъ. Въ-третьихъ, посолъ предлагалъ имъ слишкомъ малое вознагражденіе и вообще слишкомъ неопредѣленныя условія службы. Въ заключеніе они вызывались выдти въ море и напасть на Килію и Бабадагъ, лежащіе въ устьяхъ Дуная.

Посолъ старался устранить эти возраженія и уговорить казаковъ, чтобы они немедля двинулись въ Валахію, гдѣ бы загородили Татарамъ путь въ Венгрію. Когда есаулы сообщили Большой или Черной радѣ о сихъ переговорахъ, она вновь выразила свое согласіе кликами и бросаніемъ шапокъ. Но въ тотъ же вечеръ болѣе зажиточные казаки, напримѣръ челновладѣльцы и ихъ сторонники, ходили изъ хаты въ хату и смущали простой народъ, выставляя походъ слишкомъ далекимъ и опаснымъ, и совѣтовали хорошенько прежде обдумать все предпріятіе, чтобы потомъ не раскаяваться. Особенно налегали они на незначительность присланной имъ суммы (8.000 червонцевъ), тогда какъ много требуется денегъ на покупку хлѣба и лошадей; а между тѣмъ имъ не даютъ никакого письменнаго обезпеченія, скрѣпленнаго императорскою печатью; когда же они

зайдутъ далеко въ глубь чужой страны, а надобность въ нихъ минуетъ, то ихъ могутъ просто оставить не причемъ.

Такія рѣчи подѣйствовали, и на слѣдующее утро, 21 іюня, рада постановила рѣшеніе совсѣмъ противное тому, которое было сдѣлано наканунѣ. Тщетно Ляссота уговаривалъ казаковъ; тщетно поддерживалъ его самъ Микошинскій, который даже отказался было отъ начальства; но его упросили взять свой отказъ назадъ. Нѣсколько разъ собиралась рада; составлялись разные планы и условія; рѣшали ихъ и опять перерѣшали. Между прочимъ хотѣли просить о помощи и Московскаго государя. Наконецъ остановились на томъ, чтобы съ посломъ отправить къ императору двухъ депутатовъ отъ войска, для опредѣленія условій будущей казацкой службы. Выбрали двухъ сотниковъ, Федоровича и Ничипора, какъ уполномоченныхъ отъ всего *товарищества* или отъ „рыцарства вольнаго войска Запорожскаго“, которымъ и вручили войсковую грамоту императору. 2 іюля посолъ отплылъ изъ Сѣчи вверхъ по Днѣпру, при звукѣ барабановъ, трубъ и пушечной пальбѣ. Такимъ образомъ успѣха его посольство не имѣло. Но записки его довольно живо рисуютъ передъ нами характеръ Запорожскаго войска съ его шумными, непослѣдовательными радами, съ его малымъ уваженіемъ къ старшинѣ и любовью къ полному равенству, съ его стремленіемъ къ свободѣ и независимости отъ собственнаго, т.-е. Польскаго, правительства. Это стремленіе, какъ извѣстно, и было однимъ изъ главныхъ двигателей послѣдующихъ возстаній и отчаянной борьбы Украинскаго народа съ Ляхами.

Въ первой четверти XVII вѣка, при гетманѣ Сагайдачномъ, Запорожская Сѣчь вновь была перенесена на островъ Хортицу, самый крупный изъ Днѣпровскихъ острововъ, обильный лѣсомъ, лугами, рѣчками и озерами. (Впрочемъ, тутъ она оставалась недолго). Къ нему прилегаетъ небольшой островъ Малая Хортица, на которомъ когда-то укрѣпился князь Дмитрій Вишневецкій и который поэтому можно считать колыбелью Запорожскихъ сѣчей.

Французскій инженеръ Бопланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV въ качествѣ инженера и артиллериста, какъ очевидецъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ морскіе и сухопутные походы Запорожцевъ.

„Почти ежегодно казаки на своихъ челнахъ разгуливаютъ по Эвксинскому Понту. Неоднократно они грабили владѣнія Крымскаго хана, опустошали Анатолію, разорили Требизондъ, доплывали до

Босфора и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу. На родину казаки возвращаются съ богатою добычею и немногими плѣнными, по большей части съ дѣтьми, которыхъ употребляютъ въ услуженіе или дарятъ польскимъ магнатамъ; взрослыхъ же Турокъ въ плѣнъ не берутъ, развѣ надѣются получить за нихъ дорогой выкупъ. Число казаковъ, предпринимающихъ таковые набѣги, не превышаетъ 6 или 10 тысячъ. Нельзя надивиться, съ какою смѣлостью они переплываютъ море на изготовленныхъ ими же утлыхъ челнахъ".

„Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, почти посрединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10.000 (?) острововъ; они разбросаны безпорядочно, почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую; всѣ заросли камышомъ, торчащимъ на подобіе пикъ и закрывающимъ протоки между островами. Сіи-то многочисленные острова служатъ притономъ для казаковъ, которые называютъ ихъ Войсковою Скарбницею, т.-е. казною. Всѣ они, исключая развалинъ, потопляются весеннимъ половодьемъ. Тамъ никакія силы Турокъ не могутъ вредить казакамъ. Однажды преслѣдовавшія ихъ турецкія галеры проникли до самой Скарбницы; но тутъ въ лабиринтѣ острововъ запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули въ нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили многія галеры и такъ напугали, что съ тѣхъ поръ Турки не смѣютъ входить въ Днѣпръ далѣе 4 или 5 миль отъ устья. Каждый казакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ надъ Турками, они дѣлятъ въ скарбницѣ добычу, и все, что ни получаютъ, скрываютъ подъ водою, исключая вещей, повреждаемыхъ оною. Въ Войсковой Скарбницѣ Запорожцы строютъ также свои челны, имѣющіе въ длину 60, въ ширину отъ 10 до 12, а въ глубину 8 футовъ и снабженные двумя рулями. Эти челны, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкой галеры.

Передъ походомъ казаки составляютъ раду, на которой выбираютъ походнаго атамана. Они запасаются сухарями, вареным просомъ и тѣстомъ; его ѣдятъ разведеннымъ въ водѣ, что у нихъ называется *саламатою*. Во время похода они всегда трезвы, и, если кто окажется пьяницей, атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ. Водку брать съ собой не позволяется.

Турецкія галеры стерегутъ казаковъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ,

но всегда безуспѣшно; такъ какъ для выхода въ море выбирается ночь самая темная. Черезъ 36 или 40 часовъ послѣ этого выхода они причаливаютъ къ берегамъ Анатоліи, и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ, нерѣдко на цѣлую милю отъ морского берега; потомъ немедля возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею, и плывутъ далѣе—на новые поиски. Встрѣчаются имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на абордажъ. Казаки открываютъ непріятельскіе корабли прежде, чѣмъ Турки успѣютъ ихъ замѣтить; ибо запорожскіе челны возвышаются надъ морскою поверхностью не болѣе двухъ съ половиною футовъ. Усиленная турецкая стража ждетъ на устьѣ Днѣпра возвращенія казаковъ. Но послѣдніе смѣются надъ ней даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили ихъ число или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ. Они причаливаютъ въ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива идетъ къ Днѣпру низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на одну четверть или покрываетъ ее водой на полфута. Черезъ сію лощину казаки перетаскиваютъ свои суда; надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ два или три дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Но если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣлаго дня въ открытомъ морѣ, тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стаи скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ. Рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; зато привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные дорогіе товары. Это ихъ главный промыселъ: они живутъ добычею; воротясь на родину, ничѣмъ не занимаются, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями. Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются не позже первыхъ чиселъ августа мѣсяца“.

Въ другомъ мѣстѣ Бопланъ, впрочемъ, замѣчаетъ, „что въ мирное время охота и рыбная ловля составляютъ главное занятіе казаковъ“.

На сухомъ или собственно степномъ пути Запорожцы совершали походы обыкновенно таборомъ:

„Буджацкіе татары, занимаясь безпрерывною войною, храбрѣе

Крымскихъ и искуснѣе въ наѣздничествѣ. На равнинѣ между Буджакомъ и Украйною обыкновенно разъѣзжаетъ 8 или 10 тысячъ сей вольницы, которыя, раздѣлясь на отряды въ тысячу всадниковъ, удаленные одинъ отъ другого на 10 или 12 миль, гарцуютъ по степямъ и ищутъ добычи. Посему казаки, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ оными въ таборѣ или караванѣ, т.-е. между двумя рядами телегъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники вокругъ онаго. Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на четверть мили высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Въ случаѣ поданнаго сигнала таборъ останавливается". „Случалось и мнѣ нѣсколько разъ, съ 50 или 60 казаками, переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ: ибо Татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая, однако, на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались. Стрѣлы ихъ летятъ дугою, вдвое далѣе ружейной пули".

О характерѣ и свойствахъ казацкихъ Бопланъ отзывается такимъ образомъ:

„Соединяя съ умомъ хитрымъ и острымъ щедрость и безкорыстіе, казаки страстно любятъ свободу; смерть предпочитаютъ рабству и для защиты независимости часто возстаютъ противъ своихъ притѣснителей—Поляковъ; въ Украйнѣ не проходитъ семи или восьми лѣтъ безъ бунта. Впрочемъ, коварны и вѣроломны, а потому осторожность съ ними необходима; тѣлосложенія крѣпкаго, легко переносятъ холодъ и голодъ, зной и жажду; въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры, или, лучше сказать, дерзки, и мало дорожатъ своею жизнью. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обычнаго своего оружія, наиболѣе храбрости и проворства показываютъ они въ таборѣ, огороженные телегами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказать, чтобы были плохи и на морѣ, но не таковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 польскихъ всадниковъ разсѣяли 2.000 отборныхъ казаковъ". „Одаренные отъ природы силою и виднымъ ростомъ, они любятъ пощеголять, но только тогда, когда возвращаются съ добычею, отнятою у враговъ; обыкновенно же носятъ одежду простую".

Воспользуемся тѣмъ же наблюдателемъ-иностранцемъ и приведемъ изъ его записокъ нѣкоторыя черты объ Украйнѣ и ея населеніи того времени.

О Кіевѣ онъ замѣчаетъ, что въ немъ находятся четыре храма католическихъ и десять церквей грекороссійскаго исповѣданія. Вмѣсто свѣчъ Кіевляне жгутъ лучину, которая нарочно для того приготовляется и продается очень дешево. Сказавъ о Печерской Лаврѣ, гдѣ живетъ митрополитъ, онъ продолжаетъ: „Противъ оной находится монастырь женскій; монахини, числомъ до ста, занимаются вышиваніемъ и продаютъ посѣщающимъ обитель свою искусную работу. Онѣ пользуются свободою выходить изъ монастыря, когда имъ угодно; прогуливаются обыкновенно въ Кіевѣ, отстоящимъ не далѣе полмили; носятъ платье черное и подобно католическимъ монахамъ ходятъ попарно. Помнится, я видѣлъ нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ немного подобныхъ красавицъ“.

О вліяніи польской культуры или ополяченіи западнорусской шляхты и тяжкомъ положеніи крестьянства Бопланъ свидѣтельствуетъ:

„Русское дворянство, которое, впрочемъ, въ Украйнѣ немногочисленно, походитъ на Польское, и стыдится, повидимому, исповѣдывать иную вѣру кромѣ католической, которая ежедневно обрѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не взирая на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ родъ свой отъ Русскихъ.

Крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи: они принуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину и за землю, смотря по величинѣ участка, давать господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей собирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго вола. Однимъ словомъ все, что только ни понравится господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать, а потому и не удивительно, если сіи несчастные не имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола, ни двора. Но это еще не все: помѣщики, отнимая имущество у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнію ихъ. Такъ неограничены вольности Польскаго дворянства! Оно блаженствуетъ какъ будто бы въ раю, а крестьяне мучатся какъ въ чистилищѣ. Если же судьба пошлетъ имъ злого господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи. Многіе отъ рабства спасаются бѣгствомъ; сильнѣйшіе уходятъ въ Запорожье—главный притонъ казаковъ на Днѣп-

рѣ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени и совершивъ одинъ морской походъ, бѣглые крестьяне принимаются въ казацкіе круги, и такимъ образомъ увеличиваютъ легіоны ихъ до безконечности".

„По деревнямъ Украйны всякое воскресенье и всякій праздникъ, крестьяне съ женами и дѣтьми сбираются послѣ обѣда въ кормчу; мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ попойкѣ, а юноши и дѣвицы веселятся на лугу пляскою подъ дудку. Туда приходитъ обыкновенно помѣщикъ съ семействомъ своимъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ поселянъ; иногда же дозволяетъ имъ плясать предъ своими хоромами, гдѣ и самъ съ супругою и съ дѣтьми принимаетъ участіе въ танцахъ. Надобно замѣтить, что въ Украйнѣ и Подоліи деревни обыкновенно окружены лѣсочками съ тайниками, гдѣ лѣтомъ жители укрываются отъ хищныхъ Татаръ. Сіи лѣсочки занимаютъ добрую полумилю въ ширину. Хотя земледѣльцы считаются крѣпостными, однако же изстари пользуются правомъ и свободою похищать во время пляски благородныхъ дѣвицъ, даже дочерей своего помѣщика. Но въ семъ случаѣ проворство и расторопность необходимы: похититель непремѣнно долженъ ускользнуть съ добычею въ сосѣдній лѣсочекъ и скрываться тамъ не менѣе 24 часовъ, иначе пропала его головушка". Но тутъ же авторъ сознается, что въ теченіе 17 лѣтъ, проведенныхъ имъ на Украйнѣ, ему не случалось ни разу слышать о такомъ похищеніи. Да и получить согласіе благородной дѣвицы на похищеніе трудно: „земледѣльцы впали теперь въ презрѣніе, а дворяне сдѣлались властолюбивѣе и надменнѣе". Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ онъ передаетъ воспоминанія о прежнихъ временахъ, когда еще не вывелось изъ обычая древнерусское умыканіе дѣвицъ во время игрищъ, и напрасно пытается объяснить этотъ обычай древнепольскимъ уваженіемъ къ тѣмъ людямъ, которые бѣгали быстрѣе другихъ.

Между прочимъ Бопланъ не совсѣмъ правдоподобно сообщаетъ, будто бы на Украйнѣ „не молодые люди сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы предлагаютъ имъ руку и рѣдко не достигаютъ своей цѣли; имъ помогаетъ особеннаго рода суевѣріе, строго наблюдаемое": по мнѣнію Украинцевъ, родители жениха не могутъ отказать дѣвицѣ, которая приходитъ и настойчиво проситъ ихъ согласиться на бракъ; отказать ей значило бы оскорбить весь ея родъ и навлечь на свою голову гнѣвъ Божій, а на домъ—несчастіе.

„Свадьбу играютъ на Украйнѣ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, созвавъ нѣсколько юношей и дѣвицъ, посылаютъ ихъ къ

своимъ родственникамъ съ приглашеніемъ на *веселье*, т.-е. на свадьбу; а въ знакъ сей обязанности даютъ имъ по цвѣточному вѣнку (который надѣвается на руку), съ росписаніемъ всѣхъ особъ, приглашаемыхъ на праздникъ. Молодежь идетъ попарно, имѣя впереди одного молодца, который держитъ въ рукѣ трость и отъ имени всѣхъ говоритъ привѣтствіе и приглашеніе. Невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу въ предлинное суконное платье кофейнаго цвѣта, съ широкою на груди оторочкою изъ полушелковой матеріи и съ огромными фижмами, отъ коихъ оно раздувается во всѣ стороны. На головѣ не бываетъ никакого убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнка; волосы разсыпаются по плечамъ; грудь и шея закрыты; видно только лицо. Отецъ, братъ или ближній родственникъ ведетъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ идутъ двое музыкантовъ съ дудкою и скрипкою; по совершеніи обряда вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ беретъ молодую за руку и отводитъ домой съ тою же музыкой". Эти обычаи указываютъ на извѣстную степень культурности.

Далѣе находимъ такія черты:

„На брачныхъ пирахъ врожденная страсть къ вину переступаетъ всѣ предѣлы умѣренности. Помѣщики дозволяютъ крестьянамъ къ свадьбѣ и крестинамъ варить пиво; это доставляетъ имъ возможность безъ лишнихъ издержекъ пить сколько душѣ угодно. Въ другое же время крестьяне должны покупать пиво на господскихъ пивоварняхъ". Послѣ свадьбы, „въ знакъ того, что молодая уже принадлежитъ къ числу женщинъ, надѣваютъ ей на голову кичку: ибо однѣ только замужнія могутъ покрывать голову; дѣвицы всегда ходятъ простоволосыя и за стыдъ почли бы надѣть кичку". Къ нравственности дѣвицъ народные обычаи относились очень строго. Если оказывалось, что молодая до свадьбы была нескромнаго поведенія, то со стороны гостей поднимались въ домѣ невообразимый шумъ, битье посуды, всякія оскорбленія ея родителей и родственниковъ и т. п., а молодой могъ вытолкать ее за дверь. „Надобно отдать справедливость украинскимъ дѣвицамъ,—прибавляетъ Боппланъ:—хотя свобода пить водку и медъ могла бы довести до соблазна, но торжественное осмѣяніе и стыдъ, коимъ подвергаются онѣ, потерявъ цѣломудріе, удерживаютъ ихъ отъ искушенія".

„По степямъ украинскимъ разгуливаютъ цѣлыми стадами олени, лани, сайги; попадаются также кабаны величины необыкновенной. Дикія лошади ходятъ табунами отъ 50 до 60 головъ; онѣ неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться руч-

ными, но также ни къ чему не годны, развѣ только для пищи. Дикую лошадь усмирить невозможно. Она обыкновенно разбита на ноги; такъ какъ никто не обрѣзаетъ ея копытъ, то на нихъ наростаютъ такіе толстые слои, которые не позволяютъ ей быстро скакать".

Описывая благодатную, богатую всякими произведеніями почву Украйны, ея чрезвычайное обиліе рыбою, птицею, крупнымъ и мелкимъ скотомъ, Бопланъ касается и оборотной стороны.

Такъ, при всей тѣлесной крѣпости и выносливости населенія, оно нерѣдко страдаетъ отъ страшной болѣзни волосъ, извѣстной подъ именемъ колтуна. „Одержимые сею болѣзнію круглый годъ чувствуютъ сильное разслабленіе въ членахъ, и отъ нестерпимой боли нервъ стонутъ безпрерывно. По прошествіи года, на головѣ больного въ одну ночь выступаетъ сильный потъ, волосы склеиваются, скатываются въ клочки и походятъ на хвостъ трески рыбы. Тогда только больной получаетъ облегченіе и чрезъ нѣсколько дней совершенно оправляется; но видъ его волосъ отвратителенъ: разчесать ихъ невозможно. Если больной острижетъ клочки, прежде истеченія двухъ дней, то соки, которые выходили порами волосъ, приступаютъ къ глазамъ и несчастный теряетъ зрѣніе". Народное суевѣріе, конечно, примѣшалось и къ этой болѣзни: появленіе ея иногда приписывали порчѣ отъ старыхъ бабъ, которыя дѣйствовали съ помощью вредныхъ травъ и окуриванія. Самъ авторъ объясняетъ существованіе колтуна отчасти недостаткомъ хорошей воды. „Главный же недостатокъ Украйны, по его словамъ, заключается въ соли"; она привозится съ границъ Трансильваніи изъ Покутья, гдѣ ее вывариваютъ изъ соляныхъ источниковъ и дѣлаютъ изъ нея родъ небольшихъ лепешекъ и въ такомъ видѣ продаютъ. „Добываютъ соль также изъ еловой и дубовой золы и называютъ *коломеемъ*; съ хлѣбомъ она весьма пріятна".

„Берега Днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе какъ подъ казацкимъ *пологомъ*, т.-е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица".

„Отъ мошекъ перейдемъ къ саранчѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особен-

но въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкесіи и пр. восточнымъ или юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корню и траву на лугахъ; гдѣ тучи ея остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная". Бѣдствіе это особенно увеличивается въ томъ случаѣ, когда саранча не пропадаетъ до осени и успѣваетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ положить въ землѣ до 300 яицъ каждая; тогда на слѣдующую весну выводится страшное ея количество, если во время вывода не пойдутъ дожди. „Полетъ ея лучше всего сравнить со снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками".

Такими же темными красками изображается зимняя украинская стужа:

„Хотя Украйна лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіей, однако стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особеннно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ не въ силахъ переносить холода нестерпимаго". „Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены и мало-по-малу впадаетъ въ забытье или въ дремоту. Если не постараетесь прогнать сонъ и заснете, то никогда уже не пробудитесь". Всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ; послѣ страдаютъ нестерпимыми коликами, „и жалуются, что внутренности ихъ какъ будто раздираются". „Въ 1646 году, когда Польская армія вступила въ Московскіе предѣлы, чтобы загородить обратный путь Татарамъ и освободить плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2.000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли мучительною смертію, другіе воротились калѣками. Лошадей во время похода пало отъ холода болѣе тысячи". „Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто неупотребляетъ горячей пищи и питья и не слѣдуетъ примѣру Украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода" ([27]).

Теперь взглянемъ на дальнѣйшіе успѣхи еврейскаго элемента среди русскаго населенія.

Въ исторіи XVI вѣка мы видѣли, какими путями и какъ неуклонно перебиралось изъ Польши и распространялось по Западной и Югозападной Руси еврейство, какъ оно въ качествѣ откупщиковъ и арендаторовъ постепенно захватывало въ свои цѣпкія руки народныя подати, повинности, промыслы и торговыя статьи. Въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, т.-е. въ первую половину XVII вѣка, размноженіе еврейства и экономическое порабощеніе имъ коренного народа, какъ и слѣдовало ожидать, только преуспѣваютъ и преодолѣваютъ всѣ препятствія. Это, энергичное въ дѣлѣ высасыванія народныхъ соковъ, племя пользуется мягкостію славянской натуры, распущенностію и подкупностію чиновничества, взаимною неріязнію сословій и цѣлыхъ народностей—словомъ, всѣми возможными способами для того, чтобы обходить направленныя противъ него поставленія, острымъ клиномъ врѣзаться въ организмъ Рѣчи Посполитой, засѣсть камнемъ въ его желудкѣ, совершенно подточить средніе торговопромышленные классы и необоримою стѣною встать между высшими и низшими слоями населенія. Тароватые польскіе и ополяченные паны находили у еврейскихъ ростовщиковъ всегда готовый кредитъ для своихъ непроизводительныхъ расходовъ, а потому естественно оказывали всякое покровительство повсемѣстному распространенію еврейства и его стремленію къ захвату арендныхъ статей. Паны и шляхта охотно отдавали еврею свои имѣнія въ аренду; ибо никто болѣе его не вносилъ имъ арендной платы, никто не обезпечивалъ имъ бóльшихъ доходовъ и не избавлялъ ихъ такъ отъ всякихъ хлопотъ по управленію и хозяйству. Такимъ образомъ еврей въ одно и то же время удовлетворялъ и жадности, и лѣни польскаго пана. Впослѣдствіи привычка пользоваться услугами, ловкаго, смѣтливаго еврея внѣдрилась до такой степени, что польскій панъ безъ еврея-арендатора или безъ еврея-фактора сдѣлался немыслимъ. А панамъ въ этомъ случаѣ стала подражать и вся имущая шляхта.

Разумѣется, давая высокую арендную плату за имѣніе, еврей въ свою очередь старался съ лихвою выжать ее изъ крестьянъ, всѣми способами умножалъ ихъ повинности, увеличивалъ поборы, вообще велъ самое хищническое хозяйствó и сильно угнеталъ сельское населеніе. Отсюда сложились извѣстные латинскіе вирши, на-

звавшіе Рѣчь Посполитую шляхетскимъ небомъ, еврейскимъ раемъ и крестьянскимъ адомъ (Clarum regnum Polonorum—Est coelum Nobiliorum—Paradisus Judaeorum—Et infernus rusticorum).

Въ болѣе распространенномъ видѣ содержаніе сихъ виршей встрѣчаемъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка въ сочиненіи одного изъ тѣхъ польскихъ патріотовъ, которые ясно сознавали темныя стороны своего государственнаго и общественнаго быта, но тщетно указывали на нихъ своимъ современникамъ. Подобно вышепомянутому поэту Клёновичу, этотъ (неизвѣстный по имени) патріотъ такими яркими чертами изображаетъ положеніе еврейства въ своемъ отечествѣ:

„Развѣ это не рай (еврейскій), когда у другихъ націй гнушаются симъ дурнымъ народомъ, а въ Польшѣ жиды у многихъ пановъ любимые люди. Кто (у насъ) арендаторъ въ имѣніяхъ? Жидъ. Кто чтимымъ докторомъ? Жидъ. Кто славнѣйшимъ и состоятельнѣйшимъ купцомъ? Жидъ. Кто держитъ мельницы и корчмы? Жидъ. Кто мытникомъ и таможникомъ? Жидъ. Кто наивѣрнѣйшій слуга? Жидъ. Кто имѣетъ легчайшій доступъ къ пану? Жидъ. Кто пользуется наибольшимъ покровительствомъ, частнымъ и общественнымъ? Жидъ. Кто скорѣе добивается и выигрываетъ дѣло, хотя бы и несправедливое? Жидъ. Кто на сеймикахъ и сеймахъ получаетъ наибольшее вниманіе къ своимъ дѣламъ и привилегіямъ? Жидъ. Кто такъ счастливъ, чтобы ему всякія плутовства, увертки, предательства и другія несказанныя беззаконія благополучно сходили съ рукъ? Жидъ. Но какимъ же способомъ этотъ отверженный народъ отворилъ себѣ дверь въ такой рай? Отвѣтъ простой: у него золотой ключъ, посредствомъ котораго онъ всего достигаетъ". „Горе тѣмъ панамъ, которые къ великой кривдѣ христіанскому люду и въ ущербъ католической религіи дѣлаютъ поблажки сему вредному народу, чѣмъ сильно отягчаютъ свою совѣсть и обездоливаютъ своихъ подданныхъ: отдаютъ въ аренду жидамъ мѣстечки, села, таможни, мыто, мельницы, корчмы. Давно ли все это запрещено сеймовыми конституціями?" Затѣмъ слѣдуютъ ссылки на Статутъ Сигизмунда Августа или сеймъ Петроковскій 1565 года, конституціи 1567 и 1538 гг. „Теперь все дѣлается наоборотъ. Всѣ помянутыя статьи (для нихъ запрещенныя) жиды арендуютъ въ Польшѣ, Литвѣ, Руси, на Волыни, Подоліи и т. д. Этотъ злой народъ сидитъ на арендахъ въ городахъ и селахъ; жиды мытниками и жупниками (арендаторы соляной регаліи), жиды на постоялыхъ дворахъ; у нихъ монополія: никакихъ

потребныхъ вещей нельзя нигдѣ достать помимо жида". Между прочимъ авторъ жалуется, что жиды-арендаторы заставляютъ крестьянъ работать даже въ праздники и лишаютъ ихъ возможности посѣщать храмы Божіи, что приходящихъ къ нимъ по дѣлу женщинъ склоняютъ къ измѣнѣ ихъ мужьямъ, что отняли торги у мѣщанъ, промыслы и заработки у ремесленниковъ; отъ чего города и мѣстечки обѣдняли, и т. д., и т. д.

Почти тѣми же чертами оттѣняетъ значеніе еврейства для Польско-Русскаго государства Іосифъ Верещинскій, занимавшій католическо-епископскую каѳедру въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка—одинъ изъ лучшихъ польскихъ писателей своего времени, человѣкъ ученый и знакомый съ еврейскимъ Талмудомъ.

„Жиды—говоритъ онъ—очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Они выцѣдили почти всѣ наши имѣнія; они околдовали насъ какъ Цыгане и заразили своимъ дыханіемъ какъ волки; разоряютъ насъ какъ хотятъ и всѣхъ отъ низшаго сословія до высшаго, къ стыду нашему, водятъ за носъ. Развѣ не жиды черезъ руки Армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи Посполитой къ Туркамъ и Волохамъ? Развѣ не жиды черезъ посредство Армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего королевства Польскаго? Вѣдь, на это направляетъ ихъ Талмудъ. (Слѣдуютъ изъ него выдержки). Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли бы раздавать приказанія христіанамъ; а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не держатъ на откупѣ таможенъ, пошлинъ, чоповаго (акцизъ съ напитковъ)? Развѣ они, вопреки тому же праву, не держатъ у себя христіанской прислуги? Развѣ не противорѣчитъ сему праву и то, что жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Даже защитники ихъ сознаются, что не разъ испытывали на себѣ (ихъ мошенничества), и все-таки своими ходатайствами способствуютъ тому, что дѣла жидовскія процвѣтаютъ, а мы прочіе и сами они—даемъ себя обманывать".

Если въ наше время, при всѣхъ наличныхъ средствахъ, государственныхъ и общественныхъ, нельзя назвать успѣшною борьбу съ безпощадной еврейской эксплоатаціей и съ еврейскими обходами

законовъ, то можно себѣ представить, какъ безнадежно въ этомъ отношеніи было положеніе среднихъ и низшихъ классовъ въ земляхъ Рѣчи Посполитой, при слабости исполнительной власти, подкупности лицъ, занимавшихъ земскіе и королевскіе уряды, и своеволіи пановъ. Многіе дошедшіе до насъ судебные и административные акты Западной Руси того времени вполнѣ подтверждаютъ горькія жалобы польскихъ и русскихъ патріотовъ, подобныя вышесказаннымъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1622 году Житомирскіе мѣщане жалуются на своего подстаросту и на еврея-арендатора въ томъ, что, вопреки королевскимъ привилегіямъ, они купеческихъ и торговыхъ людей не допускаютъ къ ярмаркамъ и торгамъ, а съ самихъ мѣщанъ и съ гостей, пріѣзжающихъ въ мѣстечко, взыскиваютъ несправедливое мыто, по три гроша съ воза, безъ всякаго права выгоняютъ ихъ для исправленія моста, на ярмаркѣ также беззаконно не позволяютъ имъ шинковать пиво, медъ и горѣлку; хотя, по своимъ привилеямъ, мѣщане имѣютъ право въ извѣстные сроки устраивать у себя ярмарки, причемъ безданно и безпошлинно торговать и шинковать.

Въ 1633 г. Виленскіе обыватели вносятъ такую протестацію противъ евреевъ. Вопреки всѣмъ правамъ и привилеямъ города, безъ разрѣшенія Виленскаго магистрата жиды, будучи только гостями и живя въ наемныхъ помѣщеніяхъ, занимаются таможнями, мытами, арендами, лихвой, разносной торговлей золотыхъ, серебряныхъ и другихъ вещей; заводятъ лавки и шинки съ медомъ, пивомъ и горѣлкой, чѣмъ у бѣдныхъ мѣщанъ-христіанъ отнимаютъ ихъ отцовскій и дѣдовскій хлѣбъ и приводять ихъ къ совершенной нищетѣ; хотя въ старыхъ и новыхъ правахъ и сеймовыхъ конституціяхъ торговля сими статьями имъ запрещена подъ угрозой строгой кары. Наконецъ, опять вопреки всѣмъ законамъ, они стали пріобрѣтать себѣ каменные дома и вытѣснять изъ нихъ христіанъ; причемъ съ этихъ домовъ перестали идти городу какіе-либо доходы и повинности, и т. д., и т. д.

Въ 1646 г. бурмистры, райцы и лавники города Полоцка, что бы воспрепятствовать дальнѣйшему размноженію у себя еврейства, постановили: впредь жидамъ не занимать болѣе тѣхъ шести плацовъ, которые они уже заняли, и магистратъ Полоцкій не долженъ давать новыхъ утвержденій на ихъ дома. Разумѣется, подобныя постановленія оказывались безполезными, такъ какъ правительственныя лица

являлись на сторонѣ евреевъ. Никакіе протесты, никакія жалобы, ни даже открытые мятежи утѣсненныхъ гражданъ не могли остановить распространеніе и размноженіе евреевъ. Напримѣръ, около того же времени, именно въ 1644 году, жители города Львова думали силою отдѣлаться отъ этой язвы; но встрѣтили отпоръ какъ со стороны многочисленнаго, вооруженнаго еврейства, такъ и со стороны выступившей на его защиту старостинской милиціи. Три дня продолжалась въ городѣ кровопролитная борьба и, окончилась ничѣмъ: евреи остались на своихъ мѣстахъ, и конечно, еще съ большею энергіей возобновили свою разрушительную дѣятельность. На подобныхъ примѣрахъ можно съ достаточною наглядностію слѣдить за историческимъ процессомъ постепеннаго заѣданія западнорусскаго мѣщанства пришлымъ жидовствомъ.

Арендуя старостинскія имѣнія и замки, евреи стали даже засѣдать въ судахъ подвоеводскихъ, въ качествѣ асессоровъ. А какой погромъ производило ихъ хозяйничанье въ этихъ арендованныхъ имѣніяхъ и замкахъ, даетъ понятіе слѣдующая замѣтка люстраторовъ о старостинскомъ мѣстечкѣ Нехорощѣ, въ Кіевскомъ воеводствѣ, въ 1622 году: „Пріѣхавши, мы никого не застали, только жида-арендатора Шмейера; нашли великій безпорядокъ, замокъ пустой, погнившій, обвалившійся, безъ верху“.

На Украйнѣ евреи-арендаторы явились вслѣдъ за первыми же колонистами панами и шляхтою, и конечно подъ ихъ покровомъ. Но особенно еврейскій гнетъ Украинскому народу началъ чувствоваться съ 1625 года, т.-е. съ эпохи Куруковскаго договора или неудачнаго казацкаго возстанія, когда (какъ выше замѣчено) для многихъ поселенныхъ слободъ окончились льготные сроки и началось отбываніе всякаго рода повинностей и поборовъ. Да и какъ могло лѣнивое, легкомысленное панство не соблазняться услугами евреевъ, отъ которыхъ безъ всякихъ съ своей стороны трудовъ и хлопотъ оно разсчитывало получать тысячи и десятки тысячъ злотыхъ за аренды, только подъ условіемъ, чтобы никто кромѣ нихъ не курилъ и не продавалъ горѣлки.

Благодаря этимъ арендамъ, уничтожались для народа прежняя вольная охота въ степяхъ и безмездная рыбная ловля въ рѣкахъ; въ особенности тяжело показалось ему (а главное казачеству) уничтоженіе свободы курить вино, варить пиво и медъ. Вносся высокую арендную плату, евреи, ради своей наживы, кромѣ отмѣны этихъ вольностей, изобрѣтали и другія тяжести. Между прочимъ они уси-

лили такъ наз. поволовщину, т.-е. десятину съ приплода скота. Прежде она взималась разъ въ десять лѣтъ; а они, учащая ее постепенно, довели до ежегоднаго взиманія. Точно также, умножая панщину, они достигли того, что стали выгонять на панскія работы каждый день и даже въ праздники. Изобрѣтательность евреевъ въ сочиненіи налоговъ и даней не имѣла предѣловъ. Съ ихъ помощью, польскіе паны придумали, напримѣръ, слѣдующія, по выраженію русскаго лѣтописца „неслыханныя нововымышленныя дани": такъ наз. *дуды*, т.-е. пошлину за игру на дудкѣ, свирѣли, скрипкѣ, *повивачное*—отъ новорожденныхъ дѣтей за повиваніе, *поемщину*—отъ вступающихъ въ бракъ, *пороговщину*—отъ каждаго рога воловьяго или коровьяго, и т. д. и т. д.

Свой гнетъ евреи не ограничили матеріальною или хозяйственною стороною, а распространили его и на религіозныя потребности населенія. Польскіе и ополяченные паны и старосты въ своемъ легкомысліи и презрѣніи къ народу дошли до того, что, ради гнуснаго прибытка, стали отдавать въ аренду въ своихъ имѣніяхъ и староствахъ самыя православныя церкви, и ключи отъ нихъ вручали жидамъ-арендаторамъ. Такимъ образомъ не только кто хотѣлъ обвѣнчаться или окрестить ребенка, долженъ былъ платить за это жиду, но и въ воскресенье или другіе праздники онъ не давалъ ключей отъ церкви безъ оплаты ихъ пошлиной. Понятно, какъ подобныя неправды и притѣсненія раздражали народное чувство, и казацкія возстанія, конечно, происходили въ непосредственной связи съ этимъ народнымъ чувствомъ. Ненависть къ Ляху и Жиду все росла въ русскомъ Украинскомъ народѣ. Она неизбѣжно должна была вызвать впослѣдствіи еще болѣе рѣшительныя событія и перевороты.

Судебные акты эпохи наглядно свидѣтельствуютъ, что раздраженіе обывателей христіанъ противъ евреевъ часто выражалось въ разныхъ насиліяхъ надъ ними, т.-е. грабежахъ, побояхъ и убійствахъ, а также въ обычныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на евреевъ; таковы обвиненія въ убіеніи христіанскихъ дѣтей, въ колдовствѣ и въ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыя посылаются на людей (напр., моровое повѣтріе) за попустительство властей въ отношеніи жидовъ. Но тѣ же акты показываютъ, что и евреи съ своей стороны не оставалась въ долгу, и гдѣ чувствовали себя въ силѣ или большемъ количествѣ, тамъ они сами нападаютъ на христіанъ и даже убиваютъ; по нѣкоторымъ указаніямъ, они, подобно шляхти-

чамъ и казакамъ, носили сабли и вообще не чуждались вооруженія. Много встрѣчаемъ жалобъ на обманы и коварство евреевъ; но и послѣдніе обременяютъ суды или безконечными денежными исками, или дѣлами о насиліи. Въ самихъ судебныхъ приговорахъ, дошедшихъ до насъ, нерѣдко замѣчается явное пристрастіе къ еврейской сторонѣ, заставляющее подозрѣвать подкупность судей и наглядно подтверждающее жалобы вышеприведеннаго патріота. Притомъ въ исковыхъ и тяжебныхъ дѣлахъ еврей обыкновенно находилъ поддержку и заступничество со стороны того пана, у котораго онъ былъ арендаторомъ; разумѣется, чѣмъ сильнѣе былъ панъ, тѣмъ безнаказннѣе могъ дѣйствовать его арендаторъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на разныя насилія и всякія потери, претерпѣваемыя отъ христіанскихъ обывателей, еврейство въ Западной Россіи все множится и растетъ, на горе и разореніе коренному Русскому населенію ([28]).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

1. Книги Разрядныя. I. Спб., 1853. Дворцовые Разряды. I. 91 — 95, 123, 158, 199—204. Приложенія. №№ 18, 19, 31, 37, 38, 47, 49. Акты Арх. Эксп. III. №№ 18—29, (въ № 26 слова о Маринѣ), 35, 44, 50, 51, 53—63 (о разбойничавшихъ казакахъ и запорожцахъ), 78 (о Лисовскомъ). Акты Ист. III. №№ 11—39, 54, 63, 64, 248—283. Дополн. къ Акт. Ист. II. №№ 25—29. Соб. Гос. Гр. и Д. III. №№ 19—23, 28, 29. Разрядная книга 7123 и 7124 гг. (Времен. Об. Ист. и Др. 1849 г. Кн. 1 и 2). Акты Моск. Госуд. I. №№ 47, 72, 77, 103. Хронографы Столярова и Погодинскій (Изборникъ Ан. Попова. М. 1869.). Лѣтопись о мног. мятежахъ. Никонов. лѣт. VIII. Въ сихъ послѣднихъ лѣтописяхъ имѣемъ краткое упоминаніе о казни Заруцкаго и судьбѣ Марины съ сыномъ. Кромѣ того, въ сборникѣ лѣтописей Южной и Запад. Руси (Кіевъ. 1888) на стр. 80 говорится слѣдующее: Заруцкаго на косы въ яму живого бросили, мальчика Ивана Дмитріевича на шелковомъ снуркѣ повѣсили, а самое Марину постригли въ Суздалѣ въ монастырѣ Покрова Богородицы.

Неистовства воровскихъ казаковъ надъ жителями лѣтописецъ описываетъ такими словами: «Различными муками мучаще яко въ древнихъ лѣтѣхъ такихъ мукъ не бяше; людей ломающа на древо вѣшаху, и въ ротъ зелье сыпаху и зажигаху, и на огнѣ жгоша безъ милости. Женскому-жъ полу сосцы порѣзоваху и веревки вдерговаху и вѣшаху, и въ тайныя уды зелья сыпаху и зажигаху и многими различными муками мучиша и многія грады разориша и многія мѣста запустошиша» (Лѣт. о мн. мят. 304). Послѣ усмиренія воровскихъ казаковъ, въ Поволжьѣ нѣкоторое время продолжались еще набѣги и грабежи возмутившихся Татаръ и Луговой Черемисы. Въ 1615 г. для розысковъ надъ ними были посланы въ Казань бояринъ князь Григ. Петр. Ромодановскій и думный дворянинъ Кузьма Мининъ, а въ Астрахань кн. Ив. Мих. Барятинскій и дьякъ Иванъ Сукинъ. (Дворц. Разр. I. 208). Послѣ розысковъ въ Казани Ромодановскій и Мининъ въ томъ же году поѣхали обратно въ Москву, и во время этого обратнаго пути скончался знаменитый Кузьма Мининъ (Изборн. Ан. Попова. 363). О разныхъ льготахъ и царскихъ пожалованіяхъ его братьямъ, вдовѣ Татьянѣ и сыну Нефеду въ 1615 и 1616 гг. см. Акты Эксп. III. №№ 71, 83 и 85. Въ 1616 г. въ Суздальскомъ и Вла-

димірскомъ уѣздахъ заворовали боярскіе холопы и бѣглые люди; дворянъ и дѣтей боярскихъ стали убивать, крестьянъ жечь и грабить. Противъ этихъ разбойничьихъ шаекъ были посланы князь Дим. Петр. Лопата Пожарскій и костромской воевода Ушаковъ. (Разряд. кн. 7124 г. 52, 53). Относительно ногайскаго князя Иштерека, его сыновей, племянниковъ и мурзъ см. царскіе имъ подарки камками, соболями, сукнами и пр. въ приходорасходныхъ книгахъ Казеннаго Приказа 1613—1614 годы. (Рус. Ист. Библ. IX. 308—310). Ардашева: «Изъ исторіи XVII вѣка». (Жур. Мин. Н. Пр. 1898, іюнь). Здѣсь обслѣдованъ *Походъ Черкасъ* въ сѣверныя области, именно полковниковъ Барышпольца и Сидорки въ 1613—1614 гг. Этотъ отрядъ Малороссійскихъ казаковъ, отдѣлившійся отъ гетмана Ходкевича, дѣйствовалъ иногда въ связи со Шведами Якова Делягарди и временами какъ бы поступалъ къ нему на службу. О движеніяхъ Черкасъ и русскихъ воровъ см. также «Отписку игумена Кириллова монастыря» въ 1614 г. (Чт. О. И. и Д. 1897. II). О двухъ посольствахъ Михаила Θеодоровича къ шаху Аббасу въ 1613—1614 и въ 1615—1616 гг., Тихонова и Брехова, въ Трудахъ Восточ. Отдѣленія Археол. Общества. Т. XXI. Спб. 1892. Взаимные подарки Царя и Шаха см. въ Дополн. къ Дворц. Разр. Чт. О. И. и Д. 1882. I. Временникъ Об. И. и Др. № 4: «Книга Сеунчей 123 года». (Тутъ награды за сеунчъ или извѣстіе воеводскимъ гонцамъ деньгами, шубами, кубками, камками, мѣхомъ и пр.).

2. Акты Эксп. III. №№ 46, 76. Акты Ист. III. №№ 52, 53, 284. (То же въ С. Г. Г. и Д. III. № 34). Дополн. къ Акт. Ист. II. №№ 3—24, 30—32, 42—47. (Въ № 47 замѣчательно судное дѣло о пропускѣ посадскихъ людей изъ Новгорода однимъ боярскимъ сыномъ, стоявшимъ на караулѣ у Славянскихъ воротъ, весною 1616 г. Делягарди осудилъ его на смерть, но по ходатайству митрополита смертную казнь замѣнилъ торговою, т.-е. кнутомъ). Акты Москов. Государства. I. №№ 52—61, 64, 66—69, 71, 73, 76, 78, 80, 82. Дворцов. Разр. I. 171, 172, 283. Полн. Собр. Зак. I. № 19 (Текстъ Столбовскаго договора). П. С. Р. Л. III. 267—273 и въ прибавленіяхъ «Сказаніе» объ осадѣ Тихвинскаго монастыря. Никон. л. Лѣт. о мн. мятежахъ. «Повѣсть о прихожденіи Свейскаго краля съ Нѣмцы подъ городъ Псковъ». Сообщена М. Семевскимъ (Чт. Об. Ист. и Др. 1869. Кн. I.). Лыжина: «Столбовскій договоръ и переговоры, ему предшествовавшіе». Спб. 1857.— Не особенно важно какъ изслѣдованіе, но цѣнно по своимъ приложеніямъ, которыя занимаютъ большую половину книги и представляютъ разные документы, относящіеся къ переговорамъ и событіямъ. Аделунга: «Uebersicht der Reisenden in Russland» (Гутериса описаніе Голландскаго посольства въ Россію и Пальма-донесеніе Шведскаго посольства о пребываніи въ Москвѣ. См. Чт. О. И. и Д. 1863. IV). Гейера: «Geschichte Schwedens». III. Галленберга: «Исторія Швеціи въ правленіе короля Густава Адольфа Великаго» (Svea Rikas Historia under Konung Gustaf Adolf den Stores regering). Якубова: «Россія и Швеція въ первой половинѣ

XVII в.». Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. и Шведскаго Государст. Архива. 1616—1651 г.г. (Чт. Об. Ист. и Др. 1897 г. Кн. 3). Первый отдѣлъ, относящійся къ царств. Мих. Ѳеод—ча, заключаетъ: 1) Переговоры въ с. Дедеринѣ 1616 г.; 2) Переговоры въ с. Столбовѣ 1617 г.; 3) посольство кн. Барятинскаго въ Швецію въ 1617—1618 гг.; 4) отправленіе туда-же гонцовъ въ 1618 г.; 5) пріѣздъ въ Москву Густава Стенбука съ товарищами въ 1618. Того же К. И. Якубова «Русскія рукописи Стокгольмскаго Государ. Архива». (Ibid. 1890. I. и IV). Въ помянутыхъ выше приходорасход. книгахъ Казен. Приказа на стр. 212 находимъ пожалованіе стольникамъ и воеводамъ кн. Семену Вас. Прозоровскому и Леонтію Андр. Вельяминову за Тихвинское сидѣніе по серебряному кубку и по шубѣ изъ бархата и камки на соболяхъ съ серебряными золочеными пуговицами.

3. С. Г. Г. и Д. III. №№ 7 (Грамота Сигизмунду отъ Земской Думы въ мартѣ 1613 г.), 8 (Роспись пословъ и разныхъ людей, задержанныхъ въ Польшѣ), 9 (письмо Николая Струся къ королю), 13 (отвѣтъ пановъ-рады Земской Думѣ), 15 (изъ наказа Ушакову и Заборовскому, посланныхъ къ императору Матѳію), 24, 25, 26 (грамоты, посланныя съ Ѳед. Желябужскимъ въ декабрѣ 1614 г.). На грамотѣ отъ Боярской Думы къ панамъ-радѣ (№ 24) подписи съ печатями одиннадцати бояръ, съ кн. Ѳ. И. Мстиславскимъ на первомъ мѣстѣ и кн. Д. М. Пожарскимъ на послѣднемъ. Затѣмъ слѣдуютъ подписи пяти окольничихъ, крайчаго, думнаго дворянина (Кузьмы Минина), постельничаго и двухъ дьяковъ. Далѣе №№ 36 (1617 г. октября 18, наказъ Д. М. Пожарскому относительно обороны Калуги), 39 (Грамота Владислава Россіянамъ въ августѣ 1618 г.), 40 (Земскій Соборъ въ Москвѣ, 1618 г. 9 сентября, относительно обороны противъ Владислава, съ расписаніемъ осадныхъ воеводъ и ратныхъ людей), 41 и 42 (о сборѣ рати въ Нижнемъ и во Владимірѣ на помощь Москвѣ), 43 (о встрѣчахъ Филарету Никитичу), 45 и 46 (чинъ поставленія его въ патріархи и утвердительная грамота Ѳеофана). Тотъ же чинъ поставленія въ болѣе обширномъ видѣ и съ «извѣстіемъ о началѣ патріаршества въ Россіи» въ Дополн. къ Акт. Ист. II. № 76. Акты Ист. III. №№ 4, 7 (о ссылкѣ измѣнившихъ литовскихъ людей Хмѣлевскаго и Староховскаго въ Верхотурье), 72 (окружная грамота Владислава о его правахъ на Московскій престолъ, въ декабрѣ 1616 г.), 77 (объ Ададуровѣ въ Верхотурьѣ. Ему съ женою и дѣтьми велѣно давать по 2 гривны въ день на содержаніе, въ іюлѣ 1619 г.). А въ слѣд. 1620 г. этотъ Ададуровъ, по милости къ нему Филарета Никитича, переведенъ изъ Верхотурья къ Казань (ibid. № 89). Вѣроятно въ его поведеніи были какія-либо смягчающія обстоятельства. Акты Запад. Россіи. IV. №№ 208—210. Акты Арх. Эксп. III. №№ 12, 92, 94, 97—99, 227 и 320. (Тутъ увѣщательныя грамоты отъ московскихъ воеводъ къ русскимъ людямъ, служившимъ въ литовскихъ полкахъ). «Подлинныя свид. о взаимныхъ отнош. Россіи и Польши». Изд. Муханова. 1843.

Книги Разрядныя. I. На столб. 606—608 привѣтственныя рѣчи М. Б. Шеину, дьяку Т. Луговскому и прочимъ воротившимся плѣнникамъ, съ спросомъ о здоровьѣ. Разрядныя книги 7123—25 гг. (Времен. Об. И. и Др. Кн. 1, 2 и 3). Дворцовые Разряды. I. Тутъ на 125 столбцѣ извѣстіе о поведеніи второго воеводы подъ Смоленскомъ кн. Троекурова. По донесенію Дм. Мам. Черкасскаго, Троекуровъ пересталъ заниматься дѣлами по слѣдующему поводу: Михаилъ Пушкинъ, которому было поручено собрать дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ на государеву службу, пришедши подъ Смоленскъ, отдалъ списки собранныхъ имъ людей одному князю Черкасскому, считая, что ему «отводить людей къ Троекурову невмѣстно». Изъ Москвы прислали увѣщаніе Троекурову «въ безчестіе себѣ того не ставить». Столбцы 354—383 (Владиславъ подъ Москвою и Деулинское перемиріе). Акты Моск. Гос. Т. I. Спб. 1890. №№ 62, 63, 65, 77, 79, 81, 83, 84, 93, 109—121. (Любопытны №№ 81 и 83, содержащіе распросныя рѣчи о состояніи русскаго осаднаго войска подъ Смоленскомъ, а также о количествѣ и состояніи польскаго войска, въ апрѣлѣ 1614 года). Сборникъ Муханова. №№ 113 и 114 (Рѣчь архіепископа Гнѣзненскаго и отвѣтъ Владислава). Historica Rus. Mon. II. Append. № XXIV (Грамота Владислава дядѣ своему Римскому императору, 1617 г.). Дѣла Польскія въ Архивѣ Мин. Ин. Д. №№ 29 и 30, по ссылкѣ С. М. Соловьева въ 5 прим. къ Т. IX. См. его же «Острожковскіе и Подмосковные переговоры». Документы, относящіеся къ мирнымъ переговорамъ съ Поляками въ 1618 г., возвращеніе Филарета и поставленіе на патріаршество также у Иванова въ «Описаніи Госуд. Разряд. Архива». М. 1842. 283—301. О тѣхъ же дипломатическихъ актахъ см. Бантышъ-Каменскаго «Переписка между Россіей и Польшей». Чт. О. И. и Др. 1862. Т. IV. Объ участіи іерусалим. патріарха Ѳеофана въ поставленіи Филарета см. въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ (Вып. 43. Спб. 1895): «Сношенія патріарха Ѳеофана съ русскимъ правительствомъ» Каптерева. Виленскій Археограф. Сборникъ. IV. № 46 (1614 г. Письмо литовскихъ плѣнниковъ изъ Нижняго-Новгорода гетману Ходкевичу о томъ, что царь никакихъ денегъ за нихъ не возьметъ, а требуетъ освобожденія своего родителя изъ польскаго плѣна). Письма Ив. Ник. Романова изъ Москвы къ Филарету Никитичу, находившемуся въ польскомъ плѣну, съ указаніемъ на письма къ нему же отъ Ив. Бор. Черкасскаго и братьевъ Салтыковыхъ. Извлечено изъ Скуклостерскаго семейнаго архива въ Швеціи Чумиковымъ (Чт. О. И. и Др. 1869. Кн. I). Шуйскіе Акты, изд. Гарелинымъ. М. 1893. №№ 14 и 15, относящіеся къ нашествію Владислава и разоренію отъ Черкасъ. Никонов. лѣт. VIII. Лѣт. о мн. мятежахъ. (Въ нихъ на стр. 220 и 312 неудачу переговоровъ подъ Смоленскомъ лѣтописецъ приписываетъ думному дьяку Петру Третьякову, который будто бы не послалъ своевременно полнаго государева указу московскимъ уполномоченнымъ). Голикова «Дополненіе къ Дѣян. Петра В.». II, стр. 441. Книга объ избраніи на царство Мих. Ѳеод—ча. М. 1856. Изборникъ Ан. Попова. 363—367. Времен-

никъ. Кн. 4 (Помѣстныя дѣла), кн. 5 (Смѣсь. 1 стр. о наградѣ Ѳ. И. Шереметьеву за Деулинское перемиріе), кн. 16 (Иное сказ. о Самозванцахъ. 143—146. Чудеса св. Сергія, относящіяся къ нашествію королевича Владислава). Авраамій Палицынъ. Маскевичъ. Коберждицкаго Historia Vladislai—usque ad excessum Sigismundi III. Dantisci. 1655. Извлеченіе изъ него въ русскомъ переводѣ «О походахъ польскаго короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россію» (Сынъ Отечества. 1842. № 4). Объ осадѣ г. Михайлова Сагайдачнымъ современное сказаніе. Кіев. Стар. 1885. декабрь. (Извлечено изъ Рязан. Губ. Вѣд.). Для участія въ польско-русскихъ отношеніяхъ 1618—1619 гг. боярина Ѳ. И. Щереметева см. обстоятельный трудъ А. П. Барсукова: «Родъ Шереметьевыхъ». Кн. II. Спб. 1882.

4. Акты Эксп. III №№ 3—5, 31, 36 и 37 (двѣ грамоты, судная и уставная, для Устюжны Желѣзнопольской, обѣ отъ 5 іюня 1614 г.), 43, 48, 55 (ушедшіе изъ Москвы бараши), 64, 68, 70, 78. Акты Истор. III. №№ 2, 3, 56, 62, 67 (Старцу Діонисію Голицыну отдано сельцо Никольское, взятое у царицы старицы Дарьи, бывшей жены Ивана Грознаго, Колтовской, а ей даны другія деревни), 68 (Никита Строгановъ, проживавшій на устьѣ Орла, у какого-то Якова Литвинова отнялъ его животы, въ томъ числѣ 100 рублей, которые Литвиновъ «взялъ на зятѣ своемъ за убитую свою дочерь Усолья Камскаго на жильцѣ на Семейкѣ Серебреницынѣ), 73 и 79. Дополн. къ Акты Ист. II. № 17. Тутъ донесеніе 1614 года бѣлозерскаго воеводы Петра Чихачева и дьяка Шостака Копнина относительно сбора посошныхъ денегъ и хлѣба на жалованье стрѣльцамъ. Со всего Бѣлозерскаго уѣзда «по разводу» приходилось, кромѣ посада Бѣлоозера, 1219 руб. 22 алтына, а хлѣба 1208 четвертей ржи, тоже и овса. Но по случаю разоренія отъ Литвы, Черкасъ и русскихъ воровъ собрали только около половины. Съ посада Бѣлоозера приходилось 80 руб. 11 алтынъ, ржи 79 четвертей съ осьминою и полчетверти и столько же овса. Посадскіе дали 50 руб., а хлѣба совсѣмъ не дали. Когда же воевода съ дьякомъ велѣли тѣ недоимки править съ двухъ земскихъ старостъ и съ посадскихъ, то «они на правежъ не дались, и велѣли звонить въ набатъ и хотѣли (воеводу и дьяка) побить». При томъ изъ 200 стрѣльцовъ, «прибранныхъ» на Бѣлоозерѣ, сорокъ человѣкъ, получивъ денежное и хлѣбное жалованье, сбѣжали къ казакамъ, не смотря на круговую по нихъ поруку. Отвѣтную грамоту на это донесеніе см. Ак. Эксп. III. № 43. Посадскимъ людямъ за сопротивленіе велѣно учинить наказаніе; для сбора четвертныхъ доходовъ посылается па Бѣлоозеро Никита Беклемишевъ. Въ слѣдующемъ 1615 г. воеводою здѣсь встрѣчаемъ Ивана Головина, а дьякомъ Луку Владиславлева. Изъ царской грамоты къ нимъ, вызванной донесеніемъ Беклемишева, видно слѣдующее. Прежнимъ воеводѣ и дьяку (Чихачеву и Копнину) велѣно наблюдать, чтобы дозорщикъ для сошнаго письма дворцовыя и черныя земли, розданныя въ мелкія помѣстья и составлявшія *малыя сохи* (360 четей), соединялъ въ одну *большую соху* въ 800 четей.

А съ патріаршихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ, «по прежнему окладу», велѣно собрать четвертныхъ денежныхъ доходовъ по 175 руб. съ сохи на запасы ратнымъ людямъ. (Бѣлоозеро принадлежало къ Галицкой чети). Но воевода Чихачевъ и дьякъ Копнинъ не разрѣшали переписать дозорныя книги и рукъ своихъ къ нимъ не приложили, по челобитью бѣлозерскихъ помѣщиковъ, которые жаловались, что въ соху кладено только по 360 четей. Посланный сюда сборщикомъ Никита Беклемишевъ утверждаетъ, что это челобитье неправедное, и ссылается на дозорныя книги Ивана Шетнева, по которымъ и въ меньшія сохи кладено по 600 четей пашни, а иногда и болѣе. Царская грамота подтверждаетъ новымъ воеводѣ и дьяку, чтобы по дозорнымъ книгамъ Ивана Шетнева означенныя помѣстныя и вотчинныя земли клались въ живущую соху по 800 четей. (Дополн. къ Ак. Ист. II. № 39). Въ 1614 году видимъ другой случай сопротивленія. Въ Чердынь пріѣхалъ князь Никита Шаховской для сбора даней, кабацкихъ и таможенныхъ денегъ. Когда же онъ хотѣлъ поставить на правежъ «земскихъ людей» за недоимки, то земскій староста Михалко Ванковъ съ товарищи и нѣкоторые посадскіе не только не дались на правежъ, но и прибили самого сборщика князя Шаховского. Царская грамота приказываетъ чердынскому воеводѣ Волкову и дьяку Митусову старосту Ванкова и прочихъ буяновъ «передъ княземъ Никитою бивъ батоги нещадно, вкинути въ тюрьму на мѣсяцъ, чтобы инымъ такъ впередъ не повадно было воровать». (Акты Эксп. III. № 48). Любопытна, посланная тѣмъ же Волкову и Митусову, царская грамота, въ іюлѣ 1615 года, о немедленномъ сборѣ «съ Чердыни, съ посаду и съ уѣзду съ осьми сохъ ратнымъ людемъ за хлѣбные запасы» на тотъ годъ: «для дальняго привозу и крестьянскія легкости», деньгами 1200 руб., и съ сохи по полутора рубли за четь «съ провозомъ». (Акты Эксп. III. № 72). Это первый извѣстный намъ переводъ стрѣлецкой подати хлѣбомъ на денежный налогъ, по 150 руб. съ сохи. См. диссертацію П. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго». Спб. 1892, стр. 55. Здѣсь приводится еще примѣръ 1616 года въ Устюжской чети, гдѣ на соху приходится по 160 руб. (Со ссылкою на «Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ». Главн. Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣлъ). Въ той же диссертаціи см. разсужденіе о чрезвычайномъ сборѣ *пятой деньги*. Разсмотрѣвъ источники и разныя мнѣнія о ней, авторъ склоняется къ тому, что это былъ налогъ подоходный, а не имущественный (стр. 59—63). Олеарій едва ли правъ, говоря, что пятая деньга составляетъ пятую часть имущества (Чт. О. И. и Д. 1868. IV. 261); а вмѣстѣ съ нимъ и проф. Загоскинъ («Ист. права Моск. Госуд.». I. 162). Шуйскіе Акты. №№ 12 и 31. (Жалобы на дозорщиковъ и сыщиковъ). Объ указанныхъ мѣстническихъ спорахъ см. Дворц. Разряды. I. Столбцы 96, 97, 109—111, 120—123, 129. С. Г. Г. и Д. III. № 18 (приговоръ по дѣлу Пожарскаго съ Салтыковымъ).

Относительно созыва Земскаго Собора 1616 года имѣемъ царскую грамоту отъ 12 января въ Пермь Великую воеводѣ Волкову и дьяку Пустошкину.

Эта грамота подтверждаетъ прежде посланную съ приказаніемъ: «прислать къ Москвѣ для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ Пермичъ посадскихъ лутчихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ не мѣшкая ни часу; а на Москвѣ тѣмъ («выборнымъ») людемъ велѣно явитись въ Посольскомъ Приказѣ думному дьяку нашему Петру Третьякову» (Акты Эксп. III. № 77). Этому Собору 1616 года принадлежатъ соборные приговоры о взысканіи денегъ со Строгановыхъ на ратныхъ людей (Акты Эксп. №№ 79, 80 и 81. Въ № 79 упоминается финансовая коммиссія съ участіемъ въ ней соборнаго старца Діонисія и кн. Д. М. Пожарскаго). Различныя мнѣнія о Земскихъ Соборахъ того времени профессоровъ Бѣляева, Загоскина, Сергѣевича, Чичерина. О томъ см. Латкина «Земскіе соборы Древней Руси». Спб. 1885. 155—174. Котошихинъ. Прибав. къ Псков. лѣт. (Объ ограниченіи власти Михаила боярами). Псковскій лѣтописецъ во всемъ обвиняетъ бояръ, расхищавшихъ царскія села, «понеже невѣдомо бѣ царю, яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша». О преобладающемъ же вліяніи Мареы на сына, до возвращенія Филарета изъ плѣна, лѣтописецъ прямо говоритъ: «боголюбивая его мати, инока великая старица Мареа, правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ» (П. С. Р. Л. V. 64).

Какія обширныя земельныя владѣнія захватили себѣ въ Смутное время бояре и вообще сильные люди, видно изъ «Докладной выписки», составленной въ 1613 г. вскорѣ послѣ избранія Михаила. (Отрывокъ этой выписки, сообщенный А. П. Барсуковымъ въ Чт. О. И. и Д. 1895. I.). Докладъ этотъ назывался тогда «Землянымъ спискомъ», какъ это свидѣтельствуетъ «Указная книга Помѣстнаго приказа», изданная Стороженымъ въ «Описаніи докум. и бумагъ, хранящ. въ М. Арх. М. Юст.», Т. VI. См. у него о составѣ этой Указной книги и какъ она слагалась послѣ пожара 1626 г.). О хищеніяхъ боярскихъ также въ Пск. Перв. лѣт. (П. С. Р. Л. IV. 332) подъ 1618 г.: «Былъ во Псковѣ князь Ив. Ѳед. Троекуровъ, и взялъ четвертой снопъ на государя съ монастырей и съ церквей изо всякаго хлѣба на ратные люди, а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ». «Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг.» Сообщ. Зерцаловымъ. Изд. Археогр. Коммиссіей. Спб. 1894 (Введеніе Лаппо-Данилевскаго). О вымогательствахъ и притѣсненіяхъ населенію, свидѣтельствуютъ, напр., грамоты царскія Бѣжичанамъ, 1615 г., гдѣ говорится, какъ воеводы, приказные люди, посланники и гонцы незаконно взимали «кормы и многіе посулы». (Чт. О. И. и Д. 1881. III.). О дворцовомъ хозяйствѣ въ первые годы Мих. Ѳеодоровича (1613—1614) любопытныя подробности даютъ приходорасходныя книги Казеннаго приказа, изданныя Археогр. Коммиссіей въ т. IX Русской Истор. Библіотеки. Онѣ даютъ указанія на цѣны всевозможныхъ товаровъ своего времени, на царскихъ мастеровъ, ихъ жалованье, награды разнымъ лицамъ, поднесеніе подарковъ царю отъ торговыхъ людей, иноземныхъ и рус-

скихъ, и пр. Этими книгами, хранящимися въ Архивѣ Моск. Оруж. Палаты, пользовался И. Е. Забѣлинъ для своихъ трудовъ о «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ».

О дѣлѣ Хлоповой: С. Г. Г. и Д. III. № 63. П. С. Р. Л. 65 и 66 (прямо обвиняетъ въ этомъ дѣлѣ Салтыковыхъ и указываетъ на сопротивленіе Маѳы возвращенію Хлоповой). Рихтера: «Исторія медицины въ Россіи». М. 1820. II, 121. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царицъ». М. 1869. 226—236. Въ 1616 г. упоминается вологодскій воевода Иванъ Хлоповъ. (Сборникъ Хилкова. № 47). Объ исправленіи книгъ и о дѣлѣ архим. Діонисія: его Житіе. М. 1816. Скворцова: «Діонисій Зобниковскій». Тверь. 1890. Акты Арх. Эксп. III. №№ 166, 228, 329. Статья Казанскаго «Исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ» въ Чт. О. И. и Д. 1848. VIII. Рукописные матеріалы указаны въ «Исторіи Рус. Церкви». Митроп. Макарія. Т. IX. Отдѣлъ Междупатріаршества. Пожалованья по челобитьямъ Троицкаго монастыря: Акты Эксп. III. №№ 1 и 11. Акты Ист. III. №№ 58 и 59. Доп. къ А. Ист. II. № 37. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь также выхлопоталъ себѣ право вѣдаться въ одномъ Приказѣ Большого Дворца у Б. М. Салтыкова. О томъ грамота 1615 г. въ Чт. О. И. и Д. 1885. II. Въ Извѣстіяхъ Рус. Археолог. Инст. въ Константинополѣ (II. Одесса. 1897) въ отдѣлѣ Хроники «Потребникъ Московской печати», напечатанный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

5. «Всероссійскіе патріархи: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ I, съ изображеніями». Соч. Н. А. А. (Чт. Об. И. и Др. 1847. № 3). О дѣлѣ архим. Діонисія тѣ же источники и пособія, которые указаны въ предыдущемъ примѣчаніи. Любопытна грамота 1633 года новгород. митрополита Кипріана игумену Архангельскаго монастыря: Святѣйшій патріархъ Филаретъ приказалъ отобрать и прислать къ нему уставы, напечатанные при царѣ Шуйскомъ, «для того, что тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго брата его Ермогена патріарха и всего священнаго Собору». (Акты Арх. Эксп. III № 228). Отобранный уставъ былъ сожженъ. О томъ въ Рус. Ист. Биб. III. 902. («Опись келейной казны патріарха Филарета»). Митрополитъ Макарій въ своей «Исторій Русской Церкви» (Т. XI, стр. 47) говоритъ, что въ этомъ случаѣ произошло какое-то недоразумѣніе: нѣкоторые экземпляры устава уцѣлѣли, и въ предисловіи къ сей книгѣ сказано, что она благословлена и свидѣтельствована патріархомъ Гермогеномъ. Отпечатанныя богослужебныя книги разсылались по городамъ изъ Печатнаго книжнаго приказа, и за нихъ взыскивались деньги съ населенія. См. относящіеся сюда акты въ Чт. О. И. и Д. (1883. II.), съ обозначеніемъ цѣнъ. Напр., за *Шестодневецъ* 1 руб. 10 алтынъ, *Часовникъ*—8 алт. 2 деньги, *Псалтырь слѣдованная*—2 р. 3 алт. 2 ден., *Евангеліе напрестольное*—2 руб. 2 алт. и т. д. (Любопытна здѣсь челобитная тяглыхъ крестьянъ Чарондской волости, чтобы съ

нихъ денегъ не взыскивали, потому что у нихъ въ церквахъ тѣ книги «наметные» уже есть). Кромѣ оправданія архим. Діонисія, патріархъ Филаретъ также соборнѣ оправдалъ въ 1621 г. вологодскаго архіепископа Нектарія, котораго митрополитъ Іона лишилъ сана и сослалъ въ Кирилловъ монастырь. Тамъ его содержали такъ строго, что не позволили причащаться въ епитрахили; на что Филаретъ обратилъ особое вниманіе. (Чт. О. И. и Д. 1866. Ш.).

Переводъ дѣвицы Хлоповой изъ Тобольска въ Верхотурье, а потомъ въ Нижній и пересмотръ ея дѣла: Акты Ист. III №№ 80 и 91. С. Г. Г. и Д. III. №№ 63, 64, 65. П. С. Р. Л. V. 66. Новый лѣтоп. 187. Дворц. Разр. I. 622—639. Дѣвица Хлопова умерла въ 1633 году и «выморочный» послѣ нея дворъ, принадлежавшій прежде Кузмѣ Минину, былъ отданъ князьямъ Черкасскимъ, Ив. Бор—чу и Як. Куденетовичу (Ак. Эксп. III. № 218. А въ № 215, подъ 1632 г. говорится о смерти Нефеда Кузмича Минина, послѣ котораго его вотчина село Богородское съ деревнями пожалована тому же князю Якову Куд. Черкасскому). Кстати укажемъ на № 159, гдѣ жалованная грамота кн. Ив. Бор. Черкасскому въ 1624 г. на село Павловъ Острогъ съ деревнями, на берегу р. Оки. Пожалованіе это отъ царя и патріарха состоялось въ награду за разореніе и гоненіе отъ Б. Годунова на кн. Бориса Канбулатовича, княгиню Марѳу Никитичну и ихъ сына Ив. Бор—ча, который сосланъ былъ въ казанскій пригородъ Малмыжъ, сидѣлъ тамъ въ тюрьмѣ и мучился за Романовыхъ «терпѣлъ лѣтъ съ пять». Ивану Борисовичу Царь дѣлалъ подарки, считавшіеся наиболѣе драгоцѣнными, именно мощами, т.-е. частицами мощей. См. Дополн. къ Дворц. Разр. I. 288. О сватовствѣ Мих. Ѳед—ча за границей проф. Цвѣтаева: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884 г. Гл. IV и V. Со ссылками на документы Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., именно Дѣла Датскія 1621 года и Дѣла Шведскія 1622 г. См. также «Памятники дипломат. сношеній съ державами иностранными». II. № 14 и Ю. Н. Щербачова—Обозрѣніе Датскаго Архива по отношенію къ Россіи въ Чт. О. И. и Д. 1893. I. Любопытно, что у нашихъ пословъ въ Данію, князя Львова и дьяка Шипова, были отобраны на государя подарки, данные имъ Христіаномъ IV и состоявшіе изъ серебряныхъ кубковъ, стопъ, рукомойниковъ и пр. (Дополн. къ Дворц. Разр. I. 310—314. Чт. О. И. и Д. 1882. II.).

Древн. Рос. Вивл. XIII. (Обряды первой свадьбы Михаила Ѳеодоровича, съ Марьей Владиміровной Долгорукой). Акты Эксп. III. №№ 156 и 157 (Царская грамота тобольскому архіеп. Кипріану и грамота ростов. митрополита Варлаама своему духовенству о бракосочетаніи царя съ княгиней Долгорукой, о поминовеніи царицы Марьи на эктеніяхъ и моленіи о ея чадородіи. Приведена и самая эктенья, повидимому, приспособленная патріархомъ Филаретомъ). Дворц. Разряды. Письма инокини Дарьи (Колтовской) изъ Тихвин. монастыря Мих. Ѳеодоровичу съ благодарностію за подарки, по случаю брака съ княжной Долгорукой. (Письма Рус. государей. № 181. Духовную этой инокини, 1626

года, см. во Времен О. И. и Д. Кн. 9. Смѣсь). Милорадовича: «Царица Марья Владиміровна» (Русск. Арх. 1897. № 9. Она будто бы была отравлена).

О бракѣ Мих. Ѳеод—ча съ Евдокіей Лук. Стрѣшневой: Изборникъ Ан. Попова. 208. Подробный чинъ бракосочетанія въ Др. Рос. Вивл. XIII и въ С. Г. Г. и Д. III. № 72; также въ Дворц. Разр. I. 763—788. Кромѣ того есть особая лицевая рукопись въ описаніемъ сего бракосочетанія. Хранится въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Издана въ Москвѣ въ 1810 г. Дополн. къ Дворц. Разр. I. 435—444. (Тутъ любопытны царскіе подарки разнымъ лицамъ и приношенія новобрачнымъ. Между прочимъ «веселымъ» или скоморохамъ, а также домрачеямъ и скрыпотникамъ дано по 4 арш. англійскаго сукна «за то, что они были о государской радости вверху, тѣшили его государя»). Церковное распоряженіе о моленіи за царя и царицу см. въ Ак. Эксп., III. № 169, грамоту Новгород. митроп. Макарія игумну Тихвин. монастыря; причемъ разрѣшается прислать старцевъ и слугъ изъ монастырей съ образами и дарами, но самому игумену ради «дальняго пути» не велѣно ѣздить. Лукьянъ Стрѣшневъ тутъ названъ просто «дворяниномъ». И. Е. Забѣлинъ приводитъ слѣдующее извѣстіе. Постельницы Евдокіи Лукьяновны говаривали между собою: «не дорога-де она государыня; знали мы ее коли она хаживала въ жолтикахъ (т.-е. желтыхъ чеботахъ); нынѣ-де государыню Богъ возвеличилъ! («Домашній бытъ рус. царицъ», стр. 233). О томъ, что Евд. Лук. была сѣнною дѣвушкою у Шереметьевыхъ сообщаетъ Страленбергъ: Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. 211). Другое преданіе сообщаетъ, будто она была прислужницей какой-то знатной дѣвицы, привезенной на царскія смотрины. (Рус. Вѣст. 1811. № I, стр. 8). Это преданіе, облеченное въ сантиментальную повѣсть, подъ заглавіемъ «Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ» помѣщено въ Достопамят. повѣств. о велик. госуд. и знаменит. боярахъ XVIII вѣка. П. Львова. М. 1821. См. также А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», III. 55.

О рожденіи Алексѣя Михайловича: Никон. Л. Лѣт. о мн. мят. С. Г. Г. и Д. III. № 79. Акты Эксп. III. №№ 185 и 186 («Богъ простилъ царицу нашу и великую княгиню Евдокѣю, и родила намъ сына». Разрѣшается по сему случаю пріѣхать въ Москву «съ окладными образы» священникамъ и старцамъ изъ тѣхъ монастырей, «изъ которыхъ напредъ сего ѣздили»). Дворц. Разр. II. 40, 50 и 51. Роспись многочисленнымъ подаркамъ, поднесеннымъ новорожденному царевичу послѣ крестинъ его родственниками, начиная съ дѣда и бабки и кончая Анастасіей Никитичной, супругой кн. Бор. Мих. Лыкова, потомъ боярами, боярынями, гостями, иноземными послами и пр. въ Дополн. къ Дворц. Разр. I. 562 и слѣд. О троицкомъ келарѣ Александрѣ Булатниковѣ имѣемъ нѣсколько извѣстій: въ Актахъ Моск. Госуд. II. № 195, въ челобитьѣ Божина Блудова говорится, что, когда онъ отъ бѣдности поступилъ въ троицкіе монастырскіе служки, то келарь Александръ Булатниковъ хотѣлъ его изъ служекъ отдать въ холопы своему внуку князя Ѳадею Шаховскому и за его

отказъ посадилъ его въ тюрьму; тогда онъ вынужденъ былъ дать на себя служилую кабалу князю Шаховскому. Это было въ 1629 году (стало быть въ годъ рожденія Алексѣя Михайловича), и только въ 1641 г. онъ подалъ челобитную царю; послѣ чего былъ освобожденъ отъ холопства. О князѣ Ѳадеѣ Романовичѣ Шаховскомъ, т.-е. о его службѣ, см. Древ. Рос. Вивл. IX. 325. Вѣроятно онъ приходился внукомъ А. Булатникова по своей матери. Въ томъ же 1641 г. въ маѣ встрѣчаемъ въ Дворц. Разр., II. 658, слѣдующее: «послалъ государь въ Троицкій монастырь переписывать послѣ келаря Александра Булатникова» (слѣдуютъ имена посланныхъ лицъ); очевидно онъ въ этомъ году оставилъ сію должность, и послѣ него велѣно провѣрить монастырское имущество. Подобно своему предшественнику Авраамію Палицыну, онъ поступилъ въ Соловецкую обитель, куда удалился по обѣту. Объ этомъ имѣемъ извѣстіе, относящееся къ слѣдующему 1642 году, въ Актахъ Эксп. III. № 309, именно грамоту царицы Евдокіи Лукьяновны Соловецкому игумену Маркелу съ братіей о томъ, чтобы Булатникову «дали келью добрую покоили и чтили во всемъ». «По нашему указу отпущенъ въ Соловецкій монастырь, па обѣщанье, бывшей Троицкой келарь, а нашихъ царскихъ дѣтей воспріемникъ Александръ Булатниковъ». Списокъ дьякамъ и мамкамъ царевича Алексѣя Михайловича, его братьевъ и сестеръ см. Времен. О. И. и Д. (Кн. 9. Смѣсь). У царевича Алексѣя указаны два дядьки, Б. И Морозовъ и Ѳед. Бор. Далматовъ-Карповъ, и двѣ мамы, Ирина Никитична Годунова, а послѣ нея Ульяна Степ. Собакина. Кромѣ того при немъ, какъ наслѣдникѣ престола, состояло до 20 стольниковъ.

6. До насъ дошли двѣ царскихъ окружныхъ грамоты съ изложеніемъ соборныхъ постановленій о новой посылкѣ писцовъ и дозорщиковъ, выборѣ свѣдущихъ людей и пр. Первая грамота отъ 3 іюля 1619 года въ Галичъ на имя губного старосты Перелешина (Акты Эксп. III. 105 и у Иванова «Опис. Разр. Архива» 302—304); вторая отъ 5 іюля того же года въ Новгородъ Великій воеводамъ князю Ив. Хованскому и Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину (С. Г. Г. и Д. III. № 47). Онѣ тождественны по своему содержанію; только въ Новгородѣ велѣно произвести выборы *отъ каждой пятины* по два человѣка отъ духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и посадскихъ людей, слѣдовательно отъ каждаго класса по 10 человѣкъ. Былъ ли Земскій Соборъ 1619 года продолженіемъ собора 1615—16 и слѣдующихъ годовъ или особымъ, о томъ разныя мнѣнія; см. Бѣляева («Земскіе соборы на Руси», 30 стр.), который отвѣчаетъ утвердительно, Загоскина («Исторія Права Моск. Госуд. I. 252) и Латкина («Земскіе Соборы Древней Руси», 167 и «Матер. для ист. Земскихъ Собор. XVII ст.», 168), которые съ нимъ не согласны. Объ отсрочкѣ собора свѣдущихъ людей съ 1 октября до 6 декабря узнаемъ изъ (открытой проф. Дитятинымъ) царской грамоты, помѣченной 9 сентября и написанной на имя устюжскаго воеводы Бутурлина (Рус. Мысль 1883. Кн. 12).

О возвращеніи на прежнія мѣста жительства царская грамота Чердынскому воеводѣ Сарычу Линеву, въ декабрѣ 1629 года (Акты Ист. III. № 160). Воеводѣ предписано разыскать въ Перми и Пермскомъ уѣздѣ вятскихъ людей, которые ушли съ женами и дѣтьми изъ городковъ Слободскаго и Шестакова и живутъ у пермскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а въ пермскихъ писцовыхъ книгахъ Михаила Кайсарова не записаны и притомъ живутъ не болѣе десяти лѣтъ. Дѣло объ нихъ возникло по жалобѣ вятскаго воеводы Борзецова, который для сыску бѣглыхъ долженъ прислать въ Пермь вятскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Жалован. грамота посадскимъ Погорѣлаго Городища въ Акт. Ист. III. № 102. Двѣ жалов. грамоты Калужанамъ ibid. №№ 83 и 110. О книгахъ писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и др. у Иванова въ *Опытѣ* историч. изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи, М. 1846, «Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣч. въ древнихъ документахъ». Потомъ «Описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ» и пр. въ *Описаніи* документовъ и бумагъ Архива Мин. Юстиціи. Кн. 1. Спб. 1869. Опись писцовыхъ книгъ и немногихъ дозорныхъ, относящихся ко времени Михаила Ѳеодоровича и хранящихся въ Архивѣ Мин. Юстиціи, см. также *Описанія* кн. 2. Спб. 1872. О писцахъ и дозорщикахъ прекрасная работа представлена Лаппо-Данилевскимъ въ его «Организаціи прямого обложенія». Гл. 2-я. Со ссылками, кромѣ печатныхъ источниковъ, и на неизданные архивные матеріалы. Далѣе: «Калужская книга 1617 года письма и дозору Бѣгичева и подьячаго Пчелина». Рефератъ П. Симсона въ засѣданіи Калужск. Учен. Архивн. Комиссіи 3 мая 1891 г. (Извѣстія этой коммиссіи. № 1). Его же: «Калужскій уѣздъ во времена Михаила Ѳеодоровича» (Извѣстія. № 3. Калуга. 1894). «Списокъ съ ростовскихъ писцовыхъ книгъ церковнымъ землямъ», 1629—31 годовъ, сообщенный А. А. Титовымъ въ Чт. О. И. и Д. 1896. II. Шмелева «Къ вопросу о степени достовѣрности переписныхъ книгъ». (Ж. М. Н. Пр. 1898. Іюль. Рефератъ, читанный въ Моск. Археогр. Коммиссіи 12 марта 1898 года). Факты относятся собственно къ царствованію Алексѣя Михайловича; но тутъ указаны и случаи изъ эпохи предыдущей. Переписчики обыкновенно требовали у населенія *сказки*, въ которыхъ оно само себя описывало; а потомъ эти сказки *досматривали*, т.-е. провѣряли, и тутъ часто оказывалось, что онѣ были неточны. «Книга сошнаго письма 7137 г.» (1629), представляющая наставленіе, какъ производить описи по сохамъ, вытямъ, костямъ, какъ мѣрить поле и пр. (Времен. О. И. и Д. Кн. 17). «Сотная выпись города Дмитрова 7132 года» (1624). Тутъ частыя ссылки на «сказку старосты и выборныхъ людей». (Ibid. Кн. 24). «О большомъ сыскѣ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и пр. 1622 года», у Зерцалова «Акты XVI—XVII вв.». М. 1897. Чтобы провѣрить помѣстные и денежные оклады, часто ложно основанные на пожалованіяхъ В. Шуйскаго и Тушинскаго вора, былъ назначенъ *большой сыскъ*, порученный комиссіи изъ окольничаго Семена Вас. Головина, Юрія Игн. Татищева,

Алексѣя Захар. Шапилова и дьяка Петра Микулина. Это есть составленная для нея инструкція. Сыскивать велѣно «книгами, и помѣстными столпами, и десятнями, а чего сыскъ не имѣетъ и про то сыскивати имъ окольными и всякими людьми по государеву крестному цѣлованью вѣрою». Велѣно провѣрить и тѣхъ, которые были въ Тушинѣ, а говорили, что служили царю Василію и этою лестью справляли себѣ окладъ, «или кому оклады были денежные *съ города*, а нынѣ они тѣ оклады справили себѣ въ четверти». См. также помянутую выше «Указную книгу Помѣстнаго приказа» въ VI т. «Описанія докум. и бумагъ М. Арх. М. Ю.». О десятняхъ см. Сторожева: въ Словарѣ Брокгауза и Евфрона, XX; въ «Описаніи документовъ и бумагъ» М. Арх. М. Ю. VII и IX; «Тверское дворянство по десятнямъ XVII вѣка». Касательно составленія разборныхъ десятенъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ еще Зерцалова «Къ вопросу о Десятняхъ» въ Чт. О. И. и Д. 1891. I.

О противупожарныхъ мѣрахъ Акты Ист. III. Стр. 91—92, 102—103 (№ 92. Дополнит. статьи къ Судебнику). «Записная книга Московскаго стола». 1626—1627 гг. (Ист. Библ. Т. IX). Тутъ встрѣчаемъ роспись объѣзжихъ головъ на Москвѣ, по частямъ города, для пожаровъ и всякаго воровства. Образцы окружной грамоты областнымъ воеводамъ о новой царской печати въ С. Г. Г. и Д. III. № 70 и Акт. Эксп. III. № 162. Любопытное мѣсто этой грамоты: «а что у прежней нашей печати были промежъ главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новыя нашія печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла коруна». Этотъ указъ о печати служитъ подтвержденіемъ тѣхъ извѣстій, которыя говорятъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ при своемъ избраніи подвергся ограничительнымъ условіямъ. Но въ сношеніяхъ съ иностранцами, повидимому, была и ранѣе печать съ словомъ «самодержецъ», именно на грамотѣ 1618 г. въ Любекъ. С. Г. Г. и Д. III. № 38. На эту грамоту обратилъ вниманіе еще Арцыбашевъ (III. 437. Прим. CXXXIX). О трезвонахъ см. въ Русск. Ист. Библ. III. «Уставъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Моск. Успен. соборѣ. Около 1634 г.». (Нѣкоторыя редакціи этого устава были прежде изданы въ Древ. Рос. Библ. VI и X). Тамъ же указъ патріарха Филарета, «на какихъ панихидахъ употреблять золотую кацею». Въ Записной книгѣ Моск. Стола 1626—1627 гг. нерѣдко встрѣчается, что Филаретъ Никитичъ назначаетъ разныхъ лицъ себѣ въ стольники. По «Смѣтному списку» 1631 года видимъ, что у патріарха было 455 стольниковъ, тогда какъ у царя 275 (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4. Смѣсь).

Въ той же Записной книгѣ любопытно слѣдующее извѣстіе: по указу царя и патріарха «посланъ на Алатырь въ государевѣ опалѣ Иванъ Граматинъ» подъ стрѣлецкимъ конвоемъ. (Русск. Истор. Библ. IX. 440). Не одного Граматина постигла опала въ эпоху руководительства патріарха: около того же времени сосланы и нѣкоторыя другія лица, каковы Томило Луговскій, Ефимъ Телепневъ, дьякъ Иванъ Мизиновъ и четверо князей Шаховскихъ. Спустя нѣсколько дней послѣ кончины Филарета, царь Михаилъ

«для блаженной памяти отца своего», велѣлъ воротить въ Москву: Граматина изъ Нижняго, Луговскаго изъ Ростова, Телепнева изъ Пошехонья, Мизинова изъ Казани и князей Шаховскихъ изъ понизовыхъ и сибирскихъ городовъ. (Рус. Ист. Библ. IX. 529). Вина Шаховскихъ состояла въ томъ, что однажды, будучи въ гостяхъ у Илейки Бочкина, они затѣяли игру: Бочкинъ и младшіе Шаховскіе старшаго изъ нихъ князя Матвѣя назвали царемъ, а онъ ихъ своими боярами. По доносу Андрея Голубовскаго, за такое «воровство» они были приговорены Боярской Думою къ смертной казни; но «по прошенію святѣйшаго патріарха» царь эту казнь замѣнилъ ссылкою съ заключеніемъ въ тюрьму. (Ibid. 550). О строгомъ наблюденія Филарета Никитича за нравами свидѣтельствуютъ между прочимъ и слѣдующіе примѣры: Нижегородскаго церковнаго дьячка Семейка за найденныя у него гадальныя тетради, именуемыя Рафли, онъ велѣлъ отдать скованнымъ въ монастырь на годъ на черныя работы; сына боярскаго Нехорошко Семичева за блудное дѣло съ рабынями своими двумя «дѣвками», которыя были между собою двоюродныя сестры и съ которыми «прижилъ семеро робятъ», послалъ подъ начало и для черной работы въ Корельскій Никольскій монастырь; стольника своего Матвѣя Колычова за блудное дѣло, «что онъ беззаконствомъ съ женкою прижилъ трое робятъ», послалъ на покаянье въ тотъ же Никольскій монастырь и велѣлъ его «держать у себя подъ трапезою въ хлѣбнѣ скована до нашего указу и на братью ему мука сѣять» (Акты Эксп. №№ 176, 177, 226).

Ко времени правительственнаго руководительства Филарета Никитича относятся еще указы: во-первыхъ, «о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу» 1626 года (Времен. Об. Ист. и Др., кн. 4); во-вторыхъ, Ямскому приказу, 1627 года, о томъ, кому сколько подводъ дается, смотря по чину духовному или свѣтскому. Наприм., архіепископу 15 подводъ, епископу 11, боярину 20 (столько же сколько митрополиту), думному дворянину 12 и т. д. («Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ». Спб. 1790). Ямскимъ приказомъ въ это время вѣдалъ князь Димит. Мих. Пожарскій. Въ слѣдующемъ году мы находимъ его воеводою во Псковѣ. Въ концѣ обычнаго трехгодичнаго срока князь Пожарскій и его товарищъ князь Даніилъ Гагаринъ подверглись розыску по доносу о разныхъ злоупотребленіяхъ. Этотъ розыскъ или слѣдствіе производили ихъ преемники кн. Мезецкій и Юшковъ. Главными пунктами обвиненія были: присвоеніе себѣ въ холопы и крестьяне литовскихъ выходцевъ, незаконные поборы и налоги съ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Слѣдствіе продолжалось 8 мѣсяцевъ; къ допросу вызваны были какъ свидѣтели многія лица духовныя, дворяне и дѣти боярскіе, стрѣльцы, губные старосты, городскіе и сельскіе сотскіе и старосты, дворцовые и церковные крестьяне и т. д. На допросахъ свидѣтели на обвинительные пункты большею частью отзывались незнаніемъ, и только частію ихъ подтвердили. См. «Слѣдственное дѣло о кн. Д. М. Пожарскомъ» въ Чт. Об. И. и Др. 1870. Кн. 1. Съ предисловіемъ Иванова, который, разбирая это дѣло, объясняетъ его обычаями кормленія и вообще духомъ времени; при чемъ указываетъ на

то, что кн. Пожарскій «сохранилъ до смерти расположеніе Государя и, переведенный изъ Пскова, немедленно получилъ въ управленіе Помѣстный приказъ». Обвиняетъ онъ въ излишнемъ усердіи и самихъ слѣдователей, т.-е. новыхъ псковскихъ воеводъ. «Дѣла по мѣстничеству», собранныя Ивановымъ въ Русс. Истор. Сборникѣ. Т. II и V. «Замѣчательные случаи по мѣстничеству въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича», извлеченные изъ Разряд. книги Д. П. Голохвастовымъ, напечатаны въ Чт. О. И. и Д. 1848. № 9.

Одинъ русскій хронографъ такими словами очерчиваетъ Филарета Никитича: «Сей же убо Филаретъ патріархъ Московскій и всея Русіи возрасту и сану былъ средняго, божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ опалчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ были, яко и самому царю боятися его, боляръ и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточеніми не обратными и инѣми наказанми, до духовнаго же чину милостивъ былъ и несребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и въ челобитныхъ писали имя его съ вичемъ». (Хроногр. архіеп. Пахомія въ Изборникѣ Ан. Попова. 316). Патріаршество свое Филаретъ ознаменовалъ еще причтеніемъ къ лику святыхъ двухъ русскихъ подвижниковъ: Макарія Унженскаго, жившаго въ XV вѣкѣ, и Авраамія Чухломскаго — въ XIV в. Ихъ обители находились въ родномъ для новой династіи Костромскомъ краю. Въ томъ же 1620 году, когда совершилась канонизація преп. Макарія, былъ возобновленъ и основанный имъ на Волгѣ монастырь Желтоводскій; возобновленъ инокомъ Авраамiемъ. По челобитью сего Авраамія, Филаретъ въ 1628 г. далъ мон. Желтоводскому несудимую грамоту, по которой десятильники и поповскіе старосты не имѣли права сюда въѣзжать, и въ судебныхъ дѣлахъ монастырь вѣдался самимъ патріархомъ или кому онъ поручитъ. (Чт. О. И. и Д. 1866. III.). Духовная «строителя» Авраамія, 1640 г., заключаетъ любопытныя свѣдѣнія объ иконахъ, книгахъ, окладахъ и прочей монастырской и церковной утвари съ обозначеніемъ цѣнъ (Времен. Кн. 2). Самому Филарету въ 1625 г. дана царская жалованная грамота, которою увеличивалась его власть въ патріаршей области или епархіи (болѣе 40 городовъ съ уѣздами): его суду подлежали всѣ дѣла духовныя и гражданскія, исключая уголовныхъ. (А. Экс. III. № 164. С. Г. Г. и Д. III. № 72).

7. О срачицѣ Христовой: Лѣт. о м. мят. Никон. л. С. Г. Г. и Д. III. № 73. Акты Эксп. III. № 168. О пріемѣ пословъ въ Дворц. Разр. I и II. «О ходу въ Персидское царство»: въ 1623 году по указу царя и патріарха московскій гость Ѳедотъ Котовъ съ 8 человѣкъ «ходилъ за море въ Персидскую землю въ купчинахъ съ государевою казною» (Времен. Об. И. и Д. Кн. 15). Любопытны его наблюденія надъ персидскими нравами. Бантышъ-Каменскаго: «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». Двѣ части. М. 1894—1896. С. Г. Г. и Д. III. № 51. (Похвальная грамота Сагайдачному за его извѣщеніе о побѣдѣ надъ Крымцами съ посылкою ему 300 р.), 57 (Земскій Соборъ 1621 г. о войнѣ съ Поляками), 80 (о торговыхъ пошлинахъ съ иноземцевъ). Книги Разрядныя. I.

773, 785, 805, 824. Дѣла Моск. стола Разряд. приказа, приведенныя у Латкина. 173. По поводу политическихъ и церковныхъ сношеній со Шведами и областями, уступленными Швеціи. Акты Эксп. III. №№ 107, 108, 111, 179—184. Указанный выше сборникъ матеріаловъ Якубова съ его предисловіемъ, которое касается русскихъ перебѣжчиковъ (Чт. О. И. и Д. 1897. Кн. 3). «Сношенія Россіи съ Франціей» (XVI—XVIII вв.). В. С. И—ва. М. 1893. «Обзоръ сношеній между Англіей и Россіей въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Спб. 1854.

О приготовленіяхъ ко второй Польской войнѣ и московскомъ войскѣ: «Письма Рус. государей». М. 1848. №№ 371 и 378. (О заготовкѣ въ Новгородѣ хлѣбныхъ запасовъ для наемныхъ Нѣмцевъ, о безпорядкахъ, дракахъ и убійствахъ между ними и разрѣшеніи ихъ полковникамъ дѣйствовать «по ихъ нѣмецкому праву»). См. въ томъ же изданія примѣч. 38, касающееся найма 5000 иноземныхъ солдатъ и покупки оружія. Наняты также инженеры, умѣющіе земляные города дѣлать: Монсонъ, Шлиманнейфельдъ, Шхамасаръ, Швартъ и пр. (на основаніи Шведскихъ дѣлъ Моск. Архива Ин. Д.). Судъ полковниковъ однако былъ подчиненъ главнокомандующему воеводѣ, а для докладу ему назначался особый русскій чиновникъ или «судья». Дворц. Разр. II. 272. Зерцалова: «О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 1136 года». Чт. О. И. и Д. 1895 и отдѣльно. Дополн. Ак. Ист. II. № 58 и 59 (о присылкѣ каменщиковъ и пр. для строенія крѣпости въ Вязьмѣ и сборѣ денегъ съ монастыр. вотчинъ за даточ. людей). Акты Эксп. III. №№ 188, 193, 196, 199, 201 (о подобныхъ же предметахъ). С. Г. Г. и Д. III. №№ 81—88 и 93: о посылкѣ полковниковъ Лесли и Фандама за границу для найма ратныхъ людей и покупки оружія. Договоръ съ Фуксомъ. Подробный списокъ жалованья офицерамъ, рядовымъ, лѣкарямъ, священникамъ, даже палачу и тремъ кабатчикамъ. Этотъ списокъ показываетъ намъ составъ полковаго штаба и нестроевой части у иноземцевъ (№ 87). О русскихъ полкахъ иноземнаго строя съ помѣстными и кормовыми офицерами-иностранцами см. Акты Эксп. III. № 161. (1625 г. Упоминаются «иноземцы помѣстные» съ ротмистрами Матвѣемъ Халаимомъ и Петромъ Гамонтовымъ и «кормовые» съ Григоріемъ Врославскимъ), 206 (1632 г. Русскіе люди, «которые написаны къ ратному ученію въ солдаты, пѣшіе люди»), 208 (1632 г. О раздачѣ «денежной казны на жалованье и на кормъ нѣмецкимъ полковникамъ и ихъ полковъ начальнымъ людямъ, и русскимъ, и нѣмецкимъ солдатамъ»), 213, 223, 224 (1633 г. Самойло Шарло Деебертъ, полковникъ рейтарскаго и драгунскаго полка, состоящаго изъ «русскихъ и нѣмецкихъ людей»), 236 и 237 (1632 г. Дѣти боярскіе, новокрещены, атаманы и казаки, «которые написаны въ рейтарскую и въ солдатскую службу»), 239 (1633 г. Перечисляютъ иноземцевъ стараго выѣзду роты: Николая Мустофина, Прокопія Мишевскаго, Юрія Кулаковскаго Григорія Врасловскаго, Михаила Жежборскаго, Лаврентія Красовскаго и Елизара Журавскаго—судя по фамиліямъ, все выходцы изъ Западной Россіи;

изъ нихъ во время войны «Прошка Мишевскій измѣнилъ, отъѣхалъ къ королю». О томъ въ слѣд. №), 246 (1634. Тутъ имена восьми полковниковъ-иноземцевъ; число русскихъ полковъ обозначено 6, а число нѣмецкихъ 4; «урядниками» въ русскихъ полкахъ указаны «нѣмецкіе люди». Тутъ же упоминаются «стараго выѣзду иноземцы Гречане, Сербъяне, Волошане), 287 (1639 г. «которые дѣти боярскіе напередъ сего были въ солдатской и драгунской службѣ»), 195 (1631 г. Грамота псков. воеводамъ о запрещеніи продавать соль за Литовскій рубежъ), 197 (1632 г. Грамота тѣмъ же воеводамъ о запрещеніи покупать у литовскихъ торговцевъ хмѣль, на который какая-то «баба-вѣдунья» наговариваетъ, чтобы «тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навести моровое повѣтрее»).

Акты Моск. Гос. I. №№ 267—392 съ перерывами. Тутъ, во-первыхъ, свѣдѣнія о вызовѣ изъ областей безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ къ полковникамъ иноземцамъ для обученія ратному строю; «чтобы были собою добры и молоды»; о нихъ велѣно въ торговые дни чрезъ биричей «прокликати не по одинъ день»; жалованья этимъ боярскимъ дѣтямъ назначалось по 5 руб., поденнаго корму по алтыну въ день, да пищаль, порохъ и свинецъ изъ казны. Далѣе, о высылкѣ новиковъ въ Москву, о верстаніи дѣтей боярскихъ, о верстаніи денежными и помѣстными окладами казаковъ, которые поэтому называются «бѣломѣстными» или «жилыми», объ отсрочкѣ всякихъ исковыхъ и судныхъ дѣлъ служилымъ людямъ, пока минется ихъ разборъ, о снабженіи украинныхъ городовъ военными припасами, объ отсылкѣ обратно за море Литвиновъ, Поляковъ и Прусаковъ, оказавшихся въ числѣ наемныхъ Нѣмцевъ, и т. д. Особенно бросается въ глаза обиліе московскихъ лазутчиковъ и литовскихъ выходцевъ, съ ихъ распросными рѣчами, которыя сообщали въ Разрядъ всѣ возможныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и главныхъ лицахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Напримѣръ, въ декабрѣ 1631 года лазутчики донесли, что въ Смоленскѣ воевода Александръ Гонсѣвскій, а товарищъ его Яковъ Воеводскій, что гарнизону у нихъ съ небольшимъ 1000 человѣкъ, если не считать посадскихъ; что бочка ржи стоитъ 6 золотыхъ, а ячменю 2, но соль дорога, 60 алтынъ пудъ, вслѣдствіе запрещенія отпуска ея изъ московскихъ городовъ; что, по разговорамъ литовскихъ людей, въ Москву ѣдутъ цесарскіе послы, чтобы хлопотать о мирѣ между Московскимъ государствомъ и Литвою. Этотъ слухъ оказался вѣренъ. Дѣйствительно, потомъ царь получилъ извѣстіе о прибытіи австрійскаго посла на границу, и въ мартѣ отправилъ туда князя Гагарина; но вслѣдъ затѣмъ посланъ былъ отказъ принять посла. Конечно въ Москвѣ узнали, что это не столько посолъ, сколько лазутчикъ, что Австрія держитъ сторону Польши и желаетъ развязать ей руки со стороны Москвы, чтобы имѣть отъ нея помощь противъ Шведскаго короля, посолъ котораго именно въ это время прибылъ въ Москву. (Дѣло объ этомъ неудачномъ австрійскомъ послѣ Атанашіи Еоргицевскомъ см. «Памят. Диплом. сношеній». Т. III. 1—84).

Нѣкоторыя вѣсти лазутчиковъ оказывались или невѣрными, или преждe-

временными; такъ въ томъ же донесеніи говорится о смерти Сигизмунда III и уходѣ королевича Владислава на Запорожье (№ 319). Изъ донесеній лазутчиковъ видно, что Поляки, смотря на близкій конецъ перемирія, очень опасались за Смоленскъ, что Гонсѣвскій хлопочетъ о подкрѣпленіи, что въ Москву хотѣли послать Льва Сапѣгу и Христ. Радивила съ большимъ посольствомъ для заключенія мира, что ихъ особенно тревожила вѣсть о прибытіи наемныхъ Нѣмцевъ къ царю, что королевичъ Владиславъ, будто бы, не надѣясь получить Польско-Литовскій престолъ, хочетъ засѣсть въ Смоленскѣ и отсюда «доступаться Московскаго государства» (№№ 324 и 326). Нѣкто разсказываетъ, что при немъ въ Каневъ пришли изъ Москвы два нѣмчина и одинъ русскій человѣкъ съ листами къ Черкасамъ: «мелкіе люди» Черкасы прочли листы на радѣ и говорили, что они должны служить Московскому государю и что отъ Поляковъ есть утѣсненіе христіанской вѣрѣ; но что «лучшіе люди» отговорили и пристали къ Полякамъ, московскихъ же посланцевъ препроводили къ гетману Конецпольскому, который Русскаго велѣлъ убить, а Нѣмцевъ посадить въ тюрьму (№ 328). Далѣе читаемъ, что въ Москву намѣрены послать изъ Польши наемныхъ Нѣмцевъ подговорить своихъ земляковъ, чтобы они не служили царю, что въ Смоленскъ возятъ хлѣбные запасы и ссыпаютъ въ башняхъ (№ 329); что цесарь посылалъ Запорожцамъ деньги, чтобы они шли къ нему на помощь противъ Шведовъ, но польскій король ихъ не пустилъ, говоря: «нынѣ намъ самимъ люди надобны» (№ 330). Одинъ шляхтичъ, Заболоцкій, убившій на поединкѣ своего товарища, бѣжалъ изъ Новгорода Сѣверскаго отъ смертной казни за Московскій рубежъ въ Сѣвскъ, и здѣсь показывалъ между прочимъ слѣдующее: стоя у дверей, онъ слышалъ, какъ читали королевскую грамоту къ новгородъ-сѣверскому коменданту, и въ ней было сказано, что вмѣстѣ съ цесарскимъ посломъ тайно ѣхалъ въ Москву литовскій посланецъ, конечно въ качествѣ лазутчика (№ 332). Не всегда московскіе лазутчики счастливо кончали свое порученіе: такъ Поляки поймали двухъ переодѣтыхъ стрѣльцовъ; въ Смоленскѣ ихъ пытали и потомъ отослали къ королю (№ 339). «Симбирскій Сборникъ». Родословная Кикиныхъ. №№ 6—9. (Военныя приготовленія на южной украйнѣ).

Относительно чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ для войны съ Польшею, см. Берха къ «Царств. Мих. Ѳеод.». Приложенія №№ XVI—XIX. (Грамоты въ Сійскій монастырь). Акты Эксп. III. №№ 193, 211—214, 216. Тутъ двѣ грамоты 1632 года о сборѣ пятинныхъ денегъ и добровольныхъ взносахъ, очевидно установленныхъ Земскимъ Соборомъ, что подтверждается Дворцовыми Разрядами (II. 299): 11 ноября этого года въ воскресенье государь и патріархъ были въ Столовой палатѣ «на соборѣ для денежнаго сбору ратнымъ людямъ на жалованье». Конечно, этотъ вопросъ уже ранѣе обсуждался на Соборѣ, который былъ созванъ въ іюнѣ 1632 г. и на которомъ рѣшено было воевать съ Польшею. См. Бантышъ-Каменскаго: «Переписка между Россіей и Польшей». Чт. О. И. и Д. IV. 47; но вѣроятно здѣсь 1631 годъ оши-

бочно показанъ вмѣсто 1632. (Онъ ссылается на Арх. Мин. Ин. Д. Польскіе столбцы 1625—1632 гг. № 4).

Мѣстническій споръ кн. Б. М. Лыкова съ кн. Д. М. Черкасскимъ во Времен. О. И. и Д. Кн. 7. Князь Лыковъ обвинялъ Черкасскаго кромѣ тяжелаго права еще и въ томъ, «будто имъ, княземъ Дмитріемъ, люди владѣютъ». Назначеніе главныхъ воеводъ, ихъ отпускъ, манифестъ о войнѣ, наказъ воеводамъ: Разрядн. книги. II. Спб., 1855. 371—445 Акты Эксп. III. №№ 205—208, 251, 333, 334. Акты Моск. Гос. I. №№ 367, 389. Чт. Об. Ист. и Д. 1847. № I. Сборъ подводъ и военнаго матеріала, подвозъ и продажа съѣстныхъ припасовъ: Акты Моск. Гос. №№ 349, 355, 360, 361, 365, 366, 375, 376, 380, 391, 455. Дворц. Разр. II. 269—276, 287. Приложеніе на стр. 853: Разметный списокъ количества запасовъ, которое каждый изъ дьяковъ обязанъ отвезти подъ Смоленскъ. Относительно денежной казны, отпущенной 2 сентября изъ Москвы на жалованье войску, есть разногласіе: въ Актахъ Эксп. (№ 208) сказано «восемьдесятъ восемь тысячъ», а въ Актахъ Моск. Гос. (№ 390) стоитъ 78.000. Въ августѣ въ войско Шеина назначено 68.674 р. 16 алтынъ «на кормъ на три мѣсяца русскимъ и нѣмецкимъ солдатамъ и ихъ начальнымъ людямъ (Ibid. № 370).

Эпоха Можайскаго и Дорогобужскаго сидѣнья Шеина, движеніе къ Смоленску: Акты Моск. Госуд. I. №№ 376—477, съ перерывами. Любопытно, что даточные и посошные люди иногда отождествляются и служатъ опи по найму (№№ 420 и 421). Роспись, сколько нужно всякаго платья для русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Такъ, на полки Лесли, Фукса и Якова Карла требуется по 1.234 кафтановъ шубныхъ, 1.234 пары ступней, 1.234 пары чулокъ, 1.234 пары теплыхъ рукавицъ (№№ 410 и 431); 2.460 чулокъ вязаныхъ «долгихъ, которые бы были за колѣно», заказано въ разныхъ городахъ, и уплата за нихъ распредѣлена между пятью четями: Новогородской, Устюжской, Костромской, Владимірской и Галицкой (№ 412). Посылка Животворящаго Креста съ частицами мощей Шеину, чтобы носилъ на себѣ, а на ночь снималъ (№ 416). Посылка 49 желѣзныхъ цѣпей по 5 саженъ длины, для смыканія наряду, 600 четвертей сухарей и 125 чет. толокна (№ 411). Донесеніе литовскихъ выходцевъ, что значительная часть Смольнянъ радѣетъ государю; многіе крестьяне Дорогоб. и Смоленск. уѣздовъ, съ Балашомъ во главѣ, предлагаютъ быть шишами, т.-е. партизанами; смоленскіе зовутъ Шеина идти скорѣе, говоря, что въ Смоленскѣ мало ратныхъ людей и проч. (№№ 440, 442, 443, 452--456). Отписки Шеина съ жалобами на грязи, скудость запасовъ, побѣги и проч. (№№ 415, 418, 445, 451). Капитанъ Ульфъ, сдавшій Дорогобужъ Русскимъ, выговорилъ своему гарнизону возвращеніе въ Литву, съ условіемъ не служить противъ нихъ, но 200 человѣкъ изъ этого гарнизона насильно поворотили въ Смоленскъ (№ 457). Относительно выступленія Шеина изъ Дорогобужа въ № 458 обозначено 25 или 26 ноября, а въ Дворц. Разр. 5 декабря (II. 305). Повидимому, первое

указаніе относится собственно къ выступленію отрядовъ Измайлова, Фандама и Лесли; но они шли только въ 10 верстахъ впереди Шеина; о чемъ въ № 460. По донесенію Шеинова посланца Кондырева, главный воевода 6 декабря былъ въ 18 верстахъ отъ Смоленска. Изъ смоленскихъ выходцевъ особенно любопытно сообщеніе шляхтича Корнилова, который перебѣжалъ къ Шеину съ перехваченнымъ имъ письмомъ Гонсѣвскаго въ Витебскъ. По словамъ Корнилова въ ноябрѣ 1632 года въ Смоленскѣ было только 1.000 человѣкъ настоящаго гарнизону, т.-е. кромѣ посадскихъ, и городъ былъ еще мало укрѣпленъ, и еслибы Шеинъ вскорѣ пришелъ, то вѣроятно завладѣлъ бы имъ. Но Шеинъ продержалъ Корнилова въ Дорогобужѣ шесть недѣль и перехваченное имъ письмо въ Москву не послалъ. По донесенію выѣзжаго изъ Смоленска нѣмчина Ричарда Стивенса, около половины января 1633 года въ Смоленскѣ, по прибытіи нѣкоторыхъ подкрѣпленій, гарнизону было 2.090 человѣкъ, многія мѣста въ крѣпостной стѣнѣ были еще не задѣланы, и еслибы Шеинъ изъ Дорогобужа поспѣшилъ, то «литовскіе бы люди Смоленскъ государевымъ людямъ сдали» (№ 477).

Относительно количества московскаго войска, поступившаго подъ начальство Шеина въ началѣ войны, см. Брикса «Geschichte der alten russischen Heereseinrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin, 1867. По его исчисленію, составленному на основаніи Разрядныхъ книгъ (II, 385—390), у Шеина въ Смоленскомъ походѣ было 32.970, т.-е. около 33.000 человѣкъ. Зерцаловъ, на томъ же основаніи, вычисляетъ почти то же количество, именно 32.602, не считая нѣкоторыхъ частей, напримѣръ, прибылого полка Плещеева. См. его «Мих. Бор. Шеинъ подъ Смоленскомъ». (Чт. О. И. и Др. 1897. II. Смѣсь). Но всѣ эти вычисленія мы считаемъ далеко неточными. Показанія даже оффиціальныхъ источниковъ не совпадаютъ. Между прочимъ Разряд. книги приводятъ въ данномъ случаѣ шесть полковъ иноземнаго строя (будто бы заключавшихъ болѣе 14.000 человѣкъ). Но ихъ подъ Смоленскимъ было десять. Пришли они сюда не всѣ въ одно время. Странно, что въ этихъ книгахъ, напримѣръ, тутъ неупомянутъ полкъ Фандама, который подошелъ къ Смоленску въ передовомъ отрядѣ. За всю эту войну, по словамъ русскихъ лѣтописей и хронографовъ, было выставлено въ поле Москвою ратныхъ людей до 100.000 и болѣе. (Наприм., Лѣт. о мн. мят., 363. Изборн. Ан. Попова, 316). Мы полагаемъ, у Шеина было менѣе или около 30.000 при его прибытіи подъ Смоленскъ, т.-е. до прихода Прозоровскаго, Нагово, Матисона, Карла Деэберта и другихъ подкрѣпленій.

Что война была начата именно по настояніямъ Филарета Никитича, о томъ имѣемъ два независимыя другъ отъ друга свидѣтельства, русское и польское: 1, Хронографъ архіепископа Пахомія (Ан. Попова *Изборникъ*, 316), также Бант.-Камен. «Переп. м. Рос. и Пол.» со ссылкою на Ростов. лѣт. (Чт. О. И. и Д. 1862. IV. 47); 2, изданный Рембовскимъ, Dyaryusz wojny

Moskiewskiej roku 1633. Warszawa. 1895. Стр. 82. Этотъ діаріушъ есть собственно сборникъ писемъ и актовъ съ театра войны, писанныхъ частію по-польски, частію по-латыни. Главная часть ихъ принадлежитъ Яну Москоровскому, служившему при польномъ Литов. гетманѣ Хр. Радивилѣ.

Относительно 10 солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, въ источникахъ ясно упоминаются 9 полковниковъ: Лесли, Фандамъ, Фуксъ, Як. Карлъ, Росформъ, Унзинъ, Китъ, Матисонъ и Сандерсонъ. Такъ какъ Лесли командовалъ двумя полками, однимъ русскимъ и однимъ нѣмецкимъ, то всѣхъ пѣхотныхъ полковъ иноземнаго строя было десять. Замѣчательно, что имени Сандерсона нѣтъ ни въ Актахъ Моск. Госуд., ни въ Актахъ Археогр. Экспедиціи; но оно встрѣчается въ Разрядныхъ Книгахъ. II, 387. О немъ см. Берха «Царств. Мих. Θеодоровича». I, 175. II, 50 и «Царств. Алексѣя Михайловича». I, 172. Тутъ ссылка на слова англійскаго посла Карлейля въ 1663 г.: по этимъ словамъ, король Карлъ I ссудилъ царю Михаилу 40.000 рейхсталеровъ и дозволилъ ему собрать въ Англіи 3.000 войска, которое послалъ подъ начальствомъ Томаса Сандерсона—число войска во всякомъ случаѣ очень преувеличенное. А на требованія польскаго короля не оказывать помощи Москвѣ, Карлъ I отвѣчалъ, что съ нею Англія ведетъ выгодную торговлю (ссылка Берха на Theatrum Europaeum. т. II, стр. 577; этого изданія я не имѣлъ подъ рукою). См. также «Обзоръ сношеній между Англіей и Россіей» (Спб., 1854): тутъ на стр. 61 сказано, что въ 1623 г. 10 іюня заключенъ между Мих. Θеод-чемъ и Яковомъ I оборонительный и торговый трактатъ, вслѣдствіе котораго преемникъ Якова, Карлъ I, по просьбѣ Михаила, прислалъ 40.000 рейхсталеровъ ссуды и войско съ генераломъ Сандерсономъ для войны съ Польшей. Александръ Лесли сначала попалъ въ Москву въ качествѣ военноплѣннаго, захваченнаго подъ Смоленскомъ въ первую Польскую войну при Мих. Θеод-чѣ. Потомъ онъ служилъ въ Швеціи у Густава Адольфа. Въ 1630 г. онъ уже въ чинѣ полковника вступилъ въ московскую службу, снабженный рекомендаціей Швед. короля. За нимъ послѣдовалъ и его тесть капитанъ Товія Вигтерсонъ или Унзинъ, который скоро былъ возведенъ въ полковники, благодаря вліянію Лесли. Сей послѣдній, какъ вѣрный агентъ Густава Адольфа, не мало содѣйствовалъ Московской военной партіи къ возбужденію противъ Поляковъ и добился порученія нанять полки за границей. (Изслѣдованіе Д. В. Цвѣтаева «Протестанство и протестанты въ Россіи». М. 1890. 371—375. Со ссылкою на Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. «Выѣзды въ Россію 1630 года, №№ 1—4, 1631 г. №№ 2—11). По «Смѣтному списку» 1631 г., «всего въ Иноземномъ приказѣ иноземцевъ стараго и новаго выѣзду помѣстныхъ и кормовыхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, ротмистровъ, и капитановъ, и поручиковъ, прапорщиковъ, и всякихъ иноземцевъ 1.608 человѣкъ» (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4). Это количество служилыхъ иноземцевъ передъ наймомъ полковъ за границей. По тому же Смѣтному списку въ это время насчитывалось: бояръ, думныхъ людей, стольниковъ, дьяковъ, жильцовъ и московскихъ дворянъ 2.325 человѣкъ; городовыхъ

дворянъ и дѣтей боярскихъ по спискамъ 24.656; стрѣльцовъ 19.540; пушкарей, затинщиковъ и засѣчныхъ сторожей 3.573; бѣломѣстныхъ и кормовыхъ казаковъ 1.694. Ibidem см. формы крестоприводныхъ записей для Донскихъ казаковъ и для иноземцевъ, поступившихъ на вѣчную или на временную службу.

8. Главные источники для подробностей Смоленской эпопеи представляютъ Акты Моск. Госуд. I, и отчасти помянутый выше Dyaryusz wojny Moskiewskiej. Затѣмъ слѣдуютъ Вассенберга «Дѣянія Владислава IV», Разряд. книги, Акты Археогр. Эксп. III и т. д.

Акты Моск. Госуд, №№ 478—544. Тутъ, между прочимъ, шайка Балаша (№№ 478, 484—486, 504, 505 и пр.), расположеніе осадныхъ частей и осадныя работы (№№ 479, 480, 491, 496 и т. д.), Гонсѣвскій и Радивилъ въ Оршѣ и подъ Краснымъ и ихъ посылки подъ Смоленскъ (№№ 481, 488, 495, 498, 501, 510, 511), бомбардированіе и дальнѣйшія осадныя операціи (502, 506, 508, 513—527 и т. д.). О неудачныхъ приступахъ см. Вассенберга и отрывокъ Розыскного дѣла (Ак. Эксп. III. № 251). Сборъ даточныхъ людей, наказы чиновникамъ, провожавшимъ Шарля Деэберта и самому Шарлу, посланному изъ Москвы въ теченіе іюля 1633 г., жалобы Шеина на побѣги, нѣти и недостатокъ посошныхъ. (Ак. Эксп. III. №№ 222—225, Акты Моск. Гос. №№ 542—544). Набѣги Запорожскихъ казаковъ и Крымцевъ и тревога въ Москвѣ (Ак. М. Гос. №№ 534 — 540. Ак. Эксп. № 231, Дворц. Разр. II. 333—340. Тутъ на стр. 333 и 339 хвастливыя донесенія отъ Шеина и Измайлова объ удачной посылкѣ подъ Красное). Акты Ист. III. №№ 174 и 294 (О производствѣ жалованья двумъ лѣкарямъ-иностранцамъ, посланнымъ въ полки къ князю Прозоровскому, и роспись лѣкарствамъ, отпущеннымъ изъ Аптекарскаго Приказа подъ Смоленскъ къ полковнику Якову Карлу). Любопытные матеріалы извлечены А. Н. Зерцаловымъ въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи изъ расходной книги «Денежнаго стола бывшаго Разряда». Они даютъ нѣсколько новыхъ подробностей. Наприм., ратные люди подъ Смоленскомъ приносили непріятельскія пушечныя ядра, за которыя имъ платили отъ 4 денегъ до 3 алтынъ, смотря по калибру; за отбитые мушкеты платили отъ 3 до 25 алтынъ. Тутъ же расходы на покупку рубашекъ, сѣры, воску, мѣди, вару и пр. «нѣмецкимъ людямъ для промыслу, чтобъ подъ Смоленскомъ зажечь мостъ». Далѣе расходы на покупку сальныхъ свѣчъ, дегтю, селитры, мышьяку, холста, масла, сала, нитей и проч.; «свѣчи къ подкопному дѣлу, а масло къ огненному дѣлу». Днѣпровскій мостъ принимались поджигать неоднократно. Вознагражденіе солдатамъ, отвезшимъ на себѣ пушечный нарядъ къ большому острогу, по рублю на человѣка. (Помянутая выше статья «И. Б. Шеинъ» въ Чт. Об. И. и Д. 1897, кн. 2).

Помѣсячную роспись денегъ, посланныхъ изъ Москвы Шеину, и количества съѣстныхъ припасовъ см. у ген. Бранденбурга. Воен. Сборн. 1869, № 9, стр. 20—21. (Составлена на основаніи разрядовъ Смоленскаго похода по руко-

писи Имп. Публ. Библіотеки за № 169). Ту же роспись см. въ Разряд. кн. II. 445—451, гдѣ исчислено сколько четвертей запасу доставили подъ Смоленскъ тѣ или другіе бояре, дворяне и дьяки, а на 506—508 распоряженіе о доставкѣ съ церковныхъ имѣній на ихъ же лошадяхъ, по двѣ четверти ржаной муки съ живущей чети пашни; а которыя имѣнія больше 500 верстъ отъ Москвы, съ тѣхъ брали деньги за муку и подводы. Французскій писатель второй половины XVIII вѣка, Левекъ въ своей, лишенной всякой критики, Histoire de Russie расказываетъ слѣдующую басню: когда Нѣмцы пробили брешь въ Смоленской стѣнѣ и готовились ворваться въ городъ, Шеинъ не позволилъ имъ, говоря, что царь не для того выслалъ такую прекрасную армію, чтобы горсть Нѣмцевъ взяла городъ въ нѣсколько дней, и велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ, чтобы принудить ихъ къ отступленію. (III. 371).

9. Діаріушъ, изд. Рембовскимъ. Вассенбергъ. Акты Эксп. III. №№ 229—231. Книги Разряд. II. Акты Моск. Гос. I. №№ 546—570. Тутъ извѣстія о прибытіи короля подъ Смоленскъ, указы о новыхъ сборахъ даточныхъ и посошныхъ людей и отправленіи ихъ на театръ войны, жалобы Шеина на опаздываніе денегъ цѣлымъ полмѣсяцемъ, челобитья Деэберта, что его конному полку выдаютъ жалованье послѣ пѣшихъ, челобитья Донскихъ казаковъ о прибавкѣ корму, а дворянъ и дѣтей боярскихъ о перемѣнѣ ихъ наполовину братьями и племянниками, потому что обнищали, лошади ихъ подохли, а слуги разбрелись. Кормовые дѣти боярскіе солдатскихъ полковъ Лесли и Фандама просятъ прибавить жалованья и корму, «сверстать со старыми казаки». По сему поводу высчитано, что на четыре солдатскіе полка, Лесли, Фандама, Росформа и Унзина въ 1632 году выдано жалованья 128.834 р. Въ нихъ рядовыхъ русскихъ солдатъ, съ капралами, ротными подъячими и кабатчиками было 6.610 человѣкъ. (А съ шестью другими полками, указанными въ Разрядн. книгахъ, выходитъ болѣе 21.000!). Указано прибавить корму по 2 деньги въ день, въ половинѣ сентября 1633 года (№ 553). Нельзя не обратить вниманія, что въ числѣ этихъ четырехъ русскихъ полковъ иноземнаго строя приводится и полкъ Фандама; хотя, как извѣстно, имъ былъ набранъ иноземный полкъ; но очевидно Фандамъ, подобно Лесли, отправленный для сего за границу, имѣлъ уже у себя подъ командою русскій полкъ; а навербованный имъ за границей полкъ, вѣроятно, поступилъ подъ команду Сандерсона. Что у Шеина было 10 полковъ иноземнаго строя, это подтверждаетъ и помянутый польскій Діаріушъ. Далѣе идутъ донесенія Шеина о побѣгахъ и нѣтяхъ, распоряженія объ отобраніи у нихъ части помѣстій или убавкѣ денежнаго оклада, о спѣшной посылкѣ подкрѣпленій, извѣстія о бояхъ 11 сентября на Покровской горѣ и 18 сентября у Архангельскаго монастыря и пр. Деэбертъ въ своемъ челобитьѣ о прибавкѣ кормовыхъ денегъ разсказываетъ о своей побѣдѣ надъ Поляко-Литовцами 18 сентября, хотя нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ (№ 570); однако, онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ разсказъ Dyaryusz'а, приписывающій побѣду Полякамъ (39—42, 45).

О посланцѣ Гонсѣвскаго Спендовскомъ въ Смоленскъ съ извѣстіемъ о прибытіи короля и его плаваніи Днѣпромъ, говорятъ «Отрывки изъ дневника» (Руск. Ист. Библ. т. I, стр. 731) и Dyaryusz w. Mosk. 28 и 48; тогда какъ нѣкоторые другіе источники (наприм., Вассенбергъ) разсказываютъ легенду о томъ, какъ съ этимъ извѣстіемъ отправили въ Смоленскъ воина, наряженнаго кустомъ, и онъ, будто бы пользуясь лѣсистою мѣстностью, пробрался въ городъ сквозь русскія линіи. Эта легенда повторялась обыкновенно русскими писателями, напр., Никитинымъ въ его «Исторіи города Смоленска». М. 1848.

10. Уже вскорѣ по возвращеніи Филарета Никитича изъ польскаго плѣна имѣемъ извѣстія о его частыхъ болѣзняхъ. Такъ, въ октябрѣ 1619 года онъ пишетъ сыну: «А о томъ благодарю Господа Бога моего Іисуса Христа, что насъ обоихъ (съ великой старицей Мароой) посѣтилъ болѣзнію; а вамъ бы, Великому Государю, объ нашихъ старческихъ болѣзняхъ не кручинитися». По поводу той же болѣзни, великая старица пишетъ Филарету: «писалъ еси, государь, ко мнѣ, что тебѣ, государю свѣту моему, отъ немощи вашей отъ лихорадки есть мало полегче, и азъ о томъ сердечно обрадовалася; а что по грѣхамъ ножка больна камчюгомъ, и о томъ зѣльно скорбѣла». Спустя лѣтъ десять въ одномъ письмѣ Филарета Никитича къ сыну читаемъ: «у руки, государь, раны зажили, а опухоль еще не опала». А въ письмѣ его къ царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ о той же болѣзни говорится болѣе подробно. «А генваря въ 15 день, послѣ вечерняго пѣнія, на молебнѣ, впервые въ тоѣ больную руку взялъ служебный сулокъ, а до того времени никако было взять въ тоѣ больную руку сулка невозможно; а нынѣ, государыня, рукѣ моей такожде, яко же въ 15 день и въ 16 день на праздникъ; а опухоль еще не опала». (Письма Рус. государей. 57, 61, 228, 240). Запись о кончинѣ его Дворц. Разр. II. 348. Хронографъ Пахомія эту кончину ставитъ въ прямую связь съ неудачею Смоленскаго похода: «и абіе патріархъ впаде въ великую скорбь, по семъ же и успе». (Избор. А. Попова. 318); только онъ ошибочно заставляетъ его пережить и самую капитуляцію.

Акты Моск. Госуд. I. №№ 571 — 639, съ перерывами. Тутъ отписки Шеина, распоряженія о сборѣ бѣглецовъ и нѣтчиковъ о бѣглыхъ казакахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Отписки Черкасскаго и Пожарскаго изъ Можайска, извѣстія о Казановскомъ и Гонсѣвскомъ, заступившихъ путь къ Смоленску, условія капитуляціи, донесенія Горихвостова и пр. «А кто съ дороги сбѣжитъ и поворотится назадъ на Кострому, и тѣхъ нѣтчиковъ въ Костромѣ велятъ *перевѣшать* (№ 611); это было бы единственное подобное распоряженіе; можетъ быть, слѣдуетъ прочесть: переписать. Князь Прозоровскій предлагалъ не сдаваться королю, а испортить нарядъ, взорвать порохъ и «идти въ отходъ», но Шеинъ его не послушалъ (№ 631). Акты Арх. Эксп. III. №№ 236—248. (Указъ Черкасскому и Пожарскому идти подъ Смоленскъ смѣнить Шеина въ № 239). С. Г. Г. и Д. III. №№ 99 (Соборный приговоръ 29 ян-

варя) и 101 (грамота нижегородскому Печерскому архимандриту, съ упрекомъ, что онъ прислалъ только 200 руб., тогда какъ въ предыдущемъ году прислалъ 1.000). Разряд. Кн. II. 557—636.

Dyaryusz wojny Moskiewskiej: фланговой обходъ короля, бой 9 октября, обложеніе Шеина и состояніе польскаго войска (46—60). Эпизодъ о столкновеніи Лесли съ Сандерсономъ, переданный со словъ одного англичанина, который перебѣжалъ изъ русскаго лагеря въ польскій послѣ убіенія Сандерсона (68 — 69). Считаю этотъ разсказъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ другія версіи, наприм., та, которая приводится въ «Исторіи» Соловьева, т. IX, гл. 3). Эпизодъ о Петрѣ Хенеманѣ (62 и 71). Тутъ же приводится со словъ Хенемана сказка о какомъ-то фокусникѣ англичанинѣ, который въ Москвѣ обѣщалъ царю выставить конный полкъ и будто по его приказу рейтары въ полномъ вооруженіи выскакивали изъ-подъ печки (63). О поимкѣ Огибалова съ грамотами, зашитыми въ сапоги (73). Грамота, привезенная Воронцомъ въ Москву (75—80. Содержаніе ея см. въ «Переп. м. Рос. и Пол.» 53—54). Разсказы Воронца о настроеніи въ Москвѣ (81 и 82). Капитуляція Шеина и унизительныя церемоніи отпуска русской арміи (102—110). Отрывки изъ Польскаго дневника въ Ист. Библ. I (744—758). Вассенбергъ (107—128).

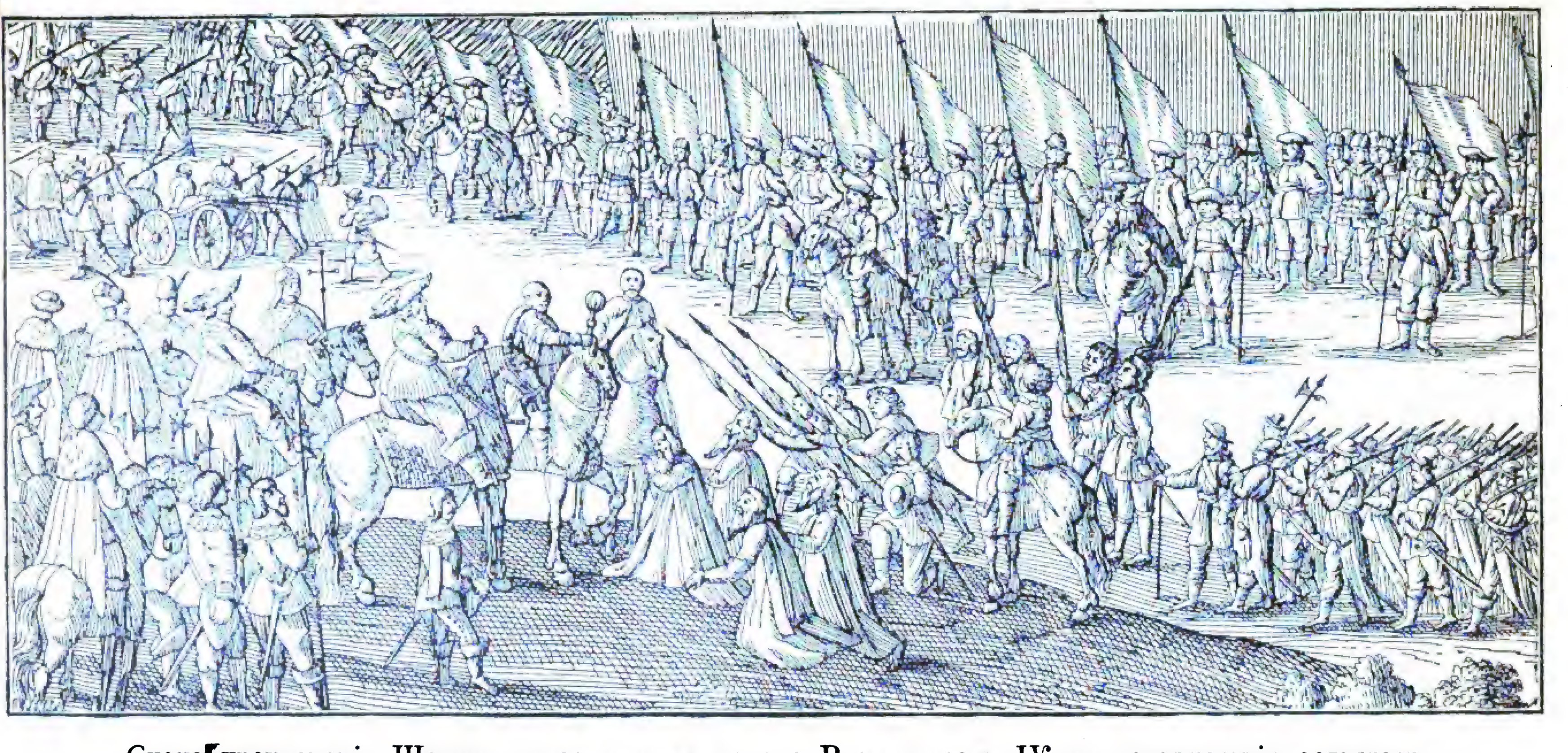
На гравюрѣ Гондіуса особенно любопытна сцена капитуляціи или преклоненія русскихъ знаменъ. (Эта сцена снятая, по моему заказу съ гравюры, собственно для публичнаго чтенія 4 апрѣля 1897 г., прилагается и въ настоящей книгѣ). На переднемъ планѣ группа верхомъ: здѣсь, во-первыхъ, король Владиславъ и позади его королевичъ Янъ Казиміръ; они въ низкихъ и широкихъ шляпахъ съ перьями; съ лѣвой стороны короля оба польные гетмана, Радивилъ и Казановскій, съ открытыми и подбритыми кругомъ головами; у одного изъ нихъ въ рукахъ булава; за ними канцлеръ епископъ Жадикъ съ крестомъ на древкѣ въ рукѣ и въ кругломъ шлемѣ, съ маленькимъ крестикомъ на верхушкѣ; потомъ три сенатора—обычные спутники и соглядатаи при королѣ—въ хламидахъ съ горностаевыми капюшонами. У ногъ королевскаго коня на колѣнахъ четыре русскихъ воеводы въ долгополыхъ кафтанахъ, съ непокрытыми головами и длинными бородами; за ними припалъ на одно колѣно очевидно полковникъ-иноземецъ, съ палашомъ на боку и круглою шляпою въ рукѣ (повидимому Карлъ Деэбертъ); рядомъ съ нимъ знаменоносцы наклоняютъ три свернутыя знамени, а три другія готовы наклониться; далѣе идутъ пѣшіе отряды съ мушкетами на плечѣ и саблями на боку. Вдоль ихъ пути выстроена польская пѣхота съ развернутыми знаменами, съ конными и пѣшими офицерами впереди. Голландецъ Гондіусъ, кажется, не былъ очевидцемъ сихъ событій, а работалъ по разсказамъ и описаніямъ. Во-первыхъ, какъ мы сказали, у него преклоняютъ колѣна четыре воеводы; тогда какъ ихъ было три: Шеинъ, Измайловъ и кн. Прозоровскій, а четвертаго, больного князя Бѣлосельскаго, везли въ саняхъ. Во-вторыхъ тутъ представлены оба гетмана; тогда какъ въ дѣйствительности присутствовалъ одинъ Радивилъ, а Казановскій

находился въ ту пору съ особымъ отрядомъ между Дорогобужемъ и Вязьмою. Впрочемъ, его присутствіе на церемоніи не объясняется ли условною любезностію, желаніемъ не обидѣть его, какъ участника Смоленской эпопеи? Большая гравюра, изображающая сцены этой эпопеи, состоитъ изъ 12 мѣдныхъ досокъ; кромѣ нея есть малая, состоящая изъ четырехъ досокъ, представляющая детальные планы осады, образцы укрѣпленій и инженерныхъ работъ и т. п.

Эти гравюры снабжены указателемъ или объяснительною брошюрою, которая переведена на русскій языкъ: «Изображеніе атаки и обороны Смоленска 1634 года». Спб., 1847. Самыя доски, увезенныя изъ Варшавы Петромъ Великимъ, хранятся въ Петербургскомъ Военнотопографическомъ депо. Я пользовался экземпляромъ той и другой гравюры, принадлежащимъ Петербургскому Артиллерійскому музею и обязательно сообщеннымъ мнѣ генераломъ Н. Е. Бранденбургомъ. Тотъ же генералъ составилъ наиболѣе обстоятельное описаніе Смоленской осады изъ всѣхъ извѣстныхъ дотолѣ описаній сего событія. Первая половина этого труда была помѣщена въ «Военномъ Сборникѣ» за 1869 годъ (апрѣль и сентябрь), а вторая осталась не напечатанной; но, благодаря любезности автора, я имѣлъ подъ рукою и эту рукописную часть описанія. Вышедшимъ въ 1890 г. первымъ томомъ Актовъ Моск. Госуд—ва отчасти успѣлъ воспользоваться покойный профессоръ исторіи Русскаго военнаго искусства въ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба Д. Ѳ. Масловскій, въ своей небольшой статьѣ о нашихъ помѣстныхъ войскахъ XVII столѣтія. Она помѣщена въ Военномъ Сборникѣ за 1890 г. сентябрь. Относительно технической стороны Смоленской осады хорошимъ пособіемъ служитъ трудъ ген. Ласковскаго «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Часть I. Спб. 1858, и приложенный къ этой первой части особый атласъ картъ, плановъ и чертежей.

Зерцалова «Акты XVI—XVIII вв.» Тутъ кромѣ «М. Б. Шеинъ подъ Смоленскимъ», есть между прочимъ свѣдѣнія «о Польскихъ лазутчикахъ на Руси въ 1633—34 гг.» Изъ нихъ видно, что во время Смоленской осады Поляки посылали лазутчиковъ въ Можайскъ узнать о войскѣ Черкасскаго и Пожарскаго, а также и въ Москву; лазутчики эти были изъ русскихъ людей. Ibidem еще о Земскомъ Соборѣ 1634 г.; авторъ утверждаетъ, что никакого особаго Земскаго Собора по поводу Крымцевъ не было, вопреки Латкину. Соборное опредѣленіе 28 января 1634 года о пожертвованіи всѣми сословіями денегъ на жалованье ратнымъ людямъ въ Актахъ Эксп. III. № 242 и С. Г. Г. и Д. III. № 99.

Осада Бѣлой между прочимъ описана въ Діаріушѣ, изд. Рембовскимъ, и въ польскомъ же Дневникѣ или его отрывкахъ, помѣщенныхъ въ Т. I Русск. Ист. Библіотеки. Переговоры и миръ Поляновскій: «Переписка между Рос. и Пол.» въ Чт. О. И. и Д. 1862. IV. «Временникъ» 1850. Кн. 5. Смѣсь. «Изборникъ» Попова. 373—375. Діаріушъ. Отрывки изъ Дневника. Дворц. Разр. Условія Поляновскаго договора обстоятельнѣе всего изложены въ «Пе-

Сцена преклоненія Шеина съ товарищами передъ Владиславомъ IV при отступленіи остатковъ Русской рати изъ-подъ Смоленска.

Съ современной гравюры Гондіуса.

репискѣ м. Рос. и Польшей». Польшѣ уступлены на вѣчныя времена слѣдующіе города: Смоленскъ, Бѣлая, Дорогобужъ, Рославль, Монастырское Городище (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попова Гора, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красное и волость Велижская, со всѣми уѣздами, военнымъ снарядомъ, посадскими и пашенными людьми. Для размежеванія спорныхъ земель условлено выслать съ обѣихъ сторонъ по три человѣка къ 22 сентября въ пять пограничныхъ пунктовъ; а для торжественнаго утвержденія договора къ 10 февраля будущаго года обоюдно выслать пословъ въ обѣ столицы. Посламъ вообще разрѣшено имѣть при себѣ свиту въ 100 человѣкъ со 150 конями, посланникамъ 30 человѣкъ и 50 лошадей, а гонцамъ 6 человѣкъ и 10 лошадей. Въ числѣ особыхъ статей, предложенныхъ Поляками, находилось участіе русскихъ пословъ въ выборѣ новаго короля; причемъ Московскій царь могъ быть выбранъ на Польскій престолъ, съ извѣстными обязательствами. Но таковыя статьи не имѣли серьёзнаго значенія, и русскіе послы отклонили ихъ формальное внесеніе въ договоръ. Награды Московскимъ уполномоченнымъ: Дворц. Разр. II. 373, 380—382. Временникъ. V. Смѣсь. 1—2. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». III. 171—173. Съ ссылкою на портфели Малиновскаго въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Челобитная Волконскаго о пожалованіи его за Бѣлую и награды ему въ Ак. М. Г. I. № 717. О ратификаціи Поляновскаго договора, выдачѣ гробовъ Шуйскихъ, ихъ встрѣчѣ въ Москвѣ и пріемѣ литовскихъ пословъ, Песочинскаго и Сапѣги, тѣ же: «Переписка м. Рос. и Пол.», Дворц. Разр. и Барсукова «Родъ Шерем.» Кромѣ того, Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłł. Poznań. 1839. Діаріушъ пословъ (Александра Песочинскаго и Казиміра Льва Сапѣги) къ ц. Михаилу отъ к. Владислава въ 1635 г., составленный секретаремъ посольства Петромъ Вяжевичемъ, въ Археогр. Сборникѣ, т. IV. Вильна. 1867. № 51. Реляція тѣхъ же пословъ королю объ ихъ Московскомъ посольствѣ. Ibid. № 52. По поводу встрѣчи гробовъ Шуйскихъ въ «смирномъ платьѣ», можемъ указать въ Дворц. Разрядахъ (II. 512), относящееся къ 1636 году, объясненіе, въ чемъ обыкновенно состояло смирное или траурное платье. «Была на Государѣ шапка казанская съ пелепелы, а діадима была меншая, платно бархатъ вишневой двоеморхой, на немъ звѣздки золоты, на платнѣ кружево низано. Бояре и окольничіе и дворяне и стольники были въ смирномъ платьѣ: въ охобняхъ объяринныхъ, и въ зуфныхъ и темновишневыхъ, и въ багровыхъ и въ гвоздишныхъ. Рынды были въ вишневомъ платьѣ. А были Государь и бояре въ смирномъ платьѣ для того, что до приходу (литовскихъ) посланниковъ къ Москвѣ за два дни не стало государыни царицы и великія княжны Софіи Михайловны». Относительно Шуйскихъ см. монографію варшв. проф. Д. В. Цвѣтаева «Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ» (у меня оттискъ монографіи, еще неоконченной). О привозѣ его тѣла изъ Варшавы въ Москву и погребеніе въ Успенскомъ соборѣ въ IV ея главѣ.

Для судьбы Шеина главный источникъ это отрывокъ изъ Розыскного дѣла

или собственно судебный приговоръ надъ нимъ и его товарищами въ Акт. Арх. Эксп. III. № 251. Можно было бы весьма сожалѣть о томъ, что это Розыскное дѣло пока не найдено вполнѣ; ибо любопытно было бы узнать отвѣты самого Шеина и его товарищей. Но вновь обнародованные источники, особенно первый томъ Актовъ Моск. Гос—ва, т.-е. акты Московскаго Разряда того времени, достаточно выясняютъ почти весь ходъ войны и Смоленской осады, и тѣ искаженія фактовъ, которые, по всей вѣроятности, Шеинъ приводилъ въ свое оправданіе, едва ли много прибавили бы этому выясненію. Важнѣе отсутствіе свидѣтельскихъ показаній. По хронографу Столяровскому, комиссія, назначенная для суда надъ Шеинымъ, «сыскивала ратными людьми, которые были съ нимъ подъ Смоленскомъ. И ратные многіе всякіе люди въ сыску боярамъ сказали на боярина на Михаила Шеина и на Артемія и на сына ево Василья Измайловыхъ многія ихъ неправды, а къ государю нерадѣнье, а къ ратнымъ людямъ жесточь и утѣсненіе». (Изборн. А. Попова. 373).

Олеарій (кн. III, гл. 6) разсказываетъ слѣдующее. Въ Москвѣ неудачу Смоленской осады приписали измѣнѣ Шеина. Когда войско воротилось, то оно прямо жаловалось на измѣну своего предводителя. Сначала жалобщиковъ не уважили и поступили съ ними строго; тогда вспыхнуло возстаніе, и, чтобы утишить его, народу обѣщали казнить Шеина. А послѣдняго обманули: сказали ему, что онъ только для виду будетъ выведенъ на казнь, но что въ послѣднюю минуту его помилуютъ. Довѣряясь сему обѣщанію и особенно слову патріарха, Шеинъ спокойно легъ на землю; но ему тотчасъ отрубили голову. Сынъ Шеина въ тотъ же день, по требованію народа, былъ до смерти засѣченъ кнутомъ, а пріятели его сосланы въ Сибирь. Очевидно или Олеарію кто-то сообщилъ неточныя свѣдѣнія, или онъ ихъ потомъ спуталъ. Мы знаемъ, что сынъ Шеина былъ сосланъ и умеръ на дорогѣ. (Впрочемъ возможно, что предварительно онъ былъ сѣченъ). Хотя разсказъ о народномъ бунтѣ мало достовѣренъ, а обманное обѣщаніе помилованія того менѣе; но несомнѣнно, что воротившіеся изъ-подъ Смоленска ратные люди обвиняли Шеина въ измѣнѣ и возбудили противъ него сильное общественное негодованіе, которое успокоилось только послѣ его казни. Олеарій прибылъ въ Москву, спустя три мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ этой казни, и могъ замѣтить общее настроеніе; здѣсь были еще свѣжи впечатлѣнія Смоленской катастрофы, и толки о Шеинѣ какъ измѣнникѣ еще не замолкли. Также смутно и сбивчиво разсуждаетъ объ этомъ дѣлѣ русскій хронографъ. Онъ напираетъ особенно на клятву или крестоцѣлованіе, данное Шеинымъ польскому королю передъ своимъ отпускомъ изъ плѣна. (Объ этой клятвѣ упоминаетъ и помянутый отрывокъ изъ Розыскного дѣла, т.-е. актъ оффиціальный). «Царь и патріархъ,—пишетъ онъ,—впадоша въ кручину и въ недовѣріе о боляринѣ своемъ Михаилѣ предореченнаго крестнаго цѣлованія, такожде и боляре Московскіе уязвляющеся завистію и клеветами на Михайлу, такожде дохождаше слухъ и въ полки къ Михаилу, яко многи царю и патрі-

арху навѣтуютъ на него такожe и въ полкахъ воздвизается на него ропотъ великъ за гордость и нерадѣніе его; онъ же отъ гордости своея на всѣхъ воеводъ и на нѣмецкихъ полковниковъ нача злобитися и ихъ безчестити, ратныхъ же людей оскорбляти, а съ сопостаты битися и для конскихъ кормовъ по селамъ не повелѣ отпущати и къ Москвѣ нача грубо писати, а съ Москвы къ нему грамоты прихождаху токмо со осужденіемъ и опалою». «Приде подъ Смоленскъ самъ Польскій и Литовскій король Владиславъ со многими гетманы и со всею своею радою, не зѣло же въ тяжцѣ силѣ, но въ промыслѣ усерднѣ, и посылаетъ къ Михаилу Шеину и воспоминаетъ ему крестное цѣлованіе. Михайло же паки унываетъ и паки на ратныхъ своихъ людей гнѣвается и никакого промыслу не чинитъ многое время». (Изъ хрон. Пахомія. Изборн. А. Попова. 317—318). Далѣе у него патріархъ Филаретъ умираетъ отъ скорби уже послѣ капитуляціи Шеина, хотя дата его кончины указана вѣрно (только 2 октября вмѣсто 1-го). Явныя невѣрности въ родѣ того, будто изъ Москвы Шеину писали все съ укоризною и опалою, показываютъ, что составитель сего хронографа астраханскій архіепископъ Пахомій, писавшій спустя лѣтъ двадцать послѣ события, не имѣлъ о немъ точныхъ свѣдѣній и разсуждалъ на основаніи разныхъ противорѣчивыхъ слуховъ (свѣдѣнія объ этомъ хронографѣ см. у Ан. Попова «Обзоръ Хронографовъ рус. редакціи». 236—242). Вообще обвиненіе Шеина въ измѣнѣ проникло почти во всѣ русскіе источники.

По поводу оффиціальнаго выраженія, что троимъ осужденнымъ въ Москвѣ отрубили головы «на пожарѣ», укажу на замѣтку А. И. Бунина о значеніи слова *пожаръ* въ старину (Археологич. Извѣстія. 1898. № 5—6). Онъ объясняетъ это названіе вообще въ смыслѣ торговой площади, а въ Москвѣ такъ называлась Красная площадь и кромѣ нея Лубянская. Къ приведеннымъ имъ свидѣтельствамъ присоединю еще одно: «ко пречистой Богородицѣ Казанской, что на пожарѣ». (Выходы государей. М. 1844, стр. 115, подъ 22 октября 1643 г.).

О ссылкѣ и смерти Ивана Шеина, о ссылкѣ и возвращеніи въ Москву кн. Прозоровскаго, Тимофея Измайлова, его сына Льва и сына Артемьева Семена Измайлова см. Акты Эксп. III. №№ 335—349. О Тимофеѣ Измайловѣ встрѣчается свѣдѣніе въ «Записн. Кн. Моск. стола»: состоявшій у Большой казны Тимофей былъ отставленъ отъ службы уже въ мартѣ 1633 года. (Рус. Ист. Библ. IX. 525). Тамъ же находимъ извѣстіе о подьячемъ Разряднаго Приказа Пятомъ Спиридоновѣ: «за литовскую посылку» онъ переведенъ дьякомъ въ Помѣстный приказъ, получилъ 600 четей помѣстнаго оклада и денегъ 70 рублей (555). А извѣстный Иванъ Грамотинъ въ маѣ 1634 г. назначенъ думнымъ дьякомъ, вѣдавшимъ Посольскій приказъ, и вскорѣ пожалованъ печатникомъ (558 и 559). Любопытна въ той же Записной книгѣ роспись больнымъ ратнымъ людямъ, остававшимся подъ Смоленскомъ, а потомъ отпущеннымъ въ Москву. Имена ихъ въ изданіи пропущены; но, судя по нѣкоторымъ

приведеннымъ изъ числа служившихъ въ полкахъ иноземнаго строя, это все русскіе люди. Между прочимъ «Индрихова полку» (Фандама) пропущено до 90 именъ, а приведены только двое: сынъ боярскій Никита Котовъ и Андрей Левшинъ. (575). Но и отсюда ясно, что Фандамъ командовалъ не иноземнымъ, а русскимъ солдатскимъ полкомъ. Примѣромъ пограничныхъ споровъ и безпорядковъ, наступившихъ тотчасъ за Поляновскимъ миромъ, можетъ служить донесеніе изъ Комарицкой волости воеводы Ѳ. Пушкина о неправильномъ присвоеніи себѣ литовскими людьми села Олешковичъ (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4).

11. Примѣръ благодушнаго отношенія къ поведенію Шеина и объясненія нашихъ неудачъ несостоятельностію русскаго войска, ненадежностію и неповиновеніемъ иноземцевъ и интригами бояръ представляетъ «Исторія» Соловьева, т. IX, гл. 3-я. Онъ ссылается и на вышеприведенный хронографъ Пахомія, хотя это довольно мутный источникъ; притомъ же, какъ мы указали, Пахомій главнымъ образомъ приписываетъ неудачу не этимъ причинамъ, а тайной присягѣ, данной Шеинымъ королю. Вслѣдъ за Соловьевымъ, боярской интригѣ противъ Шеина приписалъ неудачный исходъ войны и И. Е. Забѣлинъ въ своей монографіи «Мининъ и Пожарскій». (См. *Рус. Архивъ* 1872. № 5 и стр. 144 отдѣльнаго изданія). Особенно усерднымъ защитникомъ Шеина явился Зерцаловъ въ указанной выше статьѣ «М. Б. Шеинъ подъ Смоленскомъ». (Чт. О. И. и Др. 1897. Кн. 2. Смѣсь), гдѣ онъ предположеніе Соловьева о боярскихъ интригахъ, помѣшавшихъ успѣхамъ Шеина, довелъ до крайности и почти всѣ его неудачи объясняетъ именно сими предполагаемыми интригами. Главная причина подобныхъ выводовъ заключалась въ недостаточно подробномъ фактическомъ знакомствѣ съ данными событіями; а между тѣмъ писатели, хорошо освѣдомленные съ ходомъ и разными фазисами военныхъ дѣйствій подъ Смоленскомъ, уже и ранѣе неодобрительно относились къ поведенію Шеина и его способу осады; такова, напримѣръ, вышеназванная монографія ген. Н. Е. Бранденбурга. Нынѣ же послѣ изданія новыхъ и обильныхъ источниковъ (см. выше) весь ходъ военныхъ дѣйствій и поведеніе Шеина настолько выяснились, что оправдывать бѣдственный конецъ похода какими-то боярскими интригами нѣтъ никакой возможности. Между прочимъ защитники его ссылаются на причиненное будто бы ими постоянное голоданіе русской арміи и недостатокъ боевыхъ припасовъ. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, наоборотъ, непріятели удивлялись огромнымъ запасамъ всякаго рода, которые они нашли въ острожкахъ и земляныхъ городкахъ, покинутыхъ Русскими. А недостатокъ съѣстныхъ припасовъ произошелъ конечно тогда, когда Шеинъ допустилъ отрѣзать свои сообщенія и очутился въ блокадѣ.

Основанные на детальномъ изученіи фактовъ, свои выводы о Смоленской эпопеѣ я имѣлъ случай изложить на публичномъ чтеніи 4 апрѣля 1897 года. Въ заключеніе сего чтенія я позволилъ себѣ привести аналогію между Шеинымъ и французскимъ маршаломъ Базеномъ, который также своимъ бездѣйствіемъ и безцѣльнымъ сидѣніемъ въ Мецѣ довелъ французскую армію до по-

зорной сдачи. Любопытно, что и польскіе источники относятся къ Шеину какъ къ серьезному противнику, не выставляя на видъ его позорнаго поведенія; разумѣется, для того, чтобы не умалить славу польскихъ побѣдъ. Точно также относятся къ Базену нѣмецкія извѣстія и по той же причинѣ. По поводу означеннаго моего чтенія въ печати высказаны нѣкоторыя возраженія. Особенно рѣзко отнесся къ нему новый и крайній поборникъ догадки С. М. Соловьева, г. Оглоблинъ въ статьѣ «Правда о бояринѣ М. Б. Шеинѣ» (*Историч. Вѣстникъ*, 1898, іюнь). Во всѣхъ и всюду онъ видитъ только одно: боярскую интригу противъ Шеина. Мой отвѣтъ на эту статью въ *Рус. Старинѣ* (ноябрь того же года).

О вооруженіи русской конницы той эпохи, т.-е. дворянъ и дѣтей боярскихъ, любопытныя подробности находимъ у Голландца Гутериса. Всадники «имѣли лукъ, который во время ѣзды висѣлъ у нихъ на ремнѣ около шеи, слѣва колчанъ со стрѣлами, а подлѣ него широкая сабля; справа подъ сѣдломъ виднѣлись длинное ружье, слѣва палашъ, который такъ великъ, что его можно было поднять только обѣими руками; потомъ еще у сѣдла укрѣплена пара пистолетовъ и къ правой рукѣ обыкновенно привѣшена короткая, толстая плеть». (Такое полное вооруженіе, конечно, имѣли наиболѣе состоятельные люди). Вообще знатные люди, по его словамъ, отличались великолѣпнымъ убранствомъ своихъ коней и имѣли у сѣдла небольшой барабанъ (набатъ), «въ который они во время ѣзды прилежно ударяли». (Чт. О. И. и Д. 1863 V).

12. О поставленіи патріарха Іосафа въ Изборникѣ Ан. Попова. 318 и 428. С. Р. Л. IV. 334. Дворц. Разр. II. 362, 363. С. Г. Г. и Д. III. № 105. Рус. Ист. Библ. IX. 551—552. Архим. Досифея «Лѣтоп. Соловецкій». М. 1833, стр. 62. При семъ патріархѣ дѣло Суздальскаго архіепископа Іосифа Курцевича, прибывшаго изъ югозапад. Россіи, потомъ низложеннаго: Лѣтоп. Густын. м. въ Чт. О. И. и Д. 1848. VIII, и 1863. I. Рус. Ист. Библ. II. № 166. Акты Эксп. III. № 249. См., между прочимъ, жалобу суздальскихъ кожевниковъ на грабительства и насильства сего архіепископа Іосифа въ 1620 г. Чт. О. И. и Д. 1863. I. Патріарху Іоасафу принадлежатъ: «Память» или наставленіе поповскимъ старостамъ о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ, 1636 г. (Ак. Эксп. III, № 264); «Лѣствица властемъ» или роспись, въ какомъ порядкѣ, какіе архіереи и настоятели монастырей должны присутствовать на соборахъ, соборныхъ богослуженіяхъ и при патріаршей трапезѣ (Досифея «Опис. Соловец. монастыря». III); смиренное посланіе къ царю на вопросъ его, что предпринять противъ Крымскаго хана, позволявшаго грабить и притѣснять Московскихъ пословъ (Соловьева «Ист. Рос.» XI. Приложеніе, взятое изъ столбцовъ Приказа Тайн. Дѣлъ. Также въ Зап. Рус. и Слав. Археол. II). По сему поводу, см. сообщеніе Зерцалова «Объ оскорбленіяхъ царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII в.». Чт. О. И. и Д. 1893. III.

С. Г. Г. и Д. III. № 98 (отъ 4 октября 1633 года, черезъ три дня по кончинѣ Филарета посланъ въ Чебоксары приказъ о возвращеніи изъ ссылки М. М. Салтыкова). О кончинѣ Ивана Никитича Юрьева или Романова въ Др. Рос. Вивл. XX. 99 и въ Нов. Лѣт., изданномъ кн. Оболенскимъ въ 1553 г. Первое приложеніе. (Онъ былъ погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ). См. также таблицу членовъ семьи Романовыхъ и ихъ родства Н. Н. Селифонтова — тщательно составленная «Родословная» въ Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ Михаила Ѳеодоровича. (Ч. II. СПб. 1898. Изданіе Костром. Ученой Архивн. Комиссіи). Дворц. Разр. II. 354, 366, 487, 650 (пожалованья въ бояре). Указываемъ на производство въ бояре помимо окольничества потому, что Морозовы и Шереметевы, кажется, не были въ числѣ фамилій, имѣвшихъ эту привилегію; исключеніе можетъ относиться развѣ къ князю Рѣпнину. (См. Ключевскаго: «Боярская Дума». Гл. X). Акты Эксп. III. № 287. Акты Моск. Гос. II. №№ 98 и 99. Дворц. Разр. II. 571. Акты Эксп. №№ 273 (Государевъ приказъ взять изъ Тихвинскаго монастыря «на время» ратную сбрую), 274, 275, 284 (о даточныхъ людяхъ съ монастырей. Упоминается Приказъ сбору ратныхъ людей), 291, 319.

О построеніи новыхъ городовъ, засѣкъ и прочихъ укрѣпленій: Акты Эксп. №№ 260, 261 268, 270, 303—305. Акты Моск. Гос. III. II. №№ 8, 40, 57—224. Пособія: Бѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства». М. 1846. Е. Щепкиной: «Тульскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ». Чт. О. И. и Д. 1892. IV. (Тутъ о засѣчныхъ линіяхъ и Завитаѣ). Багалѣя: «Матеріалы для исторіи колонизаціи». Харьковъ. 1886. «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. Госуд—ва». М. 1887. «Переселеніе Черкасъ изъ Польши въ Моск. Госуд. до Алексѣя Михайловича». (Черкасы были поселены въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ Курскѣ, Корочи, Кромахъ, Бѣлгородѣ и т. д.). См. также «Царскія грамоты на Корочу воеводамъ». Тутъ о Черкасахъ, поселенныхъ въ Корочѣ, въ числѣ 400 человѣкъ. (Чт. О. И. и Д. 1859. II). О живущей чети, между прочимъ, у Милюкова: «Государств. хозяйство Россіи». 17—22. Со ссылкою на указы 1630 и 1631. (Указная книга Помѣст. приказа. Изд. Сторожевымъ). Его же «Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. Госуд—ва». Спб. 1892. 115—128. Это собственно рецензія на сочиненіе Лаппо-Данилевскаго объ «Организаціи прямого обложенія», въ которомъ впервые указаны, помимо *сохи* и *двора*, еще на третью единицу обложенія, именно *живущую четверть*, состоявшую изъ извѣстнаго числа дворовъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ. По толкованію г. Милюкова, живущая или платежная четверть означаетъ распаханное поле и соотвѣтственное ему количество дворовъ, и подати брались только съ распаханной пашни «оставляя въ сторонѣ перелогъ и дикое поле».

Въ Актахъ Моск. Гос., II, № 192, находимъ любопытный приказъ царя Ѳ. И. Шереметеву, чтобы прислалъ въ село Покровское на Покровское поле «московскихъ сотниковъ и стрѣльцовъ Иванова приказу Головленкова, а для

ученья съ ними быть на Покровскомъ полѣ нѣмчину Ивану Ермису». Стало быть, тогда и стрѣльцовъ учили нѣмецкіе инструкторы. Для характера междубоярскихъ отношеній и мѣстническихъ счетовъ заслуживаетъ вниманія случай въ 1634 г.: бояринъ Борисъ Салтыковъ не хотѣлъ сидѣть за царскимъ столомъ ниже князя Юрія Сулешова, потому что онъ «иноземецъ». (Дворц. Разр. II. 363. О пожалованіи Сулешовымъ имѣній въ 1629 г., въ томъ числѣ муромскаго села Карачарова, см. въ Актахъ Эксп. III. № 332). Въ параллель сему случаю укажемъ на углицкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые «всѣмъ городомъ» бьютъ челомъ царю, въ 1639 г., чтобы велѣлъ выписать изъ двороваго списка Ив. Шубинскаго, котораго роду никто въ этомъ спискѣ не бывалъ, а бывали они въ деньщикахъ и въ нарядчикахъ; «версталъ» же его помянутый князь Юрій Яншеевичъ Сулешовъ; «пущенъ» онъ въ дворовый списокъ «не по отечеству своему и не по службѣ»; что они считаютъ себѣ за безчестье. Тѣ же Угличане бьютъ челомъ на Маракушева и Третьякова, которые неправильно «написались по выбору». (Времен. О. И. и Д. Кн. 11. Смѣсь). Князь Юрій Сулешовъ встрѣчается и въ «Сыскномъ дѣлѣ о ссорѣ межевыхъ судей стольника князя Вас. Ромодановскаго и дворянина Ларіона Сумина». Межевыми судьями тутъ называются лица, посланныя на разные пункты для совмѣстнаго съ польскими комиссарами размежеванія границъ послѣ Поляновскаго договора. Ромодановскій и Суминъ дѣйствовали на Псковскомъ пограничьѣ. Здѣсь однажды они поссорились. Ромодановскій «учалъ бранить (Сумина) матерны, называлъ его страдникомъ» и хотѣлъ бить; а Суминъ схватился за рукоять ножа, и укорялъ князя въ томъ, что онъ одинъ безъ товарища сносится съ литовскими людьми. Въ пылу раздраженія Суминъ закричалъ Ромодановскому, чтобы онъ не воцарялся подобно родственнику своему Д. М. Пожарскому, который, будучи подъ Москвою, докупался государства и потратилъ на то 20.000. Отсюда возникло судебное дѣло; розыскъ о немъ порученъ былъ государемъ князю Юрію Сулешову. Привлечено было много свидѣтелей. Особое вниманіе розыска обратилось на слова Сумина о Пожарскомъ. Но обѣ стороны путали и отказывались отъ своихъ словъ. Дѣло это началось въ 1635 году, а въ 1640 оно все еще не было кончено, т.-е. Царь не полагалъ своего рѣшенія. (Чт. О. И. и Д. 1848. № 7).

13. О Сибирской колонизаціи, управленіи, ясакѣ и пр. Акты Истор. III. №№ 85—234, съ перерывами. С. Г. Г. и Д. III. №№ 37, 53, 60, 67, 68. Въ № 60 грамота Филарета Кипріану 1622 г. съ указаніемъ безпорядковъ. Въ томъ же году царская грамота верхотурскимъ воеводамъ съ указаніемъ на тѣ же безпорядки и съ приказомъ не вступаться въ духовныя дѣла, а служилымъ людямъ подчиняться суду архіепископскому (Акты Ист. № 113). Расходы на поставленіе Кипріана и царское ему жалованье см. въ Дополн. къ Дворц. Разр. I. 224—239. Для характеристики его см. «О неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ Новгор. митр. Кипріана». Сообщ. Зерцаловымъ въ Чт. О.

И. и Д. 1896. I. Акты Эксп. III. №№ 184 и 265. Въ № 184 царская грамота верхотурскому воеводѣ Даніилу Милославскому и дьяку Селетцыну о томъ, чтобы оказывать содѣйствіе таможенному и заставному головѣ при досмотрѣ сибирскихъ воеводъ и дьяковъ съ ихъ братьями, дѣтьми и племянниками; чтобы они, ѣдучи изъ Сибири въ Москву, не могли провозить тайкомъ дорогихъ мѣховъ и чтобы торговые люди также этихъ мѣховъ не провозили, записывая ихъ на свое имя. Сію «мягкую рухлядь» семьи и родственники воеводъ, отправляясь въ Москву, провозили въ саняхъ, каптанахъ, сумахъ, коробьяхъ, чемоданахъ, въ платьѣ, постеляхъ, подушкахъ, винныхъ бочкахъ и даже въ печеныхъ хлѣбахъ, именно: соболей, лисицъ, бобровъ и пр. Велѣно ихъ выводить изъ саней и каптановъ и накрѣпко осматривать даже въ пазухахъ, штанахъ и въ платьѣ, куда зашивали мѣха. У торговыхъ людей вещи и даже деньги заранѣе должны быть расписаны въ такъ наз. проѣзжихъ грамотахъ, и что окажется на Верхотурской заставѣ лишняго, то отбирать на государя. Точно также воеводамъ и дьякамъ запрещается привозить съ собою въ Сибирь какіе-либо товары и торговать ими; особенно преслѣдовалась тайная торговля виномъ и табакомъ. Кромѣ соблюденія царскихъ таможенныхъ доходовъ, при запрещеніи вывозить воеводамъ и дьякамъ мягкую рухлядь изъ Сибири, имѣлось въ виду обуздать ихъ ненасытное корыстолюбіе и выжиманіе лишняго ясака отъ инородцевъ въ свою пользу. Но подобныя мѣры, очевидно, мало достигали своей цѣли. Относительно сбора ясака характеристичны слова, служившаго въ Тобольскѣ, дьяка Третьяка Васильева въ челобитной царю: «а до насъ и послѣ насъ николи съ Тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку сполна не сбирывали; славенъ былъ Сибирскою службою (на воеводствѣ) бояринъ князь Юрья Яншеевичъ Сулешовъ, а и при томъ ясаку сполна не сбирывали». (Времен. Об. и И. Д. Кн. 9. Смѣсь. стр. 4). Ко времени тобольскаго воеводства Сулешова, къ 1622—23 гг., относятся любопытныя книги, приходная и расходная Туринскаго острога, помѣщенныя въ Актахъ относ. до юрид. быта. Т. II. №№ 142 и 143. Дополн. къ Актамъ Ист. Т. II. №№ 67—101 (Разныя сибирскія дѣла). См. также Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа». Ч. I. (Чт. О. И. и Д. 1895. II.).

Пособія: Фишера: «Сибирская исторія». Спб. 1774. Буцинскаго: «Заселеніе Сибири». Харьковъ. 1889. «Записки къ Сибирской исторіи служащія». Др. Рос. Вивл. III. «Лѣтопись Великоустюжская», изданная Трапезниковымъ подъ редакціей А. А. Титова. М. 1889. Здѣсь подъ 1630 г. говорится объ отсылкѣ изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска въ Тобольскъ поселенцами 500 мужчинъ и 150 женщинъ. Въ 1639 г. вновь нѣсколько семействъ послано въ Тобольскъ, а въ 1644 г. тоже нѣсколько семей отправлено въ Туринскъ; но, неизвѣстно почему, онѣ поселились въ Пермскомъ краю на мѣстѣ Екатеринбурга. Для Верхотурья см. изслѣдованіе А. Дмитріева: «Верхотурскій кремль и подчиненныя ему крѣпости въ XVII—XVIII вв.». Пермь. 1885. Грамоты XVI и XVII вв., относящіяся къ городу Верхотурью.

(Времен. О. И. и Д. Кн. 25). Наказная грамота Соликамскому воеводѣ о владѣніяхъ Ортемки Бабинова, проведшаго и расчистившаго Сибирскую дорогу, 1617 г. (Ibid. Кн. 20).

14. С. Г. Г. и Д. III. №№ 108, 112, 113 (Земскій соборъ по вопросу объ Азовѣ), 114, 115. Акты Моск. Гос. II. №№ 188 и 190. Тутъ донесеніе изъ Валуекъ воеводы Голенищева о вѣстяхъ, которыя приносили ему разсыльные станичники-казаки изъ-подъ Азова, осажденнаго Турками, въ іюлѣ и сентябрѣ 1641 года. Число осаждавшаго войска, преувеличенное до 250 и до 300 тысячъ по «Сказанію», здѣсь показано такимъ образомъ: «стоитъ подъ Азовымъ Крымскихъ людей 40,000, да Турскихъ людей 40 каторгъ, акромѣ мелкихъ судовъ. Да идутъ подъ городъ подъ Азовъ Крымскіе мурзы съ Крымскими людьми 20.000, да Турскихъ людей идутъ подъ Азовъ моремъ 20 каторгъ» (№ 188). Войсковымъ атаманомъ при оборонѣ Азова былъ Наумъ Васильевъ; во время приступа онъ смертельно раненъ; на его мѣсто казаки выбрали Тимофея Лебяжью шею (№ 190). А въ ближайшемъ къ Азову Черкасскомъ городкѣ атаманствовалъ въ то время Степанъ Ивановъ; изъ этого городка посылались въ Азовъ подкрѣпленія и партіи лазутчиковъ для добыванія языковъ, т.-е. плѣнныхъ непріятелей, которыхъ разспрашивали подъ пытками; эти языки и были главнымъ источникомъ, получавшихся въ Москвѣ, свѣдѣній о турецко-татарскихъ войскахъ, стоявшихъ подъ Азовомъ. Акты Ист. III. № 296 (Грамоты 1643 г. Донскихъ казаковъ, хотѣвшихъ уйти на Яикъ. Тутъ упоминается Раздорный городокъ на Дону). Взятіе Азова и оборона его казаками послужили предметомъ особаго сказанія, которое вошло и въ Лѣтопись о мн. мятежахъ, и въ хронографы (Третья редакція. Изборникъ А. Попова. 392—394). См. также «сказаніе объ Азовскомъ сидѣньи, какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, пять тысячъ человѣкъ противъ триста тысячъ человѣкъ». (Рус. Архивъ. 1898, № 8. Сообщено А. А. Карасевымъ). Разсказъ ведется нѣсколько былиннымъ тономъ; написанъ, повидимому, какимъ то московскимъ книжникомъ, который реторично прославляетъ Михаила Θеодоровича и Московское государство. Распросныя рѣчи Донскихъ казаковъ, Азовскихъ сидѣльцевъ см. въ Неоффиц. части Донскихъ войск. Вѣд. 1861 г. № 10. «О посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 г.». «Наказъ» ему и «Статейный списокъ» сего посольства—С. Смирнова: Временникъ Об. И. и Д. Кн. 6, 8 и 9. Посольство было отправлено послѣ очищенія Азова казаками для возстановленія мирныхъ сношеній съ Турціей.

Объ атаманѣ Ивашкѣ Каторжномъ упоминаютъ въ 1643 году указанныя выше грамоты воеводамъ на Корочу. По его словамъ, онъ былъ казакъ бѣлгородской; взятый въ плѣнъ Татарами, проданъ въ Царьградъ на каторгу, и былъ на ней 12 лѣтъ; но вмѣстѣ съ товарищами побилъ сторожей и ушелъ изъ полону. Однако далѣе одинъ короченскій обыватель оспариваетъ его по-

казаніе. (№№ грамотъ 4 и 9. Чт. О. И. и Д. 1859. II.). Повидимому, это одно и то же лицо съ Ивашкою Семеновымъ Мошкинымъ, который въ челобитной царю, въ 1643 г., называетъ себя калужскимъ стрѣльцомъ и разсказываетъ о томъ, какъ во время Азовскаго сидѣнья подъ его предводительствомъ 280 русскихъ плѣнниковъ на турецкой каторгѣ возмутились и побили 240 Турокъ, а 40 взяли живыми, и на этой каторгѣ ушли въ Сицилію. Вмѣстѣ съ Ивашкою и нѣкоторые другіе освободившіеся плѣнники бьютъ челомъ о вспоможеніи и призрѣніи. Одинъ изъ нихъ, Якимка Быковъ, терпѣвшій 40 лѣтъ то въ литовскомъ плѣну, то въ татарской и турецкой неволѣ, проситъ постричь его въ Новоспасскомъ монастырѣ «безъ вкладу», т.-е. безъ взноса какой-либо суммы или имущества. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн. 2). Происшествіе съ русскими плѣнниками на каторгѣ подтверждается разсказомъ одного очевидца, итальянца. (Кіев. Стар. 1883. Іюнь. И тотъ, и другой разсказъ перепечатанъ въ «Мемуар. относ. къ Ист. Южной Руси». Вып. 2. К. 1896). Въ указанной книгѣ «Чтеній О. И. и Д.» напечатанъ сообщенный Зерцаловымъ, любопытный «сыскъ» про грамотку одного изъ дѣтей боярскихъ къ его отцу въ то время, когда въ Москвѣ шелъ Азовскій вопросъ. Изъ нея видно, что здѣсь было какое-то недовольство служилыхъ людей боярами и пущена какая-то молва о намѣреніи землею побить бояръ. Грамотка эта, случайно попавшая въ руки правительства, повела къ большому розыску.

15. Акты Эксп. Ш. №№ 226. (О фальшивыхъ монетчикахъ тотъ же актъ въ С. Г. Г. и Д. III. № 106), 278, 282 (о московской волокитѣ). Акты Ист. III. № 204 (по дѣлу бывшаго чердынскаго воеводы Христофора Рыльскаго. Подъ № 194 см. грамоту ему, какъ чердынскому воеводѣ, о содѣйствіи двумъ московскимъ чиновникамъ, посланнымъ для поимки татей и разбойниковъ; о разбойникахъ еще Акты Эксп. № 325 и Акты Юрид. № 52). Къ московской волокитѣ: въ 1639 г. подтверждено, что воеводамъ украинныхъ городовъ разрѣшено судить иски до десяти рублей, а сверхъ того «судить на Москвѣ въ приказѣхъ». (Акты Моск. Гос. II. № 173. А въ № 157 объ отмѣнѣ откуповъ разныхъ мелкихъ промысловъ). Относительно кабаковъ и продажи питей вообще: Акты Ист. III. №№ 122, 153, 184, 185. Акты Эксп. III. № 146. Акты Юрид. № 28 (тутъ судное дѣло о корчемствѣ, 1615 г. Въ немъ кабацкая цѣна ведра водки опредѣлена въ 2 руб. 10 алтынъ), 60, 302. (Кстати: Ibid. № 227, цѣна пуда соли показана въ 2 алтына 4 деньги). Прыжова: «Исторія кабаковъ въ Россіи». 1868. Дитятина: «Царскій кабакъ Московскаго Государства». (Статьи по исторіи рус. права. Спб. 1896). Какъ примѣръ, до чего доводило пьянство въ кабакѣ даже знатныхъ людей, укажемъ на челобитную князей Дм. Мих. и Дм. Петр. Пожарскихъ (и тотъ, и другой при семъ именуютъ себя «Митькою»): они жалуются царю на своего племянника Ѳедьку Пожарскаго, который «по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума». (Времен. О. И. и Д. Кн. 4). А какъ пили и безобразничали въ кабакахъ иногда сами чиновники, видно изъ донесенія

устюжскаго воеводы Петра Волынскаго, который посадилъ зато Офоньку Котельникова, но кнутомъ бить его не посмѣлъ, потому что онъ «на Устюгѣ Великомъ въ судейкахъ». (Чт. О. И. и Д. 1883. I. Ibid. донесеніе того же воеводы, что два крестьянина вынули изъ гроба мертвеца и били его на правежѣ за ростовщичество). Какія творились безчинства около церквей и монастырей въ храмовые праздники отъ пьянства, показываетъ челобитная новгородскаго хутынскаго архимандрита съ братіей, въ 1632 г. На память чуд. Варлаама, пріѣзжаютъ кабацкіе головы и откупщики и ставятъ подъ монастыремъ кабакъ, «и отъ того кабака ставится воровство, и душегубство, и крова, и драки, и продажи, и убытки великіе, и въ церковь ходятъ люди пьяные, и пакости чинятъ въ монастырѣ и въ церкви многіе». (Чт. О. И. и Д. 1866. III.). См. также г. Оглоблина «Елецкая Явочная книга 1615—16 г.г.» въ Чт. О. И. и Д. 1890. II. Въ этой книгѣ заключаются разрѣшенія на домашнюю варку вина, по случаю поминокъ, свадьбы, крестинъ, имeнинъ, какихъ то «бабьихъ кашъ» и т. д. Кромѣ того были явки по случаю общихъ праздниковъ. Авторъ дѣлаетъ такой выводъ, что въ началѣ XVII вѣка у Ельчанъ было мало праздниковъ и что они не особенно были склонны къ пьянству. Какъ кабацкіе головы и цѣловальники завлекали слабыхъ людей въ пьянство, отпуская имъ въ долгъ, см. Шуйскіе акты, изд. Гарелинымъ. № 57. Какъ дьяки пользовались обстоятельствами пріобрѣтать у военнослужилыхъ людей вотчины за ничтожную плату или просто за судебную услугу, доказываетъ примѣръ дьяка А. Дурова, завладѣвшаго вотчиною рязанца Гвоздева во время Смоленскаго походу. Царь велѣлъ ему возратить вотчину, а впредь запретилъ воеводамъ и дьякамъ покупать вотчины «на службахъ» т.-е. въ военное время. «Многіе, будучи на службахъ, воруютъ, бражничаютъ и для воровства вотчины на малые деньги отдаютъ; проворовавъ вотчину, и впредь государю не слуга будетъ» (Акты до Юридич. быта древ. Россіи. III. № 365). (Ibid. № 275. Соборный приговоръ 1620 г. о дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, находящихся въ завладѣніи у разныхъ лицъ. Этотъ актъ относится къ примѣч. 6). Какъ игумны съ братіей обижали сосѣдніе небольшіе женскіе монастыри, напримѣръ, отнимая у нихъ сѣнные покосы, и какъ чиновники, посылаемые межевать помѣстныя и вотчинныя угодья, обижали мелкихъ помѣщиковъ, поступая вопреки наказамъ, о томъ см. «Костромская старина». Вып. 4. 83—88.

Любопытны челобитныя Дмитровцевъ, въ 1638 г. чтобы у нихъ вмѣсто воеводы былъ по прежнему губной староста. Государь исполнилъ просьбу. А спустя шесть лѣтъ тѣ же Дмитровцы просятъ, чтобы вмѣсто губного старосты былъ у нихъ опять воевода. Та же исторія повторяется въ Кашинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. («Дѣла о губныхъ старостахъ и воеводахъ». Времен. Кн. 4). «Со 121 году (1613) при государѣ царѣ и в. кн. Мих. Ѳеод-ча всея Русіи въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при бояряхъ и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городѣхъ воеводы былижъ; а при ц. Ѳед. Ив-чѣ

и при ц. Борисѣ по 113 годъ по Ростригинъ приходъ въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было; а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые прикащики». Далѣе идетъ роспись этимъ городамъ (Ibid. Книга 3). На это мѣсто см. замѣчаніе Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія». 288—290.

О крестьянахъ и холопахъ: Акты Моск. Гос. I. № 550. II. №№ 13, 41, 143, 160, 184, 241. Акты Ист. III. № 213. Акты Экс. III. №№ 279 и 350. Назначеніе десятилѣтняго срока для выдачи бѣглыхъ крестьянъ и бобылей въ Акт. Эксп. (№ 360) отнесено къ 1634 году. Но тутъ какое-либо недоразумѣніе; такъ какъ указанная въ текстѣ челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ, по которой назначенъ имъ девятилѣтній срокъ, относится къ 1637 году (Акты Моск. Г. II. № 143). Какъ мелкіе помѣщики стремились къ закрѣпощенію крестьянъ и какъ они негодовали на продолжавшіеся случаи вывода, а нѣкоторые горько жаловались по сему поводу на насилія отъ прикащиковъ и крестьянъ такого сильнаго лица какъ Ив. Ник. Романовъ, о томъ см. архивное свидѣтельство въ «Ист. Россіи» Соловьева, въ дополненіяхъ къ IX т. Эти жалобщики биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму, такъ какъ на повальномъ обыскѣ ихъ жалобу не подтвердили. Негодованіе же на выводъ крестьянъ было такъ велико, что нашлись такіе помѣщики, которые грозили выжечь вотчины у выводчиковъ и побить ихъ крестьянъ, а себѣ искать «иного государя». Для отношеній на монастырскихъ земляхъ см. порядныя въ бобыли и въ крестьяне. Акты Юрид. №№ 193—196. Для отдачи селъ и деревень монастырямъ на поминъ души любопытна данная кн. Д. М. Пожарскаго Троицкому монастырю и духовная Юрія Токмакова въ пользу обители Діонисія Глушицкаго. Ibid. №№ 119 и 425. А какъ царское правительство помогало монастырямъ закрѣплять за собою села и починки, появлявшіеся на ихъ земляхъ, для образца см. Акты относ. до Юрид. быта. Т. I. № 28. Для покупки вотчинъ у помѣщиковъ въ патріаршее владѣніе. Ibid. Т. II. № 147. А № 127 представляетъ нѣсколько образцовъ служилыхъ кабалъ, данныхъ по займу за проценты. Какъ пособіе Бѣляева «Крестьяне на Руси». Подчиненіе крестьянъ помѣщикамъ въ эту эпоху выражается въ жалованныхъ грамотахъ слѣдующею формулою: чтобы крестьяне «помѣщика своего слушали, пашни на него пахали и доходъ помѣщиковъ ему платили». (Истор. замѣтка о Бѣжецкомъ верхѣ въ Чт. О. И. и Д. 1881. III.). Для примѣра, какъ крестьяне бѣгали отъ помѣщиковъ въ украинныя мѣста, записывались тамъ въ служилые люди и по требованію помѣщиковъ возращались имъ, см. помянутыя выше грамоты воеводамъ на Корочу. О правахъ наслѣдованія супруговъ см. Алексѣева въ Чт. О. И. и Д. 1868. Кн. 2. Владимірскаго-Буданова «Обзоръ русскаго права». Вып. II. 170—172. Сторожева—выше названная «Указная книга Помѣстнаго приказа.

Противупожарныя мѣры постройки и книгопечатное дѣло: Акты М. Гос. II. № 139. Акты Эксп. III. №№ 290, 296, 302, 310, 317; въ послѣдней грамотѣ, 1642 года, предписывающей прислать изъ Пскова иконописцевъ для

расписанія Успенскаго собора, приведены имена или «роспись» четырехъ псковскихъ иконописцевъ: «Богданъ Никифоровъ, Абрамко Ждановъ, Савка Ждановъ, Терешка посадской человѣкъ». Къ тому же времени относятся свѣдѣнія объ иконникахъ и другихъ мастерахъ, работавшихъ надъ обновленіемъ Успенскаго Собора, у Ив. Е. Забѣлина «Матеріалы для исторіи иконописи». (Временникъ Об. Ист. и Д. Кн. 7). Въ 1627 г. при Успенскомъ соборѣ упоминаются иконные мастера Ѳедоръ Савинъ и Третьякъ Гавриловъ «съ товарищи». См. «Матеріалы для исторіи г. Москвы», собранные тѣмъ же И. Е. Забѣлинымъ, изданные Моск. Город. Думою. Ч. I. 1884 г. Въ этихъ матеріалахъ находимъ много подробностей о расходахъ на исправленіе и украшеніе Успенскаго собора и другихъ храмовъ столицы. Между прочимъ, напримѣръ, такія свѣдѣнія: въ 1629 г. 30 октября «указалъ Вел. Гос. св. патр. Филаретъ Никитичъ сдѣлати въ соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы 300 антиминсовъ, и дано Холщевого ряду Лукѣ Ларіонову за 51 арш. холстиные рубль 18 алтынъ съ деньгою». Или въ 1634 г. марта 27 «ключарю Ивану Насѣдкѣ Ризы Господни къ ковчегу на гойтанъ, на чемъ привѣшиваютъ печать, 6 денегъ». (стр. 15 и 23). Иконные мастера иногда давали на себя «служивую запись» архимандритамъ и архіереямъ. Наприм. въ Новгородѣ иконникъ Иванъ Дранишниковъ извѣстному Кипріану, впослѣдствіи митрополиту. (Времен. Об. И. и Д. Кн. 25). Дворц. Разр. II. 328, 370, 522, 552, 583, 584, 643, 677, 734, 821—822. С. Г. Г. и Д. III. № 77 (о сожженіи «на пожарѣ» Учительнаго Евангелія Ставровецкаго и другихъ подобныхъ книгъ). Лѣтоп. Рус. Лит. и Древн., изд. Тихонравовымъ. 1859. IV. Отд. 2. (Преніе о катихизисѣ Лаврентія Зизанія. Особо издано Общ. Люб. Др. Письм. Спб., 1898). О лѣтописцахъ и запискахъ, касающихся Смутнаго времени, см. у меня къ Первой части IV тома, прим. 1-е. Объ Ив. Хворостининѣ: Акты Эксп. III. №№ 147 и 149. С. Г. Г. и Д. III. № 90. (Здѣсь исчислены тяжкія вины и заблужденія Хворостинина. Но 1632 годъ поставленъ на грамотѣ вмѣсто 1623, какъ это указалъ еще митр. Макарій въ XI т. Исторіи Рус. Цар., стр. 61). Для князя С. И. Шаховскаго-Хари см. еще переписку съ нимъ дьяка Третьяка Васильева. (Времен. О. И. и Д. Кн. 9. Смѣсь). «Іерусалимское хожденіе» Василія Гагары, напечатанное въ извѣстномъ сборникѣ Сахарова, въ иной редакціи см. Ibid. (т.-е. Времен. Кн. 10. Смѣсь). Образцы переводной Космографіи въ Изборникѣ Ан. Попова. „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“, изд. по порученію Общества Ист. и Др. Г. И. Спасскимъ. (М. 1846). См. его предисловіе. Для нагляднаго знакомства съ книжною словесностію данной эпохи, преимущественно духовною, см. «Роспись книгамъ св. патр. Филарета Никитича». 1632 г. (Времен. О. И. и Д. Кн. 12). См. также архіеп. Филарета «Обзоръ Русс. Духов. Литературы».

Иностранные мастера: С. Г. Г. и Д. III. №№ 76, 89, 94, 100, 102, 103, 109, 118. Акты Ист. 244 (о часовыхъ мастерахъ). Времен. Об. Ист. и Др. Кн. 16. Смѣсь. (Двѣ жалованныя грамоты 1638 г. органнаго дѣла мастеру

Мельхеру Луневу). Акты Юридич. № 40 (челобитная городового мастера и подмастерья, родомъ Голландцевъ, посланныхъ на Терекъ для постройки земляныхъ укрѣпленій. Дворц. Разр. II. 319. (Посылка Стрѣшнева и Свѣтешникова въ 1639 г.). Акты Ист. III. № 245. Здѣсь грамота верхотурскому воеводѣ Максиму Стрѣшневу о мѣдной рудѣ. Этотъ Стрѣшневъ посылалъ въ Невьянскую и Ирбитскую волости своихъ сыновей, Григорія и Петра, для сыска мѣдной руды, которую они и нашли въ разныхъ мѣстахъ «по сказкамъ крестьянъ», и выплавили изъ образцовъ нѣсколько золотниковъ мѣди. Затѣмъ присланы были куски руды и разные камни съ зеленью и желтизною въ Сибирскій приказъ, а отсюда въ Приказъ Большой Казны (которымъ вѣдалъ Ѳ. И. Шереметевъ); здѣсь ихъ осматривалъ иноземецъ «водовзводный мастеръ» Христофоръ Головай и плавильщикъ англичанинъ Рыцарь (Ричардъ) Штиль. Они нашли въ нѣкоторыхъ кускахъ колчеданъ, а въ камняхъ съ зеленью и желтизною мѣди не нашли. Царь приказалъ послать въ Верхотурье образцы мѣдной руды изъ другихъ мѣстъ, и присланные камни велѣлъ отдать для новаго изслѣдованія серебрянику Кузёмкѣ Сафьянову. Это распоряженіе сдѣлано была въ 1645 г., незадолго до кончины Михаила Ѳеодоровича. Акты—до-юридич. быта. Т. II. № 230 (о посылкѣ въ 1635 году на Сысолу рѣку для сыску оловянной, мѣдной и серебряной руды). Акты М. Г. II. № 236. (Андрей Виніусъ и Тульскій заводъ). Двѣ грамоты: тульскимъ кузнецамъ, въ іюлѣ 1619, и тульскимъ кирпичникамъ, въ августѣ 1622 г., у Берха. II. 81—86. Ibid. 207—208. См. также Гамеля «Описаніе Тульскаго оруж. завода». М. 1826. О томъ, какъ иногда вели себя иноземные гости или торговцы, см. дѣло вологодскихъ Англичанъ, которые силою оружія не допустили царскихъ досмотрщиковъ въ свои амбары, гдѣ у нихъ хранились табакъ и другіе запретные товары. Акты Юрид. № 344.

Вопросъ объ иновѣрныхъ храмахъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: Акты Ист. III. №№ 92 (стр. 114) и 225. С. Г. Г. и Д. № 116. Олеарій въ переводѣ Барсова. 369—370. Проф. Д. В. Цвѣтаева: «Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М. 1886. (Со многими ссылками на неизданные архивные источники). Переписная книга города Москвы. 1638 года. Изданіе Моск. Город. Думы. М. 1881. Наказъ назначеннымъ для сего писцамъ найденъ В. О. Эйнгарномъ и сообщенъ въ Чт. О. И. и Д. 1890. III. Въ параллель ему см. указъ 1621 года объ измѣреніи и описаніи дворовъ и дворовыхъ мѣстъ въ Москвѣ; причемъ велѣно «иноземцамъ быти всѣмъ безъ мѣстъ». Акты—до-Юрид. быта. III. № 365.

Чинъ погребенія патріарха Іоасафа и избранія Іосифа въ Древ. Рос. Вивл. VI. № 8. Ibid. № 9: «Чинъ патріарша кругъ города на осляти шествія, бываемаго въ день постановленія Россійскихъ патріарховъ, и слѣдующіе потомъ обряды, 1642 г.». Новопоставленный патріархъ поднесъ дары царицѣ, царевичу Алексѣю и всѣмъ тремъ царевнамъ кубками, атласами, камками и пр. «А вносили всѣ тѣ дары изъ Государевы казны съ Казеннаго двора и

отнесены опять на Казенный же дворъ». Царица и дѣти ея отдарили патріарха подобными же предметами. «А назадъ тѣ дары у патріарха не взяты». О поставленіи патріарха Іосифа см. также А. Попова «Изборникъ». 319 и 429. Дворц. Разр. II. 675—677. Выходы. 101, 102.

16. О самозванцѣ Лубѣ и другихъ: С. Г. Г. и Д. III. №№ 119—121. Акты Юж. и Зап. Рос. III. №№ 306—311 и 318—319. Дополн. къ Ак. Ист. VI. №№ 438, IV—IX. Соловьева IX. Прим. 10. (Ссылка на дѣла Польскія №№ 66—68 и на рукопись Синодальной Библ. № 69). О ложномъ Шуйскомъ и Тимошкѣ Анкудиновѣ у Олеарія. Кн. III. Гл. 12. Дворц. Разр. II. 391, 392, 406, 504, 505, 748, 751. (О пріемѣ Голштинскаго посольства и Стемпдвскаго). Акты Ист. III. № 181. (Договоръ съ Голштинцами о десятилѣтней привилегіи ихъ торговой компаніи на торговлю съ Персіей). Путешествіе Олеарія въ переводѣ Барсова въ Чт. О. И. и Д. 1868 г. См. въ предисловіи переводчика извѣстія какъ о самомъ Олеаріи, такъ и о разныхъ изданіяхъ его путешествія. О построеніи Голштинцами корабля въ Нижнемъ у Д. В. Цвѣтаева «Протестантство и протестанты въ Россіи». Стр. 722. Его же «Основаніе Русскаго флота». Спб. 1896. О новгородскихъ «вѣстовыхъ письмахъ» упоминаетъ г. Якубовъ въ предисловіи къ своимъ извлеченіямъ изъ статейныхъ списковъ, относящихся къ Столбовскому договору. (Чт. О. И. и Д. 1897. III). Къ сожалѣнію, онъ упоминаетъ о нихъ только въ примѣчаніи и не представляетъ образцовъ. Въ другомъ примѣчаніи къ тому же предисловію, на стр. IX, г. Якубовъ сообщаетъ о шведскомъ резидентѣ Крузебіорнѣ, и поправляетъ статью г. Форстена: «Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины» (Ж. М. Нар. Пр. 1891, іюнь), по смыслу которой Крузебіорнъ «въ 1634 г. лишь хлопоталъ о допущеніи резидента и уѣхалъ въ Швецію» и воротился только по истеченіи 10 лѣтъ. Между тѣмъ въ Московскомъ архивѣ хранятся записи о пребываніи Крузебіорна за все это время въ Москвѣ въ качествѣ резидента и никакого прекращенія сношеній незамѣтно. Къ той же эпохѣ относится «Посольство дьяка Елчина и свящ. Захарова въ Дадіанскую землю (часть Грузіи), 1639—1640 гг.» С. А. Бѣлокурова. Чт. О. И. и Д. 1887. II.

17. Датское сватовство и пренія о вѣрѣ:

Источники. Nachricht von Waldemar Christian Güldenlöwe Grafen von Schleswig-Holstein etc. въ Magazin für die neue Historie Бюшинга. X. Русскій переводъ Шемякина въ Чт. О. И. и Д. 1867. IV. («Поѣздка въ Россію Вальдемара Христіана Гильденлеве»). Олеарій. Дворцовые Разряды. II. 667, 714—728. Голикова; «Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В.». Т. II. Акты Ист. III. № 302. С. Г. Г. и Д. III. № 117. Указанное выше, Обозрѣніе Датскаго Архива Щербачевымъ. (Чт. О. И. и Д. 1893. I.).

Пособія. Православ. Собесѣдникъ. 1861. II. (Матеріалы для исторіи полемики противъ лютеранъ). Изслѣдованіе И. Соколова: «Отношеніе протестантизма

къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М. 1880. А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ». III. Спб. 1883. Два обстоятельныя изслѣдованія проф. Д. В. Цвѣтаева: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ Царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884. «Литературная борьба съ протестанствомъ въ Моск. государствѣ». М. 1887. Гл. III и IV. Онъ указываетъ на оффиціальные документы о сватовствѣ Вальдемара и его пребываніи въ Россіи, находящіеся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, гдѣ они разсѣяны среди дѣлъ Датскихъ, Греческихъ и Приказныхъ, въ библіотекѣ Архива и въ Моск. Синод. Библіотекѣ. Далѣе, основанное также па архивныхъ документахъ и другихъ рукописныхъ источникахъ, обширное и детальное изслѣдованіе А. Голубцова: «Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны». М. 1891. Въ приложеніяхъ у него помѣщены брачныя условія царя съ Вальдемаромъ (стр. 377 и слѣд.). Кромѣ того, г. Голубцовымъ относящіеся сюда матеріалы изданы въ Чт. О. И. и Д. (1892. II.) подъ заглавіемъ «Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны».

Пренебрежительное отношеніе Датчанъ къ Москвичамъ и глумленіе надъ ихъ невѣжествомъ между прочимъ отразились въ названной выше книгѣ «Поѣздка въ Россію Вальдемара». Напримѣръ, вотъ какъ авторъ - датчанинъ описываетъ патріарха Іосифа, пришедшаго навѣстить королевича: «Патріархъ былъ въ бѣлой шапкѣ съ длинными и широкими наушниками, которые съ ушей спускались по щекамъ на грудь къ нему и придавали ему нѣкоторое сходство съ охотничьей собакой съ большими отвислыми ушами». Нашихъ богослововъ-полемистовъ онъ сравниваетъ съ свинопасами и называетъ ихъ круглыми невѣждами, отъ которыхъ ничего нельзя было добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и грубыхъ мужицкихъ отвѣтовъ. Съ другой стороны неудовольствіе Москвичей на Датчанъ и на излишнее ухаживаніе царя за Вальдемаромъ ясно отразилось въ неизданной доселѣ книгѣ, озаглавленной «Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Вальдемаромъ королевичемъ». Эта книга или точнѣе сборникъ извѣстенъ по тремъ рукописямъ: Царскаго, Ундольскаго и Е. В. Барсова. О немъ см. у Цвѣтаева (Изъ ист. брач. д., 68—69) и Голубцова: («Пренія о вѣрѣ», 334—342). Въ этой книгѣ прямо выражается радость о томъ, что бракъ Ирины съ принцемъ не состоялся: если бы принцъ даже крестился по принужденію, онъ все-таки не сталъ бы питать добрыя чувства къ Россіи, и отъ него была бы смута въ государствѣ, если бы онъ захватилъ болѣе власти «со своими погаными Нѣмцами», ибо «не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы внутри себя». Возбужденіе московскихъ бояръ и духовенства во время преній о вѣрѣ между прочимъ сказалось по отношенію къ извѣстному тогда книжнику князю С. Ив. Шаховскому. Сей послѣдній написалъ къ царю письмо, въ которомъ крайне осторожно и даже робко пытался изъ Писанія вывести ту мысль, что можно

королевича присоединить къ православію не перекрещивая его. Узнавъ о такомъ письмѣ, бояре обвинили кн. Щаховскаго въ томъ, что онъ «присталъ къ королевичу» (т.-е. чуть ли не въ измѣнѣ) и настояли на его ссылкѣ въ въ Усть-Колу на воеводство. (Голубцовъ, 180 — 183, и его же Памятники преній о вѣрѣ, №№ 8 и 9). Значеніе преній о вѣрѣ и вытекавшее изъ нихъ побужденіе нашего правительства къ «устройству въ Москвѣ правильной школы съ помощію Грековъ и ученыхъ Кіевлянъ» обстоятельно развиты въ послѣдней VIII главѣ названнаго изслѣдованія г. Голубцова. Относительно «Кирилловой книги» указанія на заимствованія изъ сочиненій южнорусскихъ ученыхъ см. Макарія: «Исторія Рус. Церкви». XI. 122—123. А на стр. 71—73 преосв. Макарій указываетъ на неудавшуюся попытку патріарха Филарета завести въ Москвѣ греко-славянскую школу, съ помощью пріѣзжаго изъ Александріи греческаго архимандрита Іосифа. Это было незадолго до кончины Филарета. Выше названное изслѣдованіе Соколова «Отнош. протест. къ Россіи» въ данныхъ преніяхъ видитъ не попытку московскую обратить королевича въ православіе, а наоборотъ попытку протестантской пропаганды въ Москвѣ, заранѣе подготовленную—что, конечно, натяжка.

Относительно Шлякова-Чешскаго архивные документы нѣсколько разногласятъ со свидѣтельствомъ Олеарія; они относятъ раскрытіе его самозванства къ 1647 году; послѣ чего онъ былъ сосланъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Соловки, откуда возвращенъ въ слѣдующемъ году. См. изслѣдованіе Д. В. Цвѣтаева: «Протестантство и протестанты въ Россіи». М. 1890. 355—370. О перекрещеніи его и царскихъ ему подаркахъ и жалованьи см. «Акты о выѣздахъ въ Россію иноземцевъ» въ Рус. Ист. Библ. VIII. 212 — 215. Въ Москву являлись и самозванцы духовнаго сана, именно приходившіе съ православнаго востока за подаяніемъ. О нихъ см. въ «Ист. Рус. Церкви» Макарія. XI. 234—237. О сватовствѣ Касимовскаго царевича за Ирину Михайловну, относящемся уже къ царствованію Алексѣя Михайловича, любопытное сообщеніе находимъ у Павла Алеппскаго въ его «Путешествіи Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію». Прекрасный переводъ этого въ высшей степени важнаго для насъ арабскаго памятника совершенъ недавно проф. Муркосомъ. См. Вып. 3-й. М. 1898 г. Стр. 89—90. Потомъ царевичъ все-таки крестился. Павелъ Алеп. называетъ его Сеидъ Махомедъ. Переводчикъ ссылается при семъ на итальянскаго путешественника Альберта Вимена да Ченеда, который подтверждаетъ извѣстіе Павла (Отеч. Зап. 1892 г., Апрѣль). По русскимъ источникамъ этотъ царевичъ назывался Сеитъ Бурханъ. «Смѣтн. списокъ 139 году» (Времен. О. И. и Д. Кн. 4. Смѣсь. Стр. 30. См. также Шишкина: «Исторія Касимова», 82).

18. Уѣзжая на богомолье даже въ ближніе или подмосковные монастыри, царь обыкновенно поручалъ оберегать столицу или собственно дворецъ и царское семейство особымъ боярамъ, напримѣръ: «мая въ 10 день (1634 г.) государь царь и великій князь Михайла Өедоровичъ всея Русіи ходилъ молитца въ Новой дѣвичъ монастырь. А на Москвѣ указалъ государь быти

бояре: князь Иванъ Ондреевичъ Голицынъ, Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ. Мая въ 13 день гос. царь и в. кн. Мих. Ѳед. всея Рус. ходилъ молитца къ Спасу на Новое и въ Симоновъ и въ Ондроньевъ монастыри. А на Москвѣ указалъ государь быти бояре» (тѣ же двое, что выше). Если царь отправлялся нѣсколько подальше и былъ въ отсутствіи не одинъ день, то конечно свита увеличивалась и распорядки усложнялись. «Іюля въ 16 день государь царь и в. князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи поволилъ итти молитца къ Николѣ чюдотворцу въ Угрешскій монастырь; а съ нимъ государемъ бояря и окольничіе и думные люди и стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жилцы по спискомъ. А въ окольничихъ (т.-е. устроителяхъ становъ или остановокъ) указалъ государь быти князю Микитѣ княжъ Михайлову сыну Мезецкому, да Богдану Приклонскому. А на Москвѣ указалъ государь быть бояромъ князю Ивану Ивановичю Шуйскому, Ѳедору Ивановичю Шереметеву, Борису Михайловичю Салтыкову. Окольничей (остающійся при дворцѣ) Михайло Михайловичъ Салтыковъ. И товожъ дни на государевѣ царевѣ и в. князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи дворѣ дневать и ночевать: съ бояриномъ со княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ—стольники (такіе то), стряпчіе (такіе-то), дворяне (болѣе 20 именъ), дьяки (такіе-то). На слѣдующее 17 іюля дежурнымъ начальникомъ во дворцѣ предстоитъ быть боярину Ѳ. И. Шереметеву; причемъ слѣдуетъ подобная же роспись стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дьяковъ, которые должны съ нимъ дневать и ночевать. Потомъ идетъ роспись дворянъ и дьяковъ, назначенныхъ быть съ окольничимъ М. М. Салтыковымъ. (Рус. Ист. Библ. 557—558, 565—566). О царскихъ богомольныхъ поѣздкахъ прекрасная статья И. Е. Забѣлина: «Троицкіе походы». (Чт. О. И. и Д. 1847. Кн. 5). По поводу сихъ походовъ укажу въ Актахъ Моск. Гос., II, № 180, царскій наказъ 1640 г. Ѳ. И. Шереметеву о присылкѣ чертежника «на поле» изъ Оружейнаго приказа. «Писано въ нашемъ походѣ у Живоначальныя Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ. Лѣта 7148 сентября въ 25 день».

Для образца замѣны государя царевичемъ на церковныхъ торжествахъ: 6 января 1644 г. «Государь за кресты на ердани не былъ, а ходилъ за кресты государь царевичъ князь Алексѣй Михайловичъ. А на государѣ царевичѣ было платья: платно золотное по бархату, зашивана земля золотомъ пряденымъ, на горностаехъ, кафтанъ становой атласъ по серебряной землѣ» и т. д. Или: «апрѣля въ 14 день государь царевичъ Алексѣй Михайловичъ ходилъ за кресты къ Покрову Пресвятѣй Богородицы, что на Рву». «А Государь за кресты не ходилъ и стола у Государя не было». («Выходы государей царей и великихъ князей». М. 1844. 117 и 119). Переписку Михаила Ѳеодоровича съ патр. Филаретомъ во время путешествій на богомолье см. «Письма Русскихъ государей». Т. I. М. 1848. Извѣстія о царскихъ докторахъ, Аптекарскомъ приказѣ и двукратномъ лѣченіи царя въ 1643 и 1645 гг. см. Акты Ист. III. №№ 173, 225—246, 291—305. Письма Сибилисты

изъ-за границы къ Ѳ. И. Шереметеву у Рихтера: «Исторія медицины въ Россіи». II. Прибавленіе №№ IX—XI. «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Спб. 1881. Изданіе Медицинскаго департамента. См. № 325: о предсмертной болѣзни Михаила и ея лѣченіи, по сказкѣ докторовъ. (Акты, сюда относящіеся, большею частію извлечены изъ указанныхъ выше Актовъ Историческихъ). Змѣева—«Чтенія по врачебной исторіи Россіи». Спб. 1896. Въ 1641 году доктору Венделину Сибилисту и лѣкарю Вилиму Крамору царскіе подарки за то, что «отворяли жилную», т.-е. пускали кровь царю и царицѣ. (Чт. О. И. и Д. 1892. III.). Въ 1642—43 гг. производилось «Сыскное дѣло о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну». (Сообщено Зерцаловымъ въ Чт. О. И. и Д. 1895. III.). Дѣло любопытное по части ворожбы и суевѣрій. Обвиненный Афонька Науменокъ, человѣкъ Ивана Стрѣшнева, подвергся страшнымъ пыткамъ, и сосланъ въ Сибирь, а не казненъ, очевидно по недостатку уликъ. Тутъ же Зерцаловъ, на основаніи одного архивнаго документа, сообщаетъ слѣдующее: въ 1649 году одинъ тюремный сидѣлецъ крестьянинъ увѣрялъ, будто онъ подслушалъ разговоръ, о томъ, «что де князь Семенъ Сатыевъ Урусовъ блаженной памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, въ третьей ѣствѣ окормилъ». Это только показываетъ, какъ легко возникаютъ подобные слухи въ случаяхъ какой-либо несовсѣмъ ожиданной для народа кончины.

О кончинѣ Михаила Ѳеодоровича: Лѣтопись о мн. мятежахъ. 373—374. Хронографы. Изборн. А. Попова. 319, 395 и 429. Древн. Рос. Вивл. XVI. 107—111. Тутъ сказано, что Михаилъ скончался ровно 50 лѣтъ, такъ какъ день кончины пришелся въ день его рожденія. Помянутая выше «Повѣсть о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича». О Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ при сей кончинѣ говоритъ Берхъ: «Царств. Алексѣя Михайловича», I, 23, со ссылкою на Theatrum Europaeum. II. Прим. 11. Подробности о погребеніи Михаила въ лубяныхъ саняхъ и причитаніи царицы въ названной выше «Поѣздкѣ Вальдемара въ Россію». Бюшингъ. X. 267. Рус. переводъ Шемякина. 61. Характерная черта—плачъ царицы на груди или на персяхъ у другой женщины заставляетъ предполагать, что это была ея *наперсница*.

Прилагаемый при сей книгѣ, портретъ Михаила Ѳеодоровича заимствованъ изъ собранія Московскаго Главнаго Архива Иностр. Дѣлъ. Онъ представляетъ царя въ его молодые годы.

19. Обстоятельность Олеаріева описанія въѣзда въ столицу и царскаго пріема Голштинскаго посольства мы можемъ провѣрить оффиціальными московскими записями. Вотъ что читаемъ въ «Записной книгѣ Московскаго стола 1633—1634 гг.».

«Августа въ 14 день государь царь и в. князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ голстенсково князя пословъ встрѣтить за городомъ по Тверской дорогѣ, гдѣ бывалъ деревянный городъ. А на встрѣчѣ указалъ государь быти стольникомъ и стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и діакомъ и жил-

цомъ и подьячимъ и гостемъ и всякимъ сотеннымъ торговымъ людемъ и иноземцемъ московскимъ». «А смотрити и уряживати ихъ по спискамъ указалъ государь разряднымъ дьякомъ, думному Ивану Гавреневу, да Михаилу Данилову, да Григорію Ларіонову. А въ приставѣхъ указалъ государь быти у голстенскихъ пословъ Ондрею Васильевичу сыну Усову, да подьячему Богдану Обобурову. И по государеву цареву и в. князя Мих. Ѳед—ча всеа Русіи указу для встрѣчи голстенскаго посла были стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и діаки и жилцы и приказные люди и всякихъ чиновъ люди, по сему государеву указу, въ приволокѣхъ и въ чюгахъ и въ кафтонѣхъ и въ шапкахъ въ горлатныхъ и во всякомъ цвѣтномъ платьѣ, на оргамацѣхъ и на конехъ на добрыхъ, съ полами и съ саблями съ оправными; а на оргамацѣхъ и на лошадехъ конскіе наряды были большіе чѣпи гремячіе и чѣпи поводные и кутазы и чепраки и всякіе конскіе наряды». Далѣе царскій пріемъ пословъ 19 августа здѣсь описанъ также согласно съ Олеаріемъ. Рындами были при семъ князья Телятевскій и Волконскій, Бутурлинъ и Телепневъ. При входѣ въ Золотую меньшую палату посла (названъ одинъ Филиппъ Сукрузіусъ, т.-е. Крузе) объявлялъ государю окольничій кн. Ѳед. Ѳед. Волконскій. Небольшее разногласіе съ Олеаріемъ заключается въ томъ, что, по его словамъ, въ сводчатой палатѣ находились гости или именитые купцы, а по Записной книгѣ: «въ сѣнехъ передъ Золотою полатою сидѣли дьяки въ золотѣ». Но несомнѣнно, были и гости, которые вообще участвовали въ придворныхъ торжествахъ и при пріемѣ пословъ: въ спискахъ чиновъ на этихъ пріемахъ гости слѣдуютъ тотчасъ за дьяками. См. списки шести пріемовъ различныхъ пословъ въ 1632—1642 гг. (Акты до-Юрид. быта. Т. III. № 351). Потомъ еще разногласіе относится къ чиновнику, который послѣ пріема ѣздилъ къ посламъ съ царскимъ столовымъ приборомъ, напитками и кушаньями. По Олеарію, онъ былъ княжескаго рода. По Записной книгѣ князь Вас. Петр. Львовъ исполнялъ эту обязанность 16 декабря, т.-е. послѣ торжественнаго отпуска пословъ; а 19 августа то былъ стольникъ Никифоръ Сергѣевъ Собакинъ. Вообще же эта Запись передаетъ пріемы гораздо короче Олеарія (Рус. Ист. Библ. IX. 571—572). Тотъ же царскій переводчикъ Гансъ Гельмесъ упоминается у Пальма при пріемѣ Швед. посольства въ 1617 году. А недостатокъ Олеарія въ описаніи В. Новгорода нѣсколько восполняется подробностями о немъ у помянутаго выше голландца Гутериса, бывшаго здѣсь почти 20-ю годами раньше. Впрочемъ, у Олеарія приложенъ характерный видъ Новгорода.

Извѣстіе Олеарія о боярышняхъ и служанкахъ, ѣхавшихъ верхомъ за царицыной каретой, разъясняетъ намъ V примѣчаніе къ названной выше статьѣ И. Е. Забѣлина: «Троицкіе походы». Отсюда узнаемъ, что въ октябрѣ 1632 г. съ царицей Евдокіей Лукьяновной ѣхали, кромѣ дворовыхъ боярынь, постельницы, мастерицы, портомои, карлы и карлицы, въ количествѣ 88 человѣкъ. Для этой свиты наряжено 40 колымагъ, запряженныхъ 80-ю лошадьми, и 40 «верховыхъ иноходцевъ для постельницъ и мастерицъ». Всего для Троиц-

каго «осенняго» похода царицы понадобилось 171 лошадь, считая свиту, мастеровыхъ, сторожей и кладь, но не считая конвойныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. На сихъ походахъ царь и царица раздавали бѣднымъ людямъ милостыню и, кромѣ того, деньги за разныя подношенія. Такъ, во время Троицкаго осенняго похода царицы въ сентябрѣ 1636 года, дорогою еще по Москвѣ роздано было милостыни 1 рубль 12 алтынъ, да рубль торговому человѣку Микиткѣ Павлову за «потѣшный возокъ съ деревянными коньми» (дѣтскую игрушку); всякихъ «потѣхъ» куплено на 6 алтынъ 4 деньги; въ селѣ Танинскомъ деревни Андреевой крестьянкѣ Овдотьицѣ Григорьевой полтина за поднесенные «блинки», въ селѣ Здвиженскомъ нищимъ 16 алтынъ, въ селѣ Рохманцовѣ попу за молебенъ полтина, а проскурницѣ гривна, въ селѣ Пушкинѣ куплено калачиковъ на 6 алтынъ 4 деньги, въ селѣ Братошинѣ крестьянину Васькѣ Матвѣеву полтину за поднесенный «прѣсной медъ сотовой да рѣпу» и т. д. Эти любопытныя свѣдѣнія извлечены И. Е. Забѣлинымъ изъ архива Оружейной палаты. Еще болѣе подробностей о сихъ выѣздахъ въ изданныхъ имъ же «Дополненіяхъ къ Дворц. Разр.» въ Чт. О. И. и Д. за 1882—83 гг. Особенно любопытно описаніе царицыной поѣздки въ Николо-Угрѣшскій монастырь въ іюлѣ 1634 года. Здѣсь, между прочимъ, расписано, какія боярыни «пріѣзжія» и какія «дворовыя» должны сидѣть въ какихъ колымагахъ царевичей и царевенъ. (Въ числѣ первыхъ упоминается жена Ив. Б. Черкасскаго, красавица Авдотья Васильевна). Тутъ было постельницъ замужнихъ 22 и мастерицъ замужнихъ 15, да вдовыхъ 5; верхами ѣхало 37 (слѣдовательно всѣ, исключая вдовыхъ). Далѣе подробно исчисляются всѣ взятыя съ собою платья и наряды царицы и царевенъ. (903—910). Тѣмъ же И. Е. Забѣлинымъ сообщено, подтверждающее набожность ея, письмо царицы Евдокіи Лукьяновны, 1634 г., къ новгородскому протопопу Максиму: посылая ему въ подарокъ матерію зуфь, она поручаетъ ему сдѣлать для нея описаніе новгородскихъ святынь, собственно мощей. Что онъ и исполнилъ. (Чт. О. И. и Д. 1862. IV.). Однажды царица посѣтила Кириллово подворье въ Москвѣ, молилась тамъ и пожаловала кормъ на братію. Но дворовые дьяки на просьбу братіи отвѣчали, что имъ о томъ приказу не было. Братія просила напомнить царицѣ (Акты Юрид. № 366). О распространенномъ обычаѣ бѣлиться свидѣтельствуетъ письмо царицы Евдокіи Лукьяновны къ ея сестрѣ Ѳедосьѣ Лук. Стрѣшневой: перечисляя посылаемые ей куски тафты, камки, полотна, шелку, волосникъ золотной, шубку на соболяхъ, серьги золотыя съ жемчугомъ и пр., она упоминаетъ и «два фунта бѣлилъ». (Времен. О. И. и Д. Кн. 1).

Олеаріево описаніе процессіи Вербнаго Воскресенья интересно сравнить съ описаніемъ той же процессіи у Павла Алеппскаго, относящемся къ слѣдующему царствованію. У послѣдняго оно еще подробнѣе и обстоятельнѣе. («Путеш. Антіох. патр. Макарія». Вып. 3, стр. 173—180). См. также И. Е. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей». М. 1872. стр. 351. Его же статья «Вербное воскресенье въ старину». Любопытное изображеніе сей процес-

сіи съ патріархомъ, сидящимъ бокомъ на конѣ, и съ царемъ держащимъ за поводъ, см. у Олеарія; а также изображеніе крестнаго хода 1 октября, именно сцену передъ храмомъ Василія Блаженнаго на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ патріархъ дотрогивается крестомъ царскаго чела. Есть у него и портретъ Михаила Ѳеодоровича въ царскомъ нарядѣ; но трудно поручиться за его сходство: бритыя щеки и бородка клиномъ возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе. (У меня подъ рукой подлинникъ въ двухъ изданіяхъ: 1656 и 1696 гг.).

Относительно князя Муцала имѣемъ цѣлое судное дѣло, относящееся къ 1642 году. Въ этомъ году видимъ снова въ Москвѣ «мурзу черкасскаго Муцала», который бьетъ челомъ на стольника князя Ивана Хилкова и дьяка Углева, по «заводу» которыхъ Терскіе казаки погромили его торговыхъ людей и узденей, ѣхавшихъ изъ Дербента въ Терскій городъ; онъ искалъ на нихъ 500 рублей. Царь назначилъ ему судъ передъ княземъ Бор. Ал. Рѣпнинымъ и дьякомъ Ларіоновымъ. Но князь Хилковъ до суда не допустилъ и помирился, заплативъ ему половину, 250 руб.; другую половину мурза искалъ съ дьяка Углева, который еще не воротился въ Москву. Тутъ Муцалъ называетъ своимъ дядею князя Димитрія Мамстрюковича, а послѣдній именуетъ его своимъ племянникомъ. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн. III). Это дѣло извлечено Зерцаловымъ изъ Архива Мин. Юстиціи. Тутъ же сообщенъ документъ о жалованной грамотѣ Ѳ. И. Шереметеву на одну вотчину; изъ сего документа видно, что Дим. Мамстр. Черкасскій служилъ въ Москвѣ еще при Б. Годуновѣ, въ 1601 году. Ѳ. И. Шереметевъ приходился шуриномъ кн. И. Б. Черкасскому; такъ какъ былъ женатъ на его сестрѣ Иринѣ Борисовнѣ. Родъ и разныя вѣтви князей Черкасскихъ см. у кн. П. Долгорукаго «Рос. Родосл. книга». II. Кстати: списокъ всѣхъ бывшихъ при Мих. Ѳед-чѣ бояръ, окольничихъ и другихъ думныхъ чиновъ, сообщенный Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ, см. въ Архивѣ Ист. Юрид. свѣд. Калачова. Кн. II. Полов. I.

О сосѣдней съ Усой рѣчкѣ Усолкѣ и ея соляныхъ ключахъ, см. у Олеарія карту р. Волги съ изображеніями городовъ Саратова и Астрахани; кромѣ того отдѣльные виды Тетюшъ, Самары, Козмодемьянска, Царицына, Чернаго яра, Дѣвичьей горы на Самарской лукѣ и пр. О поселеніяхъ на Самарской лукѣ, городѣ Самарѣ и купцѣ Надѣи Свѣтешниковѣ, который завелъ соляныя варницы на Усолкѣ, см. диссертацію проф. Перетятковича: «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.». Одесса. 1882, стр. 220—232. На стр. 222 говорится о томъ, что Саратовъ въ началѣ XVII вѣка перенесенъ съ лѣвой стороны Волги на правую. А для Самары въ 1645 г., по приказу Михаила Ѳеодоровича, былъ вылитъ особый «вѣстовой колоколъ». Какъ города переносились тогда съ одного мѣста на другое, см. царскую грамоту о перенесеніи города Еренска въ 1639 году. (Времен. О. И. и Д. Кн. 25).

По поводу того умиленія, съ которымъ смотрѣлъ Московскій народъ на царя и все его семейство при царскомъ выѣздѣ и о кото-

ромъ сообщаетъ Олеарій, выше, въ текстѣ, я замѣтилъ, что это умиленіе лучше всего объясняетъ намъ, почему самодержавіе легко было возстановлено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Къ сему замѣчанію или указанію на народную преданность царской власти надобно прибавить, что такому возстановленію помогло и другое важное обстоятельство: единственное сословіе, которое могло дѣлать оппозицію самодержавію и дѣйствительно пыталось его ограничить, т.-е. боярское, было лишено какого-либо единодушія или сплоченности. Оно распадалось на группы, обусловленныя преимущественно родствомъ и свойствомъ; а эти группы почти постоянно находились между собою въ соперничествѣ и вели безконечные мѣстническіе счеты. Такимъ образомъ мѣстничество сослужило большую службу самодержавію какъ при его развитіи, такъ и при его возстановленіи. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича особенно обильно дѣлами по мѣстничеству: забывъ всякіе общіе интересы, бояре съ какимъ-то ожесточеніемъ спорили о мѣстахъ другъ съ другомъ по каждому поводу. Отчасти это объясняется тѣмъ, что въ предыдущее Смутное время ихъ счеты въ значительной степени перепутались, такъ какъ одни роды въ это время выдвинулись на передній планъ, а другіе отодвинулись или захудали.

---

20. Источники: Акты Западной Россіи IV. №№ 142—160, 169—176, 185, 186. Акты Южной и Западной Россіи. II. №№ 1—22, 25—48. Въ № 8 жалоба 1601 г. православныхъ пановъ Загоровскихъ на Ипатія Потѣя въ томъ, что онъ послалъ вооруженныхъ людей на церковь Св. Василія во Владимірѣ и силою отторгъ ее на унію, а схваченнаго въ ней при богослуженіи священника Мартына собственноручно ударилъ въ зубы и «раскровянилъ»; мало того, взявъ ножницы, простригъ ему голову на четыре стороны; послѣ чего велѣлъ ее совсѣмъ оголить, т.-е. его разстригъ. Въ приложеніяхъ къ этому II тому помѣщено сочиненіе 1608 г. печерскаго іеродіакона Леонтія о ересяхъ по поводу явленія уніи. Въ ихъ числѣ приведена «Ересь, еже въ одеждахъ по обычаю мниховъ и езуитовъ строитися и по воли ихъ носитися, капу назадъ закинувши повлоску ея убравши, и такъ ходити позволяти». Тейнера: Vetera Monum. Pol. et Lith. III. Гарасевича Annales eccles. Ruthenae. Львовъ, 1867. Витебская старина. Изд. Санукова. Т. I. №№ 118 — 120. V. Ч. I. №№ 90, 93, 97, 99. Чт. Об. И. и Др. 1859. III. (Въ 1605 г. Виленскимъ братствомъ привлеченъ къ Виленскому трибунальному суду іеродіаконъ Антоній Грековичъ, который уличенъ на мѣстѣ преступленія въ связи съ черницею Лычанкою; онъ успѣлъ бѣжать, перешелъ въ унію и заочно осужденъ на смерть). Акты Вилен. Археогр. Комиссіи. VIII. №№ 10 — 48, съ перерывами. (Борьба Святодухов. братства съ уніей). Виленскій Археогр. Сборникъ. I. №№ 73, 76 (завѣщаніе Кирилла Терлецкаго въ пользу брата

своего Яроша и дочери Ганны Велятицкой). II. №№ 19 — 24 (преимущественно Могилевское братство). VI. 58—79 (архим. Сенчило). X. №№ 5, 7 (Духовное завѣщаніе Ипатія Потѣя). Архивъ Югозападной Россіи. Ч. II. Т. I. №№ 5, 6, 8, 9, 10. Ч. I. Т. VI. №№ CXXXII—CLXII, съ перерывами. (Въ № CXXXII по апелляціи Загоровскихъ на Ипатія Потѣя по вышеприведенному случаю Люблинскій трибуналъ своимъ декретомъ, въ 1603 г., Ипатія Потѣя отъ отвѣтственности освободилъ). Того же Архива т. VI. № CXXXI. Здѣсь приговоръ Люблинскаго трибунала по грязному дѣлу: объ изнасилованіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ дѣвки Палашки, проѣздомъ остановившейся вблизи его резиденціи; за нее вступился ея патронъ. Дѣло это тянулось цѣлыя девять лѣтъ. Гродскій Владимірскій судъ оправдалъ Терлецкаго. Въ 1603 году Люблинскій трибуналъ подтвердилъ рѣшеніе Владимірскаго суда.

Литература: Бантышъ-Каменскаго: «Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи». М. 1795. «Описаніе Кіевософ. собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ. 1825. «Описаніе Кіевопечерской лавры». К. 1826. Кояловича: «Литовская церковная унія». Т. II. Зубрицкаго: «Лѣтопись Львовскаго братства». Петрушевича: «Сводная Галицко-Русская лѣтопись». Костомарова: «Историч. монографіи». III. Свящ. Трипольскаго: «Уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй». К. 1878. Говорскаго: «Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій». Вѣстникъ Югозапад. Россіи. 1864. «Памятники Русск. Старины въ запад. гг.». V. (Васильевскаго—Очерки исторіи города Вильны). Митр. Макарія—«Исторія Рус. церкви». Т. X. Чистовича—«Очерки исторіи Западнорус. церкви». II. Крачковскаго—«Очерки уніатской церкви». Чт. Об. И. и Др. 1871. I. Левицкаго—«Къ исторіи водворенія уніи въ Кіевѣ». Чт. Об. Нестора Лѣтоп. V. С. Т. Голубева—«Матеріалы для исторіи Западнорусск. церкви». Вып. I. К. 1891. (Онъ, между прочимъ, документально доказываетъ, что Кіевософійскій соборъ съ самаго начала уніи былъ отобранъ отъ православныхъ).

Въ Чт. О. И. и Д, 1862. Т. IV, издано въ разныхъ редакціяхъ Бодянскимъ «Наставленіе іезуита для истребленія православія въ Польшѣ». Проектъ сей относятъ къ XVI вѣку; но по всѣмъ признакамъ онъ составленъ послѣ введенія уніи, т.-е. въ XVII вѣкѣ.

21 и 22. Русск. Историч. Библіотека. VII. («Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ». 1603 г. и «Гармонія Восточной церкви съ костеломъ Римскимъ». 1608 г.—уніатское сочиненіе). Акты Запад. Россіи. V. № 149. («Перестрога»). Θρῆνος to iest Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodnieej Cerkwie etc. przez Theophila Ortologa (Смотрицкаго). W Vilnie. 1610. Отвѣтъ Скарги: Na treny y Lament Theophila Ortologa do Rusi etc. 1610. Отвѣтъ Мороховскаго: Παρηγορία albo utolenie uszczypliwego lamentu. Wilno. 1612. Стебельскаго—Żywot ss. Ewfrozyny y Paraskewy. Уніатскаго священника XVII вѣка Якова Суши: Saulus et Paulus Ruthenae

unionis Meletius Smotriscius; Cursus vitae B. Iosaphat Kuncevicii. То и другое въ новомъ изданіи іезуита Мартынова. Bruxellis 1864 и Parisiis 1865. Его же изданія: «Апологія моему странствованію на востокъ» (М. Смотрицкаго). Leipzig-Paris. 1863. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ (нѣкоторыя сочиненія Смотрицкаго). Парижъ и Лейпцигъ. 1867. Saint Iosaphat et ses détracteurs. Lyon. 1875. Елеонскаго—«Мелетій Смотрицкій» (Правосл. Обозрѣніе. 1861). Кульчинскаго—«Жизнеописаніе Іосафата Кунцевича». Львовъ. 1868. Говорскаго—«Іосафатъ Кунцевичъ». (Вѣст. Югозапад. Рос. 1862). Бенедиктинца Альфонса Гепэна—Saint Iosaphat, archevêque de Polock. Два тома. Poitiers. 1874. Петровскаго—«Очеркъ исторіи Базильянскаго ордена». (Труды Кіев. Акад. 1870. II.). Въ Русской Ист. Библ. Т. IV. (Спб. 1878), подъ редакціей П. А. Гильдебрандта, съ хорошими примѣчаніями и указателемъ, изданы: «Оборона уніи» — сочиненіе виленскаго архимандрита Льва Кревзы. 1617 г. и впервые напечатанный полный текстъ знаменитой «Палинодія»— сочиненіе кіевскаго іеромонаха Захаріи Копыстенскаго 1621—1622 гг. Этому сочиненію посвящена особая диссертація проф. Завитневича. См. также его рѣчь, произнесенную передъ ея публичной защитой: «О значеніи западнорусской богословско-полемической литературы конца XVI и начала XVII в. и мѣсто занимаемое въ ней Палинодіей». (Христіанское Чтеніе 1884. 1—2). Чт. Об. И. и Д. 1878. Кн. I. («Два казаня» виленскаго архимандрита Леона Карповича). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VII. К. 1887. (Verificatia niewinnosci. Obrona Verificacii. Iustificatia niewinnosci). Рѣчь Древинскаго у Бантышъ-Каменскаго. 69. Письмо Сапѣги Кунцевичу, ibid. 75. (Еще прежде въ Рус. магаз. Туманскаго. 1793. Ч. Ш). Акты Южной и Запад. Рос. II. №№ 44—62 и 167.

Вилен. Археогр. Сборникъ Учебнаго Округа. I. №№ 86—92 (въ № 88 споръ полоцкаго мѣщанина съ Кунцевичемъ о погребеніи сына, а въ № 90 письмо Кіевлянъ къ гетману Сагайдачному о притѣсненіи вѣры). II. №№ 29—32 (въ № 29 письмо Сапѣги Рутскому объ излишкѣ усердія). Въ приложеніи къ этому тому «Записки игумена Ореста» о Могилевѣ. Здѣсь подъ 1618 г. извѣстіе о бунтѣ Могилевцевъ противъ Кунцевича и насильственномъ затѣмъ водвореніи уніи. VII. №№ 49—52, 55—59. (Въ № 49 отъ 1615 г. митрополитъ Вельяминъ Рутскій проситъ Слонимскій съѣздъ настаивать, чтобы высшее уніатское духовенство засѣдало въ сенатѣ, какъ это было постановлено на Берестейскомъ съѣздѣ 1596 года). «Архивъ Югозапад. Рос.». VI. CLXIV и слѣд. CCXV—CCXXVIII, CCXLIV (Тутъ письма Іова Борецкаго къ Мих. Ѳеод-чу и Смотрицкаго къ Виленскому братству), CLXXX—CLXXXIII (Жалобы Кіевскаго магистрата на архимандрита Плетенецкаго и его капитулу, а также на игумена и братію Кириллова монастыря, по поводу противузаконнаго заведенія ими корчемъ, шинковъ и ярмарокъ при ихъ монастыряхъ, и жалоба на уніатскаго митроп. В. Рутскаго за то, что онъ велѣлъ своему намѣстнику Садковскому открыть въ Кіевѣ четыре шинка),

CLXXXVI (князь Четвертинскій даетъ фундушъ Преображенскому монастырю съ обязательствомъ, чтобы онъ всегда оставался въ православіи), CLXXXVIII, CXC и CCIX (жалобы уніатовъ на Волыни на обиды и побои отъ православныхъ). Витебская Старина. Изд. Сапунова. Т. I. №№ 47, 49, 52, 53, 153—155. Приложенія. № 175. Т. V. №№ 61 — 85. «Памятники», изд. Временной Кіев. Комиссіей. Т. I. №№ I—XIII. (Акты, относящіеся къ Луцкому Крестовоздвиженскому братству). II. №№ 1—10. (Дарственная запись Гулевичевны 1615 г. Упись Кіевскаго братства и другіе акты, относящіеся къ первой эпохѣ этого Богоявленскаго братства). Пространная жалоба православной русской шляхты на Варшавскомъ вольномъ сеймѣ 1623 года, въ томъ же году напечатанная особой книжкой на польскомъ языкѣ («Документы, объясняющіе исторію Западнорусскаго края». Спб. 1865. № XIX). Supplem. ad. Hist. Rus. Mon. CXCIII—CXCVI. (Письмо папы Урбана VIII къ Сигизмунду III, по поводу уніи и убіенія Кунцевича)

Макарія Булгакова—«Исторія Кіевской Академіи», Спб. 1843. Это сочиненіе впослѣдствіи самимъ авторомъ признано неудовлетворительнымъ. По сему предмету есть превосходный трудъ С. Т. Голубева: «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Вып. I. Періодъ Домогилянскій. Кіевъ. 1886. Авторъ ея обстоятельно доказываетъ, что основаніе Кіевобратской Богоявленской школы произошло не ранѣе 1615 года, и что настоящее имя фундаторши было не Анна, а Гальшка (Елизавета) Гулевичевна. Въ своемъ другомъ трудѣ, посвященномъ Петру Могилѣ, онъ также говоритъ много о Кіевскихъ школахъ, религіозномъ движеніи въ Кіевѣ, предшественникахъ Могилы въ Печерской Лаврѣ и о Мелетіи Смотрицкомъ. Общія пособія для данной эпохи тѣ же вышеназванные труды Бантышъ-Каменскаго, Кояловича, Крачковскаго, митр. Макарія, Чистовича; кромѣ того, Лукашевича—Dzieje wyzn. Helweck. Островскаго—Dzieje y prawa Kosciola Polskiego; Зубрицкаго—«Лѣтопись Львов. Ставроп. братства»; преосв. Филарета—«Обзоръ русской духовной литературы»; Пекарскаго—«Представители кіевской учености въ XVII вѣкѣ». (Отеч. Зап. 1862. Т. I). «Сочиненія» Максимовича. Т. I. (О епископѣ Исаакіи Борисковичѣ); Ф. Терновскаго—«Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв. (по латино-польскимъ образцамъ). К. 1869; тенденціозная «Исторія возсоединенія Руси»—Кулиша. Т. III. М. 1877 (Религіозное, соціальное и національное движеніе въ эпоху Іова Борецкаго). В. В. Антоновича—«Очеркъ отношеній Польскаго государства къ православію и православной церкви». (Монографіи по исторіи Западной и Югозапад. Россіи. Т. I. К. 1885) и «Кіевскіе войты Ходыки». (Ibid.).

23. С. Т. Голубева превосходное изслѣдованіе «Петръ Могила и его сподвижники». Т. I. Кіевъ. 1883. Т. II. К. 1898. Снабжено массою приложенныхъ «Матеріаловъ для исторіи Западнорусской церкви». Его же вышеуказанная «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Максимовича—«Актъ избранія Петра Могилы въ митрополиты Кіевскіе» (Собр. соч. Т. I). «Петръ

Могила митрополитъ Кіевскій». Соч. С. Р. (Чт. О. И. и Д. 1877. Кн. I). Ф. Терновскаго—«Кіевскій митрополитъ Петръ Могила» (біографич. очеркъ. Кіев. Стар. 1882. Апрѣль). Bibliographie Hellénique par Emile Legrand. IV. Paris. 1896. (Тутъ: Pierre Movila-notices biographiques par Émile Picot съ подробною Bibliographie des ouvrages publiés par Pierre Movila ou qui lui sont dédiés). Петръ Могила, будучи архимандритомъ, сдѣлалъ третье Кіевское изданіе Номоканона съ своимъ предисловіемъ, въ 1629 г. Первое изданіе его напечатано въ типографіи Кіевопечерской Лавры монахомъ Памвою Берындою въ 1620 г., а второе въ 1624 г., съ предисловіемъ Захарія Копыстенскаго. Съ Кіевскихъ изданій было напечатано въ 1639 г. и первое Московское изданіе. (Проф. Павлова: «Номоканонъ при большомъ Требникѣ». Учен. Записки Моск. Унив-та. Вып. 14. 1897 г. О Памвѣ Берындѣ см. Филологическія Записки. 1869. Вып. 2 и 3).

«Описаніе Кіевопечерской Лавры». К. 1826. Прибавленія. №№ 4—8. (Записи П. Могилы на основаніе Лаврскаго училища и его завѣщаніе). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VII. Тутъ: «Собственноручныя записки Петра Могилы», т.-е. его благочестивыя сказанія, разсужденія и замѣтки о разныхъ предметахъ. Каталогъ книгъ, купленныхъ Могилою въ Варшавѣ и Краковѣ въ 1632—1633 гг., т.-е. во время Элекційнаго и Коронаційнаго сеймовъ—почти исключительно латинскія. Далѣе, Synopsis и Supplementum Synopsis—сочиненія, изданныя Виленскимъ братствомъ въ защиту православія и относящіяся къ тому же времени, а также отвѣтъ на нихъ со стороны уніатовъ: Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow schismatica z unitem—соч. Скупинскаго. Сильвестра Коссова—Πατερικόν albo Żywoty ss. oycow Pieczarskich. W drukarni S. Lawry Pieczarskiey. Roku 1635. Аѳанасія Кальнофойскаго—Τερατούργημα lubo cuda które były и пр. Въ той же друкарни. 1638.

Археографич. Сборникъ. Изд. Виленскаго Учеб. Округа. Т. I. № 90. (Садковскій тресками покрылъ Св. Софію); Т. II. № 36 (Королевская грамота Петру Могилѣ на Кіевскую митрополію неунитскую); Т. VII. № 64 (Письмо архимандрита Петра Могилы Христ. Радивилу съ просьбою соединиться съ православными для общей борьбы противъ насилій отъ латинянъ и уніатовъ). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VI. № CCXXXVII (1627 г. Житомирскій староста Тышкевичъ хотѣлъ силою воспротивиться избранію П. Могилы въ санъ Кіевопечерскаго архимандрита), CCL (1630 года П. Могила вооруженною рукою съ монастырскими крестьянами и Запорожцами нападаетъ на митрополичье имѣнье село Зазимово, на что жалуется Рутскій). Акты Южной и Западной Россіи. Т. II. №№ 56, 59. Т. III. №№ 1—94. Тутъ: О бѣгствѣ монаховъ Густынскаго и монахинь Ладинскаго монастырей въ Московское государство; о пріѣздѣ въ Москву монаховъ отъ П. Могилы и Кіевскихъ игумновъ; продолженіе сношеній П. Могилы и южнорусскихъ монастырей съ Москвою. См. также докладъ А. А. Руссова: «Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей», въ

Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. (Т. IV. Харьк. 1892). С. Ступишина—«О князьяхъ Корыбутахъ - Вишневецкихъ» (Вѣст. Югозапад. Рос. 1861. Іюль и августъ). «Лѣтопись Густынскаго монастыря» (Чт. О. И. и Д. 1848. № 8. Съ приложеніемъ разныхъ документовъ, относящихся къ Густынскому, Мгарскому и Ладинскому монастырямъ. Тутъ и посланіе Исаіи Копинскаго Ереміи Вишневецкому). Supplementum ad Hist. Rus. Mon. №№ LXVII—LXXII. (Сеймовые споры о вѣроисповѣдномъ вопросѣ и королевскія грамоты 1632 — 33 гг., обезпечивающія православнымъ свободу вѣроисповѣданія и трактующія о раздѣлѣ церквей въ г. Бельзѣ. А № LXIX— объ утвержденіи Петра Могилы въ санѣ митрополита). Памятники, изд. Временной Комиссіей. К. 1846. Т. II. №№ 11 и 12. (Грамота королевская Кіевобратскому игумну на двѣ церкви съ угодьями и духовное завѣщаніе П. Могилы 1646 г.).

Pamiętniki Albrechta Stan. Radziwilla. Poznań. 1839. Latopisiec Ioachima Jerlicza (православнаго шляхтича). Warszawa. 1853. Подъ 1647 г. по поводу кончины П. Могилы, Ерличъ даетъ его характеристику, налегая по преимуществу на его жестокіе поступки съ Исаіей Копинскимъ, нѣкоторыми игумнами и старцами, на его денежныя вымоганія и т. п. У С. Т. Голубева, во II томѣ его «Петръ Могила», стр. 231, изъ слова С. Коссова на погребеніи епископа Іосифа Бобриковича приведено извѣстіе, что креховскій инокъ Герасимъ, спустя семь лѣтъ послѣ своей смерти, исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни П. Могилу, бывшаго тогда еще въ свѣтскомъ званіи, чѣмъ и можно объяснить его ревность къ православію и духовному званію. Ibid. стр. 232—239, любопытныя соображенія о знатномъ русскомъ вельможѣ Адамѣ Киселѣ: увлекшись единеніемъ церквей въ смыслѣ равноправности православія съ латинствомъ и ненарушимости православнаго ученія и обряда подъ папскимъ верховенствомъ, онъ перешелъ было въ унію; но, узнавъ истинное ея значеніе, воротился въ православіе и былъ однимъ изъ его столовъ. В. О. Эйнгорнъ во введеніи къ своему изслѣдованію «О сношеніяхъ Малорос. духовенства съ Москов. правительствомъ въ царств. Алексѣя Михайловича», обращаетъ вниманіе на различіе этихъ и другихъ отношеній при Іовѣ Борецкомъ и Петрѣ Могилѣ. Іовъ, какъ и православные епископы его времени, были люди незначительные и бѣдные, которые въ борьбѣ съ уніей возлагали главную надежду на единовѣрную Москву; тогда какъ П. Могила и его епископы были изъ знатныхъ, богатыхъ фамилій; поэтому они болѣе ладили съ польскими панами и неодобрительно относились къ казацкимъ возстаніямъ. (Чт. О. И. и Д. 1893. III).

24. Археографич. Сборникъ. Изд. Виленскаго Учебнаго Округа. Т. I. №№ 94 — 154, съ перерывами. Въ №№ 115 и 117 королевскій декретъ 1640 г., чтобы мѣщане Полоцкіе ходили въ уніатскую церковь; они же противятся и не хотятъ совершать требы у поповъ уніатскихъ; 105, 125 и 130 заключаютъ судебныя дѣла, свидѣтельствующія о грубыхъ суевѣріяхъ,

а 118 и 151—объ изнасилованіи, кончившіяся ничѣмъ (въ первомъ случаѣ уніатъ и православная дѣвушка). Т. II: №№ 38, 44, 103 и 104 (1633 г. уніаты съ католиками нападаютъ на церковь Богоявленія въ Бѣльскѣ и отнимаютъ ее насильно у православныхъ, вопреки грамотѣ Владислава IV); 38, 44 (1635. Грамота короля о томъ, какіе монастыри, церкви и имущества принадлежатъ уніатской іерархіи); 105 и 106 (о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православныхъ въ Бѣльскѣ и Дрогичинѣ); 107 и 108 (притѣсненія православнымъ отъ уніатовъ въ Бѣльскѣ). Т. III. №№ 47 (о чародѣйствѣ Анны Павлюковой Короткой); 49 — 62 (Тутъ длинное дѣло 1631 года о колдовствѣ попадьи Раины Громычиной). Т. IV. № 54. (1642 г. Королевское предписаніе уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ о нечиненіи притѣсненій православнымъ Дисненскимъ мѣщаниномъ). Т. XI. №№ 7 — 10 (Акты 1633 г. о возвращеніи православнымъ нѣкоторыхъ церквей отъ уніатовъ въ силу королевскаго универсала); 12—14 (О православномъ братскомъ монастырѣ Св. Симеона). Письма Папы Урбана VIII въ Польшу къ разнымъ лицамъ объ уніи, 1643 г. Hist. Russiae Monum. II. № CXIII. Витеб. Старина. Сапунова. Т. I. №№ 57—68. Т. V. №№ 86—117. (№ 91 о покушеніи полоцкихъ мѣщанъ на жизнь уніат. архіеп. Антонія Селявы).

Архивъ Югозападной Россіи. Т. VI. №№ CCLIII—CCLXXI (постановленія сеймовъ Конвокаційнаго и Элекційнаго, королевскія грамоты и прочіе акты относительно споровъ уніатовъ съ протестантами); CCLXXV (1634 г. Луцкіе ксендзы жалуются на монаховъ Луцкаго братства и мѣщанъ, которые напали и избили студентовъ іезуитскаго коллегіума); CCLXXXV (1635 года. Еремія Вишневецкій отнимаетъ заднѣпровскіе монастыри у Исаіи Копинскаго); CCXCVIII (1638 г. Православные обыватели Русскаго воеводства жалуются на маршала, что онъ на сеймикѣ не дозволилъ внести въ инструкцію посламъ требованіе въ пользу православной церкви и, наоборотъ, включилъ параграфъ, ей неблагопріятный). Далѣе встрѣчаются нѣсколько актовъ, указывающихъ на распространеніе и крѣпость аріанства или социніанства на Волыни и въ Кіевщинѣ. Эти аріане также угнетаютъ православныхъ. Наприм., въ № CCCXXIV, въ 1647 г., жалоба православнаго священника на аріанина дворянина Бѣневскаго (арендаторъ имѣнія пана Андрея Лещинскаго на Волыни), который принуждаетъ его православныхъ прихожанъ покупать мясо у евреевъ и за отказъ на то запечаталъ церковь, напалъ на домъ священника и произвелъ разныя безчинства. Но въ тяжбахъ съ католиками протестанты часто терпятъ неудачу. Наприм., въ Виленскомъ Археогр. Сборникѣ, Т. VIII, любопытное и длинное дѣло о Кейданской плебаніи, которую владѣлецъ Степанъ Кишка, протестантъ, отнялъ у ксендза Кобылинскаго. Дѣло проходило всѣ инстанціи, было и въ гродскомъ судѣ, и въ трибуналѣ, и у короля; рѣшалось то въ пользу Кобылинскаго, то Кишки. Сего послѣдняго смѣнилъ польный литовскій гетманъ Христофоръ Радивилъ, женатый на Аннѣ, дочери Кишки, и тоже протестантъ. Дѣло тянулось съ 1600 до 1628 г., и окон-

чилось мировой сдѣлкой Радивила съ виленскимъ католическимъ епископомъ Евстафіемъ Воловичемъ и его капитулой. Католики себя отстояли.

Относительно Аѳанасія Филипповича, преосв. Филарета Черниговскаго «Русскіе Святые». Т. Ш. О. И. Левицкаго—«Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій». (Кіев. Университ. Извѣстія 1878). Костомарова—«Историч. монографіи». Т. XIV. Арс. Маркевича—«Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій». Варшава. 1880. «Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича, 1646 г.», изданъ въ Рус. Ист. Библіотекѣ. Т. IV. Спб. 1888. Е. Е. Голубинскаго—«Исторія канонизаціи святыхъ въ Рус. церкви». Серг. пос. 1894. Наконецъ, о Филипповичѣ см. въ книгѣ проф. Голубева «Петръ Могила». II. 183—195.

25. Архивъ Югозапад. Россіи. Ч. VI. Т. І. «Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII вв.» Имъ предпослана обширная вступительная статья И. Новицкаго, объясняющая крестьянскія повинности, сельскохозяйственные инвентари, аренды, заставы, переходы крестьянъ. Архивъ Югозап. Росс. Ч. VII. Т. І. «Акты о заселеніи Югозападной Россіи». Вступительная статья проф. Владимірскаго-Буданова. Особенно заслуживаютъ вниманія №№ XLIII (Люстрація староствъ Кіевскаго воеводства 1616 г.), XLIV (Жалованная грамота Сигизмунда III Кіевопечерскому монастырю на разныя имѣнія въ Вел. Кн. Литовскомъ, 1616 г.), XLV (люстрація Житомирскаго староства 1622 г. Староста его Александръ Заславскій, воевода Брацлавскій, съ согласія короля, отдалъ это староство въ аренду двумъ лицамъ: одну часть пану Андрею Пересѣцкому, а другую еврею Шлёмѣ Фабисѣвичу), XLVI (люстрація Остерскаго староства 1628 г.), LV (Заставная запись гетмана Март. Калиновскаго Михаилу и Екатеринѣ Аксакамъ на имѣнія въ Брацлавскомъ воеводствѣ, 1647 г.), LXII (Арендный контрактъ, которымъ кн. Еремія Вишневецкій предоставляетъ коронному стражнику Александру Замойскому городъ Лубны въ трехлѣтнее владѣніе, 1647 г.), XLVII (Тарифа подымной подати Кіевскаго воеводства, 1631 г.), XLIX (Указаніе на множество крестьянскихъ повинностей), CXXI (Жалоба поручика Бараша на кн. Януша Острожскаго). Арх. Югозап. Рос. Ч. IV. Т. І. «Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Югозапад. Россіи». (Тутъ мало для данной эпохи). «Лѣтопись Густынскаго монастыря». (Чт. О. И. и Д. 1848. № 8). Тутъ свѣдѣнія объ основаніи монастырей Межигорскаго, Густынскаго, Мгарскаго и Ладинскаго; а въ приложеніяхъ извѣстное письмо Исаіи Копинскаго Ереміи Вишневецкому и его же уставъ о панщинѣ для монастыря Ладинскаго 1628 года. Lustracye Królewszczyzn Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej polowy XVII wieku. Wydał Aleksander Jablonowski. Warszawa. 1877. Съ обширнымъ введеніемъ издателя, озаглавленнымъ Starostwa Ukrainne w pierwszej połowie XVII w. Боплана «Описаніе Украйны». К. Шайнахи Skice Historyczne T. III. Lwów. 1861 (Zdobycze pługa polskie-

go) и Dwa lata dziejów naszych. T. I. Polska w roku 1646. W Lwowie 1865. (О колонизаціи Украйны въ первой главѣ: Kresy pogańskie). Пшездзецкаго Podole, Wolyn', Ukraina. W. 1841. Проф. Багалѣя «Займанщина въ Лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.» (Кіевск. Старина 1883, декабрь).

Любопытный проектъ заселенія Украйны былъ составленъ еще въ 1590 году кіевскимъ католическимъ бискупомъ Іосифомъ Верещинскимъ. (О семъ лицѣ см. III томъ «Исторіи Россіи». Прим. 97). Русскій переводъ этого проекта въ Кіев. Старинѣ. 1895, мартъ. Онъ совѣтуетъ Рѣчи Посполитой скорѣе заселить по преимуществу обѣднѣвшею или малоземельною шляхтою, укрѣпить замками и войскомъ пустую Украйну, о которой отзывается восторженно, какъ о землѣ Обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ, но которую безнаказанно грабятъ и опустошаютъ сосѣднія Татарскія орды. На содержаніе войска онъ предлагаетъ употребить не только установленную кварту съ королевскихъ имѣній, но и назначить десятую долю съ сельскихъ произведеній русскихъ областей, а расходованіе этой десятины или роль казначея при войскѣ поручить именно Кіевскому бискупу съ его капелланами, на остатки же отъ нея основать въ Кіевѣ Іезуитскій коллегіумъ для образованія русской молодежи. Сеймъ 1590 года, повидимому, мало обратилъ вниманія на этотъ проектъ. Впрочемъ, въ послѣдующее за тѣмъ время и произошла усиленная колонизація Украйны.

Что касается до народной поговорки «отъ Кракова до Чакова» и пр., то Чаковъ тутъ, очевидно, есть Очаковъ. Это объясненіе (словесное) принадлежитъ М. К. Любавскому, автору извѣстнаго труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства». М. 1892.

26. Тѣ же книги Архива Югозап. Рос., что и въ предыдущемъ примѣчаніи. Кромѣ того сего Архива часть третья. Т. I. (Акты о казакахъ). Обширное введеніе проф. Антоновича. Въ особенности №№ XLV—LXXIV (въ послѣднемъ завѣщаніе Сагайдачнымъ капитала въ пользу Львовскаго братства), LXXVIII (Куруковскій договоръ), LXXX—LXXXI и LXXXV (къ возстанію Тараса), LXXXIX—XCIII (Къ гетманству Петржицкаго въ 1632 г.), XCVI—XCVIII, CI (Договоръ подъ Боровицею 1637 г.), CII (передача имущества Остраницы Доманскому), CVIII, CIX, CXI (къ Адаму Киселю. Послѣдній № о назначеніи его каштеляномъ Кіевскимъ, въ 1646 г.; причемъ въ числѣ его заслугъ указано, что онъ во время стоянія Владислава IV подъ Смоленскомъ привелъ изъ Запорожья 20.000, потомъ вмѣстѣ съ Лукою Жолкевскимъ и Еремiей Вишневецкимъ вторгся въ Московскую землю и препятствовалъ поданію помощи Шеину, помогалъ усмиренію казацкихъ бунтовъ и пр.). Виленскій Археографическій Сборникъ. Т. VII. №№ 39, 46, 60, 63, 66 (1633 г. Краковскій каштелянъ Станиславъ Конецпольскій увѣдомляетъ литов. польнаго гетмана Христ. Радивила, что Запорожцы подъ Смоленскомъ занимаются грабежомъ, а къ войнѣ лѣнивы, потому что ихъ просьбы о правахъ и вольностяхъ православной вѣры оставлены безъ вниманія),

27 (гетманъ Запорожскій Тимофей Михайловичъ Арандаренко оправдывается отъ обвиненій, взводимыхъ на Запорожцевъ, тѣмъ, что они не знаютъ, куда имъ идти и что дѣлать, такъ какъ ихъ «рвутъ на части»: одни велятъ защищать Украйну отъ Москвитянъ, другіе отъ Турокъ, третьи велятъ идти къ Смоленску и т. д.) Т. XI. №№ 57 (Письмо Запорож. гетмана Михаила Дорошенка къ гетману Христ. Радивилу), 60 (Запорож. гетмана Ив. Мих. Сулимы), 63 (Запорожскаго старшого Тимофея Михайловича Арандаренка). Акты Зап. и Южн. Рос. II. № 47 (Предсмертное письмо Сагайдачнаго Сигизмунду III). С. Г. Г. и Д. III. № 51 (Грамота Михаила Өеодоровича въ отвѣтъ на посольство Сагайдачнаго).

Volumina legum. S. Prsb. 1859. II. Стр. 465 (Конституція 1609 года, чтобы Запорожскіе казаки подчинялись юрисдикціи старостъ, подстаростъ, пановъ и пр.). III. 187 (1618 г. Объ укрощеніи казацкихъ морскихъ предпріятій), 237 (1626 г. Одобреніе Куруковскаго договора), 440 (1638 г. Ordynacya woyska Zaporowskiego regestowego. За исключеніемъ 6.000 реестровыхъ остальные должны быть обращены въ хлоповъ или посольство; вмѣсто старшого отъ сейма назначается комиссаръ, пребывающій въ Трактемировѣ; полковники по очереди каждый съ своимъ полкомъ держатъ стражу на Запорожьѣ; казаки реестровые освобождаются отъ предварительнаго суда или praejudicium старостъ и подстаростъ; въ случаѣ тяжбы мѣщанина съ казакомъ засѣдаютъ подстароста съ полковникомъ; мѣщане королевскіе не смѣютъ не только сами себя или сыновей своихъ помѣщать въ казаки, но и дочерей своихъ выдавать за казаковъ; казаки не должны имѣть земли въ отдаленныхъ мѣстахъ Украйны и пр.). Latopisiec Joachima Jerlicza. Изъ польскихъ хроникъ наиболѣе важна для казацкихъ возстаній латинская хроника Пясецкаго. Далѣе, извѣстные Pamiętniki Альбрехта Радзивила. Dyaryusz Kazimierza Filipa Obuchowicza. (Pamiętniki historyczne. Wydał Michał Balinski). Wilno. 1859. «Вѣршѣ на жалóсный пóгребъ зáцнаго рыцара Петрà Конашéвича Сагайдáчнаго прéзъ инока Касіана Саковича». Кіевъ. 1622. Эти вирши переизданы въ приложеніяхъ къ «Исторіи Кіев. Духовн. Академіи» С. Т Голубева. I. 14—46.

Изъ лѣтописей собственно Малороссійскихъ: Лѣтопись *Грабянки*. Кіевъ. 1853. Лѣтопись *Самоила Величкы*. Т. IV. Кіевъ. 1864. Лѣтопись *Самовидца*. К. 1878. Сборникъ лѣтописей, относящихся до исторіи Южной и Западной Руси. К. 1888. Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, изданныхъ Кіевской Археограф. Комиссіей, заключается очень скудный матеріалъ для эпохи до Хмѣльницкаго. Только въ Сборникѣ Лѣтописей заслуживаетъ вниманія «Дневникъ похода противъ Запорожскихъ казаковъ 1625 года», т.-е. о возстаніи Жмайла и дѣйствіяхъ у Курукова озера. (Кромѣ того въ Кіев. Стар. 1889, октябрь, съ комментаріями г. Николайчика и въ Мем. относ. къ Ист. Южн. Рос. Вып. 2). А въ изданіи Лѣтописи Велички любопытны приложенія: I. «О войнѣ Остраниновой съ Ляхами» (тутъ и его универсалъ); 2) «Записки

Матвѣя Титловскаго» 1621 г. (Хотинская война съ участіемъ Сагайдачнаго), 3) «Дневникъ Симеона Окольскаго» 1638 г.—довольно подробный діаріушъ о возстаніи Остраницы и Гуни, изданный въ Краковѣ и переведенный съ польскаго невразумительнымъ русскимъ языкомъ и 4) «Дополненіе дневника Окольскаго, составленное Степаномъ Лукашинскимъ. (Этотъ дневникъ и дополненіе, переведенные вновь К. Мельниковымъ, въ «Мем.относ. къ Ист. Южн. Рос.» Вып. 2). Также скудный матеріалъ представляютъ: «Повѣсть о томъ, что случилось на Украйнѣ». Сообщено Срезневскимъ. Чт. О. И. и Д. 1848. № 5. «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи». Ригельмана. (Ibid. 1847. № 5). «Южнорусскія лѣтописи», открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Т. I. К. 1856. О Хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго латинскіе комментаріи, изданные въ Данцигѣ въ 1646 г. Переводъ К. Мельникова въ «Мемуарахъ, относ. къ Ист. Южн. Руси.» Вып. 2. К. 1896. Ibidem помѣщены «Свѣдѣнія о походѣ на Крымъ Михаила Дорошенка 1628 г.» Кратковременное царствованіе Султана Османа II, его походъ противъ Поляковъ и сверженіе см. Цинкейзена Geschichte des Osmanischen Reiches. III.

Пособія, кромѣ устарѣлыхъ исторій Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, во-первыхъ, Максимовича «Собраніе сочиненій». Т. I. Здѣсь его статьи: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ», «Изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ» и «Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ». Во-вторыхъ, Кулиша «Исторія возсоединенія Руси». Т. II. Спб. 1874., и «Отпаденіе Малороссіи». Т. I. (Чт. О.-И. и Д. 1888. В. 2)—не лишенныя интереса, но тенденціозныя сочиненія. Между прочимъ онъ пытается доказывать, что казацкія возстанія не имѣли своимъ мотивомъ защиту православія, а происходили изъ причинъ чисто политическихъ и экономическихъ, т.-е. направлены были противъ закрѣпощенія и повинностей. Но вѣроисповѣдная ревность несомнѣнно присоединялась къ этимъ причинамъ, особенно со времени гетманства Сагайдачнаго, бывшаго усерднымъ ревнителемъ православія. Въ третьихъ, указанное выше соч. Шайнохи Dwa lata и проч. Сюда относятся 2 и 3 главы, т.-е. Козачина и Z rycerzów w chłopów. Далѣе, Каманина «Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмѣльницкаго». К. 1894. (Рецензія на него М. К. Любавскаго. Ж. М. Н. Пр. 1896. Іюль). Д. И. Эварницкаго «Исторія Запорожскихъ казаковъ». Т. II. Спб. 1895—вообще обстоятельный трудъ, основанный отчасти на архивныхъ матеріалахъ. Между прочимъ на 613—614 стр. исправляется крупный хронологическій промахъ Максимовича относительно похода Сагайдачнаго на Кафу. Въ примѣръ того, какъ сбивчивы и неточны извѣстія о казацкихъ морскихъ походахъ, укажемъ на статью В. М. Истрина «Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка». (Ж. М. Н. Пр. 1898, іюль). По записи выходитъ, что этотъ походъ былъ въ 1623 году 9 іюля; но приведенныя въ ней имена султана и патріарха не соотвѣтствуютъ тому времени. Популярное иллюстрированное изданіе Антоновича и Беца «Историческіе дѣятели Югозападной Россіи». Вып. I. К. 1883. (Тутъ портретъ Сагайдачнаго).

Объ Остранинѣ въ Чугуевѣ см. Д. И. Багалѣя «Очерки изъ исторіи колонизаціи и пр.» 174—196. Тутъ разобранъ вопросъ о его казни въ Варшавѣ: авторъ склоняется къ мнѣнію Соловьева, что былъ казненъ не самъ Остранинъ, а его отецъ (не братъ ли?). О судьбѣ Остранина см. также «Воронежскіе акты» Второва и Александрова—Дольника I. 100—104. (Тутъ говорится объ измѣнѣ чугуевскихъ Черкасъ и убіеніи ихъ гетмана и похваляется вѣрность поселенныхъ воронежскихъ Черкасъ). II. 180—182 (О выдачѣ денежнаго жалованья поселившимся въ Воронежѣ Черкасамъ). Объ Аннѣ Алоизѣ Острожской: Максимовича. Соч. Т. I. («Письма о князьяхъ Острожскихъ»), Ор. Левицкаго «Анна-Алоиза, княжна Острожская» (Кіев. Старина 1883, ноябрь) и «Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ» во Времен. О. И. и Д. Кн. 14. Тутъ актъ раздѣла имѣній, который учинилъ князь Константинъ—Василій между своими сыновьями Янушемъ и Александромъ.

Что въ данную эпоху существовало только шесть казацкихъ полковъ, такое положеніе выведено мною изъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ актовъ, каковы особенно договоры Поляковъ съ казаками, начиная съ Курукова и кончая Масловымъ Ставомъ. Напримѣръ, см. Куруковскій договоръ въ Чт. Об. И. и Др. 1861. IV. Смѣсь. Тамъ прямо указано 6 полковъ. Отсюда понятно извѣстное и постоянное стараніе Польскаго правительства сохранить цифру реестровыхъ именно въ 6.000. Очевидно, нормальный казацкій полкъ считался въ 1000 человѣкъ. Этотъ вопросъ какъ и вообще организація Малороссійскаго казачества до Хмѣльницкаго не подвергались доселѣ тщательнымъ изслѣдованіямъ, несмотря на довольно обширную литературу о Днѣпровскомъ казачествѣ. Я не имѣлъ подъ руками монографіи В. В. Антоновича «Исторія Малорусскаго казачества». Кіевъ. 1882—1883. (Если не ошибаюсь, это его литографированныя лекціи). Мнѣ доставлена изъ него слѣдующая выписка (стр. 45—46): «Послѣ похода на Москву, Сагайдачный уже не возратился на Запорожье, а фактически завладѣлъ всею заселенной Украйной. Теперь онъ даетъ болѣе широкое устройство казакамъ, раздѣляетъ ихъ на полки и присоединяетъ къ полкамъ такія области, гдѣ давно не было казаковъ, какъ наприм. Сѣверская, Кіевская и др. Учрежденіе *десяти полковъ*, приписываемое Ружинскому, на самомъ дѣлѣ осуществляется только теперь». Но на какихъ данныхъ основаны эти выводы, признаюсь, мнѣ пока неизвѣстно.

Относительно Малороссійскаго казачества подведу итоги моимъ выводамъ, добытымъ изученіемъ данной эпохи:

Во-первыхъ, ни городовое, ни Запорожское казачество еще не получило той полной организаціи, какую обыкновенно ему приписываютъ и каковая выработалась только со времени Хмѣльницкаго, съ гетманскою властью включительно. Во-вторыхъ, до него городовое казачество сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на правобережной Украйнѣ, а на лѣвобережную центръ тяжести сталъ переходить съ его времени. Въ-третьихъ, до Хмѣльницкаго было

шесть реестровыхъ полковъ, изъ которыхъ только одинъ Переяславскій находился вполнѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ-четвертыхъ, Запорожье еще не выработало своей политической и хозяйственной обособленности съ предѣлами своихъ владѣній или «вольностей». Въ-пятыхъ, къ причинамъ казацкихъ возстаній кромѣ политическихъ и экономическихъ, особенно со стороны усилившагося крѣпостного права, присоединилась со времени Сагайдачнаго и вѣроисповѣдная, т.-е. унія. Въ-шестыхъ, стремленіе казачества къ своему умноженію, самоуправленію и хозяйственному преуспѣянію встрѣчало главное противодѣйствіе отъ ближайшихъ представителей старостинскаго уряда, именно отъ подстаростъ. (Столкновеніе Хмѣльницкаго съ подстаростою, какъ извѣстно, послужило началомъ новаго движенія). Въ-седьмыхъ, внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой, особенно нужда въ войскѣ, притомъ дешево ей стоившемъ, постоянно мѣшали попыткамъ ея ограничить реестръ и прекратить переходъ народа въ казачество, и т. д.

Уже послѣ отпечатанія моего текста получилъ я, благодаря любезности М. К. Любовскаго, вышедшій въ 1897 г. трудъ А. Яблоновскаго объ Украйнѣ (Polska XVI wieku pod względem geograficznostatystycznym. Tom XI. Ziemie Ruskie. Ukraina). Это обстоятельное и очень почтенное сочиненіе собственно посвящено XVI вѣку; но касается и первой половины XVII, именно по отношенію къ казачеству (стр. 442 — 470). Выводы его въ общихъ чертахъ почти совпадаютъ съ моими, за немногими исключеніями. Прибавлю, между прочимъ, его указаніе на казацкіе надворные отряды у знатныхъ пановъ, составлявшіе легкія конныя хоругви; о нихъ я еще не имѣлъ случая говорить. Главнымъ же образомъ этотъ томъ имѣетъ отношеніе къ моему III тому «Исторіи Россіи». Г. Яблоновскій говоритъ о недостовѣрности или легендарномъ характерѣ той казацкой организаціи или реформы, которая приписывается Стефану Баторію (424—426) и говоритъ какъ бы впервые. Но въ этомъ случаѣ я упредилъ его. См. прим. 98 къ III тому. Польскій авторъ, впрочемъ, идетъ далѣе и совсѣмъ отрицаетъ участіе Баторія въ казацкой организаціи. Полагаю, что такое полное отрицаніе едва ли справедливо. Возможно, что шестиполковой составъ реестроваго казачества беретъ начало именно съ той эпохи. Нужно замѣтить, что у г. Яблоновскаго этого шестиполковаго состава мы не встрѣтили, и вообще количество полковъ въ данную эпоху онъ не опредѣляетъ.

27. Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle. 1866. Переводъ его «Дневникъ Эриха Ляссоты изъ Стеблева». Въ извлеченіи изданъ въ 1873. г. проф. Бруномъ съ комментаріями, а вторично въ новомъ переводѣ К. Мельникова въ «Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси». Вып. I. К. 1890. Боплана Déscription d'Ukranie etc. впервые переведено и издано на русскомъ языкѣ съ комментаріями Ѳ. Устряловымъ. Спб. 1832. Вторично «Описаніе Украйны» издано во второмъ вып. сейчасъ названныхъ мемуаровъ. А. Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи». Изд. 3-е. Ч. II. Од. 1886 («Краткое обозрѣніе исторіи кошей Запорожскихъ). Д. И. Эварницкаго

«Число и порядокъ Запорожскихъ сѣчей». К. 1884. Относительно, упоминаемаго Бопланомъ, женскаго монастыря, сосѣдняго съ Печерской Лаврой, см. С. Т. Голубева «О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года». К. 1898. стр. 78 и самый планъ. приложенный къ Тератургимѣ Кальнофойскаго.

28. Виленскій Археогр. Сборникъ. Т. I. № 157 (1646 г. Постановленіе Полоцкаго магистрата о шести плацахъ для жидовъ). Т. IV. № 50 (1633. Жалоба Виленскихъ обывателей на притѣсненія отъ жидовъ). Архивъ Юго-запад. Россіи. Ч. VII. Т. I. (1622 г. По поводу люстраціи житомирскіе мѣщане жалуются на то же. Стр. 334. А на стр. 327 отмѣтка люстраторовъ, что житомирскій староста Александръ съ Острога Заславскій, съ согласія короля, отдалъ это староство въ аренду двумъ лицамъ: одну часть пану Андрею Пересѣцкому, а другую жиду Сломѣ Фабисѣвичу, «которые не захотѣли показать условія аренды»). «Сборникъ лѣтописей Южной и Западн. Руси». Во введеніи на стр. XLIV В. В. Антоновичъ сообщаетъ изъ рукописной лѣтописи львовскаго каноника Юзефовича фактъ о трехдневной кровавой борьбѣ на улицахъ Львова мѣщанъ съ евреями, въ 1644 г. Но далѣе въ извлеченіяхъ изъ этой латинской лѣтописи данное мѣсто не приведено. Витеб. Старина. Сапунова. I. №№ 133—135. (Послѣдній актъ, заключающій привилегіи Евреямъ, 1633 г., судя по примѣчанію, подложный).

Польское сочиненіе неизвѣстнаго автора первой половины XVII вѣка Robak złego sumnienia (Червь нечистой совѣсти) перепечатано Юзефомъ Чехомъ въ Краковѣ въ 1853 г. (Wady Staropolskie). Rozdział XI этого сочиненія заключаетъ выше приведенную мною въ текстѣ мрачную картину жидовства. Аналогичный отзывъ о жидахъ епископа Верещинскаго находится въ указанномъ выше его проектѣ заселенія Украйны (Кіев. Стар. 1895, мартъ). Къ первой четверти XVII вѣка относятся и жалобы Мучинскаго или Межинскаго о томъ, что жиды отняли у христіанскихъ купцовъ и ремесленниковъ всѣ средства къ существованію (Zwiercadlo Korony Polskiey. Urazy ciężkie utrapienia wielkie od żydôw etc.). Жалобы эти были предъявлены на сеймѣ 1618 г. Коллонтай въ своемъ соч. Rosprawa o Żydach (96 и 97) указываетъ изъ той же эпохи еще слѣдующія изданія, направленныя противъ жидовства: Воглиціуша Swawola wyuzdana żydowska. W Krakowie. 1648. Lament dzieci pomordowanych przez Żydow. 1651. (Извѣстное обвиненіе въ убіеніи христіанскихъ дѣтей). Jasny dowód o doktorach żydowskich, iż nietylko duszę, ale cialo swoie na wieczne zginenie daią, ktôrzy lekarzów żydowskich i Tatarów używaią, etc. 1623. O powietrzu morowem u Kaliszu. 1623. Шайноха въ своемъ Dwa łata dzieyów naszych въ томъ же родѣ говоритъ о дѣятельности евреевъ на Украйнѣ на основаніи польскихъ писателей XVII вѣка Пясецкаго, Старовольскаго, Коховскаго (107—115). Шайноху повторяетъ въ этомъ отношеніи и Яблоновскій во введеніи къ помянутому выше его изданію Lustracye Królewszczyzn. Стр. XXV, LXXIII и XC. См. также жалобу мин-

скаго городничаго Скоруны на евреевъ-арендаторовъ, опустошившихъ его имѣніе, 1627 г. (Вѣст. Югозапад. Россіи. 1866. XI).

Въ приложеніяхъ къ «Лѣтописи Самоила Велички», именно въ «Дополненіяхъ къ дневнику Окольскаго» находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе о «неслыханныхъ и нововымышленныхъ даняхъ», которыя Ляхи вмѣстѣ съ Жидами взимали съ Украинскаго люда (Т. IV, стр. 301): «такъ названіе дуды, повивачное, огородщизну, подимное, поголовщину, очковое, сътовчизну, сухомещизну, пороховщизну, пересуды и аренды, а сверхъ того отъ всякаго скота и отъ пчелъ десятую долю, а отъ рыбныхъ ловлей урочное». Къ этому мѣсту въ рукописи сдѣлано примѣчаніе, объясняющее значеніе названныхъ даней, и со вставкою цифръ, указывающихъ денежную стоимость даней, но безъ опредѣленія монетной единицы (вѣроятно, гроши). А именно «Изъясненіе даней, жидами взимаемыхъ: отъ игранія на дудкѣ, на свирѣли, на скрипицѣ и прочую (4), отъ дѣтей новорожденныхъ за повіячъ (200); отъ всякихъ, садовихъ и огороднихъ плодовъ (200), отъ каждой хаты (5), подушенній окладъ (10), отъ вступающихъ въ бракъ (6), отъ улія пчелъ (2), отъ рыболовнѣ изъ стодолѣ (sic) (10), отъ вѣтранихъ млиновъ и жерновей (20), судніе посули, то-есть на... позвахъ для судящихъ (20); откупы жидовскіи церквей Божіихъ такъ же и всякихъ питейныхъ вещей; пороговщину отъ каждаго рога воловаго, коровового десятую долю, а ежели нѣту десяти, то...».

Въ Volumina legum нашли мы довольно скудный матеріалъ по отношенію къ еврейству, собственно только опредѣленіе поголовной подати. А именно. Т. II. По конституціи 1565 она опредѣляется по 1 злоту съ головы; тоже повторяется и въ слѣдующихъ конституціяхъ XVI вѣка. Т. III, стр. 113. Конституція 1613 года предписываетъ въ Коронѣ вносить по 3 злотыхъ съ каждой головы коронному подскарбію. Отдавъ эту подать, жиды уже свободны отъ поборовъ со своихъ ремеслъ и слугъ. Они могутъ откупить сразу всю сумму, и тогда освобождаются отъ сборщиковъ. Стр. 128. Та же конституція опредѣляетъ въ Литвѣ поголовное жидовское въ 9000 злотыхъ. 194, конституціею 1620 г. съ евреевъ Короны вся сумма опредѣлена въ 70.000 злотыхъ—это чрезвычайный или усиленный сборъ, а съ В. Кн. Литовскаго 9.000, что составляло тройную сумму; обычная это 3.000 въ годъ. 214, конституція 1621 г.: въ Коронѣ 22.000, а въ Литвѣ двойную сумму, т.-е. 6.000, изъ которыхъ вторыя 3.000 за освобожденіе отъ посполитого рушенія. Въ подобномъ же родѣ идутъ еще нѣсколько конституцій. При сравненіи суммъ не надобно забывать, что въ составъ Короны входила и вся Югозападная Русь; слѣдовательно Литва по объему была гораздо ея менѣе. Стр. 281. Конституція 1628 г.: съ Короны 60.000, а съ Литвы треть этой суммы, т.-е. 20.000. Какъ и прежде, упоминается при семъ о жидовскомъ «старшомъ», который даетъ присягу и собираетъ подать въ каждомъ центральномъ пунктѣ съ однимъ изъ высшихъ члоновъ магистрата, также обязаннымъ

присягою. Въ 1629 г. въ Коронѣ 80.000; но отъ подымного и новоустановленныхъ пошлинъ не увольняются. А въ Литвѣ въ это время обязаны ежегодно платить по 12.000 и т. д.

Для данной эпохи, если не считать небольшую брошюру проф. Леонтовича о правахъ Литовско-русскихъ евреевъ вообще, мы собственно не имѣемъ никакихъ цѣльныхъ пособій по исторіи еврейства въ Западной Россіи, въ родѣ указанныхъ нами въ предыдущемъ томѣ нѣкоторыхъ сочиненій, особенно книги Бершадскаго, для XVI столѣтія.

Кромѣ приведенныхъ выше напечатанныхъ матеріаловъ для сей эпохи, мы имѣли подъ руками въ спискахъ цѣлое собраніе актовъ (болѣе сотни), извлеченныхъ изъ Виленскаго Центральнаго Архива, благодаря любезности предсѣдателя Виленской Археографической Комиссіи Ю. Ѳ. Крачковскаго. Весьма желательно, чтобы Комиссія приступила къ изданію этихъ актовъ, относящихся къ исторіи еврейства въ Западной Руси во второй половинѣ XVI и первой XVII вѣка. А пока, чтобы дать понятіе о качествѣ и содержаніи сообщенныхъ мнѣ актовъ, укажу нѣкоторые изъ нихъ за періодъ времени отъ 1592 по 1635 годъ. Написаны они частію по-русски, частію по-польски.

1592 годъ. 26 января. Изъ актовой книги Слонимскаго гродскаго суда Еврей Агронъ Гошевичъ вноситъ передъ мозырскимъ подкоморіемъ, подстаростою Слонимскимъ (извѣстнымъ) Иваномъ Мелешкомъ просьбу о недозволеніи другому еврею, Зелику Шмойловичу, собирать чоповое въ такихъ-то мѣстахъ, такъ какъ оно сдано ему, Гошевичу, въ аренду.

18 сентября. Еврей Моисей Шимановичъ заявляетъ тому же судьѣ о покражѣ у него крестьяниномъ изъ скрыни денегъ и разныхъ вещей, каковы: жемчугъ, полотно, золотые и серебряные перстни, сукно, кошули, простыни, воскъ и пр.

1593. Передъ тѣмъ же судьей заявленіе о томъ, что земянинъ напалъ на дорогѣ на еврея, отнялъ у него верхового коня, ружье и кордъ.

1594. Нѣсколько актовъ, заключающихъ хлопоты евреевъ о невзысканіи съ нихъ поворотнаго сбора на основаніи королевскаго листа.

Мая 21. Земянинъ жалуется на евреевъ мѣстечка Дворци, которые избили его кіями и изранили.

Октября 29. О вводѣ во владѣніе дворецкаго еврея Хаима Мошевича Полонкою, имѣніемъ пана Монтовта, которое берется за долги, за 227 копъ грошей. Тутъ перечислено нѣсколько крестьянъ сего имѣнія: «Янъкуть Станолевичъ, подъ нимъ земли волока, подъ нимъ земли полволоки, маетности рабочее не имѣетъ ничого; Степанъ Кузьмичъ, подъ нимъ земли волока, маетность его волъ одинъ; Петруть Вербачъ, подъ нимъ земли волока, маетности его волъ одинъ, кляча одна» и т. д. «Повинность тыхъ людей, яко они сами намъ поведили, ижъ въ каждымъ тыдъню по два дни на роботу ходить повинни, а съ каждое волоки въ рокъ цыншу повинни дать по гро-

шей пятьдесятъ, по ботце жита, по ботце овса, по возу сѣна, по гусяти, по куреті».

1598. Января 1. Слонимскій жидъ Еська—скупщикъ покраденныхъ вещей.

Марта 5. Слонимскій жидъ-ростовщикъ Шимонъ не возвращаетъ заложенныхъ вещей, несмотря на уплату денегъ.

1603. Мая 1. Левъ Сапѣга, земскій судья Гродненскаго повѣту, жалуется на еврея Юска Шимановича, арендатора его млыновъ, корчемъ и торговыхъ пошлинъ въ мѣстечкѣ Голынцѣ, что онъ не заплатилъ арендной суммы.

Мая 27. Жалоба еврея Моисея Лазаровича, арендатора имѣнія Жировицъ, о нанесеніи ему крестьянами побоевъ и ранъ.

1605. Марта 7. Еврейка Хаина Есковна Шимановая хочетъ взять у Кристофа Гарабурды Ѳатрево за долгъ въ 540 копъ грошей, вслѣдствіе 100% обратившихся въ 1080. Но Гарабурда возному отказалъ въ выдачѣ имѣнія, и предъявилъ съ своей стороны обвиненіе въ клеветѣ; такъ какъ еврейка хвалилась, будто великій канцлеръ Левъ Сапѣга обѣщалъ у нея это село перекупить.

Апрѣля 6. Панъ Лукашъ Гарабурда даетъ заемное письмо еврейкѣ Хаинѣ Есковнѣ Шимановой съ залогомъ своего имѣнія: за 140 копъ грошей обязуется черезъ годъ уплатить 280 (опять 100%!), да еще неустойку и отвѣтствуетъ своимъ имѣніемъ.

Іюля 18. Нѣкій панъ Годебскій отказывается платить чоповый сборъ двумъ евреямъ, его арендовавшимъ, и ссылается на то, что сеймовыми постановленіями 60-хъ и 90-хъ годовъ XVI столѣтія запрещено жидамъ быть мытниками, сборщиками и арендаторами. (Разумѣется, тщетная ссылка на законы!).

Марта 24. Земянинъ Слонимскаго повѣта Иванъ Солтанъ жалуется на арендатора своего имѣнія Жировицъ, Ицхака Михелевича, что онъ съ своими пріятелями Слонимскими жидами распространилъ моровое повѣтріе въ его имѣніи. Но оказывается, что въ январѣ Солтанъ этого жида уже убилъ и имущество его ограбилъ.

Отсюда возникаетъ большое дѣло.

Апрѣля 5. По жалобѣ вдовы Михелевича Естеры, великій канцлеръ и слонимскій староста Левъ Сапѣга потребовалъ къ суду Солтана и его жену Кристину, обвиняемыхъ въ убійствѣ жида-арендатора. Судьею тотъ же слонимскій подстароста Ив. Мелешко. По аппеляціи Солтана дѣло перешло въ Минскій трибуналъ. Солтанъ нашелъ было человѣка, который принялъ убійство на себя; но это ни къ чему не послужило.

1606. Августа 2. Явка баниційнаго листа на Ивана Солтана за убійство Михелевича. Минскій трибуналъ приговорилъ Солтана къ смертной казни; но тотъ бѣжалъ, и на него была объявлена баниція, т.-е. онъ поставленъ внѣ закона. Имѣніе его Жировицы осталось въ залогѣ у Естеры, вдовы Михелевича.

Августа 16. Отъ имени Ивана Мелешка, теперь уже Мстиславскаго каштеляна, и его жены Ганны Фурсовны предъявляется въ Слонимскій гродскій судъ вводный листъ на владѣніе бывшимъ Солтановымъ Жировицкимъ имѣніемъ, которое было въ заставѣ у еврейки вдовы Естеры Михелевичевны. (Очевидно, пресловутый Иванъ Мелешко ловко воспользовался преступленіемъ Солтана, чтобы завладѣть его имѣніемъ).

Апрѣля 24. Заявленіе вознаго о позвѣ шляхтичу Кондеровскому, неуплатившему въ срокъ долга жидовкѣ Хаинѣ Шимановой. Неважный самъ по себѣ актъ, но приводимъ его для нагляднаго представленія о процедурѣ судебныхъ позвовъ. А именно.

Возный Слонимскаго повѣту Григорій Ѳеонасовичъ Мизкгиръ, имѣя при себѣ стороною двухъ шляхтичей, Кононацкаго и Яновича (такіе два ассистента при возномъ вообще назывались «стороною»), явился съ позвомъ, приглашавшимъ на Трибунальный судъ, въ Руды, имѣнье пана Юрья Юрьевича Кондеровскаго, и воткнулъ позывной листъ въ большія ворота, ведущія на дворъ; причемъ объявилъ случившейся тутъ панской челяди, что этотъ позовъ сдѣланъ по жалобѣ жидовки Хаины Юсковны Шимановой о незаплатѣ сорока трехъ копъ грошей литовскихъ; а срокъ къ явкѣ на судъ въ Вильну для обѣихъ сторонъ, «поводовой и позваной», назначается четырехнедѣльный, считая со дня положенія позва въ ворота. Другой такой же позывной квитъ предъявлялся истцу на его дворѣ.

Марта 3. Заявленіе въ Слонимскій гродскій судъ объ убійствѣ жида Ильи Шмойловича крестьяниномъ пани Абрамовой Мелешковой, Гришкою Ждановичемъ, на большой дорогѣ, ради грабежа находившихся при немъ денегъ, 26 копъ грошей. Заявленіе сдѣлано паномъ Корсакомъ, урядникомъ Рожанскаго имѣнія великаго канцлера Льва Сапѣги, у котораго убитый жидъ состоялъ арендаторомъ.

Марта 10. Когда возный, Андрей Васильевичъ Мизкгиръ, и нѣсколько рожанскихъ евреевъ везли убійцу Гришку Ждановича, то дорогою напали на нихъ слуги пана Юрья Зеновича, избили и ограбили евреевъ, а убійцу у нихъ отняли. Зеновичъ виновныхъ слугъ выдалъ суду.

Марта 22. Убійца Шмойловича, выданный своей госпожей суду, пытанный и сознавшійся, осужденъ на смерть и казненъ. Представитель обвиненія, управляющій Сапѣжинскимъ имѣніемъ, Корсакъ, домогался еще головщины за убитаго; но представитель обвиненной стороны, управляющій имѣніемъ Мелешковой, Суходольскій настаивалъ на томъ, что у Гришки Ждановича нѣтъ никакой маетности и платить головщину не изъ чего. Сіе дѣло наглядно показываетъ, что еврей обыкновенно имѣетъ своего пана протектора, у котораго состоитъ кліентомъ, разумѣется, будучи въ то же время у него арендаторомъ. Этотъ, какъ покровитель, въ нужномъ случаѣ вступается за своего кліента; а тутъ, какъ видимъ, добивается кары за его убійство. Разумѣется,

смотря по силѣ и значенію своего протектора, его кліенты — евреи многое позволяли себѣ, разсчитывая на безнаказанность.

1608. Мая 10. Управляющій Полопкою, имѣніемъ пана Тризны, старосты Бобруйскаго, приноситъ жалобу на то, что жиды (кліенты) пана Пакоша напали на возвращавшагося со Свислочской ярмарки подданнаго Тризны, избили его и изранили.

Мая 2. Подобная же жалоба управляющаго имѣніемъ Софьи Завишиной на сосѣднихъ евреевъ - арендаторовъ, которые напали на его дворъ, нанесли ему тяжкіе побои и отняли нѣкоторыя вещи.

1610. Іюля 8. Такая же жалоба одной пани на Слонимскихъ евреевъ, которые дорогою напали на ея слугу и ограбили его.

Октября 10. Такая же жалоба одного шляхтича на жида, который со своими помощниками избилъ кіями его, шляхтича.

Марта 18. Опять жалоба на побои отъ жидовъ.

Марта 1. Евреи жалуются на побои отъ христіанъ.

1615. Октября 8. Жалоба шляхтича на жида, незаконно заключившаго его въ тюрьму.

1617. Февраля 4. Еврей не возвращаетъ заложенныхъ вещей, хотя получилъ долгъ.

1619. Мая 26. Жалоба на побои отъ жида крестьянину.

Іюня 16. Нападеніе евреевъ на шляхтича и грабежъ.

1626. Мая 15. Трибунальный декретъ, отмѣняющій смертный приговоръ Ошмянскаго гродскаго суда двумъ евреямъ за нападеніе на шляхтича, на основаніи присяги шести евреевъ, отрицавшихъ нападеніе.

1629. Іюня 19. Обвиненные въ смерти шляхтича, брестскіе евреи присягаютъ въ своей невинности.

Апрѣля 18. Евреи — сборщики податей присягаютъ въ правильномъ ея взиманіи.

1630. Мартъ. Два пинскіе еврея жалуются на преждевременное отнятіе у нихъ Александромъ Немиричемъ его имѣнія, которое было у нихъ въ арендѣ.

Ноября 14 и 23. Панъ Щигельскій жалуется на убійство своего гайдука евреемъ-арендаторомъ въ корчмѣ изъ пистолета. Но панъ Дольскій, у котораго этотъ еврей арендовалъ корчму, вступился и доказываетъ, что самъ Щигельскій убилъ своего гайдука, когда стрѣлялъ въ еврея и промахнулся.

1630. Декабря 28. Янъ Пясецкій, слуга и шафаръ (приказчикъ) князя Константина Вишневецкаго, старосты Черкасскаго, приноситъ слѣдующую жалобу въ Пинскій гродскій судъ. Съ байдаками, нагруженными поташомъ, онъ плылъ по Припяти до Пинска, откуда предполагалъ потомъ возами доставить его въ Брестъ. Но у Чернобыля самъ Павелъ Сапѣга, чернобыльскій державецъ, съ двумя жидами, своими арендаторами, напалъ на байдаки, стрѣлялъ изъ мушкета и задержалъ ихъ на цѣлую недѣлю, незаконно требуя мыта. Убытку

всего онъ причинилъ на 500 польскихъ злотыхъ, и хотя отпустилъ потомъ, но за зимнимъ временемъ поташъ былъ сваленъ около Пинска.

1634. Марта 24. Виленскіе евреи предъявляютъ въ Виленскій гродскій судъ требованіе объ исполненіи магистратомъ королевскаго листа, дарованнаго имъ Владиславомъ IV на его коронаціи, чтобы имъ не дѣлали помѣхи въ торговлѣ.

4 Апрѣля. Жалоба виленскихъ евреевъ на виленскихъ ремесленниковъ, которые причиняютъ имъ побои на еврейскомъ кладбищѣ.

1635. Рядъ актовъ о денежныхъ взысканіяхъ со стороны евреевъ.

4 Марта. Перечень имущества, награбленнаго въ виленской синагогѣ и у разныхъ евреевъ виленскими мѣщанами. По всѣмъ признакамъ, христіанское виленское мѣщанство вело горячую борьбу за свое существованіе; но въ концѣ концовъ жидовство, съ помощью властей, одолѣло. (См. также указанный выше актъ въ Археогр. Сборникѣ. IV. № 50).

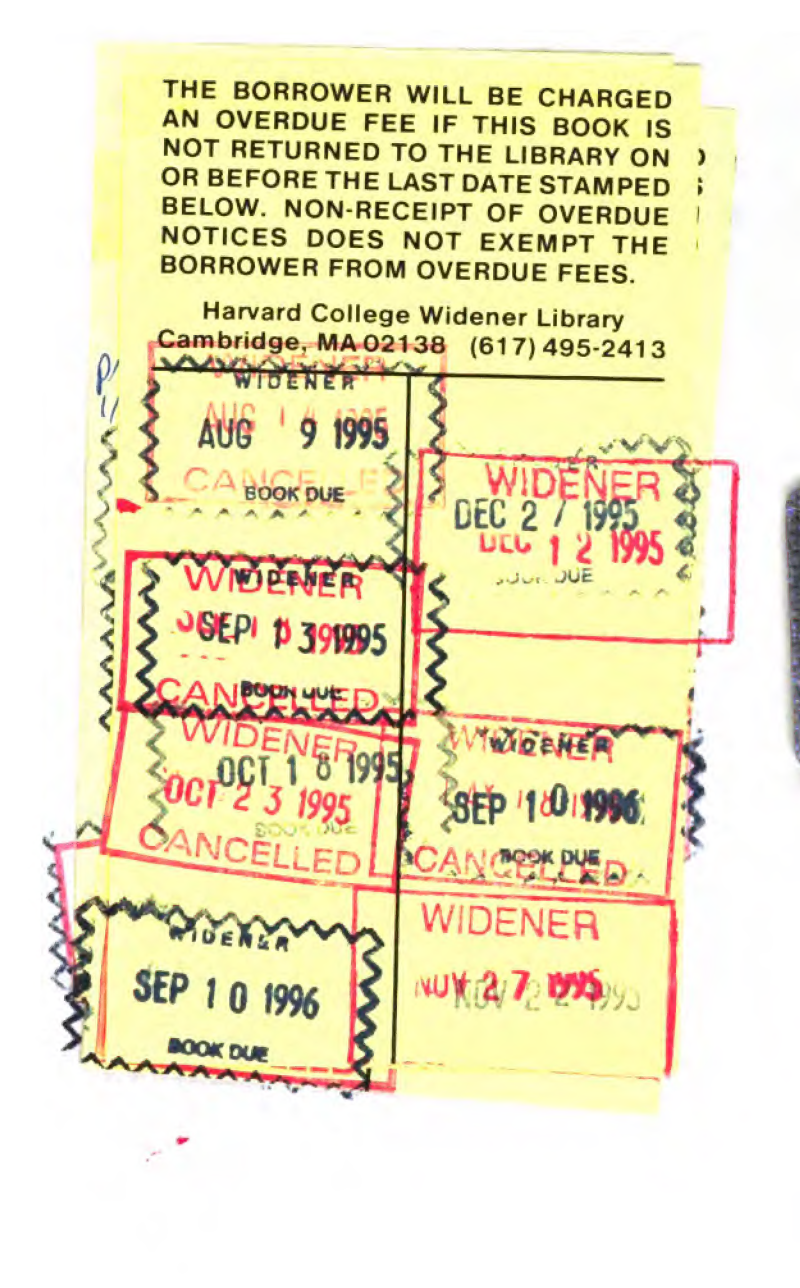
ПОПРАВКИ.

Въ первомъ выпускѣ IV тома, т.-е. въ «Смутномъ времени», важнѣйшіе опечатки и недосмотры:

Стр. 46. Два раза сказано: іюня. Читай: іюля.
„ 65. Напечатано: въ Соловецкій. Читай: въ Кириллобѣлозерскій.
„ 69. „ 18 марта. Читай: 18 мая.
„ 150. „ Станиславъ Тышкевичъ. Читай: Станиславъ Стадницкій Скуминъ Тышкевичъ.
„ 258. „ 12 мая. Читай: 12 іюля.

Во второмъ изданіи второго тома «Исторіи Россіи:
Въ 23 примѣчаніи на стр. 17 и 18: Вейтера. Читай: Брейтера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413
WIDENER
AUG 9 1995
BOOK DUE
WIDENER
DEC 2 7 1995
DEC 1 2 1995
WIDENER
SEP 13 1995
CANCELLED
WIDENER
OCT 1 8 1995
OCT 2 3 1995
CANCELLED
WIDENER
SEP 10 1996
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
SEP 10 1996
BOOK DUE
WIDENER
NOV 2 7 1995